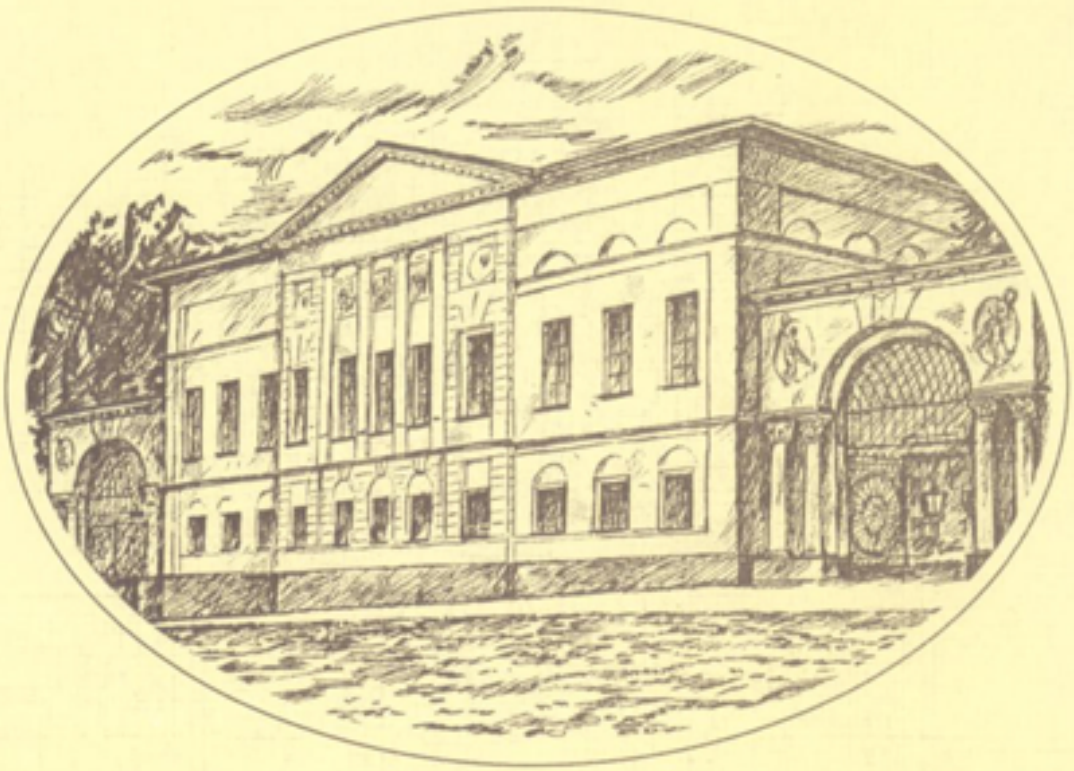

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Министерство образования, культуры и спорта Калужской области

Государственное учреждение культуры
«Калужский областной краеведческий музей»

Некоммерческое партнерство «Русская усадьба»

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы XII Всероссийской научной конференции 3—5 апреля 2007 г.,
посвященной 110-летию образования Калужского областного краеведческого музея
и 230-летию Калужской губернии

Калуга — 2008

ББК 63.А(2)
В748

Редакционная коллегия: ***И.В.Шмытова***, к.б.н., заместитель генерального директора Калужского областного краеведческого музея по научной работе; ***В.А.Бессонов***, к.и.н., доцент, заведующий отделом истории Калужского областного краеведческого музея; ***О.Л.Прошкин***, к.и.н., заведующий отделом археологии и древнейшей истории Калужского областного краеведческого музея; ***Т.М.Хохлова***, заместитель генерального директора Калужского областного краеведческого музея по фондовой работе; ***Е.А.Телеганова***, заведующая отделом природы Калужского областного краеведческого музея.

ISBN 978-5-93999-268-8

Оформление обложки В.М. Типикин

ББК 63.А(2)

Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XII Всероссийской научной конференции. Калуга, 3—5 апреля 2007 г. — Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2008. — 488 с.

Сборник включает материалы XII Всероссийской научной конференции, проходившей 3 —5 апреля 2007 г. в Калужском областном краеведческом музее и посвящен результатам археологических, исторических и естественно-научных исследований в Верхнем Поочье и сопредельных регионах России. Статьи рассчитаны на широкий круг читателей: научных работников, краеведов, студентов.

ISBN 978-5-93999-268-8

© ГУК «Калужский областной краеведческий музей»
© Авторы публикаций

Дорогие друзья!

Позвольте мне поприветствовать всех собравшихся здесь, на Калужской земле, участников Всероссийской научной конференции.

Среди ее участников, помимо калужан, научные работники, преподаватели, краеведы и студенты из Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Тулы и Тульской области, Орла, Смоленска, Брянска, Курска, Воронежа, Ельца.

21 год назад, когда наша конференция проходила впервые, в ней принимали участие в основном ученые из Калуги и Москвы. Напомню, что проходила она по инициативе сотрудников Института археологии РАН и Калужского областного краеведческого музея.

За эти годы было сделано более 700 докладов. Работа ученых здесь приобрела новый, российский статус. Об этом можно судить не только по географии приезда гостей, но и по тематике обсуждаемых проблем.

Круг вопросов, выносимых на конференцию исследователями, обширен. Среди них — методология региональных исследований, методы изучения природных объектов и комплексов Верхнеокского региона, а также сопредельных территорий. Важно, что изданы материалы всех прошедших конференций. Они помогают работе образовательных учреждений.

Сегодняшняя конференция посвящена 110-летию со дня основания краеведческого музея и 230-летию Калужской губернии. Эти замечательные даты нашей современной истории не остались без должного внимания. Я только что посетил выставку «Сокровищница Калужского края» и должен сказать — она впечатляет. Этот музей работает в здании памятника архитектуры начала XIX века — в городской усадьбе Петра Максимовича Золотарева. Ставшее привычным для всех выражение «музей в музее» отражает сегодня удачное сочетание интерьеров усадьбы и экспозиции, созданной замечательным коллективом научных сотрудников музея под руководством его директора — Галины Ильиничны Рояновой. Безусловно, этот коллектив является истинным хранителем и защитником культурного наследия нашего региона.

На территории Калужской области находятся 358 объектов культурного наследия, состоящих на государственной охране. Из них 163 памятника федерального значения. Многие из них пребывают не в самом достойном состоянии. Их вид далек от того, как должны содержаться подобные объекты, как их принято экспонировать. Вряд ли такие памятники могут привлечь многочисленных туристов и экскурсантов. Во многом это связано с отсутствием средств и желания собственников навести порядок. Это крайне безответственно. Хотелось бы отметить, что вокруг памятников истории и культуры возможно и нужно создание полноценной развивающейся социально–экономической среды.

Встает вопрос о дополнительных полномочиях, которые необходимо иметь, чтобы воздействовать на собственников, не выполняющих свои обязательства по надлежащему содержанию как самих памятников, так и территории вокруг них.

На совещании руководителей регионов ЦФО, проходившем в подмосковном Реутове,

рассматривался комплекс вопросов по надзору в сфере охраны памятников.

Речь шла о внесении изменений в федеральное законодательство. Это касается снятия ограничений по приватизации памятников культурного наследия; создания в регионах специальных уполномоченных органов по охране памятников со статусом юридического лица; установления и утверждения охранных зон. Это крайне важно для сохранения памятных мест. Данный вопрос особенно хорошо понятен регионам с богатым историческим наследием.

С 1 января 2008 года органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации передается осуществление следующих полномочий:

— сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности;

— государственная охрана объектов культурного наследия федерального значения, за исключением:

а) формирования и ведения единого государственного реестра объектов культурного наследия народов Российской Федерации;

б) организации и проведения государственной историко-культурной экспертизы в части, необходимой для исполнения полномочий федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций и по охране культурного наследия;

в) согласования проектов зон охраны объектов культурного наследия федерального значения и градостроительных регламентов, устанавливаемых в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения и границах зон их охраны.

Калужской областью в настоящее время начата работа по организации деятельности, необходимой для обеспечения вступления в силу Закона № 258-ФЗ с 1 января 2008 года, в том числе по созданию самостоятельного органа исполнительной власти в этой сфере.

Думаю, что это большой шаг в сторону наведения порядка с сохранением нашего культурного наследия. Каждый сохраненный и восстановленный объект будет способствовать устойчивому развитию целой территории, содействовать созданию новых рабочих мест и пополнению бюджетов.

Калужская область наравне с другими регионами, расположенными в верхнем течении Оки, имеет большие перспективы для развития исторического туризма.

Сохранение сокровищ нашей исторической памяти должно быть приоритетным направлением региональной политики.

Уважаемые участники конференции!

Убежден, что все вопросы, которые вы собираетесь сегодня рассмотреть, имеют важное значение. Желаю вам успешной и плодотворной работы, новых открытий и научных достижений!

Губернатор
Калужской области **А.Д.Артамонов**

Уважаемые участники конференции, дорогие гости!

В нашем крае этот год необычайно богат на юбилеи: 150 лет со дня рождения великого калужанина К.Э. Циолковского, одного из первых российских космистов, 100 лет со дня рождения основоположника гелиобиологии, биофизика и археолога А.Л. Чижевского, 100 лет со дня рождения главного конструктора космических кораблей С.П. Королева. В октябре мы отметим 50 лет со дня запуска нашей страной первого искусственного спутника Земли. Эта дата по праву считается началом космической эры. Это — особый праздник для калужан.

Наконец, в этом году исполняется 230 лет Калужской губернии, 110 лет ведущему в нашей области Калужскому областному краеведческому музею и 20 лет вашей Всероссийской научной конференция «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья».

В настоящее время можно с удовлетворением констатировать, что фактически эта конференция стала всероссийский. Если первые конференции объединяли ученых в основном из Калуги и Москвы, то сегодня среди гостей-докладчиков мы видим ученых, специалистов, аспирантов и студентов из всего Центрального региона России. Мы видим здесь ученых из институтов РАН, российских университетов и институтов, из музеев. Приятно, что среди докладчиков конференции есть учителя школ.

Конференция отличается широтой охвата изучаемых проблем: это вопросы, связанные с изучением памятников археологии, истории и культуры, отдельных природных объектов и комплексов Верхнеокского бассейна, быта славян, их расселения в центральной России, обсуждение границ археологических культур. Это вопросы истории, музеефикации, реставрации музейных предметов, обращение к истории и собраниям усадебных комплексов, к вопросам литературоведения. Характерно, что тематика конференции включает исследования фауны и флоры, экологии и охраны редких видов, геологии и палеонтологии регионов.

Тематика всякой конференции определяется ее устроителями. Мне приятно констатировать, что один из главных организаторов конференции — наш краеведческий музей — постепенно превращается в музей современного типа, превращается, наряду с центром просвещения, в научно-исследовательский центр. В музее работают талантливые ученые, кандидаты наук. Надеюсь, уже в ближайшее время появятся и доктора наук. В наших региональных научных конкурсах, финансируемых на паритетных началах областной администрацией и Российским гуманитарным научным фондом, по числу получаемых научных грантов музей занимает 2—3-е места среди научных организаций.

Безусловно, в этом большая заслуга коллектива музея под руководством его генерального директора Галины Ильиничны Рояновой. Это очень беспокойный и настойчивый человек, профессионал, любящий свое дело и устремленный в будущее. Вот недавно ей удалось уговорить губернатора отдать целое здание (дом Шамиля) для расширения музея.

Если мы хотим воспитать настоящего патриота нашей великой и прекрасной страны, нужно расширять и углублять изучение истории малой Родины во всех ее направлениях, находить в этой истории связующую нить народов, поколений и культур. История любого российского края богата и обворожительна и изучают ее прекрасные люди — российские краеведы.

Позвольте пожелать всем Вам успехов в работе конференции, в достижении поставленных научных целей и принятия добротных решений!

Президент АНО «Калужский научный центр»,
д.ф.-м.н., чл.-корр. РАН **А.В. Дерягин**

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

***О.Л. Прошкин**, к.и.н., зав. отделом археологии и древнейшей истории, Калужский областной краеведческий музей*

Археологическая коллекция Калужского областного краеведческого музея — одна из крупных и значимых фондовых коллекций. В настоящее время она насчитывает 24 605 единиц хранения. История ее формирования насчитывает более столетия. По сути дела, первые археологические находки стали «оседать» в стенах Калужской Ученой Архивной Комиссии (*далее — КУАК*) еще до создания музея. Исторический музей был создан при КУАК 20 апреля (по ст. стилю) 1897 г. и насчитывал всего лишь 5 витрин, первая из которых содержала археологические находки. С момента организации КУАК 28 января 1891 г. в круг ее деятельности сразу же вошло археологическое изучение губернии. Так, на одном из первых заседаний было объявлено о том, что *«необходимо собирать материалы для составления археологической карты Калужской губернии с обозначением на ней городищ, курганов, урочищ»*. Однако археологическая карта губернии увидела свет лишь сто лет спустя — в 1992 г. Но, несмотря на это, членами КУАК и, в первую очередь, ее председателем И.Д. Четыркиным были собраны первые археологические находки, послужившие основой для создания будущего губернского музея.

История формирования коллекции — это, в свою очередь, и история археологических исследований в Калужской губернии, а затем и области. Традиционно историю археологического изучения условно делят на 4 основных этапа или периода — начальный или дореволюционный этап, довоенный этап, затем с конца 1940-х гг. и до конца 1980-х гг. и, наконец, последний или современный этап — с 1990-х гг. XX столетия и до настоящего времени. Каждый из выделенных этапов археологического изучения, в свою очередь, является и этапом формирования археологического фонда музея.

Дореволюционный этап

Данный этап следует во временном отношении начинать с момента создания КУАК и завершать 1910-ми гг. Все археологические исследования и полученные в их результате материалы связаны непосредственно с деятельностью КУАК.

Председателем КУАК И.Д. Четыркиным в 1890-х гг. были изучены некоторые памятники на территории Калуги и ее ближайших окрестностей, а также в различных уездах губернии. Большое внимание исследователь уделял погребальным памятникам — древним курганам. В частности, им были раскопаны курганы по берегам р. Калужки, где были обнаружены остатки погребений, совершенных по обряду кремации умерших, относящиеся к 1-ой половине I тыс. н. э. Находки лепных погребальных урн с остатками трупосожжения в одной из них послужили началом создания археологической коллекции КУАК. Еще одна интересная в научном плане коллекция находок периода раннего железного века происходит с городища у с. Городня близ Калуги, на котором исследователь в 1894 г. *«произвел раскопку»*. В результате было найдено, как отмечалось в отчете ИКУАК, *«большое количество битой глиняной посуды»* и *«грубые костяные поделки»*. Данная коллекция представляет большой интерес в качестве материала, характерного для периода конца I тыс. до н. э. и самого начала I тыс. н. э. Кроме того, И.Д. Четыркин проводил раскопки и на других древних поселениях — городище в устье р. Калужки, в г. Лихвине и др. Но, к сожалению, от его раскопок осталось очень немного.

В конце 1890-х—начале 1900-х гг. археологическая коллекция уже существующего музея в Калуге пополнилась находками из раскопок городища в урочище «Дуна» близ Лихвина, которые проводили там сначала Н.В. Теплов, а следом за ним Ю.Г. Гендуне. В музей поступили и находки с городищ у д. Акиньшино Лихвинского уезда и у д. Городище Тарусского уезда, изучавшихся также Ю.Г. Гендуне в начале 1900-х гг.

Кроме того, сбором древностей в губернии, часть которых также оседала в музее, занимались и другие члены КУАК — П.А. Трейтер, С.А. Никитин, Д.И. Литвинов и др. Тогда же в музей попала и самая многочисленная по тем временам коллекция находок

неолитической керамики с характерным ямочно-гребенчатым орнаментом, которую собрал в 1910 г. В. Ассонов близ д. Воронино на р. Оке.

Следует особо отметить, что через членов КУАК в музей попали древности, собранные как в Калужской губернии, так и в разных уголках Европы. Ярким примером этому является небольшая, но достаточно интересная коллекция античных предметов, хранящаяся в фондах музея.

В целом для начального или дореволюционного этапа археологического изучения губернии и формирования археологической коллекции музея было характерно предпочтение *«курганным древностям»* и городищам. Практически не изучались памятники эпохи каменного и бронзового веков. Однако в результате работ членов КУАК были получены первые материалы, ставшие основой не только коллекции губернского музея, но и до сих пор являющиеся основой решения многих проблем в древней истории Верхнего Поочья.

Довоенный этап

Хронологически укладывается в 1920—30-е гг. С 1910-х и до начала 1920-х гг., также как и в начале 1940-х гг., археологические исследования в губернии не велись. Вероятно, в музей поступали отдельные находки, но к настоящему времени они не фиксируются.

На данном этапе пополнение археологической коллекции музея в количественном отношении сильно уступало предыдущим исследованиям (дореволюционным). Но в качественном отношении — сильно выигрывало благодаря исследованиям К.Я. Виноградова, впервые в губернии открывшего и изучившего до сих пор единственные в своем роде грунтовые могильники эпохи бронзы у д. Михеево и в с. Детчино на р. Суходрев. Так, близ д. Михеево, на месте карьера для гравия, в 1930 г. им были обнаружены остатки грунтовой могилы и собраны кремневые клиновидные и каменные сверленые топоры. В с. Детчино исследователь обнаружил остатки еще двух погребений с инвентарем — глиняной лепной посудой, каменными боевыми, сверленными топорами, кремневым наконечником стрелы. Оба могильника оставлены племенами фатьяновской культуры в 1-ой половине II тыс. до н. э. Находки сразу же поступили в музей и частично заполнили временную лакуну в его коллекции древностей (рис. 1).

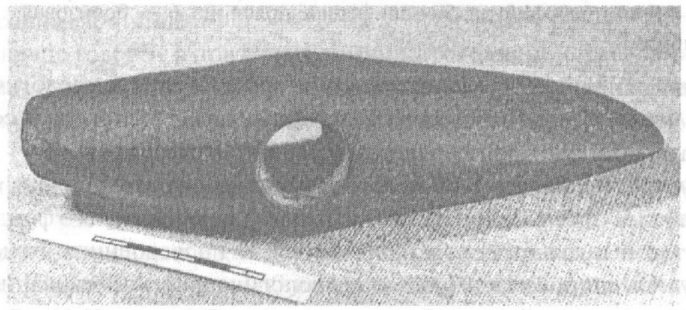

Рис. 1. Каменный боевой топор эпохи бронзы.
С. Детчино, грунтовый могильник. Раскопки К.Я. Виноградова, 1930-е гг.

Еще одна коллекция, полученная также в результате работ К.Я. Виноградова, достаточно хорошо заполнила период раннего железного века. Коллекция включает различные находки из раскопок поселения близ с. Желохово под названием «Певкин Бугор» в пойме р. Оки. Следует также отметить небольшую, но выразительную коллекцию различных предметов из раскопок городища у д. Алтухово на р. Иче в бассейне р. Протвы, проводившихся исследователем в 1920-х гг. (рис. 2).

Один из ведущих археологов того времени, профессор В.А. Городцов в 1923 г. провел широкомасштабные раскопки болотного «Огубского» городища в бассейне р. Протвы, основанного населением дьяковской культуры на рубеже эр. В результате раскопок были сделаны находки, свидетельствующие о высоком уровне материальной культуры обитателей поселения — глиняная посуда, грузики, пряслица, железные ножи и наконечники стрел, бронзовые украшения и мн. др. Однако, практически весь материал поступил в фонды Государственного исторического музея (г. Москва), а в наш музей попала очень маленькая коллекция фрагментов лепных сосудов (благодаря М.Е. Шереметевой, которая принимала участие в раскопках в качестве художника).

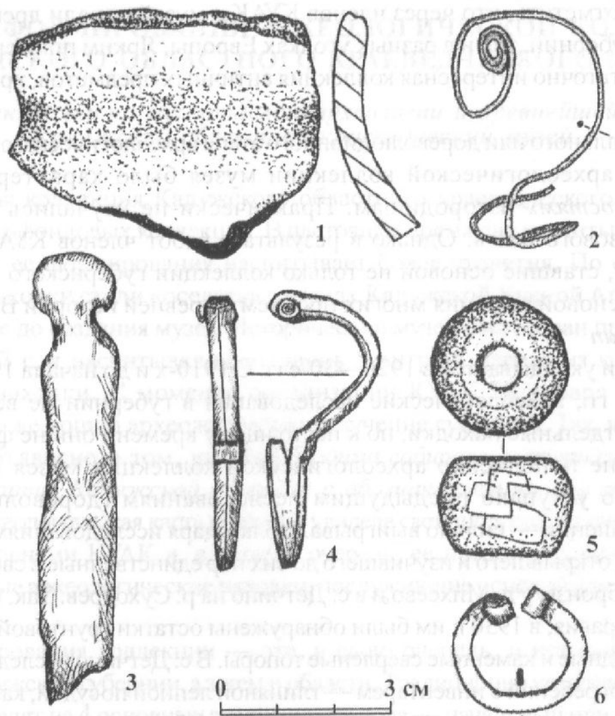

Рис. 2. Коллекция находок из раскопок городища у д. Алтухово К.Я. Виноградовым в 1920-х гг. 1 — фрагмент лепного сосуда, 2 — бронзовое височное кольцо, 3 — костяной кочедык, 4 — бронзовая фибула, 5 — шиферное пряслице, 6 — бронзовая фибула.

Характеризуя довоенный этап исследований и формирования археологического фонда, следует отметить, что он принес очень качественные научные результаты и, соответственно, музейные экспонаты по эпохе бронзы и периоду раннего железного века.

Период с конца 1940-х гг. до 1980-х гг.

Это период наиболее интенсивного формирования археологического фонда КОКМ, как в количественном, так и в качественном отношениях. В послевоенные годы в Калужской области развернулись широкомасштабные археологические исследования, охватившие большую часть ее современной территории.

Приоритет в этих работах принадлежит Т.Н. Никольской, руководившей тогда Верхнеокской экспедицией ИА АН СССР и проводившей разведки и раскопки в области с 1949 г. и до середины 1980-х гг. Фонды музея пополнились большими и очень ценными в научном плане коллекциями находок из раскопок городищ у с. Николо-Ленивец и д. Свинухово, в д. Дешовки, близ д. Вороново и ряда других памятников, позволившими во многом по-новому осветить картину истории древнего населения края в очень широких временных рамках — с середины I-го тыс. до н. э. и до древнерусского периода включительно (рис. 3).

Добрую половину коллекции археологических находок из фондов КОКМ составляют предметы из раскопок двух древнерусских укрепленных поселений — городищ в д. Серенск и в д. Городок. Оба городища связываются исследователями с остатками древнерусских летописных пунктов. Серенск впервые упоминается под таким же названием под 1208 г. в Летописце Переславля Суздальского (ПСРЛ. Т. 41. М., 1995, с. 127). По мнению ряда исследователей, городище в д. Городок является местом древнерусского летописного пункта «Воротинеска», впервые упоминаемого Ипатьевской летописью под 1155 г. (ПСРЛ. Т. 2. М., 1962, ст. 479). Исследования детинца древнерусского Серенска велись Т.Н. Никольской с 1965 г. и до начала 1980-х гг., а раскопки на городище Городок проводились в 1978—79 гг. После проведения камеральной обработки и реставрации находки поступали в фонды КОКМ.

Огромные по числу находок коллекции из раскопок этих памятников включают различные по своему назначению целые серии предметов, многие из которых просто уникальны (рис. 4). В их числе:

1) предметы, свидетельствующие о высоком развитии ювелирного ремесла (литейные формочки, различный инструмент, льячки, непосредственно сами ювелирные изделия — украшения и детали костюма);

2) предметы, свидетельствующие о широкоразвитых торговых связях этих летописных пунктов (крест-энколпион из Киева, стеклянная иконка-литик из Константи-нополя, фрагменты поливной посуды и обломки амфор из Крыма, серебряная денежная гривна новгородского типа, арабская монета — дирхем и т. п.);

3) орудия труда (железные косы и серпы, плужные лемехи, сошники, топоры и т. п.);

4) из Серенска происходит уникальная находка костяной печати, что косвенно говорит о признаках административного управления;

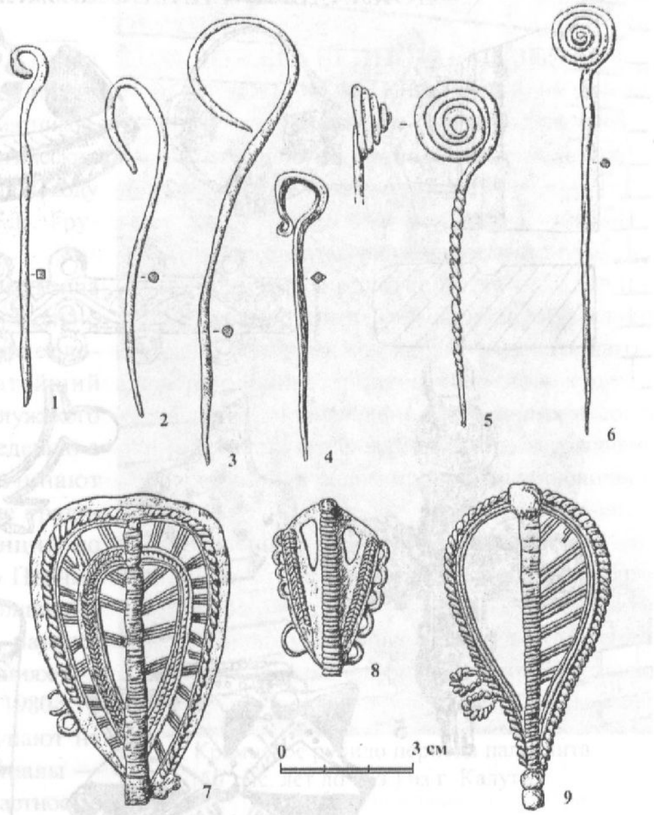

Рис. 3. Коллекция бронзовых булавок раннего железного века из раскопок Т.Н. Никольской в 1950—60-хх гг.

5) предметы, свидетельствующие о развитии военного дела на поселениях (бронзовое навершие булавы, железные наконечники стрел и копий, обрывки кольчуги, шпоры, части сабель и т. п.);

6) предметы, свидетельствующие о присутствии на поселениях представителей высших сословий или, как часто пишут в научной литературе, «быта феодалов» (те же кресты-энколпионы, бронзовые писала и книжные застежки, ювелирные изделия из драгметаллов);

7) предметы, свидетельствующие об интенсивной бытовой деятельности древнерусского населения городищ (глиняная посуда, железные гвозди, замки и ключи, ножи, пряслица и т. п.).

В 1986—88 гг. исследования Серенского городища были продолжены экспедицией КОКМ под руководством Т.М. Хохловой, что позволило пополнить коллекцию новыми материалами, в том числе и уникальными экспонатами (например, терракотовой фигуркой человека из древнерусского жилища первой половины XIII в., рис. 4, *б*).

Следует отметить, что основу древнерусской коллекции предметов и до сих пор составляют материалы многолетних раскопок Серенского городища.

Наряду с работами Т.Н. Никольской в 1970-х гг. И.К. Фроловым проводились исследования не менее интересного в научном отношении памятника археологии — городища у д. Мощины, давшего название целой археологической культуре III—VI вв. н. э. — мощинской. Культурный слой городища содержал находки 2-х периодов — периода раннего средневековья (III—VI вв.) и периода Древней Руси (XII—XIII вв.). В результате раскопок была получена большая коллекция предметов материальной культуры, большая часть которых представлена материалами мощинской культуры (лепная посуда, украшения, предметы быта).

В 1980-е гг. на территории области проводились исследования по изучению археологических памятников разных эпох — от эпохи камня до периода позднего средневековья включительно. Соответственно этому пополнялась и коллекция музея. Именно

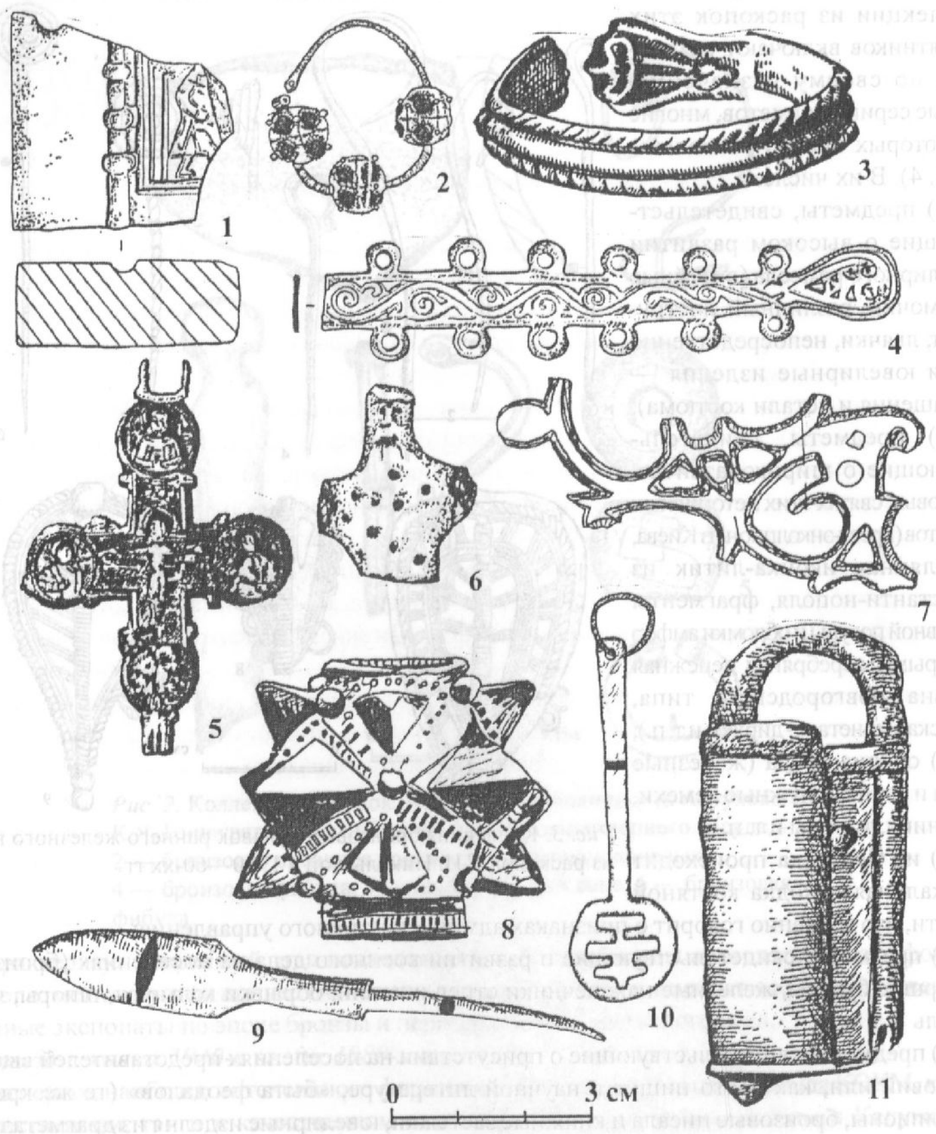

Рис. 4. Коллекция древнерусских предметов из раскопок древнего Серенска (Т.Н. Никольская, Т.М. Хохлова). 1960—80-е гг. 1 — фрагмент каменной литейной формы, 2 — серебряное височное кольцо, 3, 4 — бронзовые браслеты, 5 — медный крест-энколпион, 6 — терракотовая фигурка, 7 — деталь бронзового хороса, 8 — бронзовое навершие булавы, 9 — железный наконечник стрелы, 10, 11 — железные ключ и замок.

в этот период поступило большое число находок эпохи каменного века. Широкие исследования стоянок периодов мезолита-неолита, а также поселений эпохи бронзы проводили Деснинская экспедиция ИА АН СССР под руководством А.С. Смирнова и А.Н. Сорокина, а также Калужская экспедиция ИА АН СССР под руководством А.С. Фролова. Раскопками были изучены стоянки у с. Брагино, у сс. Красное и Рессета, а также у д. Стайки. А.Н. Сорокиным была выделена и обоснована новая археологическая культура периода раннего мезолита — рессетинская.

В 1980-х гг. был восполнен пробел материалов не только эпохи камня, но и периода позднего средневековья, вплоть до XIX столетия. В частности, это относится к интереснейшей коллекции находок, также хранящейся в фондах КОКМ, из раскопок грунтового могильника в Калужском бору. Раскопки проводили Г.К. Патрик (1984 г.), А.С. Фролов (1985 г.) и А.К.Станюкович (1986 г.). Были выявлены остатки уникального для XVIII—начала XIX вв. погребального обряда. Большой интерес представляют керамическая коллекция и

произведения мелкой металлопластики из погребений могильника.

В 1980-х гг. коллекция музея формировалась не только в результате проведения раскопок отдельных памятников, но и в результате проведения археологических разведок А.С. Фроловым (работы по Своду памятников), В.П. Есиповым, Б.В. Грудинкиным и др. исследователями.

Археологические исследования конца 1940-х—80-х гг. не только значительно умножили число предметов археологической коллекции, дав богатейший материал по древней истории Калужского края, но и способствовали их введению в научный оборот. С 1986 г. начинают проводиться, ныне ставшие уже традиционными, научные конференции по археологии и истории Верхнего Поочья. Материалы археологической коллекции стали публиковаться в научных, научно-популярных и краеведческих изданиях — в виде тезисов, статей, книг. С конца 1980-х гг. археологические находки поступают не только в КОКМ, но и в его филиалы — Боровский и Тарусский музеи. В частности,

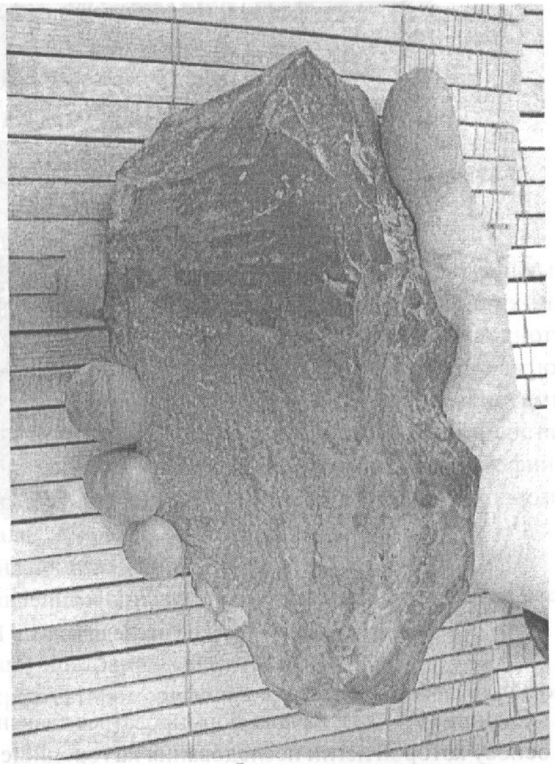

Рис. 5. Кремневое рубило периода палеолита (200—150 тыс. лет до н. э.) из г. Калуги.

археологическая коллекция Боровского филиала стала формироваться с момента начала раскопок городища у д. Маламахово в Боровском районе с 1988 г. под руководством О.Л. Прошкина. Основу же археологической коллекции в Тарусе заложил А.С. Фролов, передав туда находки из раскопок мезолитических стоянок у д. Ладыжино Тарусского района.

Современный период — 1990 гг. и до настоящего времени

Именно с 1990-х гг. археологические исследования в области равномерно ведутся в разных направлениях. Проводятся раскопки и разведки, изучаются памятники всех эпох и периодов. Одним из основных видов археологической деятельности стали работы различного характера, проводимые на объектах новостроек. В последние 10 лет данное направление становится преобладающим. Работы проводятся не только силами центрального научного учреждения страны — ИА РАН, но и специалистами КОКМ. В 1991 г. в музее был организован сектор археологии при отделе фондов музея, а в 1992 г. был образован самостоятельный отдел археологии и древнейшей истории с функциями хранения археологической коллекции музея.

Значительно пополнилась коллекция предметов каменного века благодаря исследованиям, в основном разведкам, проводимым Б.В. Грудинкиным в Калужско-Алексинском каньоне и в бассейне р. Болвы. В фонды музея поступили первые, достаточно выразительные находки периода палеолита (рис. 5).

С 1995 г. коллекции предметов периодов раннего средневековья (мощинская культура) и позднего средневековья (XIV—XVII вв.) периодически пополняется в результате раскопок городища в с. Воротынск под руководством Г.А. Массалитиной. Городище является укрепленным центром — столицей бывшего Воротынского княжества XIV—XVI вв.

Яркая коллекция находок периода позднего средневековья (XIV—XV вв.) сформировалась в результате многолетних раскопок (с 1995 г.) городища 1 у д. Троицкое Ферзиковского района, которые проводит И.В. Болдин. Городище является остатками летописного города Любутска, впервые упоминаемого в летописях под 1372/3 г.

В 1992 г. и в 1997 г. проводились археологические раскопки на территории г. Козельска (руководители Р.А. Нигматуллин, Г.А. Массалитина), позволившие выявить мощные культурные напластования с большим числом разнообразных находок — от первой половины I тыс. н. э. до позднесредневекового периода (рис. 6).

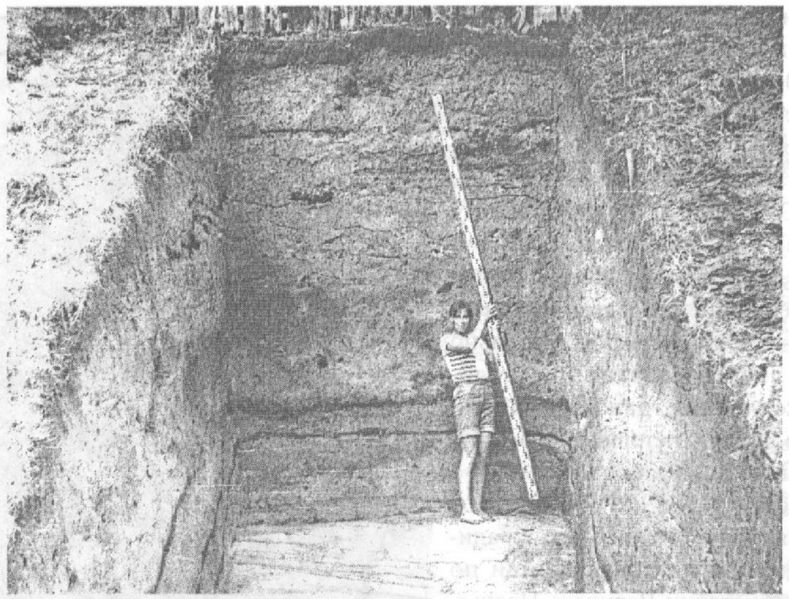

Рис. 6. Археологические исследования в Козельске, разрез вала. 1992 г.

С конца 1990-х гг. начала формироваться славянская коллекция археологических находок, в основу которой легли исследования на городище роменской культуры IX—X вв. в урочище Чертово Городище Козельского района (О.Л. Прошкин). Получена целая серия находок, представляющая славянский этап освоения верхней Оки в IX—1-ой половине X вв. Сюда входят предметы как непосредственно славянского (северянского) круга древностей, так и кочевнического происхождения, а также предметы финно-балтского круга (рис. 7).

Рис. 7. Серебряный дирхем, найденный на городище «Чертово Городище» в 2006 г.

И, наконец, надо отметить тот факт, что в рассматриваемый период формирования археологического фонда значительные поступления находок дают исследования на объектах новостроек Калужской области — раскопки, разведки и археологический надзор. В качестве примера можно привести раскопки на селищах Серенск 1 и 2 и на селище Никольское 2 Мещовского района в 1998—1999 гг., проводившиеся под руководством Т.М. Хохловой и О.Л.Прошкина. Памятники попадали под трассу строящейся автодороги. Однако подобных примеров можно привести, к сожалению, немного. В результате современного интенсивного хозяйственного освоения различных территорий, а особенно процесса градо-строительства, происходит потеря культурного слоя многих памятников археологии.

Одной из характерных черт формирования археологической коллекции на современном этапе является разностороннее изучение артефактов с использованием методов и данных вспомогательных исторических дисциплин и естественных наук. Подобный научный синтез способствует превращению хранящихся в фондах археологических материалов в полноценный исторический источник.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАФИКА XVI—XIX вв. ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ. КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ*

***М.В. Зверева**, к. культурологии, зав. отделом информационного обеспечения, Калужский областной художественный музей*

Проблема изучения и систематизации памятников стоит в ряду наиболее актуальных задач музея. Цель нашего исследования — получить представление о коллекции западноевропейской графики XVI—XIX вв. из собрания Калужского областного художественного музея и одновременно возможно более полно охарактеризовать каждое произведение в отдельности. Методика исследования строится на основе системы комплексного изучения и описания художественных произведений, входящих в состав коллекции оригинальной и печатной графики (рисунков, акварелей, гравюр, литографий), поскольку научная обработка графических произведений в целом проводится по сходному типу[1]. Исследовательская работа включала:

— установление источника поступления произведений;

— описание особенностей бумаги (выявление и описание водяных знаков, полос «верже» и «понтюзо» и т.д.);

— расшифровку подписей и монограмм иностранных мастеров;

— определение имен художников, граверов, авторов оригиналов, рисовальщиков, резчиков, издателей;

— определение сюжета;

— уточнение времени и места издания;

— выявление сведений мемориального и исторического характера: наличия владельческих записей, помет, экслибрисов, каталожных номеров на листах и т.д.;

— описание произведения;

— перевод текстов с иностранных языков на русский (французский, итальянский, английский, немецкий, латинский языки).

Западноевропейская графика составляет более половины всего графического собрания музея и включает около четырех тысяч листов. Практически все эти произведения, за небольшим исключением, поступили в музей из имения князей Горчаковых Барятино Тарусского уезда Калужской губернии. Нам представляется бездоказательным высказывание исследователя И.В. Гужовой, утверждающей, что в инвентарной книге гравюр 1926 года в ряде случаев ошибочно указан источник поступления на том лишь основании, что, по ее мнению, листы «были перемешаны»[2] с гравюрами из других коллекций. В отличие от произведений живописи и предметов декоративно-прикладного искусства, многие из которых действительно «перемешались», все гравюры из усадьбы Барятино были вывезены в папках, о чем свидетельствуют архивные материалы. Записи в инвентарной книге производились последовательно, в соответствии с содержимым папок.

Ядро коллекции рисунков составляют работы итальянских, французских и голландских мастеров XVI—XIX вв. В их числе — рисунки Яна Стена (1625/26—1679) (инв. Г-870), Доменикино (1581—1641) (инв. Г-854), Корреджо (Антонио Аллегри) (1582—1647) (инв. Г-862), Витторио Мария Бигари (1692—1776) (инв. Г-875), Франческо Солимены (1657—1747) (инв. Г-869, Г-876), Караваджо (Микеланджело Меризи да Караваджо) (1571—1610) (инв. Г-855), Жака Куртуа (1621—1675) (инв. Г-811), Антуана Ватто (1684—1721) (инв. Г-861), Клода Жозефа Верне (1714—1789) (инв. Г-797). Среди наиболее интересных работ художников XIX века следует отметить произведения Теодора Жерико (1791—1824) (инв. Г-929, 930), Юбера (Гюбера) Робера (1733—1808) (инв. Г-871, Г-931), Пьера Поля Прюдона (1758—1823) (инв. Г-863).

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 07-04-59407а/Ц).

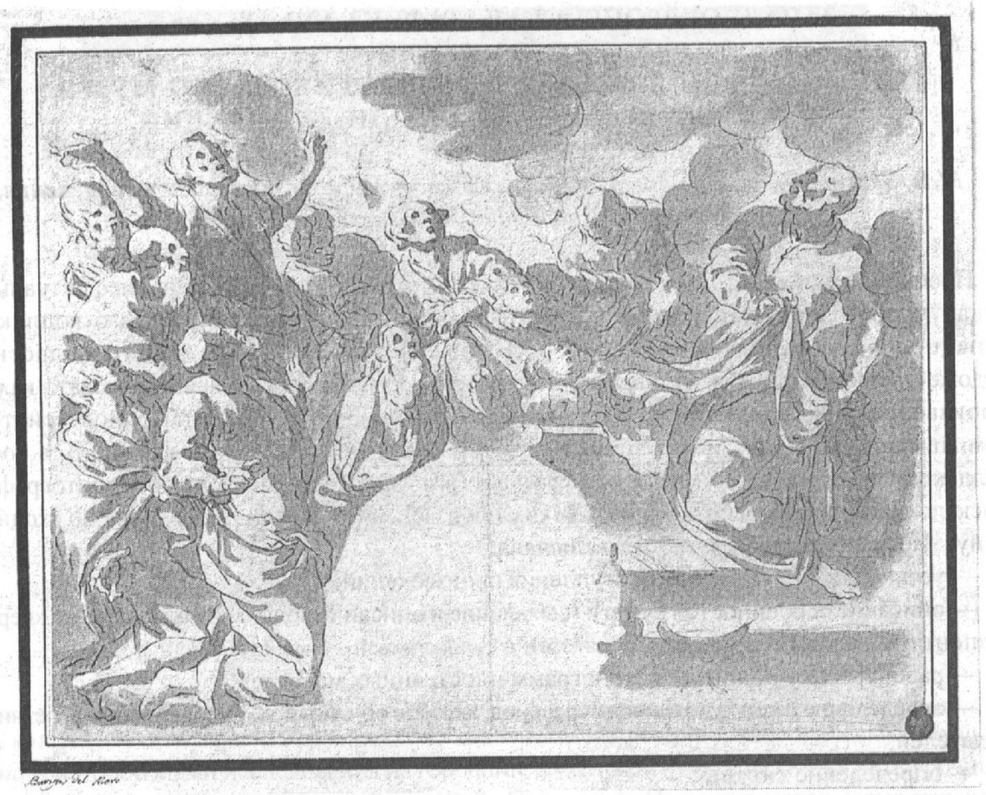

Рис. 1. Батиста Анголо дель Моро (1514—1575). Успение.
Перо, кисть серым и коричневым тоном. КОХМ, инв. Г-852

Полученные в процессе исследования данные позволили уточнить атрибуции и датировки работ из коллекции рисунка. В частности, это работы Теодора Жерико, Джованни Ланфранко (1582—1647) (инв. Г-877), Жана Суксу (XIX в.) (инв. Г-867), Франсуа Франца (XIX в.) (инв. Г-809) и другие.

Установлено авторство ряда следующих произведений. Так, прочтение владельческой записи и сопоставление рисунка с работами итальянских мастеров XVI в. позволило установить автора произведения, записанного в инвентарях как «Вознесение» (инв. Г-852). Этот рисунок принадлежит руке итальянского художника Батиста Анголо дель Моро (1514 Верона—1575), который исполнял декоративные росписи в веронских и мантуанских дворцах и церковных интерьерах. Композиционные особенности данного произведения характерны для изображения взятия на небо (перенесения) души и тела Девы Марии, т. е., УСПЕНИЯ. Рассматриваемый рисунок представляет собой нижнюю («земную») часть композиции, с изображением апостолов, собравшихся у гроба Девы Марии, которые в изумлении смотрят вверх (над группой святых обычно находилось изображение уносимой в небо Девы Марии). Фигуры исполнены в обобщенной манере, лица слегка намечены. Рисунок отмечен большой свободой и лаконизмом в использовании графических средств. Можно предположить, что это подготовительный рисунок художника, предназначенный для работы над фресковой росписью (рис. 1).

Чрезвычайно порывистая, темпераментная, стремительная манера исполнения характерна для итальянского живописца, скульптора и гравера Бартоломео Пинелли (1781—1835). Его мимолетные зарисовки необычайно смелы и выразительны. Листы относятся к одной из серий жанровых сцен из жизни Рима, выполненных автором для альбома (инв. Г-800, Г-823). Аналогичные акварельные рисунки были представлены на выставке из государственных и частных собраний Италии «Искусство вина», организованной Государственным Историческим музеем в 2006 г.

Лист «Отшельник среди развалин храма» Жозефа Варена (Варино) (1741—1789) (инв. Г-799) написан в манере, характерной для французской школы XVIII в., тяготевшей к

живописной декоративности рококо. В этот период большое распространение получили оттиски, с факсимильной точностью передающие все особенности рисунков, пастелей, акварелей и гуашей. Для этого применялась новая для того времени техника — «карандашная манера», в которой много работал Варино. Возможно, этот рисунок был предназначен для дальнейшего репродуцирования.

Французский живописец и рисовальщик конца XVIII—начала XIX в. Шарль Эшар (1748—1810) учился у Ж. В. Декана Старшего в Руане. В 1791 и 1798 гг. выставлял свои работы в Салоне. Особенно известен как гравер. Два его рисунка из серии народных типов (Инв. Г-868) исполнены мягкими, легкими эскизными штрихами карандаша.

Среди произведений немецкой школы нами были исследованы два рисунка, на которых имелись владельческие надписи с указанием фамилий художников: на первом листе стояла помета Ахенбах. Рисунок намечен карандашом с последующей размывкой кистью; выполнен в коричневато-серых тонах (тон сепии). Произведение отличается обостренным ощущением простора, воздуха, света. Однако в XIX в. в Германии работали два брата-пейзажиста — Андреас Ахенбах (1815—1910) и Освальд Ахенбах (1827—1905). Сопоставление рисунка с работами немецких мастеров конца XIX—начала XX в. позволили решить вопрос, кто именно из братьев был автором «нашего» пейзажа: «Берег моря с рыбацкими лодками» (инв. Г-812) принадлежит руке Андреаса Ахенбаха.

Надпись на оборотной стороне второго рисунка гласит: Каульбах. Из братьев Каульбахов нам наиболее известен исторический живописец Герман Каульбах (1846—1909). Тем не менее, Вильгельм Каульбах (1805—1874) не только исполнил серию фресок на мифологические темы (сцены из жизни Психеи) во дворце герцога Максимилиана Бавьерского, но и много работал в графике. Рисунки Вильгельма Каульбаха выполнены большей частью свинцовым карандашом и углем. Именно его руке принадлежит «Сатир» (инв. Г-860) из нашей коллекции. Фигура сатира, представленная в сложном ракурсе, тщательно проработана. Оттенки черного достигают почти живописного эффекта плотности и объемности изображения.

Собрание гравюры включает работы фламандских, голландских, итальянских, французских, немецких, английских мастеров XVI—XIX вв. Из мастеров XVI—начала XVII в. следует отметить нидерландцев Хендрика Голциуса (1558—1617) (инв. Г-417), Эгидия Саделера (1570—1629) (инв. Г-240), братьев Яна и Лукаса Дойтекюм (работали в 1555—1559) (инв. Г-430). Нельзя не упомянуть столь блистательных мастеров голландской школы, как Абрахам Блумарт (1564—1651) (инв. Г-433), Корнелис Блумарт II (1603—1680) (инв. Г-434), Фредерик Блумарт (1610—1669) (инв. Г-428), Абрахам Блотелинг (1640—1690) (инв. Г-2231), Якоб де Гейн II (1565—1629) (инв. Г-485), Герард де Лересс (1641—1711) (инв. Г-459), Йонас Сейдерхоф (1613—1686) (инв. Г-431), Ян Ван де Велде Младший (1593—1641) (инв. Г-426), Якоб Хаубракен (1698—1780) (инв. Г-480), Якоб Андреас Маттам (1571—1631) (инв. Г-1, Г-422), Корнелис Висхер (1628/1629—1658) (инв. Г-451), Корнелис Корт (1533—1578) (инв. Г-483).

Мастерская Рубенса представлена лучшими работами его учеников и последователей: Корнелиса Галле Старшего (Инв. Г-442), Корнелиса Галле Младшего (1615—1678) (инв. Г-43), Лукаса Ворстермана Старшего (1595—1675) (инв. Г-18, Г-20, Г-45, Г-46, Г-64, Г-65, Г-466, Г-467, Г-436), Пауля Понтиуса (Инв. Г-458), Яна Витдука (инв. Г-437), Рихарда ван Орлей (инв. Г-454), Боэциуса Адамса Болсверта (инв. Г-450) и Схелте Адамса Болсверта (инв. Г-460). В фонде музея хранятся произведения многих известных фламандцев: Роберта Ван Ауденарта (1663—1743) (инв. Г-519, Г-520), Питера де Балью (инв. Г-58) (1613—1692), Николаса де Брейна (инв. Г-490) (1565/71—1571), Губерта Квеллина (инв. Г-1961) (1619—1687), Жака Кулеманса (1670—1735) (инв. Г-595), Валантена Лефебра (инв. Г-2) (1642—1682), Корнелиса Схюта (инв. Г-477, Г-478) (1597—1655), Хендрика Снейерса (инв. Г-438) (работал в 1630—40-х гг.).

Заметное место в собрании занимают произведения мастеров итальянской школы: Джованни Орланди (работал в 1580—1640 гг.) (инв. Г-516), Филиппа Томассена (1546—1619) (инв. Г-540), Франческо Чеки-Конти (работал в 1640-х гг.) (инв. Г-499), Джованни Вольпато (1738—1803) (инв. Г-408), Йозефа Вагнера (1706—1781) (инв. Г-524), Джованни Баттиста Пиранези (1720—1778) (инв. Г-349—387), Франческо Ванни (1563—1610) (инв. Г-497), Аннибале Карраччи (1560—1609) (инв. Г-587), Джованни Марко Питтери (1702—1786)

(инв. Г-53, Г-505), Франческо Поланцани (1700—1783) (инв. Г-389—407), Пьетро Теста (1611—1650) (инв. Г-528), Камилло Тинти (1738—1796) (инв. Г-409), Батиста Джованни Франко (Семолеи) (1498/1510—1561/1563) (инв. Г-498), Сальватора Розы (1615—1673) (инв. Г-494, Г-495, Г-496) и других.

В Англии расцвет гравюры пришелся на XVIII век. Блистательным мастером пейзажной гравюры был Уильям Томас Вуллет (1735—1785) (инв. Г-320), много работавший для издательства Джона Бойделла. В состав коллекции входят произведения и других известных английских мастеров гравюры: Джона Баптиста Джексона (1700—ок.1777) (инв. Г-304), Питера Беназека (ок.1730—после 1783) (инв. Г-127); Франсуа Вивареса (1709—1780) (инв. Г-328); Томаса Кирка (1765—1797) (инв. Г-312); Джеймса Колдуэлла (1739—не ранее 1780) (инв. Г-321).

Из мастеров немецкой школы следует отметить работы Гендрика ван дер Борхта Младшего (1614—?) (инв. № Г-479), Карла Гуттенберга (1743—1790) (инв. Г-185), Иоганна Георга Бергмюллера (1688—1762) (инв. Г-620), Филиппа Андреаса Килиана (1714—1759) (инв. Г-586), Иоганна Лейпольда (XVII в.) (инв. Г-205), Бернхарда Роде (1725—1797) (инв. Г-265—273), Бернхарда Фогеля (1683—1737) (инв. Г-583), Иоганна Даниэля Херца Старшего (1693—1754) (инв. Г-610).

Наиболее обширной является группа произведений французской школы. Среди них — гравюры Маттеуса Грейтера (инв. Г-567, Г-525), Шарля Симоно (инв. Г-190), Жана Батиста Пуайи (инв. Г-41), Симона де Ла Валле (инв. Г-65), Франсуа Тортеба (ок.1600/1616—1690) (инв. Г-5, Г-3), Жана Морена (ок. 1590—1650) (инв. Г-64), Никола Пито (1634—1671) (инв. Г-61), Жерара Одрана (1640—1703) (инв. Г-178, Г-179, Г-180, Г-181, Г-182), Пьера Эмбера Древе (1697—1739) (инв. Г-69), Луи Депласа (инв. Г-71), Никола Дюпюи (1696—1776) (инв. Г-73, Г-74, Г-75), Никола де Лармессена (1684—1755) (инв. Г-80), Никола-Анри Тардье (1674—1749) (инв. Г-82, Г-81), Жана Муаро (1691—1762) (инв. Г-97), Жака Филиппа Леба (1707—1783) (инв. Г-100), Пьера Авелина (1702—1760) (инв. Г-83), Грегуара Юре (Гюре) (1606—

Рис. 2. Абрахам Босс (1602—1676). Школьная учительница.
Офорт, резец. КОХМ, инв. Г-562

1670) (инв. Г-13—Г-39), Жана Батиста Оссара (1679/80—1749) (инв. Г-603), Бенуа II Одрана (1700—1772) (инв. Г-52). Абрахам Босс (1602—1676) (инв. Г-208, Г-562) известен своими гравюрами на жанровые темы, в которых он воспроизводил «все то, что каждый день происходит в жизни горожан, и делал это так правдиво, что нельзя пожелать ничего большего»[3] (рис. 2). Босс много работал над технической стороной гравюры, а в 1645 г. опубликовал трактат по технике гравирования — «Traicté des Manières de Graver en Taille Douce sur l'Airin», — пользовавшийся большим спросом вплоть до начала XX в.

Рис. 3. Жак Шарль Белланж (работал в 1595—1616). Апостол Иаков. 1610—1616 гг. Офорт, тронутый резцом.
Единственное состояние. КОХМ, инв. Г-626

При изучении коллекции гравюры прежде всего необходимо было расшифровать имеющиеся на листах подписи и монограммы, чтобы установить имена граверов, авторов оригиналов, рисовальщиков, резчиков, издателей. Далее было проведено исследование бумаги, определение сюжета, прочтение текстов на листах и так далее. Одним из наиболее важных моментов является определение состояния гравюры. Известно, что на пробных оттисках и отпечатках «до подписи» фамилия гравера не значится, но именно эти листы ценятся наиболее высоко. Это же относится к гравюрам, известным лишь в единственном состоянии. Наличие таких произведений свидетельствует о высоком уровне собрания. В процессе исследования нами были выявлены листы, исполненные такими известными мастерами, как Лукас Ворстерман (инв. Г-436), Схелте Адамс Болсверт (инв. Г-491), Виллем Паннельс (инв. Г-481), Эгберт ван Пандерен (инв. Г-482), Захарий Долендо (инв. Г-597, Г-598, Г-599, Г-600).

Следует особо отметить три редчайших офорта одного из самых загадочных художников конца XVI—начала XVII века, яркого представителя позднего маньеризма Жака Шарля Белланжа (работал в 1595—1616) — придворного художника герцогов Лотарингии Карла III и Генриха II. Первый офорт (инв. Г-626) записан в инвентаре как произведение неизвестного художника, без датировки, под названием «Пожилой мужчина в плаще и широкополой шляпе». Лист анонимный: на нем нет ни надписей, ни монограмм, ни номеров. В результате проведенного исследования было установлено, что на офорте изображен апостол Иаков, брат Иоанна Евангелиста. В левой руке Иаков держит посох странника, на голове — широкополая шляпа. Его особый атрибут — раковина. Белланж изображает апостола в состоянии крайней экзальтации, его жесты и мимика выражают сильнейшие чувства и страсти, передавая ощущение высочайшего напряжения духовных сил (рис. 3). Второй лист (инв. Г-627) значится в музейной документации как «Женщина в тунике и широком плаще» работы неизвестного мастера. Нами было установлено, что этот офорт, как и предыдущий, относится к той же «апостольской» серии. На нем изображен Святой Симон Зилот. Белланж придает апостолу изысканный внешний облик придворного своего времени, изображает его в элегантной позе, с улыбкой на лице. Богатая тональная разработка, живописность и красочность достигнуты офортом с минимальным добавлением резца. Третий лист (инв. Г-628) записан в инвентаре

Рис. 4. Уильям Дикинсон (1746—1823). Сельский клуб. По оригиналу Банбери. Пунктир, резец, офорт. КОХМ, инв. Г-305

Рис. 5. Томас Райдер (1746—1810). В парке дворца короля Наварры. 1793. Пунктир, резец, офорт. КОХМ, инв. Г-309

под следующим названием: «Стоящая спиной к зрителю женщина в широком плаще с раскрытой головой». Автор неизвестен. Этот офорт оказался из той же серии, что и два предыдущих. На нем — Иаков Меньшой, который обычно отождествляется с «братом Господним». В композиции Белланжа апостол смело изображен со спины. Причудливый контур фигуры Иакова с эффектной драпировкой сообщает листу особую выразительность. Произведение пронизано ощущением неразгаданной тайны, тревожной мистики. Описанные нами листы представляют собой яркие образцы оригинального художественного видения Белланжа, неповторимого своеобразия его художественной манеры.

XIX век занимает особое место в истории гравюры. В этот период происходит конфликт между классической гравюрой, система которой сложилась в основном в XVII в., и новой гравюрой, создававшейся крупнейшими художниками эпохи. Ученик Дж.-Б. Чиприани Ричард Ирлом (1742/1743—1822) (инв. Г-319) много экспериментировал в области сложных техник гравирования: меццо-тинто, пунктир, карандашная манера. Наряду с традиционными техниками (резцовая гравюра, офорт, обрезная ксилография) большое распространение получает литография, изобретенная в 1796 г. А. Зенефельдером. Литография проникает во все сферы культурной жизни общества, появляется большое количество литографированных альбомов. В собрании музея гравюра XIX в. представлена произведениями таких мастеров, как Жан Жак Авриль Старший (1736/44—1831) (инв. Г-219), Огюст Аллонже (1833—1898) (инв. Г-2581), Жюль Бари (1825/30—1905) (инв. Г-2399), Пауль Барфус (1823—1895), (инв. Г-331), Ноэль Франсуа Бертран (1785—1852) (инв. Г-196, 197), Роберт Бейшлаг (1838—1903), (инв. Г-2416), Карл Вагнер (1796—1867) (инв. Г-341), Жером Данзель (1735—1810) (инв. Г-186, 187), Карло Антонио Порпорати (1741—1816) (инв. Г-537), Николо Кавалли (1730—1822) (инв. Г-500, Г-501, Г-506), Франческо Розаспина (1760—1842) (инв. Г-508), Кристиан фон Мехель (1737—1817) (инв. Г-223), Франческо Бартолоцци (1727—1815) (инв. Г-414, Г-415), Френсис Джукес (1747—1812) (инв. Г-329), Анджело Квальо Старший (1778—1815) (инв. Г-577, Г-578), Йохан Георг Вилль (1715—1808) (инв. Г-78, Г-79, Г-157), Балтазар Антон Дункер (1716—1807) (инв. Г-256, Г-257, Г-258, Г-259, Г-262, Г-263), Георг Хаккерт (1755—1805) (инв. Г-244—255, 160, 261), Уильям Дикинсон (1746—1823) (инв. Г-305) (рис. 4), и других. Большой интерес представляет серия листов английских мастеров, исполненных для Шекспировской галереи Бойделла: произведения Роберта Тью (1758—1802) (инв. Г-308, 310), Томаса Райдера (1746—1810) (инв. Г-309) (рис. 5), Питера Саймона (1750—1810) (инв. Г-307, 311, 314).

Таким образом, полученные в процессе исследования данные позволили уточнить атрибуции и датировки многих работ. Собраны биографические сведения о ста девяноста двух западноевропейских мастерах XVI—XVIII вв. Установлено авторство ряда произведений оригинальной и печатной графики.

Примечания

[1] При исследовании использованы следующие источники: Bartsch A. Le Peintre-graveur. 21 vols. Vienna, 1802—1821; Bénézit E. Dictionnaire critique et documentaire des peintres, sculpteurs, dessinateurs et graveurs de tous les temps et de tous les pays par un groupe d'écrivains spécialistes français et étrangers. Nouvelle édition entièrement refondue sous la direction de Jacques Busse. 14 vols. Paris, 1999; Hollstein F. W. H. Dutch and Flemish etchings, engravings and woodcuts, ca. 1450—1700. Amsterdam, 1949—... (издание не закончено); The New Hollstein F. W. H. Dutch and Flemish etchings, engravings and woodcuts. Amsterdam, Rotterdam. 1998 (издание не закончено); Le Blanc Ch. Manuel de l'Amateur d'estampes. 3 vols. Paris, 1850—1888; Lugt Frits. Les marques de collection de dessins et d'estampes. San-Francisco, 1975; Nagler, G. Neues allgemeines Künstler-Lexikon oder Nachrichten von dem Leben und Werken der Maler, Bildhauer... 22 Bde. Münich, 1835—1852; Niederländisches Künstler-Lexikon auf grund archivelischer forschungen bearbeitet von Dr.Alfred von Wurzbach mit mehr als 3000 monogrammen. Wien und Leipzig, 1906—1911; Thieme U., Becker F.Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. 37 vols. Leipzig, 1907—1950.

[2] Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 15. Калужский областной художественный музей. Авт.-сост. И. В. Гужова. М., 2006. С. 25.

[3] Le Blanc. Manuel des amateurs d'estampes. Paris, 1854. T.1. P.470.

КОЛЛЕКЦИЯ ОРУЖИЯ И ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ В ФОНДАХ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

***В.А. Бессонов**, к.и.н., зав. отделом истории,*
Калужский областной краеведческий музей

В музейных собраниях всего мира особое место занимают предметы оружия и защитного вооружения. Эти памятники материальной культуры выделяются в первую очередь своим функциональным назначением — служить средством защиты и нападения. Оружие является неизменным атрибутом войны, главной принадлежностью охоты, обеспечивает безопасность, подчеркивает социальный статус и этническую принадлежность, обозначает должность и звание, используется на состязаниях, выступает наградой и т.д. Будучи важной составляющей жизни человеческого общества, оружие и защитное вооружение неизменно создавалось с учетом самых современных достижений науки и техники. При этом не последнее место занимало эстетическое начало. Стремление к совершенству формы и содержания является отличительной чертой оружейного дела. Поэтому вполне закономерно, что многие образцы оружия и защитного вооружения являются произведениями декоративно-прикладного искусства. К этим предметам всегда относились с особой бережностью, стараясь их сохранить, и именно они становились одним из главных объектов коллекционирования. Немаловажное место оружие и защитное вооружение занимает в музейной практике. Благодаря своей атрактивности (образности) эти предметы позволяют наиболее эффективно реконструировать военно-исторические события, а также способствуют получению целостного представления о быте и нравах общества.

Коллекция оружия и защитного вооружения Калужского областного краеведческого музея отличается своей представительностью и наличием редких образцов. С 2006 г. эти предметы основного фонда были выделены из состава коллекции «Металл» в отдельную коллекцию — «Оружие, защитное вооружение и боеприпасы», которая на сегодняшний день включает в себя 584 единицы хранения основного фонда. Это предметы оружия и защитного вооружения российского, западноевропейского, американского и восточного производства, относящиеся к XV—первой половине XX вв. (более ранние предметы оружия и защитного вооружения хранятся в коллекции «Археология»). Большую часть коллекции (52 %) составляют образцы холодного оружия — 304 предмета. Ручное огнестрельное оружие насчитывает 170 единиц хранения, артиллерийских орудий — 9, комбинированного — 3, метательного — 3, пневматического — 1. Защитного вооружения (доспехи и их части, кольчуги, щиты, шлемы, каски) — 33 единицы. Кроме того, в собрание были включены боеприпасы, средства применения, оружейные магазины, саперные принадлежности и др. (61 единица). В коллекции представлены самые разнообразные по своему функциональному применению образцы оружия и защитного вооружения: армейские, охотничьи, гражданские, спортивные, дорожные, ритуальные, церемониальные, детские и др. Более трети из них содержат сведения о производителях, в числе которых встречаются известные оружейники, такие как Иоганн Андреас и Иоган Якоб Кухенрейтеры, Жиль де Селье, Йохан Йунг, Антон Винсенс Лебеда, Генри Густав Дельвинь, Евгений Лефоше и др.

Начало формирования музейного собрания было положено собирательской деятельностью Губернского исторического музея при Калужской ученой архивной комиссии, открытого 2 мая (20 апреля) 1897 г.[1] Основным источником поступления были частные лица, жертвовавшие или продававшие отдельные предметы оружия и защитного вооружения. После открытия в 1914 г. в Калуге естественно-исторического музея «На благое просвещение» им. А.А.Рыжичкина в нем также начала формироваться своя коллекция оружия, в состав которой вошли образцы, привезенные из Азии, Америки и даже Африки. Особое место в этом собрании занимала прекрасно подобранная коллекция инженера флота А.К. Монеро дю Мэна (46 предметов). С началом Первой мировой войны оба музея активно включились в собирательскую деятельность предметов, относящихся к этой войне. В первую очередь это были трофейные образцы холодного и огнестрельного оружия, доставленные с мест боевых действий. После Революции началось постепенное

«объедание» калужских музеев. В начале 1920-х гг. коллекция оружия существенно пополнилась предметами из национализированных усадеб: Горчаковых — Барятино Тарусского уезда, Гончаровых — Полотняный Завод Медынского уезда, Кашкиных — Прыски Козельского уезда. Наиболее крупным и ценным было поступление предметов из собрания Горчаковых в Барятино (136 единиц). Тогда же, через административный орган — Губмузей, в исторический музей была передана находившаяся в эвакуации коллекция польского просветителя Ю.-У. Немцевича, в составе которой были 3 сабли, одна из которых, как считалось, принадлежала польскому королю Стефану Баторию[2]. Все поступившие в музей предметы нашли свое место в новой экспозиции, открытой 7 ноября 1922 г., которая разместилась в новом здании — доме купца П.М. Золотарева. Это было, по сути, открытое хранение оружия, получившее название «Военный подотдел». Помещался он на верхней площадке парадной лестницы и в первой комнате второго этажа. В дальнейшем коллекция оружия пополнялась в основном путем поступлений от частных лиц. Целенаправленное комплектование происходило лишь в связи с увековечиванием событий Великой Отечественной войны. Этот процесс начался в 1942 г. и продолжается до сегодняшнего дня[3].

Изучение музейной коллекции началось еще в 1920-х гг. Сотрудник музея П.А. Трейтер в 1926 г. подготовил доклады «Коллекция ружей музея» и «Доспехи и кольчуги музея»[4]. Обстоятельное описание «Военного подотдела» было представлено в изданном в 1929 г. путеводителе по музею, подготовленном В.И. Извековым и М.Е. Шереметевой. После этого долгие годы коллекция специально не изучалось. В 1975 г. для ее описания был приглашен в качестве внештатного сотрудника специалист по военной истории, униформе и вооружению В.М. Типикин. Благодаря его деятельности удалось систематизировать предметы оружия и защитного вооружения и приступить к их целенаправленному изучению. В 1988 г. к работе с коллекцией был привлечен и автор данного сообщения. В 1997 г. на VII научной конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья» были обнародованы результаты исследования вопросов, связанных с формированием коллекции оружия, а в последующее время выявлены предметы, происходившие из усадебных собраний Полотняного Завода и Барятина. Изучение коллекции продолжается до сегодняшнего дня. Из ее состава уже более 70% памятников имеют научные описания, в которых, помимо традиционных паспортных данных, важное внимание уделяется вопросам происхождения и бытования предмета.

В ходе этой работы был выявлен и проанализирован целый ряд уникальных предметов. Например, при изучении хранящихся в музее полудоспехов XVII в. выяснилось, что один из них может быть атрибутирован как изготовленный в Московской Оружейной палате полудоспех 1650-х гг. «начального человека» гусарского полка Х.Ф. Рыльского (КП 11564: нагрудник, наспинник, ожерелье, два наплечника). Этот полудоспех поступил в музей при Калужской ученой архивной комиссии 20 октября 1892 г. из дома Дворянского собрания. В нем, вероятно, находились предметы, собранные в середине XIX в. для музея, который по высочайшему повелению было разрешено открыть в Калуге[5]. Можно предположить, что полудоспех хранился в семье одного из калужан и был передан потомками во вновь учрежденный музей.

По своей форме предмет повторяет польские гусарские полудоспехи типа «полурак». Стальные части предмета украшены медными розетками («гвоздми репейчатыми») и продолговатой формы накладками, имитирующими орнамент из листьев и цветов. Эти декоративные элементы можно встретить в отделке многих предметов защитного вооружения XVII в., выполненных в Московской Оружейной плате. На русское происхождение гусарского полудоспеха указывает и наличие на нагруднике и ожерелье медных двуглавых орлов с поднятыми в верх крыльями. Важно отметить, что в собрании Оружейной палаты до сегодняшнего дня хранится близкий по форме и декоративной отделке полудоспех, описанный в Переписной книге 1686/1687 г.

Вместе с тем, рассматриваемый вариант защитного вооружения не был характерен для русского войска и его появление логично связать с формированием в середине XVII в. в Москве первого гусарского полка тяжелой кавалерии по образцу польских «крылатых гусар» под командованием полковника Х.Ф. Рыльского. При этом можно предположить,

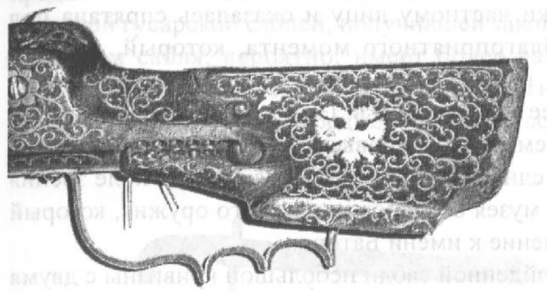
Полудоспех гусарский "начального человека" гусарского полка
Х.Ф. Рыльского. Московская Оружейная палата. Середина XVII в.

что богато украшенные полудоспехи изготавливались в Оружейной палате не для рядовых гусар, а для командного состава — «начальных людей». Полк Рыльского принял участие в Смоленском походе 1654 г. и был расформирован в конце 1650-х гг. Таким образом, можно констатировать, что в Калужском областном краеведческом музее хранится редкий образец отечественного защитного вооружения середины XVII в., относящийся к истории появления в русской армии гусарских полков тяжелой кавалерии[6].

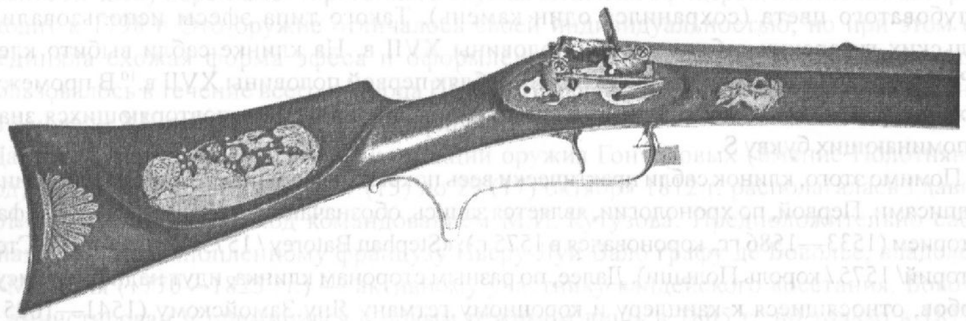
Ружье с колесцовым замком. Московская Оружейная палата(?). Вторая половина XVII в.

С Московской Оружейной палатой может быть связанно своим происхождением и ружье второй половины XVII в. с колесцовым замком (КЛ 4158, общая длина — 1215 мм, длина ствола без хвостовика — 953 мм, калибр канала ствола — 16,5 мм). Данный предмет происходит из имения Барятино Тарусского уезда (коллекция Горчакова)[7]. Ружье имеет восьмигранный нарезной ствол и приклад немецкого типа. Ложе богато инкрустировано

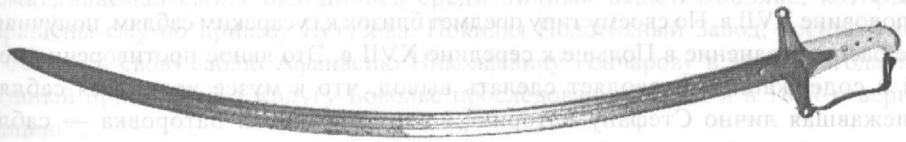
стальным растительным орнаментом, приклад украшен стилизованным двуглавым орлом. Подобное расположение Российского герба на прикладе немецкого типа встречается в ружьях, произведенных в Оружейной палате и сохранившихся в ее собрании[8].

Одно из ружей в коллекции музея — с кремневым испано-мавританским замком — отличается оригинальностью сочетания сюжетов, использованных в украшении ложи (КЛ 4160, общая длина — 1808 мм, длина ствола без хвостовика — 1420 мм, калибр канала ствола — 14 мм). Так, на прикладе с обеих сторон ружья расположены костяные накладки с изображением сцен, иллюстрирующих книгу Бытие Ветхого Завета: жертвоприношение Авраама, Иосиф и братья. В то же время, цевье с правой стороны украшено костяной накладкой, изображающей мифологический сюжет «Леда и лебедь».

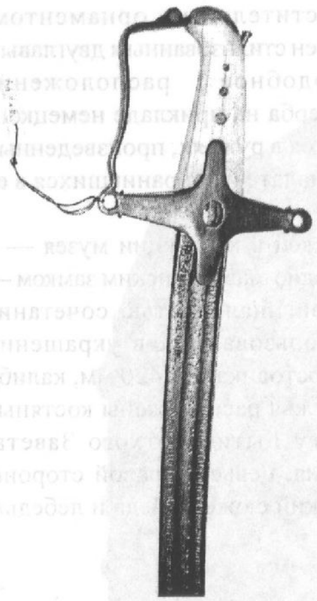
Ружье с кремневым испано-мавританским замком. Нидерландском. Конец XVI в.

Такое сочетание сюжетов позволяет высказать предположение о нидерландском происхождении ружья, которое по конструктивным особенностям может быть датировано концом XVI в.

Гусарская сабля — Баторовка. Польша. XVII в.

Самым, пожалуй, загадочным предметом в коллекции оружия является сабля, связанная с именем польского короля Стефана Батория. Как уже упоминалось, в начале XX в. в Калугу была эвакуирована коллекция Немцевича, в составе которой находился мемориальный предмет, принадлежавший этому королю. Однако после революционных событий сабли, которую можно было бы связать с Баторием, в музее не оказалось. Это видно из сохранившейся учетной документации, в том числе из довоенных книг поступления и инвентарных книг. Никакого упоминания о сабле Батория нет и в путеводителе по музею 1929 г. Вместе с тем, в 1950 г. в музей была доставлена сабля, на клинке которой значилось имя Батория и стояла дата — 1575 г. (КЛ 7221, общая длина — 1035 мм, длина клинка — 892 мм, ширина клинка — 32,5 мм). Эта сабля поступила в музей по акту № 36 от 11 декабря 1950 г. от учащихся Б.Н. Петрунина и С.С. Кирей, которые обнаружили ее во дворе кинофикации, в земле, на глубине 1 м[9]. Возможно, это и была та самая сабля, которая

хранилась в коллекции Немцевича, но вместо музея она попала в руки частному лицу и оказалась спрятана под землей до благоприятного момента, который, по всей видимости, так и не наступил. Это предположение, связывающее найденную в 1950 г. саблю с саблей из коллекции Немцевича, основывается, главным образом, на том, что это единственный из находящихся в поле зрения сотрудников музея образцов клинкового оружия, который имеет отношение к имени Батория.

Клинок найденной сабли небольшой кривизны с двумя долами. В нижней части — двузезвейный. Подобной формы клинки польских сабель относят к XVII в. Эфес сабли состоит из костяной рукояти и замыкающей рукоять передней дужки, переходящей в крестовину с колечками на концах и овальным отверстием в центре. Защитные элементы выполнены из желтого металла, на котором сохранились следы серебрения. Планка спинки рукояти и навершие утрачены. Костяная рукоять с каждой стороны была украшена тремя разного диаметра камнями голубоватого цвета (сохранился один камень). Такого типа эфесы использовались в польских гусарских саблях второй половины XVII в. На клинке сабли выбито клеймо «IPZD», которое встречается на польских саблях первой половины XVII в.[10] В промежутке между долами, вдоль клинка, нанесен пояс из последовательно повторяющихся знаков, напоминающих букву S.

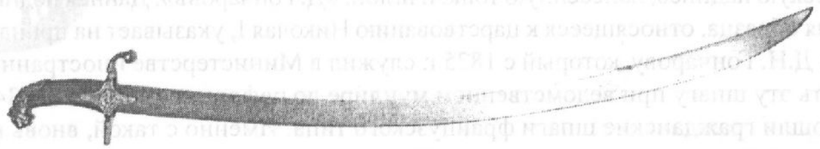
Помимо этого, клинок сабли практически весь покрыт «владельческими» гравированными надписями. Первой, по хронологии, является запись, обозначающая связь сабли со Стефаном Баторием (1533—1586 гг., короновался в 1575 г.): «Stephan Batorey / 1575/ Rex Polonia» (Стефан Баторий/ 1575 / король Польши). Далее, по разным сторонам клинка, идут надписи и рисунки гербов, относящиеся к канцлеру и коронному гетману Яну Замойскому (1541—1605 гг.), великому гетману Литовскому Яну Ходкевичу (1650—1621 гг.), Александру Огинскому (около 1585—1667 гг.), королю Польши Яну Собесскому (1624—1696 гг., коронован в 1676 г.). Кроме того, с левой стороны у пяты, вдоль лезвия гравирована дата «AD 1622».

Рассматриваемая сабля, происходящая, предположительно, из коллекции Немцевича, по имеющимся на клинке надписям гипотетически могла быть принята за саблю, принадлежавшую польскому королю Стефану Баторию. Вместе с тем, сабля имеет не характерную для XVI в. форму эфеса и снабжена клеймом, которое использовалось в первой половине XVII в. По своему типу предмет близок к гусарским саблям, получившим широкое распространение в Польше к середине XVII в. Это явное противоречие между формой и содержанием позволяет сделать вывод, что в музее храниться сабля, не принадлежавшая лично Стефану Баторию, а так называемая Баторовка — сабля, в оформлении которой отдавалась дань уважения Баторию, его сподвижникам и последователям.

Возможно, дата — 1622 г., показанная на сабле вне связи с персональными надписями, указывает нам на реальное время создания клинка. При этом из представленного на клинке списка польских деятелей, наиболее вероятным владельцем сабли мог быть Александр Огинский — отличившийся при осаде Смоленска в 1611 г. и в битве под Хотином в 1621 г., впоследствии ставший каштеляном Трокским. На это, косвенным образом, указывает то обстоятельство, что только его имя на клинке сабли дано без указания социального статуса, который, к тому же, был ниже обозначенных персон. Вместо этого имеется надпись — «P[r]o et focis», которая представляет собой неполную латинскую фразу «Pro aris et focis» — «За алтари и очаги», и может трактоваться как девиз Огинского. Кроме того, имя и следующие за ним латинские слова исполнены иным, чем у остальных, шрифтом и более тщательно. Гусарская сабля, вероятно, использовалась и после смерти предполагаемого владельца. Тогда к клинку могли быть добавлены надписи, в том числе о короле Яне Собесском, и, вероятно, был изменен эфес. Следовательно, на данной стадии изучения

предмета можно подвести следующий итог. Поступивший в 1950 г. в музей образец является польской гусарской саблей, получившей законченную форму во второй половине XVII в. При этом сабля, вероятно, имеет более ранний клинок, изготовленный к 1622 г. и использовавшийся на оружии Александра Огинского.

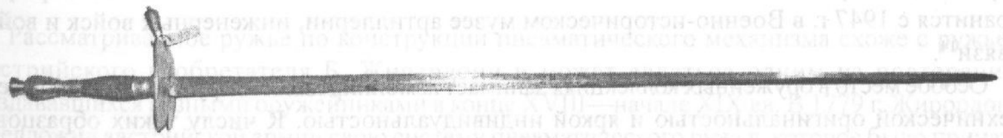
К числу уникальных предметов относиться и сабля штабных офицеров французской

Сабля штабных офицеров французской армии произвольного образца.
Франция (монтировка), Германия (клинок). 1800-е гг.

армии произвольного образца (КЛ 4174, общая длина сабли — 940 мм, длина клинка — 810 мм, ширина клинка — 33 мм, длина ножен — 840 мм). Предположительно клинок изготовлен в Германии, детали эфеса и монтировка произведены во Франции в 1800-е гг. (передняя дужка эфеса сабли утрачена). Изготовитель клинка — Бюхнер (Buchner). Сабля относится к числу нерегламентированного оружия штабных офицеров, появление которого восходит к 1798 г. Это оружие отличалось своей индивидуальностью, но при этом его объединяла схожая форма эфеса и оформление деталей. Подобные сабли широко использовалось в течение всего периода Первой Империи, несмотря на введение штатной сабли модели XII г. (1803/1804 г.) для офицеров штаба[11].

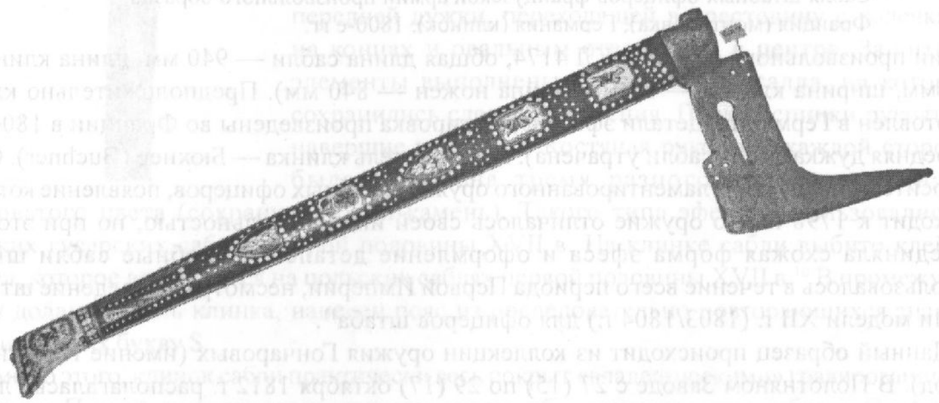
Данный образец происходит из коллекции оружия Гончаровых (имение Полотняный Завод). В Полотняном Заводе с 27 (15) по 29 (17) октября 1812 г. располагалась Главная квартира русских войск под командованием М.И. Кутузова. Предположительно сабля принадлежала военнопленному французу Пьеру-Луи Вало графу де Боволье, владельцу Сен-Марсоля (1770—1825 гг.) — активному участнику вандейского восстания. Боволье был амнистирован и примирился с новым режимом лишь в 1805 г., но только в 1811 г. принят на службу и определен в военную администрацию. В начале 1812 г. получил назначение военным комиссаром 5-й кирасирской дивизии Великой армии. 24 (12) октября 1812 г. Боволье был взят в плен партизанским отрядом полковника Н.Д. Кудашева недалеко от Медыни. 28 (16) октября доставлен в Полотняный Завод и представлен М.И. Кутузову. После оставления русскими войсками Полотняного Завода Кутузов поручил Боволье заботам А.Н. Гончарова, который 21 октября (2 ноября) направил его в Калугу. Возможно, рассматриваемая сабля находилась среди личных вещей Боволье, которые были возвращены ему по приказу Кутузова. Покидая Полотняный Завод, военный комиссар мог оставить свою саблю Афанасию Николаевичу Гончарову в знак благодарности за радушный прием. Через Калугу Боволье проследовал в Рязань и в 1814 г. вернулся во Францию[12].

Гражданская шпага. Россия. 1820-е гг.

Среди мемориальных предметов можно назвать и гражданскую шпагу, принадлежавшую Дмитрию Николаевичу Гончарову (1808—1860 гг.) — брату Натальи Николаевны, в замужестве Пушкиной (КЛ 1301, общая длина — 847 мм, длина клинка — 712 мм, ширина клинка — 16,5 мм, длина ножен без утраченной нижней части — 525 мм). Этот предмет поступил в музей из имения Гончаровых — Полотняный Завод — в 1922 г. и до последнего

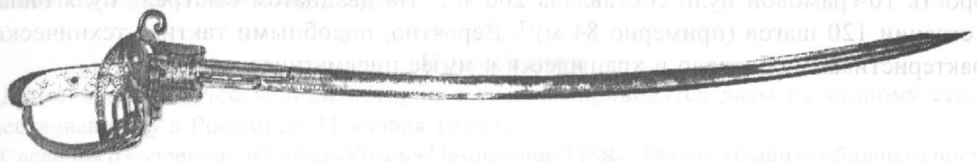
времени не имел мемориального значения. По своей форме шпага напоминает шпагу офицерскую пехотную обр. 1798 г., но с эфесом меньших размеров и узким клинком (передняя дужка эфеса шпаги утрачена). На клинке у пяты имеется травленый растительный орнамент и вензель Николая I. Внимательное обследование образца, проведенное в 2007 г., позволило обнаружить на чашке, со стороны клинка, слабо читаемую владельческую надпись, нанесенную тонкой иглой: «Д. Гончаровъ». Данная подпись и время бытования образца, относящееся к царствованию Николая I, указывает на принадлежность предмета Д.Н. Гончарову, который с 1825 г. служил в Министерстве иностранных дел. Он мог носить эту шпагу при ведомственном мундире до реформы мундиров 1834 г., когда в обиход вошли гражданские шпаги французского типа. Именно с такой, вновь введенной, шпагой при парадном мундире чиновника Министерства иностранных дел изображен Д.Н. Гончаров на портрете неизвестного художника, датированном 5 декабря 1835 г.[13]

Парадный топор саксонских ремесленников-рудокопов. Саксония. 1718 г.

Редчайшим образцом церемониального оружия в собрании музея является парадный топор саксонских ремесленников-рудокопов, датируемый 1718 г. (КЛ 1298, общая длина — 845 мм, длина топорища — 685 мм, длина топора — 215 мм, ширина топора — 235 мм). Этот предмет относится к типу европейских цеховых топоров, служивших символами сословных организаций ремесленников. Топор состоит из фигурного прорезного полотна с широким, оттянутым вверх, лезвием и декоративного топорища, богато украшенного костяными вставками. На этих вставках вырезаны цветы, геометрический орнамент, изображение Распятья и деятельности рудокопов (на правой стороне — «изучение руды», молитва; на левой — поиск месторождения с помощью лозы, работа в руднике). В нижней части топорища, на костяной накладе, с правой стороны нанесена эмблема горняков — скрещенный молот и кувалда, буквы «НРМ» и дата «1718», а с левой стороны — саксонский герб. Этот топор происходит из коллекции оружия Горчаковых (имение Барятино Тарусского уезда). Подобный саксонский цеховой топор, с датами «1728» и «1837», вывезенный, вероятно, из Германии после окончания Великой Отечественной войны в качестве трофея, хранится с 1947 г. в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи[14].

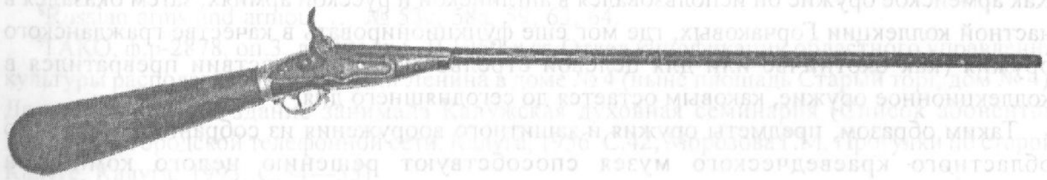
Особое место в оружейных коллекциях занимает комбинированное оружие, отличающееся технической оригинальностью и яркой индивидуальностью. К числу таких образцов в краеведческом музее можно отнести саблю-револьвер, сочетающее в себе холодное и огнестрельное оружие (КЛ 4135, длина сабли — 1030 мм, длина клинка — 830 мм, ширина клинка — 28,4 мм, длина ножен — 843 мм, калибр канала ствола — 8,9 мм). Предмет изготовлен в 1860-х гг. во Франции в мастерской «Франсис Маркиз в Париже» («Francis. Marquis. a Paris»). Клинок сабли вмонтирован в раму шестизарядного шпилечного револьвера, ствол которого и экстрактор расположены с правой стороны клинка, а спусковой механизм в виде складывающегося кольца находится в нижней части рукояти. Стальной эфес состоит из прорезной гарды, имеющей форму чашки с широкой передней дужкой, и

Сабля-револьвер. Париж. 1860-е гг.

стальной рукояти и костяными щечками. Все детали предмета покрыты растительным и геометрическим орнаментом. Вдоль клинка, ближе к пяте, имеется орнаментированная надпись, содержащая сведения о производителе. Предмет поступил в краеведческий музей по акту №3 от 11 июля 1920 г. из музея «На благое просвещение» им. А.А. Рыжичкина[15]. Но в путеводителе по музею 1929 г. указывается, что эта сабля-револьвер «польская 1863 г.». На самом предмете надписей, подтверждающих эти сведения, не имеется. По всей видимости, в памяти музейных сотрудников сохранялись сведения о бывшем владельце оружия, которым мог быть один из участников польского восстания 1863 г.

К числу нетрадиционных образцов оружия относится пневматическое дульнозарядное ружье, выполненное в конце XVIII в. – начале XIX вв. (КЛ 4850, общая длина – 1220 мм, длина ствола – 842 мм, калибр – 11,2 мм). Предмет был изготовлен в Вене, о чем свидетельствует надпись на замочной доске: «in Wien». На центральной грани казенной части ствола в технике всечки серебром выполнена надпись «Lonenz», которая может указывать на имя оружейника. Приклад ружья является резервуаром для воздуха, который закачивался в него специальным насосом. Ствол состоит из цилиндрической трубки и граненой втулки, расположенной в казенной части, которые между собой фиксируются резьбовым соединением. Данный предмет был передан в музей по акту №3 от 11 июля 1920 г., из музея «На благое просвещение» им. А.А. Рыжичкина, куда поступил из неизвестного источника[16].

Пневматическое дульнозарядное ружье. Вена. Конец XVIII в. — начало XIX вв.

Рассматриваемое ружье по конструкции пневматического механизма схоже с ружьем австрийского изобретателя Б. Жирардони и может являться одним из повторений, создававшихся разными оружейниками в конце XVIII—начале XIX вв. В 1779 г. Жирордони предложил австрийской армии свою систему пневматического ружья, которое было принято на вооружение в 1780 г. и состояло в войсках до 1810-х гг. Основное отличие музейного образца от ружья Жирордони заключается в системе заряжания. Ружье Жирордони было казнозарядное и имело специальный магазин на 20 пуль. При этом ствол ружья был жестко зафиксирован на ложе. Ружье, хранящееся в музее, дульнозарядное, с разборным стволом. Ложе его служит лишь для крепления замка с пневматическим механизмом, скобы спускового крючка и казенной части ствола — граненой втулки — длиной 14 см. Кроме этого, имеются незначительные различия в форме замочной доски, курка, отсутствии антабок и др.

Объем воздуха в прикладе ружья системы Жирардони позволял сделать 40 выстрелов, но на практике только первые 20 выстрелов были более-менее однообразными. Начальная скорость 10-грамовой пули составляла 200 м/с. На двадцатом выстреле пуля била на расстоянии 120 шагов (примерно 84 м)[17]. Вероятно, подобными тактико-техническими характеристиками обладало и хранящееся в музее пневматическое ружье.

Английский карабин, переделанный в казнозарядное оружие по системе Крнка. Тауэр (Лондон). 1854 г. Переделан в России после 1869 г.

Следует отметить, что многие предметы в коллекции музея имеют свою неповторимую судьбу, связанную с военной историей России. Так, в музее хранится английский карабин, переделанный в казнозарядное оружие по системе Крнка (КЛ 1342, общая длина — 1030 мм, длина ствола без хвостовика — 578 мм, калибр канала ствола — 15,5 мм). Карабин был произведен в 1854 г. в Тауэре (Лондон), о чем говорит соответствующая надпись на замочной доске. Состоял на вооружении английской армии. На затыльнике приклада выбито полковой клеймо: «I Co I Bn / Rl Aty», которое можно расшифровать как 1-я рота 1-го батальона Королевской артиллерии. Этот предмет, вероятно, был взят в качестве трофея в период Крымской войны. После 1869 г. карабин был переделан по системе Крнка из дульнозарядного в казнозарядный и, возможно, поступил на вооружение российских войск. Оружие, переделанное по системе Крнка, широко использовалось в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.[18] Предмет происходит из имения Барятино Тарусского уезда (коллекция Горчакова). Как видно, английский карабин времен Крымской войны прошел длинный путь. Как армейское оружие он использовался в английской и русской армиях, затем оказался в частной коллекции Горчаковых, где мог еще функционировать в качестве гражданского оружия (как охотничье или для целевой стрельбы), и впоследствии превратился в коллекционное оружие, каковым остается до сегодняшнего дня.

Таким образом, предметы оружия и защитного вооружения из собрания Калужского областного краеведческого музея способствуют решению целого комплекса исследовательских и просветительных задач. Они являются ценным источником для реконструкции облика и вооружения русских и западноевропейских воинов XVII—XIX вв.; демонстрируют варианты бытования и использования военных образцов. Наличие гражданского, в том числе авторского, оружия XVIII—XIX вв. позволяет расширить круг относящихся к данному виду предметов, а также дает возможность получить дополнительные сведения о мастерах и фирмах, работавших в России, Европе и на Востоке. Важным для изучения военной истории представляются комплексы оружия, относящегося к Отечественной войне 1812 г., Крымской войне 1854—1856 гг., русско-турецкой войне 1877—1878 гг., Польскому восстанию 1863 г., Первой мировой и Великой Отечественной войнам. Особую группу представляют мемориальные предметы, связанные с известными личностями. Кроме конкретно-исторических, изучение оружия позволяет решать и музейные задачи, связанные с погружением посетителя в рассматриваемую эпоху. Это направление достаточно активно реализуется в Калужском областном краеведческом музее. В основной экспозиции музея, открытой в 1982 г., представлено 70 предметов основного фонда (12 %) и за последние 10 лет на выставках музея показано около 300 образцов (более 50 %). Насущной остается задача введения в научный оборот сведений о

конкретных предметах, решение которой будет достигнуто путем издания научного каталога. Данное направление является приоритетным в изучении коллекции «Оружия, защитного вооружения и снаряжения».

Примечания

[1]Для событий отечественной истории в скобках приводятся даты по старому стилю, существовавшему в России до 31 января 1918 г.

[2]Сведения о коллекции Юлиана-Урсина Немцевича (1758—1841 гг.) были сообщены в письме Управления музеев Министерства культуры РСФСР директору Калужского областного краеведческого музея от 14 августа 1958 г. В нем говорилось о музейных предметах, эвакуированных в период Первой мировой войны в Калугу из Гродно и Гродненской губернии и поднимался вопрос об их возвращении назад, в Гродненский государственный историко-археологический музей (ГАКО. Ф.р-2878. Оп.3. Д.249. Л.61).

[3]Подробнее, о формировании коллекции оружия, см.: Бессонов В.А. Формирование коллекции оружия Калужского областного краеведческого музея // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тезисы докладов VII конференции 17—18 апреля 1997 г. Калуга, 1998. С. 49—53; Он же. Коллекция оружия из имения Полотняный Завод // Калуга в шести веках: Материалы 3-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2000. С. 140—146; Он же. Выявление предметов оружия из собрания усадьбы Барятино в фондах Калужского государственного объединенного краеведческого музея // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X региональной научной конференции. Калуга, 2003. С. 447—453; Гужова И.В. Забытый музей: Из истории сложения музейного фонда в Калуге в начале XX в. // Калуга в шести веках: Материалы 4-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2003. С.99—100.

[4]Кислицына М.В. Научно-исследовательская работа музея в 20—30-е гг. XX в. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тезисы докладов VII конференции. Калуга, 1998. С.57.

[5]ГАКО. Ф.260. Оп.1. Д.1112. Л.9; Известия Калужской ученой архивной комиссии. Калуга, 1894. №3. С.3.

[6]Государева Оружейная палата: Сто предметов из собрания российских императоров. СПб., 2002. С.117—119; 324—325; Бабулин И. Гусарские полки в русской армии XVII в. // Рейтар: Военно-исторический журнал. 2004. №12. С.31—36; Russian arms and armour. Leningrad, 1982. №19.

[7]ОПИ ГИМ. Ф.54. Д.734. Л.11об.; ГАКО. Ф.р-2879. Оп.1. Д.1. Л.5об.

[8]Russian arms and armour … № 53c, 58a, 59, 63, 64.

[9]ГАКО, ф.р-2878, оп.3, д.143а, л.6. В 1950-х гг. Отдел кинофикации областного управления культуры располагался на площади Ленина в доме № 4 (ныне площадь Старый торг, дом № 4). До революции это здание занимала Калужская духовная семинария (Список абонентов Калужской городской телефонной сети. Калуга, 1956. С.42; Морозова Г.М. Прогулки по старой Калуге. Калуга, 1993. С.54—55).

[10]Квасневич В. Польские сабли. СПб., 2005. С.38-46; Nadolski A. Polska bron: Bron biala. Wroclaw, 1984. S.113—114.

[11]Кулинский А.Н. Европейское холодное оружие. СПб., 2003. С.302, 492; Bottet M. Monographies de l'arme blanche (1789—1870) et de l'arme a feu portative (1718—1900) des armies Francaises de terre et de mer. Paris, 1900. S.48—50, Pl.6.

[12]Бессонов В.А., Попов А.И. Шуан П.-Л. де Боволье в Калужской губернии // Отечественная война 1812 г. и Российская провинция. События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2003. С.46—57.

[13]А.С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины 19 века. Л., 1987. №169; Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII начало XX вв. СПб., 1999. С.227—229.

[14]Кулинский А.Н. Европейское холодное оружие. СПб., 2003. С.458, 542.

[15]ГАКО. Ф.р-2879. Оп.1. Д.1. Л.5об.

[16]ГАКО. Ф.р-2879. Оп.1. Д.1. Л.5об.

[17]Христич В. Ружье, которое испугало Наполеона // Стайер. Ружье. 1996. №2. С.66-69; Lugs J. Hand-Feurwaffen. Berlin, 1981. B.1. S.172-173.

[18]Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб.-М., 1995. С.120, 216—217.

СТОЛПИЦКИЕ ЗАСЕКИ И СТОЛПИЦКИЕ ВОРОТА (КОЗЕЛЬСКИЕ ЗАСЕКИ) — ПОИСКИ СОХРАНИВШИХСЯ ОБЪЕКТОВ

М.П. Жидков, к.г.н., с.н.с.;
Э.А. Лихачева, д.г.н., главн. н.с. , Институт географии РАН,
Г.А. Массалитина, к.и.н., в.н.с., Национальный парк «Угра»

Столпицкая засека является составной частью Козельских засек, устроенных во времена Ивана Грозного в 1563—1566 гг. и реконструируемых в 1638 г. Кроме Столпицкой к Козельским относятся Дубенская, Кцынская и Сенецкая засеки. Положение засечных лесов в целом известно, а отдельные их фрагменты хорошо различимы на топографических картах и космических снимках, особенно в Тульской области, где, вероятно, лишь засечные леса и уцелели. В Калужской области полоса засечных лесов прослеживается не столь отчетливо, часто теряется в обширных массивах лесов или полей и лугов. Положение лесных массивов, судя по приводимым в литературе данным (Бобровский, 2002, с. 76), также неоднократно менялось за прошедшие после последней реконструкции почти четыре века — проводились вырубки лесов в одних местах и лесонасаждения в других. Положение границ засечных лесов и различных сооружений, связанных с ними, как правило, не очень точно, а иногда и неизвестно.

Столпицкие засеки. Для уточнения положения Столпицких засек времен реконструкции 1630-х годов и определения местоположения Столпицких ворот было проведено изучение литературных, картографических материалов, космических снимков и выполнено несколько полевых маршрутов на местности. На карте были отмечены объекты и поселения, упоминаемые в описаниях (Бобровский, 2002) и расположенные по разные стороны засеки, как на русской стороне, так и на польской. В результате была выделена полоса, в которой могли располагаться засечные леса и укрепления. Однако на польской стороне оказались ряд селений: Хрялино, Слободка, Вейно, Грань, Озера, Госьково, упоминающиеся как расположенные на русской стороне. Перечисленные селения составляют единый густонаселенный массив с селениями Белевского района и не отделены от последних ни лесными массивами, ни другими природными рубежами. Очевидно, селения находились на русской стороне относительно Бобриковской засеки.

Вероятно, наиболее достоверным источником о положение засечных лесов Калужской области служат материалы Генерального межевания, проводившегося в 1780—1790 гг., то есть примерно через 150 лет после последней реконструкции засек, закончившейся в 1638 году. За полтора века могли произойти некоторые изменения, но в целом картина была еще близка к существовавшей в середине XVII века. С помощью карты межевания устанавливаются границы засечных лесов и местоположение селений и дорог. Современное селение Слаговище, попадающее в реконструируемую полосу засечных лесов, располагалось ранее на 4 км восточнее в верховьях речки Раздоры, которая носила название Слаговенки.

Интересно, что полоса засечных лесов тянется главным образом по линиям водоразделов рек. Для сравнения было рассмотрено положение Тульских засечных лесов. Оказалось, что они тоже расположены преимущественно на линиях водоразделов.

Валы и рвы по границам засечных лесов сооружались как во время устройства засек, так и в более поздние периоды (Бобровский, 2002). Они представляют вполне определенный интерес как объекты, входившие в систему оборонительных сооружений, так и трассирующие полосу засечных лесов. Некоторые из них были хорошо известны, другие были обнаружены во время полевых маршрутов. Примерно в 1,3 км западнее моста через речку Песочную на шоссе Козельск—Белев, сразу за урочищем Городок, современная лесная дорога пересекает вал и ров. Высота вала 0,5—0,7 м, глубина рва до 1 м. Ров расположен западнее вала — линия прикрывает от проникновения с запада (условно с русской стороны). Вал и ров начинаются вблизи русла Песочной на первой надпойменной террасе, высотой чуть более 2 м, покрытой преимущественно сосновым лесом. В северо-северо-восточном направлении они переходят на пологий борт долины, далее на водораздел и с небольшими внешними

изменениями прослеживаются до шоссе Козельск—Белев. Ров и вал прерываются в районе шоссе и продолжаются в том же направлении севернее. Вблизи шоссе вал и ров сопровождаются укреплениями времен Великой Отечественной войны.

Аналогичные вал и ров пересекают в субмеридиональном направлении бетонку, идущую от станции Слаговище к шоссе Козельск—Белев, в 2,2 км восточнее железной дороги, 2 км южнее урочища Городок на речке Песочной.

На космических снимках (Gooogl) обнаружено изображение, предположительно, фрагмента вала и рва длиной около 200 м. Непосредственно к югу от речки Песочной, на крупной распашке лесопосадки, отчетливо прослеживаются осветленная полоса вала и более темная полоса рва (западнее). Полосы располагаются точно на одной линии с валами и рвами, закартированными на местности севернее урочища Городок и южнее, у бетонки, но на местности пока не были идентифицированы.

Ранее хорошо были известны валы и рвы, обрамляющие лесной массив, расположенный восточнее селения Волосово-Звягино. По границе леса, вблизи заброшенных строений Грязеннского лесничества, в субмеридиональном направлении тянутся ров и вал. Глубина рва до 1 м, высота вала 0,5—0,7 м. Ров находится западнее вала, обращен к защите от западной стороны (со стороны современного поля) и обрамляет современный лесной массив. Многим деревьям на валу явно более ста лет.

Восточная окраина этого лесного массива тоже обрамлена рвами и валами сходного строения, но обращенными для защиты от нападения с востока (ров восточнее вала). В районе пос. Грачевский высота вала 0,5 м, глубина рва такого же порядка. Ширина рва по верху 2,5 м, вала 2,5—3 м. Рвы и валы прослеживаются от южной окраины пос. Грачевский до селения Киреевское и сопровождаются различными укреплениями времен Великой Отечественной войны. Судя по описаниям Столпицкой засеки, приводимыми М.В. Бобровским (2002), участок между Грязненским и Грачевским лесничествами во время реконструкции 1630-х годов был безлесным. На данном участке могут находиться различные оборонительные земляные сооружения, дополняющие рвы и валы на опушках современного леса.

Валы и рвы обрамляли засечную полосу и служили защитой засечных лесов от местного населения (вывоз дров, выпас скота), а также препятствием быстрому передвижению вражеских набегов, особенно с тяжелыми грузами и караванами пленных, в районах редколесья или безлесья. В более поздние времена они использовались как межевые границы.

Проходы через засеки. Для передвижения через линии засек оставлялись проходы, в которых ставились ворота-крепости. Известны описания Столпицких, Дубенских и Кцынских ворот и примерное положение двух первых. Дубенские ворота располагались на реке Дубенке (в верховьях), возможно, в районе современной деревни Городок (Тульская область), на дороге от современного районного центра Ульяново (бывшее село Плохино) на Болхов (Орловская область). Примерно в 10 км к юго-западу от дер. Городок, вблизи поворота засечной черты и стыка Дубенской засеки с Кцынской, находится деревня Казаково — возможное место стоянки казаков, охранявших черту.

Столпицкие ворота располагались на дороге Козельск—Белев в месте пересечения с рекой Песочной, впадающей в Грязну, на левом, польском берегу. Их описание приводится в целом ряде работ (Фальковский, 1997; Бобровский, 2002). Непосредственно западнее современного шоссе Козельск—Белев на правом берегу реки Песочной находится урочище Городок. В 4 км к северо-востоку от моста через Песочную по этому шоссе на карте (Атлас Калужской области, 2002) отмечено урочище Казацкое. В целом картина сходна с описанной у Дубенских ворот.

Дорога Козельск—Белев. Современное шоссе этого направления, в общем, идет по линии старой дороги, изображаемой на картах начала XX века. Она проходит кратчайшим путем и по наиболее удобному во все времена маршруту: переход чрез долину Жиздры по незаболоченному участку поймы, далее по сосновому лесу, среди песчаных дюн; далее по водоразделу Сосенки и Песочной. Далее к Белеву дорога идет преимущественно по водоразделам и выходит на открытые безлесные (как в прошлом, так и в настоящем) пространства. На всем дальнейшем протяжении дорога пересекает лишь две небольшие долины, и то в самых верховьях, Грязны и Сетухи. Можно предположить, что в древности дорога проходила примерно также. На Карте межевания 1780—1790 гг. дорога Козельск—

Белев проходит примерно по этой же линии; возможно, она пересекала реку Песочную несколько западнее современного моста, в районе урочища Городок. Наличие такого названия урочища говорит в пользу того, что здесь проходила дорога. Вблизи современного моста через Песочную, на левом берегу, по разные стороны от современного шоссе имеются две траншеи, обрамленные валами, длинной около 100 м каждая, глубиной до 2 м — вероятно, ямы для пережигания древесины на уголь. Такие ямы могли располагаться в засечном лесу и неподалеку от дороги.

Столпицкие ворота. Н.И. Фальковский (1997, с. 45—46) приводит описание Столпицких ворот: *«Просека шириной в 75—100 саж. в самом узком месте к внутренней линии обороны имеет рубленый деревянный город с четырьмя глухими башнями и двумя проездными (на самой дороге). Город с трех сторон окружен рвом, а с тылу прикрывается речкой Песочной. Просека преграждается восемью линиями обороны. Первые четыре и шестая состоят из одного ряда надолб, пятая и седьмая — из трех рядов надолб. Кроме того, надолбами защищена дорога с обеих сторон укреплений. На передних линиях обороны дорога преграждается тремя опускными воротами, двумя створчатыми воротами с семью опускными колодами. Затем ее седлает городок, за которым опять идут две опускные колоды».* М.В. Бобровский (2002) пишет, что был построен город в четыре башни, защищаемый стенами, с трех сторон выкопанным рвом, а с четвертой — речкой Песочной.

Можно предположить, что Столпицкие ворота располагались вблизи русла Песочной, на ее правом берегу, на второй или первой надпойменной террасе, вблизи урочища Городок. Однако, расстояния по дороге от границ засечного леса до пересечения с Песочной, определяемые по карте межевания, не соответствуют расстояниям в описаниях, цитируемых М.В. Бобровским (2002). Возможно, что ошибки были сделаны при исходных измерениях или при различных переписях материалов, или при пересчете с одной системы измерений на другую. Дорога тоже могла иметь несколько иную протяженность.

Правый берег Песочной был исследован от моста до пересечения долины с линией обнаруженного вала и рва, изгибы которых вблизи реки можно принять за небольшую крепость. Здесь отсутствуют следы башен и ворот, и, очевидно, что это не Столпицкие ворота. Левый берег Песочной был осмотрен примерно на таком же расстоянии, но недостаточно детально. Берега Песочной восточнее шоссе не были обследованы. На космических снимках определенных признаков наличия городища пока не обнаружено.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов. Полосы засечных лесов и укреплений трассировались преимущественно по водоразделам. Дорога Козельск—Белев времен строительства засечной черты также проходила преимущественно по линиям водоразделов и примерно вблизи линии современного шоссе. Столпицкие ворота могли находиться в районе пересечения современным шоссе Козельск—Белев реки Песочной (западнее), на ее левом берегу, южнее урочища Городок.

Рвы и валы обрамляют засечные леса не на всем протяжении. На некоторых участках они, вероятно, создавались одновременно с засеками и входили в пограничную систему укреплений, а позже служили как межевые знаки, способствовавшие сохранению лесов.

Несмотря на изменения вооружения и характера войн, на протяжении сотен лет для укрепленных рубежей выбираются одни и те же места, предопределенные геоморфологическими условиями местности.

Литература

Атлас Калужской области. М.: АСТ-Пресс «Картография», 2002.

Бобровский М.В. Козельские засеки (эколого-исторический очерк). Калуга: Издательство Н.Бочкаревой, 2002. 92 с.

Генеральный план Козельского уезда 1782 г. РГАДА. Ф. № 4.

Фальковский Н.И. Москва и история техники. М.: Янус-К, 1997. 340 с.

БЕЛОКАМЕННЫЕ НАДГРОБИЯ ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ КОНЦА XV—НАЧАЛА XVIII вв.

И.В. Болдин, к.и.н., н.с., Калужский областной краеведческий музей
Г.А. Массалитина, к.и.н., в.н.с., Национальный парк «Угра»
Т.Ф. Бессонова, зав. отделом, Калужский областной краеведческий музей

В настоящее время активизировалось изучение надгробий средневековой Руси: разрабатываются системы описания и атрибуции, ведутся работы по сбору материала и созданию свода памятников (Русское средневековое надгробие XIII—XVII века. Материалы к своду, 2006). Это связано, с одной стороны, с осознанием важности этой категории памятников как особого исторического источника. С другой стороны, специфическое сочетание формы и материала (известняковые блоки) всегда делало удобным использование их в строительстве, что привело к уничтожению большого числа белокаменных надгробных плит.

Пафнутьев-Боровский монастырь, основанный в 1444 г., представляет в этом отношении значительный интерес, так как погребения на его территории совершались уже с конца XV в. Об этом свидетельствуют остатки захоронений людей, большое число разрозненных костей, надгробные плиты и их фрагменты, обнаруженные в ходе археологических и реставрационных работ (Машков, 1912; Хворостова, 1969; Болдин, 1998).

В настоящее время надмогильные памятники Пафнутьев-Боровского монастыря представлены большей частью фрагментами; уцелевшие плиты имеют повреждения или расколоты на части. Значительная их часть использована в качестве строительного материала в XVII—XIX вв. Так, основание колокольни 1690 г. и крыльцо трапезной палаты 1837 г. сложены, в том числе, и из надгробий. В 1994 г. крыльцо трапезной палаты перекрыто бетонными плитами. Судя по размерам, орнаментации на лицевой и боковых поверхностях, плиты, положенные в основание колокольни, были изготовлены в том же XVII в. Планировочные работы в центральной части монастыря, проводившиеся в 1993—94 гг., и археологические раскопки 1993 г. выявили вымостку, сложенную из плоских белокаменных плит, в процессе разборки которой оказалось, что часть этих плит являлась надгробными памятниками. Вымостка, сохранившаяся фрагментарно, вела от Проломных ворот к центральной площади перед собором Рождества Богородицы. Проломные ворота были сделаны в XIX в. По-видимому, и вымостка появилась в это же время. Надгробия, использованные для мощения, имели относительно небольшую толщину (около 10 см). По технике изготовления они разделены на две группы: 1) плиты, орнаментированные на лицевой поверхности треугольно-выемчатым орнаментом (конец XV—XVI вв.) и 2) плиты с надписью, выполненной в технике обронной резьбы (конец XVII—начало XVIII вв.).

Отдельные надгробные памятники монастыря опубликованы ранее (Компанец, 1988, 1991, 1993, 1996; Болдин, Грудинкин, Ефимов, Массалитина, Прошкин, Хохлова, 1999). В 2006 г. были проведены работы по составлению наиболее полного свода сохранившихся надгробных памятников монастыря. В каталог вошли 55 плит и их фрагментов. В рамках этой работы предпринята попытка анализа отличительных особенностей плит и их группировка в зависимости от техники изготовления, формы, пропорций, наличия надписи и пр.

Сохранившиеся надгробия монастыря в настоящее время находятся в разных местах. Часть плит хранится в фондах Боровского филиала Калужского областного краеведческого музея (г. Боровск); другая их часть находится на территории монастыря (основание колокольни, крыльцо трапезной, подклет церкви Митрофания, кельи Братского корпуса). В настоящей статье предложена характеристика плит по группам и их датировка. Группировка плит проведена на основании их размеров и пропорций, орнаментации, наличию надписи и техники ее выполнения. За основу описания плит взяты методические разработки Л.А. Беляева (1996).

Ниже приводятся замечания, общие для всех описываемых объектов:

— изготовлены из известняка;

— находятся в перемещенном состоянии;

— размеры, не восстанавливающиеся полностью, даны в скобках;
— форма записи размеров — *длина х ширина у изголовья /у ног х толщина*;
Подавляющее большинство плит представлено фрагментарным материалом.

1. Плиты, относительно тонкие (около 10 см), с треугольно-выемчатым орнаментом на лицевой поверхности, без надписи. Конец XV—XVI вв.

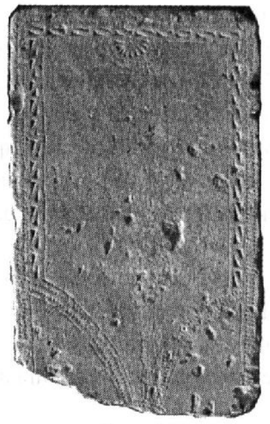

Рис. 1.

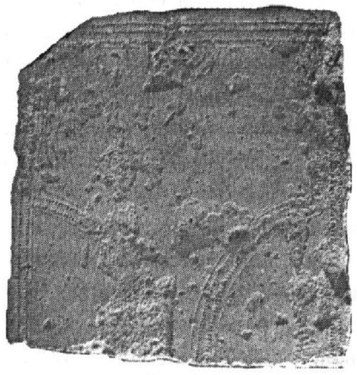
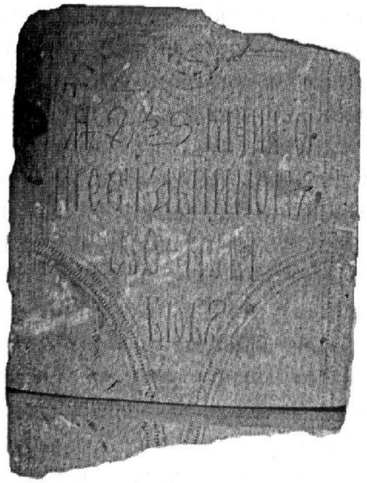

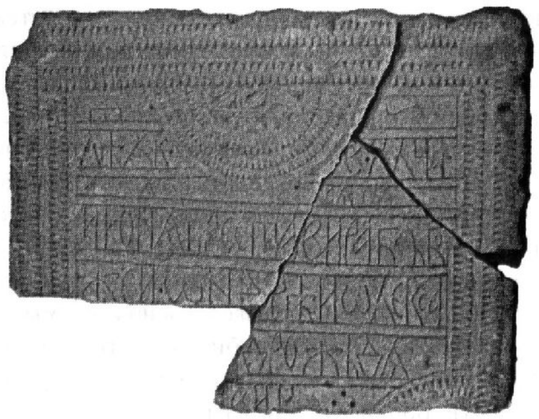
Рис. 2.

Плита на рис. 1. Фрагмент (105) х 65/(59) х 16 см. Сохранилась верхняя часть плиты.
На лицевой поверхности треугольно-выемчатый орнамент. Композиция: бордюр, плечики, два клейма, графья.
Плита на рис. 2. Фрагмент (68) х 63 х 13 см. Сохранилась верхняя часть плиты.
На лицевой поверхности треугольно-выемчатый орнамент. Композиция: бордюр, плечики, клеймо, внутренняя рамка в виде графьи.

2. Плиты, аналогичные первой группе, но с надписью. XVI в.

ЛЕТА 7066 (1558) МАЯ 19 ДЕНЬ
ПРЕСТАВИСЯ ИНОК ОРСЕНИЙ БАБРОВ
Рис. 3.

ЛЕТА 7022 (1514) МЕСЯЦА ИЮЛЯ
ПРЕСТАВИСЯ РАБ БОЖИЙ
ОНДРЕЙ ОЛНКСА…
Рис. 4.

Плита на рис. 3. Фрагмент (78) х 57 х 11 см. Сохранилась верхняя часть плиты.
На лицевой поверхности треугольно-выемчатый орнамент. Композиция: бордюр, плечики, клеймо, внутренняя рамка в виде графьи. Надпись вырезана в 4 строки в верхней трети лицевой поверхности плиты. Высота букв — 7 см, расстояние между строк — 2,5 см.

Плита на рис. 4. Фрагмент состоит из трех частей (50) х 65 х 9,5 см. Сохранилась верхняя часть плиты.
На лицевой поверхности треугольно-выемчатый орнамент. Композиция: бордюр, плечики, клеймо, внутренняя рамка в виде графьи. Сохранилось 5 строк надписи в верхней трети лицевой поверхности плиты. Высота букв — 6 см, расстояние между строк — 1,5 см. Строки разделены графьей.

3. Плиты небольшой толщины со жгутовым орнаментом. Конец XVI—XVII вв.

ЖИ(Й)… ВЪ СЫН РА…
Рис. 5.

7084 (1575/76) ГО… ПРЕСТАВИСЯ…
Рис. 6.

Плита на рис. 5. Фрагмент (30) х (25) х 12 см.
На лицевой поверхности жгутовой орнамент. Композиция: бордюр. Надпись сохранилась фрагментарно (три строки), высота букв — 7 см. Расстояние между строками — 5 см.
Плита на рис. 6. Фрагмент (35) х (32) х 12 см.
На лицевой поверхности жгутовой орнамент. Композиция: бордюр, клеймо, графья. Надпись сохранилась фрагментарно (одна строка), высота букв — 10,5 см.

4. Плиты большей толщины (около 30 см), жгутовой орнамент на лицевой поверхности и с орнаментированными боковыми поверхностями. XVII в.

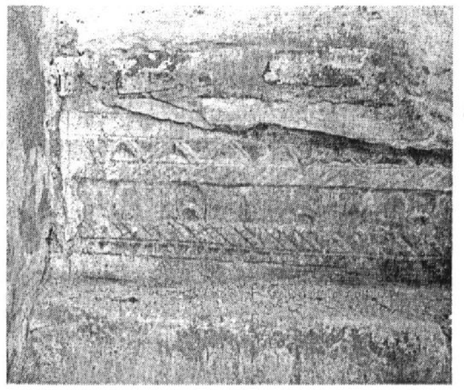

Рис. 7.

НИ ВИРИ
Рис. 8.

Плита на рис 7. Видна только боковая грань (основание колокольни). Толщина 36 см. Орнамент нанесен в пять полос: 1) треугольники расположены попарно вершинами вниз и вершинами вверх; 2) косые насечки; 3) каннелюры — редко поставленные «арочки»,

разделенные вертикальными линиями с треугольным завершением; 4) аналогично второй полосе, но в другом направлении; 5) треугольники вершинами вниз.

Плита на рис. 8. Форма близкая к параллелепипеду, слега расширена к изголовью. Размеры 165 х (55)/53 х 35 см. Плита лежит на входе, частично перекрыта стенами колокольни.

Композиция: бордюр, разделительная полоса, плечики, клеймо, внутренняя рамка в виде графьи. Бордюр выполнен резным жгутовым орнаментом; разделительная полоса, плечики — насечками. Клеймо (в нижней части плиты) — «сегнерово колесо» в окружении насечек.

Видна нижняя строка надписи, высота букв — 9 см.

На боковой грани нанесен орнамент в пять полос: 1) треугольники расположены попарно вершинами вниз и вершинами вверх; 2) косые насечки; 3) каннелюры — редко поставленные «арочки», разделенные вертикальными линиями с треугольным завершением; 4) аналогично второй полосе, но в другом направлении; 5) треугольники вершинами вниз.

5. Плиты, относительно тонкие (около 10 см) с обронной резьбой. Конец XVII—начало XVIII вв.

Рис. 9.

[БО]ЖИЯ КН(Я)ЗЯ НИКИ[Т]Ы ІВАНО
[ВИ]ЧА РЕПНИНА ЖЕНА ЕВО КНЯ
[ГИ]НЯ ПАРАСКЕВА ДМИТРИЕВНА
Рис. 10.

Плита на рис. 9. Фрагмент состоит из трех частей. (32) х (52) х 9 см. Сохранилась верхняя часть плиты. На лицевой поверхности надпись. Сохранилось 3 строки. Высота букв — 5,5 см, расстояние между строк — 2,5 см.

Плита на рис. 10. Фрагмент. (18) х (20) х 8,5 см.

На лицевой поверхности растительный орнамент.

6. Плиты, вторично использованные в качестве надгробных. Толщина плит около 10 см. Конец XV—XVII вв.

Плита на рис. 11. Фрагмент (55) х 50 х 8 см .

На лицевой поверхности треугольно-выемчатый орнамент. Композиция: бордюр, разделительная полоса, графья. Надпись вырезана в две строки вдоль плиты. Высота букв 11 см. Надпись сделана позднее нанесения орнамента и свидетельствует о вторичном использовании плиты.

Плита на рис. 12. Фрагмент (27) х (19) х 8 см.

На лицевой поверхности треугольно-выемчатый орнамент. Композиция: бордюр, клеймо, графья. Надпись сделана в два ряда, высота букв 6,5 см, расстояние между строк 1,5 см. Надпись вырезана поверх орнамента.

Датировка некоторых объектов, ввиду их фрагментарности, проблематична. Но основная часть рассмотренных памятников на основании их формы и пропорций, композиции и техники орнаментации, а также с опорой на аналогии, может быть датирована более или менее точно. Установлению времени некоторых плит способствует характер нанесения надписи и имеющиеся в тексте даты.

В целом набор сохранившихся надгробий монастыря отнесен к периоду XV—XVII вв.

... СТАВИСЯ ВАСИ
...ЕЙ СОЛТАНАКЪ
Рис. 11.

Наиболее ранними среди них являются плиты с треугольно-выемчатым орнаментом (группа 1, 2), композиция которых состоит из бордюра по периметру плиты, одного—двух клейм, плечиков и разделительной линии. Бордюр и разделительную линию образуют два ряда треугольников, обращенных вершинами друг к другу. К более поздним отнесены плиты со жгутовым орнаментом на лицевой поверхности и орнаментальным поясом на боковых гранях: рядами косых насечек и треугольников, расположенных зеркально по отношению к центральной полосе из канелюр (группа 4).

Треугольно-выемчатый орнамент нанесен на плиты, толщина которых находится в интервале от 8 до 18 см, причем более 80 % плит с таким орнаментом имеет толщину 8—13 см. У 90 % надгробий с треугольно-выемчатым орнаментом на лицевой поверхности отсутствует орнамент на боковых гранях. Жгутовой орнамент нанесен на лицевую поверхность плит, толщина которых находится в пределах 12—35 см, причем более 60 % имеет толщину 17—35 см. У 70 % плит со жгутовым орнаментом орнамент есть и на боковых гранях. Треугольно-выемчатый орнамент, появившись на надгробных памятниках в конце XV в., наибольшее распространение получил в XVI в. Во второй половине XVI в. появляется жгутовой орнамент (группа 3), который на плитах XVII в. становится если не единственным, то доминирующим (группа 4). Меняется также и толщина плит: в первой половине XVI в. она составляет, как правило, 8—13 см, в XVII в. — 25—36 см.

ОСИПЪ ПО
ВАРЪ
Рис. 12.

Обронная резьба на плитах, по-видимому, появляется в конце XVII—начале XVIII вв. (группа 5).

Датировки, предложенные на основе анализа стилистических особенностей оформления плит, не противоречат датам, вырезанным на части плит: период с 1514 по 1573 гг.

Часть плит носит следы вторичного использования в качестве надгробных памятников (группа 6):

— надписи нанесены поверх орнамента и/или направление надписи не соответствует изначально «правильному» положению плиты;

— излом расколотой плиты затесан.

Это плиты конца XV—XVI вв. Вторичное использование относится к XVI—XVII вв.

Отдельные плиты были использованы как строительный материал (блоки в фундаменте колокольни, крыльце трапезной, вымостка). Судя по орнаментации и толщине плит, вторичными надгробными памятниками служили плиты XVI в., а для строительства использовались плиты XVII в.

Литература

Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. 1996.

Болдин И.В. К вопросу о некрополе XV—XVII вв. Пафнутьев-Боровского монастыря //Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и запада России. Материалы VI научной конференции. Липецк, 1998.

Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хохлова Т.М. Археология

Калужской области. Калуга, 1999.
Компанец С.Е. Архитектура малых форм в Пафнутьев-Боровском монастыре //Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Боровск, 1988.
Компанец С.Е. Калужский некрополь //Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1991.
Компанец С.Е. Неизвестный памятник из Пафнутьев-Боровского монастыря //Боровский краевед. Боровск, 1993.
Компанец С.Е. О «Российском некрополе» //Очерки по истории и культуре Калужского края. Калуга, 1996.
Машков И. Доклад о изысканиях погребений князей Репниных, в Боровском Пафнутьевском монастыре // Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского Археологического Общества. Том 4. М., 1912.
Русское средневековое надгробие XIII—XVII века. Материалы к своду. Выпуск 1. М., 2006.
Хворостова Е.Л. Пафнутьев-Боровский монастырь Калужской области //Архив ИА, Р-1, № 4064. 1969.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРСТЕНЬ, НАЙДЕННЫЙ У ЛЮТИКОВА МОНАСТЫРЯ

***В.Г. Пуцко**, заслуженный работник культуры РФ, н.с.,*
Калужский областной художественный музей

От Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря не сохранилось ничего, кроме заросших травой фундаментов уничтоженных каменных построек, несомненно интересных, но так и оставшихся неизученными. Монастырю посвящено несколько печатных работ[1]. Но они мало дают сведений об архитектурных сооружениях. Этот пробел предстоит восполнить теперь уже по обмерам и фотоснимкам. Едва ли не единственным уцелевшим произведением сакрального искусства, исторически связанным с Лютиковым монастырем, является храмовая икона Троицкого собора, хранящаяся в Калужском областном художественном музее[2]. Архитектурный ансамбль монастыря был уничтожен к началу 1930-х гг.[3] Иногда на месте монастырских руин находят фрагменты каменных надгробных плит или отдельные вещи, как правило, не вводимые в научный оборот. Одна, сравнительно недавно сделанная находка, думается, заслуживает особого внимания, и именно о ней здесь пойдет речь.

Летом 2003 г. возле места святых врат, вне пределов монастырского двора, обнаружен литой бронзовый перстень, вскоре осевший в частном собрании, не замеченный археологами и историками искусства. По своему типу и характеру художественного оформления он очень отличается от тех изделий, которые в течение многих лет находили в Калуге на месте старой переправы через р. Оку и которые оказываются ремесленными изделиями XVI—XVIII вв. Находка у Лютикова монастыря очень впечатляет своим архаизирующим характером, а также необычным сюжетом с двумя фигурами, плотно вписанными в овал щитка.

Если бы найденный перстень можно было включить в определенную группу подобных изделий, вопрос о происхождении и датировке вещи решался бы крайне просто, без привлечения разнообразного сравнительного материала. Но близкие аналогии нам неизвестны среди археологических материалов, происходящих из различных русских городов. Обычно находят печатные перстни, щитковосерединные: с орнаментальными мотивами, изображениями птиц и зверей, человеческими фигурками[4]. Более ранние русские серебряные перстни, XII—XIII вв., с круглыми, прямоугольными, квадрифолийными и шестиугольными щитками, также украшены преимущественно растительным орнаментом, либо изображениями птиц и зверей; иногда имеют изображение креста или геральдическую эмблему[5]. Уникальным является найденный на Куликовом поле золотой перстень, отнесенный к XII в., шестигранный щиток-ковчежец которого украшен изображением стоящих друг над другом архангелов Михаила и Гавриила в лоратных одеяниях, с зерцалами и мерилами в руках, со славянскими сопроводительными надписями[6]. Обычай украшать щиток перстня изображениями архангелов византийский, известный, по крайней мере, с VI в.[7] Ему предшествовали изображения римского орла и Тихе, всецело обязанные античной традиции, символизировавшие победу и судьбу[8].

Восточное Средиземноморье уже с VI в. знает подвесные печатки с изображениями мучеников, а позже на них появляются и образы святых воинов[9].

Перстень, который обнаружен у Лютикова монастыря, диаметром 2,5см и размером щитка 2,8х2,5см, из чего можно заключить, что он является мужским. Изделие с гладкой шинкой, расширяющейся со стороны, к которой прикреплен щиток, отлитый в односторонней форме, не очень качественно (рис. 1). Потертость рельефа, по-видимому, можно объяснить длительным употреблением изделия: лицо у фигуры, расположенной слева, сохранило рельефные выступы глаз, тогда как у другой заметны лишь их едва различимые следы. По отдельным деталям можно не столько проследить, как скорее догадаться, что отлитый рельеф был обработан резцом, столь же примитивно, как и выполнена сама модель композиции. Фронтальные фигуры неестественно укороченных пропорций с крупными, слегка повернутыми к середине головами, из которых одна немного наклонена. Непомерно длинные руки с весьма схематизированными кистями и столь же условно обозначенными пальцами как будто касаются плеча. Положение другой руки, также согнутой в локте, очень неопределенное, и даже трудно установить, где именно «спрятана» ее кисть. Ступни ног не обозначены вообще. Нет и отчетливо очерченных нимбов вокруг голов, да для них и не оставлено место на столь ограниченной плоскости, целиком заполненной массивными фигурами с широкими безбородыми лицами, судя по непокрытым головам — юношескими. Однако это не мученики, поскольку у них нет креста в руках.

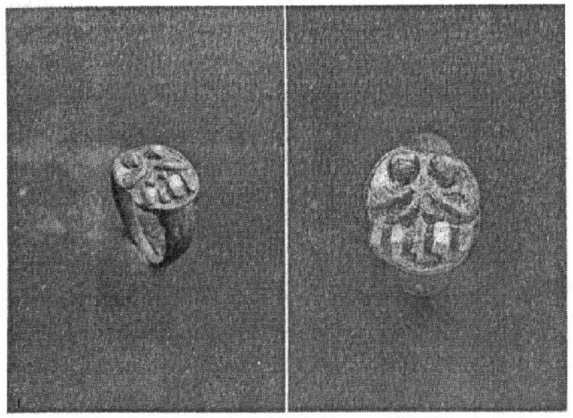

Рис. 1. Перстень с изображением архангелов. Конец XIII — начало XIV вв. Бронза, литье, эмаль. Калуга, частное собрание.

Определение сюжета вряд ли оказалось бы возможным, если бы не выделялась одна показательная деталь в виде широкой светлой полосы, спускающейся спереди, обрываясь, не доходя до подола одежды. Это, несомненно, архангелы Михаил и Гавриил, иконография которых унаследовала типологические черты античной богини победы — греческой Ники или римской Виктории. Одежды подобны церемониальному облачению византийских императоров, непременной принадлежностью которого являлся лор — широкая длинная полоса ткани, украшенная жемчугом и драгоценными камнями. Именно на нее указывает отмеченная деталь изображения на щитке описываемого перстня. Нет никаких сомнений в том, что здесь представлена в крайне упрощенном виде композиция «Собор архангелов», предполагающая их стоящими в рост и держащими медальон с образом Христа Эммануила, оформившаяся в византийском искусстве в послеиконоборческий период[10]. Вряд ли надо допускать отражение более ранней иконографической формулы, VIII—IX вв., с парным изображением архангелов как олицетворением сил небесных, подобным докаролингской миниатюре Евангелия или никейской мозаике. Указанная

Рис. 2. Собор архангелов Михаила и Гавриила. Вторая половина XIII в. Икона из Михаило-Архангельского монастыря в Великом Устюге. Санкт-Петербург, Государственный Русский музей.

композиция Собора архангелов Михаила и Гавриила, в частности, представлена на храмовой иконе соборного храма Михаило-Архангельского монастыря в Великом Устюге, датируемой второй половиной XIII в.[11] (рис. 2). Русский иконописец стремился с максимальной точностью передать все существенные иконографические особенности византийского оригинала. Впрочем, возникает вопрос: надо ли упрощение композиции непременно приписывать ремесленнику, изготовившему данный перстень? В монастыре св. Екатерины на Синае, например, находится икона XIII в., византийского письма, с изображением стоящих фронтально в рост двух архангелов в лоратных одеяниях[12] (рис. 3:*1*). Последние переданы с большой тщательностью в деталях, и

1 *2*

Рис. 3. 1 — Архангелы. XIII в. Икона. Синай, Монастырь св. Екатерины; 2 — Собор архангелов Михаила и Гавриила. XIII в. Каменная иконка с территории Чудова монастыря в Москве. Москва, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль».

поэтому есть возможность проверить основательность только что высказанного предположения в отношении упрощенного рельефа. Композиция, похоже, не пользовалась популярностью в средневековом русском пластическом искусстве, и ее можно отметить лишь в резьбе двусторонней стеатитовой иконы, найденной на древнем кладбище Чудова монастыря в Московском Кремле и отнесенной к XIII в.[13] (рис. 3:*2*). Архангелы Михаил и Гавриил представлены в рост, обращенные друг к другу, с медальоном и мерилами; размер иконки — 7,0x4,5 см. Попутно стоит заметить, что одежда архангелов не имеет лора.

Произведения художественного ремесла, выполненные в упрощенной манере, практически невозможно увязать с проявлениями определенного стиля, и лишь в отдельных случаях обнаруживается следование известной тенденции. Большеголовые фигуры преимущественно встречаются в каменных иконках XIII в.[14]. Но это само по себе трудно принять в качестве основного хронологического критерия. При соблюдении данного принципа не должно оказаться более поздних иконографических признаков, которым придана архаизирующая форма. Здесь их не заметно.

Наряду с уже отмеченными изделие имеет еще одну, редко встречающуюся особенность: изображения и фон на щитке частично залиты желтовато-белой эмалью (рис. 1). Подобная заливка характеризует вариант креста-энколпиона, конца XIII—начала XIV в., с выемчатой эмалью, предположительно, новгородского происхождения[15]. Изображения на щитке перстня и на кресте-энколпионе выполнены в различной манере, но при этом их объединяет общность стиля, присущая памятникам одной эпохи. Столь же плотно вписанные в криволинейную плоскость массивные фигуры можно отметить на серебряном круглом змеевике XIII в., с изображением святых целителей Козмы и Дамиана, предположительно принадлежавшем князю Андрею Александровичу, сыну Александра Невского[16]. Еще одной принципиально

важной аналогией может служить створка бронзового креста-энколпиона XIII в., с изображением Христа во гробе, происходящая с Куликова поля[17]. Некоторая разнохарактерность металлопластики рубежа XIII—XIV вв. объяснима отсутствием в этот период на русских землях таких художественных центров, каким в более раннее время являлся Киев. Происходило лишь становление художественного ремесла Новгорода, насколько можно судить об этом по образцам мелкой каменной пластики[18]. Вот и появлялись изделия подобные меднолитой иконке св. Георгия, найденной в Астрахани[19].

Не надо думать, что подобная шаржированность была присущей лишь средневековому русскому ремеслу. Стоит обратить внимание хотя бы только на изображения, украшающие бронзовые перстни из сербского некрополя в Трняне, с их схематизмом, распространяющимся и на христианские образы[20]. Это прежде всего характеризует ту социальную среду, для которой предназначены изделия.

Признавая вероятность выполнения описываемого перстня в конце XIII—начале XIV вв., невольно приходится потенциально соотнести его с историей Троицкого Лютикова монастыря, перед входом в который он обнаружен. И здесь сознаем свое беспомощное положение, потому что о возникновении и раннем периоде существования обители практически не знаем ничего. Время процветания благодаря устроителю и благодетелю боярину Богдану Матвеевичу Хитрово как бы заслонило предшествующий период. Есть различные сведения, относящиеся к XVI в., но когда и кем именно основан монастырь, — лишь предполагают, связывая с кем-то из князей Воротынских. Во всяком случае, это могло иметь место и до XVI в., а сказать точнее можно только с получением археологических данных, если местами еще сохранился на территории монастыря культурный слой. С учетом того, что в окрестностях Калуги даже в сравнительно недавнее время найдены произведения медного литья XIV в.[21], то факт обнаружения перстня не выглядит совершенно изолированным явлением. Более подробной информации добыть путем анализа самой вещи не удается. И соответственно сказать о том, кто и при каких обстоятельствах потерял перстень, — невозможно. Единственно, что надо напомнить: от изготовления изделия до его потери прошло довольно много времени, что сказалось на состоянии поверхности рельефа изображений.

Примечания

[1] Хитрово Н.З. Описание Лютиковского перемышльского монастыря. М., 1826; Извеков М.С. Перемышльский Троицкий Лютиков монастырь, его святыни и древности// Калужская старина. Т. 2. Калуга, 1902. С. 1—32 (особ. сч.).

[2] Пуцко В.Г. Храмовая икона Троицкого собора Перемышльского Лютикова монастыря// Троицкие чтения. 2005. Большие Вяземы, 2006. С. 52—62.

[3] См.: Толкачев В.В. История Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря и села Корекозево// Калуга в шести веках: Мат. 3-й городской краеведч. конф. Калуга, 2000. С. 283—296; Качанова Е.В. История разорения Троицкого Лютикова монастыря// Там же. С. 297—299.

[4] См.: Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 132—139; Сергина Т.В. Раскопки в Окольном городе в 1978—1979 гг.// Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 101. Рис. 19.

[5] Макарова Т.И. Черневое дело Древней Руси. М., 1986. С. 39—48. Рис. 15, 16; она же. Перстни с геральдическими эмблемами из Киевского клада// Древности славян и Руси. М., 1988. С. 241—247.

[6] Щепкин В.Н. Золотой перстень, найденный на Куликовом поле// Археологические известия и заметки. 1897. Т. V. №12. С. 374—378; Пуцко В.Г. Находки произведений медного литья в районе Куликовской битвы// Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. II. Тула, 2002. С. 114. Рис. 11; Каталог реликвий Донского побоища, найденных на Куликовом поле. К 625-летию Куликовской битвы. Сост. О.В. Двуреченский. М., 2005. С. 9. №24.

[7] Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. II. Washington, 1965. P. 54-55. Pl. XLII. №№62, 63.

[8] Toynbee J.M.C. Roma and Constantinopolis in Late-Antique Art from 365 to Justin II// Studies Presented to David Moore Robinson. Vol. II. Saint Louis, 1953. P. 261—277.

[9] Из коллекций академика Н.П. Лихачева. Каталог выставки. СПб., 1993. С. 68, 74. №№159, 205, 206.

[10] Вздорнов Г.И. Σύναξις τών ἀρχαγγέλων // Византийский временник. Т. 32. М., 1971. С. 157—183.

[11] Вздорнов Г.И. Икона «Собор архангелов Михаила и Гавриила из Великого Устюга// Сообщения ВЦНИЛКР. Вып. 27. М., 1971. С. 141—162.

[12] Weitzmann K. Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumiation. Chicago—London, 1971. P. 167. Fig. 146.

[13] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI—XV вв.// САИ. Вып. 1-60. М., 1983. С. 119. Табл. 49:1. №276.

[14] Там же. №№68, 75, 106, 263, 290, 355, 359, 361.

[15] Полубояринова М.Д. Крест с эмалью из Болгара// Древности славян и Руси. С. 52—55.

[16] Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991. С. 78-79. Табл. XVI:5. №37.

[17] Гриценко Т.А., Пуцко В.Г. Русская металлопластика с Куликова поля// Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 214. Ил. 11; Каталог реликвий Донского побоища, найденных на Куликовом поле. С. 8. №17.

[18] Подробнее см.: Пуцко В.Г. Новгородская каменная резьба на рубеже XIII—XIV вв.: становление традиции// Новгородский исторический сборник. Вып. 9(19). СПб., 398—401.

[19] Полубояринова М.Д. Иконка из Астрахани// Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 398—401.

[20] Марјановић-Вујовић Г. Трњане. Српска некрепола (крај XI—почетак XIII века). Београд, 1984. С. 89—93. Сл. 191—205.

[21] Пуцко В.Г. О двух образцах русской металлопластики XIV в.// Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002. С. 303—307.

КЛАД ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ И РУССКИХ ПЛАТЕЖНЫХ СЛИТКОВ ИЗ СОБРАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

***А.О. Амелькин**, к.и.н., доцент, ученый секретарь,*
Воронежский областной краеведческий музей

В 2005 г. на антикварный рынок г. Воронежа поступил клад золотоордынских монет и платежных слитков серебра, найденный в западных уездах Воронежской губернии в 1915 г. и долгое время хранившийся у находчика и его наследников. Клад состоял из 603 серебряных монет и 11 серебряных слитков. Из них большая часть монет (420 штук) были приобретены Н.А. Алехиным и переданы в дар Воронежскому областному краеведческому музею. Еще 183 монеты и все слитки разошлись по частным собраниям.

Данный комплекс джучидских монет является уникальным памятником старины. Это самый большой клад из найденных в Воронежском крае. Предыдущие клады обычно включали в себя 25—65 монет, и лишь у села Нижнее Покровское было найдено около 300 монет.

Большая часть монет клада из Воронежского областного краеведческого музея была отчеканена при хане Тохтамыше, причем в его составе не обнаружено монет старше 1395 г. Таким образом, сокрытие сокровища можно связывать с событиями нашествия Тамерлана на Орду и разорение им Ельца. Кроме монет хана Тохтамыша в кладе выявлены единичные монеты ханов Узбека, Джанибека, Бирдибека и ханов периода «Великой замятни».

Однако клад из Воронежского областного краеведческого музея включает и платежные средства русского происхождения. Так, две монеты имели рязанскую (?) надчеканку в виде букв «Г» и зеркально отраженных «Пс». Кроме них из русских денежных средств в клад вошли серебряные гривна и 10 (?) полтин «новгородского типа». На части слитков имелись клейма и граффити. Вес гривны приближался к 190 гр. Вес одной из полтин — 99,8 гр. Наличие буквенных надчеканок на монетах позволяет отнести клад к периоду 1380—1400 гг., что подтверждает его датировку на основе джучидской части серебра.

К сожалению, платежные слитки оказались в частных собраниях, и автор располагает только их фотографиями, что создает сложность в работе с этой частью клада. Однако и в этих условиях видно, что они представляют не меньший интерес, чем найденные монеты.

На 4 полтинах были поставлены 7 клейм. Так на одной из полтин (весом 99,8 гр.) в углубленном квадрифолии изображен полет Александра Македонского на птицах. Композиция клейма напоминает рельеф Дмитровского собора во Владимире. Александр Македонский в крупном головном уборе изображен сидящим в корзине и держащим за лапы птиц. После клеймления на слиток было нанесено 7 насечек и знак из нескольких пересекающихся линий. Другая полтина имеет два клейма. Первое — овальной формы с двумя небольшими заострениями в местах сокращения радиуса его окружности. На нем изображен зверь, стоящий на четырех лапах на поземе. Вокруг него следы надписи, из которой читаются

только две буквы «- -ЛИ- -». Второе клеймо представляет крупную безбородую голову влево в круглом углублении. У места обруба полтины стоит знак или лигатура букв «АНД» (?). Третья полтина также имеет два клейма. На одном из них в круглом углублении изображен лев, прыгающий вправо. Другое клеймо лишено углубленного поля и изображает крупного кошачьего хищника, шествующего вправо и кусающего свой хвост. Четвертая полтина имеет одно круглое клеймо с изображением бородатой головы вправо. Одна гривна имеет двустрочное граффито, которое содержит буквы кириллического алфавита: «ОКЯН|К» (?). На торцах тех полтин имеются знаки, которые можно отождествить с тамгами или пуссами. На нескольких гривнах имеются насечки от одной до шести.

В настоящее время известно еще 28 кладов, в которых эти платежные средства встречаются с джучидскими монетами (см.: Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. М., 1960. Т. I. № 2, 4, 19, 56, 60, 69, 71а, 78, 86, 95, 99, 100, 127, 152, 152б, 167, 171, 173, 208, 219, 222, 232; Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. М., 1963. Т. IV. № 316а; Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. № 11а, 97б, 152 д, 162а; Потин В.М., Фролова Н.В. Монетные находки в Воронежском крае // Записки воронежских краеведов. Воронеж, 1987. Вып. 3. С. 121, 122. № 19, 26). Причем из 3 кладов со слитками, сокрытых в XIII в., 2 найдены в Среднем Поволжье, 1 — в Румынии; из 13 кладов со слитками, сокрытых в 1310—1380 гг., 1 найден в Нижнем Поволжье, 4 — в Среднем Поволжье, 3 — в Мордвских землях, 3 — на Дону, 1 — в Западной Сибири, 1 — в Москве; из 7 кладов со слитками, сокрытых в 1380—1400 гг., 3 найдены Среднем Поволжье, 1 — в Рязанских землях, 2 — в Верхнем Поочье и в Верхнем и Среднем Подонье, 1 — в Поднепровье; из 5 кладов со слитками, сокрытых в XV в., 1 найден в Среднем Поволжье, 2 — в землях Верховских княжеств, 1 — в Поднепровье, 1 — на Ставрополье. Можно заметить постепенное перемещение мест обнаружения этих платежных слитков с востока на запад. Причем, за редким исключением, эти слитки концентрировались на землях, прилегающих к русским княжествам. Таким образом, клад из Воронежского областного краеведческого музея вполне соответствует картине обращения платежных слитков в Восточной Европе. К сожалению, датировка клейм на русских платежных слитках еще не разработана и использовать эти данные для датировки клада не представляется возможным. Однако постепенное накопление материала позволяет надеяться на использование и этого материала для датировки клада, значительная часть которого поступила в фонды Воронежского областного краеведческого музея в 2006 г.

НОВЫЕ НАХОДКИ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***А.В.Пачкалов**, к.и.н., м.н.с., Институт археологии РАН*

При исследованиях И.В.Болдиным Любутского городища, Любутского I и III селищ (Ферзиковский район Калужской области) была обнаружена серия монет Золотой Орды и несколько русских монет. Сведения об этих находках были кратко отражены в публикациях (Болдин, 1999, с. 65; 2004а, с. 152; 2004б, с. 101; Болдин, Массалитина, 2005, с. 31—32). Благодаря любезности И.В.Болдина автору в 2006 г. удалось ознакомиться с монетами (Любутское городище 23 экз., Любутское I селище 1 экз., Любутское III селище 2 экз.).

Любутское городище: Джучиды: серебро: Узбек: Сарай г.(?) — 1; Джанибек: Сарай ал-Джедид 747 г.х. — 2, 747(?) г.х. — 1, г.(?) — 1 (очевидно, монета обрезана); Абдаллах(?): город(?) 770 г.х. — 1; Гийас ад-Дин Мухаммад: Орда 773 г.х. — 1; Туляк (или Буляк): Хаджи-Тархан г.(?) — 1; Токтамыш: Сарай ал-Джедид 790-е гг.х. — 1; две о.с. (Сарай ал-Джедид 743 г.х. и Гюлистан г.?) — 1 (вероятно, русское подражание); подражания монетам Джанибека — 2 (из них 1 экз. — подражание чекану Сарая ал-Джедид); неопределенное подражание (возможно, монете Джанибека) — 1; подражание(?) монете Джанибека — 1; подражание(?) монете Сарая ал-Джедид(?) — 1; подражание монете Гюлистана 327 г.х.(?) (вместо 763 г.х.?) — 1; неопределенное подражание чекану 768(?) г.х. — 1; неопределенное подражание (возможно, подражание Орде) — 1; неопределенная монета с надчеканкой «кунья мордка» или татарская тамга — 1; неопределенные — 1; русские: Василий II Темный — 1 (с русской

надписью «денга московская», есть мнение, что это чекан Василия III); Иван IV Грозного — 2 (денга, княжение 1534—1547 гг., Тверской денежный двор, под конем «W» — 1; копейка, княжение 1534—1547 гг., «Псковская мечевая» копейка, есть версия о чеканке этих монет в Москве — 1).

I селище. Неопределенная серебряная джучидская монета (присутствует слой меди под слоем серебра, вероятно, это монета с медным основанием).

III селище. Неопределенное серебряное подражание и неопределенная медная(?) монета.

Интерес представляет находка на I селище средневековой фальшивой монеты (медной монеты с серебряным покрытием). Среди джучидских монет это достаточно редкая находка. Например, в большом кладе джучидских серебряных монет (3350 экз.) с Селитренного городища, найденного в 1975 г., имелась лишь одна средневековая фальшивая монета с медным основанием, чеканенная по типу серебряной монеты (Федоров-Давыдов, 1980).

Интересным и крайне сложным представляется вопрос о месте производства подражаний джучидским монетам. Обилие находок подражаний на территории, входившей в состав древнерусских княжеств, находка в 1999 г. в Тульской области штемпеля для чеканки подражаний золотоордынским монетам (Зайцев, Гончаров, 2006, с. 144—146), не оставляет сомнений в том, что некоторые группы подражаний выпускались в русских землях. Публикуемые находки подражаний с Любутского комплекса (около половины джучидских монет являются подражаниями) будут способствовать в будущем разрешению сложного вопроса о месте выпуска тех или иных групп подражаний джучидским монетам.

Ранее в Калужской области уже фиксировались отдельные находки золотоордынских монет (точное место находки, определения монет и обстоятельства находки остались неизвестными) (Федоров-Давыдов, 1960, с. 204, № 494). В 1950 г. в с.Хвалово (Бабынинского района) был найден клад из 613 серебряных джучидских монет XIV—XV вв. (от Уруса до Чекре) с широкой географией мест чекана монет (Мец, 1953, с. 115, № 12; Федоров-Давыдов, 1960, с. 172, № 215). Однако в Калужской области ранее не встречались серии отдельных находок джучидских монет, которые бы свидетельствовали об их достаточно интенсивном обращении в этом регионе.

Сходные с Любутским небольшие комплексы отдельных находок обнаружены в последние годы в Московской и Тульской областях. Например, Городище-Юшково и Большое Алексеевское (Московская область) (Волков, 2006, с. 160; Колызин, 2001, с. 213), Городище (Тульская обл.) (Клянин, 1997, с. 37).

В таких комплексах преобладают джучидские монеты, выпущенные от времени Токты (или от Узбека) до времени Токтамыша. Находки джучидских монет XIII в. и XV в. на территории русских земель представляют собой достаточно редкое явление.

Если в комплексе Городище-Юшково джучидские монеты и подражания им составляют около 40% от общего числа находок, то в Любутском комплексе доля монет Золотой Орды и подражаний им значительно выше. При публикации находок из Городища-Юшково И.В.Волковым отмечалось, что в нем практически нет монет времен правления хана Токтамыша, тогда как «в рязанских землях их довольно много» (Волков, 2006, с. 161). В публикуемом Любутском комплексе монеты Токтамыша также редки. Лишь одна монета относится ко времени правления этого хана.

По географии места чекана джучидские монеты из Любутского комплекса делятся на две основные группы. Во-первых, это монеты с обозначениями нижневолжских монетных дворов (Сарай, Сарай ал-Джедид, Гюлистан, Хаджи-Тархан), во-вторых, подражания джучидским монетам, вероятно, выпущенным на территории южнорусских земель. Имеется также монета креатуры Мамая Гийяс ад-Дина Мухаммада, выпущенная в Орде (вероятно, чекан был осуществлен на территории, расположенной к западу от Волги — районе Приазовья или Поднепровья). В западной части Улуса могла быть чеканена и монета Абдаллаха с несохранившимся местом чекана.

Литература

Болдин И.В. Раскопки Любутского городища // Археологические открытия. 1999 г. М., 2001.

Болдин И.В. Любутское городище: проблема датировки верхней границы слоя // Верхнее Подонье: Природа. Археология. Музейная педагогика. Тула, 2004а.

Болдин И.В. Раскопки Любутского городища // Археологические открытия 2003 г. М., 2004б.

Болдин И.В., Массалитина Г.А. Любутский поселенческий комплекс по археологическим источникам // Куликово поле и юго-восточная Русь в XII—XV вв. Тула, 2005.

Волков И.В. Комплекс средневековых монет с поселения Городищи-Юшково // Нумизматический сборник Государственного Исторического музея. Т. XVII. М., 2006.

Зайцев В.В., Гончаров Е.Ю. Монетный штемпель рубежа XIV—XV вв. с городища Махринка Тульской области // Нумизматический сборник Государственного Исторического музея. Т. XVII. М., 2006.

Клянин Р.В. Археологические исследования в Веневском р-не в 1996 г. // Историко-археологические чтения памяти Н.И.Троицкого. Вып. 1. Тула, 1997.

Колызин А.М. Торговля древней Москвы (XII—середина XV в.). М., 2001.

Мец Н.Д. Клады монет, зарегистрированные ГИМ за 1905—1952 гг. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 52. М.-Л., 1953.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М., 1960.

Федоров-Давыдов Г.А. Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища// Нумизматика и эпиграфика. Т. XIII. М., 1980.

УКРЕПЛЕНИЯ МОЖАЙСКА XIII—XIV вв.

***Б.Е. Янишевский**, н.с., Институт археологии РАН*

Город Можайск (центр одноименного района Московской области) расположен в ста километрах к западу от Москвы. Кремль его располагается на правом берегу р. Можайки, в трех километрах выше её впадения в реку Москву (правый приток), на западной окраине современного города.

Кремль представляет собой оползневой[1] останец формы, близкой к пятиугольнику, с площадкой размерами 220х175 м. Поскольку оползень произошел, по-видимому, дважды, то в кремле имеются две возвышенности: на южном и западном краю площадки, соответственно 25 и 30 м над уровнем р. Можайки. Между возвышенностями пролегает лощина (оползневая трещина), в которой были два озерца — «грязное», ныне высохшее, и «чистое». «Чистое» озерцо, расположенное в нижней части лощины, образовалось оттого, что упомянутая лощина была запружена валом, как мне представляется, не позднее XIV в. На территории кремля в настоящее время находятся всего четыре каменных сооружения: Петропавловский собор постройки середины XIX в. (на фундаментах собора конца XIV—начала XV в.), Никольский собор начала XIX в., заключающий в себе собор конца XVII в., стоящий в свою очередь на белокаменных воротах XVI в., а также два небольших хозяйственных сооружения. Площадка кремля имеет сильный уклон в северном направлении — падение уровня составляет 13 м на расстоянии 110 м. На краю площадки кремля с восточной и северной сторон сохранились валы. Высота валов различна: с северной стороны до 3 м относительно площадки, а с восточной стороны до 6 м относительно площадки. В результате отхода оползня от коренного берега образовались овраги с южной и восточной сторон площадки. Овраг с южной стороны, возможно, был углублен в средневековое время, то есть, превращен в ров. С западной и северной сторон останец окружен естественным оврагом, прорытым рекой Можайкой уже после оползня.

Археологические исследования до 2005 г. проводились в Можайском кремле в 1981—82 гг. А.А. Молчановым в связи с обследованием фундамента собора Петра и Павла, поэтому раскопы и шурфы закладывались у стен и внутри подклета собора. До материка была доведена только узкая траншея у северо-восточного его угла. В этом раскопе на основной площади был выявлен слой коричневой глины, в котором была найдена керамика курганного типа и обломок семилопастного височного кольца[2]. Как выяснилось при наших исследованиях 2005 г., этот слой глины является слоем разрушения укреплений XIV в. Внутри Никольского собора в 2001 г. было заложено два шурфа, в которых также были прослежены следы валов, правда, архитекторами и геологами, производившими раскопки, выявленные слои с укреплениями связаны не были.

В 2005 г. Можайской экспедицией Института археологии РАН под руководством автора с целью исследования остатков укреплений Можайского кремля к югу от собора Петра и

1 - раскоп в Никольском соборе; 2 - раскоп 2 (даны серым); 3 - собор Петра и Павла

Рис. 1. План Можайского кремля с обозначением мест раскопов.

Павла был заложен раскоп № 2. В этом месте, как мы предполагали, находится нижняя часть срытого в начале XIX в. вала Можайского кремля (рис. 1).

Внутри Никольского собора под руководством автора в 2006 г. был заложен раскоп[3]. В подклете находятся белокаменные ворота, сооруженные, предположительно, в XVI в. В воротах был заложен поперечный разрез (восток-запад), к которому примыкали с севера в направлении оси воротного проезда 2 смежных шурфа общей длиной 8 м. Максимальная глубина раскопа достигала 5,5 м, площадь — 21 кв. м. В этом раскопе были выявлены остатки укреплений Можайска четырех периодов (рис. 2).

В подклете Никольского собора в нижней части раскопа выявлены остатки вала, состоящего из не менее, чем четырех слоев. Нижний слой состоит из темно-серого слоя навоза и щепы толщиной 124 см, армированного взаимно перпендикулярными дубовыми бревнами, в том числе, и вертикальными сваями диаметром до 20 см. Этот слой вала может быть датирован XIII в. С более ранними укреплениями может быть связан характерный фрагмент так называемой «хаковой» («крюковой», «перекладчатой») конструкции, применявшейся для структурирования и облицовки насыпи. Этот фрагмент в виде части прямоугольного отверстия, проделанного в дубовом бревне, найден в переотложенном состоянии в темно-коричневом слое щепы и навоза, перекрывшем нижний горизонт вала.

Хаковые конструкции, структурирующие валы, применялись на западе и юго-западе Руси и в Польше, а также в Москве. На территории Польши такие конструкции применялись с VIII в. н.э. На Руси — в XI—XIII вв. В Москве дата этих конструкций — вторая половина XII—начало XIII в.[4]. По аналогиям данная конструкция представляла собой следующее: бревна с крюками («хаками») на концах и в середине укладывались перпендикулярно оси

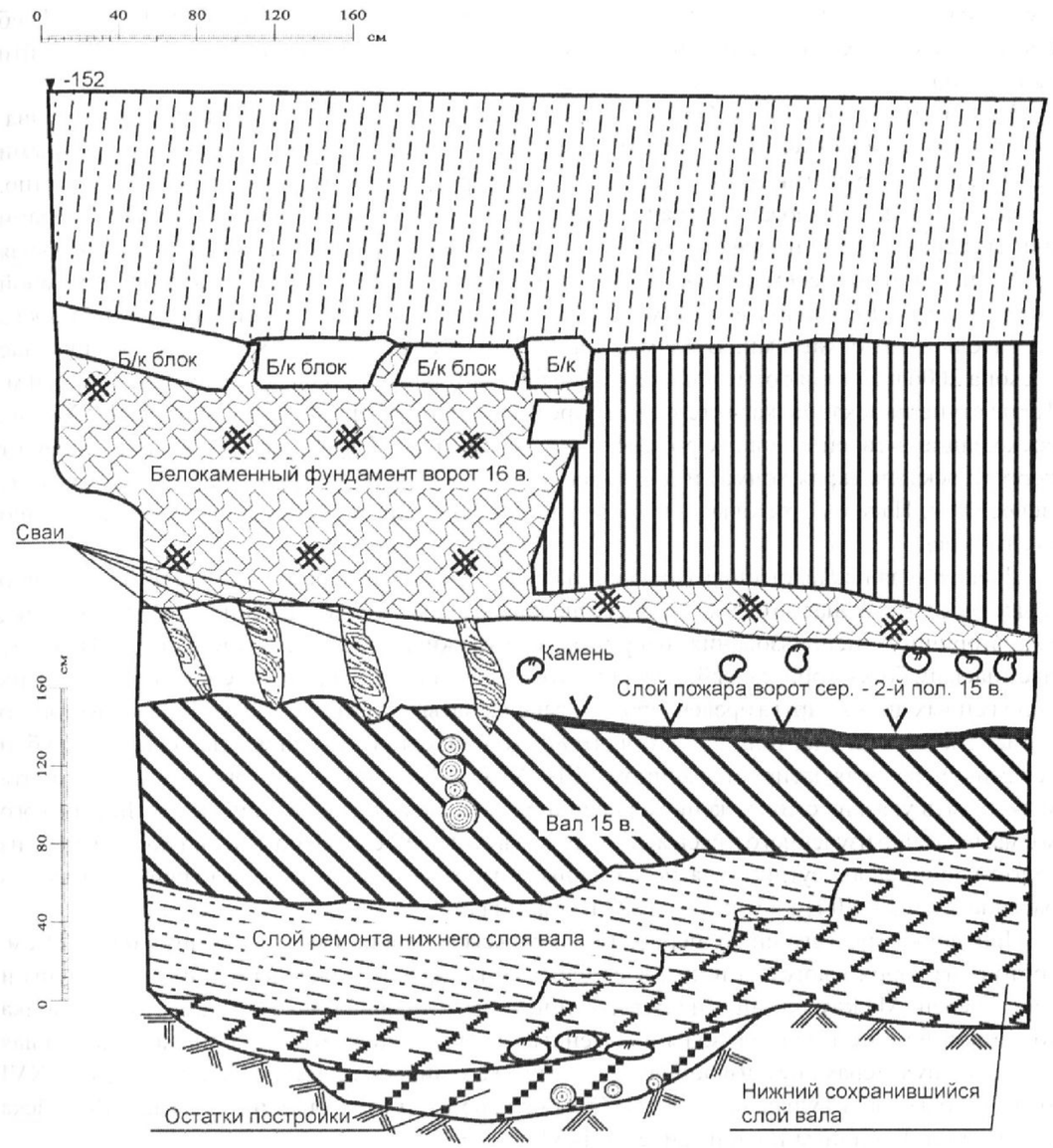

Рис. 2. Разрез части вала в Никольском соборе.

вала. Крюки удерживали бревна, параллельные оси вала, а крюки на концах бревен удерживали бревна, призванные облицовывать вал снаружи. Ближе к внутренней части вала в бревнах с крюками делались вертикальные отверстия, в которые пропускали деревянные бревна-гвозди, фиксировавшие крюковые бревна в насыпи. Так могли выкладывать несколько накатов. В Можайске найдена часть крюкового бревна с отверстием. Длина фрагмента бревна из Можайска около 50 см. В настоящее время этот элемент конструкции вала хранится в Можайском филиале Бородинского музея-заповедника.

В нижнем слое вала найдены немногочисленные фрагменты керамики курганного типа, датированной XII—серединой XIII вв., но в основном — фрагменты «серой» керамики второй половины XIII—XIV вв. Однако, эта керамика попала в насыпь уже из культурного слоя. Более точно помогает датировать эту насыпь керамика из постройки, перекрытой полой вала. Здесь найдена только «серая» керамика[5]. Следовательно, древнейшая из выявленных насыпей вала Можайского кремля была сооружена не ранее середины XIII в., а, скорее всего, во второй его половине. Его сооружение можно связать с появлением первого Можайского князя — Федора Ростиславича по прозвищу «Чермный» или «Черный». «Братья его, Глеб, Михайло, изобидиша, даша же ему един ***Можаеск*** *(выделено мной — Б.Я.)*; седящу же ему в нем»[6]. Этот рассказ датирован летописью 1277 г. и приведен в связи с женитьбой князя. То есть Можайск кн. Федор получил несколько раньше. Возможно, раздел

Смоленского княжества между братьями произошел в 1249 г., когда брат Федора Глеб Ростиславич стал Смоленским князем. А.В. Экземплярский считал, что это могло произойти около 1260 г.[7].

Раскопом в Никольском соборе была захвачена тыловая часть вала, даже не его середина. Об этом свидетельствует то, что были обнаружены четыре деревянные ступени, которыми был оформлен всход на вал. Вал насыпался не один раз; количество этих насыпей неизвестно. Однако известно на основании бурения, что край площадки городища был оформлен эскарпами или ступенями. Одна из этих ступеней зафиксирована на расстоянии 10 м от южного края площадки на глубине 9 м от репера, находящегося на высоте 0,5 м от современной дневной поверхности[8]. До этой глубины отмечен слой влажного темно-серо-коричневого суглинка с растительными остатками. В 14 м к северу (дальше от края холма) в южном профиле раскопа 2006 г. материк отмечен на глубине 6,65 м от репера, а еще в 5 м севернее — 5,50 м. Такие ступени-эскарпы характерны для древнерусского оборонного зодчества XI—XII вв., восходящие в своей основе к роменскому времени IX—X вв.[9]. Ширина вала, начиная от первого эскарпа (края холма) и до ступеней всхода на вал, с внутренней его стороны, не менее 20 м. Насыпь с хаковыми конструкциями могла составлять следующую генерацию стены-вала.

Древнейшая исследованная (нижняя) насыпь подвергалась ремонту. Она была частично подрезана и насыпана из того же навоза со щепой, но с большим содержанием щепы, возможно, уже вторичного использования, например, из отложившегося культурного слоя. Поэтому цвет насыпи более коричневый. При ремонте сооружались подобия «стенок» из нескольких положенных друг на друга бревен, пронизывавших насыпь в разных местах. В насыпи второго (ремонтного) периода, толщина которого 80 см, найдены уже фрагменты «красной грубой керамики», которая датируется концом XIII—XIV вв. На основании этого дата слоя ремонта может быть увязана с сооружением первичного кольцевого вала вокруг всего Никольского холма, частично изученного в раскопе 2, хотя вал в раскопе 2 сделан по другой технологии — из желто-коричневого суглинка, а не из щепы с навозом. Широкая дата первичного вала в раскопе 2 1303—40 гг., а узкая — 1307 г. (см. ниже).

Прослойка третьего снизу периода в Никольском соборе имеет толщину 100—124 см, состоит из коричневого суглинка, в заполнении которого встречены единичные валуны и тлен бревен. Между насыпями третьего и четвертого периодов располагается прослойка толщиной до 45 см из угля, золы и каменных желваков диаметром до 15 см, содержащая белоглиняную керамику и имеющую аналогии в керамических материалах XV—начала XVI вв. из Калужской и Тульской областей. Этот пожар может быть связан со взятием Можайска великим кн. Василием Васильевичем в 1454 г.

Вал четвертого периода состоит из желтоватого суглинка толщиной 132 см и содержит полоски древесного тлена длиной до 15 см и толщиной до 7 см, наклоненные от середины воротного проезда к его краям. Ныне стоящие Никольские ворота Можайской крепости располагаются на свайном поле, впущенном в пакет прослоек, которые датируются XVI в., сформировавшихся в период между строительством третьего и четвертого валов. Поэтому верхний, четвертый, период вала датируется XVI в.

Судя по тому, что укрепления XIII в. из щепы и навоза не прослежены в раскопе 2 в 45 м к востоку от раскопа в Никольском соборе, то эти укрепления первоначально не опоясывали всю площадку кремля. По топографии кремля можно предположить, что первоначальные укрепления Можайска располагались только на верхней площадке нынешнего кремля вокруг Никольского собора, и размер их не превышал 65—70х60 м, а площадь 3400 кв. м. (рис.3).

Укрепления XIV в. вне Никольского собора

Остатки этих укреплений прослежены в раскопе 2 в юго-восточной части кремля к югу от собора Петра и Павла. Выявлены только валы (остатки дерево-земляных стен), причем, внутренняя их часть. Северо-восточный угол раскопа отстоял от юго-восточного угла Петропавловского собора на 10,2 м, от юго-западного угла того же собора — на 16,8 м. Раскоп представлял собой траншею шириной 2 м и длиной 10 м и был вытянут в юго-восточном направлении вдоль дорожки, идущей к собору Петра и Павла от моста. Место раскопа № 2 было выбрано на прямой линии, проложенной от южного края сохранившегося

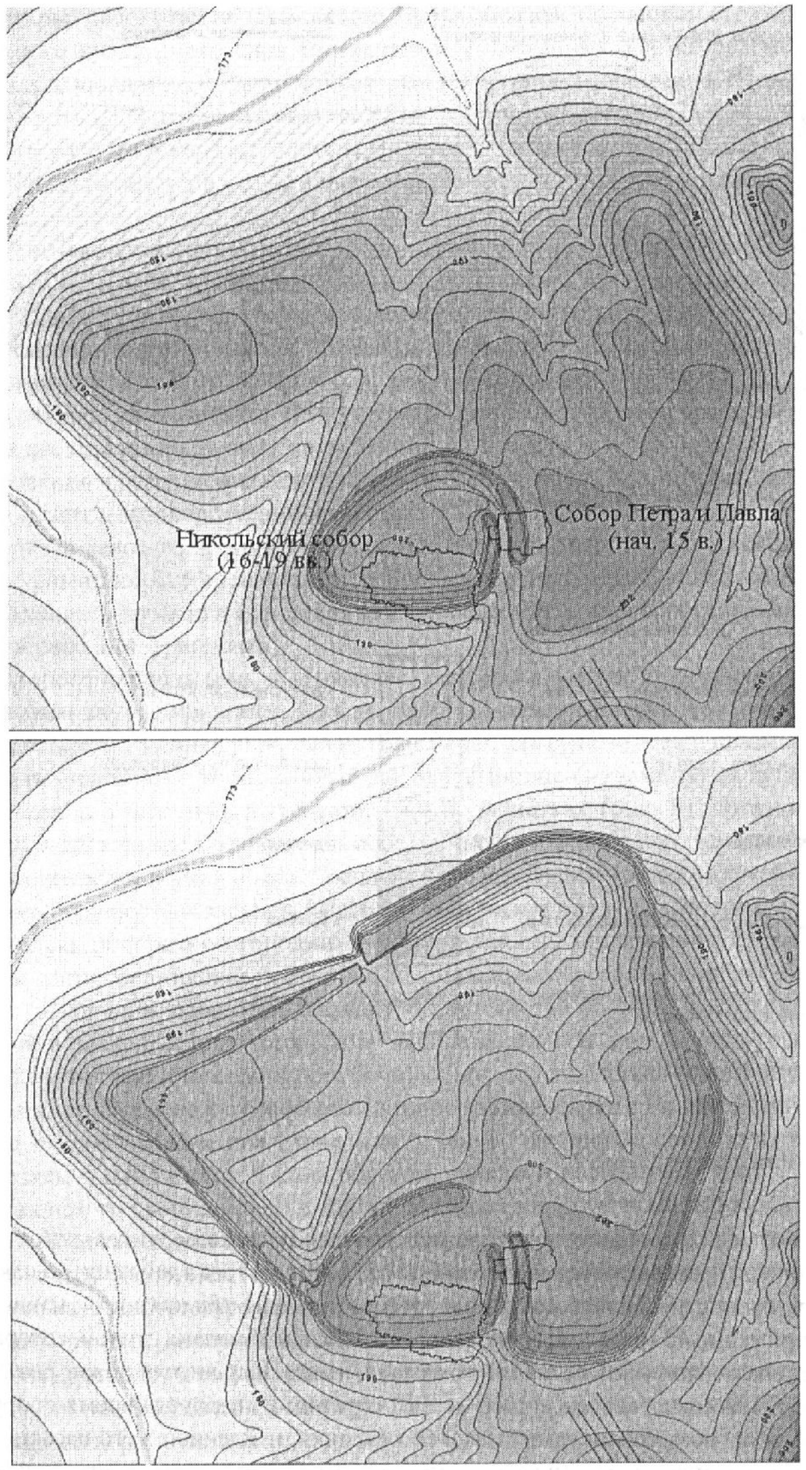
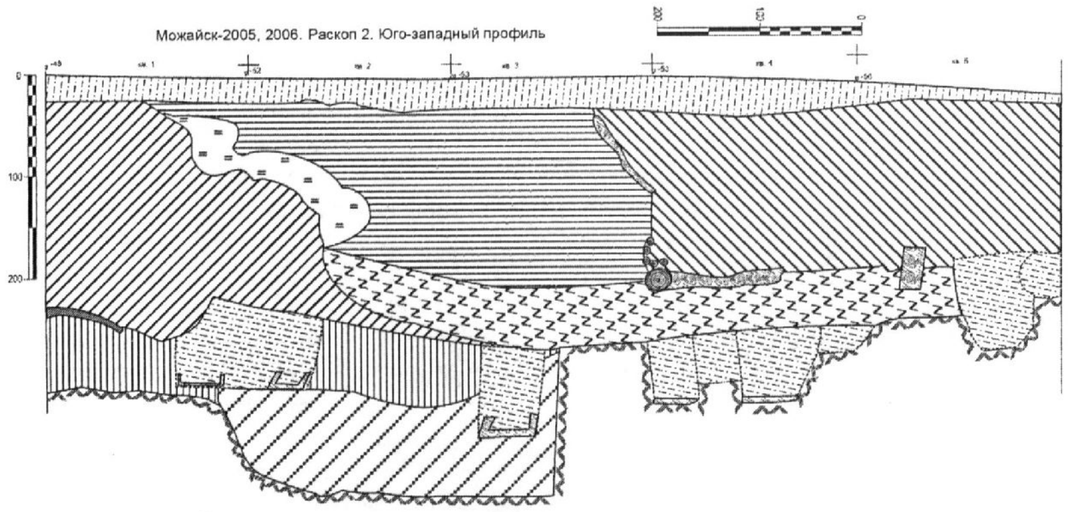

Рис. 3. Реконструкция палеорельефа и укреплений Можайска XIII—XIV вв. (по И.И.Кондратьеву).

с восточной стороны кремля вала к Никольским воротам, заключенным внутри Никольского собора. На месте раскопа 2 вал был срезан при строительстве нового моста в начале XIX в.

В раскопе 2 обнаружены остатки двух периодов строительства вала: более раннего (первичного) и более позднего (вторичного). Более ранний вал (рис. 4, *2*) прослежен в южной части раскопа (ближней к краю холма) на протяжении 2 м. Глубина от современной поверхности, на которую прослежен первичный вал — 2,7 м. Он состоял из желтоватого суглинка, структурированного деревянными конструкциями, следы которых сохранились в

Условные обозначения

1 - строительный горизонт 18-20 вв.

2 - вал 1303 -1340 гг.

3 - вал 1376 г.

4 - горизонт разрушения валов 14 в.

5 - слой щепы и навоза у подножия вала 1303-1340 гг.

6 - погреб постройки 13 в.

7 - культурный слой 13 в.

8 - могильные ямы (перекоп)

9 - дерево

10 - бревна

11 - материк

Рис. 4. Разрез части вала в раскопе 2.

виде древесного тлена. В западном профиле прослежены остатки вертикальной стенки из бревен в виде полосы древесного тлена, длиной до 1,5 м. Эта полоса тлена сильно наклонена к северу (внутрь крепости). Поверхность вала, обращенная внутрь крепости, наклонена к югу под углом примерно 40 градусов, поскольку вал оплыл, и обмазана глиной, которая была обожжена. Толщина обожженной глиняной обмазки 4—5 см. Был ли этот обжиг результатом пожара или это была сознательная акция, сказать трудно. Датировать время сооружения вала можно только по фрагментам самой поздней керамики, найденной в его насыпи. Это — «красная грубая» керамика, датирующаяся по московским и подмосковным аналогиям XIV—первой четвертью XV вв.[10]. В насыпи первичного вала найдена также «серая» керамика, время бытования которой не заходит в XV в., а также небольшое количество «курганной» керамики, которая была распространена в XII—первой половине XIII вв.[11]. Стало быть, когда насыпался первичный вал, все три указанных типа керамики уже выпали в культурный слой.

Первичный вал был насыпан не на пустом месте: на уровне материка в раскопе 2 выявлена углубленная часть постройки (рис. 4, *6*) — погреб, стенки которого были укреплены сваями, между ними и земляными стенками погреба были забиты доски. Постройка датирована по керамике временем не позднее конца XIII в. Заполнение постройки в верхней части нарушают могильные ямы (кладбище 1). Могилы выкопаны с уровня культурного слоя (рис. 4, *7*), который образовался в процессе жизни и разрушения упомянутой постройки. Этот культурный

слой перекрыт сверху первичным валом. Таким образом, по данным стратиграфии, верхняя дата данного культурного слоя та же, что и у постройки. Из 60 фрагментов керамики, найденных в постройке, 20% относятся к типу курганной керамики (XII—XIII вв.), а почти 75% — к типу серой (вторая половина XIII—XIV вв.). 5% относятся к типу красной грубой, которая появляется в керамических комплексах только с конца XIII в. Вероятно, этот тип керамики попал в постройку с могильными перекопами из культурного слоя, перекрывающего постройку.

За время существования первичного вала у его подножия изнутри крепости вырос культурный слой (рис. 4, *5*), состоящий из щепы и навоза, толщиной до 70 см. В этом слое найдены фрагменты серебряных украшений, в том числе со сканью и серьга с напускным шариком из зерни, датированные XII—XIII вв. Всход на вал первого периода был укреплен березовыми и осиновыми колышками, забитыми рядами с частотой 15 см, и длинными палками, набросанными вдоль вала, а также крупными костями животных. Слой щепы и навоза также перекрывает часть погребений слоя кладбища 1, однако здесь нет слоя времени существования и разрушения постройки с погребом, наблюдаемого под валом. Слой щепы и навоза лежит непосредственно на материке или на могильном перекопе. Это значит, что существовало какое-то препятствие накоплению культурного слоя к северу от постройки, или культурный слой был срезан при устройстве первичного вала. В этом слое, как и в первичном валу, отложилась керамика курганная (50%), серая (35%) и красноглиняная грубая — 15% (всего собрано 144 фрагмента).

Вал второго периода (рис. 4, *3*) являлся не только ремонтом первичного вала, но и его расширением внутрь крепости. Был ли такой же ремонт произведен снаружи первичного вала — неизвестно. Если первичный вал был укреплен, судя по всему, незамкнутыми изнутри бревенчатыми клетями, то вторичный вал был выполнен из замкнутых деревянных клетей, которые хорошо читались в горизонтальных зачистках (рис. 5). Нижний венец клетей сохранился настолько хорошо из-за обводненности раскопа, что удалось взять спилы на дендрохронологические анализы. Крепление еловых бревен-городен клетей было выполнено с помощью полукруглых зарубов. Клети вошли в раскоп под углом, поэтому удалось измерить размер только поперечной городни — 2,4 м, длина же продольного бревна не менее 2 м. Соседние клети соединялись посредине специальными бревнами-перерубами длиной 40 см. Кроме того, городни, параллельные валу, были у клетей общими, по крайней мере, у пары, вошедшей в раскоп. Дендродаты, полученные из спилов двух бревен-городен, совпали с большой точностью и показали порубочную дату 1375 г. Причем очень точное совпадение графиков имеется также и с графиками спилов из городен вала Коломенского кремля, шкала которого и использована для Можайска[12]. Такое совпадение свидетельствует о том, что бревна взяты в одном лесу. Таким образом, можно говорить не только о том, что бревна для коломенского кремля брали в районе Можайска и сплавляли по Москве-реке, но и том, что строительство валов в Можайске и Коломне осуществлялось по единой программе великим князем Дмитрием Ивановичем. Самыми ранними находками в заполнении клетей вторичного вала являются фрагменты амфор византийского круга (горло с ручкой и несколько фрагментов ручек), датируемые XII— первой третью XIII вв.[13], а самыми поздними — фрагменты краснолощеной сплошь и краснолощеной полосами керамики, время появления которой — не ранее последней четверти XIV в. Во вторичном валу найдена и тонкостенная чернолощеная керамика, появляющаяся в Смоленске со второй половины XIV в. [14]; то есть время появления самой поздней керамики совпадает с дендродатой.

Вторичный вал за время своего существования неоднократно оползал (рис. 4, *4*), так как культурный слой, наросший на горизонтальных бревнах, положенных у его основания, перекрыт суглинком, идентичным заполнению городен вала, а поверх суглинка культурный слой накапливался уже на наклонной поверхности. Наклонная поверхность у основания вала укреплялась специальными частоколами и плетнями. Уже после частичного разрушения вторичного вала (то есть не ранее конца XIV—начала XV вв.), у его подножия было устроено кладбище 2, могильные ямы которого прорубили горизонтальные бревна, упомянутые выше.

После строительства кольцевого вала размер крепости внутри укреплений достиг площади 4,4 га. Первичный вал, окруживший весь кремлевский холм, был построен не ранее присоединения города к Москве в 1303 г. Это подтверждает и наличие небольшого количества

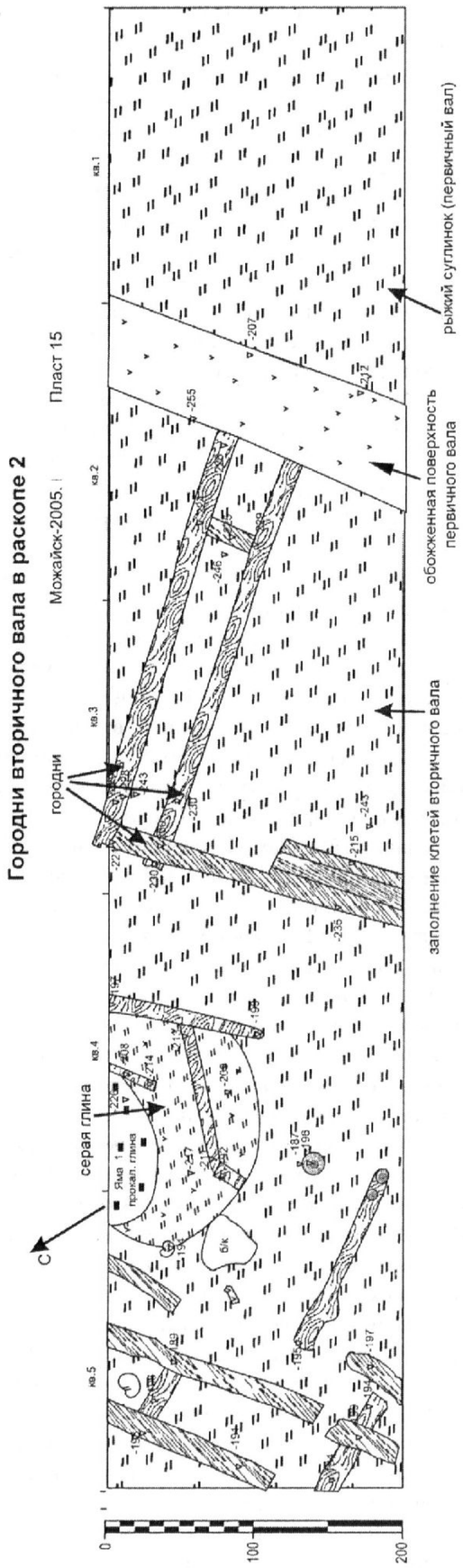

Рис. 5. План раскопа 2 на уровне 15 пласта.

красноглиняной грубой керамики в слое под валом. 1303 г. можно считать нижней датой строительства первичного вала. Уточнить время строительства первичного кольцевого вала Можайска можно на основании следующих рассуждений: если считать, что в начале XIV в. строительство укреплений в Можайске и Коломне происходило одновременно, как и в 1375 г., то первичный вал можайского кремля построен около 1307 г., когда происходило строительство первого этапа коломенского вала[15]. Верхней датой его постройки можно принять 1340 г. — последний год перед приходом войска литовского кн. Ольгерда в 1341 г., когда был сожжен только посад, а крепость выстояла[16]. Ремонт укреплений был произведен после 1375 г. великим князем Дмитрием Ивановичем в рамках подготовки княжества к борьбе с Литвой и татарами.

Уже первичный вал XIV в. шел по линии существующих валов, то есть окружал весь кремлевский холм. После ремонта 1376 г., или сразу после этой даты, вал, видимо, стал выше. Однако выяснить, насколько вырос вал, а также точно датировать все его перестройки удастся только после разреза вала в его нетронутой части. Но можно с уверенностью сказать, что с западной и северо-западной стороны холма вала практически не было, а фундамент стены 1624—26 гг. врыт почти в край холма[17]. С этих сторон кремлевский холм имеет очень крутые склоны и там, по-видимому, стояла только стена, до XVII в. деревянная. Увы, при строительстве кирпичной стены 1624—26 гг. на заглубленном каменном фундаменте все следы предыдущих укреплений в этой части кремля были уничтожены.

Направление городен вторичного вала, исследованного в раскопе 2, показывает, что вал здесь поворачивает к северу. Это можно объяснить тем, что кольцевой вал XIV в. образовывал некий коридор, заканчивавшийся воротами, через которые осуществлялся въезд в крепость с юга (рис. 3). Этот коридор был разрушен после строительства новых ворот XV в., пожар которых был прослежен в виде прослойки угля в раскопе под Никольским собором. Разрушенный вал был использован как платформа при строительстве каменного старого Никольского собора при кн. Андрее Дмитриевиче в первой четверти XV в. Эта платформа была обнаружена при раскопках 1981 г.

Примечания

[1] Оползневое происхождение Никольской горы установлено в результате комплексных обследований в начале 1990-х гг. (Романова, Заботкина, Несмеянов и др., 2004. С. 132).

[2]Молчанов А.А. Работы в Можайском кремле // АО 1981. М, 1983. С. 70, 71; Молчанов А.А. Раскопки в Можайском кремле // АО-1982 г. М., 1984.; Молчанов А.А., Кавельмахер В.В. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях памятника архитектуры XIV в. Старо-Никольского собора в г. Можайске. М., 1981. Архив ИА РАН. Р-1. № 8409.

[3]Большая доля работы по раскопкам, полевой фиксации и написанию отчетов принадлежит М.Ю. Меньшикову. За помощь в фиксации и интерпретации результатов работ выражаю искреннюю благодарность И.И. Кондратьеву.

[4]Панова Т.Д. История укреплений средневековой Москвы XII—XIV вв. // Кремли России. ФГУ «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. М., 2003. Вып. XV. С. 88. Ю.Ю. Моргунов, который подробно останавливался на вопросе о хаковых (крюковых) конструкциях, считает, что верхняя дата их применения — середина XIII в. Моргунов Ю.Ю. Фортификация Южной Руси X—XIII вв. Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2007. С. 55.

[5]Датировка и определение керамических типов произведено по изданию: «Московская керамика. Новые данные по хронологии». М., 1991.

[6]ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 173.

[7]Экземплярский А.В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т.2. СПб., 1884. С. 74—75.

[8]ООО «Фирма РЕМИС». Отчет о научно-исследовательской работе: «Оценка инженерно-геологических условий территории Никольской горы (Можайского кремля) с целью разработки комплекса охранных мероприятий». Выполнено по договору № 32 с Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником. М., 2002. С. 104—105.

[9]Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I—начале II тыс. н.э. Тула, 2005. С. 29—31.

[10]Московская керамика… С. 58.

[11]Небольшое количество керамических фрагментов (самое большое количество происходит из слоя щепы у подножия первичного вала — 124 фр.) не позволяет получить статистически достоверное процентное соотношение между типами керамики.

[12]Анализы сделаны в лаборатории дендрохронологии ИА РАН Н.Б. Черных и А.А. Карпухиным. Ими же проведены сравнения с образцами из Коломенского кремля. Мазуров А.Б. Оборонительные сооружения Коломны XIV—XV вв. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3. / Труды музея истории Москвы. Вып. 10. М., 2000. С. 68; Черных Н. Б., Карпухин А. А. О хронологии оборонительных сооружений Коломны XIV в. (по данным дендроанализа) // КСИА. Вып. 216. М., 2004. С. 97—103.

[13]Коваль В.Ю. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X—XIII вв.). // Русь в XIII в. Древности темного времени. М., 2003.С. 350.

[14]Сергина Т.В. Керамика Смоленска // Смоленские древности. Вып.3. Смоленск, 2004. С. 44.

[15]Мазуров А.Б. К столетию начала археологического изучения Коломны // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 292.

[16]ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 271.

[17]Янишевский Б.Е. Отчет о раскопках в Можайском кремле в 2005 г. // Архив ИА РАН. 2005.

ДРЕВНИЙ БРЫН

***Г.П. Поляков**, к.и.н., доцент,*
Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского

Одним из самых слабоизученных домонгольских центров Чернигово-Северской земли, остававшимся на обочине внимания исследователей отечественного средневековья, является летописный Брын. Он в первый и единственный раз упоминается в Новгородской летописи под 1228 г.: «Новгородци послаша по Михаила (великий князь Михаил Всеволодович Черниговский) в Чернигов… и *(послы — Г.П.)* быша Смоленске и не пусти их князь Смоленьскы *(Мстислав Давыдович — Г.П.)* и пути заяша вся… и уведав Михаил, яко приятии суть посли Новгородскии в Смоленьске, бе бо тогда в Брыну»[1].

Таким образом, Брын упоминается в летописи в связи с борьбой Михаила Всеволодовича Черниговского за Новгород с Ярославом Всеволодовичем Суздальским. Около 1225 г. Михаил был приглашен на княжение в Новгород Великий. Там он пробыл всего несколько месяцев и снова ушел в Чернигов[2]. В 1228 г. он вновь принял приглашение стать новгородским князем, его поддержала черниговская партия Новгорода и отправила за ним послов, которых и задержал Мстислав Давыдович Смоленский. В конце концов, князь Михаил снова стал новгородским князем, но и на этот раз он там долго не задержался и вскоре возвратился в Чернигов. Не исключено, что Михаил специально ожидал в Брыну, располагавшемся неподалеку от северо-западной границы Чернигово-Северской земли со Смоленской, вестей из Новгорода.

Летописный Брын локализуется на городище, расположенном в пос. Брынь Сухиничского района Калужской области, на левом берегу р. Брынь — левого притока р. Жиздры. Площадка городища округлой формы диаметром около 150 м и площадью, соответственно, в 1,8 га. С юго-востока и запада площадки прослеживаются остатки дугообразного внутреннего довольно мощного вала высотой до 6 м и шириной основания в 25 м. С восточной стороны перед ним зафиксированы остатки рва глубиной до 4 м. С юга наблюдаются следы снивелированного внешнего вала[3].

Памятник слабо изучен археологически, в основном, из-за того, что в XIX—начале XX вв. на городище была построена церковь и жилые дома. В обнажениях культурного слоя, судя по Т.Н. Никольской, собрано множество фрагментов керамики XIII—XIV вв.[4], по «Археологической карте» — XIII—XV вв.[5], по О.Л. Прошкину — XII—XIII вв. и «более поздним временем»[6].

Отметим также факт размещения Брына на юго-западной окраине плодородного Мещовского ополья, в непосредственной близости от огромного лесного массива, известного

по письменным источникам XVI—XVII вв. как Брынский лес[7]. Вне сомнения, свое название этот лес, располагавшийся на Деснинско-Окском водоразделе, получил по имени интересующего нас населенного пункта, а он в свою очередь — по имени реки, на которой был расположен. Со временем после падения значения Брына и утраты им городского статуса «Брынский лес» трансформировался в «Брянский». Кстати, некоторые исследователи упоминали Брын (Брынь) как один из вариантов названия г. Брянска, что, разумеется, не соответствует действительности[8].

Вероятнее всего, гидроним и, впоследствии, топоним «Брын» ведут свое происхождение от растения: «Брын, как ельник, цветка нет, на кочках растет — кустиком, использовали от простуды»[9].

Относительно социального статуса Брына предварительно, до проведения стационарных раскопок, можно высказать следующее предположение. Судя по небольшой площади детинца, первоначально (в XII в.) Брын являлся владельческим поселением — княжеским селом, выросшим со временем в малый частновладельческий город (с укрепленной площадью 1,78 га), принадлежавший в конце 20-х гг. XIII в. Михаилу Всеволодовичу Черниговскому.

Примечания

[1]Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С.71.

[2]Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII вв. М., 1977. С.124.

[3]Успенская А.В., Фехнер М.В. Поселения Древней Руси // Труды ГИМ. М., 1956. С.140; Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981. С.125,153; Археологическая карта России. Калужская область. М., 1992. С.44.

[4]Никольская Т.Н. Ук. соч. С.159.

[5]Археологическая карта России. Калужская область. С. 44.

[6]Прошкин О.Л. Древнерусские поселения Калужского края в письменных источниках // Песоченский историко-археологический сборник. Вып.3. Ч.1. Киров, 1997. С.81.

[7]Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950. С.56.

[8]Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М, 1966. С.66; Пасекунов Е.С. К вопросу о происхождении названия «Брянск» // Брянский краевед. Вып. V. Брянск, 1973. С.102.

[9]О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследования и словарь //Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. LXXVI, №3. Спб., 1904. С.75.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С ГОРОДИЩА 1 в г. ТАРУСЕ

***А.С. Фролов**, Фонд содействия охране памятников археологии «Археологическое наследие»*
***О.Л. Прошкин**, к.и.н., зав. отделом, Калужский областной краеведческий музей*

На территории Тарусы известен целый ряд различных археологических памятников — стоянок и местонахождений эпохи каменного века, поселений эпохи бронзы, селищ и городищ — от раннего железного века до позднего средневековья. Бесценным археологическим источником для изучения древнейшего прошлого Тарусы является исторический культурный слой, распространение которого четко очерчивает границы города в разные исторические периоды. Древней истории города посвящено не так много книг и статей, как, например Боровску и Коломне, Серпухову и Можайску, а поэтому каждая новая публикация является весьма существенным дополнением к ней.

Городище 1 является очень важным археологическим памятником для изучения истории Тарусы древнерусского периода. По сути дела, это был крупный укрепленный центр (детинец) города ко времени его первого косвенного упоминания в письменных источниках под 1246 г. [1, с. 81]. Археологическим обследованием городища и его исторической интерпретацией в контексте истории Тарусы с начала 1970-х гг. занимался А.С. Фролов [2; 3; 4 и др.]. Часть собранных древнерусских находок ранее уже была опубликована [5].

Городище расположено на мысу правого берега р. Тарусы, примерно в 0,8 км выше ее

устья, при впадении ручья. Часть памятника занята городским кладбищем, возникшим здесь еще в XIX столетии. Площадка городища в плане имеет трапециевидную форму и площадь около 1 га. Высота над водой в р. Тарусе составляет 16—20 м. Культурный слой мощностью до 0,8 м содержит материалы 1-ой половины и конца 1 тыс. н. э., древнерусского времени и периода позднего средневековья. Оборонительные сооружения практически не сохранились. Лишь в южной части площадки на отдельных участках прослеживаются остатки малозаметного сейчас вала и в западной — неглубокого, вероятно засыпанного, рва.

Имеющиеся археологические материалы, несомненно, позволяют говорить о существовании здесь славянского поселения уже в XI в. Однако, однозначно сказать, что в то время это был город, мы пока не можем. На протяжении всего XII и начала XIII столетий происходят некие, не до конца понятные пока, процессы, ставшие предпосылками для становления Тарусы стольным городом удельного княжества к середине XIII в. О городском характере этого укрепленного центра, начиная с XIII столетия, свидетельствует довольно значительная защищенная площадь и наличие рядом с ним крупного по размерам посада (точная площадь не установлена в виду современной городской застройки). Кроме многочисленных фрагментов круговой посуды, здесь были найдены обломки стеклянных браслетов, фрагменты семилопастных биллоновых колец, бронзовые ложновитой перстень и ажурная накладка, бипирамидальная сердоликовая бусина, шиферные пряслица, калачевидное кресало и другие предметы.

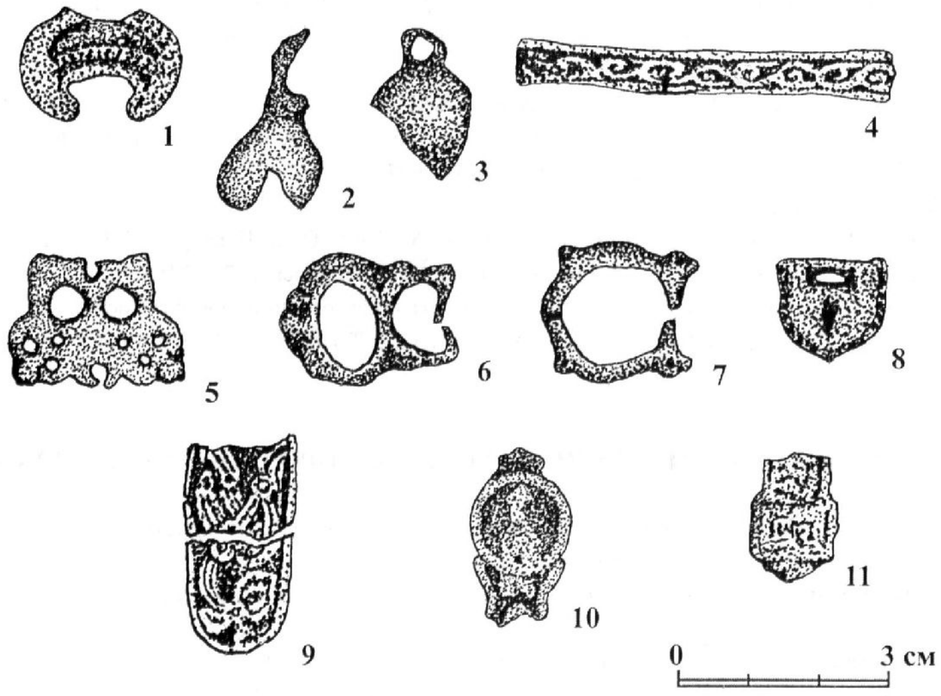

Рис. 1. Таруса, городище 1, подъемный материал. Украшения (*1—5*), детали костюма (*6—9*) и предметы христианского культа (*10, 11*).

В последние годы культурный слой на городище продолжают разрушать наступающее на него кладбище, а также местные жители, берущие с площадки поселения для своих нужд землю. При обследовании нарушений культурного слоя А.С. Фроловым собрана небольшая, но очень ценная в научном отношении, коллекция предметов, которой и посвящена данная публикация (находки хранятся в фондах КОКМ).

Коллекция включает как целые предметы, так и их отдельные фрагменты, которые по своему назначению делятся на несколько групп: 1) украшения; 2) детали костюма; 3) предметы христианского культа; 4) предметы быта; 5) детали конской упряжи; 6) орудия труда.

Украшения.

К украшениям относятся найденные в культурном слое городища три привески (лунница и два бубенчика), часть браслета и, вероятно, часть цепедержателя или привески.

Привеска-лунница круторогая с «зубчатым» орнаментом в виде полосы в центре и по всему периметру (читается очень слабо), выполнена из оловянисто-свинцового сплава (рис. 1, *1*). Точных аналогий неизвестно, но схожая лунница найдена в Новгороде в слое 1230-х гг. [6, рис. 6, *3*]. Оба бубенчика бронзовые. Один из них имеет форму, близкую грушевидной, линейную прорезь и удлиненную петельку для подвешивания (рис. 1, *2*). Подобные бубенчики характерны для финно-угорского круга древностей и встречаются, как правило, в составе зооморфных шумящих привесок на протяжении длительного времени — от середины X в. до XIII в. включительно [7, табл. 4, *12*, табл. 13, *7* и др.]. Другой бубенчик (сохранилась 1/2 привески) шаровидный, гладкий с линейной прорезью (рис. 1, *3*). Относится к очень широко распространенному в древнерусский период типу [6, с. 156 и др.]. Фрагмент бронзового пластинчатого браслета с растительным орнаментом имеет множество аналогий среди подобных украшений древнерусского времени (рис. 1, *4*). В Новгороде известны целые формы таких браслетов с овальными и криновидными окончаниями, датирующиеся XII—XIII вв. [6, рис. 42, *7—9*]. Интересно бронзовое изделие, от которого сохранилась лишь его нижняя половина. Ввиду отсутствия точных аналогий его можно предположительно трактовать в качестве части цепедержателя для шумящих привесок или же в качестве пластинчатой привески (рис. 1, *5*).

Детали костюма.

Данная группа находок включает две поясные пряжки, поясную накладку и ременной наконечник.

Бронзовая лировидная пряжка с овальной рамкой, заканчивающаяся «лилиевидным» завершением и полуовальным приемником для ремня, является одним из наиболее распространенных типов древнерусских пряжек XI—XII вв. (рис. 1, *6*) [6, рис. 56, *1, 2*; 8, с. 104, рис. 14, *2* и др.]. Другая бронзовая пряжка состоит из полукруглого приемника с четырьмя выступами и является, вероятно, продолжением развития «лировидной» формы в XII—XIII вв. (рис. 1, *7*). Бронзовая поясная геральдическая накладка с «зубчатым» орнаментом по краю имеет, скорее всего, восточное кочевническое происхождение (рис. 1, *8*). Фрагмент бронзового наконечника пояса украшен растительным орнаментом типа «вьюна», который встречается на различных древнерусских украшениях XII—XIII вв. (рис. 1, *9*) [6, рис. 58, *11* и др.].

Предметы христианского культа представлены фрагментами верхней части створки московского креста-энколпиона (медальон с полуфигурой святого) XV в. (рис. 1, *10*) и нижней оконечности нательного креста XV—XVI вв. (рис. 1, *11*) (вероятно, модель тверского происхождения) [9].

Предметы быта.

Наиболее многочисленная категория предметов, состоящая из таких железных изделий, как ножи, кресало, часть механизма замка, ручка, а также костяного гребня, глиняных пряслиц и каменного оселка.

Два черешковых, узколезвийных ножа с прямой спинкой и клиновидных в поперечном сечении достаточно характерны для древнерусского времени (рис. 2, *1*). Находки подобных ножей происходят из курганных погребений и культурных напластований X—XIV вв. [10, с. 142, рис. 51, *16*; 11, с. 114, табл. 8, *34* и др.]. Овальное двулезвийное кресало укладывается хронологически в период XIII—XV вв. (рис. 2, *2*) [12, с. 101, рис. 84, *9—10* и др.]. Дужка с частью внутреннего механизма принадлежала навесному пружинному замку новгородских типов Б-Д по Б.А. Колчину (XII—середина XV вв.) (рис. 2, *3*) [12, рис. 70]. Ручка от ведерка или сундучка может иметь очень широкую датировку (рис. 2, *4*). Например, в Старой Рязани аналогичный предмет происходит из древнерусского слоя до 1237 г. [13, табл. 32, *2*]. Наиболее интересной находкой из категории предметов быта является половинка костяного, двухстороннего, составного гребня с бронзовыми заклепками типа К по Б.А. Колчину, датируемого по новгородской хронологии XII—1-ой половиной XIV вв. (рис. 2, *5*) [14, с. 166, рис. 5]. Аналогичные гребни известны из домонгольского слоя и построек в Старой Рязани, где, по мнению В.П. Даркевича, они могли и изготавливаться [15, с. 65]. Одно из пряслиц битрапецоидное, сероглиняное (рис. 2, *6*), а другое сделано из стенки кругового, но грубого красно-коричневоглиняного сосуда (рис. 2, *7*). Завершает коллекцию уплощенно-выпуклый

оселок с отверстием для подвешивания (рис. 2, *8*).

Детали конской упряжи.

Железные удила и подпружная пряжка. Кольчатые удила без перегиба относятся к типу VI А.Н. Кирпичникова и датируются исследователем в целом X—XIII вв. (рис. 2, *9*).

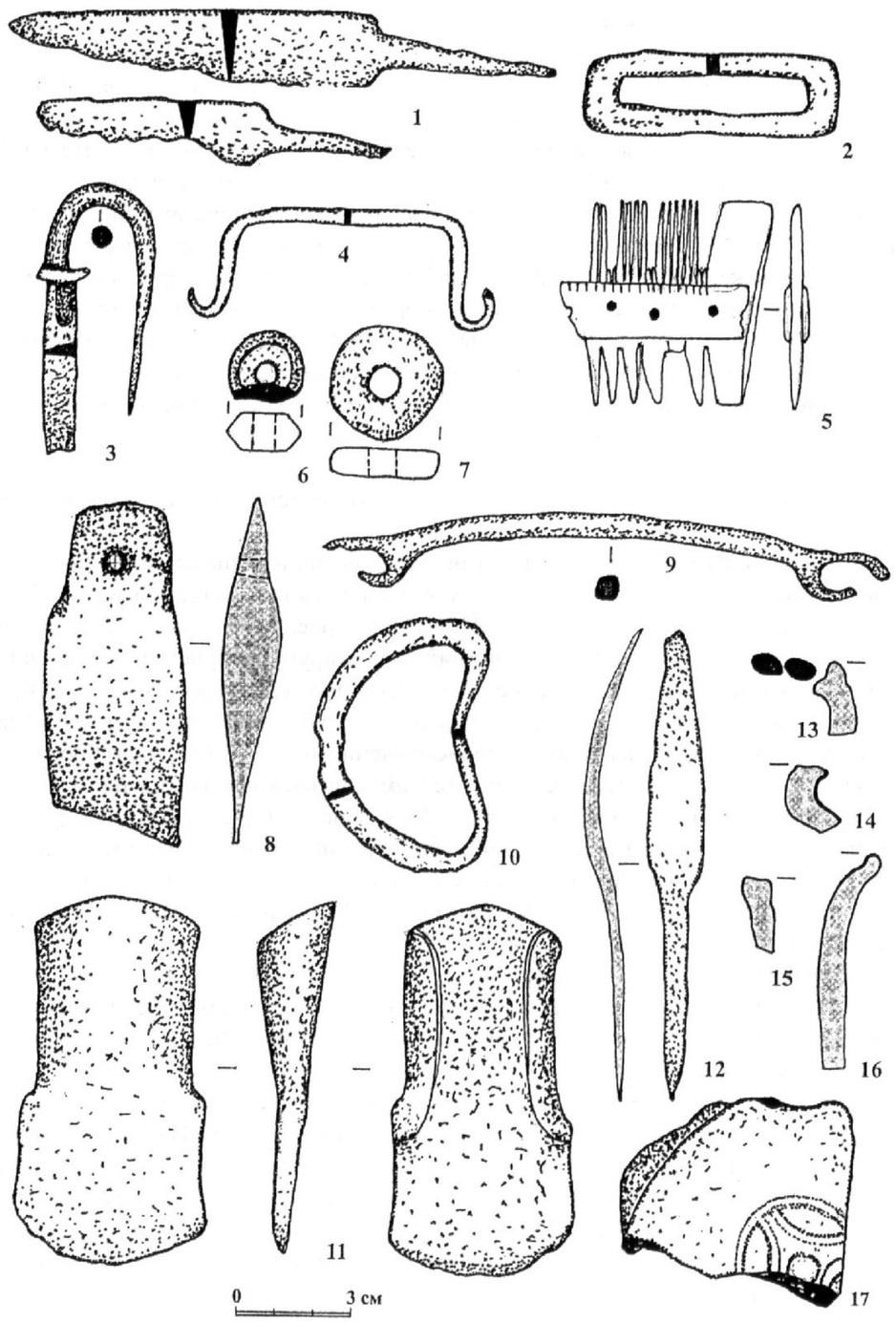

Рис. 2. Таруса, городище 1, подъемный материал. Предметы быта (*1—8*), детали конской упряжи (*9, 10*), орудия труда (*11, 12*), керамика (*13—17*).

Наибольшее число находок относится к X—XI вв. и связывается с кочевническим влиянием. [16, с. 17—18]. Подпружная сегментовидная пряжка может относится к широкому хронологическому диапазону (рис. 2, *10*).

Орудия труда представлены железными втульчатым теслом (рис. 2, *11*) и, вероятно, кочедыком (рис. 2, *12*).

Кроме того, на городище собрана небольшая керамическая коллекция, представленная фрагментом венчика груболепного сосуда с ямочным орнаментом по краю (рис. 2, *13*), а также фрагментами круговых сосудов (рис. 2, *14—16*), крышек и частью донца с клеймом (рис. 2, *17*) от периода Древней Руси до позднего средневековья включительно.

Источники и литература

1. ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб, 1910.

2. Фролов А.С. О времени возникновения города Таруса // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1990.

3. Фролов А.С. О локализации детинца древней Тарусы конца XI—начала XII веков // Таруса в исследованиях краеведов. Калуга, 2000.

4. Фролов А.С. Таруса — история тысячелетий. М., 2001.

5. Прошкин О.Л., Фролов А.С. Коллекция древнерусских находок из Тарусского района Калужской области // Таруса в исследованиях краеведов. Калуга, 2000.

6. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.

7. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59. М., 1979.

8. Равдина Т.В. Хронология «вятических» древностей. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1975.

9. Определение и датировка выполнены н.с. Калужского областного художественного музея В.Г. Пуцко, за что авторы приносят ему искреннюю благодарность.

10. Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992.

11. Равдина Т.В. Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988.

12. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959.

13. Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

14. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

15. Даркевич В.П. Старая Рязань (итоги археологических исследований 1970—1979 гг.) // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III, вып. 1а, секция V. М., 1987.

16. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие // САИ. Е1-36. Вып. 2. М.-Л., 1966.

ТАРУСА 4 — ПАМЯТНИК ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

А.С. Фролов*, Фонд содействия охране памятников археологии «Археологическое наследие»*

Поселение, получившее условное название «Таруса 4», было открыто автором летом 1970 г. Оно расположено на южной окраине города (в его современных границах) против дер.Почёво*. Занимает юго-западную часть обширного мыса надпойменной террасы левого берега р.Песочня, ограниченного двумя глубокими оврагами [АКР, 2006, с. 212, № 620]. В настоящее время вся площадь местонахождения этого археологического объекта задернована, но ранее, в 1950—70-е гг. XX в., подвергалась активной распашке. Многолетнее глубокое вспахивание привело к тому, что культурный слой поселения оказался практически уничтоженным. При такой ситуации исследование памятника ограничивалось лишь сбором подъёмного материала с поверхности. Все находки равномерно (не отмечено никаких явных скоплений) встречались на площади, не превышающей 0,5 га.

За время обследования памятника собрана коллекция, насчитывающая свыше 1500 предметов (фрагменты керамики, орудия и нуклеусы, отщепы и осколки кремня проч.).

Предметов из камня — 670 экз., в том числе 144 со вторичной обработкой. В качестве основного сырья использовался преимущественно местный разноцветный валунный кремень, встречаемый в больших количествах в ближайших окрестностях по берегам рек и ручьёв, а также меловой чёрного цвета, т.н. «бёховский». Количественно изделий из последнего

* В «Археологической карте России. Калужская область» (М., 1992) данный памятник упомянут как «Поселение 1».

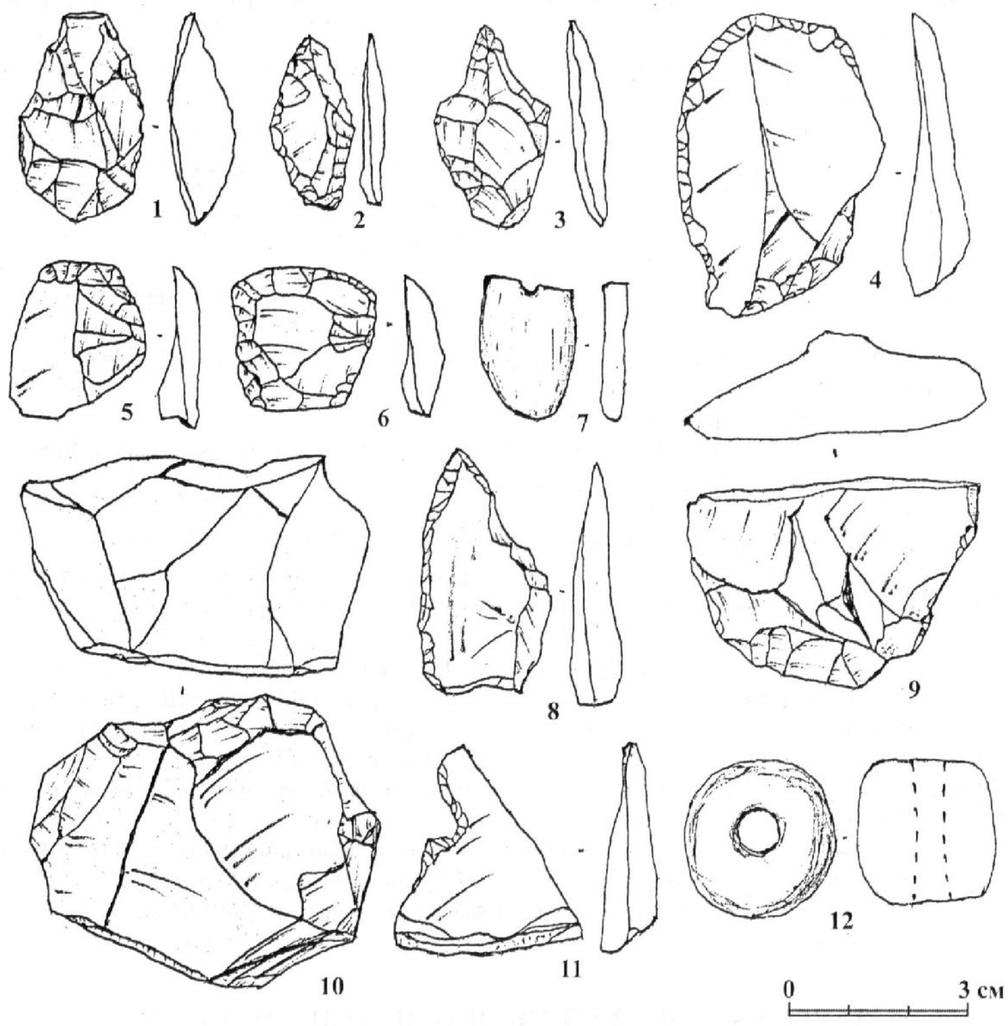

Рис. 1. Кремневый инвентарь с поселения Таруса 4.

значительно меньше. Некоторые из каменных предметов носят следы термического воздействия. Видимо, ещё в древности они побывали в огне.

Техника изготовления орудий базировалась на расщеплении кремневых желваков для получения отщепов — заготовок будущих орудий. Из семнадцати нуклеусов, имеющихся в коллекции, 14 экз. можно отнести к аморфным с бессистемным скалыванием заготовок, где любой негатив скола мог служить ударной площадкой для последующего. Лишь три ядрища, также от отщепов, имеют чётко выраженные горизонтальные площадки, подправленные широкими уплощающими сколами (рис.1, *10*).

К этой группе предметов — орудий для обработки камня — примыкают отбойники-ретушёры. Их пять экземпляров. Все на кремнёвых желваках. Три из них сферической формы, несут на себе характерные следы трещин и звёздчатой забитости.

Среди орудий наиболее широко представлены скребки — 37 экземпляров. За исключением одного (на крупной широкой пластине мелового кремня) все они изготовлены на отщепах различного размера при помощи оформления рабочего края затупливающей ретушью (рис.1, *4—6*). Сколько-нибудь устойчивых, морфологически выдержанных серий, не прослеживается.

Скобелей восемь экземпляров. Все с узкими мелкими выемками, изготовлены на отщепах (рис.1, *11*).

Ножей насчитывается 17 экземпляров. Все также на отщепах. Рабочий край — лезвие — оформлялся при помощи мелкой заостряющей ретуши (рис.1, *8*). Найден обломок обработанного двусторонней отжимной ретушью серповидного (или, как их иногда называют, «кривого») ножа,

со следами работы по злакам (трасологическое определение М.Г.Жилина).

К числу перфораторов (проколки, провертки) следует отнести семь изделий. Заготовкой для всех служили отщепы. Наиболее выразительна проколка с чётко выраженным коротким жальцем и с уплощённой ретушью тыльной частью. Грани жальца, изрядно стёртые, свидетельствуют об активном её использовании (рис.1, *3*).

Предметов вооружения пять экземпляров. Это четыре, довольно грубо оформленные, наконечника стрел и их заготовки (рис.1, *1,2*) и обломок двусторонне обработанного дротика, по-видимому, листовидной формы, из фиолетового старицкого кремня.

Кроме вышеописанных предметов в коллекции каменного инвентаря — отщепы с нерегулярной, преимущественно краевой, ретушью (рис.1) и обломки заготовок изделий, характеризующиеся грубой обработкой, часто способом примитивной обивки куска кремня.

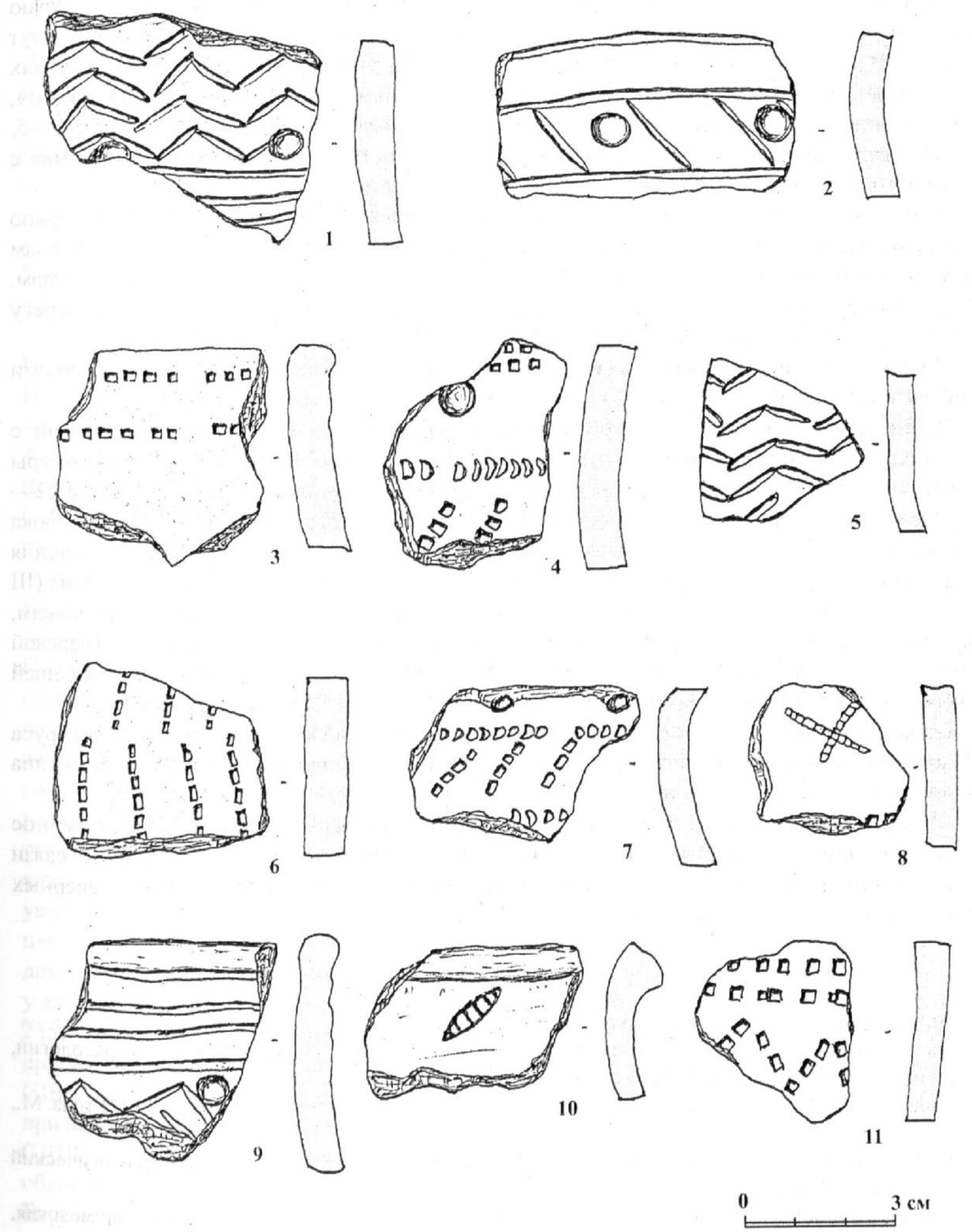

Рис. 2. Керамика с поселения Таруса 4.

Следует упомянуть овальную подвеску из небольшой гальки (рис. 1, *7*) и небольшой фрагмент лезвийной части шлифованного топора. Найдено ещё два обломка лезвийной и обушковой частей крупных рубящих орудий (рис. 1, *9*).

В целом для комплекса каменного инвентаря поселения Таруса 4 характерно господство бессистемного скалывания отщепов с аморфных ядрищ и преобладание грубых, небрежно оформленных, изделий. В то же время некоторые предметы (обломок наконечника дротика, скребок на пластине, серповидный нож) отмечены тщательностью двусторонней обработки. При этом все они изготовлены из высококачественного, несомненно, импортного мелового кремня.

Керамических обломков около 900 экземпляров. Подавляющее большинство представлено мелкими неорнаментированными фрагментами стенок сосудов.

Основная масса — это обломки лепной тонкостенной посуды с примесью в тесте мелкого песка и дресвы. Венчики прямые или слегка отогнутые наружу (рис.2, *3, 9, 10*). По краю венчиков обычно нанесён орнамент коротким мелким зубчатым штампом. По горлу идут различные комбинации полос зубчатого штампа или прочерченных линий (в двух случаях ложной верёвочкой), иногда чередующиеся с ямочными вдавлениями и «наколами», образующие различные геометрические узоры: зигзаг, «ёлочку», кресты и т.п. (рис.2, *1—5, 8, 11*). Есть в коллекции один фрагмент с «жемчужным» и два небольших обломка с «сетчатым» орнаментом. Найдено два фрагмента плоских днищ.

Вторая — количественно небольшая — группа керамики характеризуется значительно большей толщиной стенок сосудов, наличием крупных минеральных примесей и полным отсутствием орнаментики. Причём все фрагменты принадлежат довольно крупным сосудам. Подобная керамика прослежена на поселении Тарусский 1 (Совхоз 1), на левом берегу р.Тарусы, вблизи её устья [АКР, 2006, с.220, № 675; Фролов, Прошкин, 1989, с.21,54].

Предметов быта, изготовленных из глины, три. Все — бочонковидные пряслица с узкими каналами (рис.1, *12*).

Рассмотренный комплекс материалов с поселения Таруса 4 имеет ряд общих черт с материалами, достаточно подробно исследованных памятников ивановобугорской культуры (2-я половина III тыс. до н.э.—нач. II тыс. до н.э.) Среднего Дона [Синюк и др., 1989, с.22—24]. По мнению исследователя иванобугорской культуры эпохи раннего металла А.Т.Синюка в её керамике прослеживаются своеобразные традиции позднеенеолитического населения территории Подесенья и Верхней Оки, в сочетании с признаками репинской культуры (III тыс. до н.э.) [Синюк, 1981, с.8—20]. Отмечу, что довольно близкая, по внешним признакам, керамика известна и на ряде стоянок, исследованных в Московской (Никольская 2) и Тверской (Чирковская) областях [Сидоров, 1972, с.66—68; Сидоров, 2002, с.442—447] . Схожа с нашей и керамика с поселения Ждамирово под Калугой [Павлишак, 2001, с.112, рис. 1].

Однако, наибольшее сходство и кремнёвый, и керамический комплексы поселения Таруса обнаруживают в среде энеолитических памятников так называемого «боровичского» типа (конец III тыс. до н.э.), изученных в Подесенье [Смирнов,1991, с.79—90].

Материалы четвёртого тарусского поселения ещё раз подтверждают культурное многообразие региона верхней Оки в эпохи энеолита — ранней бронзы, его обширные связи с родственными племенами, как южных лесостепных и степных, так и более северных (Верхнее Поволжье) лесных территорий в III тысячелетии до н.э.

Литература

Археологическая карта России. Калужская область. М., 2006.

Павлишак А.А. Древнее поселение Ждамирово в бассейне реки Калужки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2001. Вып.IX, ч.1. С.111—121.

Сидоров В.В. Многослойные стоянки в Подмосковье // Археологические открытия 1971 года. М., 1972.

Сидоров В.В. Топор с янусовидным изображением из реки Осень // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002.

Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона. Советская археология, 1981, №4.

Синюк А.Т. и др. Памятники археологии Южного Подонья. Воронеж, 1989.

Смирнов А.С. Неолит Верхней и Средней Десны. М., 1991.

Фролов А.С., Прошкин О.Л. Археология Калужской области. Калуга, 1989.

О ЗАСЕЛЕНИИ КРИВИЧАМИ ВЕРХОВЬЕВ ДНЕПРА И УГРЫ

***Е.А. Шмидт**, д.и.н., профессор, Смоленский государственный университет*

В IV—VII вв. сохранялось стабильное размещение племен как в верховьях Днепра, так и в бассейне р. Угры. В смоленском течении Днепра обитали тушемлинские племена, а в дорогобужском течении Днепра и на Верхней Угре размещались мощинские племена (рис. 1). Около рубежа VII и VIII вв. тушемлинские племена в Поднепровье были разгромлены: их убежища сожжены и жизнь на многих поселениях прекратилась (Третьяков, 1963, с. 41; Шмидт, 2003, с. 141). На эти опустошенные пространства в VIII в. пришли из Подвинья племена культуры смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК), соотносимые в современной литературе с летописными кривичами. В своем продвижении с запада на восток вверх по Днепру и его притокам они достигли рек Вопи и Устромы (рис. 1), т. е. западной окраины расселения мощинских племен в Поднепровье. Мощинские племена плотно заселяли дорогобужское Поднепровье (Шмидт, Прохоров, Шорин, 2005, с. 24—27) и верхнее течение р. Угры (Шмидт,1996, с. 24—49) и оставались там в течение всего периода существования КСПДК. На их территории кривичи в VIII—IX вв. не проникли и там могильников КСПДК не выявлено.

Археологические памятники кривичей КСПДК VIII— начала X в. в Поднепровье и Подвинье изучаются уже более столетия. Впервые эти памятники были выявлены в Поднепровье и подвергнуты изучению В.И. Сизовым в последней четверти XIX века (Сизов, 1902, с. 81). Все материалы о длинных курганах, имевшиеся к началу XX в., были обработаны А.А. Спицыным и определено время их сооружения и этнокультурная принадлежность (Спицын, 1903, с. 202). В XX в. раскопки длинных курганов проводили А.Н. Лявданский (1920-е гг.), Е.А. Шмидт (1950-е—1970-е гг.), В.В. Енуков (1980-е гг.). Сводные работы публиковали Н.Н. Чернягин в 1941 г. и В.В. Седов в 1974 г.

Кривичи КСПДК как группа населения сформировались на рубеже VII и VIII вв. в землях Восточной Литвы и Юго-Восточной Латвии и по своей культуре они были балтами. В VIII в. они расселились на значительных пространствах Витебско-Полоцкого Подвинья и Смоленского Поднепровья. В течение VIII—начала X в. кривичи сохраняли свои исходные этнокультурные особенности. Это подтверждается археологическими материалами из раскопок погребальных памятников КСПДК (Шмидт,1963, с. 93—113). Балтским является весь вещевой комплекс женских погребений. В частности: характер одежды, металлические украшения, включавшие головные венчики (вайнаги) ленточного и жгутового типов, состоявшие из спиралей и разъединительных пластин с дополнительными различными подвескам (биэсовидные, трапециевидные, ромбовидные, колпачковидные и др.). Головной убор дополнялся височными кольцами специфических форм, часть из которых имела трапециевидные подвески. Шея украшалась гривнами и ожерельями из стеклянных бус преимущественно синего и желтого цветов, включавшие иногда бронзовые спирали. Носили они также браслеты спиральные и других типов и перстни. Этот вещевой комплекс имеет аналогии в древностях VIII—X вв. у латгалов и других групп населения Прибалтики (Шмидт, 1963, с. 93—113; 1970, с. 219—235; 2006, с.13), но не имеет аналогий в древностях славянских племен Поднепровья и других территорий. Это согласуется и с данными летописей. В Повести временных лет (ПВЛ) летописец при описании расселения славянских племен в Поднепровье и Подвинье и при перечислении племен, говоривших на славянских языках, кривичей к их числу не относит (ПВЛ, с. 13) Видимо, по представлениям даже XI в., когда жил летописец, не только их обычаи, но и их язык в то время отличался от славянского языка всех племен Восточной Европы. С конца IX в., скорее всего, после вхождения смоленских кривичей и их города Смоленска в 882 году в состав Древнерусского государства, материальная культура кривичей начинает меняться: постепенно уменьшается количество металлических украшений в

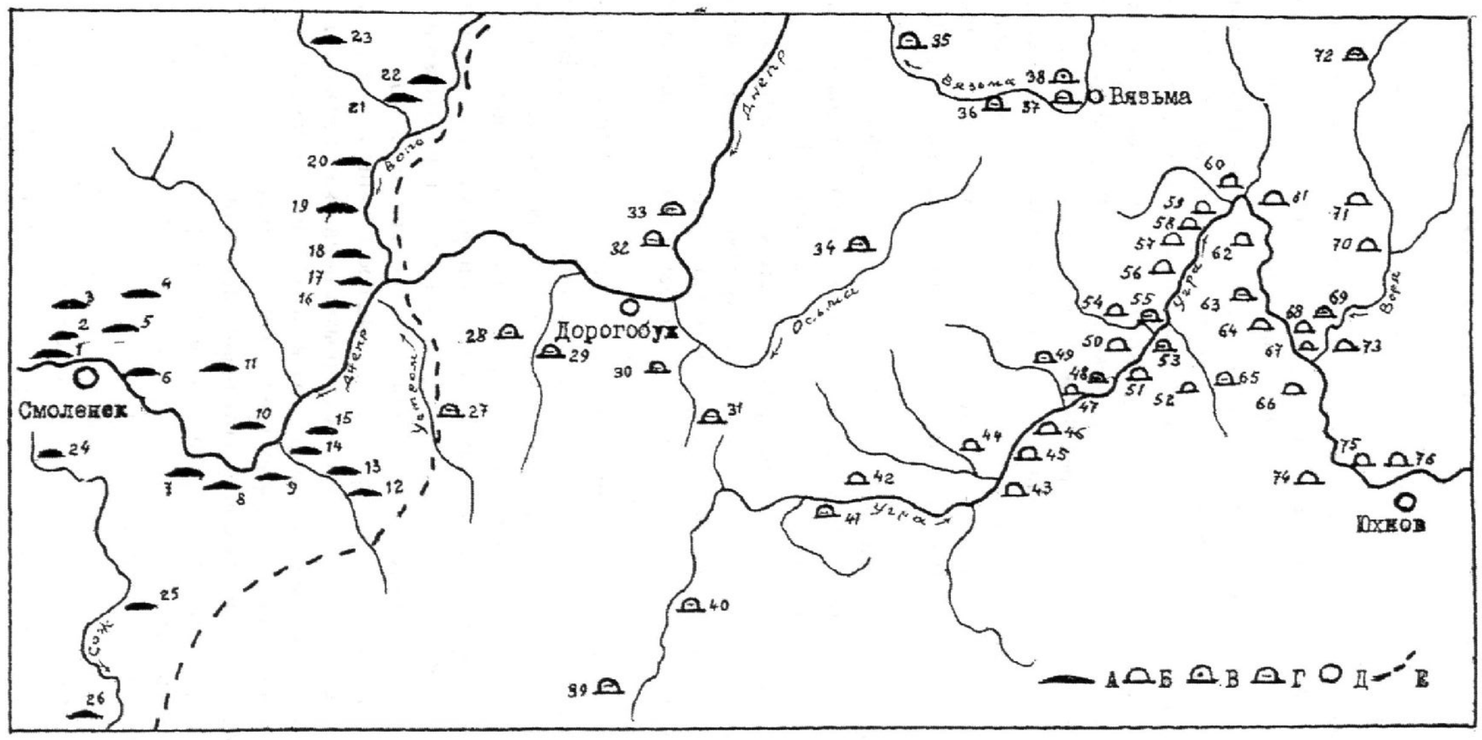

Рис. 1. Расселение кривичей в верховьях Днепра и Угры.
А — длинные курганы кривичей VIII—X вв.: 1 — Гнездово, 2 — Полежанки, 3 — Купники, 4 — Кислые, 5 — Заборье, 6 — Колодня, 7 — Березинка, 8 — Арефино, 9 — Мончино, 10 — Лопино, 11 — Ермачки, 12 — Ганино, 13 — Устье, 14 — Белкино, 15— Грива, 16 — Пнево, 17 — Пищино, 18 — Мизиново, 19— Сельцо, 20 — Хатыни, 21 — Городок, 22 — Рядынь, 23 — Введенье, 24 — Сож, 25 — Слобода–глушица, 26 — Еловцы.
Курганы кривичей X—XII вв.: Б— неисследованные, В — с кремациями, Г — с ингумациями: 27 — Милеево, 28 — Мутышино, 29 — Павлово, 30 — Бражино, 31 — Волочек, 32 — Харлапово, 33 — Трухоново, 34 — Хожаево, 36 — Литвиново, 37 — Копанево, 38 — Поклонная Гора, 39 — Высокое, 40 — Хотнежцы, 41 — Акулин Бор, 42— Щекино, 43 — Вознесенье, 44 — Курганье, 45 — Русачево, 46 — Волкочаны, 47 — городище I, 48 — Городище II, 49 — Желанье, 50 — Сверидово, 51 — Городянка, 52 — Ступенки, 53 — Шипуны, 54 — Сафоново, 55 — Заречье, 56 — Коростели, 57 — Дрожжино, 58 — Сатанино, 59 — Путятинка, 60 — Азаровка, 61 — Базулина, 62 — Мухина, 63 — Ивановское, 64 — Быково, 65 — Богатыри, 66 — Климов Завод, 67 — Костиково, 68 — Кобелево, 69 — Вавулинки, 70 — Шибнево, 71 — Дубровка, 72 — Паново, 73 — Александровка, 74 — Марьино, 75 — Мокрово, 76 — Ступино. Д — населенные пункты; Е — западная граница расселения кривичей с VIII в. до середины X в.

женских погребениях, меняется характер самого погребального сооружения. В это время усиливается приток славянского населения в земли кривичей из других областей, что фиксируется на материалах города Смоленска IX—X вв. (Археологический комплекс Гнездово, см. Ляпушкин, 1968, с. 44). При этом в IX в. в Гнездове основу населения составляли славяне (Ляпушкин, 1971, с. 37). Одновременно усиливается процесс славянизации местного населения — кривичей КСПДК. Начиная с середины X в. только в некоторых их погребениях встречаются отдельные вещи балтских типов. На большинстве курганных могильников КСПДК прекращаются захоронения и, видимо, уменьшается количество населения, связанного с культурой длинных курганов. Это было следствием внутренней политики государства, отселявшего население из внутренних областей на окраины и, может быть, с еще какими-то причинами, пока нам неизвестными. В XI—XII вв. материальная культура кривичей окончательно воспринимает славянский характер, общий для эпохи Древнерусского государства. В этот период заканчивается ассимиляция кривичей славянами и включение их в общерусскую духовную культуру, а этноним «кривичи» после середины XII в. на страницах летописи больше не упоминается. Таким образом, археологические данные показывают, что в течение VIII—XII вв. в Смоленском Поднепровье и Подвинье у балтского населения, именуемого кривичами, происходили сложные процессы не только изменения материальной культуры, но и славянизации с включением их в новую древнерусскую (славянскую) этническую общность.

Летопись дает общую картину территории кривичей в Восточной Европе: *«... кривичи, иже седять на верхъ Двины и на верхъ Днепра, их же градъ есть Смоленскъ, туде бо седять кривичи»* (ПВЛ, с. 12). Археологические источники позволяют считать, что эти области расселения кривичей соответствуют состоянию на начало XI в. В VIII в. кривичи КСПДК занимали значительно меньшую территорию и, скорее всего, за пределы витебско-полоцкого течения западной Двины и смоленского течения Днепра еще не проникали. В IX в., когда союз племен кривичей КСПДК стал играть заметную роль в жизни северной половины Восточной Европы и возникли особые взаимоотношения с варягами, кривичи появились на Верхней Волге и в других местах за пределами первоначальной территории. Однако, в Поднепровье их расселение вверх по Днепру в течение IX и первой половины X в. не происходило. Можно полагать, что на этих пространствах и далее к востоку, включая Верхнюю Угру, сохранялось еще население мощинской культуры (летописная голядь).

Материалы исследований Е.Н. Клетновой курганных могильников на Поклонной горе и у д. Литвиново и Копанево в бассейне р. Вязьмы (Клетнова, 1915, с. 12—16 и 22—26) давали основание предполагать, что славянское население начало заселять эти места после середины X в. В дальнейшем с появлением новых данных это предположение получило подтверждение. Анализ материалов из курганов конца IX—начала X в., известных за пределами основной территории кривичей КСПДК, позволил И.В. Белоцерковской выделить группу памятников типа Копаневo, установить особенности их материальной культуры, включавшей теперь проволочные браслетообразные височные кольца и другие предметы, позволившие определить их славянскую принадлежность (Белоцерковская, 1975, с. 53—65). Можно считать, что с этого времени началось проникновение нового населения вверх по Днепру, в том числе, в земли мощинских племен. Это население состояло из славян и славянизированных кривичей, которые находились в процессе образования части единой древнерусской народности, но сохраняли еще некоторое время свой этноним «кривичи».

Широкое освоение кривичами древнерусского времени бассейна верховьев Днепра, включая притоки Осьму, Вязьму и др., и верхнего течения р. Угры, т. е. земель, ранее заселенных мощинскими племенами, началось с первой четверти XI в. Это подтверждается не только результатами изучения курганных могильников, но и материалами, полученными при обследовании мест поселений. На всех поселениях, оставленных как мощинским, так и кривичским населением, не обнаружено славянской лепной керамики IX—X вв., а встречена только гончарная XI и последующих веков (Шмидт, Прохоров, Шорин, 2005, с 26). С XI—XII вв. начинают функционировать в Поднепровье курганные некрополи кривичей древнерусского времени у д.д. Хожаево, Станище (Клетнова, 1915, с.4—11, с. 27 и сл.), Милеево, Мутышино, Усвятье, Недники, Павлово, Бражино, Харлапово (Савін, 1930, с.219—252) и др. Полный анализ древностей XI—XII вв. этого района Поднепровья дан в работах

Н.И. Савина на основе материалов из Дорогобужского Поднепровья (Савін, 1930, с. 219—252) и в работе Е.А. Шмидта на основе целиком исследованного курганного могильника у д. Харлапово (Шмидт, 1957, с. 184—280). Курганные могильники в Дорогобужском Поднепровье включали погребения по обряду трупоположения с западной ориентировкой положения умерших, очень редким исключением была восточная ориентировка в погребениях мужчин. Погребальный обряд в течение XI—XII вв. несколько изменялся: ранние погребения совершались на остатках ритуального костра, разведенного на месте сооружения кургана, в дальнейшем ритуальный костер не разводился, а умерший помещался на очищенной поверхности материка. С конца XI—начала XII в. умерших начинают помещать в подкурганных ямах. Большинство курганов содержит одно погребение, но в отдельных курганах бывает по два и три захоронения, т.е., кроме основного, в насыпь введены дополнительные захоронения, что может быть пережитками традиций КСПДК. Как правило, женские погребения содержали разнообразные вещи, количество которых от начала XI в. к концу XII в. заметно уменьшается. Обычными украшениями у женщин были круглопроволочные браслетообразные завязанные или сомкнутые височные кольца, которые характерны для кривичей XI—XII вв. и выделяли их среди других групп славянского населения Древнерусского государства. Браслетообразные височные кольца часто дополнялись перстнеобразными или завязанными ромбощитковыми. Только в одном случае в женском погребении было два височных кольца: семилопастное вятичское и ромбощитковое (Харлапово, курган № 25). Украшениями шеи и груди были ожерелья из сердоликовых, хрустальных, золото- и серебро-стеклянных, просто стеклянных и пастовых бус разных типов. В ожерелье включались разнообразные металлические подвески. На руках были браслеты и перстни.У ног ставили глиняный гончарный сосуд, возможно, с пищей, а у руки иногда помещали нож. Такой вещевой комплекс женских захоронений характерен для всей территории кривичей в Поднепровье и Подвинье. Мужские погребения содержат небольшое количество вещей: чаще всего — нож и металлические части пояса (пряжки и поясные кольца), реже — топор, наконечник копья, кресало, железный стержень с кольцом. При погребении бывает глиняный сосуд или деревянное ведерко с железными обручами. Инвентарь мужских погребений не содержал каких-либо вещей, которые отличали бы кривичей от других групп населения древнерусского государства.

Курганы XI—XП вв. с трупоположениями в бассейне Смоленского течения р. Угры изучались Н.Г Керцелли в 1872 г. у д. д. Шипуны, Заречье, Желанье (Керцелли, 1876, с. 39—42), В.И. Сизовым у д. д. Желанье, Городище, Знаменка (Указатель памятников, 1893), Н.И. Булычевым в 1890-х—1900-х гг. у д.д. Ступенки, Шатуны, Ивановское, Бочарово, Вавуленки, Федотково (Булычев,1913), Н.И. Савиным в 1920-х гг. у д.д. Высокое, Хотнежцы, Акулин Бор (Савін, 1930, с. 220—221). Курганные могильники XI—XII вв.на Верхней Угре, подвергшиеся исследованиям, по своему характеру совершенно одинаковы с таковыми из Поднепровья. Они имеют одинаковую погребальную обрядность и погребальный инвентарь, включающий браслетообразные завязанные височные кольца и другие предметы, этнопринадлежность которых кривичам не вызывает сомнений. Большое количество курганных могильников на Верхней Угре подтверждает плотное заселение её в XI—XII вв. кривичами из Поднепровья (рис. 1). Нужно также отметить, что в неисследованных курганах могут быть погребения не только кривичей и вятичей, но и более древние — мощинского населения.

Литература

Белоцерковская И.В. К вопросу о полусферических курганах с трупосожжением на территории Смоленской земли Вестник Московского университета, серия история, вып. V. М., 1975. С.53—65.

Булычев Н.И. Раскопки по среднему течению р. Угры (Ока) бассейн Волги. Записки Московского археологического общества, Т. XXXI. М., 1913.

Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим данным). М., 1990.

Клетнова Е.Н. Археологические разведки Вяземского уезда. М., 1915.

Ляуданскі А.Н. Археолёгічныя досьледы у вадазборах р. р. Сажа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губерні // Працы археолёгічнай камісіі, Т. II, Менск, 1930. С.269—338.

Ляпушкин И.И. Новое в изучении Гнездова // Археологические открытия 1967 года. М., 1968. С. 43—44.

Ляпушкин И.И. Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 33—37.

Повесть временных лет. Часть первая. / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.– Л., 1950.

Савін Н.І. Раскопкі курганоу у Дарагабскім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ.//Працы археолёгічнай камісіі, Т. II. Менск, 1930. С. 219—252.

Седов В.В . Длинные курганы кривичей. САИ, Е1-8. М., 1974.

Сизов В.И. Длинные курганы в Смоленской губернии // Труды XI археологического съезда в Киеве 1899 г., Т. II. М., 1902. С. 81.

Спицын А.А. Удлиненные и длинные русские курганы // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. V, в. I, СПб, 1903. С. 196—202.

Третьяков П.Н. Древние городища Смоленщины // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.-Л., 1963. С. 3—140.

Указатель памятников. Российский исторический музей. М., 1893.

Чернягин Н.Н. Длинные курганы и сопки. (Археологическая карта).// МИА, № 6, М.-Л., 1941. С. 93—149.

Шмидт Е.А. Курганы XI—XIII веков у дер. Харлапово в Смоленском Поднепровье // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 2. Смоленск, 1957. С. 184—280.

Шмидт Е.А. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. // Материалы по изучению Смоленской области. Вып.V. Смоленск, 1963. С. 85—128.

Шмидт Е.А. О племенах восточной части Смоленской земли в I—VII вв. // Из истории Смоленщины. Сборник научно-практических статей. Смоленск, 1996. С. 24—49.

Шмидт Е.А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—VII вв. н.э. Смоленск, 2003.

Шмидт Е.А., Прохоров В.А., Шорин Ю.Н. Поселения мощинской культуры в Дорогобужском Поднепровье // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2005. С.24—27.

Шмидт Е.А. О культуре кривичей в VIII—XII вв. н.э. // Смоленск и Гнездово в истории славянского мира. Смоленск, 2006. С.11—15.

ПРЕДМЕТЫ ФИНСКОГО ОБЛИКА С ПОСАДА ГОРОДА МОЖАЙСКА

***М.Ю. Меньшиков**, Можайская археологическая экспедиция Института археологии РАН*

***Б.Е. Яншевский**, н.с., Институт археологии РАН*

В процессе работ Можайской археологической экспедиции весной 2006 г. был проведен сбор подъемного материала на части посада Можайского кремля, имеющего историческое название Брыкина гора (рис. 1). Брыкина гора расположена на левом берегу р. Можайки напротив городища Можайского кремля. На сегодняшний день данный участок ограничен каре из деревьев и представляет собой заброшенное пахотное поле площадью около 5 га. Была собрана большая керамическая серия и 74 индивидуальные находки, среди которых особо выделяется группа предметов, относящаяся к концу первого—началу второго тысячелетия нашей эры.

1. Каркасная треугольная подвеска (рис. 2, *1*). Полную аналогию данной находке проследить не удалось. Сохранилась она не полностью; три кольца, к которым подвешивались шумящие привески, перетерты; также перетерто верхнее кольцо, разрушена часть рамки. В целом вся вещь несет на себе следы длительного использования. Наиболее близкие по форме подвески найдены в костромских курганах XI—XII вв., в частности, в Коряковском курганном могильнике (Леонтьев, 1984, с. 176—196; Рябинин, 1986). Связь группы людей, оставивших эти курганы, с марийским населением неоднократно отмечалась в работах различных авторов (Рябинин, 1986; Архипов, 1986). Подобные украшения были найдены при раскопках в комплексах, традиционно относящихся к мерянским и марийским древностям: Починковском могильнике и могильнике Нижняя Стрелка (Иванова, Никитина, Савельева, 1999, с. 183—186). В целом подобные вещи датируются IX—концом XI века и интерпретируются некоторыми авторами как височные украшения.

2. Подвеска нагрудная с горизонтальным щитком (рис. 2, *2*). Подобные вещи

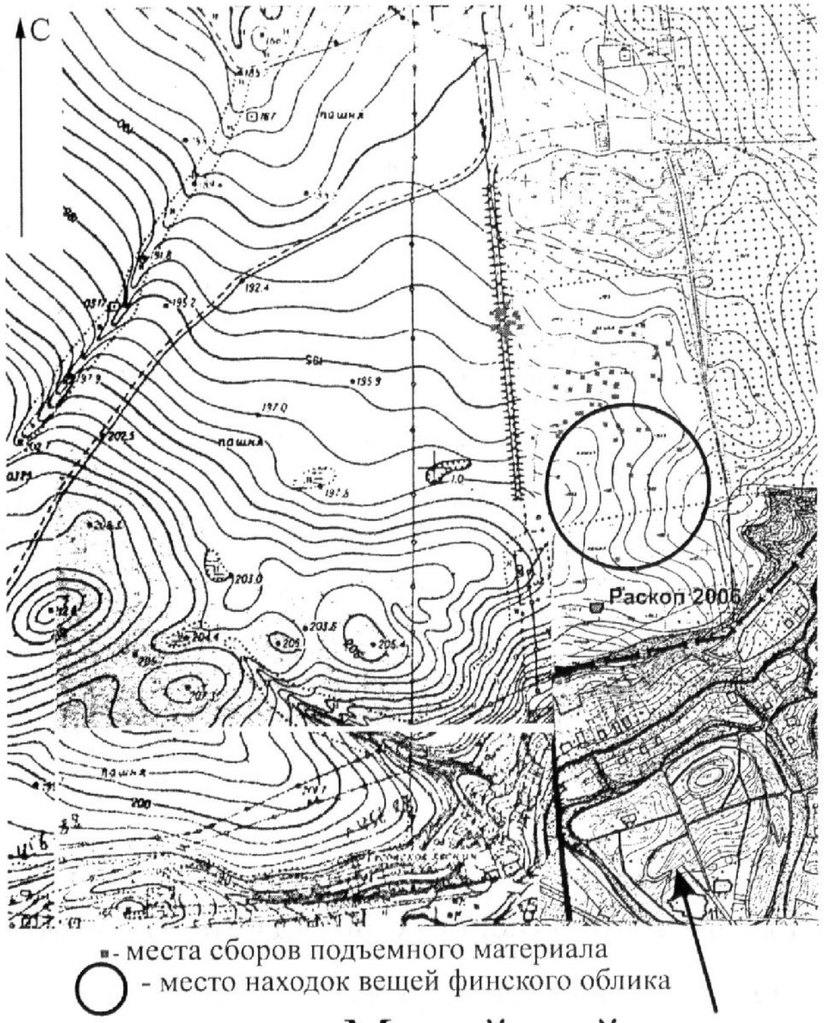

Рис. 1. Места находок вещей финского облика на посаде «Брыкина гора».

встречаются в древностях марийцев, мордвы. Схожие по внешним признакам подвески, найденные в марийских могильниках, Г.А. Архипов относит к этноопределяющим для IX—XI вв. (Архипов, 1973). Близкими по форме щитка и стилю исполнения являются коньковые подвески из погребений IX—XI вв. мордовских (Пановский и Крюково-Кужновский) и муромских (Подболотьевский) могильников.

3. Подвеска шумящая ажурная (рис. 2, *3*). Сохранилась не полностью; почти совсем утрачены четыре кольца в нижней части подвески. Общий стиль, наличие таких элементов, как ложновитой косички, остатков колец для шумящих подвесок, пирамидок из трех шариков зерни и в целом техника исполнения не оставляют сомнений в финской принадлежности данного украшения; тем не менее, найти близких аналогий в литературе не удалось.

4. Кресало биметаллическое (рис. 2, *4*). Подобные находки широко встречаются в могильниках марийцев, веси. Одним из крупнейших центров производств подобных кресал принято считать Верхнее Прикамье (Голубева, 1964, с. 115—132). Данный вид находок датируется в марийских могильниках X—первой половиной XI вв. Существенное отличие образца, найденного в Можайске, от кресал, обнаруженных восточнее, заключается в том, что изначальная идея декорирования рукояти литым изображением двух направленных друг к другу животных абсолютно утрачена. Кресало украшено геометрическим орнаментом, который не характерен для находок из марийских могильников. Практически аналогичное кресало происходит с поселения Октябрьский мост в районе Средней Шексны (Кудряшов, 2006, с.59). Подобная эволюция декорирования рукояти кресала может говорить о чуть более

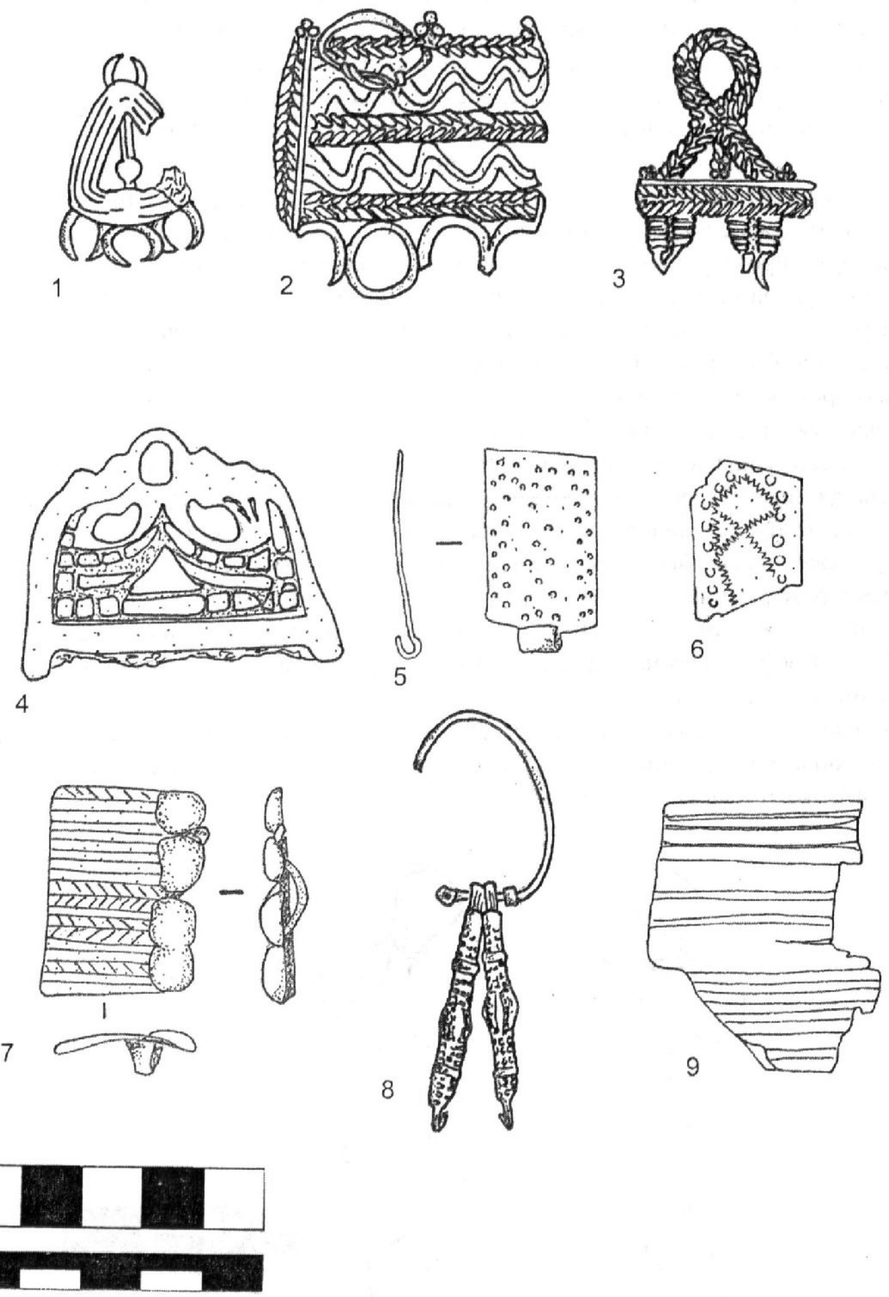

Рис. 2. 1 — каркасная треугольная подвеска, 2 — подвеска нагрудная с горизонтальным щитком, 3 — подвеска щумящая ажурная, 4 — кресало биметаллическое, 5 — фрагмент поясной привески, 6 — пластина бронзовая, 7 — накладка бронзовая, 8 — серьга с двумя подвижными колонками, 9 — пластина бронзовая. 1—9 — бронза.

позднем подражании верхнекамским образцам X—XI вв.

5. Фрагмент поясной привески (рис. 2, *5*). Представляет собой пластину, декорированную пуансонным орнаментом, с завершением в виде крюка, к которому, вероятно, подвешивался наконечник. Близкие по форме вещи встречены в ряде могильников в погребениях, датированных второй половиной первого тысячелетия — Безводнинский, Селикса-Трофимовский, Польно-Ялтуновский могильники (Розенфельдт, 1982, с. 111).

6. Пластина бронзовая (рис. 2, *6*). Пластина орнаментирована пуансонными вдавлениями по периметру и перекрещивающимися зигзагообразными линиями, проведенными штихелем. Возможно, эта пластина также является фрагментом поясной привески или частью браслета. К сожалению, неполная сохранность не позволяет пока более точно определить назначение находки.

7. Накладка бронзовая (рис. 2, *7*). Аналогий данной вещи не найдено. Щиток накладки имеет орнамент в виде многих рядов ложновитой косы; к щитку примыкает элемент в виде как бы спаянных между собой четырех полушарий, расположенных линией перпендикулярно к направлению косичек щитка. Стилистически близкие украшения встречены как в финских, так и, в первую очередь, в пьяноборских древностях. Наличие петли на внутренней стороне позволяет предположить, что, возможно, данный предмет нашивался на одежду.

8. Серьга с двумя подвижными колонками (рис. 2, *8*). Сережка представляет собой проволочную дужку, на которой расположены две подвижные колонки. Местоположение колонок зафиксировано двумя ограничителями, напаянными на проволоку дужки. Вероятнее всего, отливка колонок имитирует насаженные на проволоку бусины. На нижних концах колонок расположено по крючку, возможно, для подвешивания шумящих привесок. Близких аналогий данной вещи найти не удалось. Вероятно, подобная форма является вариантом развития сережек с подвижной колонкой, известных в конце первого тысячелетия в степных и северокавказских древностях. Наличие не одной, а двух подвижных колонок сильно отличает эту вещь от сережек, часто встречаемых среди инвентаря погребений прикамских финнов и в степных курганах. Уверенно связывать хронологически эту вещь с предметами, указанными выше, пока не представляется возможным, тем не менее, авторы полагают, что данный предмет также должен быть связан с финскими древностями. По всей видимости, близкая по форме сережка происходит из района средней Шексны с памятника Селище-Потеряево. Подобный предмет опубликован в работе А.В.Кудряшова (Кудряшов, 2006, с. 175); к сожалению ни об условиях находки, ни о хронологии памятника, с которого происходит данная находка, информации нет.

9. Пластина бронзовая (рис. 2, *9*). Данный предмет представляет собой фрагмент пластины, орнаментированный параллельными линиями. Возможно, эта находка является частью широкого пластинчатого браслета.

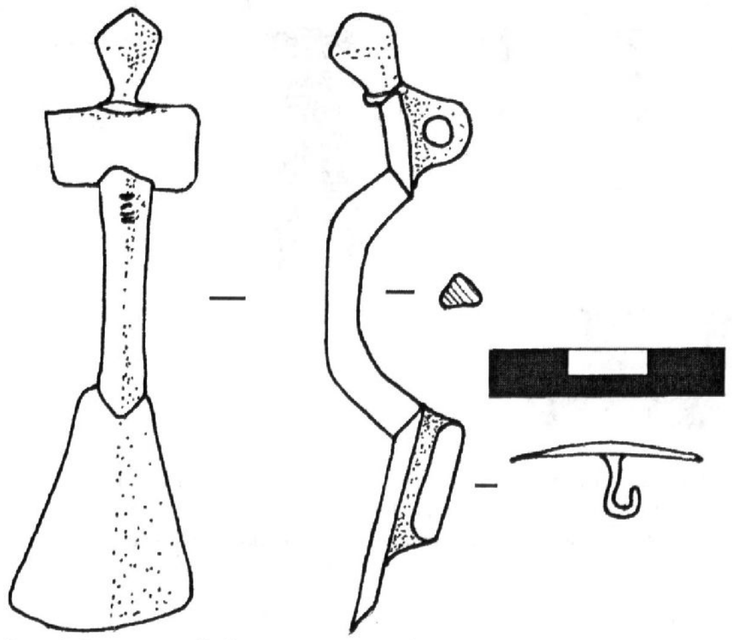

Рис. 3. Бронзовая фибула.

10. Фибула крестовидная «окского типа» (рис. 3). Найдена в заполнении погреба, датирующегося временем не старше XIV в. Фибула сделана из бронзы; игла и пружина, выполнявшиеся из железа, утрачены. Боковые шишечки-«кнопки», по-видимому, располагались на пружине. По крайней мере, следов отломанных шишечек на крыльях не видно. Эти фибулы распространены, в основном, на средней Оке в ареале рязано-окских могильников и датируются V в. н.э. Однако, несколько таких фибул найдены и за пределами описанного региона — в Поволжье на городище Дуденево (район Углича на Волге) и на городище Кикино на р. Дубне (правый приток р. Волги) (Вишневский, 2003, с. 39, № 15). Еще одна находка

сделана в верхнем Москворечье чуть выше Звенигорода у д. Хотяжи (Алексеев, 1994, с.181). Находка фибулы этого типа в Можайске по расположению на карте — самая западная.

Общая топография места, отсутствие лепной керамики среди подъемного материала и характер набора вещей позволяют предположить наличие могильника, оставленного финским населением. Вероятная верхняя дата вещевого комплекса, найденного на Брыкиной горе, — конец XI—начало XII вв. Нельзя не рассматривать и вероятность наличия здесь поселения в середине 1-го тыс. н.э.; по крайней мере, вещи и ямы раннего железного века есть в Можайском кремле — буквально, через овраг. Активное заселение этой территории в русское средневековье и распашка привели к тому, что часть вещей оказалась на поверхности. Наличие вещей финского круга на территории Можайска тем более интересно, что традиционно эта территория связана с балтским населением. Балтское племя голядь упоминается в Ипатьевской летописи недалеко от Можайска в связи с походом Святослава Ольговича, который ходил воевать с ней в верховья Протвы (ПСРЛ, т. II, с.339).

Литература

Алексеев А.В. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М, 2004.

Архипов Г.А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973.

Архипов Г.А. Марийское и Костромское Поволжье во второй половине I тыс. н. э. (археологическая характеристика) // Древности Волго-Вятского междуречья // АЭМК. Йошкар-Ола, 1987.

Вишневский В.И. Новые материалы по погребальному обряду позднесреднедьяковского населения Верхнего Поволжья // Археология: История и перспективы. Ярославль, 2003.

Голубева Л.А. Огнива с бронзовыми рукоятями // СА, №4. 1964.

Иванова М. Г., Никитина Т. Б., Савельева Э. А. Слово об учителе // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 2-е изд. Т. II. 2001 г.

Кудряшов А.В. Древности средней Шексны X—XIV вв. Череповец, 2006.

Леонтьев А.Е. Новые данные о костромских курганах // СА, №4. 1984.

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.

Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья. М., 1982.

О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕЙ ОКИ IX—XI вв.

***А.В.Григорьев**, Государственный музей-заповедник «Куликово поле»*

Памятники конца I—начала II тыс.н.э., расположенные в бассейне Верхней Оки, изучаются со второй половины XIX в. Однако, вплоть до последнего времени, эти исследования были весьма односторонними. Помимо выявления объектов активно проводились раскопки погребальных комплексов. При этом материалы поселений были известны преимущественно по поверхностным сборам и редким небольшим раскопам. Результаты широких раскопок на городищах Супруты и Щепилово публиковались крайне отрывочно и были практически недоступны для исследователей.

Как следствие, оставались неизученными многие основные черты материальной культуры местного населения. Кроме того, не было возможности определить хронологию отдельных памятников, суммарно относимых к IX—XI вв. Поэтому не удивительно, что исследователи весьма осторожно связывали материальную культуру региона с материалами славянских памятников Днепровского Левобережья и Верхнего Дона. Характер и степень этих связей определялись лишь приблизительно.

Работы последних десятилетий позволили несколько выровнять сложившуюся ситуацию. Раскопки ряда поселений дали возможность определить характер отдельных черт материальной культуры и, что особенно важно, проследить их развитие во времени. Обнаружение неизвестных ранее памятников значительно уточнило облик поселенческой структуры региона [Прошкин, 2003, с. 173—198; Григорьев, 2005]. Таким образом, появилась возможность более обоснованно сопоставлять памятники Верхней Оки с памятниками сопредельных регионов.

Подобное сравнение можно проводить исключительно с учётом хронологии памятников. Временные изменения, зачастую значительные, наблюдаются во всех отмеченных регионах. Поэтому, прежде всего, обратимся к памятникам раннего периода заселения славянами земли вятичей. В целом он может быть определён в пределах IX—нач. X в. Поселения этого времени располагались на значительном расстоянии друг от друга и были так или иначе привязаны к торговым путям. Это отличие от структур заселения Северской земли и территории славян Подонья, вероятнее всего, объясняется политической ситуацией и не связано с традициями населения. То же можно сказать и о некотором отличии в характере поселений. Большинство из них не имело укреплений. О наличии оборонительных сооружений указанного времени можно говорить лишь на Чёртовом городище.

Важным показателем традиций являются конструкции жилых построек. Стратиграфически наиболее ранние жилища Верхней Оки имели углублённый в землю котлован с печью каменкой в углу. Последнее, несомненно, указывает на близость с традициями населения Дона. В тоже время, наличие в некоторых постройках дополнительных печей, вырезанных в виде подбоя в стене котлована, указывает на связи с памятниками левобережья Днепра. Постройки последующих этапов раннего периода были наземными с нежилыми подклетами или без оных. По конструкции они резко отличаются от синхронных жилищ Северской земли и Подонья.

Объединяющим элементом для памятников Верхней Оки и Верхнего Дона является наличие традиции сооружения деревянных камер в курганах. Традиция эта не была привнесена славянами, а сложилась на месте под иноэтничным влиянием или самостоятельно. В обоих регионах курганы с деревянными камерами не составляли большинства и присутствуют на фоне обычных насыпей с остатками трупосожжений на стороне, характерной для всех славянских земель к востоку от Днепра [Седов, 1973, с. 10—16; Винников, 1984, с. 156—165].

Наиболее сложным для определения сходства и различия территорий представляется керамический материал. Комплексы лепной керамики могут различаться на синхронных памятниках, входящих в одну территориальную группу и расположенных всего в нескольких километрах друг от друга. Более того, А.А.Узянов на примере Большого Горнальского городища показал, что при тщательной фиксации и обработке материала возможно проследить существование различных традиций в пределах одного поселения [Узянов, 1982, с. 130—135]. Следовательно, для сравнения столь крупных регионов можно использовать лишь наиболее общие характеристики сосудов. Формы, технология производства и приёмы орнаментации сосудов всех рассматриваемых территорий необычайно близки. Единственным отличием памятников Верхней Оки можно считать несколько меньший процент орнаментированных сосудов вообще, и, в частности, орнаментированных по плечику.

Значительную долю вещевого материала во всех регионах составляли предметы иноэтничного происхождения. При том, что они очень информативны при изучении политических, экономических, социальных и миграционных процессов, они не отражают местных традиций. Собственно, местными славянскими можно считать лучевые кольца. Вполне вероятно, что как устойчивый тип украшения они сложились в районах Верхней Оки во второй половине IX в., но получили распространение и дальнейшее развитие по всем славянским землям к востоку от Днепра [Григорьев, 2006, с. 298—300]. Также общей для всех территорий была в IX в. мода на литые серьги «салтовского» типа. Эти украшения отличались от своих прототипов, и, возможно, производились на месте.

Таким образом, видно, что Верхнее Поочье в IX в. входило в единую культурную общность славянских племён, проживавших на пространстве от Днепра до Дона. Несколько большие связи отмечаются с памятниками Подонья. Однако имеются отличия, характерные только для данного региона.

На сегодняшний день характер памятников X в. практически не известен. Памятники позднего периода, XI в., резко отличаются от ранних. В какой степени это было обусловлено развитием местных традиций, а в какой — миграционными процессами, можно лишь предполагать. Взрывообразный рост населения в этот период позволяет говорить о притоке его из других регионов. Учитывая резкое сокращение в начале XI в. количества поселений в Северской Земле и в южных районах земли Вятичей, вероятно, что переселение шло оттуда. О том же говорит

и близость материальной культуры этих регионов в рассматриваемое время.

В результате проведённого обзора возникает чисто терминологический вопрос — как определять культуру славян Верхней Оки? Если исходить из положения о том, что роменская и боршевская группы памятников относятся к разным культурам, то следовало бы выделить и самостоятельную культуру Поочья. Однако подобный подход приведёт к ряду противоречий. Во-первых, различия между памятниками Оки раннего и позднего периодов значительно большие, чем различия между синхронными памятниками различных регионов. Следовательно, выделенную культуру придётся дробить ещё на две, по хронологическому признаку. Границы между ними, вероятно, будут размыты. Во-вторых, на сегодняшний день совершенно неясны географические границы между Верхнеокскими памятниками, с одной стороны, и памятниками роменскими и боршевскими — с другой. И, наконец, подобное дробление ведёт к потере единства культурной общности левобережных славян.

Более продуктивным представляется рассматривать все памятники в рамках единой роменской или роменско-боршевской культуры, выделяя при этом как региональные, так и хронологические варианты. Соответственно, и определить памятники как Верхнеокский вариант роменской культуры.

Литература

Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I—начале II тыс.н.э. Тула, 2005.

Григорьев А.В. Об одном этапе развития лучевых височных колец // Тез.докл. Археологическое изучение Центральной России. Липецк, 2006.

Прошкин О.Л. Славянское освоение территории Калужского края // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 4. Калуга, 2003.

Седов В.В. Ранние курганы Вятичей // Славяно-русские древности. КСИА Вып. 135. М., 1973.

Узянов А.А. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982.

ПОСЕЛЕНИЯ КАЛУЖСКОГО ПООЧЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

***Г.К. Патрик**, н.с., **М.Г. Гусаков**, к.и.н., н.с.,*
Институт археологии РАН

В последнее время в печати появились нескольких статей, которые несколько иначе расставляют акценты в привычном наборе археологических проблем — расселении, хронологии и происхождении культур, относящихся к эпохе Раннего железного века (далее РЖВ)[1] и расположенных на территории междуречья Волги и Оки. Речь идет о происхождении и хронологии дьяковской культуры (далее ДК), и её вариантов на Верхней Волге и Оке (Гусаков, 2005, 2006а, б; Сидоров, 2006). Казалось бы, давно решены проблемы с историей ДК, многое ясно и что тут ещё анализировать? На самом деле, после работ Н.А. Кренке, В.И. Вишневского, В.В. Сидорова, М.Г. Гусакова стало очевидно, что мы вступаем в новый этап освоения материала (Кренке, 1987; Вишневский, 1991; Сидоров, 2002; Гусаков, 2005).

В небольшой статье трудно дать развернутую характеристику всего комплекса проблем, однако, мы попробуем дать краткое резюме, на наш взгляд, этого нового этапа освоения материала.

[1] Термин «РЖВ» давно прижился в археологии — он был введен ещё немецкой археологической школой П. Райнеке во второй половине XIX в. Термин широко используется в отечественной археологической практике. Термин явно устарел, у него слишком растянут хронологический диапазон — от VIII в. до н.э. по II в. н.э. (почти 1000 лет). Эпоха РЖВ не только включает две хронологические фазы: Гальштат (800—600 гг. до н.э.) и Латен (500—0 гг. до н.э.), но и разделена, в свою очередь, на более дробные периоды (A, B, C, D и т.д.). Наше мнение: удобнее и правильнее было бы использовать общепринятую европейскую схему.

Эпоха РЖВ в пределах лесной зоны Восточной Европы представлена рядом однопорядковых археологических культур, различия которых выражаются в мелких деталях, например, в керамике, наличии или отсутствии отдельных категорий вещей. В целом, эти культуры: днепро-двинская, юхновская, верхнеокская, дьяковская и городецкая — удивительно похожи в материальной сфере. Трудно провести и границы между ними. Ярким примером служат многолетние попытки нескольких поколений исследователей определить границы между юхновской, верхнеокской и дьяковской культурами. Так с появлением новых раскопанных памятников меняются их границы. На этом аспекте, мы считаем, надо остановиться более подробно.

Но вначале остановимся на некоторых вопросах из области методологии археологии. Несколько поколений археологов пытались выработать четкое и универсальное определение археологической культуры. В конце 70-х годов прошлого века удалось выразить это определение: «Археологическая культура (далее АК) — это группа памятников, объединенных одним временем, общей территорией и общими характерными чертами в материальной и духовной культуре» (Кузьмина, 1976, с. 24—31). Конечно, оно не безупречно и нуждается в ряде уточнений, однако его можно использовать. Но необходимо помнить, что АК составляет лишь незначительную часть материальной культуры, попавшей в землю, последняя же является малой долей этнографической живой культуры.

Обработка археологического материала делится на несколько этапов:

1) критический анализ с целью превращения его в полноценный источник;
2) классификация по типам, при обязательным выделением главных признаков;
3) установление хронологии и картографирование типов;
4) выявление на карте зон сочетания признаков и типов;
5) выделение АК путем выявления статистически устойчивых совокупностей типов.

Это всего лишь небольшой, но главный набор признаков и действий для определения АК.

Эпоха РЖВ на территории Калужской области представлена материалами нескольких археологических культур: верхнеокской, днепро-двинской, юхновской и дьяковской. Культуры днепро-двинская, дьяковская и юхновская представлены незначительным количеством памятников, тогда как основная масса выпадает на памятники верхнеокской культуры. Соотношение городищ, селищ и поселений приведены в таблице 1 (табл. 1)[2].

Таблица 1.

Культуры	ДД	Д	ВО	Ю	П	М	Итог
Городище	2	12	20	23	3	27	87
Селище	2	7	19	13	40	47	128
Поселение		2	1				3
Итог	4	21	40	36	43	74	218

Условные обозначения: культуры — ДД — днепро-двинская; Д — дьяковская; ВО — верхнеокская; Ю — юхновская, П — почепская; М — мощинская[3].

Из таблицы хорошо видно, что культуры после рубежа н.э. выглядят совершенно иначе, чем их предшественницы. Городища почти вдвое уступают поселениям (в мощинской; а в почепской культуре в 11 раз). Ясно, что характер и материальная культура их совершенно отличны от лесных «городищенских» культур. Заметим, что в культурах до РЖВ нет погребальных памятников. Если днепро-двинская и дьяковская культуры малочисленны и не местные, то юхновская и верхнеокская представлены достаточно основательно и их

[2] В сборниках АКР под термином «поселение», в отличие от термина «селище», понимается памятник с несколькими культурными горизонтами или большей площадью, чем «селище».

[3] Подсчет памятников по культурам велся по сборнику «АКР. Калужская область», выпуск 1992 г.

происхождение представляет научный интерес. Археологический материал ВО и Ю культур малоразличим; они в одинаковой степени используют в качестве мест обитания городища и селища, небольшие по площади, устроенные на тех же местах. В связи с этим мы можем констатировать, что палеоэкономика была едина — это ориентация на комплексное, многоукладное хозяйство, с доминированием подсечного земледелия и скотоводства при сохранении охоты и рыболовства (табл. 2).

Таблица 2.

Культуры		мыс	межовраг.	берег	1терраса	склон	холм	останец	
ВО	городище	15	2	1			1	1	20
	селище	5		13	2	3	2	1	25
Ю	городище	14	3	1				5	23
	селище	1	1	6	4		1		13

Нет сомнения в том, что представленные цифры носят предварительный характер, к сожалению, часть памятников безвозвратно утеряны, часть ещё не обнаружены; не исключено, что часть памятников со временем поменяют свою принадлежность к ранее выделенным культурам.

В последних работах В.В. Сидоров настойчиво высказывает мысль, что памятники дьяковской культуры Поочья между Серпуховом и Коломной представляют либо самостоятельную культурную среду (читай — археологическую культуру, и ей дано новое название «каширская культура»), либо группу памятников, имеющих больше аналогий с памятниками верхнеокской культуры (Сидоров, 2002; 2003; 2006). Отрицать различия в дьяковских памятниках Поочья и Москворечья нет смысла, эта идея довольно долго «кочует» от автора к автору, ещё со времен раскопок В.А. Городцова на Старшем Каширском городище. Вопрос в том, что выводы В.В. Сидорова диаметрально противоположны наблюдениям, сделанным раньше. Несколько слов о том, какие представления о характере этих памятников были до раскопок В.В. Сидорова.

Наиболее авторитетные археологи и специалисты по дьяковской культуре — И.Г. Розенфельдт и К.А. Смирнов — считали, вслед за В.А. Городцовым, что «каширская» группа соответствует периоду VIII—VI вв. до н.э. и отражает ранний период дьяковских городищ Поочья. Главным критерием и аргументом были фрагменты сетчатой керамики в нижних слоях, где она явно преобладала не только на Каширском, но и на Мутенковском, Протопоповском и других городищах[4]. В этом вопросе для нас особенно важно мнение И.Г. Розенфельдт, профессионально знавшей дьяковскую керамику и много писавшей о ней (Розенфельдт, 1973; 1974). Это мнение держалось до 2001—2003 гг., до первых публикаций результатов раскопок В.В. Сидорова в Поочье.

По раскопкам В.В. Сидорова оказалось, что в нижних слоях присутствует не «сетчатая», как это и ожидалось, а «штрихованная» керамика (Сидоров, 2006, с. 138—138). Её процент едва уступает гладкостенной посуде, при этом сетчатая керамика практически отсутствует. Штрихованная керамика исчезает только в позднем этапе (в конце 1-го тысячелетия до н.э.), но в это время появляется сетчатая керамика. На основании этих данных В.В. Сидоров выделяет памятники «каширской» группы в отдельную культуру. При определении её возможных исторических предшественниц он строит сложную конструкцию, где изначальной точкой отсчета являются племена, жившие в соседстве с племенами срубной культуры. На них влияли племена культур абашевской и шнуровой керамики (Сидоров, 2006, с. 144). Но далее автор делает прямой вывод, что «каширские племена» принадлежали к восточно-

[4] К.А. Смирнов исследовал в 1975—78 гг. Мутенковское городище: им было раскопано около 324 кв.м (Смирнов, 1974; 1980; 1991). В.В. Сидоров исследовал в 2001—03 гг. городища Мутенковское (144 кв.м) и Корыстовское (21 кв.м).

славянской группе, к первой волне (Сидоров, 2006, с. 144).

Но что удивительно, ни в верхнеокской, ни в юхновской культурах штрихованной керамики нет. Как могло так получиться, что носители традиций «штрихованной» керамики «проскочили» через барьер из «юхновцев и верхнеокцев», при этом не оставив ощутимого следа?

Мы не станем комментировать этногенетические построения автора; шаткость и уязвимость его выводов очевидна. Прокомментируем результаты его исследований:

1. По В.В. Сидорову, на памятниках Оки, между Серпуховом и Коломной, в нижних слоях (в ранних) нет «сетчатой» керамики, она появляется только к концу 1-го тыс. до н.э. Со времен В.А. Городцова постулат о присутствии «сетчатой керамики» в нижних слоях был незыблем. Нам трудно поверить, что «общее заблуждение» было так велико, чтобы не заметить этого факта ранее.

2. В нижних слоях одновременно с «гладкостенной» присутствует керамика с «штрихованной» поверхностью. Основная территория распространения последней — культура штрихованной керамики — это территория между Верхним Днепром и Неманом (Белоруссия и Литва) (Седов, 1970, с. 18—36). С востока к ней примыкает днепро-двинская культура (синхронна дьяковской культуре). Она имеет керамику с грубо заглаженной поверхностью (Шмидт, 1992, с. 92—98).

3. Если это так, тогда южное направление, указанное В.В. Сидоровым как изначальная «родина каширцев» — неверно. По-видимому, истоки прихода «штриховиков» надо искать на западе. Есть сведения, что в III в. до н.э. «штриховики» сдвинулись с места и пришли в земли «милоградцев» (Егорейченко, 1997).

4. Неясно, из слов автора, откуда взялись носители «сетчатой» керамики в конце 1-го тыс. до н.э. Из соседней городецкой культуры?

5. Неясно также, когда в «каширское» Поочье могли прийти носители «штрихованной» керамики?

Вопросов больше, чем ответов. К сожалению, ни в одной из своих статей автор новой версии не дал четких и доказательных выкладок послойного присутствия типов керамики, стратиграфического распределения типичных вещей из других материалов. Эти заметные промахи снижают доверие к изложенной гипотезе.

В керамических комплексах москворецких памятников ДК присутствие штрихованной керамики давно отмечалось, но её мало. Встает вопрос, когда «штриховики» могли так глубоко вклиниться на восток?

В заключение вернемся к началу нашей статьи, а именно к мысли о том, что в археологии уже выделено много археологических культур — может быть, стоит не плодить новые, а внимательно присмотреться к уже выделенным?

Литература

Вишневский В.И. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII—VII вв. до н. э. — VII—VIII вв. н. э.) // Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1991.

Гусаков М.Г. Поселения дьяковской культуры как источник изучения социально-экономических отношений древних обществ // Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2005.

Гусаков М.Г. К вопросу о роли носителей «сетчатой» керамики в сложении дьяковской культуры// Древности Белоруссии (железный век и средневековье). Минск, 2005. С. 8—15.

Гусаков М.Г. О раннем этапе дьяковской культуры на Верхней Волге (к вопросу о времени появления дьяковской культуры на Верхней Волге)//Древности Беларуси в системе межкультурных связей. Минск, 2006а. С. 44—49.

Гусаков М.Г. Дьяковская культура на Верхней Волге. Проблема хронологии//Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М., 2006б. С.105—120.

Егорейченко А.А. Поздний этап культуры штрихованной керамики//Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. С. 73—76.

Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье // Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1987.

Кузьмина Е.Е. Историзм археологии//Тез. докл. научной конференции «Историзм археологии: методологические проблемы». М., 1976. С.24—31.

Сидоров В.В. Археологические памятники окрестностей Каширы //Каширский край. Вып. 1. Кашира, 2002.

Лопатина О.А., Сидоров В.В. Каширские городища раннего железного века//Тез. конф. Чтения 100-летия деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Часть II. М., 2003. С. 49—52.

Розенфельдт И.Г. Об относительной хронологии дьяковских городищ (по керамическому материалу).//КСИА. В.133. М., 1973. С.108—115.

Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С.189—197.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья //МИА № 163. М., 1970.

Сидоров В.В. Каширская культура в железном веке бассейна Оки //Обнинский краеведческий сборник. Обнинск, 2006. С. 136—145.

Смирнов К.А. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974. С. 7—89.

Смирнов К.А. Раскопки Мутенковского городища//КСИА. Вып. 162. М., 1980. С. 72—75.

Смирнов К.А. К вопросу о связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи//СА. №4. М., 1991. С. 53—61.

Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства //Днепро-двинские племена VIII в. до н.э. — III в.н.э. М., 1992.

К ВОПРОСУ О НАХОДКАХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТОПОРОВ С УВЕЛИЧЕННЫМ ОБУХОМ НА ВЕРХНЕЙ ОКЕ

***А.М. Воронцов**, зав. отделом, Государственный музей-заповедник «Куликово поле»*

Топоры, о которых идет речь в данной статье, имеют уплощенный, треугольный в плане боёк, слабо расширяющееся лезвие, шириной до 4—5 см, и увеличенный в обе стороны

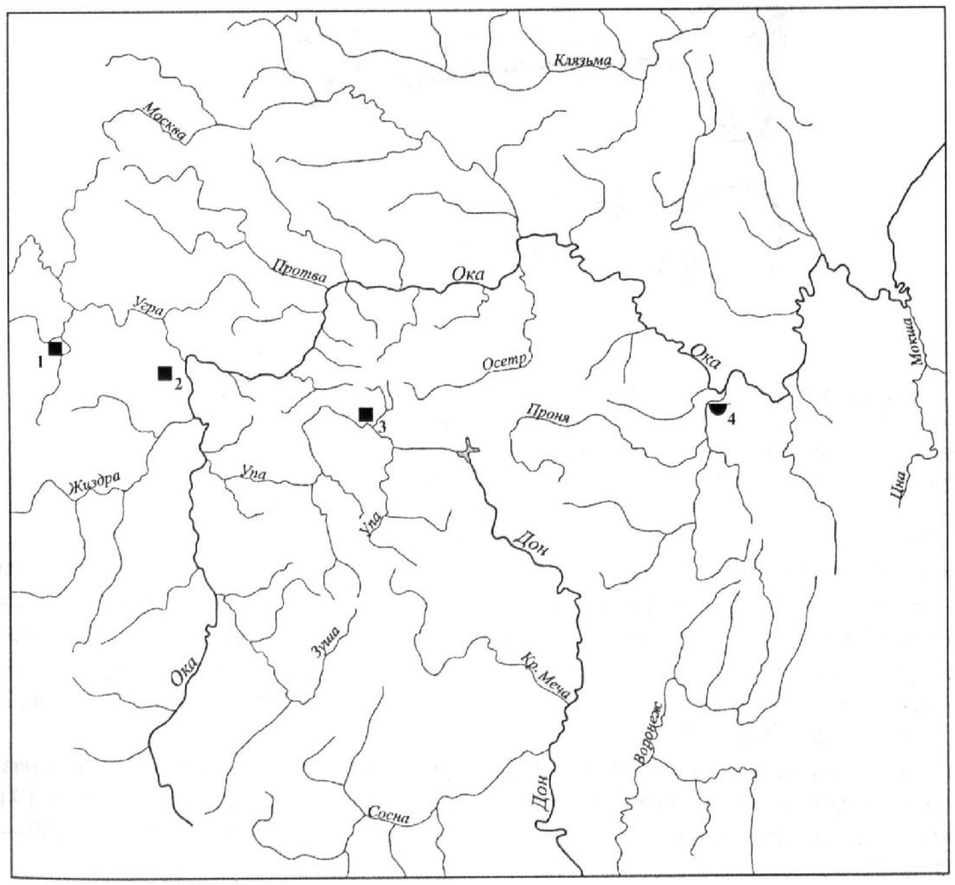

Рис. 1. Находки раннесредневековых топоров с увеличенным обухом на территории Верхнего Поочья. 1— городище Мощины, 2 — городище Воротынск, 3 — городище Щепилово, 4 — могильник Заречье 4.

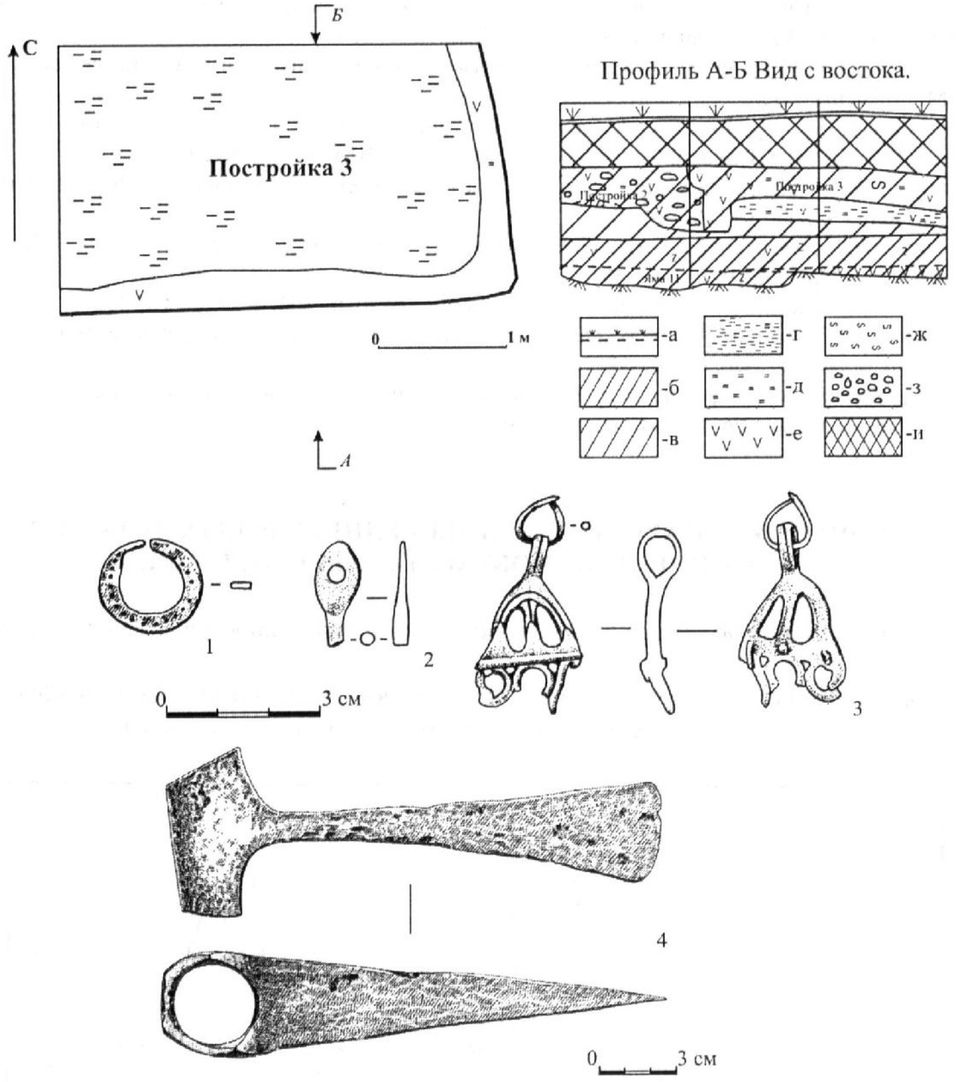

Рис. 2. Постройка 3 из раскопа V на городище Щепилово и связанные с ней находки:
а — дерн, б — темно-серый гумусированный суглинок, в — серый гумусированный суглинок, г — материковые включения, д — прокал, е — угли, ж — зола, з — камни, и — переотложенный слой. 1—3 — бронза, 4 — железо.

обух (рис. 2, *4*; 5).

Впервые два подобных топора были найдены на городище Мощины и не были связаны с каким-либо комплексом. В монографии Т.Н. Никольской они были отнесены к раннеславянскому горизонту [Никольская, 1959, с. 59, рис. 24, *4, 5*]. За последнее время список опубликованных находок расширился за счет находки с городища Воротынск, что позволило уверенно связать их с мощинским кругом древностей [Нигматуллин, Прошкин, Массалитина, Хохлова, 2005, с.122, рис. 133, *25*] (рис. 1; 5, *2*).

Находки топоров подобного типа на территории Поочья дополняют материалы рязано-окского могильника Заречье 4 (рис.1). Два топора были найдены в погребениях №№ 19 и 24, датирующихся не ранее начала V в. [Ахмедов, Белоцерковская, 1996, с. 133, 135, 139—140, рис. 21, *5*; 22, *3*].

Поводом к написанию этой небольшой заметки послужила находка топора с увеличенным обухом в ходе раскопок Щепиловского городища (Ленинский район Тульской области) в комплексе постройки, имеющем основания для датировки (рис. 1—4).

Городище Щепилово расположено в пойме правого берега р.Упы (правый приток Оки) и

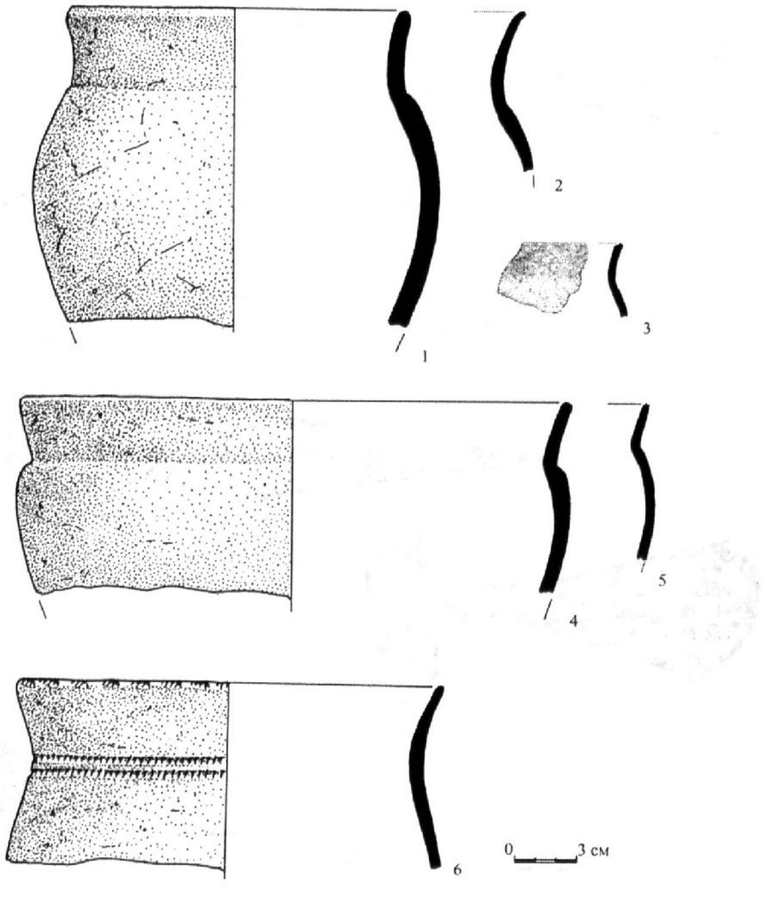

Рис. 3. Грубая лепная керамика из постройки 3 из раскопа V на городище Щепилово.

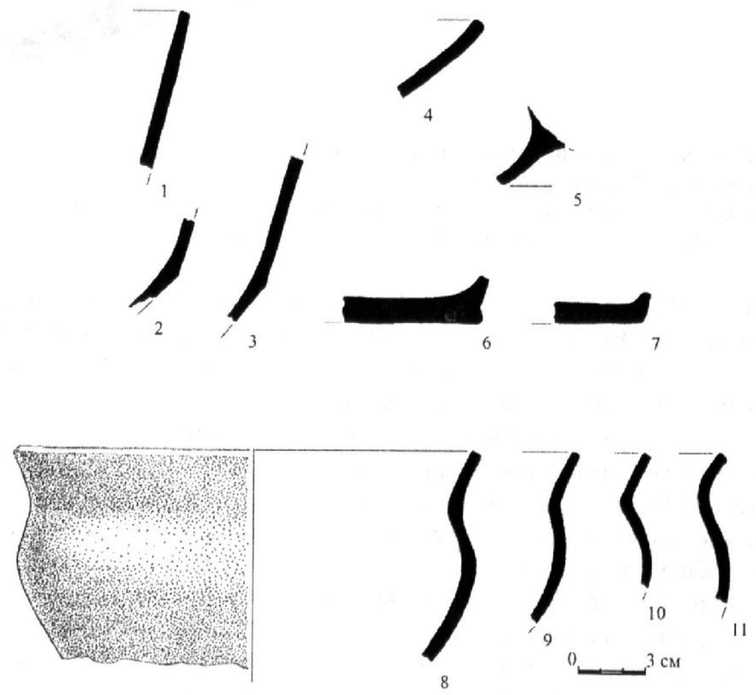

Рис. 4. Лощеная посуда (1—3, 8—11), сковороды (6—7) и фрагменты мисок-плошек (4—5) из постройки 3 из раскопа V на городище Щепилово.

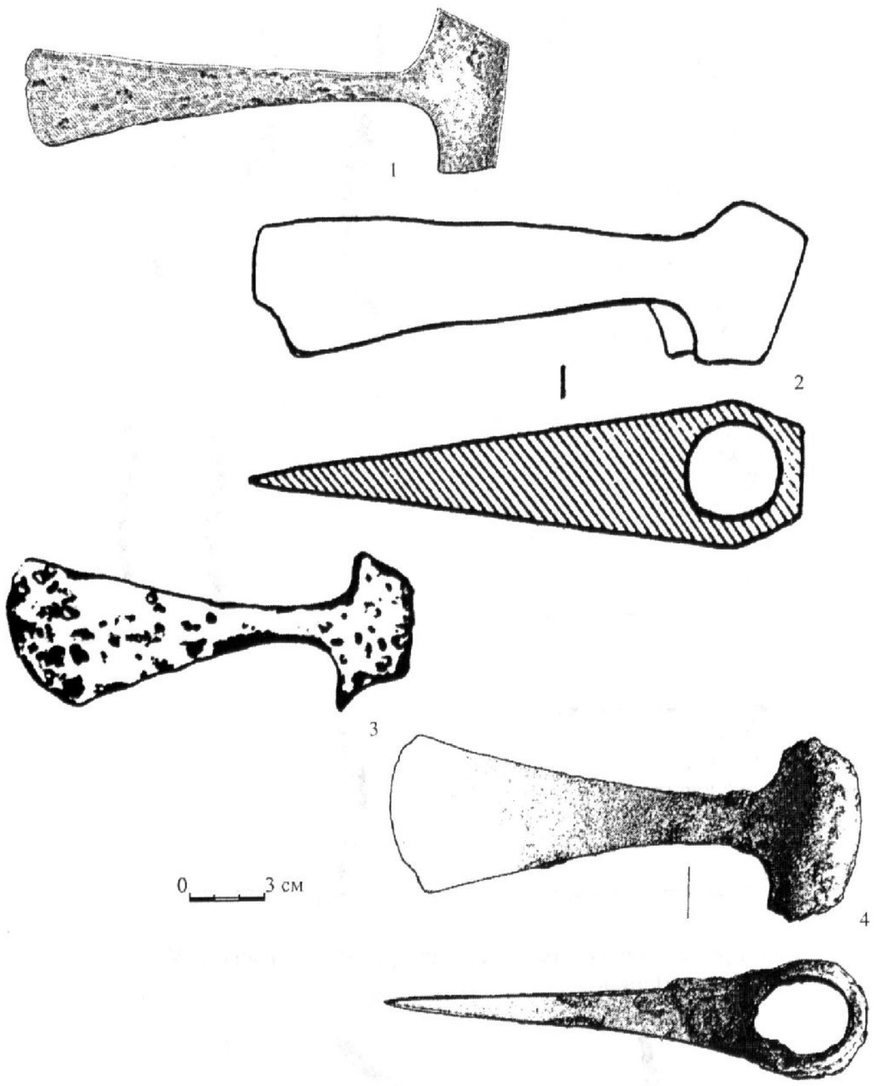

Рис. 5. Топоры с увеличенным обухом с территории Верхнего Поочья (1—2) и их аналогии из Восточно-Литовских курганов (3—4).
1— Щепилово, 2 — Воротынск (по Нигматуллину и др.), 3 — Цегельня кург. №2, погр. 1. (по Казакявичюсу), 4 — Skersabalių (по Šimėnas).

исследовалось в 1952—53 гг. экспедицией Московского государственного университета под руководством С.А. Изюмовой. В 2002 и 2004 гг. на городище были проведены раскопки под руководством автора, в ходе которых были уточнены данные по хронологии и стратиграфии поселения, изучен ряд стратифицированных комплексов.

Постройка 3 из V раскопа [Воронцов, 2004] представляет собой полуземлянку, заглубленную в культурный слой поселения до 0,5 м. Котлован имеет прямоугольную форму, размеры изученной части — 3,6х2,1 м (рис. 2).

Большая толщина культурного слоя и его насыщенность находками позволили разработать достаточно подробную хронологию Щепиловского городища. Постройка 3 представляет собой стратиграфически наиболее поздний комплекс из относящихся к мощинской культуре и перекрывает постройку 2, надежно датированную находкой фибулы второй половиной IV в.

Из постройки происходит ряд находок и керамический комплекс, включающий в себя груболепную и лощеную посуду, в том числе фрагменты глиняных сковород и мисок-плошек (рис. 3; 4). Форма большинства горшков отличается резким подчеркнутым переходом к плечику; среди мисок встречены округлобокие горшковидные с прямым венчиком и

ребристые с высоким раструбовидным верхом.

Из находок наибольший интерес для датировки имеет плоская калачиковидная серьга (рис. 2, *1*).

Она имеет выраженную дужку, плоскую широкую основную часть, украшенную мелким точечным орнаментом, и близка по форме к цельнолитым калачиковидным серьгам, получившим широкое распространение в степных памятниках гуннского круга с конца IV в. и существовавших вплоть до VII в. [Засецкая, 1994, с.76; Богачев, 1996, с.101—104]. От большинства серег этого типа Щепиловская находка отличается плоским сечением. Наиболее близкой аналогией ей может служить плоская калачиковидная серьга с поселения Замятино 5, относящегося к верхнедонской группе памятников гуннского времени типа Чертовицкое-Замятино [Бирюков, 2004, с. 65, рис. 112, *2*].

Возможность выделения на Щепиловском городище горизонта, содержащего находки, связанные с памятниками типа Чертовицкое-Замятино, подтверждает найденный на городище костяной гребень (раскопки С.А. Изюмовой), относящийся к типу III, 2 варианту по С. Томас. По мнению А.М. Обломского, форма вырезов, похожих на замочную скважину, являющаяся характерной чертой почерка мастера из Замятино 8, говорит в пользу того, что Щепиловский гребень был сделан именно в этой мастерской [Обломский, 2004, с.144].

Соотнесения комплекса постройки 3 с материалами памятников типа Чертовицкое-Замятино, позволяет датировать ее в рамках конца IV—V вв. [Обломский, 2004, с.147].

Материалы Щепиловского городища и могильника Заречье 4 позволяют предложить для окских находок топоров с увеличенным обухом датировку в рамках конца IV—V вв.

Учитывая то, что топоры этого типа единичны в погребениях рязано-окских могильников, а известные на сегодняшний день находки с мощинских памятников составляют солидную для поселений серию, можно сделать вывод о наиболее вероятном их соотнесении с мощинской культурой.

Наиболее близкие известные мне аналогии верхнеокским находкам происходят из Прибалтики, в частности из Восточно-Литовских курганов [Казакявичус, 1988. С.78-81]. Так называемые «топоры со щековицами — выступами по обеим сторонам проуха», относятся В. Казакявичюсом к категории боевых и датируются V—IX вв. Ранние топоры этого типа, не имеющие ярко выраженных выступов на щекавицах, в частности находка из погребения №1 кургана №2 могильника Цегельня, имеют несомненное сходство с верхнеокскими находками [Казакявичус, 1988. Рис.31, *5*] (рис. 5, *3*). Близкую аналогию Щепиловскому представляет собой топор из могилы №3, кургана №5 могильника Skersabalių, в целом датирующегося V—VII вв. [Šimėnas, 1998, p. 16] (рис. 5, *4*).

Прибалтийские находки имеют более широкое лезвие, а также, насколько можно судить по прорисовкам, более узкий в плане «клин», но форма увеличенного обуха с характерными щековицами близка верхнеокским топорам (рис. 5).

Интересно то, что появление топоров этого типа в материалах Восточно-Литовских курганов и на территории Верхнего Поочья практически синхронно.

Вопрос об их происхождении и прототипах в настоящее время остается открытым и требует специального исследования.

Литература

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.

Бирюков И.Е. Материалы гуннского времени поселения Замятино 5 // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М., 2004.

Богачев А.В. К эволюции калачиковидных серег IV—VII вв. в Волго-Камье // Культуры Евразийских степей 2-ой половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996.

Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях на городище у д. Щепилово Ленинского района Тульской области и в г. Туле в 2004 году // Архив ИА РАН, 2004.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). СПб., 1994.

Казакявичус В. Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988.

Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л., Массалитина Г.А., Хохлова Т.М. Древний Козельск и его округа. М., 2005.

Никольская Т.Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н. э. М., 1959.

Обломский А.М. Хронология Замятинского археологического комплекса // Острая Лука Дона в

древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М., 2004.

Šimėnas V. Skersabalių pilkapyno 2-osios grupės tyrinėjimai 1997 metais.//Archaeological investigations in Lithuania in 1996 and 1997. Vilnius, 1998.

К ТИПОЛОГИИ КЕРАМИЧЕСКИХ ГРУЗИЛ ДЛЯ РЫБОЛОВЕЦКИХ СЕТЕЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

***Е.С. Семенчук**, студентка,*
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского

Раскопки отряда Деснинской экспедиции Брянского государственного университета под руководством Е.А. Шинакова и А.А. Чубура летом 2006 г. (автор принимала в раскопках участие в течение всего полевого сезона в качестве младшего научного сотрудника) позволили полностью исследовать многослойное поселение Курово 7. Материалы основного культурного слоя относятся к началу нашей эры и принадлежат юхновской археологической культуре и почепскому локальному варианту позднезарубинецкой археологической культуры. По мнению АА. Чубура культурные остатки носят синкретический характер, свидетельствующий о взаимодействии двух названных культур.

Одной из наиболее часто встречающихся категорий артефактов на территории Курово 7 оказались грузила для рыболовных сетей и их многочисленные фрагменты. Фрагментов грузил и целых изделий в общей сложности встречено 555 экземпляров. Большей частью это мелкие обломки, по которым проблематично, и, чаще всего, просто невозможно, восстановить полную форму изделия. Однако, 6 грузил удалось полностью реставрировать; форма еще 26 поддается надежной графической реконструкции. Интересно, что в нескольких случаях такие грузила встречены в виде скоплений, вероятно, образовавшихся на месте брошенных рыболовных сетей — в яме 26 и вокруг нее (44 фрагмента и 4 целых), в постройке 3 (30 фрагментов) и в постройке 4 (186 фрагментов).

Весьма многочисленны такие грузила на других поселениях юхновской культуры. Однако, при этом, в доступных нам опубликованных работах, посвященных юхновской и позднезарубинецкой культурам, им уделялось крайне мало внимания. Не встречено и попыток создания типологии столь распространенных артефактов, если не считать работу В.Д. Лебедева, в большей степени посвященную все же не орудиям древнего рыболовства, а его объектам — рыбам Подесенья (Лебедев, 1952, с.259—260).

Данное сообщение является попыткой создания предварительной типологии глиняных грузил для рыболовных сетей раннего железного века центральной России. Типология пока основана, в первую очередь, на материалах, полученных при раскопках Курово 7. Для сравнения привлекалась коллекция с синхронного городища Кудеярка на верхней Десне с юхновскими и почепскими материалами, раскапывавшегося Ф.М. Заверняевым в 1981 г. (фонды Брянского государственного объединенного краеведческого музея) и городищ Малое и Большое Долбатовское на р. Судость (фонды и экспозиция Трубчевского краеведческого музея).

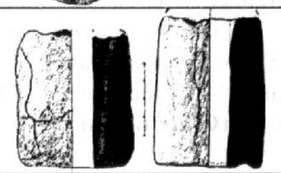
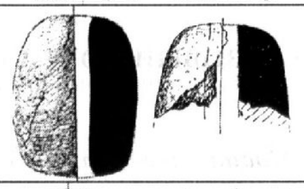
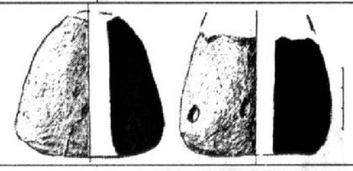
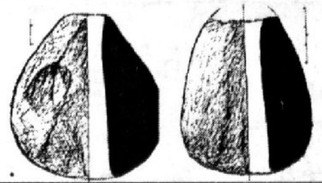
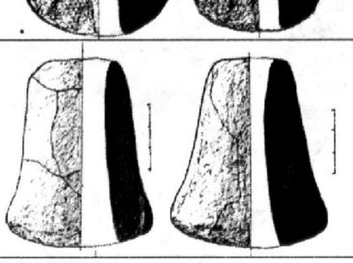
Все грузила представляют собою геометрические тела вращения. Для них характерно сквозное отверстие диаметром 1,7—2,5 см (часто с несколько расширенными выходными отверстиями), проходящее по оси изделия. С его помощью грузила крепились к сети. Главное отличие их друг от друга — форма (см. таблицу 1).

Тип А. *Шаровидный.* Шарообразная форма, диаметр около 6 см. В Курово 7 представлен только одним крупным обломком, причем бракованным (отверстие смещено вбок относительно оси вращения), но в целом на юхновских памятниках имеет достаточно широкое распространение (Левенок, 1963; Чубур, 2000).

Тип В. *Цилиндроподобный.*

Подтип В-1. Цилиндрические. Внешний диаметр практически одинаковый (5—6 см), основания уплощенные или слегка выпуклые. В Курово 7 представлен четырьмя графически полностью реконструированными формами и крупными осколками, как минимум, еще шести

Таблица 1. Типология глиняных грузил раннего железного века (по материалам поселения Курово 7).

Тип	Подтип	Изображение
А. Шаровидный	-	
В. Цилиндроподобный	1 Цилиндрический	
	2 Бочонковидный	
С. Конусообразный	1. Конический	
	2. Каплевидный	
	3. Колоколовидный	

аналогичных изделий.

Подтип В-2. Бочонкообразные — по форме напоминает бочонок, то есть цилиндр с утолщением в средней части; внешний диаметр соответственно изменяется в пределах от 5—6 до 7—8 см. Основания слегка выпуклые. В Курово 7 представлен только одной целой формой и минимум тремя фрагментами, один из которых принадлежит более массивному грузилу с максимальным диаметром около 10 см.

Тип С. *Конусообразный* — верхняя часть узкая, нижняя расширенная, в целом форма напоминает усеченный конус. Сюда входят оба типа, выделенные В.Д. Лебедевым (1952) — закругленно-конический (у нас каплевидный и конический) и цилиндро-конический (у нас конический и колоколовидный).

Подтип С-1. Конические — основание грузила уплощено, края могут быть слегка скругленными, диаметр основания 5—6 см, диаметр верхней части практически совпадает с размером отверстия — 2—2,5 см. В Курово 7 представлены двумя крупными фрагментами, легко поддающимися графической реконструкции.

Подтип С-2. Каплевидные — верхний диаметр 2,5—3 см, нижний — 5—6 см, основание имеет округлый профиль. В Курово 7 подтип представлен тремя почти целыми изделиями и минимум тремя крупными осколками.

Подтип С-3. Колоколовидные. Форма этих грузил напоминает колокол со слегка вогнутыми боками и округлой нижней частью. Диаметр в верхней части около 4 см, в нижней достигает 8 см. В Курово 7 изделия представлены двумя целыми формами и минимум пятью осколками.

Предложенная типология может совершенствоваться и уточняться по мере накопления данных и анализа большего числа коллекций.

Автор благодарит Е.А. Шинакова и А.А. Чубура за возможность работы с пока неопубликованными материалами раскопок в Курово и за консультации, а также Г.Ю. Стародубцева за идею работы.

Литература

Лебедев В.Д. Материалы по промысловой ихтиофауне городищ рек Десны и Сейма // Ископаемый человек и его культура на территории СССР // Ученые записки МГУ. Вып.158. М.: МГУ, 1952. С.253—273.

Левенок В.П. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // Советская археология. 1963. №3.

Чубур А.А. Курский край. Т.2. Эпоха раннего металла. Курск: Изд-во КГПУ, 2000. 252 с.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Миненко В.В., Карпов Д.Н., Чубур А.А. Охранные раскопки поселений у с. Курово на Судости // Археологические открытия 2006 года. М. (в печати).

БРОНЗОВЫЙ КОТЁЛ ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

***Р.Н. Модин**, студент, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского*

Рис. 1 .Котел. Бронза.
(фонды Калужского областного краеведческого музея, КЛ 2089).

В собрании Калужского областного краеведческого музея находится бронзовый литой котёл скифо-сарматского времени (рис. 1). Котёл имеет полушарообразное тулово со слегка отогнутым наружу венчиком, на котором сверху находятся две вертикальные дуговидные ручки с навершиями в виде одной кнопки (шишечки) на каждой (рис.2). На тулове выполнен орнамент в виде двух горизонтальных «веревочек», которые с одной стороны не стыкуются между собой. Внизу котёл имеет конусовидный поддон.

Данный котёл происходит с территории Южной Сибири и датируется предположительно II в. до н.э., о чём свидетельствует техника его изготовления. Котёл был отлит с помощью глиняных двусторонних разборных форм и внутреннего стержня. Об этом говорят два вертикальных литейных шва, в одном из которых орнамент не стыкуется, что характерно для подобной техники литья [2]. Котлы, изготовленные таким способом, появляются в Сибири не раньше II в. до н.э. под влиянием китайских бронзолитейных традиций. До этого бронзовые котлы отливали в неразъемных формах. Поддон был изготовлен отдельно от тулова, о чем говорит шов в месте соединения его с туловом. Ручки котла были отлиты вместе с туловом. Вероятно, котёл принадлежит Тагарской культуре.

Бронзовые литые котлы I тыс. до н.э. на территории степной зоны Сибири, как правило, представлены случайными находками, либо встречены в кладах, которые, по мнению Л.Р.Кызласова, носили сакральный характер [3, с. 45]. Котлы, аналогичные хранящемуся в КОКМ, встречаются на протяжении всего периода существования Тагарской культуры [6, табл.18, 20; с. 3, рис. 18]. Эволюцию котлов такого типа можно проследить по форме ручек, которые прошли путь развития от кольцевидных через подковообразную к дуговидной [1, с. 46, рис. 1]. Вариантами котлов с дуговидными ручками могут быть котлы, ручки которых имеют одну (как в данном случае), три кнопки, зооморфные навершия, а также ручки без кнопок [1, с. 46, рис. 1]. Большинство котлов этого типа происходят с территории Минусинской котловины, однако, встречаются и на других территориях Сибири, например, в Верхнем Приобье, где котлы с дуговидными ручками бытовали до II—I вв. до н.э.—I—II вв. н.э. [5, с. 92, рис. 62, *б*]. Котлы аналогичного типа встречаются и в Таштыкскую эпоху. Но ручки более поздних котлов уже, как правило, не венчают навершия [4, рис. 3].

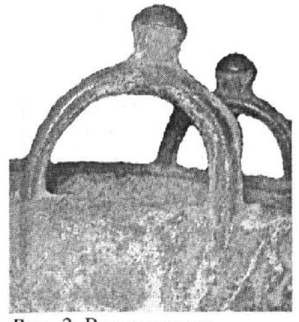

Рис. 2. Ручки котла с навершиями (шишечками).

Литература

Боковенко Н.А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях//Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981.

Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху//МИА.1960.№90.

Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. М.: Восточная литература, 2001.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории хакасско-минусинской котловины. М.: Изд. МГУ, 1960.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тыс. до н.э. М.: ИА РАН, 1997.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён Тагарской культуры. М.: Наука, 1967.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА СТАЕВО НА ВЕРХНЕЙ ДЕСНЕ

***А.А. Чубур**, к.и.н., Брянский государственный университет им. И.Г.Петровского,*
***Ю.Б. Чубур**, ЧО ООО «Фавор», н.с., Деснинская археологическая экспедиция Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского,*
***В.О. Пискунов**, аспирант, Брянский государственный университет им. И.Г.Петровского*

Авторами выявлена и обследована разрушающаяся неолитическая стоянка в километре к югу от д. Стаево Брянского района, ниже с. Хотылево по течению р. Десны на правобережном останце ее высокой поймы и на правобережном же приустьевом мысу впадающей здесь в Десну реки Госомы (Чубур, 2006). Последние 6—7 лет здесь в реку ежегодно обрушивается участок береговой линии шириной до полуметра. Культурные остатки вымываются из берега на протяжении 20 м. На обрыве в зоне высокой плотности находок был заложен разведочный раскоп площадью 6 квадратных метров. Он показал следующую стратиграфию голоценовых отложений:

1. Дерновый слой, современная луговая почва — мощность до 0,1 м.

2. Бурый суглинок — пойменный нанос, нижний контакт слегка волнистый. В средней и нижней части слоя в западной части врезки наблюдаются линзы мергелистого материала мощностью 0,06—0,1 м, связанные с процессом накопления пойменного аллювия. Общая мощность до 0,45 м.

3. Суглинок черный гумусированный — горизонт А погребенной почвы (время её формирования мы предположительно связываем с климатическим оптимумом Атлантикум), нижний контакт волнистый. Мощность до 0,2 м.

4. Суглинок темно бурый — горизонт В погребенной почвы, нижний контакт волнистый, местами языковатый. Мощность до 0,27 м.

5. Суглинок светло-бурый аллювиальный — пойменная фация высокой поймы — видимая мощность до 0,1 м.

Культурные остатки связаны исключительно с толщей слоя 4 и его контактом со слоем 5 — т.е., с толщей погребенной почвы.

Каменный инвентарь представлен в таблице 1 и на рис.1. Обращает на себя внимание

* Автор выражает благодарность за оказанную помощь к.и.н. С.В. Демиденко и д.и.н., заведующему отделом скифо-сарматской археологии ИА РАН Л.Т. Яблонскому.

Таблица 1. Каменный инвентарь стоянки Стаево 1.

№	Тип изделия	Количество (экз.)	Доля %	Из них обожжены (экз.)
1.	Отщепы	277	70,8	22
2.	Осколки	76	19,4	4
3.	Нуклеусы и их фрагменты, Отбойники и ретушеры из нуклеусов	10	2,6	1
4.	Пластинки	11	2,8	1
5.	Ребристые сколы	4	1,1	0
6.	Предметы с вторичной обработкой, в том числе:	13	3,3	0
	Ножи	3		
	Провертки и проколки	2		
	Топорики	2		
	Резцы	1		
	Наконечники	4		
	Скобель	1		
Всего кремневых изделий:		391 экз., в т.ч. из раскопа – 270		

отсутствие в коллекции скребков. Вероятно, разрушающаяся рекой часть стоянки связана с бытовыми зонами, в которых скребки не использовались. В первую очередь здесь производилась обработка кремня. Об этом говорят как многочисленные отходы производства (включая бракованные орудия, в первую очередь — расколовшиеся в процессе изготовления наконечники копий), так и плотное скопление площадью 30х20 см из крупных обломков кремневой плитки, желваков с негативами пробных снятий и отбойников в юго-восточном углу раскопа. Среди находок в раскопе имеются 3 фрагмента абразива (песчаник), вероятно, применявшегося для подправки карнизов нуклеуса. Здесь же присутствовал фрагмент сланцевой плитки. Среди подъемного материала обращают на себя внимание сланцевый ретушер и еще несколько фрагментов сланцевой плитки.

Керамика разнородна. Раскоп принес всего 6 мелких фрагментов керамики — много меньше, чем дали сборы подъемного материала в Десне. В раскопе один фрагмент не орнаментирован, на двух имеется круглоямочный орнамент, на трех, плохо обожженных, — ромбоямочный, характерный для деснинской неолитической культуры. В реке же собраны свыше 40 фрагментов керамики. Часть из них покрыта ромбоямочным орнаментом из четких ромбов крупного (высотой до 1,5 см) и среднего (высотой до 1 см) размера, нанесенных в шахматном порядке. Местами ромбоямочный орнамент чередовался с горизонтальными поясами мелкой гребенки. Судя по фрагменту донца, ромбоямочные сосуды были круглодонными, причем нижний ряд орнамента состоял из более мелких ромбов, чем основной орнаментальный массив. Изнутри стенки были заглажены нанесенными гребенкой расчесами. Тесто содержит крупнозернистый песок; обжиг низкого качества; цвет черепка от коричневато-оранжевого до ярко оранжевого. Среди керамики с круглоямочной орнаментацией встречены несколько крупных фрагментов, по которым удалось сделать графическую реконструкцию сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом, находящим аналогии в материалах льяловской культуры волго-окского междуречья (рис.2). Круглые глубокие ямки с негативами на внутренней стороне стенок нанесены опоясывающими сосуд параллельными рядами. Пояса ямочного орнамента чередуются с поясами орнамента, нанесенного косо поставленной крупной гребенкой. В нижней части сосуда гребенчатый пояс разорван полулунными фестонами ямочного орнамента, спускающимися ко дну сосуда. Со стороны дна эту композицию, вероятно, можно было воспринимать как солярный знак. Изнутри формовочная масса была разглажена гребенчатым штампом. Судя по фрагменту венчика, его диаметр составлял около 28 см, максимальный же диаметр сосуда достигал 32 см.

Наибольшее влияние традиций льяловцев в верхнем Подесенье, по мнению А.С. Смирнова, прослеживается в период развитого неолита (Смирнов, 1991). Ромбоямочная керамика с четким крупным ромбом позволяет датировать памятник непоздними фазами существования

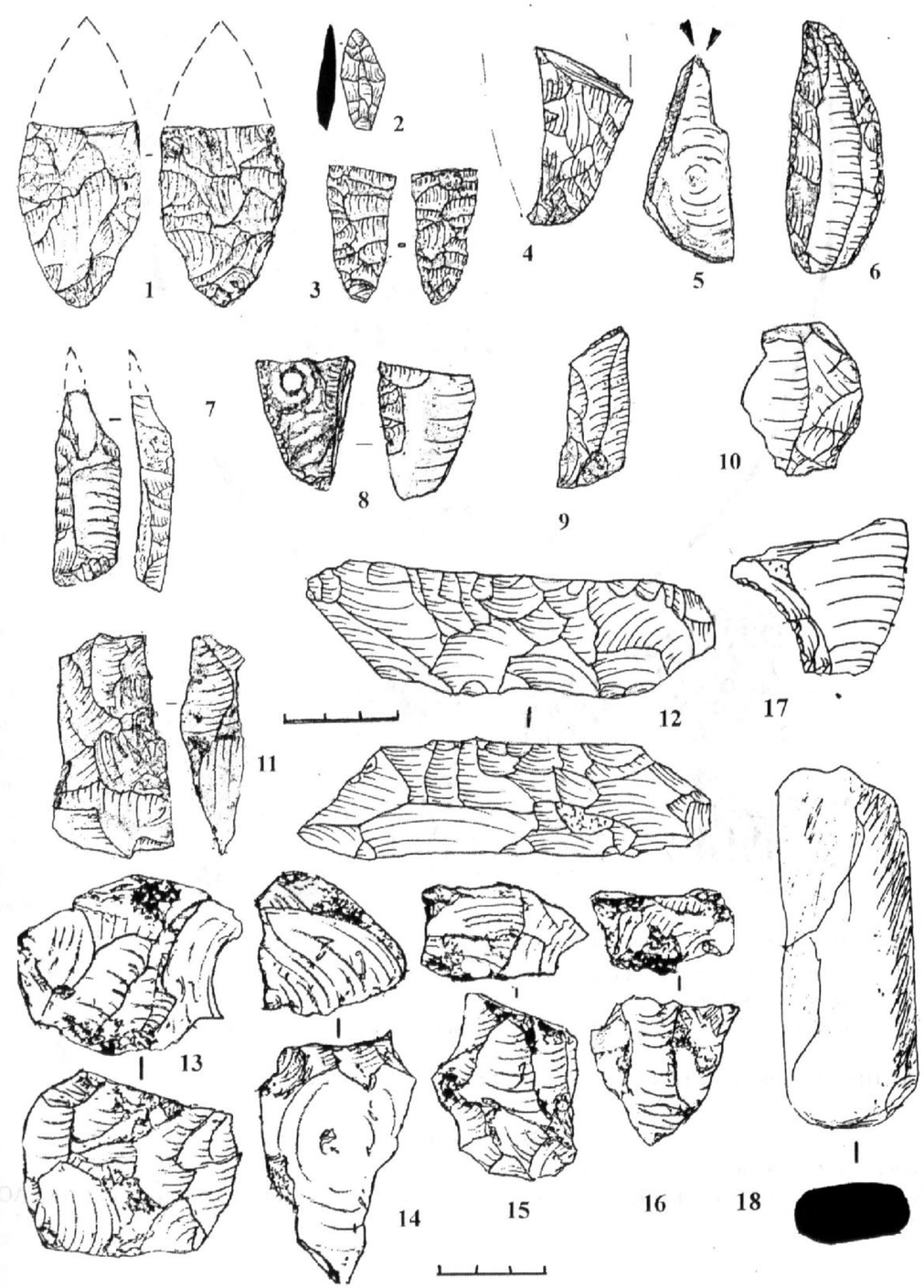

Рис.1. Стоянка Стаево. Каменный инвентарь.
1, 3, 4 — обломки наконечников; 2 —наконечник стрелы; 5 — резец; 6 — провертка;
7 — проколка; 8—10 — ножи; 11—12 — рубящие орудия; 13—16 — нуклеусы;
17 — скобель; 18 — ретушер. 1—17 — кремень, 18 — сланец.

деснинской культуры. Таким образом, материалы стоянки Стаево в очередной раз подтверждают, что верхнее течение Десны, как и верхнее Поочье, является контактной зоной неолитических культур ямочно-гребенчатой керамики волго-окского междуречья (Льяловская культура) и бассейнов Десны, верхнего Сейма и верхней Оки (Деснинская культура).

Памятник, учитывая с одной стороны его четкое стратиграфическое положение, вероятную однослойность и относительно неплохую сохранность материала, и, с другой стороны, беря во внимание его постепенную гибель в результате ежегодного разрушения рекой, является

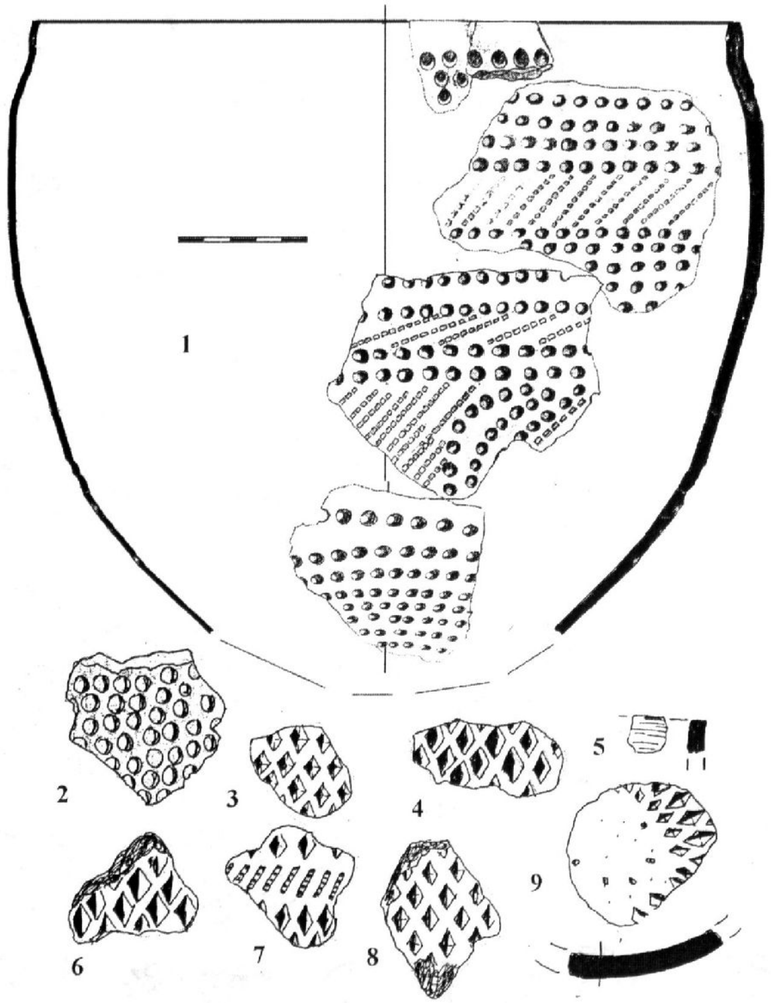

Рис.2. Стоянка Стаево 1. Графическая реконструкция сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом льяловского типа. 2 — фрагмент сосуда с круглоямочным орнаментом (белемнитная ямка). 3—9 — фрагменты сосудов с ромбоямочным орнаментом деснинского типа.

перспективным для дальнейших исследований.

Литература

Смирнов А.С. Неолит верхней и средней Десны. М., 1991

Чубур А.А. Работы Сеймско-Деснинской палеолитической экспедиции в Брянской области // АО-2004. М., 2006.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ОКОЛО д. НЕКРАСОВО

Б.В. Грудинкин, *н.с., Калужский областной краеведческий музей*

Памятник около д. Некрасово пригородной зоны г. Калуги был открыт автором в 1989 г. (Грудинкин, 1989, л. 2). Поскольку в подъёмном материале присутствовали хорошо огранённые ножевидные пластины, то весь комплекс находок был отнесён к мезолиту. В реестр памятников он вошёл как стоянка № 2, поскольку ранее здесь уже была открыта стоянка (Грудинкин, 1984, л. 3). Дальнейшее изучение и обследование памятников г. Калуги и пригородной зоны привело к выделению памятников с очень архаичным палеолитическим материалом ашело-мустьерского облика. В связи с этим возникла необходимость пересмотреть все ранее собранные коллекции на этой территории и дополнительно обследовать ряд памятников. Памятники около д. Некрасово были обследованы в 2005 г. (Грудинкин, 2005, л. 6).

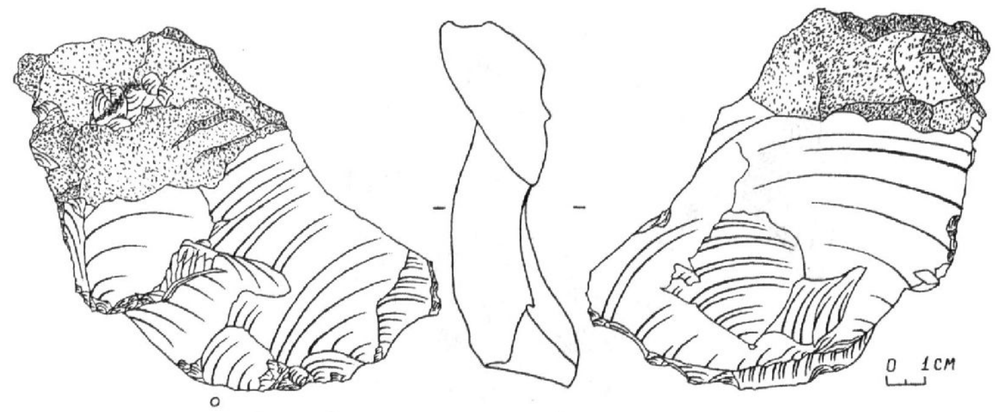

Рис. 1. д. Некрасово. Местонахождение. Отщеп.

На стоянке 2 был собран подъёмный материал, относящийся к разным эпохам.

Геоморфологические особенности памятника таковы: он расположен на мысовидном выступе правого берега р. Оки в 0, 45 км к северо-востоку от д. Некрасово, напротив г.Калуги. Мысовидный выступ сложен из крупных плит известняка, размываемых и разрушаемых талыми и паводковыми водами. Частично поверхность памятника поросла травой и кустами ивняка. Оконечность мысовидного выступа сложена из обломков известняка, наносов речного песка, остатков днепровской морены, кремнёвой гальки и щебня. Вероятно, подобные условия не способствовали накоплению культурного слоя и при размывании артефакты разных эпох перемешивались между собой. Поэтому при разборке коллекции обращалось внимание на сходство находок с находками из хорошо изученных памятников близ д. Пучково пригородной зоны и в г. Калуге (Грудинкин, 2001, с. 90—103). При сравнении находок с архаичным обликом выявилось их сходство с некоторыми артефактами из Некрасово.

Общее количество находок, собранное за 1989 и 2005 г. — 61. Архаичный комплекс представлен пятнадцатью изделиями. Предметы первичного расщепления представлены нуклеусами и отщепами. Нуклеус из валунчика тёмно-серого кремня с частично сохранившейся

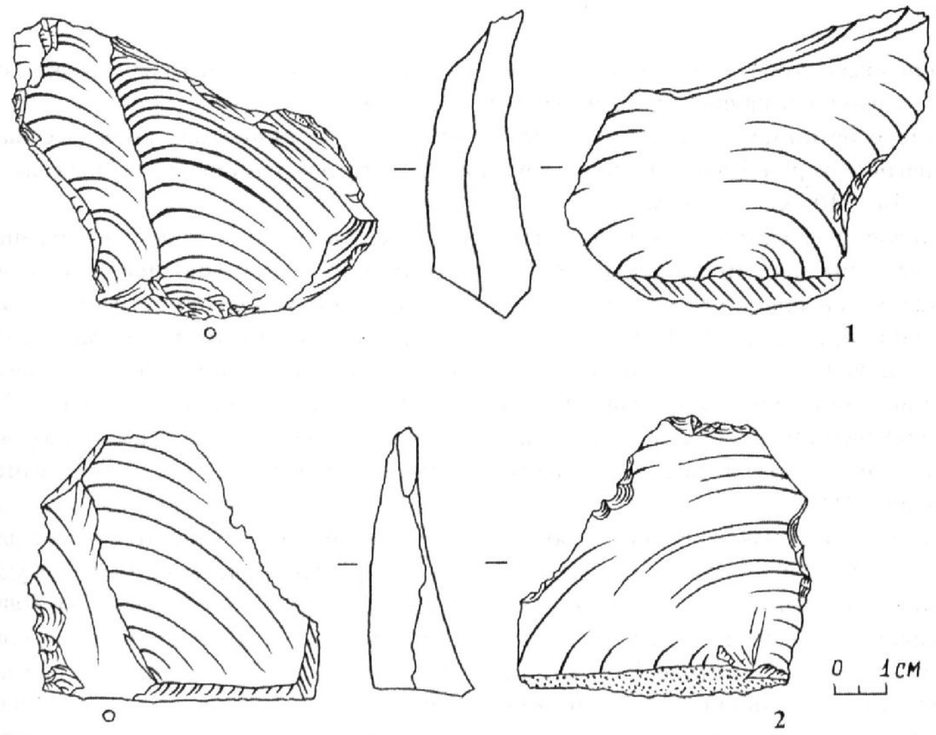

Рис. 2. д. Некрасово. Местонахождение. 1, 2 — отщепы.

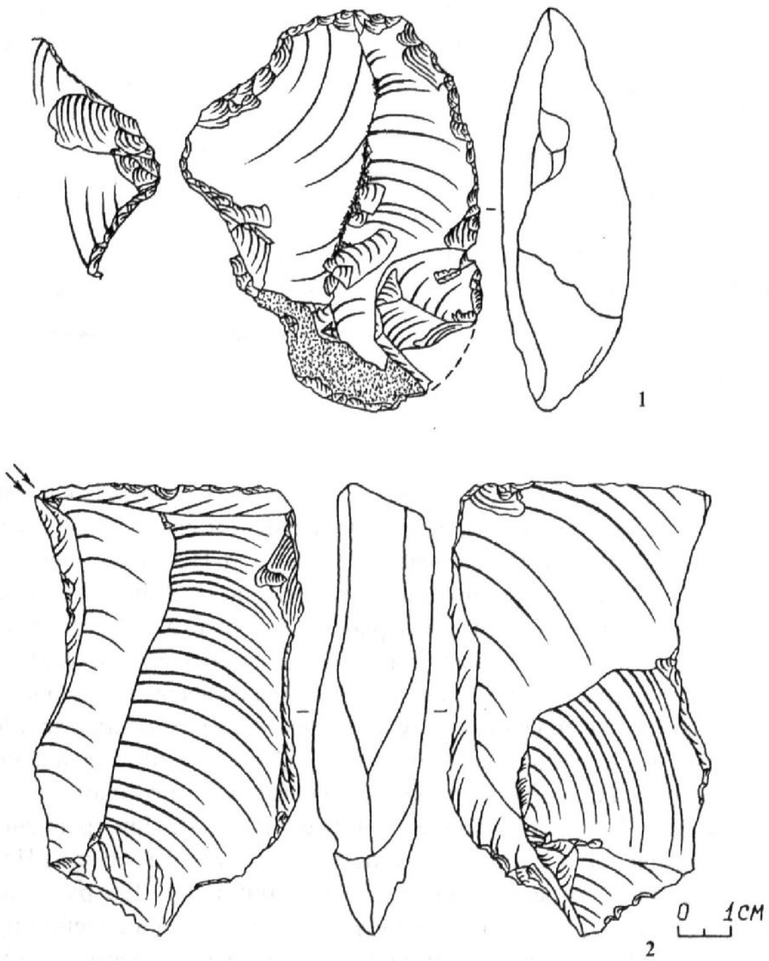

Рис. 3. д. Некрасово. Местонахождение. 1, — орудие на отщепе, 2 — резец.

коркой подовальной формы. Размером 25,5x21,7x4,7—9,2 см. По краям валунчика с обеих сторон сохранились крупные негативы широких сколов.

Нуклеус из плоской подтреугольной плитки серо-коричневого кремня с частью известняковой корки. На поверхности сохранились негативы различных сколов (рис. 5, *1*). Размеры 14,1x10,7x2,4—4,1 см.

Пренуклеус из подконической формы конкреции серо-коричневого кремня. Сохранилась корка, частично окремнённая. Подготовлена прямая ударная площадка. Несколькими вертикальными плоскими сколами снята корка с боковой поверхности пренуклеуса. Завершение пренуклеуса оформлено несколькими широкими сколами и имеет участок звёздчатой забитости, вероятно, получившийся в результате ударов по наковальне или конкреции о конкрецию. Высота пренуклеуса 13, 2 см. Размеры ударной площадки 15,3x12,7 см. Завершение пренуклеуса имеет площадку размером 7,7x4,8 см. По П. Е. Нехорошеву: «Пренуклеус — исходный предмет расщепления, подготовленный к снятию сколов-заготовок» (Нехорошев, 1999, с. 10).

Отщепов клектонского облика 4. Большинство отщепов имеют ширину больше длины. По Н.К. Анисюткину: «Длина скола (отщепа или пластины) измеряется нами по оси удара, а не по наибольшей, абстрактной длине, ширина перпендикулярно оси скалывания. Толщина определяется в максимальной точке» (Анисюткин, 1968, с. 7). Длина, ширина и толщина отщепов — 8,6x9,4x2,3 см (рис. 1), 5,6x5,7x2,2 см (рис. 2, *1*), 5,3x5,7x2 см (рис. 2, *2*), 5,7x5,3x1,9 см. Показатель удлинённости равен 96,9, а показатель массивности — 33,3. Ударные площадки гладкие, на двух сохранилось корочное покрытие. Глубина ударной площадки — расстояние от внешнего края площадки до точки удара — у отщепов от 1, 4 см до 2, 3 см, а средняя величина равна 1,85 см. Большинство ударных площадок находится под тупым

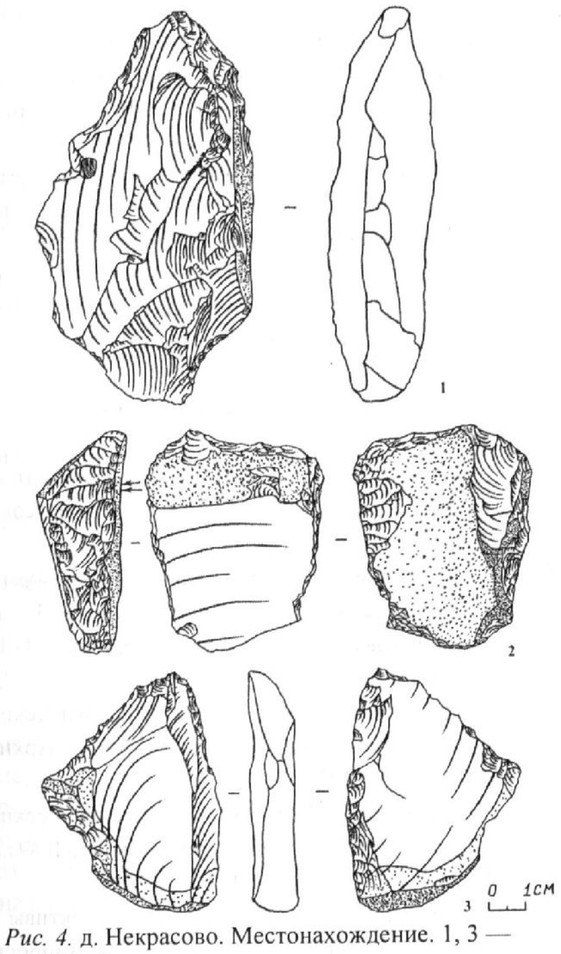

Рис. 4. д. Некрасово. Местонахождение. 1, 3 — скрёбла, 2 — резец.

углом к плоскости брюшка, что, по мнению П.И.Борисковского, получается, когда нуклеус косо ударяют по наковальне, закреплённой на земле (Борисковский, 1953, с. 45). Угол скалывания отщепов от 840 до 1170. Средний угол 1020. У одного отщепа корочное покрытие на 1/3 поверхности (рис. 1). Другой отщеп имеет корочное покрытие, занимающее всю поверхность дорсального фаса. Предшествующая огранка отщепов в большинстве случаев подпараллельна направлению скалывающего удара. Ударная волна читается на брюшке по всей длинной оси отщепов.

Изделий со вторичной обработкой 8. Клювовидное орудие на отщепе коричневого кремня (рис. 3, *1*). По представлению Н.К. Анисюткина: «Под клювовидными орудиями следует понимать такие изделия, рабочий край которых выделен двумя смежными выемками» (Анисюткин, 1973, с. 230). В нашем случае рабочий край выделен ретушированными выемками. С вентральной стороны рабочий край имеет подтёску мелкими плоскими сколами. Следует также отметить забитость ребра на дорсальной стороне, а по контуру орудие затуплено небольшими крутыми сколами.

Резцов найдено два, оба из небольших плиток кремня. Один резец изготовлен из длинной плитки серо-жёлто-коричневого кремня (рис. 3, *2*). Резцовый скол длинный, широкий выполнен вдоль наибольшей стороны плитки. Размеры 8,7x5,2 см. Второй резец выполнен на небольшой подчетырёхугольной плитке коричневого кремня с частично сохранившейся коркой. Резцовые сколы выполнены поперечными снятиями на одном из углов плитки (рис. 4, *2*). С противоположной стороны этот угол имеет подтёску плоскими сколами. Размеры 5,7x4,8 см.

Два угловых скребла на отщепах серо-коричневого (рис. 4, *1*) и коричневого кремня с тёмным пятном (рис. 4, *3*). На обоих скрёблах сохранились небольшие участки с корочным покрытием. Рабочие лезвия образованы сходящимися под углом краями заготовок и оформлены крутыми и полукрутыми сколами. Кроме этого, на одном из скрёбел выполнена подтёска небольшими плоскими сколами (рис. 4, *3*).

Ещё одно скребло продольно-поперечное изготовлено из овальной плитки коричневого кремня с частью корки (рис. 5, *3*). Рабочие лезвия оформлены крутыми, широкими сколами. Аккомодационная часть имеет забитость острых кромок. Размеры орудия — 15,2x9,5x4,6 см.

Продольное, одинарное скребло выполнено на отщепе коричнево-серого полупрозрачного кремня. Рабочий край немного выпуклый, оформлен мелкими крутыми сколами с вентральной и дорсальной стороны. Размеры 8,1x6,2x3,1 см.

Орудие с выемками изготовлено из расколотой пополам гальки коричнево-чёрного кремня с частью корки (рис. 5, *2*). Выемки широкие, оформлены на дорсальной стороне крутыми одинарными сколами и крупной крутой ретушью. На вентральной стороне хорошо читается ударная волна, ударный бугорок стёсан мелкими сколами. Размеры 8,6x9,6x5 см.

Все находки выполнены из кремня, добытого в местных отложениях известняков каменноугольного возраста, размываемых рекой.

Собранные здесь орудия имеют сходство с комплексами архаических орудий из Пучково и Калуги. Ряд таких орудий, как клювовидное орудие и скребла, находят аналогии в памятниках из других

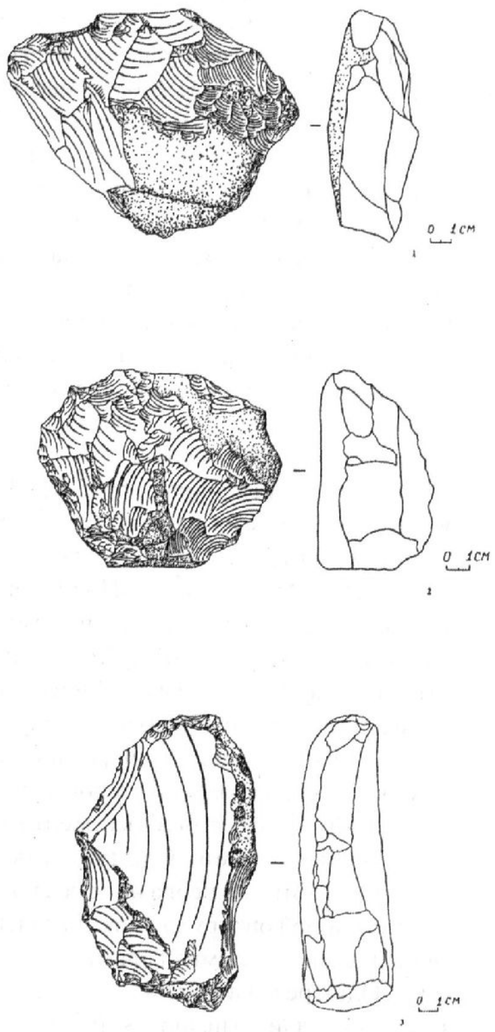

Рис. 5. д. Некрасово. Местонахождение. 1 — нуклеус, 2 — орудие с выемками, 3 — скребло.

регионов. В целом этот комплекс орудий следует отнести к ашело-мустьерскому времени.

Поскольку не выявлено культурного слоя и горизонта залегания находок, этот памятник следует отнести к типу местонахождений.

В бассейне Верхней Оки пункты с находками архаичных артефактов немногочисленны. Необходимо продолжить изучение этих мест и пересмотреть материалы в местных музеях, где многие архаичные артефакты хранятся без точного описания и интерпретации.

Литература и источники

Анисюткин Н.К. Дополнение к методике обработки нижнепалеолитических комплексов// Л., 1968. АСГЭ. Вып. 10.

Анисюткин Н.К. Орудия клювовидных форм в раннем и среднем палеолите// СА. № 1. 1973.

Борисковский П.И. Палеолит Украины// М-Л., 1953. МИА. № 40.

Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках в Калужской области в 1984 г.// Архив ИА РАН. Р-1, Д № 9473, 9473а. 1984.

Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках в Калужской и Тульской областях в 1989 г.// Архив ИА РАН. Р-1, Д № 14123. 1989.

Грудинкин Б.В. Проблемы и перспективы в изучении палеолита Верхней Оки// Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы IX конф. 21—23 марта 2001 г. I часть. Калуга, 2001.

Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках в 2005 г. в Калужской и Тульской областях// Архив ИА РАН., б/н. 2005.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.

ДРЕВНЕБАЛТСКАЯ ГИДРОНИМИЯ БЕЛЁВСКОГО КРАЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

***Е. Р. Барбашов**, краевед, г. Белёв Тульской области*

В гидронимии Верхнего Поочья обнаружено большое количество названий балтского типа. Некоторые из них носят архаический характер и при широких межрегиональных сопоставлениях выявляют параллели во всей области распространения древнеевропейской гидронимии. Собственно балтский компонент играл существенную роль в этнической истории этого региона.

Общеизвестно, что славяне не пришли на пустое место — до них здесь в течение многих веков жили древнебалтские племена. Они оставили следы своего пребывания во многих географических названиях. Как правило, это гидронимия — именно реки и озёра получили названия раньше всего, поскольку всегда являлись важными, существенными для населения географическими объектами. После своего прихода славяне просто заимствовали у древних балтов многие гидронимы и донесли их до нашего времени, иногда в частично изменённом, «славянизированном» облике.

Гидронимы свидетельствуют о том, что население балтского этноса было многочисленно, это подтверждается и данными археологии.

Основное внимание в настоящей работе уделялось субстратной гидронимии. Здесь также присутствует сочетаемость субстратных основ с различными русскими формантами. Тем самым создаётся основа для дальнейшего этнолингвистического изучения территорий, которые в определённом отношении длительное время оставались белым пятном на карте этнической истории западной части Тульской области, особенно для периода середины и второй половины I тыс. н. э.

В данной работе, в основном, применялся материал, полученный из «Белёвской Вивлиофики» — документах XVI—XVII веков. В это время территория Белёвского уезда была почти в три раза больше границ современного района и входила, частично, в состав восьми сегодняшних районов Тульской, Орловской и Калужской областей [Елагин, 1858, I, II]. Подъёмный археологический материал, с открытых автором поселений, находится в объединении ТОИАЛМ (г. Тула).

Упа́ (345 км), правый приток р. Оки, является одной из крупнейших рек области. Топонимическое объяснение находим из языка балтов. Upe — дословно переводится как «река». Соприкосновение двух языков и народов находим в работе А. Григорьева: Славянское население водораздела Оки и Дона (Тула, 2005) [Григорьев, 2005, с. 143—148].

Мизге́я (Мезгея) (47 км) и её левый приток Малая Мизгея (19 км) также могут найти объяснение из балтийских языков — mizgús «запутанный», «петля», что можно перевести как «сильно петляющая река» [Откупщиков, 2004, с. 101]. Этот гидроним оформлен чисто гидронимическим формантом *-ея-*. В своём нижнем течении Мизгея и её приток Малая Мизгея (от с. Животово) называются Большая Мизгея. Отсюда эти две реки до своих устьев сильно петляют, делая большие излучины, так что название имеет чисто географическое обоснование.

В бассейне Мизгеи известен ряд городищ и поселений с археологическими материалами мощинской и роменской культур (Петровское, Мизгея, Воротцы).

Нере́ж (14 км) правый приток р. Мизгеи, впадает в неё напротив городища Мизгея (д. Мизгея, Арсеньевский район); neris, от ner — nor, нырять — балтийская основа обозначающая бобра [Топоров, 1998, с. 411, 466] Гидроним оформлен древним и редким славянским суффиксом *-еж-*. [Агеева, 2004, с. 105].

Молве́рь (5 км) с метатезой Волмерь; исходящую основу выявить трудно, но она оформлена суффиксом *-ерь-* и может относиться к западным балтам (консультация Р. А. Агеевой). Происхождение названия гидронима пока не объяснено.

На р. Молверь находится древнее с. Воро́тцы. Подъёмный материал с этого поселения принадлежит эпохе раннего железного века (далее — РЖВ), мощинской и роменской культурам и XI—XVIII вв. (ТОИАЛМ).

Дубайя (2 км) — правый приток р. Малой Мизгеи, находится в 5 км выше с. Воротцы. Балтийская основа — dauba — «овраг», dube — «яма», «впадина». Она оформлена балтийским суффиксом *-oja-*. Этот ручей протекает в глубоком овраге, и название соответствует его географическому положению [Откупщиков, 2004, с. 85, 98]. Здесь необходимо учитывать и балтийскую основу -dub- «глубокий», довольно распространённую в гидронимии балтов [Поспелов, 2000, с. 85].

Шлеи́на (6 км) — первый крупный правый приток р. Малой Мизгеи, в 7 км выше с. Воротцы. Название можно объяснить из балтийских языков — šlúna — «глинозём» (реки в Литве и Восточной Польше Šlúna и Šlina). В населенном пункте Бабынино бывшего совхоза «Богданово», где протекает Шлеина, вся почва состоит из суглинков. Водораздел же между Шлеиной и Мизгеей, а также р. Истицей составляют чернозёмы, а от с. Богданово, по Малой Мизгее и до р. Упы находится ледниковая морена, состоящая из песка. Поэтому гидроним Шлеина — «глинистая» имеет географическое обоснование [Агеева, 2004, с. 197—198].

Дура́вый (3 км) — правый приток р. Шлеины, от балтийского dũras — «тихий»

[Откупщиков, 2004, с. 96]. Ручей Дуравый, впадающий в р. Шлеину у д. Перо́во, имеет широкую долину и пойму, как и р. Шлеина, которая, приняв ручей Дуравый, к своему устью сужается и образует бу́ду (узкую и глубокую долину). Здесь снова древнее географическое обоснование гидронима.

Страмо́к (6 км) — левый приток р. Мизгеи, впадающий в неё чуть выше городища Мизгея и в 1 км выше устья р. Нереж. Название происходит от балтийского аппелятива stramókas, от stramus — «крутой» [Откупщиков, 2004, с. 96]. Этот гидроним оформлен балтийским суффиксом *-ок-*, который соответствует древнерусскому *-оват-* и применяется для обозначения местности вокруг данного водного объекта [Откупщиков, 2004, с. 96]. Этот суффикс также помогает установить балтскую принадлежность целого ряда гидронимов Поочья [Откупщиков, 2004, с. 96]. Почти на всём протяжении Страмок течёт в высоких и крутых берегах и имеет быстрое течение.

Се́туха (20 км) — левый приток р. Оки, впадающий в неё ниже д. Береговой. Название может быть связано с балтийским географическим термином sietuvá — «глубокое и широкое место реки» [Агеева, 2004, с. 167]. В бассейне Сетухи автором открыты 4 поселения с керамикой мощинского, волынцевского, салтовского и роменского типов (ТОИАЛМ). Самое крупное из них — Рядо́во II (около 50 га) — находится у самого большого, широкого и глубокого омута на всей р. Сетухе. Поселение Болтёнки I — РЖВ, мощинская, волынцевская культуры и роменская (2 этапа, по А. Григорьеву) (ТОИАЛМ). Название можно воспроизвести как омутистая река, где балтийская основа гидронима оформлена славянским суффиксом *-ха-*. Другая Сетуха (левый приток р. Березуй — левый приток Оки, д. Чегодаево Болховского района Орловской области) находится у городища Кулу́тин (1 км от д. Чегодаево и 3 км от древнего Домагоща).

Челмено́к (1,5 км) (другая форма — Челме́нка) — левый приток р. Сетухи (с. Хочево). В названии может быть выделена балтийская основа «челва» (kel̃vė́, cēls — «высокий», «возвышенный») [Поспелов, 2000, с. 291]. Ручей имеет широкую пойму и высокие берега, что соответствует географическому обоснованию названия. На это указывает и балтийский суффикс *-ок-*. На протяжении одного километра по Челменку автором открыто 5 селищ с мощинским материалом. Из них на двух — мощинский и роменский, а также домонгольский XI—XIII в. и средневековый XIII—XVII в. (ТОИАЛМ).

Та́мерь (1,5 км) — левый приток р. Вырки (Верхней), впадающий в Оку рядом с р. Сетухой и являющейся её метонимической калькой. Происхождение названия возможно из балтийской основы támas — «тёмный». На всех индоевропейских языках основа tam означает «тёмнота», «тёмная» [Фасмер, 1987, с. 133—134]. Этот гидроним, как и Молверь, оформлен суффиксом *-ерь-* и может относиться к западным балтам (информация Р. А. Агеевой). В устье ручья Тамерь находится селище эпохи поздней бронзы, РЖВ, домонгольского периода и средневековой Руси (ТОИАЛМ). В полутора километрах ниже Тамери по Вырке находится древнее поселение (Ильино I). Оно представлено материалами поздней бронзы, РЖВ, мощинской, волынцевской, роменской, салтовской культур и XI—XIX вв. (ТОИАЛМ).

Во́лкуша (2 км) — приток р. Лютимки, левого притока Оки (с. Ходыкино). Название может быть образовано от балтийского гидрографического термина válka — «небольшой поток», «ручей, текущий через болото», «небольшая, заросшая травой, река» [Поспелов, 2000, с. 57]. Балтийская основа оформлена суффиксом *-ша-*, который может являться как балтским, так и славянским [Откупщиков, 2004, с. 92—93] Долина Волкуши сухая и болот на ней нет. Остальные варианты названия совпадают, если учесть, что летом Волкуша пересыхает, а в дождливое лето всё её русло зарастает травой, так что воды в ручье не видно.

На Волкуше автором открыто поселение РЖВ и мощинской культуры, а в 700 м от ручья, на р. Лютимке, находятся 3 поселения, относящиеся к эпохе бронзы, РЖВ, мощинской и роменской культурам, XI—XVII вв. (ТОИАЛМ).

Ве́женка (Ве́жна, 19 км) — правый приток Оки (в 1 км ниже г. Белёва). Название

реки восходит к балтийскому vežỹs — «рак» (vež-upis река в Литве) [Откупщиков, 2004, с. 87]. В бассейне р. Плавы (левого притока р. Упы) есть р. Невежа. Название Веженки можно перевести как «река, в которой много раков». В районе д. Кураково, на Веженке, находится селище, относящееся к периоду РЖВ, мощинского и роменского времени. Здесь же автором открыто ещё одно селище (роменская культура и XI—XVIII вв.) (ТОИАЛМ).

Девоша (8 км) — левый приток Веженки, впадает в неё в 2 км выше Кураковского селища, у д. Сергеевка, которая возникла на святом колодце во второй половине XIX в. (старое название урочища Красная Часовня). Здесь, над источником, текущим на запад и впадающим в Девошу, до 1930 г. стояла деревянная часовня. Соседний с ним мощный родник, текущий на север и впадающий в р. Веженку, святым не является. Объяснение этого гидронима-теонима, на наш взгляд, возможно от названия балтийских божеств земли и леса Жемины и Медейны — Žemyna-deive означает «божественная». Сам источник находится в пойме реки, а не на высокой горе, что подтверждает его принадлежность женским божествам. Мать всех богов Жемина представлена змеями-гадюками, деревьями и другими, но уже менее значимыми персонажами [Топоров, 2000, с. 315—317].

В работе В. Н. Топорова подчёркивается, что древние балты особой помощи ждали от лесных нимф, лесных богинь и духов воды. Особо священными считались те источники, которые текли на запад [Гимбутас, 2004, с. 200—210]. Вообще у балтов девственная природа была неприкасаемой и особо защищалась [Гимбутас, 2004, с. 201].

Важно отметить, что Девоша практически на всём протяжении течёт в дремучем лесу, преимущественно в дубовом (лес Городская Дубрава). В бассейне реки практически нет болот, что вычленяет её из бассейна Веженки, притоки которой текут из болот, как и сама Веженка, а это значит, что вода Девоши отличается особой чистотой. К этому следует добавить, что на Девоше, как и на Веженке (в районе д. Сергеевка) исстари существуют два урочища — Большой и Малый Гадюшник. Здесь всегда было много гадюк, особенно в последнее время, поэтому зону отдыха в д. Сергеевка постоянно закрывают. Тут практически ежегодно страдают люди из-за укуса гадюк, даже на собственных огородах.

Над святым источником автором найдены фрагменты керамики периода РЖВ. Постоянного поселения этого времени здесь, видимо не было, так как подъёмного материала очень мало, да и он уничтожен при прокладке шоссейной дороги. Следует обратить внимание на особую редкость этого гидронима: другого с корнем *—дев-* на сопредельной территории неизвестно.

Сестри́к — три ручья, длиной менее 1 км (Верхний, Средний и Малый Сестрики), впадают в Оку справа (п. Сестрики) и на расстоянии в 300 м один от другого. Вероятнее всего, название имеет балтийское происхождение. В его основе— древнейший индоевропейский корень *-стр-* — «течь» с балтийским деминутивным суффиксом -ik-. Таким образом, сходство гидронимов Сестрик с русским термином родства «сестра» чисто внешнее [Поспелов, 2000, с. 245]. На это указывает и то, что все Сестрики впадают в Оку на перекате Сестринский Хрящ, где Ока проходит через поперечную каменистую гряду и образует быстрое течение. В этом месте находится большое селище (неолит, абашевская, РЖВ, мощинская, волынцевская, роменская, салтовская культуры) (ТОИАЛМ).

Ло́ша (1 км) — левый приток р. Правой Руки, правого притока Оки (д. Нижние Савенки). Сам ручей образуется из одного слабого родника. Вероятнее всего, его название можно объяснить из балтийских языков, где lãšas — «капля», lãšeti — «капать», «струиться», т. е. маловодный ручей, что соответствует географическим условиям (река в Литве Lãš-upis) [Откупщиков, 2004, с. 88]. В 1 км ниже по р. Руке автором открыто большое селище РЖВ, мощинского периода и XI—XVI вв. (ТОИАЛМ).

Ло́ва (7 км) — левый приток р. Левой Руки, левого притока Оки. Исток р. Ловы— д. Брежнево, устье — с. Касьяново Ульяновского района Калужской области. Название из балтийских языков переводится дословно lóva — «русло реки»

[Откупщиков, 2004, с. 101]. В среднем течении в Лову справа и слева впадают равнозначные ей реки Каганец и Ручи́ца, поэтому в древности главную реку-ось выделили особо, подчеркнув названием, что Лова и есть главная река.

Жа́ла (6 км) — левый приток р. Левой Руки, впадает в неё в 2 км выше устья р. Ловы. Объясняется из балтийских языков как «зелёная» — žãlias (Žãl-upe «река» в Литве) [Откупщиков, 2004, с. 87]. Жала получила своё название за специфический зелёный цвет воды, который наиболее ярко проявляется в осеннюю межень (сентябрь—октябрь). Аналогичный цвет имеют р. Вырка (Фатьяновская, г. Белёв), именуемая в своём устье Зелёнкой, и р. Те́ча (правый приток р. Угры).

На р. Лове, около её устья, автором открыто городище (Касьяново 1), (Кушниковский Погост Мокрищевского стана Белёвского уезда). Городище почти полностью уничтожено песчаным карьером (остался один вал), в котором найден керамический материал РЖВ и XII—XVII вв. Таким образом, факт балтских гидронимов Ловы и Жалы имеет подтверждение.

Ме́да (23 км) — левый приток р. Оки (п. Бобрики). Меда — дославянское название реки Бобрик, было восстановлено автором по топонимам [Барбашов, 2001, с. 53]. Гидроним имеет балтийский корень — med — «лес» [Агеева, 2004, с. 206—207]. Река названа лесной потому, что вокруг неё находятся безлесные степные, чернозёмные участки-ополья, а по самой реке, и не случайно, прошла линия Бобриковской засеки. На р. Бобрик автором открыто 2 городища (одно периода РЖВ) и 2 гнезда поселений от эпохи бронзы до мощинского и роменского периодов. Здесь есть материалы волынцевской и салтовской культур, а также XI—XVII вв. (ТОИАЛМ).

Де́бря с притоком ***Дебря́тиком*** (соответственно 7 и 5 км) — левый приток р. Бобрик (с. Зайцево). Эти две реки находятся в 5 км выше по р. Бобрик от балто-славянского гнезда поселений (Уткино II—VI; ТОИАЛМ). С наибольшей долей вероятности названия этих двух рек можно отнести к балтийским, так как в этих языках в названии бобра решительно преобладает вокализм *-e-*, который, видимо, сохраняет более древнее состояние. Здесь же происходит и чередование согласных *-b-* и *-d-*. А в ареале, некогда бывшем балтийским, позже на восточнославянских территориях наиболее ранние субстратные гидронимы имеют форму Дебря [Топоров, 1998, с. 414—416]. То, что этот гидроним не является раннеславянским архаизмом, говорит и уменьшительное название притока Дебри — Дебрятик. В этом гидрониме присутствуют балтийский суффикс-расширитель *-t-* (либо балтийское суффиксальное чередование *-t-/-n-*), в славянских гидронимах не применявшиеся [Откупщиков, 2004, с. 98]. Суффикс *-ик-* может являться как балтским, так и славянским уменьшительным. Переименовав главную реку Меду в Бобрик, славяне вынуждены были оставить название притоков в балтской трактовке, тем самым подчёркивая «бобровую» характеристику рек.

Тусса́ (Тусца, 6 км) — правый приток р. Оки (д. Беляево). Тусса — более ранняя, балтийская форма названия сегодняшней Тусцы (сопредельные реки Высса, Ресса, Рессета и др.). Форма названия с двумя *-c-* не характерна для ранних славян, так как древнерусское произношение не терпело удвоенных согласных, которое появляется только не ранее XVI в. [Агеева, Васильев, Горбаневский, 2002, с. 61]. Поэтому в документах XVII в. появляются две формы написания. Объяснение названия находим в балтийских языках, — tusnа́, tsnа́ — «тихая», «спокойная», отсюда название рек Цна [Гимбутас, 2004, с. 36]. Река на всём своём протяжении течёт по зандровой равнине, где речная и овражная сеть не развиты, или почти отсутствуют. Уклон реки небольшой. Во многих местах находятся омуты, на местном наречии — «бу́ково». Одноимённое урочище находится в среднем течении реки и состоит из цепочки непересыхающих омутов. Таким образом, название этой реки отображает характеристику местности. В устье Тусцы находится поселение времени РЖВ, мощинской, волынцевской, роменской культур и XI—XVII вв. (ТОИАЛМ).

На сопредельной территории находится р. Тусца с деревней Тусса на ней (левый приток р. Вытебе́ть (д. Шваново Ульяновского района Калужской области).

Лобасы́нь (9 км) — левый приток р. Маш́ок, левого притока р. Нугрь, левого притока р. Оки. В названии этого гидронима чётко видна балтийская основа и

позднепраславянский суффикс *-ынь-*, применявшийся для обозначения не столько поселения, сколько местности в его округе. Названия гидронимов с этим суффиксом является вторичными от названия поселений.

Балтийская корневая основа lóbas обозначает «лужа», «болото», «русло» [Откупщиков, 2004, с. 90]. Действительно, верхнее течение реки представляет собой заболоченную пойму, где отсутствует чётко оформленное русло. Среднее и нижнее течение — наоборот, пойма почти совсем отсутствует, сухое русло глубоко врезано в неё, а склоны долины очень круты. В том месте, где заболоченная пойма переходит в углубленное русло и сухую пойму, автором открыто городище Лобасынь. Оно имеет один вал с напольной стороны, с проездом посредине. Площадка размером 40х60 м. Подъёмный материал РЖВ, мощинской и волынцевской культур (ТОИАЛМ).

Белина́ (4 км) — правый приток р. Сне́жедь (Снежет).

Навад́ (3 км) — левый приток р. Малая Снежедь, правый приток р. Снежедь (Чернский район). Эти два ручья протекают в районе Чаплыгино. В 2 км от Чаплыгинского городища находится Белин́ский погост Погорельского стана Белёвского уезда. Белина — от балтийского belа́ — «болото» [Откупщиков, 2004, с. 90]. Навад — с балтийским префиксом *-na-* и корневой основой — vãd, vãde — «луговой ручей» [Бабурин, Кононенко и др., 2004, с.35]. Оба гидронима находятся в степной зоне (в Диком Поле, по Белёвской Вивлиофике), а Навад упоминается с комментарием: «… под Большим Белёвским Лесом». Можно предполагать, что на Чаплыгинском городище [Богуславский, 1995, с. 223] или в ближайшей округе могут находиться поселения интересующего нас периода.

Грезна́ (41 км) — правый приток р. Жиздры. Происхождение названия можно найти в балтийских языках, аппелятив greznás (greznója) — «красивая» [Откупщиков, 2004, с. 98]. Грезна впадает в Жиздру у с. Березичи Козельского района, что в 3 км выше от Дешовского городища и от балтских селищ в районе с. Березичи и Клюксы. По археологическим данным на Дешовском городище есть материал мощинской культуры [Прошкин, 2005, с. 19—21; Массалитина, 2001, с. 15—17].

Иста́ (72 км) и её главный приток ***Истица́*** (25 км) — правый приток Оки. Происхождение названия, возможно, восходит к индоевропейскому *-eis-,-ois-, -ais-* — «быстро двигаться» («течь»). Корневые основы гидронимов на *-ист-* (от древнебалтийского *-ais-*) В. Н. Топоров осторожно связывает с индоевропейским субстратом, заимствованным балтами и убедительно это доказывает, ссылаясь на А. Ванагаса. Сравним: река Aista в Литве [Топоров, 1972, с. 236, 251, 268; Ванагас, 1981, с. 36]. Иста относительно мало изучена, но в нижнем течении этой реки есть ряд древнейших балтских поселений (Фурсовские городища и селища в приустьевой части Исты). На этих поселениях есть мощинский слой, а также волынцевская и роменская керамика (ТОИАЛМ и музей Тульские древности). В нижнем течении (от с. Фурсово) Иста имеет быстрое течение и на протяжении 2 км падает на 6 метров, что подтверждает географическое обоснование данного этой реке названия.

Истица́ (4 км) — левый приток р. Левой Руки, впадает в неё под городищем Рука (Барка). Это городище археологически изучено. На нём и на его посаде есть материал эпохи бронзы, РЖВ, мощинской и роменской культур, XI—XVII вв. Название ручья аналогично р. Исте, но в нём присутствует славянский уменьшительный суффикс *-ица-*.

Жупе́ть — озеро в пойме правого берега Оки, у с. Сныхово. Название гидронима с балтийским суффиксом *-еть-*, по мнению Е. М. Поспелова, к X в н. э. уже вышедшему из употребления (устная информация Р. А. Агеевой). Название возможно из балтийских языков — žibute; žibéti — «блестеть» [Завьялова, 2000, с. 206]. Озеро вполне могло получить такое название, так как находится в широкой пойме. С высокого, левого берега Оки (от с. Сныхово) водная гладь постоянно блестит от солнца, которое восходит за озером, на правом берегу реки и отражается в нём на протяжении большей части светового дня. На берегу озера автором открыто 3 поселения РЖВ, мощинской и роменской культур, а в с. Сныхово также присутствует аналогичный археологический материал (ТОИАЛМ). В 1,5 км юго-западнее озера присутствует этот же материал на селище (Болтёнки-I).

Следующее — нижнее — озеро Кипе́ть, с балтийским суффиксом *-еть-* находится на левом берегу Оки у одноимённого села, в 7 км ниже по реке.

Упа, Иста, Меда, Лоша, Жала, Лова — субстратные основы оформленные суффикс-флексиями *-а-*. На примере этих субстратных названий видно, что в данном регионе была широко распространена модель первичных названий.

Какие выводы можно сделать из рассмотренного материала? Во-первых, в бассейне Верхней Оки, в междуречье Упы и Зуши мы находим наиболее плотную сеть гидронимов балтийского типа. И здесь же балтийское влияние отнюдь не ограничивается только рамками гидронимии. Во-вторых, конкретный анализ речных названий балтийского происхождения в бассейне Верхней Оки показывает, что эта гидронимия, в основном, восточнобалтийского типа, наиболее близкая к литовскому языку. Конечно, мы ничего не знаем о языках тех племён, которые оставили мощный слой балтийской гидронимии на обширной территории Поочья. Можно только отметить архаичный характер этой гидронимии. В-третьих, на археологическом материале, подкреплённом топонимией, можно сделать вывод о непосредственном контакте между племенами балтов и ранних славян на данной территории. К этому следует добавить, что все без исключения ранние поселения волынцевской и роменской культур находятся на поселениях предшествующей им мощинской культуры (ТОИАЛМ).

Литература

Агеева Р. А. Гидронимия русского северо-запада как источник культурно-исторической информации. М., 2004.

Агеева Р. А., Васильев В. Л., Горбаневский М. В.. Старая Русса. Тайны имени древнего города. М., 2002.

Антонов А. В. Выпись из писцовых книг 1568/69 года на земли в округе Белёва.// Белёвские чтения. Выпуск II. М., 2002.

Бабурин А. В., Кононенко Л. А., Никольский А. А., Хрусталёв И. Н. Топонимический словарь Рязанской области. Рязань, 2004.

Барбашов Е. Р.. Бассейн реки Бобрик в историко-археологическом отношении.// Белёвские чтения. Выпуск I. М., 2001.

Богуславский В. В.. Тульские древности. Тула, 1995.

Ванагас А. Этимологический словарь литовских гидронимов. Вильнюс, 1981.

Гимбутас М. Балты. М., 2004.

Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула, 2005.

Елагин Н. Белёвская Вивлиофика. Собрание древних памятников об истории Белёва и Белёвского уезда. М., 1858.

Завьялова М. В. Модель мира в литовских и русских заговорах «от змеи» (сопоставительный анализ).// Балто-славянские исследования 1998—99 гг. М., 2000.

Массалитина Г. А. Археологические раскопки на городище Дешёвки.// Козельские чтения. Выпуск 3—4. Калуга, 2001.

Откупщиков Ю. В. Древняя гидронимия в бассейне Оки.// Балто-славянские исследования №XVI. М., 2004.

Поспелов Е. М. Топонимический словарь Московской области. М., 2000.

Прошкин О. Л. Славянские памятники и отдельные находки в бассейне р. Жиздры.//Козельские чтения. Выпуск 5—6. Калуга, 2005.

Топоров В. Н. Балтика Подмосковья.//Балто-славянский сборник. М., 1972.

Топоров В. Н. Мифологический образ бобра в балтийско-славянской перспективе: генетическое, ареальное и топонимическое.//Балто-славянские исследования 1997. М., 1998.

Топоров В. Н. К реконструкции балто-славянского мифологического образа Земли-Матери.// Балто-славянские исследования 1998—99 г. М., 2000.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1987.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БОРОВСКОГО РАЙОНА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В 2005—2006 гг. (КРАТКИЙ ОБЗОР)

***В.В.Бубликов**, заведующий музеем-квартирой К.Э.Циолковского в г. Боровске, Государственный музей истории космонавтики им. К.Э.Циолковского*

Археологические исследования на территории Боровского района Калужской области в 2005—2006 гг. проводились в виде охранных раскопок и разведок (карта на рис. 1).

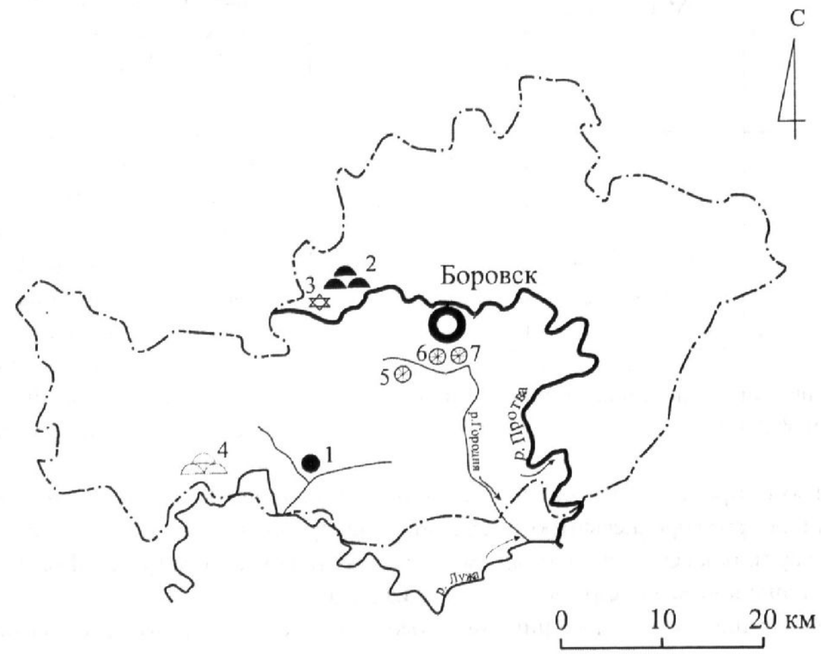

Рис. 1. Карта-схема Боровского района Калужской области с памятниками археологии, на которых проводились археологические исследования в 2005—2006 гг., и памятниками, открытыми в 2006 г.

В 2005 г. производились раскопки на селище Отяково 1, расположенном в 2 км к западу от д.Отяково, на правом высоком берегу р.Сушки. Северо-восточная часть поселения частично занята современным кладбищем.

Селище открыто и обследовано О.Л. Прошкиным в 1987 г. Было установлено, что его следует предварительно датировать XV—XIX вв., а его площадь занимает территорию несохранившейся д. Николо-Лужецкое.

В северо-восточной части селища, на территории современного кладбища, был разбит раскоп площадью 32 кв.м (рис. 2, 3). Раскопки показали, что культурный слой памятника имеет толщину 20—30 см и состоит из однородного темно-серого суглинка с вкраплением обмазки. В слое обнаружены 1792 фрагмента круговых, тонко- и толстостенных, серо-, черно-, красно-, бело- и коричнево-глиняных с минеральными примесями в тесте (мелкий песок) сосудов, бытовавших в XIV—XIX вв. Многие фрагменты имеют лощение, некоторые — рифленый, линейный, ногтевой, волнистый, ямчатый, в виде штампа и другой орнамент. Индивидуальные находки (19 экз.) представлены фрагментом ключа, коваными гвоздями, фрагментом механизма замка,

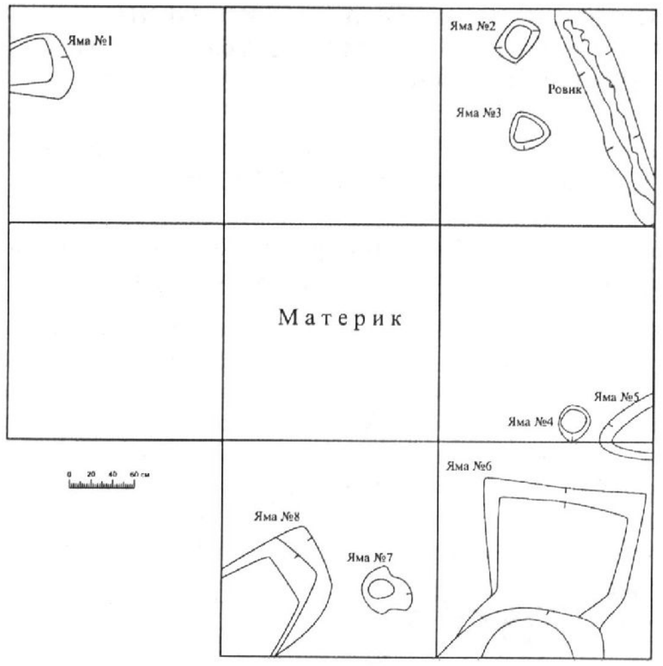

Рис.2. Схематический план селища Отяково 1 на уровне материковой поверхности.

С 4 металлической накладкой, нательными крестиками и т.д.

На уровне материка выявлены остатки 8 ям и ровик. Наибольший интерес представляла яма №6 в южной части раскопа. Яма имела глубину 40 см от уровня материка и была значительна в размере по сравнению с другими (ширина ее по оси запад-восток составляла 1,48 м. Длину установить не удалось, т.к. ее южная часть ограничивалась стенкой раскопа, в пределах которого ее размер составил 1,7 м). В южной части яма приобретала очертания круга и углублялась до 96 см от поверхности материка. Таким образом, в яме прослеживались две площадки, отделенные друг от друга ступенькой. Перепад между верхней и нижней площадками — 57 см. Стратиграфия ямы представляла собой следующее: в верхней части локальным пятном выделялся суглинок ярко-коричневый (обожженный), затем суглинок темно-серый, далее суглинок серый, и на дне суглинок серо-коричневый. Во всех слоях присутствовал уголь. Керамический материал из заполнения ямы идентичен керамике из слоя.

Основываясь на анализе конструкции ямы, можно предположить, что она была выкопана с целью устройства погреба. Верхняя площадка являлась как бы ступенькой для удобного спуска на нижнюю площадку. Погреб был разрушен, скорее всего, в результате пожара, о чем говорит слой обожженной глины в верхней части ямы и наличие угля во всех слоях.

Остальные 7 ям использовались в качестве столбовых и хозяйственных. Ровик, обнаруженный в северо-восточной части раскопа, мог быть образован либо при распашке данного участка (углубление от плуга), либо сделан в дренажных целях.

На основании результатов, полученных в процессе раскопок, удалось установить следующее:

1) культурный слой селища переотложен, скорее всего, в результате культивации этого земельного участка;

2) по наличию ям в материке можно предположить, что раскоп был заложен на окраине одной из бывших деревенских усадеб;

3) обнаруженный вещественный материал позволяет говорить о том, что данный земельный участок селища является частью села Николо-Лужецкое, известного по письменным и картографическим источникам с XIX в.;

4) вероятно, что поселение здесь возникло в XIV в.

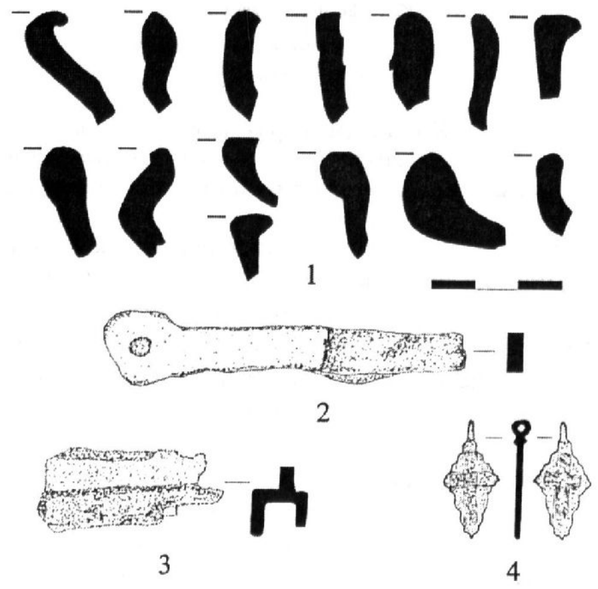

Рис.3. Находки из раскопа Отяково селище 1. 1— профили венчиков; 2, 3 — фрагменты ключей; 4 — крестик медный нательный.

В 2005 г. также проводились раскопки одного из курганов курганного могильника у д. Рыжково. Могильник состоял из трех круглых полусферических насыпей, расположенных в 800 м к юго-юго-западу от д. Рыжково, на территории современного сельского кладбища. Памятник занимает восточную оконечность мыса левого берега р. Протвы. Все курганы потревожены грабительскими ямами. Курганный могильник впервые обследован И.К.Фроловым в 1983 г.

В процессе раскопок удалось установить, что курганы сооружены на месте стоянки первобытного человека периода финального палеолита, а также селища раннего железного века, чему соответствуют находки, обнаруженные здесь.

Первым для изучения был выбран западный курган — курган №1. Он находился непосредственно на границе кладбища и был нарушен современной могилой. Курган имел следующие размеры: диаметр — 8 м, высоту — 1,3 м. Здесь был заложен раскоп площадью 95 кв.м., ориентированный по сторонам света. Исследования насыпи кургана показали, что он сооружен на культурном слое селища, представляющем собой серый суглинок, который, видимо, был специально подрезан для устройства погребения (расчищали и выравнивали площадку). На этом слое, в юго-восточной части насыпи, и располагались захоронения, помещенные в две домовины, выложенные из небольших обожженных бревен. Причем одна домовина (меньшая по размеру) «вставлена» в большую, видимо, более раннюю. Особенностью устройства погребений в обоих случаях явилось присутствие большого количества камней. Камни и дерево использовались для перегородок во внутреннем пространстве большой домовины, создавая, таким образом, три своеобразных «отсека». В этих «отсеках» находились кальцинированные кости. Здесь же были обнаружены: стеклянная бусина, спекшаяся с кальцинированной косточкой, и 2 стеклянные многочастные пронизки, деформированные от воздействия огня. В устройстве малой, впускной, домовины камни применялись для ее основы. Обращает на себя внимание месторасположение камней в верхней части домовины. Они были выложены по кругу, в центре которого находилась обгоревшая плашка и скопление кальцинированных костей. Все это сооружение также было окружено обгоревшей деревянной конструкцией.

В заполнении курганной насыпи найдены кремневые отщепы, скребки, датируемые финальным палеолитом, фрагменты лепных и круговых (118 фрагментов) сосудов, датируемых первой половины I тыс.н.э., VIII—X вв. и XVII—XVIII вв.

В основании кургана находился кольцевидный ровик с перемычкой в юго-восточном секторе кургана. Ширина ровика составляла от 40 до 88 см, а глубина — от 25 до 46 см. Внешний диаметр ровика составлял около 8 м. На материковой поверхности в пределах раскопа было открыто и расчищено 7 ям. Причем 3 ямы относились ко времени существования селища в первой половины I тыс. н.э., 3 — курганные и 1 — кладоискательская.

В 2006 г. работы на данном памятнике продолжились. Раскопкам был подвергнут курган №2, включенный в раскоп площадью 132 м^2, ориентированный по сторонам света. Центр курганной насыпи уничтожен кладоискательскими ямами. Как и курган №1, курган №2 устроен на подрезанном культурном слое селища.

В насыпи кургана обнаружено три погребения. Первое находилось в северо-западной части кургана и представляло собой скопление кальцинированных косточек вперемешку с фрагментами коричнево-глиняного лепного сосуда IX—X вв. на площади 1x1,2 м.

Второе погребение располагалось в южной части насыпи. Это небольшая домовина, в которой прослеживаются стенки в виде обгоревших плашек и внутреннее пространство, использовавшееся для погребения кальцинированных костей. Причем в нескольких местах домовины на плашках сохранились остатки березовой коры. В погребении собраны фрагменты коричнево-глиняной и черно-глиняной круговой и лепной керамики, датируемой IX—X вв. В непосредственной близости от нее найдены 2 железных ножа.

Третье погребение находилось в западной части кургана. По его остаткам можно сказать, что оно было совершено не так давно, и, видимо, является кладбищенским. Захоронение совершено по обряду трупоположения и почти полностью уничтожено корнями дерева. От него сохранилось лишь остатки черепа и фрагменты бедра.

В курганной насыпи обнаружены кремневые отщепы и орудия, фрагменты керамики, идентичные найденной в заполнении насыпи №1 и датируемые первой половиной I тыс.н.э., VIII—X вв. и XVII—XVIII вв. Из индивидуальных находок можно выделить кремневые

нуклеус и скребок, булавку бронзовую, бубенчик из сплава цветных металлов, шило железное, бусину желтостеклянную двухчастную, каменный оселок, два пряслица глиняных, скобу железную, накладку с заклепками бронзовую, височное кольцо бронзовое, привеску трапециевидную бронзовую, пряжку железную, пряслице-грузик, бубенчик бронзовый, гривну из сплава цветных металлов, кольцо бронзовое, ножи железные и т.д.

На материковой поверхности открылись два ровика. Первый (внутренний) ровик — кольцевой, находился в центре площадки под курганной насыпью. Ширина ровика составляла от 40 см до 1 м, а глубина — от 27 до 57 см. Внешний диаметр ровика составлял около 9 м. В северо-восточной части на материковом уровне в ровике пролеживались следы от столбовых ямок.

Второй (внешний) ров был изучен частично, в пределах раскопа. На вскрытой площади его конфигурация имела вид кольца, опоясывающего курган. Этот ров более глубокий и широкий, чем предыдущий. Его ширина в изученной части составила около 4 м (юго-восточный сектор). На остальной части раскопа ширина не определена. Глубина — около 50—96 см. В юго-восточной части ровика находилось скопление камней.

На материковом уровне в пределах раскопа расчищено 6 ям.

Подводить итоги двухлетних работ по изучению двух курганов в настоящий момент преждевременно. Дальнейшие раскопки дадут более полную картину погребального обряда изучаемого курганного могильника.

В 2006 г. проводились разведки, целью которых было выявление новых памятников археологии. В результате открыты следующие памятники: стоянка у с. Беницы, датируемая по кремневым изделиям финальным палеолитом, курганный могильник у д. Гордеево, состоящий из 15 круглых полусферических насыпей и двух вытянутых, относящихся, видимо, к культуре длинных курганов (практически все курганы имеют грабительские ямы или испорчены оборонительными сооружениями), а также три селища, расположенных на берегах р. Городни к югу от г. Боровска, которые можно отнести, по собранному керамическому материалу, к усадьбам позднего средневековья. Причем одно из них имеет остатки аллей и ограждений в виде ровиков и земляных насыпей, а также остатки строения (камни, кирпич). Таким образом, общее количество известных памятников археологии на территории Боровского района на 2007 г. достигло 102 единиц.

П.Н. ЧЕРМЕНСКИЙ — ЗАБЫТОЕ ИМЯ В ИСТОРИИ КУРСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

***Г.Ю. Стародубцев**, к.и.н., директор,*
***А.Г. Шпилев**, зав. отделом, ученый секретарь,*
Курский государственный областной музей археологии

Одним из людей, трудами которых в годы Великой Отечественной войны была спасена от уничтожения и вывоза за пределы Советского Союза большая часть музейных коллекций, оставленных в Курске при приближении к городу немецких войск, был П.Н. Черменский, исполнявший во время оккупации должность директора Курского областного краеведческого музея.

Судьба этого человека достаточно типична для поколения российских краеведов и музейных работников 1920—30-х гг.

Пётр Николаевич Черменский родился 1 (13) октября 1884 г. в с. Чермные Темниковского уезда Тамбовской губернии (современный Кадомский район Рязанской области) в семье псаломщика. Закончив в 1905 г. с золотой медалью Борисоглебскую гимназию, он поступил в Императорский Петербургский историко-филологический институт, который окончил в 1909 г. Не прекращая учебы в историко-филологическом институте, П.Н. Черменский в 1907 г. становится слушателем Императорского Археологического института. Там он прослушал курсы «первобытной и христианской археологии, юридических древностей, славяно-русской

палеографии, исторической географии и этнографии России, нумизматики, дипломатики, архивоведения и археографии и по испытании в названных науках (8 мая 1911 г.) признан достойным звания действительного члена Императорского Археологического института» (Черменский, Д. VI—88/2. Л. 4).

В 1909—11 гг. Пётр Николаевич преподавал историю и латинский язык в Санкт-Петербургской окружной гимназии, а затем (с 1912 г.) в филологической гимназии при историко-филологическом институте. Следующие четыре года (1912—16 гг.) были заполнены преподавательской и научной работой. В 1913 г. была издана его книга «Город Лебедянь и его уезд в XVII в.». Кроме того, П.Н. Черменский готовится к сдаче магистерских экзаменов, которые успешно выдержал в 1916 г.

16 февраля 1917 г. администрация историко-филологического института уведомила Петра Николаевича о том, что «Министерство оставило Вас при институте для приготовления к профессорскому званию по русской истории на текущий год, по 1 января 1918 года, со стипендией в 1200 рублей из сумм Министерства. Конференция института..., заслушав изложенное предложение, постановила просить профессора Русской истории П.Г. Васенко принять на себя руководство Вашими научными занятиями» (Черменский, Д. VI—88/2. Л. 13).

Октябрьская революция прервала блестящую карьеру академического ученого. В 1919 г. он перебирается на родину жены, в г. Лебедянь (современная Липецкая область), где, работая заведующим музейной секцией при Наробразе, основывает Лебедянский народный музей. С 1920 г. по 1928 г. Пётр Николаевич живет в Тамбове, работает директором краеведческого музея, преподает историю в педагогическом институте, ведет активную деятельность по изучению прошлого Тамбовского края. В 1921 г. он защищает при Московском университете магистерскую диссертацию. В 1928 г. П.Н. Черменского приглашают на работу в Воронеж и назначают ученым секретарем секции изучения производительных сил при Облплане Центрально-Черноземной области.

Активная работа в Воронежской краеведческой организации привлекла к нему внимание ОГПУ. 4 февраля 1931 г. он был арестован оперативным уполномоченным следственного отдела ПП ОГПУ по ЦЧО И. Орловым. Любопытен список изъятого в ходе обыска у этого «матерого врага народа»:

«1) Статья, написанная Черменским «Что такое 5[ти] -летний план и зачем он нужен»;

2) Тоже статья, написанная Черменским «Из истории борьбы Тамбовских кр-н за землю в 1917 г.»;

3) Журнал совместных заседаний Губ.план совещания и III Губ. краеведческой конференции от 7—10/III 1928 г.;

4) Указатель к литературе по Тамбовской губернии, напечатанной и подготовленной к печати за 10 лет революции;

5) Адресная книга;

6) Переписка;

7) Журнал «Русское прошлое» издания 1928 г. под ред. Платонова и др.;

8) Учебник по русской истории Платонова» (Черменский, Д. VI — 88/2. Л. 14).

По мнению ОГПУ, в деле о «Контрреволюционной монархической организации «Краеведы» в Центрально-Черноземной области П.Н. Черменский играл одну из ведущих ролей. 5 июля 1931 г. заседание Коллегии ОГПУ приговорило его «по статье 58 п.10 и 11 УК РСФСР к заключению в ИТЛ на десять лет».

Всего по этому делу было арестовано 92 человека — краеведы из Воронежа, Орла, Курска, Липецка и других городов. Пятеро из них в итоге были расстреляны, прочие заключены в лагеря (Акиньшин, 1992, с. 176—177).

В курском музее в первых числах февраля 1931 г. арестовали временно работавшего там нумизмата Т.А. Горохова (1872—после 1949 г.) и заведующего естественно-историческим отделом, руководителя юношеской секции Курского губернского общества краеведения (КГОК) М.А. Рязанцева. В ближайшие месяцы штат музея сменился практически полностью. Бывший руководитель КГОК Г.И. Булгаков (1883—1945) пытался укрыться от ареста в Воронеже, но безуспешно.

Известный историограф А.А. Формозов в статье, посвященной судьбе русских археологов 1920—40-х гг. вспоминал: «Горохова, Ткачевского и Черменского я застал в 1948 г. в Курске.

Черменский преподавал археологию в пединституте. Горохов и Ткачевский краеведением официально не занимались, но собирали древности и интересовались ими. Отношения между ними были добрые, хотя материалы следствия показывают, что держались они по-разному: Черменский всех выгораживал и был приговорён к 10 годам лагерей, Горохов же всех оговаривал и осуждён на 3 года. Ткачевский был выслан на 3 года в Северный край» (Формозов, 1998, с. 195).

После досрочного освобождения из Беломорско-Балтийского лагеря НКВД в феврале 1939 г. Пётр Николаевич вновь вернулся в Лебедянь. Недолго проработав учителем немецкого языка в местном педагогическом училище, он в 1940 г. переезжает в Курск, где начинает преподавать немецкий язык в городской школе взрослых, заочно закончив специальное одногодичное переводческое отделение Центральных курсов заочного обучения иностранным языкам.

После захвата Курска германскими войсками в ноябре 1941 г. хорошо говорящий по-немецки П.Н. Черменский был назначен оккупационными властями директором вновь открытого краеведческого музея. В этот период в музее работало лишь 4 человека: директор, его жена О.И. Черменская (экскурсовод), художник Г. Беседин и сторож К. Кузьменко (Зорин, Стародубцев, Шпилев, 2000, с. 94—98.). Положение их было довольно шатким. С одной стороны, «культурное обслуживание оккупантов» отнюдь не приветствовалось советскими властями, и неминуемо должно было сказаться на судьбе работников музея после освобождения города. С другой же стороны, сами оккупационные власти относились к музею с явной настороженностью, последствия чего могли быть самыми непредсказуемыми. Так, 3 июля 1942 г. все сотрудники музея были внезапно арестованы «венгерцами... по обвинению в шпионаже и подаче сигналов советским летчикам и [были приведены]... в здание венгерской комендатуры на Пастуховской улице. Здесь в ночь на 4 июля во время дознания [их]... били и ставили к стенке для расстрела» (Черменский, Д. VI — 88/2. Л. 6). Однако, на сей раз всё обошлось и «после побоев и издевательства» сотрудников музея освободили.

После освобождения Курска от германских войск Пётр Николаевич продолжал исполнять свои обязанности. Лишь 5 июля 1944 г. он был освобожден от должности директора Курского краеведческого музея и полностью сосредоточился на преподавании истории древнего мира в Курском педагогическом институте, в котором работал со 2 ноября 1943 г. по 18 августа 1947 г.

В справке, выданной ему в 1944 г., отмечалось, что «старший преподаватель Курского Педагогического Института П.Н. Черменский имеет большую нагрузку в институте, где читает лекции студентам 1го и 2го курсов и ведет научную работу по изучению В. Отечественной войны и истории Курского края. Кроме того, он состоит профоргом месткома по группе профессоров и преподавателей истфака Пед. Института» (Черменский, Д. VI—88/2. Л. 15).

Но и спустя десятилетия после Октябрьской революции краевед, имеющий за плечами старую дореволюционную школу, не смог полностью освоиться с требованиями, предъявляемыми тоталитарным государством к советскому ученому. В резолюции заседания Ученого Совета Курского пединститута от 12 апреля 1946 г. говорилось, что, «заслушав отчет о работе ст. преподавателя кафедры Всеобщей истории т. Черменского, Ученый Совет отмечает успешную педагогическую и научно-исследовательскую работу т. Черменского и рекомендует и в дальнейшем изучать классиков марксизма-ленинизма, в особенности, работы, относящиеся непосредственно к курсу, читаемому т. Черменским» (Черменский, Д. VI—88/2. Л. 9). Вероятно, полностью освоить марксистскую фразеологию Пётр Николаевич так и не сумел.

Помимо преподавательской деятельности П.Н. Черменский активно исследовал курские археологические памятники. Так, в 1946 г. Институтом истории материальной культуры ему был выдан «Открытый лист» на право «производства археологических обследований древней стоянки в городе Курске на берегу р. Тускори». Раскопки велись около Ямского моста силами воспитанников Суворовского училища под руководством Ю.А. Липкинга. В ходе работ были найдены свыше трехсот каменных орудий (наконечники стрел, ножи, скребки, долота, проколки), близких «к инвентарю древних поселений на Северном Кавказе, на Харьковщине», кремневых отщепов, поделок из кости и черепков глиняной посуды, вся поверхность которых была покрыта веревочным орнаментом. Возле места раскопок «были

обнаружены и предметы более близкого к нам времени. В их числе стеклянные витые браслеты и кольца, медные кресты, железные стрелы и гвозди. Эти предметы относятся к XI—XII векам, когда на Руси уже установился феодальный строй» (Черменский, 1947).

П.Н. Черменский не только сам исследовал местные памятники археологии, но и оказывал содействие приезжающим в Курск специалистам. Так, в 1948 г. Петр Николаевич познакомил студента 3-го курса исторического факультета МГУ А.А. Формозова с известным курским коллекционером Т.А. Гороховым. Результатом их знакомства стало приобретение студентом-археологом нескольких арабских дирхемов из клада, обнаруженного в 1947 г. около д. Волобуево Стрелецкого района (современный Курский район) Курской области. Эти монеты он, по его воспоминаниям, передал своему однокурснику В.Л. Янину. В следующем, 1949 г., А.А.Формозов и В.Л. Янин вместе с Б.А. Рыбаковым были в Курске, однако П.Н.Черменского уже не застали (Формозов, Д.V—88/5. Л. 3 об-4).

В 1948 г. Пётр Николаевич покинул Курск, оставив работу в институте «по собственному желанию вследствие болезни». Сначала он переехал в Ставрополь, где с 1948 по 1950 гг. работал заведующим кабинетом истории в краевом пединституте, а затем вновь возвращается в Лебедянь и до самой пенсии преподаёт немецкий язык в Лебедянском сельскохозяйственном техникуме. После выхода на пенсию в 1956 г. П.Н. Черменский полностью посвятил себя научной работе. В этом же году Географическое общество СССР избрало его своим действительным членом (Черменский, Д. VI—88/2).

Умер Петр Николаевич 10 сентября 1973 г., оставив после себя множество научных работ, до сих пор представляющих огромный интерес для историков и краеведов.

Литература и источники

Акиньшин А.Н. Судьба краеведов (конец 20-х — начало 30-х годов) // ВИ. № 6—7, 1992. С. 173—178.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г. История изучения курских древностей // Курский край: Научно-популярная серия в 20 т. Т. V. Курск, 2000.

Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920—1940-х гг. // РА. № 3, 1998. С. 191—206.

Формозов А.А. Письмо Г.Ю. Стародубцеву // НА КГОМА. Д. V—88/5.

Черменский П.Н. Документы к биографии // НА КГОМА. Д. VI—88/2.

Черменский П.Н. Древнее поселение в Курске // Курская правда. 1. 06. 1947.

НА КГОМА — Научный архив Курского государственного областного музея археологии.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БАЗ ДАННЫХ (БД) В АРХЕОЛОГИИ

***Е.В. Столяров**, аспирант, Институт археологии РАН*

База данных — это объективная форма представления и организации совокупности данных, систематизированных таким образом, чтобы эти данные могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ [1, с.8].

Начало применения математических методов в гуманитарных исследованиях относится к середине 1960-х гг., именно с этого времени число исторических исследований, в которых применялся современный математический аппарат и ЭВМ, стало расти с невиданной для того времени быстротой [2, с.3]. Одним из элементов новых методов были попытки внедрения в исторические и археологические исследования БД, которые были в то время лишь на стадии разработок, а в археологии проводились исследования по использованию кибернетических методов в лице перфокарт [3, 16].

Не случайно, что все работы в области создания баз данных были сосредоточены и локализуются по сей день при отделе охранных раскопок ИА РАН, так как именно археологам, занятым в сфере охраны памятников археологии, приходится иметь дело с огромными массивами необработанной и неорганизованной информации, которую нужно формализовать.

Появление перфокарт стало первым шагом на пути создания традиционных БД, основанных на бумажных носителях. Но ценность перфокарт в данном случае определяется не возможностью хранить большие объемы информации, а разработанной системой кодов

описания объектов, которые затем будут положены при организации первых БД [3, с.331].

Именно проблема информационного кризиса, остро проявившаяся к середине 1950-х гг., подвигла ученых к необходимости формализации огромного археологического наследия [4, с.328]. Коды описания археологических объектов для перфокарт станут базовыми при разработке первых компьютерных БД. Большая заслуга на этом поприще принадлежит И.С. Каменецкому, который один из первых разработал код для описания погребального обряда [5, с.224—226].

К середине—концу 1980-х гг. появляются первые компьютеризированные БД при отделе охранных раскопок — БД «BURTAS» Г.Е. Афанасьева по описанию катакомбных погребений салтово-маяцкой культуры и БД «ТАФОС» по описанию погребального обряда «всех времен и народов» М.В. Андреева и И.А. Сорокина. Они стали той основой, на которой вырастут БД середины 1990-х гг.

К середине 1990-х гг. появляются уже первые самодостаточные информационно-поисковые системы (ИПС), такие, как «НОМАД» (печенеги, торки, половцы в междуречье Дона и Волги) А.Г.Атавина, информационно-поисковая система по керамике культур энеолита—бронзового века Волго-Окского междуречья К.В. Воронина, «ALAN» (аланские катакомбные могильники северного Кавказа IV—IX в.в.) Д.С. Коробова, ИПС по памятникам Брянской области Р.А.Нигматулина и В.Л. Рыжковой, «ОКА» (памятники эпохи мезолита) А.Н. Сорокина, «БОСПОР» (по античному грунтовому некрополю Фанагории и в целом по античным грунтовым некрополям) Н.И.Сударева [6], ARL-TREE/TUMULUS М.В.Андреевой, И.А.Сорокиной, Г.Г.Джаникян, ориентированной на ввод данных о курганных могильниках степной и предгорной зоны Северного Кавказа [7, с.10].

Параллельно с созданием универсального описания погребальных комплексов создавались БД для универсального описания поселений и построек — БД ARCHEO-DWELLING в Екатеринбурге (В.М. Морозов, А.П. Живицкий, С.Н. Панина), БД GRAVE в Москве (Д.И Киселев и Б.Е. Янишевский) [8]. Пакет ARCHEO-DWELLING — это база данных, позволяющая описывать и хранить в системе полевые сведения как о поселениях, раскопанных широкими площадями, так и об отдельных жилищах и объектах: очагах, производственных площадках, хозяйственных ямах, — от эпохи мезолита до средневековья [9, с.77]. БД GRAVE была разработана на основе новой формы учетного документа памятника археологии — бланка, содержащего около 90 параметров описания. В данной базе данных была уже осуществлена привязка графической информации к памятнику (в пределах отдельно взятой заповедной зоны реализовано нанесение на карту точек-памятников, осуществляемое вручную, и связь этих точек с базой данных; сейчас данные процедуры выполняются на основе GPS—измерений в ГИС) [10, с.110].

Кроме того, помимо создания БД для универсального описания погребений и поселений, создавались базы/банки данных для решения сугубо технологических задач. Это первые наработки в области создания банка дендрохронологических данных археологической древесины памятников с территории всей Восточной Европы [11, с.93] и комплекс программ, получивших название ARXSYS, ведущей идеей при создании которых было совмещение в рамках системы объемных баз данных по древнему металлу [12, с.95].

На современном этапе прослеживается попытка создания таких БД, которые бы совмещали в себе и описание погребальных комплексов, и описание поселений и построек. Среди таких БД можно назвать ИПС SITE [13, с.259—275]. Другой пример — автоматизированная информационная система по регламентации археологических раскопок и разведок на территории России BASE-INFO [14, с.276—285].

Еще одним из главных отличий БД нового поколения является, на мой взгляд, и то, что эти БД уже имеют возможность динамической связи с ГИС, которые активно применяются на данном этапе в методике археологических исследований. А.Н Мазуркевич, С.В. Морозов, Д.Ю. Гук, П.М. Долуханов явились инициаторами интеграции СУБД и ГИС-технологий в археологических исследованиях. Ими была разработана АГИС «Monarch» [15].

Наиболее разработанным проектом является «Археограф» Ст.А. Васильева (ИИМК РАН). Данная БД подходит для описания памятника любой эпохи и территории. Она ориентирована в большей степени на исследовательскую работу, имеет динамическую связь с ГИС. Её демонстрационная версия представлена в Интернете [16].

По принципу организации все существующие на данный момент БД можно разделить на три группы: сетевые, иерархические и реляционные. Но в связи с развитием ГИС-технологий на современном этапе, кроме реляционных, иерархических и сетевых баз данных разрабатываются базы данных совершенно нового типа, основанные на XML технологиях. В этом случае универсальным «контейнером» для организации огромного массива данных ИПС (сканированные растровые изображения — фотографии, рисунки, страницы рукописных текстов) служат документы XML — это синтаксический язык структурной разметки документов. Примером данного типа БД является цифровой архив материалов исследований Гнёздовского археологического комплекса [17, с.55].

Подводя итог рассмотрению тенденций развития БД в отечественной археологии, можно отметить следующее: всю историю развития БД в отечественной археологии, насчитывающую около полувека, можно свести к двум концептуально разным направлениям. Представители первого, последователи Жана Клода Гардена, являются приверженцами универсализма и пытаются добиться полной формализации археологических памятников (М.В. Андреева, И.А. Сорокина, Ю.Л. Щапова), представители второго, напротив, разрабатывают «рабочие» БД, направленные на решение конкретных исследовательских задач (В.Б. Ковалевская, Г.Е.Афанасьев и Д.С.Коробов). К настоящему времени работы отечественных археологов по-прежнему сосредоточены в рамках двух обозначенных направлений, но на данном этапе, в связи с внедрением новых информационных технологий в археологические исследования, разрабатываются БД нового поколения, имеющие динамическую связь с ГИС и основанные на новейших XML-технологиях.

Литература и источники

1. Диго С.М. Проектирование и использование баз данных. М.: Финансы и статистика, 1995. 208с.
2. Бессмертный Ю.Л. Некоторые вопросы применения математических методов в исследованиях советских историков.//Математические методы в исторических исследованиях. М.: Наука, 972. С.3—11.
3. Воробьев Г.Г. Некоторые аспекты применения кибернетики в археологии//Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965.С.330—333.
4. Шер Я.А. О создании кибернетического фонда археологических источников с автоматическим поиском информации//Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965.С 326—330.
5. Каменецкий И.С. Код описания погребального обряда//Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. М.: Наука, 1983.С.221—244.
6. Базы данных в археологии. М., ИА РАН, 1995. 218с.
7. Андреева М.В., Сорокина И.А., Джаникян Г.Г. ARL-TREE/ TUMULUS. Проект основы банка данных по материалам раскопок степных курганов.// Компьютеры в археологии: Материалы конференции «Опыт компьютерной обработки археологических материалов». Москва, апрель 1993 г. М., ИА РАН, 1996.С.7—16.
8. Компьютеры в археологии. М.: ИА РАН, 1996. 116с.
9. Морозов В.М., Живицкий А.П., Панина С.Н. ARCHEO-DWELLING. Принципы выборки и организации материала//Компьютеры в археологии. М.:ИА РАН, 1996.С.77—83.
10. Янишевский Б.Е., Киселев Д.И. База данных памятников археологии GRAVE. Опыт и перспективы применения//Компьютеры в археологии. М.: ИА РАН, 1996.116 с.
11. Урьева А.Ф., Черных Н.Б. Компьютерная программа обработки дендрохронологических данных// Компьютеры в археологии. М.: ИА РАН, 1996.С.90—94.
12. Черных Е.Н., Авилова Л.И., Барцева Т.Б., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О. Компьютерные программы в историко-металлургических исследованиях лаборатории ИА РАН// Компьютеры в археологии. М.: ИА РАН, 1996. 116с.
13. Афанасьев Г.А., Джаникян Г.Г., Сорокина И.А., Эрлих В.Р. Полнотекстовая и картинно-графическая база данных для описания археологических памятников SITE//Практика и теория археологических исследований. М.: ИА РАН, 2001.
14. Сорокина И.А., Седов В.В., Хмелевский А.Н., Джаникян Г.Г., Меснянкина С.В. BASE-INFO. Автоматизированная информационная система по регламентации археологических раскопок и разведок на территории России.//Практика и теория археологических исследований. М.: ИА РАН, 2001.
15. Мазуркевич А.Н., Морозов С.В., Гук Д.Ю., Долуханов П. М. Опыт интеграции СУБД и ГИС-технологий в археологических исследованиях//Археология и геоинформатика. Вып.2. Институт археологии РАН. Отдел охранных раскопок, группа «Археолого-географические информационные системы». М., 2005. (CD).
16. Археограф. Археологическая информационная система «АРХЕОГРАФ». http://iimk.nw.ru/rus/

themes/archeograf/index.htm.

17. Жуковский М.О., Пушкина Т.А. Цифровой архив материалов исследований Гнёздовского археологического комплекса//РА. 2005.№1.С.50—63.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ЭКСКУРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

***А.А. Нечаева**, студентка,*
***В.Н. Широков**, студент,*
Калужский институт туристического бизнеса

С развитием рынка туризма в России и непосредственно в Калужской области перед турфирмами встала проблема в разработке новых туристских продуктов. Она возникла из-за высокого уровня конкуренции и для расширения своего рынка сбыта турфирмы вынуждены искать и разрабатывать новые продукты для привлечения туристов.

Одним из перспективных видов туризма является познавательный. Познавательный туризм играет большую роль в системе внутреннего и внешнего туризма. Люди отправляются в такого рода поездки для расширения своего кругозора; такие поездки влияют на формирование самосознания и стереотипов поведения людей.

В центральном регионе имеется опыт использования археологических памятников в экскурсионной деятельности, например, экскурсия на Чертово городище (Калужская область), Куликово поле (Тульская область).

Для разработки нового туристического маршрута нами были выбраны следующие объекты: городище в устье р. Калужки и городище в Ждамирово.

Цели экскурсии:

1) популяризация археологических исследований и памятников;

2) сохранение и музеефикация памятников археологии;

3) ознакомление школьников с историей и бытом славян, обитавших на территории г. Калуги.

Первой остановкой на маршруте экскурсии является городище Ждамирово, по преданию, — первое местоположение Калуги. По мнению Д.И. Четыркина (1897 г.), оно возникло не позднее XII в.. М.В. Фехнер в 1953 г. при обследовании городища отметила, что в обнажении вала возможно проследить его устройство: основа, в виде деревянной конструкции с поперечными перерубами, обожжена и заполнена землей. В 1962 г. на городище под руководством Т.Н.Никольской были проведены археологические раскопки. Исследованы остатки жилищ (развалы печей, подпольные ямы, ямы-погреба), производственные сооружения (гончарный горн). Остатки построек и сооружений располагались в прибрежной части поселения. Собранные на городище предметы — железные ключи, калачевидное кресало, наконечник стрелы, ножи, шпора, шиферное пряслице и керамика курганного типа позволяют датировать поселение XII—XIV вв. Наиболее ранними находками являются: шиферное пряслице, железное калачевидное кресало и ключ от пружинного замка. Жизнь здесь прекратилась, очевидно, в конце XIV—начале XV вв. К этому времени относится найденная на городище серебряная монета — подражание золотоордынскому дирхему (Никольская, 1981, с. 83—84). По мнению Т.Н.Никольской, Ждамировское городище является остатками феодального «замка».

Второй остановкой на маршруте экскурсии является городище в устье р. Калужки — второе предположительное местоположение города. Здесь, по мнению И.Д.Четыркина (1897 г.), возможно, Калуга получила свое имя, однако, данных, подтверждающих это предположение, нет. «Место, которое город занимал, выбрано было на углу между двух рек, к обеим оканчивающихся ярами и притом несколько пологое к одной только Оке: все оно окружено было весьма глубоким рвом, так что, несмотря ни на истекшее время, ни что заросло высокою травою, нельзя еще не удивляться приметной глубине его; от рва подымается прямою стеною вал сажени на три перпендикулярных. Оный вместе со рвом обходит город только с трех сторон, а с четвертой, что к Оке открыто яром, так что середина составляет некоторую площадь; и как положение места само собою одною половиною к речке Калужке или к северо-западу было выше, нежели другое к юго-востоку, ниже по берегу Оки простирающееся,

то между ними оными посередь города проведен от главного вала еще будто провалок без рва, который высшую половину отделяет от нижней... По углам главного вала видны были бугры с раскатами, на коих, без сомнения, стояли деревянные башни, а сверх того от оных башен ко рву были еще скаты, и, наконец, над самым рвом еще таковые ж бугры, может быть, для вторичных башен».

«Небольшие пробные раскопки» в южной части городища, предпринятые И.Д. Четыркиным, выявили следы пожарища и в качестве причины следующего переноса города исследователь выделил большую степень опасности для города из-за его расположенности непосредственно у водного пути и большой Тульской дороги.

М.В. Фехнер при обследовании городища выделила небольшую гряду, делящую площадь городища на две части. При зачистке стенок небольших ям, находившихся на всей площади памятника и в обнажениях берега, культурный слой не обнаружен — непосредственно под дерном залегал материк.

Регулярная экскурсионная программа «Калуга вятичей».

Программа обслуживания на автобусном туре:

10.00 Отъезд от школы

10.30—12.00 Посещение и экскурсия в городище в устье р. Калужки, городище Ждамирово.

12.00—13.00 Организация детских игр и развлечений.

13.00 Отъезд.

Стоимость тура (чел./руб.): 135—170 руб. в зависимости от величины группы (30—40 чел.). В стоимость тура входит оплата услуг экскурсовода, трансфер.

Литература

Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М.: «Наука», 1981.

ПРОГРАММА НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «УГРА» ПО ИЗУЧЕНИЮ ОСТАТКОВ КОЗЕЛЬСКИХ ЗАСЕК

***Г.А. Массалитина,** к.и.н., в.н.с., национальный парк «Угра»*

Козельские засеки — крайний западный участок Заокской засечной черты — оборонительной системы Московского государства XVI—XVII вв. Основная часть территории бывших Козельских засек находится в Ульяновском районе Калужской области, где на их основе 15 лет назад был создан государственный природный заповедник «Калужские засеки». На территорию национального парка «Угра» приходятся остатки Столпицкой линии укреплений Козельских засек. В парке разработана специальная программа по изучению этого объекта, который представляет собой сложный и комплексный памятник: это памятник истории, археологии, военно-инженерного искусства и одновременно памятник природы.

Засечной чертой в исторической литературе именуется мощная оборонительная система, созданная в XVI—XVII вв. вдоль южных границ тогдашней территории Московского государства для обороны от татарских набегов. XVI в. — время острого противостояния Московского государства с наследниками Золотой Орды — прежде всего, Крымского ханства. Свои походы татары совершали с интервалами буквально в несколько лет, а иногда и несколько лет подряд. Это привело к необходимости принять решительные меры по укреплению южных рубежей государства. Тогда-то и началось сооружение своеобразного оборонительного пояса, получившего название «засечная черта» или просто «Черта».

До возникновения засечной черты московское правительство сосредоточивало оборону на Оке, получившей название «Берега», а сама служба — береговой: от Коломны до Калуги расставлялись полки. Они стояли постоянно, служба была регулярной. Важно подчеркнуть, что береговая служба строилась лишь на использовании Оки и отдельных городов на ее берегах (рис.1). Но уже с середины XVI в. начинается земледельческая колонизация юга, интересы московского правительства переносятся за пределы Оки и московские пограничные войска

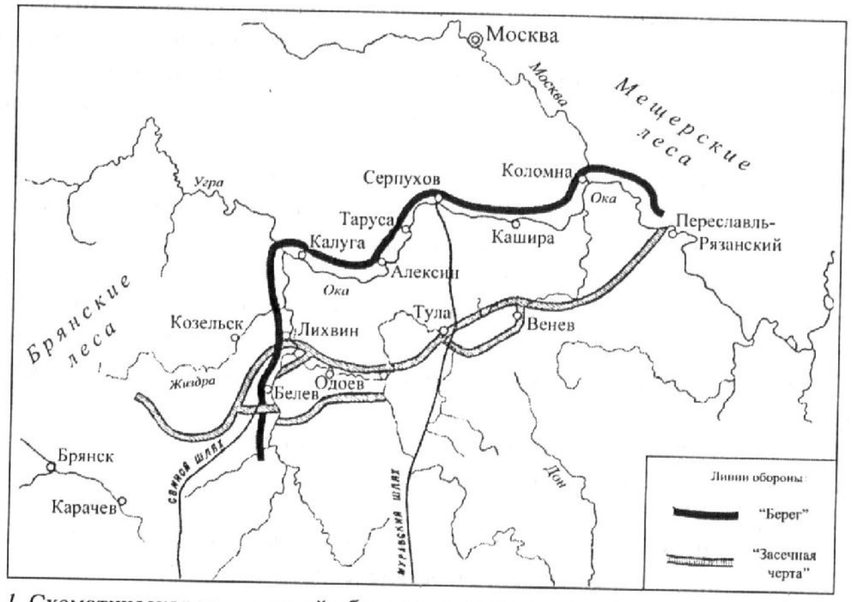

Рис.1. Схематическая карта линий обороны южной границы Московского государства XVI—XVII вв. (по А.И. Яковлеву).

оказываются на пространстве, не защищенном естественным препятствием, каковым раньше была река. Видимо тогда и зарождается мысль о создании совершенно особой сплошной линии обороны.

Рис.2. Засекание леса. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

При большой протяженности границ принцип использования естественных препятствий в сочетании с сооружением на наиболее уязвимых участках крепостей выработался на Руси издавна. Важным естественным препятствием, затрудня-вшим в условиях средневекового бездорожья передвижение крупных военных сил, был лес, игравший в русской военной истории во все времена большую роль. Именно на лесные массивы и искусственные завалы леса и была сделана основная ставка, когда в XVI в. Московское правительство взялось за сооружение засечной черты.

Собственно «засеками» назывались заграждения из наваленных деревьев. Деревья подрубали (засекали) и валили вершинами в сторону предполагаемого нападения. Этот прием защиты от нападений использовался киевскими князьями, судя по летописям, уже с конца XI в. (рис.2). Впоследствии, в XVI—XVII вв., термин «засеки» приобрел более широкий смысл, распространи-вшись на долговременную сложную систему укреплений, в которой лесные завалы только восполняли и смыкали естественные препятствия местности — реки, озера, болота, овраги, которые в наиболее опасных местах дополнялись искусственными преградами — частоколами, надолбами, земляными валами и рвами, земляными и деревянными крепостями. Все вместе это и составляло сложный и грандиозный по размерам оборонительный комплекс — засечную черту.

К какому времени относится ее формирование? Исследователи считают, что до середины

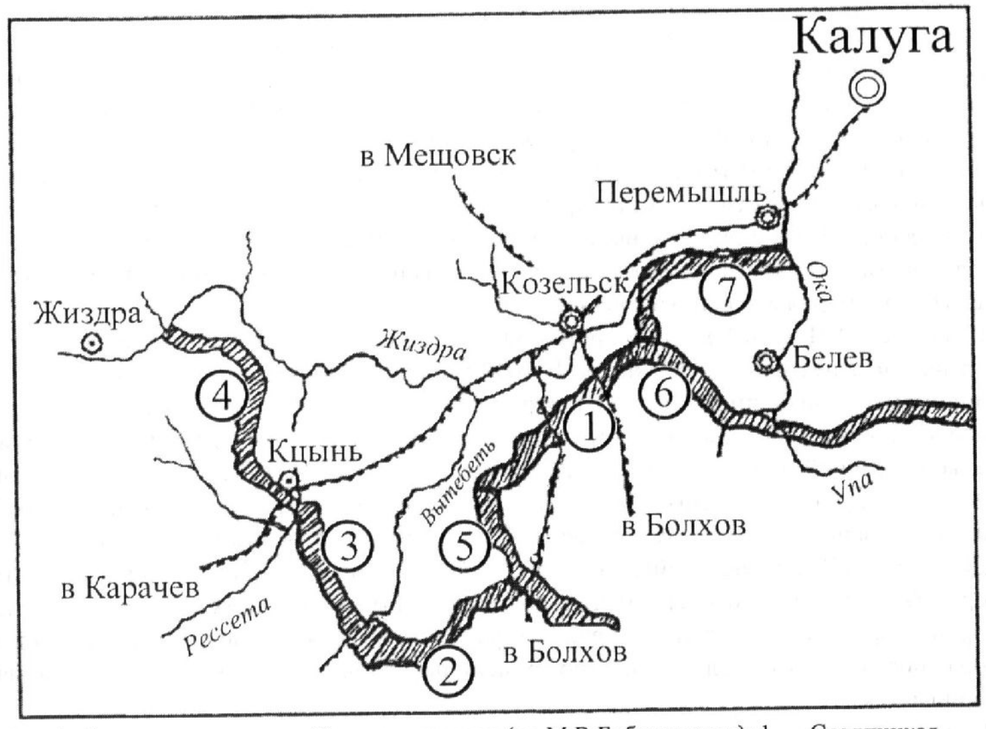

Рис.3. Схема расположения Козельских засек (по М.В.Бобровскому): 1 — Столпицкая, 2 — Дубенская, 3 — Кцынская, 4 — Сенецкая, 5 — Белевская Бобриковская, 6 — Слободецкая, 7 — Перемышльская.

XVI в. существовали лишь отдельные ее элементы. Единым военно-оборонительным сооружением Черта становится только во второй половине XVI в., при Иване Грозном: *«Блаженные памяти при государе царе и великом князе Иване Васильевиче... всея Руси в Козельском уезде для бережения от приходу воинских людей учинены засеки и на засеках всякие крепости»* [1].

К этому времени отдельные укрепленные участки складываются в единую линию обороны, протянувшуюся примерно на 600 км от Козельска до Рязани — на пути основных подходов татар (рис.1). Это первая и самая ранняя засечная черта Московского государства. Она получила название «Заокской», т.к. основная часть ее звеньев располагалась по правобережью Оки (от Москвы — за Окой). В административном отношении Черта распадалась на отдельные звенья-засеки: Рязанские, Тульские, Каширские и т.д. Название интересующих нас Козельских засек происходит от того, что именно отсюда велось управление этой частью Черты. Эти крупные административные звенья распадались на еще более мелкие — для надзора и охраны; они назывались по тем селениям, мимо которых проходили. Козельские засеки, в частности, состояли из Дубенской, Кцынской, Сенецкой и Столпицкой засек (рис.3). Столпицкая засека простиралась на 31 версту 478 сажень по правобережью рек Жиздры и Вытебети, параллельно руслам обеих рек.

Основным элементом в Черте по размерам были лесные массивы. Лес, где устраивалась засека, был заповедным. Он имел строго определенные межевые границы и охранялся. В засечном лесу под страхом наказаний (вплоть до смертной казни) запрещались не только рубки и охота, но даже просто въезд или вход, чтобы «не накладывали стежек». По замечанию А.И Яковлева, опубликовавшего монументальный труд по исследованию Черты [2], засечную черту можно назвать полосой отчуждения, настойчиво оберегаемой правительством от всяких посягательств со стороны окрестного населения. Для этого был создан целый штат должностных лиц (засечные воеводы, приказчики, головы, сторожи) и привлекалось само население. За обустройство засек и поддержание их в надлежащем состоянии отвечала засечная стража, набираемая из местных жителей. Границы засеки помечалась различными способами — пнями, деревьями с вырытыми около них ямами, затесами на деревьях («гранные деревья): *«Козельская Столпицкая засека в полевую*

сторону сошлась с Лихвинской Слободецкой засекой, а промеж тех засек три сосны; на одной сосне три грани: одна указует на Лихвинскую Слободецкую засеку, другая на Перемышльскую засеку, а третья на Козельскую Столпицкую засеку... Звено деревни Киреевской Дмитрия Семенова сына Киреевского от дубу через речку Слаговенку на гору. На горе дуб Холостец, на нем грань; а от дуба через Лобанов верх на дуб, на нем грань, подле ево яма; а от дуба и от ямы на яму, у ямы илем, на нем грань...». Объективности ради стоит заметить, что русский человек, видимо, во все времена не отличался особой законопослушностью; никакие самые строгие запреты для него не были препятствием, поэтому документы пестрят жалобами на «порухи»: стежки прокладывали, деревья рубили, даже перепахивали засеку и т.д.

В начале XVII в., в Смутное время, Заокская засечная черта не поддерживалась и практически перестала существовать. В 1638 г., после захвата казаками Азова, в связи с ожиданием новой волны татарских нападений производится реконструкция Черты. Документы, связанные с ее реконструкцией, являются основным источником сведений о Заокской засечной черте на период первой половины XVII в. (дозоры по обследованию состояния отдельных ее звеньев; росписи строителей, произведенные по окончании работ; донесения и запросы по поводу возникавших во время работ затруднений и т.д.).

До конца XVII в. на засечной черте проводят то частичные, то общие дозоры, результаты которых фиксируются в особых писцовых книгах — дозорных книгах засек. Основная цель дозоров — проверять сохранность межевой границы и выявлять произошедшие с прошлого дозора «порухи». Это — следующий по времени источник, где содержится информация по истории засек.

По мере колонизации Московским государством земель к югу от Заокской черты создавались новые сторожевые линии и рубежи. К середине XVII в. возникла Белгородская засечная черта, в конце того же века — Изюмская. В связи с этим Заокская черта к концу XVII в. утрачивает стратегическое значение; составляющие ее лесные массивы распродаются разным владельцам. Козельские засеки, в частности, в 30-х гг. XVIII в. были переданы Тульскому оружейному заводу.

Программа по изучению и сохранению исторического наследия, связанного с Козельским участком Заокской засечной черты, включает следующие направления работ:

1. Сбор данных письменных источников и архивных документов, включая картографический материал.

2. Натурное обследование территории Козельских засек.

Натурное обследование территории Козельских засек и поиск остатков их укреплений никогда ранее (до создания парка) не производились, в отличие от некоторых других, хорошо изученных звеньев Черты. В 2003 г. национальный парк «Угра» приступил к такому обследованию. Основными задачами данного направления работ являются:

а) выявление топографии Козельских засек.

Черта представляла собой сплошную линию обороны, состоявшую, в первую очередь, из естественных препятствий: лесов, рек, болот и топких мест, оврагов и т.д.; лишь в опасных местах они дополнялись искусственными сооружениями: лесными завалам, валами и рвами, земляными и деревянными городками, частоколами, надолбами и т.д. Понять замысел строителей можно, лишь выявив каждый элемент этой сложной системы.

А.И. Яковлев свою хорошо известную карту-схему Черты составил с опорой на названия рек и селений, упоминающихся при описании Черты. Мы пытаемся присовокупить сюда результаты натурных обследований рельефа местности и картирования границ бывших засечных лесов. В свое время эти границы окапывались рвами и валами. Эти межевые рвы и валы на многих участках сохранились.

б) поиск местоположения Столпицкой крепости.

Крепости в пределах Засечной черты ставились в наиболее опасных местах, каковыми были, в частности, места пересечения засечного леса большой дорогой. Через Столпицкую засеку проходили две дороги — из Козельска на Болхов и Белев. По источникам хорошо известна Столпицкая крепость — в месте, где Белевская дорога пересекала р. Песочную (рис.4). Сохранилось очень подробное, вплоть до мелких деталей, описание самой крепости и укреплений Столпицкого городка в целом. На основе этих описаний разными исследователями в разное время был выполнен ряд реконструкций [4].

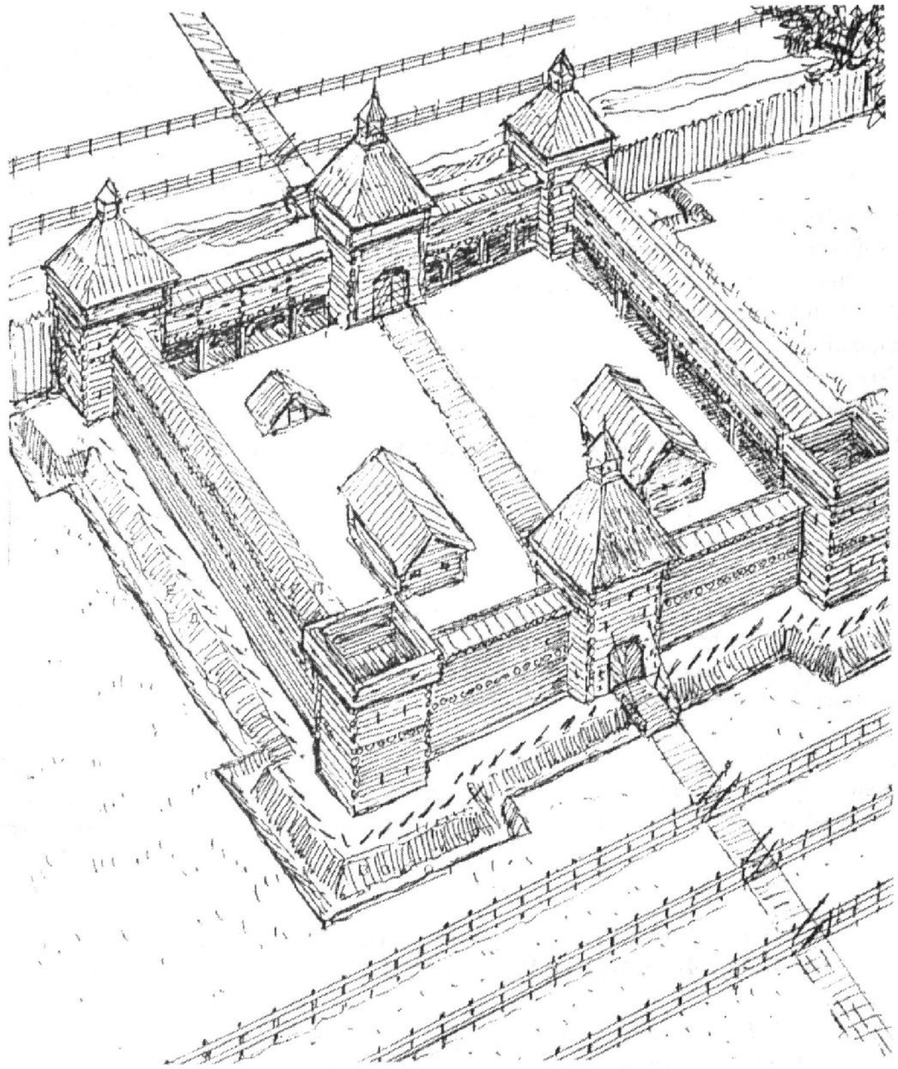

Рис.4. Реконструкция Столпицкой крепости (по И.Л. Чернаю).

Несмотря на, казалось бы, четкий географический ориентир, однозначных результатов поиск остатков крепости пока не дал. В пределах Засечной Черты в целом есть крепости, основой для которых послужили древние городища, существовавшие задолго до существования Черты. Многие из них давно выявлены и учтены как памятники археологии. Таковы, например, многие крепости в пределах Рязанских засек. Столпицкая крепость относилась к совершенно иному типу: она полностью построена градодельцами с одной единственной целью — обороны участка местности, где дорога входит в засечный лес. Место не выбирали, оно был задано. Крепость была одной из наиболее ранних в пределах Заокской Черты. Сама она и сопутствующие ей дополнительные укрепления были деревянными, быстро приходили в ветхость, о чем свидетельствуют итоги многих дозоров из Писцовых книг. Как и все крепости Засечной Черты она никогда не была жилой. В них находился лишь дежурный дозор, а собственно гарнизон располагался, видимо, где-то в соседних близлежащих селах. На культурный слой особенно рассчитывать не приходится, разве что на отдельные случайные находки. Поэтому в качестве основного метода поиска нами была выбрана сплошная археологическая разведка с целью обнаружения остатков земляных сооружений крепости и сопутствующих ей укреплений (валы, рвы). В случае необходимости предполагается закладка археологических шурфов и производство небольших локализованных раскопок.

3. Изучение остатков засечных лесов.

Даже когда Черта утратила оборонительное значение, засечные леса длительное время

имели заповедный статус и оберегались от уничтожения. На многих участках они сохранились до настоящего времени. Козельским засекам в этом повезло особенно: Тульский оружейный завод, которому они были переданы, охраняя леса от местного населения, сам не очень активно занимался их вырубкой. На многих участках их остатки сохранились до настоящего времени. В частности, на территории национального парка «Угра» до сих пор существует обширный массив многовидовых широколиственных лесов, включающий реликты ценных дубрав. Поскольку в систему природопользования засечные леса были вовлечены с большой задержкой, они представляют собой уникальный и ценнейший объект для исследования как эталон лесных экосистем. В парке разработана и реализуется Программа по изучению и восстановлению широколиственных лесов; в Березичском лесничестве парка действует специальный центр по их изучению.

4. Создание музея «Козельские засеки».

Определенным итогом реализации Программы по изучению Козельских засек должна стать музейная экспозиция, освещающая историю Заокской засечной черты в целом и Козельского ее звена в частности. Ее планируется разместить в помещении Центра по изучению и реставрации широколиственных лесов, который находится на территории Березичского лесничества парка.

Литература и источники

1. РГАДА, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Владимирского стола. № 89. Л.33.
2. Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. С.15.
3. Сторожев В.Н. Засечные книги как историко-географический и археологический источник// «Библиограф». СПб., 1892. № 6—7. С.18.
4. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч.1. СПб., 1858; Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М., 1950. С.56; Чернай И.Л. Отчет о натурном изучении оборонительных сооружений северной части Козельских засек. Калуга, 2003. (Архив НП «Угра»).

О РЕЗУЛЬТАТАХ РЕГУЛЯРНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ ЗА ЗЕМЛЯНЫМИ РАБОТАМИ В ГОРОДЕ МОЖАЙСКЕ

***Б.Е. Янишевский**, н.с., Институт археологии РАН,*
***А.Ю. Балашов**, Можайская археологическая экспедиция,*
Можайское объединение краеведов

Город Можайск расположен в 100 км к западу от Москвы. По результатам проведенных в 1981—82 гг. археологических исследований (Молчанов, 1982; 1983), а также работ 2005—06 гг. (Янишевский, Меньшиков, 2007; 2008) город (крепость) и посады возникли не позднее XII в. в местности, освоенной уже с XI в. (см. статью Янишевского Б.Е. «Укрепления Можайска XIII—XIV вв.» в этом же сборнике).

Рис. 1. План Можайска 1852 г. (фрагмент).

Посады Можайска располагаются на обеих берегах речки Можайки (правый приток р.Москвы), примерно от устья на 3 км вверх по течению. Левобережный посад практически не был застроен с середины XVII в. до сих пор после разорения «смутного времени», причем размеченные по Генеральному межеванию участки так и не были заселены, что отмечено на карте 1773 и 1852 гг. (РГВИА. Ф.ВУА. Оп. 16. № 22161). Только по самому краю левого берега реки Можайки во второй половине XIX в. появилась застройка (РГВИА ф. 386. Оп. 1. Д. 3659. Л. 1) (рис. 1). Сейчас картина осталась прежней — застроена только северная часть левого берега Можайки в районе б. Кожевенной слободы, а западная и южная часть левобережного посада отдана под сельскохозяйственные нужды. В этой части посада в 1998—2005 гг. производились сборы археологического материала и были найдены ювелирные изделия и керамика, относящиеся к XI—XVIII вв. (Янишевский, 2003; рис. 2). В 2006 г. в 180 м к северу от кремля в части левобережного посада, называемого «Брыкина гора», был заложен раскоп площадью 140 кв. м.

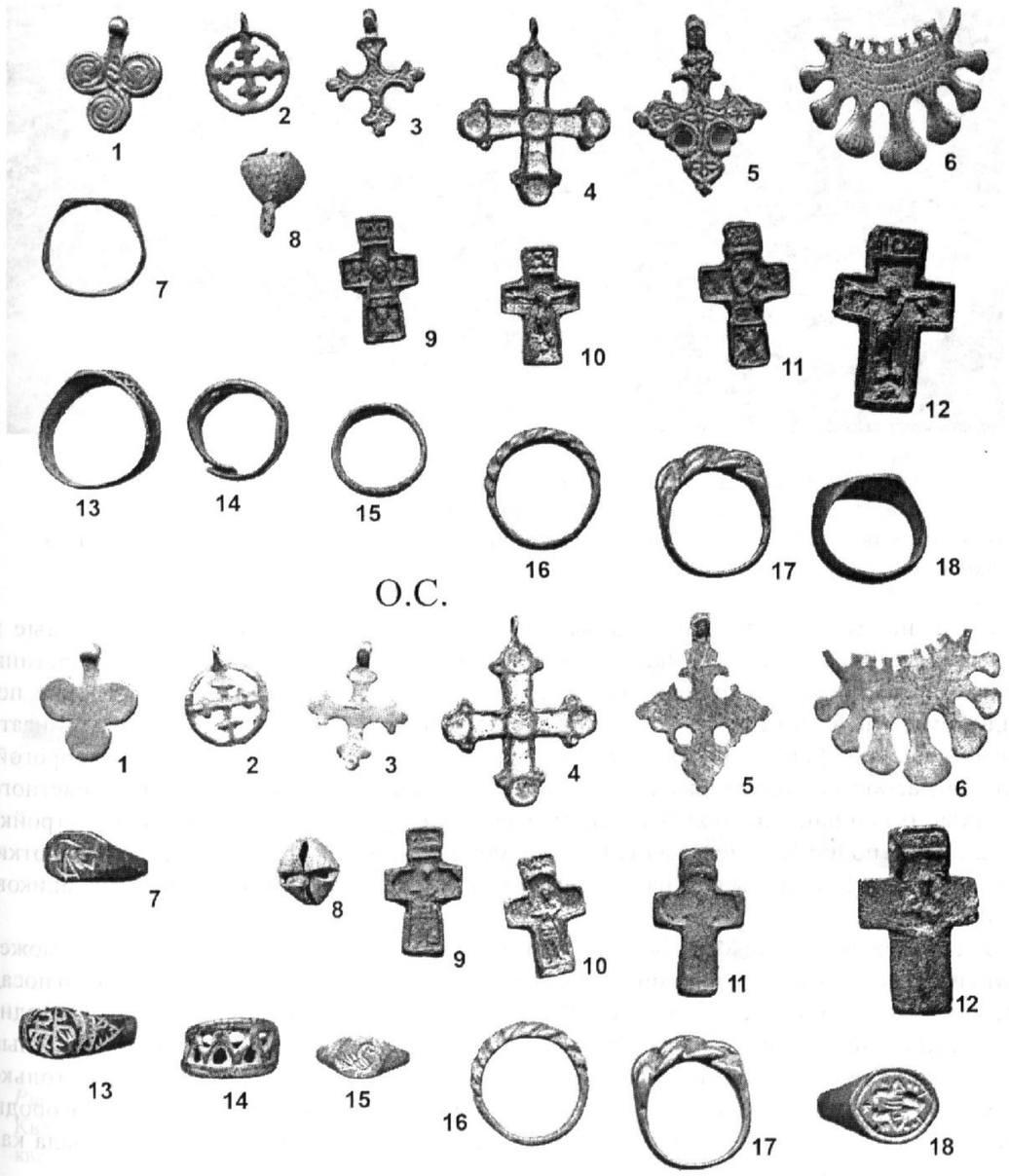

Рис. 2. Находки на левобережном посаде г. Можайска.
О.С. — оборотная сторона.

В раскопе на Брыкиной горе найден производственный металлургический комплекс. Он состоял из печей по выплавке железа (две ямы), большого количества металлургического шлака, четырех мастерских по обработке черного металла, причем одной — по производству кольчато-пластинчатого доспеха. На изготовление этого

Рис. 3. Вид с северо-запада на часть территории Можайска к югу от кремля.
На переднем плане — долина р.Можайки. Фото А.Ю. Балашова.
Пунктиром обозначена территория памятника археологии «Можайск. Селище 5. Государев двор и сад».

доспеха на месте указывают кольчужные кольца, как сомкнутые (сваренные и склепанные), так и еще не сомкнутые, части кольчуги (до 15 колец), железные пластины от панциря, а также найденный здесь же инструмент — зубило. В данной постройке, по-видимому, существовала и печь (горн). Мастерская бронника должна была обслуживать дружинную верхушку и князя, поскольку продукция такого рода была очень дорогой. Другая, расположенная здесь же, мастерская занималась выплавкой изделий из цветного металла. В ней найдены полуфабрикаты изделий и куски льячек. В третьей постройке (исследован подпол-ледник, яма 10) найден медный лом для последующей переработки, что тоже косвенно указывает на существование мастерской (Янишевский, Меньшиков, 2008).

Левобережный посад Можайска, по крайней мере, в своей незастроенной части, может быть исследован традиционными археологическими методами. Но правобережный посад застроен. Однако в своей исторической части, разметка которой на кварталы восходит еще к екатерининскому плану перепланировки уездных городов 1770-гг., правобережный посад застроен деревянными домами сельского типа. Причем, застроены только «красные линии» кварталов, а середины кварталов пусты и распахиваются под огороды (рис. 3). Это дает возможность проводить в городе сборы подъемного материала как на сельских памятниках.

Весной 2005 г. в Можайске впервые в России была проведена акция «Узнай свой город», на которой более ста можайских школьников под руководством археологов из Института археологии РАН провели сбор керамики по огородам и частным владениям города. Успех акции позволил повторить ее и в 2006 г. Во время акций было обследовано 350 частных владений на общей площади, превышающей 30 гектаров земли. Проведение дважды столь обширной акции послужило хорошим заделом для начала проведения регулярных наблюдений за земляными строительными работами в городе Можайске.

На проведении и организации акции необходимо остановится отдельно. Методически

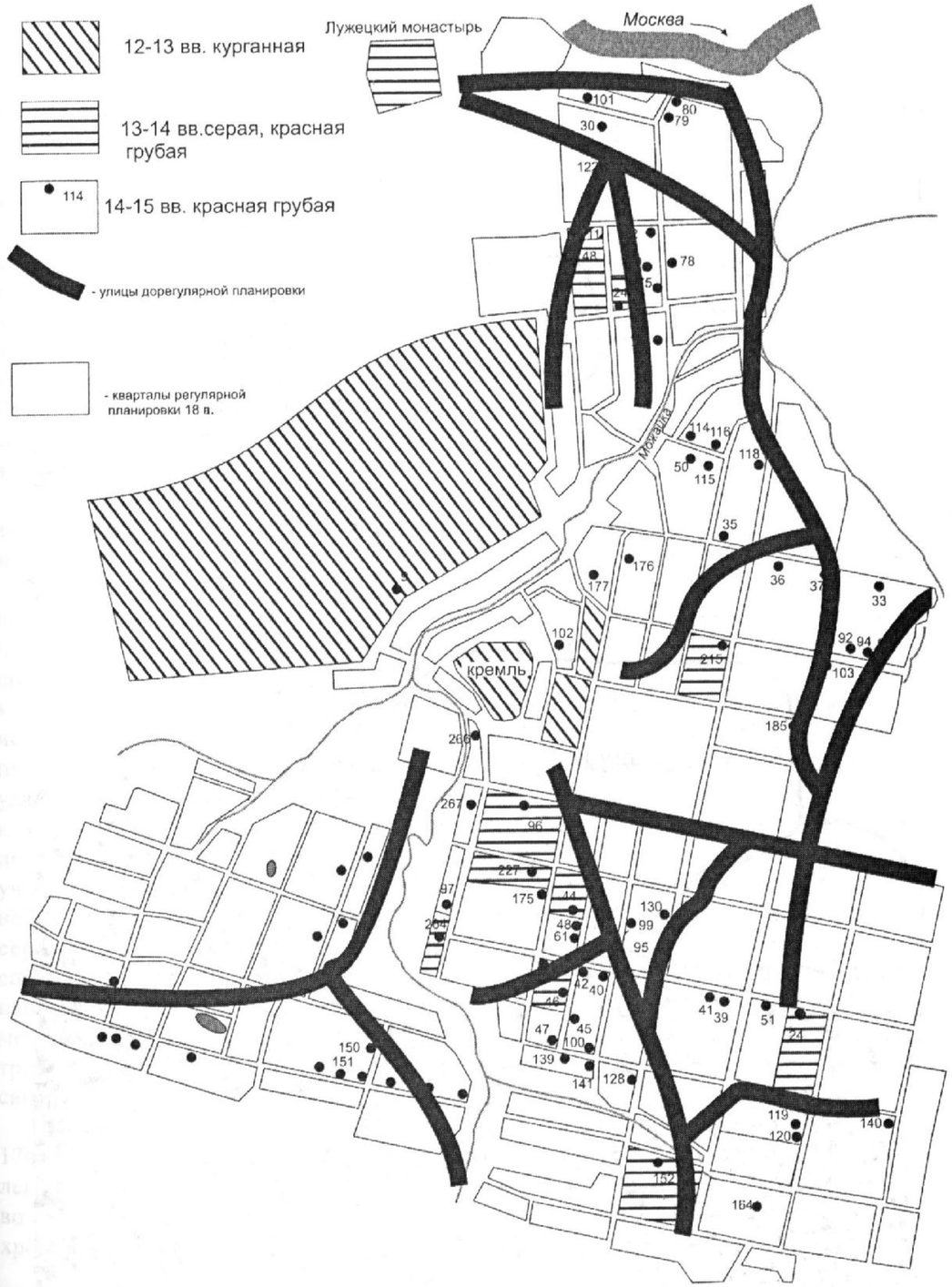

Рис. 4. Схема наложения результатов сборов керамики на современную карту города. Кварталы города залиты в соответствии с самой древней керамикой, найденной в этом квартале.

акцию можно разделить на три этапа:

Первый этап — подготовительный. Согласование с администрацией города, милицией и отделом образования; приглашение дежурной бригады скорой помощи. После решения основных административных вопросов в силу вступала просветительская часть первого этапа. В эту часть входило участие организаторов акции в заседаниях секции учителей истории, проведение лекций и бесед в школах, а также просветительская часть, касающаяся местного населения. До проведения акции по городу были развешены листовки, даны объявления в местной прессе.

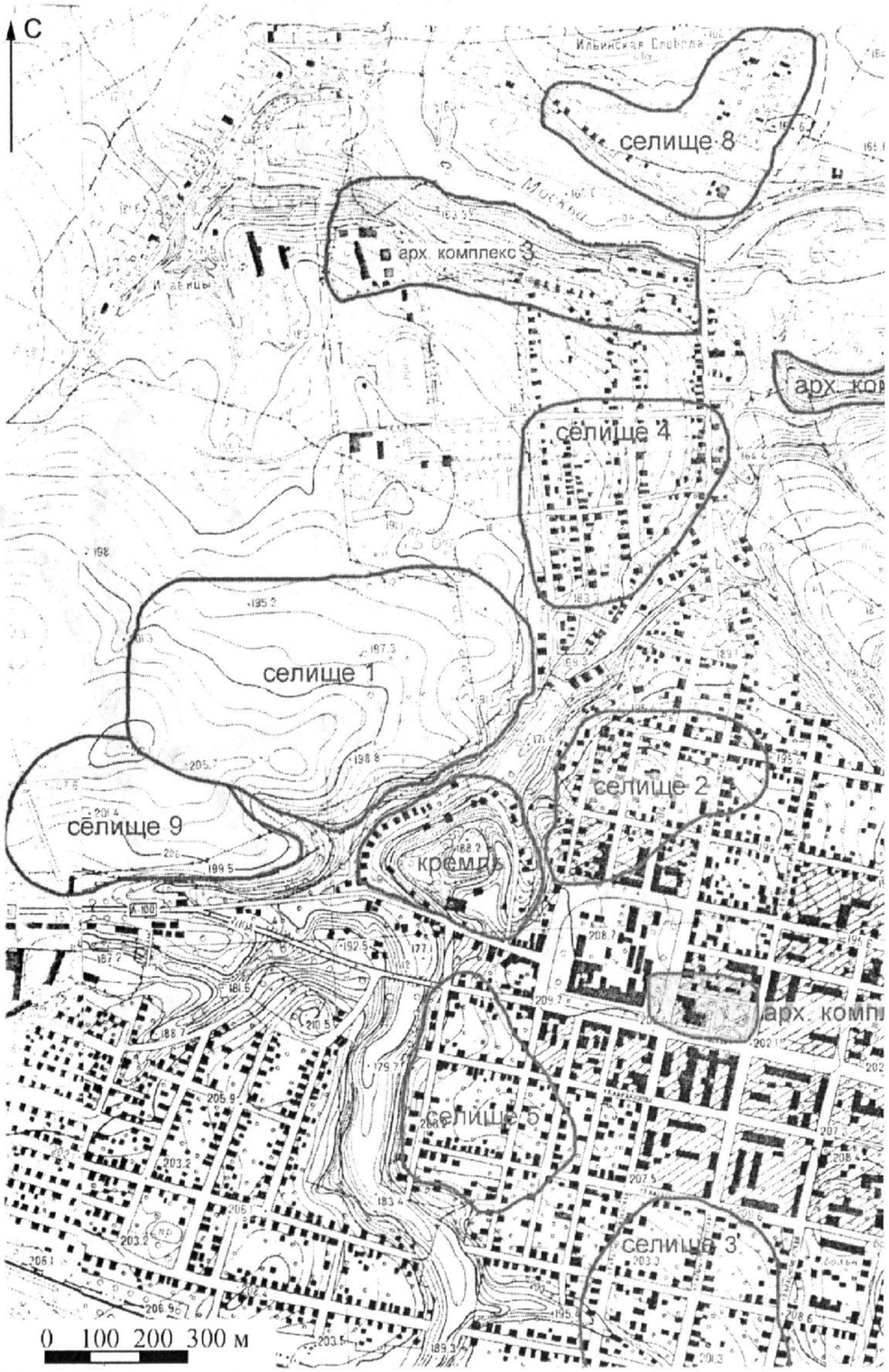

Рис. 5. Схема расположения отдельных памятников археологии в центральной части города Можайска, поставленных на учет в Министерстве культуры Московской области как вновь выявленные.

Важной составляющей подготовительного этапа являлась материально-хозяйственная часть. Для успешной организации акции необходимо было заранее закупить нужное количество пакетов для сбора керамики и подготовить этикетки. На этикетках обозначался адрес участка. Городские адреса соединялись по 10—15 участков и составлялся список объединённых «пакетов».

Второй этап — проведение акции «Узнай свой город». Время и место начала проведения акции оговаривались на первом этапе. Перед началом акции школьники еще раз выслушали инструкции. Прибывшие участники акции получили бэйджи участника и делились на группы по 3—5 человек. Каждой группе выдавался заранее сформированный «пакет». В него входило: 3—4 образца керамики, запечатанных в прозрачный пакетик с надписью «образец», набор этикеток и пакетов для керамики и информационное письмо-обращение[1]. После этого группа регистрировалась в оргкомитете акции и направлялась по адресам. После сбора керамики организаторы делали отметку о прибытии группы[2]. При желании ребята могли получить дополнительный «пакет». Во время проведения акции был продуман вопрос питания детей. Завершением второго этапа акции считалось возвращение последнего ребёнка.

Третий этап — обработка материала. Этот этап проводился силами Можайской археологической экспедиции ИА РАН и Можайскими школьниками[3]. Обработка материала включала мытье и статистическую обработку керамики.

Материалы сборов керамики позволили охватить почти 80% территории города до начала XX в. В местах, где керамику собрать с поверхности не удается, приходят на помощь материалы наблюдений за земляными работами. Итогом сборов керамики школьниками и наблюдений за строительными работами стала единая база данных и карта города с нанесенными объектами. В данный момент в базе данных 476 точек исследований и исследований, занесенных на 576 карточек картотеки. Это позволило проследить развитие посадов Можайска и выявить наиболее древние слободы. Иногда удается проследить направление древних улиц. Так, при наблюдениях за прокладкой канализации на Комсомольской площади на глубине более метра от дневной поверхности под белокаменной мостовой была обнаружена деревянная мостовая[4]. На вскрытом участке мостовая имела ширину 3 метра, по краям мостовой зафиксирована гать в виде небольших веток. По найденным монетам и керамике мостовую можно датировать серединой — второй половиной XVIII в. Она была ориентированна под углом к современной «красной линии» площади, как выяснилось из анализа плана 1784 г. — по направлению улицы дорегулярной планировки. Обнаруженный участок деревянной мостовой имел два яруса. Оба яруса конструктивно не отличаются друг от друга. На три направляющих бревна поперёк укладывались стволы деревьев диаметром около 20 сантиметров. Мостовая сооружена из деревьев хвойных пород.

План дорегулярной планировки был наложен на план регулярной планировки еще в 1784 г. (Виноградова, 2006, с. 58—70; РГАДА. Ф. 1356. Ед. хр. 2373. Оп. 1). Это позволило легко наложить его на современный план Можайска. После этого керамика, собранная во время акций и наблюдений за строительными работами была разделена на несколько хронологических групп[5], в соответствии с которыми она занесена в упомянутую выше

---

[1]По своему содержанию письмо дублирует обращение организаторов акции, напечатанное в местной прессе.

[2]При регистрации школьники заносились в списки пофамильно. Списки, в свою очередь, отображали номер «пакета», полученного ребятами, таким образом, организаторы всегда знали, где находятся дети.

[3]Школьники мыли керамику в счет своей практики, об этом организаторы акции договорились с директорами школ на первом этапе.

[4]К сожалению, возможности обследования мостовой археологам не представилось, сама мостовая была уничтожена практически сразу после её обнаружения.

[5]Группы выделялись в соответствии с датировкой московской керамики. Выделены: «курганная» (XII—XIII вв.), «серая» (XIII—XIV вв.), «красная грубая» (XIV—первая четверть XV в.), «красная гладкая» (4-я четв. XIV—XV вв.), белоглиняная грубая, «белоглиняная гладкая» и чернолощеная керамика (XVI—XVIII вв.) (Московская керамика. 1991, с. 58).

базу данных. Результатом обработки материала стала карта наличия различных типов керамики в культурном слое кварталов города[6]. Выделено три периода для отображения на карте: 1) XII—XIII вв. по находкам «курганной» и «серой» керамики; 2) XIV—первая четверть XV вв. по находкам «серой» и «красной грубой» керамики и 3) XIV — первая четверть XV в. по находкам только «красной грубой» керамики. Другие, более поздние типы керамики, на карте не учитывались, так как они в Можайске распространены повсеместно. Находка того или иного типа керамики указывает на время заселения квартала. Из составленной схемы (рис.4) видно, что в XII—XIII вв. была заселена только территория кремля и прилегающие к нему территории посадов. Чуть позже — в XIII—XIV вв. — начали заселяться другие территории города — в основном по дорогам на юг и на север. Кроме того, заселена была и территория с южной стороны от кремля, где по данным писцовой книги Можайска 1596—98 гг. был расположен государев двор (Дионисий, 1892; Мокеев, 1991, с. 91). Керамика «красная грубая» найдена уже в районе практически всех улиц дорегулярной планировки Можайска. Интересно, что прежние улицы попали внутрь кварталов регулярной планировки.

По результатам сборов керамики, наблюдений за земляными строительными работами и шурфовки подготовлен паспорт Можайского посада, который зарегистрирован в Министерстве культуры России (Архив отдела сводов.., паспорт). Сам посад г. Можайска был разделен на отдельные памятники археологии, пять из которых были в 2007 г. поставлены на учет как вновь выявленные памятники археологии (Архив Министерства культуры Московской области, рис. 5)[7].

Литература и источники

Архив Отдела сводов и карт ИА РАН: Паспорт на памятник археологии «Исторический культурный слой г. Можайска».

Виноградова Т.В. История Можайска в картах и планах. М, 2006.

Дионисий, архимандрит. Можайские акты. М, 1892.

Мокеев Г.Я. Можайск — священный город русских. XVI век. М, 1992.

Молчанов А.А. Работы в Можайском кремле // АО-1981 г. 1983.

Молчанов А.А. Раскопки в Можайском кремле // АО-1982 г. 1984.

Московская керамика. Новые данные по хронологии. М, 1991.

РГАДА. Ф. 1356. Ед. хр. 2373. Оп. 1. План городу Можайску. 1784 г.

РГВИА. Ф.ВУА. Оп. 16. № 22161. Геометрический план уездного города Можайска, со всеми принадлежащими к нему заселенными и незаселенными выгонными и владельческими землями межеванья учиненного с 755 по 765 год прежнего Генерального межевания межеващиком капитаном Расловлевым и многими другими по нем бывшими сочинен надворным советником и провинциальной межевой конторы вторым членом Александр Колобовым сентября 28 дня 1773 года.

РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 3659. Л. 1. План города Можайска с окрестностями. М. в английском дюйме 250 с. Снимал с 21-го апреля по 1 июля 1852 г. топограф 2-го класса Кавалгин.

Янишевский Б.Е. Археологические памятники верхнего Москворечья (Можайский район) по исследованиям 1996—2001 гг. // Макариевские чтения. Вып. X. Можайск, 2003.

Янишевский Б.Е., Меньшиков М.Ю. Работы Можайской экспедиции // АО-2005 г. 2007. Янишевский Б.Е., Меньшиков М.Ю. Работы Можайской экспедиции // АО-2006 г. (в печати). 2008.

[6]Датировка кварталов в целом производилась на основании находок керамики на огородах домовладений, входящих в квартал. Точка домовладения на карте сохраняется.

[7]Авторы благодарят за помощь в проведении акций «Узнай свой город» Можайское объединение краеведов в лице председателя М.М. Дехканова, членов правления И.И. Николайченко, Л.С. Кертанову, А.Н. Сверчевского и секретаря объединения Т.А. Косточку.

ВЕРХОВСКИЕ КНЯЖЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ЛИТОВСКИХ ДИНАСТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII — XIV вв.

***С.Г. Полякова**, к.и.н., ст. преподаватель,*

Брянский государственный университет им. И.Г.Петровского

Процесс складывания Верховских княжеств относится к 40-м гг. XIII в., когда они становятся северо-восточными уделами Черниговского княжества, выделенными сыновьям Михаила Всеволодовича Черниговского (ок. 1179—1246 гг.) их отцом. К этому времени ранее раздробленная Литва стала складываться в государство под правлением князя Миндовга, объединившего под своей властью большинство литовских племен и захватившего также и так называемую Черную Русь, где в Новгородке им была основана столица Великого княжества Литовского.

О русско-литовских матримониальных союзах начала — первой половины XIII в. известно немногое. Так, в подвластной Полоцкому княжеству области Ерсике в 1203 г. правил князь Всеволод, который «был женат на дочери одного из наиболее могущественных литовцев и, будучи, как зять его для них почти своим, связанный с ними сверх того и дружбой, часто предводительствовал их войсками…»[1]. Видимо, это был один из известных и довольно традиционных династических контактов сопредельных литовских и полоцких земель (последним русским князем в Полоцкой земле, упомянутым в источниках, был Брячислав Василькович — тесть Александра Ярославича Невского, а в 1262 г. там уже правил литвин Товтивил, племянник Миндовга и зять Брячислава[2]).

Стоит отметить, что языческая Литва (несмотря на крещение князя Миндовга, ставшее сугубо политическим ходом самого князя, не затронувшим ни народа, ни правящую элиту) не придерживалась каких бы то норм средневековой дипломатии, и без того весьма приблизительных, особенно в Восточной Европе. Из-за этого договоры Руси с Литвой, начиная с 50-х гг. XIII в. были недолговечными и держались всецело на военном превосходстве[3]. Зато до конца 1240-х гг., видимо, успешно действовал русско-литовский мирный договор, заключенный галицко-волынской княгиней Анной, матерью и регентшей Даниила и Василька Романовичей, в 1219 г., и имевший антипольскую направленность.

Один из сильнейших русских князей того времени Даниил Романович Галицкий был заинтересован в союзе с литовским князем Миндовгом, заметно выделявшимся среди прочих племенных князей в борьбе за власть. Галицкий князь в это время вел изнурительную войну с Венгрией и княжичем Ростиславом, сыном Михаила Всеволодовича Черниговского, женатого на дочери венгерского короля Белы IV Анне, за возвращение Галицкой земли. «Данило же и Василько посласта в Литву, помощи просяща, и послана бысть от Миндовга помощь»[4], и, получив её, видимо, закрепил союз с Литвой своей женитьбой на племяннице Миндовга и сестре князя Товтивила. Однако междоусобная борьба за власть в Литве между дядей и племянниками привела к созданию двух военных коалиций: жмудь, ятвяги, русские отряды под предводительством Даниила Романовича, его брат и его шурины, литовские князья-изгнанники Товтивил и Едивид с одной стороны, против Миндовга, поддержанного воинами Тевтонского ордена, с другой. Именно родственные отношения между Даниилом и Товтивилом повлияли на предоставление военной поддержки в борьбе, закончившейся победой союзников. По мирному договору 1255 г., выгодному для Галицкого князя, дочь Миндовга вышла замуж за Шварна Даниловича (что легитимизировало в будущем претензии галицких князей на литовские земли), а Роман Данилович получил города Новогрудок, Слоним и Волковыйск[5], что также означало и попадание в зависимость от галицко-волынских князей Турово-Пинского княжества, оказавшегося зажатым между владениями Романовичей.

Союзниками галицко-волынских князей выступали черниговские Рюриковичи, связанные

близкими родственными отношениями: женой великого князя Черниговского и Брянского Романа Михайловича была дочь Даниила Романовича Анна; в свою очередь его мать Агафья приходилась сводной сестрой этого Галицкого короля. В начале 60-х гг. XIII в. эти династические связи пополнились матримониальными союзами Андрея Всеволодовича и Ольги, дочери Василько Романовича Волынского (1261 г.)[6] и его сына Владимира и Ольги, дочери Романа Михайловича Черниговского и Брянского (1263 г.)[7]. Именно бракосочетание последних в Брянске было прерванно нападением литовского войска князя Миндовга. Ее отец тогда во главе дружины от свадебного стола отправился навстречу литовцам: «Бился с ними и победи их, сам же ранен был и не мало показал мужество своё и приехал в Брянск с победою и честью велико»[8]. В то же время Миндовг был убит нальщанским князем Довмонтом из ревности (после смерти своей супруги в 1262 г. Миндовг обманом женился на её сестре — жене Довмонта)[9], а Шварн Данилович с войском помог его сыну Войшелку утвердиться в Литве. В 1267 г. «Войшелк да княжение свое зятю своему Шварнови, а сам опять восхоте приятии мниский чин»[10], но в том же году Шварн скончался (по другим сведениям — был убит). Отношения черниговских князей с Литвой регулируются при посредничестве галицко-волынских родственников, и есть предположение, что князь Роман Михайлович был убит в Орде именно из-за угрозы образования сильного галицко-чернигово-литовского блока[11].

Братья вышеупомянутого Романа Михайловича после смерти отца получили следующие уделы Черниговского княжества: Семен — Глуховский и Новосильский, Мстислав — Карачевский, Юрий — Тарусский. Так было положено формальное начало образования Верховских княжеств, из которых с рубежа 60 — 70-х гг. XIV в. после потери независимости Чернигово-Брянским княжеством выделились следующие уделы: из Новосильского — Воротынский, Одоевский и Белевский; из Карачевского — Козельский, Елецкий, Мосальский, Хотетовский, Звенигородский; из Тарусского — Мезецкий (Мещевский), Волконский, Оболенский, Конинский, Борятинский и Мышагский (Мышецкий)[12].

В первой трети XIV в. черниговские князья вместе с тверскими и смоленскими ориентировались на союз с Литвой, который имел антитатарскую направленность. Он по традиции был скреплен династическими браками: Ксения, дочь Юрия Михайловича Тарусского, стала женой Тверского князя Ярослава Ярославича, а Андрей Мстиславич козельский и звенигородский женился на дочери литовского князя «Гаманта» (возможно, великого князя Гедимина)[13]. Сам Гедимин (контролировавший из Русских земель Черную Русь, Полоцкую (с Витебской и Минской), Туровскую, Пинскую земли) был женат на тверской княжне Ольге, женив дочь Гаудемонту (Евфимию) — на Болеславе Юрие II, короле Галицком (1331 г.), другую дочь Августу (Анастасию) — на Симеоне Ивановиче Московском (1333 г.), сына Ольгерда — на Марии Ярославне витебской (1318 г.), сына Любарта — на Анне, дочери Андрея Юрьевича Владимиро-Волынского, внука Даниила Романовича, не оставившего наследников мужского пола[14]. Все эти браки с представителями Рюриковичей из наиболее сильных княжеств того времени (Московское, Тверское, Галицкое, Волынское), признавших Гедимина равным в политическом статусе, следует понимать, как обоюдовыгодные военно-политические союзы.

В это время, разжигая смоленско-брянские противоречия и попустительствуя приобретению московскими и рязанскими князьями некоторых черниговских земель, Золотая Орда и Великое княжество Литовское добились своих целей — прекращения существования Чернигово-Брянского Великого княжества как довольно мощного государственного формирования, на рубеже 60 — 70-х гг. XIV в. попавшего под власть великого князя литовского Ольгерда.

С этого времени политическая жизнь Верховских княжеств определяется борьбой за гегемонию в этом регионе трех государственных образований — Золотой Орды, великих княжеств Литовского и Московского. При этом претендентами на центр объединения древнерусских земель выступают княжество Московское и государство Литовско-Русское, тесно связанные между собой, прежде всего, родственными отношениями. Ольгерд выдал свою дочь за Ивана Семеновича Новосильского, видимо, вскоре после захвата им Брянска,

подразумевая присоединить и этот бывший удел Чернигово-Брянского княжества к своим владениям, что отмечено в его письме патриарху Константинопольскому Филофею[15].

В 1377 г., судя по заключенным династическим бракам, складывается литовско-карачево-рязанский блок: Святослав Титович Карачевский женился на дочери Ольгерда Феодоре, а Иван Титович Козельский — на Агриппине, дочери Олега Ивановича Рязанского, который сам был женат на Евфросинье, дочери Ольгерда от второго брака с Ульяной, сестрой Михаила Александровича Тверского. Скорее всего, этот союз имел антимосковскую направленность, что, возможно, повлияло на отсутствие карачево-козельских и рязанских князей на Куликовом поле в 1380 г. Также во многом этот союз подчеркивает стремление карачево-козельских князей сохранять политическую самостоятельность, ориентируясь на союз с великим князем Рязанским. Следует также отметить, что князь Ольгерд по просьбе своего шурина тверского князя и своей жены в 50—60 гг. XIV в. не раз воевал против Московского княжества «за порубежные места»[16].

Агрессивная политика нового великого князя Литовского Витовта в отношении Верховских княжеств (после того, как Ягайло стал польским королем в связи с женитьбой на королеве Ядвиге в 1385 г.), которому способствовал московский князь Василий Дмитриевич, замужем за которым была дочь Витовта Софья, заставила козельских князей совместно с князьями рязанским и смоленским вступить в борьбу с Витовтом. М.К. Любавский указывал, что «твердою ногою Литва стала в верхнеокском крае только в княжение Витовта»[17]: после смерти Олега Ивановича Рязанского в 1402 г. был заключен московско-рязанский договор с пунктами о новосильском и тарусских князьях, которые объявлялись «в стороне» великого княжества Московского (видимо, территорией, на которую претендовали рязанские князья) и переходом Козельска «в отчину и удел» Владимира Андреевича Серпуховского.

Таким образом, судя по зафиксированным в имеющихся в нашем распоряжении источниках династическим бракам между представителями русских княжеств и литовского государства, важную роль в военно-политическом плане играли верховские князья. Две дочери от первого брака и, возможно, сестра великого князя Ольгерда стали верховскими княгинями в русле его постепенного продвижения на восток и закрепления им власти в занятых русских княжествах. Новосильские, карачево-козельские и тарусские князья, не обладая значительной военно-политической силой, преследовали цель сохранения политической самостоятельности, лавируя между Литвой и Москвой, и, как наиболее надежное средство скрепления средневековых договоров, династические браки на определенное время гарантировали им их исполнение.

Примечания

[1] Латвийский Г. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. Гл. XVII. С.6.
[2] Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. М., 1988. Т.3. С.175.
[3] Котляр Н.Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С.149.
[4] ПСРЛ. СПб., 1908. Т.II. Стб.815.
[5] Соловьев С.М. Указ. соч. С.175.
[6] ПСРЛ. Т.II. Стб.847.
[7] Там же. Стб. 861.
[8] Там же.
[9] Там же. Стб.859.
[10] Там же. Стб.867.
[11] Шеков А.В. Верховские княжества. Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI вв. Тула, 1993. С.31.
[12] Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства по Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 47—56.
[13] Шеков А.В. Указ. соч. С.32.
[14] Генеалогия русской знати [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://volodimer.iu4.bmstu.ru/rusgen/ index.php?.
[15] Российская историческая библиотека. СПб., 1880. Т.VI. №24. С.140.
[16] Соловьев С.М. Указ. соч. С.261.
[17] Любавский М.К. Указ. соч. С.25.

О СЫНОВЬЯХ КНЯЗЯ РОМАНА СЕМЕНОВИЧА НОВОСИЛЬСКОГО

***Р.А. Беспалов**, Избирательная комиссия Тульской области*

Исследование древних источников, содержащих сведения о потомстве князя Романа Семеновича Новосильского, связано с деятельностью многих ученых XIX — начала XX вв., главным образом: князя П.В.Долгорукова, князя А.Б.Лобанова-Ростовского, П.Н.Петрова, М.К.Любавского, Г.А.Власьева, Ю.Вольфа, С.М.Кучиньского. Их труды были дополнены позже. Однако ряд вопросов по этой теме заслуживают дальнейшего уточнения.

Князь Роман Семенович Новосильский жил в конце XIV — начале XV вв. К началу 1370-х гг. закрепил за собой Новосильский престол. Целым рядом ученых отождествляется с «великим князем Романом», записанным в московско-литовское докончание 1372 г. как союзник великого князя Московского Дмитрия Ивановича [19, с.155—157, 338; 7, с.22]. Достоверно впервые упоминается в летописях под 1375 г. в московском походе на Тверь. В том же году в первых числах декабря «перед Николиным днем от Мамая приида рать татарьскаа, взял Новосиль» [31, с.96—98]. Согласно родословной легенде князь Роман Семенович «из Новосили в Одоев пришел жити от насилья от татарского» [30, с.112; 33, с.180]. Полагают, что именно разорение Новосиля в 1375 г. подвигло его к этому шагу, но об этом можно говорить только предположительно. Исходя из контекста летописей, Одоев уверенно следует считать столицей Новосильского княжества в 1407 г., когда «Литва повоеваша землю Новосилскую и град Одоевь огнем попалиша» [31, с.458]. В 1380 г. князь Роман Семенович посылал войска для участия в битве с Мамаем [24, с.134]. В 1385 г. участвовал в походе войск московской коалиции на Рязань. В 1402 г. в качестве третьей стороны был участником московско-рязанского докончания [7, №19, с.52—55]. В Любецком синодике по списку преосв. Филарета Гумилевского (Ф) поминают «кн. Романа Новосильскаго, приимшаго ангельский образ», что говорит о его монашеском постриге (очевидно, перед смертью) [22, с.37]. Поздняя легенда приписывает ему основание Лихвинского Покровского Доброго монастыря [14, с.105]. В древнейших источниках всегда выступает с титулом князя «Новосильского». Однако в XVI в. в родословной росписи князей Одоевских был записан с титулом князя «Одоевского» [26, с.246]. Эта роспись сказалась на некоторых родословцах, например, Румянцевском и Государевом [30, с.112; 33, с.180]. Очевидно, подмена титула была необходима Одоевским князьям для подтверждения своего происхождения от князя Романа Семеновича. Вместе с тем, в родословцах Летописном, Патриаршей редакции и Редакции начала XVII в., титул князя Романа «Новосильского» был сохранен [30, с.43; 32, с.335, 407]. Это расхождение дало повод князю П.В.Долгорукову для смешивания: «князь Новосильский и Одоевский» [6, с.49]. Однако следует заметить, что в древнейших источниках такой титул у князя Романа Семеновича нигде не встречается.

Большой интерес представляют собой исследования о его потомстве. По древнейшим Летописному, Румянцевскому и Государеву родословцам князь Роман Семенович Новосильский имел трех сыновей: Василия, Льва и Юрия [30, с.43, 112; 33, с.180].

Князь Василий Романович, старший сын князя Романа Семеновича Новосильского, родоначальник Белёвской ветви Новосильских князей. В записи Любецкого синодика (Ф), вероятно, восходящей к протографам второй четверти XV в., после князя «Романа Новосильскаго» поминают князя «Василия Романовича Новосильскаго» [22, с.37]. В Румянцевском и официальном Государевом родословцах середины XVI в. князь Василий был указан без титула как сын «Одоевского» князя Романа Семеновича. Так же без титула он был вписан в «Родословную князей Одоевских», которая была одним из источников для Государева родословца [30, с.112; 33, с.180; 26, с.246]. Исходя из этого, П.Н.Петров был склонен называть Василия Романовича князем «Одоевским» [28, с.41]. Значительную путаницу в этот вопрос внесли редакции Летописного, Патриаршего родословцев середины XVI в. и Редакции начала XVII в., в которых Василию Романовичу был приписан титул князя «Белёвского» [30, с.43; 32, с.335, 407—408]. В XIX в. эти известия буквально воспринимали князь П.В.Долгоруков, князь А.Б.Лобанов-Ростовский и М.Д.Хмыров. Только Г.А.Власьев заметил, что Бархатной книге Василий Романович «Белёвским» не назван [6, с.49; 20, с.38; 39, с.58; 2, с.48]. А.В.Шеков и Л.Войтович высказали мнение, что князь Василий Романович княжил только в Белёве, умер раньше своего отца и не успел получить старшинство для себя и своих потомков. Поэтому те

и не претендовали далее на старшинство в роду [40; 4, с.187]. Это предположение спорно из-за нахождения князя Василия Романовича вместе с сыном князем Михаилом в родословной росписи Одоевских князей. На ее основании можно полагать, что еще князь Михаил Васильевич претендовал на старшинство в роду князей Новосильских [26, с.246]. В синодике Белёвского Спасо-Преображенского монастыря «Род бл(а)говерных кн(я)з(е)й Белемвских» начинается с «кн(я)зя Василия», без титула (не считая князей, ошибочно смешанных с Белёвскими в середине XVII в.). Однако список Белёвских княгинь в нем начинается только с княгини Михаила Васильевича [35, л.17 об., 18; 41, с.480—481; 10, л.28 об.; 9, с.45]. Следовательно, сыновья князя Михаила Васильевича, сделавшие в синодике запись о своих родителях, действительно признавали Василия Новосильского своим родоначальником, но сам Василий, возможно, в Белёве не княжил. Наибольшее доверие должна вызывать запись Любецкого синодика (Ф), где он указан с родовым титулом князя «Новосильского». В Списке городов дальних и ближних (памятник конца XIV в.) Белёв вовсе отсутствует [37, с.223—225]. Вероятно, в качестве удельного центра он возник только в первой трети XV в.

Князь Лев Романович, второй сын князя Романа Семеновича Новосильского, известный из родословцев, родоначальник Воротынской ветви Новосильских князей. Был вписан в «Родословную князей Одоевских» и перечисленные выше родословцы вообще без титула [30, с.43, 112; 33, с.180; 32, с.335, 407]. Князь П.В.Долгоруков отнес его к князьям «Одоевским», а Г.А.Власьев — к «Воротынским» [6, с.49; 2, с.22, 61]. Однако преосв. Филарет обнаружил, что в Елецком синодике поминается князь «Лев Романович Новосильский» [22, с.37]. Его находка подтверждается Ростовским и Успенским вселенскими синодиками, где записано: «кн(я)зю Л(ь)ву Романовичю Новосильскому… вечная памят(ь)» [34, л.51; 16, с.102; 25, с.447]. Очевидно, после старшего брата Лев Романович по старшинству рода претендовал на старшее Новосильское княжение в Одоеве.

Князь Юрий Романович, третий сын князя Романа Семеновича Новосильского, известный из родословцев, родоначальник Одоевской ветви Новосильских князей. В Румянцевском и Государевом родословцах указан без титула [30, с.112; 33, с.180]. В родословцах Летописном, Патриаршей редакции и Редакции начала XVII в. записан с титулом князя «Новосильского» [30, с.43; 32, с.335, 407]. В летописях под 1423 и 1424 гг. Юрий указан с титулом князя «Одоевского» по его стольному городу; в письме Витовта от 1 января 1425 г.: «herczog von Odoiow» (нем.) [3, с.129; 42, с.688]. Однако есть все основания полагать, что при заключении докончания с Литвой в августе 1427 г. именно он выступал с титулом «gross herczog von Nowossilesk» (нем.) [42, с.779].

Сравнительно недавно М.М.Кром повторил старую точку зрения С.М.Кучиньского о том, что после смерти Романа Семеновича Новосильского говорить о едином Новосильско-Одоевском княжестве не приходится, и оно якобы распалось на уделы, будучи разделенным его сыновьями [18, с.40; 43, с.131]. Это мнение основано на схематичных сведениях поздних родословцев (XVI в.). Настоящие замечания о титулах сыновей князя Романа Новосильского не позволяют сделать подобный вывод. Напротив, еще в 1427 г. представители разных ветвей Новосильского княжеского дома выступали сообща [42, с.779]. Вопрос о применении титулов осложнен тем, что в одном случае князей могли величать по их уделу (городу, в котором они княжили), а в другом случае — по родовой принадлежности, что мы видим на примере князя Юрия Романовича. В XV в. у князей Новосильского дома появляются сложные составные титулы, с которыми они выступают в официальных докончаниях с Литвой [1, №41, 63, 80, с.55, 77, 100; 7, №39, 60, с.117, 192], но во многих древних источниках носят титулы краткие — «удельные».

Обнаружение у князя Романа Новосильского кроме Василия, Льва и Юрия еще нескольких сыновей связано с деятельностью многих исследователей. Тенденция в этом вопросе направлена к увеличению потомства Романа Семеновича, хотя в большинстве случаев достаточных оснований для этого не находится. Примеры же критического анализа используемых источников в историографии очень редки. В настоящее время известны следующие «выявленные» сыновья:

1. «Даниил Романович Новосильский» — этого князя преосв. Филарет установил по Елецкому синодику [22, с.37]. Следует иметь в виду, что в его имени имеются разночтения. В 5 книге Историко-статистического описания Черниговской епархии, также составленной преосв.

Филаретом, помещена таблица родословной Черниговских князей, где вместо «Даниила» значится «Димитрий». Впоследствии ту же таблицу еще раз опубликовал Р.В.Зотов [12, с.249]. На разночтение в именах обратил внимание В.Ивановский и справедливо заметил, что под «Даниилом» и «Димитрием» у преосв. Филарета имеется в виду один и тот же князь [13, с.750—751]. Цитата из Елецкого синодика не дает достаточных оснований, чтобы сделать заключение о существовании у Романа Семеновича еще одного сына. Дело в том, что Даниил замыкает запись, состоящую из Романа, Василия Романовича, Льва Романовича, Василия Львовича, Даниила Романовича. В этом ряду отсутствует Юрий Романович. В апреле 1432 г. к великому князю Литовскому Свидригайло прибыли «великие князья Одоевские, родные братья» и заключили с ним союз. Это может указывать на то, что князя Юрия Романовича к тому времени уже не было в живых [17, с.127]. Василий Львович погиб в конце того же года в битве при Ошмянах [30, с.43]. Поэтому было бы логично, если бы князь Юрий Романович тоже оказался в поминальном списке Елецкого синодика. Не исключено, что Юрий, как и отец, принял монашеский постриг и упокоился в чернецах под именем Даниил. Поэтому сделать однозначный вывод в этом вопросе без дополнительных источников крайне сложно.

2. «Даниил Романович» — Л.Войтович предложил устанавливать князя Даниила Романовича по помяннику Киево-Печерской лавры [4, с.187]. Этот источник содержит «Род княз(я) Воротыньского» и является достаточно сложным для анализа. В нем поминают «княз(я) Федора, княг(иню) М(а)рию, княз(я) Василиа», далее следуют шестнадцать мужских и женских имен без титула, которые не вписываются в родословную Воротынских князей. Вслед за ними: «княз(я) Данила, княз(я) Федора», и еще десять мужских и женских имен без титула [5, с.31]. Первые два князя явно являются внуками Романа Семеновича Новосильского, Мария (Корибутовна) — княгиня Федора Львовича [1, с.364]. Далее кроме князей здесь еще вписана какая-то нетитулованная знать. Это либо приближенные Воротынского князя, либо отдельный список, который при переписывании синодика из более древнего источника «слился» с родом князей Воротынских. Идентификация последних князей — Данила и Федора здесь вообще затруднена, поскольку имя Даниила в роду Воротынских неизвестно. Тем более, не следует в нем видеть сына князя Романа Новосильского.

3. «Семен Романович Новосильский» — записан в тексте московско-рязанского докончания 1402 г., которое сохранилось в списке конца XV в.: «со кн(я)з(е)м с Семеном с Романовичем с Новосилским» (по Н.П.Лихачеву водяной знак бумаги совпадает с водяным знаком датированной рукописи 1491 г.) [7, с.53, 563]. М.К.Любавский считал, что князь с таким именем действительно существовал [21, с.48]. Однако в конце настоящей грамоты записано: «А что ся будет учинилося межи нас (великих князей Московского и Рязанского — *Р.Б.*) в перемирье обида, и межи кн(я)зя великог(о) Ивана (Пронского — *Р.Б.*), и межи кн(я)зя Романа (Новосильского — *Р.Б.*), и межи кн(я)зеи торьских, то отправити» [7, с.55]. Ссылка на «князя Семена Романовича» отсутствует, поэтому можно думать, что грамота заключалось при участии князя Романа, а не Семена. Перестановка же местами имени и отчества «Романа Семеновича» в первом случае может оказаться делом рук позднего переписчика, подобные случаи в списках договорных грамотах не единичны [см. 7, с.149]. Ю.Вольф в росписи Белёвских князей писал, что в докончании ошибочно стоит «Семен Романович» вместо «Роман Семенович». Однако в росписи Новосильских князей он несколько сменил тон и писал, что «сыном Романа наверно был князь Семен Романович Новосильский, упомянутый в 1402 г.» [44, с.2, 278]. Поскольку Ю.Вольф и здесь сомневался, С.М.Кучиньский выразил недоумение: почему же тот сделал такое «странное упущение», ведь есть еще летописные источники, указывающие на «Семена Новосильского», о которых Ю.Вольф явно знал [43, с.129—130]. Дело, оказывается, в том, что летописное упоминание «Семена Новосильского» сложилось из-за искажения, которое, впрочем, не имеет никакого отношения к настоящему докончанию. В частности, в Ермолинской летописи под 6912 (1405) г. записано, что «Тое зимы князь Володимер жени сына Семена Новосильского» [8, с.185]. Изучив текст, увидим, что из него выпал целый фрагмент. По более ранним летописям легко установить, что Владимир Андреевич Серпуховской: «жени сына своего князя Семена у Новосильского князя», при этом имя князя Семена Боровского в истории хорошо известно [23, с.317; 29, с.458]. Трактовки источников взаимосвязаны — появление «Семена Новосильского» в летописях под 6912 (1405) г. дало повод исследователям увидеть того же «Семена Романовича» в московско-рязанском

докончании 1402 г. Однако по этим сведениям нельзя сделать уверенный вывод о его существовании.

4. «Симеон Романович» — у Л.Войтовича записано два князя с таким именем и оба в сыновьях Романа Новосильского [4, с.187]. В данном случае он ссылается на Любецкий синодик, а именно, на запись: «вел(икаго) кн(я)зя Романа Михайловича Чер(ниговскаго), оубыеннаго от кн(я)зя Юрия Смоленскаго, и с(ы)на его кн(я)зя Симеона Романовича» [12, с.26—27; 22, с.36]. Здесь однозначно читается, что этот «Симеон Романович» приходится сыном Роману Михайловичу Черниговскому (Брянскому), поэтому не может быть причислен к сыновьям Романа Новосильского.

5. «Стефан Новосильский» — упоминается в тексте Сказания о Мамаевом побоище [27, с.182, 247]. С таким именем и титулом он попал еще в труды В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина [36, с.176; 15, т.V, прил.80]. С.М.Кучиньский не находил ему места среди сыновей Романа и считал его сыном князя Сергея Александровича Новосильского [43, с.127]. Л.Войтович же записал «Стефана» именно в сыновья Романа Семеновича [4, с.187]. Однако еще М.Н.Тихомиров показал, что это имя сложилось в результате поздних искажений. Так, в Новгородском хронографе сказано: «у князя Юрья некто есть имянем Степан Новосельцев»; во второй редакции Сказания: «Юрьевской же уноша некто Степан Новосилской» (так у Н.М.Карамзина); в третьей редакции он уже становится «князем Стефаном Новосильским» (так у В.Н.Татищева) [38, с.169]. Представляется возможным еще более прояснить ситуацию, поскольку род Новосильцевых известен с 1374 г., когда великий князь Владимир Андреевич заложил Серпухов, «наместничьство же приказа в граде том Якову Юрьевичу Новосилцу, околничему своему» [23, с.258; 11, с.253, 276; 27, с.219]. Таким образом, «юноша Степан Новосельцев» никакого отношения к роду Новосильских князей не имеет.

6. «Михаил Белёвский» — причислен Ю.Вольфом в сыновья Роману Новосильскому из-за искажений в родословцах. Для своих изысканий он использовал Бархатную книгу, опубликованную в 1787 г., родословец Патриаршей редакции и Редакции начала XVII в., опубликованные в 1851 г. Древнейший Румянцевский родословец еще не был введен в научный оборот. В нем после Василия, Льва и Юрия записано: «А княж Васильев сын Романовича Михайло», за ней же идет роспись детей Михаила [30, с.112—113]. Судя по всему, в некоем промежуточном списке произошло сокращение типа: «сын Романович(а) Михайло», поэтому в Редакции начала XVII в. появляется некто «Михаил Романович» и мы уже читаем: «А у князя Романа дети: князь Василей Белевской, да князь Лев, да князь Юрьи Новосилской, да князь Михайло Белёвской» [32, с.335]. На основании последнего источника Ю.Вольф и записал Михаила в сыновья Романа Семеновича, сообщив, что о нем ничего не известно, умер бездетным [44, с.2]. Однако уже С.М.Кучиньский заметил, что Ю.Вольф «ошибочно поместил Михаила Васильевича Белёвского два раза, один раз как сына Романа, а другой — как сына Василия» [43, с.130].

Таким образом, при исследовании генеалогии князей Новосильского дома оказывается недостаточным иметь древние источники. Следует также проводить их критический анализ, в том числе, опираясь на опыт предшественников.

Литература и источники

[1] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, Т.1. СПб., 1846.

[2] Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Т.1. Князья Черниговские, Ч.1. СПб., 1906.

[3] Воскресенская летопись. // Русские летописи (РЛ), т.3. Рязань, 1998. По изданию: ПСРЛ. Т. XVII—XVIII. СПб, 1856—1859.

[4] Войтович Л. Князівські династії східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.). — Львів, 2000.

[5] Голубев С.Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн.6. Киев, 1892.

[6] Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Т.1. СПб., 1854.

[7] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.

[8] Ермолинская летопись // РЛ. Т.7. Рязань, 2000. По изданию: ПСРЛ. Т.XXIII. СПб., 1910.

[9] Житие Кирилла Белозерского / Под ред. А.С.Герда. СПб., 2000.

[10] Житие и подвизи преподобнаго отца нашего игумена Кирила, иже на Белом езере пречестен монастырь поставльшаго пречистыя Владычиця нашея Богородица честнаго ея Успениа, и в нем

общежитие съставльшаго. РГБ, ф.304. I., ед. хр. 764.

[11] Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. М., 1988.

[12] Зотов Р.В. О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

[13] Ивановский В. К истории удельных князей Тульскаго края (замечания на родословную кн. Новосильских, Одоевских и Белёвских) // Тульские епархиальные ведомости. Прибавления. 1898. №12 (15 июня); №17 (1 сент.); №18 (15 сент.).

[14] А.Л. [Архимандрит Леонид — Кавелин Л.А.] Описание Лихвинскаго Покровскаго Добраго мужскаго монастыря // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1875. Кн.4.

[15] Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842—1844 гг. М., 1988.

[16] Конев С.В. Синодикология. Ч.2. Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. 1995. № 6.

[17] Коцебу А. Свитригайло, великий князь Литовский, или дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб., 1835.

[18] Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995.

[19] Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003.

[20] Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т.2. СПб., 1875.

[21] Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М., 1892.

[22] Милорадович Г.А. Любеч, Черниговской губернии, Городницкаго уезда, родина преподобнаго Антония Печерскаго // Чтения Императорскаго Общества истории и древностей Российских. 1871. Кн.2.

[23] Московский летописный свод конца XV в. // РЛ. Т.8. Рязань, 2000. По изданию: ПСРЛ. Т.25. М.;Л. 1949.

[24] Новгородская летопись по списку П.П.Дубровского // ПСРЛ. Т.XLIII. М., 2004.

[25] Новиков Н.И. Древняя российская вивлиофика. Ч.6. М., 1788.

[26] Новиков Н.И. Древняя российская вивлиофика. Ч.9. М., 1789.

[27] Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

[28] Петров П.Н. История родов русского дворянства. Переизд. с изд. 1886. Кн.1. М., 1991.

[29] Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002.

[30] Редкие источники по истории России. Вып.2. /Подг. З.Н.Бочкарева, М.Е.Бычкова. М., 1977.

[31] Рогожский летописец. Тверская летопись // РЛ. Т.6. Рязань, 2000. По изданию: ПСРЛ. Т.XV СПб., 1863.

[32] Родословная книга // РЛ. Т.7. Рязань, 2000. По изданию: Временник Императорского общества истории и древностей Российских. Книга десятая. М., 1851.

[33] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1785.

[34] Ростовский соборный синодик 1643 г. РГБ, ф.344, №99.

[35] Синодик Белёвского Спасо-Преображенского монастыря. РГБ, ф.178, оп. т.4, №8297.

[36] Татищев В.Н. История Российская. Т.3. М., 2003.

[37] Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. Т.40. М., 1952.

[38] Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957.

[39] Хмыров М.Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующаго дома Романовых. СПб., 1871.

[40] Шеков А.В. О системе наследования княжеских столов среди князей Новосильских в XIV—XV веках // Забелинские научные чтения. Год 2005-й. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2006. (Труды ГИМ. Вып.158).

[41] Шумов В.Н. Белёвский Спасо-Преображенский третьеклассный монастырь // Тульские епархиальные ведомости. Прибавление. 1864. №22 (15 нояб.).

[42] Codex epistoiaris Vitoldi, Magni Ducis Lithuaniae, 1376—1430 / Collectus opera Antonii Prochaska. Cracoviae, 1882.

[43] Kuczycski S.M. Ziemie czernihowsko-siewerskie pod rzadami Litwy. Warszawa, 1936.

[44] Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od kocca czternastego wieku. Warszawa, 1895.

ОТЦЫ И ДЕТИ: К ВОПРОСУ О НАСЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В СРЕДЕ ДЬЯКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV в.

А.Ю. Савосичев, к.и.н., доцент, Орловский государственный университет

Из 62 великокняжеских дьяков эпохи Ивана III информация о сыновьях имеется только для 23. Это 37,1 %. Это вполне репрезентативная выборка, достаточная для более-менее уверенных выводов. У 23 великокняжеских дьяков известны 42 сына.

У Алексея **Полуектовича** (I) известен единственный сын Роман (II, 1), пошедший по стопам отца. Сыновья Романа усвоили фамилию Алексеевы. Юрий (2), Иван (3) и Борис (4) Романовичи известны только как частные лица[1].

У Власия Ушака **Артемьева** (III) известен один сын — Василий Власьевич Артемьев (5), дьяк Василия III[2].

У Семена Дмитриевича **Башенина** (IV) было трое сыновей: Федор (6), Юрий (7) и Иван (8)[3]. Средний из братьев избрал дьяческую карьеру. Служебные назначения остальных Башениных (в том числе внука дьяка Ивана Федоровича) выявить не удалось.

Сын Алеши **Безобразова** (V), Черница Александрович (9) в 1494/95 был постельником в свите вел. кн. Ивана во время поездки в Новгород[4]. В июне 1503 г. он ездил гонцом в Литву. В посольской книге Черница именуется дворянином[5]. В родословии Безобразовых Черницы нет. Единственным сыном Александра там показан некий Иван[6]. Никаких биографических сведений о нем, как, впрочем, и о четырех поколениях его потомков, найти не удалось. По сему не будем учитывать Ивана при анализе карьеры дьяческих сыновей. Тем более, что не исключено тождество Ивана и Черницы Александровичей Безобразовых. О дальнейшей службе последнего и его потомках ничего не известно.

Единственный известный сын дьяка Михаила **Гиреева** (VI) Василий (10) в 1555/56 г. вместе с Андреем Васильевичем Лодыгиным описывал владимирские и суздальские дворцовые села[7]. В Дворовой тетради Василий Михайлович был записан по Можайску. Рядом его сыновья, внуки дьяка, Юшка и Микитка. Выше Юрий и его старший брат Андрей записаны по Москве. Рядом пометка: «Андрей уехал в Можайск»[8]. Какие-либо конкретные служебные назначения внуков дьяка неизвестны.

Сын Захара Микулича **Гнильевского** (VII) Григорий (11) и двое из трех внуков (Василий и Яков) стали дьяками Василия III и Ивана IV[9].

У дьяка Максима Васильевича **Горина** (VIII) известны два сына Федор (12) и Гаврила (13). В 1515— 1533 гг. Федор получил жалованную кормленную грамоту на волости Кусь и Немда в Костромском уезде[10]. Гаврила Максимович известен только как частное лицо[11].

У Федора Максимовича было двое сыновей — Копот и Субота; у Гаврилы один — Андрей. Копот и Субота были записаны в Дворовой тетради по Ярославлю. Пометка в тексте памятника указывает на то, что Копот отправлял должность губного старосты[12].11 июня 1559 г. ему как губному старосте адресована указная грамота в Ярославль[13]. Служебные назначения Суботы не выявлены. Об Андрее Гавриловиче сохранилось только одно упоминание в данной его дяди Федора Максимовича Горина[14].

Сын Суботы Иван записан в Дворовой тетради рядом с отцом. Копоть Горин был женат на некоей Евдокии, ее девичья фамилия не установлена. От этого брака известны два сына: Иван и Федор. Федор вместе с матерью в 1567—1569 г. владели поместьем в Пажецкой и Игрицкой волостях Ярославского уезда[15]. Однако, службу он нес по Владимиру. В десятне 1569/70 г. Федор Коптев числился с окладом 250 четв.[16] Иван был записан вместе с отцом в Дворовой тетради. В 1570/71 г. он взял в жены Евдокию Борисовну Сущеву[17].

Служебные назначения данного поколения Гориных не выявлены. Однако и без этого вполне ясно, что на протяжении четырех поколений Гориных статус рода оставался стабильным. Потомки Федора Максимовича то служили на рядовых должностях в Государевом дворе, то занимали ведущие посты в уездной дворянской корпорации.

У дьяка Василия **Долматова** (IX) было пятеро сыновей. Все они в 1495 г. приняли участие в походе вел. кн. Ивана в Новгород, будучи постельниками. Третьяк (14) и Тучко (14) Васильевичи упоминаются в начале довольно пространного списка, а Михаил (16), Федор

(17) и Дичко (18) — в конце[18]. В дальнейшем служба братьев в составе Государева двора продолжилась. Василий Третьяк пошел по стопам отца. Иван Тучко в 1492 и 1501 гг. был приставом у литовских послов[19]. 9 февраля 1494 г. он сын боярский в свите Дмитрия Китаева, посланного поить литовского посла Станислава Яновича[20]. В 1500/01 г. он, вместе с Яковом Дмитриевичем Морозовым, описывал Ярославский уезд[21].

У Третьяка Долматова, видимо, было два сына. Захар и Федор известны как вкладчики Троице-Сергиева монастыря[22]. Дальнейшая судьба потомков Василия Долматова не прослеживается.

Василий **Дылда** Демидович (X) имел одного сына. Никифор Васильевич Дылдин (19) продолжил приказную карьеру отца[23].

У Никифора Демидовича **Кобелева** (XI) достоверно известны два сына — Павел (20) и Семен (21), именовавшиеся Демидовыми. Они известны только как частные лица, вотчинники Ростовского уезда[24].

Внуков дьяка известно двое. Они прозывались Никифоровыми: Иван Павлович и Михаил Кузьмич[25]. Иван Павлович это сын Павла Никифоровича Демидова. Михаил Кузьмич, видимо, сын третьего из сыновей дьяка, который должен был зваться Кузьмой Никифоровичем Демидовым (22).

Служебные назначения никого из потомков Никифора Кобелева неизвестны.

У Ивана **Кобяка** (XII) было три сына: Василий (23), Григорий Сердце (24) и Михаил (25). Василий и Григорий служили в выборе по Коломне[26]. Старший известен как писец и участник Полоцкого похода 1562/63 г.[27], младший — как дозорщик и полковой голова[28]. Михаил упоминается только как частное лицо[29].

Михаил (26), сын дьяка Василия **Кулешина** (XIII) в 1494/95 г. был постельником в уже упоминавшемся выше походе Ивана III на Новгород[30].

У Ивана Волка **Курицына** (XIV) был единственный сын Иван Иванович Волков Курицын (27), дьяк Ивана IV. Приказную карьеру избрали и оба сына Федора Ивановича (XV) Афанасий (28) и Иван (29).

О сыновьях Ивана **Лугвенева** (XVI) в источниках данных не найдено, но есть данные о более отдаленных потомках. В 1571 г. поместьями в Быстреевском погосте Шелонской пятины владели Андрей Семенович и Владимир Иванович Лугвеневы. В составе имения Андрея было сц. Узмена, дд. Остров, Устье, Жабна, Плоское, Новинка и Заполье, а в поместье за Владимиром — дд. Онтушев Подол, Заслонье, Игаева, Радонки Малые и Радонки Большие[31]. В 1497/98 г. все эти населенные пункты входили в поместье Ивана Лугвенева[32]. Андрей и Владимир могли быть внуками Ивана, тогда у дьяка должны были быть сыновья Семен (30) и Иван (31). Впрочем, это лишь гипотезы, подтвердить которые пока не представляется возможным. О службах новгородских помещиков Лугвеневых никаких сведений найти не удалось. Среди выбора по Новгородским пятинам Лугвеневых нет. Скорее всего, они служили с городом.

О сыне Данилы Киприановича **Мамырева** (XVII) Иване (32) нам ничего не известно, кроме упоминания его имени в Синодике Троице-Сергиева монастыря[33].

Из трех сыновей Никиты Губы Семеновича **Моклокова** (XVIII) старший — Федор Постник (33) — пошел по стопам отца. Средний — Яков (34) -- служил в рядовом составе Государева двора. О младшем — Иване (35) — биографических сведений не найдено.

Сын Андрея **Одинца** (XIX) упоминается в списке постельников Новгородского похода 1494/95 г. как Спиридон Одинцов сын дьяков (36)[34]. 24 марта 1498 г. он назначен данным приставом для Спасо-Ярославского монастыря[35]. 8 февраля 1504 г. Спиридон Одинцов муж на разъезде переслаского писца кн. Василия Ивановича Голенина[36]. 1 июля 1521 г. Спиридон Андреев сын Одинцов и Федура (Федор) Леонтьев судили поземельный спор в Переславском уезде. В состав правой грамоты включена разъезжая переславского писца кн. Василия Ивановича Голенина от 8 февраля 1504 г. Спиридон назван здесь в числе присутствовавших на разъезде. Видимо, он был членом писцовой комиссии[37].

У Чернеца **Паюсова** (XX) известны два сына. 20 сентября 1504 г. братья Федор (37) и Андрей (38) получили жалованную грамоту на отцовское поместье в Буряжском погосте Шелонской пятины[38]. Какие-либо конкретные служебные назначения братьев не известны,

видимо, они служили с городом. Федор в 1514 г. попал в литовский плен во время злополучного Оршинского сражения. В 1519 г. он еще содержался в заключении в Берестье, а к 1525 г. умер и был похоронен при ц. Св. Николая[39].

О детях Федора сведений найти не удалось. У Андрея Чернецова Паюсова была два сына — Хабар и Казарин, новгородские помещики[40]. Служебные назначения Хабара не известны. Казарин, будучи неслужилым сыном боярским, в 1584 г. произвел отдел поместья в Деревской и Обонежской пятинах[41]. К этому времени Казарин явно уже был стар и отставлен от службы.

Сыном Елки **Сукова** (XXI), видимо, был подьячий эпохи Ивана Грозного Василий Елизарович Суков (39).

Сыном Александра Ивановича **Хлуденева** (XXII), по всей видимости, был Василий Александрович Хлуденев (40), выступивший послухом в акте в Новоторжском уезде в 1493/94 г. Других биографических сведений о нем найти не удалось.

У Леонтия Алексеевича **Ярославова** (XXIII) было два сына Федор (41) и Андрей (42). 9 февраля 1494 г. Федор — сын боярский в свите Дмитрия Китаева, посланного поить литовского посла Станислава Яновича[42]. В 1495—1506 гг. они получили подтверждение отцовской иммунитетной грамоты на свою ярославскую вотчину[43]. В 1494/95 братья постельники в Новгородском походе и зовутся Алексеевыми[44]. Другие служебные назначения Федора и Андрея достоверно не известны.

Обобщим. Отцовскую карьеру продолжили 11 человек (26,2 %). Интересно, что только двое из них служили подьячими.

Четырнадцать дьяческих сыновей избрали дворянскую службу. Это 33,3 %. Девять[45] в 1494/95 г. были постельниками в составе великокняжеской свиты во время Новгородского похода. Двое из этой девятки позднее упоминаются в составе писцовых комиссий как судьи и приставы при иностранных послах.

Четверо записаны в Дворовой тетради. В последствие двое из четырех известны как писцы, один как полковой голова, один как волостель и участник дипломатической миссии. Трое из вышеуказанных четырех есть в Тысячной книге. Федор Максимович Горин известен как кормленщик.

Таким образом, все четырнадцать дьяческих сыновей, избравших дворянскую службу, входили в состав Государева двора, занимая должности в его рядовом составе. Во второй половине XV столетия в среде дьяческих сыновей приказная работа по популярности лишь немногим уступала традиционной дворянской службе. Дьяческая карьера отцов давала сыновьям в целом неплохие возможности для карьеры. Однако, в третьем—четвертом поколении фамилии потомков великокняжеских дьяков, как правило, сливаются со служилым городом. Тому, кто «отечеством худ», было сложно продвинуться по службе даже при существенных личных заслугах отца и деда.

Примечания

[1] Акты Русского государства (далее — АРГ). М., 1975. №№81, 82.

[2] Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. (далее — Дьяческий аппарат) // Исторические записки. М., 1971. Вып.87. С.224

[3] Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч.1. Отд.1. С.784; Шумаков С.А. Обзор «Грамот Коллегии экономии». М., 1912. Вып.3. №45. С.12; АРГ. №109.

[4] Разрядная книга 1475—1598 (далее — РК). М., 1966. С.26.

[5] Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1882. Т.35. С.430—433.

[6] РГАДА. Ф.210. Ед. хр. 44. Л.3.

[7] АРГ. № 258; Антонов А.В. Акты Переславских монастырей XIV — XVII вв., №186 // Русский дипломатарий (далее — РД). Вып. 1. М., 1997; Антонов А.В. Вотчинные архивы Московских монастырей соборов XIV — начала XVII века. №№163, 164 // РД. Вып.2. М., 1997; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. М., 1998. №№91, 221.

[8] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. (далее — ТКДТ) М.; Л., 1950. С.126, 185.

[9] Зимин А.А. Дьяческий аппарат. С.232.

[10] Акты XIII — XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. №59; Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С.133.

[11] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (далее — АСЭИ). М., 1952. Т.1. №648.

[12] ТКДТ. С.143, 144.

[13] Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896. №XXV. С.31.

[14] АРГ. №66.

[15] Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века. Поместные земли. СПб., 2000. С.28, 46—47.

[16] РГАДА. Ф.210. Оп.18. Ед. хр.26. Л.1.

[17] Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). М., 1997. Т.1. №62.

[18] РК. 1475—1598. С.26.

[19] Сб. РИО. Т.35. С.56; Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 1997. Т.2. С.44, 81.

[20] Сб. РИО. Т.35. С.134.

[21] АСЭИ. М., 1964. Т.3. №221; АСЗ. Т.1. №145.

[22] Вкладная книги Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С.47.

[23] Документы Архива Министерства иностранных дел в Москве. Из книги «Турецкие дела «№1» // Дунаев Б.И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. Приложение. М., 1916. С.86—87.

[24] АСЭИ. Т.1. №№579, 606, 616.

[25] РГБ ОР. Ф.303. Кн.518. Л. 123—123об., 423--427; Кн.520. Л.287—295.

[26] ТКДТ. С.71, 159.

[27] Акты феодального землевладения и хозяйства XIV — XVI вв. М., 1961. Ч.3. №9-1; АСЗ. Т.1. №№116, 184, 214; Акты Российского государства. Акты московских монастырей и соборов XV — начала XVII вв. М., 1998. №110; Антонов А.В. Акты Костромских монастырей и церквей XV — начала XVII вв., №№46, 49, 220, 247, 248 // РД. Вып. 1. М., 1997; Антонов А.В. Вотчинные архивы Московских монастырей соборов XIV — начала XVII века. №187 // РД. Вып.2. М., 1997; Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // РД. Вып.10. М., 2004. С.130.

[28] Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896. №XIX. С.21; РК. 1475—1598. С.132.

[29] РГБ ОР. Ф.303. Кн.520. Л.82—85.

[30] РК. 1475—1598. С.26.

[31] Новгородские писцовые книги (далее — НПК). СПб., 1905. Т.V Стлб.478—479, 483—484.

[32] НПК. СПб., 1886. Т.IV. Стлб.133.

[33] Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. М., 1975. С.316.

[34] РК. 1475--1598. С.26.

[35] АСЭИ. М., 1964. Т.3. №216.

[36] АСЭИ. Т.3. №46.

[37] Кистерев С.Н. Акты Московского Чудова монастыря 1507-1606 годов. №6 // РД. М., 2003. Вып.9.

[38] НПК. Т.V. Стлб.401; Самоквасов Д.Я. Архивный материал. М., 1905. Т.1. Отд.2. С.4, 5.

[39] Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI в. // Архив русской истории. М., 2002. Вып.7. С.160, 163, 174.

[40] Самоквасов Д.Я. Архивный материал. М., 1905. Т.1. Отд.2. С.4, 5.

[41] Самоквасов Д.Я. Архивный материал. М., 1905. Т.1. Отд.2. С.129, 131.

[42] Сб. РИО. Т.35. С.134.

[43] АСЗ. Т.1. №312.

[44] РК. 1475--1598. С.26.

[45] Не учитываем Третьяка Долматова.

СЕЛО БЕЛКИНО И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVII вв.

***З.В.Васильева**, заслуженный работник культуры РФ,*
зав. отделом, музей истории города Обнинска

Старинное село Белкино Малоярославецкого уезда Боровской волости (ныне территория г. Обнинска) находилось в 8 верстах от Боровска и 12 верстах от Малоярославца.

Впервые упоминается в писцовой книге за 1588 г.: «За боярином конюшим за Борисом Федоровичем Годуновым приданая вотчина село Борисоглебское (Белкино — прим. авт.) было в вотчине за Белкиными. А к селу припустил Борис Федорович для крестьянские пашни пустошь Федищево Нефедовское тож, а под селом пруд, а в селе храм Борис и Глеб вверх, да теплый храм Николая Чюдотворца»[1].

Ретроспективный анализ записи писцовой книги с привлечением родословных и других документов дает возможность восстановить историю села Белкина и выявить его владельцев. Из записи в писцовой книге «было в вотчине за Белкиными» установили, что владельцами были Белкины. Обратимся к родословной бояр Белкиных[2]. «Дивный муж Аманд Бассаваль (в святом крещении Василий)» выехал из Пруссии в 1267 г. к великому князю Даниилу Александровичу. Правнук этого Бассаваля — Алексей Петрович Хвост дал ветви родов Пыжовых, Лебедевых, Хвостовых, Отяевых, Белкиных. Родоначальником московского рода бояр Белкиных считают правнука А.П.Хвоста — Ивана Федоровича Белку Отяева. Служил он у московского князя Ивана III, был в посольстве в Рязани, в конце жизни, в 1494 — 1495 гг., занимал пост постельничего.

В правление Ивана III за несение государственной службы дворянам в качестве натуральной платы давались денежные жалования и земельные участки — поместья, которыми они владели пока служили. В писцовой книге сообщается, что село Белкино было вотчиной, а не поместьем. К концу XV в. раздача вотчин служилым людям уже практически прекратилась. Иван Федорович Белка Отяев, занимавший пост постельничего, вероятно, в виде исключения получил эти земли в вотчинное владение, т.е. эту землю он мог передавать своим потомкам. Вместе с землей получил он и поселившихся на ней свободных крестьян — общинников. За аренду земли в пользу владельца крестьяне должны были выполнять повинность — издолье. Они пока еще были свободны. В поисках лучшей доли осенью, в Юрьев день, уплатив владельцу долги, крестьяне могли уйти к другим владельцам или поселиться на черносошных (государевых) землях.

Иван Федорович Белка Отяев, Белка — это мирское имя, употреблявшееся в повседневной жизни наряду с именем Иван, которое дано ему было при крещении. У потомков Ивана Федоровича Белки мирское имя становится фамилией. Именно Белкиных можно считать основателями села, о чем говорит его название.

Сын Ивана Белки — Семен Иванович Белкин служил наместником в Москве в 1536—1537 гг., в ходе Ливонской войны попал в плен, где и умер. Только один реальный владелец белкинской вотчины — Иван Семенович Ерш Белкин, внук Ивана Белкина, упоминается в писцовой книге.

Ему, кроме села Белкино, принадлежало селение «Ершово, а Шатилово тож», которое к 1588 г. уже было пустошью. Владели Белкины своей вотчиной недолго. Единственный сын Ивана Семеновича Ерша — Андрей Иванович Белкин погиб в 1552 г. в походе на Казань. Но в числе владельцев белкинской вотчины могли быть братья Ивана Семеновича — Григорий, служивший воеводой, и Замятня, записанные в числе «дворовых детей боярских» по Боровскому уезду и имевших поместья в этом же уезде[3]. Но уже в конце 1550-х гг. «Григорий умер, а Замятня в чернецах» (ушел в монастырь). Могли быть владельцами и племянники: сын Григория — Андрей, а у Замятни — Иван. Об этом нет документального материала.

Исследуя дальше родословную Белкиных, видим, что боровские Белкины в страшные опричные времена не были казнены. Праправнук Григория Семеновича — Андрей Михайлович Белкин от царя Петра I получил жалованную грамоту в 1706 г. на вотчинное владение в Боровском уезде. Внук Григория Семеновича — Григорий Иванович и его сын Тимофей от царя Алексея Михайловича получили грамоты: первый в 1679 г. — на вотчинное владение в Малоярославецком, а второй — в 1672 г. в Калужском уездах[4].

В январе 1565 г. Иван IV объявил об учреждении особого двора — опричнины — для борьбы с боярской изменой. На её содержание было отписано несколько уездов, в том числе — Малоярославецкий с богатым селом Белкино. Все местные феодалы, не служившие в «гвардии» в вошедших в опричнину уездах, лишались своих земель. Им предоставляли другие — «где государь пожалует, или сами приищут», а их владения вместе с крестьянами отдавались опричникам. Крестьянам же предписывалось нового господина «слушати и пашню на него пахати».

Кто был владельцем белкинской вотчины накануне опричнины — неизвестно. Продали владельцы вотчину или им взамен были предоставлены другие земли — неизвестно. Но как бы то ни было, белкинская вотчина с селом перешла грозному опричнику, пономарю шутовского монастыря, ближайшему помощнику Ивана IV по руководству опричниной,

царскому любимцу — Малюте Скуратову, (Григорий Лукьянович Бельский (? — 1573 гг.). Это становится известно из анализа записи в писцовой книге за 1588 г.: «За боярином, конюшим, за Борисом Федоровичем Годуновым приданая вотчина…», т.е. вотчина, которая в качестве приданого в 1570 году перешла от Малюты Скуратова его зятю, 18-летнему опричнику и рынде в свите царевича Алексея — Борису Федоровичу Годунову. За женой, Марией Григорьевной, получил он село Белкино, «пустошь Федищево, а Нефедовское тож», деревню Гавшино, Гавриловский луг и «пустошь Ершово, а Шатилово тож» с крестьянами[5].

Неудачные реформы Ивана IV, опричный террор, война с Ливонией, (1558—1583 гг.) требовавшая больших средств, моровая язва (чума), голод, опустошение сел и деревень крымским ханом — все это спровоцировало затяжной экономический кризис. Крестьяне разбежались или умерли. Основная часть обрабатываемых земель была заброшена, деревни обезлюдели и превратились в пустоши: пустошь Самсоново, пустошь Зайцево, пустошь Пяткино, пустошь Белоусово. Село Белкино выстояло. Выход из создавшегося положения, чтобы предотвратить массовые побеги крестьян, правительство видело в «прикреплении» крестьян к земле. В 1581 г. были введены «Заповедные лета» — отменен Юрьев день. Крестьянам было запрещено — «заповедано» покидать пашенные наделы и переходить от одного владельца к другому.

В 1584 г. закончилось правление Ивана IV. Царем Дума признала его сына Федора Иоанновича, за которым стоял его шурин — (брат жены) Б.Ф.Годунов. Боярин, конюший, пользуясь неограниченным влиянием на царя, он фактически становится реальным правителем. Умный, дальновидный, хитрый Годунов прозорливо ведет политику, направленную на возрождение экономики.

К этому времени Годунов уже крупнейший землевладелец, владевший вотчинами более, чем в десяти уездах, в том числе — и Малоярославецком, с центром в селе Белкино. В писцовой книге за 1588 г. в Малоярославецкой вотчине насчитывалось «всей земли за боярином и конюшим за Борисом Федоровичем в двух станах вотчины приданой и купли 2 сельца, да 10 деревень и с припускною пустошью. А в селах и сельцах и деревнях… 8 дворов служних, да 4 дворы деловых людей, да 81 двор крестьянский, да 56 дворов непашенных...»[6].

Уже ко второй половине 80-х годов XVI столетия утихли эпидемии, разбиты крымские ханы, окончена разорительная для народа Ливонская война. Преодолевая последствия кризиса, в стране начинается экономический подъем. Налаживается хозяйственная жизнь и в Белкинской вотчине. На родные пепелища возвращаются крестьяне, заселяя пустоши. «Деревня Трясь, что была пустошь, а там селятся крестьяне…». «Деревня, что было село Гриднево на речке на Репинке отстраивается, а селятца крестьяне ново, а дворы ставят из села из Белкина...». Вновь заселяется «Деревня, что была пустошь Самсоново на реке на Поротве…»[7].

К 1588 году в Самсоново уже 5 крестьянских дворов. «Двор Ондрюшко Власьев; двор Иванко Борисов; двор Данилко Тимин; двор Давыдко Романов; двор Бориско Данилов.Да 6 дворов бобыльских непашенных: двор Иванка Тимин; двор Сенька Оксенов; двор Гаврилка Овдокимов; двор Ларька Храмов; двор Евдоким Авсеев; двор Матюшко Платнин»[8]. Бобыльских дворов было шесть — больше, чем крестьянских. Это объясняется тем, что в годы кризиса многие крестьяне, разорившись, становились бобылями. Они не имели тягловых наделов и не могли платить подать.

Фиксирует писцовая книга и наделение крестьян землей, т.е., положение их в тягло. В состав тяглового надела крестьянина входили лес, луг и пашня. Окладной единицей была четь. Писцовая книга различает и покосы, и пашню владельческую (помещичью), и крестьянскую. «Пашни паханные, что на Бориса Федоровича пашут 80 чети, да служни пашни — 10 чети, да церковной пашни — 25 чети, да крестьянские пашни в припускной пустоши 15 чети, да перелогом у села и у пустоши 30 чети, да лесом поросло 15 чети, в поле, а в дву потомуж. Сена Бориса Федоровича косят на отхожих покосах на реке на Поротве. На долгом лугу в Гавриловском 15 десятин, а сена ставица 300 копен, да церковь сена 15 копен, да служие и крестьянского 100 копен, лесу пашенного пять десятин, да непашенного лесу 10 десятин»[9]. Большая часть земли была сосредоточена в руках владельца. Обрабатывали её крестьяне и бобыли. Крестьянская же пашня располагалась в припускной

пустоши 15 чети. Перелогом было занято 30 четей, т.е., землей, которую несколько лет не засевали, когда обезлюдели селенья, да «лесом поросло 15 чети», т.е., поле, которое не обрабатывалось в течении нескольких лет и заросло лесом. Все это следствие экономического кризиса.

Отмечает писцовая книга, что в селе Белкино (поскольку это был центр вотчинного комплекса) располагался «двор боярина Бориса Федоровича, да двор конюшенный»[10]. Стоял большой деревянный дом, мало чем отличавшийся от крестьянского, служивший местом пребывания хозяина и его гостей, и — конюшенный двор. Недалеко от построек был разбит «увеселительный сад», основной породой которого был вяз[11]. В соседнем сельце Горки «на реке на Поротве» стоял двор приказчика, управляющего вотчиной «слуги Офонасия Михайлова»[12].

Село Белкино располагалось по обеим сторонам Зайцевского оврага, по дну которого протекал безымянный ручей, впадавший в реку Протву. И только позднее, в 1780-х гг., все крестьянские дома были перенесены на левую сторону Зайцевского склона[13].

Протекавший по дну оврага ручей, вероятнее всего, Годунов перегородил плотиной, и под селом был устроен пруд для хозяйственных нужд. В настоящее время он сохранился и называется Большой.

В писцовой книге сообщается о существовании в Белкино двух храмов «а под селом пруд, в селе храм Борис и Глеб вверх, да теплый храм Николая Чюдотворца»[14].

Теплый храм Николая Чудотворца, т.е., отапливаемый, где служба шла в холодное зимнее время, по всей вероятности, был построен первыми владельцами Белкиными. Это был храм клетского типа. Деревянный сруб (каменные были большой редкостью) крыт двускатной крышей, которую венчала маленькая главка с крестом. К срубу примыкали прирубы: с восточной стороны — алтарь, с западной — притвор. К концу XVI в. недалеко от первого Годунов строит другой храм в честь своих святых покровителей Бориса и Глеба. Это дало селу второе название — Борисоглебское. В писцовой книге он назван «Храм Борис и Глеб вверх». Термином «вверх» на Руси называли шатровые храмы. Они представляли собой выполненную из бревен башню — сруб с небольшими прирубами по бокам (алтарь и притвор). Храм был «холодный» — не отапливаемый из-за большого внутреннего пространства. Велось строительство, налаживалась жизнь в стране, распахивались пашни и, по сравнению с тяжелым правлением Ивана Грозного, это время казалось мирным и счастливым.

Смерть в Угличе молодого сына Ивана Грозного — царевича Дмитрия — обострила вопрос о престолонаследии. В 1598 г. со смертью Федора Иоановича угас род Рюриковичей. 23 февраля этого же года Земский собор царем всея Руси избирает Бориса Федоровича Годунова (1598—1605 гг.). Ненадолго «приданая вотчина» становится царской с центром в селе Белкино.

Взойдя на трон, Годунов торжественно обещал Патриарху покончить с нищетой в своем царстве. Но обстоятельства оказались выше его желаний. Начавшийся экономический подъем был прерван рядом причин: отменен «Юрьев день», чем были недовольны крестьяне, зрело недовольство политикой Годунова и среди боярской знати, обрушиваются на страну страшные бедствия — неурожай и голод, а в октябре 1604 года объявился самозванец, якобы чудом спасшийся царевич Дмитрий. В самый разгар борьбы с Лжедмитрием I в апреле 1605 г. скоропостижно умирает Борис Годунов. Новым государем и владельцем белкинской вотчины менее чем на два месяца становится его 16-летний сын Федор, убитый восставшими горожанами, перешедшими на сторону Самозванца. Лжедмитрий I занял Москву. Опальная царица Мария Федоровна Нагая признала в самозванце своего сына Дмитрия. Лжедмитрий I достойно вознаградил мнимых родственников Нагих. Брат царицы — Михаил Федорович Нагой — был возведен в чин конюшего и занял место в Боярской думе. Ему была пожалована значительная часть «из царя борисовских вотчин», в том числе «В Ерославле в Малом приданые вотчины и купли село Борисоглебское, да два сельца с деревнями и пустошами, пашни 1757 чети»[15]. Но вскоре он был посажен под арест, а земли его конфискованы. В апреле 1611 г. Нагой оправдан, земельные пожалования возвращены. Но, не перенеся выпавших на его долю страданий, он через месяц скончался. Малоярославецкая вотчина с селом Белкино перешла в разряд дворцовых земель.

Примечания

[1] РГАДА. Ф.1209. Кн.540. Л.236об.
[2] ГАКО. Ф.66. Оп.1. Д.1727. Материалы о родословии бояр Белкиных.
[3] Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
[4] ГАКО. Ф. 66. Оп.1. Д.1727.
[5] РГАДА. Ф.1209. Кн.540. Л.236об., 237об., 238.
[6] Там же. Л.248.
[7] Там же. Л.238об., 240, 241об.
[8] Там же. Л.240об.
[9] Там же. Л.237.
[10] Там же. Л.248.
[11] Пояснительная записка к проекту по восстановлению парка усадьбы Белкино. 1992—1993 гг. [Рукопись].
[12] РГАДА. Ф.1209. Кн. 540. Л.245.
[13] Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.460. Л.251.
[14] Там же. Ф.1209., кн. 540, л.237.
[15] Сухотин Л.М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг. М., 1911. С.71.

ИЗ ИСТОРИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО И БОРОВСКОГО УЕЗДОВ

***Л.В. Митрошенкова**, к.и.н., с.н.с., Государственный историко-литературный и мемориальный музей-заповедник А.П. Чехова*

В начале XVIII в. Российская империя, значительно расширившая свою территорию, сохраняла сложившееся в предыдущие века административно-территориальное деление. Основной единицей его были уезды, весьма отличавшиеся по площади, численности населения, количеству населенных пунктов. Вновь приобретенные территории на западе и востоке имели свою, отличную от древнерусской, структуру. В результате управление империей в целом и отдельными ее частями оказалось слишком громоздким и сложным. Кроме того, переписи предшествующих времен не давали ясного представления о количестве и качестве имевшейся в составе Российской империи земли, численности населения, его сословном составе, занятиях и других важных экономических и политических факторах. Поэтому на протяжении XVIII в. не раз предпринимались попытки проведения нового валового описания всех земель Российской империи. Процесс этот начался уже при Петре I и, прерываясь, продолжался при его преемниках, пока Екатерина Великая успешно не завершила его, решительно и в довольно короткие сроки, добившись полного описания и реформирования всей административно-территориальной системы государства.

Реформы Екатерины Великой являются предметом весьма внушительных исследований[1]. Однако именно истории Генерального межевания посвящено не так много работ. Можно отметить не потерявшие до настоящего времени своей значимости труды И.Е. Германа, С.Д. Рудина, П.И. Иванова и К.А. Неволина. В XX в. к истории Генерального межевания обращались М.И. Фундаминский, Л.В Милов и А.А. Горский.

Методике изучения картографических источников генерального межевания посвящены исследования М.А. Цветкова, Я.Е. Водарского, В.С. Кусова. Планы Генерального межевания отдельных уездов привлекались для изучения истории некоторых регионов и городов Российской империи, не являясь при этом предметом специального исследования. Таким образом, комплексное изучение истории Генерального межевания отдельных уездов является темой достаточно новой и потому актуальной.

Межевание Малоярославецкого и Боровского уездов началось в июле 1766 г. в соответствии с Манифестом «О генеральном размежевании...», «Инструкции землемерам...» и «Наставлению...» о проведении работ[2]. Непосредственной работой землемеров в этих уездах (так же, как в Серпуховском, Верейском, Каширском, Коломенском, Тарусском и Оболенском) руководила Серпуховская межевая контора.

Ход межевания в интересующих нас уездах может быть описан на основании документов Межевых архивов РГАДА, а также планов Генерального межевания, сохранившихся в фондах Малоярославецкого и Боровского уездных земских судов в ГАКО[3].

Сохранность источников различна. Большинство планов отдельных «дач» сохранились достаточно хорошо. Плохая сохранность некоторых из них может быть объяснена исследовательским интересом именно к этим имениям, которыми владели известные люди (например, Радищевы, Сенявины и др.). Гораздо хуже сохранились «становые» планы, что связано с их большой деловой ценностью, а также значительным форматом, во все времена отрицательно влиявшим на качество хранения документа в провинциальном архиве.

Всего в фонде Малоярославецкого земского суда сохранилось 460 планов отдельных «дач» и пять «становых»: Сущевского и Михалевского станов, Репинской, Суходровской и Гремячевской волостей. Отсутствуют планы Городского, Прудцовского, Салтыкова, Заячковского, Холховского и Товарковского станов, Уготской, Пыренской, Городошевской волостей[4], что не может быть объяснено только передачей их территорий в состав других уездов.

Передел территории уезда происходил не единовременно. Уже в 1767 г. уезд лишился Заячковского и Холховского станов, переданных в соседние уезды согласно специальному Указу Сената[5]. Остальные территориальные «потери» относятся к следующему этапу формирования уезда, когда на основании Учреждения для управления губерний Российской империи от 7 ноября 1775 г. изменилась вся территориальная структура государства[6].

Территория Боровского уезда, так же, как и Малоярославецкого, менялась в два этапа. На первом (в ходе межевания 1766—1774 гг.) он потерял Козлобродский стан, но к нему целиком были приписаны Заячков стан Малоярославецкого уезда и Вышегородский стан Верейского уезда.

В фонде Боровского земского суда сохранилось 8 «становых» планов (Лужецкого, Бобольского, Вышегородского, Щитовского, Заячковского, Суходольского станов, Галической и Вепрейской волостей)[7]. Отсутствуют планы Вешковского, Козлобродского, Исайковского, Ловышинского, Окологородного, Фефиловского и Ростуновского станов. В процентном соотношении планов отдельных «дач» в Боровском уезде сохранилось меньше, чем в Малоярославецком. Точное число сохранившихся и отсутствующих подсчитать в настоящее время представляется затруднительным ввиду плохой сохранности данной части фонда.

Начатое летом 1766 г. межевание в Малоярославецком уезде закончилось (в общих чертах) к весне 1769 г.; в Боровском, территория которого была значительно больше, — к весне 1771 г.[8] Однако, еще несколько лет продолжались работы по решению «спорных» дел, составлению становых и уездных планов.

Основная часть планов Малоярославецкого уезда, сохранившихся в ГАКО, выполнена землемерами поручиком (позднее — капитаном) И. Нелединским, капитаном В. Горяиновым (получившим за свою работу чин титулярного советника); есть несколько планов, составленных секунд-майором (позднее — титулярным советником) И. Тихменевым и инженер-капитаном В. Постельниковым. Сохранившиеся становые планы Малоярославецкого уезда подписаны капитаном П. Недоброво.

Планы дач Боровского уезда подписаны ротмистром В. Лангом, инженер-поручиком (потом — капитаном) И. Перовым, титулярным советником И. Тихменевым, капитаном (потом — секунд-майором) И. Гневышевым, секунд-майором Л. Лутовиновым, секунд-майором С. Ларешниковым, инженер-капитаном В. Плутовым; все становые — титулярным советником В. Горяиновым.

Планы выполнялись всеми землемерами с полным соблюдением требований, изложенных в пунктах 8 и 9 Части IV Сенатского «Наставления...» землемерам; с большой точностью переданы мельчайшие топографические подробности, нанесены границы, обозначены названия мельчайших ручьев и оврагов.

Выполнены планы на гербовой бумаге, плотной, хорошего качества. Ориентированы с севера на юг. Масштаб: «в одном английском дюйме 100 сажень», т.е., 1:8400. Вверху, под изображением герба Российской империи, аккуратным почерком чертежника выведен заголовок, сообщающий следующие сведения: 1) в каком уезде, в какой волости (или стане) находится данное имение; 2) его полное название (со всеми вариантами); 3) имена, чины владельцев; 4) кем и когда проведено межевание; 5) площадь, занятая пашней, лесом, дорогами, сенокосом, реками,

болотами, прудами, селениями и пр.; 6) численность населения.

В левой или правой части плана даны условные обозначения. Указаны подробно владельцы имений, граничащих с изображенным на плане. Приводятся имена всех присутствовавших при межевании владельцев соседних имений или их представителей. В случае отсутствия таковых указано, кого нет и по какой причине.

Составленные планы представлялись в Серпуховскую межевую контору, где проверялись приведенные на них расчеты площадей (о чем свидетельствуют подписи проверявших), составлялись копии планов для Московской экспедиции и для владельцев имений (указаны фамилии копиистов). Подлинность и качество планов удостоверяли глава Серпуховской конторы — коллежский советник А. Бренчанинов, «присутствующие» конторы секунд-майор С. Чаплин, майор Е. Сафонов, секунд-майор И. Емельянов и др. лица.

Становые планы отличаются масштабом: «в дюйме 200 сажень». В заглавии указано, кто и когда составил план, но размеры земель не приводятся. Указаны границы соседних административных единиц, дана «экспликация». На каждом плане обязательно указано присутствие при межевании понятых. На планах тщательно нанесены границы всех отдельных «дач», каждая имеет свой порядковый номер. Внизу приложен полный список имений с указанием всех владельцев.

Становые планы также проверяли и заверяли в Серпуховской конторе, а после 1774 г. — в Переяславль-Рязанской межевой конторе, «потому что производимые в Серпуховской межевой конторе по Московской провинции межевые дела велено окончить сей конторе…»[9].

Становые планы Малоярославецкого и Боровского уездов составлялись после официального завершения в них межеваний (в 1773—1774 и в 1774—1777 гг. соответственно). Даты составления становых планов свидетельствуют о том, что Серпуховская контора продолжала свою деятельность до 1777 г. По-видимому, часть служащих ее перевели в Переяславль-Рязанский в 1772 г. согласно указу Межевой экспедиции. Там в это время уже начато было межевание силами освободившихся землемеров (из уездов, площадь которых была относительно невелика). Но часть служащих Серпуховской конторы вынуждены были оставаться на месте до полного завершения всех необходимых работ по составлению становых и уездных планов. Таким образом, с 1772 по 1777 годы существовали параллельно Серпуховская и Переяславль-Рязанская конторы.

Информация, содержащаяся на планах «дач» Генерального межевания и становых планах, в значительной степени дополняет сведения, содержащиеся в письменных источниках. Они дают возможность: 1) проследить факты повышения по службе и в чинах землемеров, выяснить их имена; 2) проверить экономические сведения об имениях и полные данные об их владельцах, содержащиеся в Экономических примечаниях к планам; 3) узнать, в каких условиях проводилось межевание, насколько спорными были границы (об этом свидетельствуют записи о присутствовавших при проведении границ соседях); 4) получить уникальные сведения по топографии имений и их микротопонимике; 5) благодаря сведениям о названиях давно исчезнувших селений, составить карты-реконструкции на более ранний период.

Указанные сведения в комплексе с данными письменных источников позволяют раскрыть достаточно полно картину Генерального межевания любого уезда Российской империи. Дальнейшее изучение комплекса Межевых архивов РГАДА позволит описать ход межевания Малоярославецкого и Боровского уездов во всех подробностях.

Примечания

[1] Обзор новейшей историографии проблемы см.: Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (Опыт целостного анализа). М., 2001. С. 315—330.

[2] ПСЗРИ. Т.XVII. № 12474; № 12570; № 12711.

[3] ГАКО. Ф.15. «Малоярославецкий уездный земский суд»; Ф.437. «Боровский уездный земский суд».

[4] Там же. Ф.15. Оп.5. Д.432, 433, 434, 435, 436.

[5] ПСЗРИ. Т.XVIII. № 13271.

[6] Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т.1. С.380—469.

[7] ГАКО. Ф.437. Оп.6. Д.554, 556, 557, 558, 559, 561, 563, 565.

[8] РГАДА. Ф.1313. Оп.7. Ч.1. Д.65. Л.61—62.

[9] ГАКО. Ф.15. Оп.5. Д.436.

ПАМЯТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ*

***В.А. Бессонов**, к.и.н., зав. отделом, Калужский областной краеведческий музей;*
***М.А. Добычина**, к.и.н., директор, Муниципальный архив г. Калуги;*
***В.А. Иванов**, к.и.н., доцент, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

Отечественная война 1812 г. — одна из ярких страниц в истории России. В ней была одержана крупнейшая победа над многочисленными и хорошо подготовленными войсками противника, во главе которых стоял гениальнейший полководец всех времен и народов Наполеон Бонапарт. Неудивительно, что эта эпопея, поразившая умы современников и ставшая значимой вехой в судьбе не только народов России и Европы, но и в жизни каждого человека, вдохновляла ее участников и потомков на создание многочисленных памятников и произведений искусства. Их скрупулезное изучение является одной из важнейших задач, стоящих перед современными исследователями эпохи 1812 г. Это особенно актуально сейчас, в преддверии 200-летнего юбилея Отечественной войны.

Данное исследование посвящено выявлению, систематизации и описанию комплекса памятников и достопримечательных мест[1], касающихся событий Отечественной войны 1812 г. на территории Калужского региона[2]. Это первая в историографии попытка получения целостной картины об объектах культурного наследия, хранящих память о героической эпохе 1812 г., предпринятая на основе изучения архивного и опубликованного материала. Рассмотрение этой непростой исследовательской задачи позволит вплотную подойти к созданию тематического свода памятников и достопримечательных мест, который будет способствовать успешной реализации практических задач в области просветительской и туристской деятельности.

Важно подчеркнуть, что Калужский край относится к числу регионов, сыгравших особо значимую роль в Отечественной войне 1812 г. На территории Калужской губернии располагался Тарутинский лагерь, в котором русская армия после оставления Москвы получила возможность восстановить боеспособность и поднять боевой дух солдат. На границе Калужской и Московской губерний 6 октября 1812 г. состоялось Тарутинское сражение, в ходе которого неприятельский отряд под командованием маршала И. Мюрата потерпел серьезное поражение. 12 октября прогремело кровопролитное Малоярославецкое сражение, следствием которого стало начало отступления Великой армии из России. На следующий день, 13 октября, на подступах к Медыни казачьи полки под командованием полковников Г.Д. Иловайского и В.А. Быхалова разгромили авангард польского корпуса армии Наполеона. Этот бой показал императору Франции, что русские войска надежно прикрывают южное направление, и это во многом повлияло на его решение отступать по старой коммуникационной линии. Помимо этих крупных военных операций, изменивших ход войны, на территории Калужской губернии в 1812 г. проводились крупномасштабные мероприятия, направленные, в первую очередь, на защиту границ от многочисленных отрядов противника, а также на обеспечение различных потребностей русских войск. В военное время дворяне, духовенство, купцы, мещане жертвовали для армии провиант, оружие, вещи, серебро и деньги. В Калуге генералом М.А. Милорадовичем формировались новые части для пополнения действующих армий, из которых 14 тыс. приняли участие в Бородинском сражении. По границам губернии калужским гражданским губернатором П.Н. Кавериным из крестьян под командованием чиновников и дворян были сформированы отряды самообороны, образовавшие цепь охранительных кордонов, поддержанную казачьими полками, регулярными войсками и частями ополчения. Эти меры привели к тому, что неприятельские партии мародеров и фуражиров не смогли проникнуть в глубь губернии. Тоже самое происходило и в Юхновском уезде Смоленской губернии, перешедшем в августе 1812 г. под управление калужского губернатора. Здесь, в направлении Вязьма — Калуга активно действовал охранительный казачий отряд Н.А. Тимирова, на подступах к населенным пунктам вели беспощадную борьбу отряды самообороны, а в самом

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 07-01-59123а/Ц).

городе имел свою тыловую базу знаменитый партизан Д.В. Давыдов. По объявлении 28 августа 1812 г. Калужской губернии на военном положении под управление калужского губернатора были переданы Ельнинский и Рославльский уезды Смоленской губернии. Когда русские армии после оставления Первопрестольной и совершения флангового маневра вышли на калужское направление, Калуга стала центральным узловым коммуникационным пунктом, через который в сентябре — начале октября шло основное снабжение действующих войск. В 1812 г. калужане для нужд армии выполняли тяжелую подводную повинность, доставляя провиант, фураж и одежду. На калужских заводах изготавливали боеприпасы. Из помещичьих крестьян было сформировано 15-тысячное ополчение, части которого приняли деятельное участие в боях на кордонах, в освобождении южных уездов Смоленской и Могилевской губерний. В Калуге, Мосальске, Мещовске и Козельске были развернуты военно-временные госпитали второй линии, где содержались больные и раненые воины. Через Калужскую губернию в 1812 г. прошло более 10 тыс. военнопленных, из них более сотни были оставлены в Калуге до заключения мира.

Сказанное свидетельствует о масштабах и многогранности событий, происходивших на Калужской земле в 1812 г. Все это, безусловно, и определило появление значительного количества памятников и достопримечательных мест, имеющих отношение к той достопамятной эпохе.

Несмотря на неоднократное обращение историков, искусствоведов и краеведов к памятникам Отечественной войны 1812 г., заявленная тема до сегодняшнего дня изучена недостаточно. Основное внимание исследователей уделялось, как правило, значимым с точки зрения военной истории местам: Тарутино, Малоярославец, Медынь. Именно здесь появляются первые памятники, посвященные 1812 г., ставшие широко известными не только на Калужской земле, но и далеко за ее пределами. О них неоднократно писали в общероссийских изданиях еще в дореволюционное время[3]. Особенно подробно история памятников освещена в краеведческой литературе, в частности, на страницах газеты «Калужские губернские ведомости»[4]. Основой краеведческого знания о памятниках Отечественной войны стала обзорная статья П. Ляметри «Монументы в воспоминание войны 1812 г., сооруженные в пределах Калужской губернии»[5]. С различной степенью полноты её содержание впоследствии не единожды передавалось местными исследователями. Описание калужских памятников было дано в «Памятной книжке Калужской губернии на 1869 г.». Об этом писали в своих работах известные исследователи Калужского края В.И. Ассонов, Л.А. Кавелин, Н.В. Кременский, Д.И. Малинин, И.Ф. Цветков и др.[6]. При этом особенно подробно описывались памятники Малоярославца. В советское время о калужских памятниках 1812 г. можно было узнать из газетных публикаций, статей, путеводителей, альбомов, выходивших в центре и на местах[7]. Однако, несмотря на достаточную известность и изученность многих памятников, ни один из них не вошел в официальное издание «Материалов Свода памятников истории и культуры…»[8]. В последнее десятилетие к этой теме обращались Н.В. Ивашко, С.И. Личенко, С.А. Малышкин, С.Н. Селедкина, Е.А. Щебикова, Н.Е. Ячник[9]. Большая часть публикаций о памятниках увидела свет в сборниках конференций, проводимых (с 1992 г.) Малоярославецким военно-историческим музеем 1812 г. и буклетах[10]. Подробная информация о памятниках содержится в книге «Малоярославец», изданной в 2002 г. к 600-летнему юбилею города[11]. В названных изданиях внимание исследователей ограничивается наиболее значимыми памятниками, располагавшимися в местах крупных боевых столкновений с неприятелем. При этом наиболее хорошо изученными на сегодняшний день являются памятники Малоярославца. Значительная часть памятников и подавляющее большинство достопримечательных мест остались вне поля зрения исследователей. О них имеются единичные публикации, появляющиеся от случая к случаю[12].

Источники, составляющие источниковую основу исследования можно разделить на несколько групп.

Первую образуют материалы периодической печати, содержащие ценную информацию об открытии памятников. Появление на территории Калужского края памятников в разное время освещалось на страницах российских и местных периодических изданий. Например, в газете «Московские ведомости» в 1834 г. (№76) была помещена обширная статья об открытии 25 июня памятника в селе Тарутино. В «Калужских губернских ведомостях» в 1844 г. (№47) подробно описывались состоявшиеся 29 октября торжества по случаю открытия монумента в Малоярославце. В 1962 г. на страницах областных и районных газет всесторонне освещалось

празднование 150-летия Отечественной войны. Так, в малоярославецкой газете «Искра» в статье А.В. Дмитриева сообщалось о мероприятиях по увековечиванию памяти событий 1812 г. (1962, 2 февраля). Тогда же в областной газете «Знамя» увидели свет материалы, рассказывающие как о сохранившихся, так и о вновь установленных к 150-летнему юбилею памятниках (1962, 12 апреля, 27 сентября). Таким образом, периодические издания содержат полную информацию о времени и обстоятельствах появления тех или иных памятников на территории Калужского края.

Сведения по истории создания памятников можно почерпнуть из опубликованных и делопроизводственных архивных документов различных учреждений, в круг обязанностей которых входило решение этих вопросов, хранящихся в государственных архивах страны. Так, в Государственном архиве Калужской области в фонде Канцелярии калужского гражданского губернатора (ф.32) отложился представительный комплекс материалов о тарутинском памятнике и малоярославецком монументе (оп. 19, д. 1663, 1669), о состоянии памятников войны 1812 г. (оп. 1, д. 71), о сборе средств на сооружение в Малоярославце храма-памятника (оп. 2, д. 1527, 1585, 1617, 1623, 1667), о строительстве памятников на братских могилах в Малоярославце (оп. 2, д. 1670); в фонде Калужского губернского правления (ф.62) имеется дело о могилах воинов, погибших в 1812 г. (оп. 26, д. 25); в фонде Калужского губернского предводителя дворянства (ф. 260) хранятся документы, проливающие свет на обстоятельства появления памятника в селе Тарутино (оп. 1, д. 735). Немаловажным для выявления захоронений участников Отечественной войны является изучение метрических книг, содержащих первичные сведения о времени и месте погребения конкретных людей. Этот массовый источник хранится в фонде Калужской духовной консистории (ф. 33) и в фондах духовных правлений (ф. 271 — Мещовское духовное правление, ф. 272 — Серпейское, ф. 273 — Малоярославецкое и т. д.). В Российском государственном военно-историческом архиве в фонде Департамента генерального штаба (ф. 38, оп. 5, д. 205) отложились документы, касающиеся истории монумента в Малоярославце, сооруженного по высочайшему повелению Николая I в рамках проекта 1835 г.

Большую ценность для выявления достопамятных мест представляют документы, хранящиеся в Государственном архиве Калужской области в фонде Канцелярии калужского гражданского губернатора. Они сформированы в несколько дел и содержат документы за период с 29 августа по 2 сентября, с 12 по 20 сентября и с 11 по 21 октября 1812 г. (ф.32, оп.19, д.491, 510, 511, 690). Эти материалы — часть делопроизводственной документации Временного военного комитета, созданного в Калуге под руководством губернатора после объявления губернии на военном положении. В них имеются рапорты и отношения, касающиеся ведения боевых действий на калужских кордонах и в Юхновском уезде. Не менее важным источником является сохранившаяся в фонде Калужского губернского предводителя дворянства «Записка о действиях, учрежденных из поселян кордонов по Калужской губернии» (ф. 260, оп. 1, д. 187), содержащая информацию об организации и деятельности кордонов. В основу описания произошедших на границе Калужской губернии событий положены рапорты уездных и кордонных начальников, краткое содержание которых переписано в порядке их поступления в Калугу. В этом же фонде хранятся эпистолярные материалы, доставленные губернскому предводителю дворянства уездными предводителями в сентябре 1812 г. о положении дел в уездах (ф. 260, оп. 1, д. 135). Важное место в делопроизводстве было отведено описанию военно-временных госпиталей, особенно Калужского и Козельского.

В Российском государственном военно-историческом архиве в личном фонде М.Б. Барклай де Толли (ф. 103) были выявлены рапорты начальника войск Калужской губернии В.Ф. Шепелева главнокомандующему армиями М.И. Кутузову с описанием ведения боевых действий на территории Калужской губернии (оп. 208а, св. 0, д. 61).

Помимо документов, хранящихся в государственных архивах, важные для выявления и изучения памятных мест сведения отложились в фондах Калужского областного краеведческого музея. В первую очередь, это делопроизводство тарусского городничего, в котором затрагивается весь спектр жизнедеятельности города и уезда в 1812 г. (КЛ 724/1-111; 725/2-59).

Обращение к документальным источникам позволяет получить информацию не только по истории создания памятников, но и установить достопримечательные места на территории Калужского края, оставившие заметный след в истории Отечественной войны.

Последнюю группу источников составляют народные предания. Часть из них была

зафиксирована и впоследствии опубликована в различных изданиях. Так, В. Глинка в книге «Малоярославец в 1812 г., где решилась судьба Большой армии Наполеона» (СПб., 1842) сообщил услышанные им сведения о подвиге С.И. Беляева. И.Ф. Извеков в Памятной книжке и адрес-календаре Калужской губернии на 1910 г. (Калуга, 1910) со слов жителей деревни Новой Слободки Малоярославецкого уезда рассказал, как в этом месте была захвачена и уничтожена партия казаков (около 60 человек), грабивших окрестные селения. С.А. Малышкин в материалах научной конференции «Калужская губерния в Отечественной войне 1812 г.» (Малоярославец, 1994) опубликовал ответы калужских священников, данные в 1836 г. на анкету историка А.И. Михайловского-Данилевского, аккумулирующие, помимо рассказов очевидцев, сохранившиеся предания. Предания о «французских» могилах сообщил в своей книге «О чем поведал Калужский бор» краевед Л.Ф. Котов (Калуга, 1993).

Часть преданий продолжает существовать в устной форме. Так, калужане, ныне проживающие в районе, где в XVI — начале XX в. располагался Лаврентьевский монастырь, указывают место могилы генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута, погибшего во время Тарутинского сражения. Аналогичным образом на поле Тарутинского сражения местные жители показывают «французские могилы». Все эти предания как опубликованные, так и передающиеся из уст в уста, нуждаются в тщательной проверке, путем соотношения с документальными источниками или обследования местности (включая проведение раскопок). Установлено, что большая часть содержащейся в преданиях информации не соответствует действительности. Однако, несмотря на низкий уровень достоверности преданий, их не следует игнорировать, так как всегда существует гипотетическая возможность соответствия сообщаемых ими сведений реальным событиям.

Важным при рассмотрении данной проблемы является разработка теоретико-методологических принципов и подходов. В первую очередь следует определить круг объектов, которые можно классифицировать как памятники и достопримечательные места. При этом следует отметить, что для нашего исследования не имеет принципиального значения, имеет ли тот или иной объект официальный статус памятника федерального, регионального или местного значения. В данном случае основной задачей является не изучение уже известных памятников 1812 г., а выявление всего массива этих объектов на территории Калужской области и их подробное описание. Предметом исследования являются не только существующие памятники, но и те, которые по разным причинам на сегодняшний день утрачены или заменены другими. Такой подход дает возможность получить ретроспективную картину увековечивания памяти 1812 г. на Калужской земле. Помимо исторической ценности он имеет и практическое значение, связанное, в первую очередь, с восстановлением утраченных памятников и возвращением старых посвящений. Примером тому может служить восстановление в наши дни малоярославецкого монумента.

Таким образом, составление наиболее полного перечня памятников и достопримечательных мест, который позволит уточнить и дополнить список объектов, находящихся на охране государства, будет способствовать внесению калужских памятников 1812 г. в создаваемый на общероссийском уровне Единый государственный реестр объектов культурного наследия.

К категории памятников, согласно утвержденной Федеральным законом номенклатуре объектов культурного наследия, относятся произведения монументального искусства, мемориальные помещения и отдельные захоронения. Достопримечательности включают памятные места, связанные с историческими (в первую очередь военными) событиями и жизнью выдающихся исторических деятелей. В свете сказанного все многообразие выявленных объектов, относящихся к войне 1812 г. на Калужской земле, условно можно разделить на следующие группы.

1) Монументы — архитектурные и скульптурные сооружения, установленные в память событий войны 1812 г. К их числу относятся: Тарутинский и Медынский памятники, монумент в Малоярославце.

Первым по хронологии был открыт памятник в Тарутино. 14 февраля 1829 г. граф С.П. Румянцев, освободив без выкупа от крепостной зависимости крестьян села Тарутино и деревни Гранищево, потребовал с них внести 44 тыс. руб. ассигнациями на постройку памятника «в память знаменитого события, совершившегося при сих селениях в войну 1812 г.»[13]. Построенный на средства крестьян монумент был торжественно открыт 25 июня 1834 г. В

1839 г. чугунная колонна памятника лопнула. В 1852 г. было принято решение изготовить новый памятник, который был открыт в 1854 г. Автором памятника считается архитектор Д.А. Антонелли.

Следующим по времени создания был монумент в Малоярославце, сооруженный в рамках утвержденной Николаем I в 1835 г. программы по увековечиванию событий войны 1812 г. Надзор за устройством памятников был возложен на Министерство финансов. Всего на территории страны планировалось установить 16 монументов, которые разделялись по значимости места на три класса. Автором памятников был архитектор А.А. Адамини. Малоярославецкий монумент был отнесен ко второму классу (к первому классу был причислен только Бородинский монумент). Его изготовление началось в 1841 г. Отливался монумент из чугуна на Александровском литейном заводе в Санкт-Петербурге. Затем по частям памятник был доставлен в Малоярославец и смонтирован на городской площади. Монумент был торжественно открыт 29 октября 1844 г. Демонтирован памятник был в 1930-х гг. (заведующий историческим отделом Калужского областного краеведческого музея М. Михалев называет 1935 г.[14]). С 2004 г. ведутся работы по восстановлению монумента, которые будут завершены к 200-летнему юбилею Отечественной войны.

Медынский памятник был установлен в 1854 г. на месте состоявшегося здесь 13 октября 1812 г. боя. Его установил на свои средства городской голова Рябцов. Монумент, выстроенный из камня, имел форму обелиска. Считается, что он был разрушен в годы Великой Отечественной войны и в 1970 г. восстановлен на прежнем месте

К данной группе памятников можно отнести и ворота Николаевского Черноостровского монастыря в Малоярославце, сохранившие на себе следы от пуль и картечи. Они не были построены в память войны 1812 г., но на протяжении уже почти двухсот лет неизменно считаются памятником происходившему в городе сражению. Во время боя в ворота попало множество пуль, но ни одна из них не задела помещенный на фронтоне Нерукотворный образ Христа Спасителя. Поэтому после сражения ворота сохранились в нетронутом виде. Согласно краеведческой традиции Николай I повелел в память войны 1812 г. не ремонтировать ворота. В 1830-х гг. на них была установлена памятная доска с надписью: «Язвы в память французской войны 1812 года». До сегодняшнего дня доска не сохранилась, но о наличии ее на воротах упоминается еще в 1962 г. Несмотря на отсутствие мемориальной надписи, и сегодня ворота монастыря сохраняют следы ожесточенной битвы, напоминая о проходившем в Малоярославце сражении.

Последним памятником первой группы можно назвать «Памятник Славы русского и советского оружия», который был открыт 8 мая 1966 г. в Калуге. Он представляет собой установленные на двух высоких пьедесталах (бывших опорах железнодорожного моста) артиллерийские орудия времен Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войн.

Включенные в первую группу памятники достаточно хорошо изучены. О них в первую очередь вспоминают, когда говорят об увековечивании памяти войны 1812 г. на территории Калужского края. Несмотря на небольшую их численность, они по своей значимости и аттрактивности являются наиболее важными объектами, имеющими значительную архитектурную и историческую ценность.

2) Памятные знаки — простейшие по форме памятники, посвященные отдельным событиям войны 1812 г. К их числу могут быть причислены памятники, сооруженные к 150-летнему юбилею войны на монастырской площади в Малоярославце — на месте командного пункта Кутузова (принимая во внимание, что главнокомандующий не въезжал в момент боевых действий в город, знак сейчас переделали в памятник сражению); в селе Спас-Загорье в память подвига крестьян, построивших из своих изб мост через реку Протву; в селе Радищево (Немцово) на месте расположения русских войск под Малоярославцем. Кроме того, следует отметить памятные знаки, установленные в Малоярославце в 1992 г. — в память о гибели братьев (генерала и подполковника) А. и Ж. Дельзонов в Малоярославецком сражении, в 2000 г.— на месте «огневой позиции русской артиллерии» и в 2002 г. — в честь гренадеров и пехотинцев.

3) Статуи и бюсты участников Отечественной войны 1812 г., установленные в определенном месте. Что касается статуй, то их на территории Калужской области не выявлено, поэтому данный раздел на сегодняшний день ограничивается только бюстами героев. К их числу

относятся два бюста М.И. Кутузову и бюст С.И. Беляеву в Малоярославце. Первый бюст М.И. Кутузову был создан с посмертной маски полководца калужским скульптором Н.Г. Прозоровским и открыт в сквере войны 1812 г. осенью 1955 г. Второй был установлен там же взамен прежнего в 1987 г. (автор С.И. Герасименко). Бюст Беляеву был сооружен по инициативе отставного генерал-майора А.Я. Мирковича, предложившего в 1883 г. увековечить подвиг малоярославецкого патриота, и возведен в 1899 г. перед городским мужским училищем им. С.И. Беляева. После революции памятник был утрачен и восстановлен в 1950-х гг. В 1962 г. в сквере планировалось возвести бюст генералу от инфантерии Д.С. Дохтурову, но этот проект так и остался нереализованным.

4) Здания, построенные в память войны 1812 г. В первую очередь речь идет о храмах-памятниках, создание которых связывали с увековечиванием событий Отечественной войны. К их числу можно отнести находящиеся в Малоярославце Никольский храм Черноостровского монастыря (освящен в 1843 г.), Успенский храм (освящен 11 октября 1912 г.), часовню у братских могил, построенную в 1860 г. на средства отставного майора Ф.М. Максимова. Для включения культовых строений в эту группу требуются веские основания. Необходимо, чтобы памятное значение храма было отражено в документальных источниках, относящихся к созданию или функционированию объекта. Например, краевед В.Е. Маслов, считает, что Казанский собор в Юхнове был «построен в память тех, кто героически сражался за Россию в Отечественную войну 1812 г.»[15]. Этот собор был заложен в 1804 г., а главный престол отделан и освящен в 1815 г. Известно, что в церкви хранились икона Казанской Божьей Матери, которая находилась при Юхновском ополчении, и трофейное французское знамя[16]. Однако наличие в храме предметов, относящихся к войне 1812 г., не может считаться достаточным основанием для отнесения объекта к числу памятников. Так, в калужском Кафедральном соборе после Отечественной войны была помещена хоругвь Калужского ополчения, однако никогда этот православный храм не рассматривался как памятник 1812 г.

К рассматриваемой группе могут быть отнесены не только храмы, но и светские здания, посвященные войне 1812 г. или ее участникам. Таким памятником является названное выше здание Малоярославецкого мужского училища им. С.И. Беляева (открыто в 1894 г.), а также Народный дом в память войны 1812 г. открытый в Калуге в 1912 г. (снесен в 1960-х гг.; на его месте был построено здание областной филармонии).

5) Здания или сооружения, связанные со знаменитыми людьми. К числу таких объектов можно причислить Полотняный Завод, в котором с 15 по 17 октября находился Кутузов со своим штабом; дом купца Большакова в Боровске — место остановки Наполеона в ночь с 14 на 15 октября; губернаторский дом в Калуге — место пребывания губернатора П.Н. Каверина и т.д.

6) Отдельные захоронения и надгробные памятники, имеющие отношение к войне 1812 г. и ее участникам. В первую очередь это высокохудожественные памятники на братских могилах в Малоярославце, возведенные военным ведомством в 1912 г., надгробья с могил генерал-майора кн. В.М. Яшвиля в Оптиной Пустыни, генерал-майора И.Т. Потулова в селе Замошье Мосальского уезда, генерал-лейтенанта М.И. Карпенко в селе Буриново Тарусского уезда и т.д. Следует отметить, что выявление данной группы памятников представляет особую сложность, т. к. могилы отдельных участников войны 1812 г., включая погибших и умерших солдат Великой армии на местах сражений, госпитальные захоронения русских солдат, могилы в большинстве своем на сегодняшний день безвозвратно утрачены.

Следует отметить, что о сохранении могил участников войны 1812 г. официальные российские власти заговорили только в начале XX в. В 1903 г. военное ведомство предприняло шаги по выявлению в общероссийском масштабе захоронений солдат 1808—1809, 1812 и 1853—1854 гг. В Калужской губернии, на запрос губернатора, полицмейстер г. Калуги и почти все уездные исправники ответили, что на их территориях солдатских могил не имеется. Положительно отозвались лишь исправники Малоярославецкого, Боровского и Калужского уездов, указавшие семь могил[17]. Вместе с тем, с большой долей вероятности, можно утверждать о наличии, как минимум, госпитальных захоронений в местах расположения военно-временных госпиталей в Калуге, Козельске, Мещовске и Мосальске. Военно-временный госпиталь в Калуге, например, был учрежден в конце июля 1812 г. и просуществовал менее месяца. При этом, по данным метрической книги Борисоглебской кладбищенской церкви, с 10

по 24 августа было погребено 116 умерших в госпитале солдат[18]. Эти сведения, видимо, были утрачены к началу XX в. и могилы русских воинов, являясь памятником героической эпохи, до сих пор остаются не обозначенными.

Не менее сложным является вопрос выявления могил на местах боевых столкновений. Так, в Тарутинском бое, по официальным данным, русская армия потеряла убитыми 74 человека (1 генерал, 1 обер-офицер, 3 унтер-офицера и 69 рядовых)[19]. Относительно захоронения погибших воинов 9 октября последовал следующий приказ генерала М.А. Милорадовича: «Тела храбрых победителей, собрав, похоронить у ближайшей церкви в одном месте, с приличным по Христианству обрядом, и водрузив крест на общей могиле, отпеть над оною панихиду, при которой быть желающим из каждой роты по несколько человек. У подножья креста выжечь следующие слова: «Здесь погребены тела православных Российских воинов, с честью умерших победителями на поле сражения в Отечественной войне 6-го октября 1812 года». Сей крест препоручается сделать и поставить дежурному штаб-офицеру г. майору Павлову»[20]. Близкими к месту боя были церкви в селах Рождествено и Круча, где, вероятно, и были похоронены русские солдаты. Что касается погибших неприятелей, то их тела, видимо, были также преданы земле, так как высочайшее повеление о сожжении трупов по местам военных действий последовало только 14 ноября 1812 г.[21] Но месторасположение могил сейчас установить невозможно.

Следует упомянуть и о могилах мирных жителей, погибших в ходе войны. Наиболее трагические события произошли 28 августа 1812 г. в селе Дудино Медынского уезда, которое разграбили и сожгли неприятельские мародеры численностью до 50 человек[22]. В этот день были убиты «села Дунина приказчик Сергей Ефимов 70 лет, вотчины надворного советника Александра Афанасьевича Долгова села же Дунина дворовый человек Клим Трифанов 69 лет, староста Василий Васильев 29 лет, крестьяне Гаврила Иванов 58 лет, деревни Манина крестьянин Иван Иванов 45 лет, деревне Кощеево крестьянская жена Варвара Павлова 51 год, отрок Иван Козьмин 8 лет сожжен французом»[23]. Все они были погребены на погосте при церкви Иоанна Предтечи.

6) Памятные места о военных действиях Отечественной войны. Это укрепления Тарутинского лагеря, бои под Тарутино и Медынью, Малоярославецкое сражение. Помимо крупных боев и сражений к этой категории относятся многочисленные боевые столкновения, происходившие на границе Калужской губернии с партиями неприятельских фуражиров и мародеров. Численность их достигает ста человек, при этом большая часть приходилась на Мосальский уезд. В сохранившихся рапортах и записке о действиях кордонов можно почерпнуть точные данные о местах боев, соотношении сил, результатах столкновений. Например, 20 сентября произошел бой в деревне Паньиной Медынского уезда. В нем приняли участие батальон 3-го пешего полка под командованием майора Спафарьева и отряд донских казаков полковника Быхалова. По дороге к деревне была обнаружена неприятельская партия в составе офицера и 35 солдат, которая была полностью уничтожена. Вторую, большую по численности, партию разбили в самой деревне. Противник имел более 100 человек, из которых 38 было убито, а остальные «спаслись бегством»[24]. В ходе боя погибло 2 и ранено 9 воинов ополчения. В качестве трофеев победителям достались 22 лошади и 10 телег с багажом, «из коего отнятое от наших жителей отдано им обратно, а прочее разделено между воинами»[25].

7) Памятные места, задействованные в обеспечении деятельности российских войск. Это населенные пункты, в которых размещались военно-временные госпитали (Калуга, Козельск, Мещовск, Мосальск), места формирования полков Калужского ополчения (села Варваренки Перемышльского уезда, Никольское и Покровское Тарусского уезда, Шемелински и Боровенск Мосальского уезда, Песоченский Завод Жиздринского уезда и село Березичи Козельского уезда), места изготовления боеприпасов — железоделательные заводы — Дугненский (Калужский уезд), Людиновский и Сукремлевский (Жиздринский уезд) и т.д.

8) Памятные места, связанные с известными личностями. Например, сельцо Перестромы Козельского уезда. Благодаря архивным изысканиям сотрудника Государственного архива РФ И.С. Тихонова удалось установить, что кн. П.И. Багратион, следуя через Калужскую губернию, специально посетил своего товарища подполковника Е.М. Авольянова, проживавшего после отставки в своем имении в Козельском уезде (сельца Губино и Перестромы). Здесь, в Перестромах, Петр Иванович 28 августа 1811 г. написал рекомендательное письмо своему

воспитаннику, козельскому дворянину Н.Н. Михайлову, в котором представлял его калужскому губернатору как честного и принципиального человека[26].

Серьезной проблемой в изучении памятников 1812 г. является историческая обоснованность их установки. Ряд памятников, особенно открытых в советский период, отличаются эффектными, но не соответствующими историческим реалиям надписями. Это замечание относится к памятным знакам, открытым к 150-летию войны в Малоярославце, Спас-Загорье, Радищеве; к памятнику в Калуге и т.д. Но наиболее показательным является пример, относящийся не к советскому, а к дореволюционному периоду. Как уже говорилось выше, в 1883 г. ветеран войны Миркович предложил Городской думе установить в Малоярославце памятник Беляеву. По местному преданию Беляев накануне сражения помешал неприятелю попасть в город. Разобрав плотину, он пустил воду, которая смыла наведенные через реку Лужу мосты, и тем на сутки задержал вступление противника в Малоярославец. По решению Думы собранные по всероссийской подписке средства были использованы на постройку городского училища, которому присвоили имя патриота. А перед зданием открыли его бюст с надписью на пьедестале: «Доблестному патриоту Савве Ивановичу Беляеву благодарная Россия». Несмотря на столь значимые шаги по увековечиванию имени Беляева, вопрос о совершенном им подвиге до сих пор остается спорным. До сих пор не обнаружено прямых документальных свидетельств, подтверждающих факт уничтожения плотины. Об этом умалчивает военное делопроизводство и другие источники. Нет никаких указаний на совершенный подвиг и в формулярном списке самого Беляева. Более того, утверждение о том, что неприятельская армия была задержана под городом на целые сутки, противоречит иностранным и отечественным источникам[27]. Ситуация, когда исторические знания вступают в противоречие с народными преданиями, подрывает доверие к процессу мемориализации и ведет к появлению дилеммы в экскурсионной и научно-популярной интерпретации объекта.

Подводя итоги вышеизложенному, можно констатировать, что в проекте впервые в историко-краеведческой литературе на региональном уровне подвергся специальному изучению выявленный на основе разных источников комплекс памятников истории и культуры, позволяющих не только воссоздать картину их современного состояния, но и проследить основные направления увековечивания событий Отечественной войны на Калужской земле. Новым направлением изучения является определение достопримечательностей, в большинстве своем утративших на сегодняшний день видимые следы исторических памятников. В ходе работы удалось предварительно выявить около 100 объектов культурного наследия. Следующим этапом решения проблемы является составление обобщающего свода памятников и достопримечательных мест путем составления на каждый объект специально разработанной карточки. Заметим, что примененные при этом подходы, а также приемы обработки и анализа источникового материала могут быть с успехом использованы при решении аналогичных задач в других регионах страны. Конечной целью исследования является создание свода памятников 1812 г., который позволит восполнить не только пробел краеведческой литературы, но и отечественной историографии войны 1812 г. в целом, пополнит ее новыми фактическими сведениями о военно-исторических памятниках, расположенных на территории Калужской области.

Примечания

[1] В работе используется терминология Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ, №73-ФЗ от 25 июня 2002 г.

[2] Административно-территориальные границы определены на XIX в., кроме Юхновского уезда, включенного в состав Калужской губернии из Смоленской в 1922 г.

[3] См., например: Витберг Ф. О памятниках Отечественной войны // РС.1912. №12. С.611—630; Министерство внутренних дел. Исторический очерк: Автографы, грамоты, виды сооружений и проч. СПб., 1901. Приложение 1.

[4] См., например: КГВ. 1844. №39, 47; 1884. №13, 42; 1889. №79; 1890. №68; 1893. №116; 1895. №32; 1910. №83.

[5] Ляметри П. Монументы в воспоминание войны 1812 г., сооруженные в пределах Калужской губернии // КГВ. 1862. №49, 50, 52; 1863. №1.

[6] Памятники Калужской губернии в память события 1812 г. // Памятная книжка Калужской губернии на 1869 г. Калуга, 1869. Отд.3. С.69—70; Ассонов В.И. Ассонов В.И. В тылу армии: Калужская губерния в 1812 г.: Обзор событий и сборник документов. Калуга, 1912; Он же. Малоярославец и Малоярославецкие юбилейные торжества 1912 года. Калуга, 1914; [Кавелин Л.А.] Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежитского монастыря. М., 1903; Кременский Н.В. Город Малоярославец Калужской губернии: Малоярославецкое сражение в 1812 г., достопримечательные места и памятники Отечественной войны, находящиеся в городе // КС. Калуга, 1911. Т.6. С. 1—25; Малинин Д., Чернышев С., Персональный С. Калуга: Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912. Цветков И.Ф. Памятники Отечественной войны, находящиеся в Малоярославце // Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. Калуга, 1912. Вып.1. С. 134—137; Он же. О Савве Беляеве, малоярославецком патриоте // Там же. С. 138—140; Недоходовский Я. 1812 год: Дело под Медынью и медынский памятник // Там же. С. 147—148.

[7] См., например: Беспалов В., Дмитриев А. Малоярославец. Калуга, 1960; Якушева Т.И. Медынь: Историко-краеведческий очерк. Тула, 1974; Земля Калужская: [Фотоальбом]. М., 1977;

[8] Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Калужская область. М., 1978.

[9] Ивашко Н.В. О памятнике в селе Тарутино // От Тарутино до Малоярославца. Калуга, 2002. С.262—264; Щебикова Е.А. Савва Иванович Беляев // Там же. С.259-261; Она же. «…И вечной памятью двенадцатого года» // Там же. С.265— 280; Ячник Н.Е. Ф.М. Максимов — участник Отечественной войны 1812 г. // Там же. С.254—258; она же. Памятники Отечественной войны 1812 г. в Малоярославце // Малоярославец: Очерки по истории города. Малоярославец, 1992. С.97—113; Личенко С.И. Монументы, посвященные Отечественной войне 1812 г. на территории Калужской губернии // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии: Материалы научной конференции, посвященной 180-летию Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 1993. С.92—102; Малышкин С.А. Памятники на полях сражений: проект 1835 г. и его судьба // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 г.: Материалы научной конференции, посвященной 250-летию со дня рождения М.И. Кутузова. Малоярославец, 1995. С.137—139; Селедкина С.Н. Памятники на местах сражений Отечественной войны 1812 г. // Калужская губерния в Отечественной войне: Материалы научной конференции, посвященной 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 1994. С.161—173.

[10] Котлякова Н.В., Ячник Н.Е., Головкова Н.В. Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 г. Калуга, 1995; Митрошенкова Л.В. Малоярославец. Памятники истории и архитектуры. Калуга, 2000; Котлякова Н.В., Назарян Е.А. Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 г. Калуга, 2003.

[11] Малоярославец. История и современность. Калуга, 2002.

[12] См., например: Лискин Ю.А. Локализация места военного совета Наполеона 25 октября 1812 г. // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов 1-ой Калужской историко-археологической конференции. Калуга, 1986. С. 26—27; Ульянов А.И. Угодка в 1812 г. // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии: Материалы научной конференции, посвященной 180-летию Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 1993. С.40—43; Лошкарева Н.П. Предания о событиях 1812 г. и связанные с ними памятные места на территории Боровского района // Калужская губерния в Отечественной войне: Материалы научной конференции, посвященной 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 1994. С.122—126.

[13] Калужский край: Документы и материалы. Калуга, 1976. Кн.1. С.219.

[14] Михалев М. В памяти народной // Знамя. 1962, 12 апр.

[15] Маслов В.Е. Юхнов: Краеведческо-исторический очерк. Калуга, 1995. С.7.

[16] Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864. С.337.

[17] ГАКО, ф.62, оп.26, д.25.

[18] Там же, ф.272, оп.2, д.36, л.26—29об.

[19] М.И. Кутузов: Сборник документов. М., 1955. Т.4. Ч.2. С.714.

[20] Глинка Ф.Н. Сражение при Тарутино // Военный журнал. 1818. Кн.11. С.41.

[21] РГИА, ф.1286, оп.2, д.203, л.1.

[22] ГАКО, ф.32, оп.19, д.510, л.11; Ассонов В.И. В тылу армии. Калужская губерния в 1812 г. Калуга, 1912. Сборник документов. С.25. №1.

[23] ГАКО, ф.79, оп.1, д.37, л.517.

[24] Там же, ф.260, оп.1, д.187, л.237об.

[25] Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сборник документов … С.151.

[26] ОР РНБ, ф. 124, д. 258, л. 1—2.

[27] См., например: Малоярославец в Отечественной войне 1812 г.: Сборник документов и материалов. Малоярославец, 1992. С.74—79; Васильев А.А. Сражение при Малоярославце 12 октября 1812 г. // Малоярославец: Очерки по истории города. Малоярославец, 1992. С.23; Малышкин С.А. Калужский край в 1812 г.: по материалам архива А.И. Михайловского-Данилевского // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 г. Малоярославец, 1994. С.73—75.

ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧИНОВНИКОВ-ДВОРЯН В СИСТЕМЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX в.

***В.А. Иванов**, к.и.н., доцент, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского*

Одним из важных для характеристики социального облика чиновничества разных уровней является вопрос о его имущественном положении и, в первую очередь, обеспеченности крепостными и землей. Имущественный статус определял не только место чиновника в сословной структуре общества, но и его служебное положение, характер и условия службы, оказывал действенное влияние при продвижении по иерархической лестнице.

Основным и наиболее аутентичным источником для изучения материального положения чиновников и канцелярских служителей в предреформенное время служат формулярные списки. В графы формуляров вносились подробные сведения как о наличии родового и приобретенного имущества (количестве ревизских душ крестьян м. п., ненаселенных землях, домах, дачах, промышленных заведениях) у самого чиновника, его родителей, жены, так и о получаемом им денежном содержании (жалованье, пенсия, столовые, квартирные и т. д.).

При определении имущественного ценза служащего нами в основу положено землевладение, размер которого исчисляется по числу душ крестьян м. п., что являлось до 1861 г. основным, а, главное, конкретным и сопоставимым показателем материальной состоятельности поместного дворянства. Обладание крепостными подразделяется: на владение самого чиновника, его родителей, жены, чиновника и жены (если крепостных имели оба), общее владение с братьями и сестрами. Имущество чиновника, не отделенное от имущества родителей, учитывается как собственность его самого. При определении размера землевладения все его виды — родовая, приобретенная, смешанная (родовая и приобретенная) собственность чиновника и его жены, а также родителей (при отсутствии других наследников), рассматриваются как единое целое — владение чиновника. Если имение находилось в совместном владении с братьями и сестрами, то размер его уменьшался на число прямых наследников. При отсутствии в источниках точных указаний на число братьев и сестер в расчет принимается их минимальное число — два брата и две сестры.

С учетом размеров душевладения намечены три основные категории владельцев: мелкопоместные дворяне (от 1 до 100 душ м.п.), среднепоместные (от 100 до 500 душ м. п.) и крупнопоместные (более 500 душ м.п.). Помимо земельной собственности учитывается также владение ненаселенными землями, домами и промышленными заведениями.

Рассмотрим имущественное положение (виды и размеры душевладения) чиновников дворянского происхождения, но вначале оговорим, что в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в. на службе в калужской гражданской администрации состояло 338 потомственных дворян, т. е. 28,8 % от учтенного числа служащих. Для анализа имущественного ценза привлекаются сведения о 336 (28,6 %) чиновниках. Данными об имущественном статусе военного губернатора г. Калуги и калужского гражданского губернатора графа Е.П. Толстого и канцелярского служителя его канцелярии М.А. Кашкарова за рассматриваемые годы мы не располагаем.

По имущественному положению в калужской администрации помещиками являлись 198 человек, или 58,9 % (в губернских — 55,9 %, в уездных — 65,0 %, в городских — 42,4 %). У 20 из них (5,8 %) крепостные числились за женой, т. е. считались приобретенными браком.

69 человек (20,6 %), т. е. ровно 1/5 всех дворян, земельную собственность имели в личном владении, 14 (4,1 %) — в общем владении с братьями и сестрами, 66 (19,7 %) — у родителей. У 8,7 % чиновников собственность принадлежала как им самим, так и их женам. Наибольший процент таких землевладельцев выявлен в уездных присутствиях — 11,9, наименьший — в городских канцеляриях — 3,0.

50 человек, т.е. 14,9 % (в абсолютном выражении почти 1/4 часть всех чиновников, лично владевших крепостными) обладала родовой собственностью. У 9 чиновников (2,7 %) родовая собственность находилась в общем владении с братьями и сестрами, у 41 (12,2%) ею владели родители.

Таким образом, общее число помещиков — обладателей родовой собственности в калужской администрации — составит 100 человек, или 29,8 %, т. е. более 1/5 от учтенного количества чиновников-дворян, числившихся на службе. Если принять в расчет, что часть землевладельцев располагала родовой и приобретенной собственностью, то доля обладателей родового имущества возрастет до 46,8 % (157 человек). Для сравнения укажем, что число помещиков, владевших только приобретенной собственностью, доставшейся им от родителей, либо купленной на протяжении службы, не превышало 21 человека (6,6 %), т. е. в абсолютном исчислении их было в 7,5 раза меньше.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что почти половина всех поместных дворян, занимавших классные и канцелярские должности в системе местных органов власти и управления являлась обладателем родовой собственности, т.е. владела крепостными наследственно. Это свидетельствует о том, что преобладающая часть душевладельцев, служившая в последнее предреформенное десятилетие в административных и судебных учреждениях губернии, принадлежала к родовому дворянству. Приобретение чиновниками — выходцами из семьи потомственных дворян — имущества покупкой (в царствование Николая I практика раздачи крепостных была прекращена) не получила сколько-нибудь широкого распространения прежде всего из-за экономической несостоятельности большинства представителей провинциального дворянства, в среде которого был значительный удельный вес неимущего элемента. Ничтожным был и процент владельцев, приобретших имущество путем браков.

В присутственных местах губернии 141 человек, т. е. 41,9 % от учтенного числа дворян (почти 3/4 всех душевладельцев) принадлежал к мелкопоместным владельцам, имевшим не более 100 душ м. п. Значительно меньше в аппарате управления было среднепоместных дворян, за которыми числилось от 100 до 500 душ — 48 человек, или 14,3 % , а крупные и крупнейшие владельцы, имевшие свыше 500 крепостных, в провинции исчислялись единицами. Их учтено всего 9 человек, или 2,7 %.

Самым крупным землевладельцем в составе аппарата управления губернии был чиновник особых поручений казенной палаты, выпускник Училища правоведения М.С. Унковский, сын известного флотоводца С.Я. Унковского, за которым по формулярному списку 1851 г. числилось 1210 душ крепостных[1]. К крупным земельным собственникам относились: канцелярский чиновник канцелярии губернатора Г.А. Баташов, столоначальник губернского правления Г.В. Мещеринов (сын участника Отечественной войны 1812 г., губернского предводителя дворянства, генерал-майора В.Д. Мещеринова), и.д. товарища председателя палаты гражданского суда В.Л. Хамотин. За родителями этих чиновников числилось соответственно: 743[2], 570[3] и 530[4] душ. Председателю палаты гражданского суда поручику А.И. Яковлеву вместе с женой принадлежало 697 душ крестьян в Калужской губернии[5].

Таково было душевладение некоторых крупнопоместных чиновников-дворян, состоявших на службе в учреждениях гражданского ведомства Калужской губернии.

Часть чиновников-дворян, помимо крепостных, владела и другими видами собственности: домами, ненаселенными землями, промышленными предприятиями. Собственными домами, находившимися преимущественно в городах, располагали: в губернской администрации — 20 чиновников, в уездной — 13 и в городских канцеляриях — 3; у 12 человек дома принадлежали женам, у 1 — отцу. Таким образом, домовладения в городах имела 1/4 часть (24,7 %) всех помещиков.

Ненаселенными землями, размеры которых колебались от 7 до 33 дес., владели только 5 человек. У состоявшего при Калужской губернской строительной комиссии инженера А.Д. Кавелина, старшего брата идеолога российского либерализма К.Д. Кавелина, двоюродного брата историка русской православной церкви Л.А. Кавелина (отца Леонида), внесшего своей энергичной деятельностью заметный вклад в благоустроство губернского города, пожалованной земельной площадью в Саратовской губернии (3 тыс. дес.) владел отец.

Факт наличия у чиновников-дворян домовладений и ненаселенных земель, т. е. пустошей, не имевших большой ценности без крепостных крестьян, для дореформенной эпохи не является надежным критерием для оценки их материального благополучия, а дает лишь дополнительный штрих для характеристики социально-экономической природы служилого дворянства.

Рассматривая далее имущественное положение чиновников-дворян, особо следует сказать о наличии у них промышленных предприятий, сам факт владения которыми указывает на их причастность к предпринимательским сферам. Помимо крепостных только 4 чиновника (крупные землевладельцы) являлись собственниками, либо наследниками промышленных предприятий, принадлежавших родителям. Из этого следует, что участие представителей высшего сословия в промышленной деятельности, лежащей вне традиционных (земледельческих) занятий было ничтожным. Основой материального существования поместного дворянства, служившего в местной администрации, оставалась по-прежнему земля и государственное жалованье.

Приведем данные о владении разными видами недвижимости (домами и ненаселенной землей) у беспоместных дворян, составлявших чуть менее половины числа чиновников-дворян. 6 человек владели домами, у 4 они принадлежали жене, у 5 — родителям. Ненаселенные земли имели всего 3 человека.

Таким образом, приведенные выше цифры убедительно показывают, что более 1/3 (35,7 %) выходцев из привилегированного сословия, служивших в провинции в предреформенное десятилетие, влачила жалкое существование, не имея ни крестьян, ни земли и никаких других источников доходов, кроме скромного казенного жалованья, получаемого за службу. Эта была обособившаяся от поместного дворянства прослойка, окончательно порвавшая связь с сельскохозяйственным производством, выбравшая для себя новый род постоянной деятельности, не пользовавшийся в дореформенную эпоху уважением у дворянского сословия — гражданскую службу.

Примечания

[1] ГАКО. Ф.62. Оп.1. Д.3781. Л.214об.—219.
[2] Там же. Д.3780. Л.59об.—61.
[3] Там же. Л.382— 384.
[4] Там же. Л.693об.—695.
[5] Там же. Д.3607. Л.276об.—281.

ПРАКТИКА ИЗДАНИЯ ОРЛОВСКИМИ ГУБЕРНАТОРАМИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.

***А.С. Минаков**, к.и.н., доцент, Орловский государственный университет*

Система местного управления пореформенной России все более обнаруживала неспособность адекватно реагировать на стремительно меняющуюся общественно-политическую и социально-экономическую ситуацию в стране. Среди законодательных мер, направленных на улучшение работы местной власти, заметной вехой, оказавшей влияние на стиль ее управления, стало предоставление губернаторам в 1876 г. права издавать обязательные постановления[1]. Впервые об их активном применении страна узнала в 1879 г. после учреждения генерал-губернаторских должностей в Санкт-Петербурге, Одессе, Харькове. После серии покушений на Александра II проблема борьбы с антиправительственными выступлениями встала перед правительством с особой остротой, поэтому на обязательные постановления, как на один из инструментов наведения порядка на местах, возлагались большие надежды. Обязательные постановления губернаторов должны были исполняться всем населением, находящимся и проживаемым в той местности, на которую они распространялись. Их обнародование осуществлялось посредством публикации в губернских ведомостях и вывешивания для всеобщего обозрения в публичных местах. Губернатор при необходимости имел право дополнять, заменять или вовсе отменять обязательные постановления, о чем делалось соответствующее уведомление в печати.

Издание обязательных постановлений было не только результатом самостоятельного решения губернатора. Они могли выходить на основании указов императора, Правительствующего Сената и распоряжений МВД. Инициатива по их изданию могла исходить от губернских и уездных властей. Кроме того, посредством обязательных

постановлений проводились многие решения органов местного самоуправления.

Тематика обязательных постановлений в Орловской губернии была продиктована объективными потребностями поддержания общественного порядка. Разного рода обязательные постановления касались запрещения ношения оружия, организации сходок, расклейки объявлений и афиш, а также уклонения от выполнения требований полиции. Например, в годы первой русской революции орловского губернатора волновало массовое распространение оружия среди населения. В 1905 г. по ходатайству брянского, елецкого и орловского полицеймейстеров[2] были приняты обязательные постановления «О запрещении носить оружие, как огнестрельное, так и холодное»[3]. В 1906 г. были приняты обязательные постановления «О порядке хранения и продажи огнестрельного оружия и припасов к нему»[4]. Такая политика встречала понимание в правительстве[5]. Подавляющее большинство постановлений по охране общественного порядка касались Брянска, затем Орла, Ельца. Иными словами, их принятие было необходимо в наиболее крупных городах, где была сконцентрирована основная масса наемных рабочих.

Другая значительная часть постановлений касалась улучшения экономической ситуации в губернии, решения самых широких социальных вопросов. К их числу можно отнести обязательные постановления, регламентировавшие занятия населения извозным, трактирным и водовозным промыслами. Посредством постановлений шла организация торговли (в праздничные и выходные дни, отдельными категориями товаров и др.), осуществлялись мероприятия по охране труда на предприятиях торговли и общественного питания. Разнообразные постановления касались противопожарной безопасности, борьбы с бродячими собаками, санитарно-техническому состоянию скотобоен. Периодически издавались постановления посвященные, противоэпидемическим и противоэпизоотическим мероприятиям.

МВД координировало составление обязательных постановлений посредством министерских циркуляров. Их наиболее типичными сюжетами были указание на ошибки (неточности) в составлении обязательных постановлений[6], ознакомление губернаторов с «образцовыми» постановлениями[7] и решениями правительства по их изданию[8]. Губернатор ставил в известность министра внутренних дел о каждом факте издания обязательных постановлений «с приложением точных копий с изданных постановлений и с объяснением причин побудивших их принять ту или иную меру»[9]. Контроль над изданием обязательных постановлений губернаторов находился в ведении IV делопроизводства Департамента полиции МВД. В случае несоответствия постановлений действующему законодательству департамент делал соответствующее представление об их изменении или отмене. «При этом обыкновенно в таких случаях министр, по докладу директора департамента, указывал губернаторам и начальникам областей на несоответствие их обязательных постановлений или карательных по ним норм закону и просил отменить противоречащие закону распоряжения. В случае же отказа с места подчиняться указаниям министра последний вносил вопрос на рассмотрение 1-го департамента Правительствующего Сената»[10], — вспоминал современник. Впрочем, глава МВД имел право дополнить, изменить или отменить любое из изданных обязательных постановлений по своему усмотрению, равно как и на основании жалоб частных лиц или общественных организаций.

В Орловской губернии отмечались случаи нарушения обязательных постановлений, особенно крестьянским населением. Противостоять нарушениям губернатор мог двумя способами. Первым было повторное издание постановлений, которые наиболее часто нарушались. Другой, более эффективной, мерой было преследование нарушителей постановлений. Виновные в нарушении обязательных постановлений привлекались к ответственности на общем основании согласно Уложению о наказаниях, которое предусматривало штраф до трехсот рублей или арест (или тюремное заключение) до трех месяцев. Бывало, что губернатор смягчал наказания за нарушения обязательных постановлений или вовсе отменял их; предусматривалась амнистия осужденных. Поводом к этому служили приближавшиеся торжественные события, например, религиозные праздники или какая-либо юбилейная дата истории.

Посредством обязательных постановлений правительство старалось усилить губернаторскую власть. Действительно, постановления губернатора с «обязательным»

ярлыком стали воздействовать на население, местные правительственные и общественные структуры более отрезвляюще, чем общеимперское законодательство и т.п. В известной степени этому способствовала система выработанных строгих норм наказания за нарушения постановлений. Вследствие этого тематика обязательных постановлений постоянно расширялась и в начале XX в. охватила практически все сферы губернской жизни. Казалось бы, экономическая направленность в аграрном отношении Орловской губернии исключала те проблемы, с которыми могли сталкиваться губернаторы индустриально развитых районов. Однако один Брянский уезд со своим рабочим районом доставлял такую массу беспокойства губернскому руководству, что требовал мобилизации всех административных ресурсов, включая обязательные постановления.

Обязательные постановления, задуманные как инструмент кризисного управления, очень скоро превратились в повседневную административную практику губернаторов. Однако преодолеть кризис системы управления страной в целом они не смогли, т.к. воздействовали лишь на отдельные аспекты жизни края. Кроме того, местная администрация, особенно уездного уровня, была не в состоянии обеспечить исполнение губернаторских распоряжений. Особенно остро эта проблема обнажилась в годы Первой мировой войны, когда в губернии стал вопрос обеспечения населения продовольствием и товарами первой необходимости[11]. Например, попытка воспрепятствовать посредством издания обязательных постановлений росту цен в губернии окончилась безрезультатно. Население не спешило жаловаться на торговцев, да и факт незаконного завышения цен доказать было трудно[12].

Примечания

[1] ПСЗРИ. Собр. 2. Т.2. 1876. СПб., 1878. С.63.

[2] ГАОО. Ф.580. Ст.2. Д.2965. Л.5, 8, 9—9об.

[3] Орловские губернские ведомости. 19 января 1905 г. № 6.

[4] ГАОО. Ф.580. Ст.2. Д.3261. Л.8об.—9.

[5] См.: Мемория Совета министров о порядке хранения и продажи огнестрельного оружия. 24 ноября 1905. // Совет министров Российской Империи. 1905—1906 гг. Документа и материалы. Л., 1990. С.72—73.

[6] ГАОО. Ф.580. Ст.2. Д.3304. Л.287.

[7] Там же. Д.3762. Л.142.

[8] Там же. Д.3304. Л.334.

[9] ПСЗРИ. Собр.2. Т.2. 1876. СПб., 1878. С.65.

[10] Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи //Вопросы истории. 2005. №3 С.102—103.

[11] См.: Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой Мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.): Социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты. Дис. … канд. истор. наук. Орел, 2005. С. 91.

[12] Там же. С.123.

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

***Н.А. Курнова**, н. с., Академия Федеральной службы охраны РФ*

В 1889 г. законом от 12 июля в России был упразднен институт мировых судей и учрежден институт земских начальников. На земских начальников были возложены административные, судебные и полицейские функции в уездах. Дела, подведомственные ранее мировому суду, были разделены между четырьмя инстанциями: 1) земским начальником; 2) городским судьей; 3) уездным членом окружного суда и 4) волостным судом[1]. Земские начальники также контролировали сельские и волостные органы крестьянского самоуправления, осуществляли полицейские функции и надзирали за деятельностью волостных судов.

В 40 губерниях России было создано 2 200 земских участков во главе с земскими начальниками. В уездах учреждался уездный съезд земских начальников, состоявший из

административного и судебного присутствия. Ему передавались функции упразднявшихся уездного по крестьянским делам присутствия и мирового суда.

Данная статья посвящена судебной деятельности земских начальников в конце XIX — начале XX вв. в Орловской губернии.

Земские начальники, к которым перешло большинство дел, подсудных мировым судьям, отойдя от общих судебных учреждений, переводились из ведомства Министерства юстиции в ведомство Министерства внутренних дел. Земские начальники назначались министром внутренних дел по представлению губернаторов. Ими могли быть: 1) лица, прослужившие не менее трех лет в должности предводителя дворянства (наличие имущественного и образовательного ценза при этом не требовалось); 2) местные потомственные дворяне, достигшие 25-летнего возраста, имевшие высшее образование или прослужившие не менее трех лет в должности мирового посредника, мирового судьи при наличии 1/2 ценза, необходимого для участия в выборах в уездное земское собрание, или обладавшие другим недвижимым имуществом не менее 7 500 рублей[2].

Земельные владения земского начальника должны были располагаться в пределах его уезда, а не различных губерний. При недостатке кандидатур, отвечавших этим требованиям, земскими начальниками могли назначаться местные потомственные дворяне со средним и даже начальным образованием, состоявшие в военных или гражданских чинах, независимо от стажа службы, однако имущественный ценз для них повышался вдвое[3].

В Орловской губернии институт земских начальников был введен в действие с июля 1891 г. Введение в действие Положения о земских участковых начальниках в Орловской губернии первоначально было назначено на 1 мая, затем отложено до 1 июня и в конце концов отсрочено до 1 июля[4]. Население с некоторой опаской встречало новый судебный институт. Например, жители г. Болхова были обеспокоены тем, что потребуются дополнительные расходы на земских начальников. Содержание упраздняемых учреждений Болховского уезда обходилось до 11000 рублей ежегодно. Предполагалось, что на новые учреждения при 4 земских начальниках потребуется около 16 000 рублей и расход в общей сложности мог увеличиться вдвое[5].

Вся Орловская губерния была разделена на 63 земских участка, в состав которых вошли 2 города (Кромы и Малоархангельск), 51 пригородная слобода, 12 монастырей и 198 волостей. В составе волостей числилось: 733 села, 3097 деревень, 590 хуторов и выселков. Всех жителей в 63 участках числилось 1897271 сельского и 7434 городского населения.

В состав каждого земского участка входило от 2 до 5 волостей с числом жителей от 16000 до 38000 человек на участок. Например, во втором участке Ливенского уезда числилось две волости с 16682 жителями, в 7 участке того же уезда — 3 волости с 38441 жителем, в 1 участке Болховского уезда — 5 волостей с 27435 жителями и т.д.[6] В среднем на каждого земского начальника приходилось по 30233 человека, что вполне соответствовало норме, указанной в циркуляре министра внутренних дел от 25 августа 1890 г. за № 30[7].

При определении границ земских участков и распределения волостей бывшие временные губернские и уездные комитеты по введению в действие Положения 12 июля 1889 г. старались учитывать не только территориальную обширность участков, число дел, производившихся в прежних судебно-мировых и крестьянских учреждениях, но и местожительство тех лиц, которые должны были стать земскими начальниками. Однако это правило не всегда удавалось соблюдать, что приводило к недовольству назначаемых лиц. Земский начальник 3-го участка Севского уезда М. Оловянников в 1892 г. жаловался на «крайнюю отдаленность» места службы от его имения, находившегося в Малоархангельском уезде, и от губернского города, в учебных заведениях которого могли бы учиться его дети[8].

При изучении кадрового состава земских начальников Орловской губернии был выявлен ряд особенностей. Характерной чертой личного состава земских начальников в первые годы их работы стала преемственность кадров. Первые земские начальники в большом количестве были назначены из уже известных публике судебных деятелей. В 1893 г. из 63 земских начальников Орловской губернии 35 % прежде служили в должностях участковых мировых судей[9]. Многие назначения были ожидаемы и предсказуемы общественностью губернии. В «Орловском вестнике» от 2 апреля 1891 г. было замечено, что «официально имена будущих земских начальников не известны, но, например, в Карачеве почему-то все

уверены, что начальниками в Карачевском уезде будут мировые судьи Цуриков и Барманский»[10]. Земские начальники 1-го и 3-го участков Дмитровского уезда — отставной штабс-капитан Н.В. Алферов и отставной штаб-ротмистр В.А. Офросимов — участковыми мировыми судьями являлись с 1885 г. Земские начальники 4-го, 5-го и 7-го участков Малоархангельского уезда — штаб-капитан В.В. Маклашевский, майор К.Ю. Мешковский и ротмистр Л.В. Картавцов — находились в списках кандидатов в участковые мировые судьи с 1882 г. Земский начальник 2-го участка Брянского уезда, коллежский регистратор И.И. Гедройц, числился в списках мировых судей с 1870 г.

Достаточно высоким был образовательный уровень «первого призыва» земских начальников. Из общего числа земских начальников Орловской губернии в 1893 г. высшее образование имели 40 %, среднее — 60 % (из них 54% окончили военные училища). Таким образом, к работе приступили люди образованные и опытные.

Разбор судебных дел земский начальник проводил либо в специальном помещении с закрепленным адресом, именовавшемся «камерой» (чаще всего это было помещение в собственном доме), либо в других пунктах своего участка. Например, в 1895 г. земские начальники Орловского уезда у себя в камере дела разбирали 121 день, в других пунктах своих участков — 92 дня, земские начальники Карачевского уезда в течение года рассматривали дела в камере 56 дней, в других пунктах своих участков — 93 дня[11].

Характер преступлений, разбиравшихся земскими начальниками Орловской губернии, был различен. Так, в 1891 г. из 3911 дел, находившихся в производстве у земских начальников, 41 % составили дела о повреждении и похищении чужого леса, 14,5 % — о кражах, 8 % — против чужой собственности, 7 % — об оскорблении чести, 18,4 % составили преступления против порядка управления, мошенничества, обманы, дела о присвоении чужого имущества, нарушения устава о питейном сборе, 6 % —дела об угрозах и насилии и о нарушении порядка и спокойствия, около 2 % заняли нарушения устава строительного и путей сообщения, около 2 % — нарушения устава о воинской повинности и устава о паспортах, менее 3 % составили преступления против народного здравия, общественного благоустройства, личной безопасности, нарушения правил о найме сельских работников; всего 0,1 % приходилось на преступления против прав семейных[12].

Мерами наказания, чаще всего применявшимися земскими начальниками, были денежный штраф, реже арест, а иногда удаление из общества за порочное поведение и заключение под стражу. В 1892 г. от земских начальников Орловской губернии в доход земства поступило 2801 руб. 92 коп. судебных сборов, существенную долю которых составили денежные штрафы[13].

Кроме собственных судебных обязанностей земский начальник осуществлял надзор за деятельностью волостных судов. Несколько раз в год земские начальники присутствовали при разборе дел в волостных судах, производили ревизию делопроизводства этих учреждений. Согласно отчету о деятельности земских начальников, в 1892 г. они были свидетелями разбора дел волостными судами Орловской губернии в 602 случаях, а делопроизводство подвергалось ревизии 397 раз[14].

Отзывы о работе земских начальников в начале 1890-х гг. и в первое десятилетие XX в. существенно различались. В 1893 г. в «Орловских губернских ведомостях» отмечалось, что земские начальники Орловской губернии к своим служебным обязанностям относились очень добросовестно, а также активно занимались благотворительностью и попечительством. Так, 27 декабря 1896 г. в здании Стрелецкого волостного суда Севского уезда земским начальником М.Н. Оловенниковым была устроена елка для учеников Стрелецкой школы, где он второй год состоял попечителем[15].

В начале XX в. стало появляться большое количество критических замечаний о работе земских начальников. Разнохарактерность жалоб свидетельствовала о недостатках работы по целому ряду вопросов. В первую очередь осуждался поверхностный контроль земских начальников над деятельностью волостных судов или его отсутствие.

По судебной деятельности самих земских начальников замечания сводились к трем пунктам. Отмечались медленность ведения судебных дел, нарушения Устава о наказаниях и порядка ведения канцелярии. Из 752 дел, находившихся в рассмотрении земского начальника 2-го участка Трубчевского уезда, в 1900 г. было разрешено только 8 дел, а в

1901 г. — 24[16]. В ходе ревизии делопроизводства земского начальника 4-го участка Мценского уезда в 1904 г. было обнаружено, что ревизия подведомственных ему крестьянских учреждений и волостного суда не проводилась. Некоторые дела оставались без движения по нескольку месяцев.

В начале XX в. участились ревизии делопроизводства земских начальников, что привело к увеличению количества адресованных им замечаний и выговоров. Тем не менее, некоторые из них, получая из года в год выговоры, продолжали работать. Например, Н.Ф. Завистовский, земский начальник 4-го участка Ливенского уезда, в 1904—1909 гг. получал ежегодно по замечанию и выговору, но оставался на своем месте. Таких недобросовестных работников заносили в специальный «Алфавитный указатель земских начальников Орловской губернии, подвергавшихся дисциплинарной ответственности в порядке 129 ст. Пол. Уст. Крест.»[17]. Практически в каждом уезде Орловской губернии были лица, которые портили все показатели в работе института земских начальников. Чаще всего в список включались земские начальники Ливенского (11 человек) и Брянского уездов. Семь земских начальников Брянского уезда регулярно подвергались дисциплинарной ответственности. Е.П. Кисилевич, земский начальник 1-го участка Брянского уезда, за 6 лет получил шесть выговоров и два замечания. Были такие лица, которые за один год могли получить по 3 — 4 выговора и остаться на своей должности.

В отечественной историографии существует мнение о том, что институт земских начальников во многих его компонентах, и особенно в судебной части, был шагом назад по сравнению с мировыми судами[18]. Наше исследование позволяет прийти к следующим выводам. Новый судебный институт в значительной степени появился на основе прежнего мирового суда. Для обывателя продолжало работать доступное и дешевое правосудие. При создании института земских начальников в Орловской губернии серьезных проблем с подбором кадров не наблюдалось. В большой степени личный состав «первого призыва» земских начальников был представлен бывшими мировыми судьями, обладавшими опытом работы в судебных учреждениях. Поэтому в первое десятилетие работы земских начальников основные трудности их вхождения в должность касались лишь административной работы. Судебная деятельность была знакома им по прошлому опыту и замечаний практически не вызывала.

В начале XX в. ситуация изменилась. В 1900-х гг. увеличивается количество жалоб на работу земских начальников. Это объяснялось не только изначально критическим отношением к ним российских либералов. В этот период существенно увеличился объем работы, приходившейся на каждого земского начальника. Кроме того, постепенно уходила «старая гвардия» судебных работников, стоявших у истоков новой судебной системы. К работе приступали люди, не обладавшие требуемым опытом в судебной сфере. Среди них были люди, по-разному относившиеся к своей должности, по-разному вникавшие в специфику деятельности земских начальников. Между тем в начале XX в. возникла потребность в новом провинциальном деятеле. Его особенностью являлся универсализм. Земский начальник, требовательно относящийся к своей миссии, должен был выполнять административные и судебные функции, заседать в земстве, активно участвовать в общественной жизни. Для этого требовались знания законов и навыки деятельности в разных сферах, желание работать и творческие способности. Рождение такого интеллигента-общественника происходило тяжело. Все это увеличивало волну негативного отношения к земским начальникам со стороны либеральной общественности в начале XX в.

Примечания

[1] Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы: К 25-летию нового суда. М., 1891. С.324.

[2] ПСЗРИ. Собр. 3. Т.IX. №6196, 6483.

[3] Васильев А.В. Законодательство и правовая система дореволюционной России. СПб., 2004. С.177.

[4] Хроника // Орловский вестник. 1891. 18 мая (№128). С.1.

[5] Там же. 31 января (№ 31). С.2.

[6] ГАОО. Ф.35. Д.103. Л.20.; Д.154. Л.27, 28, 65, 106, 123, 134, 148, 166, 178; Д.116. Л.23.

[7] Деятельность земских начальников Орловской губернии за 1892 г. // Орловские губернские ведомости. 1893. 28 января. С.5.

[8] ГАОО. Ф.35. Оп.1. Д.58. Л.10.

[9] Деятельность земских начальников Орловской губернии за 1892 год // Орловские губернские ведомости. 1893. 28 января. С.5; ГАОО. Ф.35. Д.154. Л.14, 65, 86, 106, 134, 166, 178.

[10] Хроника // Орловский вестник. 1891. 2 апреля (№ 88). С.1.

[11] ГАОО. Ф.35. Д.103. Л.52 об., 81, 139, 167.

[12] Обзор Орловской губернии. 1891.

[13] ГАОО. Ф.35. Д.103. Л.20, 52 об., 107.

[14] Деятельность земских начальников Орловской губернии за 1892 г. // Орловские губернские ведомости. 1893. 28 января. С.5.

[15] Севск // Орловский вестник. 1897. 5 января (№ 4). С.3.

[16] ГАОО. Ф.35. Оп.1. Д.336. Л.293.

[17] Там же. Д.212.

[18] Попова А.Д. «Правда и милость да царствуют в судах»: Из истории реализации судебной реформы 1864 года. Рязань, 2005. 312с.; Шаркова И.Г. Мировой судья в дореволюционной России // Государство и право. 1998. № 9. С.79—85.

ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА (1886—1913 гг.)

***А.В. Цуканов**, соискатель, Орловский государственный университет*

Проблема увеличения доходности аграрного сектора экономики на современном этапе является одной из основных. На всём протяжении истории нашей страны предпринимались и в настоящее время предпринимаются различные попытки ее решения. Большое значение в деле интенсификации сельского хозяйства имеет эффективная система кредитования.

Аграрный вопрос всегда вызывал интерес у исследователей. В последнее время в отечественной историографии начинает увеличиваться внимание к системе поземельного кредитования, действовавшей в России в конце XIX — начале XX вв. Этому способствует ряд причин: во-первых, относительная новизна института ипотечного кредитования в нашей стране в современных условиях, во-вторых, трудности функционирования этой сложной системы. В такой ситуации полезным бывает обращение к имеющемуся опыту.

Главными представителями системы ипотечного кредитования в России в конце XIX — начале XX вв. являлись Крестьянский поземельный банк, образованный в 1883 г., и Государственный Дворянский земельный банк, приступивший к работе в 1885 г. Изучение деятельности этих государственных учреждений в период реформирования аграрного сектора представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Работ, раскрывающих основные принципы деятельности банков, не много. В дореволюционное время этим вопросом занимались А.Н. Зак, А.В. Красик, А.А. Кауфман, С.С. Хрулёв, А.Н. Гурьев. В советское время — Э. Брегель, Д.А. Батуринский, В.А. Вдовин, П.А. Зайончковский, А.М. Анфимов. На современном этапе крупнейшим исследователем системы поземельного кредита является Н.А. Проскурякова. В последние годы появился ряд работ, направленных на изучение деятельности местных отделений Крестьянского поземельного банка (Н.А. Устина, С.А. Фролов, Я.А. Васильев, Р.Ф. Бауман). Работ, посвященных изучению деятельности отделений Крестьянского и Дворянского банков в Орловской губернии, нет.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть влияние географического фактора на объёмы кредитования крестьянского населения в пределах Орловской губернии в 1886—1913 гг. Влияние географического фактора на движение поземельного кредита в масштабах страны изучала Н.А. Проскурякова. Исследование этого вопроса в пределах одной (Орловской) губернии, неоднородной по своей почвенно-климатической карте, позволит дополнить имеющиеся представления по этой проблеме.

Основными источниками по данной теме стали документы Крестьянского поземельного

банка, хранящиеся в Государственном архиве Орловской области (Ф. 33), а также отчеты банка, публиковавшиеся на всём протяжении его деятельности, и ежегодные отчеты Орловского отделения Крестьянского поземельного банка, печатавшиеся в местных периодических изданиях.

С целью облегчения крестьянам всех наименований возможности увеличивать свои наделы покупкой земель в 1882 г. правительство учредило Крестьянский поземельный банк. Как учреждение правительственное Крестьянский поземельный банк состоял в ведении Министерства финансов. Банк начал свои операции 10 апреля 1883 г., имея всего 9 отделений в губерниях: Волынской, Екатеринославской, Киевской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Саратовской, Тверской и Черниговской. Впоследствии к ним присоединились губернии Херсонская и Уфимская (в 1883 г.), Курская, Рязанская, Пензенская, Тамбовская, Ковенская, Таврическая и Смоленская (в 1884 г.), Гродненская, Воронежская, Новгородская, Область Войска Донского, Харьковская, Оренбургская, Ставропольская и Самарская (в 1885 г.), Бессарабская, Витебская, Минская, Московская, Казанская, Калужская, Симбирская и Орловская (1886 г.), Псковская, Тульская и Ярославская (1887 г.), Пермская (1888 г.), С.-Петербургская (1889 г.).

Одним из самых важных вопросов во взаимоотношениях между крестьянами и Крестьянским поземельным банком являлся вопрос о размерах предоставляемых ссуд. Согласно Уставу Крестьянского банка размер ссуды начислялся в зависимости от формы землепользования. По положению о Крестьянском банке, ссуды выдавались пяти категориям заёмщиков: 1) одному (целому) сельскому обществу, которое могло состоять даже из нескольких селений; 2) нескольким сельским обществам, выступавшим как единое, для покупки земли в общее землевладение; 3) нескольким поселениям, не являвшимся целым сельским обществом; 4) товариществу, если в него входило более 3 человек, покупавшех землю в общее землепользование; 5) отдельным крестьянам.

Ссуды, согласно Положению о Крестьянском поземельном банке от 1882 г., выдавались на 24,5 года под 8,5% годовых и на 34,5 года под 7,5% годовых. То лицо или группа лиц, которые получили ссуды, обязаны были вносить платежи два раза в год. Дата определялась министром финансов.

В случае, если заемщик мог погашать задолженность в более короткие сроки, нежели это было обговорено, Крестьянский поземельный банк давал разрешение вносить платежи по усмотрению этого лица или группы лиц.

Если заемщик не успевал вносить деньги в срок, указанный министром финансов, то за каждый просроченный месяц ему начислялась пеня по 0,5% с неуплаченной суммы. Если лицо или группа лиц не вносили платежи в случае бедствий (пожар, наводнение, засуха, градобитие, падеж скота, уничтожение посевов насекомыми), то управляющий банка давал отсрочку в уплате недоимок, но на срок не более двух лет. Если отсрочка не предоставлялась, то в уплату недоимок управляющий, по согласованию с Советом банка, мог продать данную землю с публичных торгов. Если заемщик доказывал возможность погашения кредита, то банк мог отменить публичные торги.

Ссуда, выдаваемая Крестьянским поземельным банком, составляла от 60—70% от стоимости земли при её нормальной оценке, и до 90% стоимости земли при специальной оценке. Начиная с 1900 года, Банку стали разрешать выдавать ссуды от 90 до 100% от стоимости земли в случае, если земля покупалась у дворян или у Дворянского банка[1]. Раз в полгода взимались платежи по ссудам. В пределах Орловской губернии полугодичный платёж составлял 5,59% от суммы выданного кредита с начисленными процентами, в Рязанской — 6,14%, в Тульской — 6,41%, Курской — 7,88%, в Воронежской — 5,68%[2].

Орловская губерния в сельскохозяйственном отношении являлась крайне неоднородной. Формально относясь к Центрально-земледельческому региону, она полностью не попадала под это определение. Южная часть губернии была более плодородна, северо-западная, западная и юго-западная части Орловской губернии были насыщены лесами. Объём лесного фонда в этих районах доходил до 50% от общего количества удобной земли. Кроме того, на севере крестьяне занимались не только сельхозпроизводством, но также имели дополнительные заработки. Земли губернии по составу почв в разных уездах были неоднородны. Брянский и Трубчевский уезды практически не имели чернозёмных земель,

тогда как Ливенский и Елецкий, а также часть Мценского уезда являлись черноземными с общим количеством плодородного слоя почвы (гумуса) более 7%. Качество почв накладывало отпечаток на сельскохозяйственную жизнь губернии.

Условно территорию губернии по составу почв и структуре удобной земли можно разделить на 4 региона. При делении учитывалось только процентное содержание плодородного слоя почвы и количество лесного массива на 1000 десятин удобной земли. В первую группу были отнесены Болховский, Брянский и Мценский уезды по своим равным показателям наличия гумуса в почве (2—4%). В этом регионе выделяется лишь юго-восточная часть Мценского уезда, где содержание плодородного слоя свыше 7%. Во вторую группу вошли Карачевский, Кромской и Орловский уезды с содержанием плодородного слоя почвы 4—6% и долей лесного массива в 20—40%. В третью группу включены Дмитровский, Севский и Трубчевский уезды (содержание гумуса менее 2%, лесной массив — более 50% на 1000 десятин земли). В четвертую группу включены Елецкий, Ливенский и Малоархангельский уезды, находившиеся в черноземной полосе (содержание гумуса — свыше 7%, доля лесного массива — менее 12%)[3].

Изучение объёмов земли, проданной Орловским отделением Крестьянского банка крестьянам Орловской губернии в 1886—1913 гг., показывает, что большая часть проданной земли приходилась на уезды четвертой группы (см. таблицу). В них было куплено 38% всей земли. Наибольшее количество земли с использованием кредита было куплено в Елецком уезде — 45717 десятин земли. Следующим был Ливенский уезд — 29098 десятин земли. Крестьяне данных уездов, находясь в черноземной полосе, занимались только сельским производством. Отсутствие большого количества лесов и традиционные способы ведения хозяйства, в отличие от уездов, располагавшихся севернее, делали крестьянское население постоянными покупателями банка. В уездах первой и третьей группы было куплено по 21 % от общего числа купленной земли с помощью кредита Крестьянского поземельного банка. Наименьшее количество земли было куплено крестьянами второй группы уездов — 20%.

Таблица

Количество земли, проданной Крестьянским поземельным банком в Орловской губернии. 1886—1913 гг.

	1-я группа			2-я группа			3-я группа			4-я группа		
Уезды	Болховский	Брянский	Мценский	Карачевский	Кромской	Орловский	Дмитровский	Севский	Трубчевский	Елецкий	Ливенский	Малоархангельский
Итого	13786	16263	27905	12677	16216	25152	17964	24053	15118	45717	29098	25684
%	5,11	6,03	10,35	4,7	6,01	9,33	6,66	8,92	5,61	16,96	10,79	9,53

Таким образом, на первый взгляд очевидна связь географических условий по уездам Орловской губернии с объёмами кредитования банка.

Сведения географического характера необходимо, на наш взгляд, дополнить данными о количестве пахотной земли и численности сельского населения в Орловской губернии. В 90-е гг. XIX в. по количеству пахотной земли на первом месте находились уезды четвертой группы, общее количество земли в которых доходило до 1080000 десятин земли. В остальных уездах количество пахотной земли было меньше. Так, в уездах первой и третьей группы ее было меньше в 2,1 раза, в уездах второй группы в — 1,9 раза[4]. Также различным было количество сельского населения в разных уездах. Большего всего крестьян по Переписи населения 1897 г. проживало в уездах четвертой группы — 766000 человек. В 1-ой группе уездов количество крестьянского населения было в 2,4 раза меньше, в уездах третьей группы в 2,1 раза меньше, а в уездах второй группы на 1,8 раза меньше[5].

Итак, анализ деятельности Орловского отделения Крестьянского поземельного банка показывает, что географический фактор играл не последнюю роль в деле кредитования крестьянского населения. Уезды губернии, относившиеся к черноземной полосе с большим количеством пахотной земли, покупали земли больше, чем их северные и западные соседи. Однако географический фактор действовал не сам по себе. В конце XIX — начале XX вв. он прочно был связан с хозяйственной деятельностью людей, степенью и характером экономического развития региона, с демографической обстановкой. На объёмах кредитования сказывались и другие многочисленные факторы: уровень развития промышленности в регионе, степень развития промыслов и отходничества, близость к губернскому и другим городским центрам, наличие путей сообщения, а также компетентность и активность лиц, работавших в Крестьянском поземельном банке.

Примечания

[1] Устав крестьянского поземельного банка п.52 // Свод Законов Российской Империи: Т.11,Ч.2: [Электронный ресурс]/ НТЦ «Система». 1994.

[2] Батуринский Д.А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М., 1925. С.47.

[3] При разделении губернии на регионы использована «Почвенная карта Орловской губернии». См.: Сельскохозяйственный обзор Орловской губернии за 1886—1905 гг. Орел, 1906. Приложение №5.

[4] Подсчеты наши по: Сельскохозяйственный обзор Орловской губернии за 1895 г. Орел, 1895. Приложение №2.

[5] При подсчётах не учитывалось население уездных центров и г. Орла.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДОВОЙ ПОМОЩИ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

А.Г. Лебедев, к.и.н., доцент, зав. кафедрой, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Руководство Российской империи и Калужской губернии поддерживали различного рода начинания по организации общественных работ в кризисные периоды как одну из мер поддержания социальной стабильности в обществе. Проведение общественных работ осуществлялось в местностях, ставших жертвой серьезных природных катаклизмов-засух, землетрясений, неурожаев, что чаще всего происходило в Поволжье, Сибири, Средней Азии, Черноземье. Для организации этих работ правительством выделялись значительные средства, чтобы обеспечить трудовую занятость пострадавшего населения. Калужская губерния после сороковых годов XIX века, когда она вместе с рядом центральных губерний пострадала от неурожая и голода, не становилась объектом осуществления обширных правительственных программ трудовой помощи, однако руководство губернии, благотворительные организации и частные благотворители активно использовали трудовую помощь в ее различных проявлениях, достигая результатов, отмеченных на всероссийском уровне. Особенно заметны были успехи в области развития популяризировавшихся перед Первой мировой войной кустарных промыслов. Так, в журнале «Трудовая помощь» № 6 за 1913 г. в репортаже со Второй Всероссийской кустарной выставки в Санкт-Петербурге, устроенной Главным Управлением Землеустройства и Земледелия, которую посетили свыше 200 тысяч человек, в числе обществ трудовой помощи, продукция которых пользовалась наибольшим спросом, было отмечено Жиздринское. В 1914 г. учреждения Трудовой помощи в этом уезде были осмотрены представителями Российского общества Трудовой помощи в числе других тридцати в стране[1]. Журнал «Трудовая помощь» отметил на своих страницах работу общества трудовой помощи этого уезда в рабочем поселке Песоченском. Его задачами являлись: «содействие распространению и совершенствованию среди местного

крестьянского населения техники тканья на станках-самолетах, чтобы увеличить заработок крестьян; представление вообще местному нуждающемуся населению верного заработка; служить оплотом для общего духовного и материального подъема местного нуждающегося населения».

Общество было основано в 1907 г. Для осуществления своих планов оно создало учебно-ткацкую мастерскую, после окончания которой выпускницы получали ткацкий станок на льготных условиях и материал для тканья, чтобы работать дома. В 1911 г. в школе было 12 учениц и 2 мастера-инструктора. Двухгодичная школа при мастерской выпускала мастеров-инструкторов. Ее в 1911 г. закончили 10 человек, которые работали в Калужской и 6 других губерниях. Общество скупало также у населения белое сукно, холсты, полотенца и другие кустарные изделия с целью стимулирования народных промыслов. Общество направляло свои изделия на выставки в Калужскую, Рязанскую губернии, где они получили две большие серебряные и три малых золотых медали. На выставке в Санкт-Петербурге и Америке изделия из Песоченской школы также пользовались успехом, о чем свидетельствовала их успешная продажа. На родине Общество получило серебряную медаль от Министерства Земледелия и Управления госимуществом за успешное ведение дела.

В губернии имелись примеры организации кустарных промыслов как одной из форм трудовой помощи и в других уездах[2]. В Калужском уезде, используя опыт предшественников по обеспечению пострадавших от голода, а затем и от эпидемии холеры крестьян работой, чтобы быстрее преодолеть последствия этих бедствий, известная своей благотворительной деятельностью Ирина Яковлевна Коншина, вместе с рядом единомышленников — владелицей села Тимошовки Малюновой, учительницей Т.И. Чуриковой-Цветковой и другими, создает в период голода и эпидемии холеры в 1892 г. в имении ее мужа в селе Ахлебенино и окрестных деревнях, артели вышивальщиц, продукция которых получила широкую известность в России и за рубежом. В артелях работало около 700 женщин. Ее начинание получает широкую поддержку — как от губернатора, так и от «Высочайших особ». На развитие этого промысла И.Я. Коншина получила 10 тысяч рублей[3]. К начинанию Коншиной подключились и церковно-приходские попечительства (ЦПП) Калужского уезда. По ходатайству Андроновского ЦПП в 1893 г. была открыта школа рукоделия для взрослых девиц и учениц местных училищ. В ней обучали вязанию, кройке, шитью, вышиванию по холсту и по канве гладью.

Трудовая помощь была основным средством преодоления нищенства. Несмотря на сложности в борьбе с нищенством на начало XX в. Калужская губерния выглядела намного выгоднее в этом отношении, чем большинство губерний России. Доказательством тому служат данные Уварова в его работе «О физиологических основаниях народного благосостояния на Руси». Согласно ей призывники из Тверской, Калужской и Рязанской губерний были наиболее пригодными к военной службе, и это несмотря на плохие почвы в них и не очень благоприятные для сельского хозяйства климатические условия. Объясняется это тем, что большинство нуждающегося населения из этих губерний предпочитало заниматься не нищенством, а ремесленным и иным отходничеством (примеры Г.К. Жукова, Сергея Есенина и др.). Тем самым создавались условия для нормальных условий развития детей в оставшихся на местах их семьях. Немаловажную роль в этом играли и успехи в социальной работе в губерниях за счет активности местных благотворителей и административных органов. Эти данные приводятся в исследовании Е.Д. Максимова «Происхождение нищенства и меры борьбы с ним» изданной в 1901 г.[4]

Особое внимание использованию различных форм трудовой помощи для борьбы с нищенством и его профилактики было уделено многочисленными благотворительными организациями, часть из которых имела полугосударственный характер. Во время Первой мировой войны периода, когда социальная стабильность приобрела решающее значение для успешного ведения боевых действий и судеб государства в целом, в первую очередь было обращено внимание на трудоустройство наводнивших Калугу и губернию беженцев. Для этой цели одно из наиболее активных в губернии — отделение «Комитета Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий» специально создало Бюро по регистрации беженцев и оказанию им трудовой помощи во главе с Н.Н. Кормилициным. Татьянинским же комитетом были открыты приюты для малолетних детей с целью создания условий для их матерей заниматься какой-либо работой.

Одним из наиболее актуальных вопросов в этот период было обучение и трудоустройство целой армии возвратившихся с фронта инвалидов. Занимался этой проблемой «Калужский губернский попечительский комитет». Параллельно с открытием инвалидных домов он решал вопрос о трудовой реабилитации их обитателей. Для этого в губернии был открыт ряд учебных и ремесленных курсов, а также мастерских, где обучались и работали инвалиды. Инвалидов обучали: в Жиздринском городском Михайловском училище — огородничеству, семеноводству, садоводству, корзиноплетению и столярному мастерству, в Калужской ремесленной школе — сапожному и портновскому делу, в Мещовской ремесленной школе — столярному, сапожному, щеточному и веревочному делу[5]. Расширение контингента учащихся потребовало увеличения количества обучающих мастеров, что в условиях продолжавшейся войны стало серьезной проблемой. Калужане нашли выход из этой ситуации с помощью привлечения для этой цели пленных. В феврале 1915 г. в Петроград была направлена выписка из протокола заседания школьного совета Калужской низшей ремесленной школы с просьбой о привлечении пленных славян из австро-венгерской армии «для работ по портновскому и сапожному ремеслу». Разумеется, речь шла в первую очередь об использовании их как обучающих инструкторов[6]. С целью увеличения занятости населения, в том числе инвалидов, широко использовалась практика надомного труда.

Даже опекавшиеся Калужским отделом «Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом» больные приобщались к посильному труду — плели корзины, которые затем, после дезинфекционной обработки, поступали в общее пользование.

Вопросами трудоустройства занимались и другие благотворительные организации. Их усилиями в Калуге были созданы две биржи и десять бюро труда.

Однако острота вопросов по трудоустройству многочисленных беженцев не спадала, так как их число стремительно возрастало. По данным особого отдела МВД в ноябре 1915 г. Калужская губерния занимала третье место по количеству осевших в ней беженцев (16894 чел.), а в декабре того же года их было уже 56 тысяч человек. В одной лишь Калуге с ее 50-тысячным населением их было 8 тысяч, т.е. практически каждый шестой, а по количеству беженцев-земледельцев (7 тыс. человек) губерния вышла на первое место в стране. Для работы с этой огромной массой людей правительством был выделен лишь один человек, также, как в соседних Орловской и Тульской губерниях, что было явно недостаточно[7].

Положение усугубилось в 1916 г., когда расходы со стороны государства на поддержку беженцев в ряде губерний, в том числе в Калужской, сократились в 2 раза. В Калуге эти ассигнования составили 193723 руб. Несмотря на эти обстоятельства губернией в деле организации трудовой помощи были достигнуты большие успехи, что было отмечено на Всероссийском уровне в июне 1917 г. Наряду с другими пятью губерниями: Тамбовской, Рязанской, Псковской, Полтавской и Новгородской, Калужская была названа как передовая в деле организации постоянных школ и трудовых пунктов для кустарных промыслов. В то время, как в других губерниях к данному виду трудовой помощи прибегали лишь во время каких-либо чрезвычайных происшествий, затрагивавших большие массы населения (стихийные бедствия, неурожаи и т.д.)[8].

В целом задача поддержания социальной стабильности в Калужской губернии накануне революционных событий 1917 г., несмотря на общее ухудшение экономического положения в стране и наплыв беженцев, была решена. Значительную роль в этом сыграла благотворительная деятельность, в которую были вовлечены почти все слои населения. Однако в целом по стране меры социального призрения не смогли решить накопившиеся противоречия и устранить революционную ситуацию.

Примечания

[1] Трудовая помощь. 1915. №7. С.272.

[2] Там же. 1912. №8. С.296, 297.

[3] Галицкая Г.В. Духовная и благотворительная деятельность Ирины Яковлевны Коншиной-Реутовой на Калужской земле // Калуга в шести веках: Материалы 2-й городской краеведческой конференции. Калуга, 1999. С.92.

[4] Максимов Е.Д. Происхождение нищенства и меры борьбы с ним. СПб., 1901. С.41.

[5] Писаренко И.С., Вощенкова Н.С., Домнина Т.Г. и др. Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны. Калуга, 2001. С.41—62.

[6] Российский Государственный архив Военно-Морского Флота, ф. 9, оп. 1, д. 1101 л. 1, 2.

[7] Трудовая помощь. 1915. № 9. С. 362; № 10. С. 467, 470.

[8] Там же. 1917. № 6. С. 393.

ОБЩЕСТВА ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЯ НЕДОСТАТОЧНЫМ УЧАЩИМСЯ И УЧАЩИМ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

***А.В. Штепа**, к.и.н., доцент, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

Исследовательский интерес к благотворительной активности российского общества на ниве народного просвещения в дореволюционный период, особенно на рубеже XIX—XX вв., в настоящее время возрастает. Современные историки обращают внимание на роль частного капитала в организации и финансировании начальных, средних, высших образовательных учреждений, определяют вклад Православной церкви и земств в развитие народного просвещения. Характерно, что региональный компонент в таких исследованиях представлен достаточно широко[1]. Среди попыток целостного осмысления специфики российской благотворительности в народном образовании назовем монографию директора РГИА (Санкт-Петербург) А.Р.Соколова. Однако главное внимание в ней уделено благотворительным именным стипендиям, важнейшему, по мнению автора, элементу помощи бедным учащимся[2]. Например, учреждение одной благотворительной стипендии в гимназии требовало от 800 до 3 тыс. руб. Благотворительная деятельность интересующих нас «Обществ вспомоществования…» в денежном эквиваленте выглядит не такой внушительной, учитывая, что годовой бюджет таких обществ редко превышал 1 тыс. руб., а чаще всего был ограничен суммой в 300—500 руб.[3] Однако, несмотря на это, нельзя отрицать, что свой вклад, пусть не всегда весомый, «Общества вспомоществования…» в развитие российской благотворительности все-таки вносили, в том числе и в пределах Калужской губернии.

В тоже время на сегодняшний момент практически неразработанным остается целый комплекс вопросов, затрагивающих функционирование Обществ учительской взаимопомощи, Обществ вспомоществования недостаточным воспитанникам учебных заведений разного уровня и профиля (ремесленных, городских, духовных училищ, школ, гимназий), действовавших в Калужской губернии в конце XIX —начале XX вв. В некотором отношении указанный пробел восполняют наши научные изыскания. Так, в специальной главе монографии нами были раскрыты основные формы благотворительной деятельности Обществ вспомоществования недостаточным (бедным) учащимся духовных учебных заведений[4]. Более детально проанализирована деятельность Общества, возникшего в 1880 г. при Калужском епархиальном женском училище (КЕЖУ) по личной инициативе врача училища А.П. Бабушкина. О его значении по облегчению тяжелого материального положения многих девушек из среды духовенства (хотя «Общество…» могло призревать и светских девиц), говорит тот факт, что за 30 лет деятельности пособия выдавались свыше девятисот раз, на что было израсходовано более 20 тыс. руб., а помощь получили не менее 800 человек[5]. Немало было сделано и благотворительными «Обществами вспомоществования…», функционировавшими при духовных Калужском (КДУ) и Мещовском мужских училищах (МДУ) и при местной духовной семинарии (КДС).

Однако комплексно деятельность благотворительных обществ в сфере образования Калужской губернии на рубеже XIX—XX вв. не изучалась, что подчеркивает необходимость и актуальность исследовательских работ по данной теме. Документально подтверждается функционирование в Калуге и губернии в указанный период не менее 15 благотворительных обществ, имевших своей целью оказание посильной помощи бедным ученикам. В Калуге с 1874 г. были открыты следующие общества: первым — «Общество вспомоществования недостаточным людям, стремящимся к высшему образованию», затем — «Общество для пособия нуждающимся учащимся Калужских средних учебных заведений», «Общество

вспомоществования недостаточным учащимся Николаевской мужской гимназии», «Общество вспомоществования ученикам реального училища» и др. Три благотворительных общества осуществляли поддержку воспитанникам и воспитанницам калужских духовных заведений («Общество вспомоществования нуждающимся ученицам КЕЖУ», Попечительство Св. Гурия о бедных учениках КДУ, «Общество вспомоществования бедным воспитанникам КДС во имя Преподобного Тихона Калужского». Аналогичные общества были организованы при частных учебных заведениях, среди них: «Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Калужского частного реального училища Ф.М. Шахмагонова», «Общество вспомоществования недостаточным ученицам частной женской гимназии Саловой», «Общество вспомоществования недостаточным ученицам гимназии М.И. Шалаевой»[6].

Вслед за Калугой в уездных городах губернии также возникали общества помощи бедным воспитанникам (учащимся) учебных заведений, как светских, так и духовных. Как правило, руководили этими обществами или обязательно входили в их состав ответственные лица из администрации губернии и города, их супруги, а также известные представители делового мира. Так, в 1881 г. было учреждено «Общество вспомоществования бедным ученикам Жиздринской прогимназии», а в феврале 1901 г. состоялось открытие «Общества вспомоществования учащимся в городском училище» в Перемышле. Назовем еще несколько благотворительных обществ в сфере образования, сведения о которых отражены в «Памятной книжке» за 1914 г.: Общество вспомоществования нуждающимся ученикам и ученицам начального училища и женской гимназии в г. Боровске «Общество пособия учащимся при высшем начальном училище в Козельске». Кроме того, в Козельском уезде действовало «Общество вспомоществования нуждающимся учащимся Дудинского высшего начального училища». В уездном городе Лихвине функционировало «Общество попечения о нуждающихся учениках городских училищ», а в Медыни — «Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в учебных заведениях»[7].

Среди типичных форм благотворительной поддержки, применявшихся данными обществами, назовем выдачу денежных средств (на учебные пособия, для иногородних на дорогу домой во время каникул, на покупку одежды и обуви), внесение платы за обучение, оплату наемных квартир для воспитанников, живших вне общежитий, часто из-за отсутствия последних, содействие к принятию наибеднейших на казенный кошт, учреждение, по возможности дополнительных стипендий и т.д. и т.п.

В 1899 г. было создано «Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в низших заведениях Калужской губернии», позднее преобразованное в «Калужское учительское общество взаимопомощи». Главнейшая задача Общества заключалась не в борьбе «с отдельными случаями острой нужды», а «борьба с общеучительскою нуждою в широком смысле этого слова». Характерно, что выдача денежных пособий расценивалась учредителями как самая крайняя мера[8]. Вот перечень благотворительных задач Общества: содержание женского и мужского общежитий для учащихся в средних учебных заведениях (ежегодно 18—22 девочки и 15 мальчиков), выдача пособий на воспитание детей в средних учебных заведениях, ходатайствование перед правлениями образовательных учреждений об освобождении от платы за право обучения учительских детей, в острых случаях нужды выдача безвозвратных пособий, оказание материальной поддержки учащимся детям учителей при устройстве общеобразовательных экскурсий.

Известно, что в 1912 г. Общество выдало возвратных пособий на общую сумму 574 руб. (в 1911 г. — на 589 руб.) и безвозвратных пособий на 90 руб. двум лицам. Содержание общежитий обходилось в среднем в 2,5 тыс. руб., большую часть из которых (1,2—1,5 тыс. руб.) Общество доплачивало из своих средств. Это при том, что годовой бюджет Общества был не слишком большим, доход его за трехлетие (1909—1911 гг.) составлял в среднем 1916 руб. Заметим, что усредненный показатель годового дохода несколько выше, чем указанный А.Р. Соколовым, однако имеющиеся финансовые возможности не совпадали с суммой жизненных потребностей, выраженной в деньгах. Данной суммы, естественно, не хватало для удовлетворения всех нужд Общества и его членам приходилось постоянно заботиться об изыскании дополнительных средств. Характерно, что наиболее доходными статьями бюджета были пособия от земств и городов (55,8 %), что говорит о

заинтересованности прогрессивной общественности к деятельности Общества, понимании и поддержки его главных задач. На этом фоне весьма обескураживающее и во многом необъяснимо выглядят данные о добровольных пожертвованиях: в 1909 г. — 24 руб., в 1910 г. — 7,28 руб., в 1911 г. — 4,66 руб. Членские взносы, проценты с капиталов и выручка от организаций спектаклей и концертов давали, в свою очередь, достаточно стабильный доход[9].

Как оценить значение деятельности подобных обществ, их вклад в развитие благотворительности, в частности, и народное просвещение в целом; были ли они нужны? Да, безусловно, нужны. Общества давали нуждающимся пусть даже часто не материальную опору, не располагая для этого значительными средствами, но выказывали настроения той части социума, которая искренне желала помочь стремившимся получить образование, но не могущим из-за бедности сделать это. Такого рода общества вызывались к существованию самой жизнью и представители учительской корпорации это хорошо понимали, зная, что если не начнешь помогать себе сам и своим детям, то от государства помощи можно будет ждать годы, а то и десятилетия. К тому же, по мнению А.Р. Соколова, «одобрение деятельности обществ со стороны властей для них не имело особого значения, они действовали, исходя из своего понимания особой ценности образования именно для небогатого юношества как основы будущего производительного труда и житейского благополучия»[10]. Утверждение историка небесспорно, но оно в какой-то степени подчеркивает специфику данных благотворительных обществ даже в условиях жесткого полицейского контроля за общественной жизнью, присущего России рубежа XIX—XX вв. Как правило, членами «Обществ вспомоществования (взаимопомощи)» были люди небогатые: учителя, врачи, адвокаты, офицеры и чиновники невысокого ранга, мелкие торговцы и промышленники. Но деятельность их все же создавала то общественное мнение, которое в годы нового подъема благотворительного движения в России в начале XX в. заставило многих богатых людей, чиновников включиться в него. Общества же продолжали развиваться до революционных потрясений 1917 г.

Примечания

[1] См., например: Егоров Д.Е. Народное образование и благотворительность на территории современного Татарстана во 2-й пол. XIX — нач. XX вв. // Социальная работа в России: прошлое и настоящее. М., Ставрополь, 1998. С.125—136; Колчанова Е.В. Деятельность земства, общественной и частной благотворительности по развитию народного образования в российской провинции в конце XIX — нач. XX вв.: На примере Курской губернии // Ежегодник. СПб., 2003. С.206—215.

[2] Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. СПб., 2005.

[3] Там же. С. 95.

[4] Штепа А.В. Социальное служение Русской православной церкви в Калужской епархии: 2-я пол. XIX — нач. XX вв. Калуга, 2007. С. 61—72.

[5] Калужский церковный общественный вестник. 1911. 20 июня (№ 18). С.6.

[6] Памятная книжка Калужской губернии на 1881 г. Калуга, 1881; Адрес-календарь Калужской губернии на 1890 г. Калуга, 1890. С.48—50; Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губ. на 1914 г. Калуга, 1913.

[7] Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1914 г. … С.64—152.

[8] См.: Отчет Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в низших заведениях Калужской губернии за 1899 г. Калуга, 1900. С. 5—6.

[9] Отчет Калужского учительского общества взаимопомощи за 1912 г. Калуга, 1913. С. 32, 35—37.

[10] Соколов А.Р. Указ. соч. С. 95.

ИЗ ИСТОРИИ МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОЙ ЗЕМСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

Е.А.Назарян, *к.и.н., доцент, Московская финансово-юридическая академия*

Вопрос о развитии здравоохранения в г. Малоярославце и Малоярославецком уезде в краеведческой литературе за последние сто лет поднимался только в «Описании земских лечебниц Калужской губернии (по анкетным данным, собранным через участковых врачей)»[1]. Но это исследование отражает лишь состояние земских больниц на 1911—1912 гг. Цель

сообщения — рассмотреть непростой и длительный процесс создания малоярославецкой земской больницы и выяснить, как удалось, начиная с 1900 г., организовать бесплатное медицинское обслуживание для жителей города и уезда.

Для достижения поставленной цели были использованы документы ГАКО: материалы по инвентаризации недвижимого имущества по городу Малоярославцу[2], обзор деятельности малоярославецкой земской управы за 1915 г.[3], отчеты врачебного отделения Калужской губернского правления за разные годы[4], материалы губернской прессы[5]. Большая часть из этих материалов вводится в научный оборот впервые.

Длительное время (начиная с 1833 г.) в г. Малоярославце под больницу использовалась бывшая этапная изба. Неоднократно вставал вопрос «об исправлении в малоярославецкой городской больнице ветхости»[6]. В 1855 г. уездный врач Лебедев выкупил с торгов здание упраздненной почтовой станции за 141 руб. 50 коп. «и передал в ведение думы для перестройки под помещение городской больницы»[7]. Это здание располагалось на Большой Калужской улице. Дом был деревянный на каменном фундаменте, одноэтажный, крытый железом, постройки 1823 г.[8] В нем было всего пять комнат. Требовался ремонт и перестройка. На постройку больничного дома, часовни, цейхгауза, кухни, бани и погреба Городская дума в 1861 г. ассигновала 3199 руб. 29 коп.[9] Сохранилось описание той больницы: «…больница помещалась на краю города, отступая несколько сажень от шоссе, с которым передний фасад больницы соединялся мягкой грунтовой дорогой. Здание это с одной стороны в расстоянии 10 сажень от жилых домов, а с третьей стороны открыто и окружено деревьями и кустарниками и деревянной решеткой граничит с дорогой. Сзади больницы помещались кухня, цейхгауз, часовня. Само здание больницы деревянное одноэтажное, такое как и надворные постройки, которые окружены деревьями и кустами как бы садом, идущего дальше по склону к реке. В близлежащем овраге родник с хорошей ключевой водой. Никаких торговых и промышленных заведений в близком расстоянии нет. Местность в санитарном состоянии удовлетворительна, но само здание больницы крайне ветхо и шатко»[10].

В 1867 г. Малоярославецкая земская управа приняла в свое ведение от врачебного совета городскую больницу[11]. Три года Городская дума выплачивала земству пособие на содержание больницы в размере 200 руб.[12] А в 1870-х годах разразился невероятный скандал между земством и городской Думой. Дума постановила вернуть здание. Земская управа обратилась с жалобой в феврале 1875 г. в Калужское губернское по городским делам присутствие, которое отменило решение Городской думы и постановило: «Городское здание, будучи собственностью города, должно находиться в ведении земства, пока в нем будет помещаться больница» [13] В конце концов дело рассматривалось в Правительствующем Сенате. Сенат вынес постановление: поскольку больница в Малоярославце содержалась на городские средства и не состояла в ведении Приказа общественного призрения (а в 1868 г. в ведение земских учреждений были переданы лишь те благотворительные заведения, которые состояли в заведовании приказа общественного призрения и больничных советов), то больницы же, устраиваемые и содержащиеся самими городами, были оставлены в ведении городского общества. «Правительствующий сенат признал, что больница в г. Малоярославце могла быть передана в заведование земства не иначе как по соглашению земства с городским общественным управлением»[14]. Эта тяжба не способствовала успехам здравоохранения. Больница не ремонтировалась, медикаменты не покупались. Земство утверждало, что ремонтом должно заниматься городское общественное управление. Городская управа упрекала земство в том, что оно «незаконно пользуется зданием, имуществом и капиталами, принадлежащими городской больнице»[15]. В отчете строительного отделения за 1879 г. о состоянии больницы записано, что здание «доведено земством до ветхости от неремонтирования»[16].

Только в начале 1880-х гг. как здание, занимаемое больницей, так и находящееся рядом с нею каменное здание купца Целибеева, принадлежащее городу, было куплено уездным земством «в полную собственность за четыре тысячи с лишком рублей, причем каменное здание было обращено под кухню».[17]

В ноябре 1888 г. уездная управа решает купить для больницы дом мещанина Куражковского за 7500 руб., заложенного в общественном банке за 3000 руб. В 1890 г. означенный дом был у Куражковского куплен за 6500 руб., в число каких ему заплачено 3500 руб., а остальные

3000 руб. переведены … малоярославецкому общественному банку. В том же 1890 г. больница переведена была в дом, купленный у Куражковского[18]. Сохранилось весьма подробное описание этого места: «Прежде в верхнем этаже квартировал домохозяин, а в нижнем помещался трактир. Передний фасад выходит на восток и граничит с улицей идущей от шоссе к Малоярославцу, задний фасад выходит на пустырь, справа по длине улицы находится дом купца Капустина, торгующего вином и мясом, а слева — узкий дворик и жилой дом Ясенецкого. Напротив через улицу — булочная, и в недалеком расстоянии находится трактир. Почва в окружении больницы несомненно наиболее загрязнена, нежели в других частях города, вследствие близости таких торговых заведений, как трактир, булочная и мясная лавка, частого прогона скота на бойни и проезда на г. Боровск… Во дворе дома помещается колодец, но вода его для питья не годится, и больница пользуется водой из городского бассейна. Улица, на которую выходит здание больницы, хотя и вымощена крупным булыжником, но не ремонтируется и имеет глубокие рытвины, крайне затрудняющие доставку больных»[19].

Таким соседством остались недовольны многие купцы и мещане, живущие рядом. А наиболее активные, а именно: купцы Дмитрий Алексеевич Капустин, Семен Иванович Жеребин, мещане Михаил Яковлевич Барютин, Николай Демидович Федоров и Еремей Иванович Громов — жаловались губернатору[20].

Вскоре выяснилось, что дом крайне неудобен для размещения больных, «нижний этаж, занимаемый женским отделением, находится над подвалом, а следовательно страдает отсутствием чистого воздуха и сыр, имеет весьма низкие потолки. Палата для сифилитиков не отделена капитальной стеной от других палат, и по характеру здания не может быть отделена, амбулаторная крайне мала и тесна, обособленной комнаты для приготовления лекарств нет совсем, как нет и ванной комнаты. …Верхний этаж состоит из целого ряда маленьких комнат, весьма удобных для многосемейного человека, но совершенно не пригодных для размещения больных, вентиляция в обоих этажах самая первобытная, клозетов нет»[21].

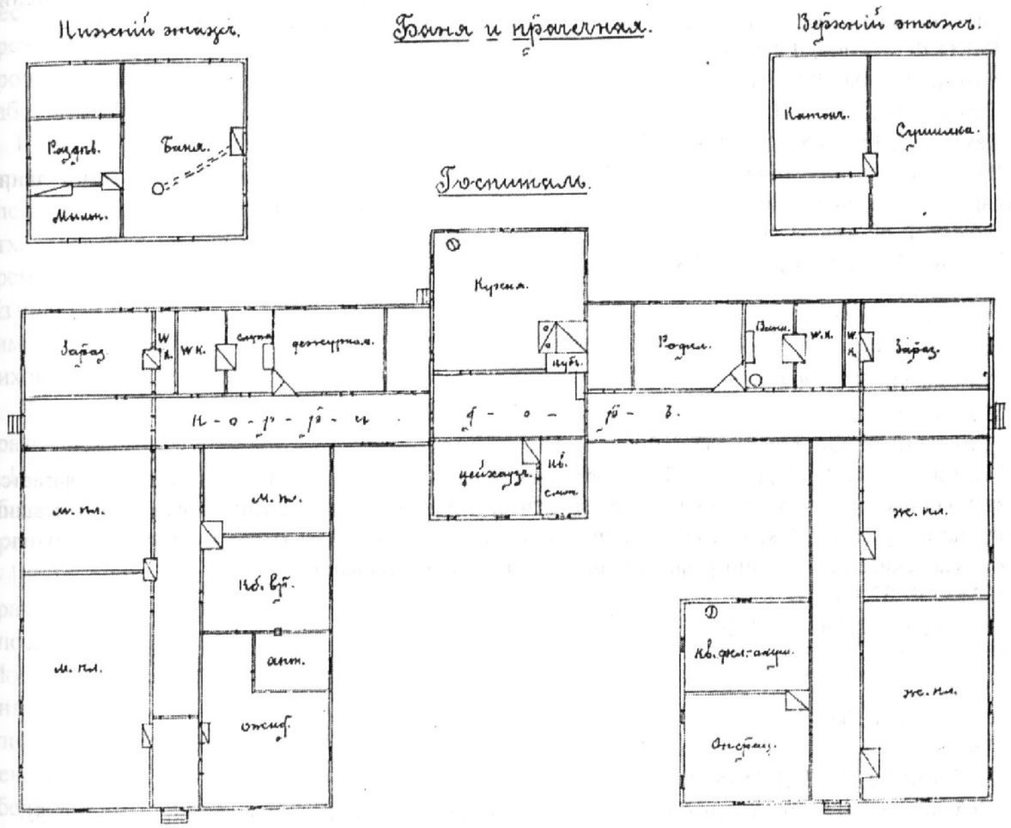
И земство решает построить новое здание на месте старой больницы на Калужской улице, частично ее перестроив. Председатель уездной земской управы С.А. Богданович вместе с земским врачом Н.М. Петровым обращаются с просьбой к московскому купцу, потомственному почетному гражданину г. Малоярославца Тимофею Ивановичу Назарову с просьбой выделить средства для постройки нового здания земской больницы. Т.И. Назаров выделяет 5000 руб. для постройки женского корпуса[22]. Начинается строительство. Первоначально, согласно составленной инженером Лермонтовым сметы, планировалось потратить 14729 руб.[23] Но впоследствии сумма увеличилась до 25854 руб.[24] Вновь обратились с просьбой к Назарову. В мае 1900 г. тот приезжает в Малоярославец, осматривает строительство и заявляет, что жертвует земству всю сумму для строительства больницы. «Причем оставляет в распоряжении того же земства и пожертвованные им ранее 5000 руб. на устройство женского отделения при больнице и 2000 руб. на постройку школы в д. Малой-Росляковой, а всего 7000 руб., с тем, чтобы эта сумма была обращена в неприкосновенный капитал, увеличение которого должно в дальнейшем зависеть от земства, с той целью, чтобы лечение больных жителей Малоярославецкого уезда было бесплатным»[25].

В отчете о деятельности земства за 1915 г. говорится, что медицинская помощь для жителей как Малоярославецкого уезда, так и соседних уездов была бесплатной. Плата взималась лишь с чинов военного ведомства (по установленной Министерством внутренних дел таксе), железнодорожных служащих и питомцев воспитательного дома, но ее вносили соответствующие ведомства[26].

Земское собрание горячо благодарило Тимофея Ивановича. Со словами благодарности выступали председатель собрания А.И. Храповицкий, гласный М.М. Унковский; все были растроганы такой щедростью и решили, что устраиваемая в Малоярославце больница будет называться «Земская бесплатная больница им. Т.И. Назарова». Спустя некоторое время Тимофей Иванович Назаров жертвует земству еще 10000 руб. в неприкосновенный капитал[27]. Таким образом, оказывается, что Т.И. Назаров на богоугодное дело пожертвовал малоярославецкому земству 42854 руб.

30 сентября 1901 г. в присутствии начальника губернии, щедрого жертвователя Т.И. Назарова,

представителей дворянства и земства, губернского врачебного инспектора и других лиц, состоялось освящение вновь устроенной Земской бесплатной для жителей Малоярославецкого уезда больницы им. Т.И. Назарова[28]. Сохранилось описание этой больницы и даже ее план. Здание «имеет фундамент кирпичный, стены деревянные, за исключением центральной кирпичной части здания, крышу — железную. Снаружи здание обшито деревом и покрашено…. Городская больница перед зданием имеет цветник и кроме того усадьба обсажена кругом деревьями»[29].

Малоярославецкая больница.
Нижний этажъ.
Баня и прачечная.
Верхний этажъ.
Госпиталь.
Раздев.
Баня.
Кипят.
Кантор.
Сушилка.
Курсы.
Заразн.
Родил.
Заразн.
Ц. пл.
Ц. пл.
Ц. пл

на слуху, пользоваться уважением и вниманием. К сожалению, плоды замечательной деятельности меценатов уничтожены либо полностью, либо частично. Но главное — забыты люди, столько сделавшие не на словах, а на деле для России.

Примечания

[1] Описание земских лечебниц Калужской губернии: По анкетным данным, собранным через участковых врачей. Калуга, 1912. Вып. 1.

[2] ГАКО. Ф. 62. Оп.9. Д. 4486.

[3] Там же. Ф. 32. Оп.7. Д. 1595.

[4] Там же. Ф.62. Оп.22. Д.450, Д.1703, Д.2190 и др.

[5] С—евъ В.И. Малоярославецкий благотворитель // КГВ. 1900. 1 авг. С. 4; Освящение Малоярославецкой земской им. Тимофея Ивановича Назарова больницы // КГВ. 1901. 4 окт. С.5.

[6] ГАКО. Ф.62. Оп.9. Д.958. Л. 4.

[7] Там же. Д. 4486. Л. 16 об.

[8] Там же. Оп.2. Д. 75. Л. 7об.

[9] Там же. Ф. 32. Оп.6. Д. 378. Л.20 об.

[10] Там же. Оп.7.Д. 1348. Л. 16 об. В настоящее время на этом месте расположено здание Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД).

[11] ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 2043. Л. 3

[12] Там же. Ф. 32. Оп.6. Д. 378. Л.32.

[13] Там же Л. 26.

[14] Там же Л. 27-27 об.

[15] Там же Л. 56.

[16] Там же. Оп. 5. Д. 904. Л. 2.

[17] Там же Л. 3.

[18] Там же. Ф. 62. Оп. 17. Д. 2043. Л 3-4об.

[19] Там же. Ф. 32. Оп.7.Д. 1348. Л. 16. Вероятно, в настоящее время на этом месте располагается аптека. Из приведенного описания также следует, что, скорее всего, здание типографии — это бывший дом купца Капустина. В краеведческой традиции считалось, что дом купца Капустина находился напротив аптеки, а здание типографии принадлежало купцам Шараповым.

[20] ГАКО. Ф. 32. Оп.7.Д. 1348.

[21] Там же. Ф. 62. Оп. 17. Д. 2043. Л. 4 об.

[22] Там же Л. 6.

[23] Там же Л. 1.

[24] С—евъ В.И. Указ. соч.

[25] Там же.

[26] ГАКО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 1595. Л. 4об.

[27] Освящение Малоярославецкой земской им. Тимофея Ивановича Назарова больницы … С.5.

[28] Там же.

[29] Описание земских лечебниц Калужской губернии … С. 20

[30] ГАКО. Ф. 62. Оп.22 Д. 4671. Л. 42 об. (В Калуге — 306 кроватей; Жиздре — 100; Козельске — 50; Боровске — 48; Медыни — 40; Мещовске — 36; Мосальске — 36; Тарусе — 36; Лихвине — 30; Малоярославце — 30; Перемышле — 20).

[31] Описание земских лечебниц Калужской губернии … С. 28.

СОСТОЯНИЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

И.А. Сосновская, *соискатель, Орловский государственный университет*

Качественный уровень медицинского обслуживания населения является одним из показателей степени цивилизованности общества. В данной статье предпринята попытка осветить вопрос становления профессиональной медицины в Орловской губернии в середине XIX века. Именно на этот промежуток времени приходится организация профессиональной медицины, ставшей впоследствии неотъемлемой частью системы здравоохранения, общественной и культурной жизни России.

К середине XIX в. состояние медицинского обслуживания населения в Орловской губернии

представляло собой сложную картину. Согласно официальным источникам, в 1858 г. в Орловской губернии насчитывалось 11 больниц. К учреждениям, подведомственным Приказу общественного призрения, относились находившиеся в Орле дома: для умалишенных, для инвалидов, смирительный и рабочий дом, Александровский сиротский дом, а также Мацневское благотворительное заведение для неизлечимых больных. Численность населения губернии в этот период составляла 1532,034 жителей. Смертность называлась «обыкновенной». Так, в 1854 г. на 26 жителей приходился 1 умерший, в «холерный» 1855 г. одна смерть на 20 человек, в 1856 г. — на 23 человека, в 1857 г. — на 28, в 1858 — на 24[1].

После отмены крепостного права система медицинского обслуживания населения претерпела серьезные изменения. Значительное число лечебниц, расположенных в сельской местности и содержавшихся помещиками, было закрыто. Основное население глубинки по-прежнему отдавало предпочтение народной медицине. Простой обыватель по старинке продолжал обращаться не за профессиональной помощью, а предпочитал посещать знахарей, бабок и целителей.

Постоянной угрозой для населения являлась большая численность эпидемий, уносивших огромное количество жизней людей и животных. Распространению инфекционных болезней способствовало квартирование значительного числа войск в Орловской губернии, а также отходничество на заработки в южные губернии. В больницы, относившиеся на тот момент времени к ведомству Приказа общественного призрения, поступали преимущественно старики. Из числа эпидемиологических болезней самыми распространенными считались появлявшаяся зимой натуральная оспа, весной — тифозная горячка, осенью — кровавый понос, слабоумие, лихорадка, глазные и желудочные болезни, воспаление легких и брюшной полости.

В апреле 1861 г. в Орловской губернии было образовано одно из первых в России общество врачей. Инициаторами его образования стали врачи губернской больницы В.И. Радулович, А.П. Азбукин, К.Д. Лютер, П.А. Майдель, Н.И. Чернов. С 1861 по 1906 гг. председателем общества врачей являлся В.И. Радулович, который был известен как прекрасный химик, преподававший в кадетском корпусе, в Александрийском институте и в фельдшерской школе. В 1860 г. он был назначен старшим врачом губернской больницы. В разное время общество врачей возглавляли А.П. Азбукин, доктор медицины Н.И. Чернов. Развитию этого общества впоследствии способствовал один из лучших хирургов Орла, впоследствии председатель Московского общества хирургов, профессор госпитальной хирургической клиники Московского университета П.И. Дьяконов. В качестве основных задач общества значилась борьба с эпидемиями, изучение и введение во врачебную практику новаторского опыта, издание печатных рекомендаций по медицине. Но главным для медиков стало предоставление помощи «беднейшему населению путем устройства бесплатных лечебных заведений» и распространение в народе «здравых понятий» «по предметам частной и общественной гигиены»[2].

Документальные сведения позволяют сделать вывод, что в начале 60-х годов XIX века в Орловской губернии устанавливалась медицинская система стационаров. Как отмечено исследователями, стационарная система в провинциальной России распространялась посредством усилий сообщества врачей и либерально настроенных деятелей, которые настаивали на обеспечении крестьян профессиональной медицинской помощью[3].

Стационарная система предполагала наличие в каждом уезде постоянно действовавшего медицинского участка. Он, как правило, представлял собой амбулаторию (здание, отведенное под больницу), при которой ежедневно находился профессиональный врач. Небольшой штат помощников, скромный медицинский инструментарий, нехватка денежных средств на содержание уездных больниц — все это составляло неотъемлемую часть провинциальной стационарной системы медицинского обслуживания населения. Ее становление, тем не менее, считается отправной точкой в развитии и распространении профессиональной медицины. В середине XIX в. стационарная система представляла серьезный противовес ранее действовавшей разъездной системе. Сторонники последней считали, что содержание уездных больниц ляжет тяжелым бременем на казну и предлагали продолжать городским врачам объезжать уезды. Однако разъездная система затрудняла развитие медицины на местах.

О развитии системы стационаров в Орловской губернии свидетельствуют данные объездного журнала инспектора Орловской врачебной управы за 1862 — 1863 гг., отчета Орловской врачебной управы за 1863 г., а также сведения о состоянии здравоохранения в

отчете губернатора за 1869 г.

К середине XIX в. Орловская губерния занимала обширную территорию. В ее состав входили Орловский, Кромской, Севский, Трубчевский, Брянский, Болховский, Мценский, Елецкий, Ливенский, Карачевский, Малоархангельский, Дмитровский уезды. К 1863 г. каждый уездный город губернии, за исключением Брянска, имел стационар, характеризовавшийся местными особенностями. По сведениям на 1862 г. в губернии значился 61 врач, из них на службе находилось 49 человек, в том числе 29 в уездных городах, а в Орле 20 медиков[4]. Спустя семь лет существенных перемен не произошло: губернских врачей насчитывалось 60, 43 из них числились на службе. Из состоявших на службе медиков в уездных городах работало 24 специалиста, в губернском городе — 19[5].

В середине XIX в. на пути распространения профессиональной медицины в провинции стоял ряд острых проблем. Наиболее важным было недостаточное финансирование медицины, отсутствие большой заинтересованности общественности в этом вопросе. Уездные больницы состояли на достаточно скудном обеспечении и функционировали главным образом за счет платы, выделяемой на содержание больных, остаточные же средства переходили на текущие расходы города, что не позволяло решать хозяйственные нужды стационаров, будь то ремонт здания или поступление медикаментов. В отчете инспектора врачебной управы за 1862 г. предлагалось выделять на содержание больниц отдельную смету, по которой они самостоятельно могли бы распоряжаться своим капиталом и передать уездные больницы в ведение городскому голове, который бы лично от имени общественности контролировал состояние врачебного дела в своем уезде.

Как отмечалось в объездном журнале инспектора Орловской врачебной управы, все уездные больницы, за исключением г. Мценска, в хозяйственном отношении испытывали крайнюю нужду. Прежде всего это касалось зданий, отведенных в распоряжение больниц. Помещения не соответствовали больничным требованиям, повсеместно нуждались в обстоятельном ремонте. В бедственном положении находилась Карачевская больница. «Все палаты, в которых больные помещаются, сыры, окна сгнили, полы попортились. В кухне пол совершенно развалился, и <...> белье портится от сырости. В белье больница встречает большой недостаток...»[6]. Долгое время ожидала строительства нового здания больница г. Севска, терпящая неудобства в ветхом помещении. В Трубчевске и Ливнах больницы располагались в наемных зданиях, условия которых совершенно не отвечали потребностям стационара: «комнаты низки, воздух по недостатку вентиляции трудно очищается, а для ванной вовсе нет никакого помещения»[7]. Подобно больнице Ливен не соответствовал средствам «большого и богатого» города стационар г. Ельца, где больные были помещены в старое полуразвалившееся здание, «так что зимой они страдают от влияния непогоды»[8]. Высокую оценку при ревизии заслужила лишь Мценская городская больница, размещавшаяся в новом здании и снабженная достаточным количеством продовольствия, бельем и больничной утварью.

Инспектор врачебной управы подвергал критике и медицинский персонал. Несмотря на то, что большинство врачей уездных городов являлись профессионалами и прибывали на место службы с самыми благородными стремлениями, их позиция и взгляды под влиянием провинциальной среды претерпевали изменения. Этому способствовал скудный быт глубинки, отсутствие необходимых медицинских инструментов и литературы, а также недостаток образованности сельского населения.

Деятельность уездных врачей подразделялась на два направления: судебно-медицинское (медико-полицейское) и собственно медицинскую помощь сельскому населению. Первое направление, несмотря на некоторые формальные замечания со стороны врачебной управы, характеризовалось добросовестным и профессиональным подходом специалистов к своим обязанностям. Этого нельзя было сказать о медицинском обслуживании населения, которое вызывало множество нареканий.

Как отмечалось в документах, уездные врачи, поставленные в тяжелые материальные условия, часто пренебрегали своими обязанностями в пользу вольной практики, приносившей им дополнительный доход. Это имело негативные последствия, особенно в связи с увеличением числа повальных болезней, которые, по замечаниям инспектора врачебной управы на 1863 г., последние десять лет не прекращались. Оспопрививание среди крестьян, вышедших из крепостной зависимости, шло очень слабо по нескольким причинам. С одной стороны, бывшие

помещики перестали заниматься оспопрививанием, с другой — уездные оспенные комитеты существовали лишь номинально, а уездные врачи, находясь в затруднительном материальном положении, инициативы не проявляли.

Одну из серьезных помех в работе медицинского персонала представлял собой штат так называемых «лекарских учеников». «Лекарские ученики, неизбежные сотрудники городовых врачей в больничных их занятиях, поставлены скудным своим содержанием в такое безвыходное положение, что из них образовался особый класс врачебных промышленников, которые существуют запрещенной практикой и нередко кражей больничных медикаментов»[9]. Большая часть из них не имела представления даже об элементарных медицинских навыках, однако порой ввиду недостатка специалистов и средств на оплату их услуг на них возлагался обширный объем врачебной практики. Подобная ситуация сложилась в Малоархангельске, где «лекарский ученик управляет больницей, и, таким образом, нередко научно-правильное лечение больных делается невозможным»[10]. Подобная ситуация была для врачей достаточно обременительной, так как в их обязанность, кроме всего прочего, вменялся постоянный контроль за своими помощниками.

По имеющимся данным, до 1869 г. включительно государственных аптек в Орловской губернии не имелось[11]. При больницах находились больничные аптеки, которые также состояли в ведении врачей. Их резерв ежегодно пополнялся за счет медикаментов, присылаемых из Московской запасной аптеки, предназначавшейся для пользования нижних воинских чинов. Вопрос о правильном определении причин и свойств болезни, равно как и вопрос о поступлении необходимых лекарств, в середине XIX в. оставался неразрешенным.

Итак, в начале 60-х гг. XIX в. в Орловской губернии шло становление стационарной системы медицинского обслуживания населения, однако действовавшая система здравоохранения, меры, предпринимаемые по ее развитию, были крайне недостаточными и требовали новых подходов к разрешению этой проблемы как со стороны властей, так и общества.

Примечания

[1] Памятная книжка Орловской губернии на 1860 год. Орел, 1859. С.65—67.

[2] Яковлев П.А., Глущенко В.А., Цветков В.Л. Этапы большого пути: Историко-документальный очерк об Орловской областной больнице. Орел, 1982. С.6.

[3] Ковригина В.А. Земство и здравоохранение в России второй половины XIX в.: К вопросу о земской медицине // Российская провинция XVIII—XX веков: Реалии культурной жизни: Материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1996. Кн.II. С.82.

[4] ГАОО. Ф.580. Ст.1. Д.1733. Л.3.

[5] Там же. Ст.2. Д.1896. Л.15об.

[6] Там же. Ст.1. Д.1733. Л.13.

[7] Там же. Л.11об.

[8] Там же. Л.12об.

[9] Там же. Л.22об.

[10] Там же Ф.4. Оп.1. Д.7208. Л.1об.

[11] Там же. Ф.580. Ст.2. Д.1896. Л.15об.

КАВКАЗСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX вв. ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.М. Красин, *студент, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского*

На всем протяжении XIX в. Кавказ оставался одной из наиболее неспокойных и взрывоопасных окраин страны. Завершение Кавказской войны не принесло ожидаемого «умиротворения» — периодически вспыхивавшие волнения в Дагестане, Чечне, Кабарде, в начале XX века дополняются новыми конфликтами.

Активно применявшаяся мера по удалению из региона тех или иных лиц, представлявших опасность для правительства, была призвана снизить уровень напряженности и носила зачастую профилактический характер. В зависимости от обстоятельств практиковались самые разные формы — от массовых переселений в соседние губернии (Астраханская и Саратовская[1]), на европейский север России (Архангельская, Вологодская, Олонецкая[2]), за рубеж (мухаджирство) до индивидуальной или групповой высылки.

Правом административной высылки на Кавказе во второй половине XIX — начале XX вв. пользовались в широких размерах. По мнению царской администрации она не считалась наказанием, её применяли и к тем лицам, «которые ни в чем ещё не провинились, но по каким-нибудь соображениям полиции могут в будущем угрожать общественному спокойствию и безопасности»[3].

Особый статус имели «почетные пленники». Наш город стал местом ссылки двух выходцев с Кавказа самого высокого социального положения — в 1834—1835 гг. в Калуге содержалась грузинская царевна Фекла Ираклиевна с детьми[4], а с 1859 по 1868 гг. — имам Шамиль[5]. На положении «почетных пленников» оказывались и другие известные политические деятели: в 1828 году в Кишинев был переведен армянский архиепископ Нерсес[6], в Смоленске содержался бывший наиб Шамиля, «предводитель мятежных шаек в Оргунском округе» Умма Дуев (Ума-дуй), продолжавший сопротивление до декабря 1861 г. Известно, что он переписывался с бывшим имамом летом и осенью 1862 г.[7] В августе 1868 г. Шамиль получил письмо от Ата-бая, состоявшего под надзором полиции в г. Касимове Рязанской губернии[8]. Его отряд был разгромлен осенью 1861 г. в Чечне в ходе той же войсковой операции, что и отряд Уммы Дуева[9].

Судьба политических лидеров такого масштаба не осталась без внимания исследователей — только жизни Шамиля в ссылке посвящено несколько десятков статей (прежде всего калужских и дагестанских историков). Значительно меньше внимания уделялось простым горцам, по тем или иным причинам оказавшимся под надзором полиции в центральных губерниях европейской части России. Лишь в последние годы появился ряд работ, посвященных этой проблеме: 2001 г. датируется материал И.С. Петричевой, опубликованный на сайте Национального архива Республики Карелия (НА РК), затрагивающий и пребывание ссыльных горцев в Олонецкой губернии. В 2004 г. впервые прозвучали, а позже были и опубликованы первые результаты изучения автором материалов Государственного архива Калужской области. В 2005 г. во 2-м выпуске сборника научных трудов «Смоленщина в российской истории» вышла статья Н.А.Дмитриевой «Кавказские переселенцы в Смоленской губернии в XIX веке», которая стала результатом глубокого исследования документов Государственного архива Смоленской области (ГАСО).

В фондах ГАКО насчитывается, по меньшей мере, несколько сотен дел, содержащих сведения о жизни выходцев с Кавказа под надзором полиции. Информация о Шамиле и его окружении содержится в документах фонда Канцелярии калужского губернатора; об административно-ссыльных горцах — в фонде Калужского губернского правления и фондах уездных исправников. Велика вероятность нахождения подобных документов и в других фондах.

Подобный «пласт» источников содержится в ГАРФ, ГАСО, НА РК и, с большой долей вероятности — во многих других областных и республиканских архивах европейской части России. Таким образом, материал для исследования представляет значительный объем документов, часть из которых ещё не была введена в научный оборот. Также интерес представляют воспоминания современников и законодательство того периода[10].

Выбранное направление исследования, несомненно, достаточно перспективно. С другой стороны, в силу его слабой изученности на первый план выступают следующие задачи: 1) оценить масштабы высылки (как общее число ссыльных с Кавказа, так и их количество в пределах Калужской губернии); 2) дать классификацию форм высылки; 3) предложить периодизацию отношений царского правительства с горцами (взяв за основание причины ссылки последних или доминирующие формы); 4) максимально подробно и детально восстановить жизнь горцев в ссылке (в т. ч. и повседневную), проследить их дальнейшую судьбу; 5) разграничить общую практику и региональные особенности в жизни поднадзорных; 6) определить этнический, конфессиональный и сословный состав ссыльных; 7) на основе

данных, полученных в ходе первичного анализа (первые 6 пунктов) — возможна оценка эффективности и гуманности данного аспекта национальной политики Российской империи (после сравнения с мировой практикой того периода и с современными методами), установление каких-либо закономерностей и т. п.

С определением этнического состава возникают определенные трудности — часто называется только вероисповедание. Грузины, армяне и греки в документах обычно ещё дифференцируются, а принадлежность к другим народам, как правило, уже не указывается. С другой стороны, по месту жительства поднадзорного (которое у административно-ссыльных указывалось всегда) с определенной долей вероятности можно судить и об этнической принадлежности. Также могут помочь имена и фамилии горцев. И все же определенная погрешность остается — далеко не все горские селения моноэтничны, были смешанные браки и т. д.

Конфессиональный состав определить проще, однако и здесь встречаются исключения. В этом смысле показательна судьба 37-летнего (на момент высылки в феврале 1892 г.) жителя селения Тасмало Закатальского округа Михаила Одучашвили, «виновного в отступлении от православия в мусульманство, принятии на себя звания муллы, совращении к отступлению в мусульманство других своих односельчан, принявших православие и в совершении над такими лицами секретно, погребения по мусульманскому закону и над их детьми обрядов обрезания»[11]. Из столь длинной формулировки следует, что горец принял ислам, однако в статейном списке он указан как православный[12]. Налицо интересный прецедент — поднадзорный считал себя приверженцем одной религии, власть же настаивала на принадлежности его к другой (сам Михаил Одучашвили это неоднократно отрицал, даже подписываясь исключительно мусульманским именем Казим Мехти-оглы)[13]. В среде его односельчан «вероисповедный вопрос не потерял ещё своего острого значения», они «не окрепли ещё в православии».

Иногда такие «пограничные» случаи в документах описаны достаточно подробно (как в приведенном выше примере). Чаще ограничивались простой записью без особых комментариев, правильность которой сегодня проверить сложно.

Разграничить общую практику и региональные особенности положения ссыльных позволяют свидетельства современников событий и, в особенности, сравнение результатов анализа документов региональных архивов. Общая черта для Смоленской и Калужской губерний — значительный процент горцев из Джаро-Белоканского (Закатальского) округа. Наша губерния «отметилась» высокой заболеваемостью и даже смертностью от простудных заболеваний и туберкулеза среди кавказцев, не намного меньшей, чем на европейском севере. Смоленская, Саратовская и Астраханская губернии были в этом отношении значительно более благополучными.

Общей была практика выплаты денежного пособия горцам, которые не могли сами себя содержать в ссылке. В 1890 г. в Калужской губернии эта сумма составляла 9 копеек в сутки «кормовых» и 1,5 рубля в месяц «квартирных»[14] для лиц из непривилегированных сословий. Потомственный дворянин Гаджи Омар-Измайлов в тот же период получал кормовых по 15 копеек в сутки[15]. В 1905 г. простым горцам в сутки выдавали только по 7 копеек[16]. В Смоленске в 1850 году поднадзорным выделялось по 10 копеек в сутки «кормовых» и по 50 копеек «квартирных»[17].

Достаточно редко, в случаях, когда ссыльный не имел собственных вещей, выделялись деньги на пошив (сумма могла достигать 16,5 руб.)[18].

Единой и неизменной была политика властей по максимальному переводу поднадзорных на самообеспечение. Им давали достаточно свободы, чтобы они могли устроиться на работу, и в этом случае пособие от казны не выплачивалось. Не получали пособия и те, кто имел собственные сбережения или был уличен в уклонении от труда[19].

Данные региональных архивов зачастую дополняют друг друга. В частности, документы ГАКО содержат информацию по ссыльным горцам в Вологодской, Рязанской, Смоленской губерниям. В свою очередь в Смоленском архиве сохранились интересные сведения по раннему периоду калужской ссылки (конец 1850-х гг.).

Сравнение и перепроверка сведений позволяет повысить надежность исследования. Кроме того, необходимо учитывать, что достаточно обоснованные выводы по той или иной губернии

можно делать лишь после анализа большого числа документов — не двух-трех десятков дел, а как минимум двух-трех сотен. А до этого можно говорить только о постановке проблемы и получении предварительных результатах.

Примечания

[1] Марков Е. Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб., 1887. С.673.

[2] Петричева И.С. Политическая ссылка в Олонецкой губернии в конце XIX — начале XX вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.archives.karelia.ru.

[3] Туманов Г.М. Разбои и реформа суда на Кавказе. СПб., 1903. С.12.

[4] Малинин Д.И. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992. С.63.

[5] ГАКО. Ф.32. Оп.13. Д.703. Т.1. Л.15.

[6] Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1993. Т.3. С.599.

[7] ГАКО. Ф.32. Оп.13. Д.1058. Л.92.

[8] Там же. Д.2017. Л.16.

[9] Милютин Д.А. Воспоминания. 1860—1862. М., 1999. С.206.

[10] Например: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Общая часть. СПб., 1902. Т.1.

[11] ГАКО. Ф.62. Оп.6. Д.398. Л.1.

[12] Там же. Л.5—6.

[13] Там же. Л.27.

[14] Там же. Ф.791. Оп.2. Д.112. Л.10—11.

[15] Там же. Л.13—14.

[16] Там же. Ф.62. Оп.7. Д.1261. Л.4.

[17] Дмитриева Н.А. Кавказские переселенцы в Смоленской губернии в XIX в. // Смоленщина в российской истории. Люди. События. Мнения: Сборник научных работ. Смоленск, 2005. Вып.2. С.43.

[18] ГАКО. Ф.62. Оп.6. Д.398. Л.11.

[19] Там же. Оп.7. Д.1046. Л.92.

СЕМЬЯ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА И.С. ДОРОХОВА И КАЛУЖСКИЙ КРАЙ

В.И. Абакулов, *н.с.,* ***Т.И. Абакулова,*** *гл. бухг.,*
Калужский областной краеведческий музей

С Калужским краем связаны имена многих участников Отечественной войны 1812 г. Среди них и генерал-лейтенант Иван Семенович Дорохов (1762—1815), получивший ранение в Малоярославецком сражении и похороненный по завещанию в Верее. Об этом генерале написано достаточно много, а вот о владениях имениями и связях его семьи с Калужской губернией практически ничего до сих пор неизвестно и таких публикаций нет. Мы постараемся восполнить этот пробел.

Иван Семенович Дорохов во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. отличился под Фокшанами. В польскую кампанию 1794 г. был при штурме Праги (предместье Варшавы). 12 сентября 1798 г. (все даты в работе приводятся по старому стилю) Дорохов был произведен в полковники и переведен в лейб-гвардии Гусарский полк. При императоре Павле I И.С. Дорохов вышел в отставку и был переименован в коллежские советники (при императоре Александре I вернулся на военную службу)[1].

В 1801 г. коллежский советник Иван Семенович Дорохов женился на дочери титулярного советника Александра Семеновича Шерапова Анастасии. Отец Анастасии Александровны 29 мая 1801 г. составил рядную запись, которая была написана во 2 департаменте Калужской губернской палаты и записана в книгу крепостных дел. В приданое за своей дочерью он давал деревню Коврово Калужского уезда, в которой всего было 88 мужского пола душ крестьян. Из этого числа А.С. Шерапов оставлял за собой на вывоз 26 душ. Остальные крестьяне вместе со своими семьями, пожитками, землею и лесами переходили во владение его дочери. Кроме того, он отдавал дочери пустошь Юркину Тарусского уезда и дворовых людей из села Пушкина того же уезда и из сельца Ивановского Ефремовского уезда Тульской губернии. 32 души из деревни Ковровой находились в залоге в Государственном заемном банке и Анастасия Александровна обязывалась выплатить полагающиеся за них деньги и

проценты, а затем вступить в полное владение ими.

По рядной после смерти А.С. Шерапова его дочь Анастасия была в равной доле дележа оставшегося имения со своей родной сестрой Варварой. Свидетелями составленной рядной записи были коллежский асессор Сергей Федорович Тихменев, капитан Петр Иванович Давыдов, отставной подполковник Отто Карлович Фон-Ренне, отставной майор Борис Дмитриевич Суходольский, капитан Николай Степанович Едищев, коллежский асессор Григорий Васильевич Добрынин, поручик Павел Васильевич Алексеев, коллежский регистратор Тихон Алексеевич Путарской, губернский секретарь Федор Степанович Лавров[2].

Так в начале XIX столетия Дороховы стали владельцами калужских поместий. До этого представители этой фамилии, по имеющимся у нас сведениям, с Калужским краем связаны не были. Генерал-лейтенант И.С. Дорохов до женитьбы имений в Калужской губернии не имел. Определением Калужского дворянского депутатского собрания от 26 мая 1795 г. в 6-ю часть Дворянской родословной книги Калужской губернии были внесены Шераповы Александр Семёнович с женой Варварой Егоровной и дочерьми Анастасией и Варварой[3].

По указу межевой канцелярии 20 августа 1807 г. старшим землемером титулярным советником Григорием Челиевым проводилось межевание состоящей внутри дачи сельца Горяинова с деревнями и пустошами Калужского уезда пустоши Мосеенки, которая находились во владении жены генерал-майора Анастасии Александровны Дороховой. В этой пустоши было пахотной земли 21 дес. 1400 саж., дровяного леса 55 дес. 1000 саж., под полуречкой Нахабной 2156 саж., под каменистым местом 2 дес. 1200 кв. саж. Всего во всей окружной меже удобной и неудобной земли было 80 дес. 956 кв. саж. Селения здесь никакого не было и пустошь «лежала впусте». На составленном плане расписались поверенной служитель вдовы генерал-майора Марьи Сергеевны Кар Федор Иванович Турченинов и за понятых посторонних людей пономарь Покровского погоста Петр Федоров. Служитель Н.А. Дороховой Данила Васильев для подписания плана по повестке не явился[4].

Во время Отечественной войны 1812 г. от 113 душ из деревни Ковровой Калужского уезда, которыми владела Анастасия Александровна Дорохова, в ополчение были поставлены 1 конный и 4 пеших ратника[5].

При межевании в 1815 г. земель вдовы генерал-майора Марии Сергеевны Кар в сельце Горяинове с деревнями Калужского уезда заново были отмежеваны и земли, принадлежавшие Анастасии Александровне Дороховой в том же уезде (пустошь Мосеенки и др.)[6].

По исполнению указа Калужского уездного суда дворянским заседателем Ф.П. Челюсткиным 6 февраля 1816 г. был введен во владением недвижимым имением, находящимся в селе Богдановском и сельце Моревском, губернский секретарь Василий Васильевич Карцов. При вводе среди посторонних свидетелей были крестьяне деревни Ковровой помещицы А.А. Дороховой[7].

Титулярный советник А.С. Шерапов, невзирая на 25-летнюю совместную жизнь, 7 марта 1802 г. удалил из своего дома в селе Пушкине Тарусского уезда свою жену Варвару Егоровну, и заменил ее принадлежавшей ему дворовой девкой Анастасией Васильевной Бышковой. 16 июня того же года помещик дал ей отпускную. В ней Шерапов написал, что «она Настасья приметами росту среднего, от роду имеет 17 лет, лицом бела кругла, на глаза черные, волосы на голове темно-русые»[8].Затем Шерапов продал 32 души крестьян в деревне Рогловой Шуйского уезда Владимирской губернии, и на вырученные 6000 руб. купил Бышковой дом в г. Ефремове Тульской губернии.

А.В. Бышкова родила А.С. Шерапову трех детей. После этого помещик 1 июля 1812 г. написал духовное завещание, в котором писал, что «хотел бы за ее Бышковой неусыпные услуги наградить деньгами», но так как в наличности оных он не имел, то обязался дать ей заемное письмо на неизвестную сумму. Выдал два заемные письма и три купчие на сумму более 95 тысяч руб. Для обеспечения одного из них А.С. Шерапов 22 марта 1818 г. предоставил Бышковой калужское, тарусское и грезовецкое имения, в том числе и отданные им по рядной записи 1801 г. дочери его Анастасии Дороховой 32 души из деревни Ковровой Калужского уезда, заложенные им в Гос. заемном банке в 2400 рублях, с переводом на нее Дорохову этого долга. (Отметим также, что этот долг А.А. Дорохова выплатила полностью)[9].

Шерапов женился на А.В. Бышковой. Он просил пожаловать своим детям от Бышковой дворянство и узаконить их в равных правах на наследство с родными дочерьми от первого

брака и их потомством. В мае 1823 г. Шерапову в его просьбе было отказано. Скончался Александр Семенович Шерапов 3 декабря 1825 г.[10] Его первая супруга, которую он оставил, Варвара Егоровна, умерла 11 июля 1821 г.

После смерти генерал-лейтенанта Ивана Семеновича и жены его Анастасии Александровны Дороховых и по разделу с родными сестрами — женой капитана княгиней Елизаветой Ивановной Кропоткиной, вдовой гвардии капитана Екатериной Ивановной Батуриной и девицей Александрой Ивановной Дороховой, поручик Нижегородского драгунского полка Руфин Иванович Дорохов стал владельцем недвижимого имения в Калужском уезде. О вводе во владение он 27 ноября 1829 г. дал расписку исправнику Калужского земского суда И.Я. Муханову. Имение это состояло из 75 мужского пола душа дворовых людей и крестьян в деревне Ковровой указанного уезда. Своим указом в ноябре 1829 г. Калужская казенная палата велела Калужским земскому суду и казначейству взимать с Дорохова с начала 1830 г. за этих людей государственные подати. При этом согласно показанию старосты деревни Ковровой Леона Максимова, 32 души крестьян, принадлежавшие Дороховым, были вывезены в Тарусский уезд и состояли по ревизии за Александром Семеновичем Шераповым, который Руфину Дорохову приходился родным дедом[11].

По справке в Калужском уездном казначействе значилось, что староста деревни Ковровой господ Петра, Руфина, Елизаветы, Екатерины и Александры Ивановых Дороховых Леон Михайлов 19 ноября 1829 г. внес в это казначейство с 75 душ крестьян на вторую половину 1829 г. государственных податей 123 руб. 75 коп.[12]

Дворянский заседатель Горев 21 августа 1830 г. рапортовал в Калужский земский суд, что по указу казенной палаты от 2 ноября 1829 г. за № 10512 он ездил в имение поручика Р.И. Дорохова для взятия у него акта на владение 32 душами крестьян, вывезенных из деревни Ковровой в Тарусский уезд. Староста этой деревни сказал заседателю, что его помещик находился на службе в полку, а у него самого никакого акта нет[13].

По всей видимости, сестра Руфина Дорохова Александра была замужем за сыном тарусского помещика профессора Московского отделения Медико-хирургической академии и Московского Университета Е.О. Мухина (1766—1850), служившим в Московской театральной конторе. У них было две дочери, периодически бывавшие в Тарусском уезде[14].

Коллежская секретарша Варвара Александровна Пьянова и Руфин Иванович Дорохов 15 июня 1827 г. подавали в Тульскую гражданскую палату прошение, в котором просили рассмотреть данные Александром Семеновичем Шераповым по духовному завещанию 1 июля 1812 г. Анастасии Васильевне Бышковой заемные письма и купчие на родовые имения. Дело производилось в Ефремовском уездном суде. Своим решением суд 1 апреля 1831 г. определил: 1) данные от А.С. Шерапова своей жене Анастасии (урожденной Бышковой) заемные письма утвердить, а оставшееся после утверждения духовного завещания имение подвергнуть аукционной продаже на удовлетворение ее же Шераповой; 2) в связи с тем, что духовное завещание тем же судом было утверждено в 1812 г. и жалоб не последовало, то уничтожить его уже нельзя; 3) купчие, данные Анастасии Бышковой Шераповым, утвердить и «спору не принимать»[15].

10 ноября 1831 г. Варвара Александровна Пьянова и подпоручик и кавалер Руфин Иванович Дорохов подали в Тульскую палату гражданского суда апелляционную жалобу на Ефремовский уездный суд. Просители жаловались, что уездный суд не рассмотрел при выносе своего решения целый ряд поданных ими документов: духовное завещание, рядную запись, копии формулярного списка А.С. Шерапова, партикулярные письма и др. Несмотря на то, что означенные в рядной записи 1801 г. 32 души крестьян из деревни Ковровой были под запрещением, Калужское губернское правление продало их Анастасии Шераповой с публичного торга.

Пьянова и Дорохов просили заемные письма уничтожить, а купчие и выданную ей в Калужской гражданской Палате данную считать недействительными, а рядную запись 1801 г. утвердить во всей силе. Они требовали также родовое имение у Шераповой отобрать и предоставить им по праву наследства во владение. При этом Р.И. Дорохов просил также возвратить ему во владение 32 упоминаемых ранее крестьянина[16].

Медико-хирург Вильгельм Вильгельмович Рихтер 19 января 1839 г. в Московской палате

гражданского суда купил у унтер-офицера Тенгинского пехотного полка Р. И. Дорохова недвижимое имение, состоящее в деревне Ковровой Калужского уезда, в которой была 101 мужского пола душа, со всей принадлежащей землею, угодьями и пустошами. Имение это дошло к Дорохову по наследству после покойной его матери Анастасии Александровны Дороховой. При этом на Рихтера переводился долг Дорохова Московскому опекунскому совету. В.В. Рихтер 23 января 1839 г. явил купчую в Калужском уездном суде, а затем земским судом он был введен во владение[17].

Коллежский секретарь Ефим Гаврилович Пьянов, проживавший в селе Пушкине Тарусского уезда, женатый на Варваре Александровне Шераповой, 19 июля 1839 г. подавал прошение в Тульскую палату гражданского суда. В нем Пьянов писал, что Анастасия Васильевна Шерапова (в девичестве Бышкова) якобы незаконно воспользовалась следующими после смерти ее мужа имениями, которые должны были бы принадлежать сыну просителя Александру Ефимовичу и его двоюродному брату Руфину Ивановичу Дорохову. Среди этих имений Пьянов называл земли деревни Залеской Ефремовского уезда, 26 душ, вывезенных из деревни Ковровой Калужского уезда (при этом А.В. Шерапова поставила, из следующих по рядной записи 1801 г. А.А. Дороховой крестьян, трех человек в рекруты за ефремовское и тарусское имения), сельцо Ивановское Ефремовского уезда, грезовецкое имение. Шерапова на протяжении многих лет получала также оброк со 125 душ крестьян, проживавших в селе Пушкине с деревнями Тарусского уезда, рубила и продавала лес в Тарусском и Ефремовском уезде.

Е.Г. Пьянов насчитал, что за прошедшие годы Шерапова получила дохода 401600 руб. Он просил отобрать у нее 23 мужского пола души крестьян и отдать своему сыну и Р.И. Дорохову, а также удовлетворить их, за якобы незаконное владение Шераповою землею и крестьянами, деньгами в сумме 170100 руб.[18]

2 октября 1839 г. в Тарусском уездном суде постановили сообщить в таковой же Калужский, чтобы его члены произвели расследование по прошению Р.И. Дорохова, пытающегося вернуть имение, принадлежавшее его матери. Необходимо было выяснить, точно ли в деревне Ковровой Калужского уезда есть часть имения, принадлежащего Анастасии Дороховой по рядной записи, составленной ее отцом А.С. Шераповым, которая в 1824 г. была описана и продана с публичных торгов в 1825 г. на удовлетворение претензии Анастасии Васильевны Шераповой (урожденной Бышковой)[19].

Сын Ефима Гавриловича Пьянова и двоюродный брат Руфина Дорохова Александр Ефимович Пьянов скончался 8 июля 1841 г. После него осталось движимое и недвижимое имение, состоящее в иконах, серебряных вещах, мебели и прочем, в Калужской губернии в селе Пушкине и деревне Кирзиной Тарусского уезда 57 мужского пола душ, в Тульской губернии в селе Архангельском Маслово тож Ефремовского уезда 14 мужского пола душ со всей землею и угодьями. В селе Пушкине также находился господский дом.

Наследники умершего Малороссийского № 1 казачьего полка корнет Р.И. Дорохов и коллежский секретарь Е.Г. Пьянов 28 июня 1842 г. подали в Калужскую палату гражданского суда прошение. В нем они сообщали, что, поговорив полюбовно, согласились оставшееся имение разделить между собою. Дорохову доставалась большая часть имения, которым владели его покойная тетка Варвара Александровна Пьянова, урожденная Шерапова, и сын ее Александр. Е.Г. Пьянову доставались четвертая часть движимого и седьмая недвижимого имения. На часть Ефима Гавриловича приходились 10 мужского пола душ и часть господского дома. Вместо следуемых ему крестьян с землею Пьянов соглашался получить от Дорохова 5987 руб. 50 коп. ассигнациями. Руфин Дорохов, по утверждении раздельной записи, обязывался выплатить долги Хрущову и Тетеревенковой, лежащие на этом имении. По частям Дорохов и Пьянов должны были получить должные по векселям долги покойной В.А. Пьяновой от поручика Платонова и коллежского секретаря Исакова.

Другие имения, находившееся в разных губерниях, по которым производилось дело с титулярной советницей А.В. Шераповой в 8 департаменте Правительствующего Сената, о чем уже говорилось выше, также, при удачном исходе для Дорохова и Пьянова, подлежали разделу между ними. Е.Г. Пьянов получал в этом случае лишь 14-ю часть из этих имений деньгами.

3 ноября 1842 г. в палате гражданского суда раздел имения умершего писца Александра Пьянова между его отцом и двоюродным братом был утвержден. Об утверждении этого раздела было велено сообщить Тарусскому уездному суду и Тульским гражданской и казенной палатам[20].

Крестьянин деревни Ковровой Леон Михайлов в 1843 г. купил у своего помещика Р.И. Дорохова в пустоши Кручининой Тарусского уезда 22 десятины земли на имя тарусского купца Марина[21].

Корнет Владикавказского казачьего полка Руфин Иванович Дорохов, проживавший в селе Пушкине Тарусского уезда, 11 июня 1843 г. подавал прошение в Калужский уездный суд. Он сообщал о смерти жены майора Олимпиады Егоровны Шушериной, после которой остались имения в деревне Гурьевой Калужского уезда и селе Рычонках Перемышльского уезда. За смертью Варвары Александровны Пьяновой, которая приходилась племянницей Олимпиаде Егоровне и теткой Руфину Дорохову, все части этих имений следовали по наследству последнему. Р.И. Дорохов просил предписать Калужскому земскому суду ввести его во владение этими имениями, а Перемышльскую дворянскую опеку удовлетворить его теми доходами, которые собирались с перемышльского имения в течение 7 лет[22].

Жена солдата Авдотья Иванова, проживавшая в деревне Гурьевой Калужского уезда, в апреле 1844 г. подавала прошение в Калужский земский суд. В нем она сообщала, что 2 апреля приказчик вотчины Тарусского уезда помещика Р.И. Дорохова Филипп Иванов приехал к ней в дом и требовал от нее 50 руб. какого-то оброка. Затем забрал принадлежавшую ей лошадь и отвел в имение Дорохова в село Пушкино Тарусского уезда. Солдатка просила вернуть ей лошадь или деньги (100 руб. ассигнациями). 5 сентября 1844 г. лошадь ей была возвращена[23].

После кончины майора Александра Петровича Чирикова, владевшего селом Ферзиковым с деревнями Калужского уезда, во владение оставшимся недвижимым имением был введен его брат поручик Владимир Петрович Чириков. Среди представленных 28 апреля 1844 года в Калужский уездный суд документов среди других значился и долг майора поручику Руфину Ивановичу Дорохову 243 руб. серебром, который В.П. Чириков обязывался выплатить[24].

За долги Московскому опекунскому совету 21 марта 1845 г. было описано имение штабс-капитана и кавалера Руфина Ивановича Дорохова. При деревне Ковровой Калужского уезда было описано пахотной земли 160 дес., луговой 70 дес., под строевым лесом 10 дес., неудобной 20 дес., при пустоши Юркиной пахотной земли 10 дес., под мелким лесом и луговой 110 дес. Всего 392 дес. В деревне Ковровой было 105 мужского пола душ. Дохода со всего этого имения в год получалось 2150 руб.[25]

В мае 1845 г. в Калугу по делам приезжал из Тарусы отставной поручик Р.И. Дорохов[26].

Руфин Иванович был женат на Плещеевой, мать которой была одна из двух сестер графа Г.И. Чернышева.[27] Дорохов был незаурядной личностью. Он был знаком с А.С. Пушкиным. Сам писал стихи в стиле элегического романтизма. Пушкин упоминал о своем знакомстве с Дороховым и встрече с ним во Владикавказе («Путешествие в Арзрум»). Ему посвящено его стихотворение:

«Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах;
Ты St.-Priest в карикатурах,
Ты Нелединский в стихах;
Ты прострелен на дуэле,
Ты разрублен на войне, —
Хоть герой ты в самом деле,
Но повеса ты вполне»[28].

Дорохов и М.Ю. Лермонтов служили вместе в отряде А.В. Галафеева в 1840 г. на Кавказе, где и познакомились. Летом того же года Р.И. Дорохов был в Пятигорске и, возможно, присутствовал на дуэли Лермонтова, участвовал в его похоронах.

По отзыву А.В. Дружинина, Дорохов — «храбрый, как лев, умный и приятный в сношениях», человек из породы удальцов, воспетых Денисом Давыдовым.

В своих «Записках» граф М.Д. Бутурлин писал, что Дорохов «… известный своими дуэлями

и разного рода приключениями, два раза разжалованный в рядовые, лев тогдашней молодежи, но фанфарон и хвастун… Дорохов этот изображен в «Войне и мире» графа Л.Н. Толстого под именем Долохова… Когда я с женой жил за границей (1836—1839), мне рассказывали, что Дорохов в пылу бешеного гнева зарезал будто бы кинжалом в комнате одного из своих знакомых, за что поступил солдатом на Кавказ. При всем том, он был весьма приятный в обществе господин и с хорошими манерами»[29].

Дорохов не сделал блестящей военной карьеры как его отец, но в сражениях, в которых ему приходилось участвовать, он проявлял себя настоящим храбрецом. Приказом по отдельному Кавказскому корпусу от 30 июля 1841 г. за № 99 он был награжден знаком отличия военного ордена за храбрость, «оказанную в экспедиции против горцев в 1840 г. в Большой и Малой Чечне». Продолжая служить на Кавказе, Руфин Иванович погиб 18 января 1852 г. возле аула Дуба, близ укрепления Урус-Мартан, на левом фланге Кавказской линии (к юго-западу от Грозного) во время одного из сражений, изрубленный вместе с несколькими сослуживцами незаметно подкравшейся партией горцев.

Дороховы на протяжении первой половины XIX столетия владели имениями в Калужском, Тарусском и Перемышльском уездах Калужской губернии, что явствует из документов, выявленных в фондах ГАКО. Они были в родстве с Шераповыми, Пьяновыми, Шушериными, князьями Кропоткиными, Батуриными, Плещеевыми, Мухиными. Периодически у Дороховых возникали конфликты с Шераповыми по поводу принадлежности некоторых имений. Сведениями о владении имениями на Калужской земле членов семьи генерал-лейтенанта И.С. Дорохова после гибели его сына Руфина на Кавказе в 1852 г. мы не располагаем. Возможно, выявление новых документов в архивах поможет выяснить и этот вопрос.

Примечания

[1] Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С.254; Военная галерея 1812 года. СПб., 1912. С.77.

[2] ГАКО, ф. 111, оп. 2, д. 27, л. 21об. —22об.

[3] Булычов Н.И. Калужская губерния: Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С.266.

[4] ГАКО, ф. 440, оп. 3, д. 400 (без нумерации листов); ф. 159, оп. 1, д. 149, 160.

[5] Булычов Н.И. Архивные сведения касающиеся Отечественной войны 1812 года по Калужской губернии: Калужское Дворянское Ополчение. Калуга, 1910. С.109.

[6] ГАКО, ф. 159, оп. 1, д. 1372, л. 58.

[7] Там же, ф. 546, оп. 3, д. 89, л. 5—6.

[8] Там же, ф. 111, оп. 2, д. 27, л. 12об. —13.

[9] Там же, л. 4.

[10] Там же, л. 5об., 10.

[11] Там же, ф. 546, оп. 3, д. 219, л. 1а, 3.

[12] Там же, л. 6об.; ф. 546, оп. 1, д. 200, л. 103об.

[13] Там же, ф. 546, оп. 3, д. 219, л. 2.

[14] Записки графа М.Д. Бутурлина. М., 2006. Т.1. С.361; Т. 2. С.195.

[15] ГАКО, ф. 111, оп. 2, д. 27, л. 8—9.

[16] Там же, л. 9—11.

[17] Там же, ф. 440, оп. 1, д. 861, л. 1.

[18] Там же, ф. 111, оп. 2, д. 27, л. 4об. —7об.

[19] Там же, л. 23.

[20] Там же, ф. 440, оп. 1, д. 771, л. 2—3об.

[21] Там же, ф. 30, оп. 2, д. 3650, л. 4—4об.

[22] Там же, ф. 440, оп. 1, д. 771, л. 1.

[23] Там же, ф. 546, оп. 3, д. 510, л. 1, 7.

[24] Там же, ф. 440, оп. 1, д. 845, л. 396об.

[25] Там же, ф. 546, оп. 3, д. 586, л. 2.

[26] КГВ. 1845. 19 мая (№ 20). Часть неофициальная. С.160.

[27] Бутурлин М.Д. Указ. соч. Т. 1. С.381.

[28] Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. М., 1985. Т. 1. С. 449.

[29] Бутурлин М.Д. Указ. соч. Т. 1. С.381.

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА РОДА ДЖУНКОВСКИХ

А.А. Бовкало, *Русское генеалогическое общество, город С-Петербург*

Джунковские — это дворянский род малороссийского происхождения. По семейной легенде его родоначальником является татарский мурза Джунк, прибывший в Москву в составе посольства в начале XVI в. при вел. кн. Василии III. Однако документированная родословная Джунковских начинается со Степана Кондратьевича Джунковского, полкового есаула, впоследствии Батуринского протопопа, жившего в начале XVIII века.

Старший сын Степана Кондратьевича Семен Степанович, внук Яков Семенович и правнук Семен Яковлевич были священниками. Определением Новгород-Северского Дворянского депутатского собрания от 12 января 1789 г. Семен Яковлевич вместе с женой Прасковьей, сыновьями и другими родственниками был внесен во 2-ю часть Родословной книги по чину деда. Однако в XIX в. Герольдия сочла эти доказательства дворянства недостаточными, и впоследствии каждая из ветвей рода Джунковских самостоятельно утверждалась в дворянстве по собственным заслугам.

Второй сын Семена Яковлевича, Афанасий Семенович, служил во флоте, был уволен в чине капитан-лейтенанта (18 января 1812 г.), после чего был назначен смотрителем водяных сообщений при Астраханской пристани. 29 декабря 1815 г. он был причислен к почтовому управлению. 18 ноября 1828 г. был переведен в Одессу. В 1840 г. владел 50 десятинами благоприобретенной земли в Лебединском уезде Слободско-Украинской губернии. 3 ноября 1835 г. А.С. Джунковский получил диплом на дворянское достоинство и герб: «Щит разделен на две части. В первой части, в голубом поле трехмачтовый фрегат, плывущий в правую сторону; во второй части, в зеленом поле два золотые рога и шестиугольная золотая звезда. Щит увенчан дворянскими шлемом и короной, на коей три страусовых пера. Намет: голубой, подложенный золотом»[1].

Афанасий Семенович был женат на дочери генерал-майора Анне Павловне Поповой. В 1825 г. в Астрахани у них родился первый сын Александр, ставший основателем калужской линии рода Джунковских. Александр Афанасьевич служил в Новомиргородском драгунском полку, из которого был уволен майором 1 июня 1859 г. Он был женат на дочери помещика с. Полашева Лихвинского уезда Калужской губернии гвардии поручика Петра Александровича и Татьяны (— 21 апреля 1839 г.[2]) Яковлевых — Екатерине (около 1836 г. — 13 января 1908 г.[3]). В 1863 г. за ней состояло в Перемышльском уезде Калужской губернии благоприобретенных 1295 десятин земли. В 1863 г. жительствовал с женой в с. Богородицком Перемышльского уезда Калужской губернии. Определением Калужского Дворянского депутатского собрания от 26 марта 1870 г. внесен с семейством во 2-ю часть Родословной книги по чину отца (утвержден в дворянском достоинстве указом Департаментом Геродьдии Правительствующего Сената от 20 мая 1870 г. за № 6697)[4]. Александр Афанасьевич умер 16 июля 1879 г. и был похоронен в Крестовском монастыре[5].

В семье Джунковских было семеро детей: Екатерина (7 января 1858 г. — не жила в 1877 г.), Мария (25 июня 1860 г. —), в замужестве Ильченко, Александра (5 января 1861 г. —), Николай (5 декабря 1862 г. —), Ольга (17 июня 1864 г. — 30 октября 1887 г.[6]), Александр (19 марта 1866 г.[7] —), Зинаида (около 1870 г. — 18 августа 1885 г.) и Семен (около 1876 г. —).

Отношения в семье были непростые. Так, 12 ноября 1868 г. Калужский окружной суд рассматривал прошение поверенного майора Александра Александровича Джунковского о взыскании с гвардии поручика Петра Александровича Яковлева 550 руб. серебром. Дело касалось расходов на поездки. Дело окончилось в пользу А.А. Джунковского[8]. 7 января 1869 г. там же рассматривалось дело о взыскании поверенным поручика Петра Яковлева с жены майора Джунковской 11891 руб. 27 коп. (речь шла об имущественных делах). Дело было решено в пользу поручика П.А. Яковлева, однако, с Е.П. Джунковской было взыскано лишь 6952 руб. 50 коп.[9]

Но наиболее громким стал судебный процесс 1877 г. Летом этого года Ф.М. Достоевский записал в дневнике: «Кстати, помните ли вы процесс Джунковских? Этот процесс очень недавний и рассматривался в Калужском окружном суде всего лишь 10-го июня текущего года. На него, среди грома текущих событий, весьма может быть, немногие и обратили

внимание. Я прочел его в газете «Новое время»[10] и не знаю, был ли он перепечатан еще где-нибудь. Это — дело о перемышльских землевладельцах майоре Александре Афанасьеве Джунковском, 50 лет, и жене его Екатерине Петровой Джунковской, 40 лет, обвиняемых в жестоком обращении с малолетними детьми их Николаем, Александром и Ольгою... Здесь своевременно будет заметить, что дети, о которых идет речь, были в следующем возрасте: Николай — тринадцати лет, Ольга — двенадцати и Александр — одиннадцати лет. Прибавлю еще, забегая вперед, что суд оправдал подсудимых.

[..]

III. Дело родителей Джунковских с родными детьми

Обвиняемые Джунковские, обладая известным достатком и имея надлежащее число прислуги, поставили детей своих: Николая, Александра и Ольгу, в совершенно иные отношения к себе, чем других детей. Они не только не держали себя с ними и не ласкали их как родители, но, оставив без присмотра, давали им плохое содержание, помещение, одежду, постели и стол, принуждали к занятиям вроде чесания пяток и т. п., возбуждая и поддерживая таким образом в них неудовольствие и раздражение, доведшее их до поступка с умершею сестрою, о чем будет сказано ниже. Все это не могло не иметь дурного влияния на здоровье детей. Так, например, из дела видно, что Ольга страдает падучею болезнью; кроме того, не способствуя ни надзором, ни попечениями своими нравственному развитию детей, подсудимые прибегали к мерам, которые нельзя признать кроткими мерами исправления родителями своих малолетних детей. Так, обвиняемые запирали детей на продолжительное время в сортир, оставляли дома в холодной комнате и почти без пищи или посылали обедать и спать в комнате прислуги, ставя их таким образом в общество лиц, мало способных содействовать их исправлению, наконец, часто били чем попало, даже кулаками, секли розгами, хворостиною, плетью, назначенной для лошадей, и с такою жестокостью, что страшно было смотреть и что (по показанию мальчика Александра) спина ребенка болела пять дней от одной из таких экзекуций. Подобные побои были последствием не всегда какой-нибудь хотя бы маловажной шалости, но и просто так себе — по желанию. Служившая прачкою у Джунковских солдатка Сергеева, между прочим, объяснила, что обвиняемые не любили детей Николая, Александра и Ольгу, которые спали отдельно от других детей, внизу, в одной комнате, на полу на войлоке, одевались чем попало (было одно рваное одеяло); ели людское кушанье, так что всегда были голодны. Одевали их плохо: летом в разные рубашки, а зимою в полушубки. Джунковская была для этих детей хуже мачехи; она била их, особенно Александра, чем попало, а то так просто кулаками. Когда секла Николая, то страшно было глядеть. Дети хотя и были шаловливы, но как дети. Им доставалось больше всего по вечерам, когда они чесали матери пятки, что продолжалось по часу и более — пока мать не уснет. Это делала раньше прислуга, в том числе и Сергеева, которая наконец отказалась, потому что рука отекала! Из показания Усачковой оказывается, что Александр и Ольга валялись на полу, на грязных подушках, «вообще их держали грязно — в свином логовище чище, чем у них». Живший у Джунковских, в качестве учителя, по август 1875 г. дворянин Любимов утверждал, что Николая, Ольгу и Александра содержали плохо и им иногда приходилось ходить босиком. В показании девицы Шишовой (кандидатка Николаевского института), бывшей у детей подсудимых гувернанткою по август 1874 г., которое было прочитано на суде, вследствие неявки свидетельницы, — значится, что Джунковская — женщина эгоистичная, не ласкавшая никогда, равно как и муж ее, детей Александра и Николая. Отсутствие вообще порядка в доме подсудимых и равнодушное отношение к детям Шишова объясняет какою-то небрежностью обвиняемых ко всему и даже в отношении себя; дела их были постоянно запутаны, и они жили постоянно в хлопотах и не умели хозяйничать. Джунковская, старавшаяся, чтобы ее ничто не беспокоило, поручала мужу наказывать детей, что им и было исполняемо, и хотя при экзекуциях свидетельница не присутствовала, но тем не менее удостоверяет, что «никакой жестокости в наказаниях не было». «Случалось, — продолжает педагогичка Шишова, — что Джунковская или я даже за шалости запирала детей в комнату, где стоял ватерклозет, но эта комната не холоднее других в квартире и отапливалась». Шишова и сама наказывала детей ременною плеткою, «но только она была маленькая». При свидетельнице никогда не случалось, чтобы детям не давали есть по нескольку дней.

Затем мальчики Николай и Александр дали следователю сдержанные показания, из которых, однако, видно, что их секли розгами, ременною плетью, которою гоняют лошадь, а также и хворостиною, употреблявшеюся в дело и учителем Любимовым. Однажды у Александра пять дней болела спина после того, как мать высекла его за то, что он из кухни принес сестре Ольге картофелю для завтрака.

Джунковский в оправдание свое ссылался на полнейшую испорченность своих детей, в подтверждение чего привел следующий случай: когда умерла его старшая дочь Екатерина, мальчики Николай и Александр в то время, когда сестра их лежала на столе, — нарезав в саду прутьев, били мертвую по лицу, приговаривая: теперь-то натешимся над тобою за то, что ты на нас жаловалась.

На суде обвиняемые не признали себя виновными.

Подсудимый уверял, что тратит на воспитание своих детей более, чем позволяют его средства, но что он так несчастлив, что не достиг своей цели, и что дети делаются все хуже и хуже.

Старший сын (Николай) до отдачи в гимназию был хорошим мальчиком, но, побыв в гимназии, выучился там воровать; до поступления в гимназию он знал молитвы, но потом забыл их по той причине, что объявил себя католиком и вследствие этого не учился совсем Закону Божию, между тем было представлено метрическое свидетельство, в котором сказано, что Николай — православного вероисповедания.

В последнем своем слове Джунковская высказала, что она нанимала к детям несколько гувернанток, но, к несчастью, всё ошибалась в них, так же как и в учителе, но что в настоящее время отец сам занимается с детьми, и она надеется, что дети совершенно поправятся.

Вот этот процесс. Подсудимые, как сказано выше, были оправданы. Еще бы нет? И замечательно не то, что их оправдали, а то, что их предали под суд и судили. Кто и какой суд может обвинить их и за что? О, конечно, есть такой суд, который может их обвинить и ясно указать за что, но не уголовный же суд с присяжными заседателями, судящий по написанному закону. А в написанных законах нигде нет статьи, ставящей преступлением ленивое, неумелое и бессердечное отношение отцов к детям. Иначе пришлось бы осудить пол-России, — куды, гораздо больше»[11]. В заключение Ф.М. Достоевский, говоря, что «у нас в судах случается, что когда подсудимые бывают оправданы (и особенно когда они очевидно виновны, но отпущены лишь милосердием суда), то председатель суда, объявляя подсудимому свободу, говорит ему иногда при этом назидание на тему: как именно ему следует принять это оправдание, что вынести из всего этого в жизнь, как избежать в дальнейшем повторения беды. Председатель суда говорит в таком случае от лица как бы всего общества, государства; слова эти важные, назидание верховное» и сочиняет «фантастическую речь председателя суда»[12].

По-видимому, после этого в семье Джунковских мало что изменилось. В 1879 г. Мария Александровна Джунковская обратилась к Перемышльскому уездному предводителю дворянства с просьбой о выдаче ей вида на жительство, мотивируя свою просьбу невозможным обращением с ней матери. Узнав об этом, Е.П. Джунковская письмом к предводителю протестовала против выдачи дочери паспорта. В ответном письме предводитель дворянства написал, что возмутительное отношение Джунковской к детям известно всему обществу[13]. Старший сын Джунковских, Николай Александрович, перед Первой мировой войной служил агентом страховых обществ «Российские транспортные и строительные общества» в Малоярославецком уезде[14]. Второй сын Джунковских, Александр Александрович, сначала был отдан учиться в Козельск для подготовки к поступлению в техническое училище. Начальник технического училища М.В. Преображенский, характеризуя его, отмечал, что «Александр Джунковский был учеником 5—6 лет тому назад [т. е. около 1880 — 1881 г. — *А.Б.*]: поступил в августе, а уволен в октябре. Знаю его не особенно много; он производил на меня впечатление человека одичалого. После припадков ярости у него сейчас же являлись слезы. Раз бросился с ножом на мальчика, но не думаю, чтобы с целью убить его. Приходил в ярость по-видимому от пустой причины. Если кто одолевал его, то он плакал как трехлетний ребенок. Вообще представлялся каким-то диким. Училище решительно не имело средств установить такое наблюдение, чтобы можно исправить поведение мальчика. [...] Александр Джунковский принят был в училище с отметками

удовлетворительными, но при увольнении отметки были неудовлетворительными»[15].

А летом 1885 г. во многих газетах появились сообщения о произошедшей в Калужской губернии трагедии. 21 декабря 1885 г. в Калужском окружном суде с участием присяжных заседателей рассматривалось дело о дворянине Александре Александрове Джунковском, преданном суду за покушение на убийство матери своей, Екатерины Петровны, и убийство сестры Зинаиды. Процесс длился более полусуток[16].

Это преступление было совершено в селе Богородицком в ночь под воскресенье 18 августа. Екатерина Петровна, обвиняя сына в давно задуманном преступлении, показала, что к июню месяцу с детьми Зинаидой, Александром и Семеном приехала в село Богородицкое, недолго прожила и уехала с Зинаидой и Семеном в лесную дачу Криуши. 15 августа она вернулась с Зинаидой в Богородицкое. Поместилась она в мезонине, а через коридор в комнате жил Александр с работником Исаевым. Вечером 17 августа Александр услал Исаева искать пропавшую лошадь. В первом часу он вошел к ней в комнату, сказал, что лошадь нашлась и он может ложиться спать. Зинаида в это время уже спала, и она тоже легла спать. Александр вновь вошел в комнату, попросил веревку привязать лошадь, а через некоторое время вбежал в комнату, пошарил в комоде и сказал: «Прощай, мать, пора тебе нож в горло». Она вскочила с постели, побежала к двери, но он повалил ее и нанес несколько ран ножом. Она вскрикнула, проснулась Зинаида и бросилась защищать ее. Вероятно, Александр ткнул Зинаиду ножом, потому что она закричала, разбила окно и попыталась выскочить в сад. Александр побежал за ней, а Екатерина Петровна стала спускаться по лестнице. Александр снова догнал ее, стал ножом резать ей руки. Она стала кричать, а потом замолчала. Александр убежал, а Екатерина Петровна сумела доползти до флигеля, где ей открыла дверь жена арендатора. Преступление Александра мать объясняла тем, что он был недоволен отцом, оставившим все состояние Семену и Зинаиде и назначившим ее опекуншей, и хотел получить состояние, лишив их жизни.

Александр Джунковский прятался в ржаных снопах в хлебном сарае и арестован был 20 августа. Виновным себя он признал, но подчеркивал, что «Зинаиду губить никогда не хотел, а хотел только одну мать»: она как старшего брата Николая, так и его не любила, не одевала, не кормила, держала в людской, постоянно ругала и срамила, била чем попало и всегда от себя гнала; когда в 1878 г. сгорел в имении скотный двор, то она обвиняла его в поджоге и выслала его из имения; с тех пор он жил в Калуге отдельно от матери.

В показаниях некоторых свидетелей говорилось об отношении Джунковских к детям. Надежда Александровна Безсонова: «Ничего хорошего не могу сказать про Джунковских. Зину и Александра знаю от рождения. Я, как портниха, часто приезжала к Джунковским. Джунковские всегда обращались очень дурно; воспитания никакого не давали. Действительно, мать заставляла Александра чесать пятки; кормили детей врознь». Юлия Павловна Михальская семью Джунковских знала 18 лет, жила у них пять лет. Она свидетельствовала, что Ольга, Николай и Александр были нелюбимые дети; спали на полу, на грязном войлоке; сажали их, хотя и за один стол, но кушанья давали разные. Анатолий Дмитровецкий: «Семью Джунковского знаю с 1865 г.; я был у них ключником. Дети разделялись на любимых и нелюбимых»[17]. Хотя защитник ходатайствовал прочесть определение судебной палаты о предании Джунковских в 1877 г. суду за жестокое обращение с детьми, но суд «не усмотрел в этом надобности».

Старший брат Александра, Николай, показания по делу давать не пожелал.

Речь обвинителя, товарища прокурора Н.А.Худякова была короткой. Обращаясь к объяснению преступления, которое было направлено против матери, он остановился на объяснениях подсудимого и его матери и сказал, что сам Джунковский старался доказать, что оно было вызвано жестоким обращением матери, что в этот раз между ними были ссоры; но мать отрицает это и заявляет, что он давно замышлял убить ее и подыскивал только удобный к тому случай. Объяснению матери обвинитель дал более вероятия. Обращаясь к убийству Зинаиды, обвинитель сказал, что мысль убить сестру родилась у подсудимого позднее, именно, когда он увидел в ней защитницу своей матери, поэтому он находит, что подсудимый с умыслом лишил жизни и сестру.

Защитником был кандидат на судебные должности Сперанский. Его большая речь была посвящена отношению Е.П. Джунковской с детьми.

Присяжные заседатели, отвергнув вопросы о преднамеренном убийстве, признали А.А. Джунковского виновным в убийстве сестры и в покушении на убийство матери, совершенном в запальчивости. На этом основании Суд приговорил его к ссылке в каторжные работы на четыре года[18].

Через два десятка лет, 12 марта 1908 г. в Калуге начался еще один громкий судебный процесс — Семена Александровича Джунковского[19]. Обвиняемыми были также Кацпер Новак и Семен Валецкий. Это дело уже дважды назначалось Калужским окружным судом к разбирательству, но откладывалось. В августе 1904 г. С.А. Джунковский был освобожден из ярославской тюрьмы, где он отбыл наказание за подлоги и поджог своего дома с целью получения страховой премии и проживал без определенных занятий в Калуге у матери. Еще в 1901 г., находясь под стражей в калужской тюрьме, он познакомился с арестантом Кацпером Новаком, который впоследствии познакомил его с бывшим тюремным надзирателем Семеном Валецким.

В течение 1905 и 1906 гг. в Калуге было совершено несколько преступлений. В ночь на 21 января 1905 г. на Московской улице из квартиры Александра Толстого было похищено имущество на сумму около 1000 руб. В ночь на 30 января 1905 г. из квартиры почетной гражданки Елизаветы Днепровской были украдены вещи на сумму 228 руб. Дважды (в ночь на 17 марта и на 6 сентября 1905 г.) была ограблена квартира присяжного поверенного Разумовского. Утром 11 августа 1906 г. была совершена кража на даче подрядчика Кузмина в городском бору. Наконец в ночь на 28 октября 1906 г. в доме мещанки Марии Зюзиной на Березуйской улице были убиты с целью грабежа домовладелица, ее родственница Анна Иконникова и их кухарка крестьянка Анна Крюкова. Дом был подожжен. Во всех этих преступлениях принимал участие С.А. Джунковский.

В качестве обвиняемой в укрывательстве убийства с целью ограбления Зюзиной, Иконниковой и Крюковой и кражи у Толстого к следствию была привлечена и Е.П. Джунковская. Виновной она себя не признавала. Дело по обвинению ее было прекращено за ее смертью.

Слушание продолжалось три дня. Вход в зал суда для публики был по билетам и, несмотря на это, все три дня зал был переполнен[20]. С.П. Джунковского защищали московские присяжные поверенные Плевако, сын известного адвоката, и Тихомиров. Отметим, что третий день заседания защитник Плевако попросил разрешения ссылаться на «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского, где тот «трактует об одном судебном процессе, в котором главным действующим лицом является покойная г. Джунковская, судившаяся за истязание детей». Суд разрешил. После речи обвинителя слово произнес защитник Тихомиров, Плевако слова произносить не стал. На разрешение присяжных было поставлено 35 вопросов о виновности подсудимых.

С.А. Джунковский был признан виновным в укрывательстве награбленного имущества у Толстого, Днепровской и Разумовского, не зная об обстоятельствах, сопровождавших эти кражи, и в совершении по предварительному уговору убийств Зюзиной, Иконниковой и Крюковой, а также и в поджоге дома Зюзиной. По всем этим преступлениям он был признан снисхождения не заслуживающим. Суд приговорил Джунковского и Новака к каторжным работам на 20 лет, а Валецкого — на 10 лет, обратив имущество подсудимых на удовлетворение гражданского иска Зеленовой и Днепровской[21].

Вероятно, в 1905 г. Семен Александрович женился на калужской мещанке Агриппине Ивановне Громовой[22] (25 июня 1880 г. — после 1945 г.), дочери калужского мещанина Ивана Васильевича Громова (Александрова, Салопаева; около 1836 г. — 29 мая 1890 г.) и Надежды Ильиничны Скудновой (около 1840 г. — после 1898 г.). 28 августа 1906 г. у них родился сын Александр, крещенный 17 сентября в Покровской на рву церкви[23].

Из тюрьмы С.А. Джунковский написал жене письмо «в довольно нежной форме», в котором называл жену «милой деткой», уверял ее в своей верности, говорил о том, как он страшно скучает, просил не забывать «горячо любящего Симку», заботиться об их ребенке. В письмах к матери он упрекал ее, что она погубила его, жену и ребенка. Единственной ее целью было во что бы то ни стало разъединить его с женой[24].

Екатерина Петровна Джунковская свое имущество, по духовному завещанию, отказала своей дочери вдове М.А.Ильченко[25]. Агриппина Ивановна Джунковская после Великой Отечественной войны жила в Горьком. Александр Семенович Джунковский, по-видимому, был жив в 1929 г.

Примечания

[1] Родословная Джунковских [Электронный ресурс]/ О.В. Щербачев. Режим доступа: www.mtu-net.ru/sherbach/rodoslov/djun.html.

[2] Определение Калужского Окружного Суда по 3-му (гражданскому) отделению // КГВ. 1869. № 8. С.95.

[3] КК. 1908. № 6. С.2.

[4] Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1-е октября 1908 г., и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С. 31.

[5] Морозова М.С. Некрополь Крестовского монастыря // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XI Всероссийской научной конференции 5 — 7 апреля 2005 г. Калуга, 2005. С.138.

[6] ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 290. Метрические книги 1887 года. Л.853об. —854. № 64.

[7] Там же. Д.241. Л.844об.

[8] Определение Калужского Окружного Суда, по 3-му (гражданскому) отделению по делу Джунковского с Яковлевым // КГВ. 1869. № 5. С.56—57; № 6. С.68.

[9] Определение Калужского Окружного Суда, по 3-му (гражданскому) отделению // КГВ. 1869. № 8. С.95.

[10] Далее Ф.М. Достоевский цитирует «Новое время». 1877. № 472 (23 июня). «Второй лист». Отдел «Судебная хроника», подзаголовок «Калужский окружной суд».

[11] Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877 г. Июль — август // Собрание сочинений в 15 т. СПб., 1995. Т.14. С. 213—215.

[12] Там же. С. 221—227.

[13] Дело Джунковского // КГВ. 1908. № 34. С.3.

[14] Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1913 год. С.108; Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1914 год. С.112.

[15] Судебная хроника. Дело дворянина Джунковского // КГВ. 1886. № 6. С.34.

[16] Там же. № 1. С.3; № 2. С.10; № 3. С.14—15; № 4. С.21; № 5. С.38; № 6. С.34; № 7. С.41—42; № 8. С.48—49.

[17] Там же. № 5. С.26.

[18] Там же. №6. С.34.

[19] Дело Джунковского // КК. 1908. № 30. С.2—4; № 31. С.2—3; № 32. С.1, 3—4; № 33. С.2—4; № 34. С.2—3; № 35. С.2—3; № 36. С.2—3.

[20] КГВ. 1908. № 33. С. 5.

[21] Там же.

[22] Об ее происхождении см.: Бовкало А.А. Человек под тремя фамилиями, или как я установил, чьей дочерью была моя бабушка и какова была ее девичья фамилия // Известия Русского генеалогического общества. 2005. Вып.16. С.85—88.

[23] ГАКО. Ф.33. Оп.4. Д.536. Метрические книги 1906 г. Л.786об.

[24] Дело Джунковского // КК. 1908. № 34. С.2.

[25] КК. 1908. № 6. С.2.

МЕМУАРНОЕ НАСЛЕДИЕ М.Н. БИЛИБИНОЙ

Ю.Е. Пионтковская, *н. с., Калужский областной художественный музей*

В Санкт-Петербурге в нетронутом семейном архиве потомков старинного калужского рода купцов Билибиных хранятся бесценные рукописные воспоминания потомственной дворянки Марии Николаевны Билибиной (1885—1942), двоюродной сестры русского художника-графика Ивана Яковлевича Билибина (1876—1842). Оригинал рукописи, равно как и ее книжка стихов, а также старый альбом с фотодокументами, словно семейная реликвия, бережно передаются из поколения в поколение. Владельцы домашнего архива никогда не пытались опубликовать уникальные материалы, следовательно, рукопись молчала. Она ждала своего исследователя.

Сохранившиеся сведения о жизни хозяйки мемуаров, к сожалению, довольно скудные. Мария Николаевна Билибина родилась в 1885 г. в Петербурге в семье действительного статского советника известного петербургского математика Николая Ивановича Билибина

(1846—1914) и Варвары Лукиничны (1851—1911), из рода старых потомственных дворян Кисловских. По тому великолепному языку, каким написаны мемуары, можно предположить, что Мария получила прекрасное домашнее, а затем классическое образование в женской гимназии. В ту пору ее отец занимал должность директора 1-го реального училища, а мать была домохозяйкой. В крепкой образцовой семье дворянского уклада, где, помимо Марии, росли двое братьев, бережно относились к Православной вере, а потому непременно посещали церковные службы. Девочка росла довольно ранимым и эмоциональным ребенком, в чем удалось убедиться, глубоко изучив семейный архив потомков Билибиных, — все поэтические произведения и проза Марии Николаевны пропитаны легким надрывом восхищения и романтики. В биографии М.Н. Билибиной имеется существенный пробел, так как, к сожалению, не удалось установить основной род ее деятельности. Потомки лишь предполагают, что Мария Николаевна пошла по стопам отца и, окончив высшее педагогическое заведение в Петербурге, также преподавала математику в одной из столичных гимназий. Прошлым летом, наладив тесный контакт с архивами Санкт-Петербурга, удалось выяснить, что М.Н. Билибина, постоянно проживая в северной столице, умерла в 1942 г. во время блокады и была похоронена в братской могиле № 11 на Пискаревском мемориальном кладбище.

Внимательное изучение не публиковавшихся ранее воспоминаний М.Н. Билибиной, как оказалось, неоконченных (потеряны последние листы тетради), представляется очень интересным из-за насыщенности текста именами и фамилиями, названиями населенных пунктов различных губерний России, любопытными фактами и событиями из жизни представителей русского дворянского общества XIX в. Весьма ценно и то, что строки воспоминаний не обходят Калугу, откуда ведет свое начало старинный купеческий род Билибиных, отдельные лица которого уже в XVI в. занимались торговым делом.

Подвергая экспертизе мемуарное наследие М.Н. Билибиной, нельзя не заметить, что рассказчица стремилась к точному воспроизведению фактов и событий, имевших место в реальной жизни, хотела создать по возможности более широкую историческую панораму своего времени. Достоверность сведений, содержащихся в воспоминаниях М.Н. Билибиной, ныне во многом подтверждается данными из поколенной росписи старого купеческого рода, составленной главным образом по документам Государственного архива Калужской области, а также материалами, полученными из архивных фондов Санкт-Петербурга, Самары, Твери, Рязани и других городов России.

Мария Николаевна Билибина, автор воспоминаний
Фото 1910-х гг.

Мемуары М.Н. Билибиной, созданные отчасти по памяти, отчасти с использованием записей, выполненных для себя со слов бабушки и матери, не автобиография. Умышленно оставаясь в тени, автор мемуаров сознательно преследовала лишь одну цель – запечатлеть на бумаге историю жизни своего рода с подробным рассказом о судьбах отдельных его представителей. Необходимо отметить, что исторический потенциал рукописного подлинника очень велик. Воспоминания, выдержанные автором в строгом хронологическом порядке, начинаются издалека, с рассказа о древних предках ее матери — тверских потомственных дворянах Кисловских. Постепенный переход в Калугу охватывает родственников Марии Николаевны по линии отца — купцов Билибиных, а затем также плавно

перемещается в Петербург. Близкие родственные связи М.Н. Билибиной с Калугой прослеживаются через ее далекого предка, прапрадеда, богатейшего 1-й гильдии купца Ивана Харитоновича Большого Билибина, торговавшего пенькой и полотнами. Именно с него начинает свой рассказ о Калуге Мария Николаевна, и нам представляются, безусловно, интересными и познавательными некоторые места из глав воспоминаний, где она упоминает наш город и своих далеких предков. Как утверждают потомки, сама автор мемуаров в Калугу никогда не приезжала, но, судя по всему, постоянно интересовалась истоками своего рода, куда входило множество незаурядных личностей.

Остается добавить, что знакомство с потомками старинного рода, проживающими в Санкт-Петербурге, и допуск к их семейному архиву состоялись летом 2006 г. Родственники, находясь в преклонном возрасте, смутно помнили образ Марии Николаевны и сожалели, что многого не узнали от нее в то время, когда она была еще жива. Совсем недавно из старого семейного альбома совершенно случайно выпала давнишняя фотография автора мемуаров Марии Николаевны Билибиной. На фотографии, датированной концом позапрошлого века, запечатлен лик хрупкой женщины с выразительными глазами, которая, по ее словам, была знакома со многими известными людьми своего времени, в 1921 г. присутствовала на похоронах Александра Блока и сумела оставить для потомков богатое мемуарное наследие — воспоминания, стихи, письма.

Установление тесного контакта со многими архивами России и подтверждение (в редких случаях оспаривание) данных, представленных в рукописи, позволяет понять значимость и весомость мемуарного наследия М.Н. Билибиной. Внимательное изучение воспоминаний показало, что для введения их в научный оборот требуется серьезная обработка рукописных материалов в виде составления к тексту рукописи объемных комментариев, над которыми в настоящее время идет плодотворная работа. Отдельные выдержки из воспоминаний М.Н. Билибиной с уже составленными комментариями к ним, опирающимися на архивные источники, публикуются ниже.

СТРАНИЦЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

М.Н. Билибина

Перенесемся еще ко времени Императрицы Екатерины. В Калужской губернии жил в эту эпоху большой барин, некий Иванов, владевший многими имениями под Калугой, в ней самой — домами, особняками и в окрестностях ее полотняными и чугунно-литейными заводами. У него была единственная дочь, Екатерина Афанасьевна, и был крепостной человек, Иван Харитонович Билибин, умный, красивый и дельный. Барин привязался к нему и сделал его управляющим всеми делами и землями[1].

Однажды барин призвал его к себе и сказал: «Иван, я хочу тебя женить». «На ком прикажете?» — с дрожью в голосе спросил мужик. «На дочери моей», — был ответ. Она полюбила своего крепостного человека и, странное дело, отец понял и не помешал. Это редкий случай в истории русских дворянских семей того времени[2].

Иван Харитонович сделался богатым человеком (Екатерина Афанасьевна была единственной наследницей), и стал вести большие торговые дела, отправляя русское сало в Англию на своих кораблях, — и у меня до сих пор в старой шкатулке красного дерева, которую я, со всею моею страстностью к семейным реликвиям, называю «нашим семейным архивом», хранятся письма к нему тогдашнего министра «коммерции», графа Румянцева, знаменитого любителя российских древностей. В этих письмах Иван Харитонович называется «знатным Российским торговцем»[3].

У него было два сына и дочь[4]. Дочь вышла замуж за помещика Акатова (он был в Калуге полицмейстером, и она бежала с ним и тихонько обвенчалась, чего отец ей не простил и лишил ее наследства)[5], а из сыновей — один женился на Боткиной, другой, Яков Иванович, на Марии Ивановне Кусовой[6], дочери первого русского коммерции советника и любимца императора Павла. < … >

Оба сына Ивана Харитоновича были хорошо образованными для своего времени людьми.

Яков Иванович был калужским городским головой[7], был до разорения очень богат и был большим dandy — его щегольские фрачные рубашки отправлялись на своих кораблях гладиться в Англию. (Портреты его отца и его, кисти Левицкого, находятся в Русском музее в Петербурге)[8]. Сыновья и дочери Якова Ивановича, правнуки и правнучки Ивана Харитоновича, получили хорошее образование: дочери — дома, у гувернанток, сыновья — в Московском университете. Одна из дочерей так очаровательно пела, что была известна и царской семье, и Глинке, и Даргомыжскому, и Серову[9]. Пока они жили еще в Калуге, она певала романсы за оградой своего тенистого сада[10], и вся Калуга собиралась слушать ее. Она участвовала в концертах для бедных, а, переехав после разорения семьи в Петербург, она уже участвовала в университетских концертах, певала в Дворянском собрании, у Гирсов, где собирался небольшой кружок любителей (Харитонов, Опочинин и др.), она пела у себя, где по вторникам бывали: Глинка, Даргомыжский, Серов и иногда Рубинштейн. < … >

До переселения своего в Петербург Яков Иванович Билибин, как уже было говорено, жил в Калуге, коей считался именитыми гражданином. Александр I был в Калуге, танцевал на балу с женой его, Марией Ивановной, помня ее еще по Петербургу, а, уезжая, сказал провожавшей его депутации купцов: «Поклонитесь от меня Марии Ивановне». «Мы тебе, матушка, царский поклон принесли», — говорили они, придя к ней всем обществом прямо с проводов очаровавшего их Монарха-сфинкса и, кланяясь ей в ноги.

Жил Яков Иванович в Калуге в своем особняке, который был, может быть, немного велик, чтобы называться особняком: это был трехэтажный дом с колоннами, в котором после помещалась женская гимназия[11]. А раньше он жил еще в другом своем доме, в котором потом было духовное училище, сохранявшее в среде семинаристов долгие годы прозвание «Билибинской Академии»[12]. Старшие дети Якова Ивановича, дочь Екатерина и сын Иван, родились и получили воспитание еще во времена богатства. Иван Яковлевич окончил Московский университет блестяще, с медалью, и был послан в Восточную Сибирь, в город Иркутск, состоять при генерал-губернаторе. В Сибири налаживалась тогда новая форма правления, и там нужны были люди с дарованиями. На Ивана Яковлевича Билибина указал его двоюродный брат и друг Яков Иванович Ростовцев, мать которого была тоже дочерью Ивана Васильевича Кусова и, стало быть, сестрою Марии Ивановны Билибиной (между прочим, Марье Ивановне Билибиной, рожденной Кусовой, до Якова Ивановича Билибина делал предложение знаменитый Сперанский, но ему было отказано, так как Иван Васильевич Кусов выдавал дочерей либо за старых дворян, либо за именитых купцов).

Комментарии

[1] *Барин привязался к нему и сделал его управляющим всеми делами и землями.* — Информация спорная. В своих воспоминаниях М.Н. Билибина опирается, вероятно, на предания, существовавшие в их семье. Судя по документам, хранящимся в РГАДА и ГАКО, прадед Ивана Харитоновича Большого Билибина был посадским, т.е. торговым человеком. Дед же его Галактион Герасимович еще в первой четверти XVIII века скупил в Калуге крупные земельные участки и деревянные строения у разных купцов, укрепив тем самым свое положение в «Богоявленских яслях» — старой части города. [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1242. Л. 260; ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 39. Л. 709]. Иван Харитонович Большой Билибин действительно являлся хозяином полотняной фабрики на речке Киевке, которая была «заведена в 739 году И. и П. Золотаревыми, после того дошла по наследству Артемию Золотареву… В 767 году за долги с покупными людьми продана калужскому купцу Гавриле Иванову». [ГАКО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 146. Л. 27]. Купцу 1-й гильдии И.Х. Билибину фабрика перешла в 1792 году от калужских купцов Алексея и Кузьмы Милеевых по купчей, совершенной в Калужской палате гражданского суда. В свою очередь, Милеевым фабрика «досталась по наследству после покойной тетки их родной, калужской купеческой жены, вдовы Дарьи Никитичны дочери Ивановой», мужем которой ранее был Гаврила Иванов. Чугуноплавильный завод в Лихвинском уезде Калужской губернии приобрел в начале XIX века у тульского купца В.И. Попова сын И.Х. Большого Билибина Яков Иванович. [ГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 452. Л. 2, 170].

[2] *…редкий случай в истории русских дворянских семей того времени.* — Имя Афанасия Иванова не встречается среди калужских дворян XVIII — начала XIX вв. Вероятнее всего, он был близким родственником Гаврилы Иванова, упоминавшегося выше, и принадлежал к купеческому сословию.

[3] *В этих письмах Иван Харитонович называется «знатным Российским торговцем».* — В семейном архиве потомков Билибиных письма известного государственного деятеля графа Н.П. Румянцева (1754—1826) не сохранились.

[4] *У него было два сына и дочь.* — М.Н. Билибина допускает ошибку. У И.Х. Большого Билибина было пятеро детей — Елизавета (1765—1789), Яков (1779—1854), Иван (1782—1831), Александра (1785—790), Наталия (?—1830).

[5] *Дочь вышла замуж за помещика Акатова… чего отец ей не простил и лишил ее наследства…* — *Акатов* Лев Михайлович (?— 1838), калужский полицмейстер, надворный советник и кавалер, помещик сельца Краинское Лихвинского уезда Калужской губернии, муж Наталии Ивановны Билибиной. С 1814 по 1824 гг. занимал должность уездного предводителя дворянства по Лихвинскому уезду. В 1832 г. определением Дворянского депутатского собрания с сыном Михаилом был внесен в III часть Дворянской родословной книги Калужской губернии. По поводу того, была ли лишена Наталия Ивановна отцовского наследства, сведений в Государственном архиве Калужской области не встречается. Известно лишь, что после смерти И.Х. Большого Билибина в 1808 г. осталось движимое и недвижимое имение, и в 1820 г. родные братья Яков и Иван, оставив себе большую часть отцовского наследства, которым решили управлять вместе, предоставили на долю сестры Н.И. Акатовой «каменный двухэтажный дом в Калуге да девяносто тысяч рублей». [ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 889. Л. 3об.].

[6] *…из сыновей — один женился на Боткиной, другой, Яков Иванович, на Марии Ивановне Кусовой…* — М.Н. Билибина ошибается. *Билибин* Иван Иванович (1782—1831), купец 1-й гильдии, родной брат Якова Ивановича, был женат на дочери московского именитого купца Ивана Алексеевича Постникова Сусанне Ивановне (?— 1837). Женой коммерции советника Якова Ивановича Билибина (1779—1854) была Мария Ивановна Кусова (1784—1848), дочь богатейшего петербургского купца Ивана Васильевича Кусова (1750—1819), одного из учредителей Российско-Американской торговой компании, созданной в 1799 г. в России в целях освоения территории Русской Америки, Курильских и других островов, прародителя мощной торговой фирмы «Ивана Кусова сыновья».

[7] *Яков Иванович был калужским городским головой…* — Я.И. Билибин занимал должность городского головы с 1830 г. по 16 мая 1831 г., несколько ранее — в 1821 г. — он избирался бургомистром в Калужском городовом магистрате.

[8] *Портреты его отца и его, кисти Левицкого, находятся в Русском музее в Петербурге.* — Известный художник Д.Г. Левицкий написал портреты И.Х. Большого и Якова Ивановича Билибиных в 1801 г. Поначалу работы мастера хранились у наследников Я.И. Билибина, до 1912 г. у Ларисы Яковлевны Билибиной (дочери портретированного) в Петербурге, а после смерти владелицы перешли в собственность ее внучатого племянника известного художника-графика И.Я. Билибина. В 1914 г. И.Я. Билибин продал работы Д.Г. Левицкого за семь тысяч рублей Русскому музею. С 1962 года портреты калужских купцов Билибиных хранятся в Государственном Эрмитаже.

[9] *Одна из дочерей так очаровательно пела, что была известна и царской семье, и Глинке, и Даргомыжскому, и Серову.* — Речь идет об Александре Яковлевне Билибиной (1816—1873), певице-любительнице, принимавшей участие в университетских концертах, выступлениях для бедных, в музыкальных вечерах, которые устраивались столичными дворянами в определенные дни недели. В 1850-х гг. у композитора А.С. Даргомыжского «положенными днями были четверги, и собирались на них довольно аккуратно в 9-м часу вечера. Общество преимущественно состояло из молодых любительниц пения и их мамаш или сестер, и из молодых же дилетантов-певцов», с которыми композитор занимался пением. А.Я. Билибина была близко знакома с А.С. Даргомыжским. Известно, что композитор по мере сочинения оперы «Русалка» (на стихи А.С. Пушкина) привлекал певицу к разучиванию отдельных частей заглавной партии. Сохранилось письмо Билибиной к Даргомыжскому, относящееся, по всей видимости, к 1852 г.: «Вообразите, я не имела время просмотреть арию из «Русалки», все мешали гости, нынче я просматривала ее, надеюсь к будущей неделе ее приготовить. Она мне очень нравится». [*Арнольд Ю.К.* Воспоминания. М., 1893. С. 4; *Пекелис М.С.* А.С. Даргомыжский и его окружение. В 3-х т. М., 1966. Т.1. С. 209].

[10] *…она певала романсы за оградой своего тенистого сада…* — Речь идет о калужском родовом гнезде Билибиных в бывшем Архангельском переулке (ныне ул. Дарвина, 13/33).

[11] *…это был трехэтажный дом с колоннами, в котором после помещалась женская гимназия.* — Речь идет об усадебном доме на бывшей Масленниковской улице (ныне ул. Дзержинского, 49), приобретенном у Билибиных в декабре 1859 г. Удалось выяснить, что после смерти Якова Ивановича Билибина в 1854 г., главным владельцем особняка стал его сын Виктор Яковлевич (1812—1869), который, возможно, и распорядился продать дом Калужской женской гимназии. В настоящее время в бывшем особняке Билибиных располагается школа № 5. [ГАКО. Ф. 62. Оп. 9. Д. 4515. Л. 1, 2].

[12] *А раньше он жил еще в другом своем доме, в котором потом было духовное училище, сохранявшее… прозвание «Билибинской Академии».* — Мария Николаевна вновь упоминает калужское родовое гнездо Билибиных конца XVIII в. в бывшем Архангельском переулке. Огромная городская усадьба была продана Билибиными духовному училищу за 72 тыс. руб. ассигнациями в начале 1840-х гг., после чего богатые купцы навсегда покинули Калугу. В 1903 г. к главному усадебному дому пристроили, а год спустя освятили пятиглавый храм, который гости города часто принимают за домовую церковь,

устроенную самими Билибиными в начале позапрошлого века. Ныне в стенах бывшей купеческой усадьбы размещаются Казанский девичий женский монастырь, классы православной гимназии и все то же духовное училище. [*Малинин Д.И.* Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992. С. 80].

ЗОЛОТАРЕВЫ В КАЛУГЕ: МАТЕРИАЛЫ ПО ГЕНЕАЛОГИИ

Н.И. Кожевникова, *педагог, Калужский областной центр туризма, краеведения и экскурсий*

Золотаревы — фамилия известная и в России, и в Калуге. Согласно словарю В.И. Даля «Золотарь, м. — позолотчик по дереву». Золотаревы — это и богатые первостатейные купцы, коммерции советники, благотворители, и Городские Головы, и бургомистр, и воевода, и небогатые купцы третьей гильдии, и мещане. Самое первое упоминание о неком калужском «Золоторе» встречается в Строельной книге Калужского посада, датируемой концом XVI в. Родословные разведки, проведенные автором в фондах Государственного архива Калужской области, позволяют воссоздать генеалогическое древо калужских Золотаревых.

Первые упоминания о Золотаревых

В 1590-х годах в Калуге «Дом Куземки Золоторя с сыном с Первушком, длина полтретьи сажени, поперек десять сажен»[1]. «Впервые фамилия Золотаревых встречается в калужских переписных книгах с начала XVII столетия». В 1617 г. фамилия «Золотарев» встречается 5 раз, Золотаревы проживали в 5 дворах[2]. «В 1677 г. называются уже имена Антошки и Филатки Золотаревых, торгующих своими изделиями в серебряном ряду»[3].

Золотаревы и их жены в 1783 г.[4]

Золотарев Антон Иванович (1707—?), жена — Евсеева (неразборчиво) Анна Лаврентьевна (1715—1777), дети: Иван Б. (1732—1770) (жена — Макеева Пелагея Тимофеевна, их дочь — Акулина (1763—?) была замужем за Никитой Квасниковым), Мавра (1752—?) — за Федором Пономаревым, Иван М. (1765—?).

Золотарев Гаврила Евтеевич (1741—?), жена — Боброва Анна Тимофеевна (1741—?), сын — Егор (1768—?).

Золотарев Григорий Алексеевич (1725—01.12.1798).

Золотарев Григорий Андреевич (1739—?), жена — Золотарева Прасковья Сидоровна (1756—?), сын Алексей (1782—?) (л.391).

Золотарев Евдоким Пименович (1732—?), жена — Голубятникова Меланья Петровна, дочь Петра Андреевича (1736—?). Дети: Акилина, Иван, Наталья — замужем за Михаилом Ивановичем Пафнутьевым, секретарем губернского магистрата, Мария, Евдокия (л.663).

Золотарев Иван Анисимович (?—?), жена — Хатунцева Матрена Михайловна (?—?).

Золотарев Иван Евтеевич (?—до 1783), жена — Подошвенникова (1698—1764) (л. 430).

Золотарев Иван Пименович (1730—?), жена — Алферова Ирина Ивановна, дочь Ивана Пантелеевича (1733—?) (л. 663). Дети: Ирина — замужем за Дмитрием Степановичем Кушинниковым, Пелагея — за Алексеем Лаврентьевичем Кудрявцевым (л.663).

Золотарев Козьма Евтеевич (?—до 1783), жена — Тишкова Мария Григорьевна (1697—1777) (л. 430).

Золотарев Максим Козьмич (1721—25.10.1803), купец 2-й гильдии, серебряных дел мастер; жена — Афимья Леонтьевна Макеева, дети: Петр (1749—09.03.1825) (жена — Афимья Михайловна Евсеева), Никифор (1751—1768), Михаил (1754—1782) (жена — Афончикова Авдотья Ивановна), Иван (1757—1831) (жена — Грехова Настасья Ивановна), Прасковья (1775—?), Анна (1776—?), Марья (1782—?) (л.430).

Золотарев Петр Абросимович (1711—1776), мещанин, жена — Соломонида Ивановна Дружинина (1713—1767).

Золотарев Пимен Иванович (?—до 1783), жена - Фалеева Мария Григорьевна (1702—?)

(л. 663).

Золотарев Родион Анисимович (?—1777), жена — Рябчикова Василиса Ивановна (1730—?).

Золотарев Сидор Иванович (1731—?), купец, жена — Павлова Анна Васильевна, дочь дьячка Воскресенской церкви(1731—?). Сыновья: Иван Б., Авраам, Иван М.

Золотарев Степан Афанасьевич (1720—?), купец. 1 жена — Лапенина Авдотья Игнатьевна (1733—1774), дети: Авдотья Б., Авдотья М., Петр, Макар. 2 жена — Бавыкина Авдотья Прохоровна, дети: Афанасий, Илья (л.413).

Афончиков Федор Ефремович (1725—?), жена — Золотарева Марина Анисимовна (1731—).

Билибин Михаил Михайлович, сын Михаила Галактионовича (1743—?), жена — Золотарева Авдотья Петровна (1745—?) (л.701).

Грибанов Дементий Евстратьевич (1720—?), жена — Золотарева Марфа Афанасьевна (1721—1781).

Коробов Назар Петрович (?—?), жена — Золотарева Арина Кузьминична (1723—1794)

Коротаев Парфен Михайлович (1737—?), жена — Золотарева Авдотья Евдокимовна, дочь Евдокима Мартиновича (1754—?).

Котельников Василий Семенович (1727—?), жена — Золотарева Наталья Ивановна (1733—?)(л.59).

Кушинников Григорий Андреевич (1739—?), его 2 жена — Золотарева Прасковья Сидоровна (1756—?). У них — сын Алексей (1782—?).

Лебеданцев Василий Федорович (1716—1770), жена — Золотарева Авдотья Степановна (1722—?) (л.984).

Лобов Лаврентий Иванович (1723—?), жена — Золотарева Василиса Степановна (1723—?) (л. 641).

Макаров Иван Афанасьевич (?—?), жена 1 — Золотарева Татьяна Петровна (?—1781).

Малахов Федор Андреевич (1738—1772), жена — Золотарева Авдотья Ивановна (1741—1779), дети: Иван, Григорий.

Масленников Козьма Микифорович (1721—1776), жена — Золотарева Ирина Алексеевна (1738—1769).

Масленников Ларион Афанасьевич (1728—1778), жена — Золотарева Прасковья Ивановна (1733—?) (л.877).

Моршаков Евсей (?—?), жена — Золотарева Анна Герасимовна (1776—?) (л.1353).

Порываев Иван Кузьмич (?—1773), жена — Золотарева Степанида Пименовна (1731—?).

Рябчиков Артем Назарович (1731—?), жена — Золотарева Прасковья Ивановна (1735—?).

Сляднев Афанасий Федорович (1704—1768), жена — Золотарева Дарья Антоновна, дочь Антона Ивановича. Их сын Иван был женат на Старцовой.

Сонин Иван Иванович (1751—?), жена — Золотарева Наталья Максимовна (1757—?) (л.325).

Старченков Степан (?—?), жена — Золотарева Федосья Петровна (?—?).

Усов Клим Осипович (1696—1778), жена — Золотарева Анна Дмитриевна, дочь Дмитрия Козьмича (1700—1774) (л.1111).

Фалеев Макар (?—1771), жена — Золотарева Прасковья Петровна, дочь Петра Абросимовича (?—?).

Чернов Иосиф (Осип) Макарович, сын Городского Головы Макара Ивановича (1781—?), жена — Золотарева Елена Ивановна, дочь Ивана Максимовича.

Шемякин Тимофей Иванович (1700—1782), жена — Золотарева Авдотья Евтеевна (1700—1778).

Купцы Золотаревы и их жены в 1795 г.[5]

Золотарев Архип Иванович (1755—?), жена — Абакумова Авдотья Васильевна (л.1294).
Золотарев Василий Иванович (1732—1795), жена — Сикачева Татьяна Семеновна (1739—?), дети: Иван (1763—?), жена — Коротаева Пелагея Прокофьевна; Анна (1772—?), муж — Горин Федор.

Золотарев Герасим Козьмич (1730—1788), жена — Балашова Аксинья Михайловна (1739—?), дети: Петр, Алексей, Федосья, Аграфена, Анна. (л.1353).

Золотарев Иван Васильевич (1763—?), жена — Коротаева Пелагея Прокофьевна (1767—?).

Золотарев Иван Евдокимович (1774—?), жена — Макарова Авдотья Ивановна (1777—?).

Золотарев Иван Иванович (1752—?), жена — Макарова Дарья Гавриловна (1762—?) (л.1294).

Золотарев Иван Иванович (1737—?), жена 1 — Мария Ильинична (1741—1793), дети: Дарья — замужем за купцом Александром Борисовым, Анна — за купцом Прокофием Трясоголововым, Василиса — за Гаврилой Терениным. Его 2 жена — Авдотья Галактионовна Линчева (неразборчиво) (1766—?), у нее с 1 мужем — сын Иван Петрович Подкованцев (1786—?).(л.943).

Золотарев Иван Максимович (1751—1831), жена — Грехова Анастасия Ивановна (1761—?). Купец 1-й гильдии. Вел торг китайкой, чаем, сукном (1819).

Золотарев Иван Петрович (?—?), жена Агеева Матрена Федоровна (1717—?), дети: Ермол, Иван, Архип, Марья, Аксинья Б., Аксинья М. (л.1294).

Золотарев Илларион Петрович (1756—?), жена — Лебедева Устинья Андреевна (1760—?).

Золотарев Константин Иванович (1724—?), жена — Новгородцева Матрена Андреевна (1731—?). (л.1199).

Золотарев Лаврентий Константинович (1763—?), жена — Усова Наталья Сергеевна (1772—?), сын Иван.

Золотарев Максим Кузьмич (1720—?), жена — Макеева Афимья Леонтьевна (1723—?).

Золотарев Матвей (?—?), жена — Карпова Авдотья Дмитриевна (1722—?). (л.1391).

Золотарев Михаил Матвеевич (1745—?), жена — Лебеданцева Авдотья Васильевна (1758—?), дети: Иван, Анна, Артемий, Пелагея, Марья, (л.1391).

Золотарев Петр Герасимович (1771—?), жена — Иванова Маланья Самойловна (из Новгород-Северского наместничества) (л.1353).

Золотарев Петр Максимович (1741—09.03.1825), жена — Евсеева Афимья Михайловна (1754—?)

Золотарев Сергей Константинович (1760—?), жена 1 — Анна Аврамовна Болошева (1764—1787), дети: Пелагея, Татьяна; жена 2 — Карасева Анна Антоновна (1773—?), дети: Александра, Марья.

Золотарев Тимофей Петрович (1769—?), жена — Толкачева Елена Козьминична (1775—?).

Золотарев Яков Иванович (1747—?), жена — Сысоева Ирина Прокофьевна (1748—?). Его мать — Матрена Ивановна (1713—1792) Л..1192.

Волостнов Максим Макарович (1735—?), жена — Золотарева Аграфена Кондратьевна (1742—?).

Горин Федор (?—?), жена — Золотарева Анна Васильевна (1772—?).

Кашин Афанасий Сидорович (1749—1827), жена — Золотарева Евдокия Степановна (1758—29.11.1809)

Кожевников Андрей (?—?), жена — Золотарева Аграфена Герасимовна (1771—?) (л.1353).

Ланеев Петр (?—?), жена — Золотарева Федосья Герасимовна (1769—?) (л.1353).

Лобов Иван Никитич (1737—?), жена — Золотарева Татьяна Кондратьевна (1750—?)

Малахов Иван Федорович (1763—?), жена — Золотарева Авдотья Филатьевна (1768—?)

Мешкрв Иван Михайлович (1731—?), жена — Золотарева Пелагея Ивановна (1732—?). Их сын Петр (1751—?) был женат на Анне Семеновне Сапожниковой, сын Владимир (1760—?) — на Анне Кирилловне Фалеевой.

Моршаков Евсей (?—?), жена — Золотарева Анна Герасимовна (1776—?) (л.1353).

Носов Петр Иванович (1763—?), жена — Золотарева Авдотья Савельевна (?—?).

Облецов Василий Васильевич (1768—?), жена — Золотарева Анна Петровна (?—?).

Сонин Иван Иванович (1750—?), жена — Золотарева Наталья Максимовна (1756—?).

Тишков Автоном Григорьевич (?—?), жена — Золотарёва Мария Андреевна (?—?).

Трясоголовов Прокофий Степанович (1765—?), жена - Анна Ивановна Золотарёва (1771—1809).

Хлебников Иван Лукич (1763—?), жена — Золотарева Феодосья Петровна (1768—?).

Мещане Золотаревы и их жены в 1795 г.

Золотарев Авраам Сидорович (1765—?), жена — Соляникова Домна Самойловна (1770—?). У них — сын Иван (1787—?) (л.1190).

Золотарев Василий Васильевич (1791—?) (л.1145).

Золотарев Василий Степанович, жена — Люсина Пелагея Семеновна (л.1145).

Золотарев Василий Степанович, жена — Носова Наталья Васильевна (л.874).

Золотарев Гаврила Филатьевич, жена — Белоглазова Прасковья Дмитриевна (л.1325).

Золотарев Григорий Алексеевич, жена — Носова Авдотья Илларионовна (л.1325).

Золотарев Денис Григорьевич, жена — Макеева Дарья Ивановна (л.1325).

Золотарев Дмитрий Иванович, жена — Слезкина Наталья Ивановна (л.1405).

Золотарев Иван Алексеевич, жена — Алпатова Марфа Силична (л.1374).

Золотарев Иван Константинович, жена — Сорокина Анна Владимировна (л.1200).

Золотарев Иван Сидорович М. (1769—?), жена — Алферова Федосья Васильевна (1783—?). У них — дочь Пелагея (л.1137).

Золотарев Иван Сидорович Б. (1757—1790), жена — Макарова Анна Родионовна. Ее 2-й муж — Василий Бутнев. Его сестры: Катерина — замужем за Денисом Щепачевым, Ирина — за Тимофеем Лыковым (л.1137).

Золотарев Михаил Евдокимович (1727—1784), жена — Жданова Прасковья Тимофеевна (1745—?), брат Иван (1735—1792), сестры: Марья (1746—?), Прасковья (1748—?) (л. 1306).

Золотарев Степан Иванович (1730—?), жена — Аксинья Евдокимовна (1741—1787) (л.1145).

Золотарев Степан Михайлович (1767—?), жена — Минеева Федосья Васильевна (1770—?), дети: Прокофий, Евдокия (л.1306).

Золотарев Филат Алексеевич, жена — Андреева Василиса Михайловна (л.1325).

Золотарев Филат Петрович (1737—1786), жена — Анна Семеновна (1739—1793) (л.449).

Вереитинов Варфоломей Федорович, жена — Золотарева Наталья Семеновна (л.131).

Гуслев Григорий Евдокимович, жена — Золотарева Ульяна Федоровна (л.332).

Жерынцов Осип Андреевич, жена — Авдотья Константиновна Золотарева (л.1199).

Зюзин Федор Иванович, жена — Золотарева Аксинья Ивановна (л.823).

Кашин Василий Федосеевич, жена — Золотарева Улита Зиновьевна (л.205).

Кушинников Дмитрий Степанович, 2-я жена — Золотарева Ирина Ивановна (л.223).

Малахов Иван Федорович, жена — Золотарева Авдотья Филатьевна, дочь Филата Петровича (л.421).

Санин Алексей, жена — Золотарева Анисья Константиновна (л.1199).

Старченков Степан Никифорович, жена — Золотарева Федосья Филатьевна (л.526).

Торубаев Авраам Иванович, жена — Золотарева Анна Степановна (л.1379).

Купцы Золотаревы в 1816 г.[6]

В 1816 г. в Калуге купеческих семейств по первой гильдии — 12, по второй — 35, а всего — 467, из которых купцов Золотаревых — 8. В Покровской слободе — первостатейный купец, коммерции советник, действующий Городской Голова Петр Максимович Золотарев. Ему 67 лет, он вдов, с ним сыновья: Михаил, 30 лет (с женой Марьей, 22 лет, и сыном Петром, 2-х лет) и Павел, 22 лет)[7]. П.М. Золотарев вел торг разными российскими и иностранными товарами к портам и в Кяхту[8].

В той же слободе — первостатейный купец, коммерции советник, брат Петра Максимовича, Иван Максимович Золотарев. Ему 59 лет, жена Настасья, 54 лет[9]. И.М. Золотарев вел торг китайкой, чаем и сукном оптом[10].

В Богоявленской слободе — третьей гильдии купец Иван Васильевич Золотарев. Ему — 52 года, жена Пелагея, 49 лет, сын Яков, 13 лет, дочь Елизавета, 8 лет, тетка Ирина Прокофьевна, 68 лет — жена умершего купца Якова Ивановича Золотарева[11]. И.В. Золотарев вел торг щетиной и пушными товарами[12].

В Богоявленской слободе — третьей гильдии купец Денис Григорьевич Золотарев. Ему 59 лет, жена Дарья Григорьевна (урожд. Макеева), 58 лет, сын Аким, 34 лет, его жена (венчание — 13.01.1806) Авдотья Федоровна, дочь Федора Петровича, (урожд. Грехова), внук Сергей, 3 лет, сын Иван, 21 года, холост, сын Александр, 14 лет, дочь Наталья, 16 лет[13]. Д.Г. Золотарев вел торг разными мелочными товарами[14].

В Благовещенской слободе — третьей гильдии купец Василий Степанович Золотарев. Ему 48 лет, жена Пелагея, сын Василий, 24 лет, жена сына Анна, 17 лет, сын Дмитрий, 18 лет, дочь Пелагея, 7 лет, мачеха Анна Владимировна (урожд. Сорокина)[15]. В.С. Золотарев вел торг красными товарами[16]. Родители В.С. Золотарева: Степан Иванович (1730—?) и Аксинья Евдокимовна (1741—1787)[17].

В Благовещенской слободе — третьей гильдии купец Лаврентий Константинович Золотарев. Ему 52 года, жена Екатерина Поликарповна, 25 лет[18]. Л.К. Золотарев вел торг хлебом[19]. Родители Л.К. Золотарева: Константин Иванович и Матрена Андреевна (урожд. Новгородцева). Брат — Сергей. Жена 1: Наталья Сергеевна Усова[20]. В 1827 году в метрической книге церкви Архангела Михаила показаны дети от 1 брака: Иван, 33 лет, жена которого — Александра Яковлевна, 30 лет, Александр, 28 лет, Николай, 27 лет, Дмитрий, 23 лет, Александра, 22 лет.

В Знаменской слободе — третьей гильдии купец Павел Ларионович Золотарев. Ему 36 лет, он вдов. Брат Иван Ларионович, 34 лет, жена которого Устинья, 24 лет, их дети: Евграф, 2 лет и Серафима, 3 лет. Брат Николай Ларионович, 27 лет, брат Григорий Ларионович, 26 лет, брат Андрей Ларионович, 17 лет, сестра Сиклита, 19 лет[21]. П.Л. Золотарев с братьями вел торг красными товарами[22].

В Знаменской слободе — третьей гильдии купец Тимофей Петрович Золотарев. Ему 46 лет, жена Елена, 42 лет, их дети: Тимофей, 11 лет, Александра, 12 лет, Екатерина, 7 лет. Брат Павел Петрович Золотарев, 41 года, жена Марья, 39 лет, их дети: Александр, 15 лет, Михаил, 8 лет, Павел, 7 лет, Аркадий, 2 лет, Марья Б., 16 лет, Елизавета, 12 лет, Марья М., 5 лет[23]. Т.П. Золотарев с братьями вел торг красными товарами[24].

Золотаревы в Калуге в 1858 г.[25]

Золотарев Иван Денисович (1796—1865), торговец, проживал в 1 ч. 1 кв. У него была старшая сестра Наталья. Его племянник Сергей Акимович выбыл в московское мещанство в 1870 г. №558.

Золотарев Емельян Борисович (1789—1865). У него сын Иван и дочь Анисья. У Ивана — жена Екатерина Федоровна, у них дети: Алексей, Александра, Матрена. №601.

Золотарев Николай Ларионович (1780—?), из купцов с 1864 г. У него дочь Евгения. №4249.

Золотарев Иосаф Иванович (1823—?), из купцов с 1866 г. №4582.

Золотарев Василий Васильевич (1792—1858), из купцов, проживал в доме №187 1 ч. 2 кв. У него дети: Василий, Павел, Елена, Марья, Анна, Александра. №606.

Золотарев Степан Климович (1811—?). Его дети от 1 брака: Александра (1835—?), Алексей (1838—1871). У него жена Мария Сафроновна (1818—?), у них сын Николай (1846—?). №1025.

Золотарев Иван Иванович (1795—1868), торговец. У него племянники: Алексей Николаевич, Ольга Николаевна. №1454.

Золотарев Михаил Павлович (1830—?). У него сестра Пелагея, мать Авдотья Васильевна, тетка Настасья Степановна. №2484.

Золотарев Иван Осипович (1795—?). У него жена Авдотья Емельяновна (1798—?). №2753.

Золотарев Андрей Антонович (1795—?). У него сестра Наталья (1809—?). №3247.

Золотаревы — благотворители, Городские Головы, бургомистр Калуги.

Золотарев Петр Максимович (1741 или 1749—09.03.1825) — Городской Голова г. Калуги (1813—1818 гг.). Коммерции советник, купец 1-й гильдии, вел торг разными товарами к портам и в Кяхту (1819). Благотворитель. В 1812 г. братья Золотаревы пожертвовали 10 тысяч рублей на нужды народного ополчения. «Золотаревы — люди именитые. Влиятельные, члены этой фамилии в городском управлении (еще времен царя Алексея Михайловича) нередко занимали разные значительные должности... Петр был человеком энергического характера и безукоризненной честности, последнее качество доставило ему особый почет»[26]. Родители: Максим Козьмич (1720—25.10.1803) и Афимья Леонтьевна (Макеева) (1723—?). Жена Афимья Михайловна Евсеева (1754—до 1816)[27]. Дети: Прасковья (1775—?), была замужем за Матвеем Сорокиным, Анна (1776—?) — за Василием Васильевичем Облецовым, Марья (1784—1787), Михаил (1783—?), Павел (1793—?)[28]. Семья П.М. Золотарева проживала в Покровской слободе (на 1816 г. ему 67 лет, он вдов, с ним сыновья: Михаил, 30 лет (с женой Марьей, 22 лет, и сыном Петром, 2 лет) и Павел, 22 лет)[29].

Иван Максимович Золотарев (1751—1831) — первостатейный купец, коммерции советник, брат Петра Максимовича, вел торг китайкой, чаем и сукном оптом (1821), избирался бургомистром города, гласным Калужской думы. Много жертвовал на нужды бедных и неимущих граждан. В 1817 г. пожертвовал 10 тысяч рублей в пользу инвалидов, за что ему Александром I

было объявлено «монаршее благоволение», копия с которого была вручена И.М. Золотареву в Городской думе. В 1823 г. пожертвовал 10 тысяч рублей на «умножение библиотеки в пользу Санкт-Петербургского отделения Императорской медико-хирургической академии», в 1826 г. предоставил 1000 рублей для оказания помощи неимущим калужанам. В том же 1826 г. передал в ведение Приказа общественного призрения двухэтажный каменный дом стоимостью 60 тысяч рублей, «изъявляя желание ... обратить его в калужскую градскую больницу... с тем, чтобы в оном доме содержать на его счет неимущих калужских граждан обоего пола, сколько из жертвуемого на сей предмет им капитала 50 тысяч рублей процентов достаточно будет». На фасаде больничного дома, открытого 10 августа 1826 г., была установлена табличка «Больничный Золотаревский дом». Биография И.М. Золотарева была напечатана в журналах[30]. Жена Настасья Ивановна Грехова (1756—1825). Проживали в Покровской слободе (1816). Дети: Елена Ивановна, в замужестве Чернова (?—1824), ее муж — Иосиф (Осип) Макарович, сын Макара Ивановича Чернова, являвшегося Городским Головой г. Калуги (1807—1810); Анна Ивановна, в замужестве Зюзина, ее муж — Иван Иванович Зюзин (1776—?), являвшийся Городским Головой г. Калуги (с 1827 г. и с 1833 г.); их дети: Зюзины — Елизавета (1810—?), Настасья (1811—?), Петр (1812—?), Макарий (1814—?).

Золотарев Яков Иванович (1802—?) — Городской Голова г. Калуги (с 1848 г., с 1860 г.). Жена Мария Ильинична Антипина (1803—?). Венчание 08.10.1819 г. в Николо-Слободской церкви. Дети: Иван (1820—1856), Михаил (1824—?), Мария (1829—?) — замужем за Криворотовым, Ольга (1831—?) — за Николаем Степановичем Цыпляевым, Яков (1833—?), был женат на Марии Алексеевне Фалеевой — венчание 29.05.1862 г. в Единоверческой Сошествия Святого Духа церкви, Елизавета (1836—?), Николай (1837—?), Александра, была замужем за Федором Андреевичем Перекалиным[31].

Упоминания о Золотаревых имеются в других книгах и публикациях[32]. Историческая память о древнем роде Золотаревых сохранилась в каменных жилых постройках. Это расположенный на бывшей Золотаревской улице (ныне — улица Пушкина) «дом-дворец» Золотаревых, о котором Г.М. Морозова сказала: «Возвышенность и теплота — вот образ золотаревской усадьбы»; «Золотаревский больничный дом» близ Хлюстинских заведений (позже вошел в их состав); бывший дом (начало постройки — 1812 г.) купца Василия Степановича Золотарева (ныне — здание школы №5 по улице Дзержинского, дом 49); дом в Георгиевском переулке (ныне — улица Декабристов, дом 3), который в середине XVIII в. принадлежал Афанасию Абрамовичу Гончарову, а затем перешел купцу Ивану Пименовичу Золотареву[33]. Являясь памятниками архитектуры, дома Золотаревых ныне украшают наш город.

Примечания

[1] РГАДА. Ф.137. Оп.1. Калуга. №1. Л.61. «Строелъная книга Калужского посада» 1590-х гг. Данные предоставила Ю.Е. Пионтковская.

[2] Симпсон П.Ф. Калужские книги 1617 г. Письма и дозору Ив. Кузьм. Бегичева и подъячего Игната Пчелина // ИКУАК. Калуга, 1891.

[3] Журова Г.М. К истории рода Золотаревых //Калуга в шести веках: Материалы 5-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2005. С.178.

[4] ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 39. Ревизские сказки по Калуге 1783 г.

[5] Там же. Д. 49. Ревизские сказки по Калуге 1795 г.

[6] Там же. Ф. 86. Оп.3. Д.146. Ревизские сказки о кущах г. Калуги за 1816 г.

[7] Там же. Л. 158об.

[8] Там же. Ф.49. Оп.1. Д.34. Списки о составе семейств калужских купцов и о предмете их торговли за 1819 г.

[9] Там же. Ф. 86. Оп.3. Д.146. Л.157об.

[10] Там же. Ф. 49. Оп. 1. д. 34.

[11] Там же. Ф. 86. Оп. 3. Д. 146. Л. 127об.

[12] Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 34.

[13] Там же. Ф. 86. Оп. 3. Д. 146. Л. 134об.

[14] Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 34.

[15] Там же. Ф. 86. Оп. 3. Д. 146. Л. 238об.

[16] Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 34.

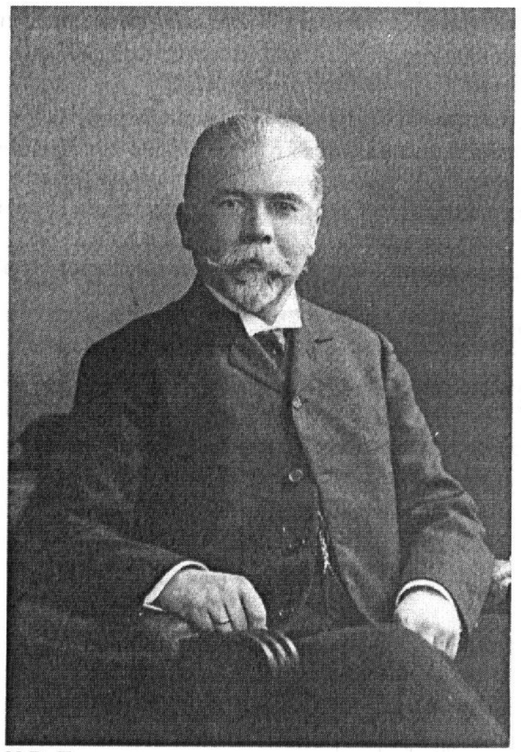
[17] Там же. Ф. 86. Оп. 3. Д. 49. Л. 1145об. Ревизские сказки по г. Калуге 1795 г.

[18] Там же. Д. 146. Л. 236об.
[19] Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 34.
[20] Там же. Ф. 86. Оп. 3. Д. 49. Л. 178.
[21] Там же. Д. 146. Л. 58об.
[22] Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 34.
[23] Там же. Ф. 86. Оп. 3. Д. 146. Л. 60об.
[24] Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 34.
[25] Там же. Д. 810. Семейные списки по г. Калуге за 1858 г.
[26] Нечто о Петре Максимовиче Золотареве // КГВ. 1861. №39.
[27] ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 39. Л. 430. Ревизские сказки по г. Калуге на 1783 г.
[28] Там же. Д. 49. Ревизские сказки по г. Калуге 1795 г.
[29] Там же. Д. 146. Ревизские сказки о купцах г. Калуги за 1816 г.
[30] Биография И.М. Золотарева напечатана в журнале «Северная пчела» (1831), в журнале МВД (1855).
[31] Кожевникова Н.И. Городские Головы Калуги: К вопросу генеалогии // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материны XI Всероссийской научной краеведческой конференции. Калуга, 2005. С.93—96.
[32] Булгаков М.Б. Злоупотребления калужского воеводы Ивана Золотарева // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материлы X Региональной научной краеведческой конференции. Калуга, 2003. С.167—170; Летопись Калужская. Калуга, 1991. С.110; Малинин Д.И. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992. С.59, 71, 107, 136, 145; Продувное В.Е. Первостатейные купцы Золотаревы // Весть. 2002. 22 февр.
[33] Морозова Г.М. Прогулки по старой Калуге. Калуга, 1993. С.168, 203.

РОД КАЛУЖСКИХ КУПЦОВ ТЕРЕНИНЫХ

***М.В. Кислицына**, н. с., Калужский областной краеведческий музей*

В 1994 г. мне посчастливилось встретиться в Калужском областном краеведческом музее с правнучкой Николая Васильевича Теренина Е.С. Бондаревой, которая приехала в Калугу из Москвы, чтобы увидеть дома, принадлежавшие когда-то ее ближайшим родственникам. Завязалось знакомство, которое вылилось в конечном итоге в передачу Еленой Серафимовной в наш музей на пересъемку фотографий из семейного архива. Так, впервые в фондах музея оказались фотографии семьи Терениных: сам глава семейства купец первой гильдии Николай Васильевич Теренин, его жена Мария Акимовна, дети Терениных — Любовь, Михаил, Василий, Катерина, Ольга и Александр. Меня заинтересовала судьба потомственного калужского купца Н.В. Теренина, владевшего в Калуге до революции тремя домами. Работа в Государственном архиве Калужской области в 1994—1995 гг. позволила проследить жизненный путь представителя этого купеческого рода. Полученные результаты были опубликованы в 1997 г. в сборнике Первой городской краеведческой конференции, посвященной 625-летию г. Калуги «Династия купцов Терениных».

Н.В. Теренин

В 1996 г. Калужский государственный педагогический университет имени К.Э. Циолковского и Департамент образования и науки правительства Калужской области организовал в университете научную

сессию «Взаимодействие света с веществом», посвященную 100-летию со дня рождения академика А.Н. Теренина, младшего сына Николая Васильевича. На ней я в очередной раз встретилась уже с прямым потомком рода Терениных — внучкой Валентиной Вячеславной Никольской. Благодаря хорошей памяти Валентина Вячеславна значительно пополнила сведения о роде Терениных. В ее семейном архиве сохранились фотографии 1914—1916 гг. с фрагментами комнат — гостиной, столовой, залом дома, по ул. Воскресенской № 1. Так, опять впервые в фондах музея появились копии с оригиналов обстановки второго этажа этого дома, построенного в 1914 г. Данные фотографии и воспоминания Валентины Вячеславовны дали возможность развеять ранее существующие мнение о том, что этот дом был не жилым, а использовался как «доходный дом».

М.А. Теренина, урожденная Масленникова

И венцом этой истории стала встреча в июле 2006 г. с правнуком Николая Васильевича Теренина — академиком Михаилом Николаевичем Никольским. Он передал музею на постоянное хранение подлинные фотографии 1910—1914 гг. (7 фото), письмо, в котором сообщается о смерти его деда Михаила Николаевича Теренина, а также семейный архив в электронном виде.

Данная работа является продолжением изучения рода Терениных по линии сына Николая Васильевича — Михаила Николаевича Теренина. За основу ее взяты воспоминания его дочери Валентины и семейный архив.

У Терениных Николая Васильевича и Марии Акимовны родились 3 сына и 3 дочери. Первым из сыновей родился Михаил 4 сентября 1887 г. (ГАКО, Метрическая книга церкви Покровской что на рву). Михаила, как старшего сына, готовили к продолжению фамильного дела — коммерческой деятельности. Поэтому после учебы в Калужском реальном училище, он поступил в Коммерческое училище в Петербурге, которое закончил предположительно в 1912—1913 гг. Там он жил у сестры матери, Софьи Акимовны Масленниковой. Почти сразу после учебы в апреле 1914 г. Михаил Николаевич женился на Софье Акимовне Вольской. Его избранница была родом из г. Вязьмы из купеческой семьи. Софья Акимовна в 1912 г. окончила в Москве Высшие женские курсы историко-филологического отделения и два года до замужества преподавала русский язык и литературу в г. Муроме. Один из домов Терениных по улице Воскресенской №1 стал для молодожёнов свадебным подарком.

М.Н. и С.А. Теренины в гостиной калужского дома (улица Воскресенская, дом 1)

Очень интересна история этого дома. Н.В. Теренин начал его строительство в 1904—1905 гг., где он выступал не только как заказчик. Им были сделаны расчеты деталей для окон дома, рисунки для оформления балконов и т.д. Сначала дом предназначался для любимой дочери Любы (по рассказам ее сестры Ольги), однако жить ей в нем не пришлось, так как она умерла 18 марта 1910 года от аппендицита в возрасте 24 лет, вскоре после замужества, еще до окончания строительства (ГАКО, Метрическая книга Богоявленской церкви). Достраивали его уже для старшего сына Михаила Николаевича и его жены Софьи Акимовны. После венчания, состоявшегося в Петербурге, молодые супруги отправились в свадебное путешествие по городам Европы, посетив Берлин, Париж, Лондон, Рим. А когда вернулись в Калугу, то им были приказчиком преподнесены ключи от этого дома на деревянном резном блюде, которое до сих пор бережно хранится в семье их дочери Валентины Вячеславовны. В середине блюда — фотография этого дома.

М.Н. и С.А. Терениы (в центре) во время свадебного путешествия за границу

В августе 1914 г. началась Первая мировая война. В конце 1914 г. М.Н. Теренин был мобилизован. Он уехал на фронт, где служил писарем в штабе. 15 марта 1915 г. в их семье родилась дочь Валентина, а 27 января 1917 г. родился сын Николай.

В марте 1919 г. Михаил Николаевич получил назначение вместе с мужем сестры Ольги Николаевны, В.В. Покровским, в интендантскую часть Красной Армии в город Чернигов. По дороге на фронт он заболел «испанкой» (гриппом). Прибыв на место назначения, попал в госпиталь, где умер от пневмонии 4 апреля 1919 г. Об этом прискорбном событии сообщил в своем письме В.В. Покровский.

Революция 1917 г. внесла существенные изменения в размеренную жизнь не только этой семьи. После революции два дома Терениных по улице Воскресенской №1 и № 7 были муниципализированы. В конце 1918 г. две женщины, мужья которых были фронте: Софья Акимовна Теренина с двумя детьми и няней и Ольга Николаевна Покровская с дочкой, няней и гувернанткой-француженкой, которую все звали «Мадмуазель», переехали в дом на углу улицы Покровской и Кольцовского переулка (ныне угол улицы Дарвина №9 и улицы Пацаева). Это был третий дом Н.В. Теренина, который он купил для младшей дочери Ольги Николаевны, вышедшей замуж в 1914 г. за исправляющего должность помощника Калужского губернского тюремного инспектора титулярного советника В.В. Покровского (ГАКО, Метрическая книга церкви Покрова на рву). Поселились они все на втором этаже, который оставили им для проживания, так как и он был муниципализирован. К моменту их переезда, Терениных — Николая Васильевича и Марии Акимовны — уже не было в Калуге, они уехали в Москву, предупрежденные о готовящихся в городе арестах всех купцов. В Калугу они уже не вернулись, приезжали только в гости. Поэтому все тяготы переезда легли на плечи двух молодых женщин.

При выселении из дома по улице Воскресенской № 1, Софья Акимовна забрала всю мебель, люстры и бра, стараясь оставить новым хозяевам голые стены. За невозможностью разместить в том помещении, что дали для проживания, многие вещи были поставлены у хороших знакомых и у малознакомых людей. Многие вещи потом не были возвращены. При переезде в Москву мебель зала, гостиной за исключением нескольких вещей, была продана. Из мебели зала этого дома в их семье до сих пор сохранились белая этажерка, тумбочка рояльная и круглый столик. Из мебели гостиной — баю (горка) и журнальный столик.

Нужно было начинать жить в новых условиях. И Софья Акимовна в 1918 г. устроилась на работу в Губпродком машинисткой. Там же стала работать и Ольга Николаевна. До конфискации магазина Терениных в Гостином дворе на улице Никитской (ныне улица Ленина) они успели взять из него немного материи. А в годы разрухи ездили со знакомыми крестьянами по деревням, меняя его на продукты, чтобы прокормить семью.

В 1921 г. Ольга Николаевна с семьей переезжает в Москву. В этом же году Софья Акимовна вторично выходит замуж за врача Вячеслава Александровича Никольского и перестает работать. Терениы хорошо знали его семью и одобрили их брак. Софье Акимовне, будучи уже Никольской, пришлось через суд доказывать права на участок с деревянным домом по улице Урицкого, который примыкал к территории дома на ул. Воскресенской № 1. Еще до революции Н.В. Теренин купил эту землю на имя сына Михаила для устройства там сада. Примерно в 1925—1926 гг. ей, как наследнице своего умершего мужа, дом вернули с условием предоставить площадь трем семьям, которые жили в это время в доме. Эти люди согласились занять их помещение на Покровской улице. В деревянный дом они переехали в 1927 г. В конце 1920-х гг. С.А. Никольскую вызывали в НКВД, где ей предложили сдать имеющиеся у нее драгоценности на поддержание социалистического строительства, так как, конечно, знали о ее родственных связях с Терениными. Несколько вещей, наименее ценных, она отнесла следователю. В 1931 г. В.А. Никольский усыновил детей Теренина Валентину и Николая с переменой фамилии и отчества. Это было сделано с согласия свекрови М.А. Терениной. В те годы иметь купеческую фамилию было опасно, поэтому даже прямые потомки купеческого рода Терениных по мужской линии стали носить фамилию Никольских. Софья Акимовна в 1931 г. начинает работать в школе, сначала на общественных началах, затем штатным преподавателем русского языка и литературы в школе №7 г. Калуги. После Великой отечественной войны Софья Акимовна преподавала эти предметы в медицинском училище. В 1947 г. умер ее муж В.А. Никольский. Софья Акимовна жила в Калуге до 1953 г. Затем она уехала в г. Химки Московской области, где купила полдома. Умерла С.А. Никольская в 1967 г. в Химках.

Судьба дочери Валентины и сына Николая сложилась следующем образом. После окончания средней школы № 7 Валентина в 1931 г. уехала в Ленинград, где поступила в 1-й Энерготехникум, который окончила в 1935 г. По окончании техникума нужно было отработать 3 года и только после этого можно было поступать в высшее учебное заведение. Но студентам-отличникам (5 % от выпуска) давалось право поступать сразу. Так в эти 5% попала Валентина Вячеславовна. Она поступила в Индустриальный институт (ныне Политехнический) на инженерно-физический факультет на специальность радиофизики, который закончила в марте 1941 г. В 1940 г. Валентина Вячеславовна вышла замуж за калужанина В.В. Крапухина. Во время войны она была в эвакуации в Кузбасе, работала на металлургическом заводе в химической лаборатории. После войны с 1948 г. до выхода на пенсию в 1971 г. Валентина Вячеславовна работала в Московском энергетическом институте младшим научным сотрудником, затем ассистентом, старшем преподавателем. Муж В.В. Крапухин — профессор Московского института сталей и сплавов. Два их сына, Виктор и Вячеслав, окончили Московский физико-технический институт. Умерла В.В. Никольская в Москве в 2002 г.

Брат Валентины — Николай — после окончания школы в Калуге в 1936 г. поступил в Ленинградский индустриальный институт (ныне политехнический), который окончил 22 июня 1941 г. В начале Великой Отечественной войны был направлен в военное училище, а через год в звании лейтенанта был отправлен на фронт в службу радиолокации ПВО. Участвовал в обороне Ленинграда, защищал «дорогу жизни». Дошел до Берлина и расписался на Рейхстаге. После войны в 1945 г. женился на В.М. Ивановой. В 1948 г. поступил в Военно-морскую Академию им. А.Н. Крылова в Ленинграде, которую окончил с отличием в 1953 г. в звании

капитана III ранга. В 1953—1956 гг. работал военпредом в Харькове, Ленинграде. Участвовал в оснащении радиолокационным оборудованием первой советской атомной подводной лодки. В 1956—1971 гг. — старший преподаватель, заместитель начальника кафедры, доцент Черноморского Высшего военно-морского училища им. П.С. Нахимова в городе Севастополе. В 1971 г. вышел в отставку в звании капитана I ранга. Затем работал начальником лаборатории в Севастопольском филиале ленинградского Научно-исследовательского института. Умер в Севастополе в 1987 г. Два его сына — продолжатели рода Терениных — Михаил Николаевич кандидат технических наук, и Александр Николаевич, инженер-капитан III ранга.

В заключение хочется сказать, что воспоминания Никольской-Терениной являются важным источником изучения калужского купеческого рода Терениных, в частности, повседневной жизни его представителей. Не меньшее значение имеет фотоматериал из семейного архива Терениных конца XIX — начала XX вв., поступивший в наш музей, на постоянное хранение.

К ИСТОРИИ КАЛУЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

Н.В. Зиновкина, *главный архивист, Государственный архив Калужской области*

В настоящее время наше государство и общество активно обращаются к опыту прошлого, пытаясь применить его в сегодняшней практике: руководители субъектов федерации называются губернаторами, средние учебные заведения — гимназиями и лицеями, первые лица области пытаются возрождать благотворительность и т. д. Возрождаются и научные общества, успешно существовавшие до октября 1917 г. и даже несколько позже. К примеру, в Ульяновской области возрождена архивная комиссия, которая в 1895—1917 гг. существовала как Симбирская ученая архивная комиссия. Архивная комиссия Ульяновской области создана в декабре 2006 г. как общественный научно-консультативный совет при губернаторе[1]. Можно, пожалуй, говорить о том, что попытка реанимировать архивную комиссию в области, где довольно успешно работает региональное отделение Российского общества историков-архивистов, свидетельствует о неблагополучном положении архивной отрасли не только в отдельно взятой Ульяновской области, но и в стране в целом. При этом никто не будет отрицать, что губернские ученые архивные комиссии внесли огромный вклад не просто в изучение региональной и общероссийской истории, но и в сохранение документного богатства страны.

Напомним, что ученые архивные комиссии были созданы для организации в губерниях исторических архивов и в их обязанности, по положению, входило: «а) разбор дел и документов, предназначенных в губернских и уездных архивах разных ведомств к уничтожению, для выделения из них тех столбцов и бумаг, которые, по представляемому ими интересу в научном отношении, подлежат передаче для хранения в исторический архив; б) составление таковым документам и делам надлежащих описей и указателей; в) расположение их в таком порядке, чтобы они были доступны для ученых занятий»[2]. Во многих губерниях исторические архивы были непосредственными предшественниками губернских, впоследствии областных, архивов. Считается, что большинство документов Калужского губернского исторического архива хранится в Государственном архиве Калужской области[3]. Однако никто никогда не ставил задачи выяснить, что представлял собой Калужский губернский исторический архив, с одной стороны, и каким образом поступали документы исторического архива в созданный по декрету от 1 июня 1918 г. губернский архив, как они были описаны и где сейчас учтены — с другой. Нам представляется необходимым восполнить этот пробел в знаниях о прошлом калужского края. Разумеется, настоящая работа только обозначает проблему, решить ее в полном объеме может только целенаправленный многолетний труд. Когда будет написана история исторического архива и определен его состав в фондах ГАКО, мы не только узнаем много неожиданного об истории Калужской области, но и приблизимся к пониманию причин современного состояния архивной отрасли в отдельном регионе России.

На первом этапе работы источником послужили в основном «Известия Калужской ученой архивной комиссии». Сразу оговоримся, что в нашу задачу не входит анализ деятельности

Калужской ученой архивной комиссии по рассмотрению описей предназначенных к уничтожению дел различных учреждений, отметим только, что КУАК была обязана рассматривать описи, присланные ей из семи губерний России (до открытия в них собственных архивных комиссий), в том числе из четырех губерний Царства Польского[4].

КУАК была открыта 28 января 1891 г.[5] В первый год своей деятельности КУАК не смогла создать исторический архив, хотя некоторые шаги в этом направлении были предприняты: избран архивариус — преподаватель духовной семинарии П.П. Добромыслов; в «Калужских губернских ведомостях» помещена просьба к учреждениям губернии высылать в комиссию описи предполагаемых к уничтожению дел; И.Д. Четыркиным были изучены «хранившиеся в губернском статистическом комитете различные старинные документы», совершенно ветхие отобраны к уничтожению, а остальные — к передаче в исторический архив (около 200 свитков челобитных, грамоты, указы царствований Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I); В.И. Ассонов приступил к разбору документов полицейского правления и городской управы г. Тарусы[6]. Приступить к формированию исторического архива КУАК не могла по причине отсутствия своего здания. Что касается «старинных документов», хранящихся в губернском статистическом комитете, то это результат попыток обработки архивных дел: в середине 1870-х годов при губернских статистических комитетах были созданы особые комиссии по разбору архивных дел[7].

В 1892 г. КУАК удалось устроить помещение для архива в «доме Марины Мнишек», в 1893 г. были «окончательно устроены и снабжены достаточною мебелью архив и музей, хотя для архива желательно было бы иметь более свободное и светлое помещение (архив помещается в небольшой комнате внизу, налево). …В архиве устроены полки, на которых надписями обозначены уезды Калужской губернии для распределения поступающих дел и отдельных документов по принадлежности»[8]. Но КУАК размещалась не во всем доме Коробовых: верхний этаж до конца 1898 г. занимал статистический комитет[9]. Недостаток и неудобство помещения архива и музея отмечал товарищ председателя КУАК И.Д. Четыркин 3 апреля 1897 г.: «Помещение в нижнем этаже до того сыро, что нет никакой возможности заниматься в нем тем лицам, которые желали бы посвятить свободное время занятиям в архиве. В нынешнюю зиму помещение архива не отапливалось, вследствие этого находящиеся в нем некоторые вещи покрылись плесенью, а отобранные дела, находящиеся на полках, сыры»[10]. Кстати сказать, состояние дома Коробовых не было особенно блестящим и впоследствии: 7 октября 1907 г. председатель КУАК В.И. Ассонов докладывал на заседании, что им произведен ремонт здания, который «требовалось сделать безотлагательно», и «здание было приведено в порядок на более или менее продолжительное время»[11]. Видимо, к 1907 г. положение стало катастрофическим, если еще 28 мая 1905 г. КУАК отмечала: «помещение нижнего этажа сыро: каждую весну проникает в него вода, а потому хранящиеся в нем дела и документы подвергаются порче»[12]. В 1907 г. остро встал вопрос о найме «в городе особого складочного помещения, удобного для разборки и хранения… значительного количества архивного материала»[13], поскольку рассмотрение подлежащих уничтожению дел только по описям не могло дать представления об их исторической ценности. Вопрос о ремонте и строительстве помещения для «сохранения бумаг и дел» поднимался и в последующие годы[14].

Как известно, в 1899 г. на XI археологическом съезде в Киеве «вопросы архивного дела заняли очень большое место»[15]. Министерство внутренних дел, озабоченное дискутирующейся проблемой необходимости централизации архивного дела в стране и составленным проектом архивной реформы, принятом на съезде, обратилось в сентябре 1901 г. к губернаторам с просьбой сообщить сведения об ученых архивных комиссиях. В отчете, составленном председателем КУАК И.Д. Четыркиным, об историческом архиве сообщается: «В последние 4 года явился губернский исторический архив, в котором числится не менее 15000 отобранных дел и документов не только XVIII и XIX ст. но и XVII, между которыми есть пожертвованные в архив подлинные дарственные грамоты наших государей. Почти всем делам и документам XVII ст. составлена опись, а содержание грамот напечатано с точностию в „Известиях“ комиссии. Губернский исторический архив постоянно пополняется поступающими из различных учреждений губернии и из сенатского архива делами и жертвуемыми документами от различных лиц или членов комиссии. Делам и документам в настоящее время составляется

опись, и если бы были в комиссии достаточные денежные средства, то она могла бы приступить и к научной описи всех дел и документов для лучшего пользования ими не только членов комиссии, но и посторонних лиц, интересующихся различными вопросами историко-бытового характера прошлой жизни калужского края. Приближается момент, когда настоящее помещение может оказаться недостаточным для размещения всех дел исторического архива в должном порядке…»[16]

В сентябре 1903 г. сведения о деятельности губернских учёных архивных комиссий затребовал от губернаторов Департамент общих дел МВД. 29 сентября 1903 г. Четыркин отвечает губернатору, что в губернском историческом архиве находится на хранении «более 20 тысяч дел, отобранных из различных учреждений Калужской губернии»: Калужского губернского правления (дела воеводских канцелярий XVIII в.), Калужского губернского земства, Тарусского полицейского управления, Перемышльского уездного казначейства, — а также дела, «пожертвованные из частных семейных архивов». «В историческом архиве хранятся также пересланные из Сенатского архива дела (числом около 1000), относящиеся к Калужской губернии; дела эти, по времени, большею частию относятся к первой половине XIX столетия…»[17].

На последнем сюжете хотелось бы остановиться особо. Уже в отчете о деятельности КУАК за 1893 г. указывалось, что «в различные промежутки времени поступают старые дела из Сенатского архива, содержание которых вкратце записывается членом-архивариусом П.П. Добромысловым в особо заведенную книгу»[18]. Вероятно, поступившие дела рассматривались с интересом. Это подтверждается тем, что на их основе сразу же появлялись публикации. К примеру, «О последствиях ревизии в Калуге в 1802 г. Г.Р. Державина»[19]. Дела из Сенатского архива продолжали поступать и позже. На примере сенатских дел была предпринята попытка выявить в ГАКО поступившие из КУАК дела. В ГАКО имеется «Коллекция дел о действиях учреждений и отдельных лиц, бывших на рассмотрении Сената» (Ф.54). В ней по 2 описям учтено 1947 дел. Среди них обнаружены 3 дела с заголовками «Опись входящим делам Сенатского архива», «Реестр входящих бумаг»[20]. Таким образом описывались присланные дела. Обнаружены описи дел, относящихся к 1801, 1804 и 1806 гг. Поскольку Сенатский архив присылал дела не годовыми комплектами, а вперемешку, то можно думать, что подобные описи призваны были упорядочить поступающие дела по хронологическому принципу. Книги, в которую записывалось содержание поступающих дел, обнаружить не удалось. Преемственности в описании дел между КУАК и ГАКО не наблюдается. Это можно объяснить объективными причинами. К 1915 г. КУАК почти прекратила заниматься архивом. Как отмечал в отчете за 1916 г. В.И. Ассонов: «Продолжающаяся жестокая борьба народов и ее тяжелые последствия в нашей стране не могли не отразиться отрицательно и на деятельности большинства таких мирных учреждений, как архивные комиссии»[21]. В актах обследований архивов Калуги, составленных губернскими архивариусами в 1920 г., архив при КУАК не упоминается. В предисловии к описи коллекции написано, что сенатские дела поступили в губернский архив в 1920 г. Описаны они были уже после Великой Отечественной войны: первая опись составлена в 1946 г., вторая — в 1949-м. Ко времени описания никто уже не помнил об описях и книгах КУАК. Полной уверенности в том, что весь комплекс коллекции ГАКО состоит из дел, поступивших из КУАК, нет, особенно это касается дел, учтенных по второй описи. Тем не менее, с уверенностью можно утверждать, что дела за 1801, 1804 и 1806 гг. находились на хранении в историческом архиве и были там предварительно описаны.

Вообще же в опубликованных отчетах о деятельности КУАК редки упоминания об описании дел. В основном описанием занимался П.А. Трейтер, причем он, исходя из своих научных интересов, описывал в основном грамоты — жалованные, дарственные [22]; он «сделал систематическую опись делам XVII и частию XVIII столетия, числом около 300, и таким образом положил начало научно-систематическому описанию документов Калужского исторического архива»[23]. П.А. Трейтер занимался и публикацией документов[24]. Известно также, что к 1897 г. «архивариус В.И. Соловьев составил настольную опись отобранным и присланным из различных учреждений делам, числом около 400»[25]. При этом ежегодно рассматривалось присланных описей порядка десятков тысяч дел, отбирались для хранения

в историческом архиве сотни дел учреждений губернии.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что КУАК в основном занималась «наполнением» исторического архива, а не систематическим его описанием. «Комиссия желала бы пригласить для этого дела особого архивариуса, но по крайней скудости своих средств не может этого сделать», — отмечал автор одного из первых обобщающих трудов об архивном деле в ученых архивных комиссиях член Нижегородской комиссии В.И. Снежневский[26]. Что же касается средств КУАК, то они на самом деле были крайне скудны и состояли в основном из членских взносов и более или менее регулярных субсидий и пожертвований. К 1902 г. КУАК наряду с Орловской ученой архивной комиссией, располагала самыми незначительными годовыми средствами: от 200 до 300 руб.[27] В 1916 г. КУАК располагала 502 руб. 17 коп.[28] К чести КУАК следует отметить, что ее члены активно вводили в научный оборот документы своего архива. В каждом выпуске «Известий КУАК» имеются либо публикации документов, либо статьи, основанные на документах исторического архива, либо даже описи документов. Это свидетельствует о том, что КУАК, как и все ученые архивные комиссии, придавала популяризации местных исторических знаний огромное значение[29].

Примечания

[1] Сомова Л.А. Возрождение традиций Симбирской губернской ученой архивной комиссии // Вестник архивиста. 2006. №4—5. С.266—269.

[2] Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т.I. Пг., 1916. С.662.

[3] Калужская губернская ученая архивная комиссия // Калужская энциклопедия. Изд. 2, перераб. и доп. Калуга, 2005. С.176; Лысцева И.В. Роль Калужской ученой архивной комиссии в развитии общественного краеведения и музейного дела в калужском крае (1891—1918) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тезисы докладов 4-й историко-архитектурной конференции в Калуге. Калуга, 1991. С.72; Авдеева Л.Л. Деятельность КУАК и ее значение для изучения Калужского края: Выступление на IV конференции «Вопросы истории и археологии Верхнего Поочья», посвященной 100-летию КУАК, 25 февраля—1 марта 1991 г. // СИФ ГАКО. №2655 (вступление опубликовано не было).

[4] См., например, едкий отзыв о рассмотрении КУАК описей на польском языке: Назин С. Из истории архивного дела в дореволюционной России // Архивное дело. 1936. №2 (39). С.32.

[5]. ИКУАК. Калуга, 1892. №2. С.29.

[6] Там же. С.30—32.

[7] Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Н.Новгород, 1991. С.9.

[8] ИКУАК. Калуга, 1895. №4. С.4.

[9] См.: ИКУАК. 1899. Вып. I. С.9.

[10] Там же. Калуга, 1897. №5. С.24.

[11] Там же. 1910. Вып. XX. С.88.

[12] Там же. С.85.

[13] Там же. С.88.

[14] См., например: ИКУАК. 1911. Вып. XXI. С.76—79.

[15] Бржостовская Н.В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869—1911) // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С.93.

[16] ГАКО. Ф.32. Оп.2. Д.793. Л.3—4об.

[17] Там же. Д.1038. Л.3—3об.

[18] ИКУАК. Калуга, 1895. №4. С.5.

[19] Там же. С.17—26.

[20] ГАКО. Ф.54. Оп.1. Д.315, 390, 484.

[21] Там же. Ф.58. Оп.3. Д.230. Л.2.

[22] ИКУАК. №4. Калуга, 1895. С.5; Там же. 1898. Вып. 7—8. С.24.

[23] Там же. 1899. Вып. I. С.6; опись опубликована: ИКУАК. 1899. Вып. I. С.20—66. В ГАКО эти документы не обнаружены.

[24] См., например: Описание одиннадцати документов XVII и XVIII столетия, пожертвованных Калужской ученой архивной комиссии действительным членом ее Н.П. Аврамовым 22 июля 1899 г. // ИКУАК. 1899. Вып. II. С.20—25.

[25] ИКУАК. Калуга, 1897. №5. С.24.

[26] Снежневский В.И. Губернский ученые архивные комиссии и архивное дело в них. М., 1902. С.20.

[27] Там же. С.4.

[28] ГАКО. Ф.58. Оп.3. Д.230. Л.2об.

[29] Макарихин В.П. Указ. соч. С.18.

ДУГНЕНСКИЙ ЗАВОД

А.В. Кандидов, *г. Ферзиково, Калужская область*

Высокие цены на металл подтолкнули предприимчивого купца Андрея Виниуса задуматься над строительством в России железоделательного завода по европейскому образцу.

На челобитную последовала грамота Михаила Федоровича, разрешающая строить такие заводы. Оказавшись в затруднительном финансовом положении, его ссудили деньгами комиссар датского короля Петр Марселис и Филимон Акема, вскоре отошедшие от Виниуса.

В духовной грамоте Петр Марселис завещал свои заводы малолетнему сыну Христиану, который вместе со своим опекуном Бутенантом фон Розенбущем облюбовал место для строительства нового железоделательного завода на речке Дугне, близ впадения ее в Оку, с ее крутыми берегами, позволявшими вмещать много воды. Началось интенсивное строительство. Но ранняя смерть Христиана Марселиса остановила строительство, заводы и Соломенская волость были переданы в Пушкарский приказ и подарены Петром своему дяде по материнской линии Льву Кирилловичу Нарышкину.

10 марта 1690 г. подъячий Пушкарского приказа Сергей Севергин составил опись: «Во Алексинском же уезде, Любутском стане заведен новый железоделательный завод на наемной земле Ивана да Петра, да Остафья, да Лариона, да Алексея Григорьевых детей Бегичевых на речке Дугне, а оброку той земли договоренность им платить денег по штидесят по пяти рублев да по пуду железа в год». Перечислялись заводские строения, кузница, чугунная баба в сорок пуд для забивания свай при строительстве плотины[1].

Виниус, Марселис и Акемы выписали из зарубежья до 600 специалистов железного дела, на Ченцовском заводе создали кузнечную школу, так сказать передового опыта, в которую поочередно посылались тульские кузнецы для повышения квалификации для обучения их заварке ружей и пр. Среди посланных был и Никита Демидов Антуфеев, позднее ставший сподвижником Петра в реализации, выражаясь современным языком, его «металлургической программы», уроженец села Павшино, что в 20 верстах от Тулы.. В 1690 г. проездом в Воронеж Петр остановился в Туле с желанием заказать местным умельцам изготовить несколько алебард по иностранному образцу. Пришел один Антуфеев, которому царь приказал выковать 300 алебард по образцу. Возвращаясь из Воронежа, он заехал в кузницу Антуфеева и приказал ему идти вместе с ним в его ставку, где показал ему хорошо сделанное иностранное ружье. Через некоторое время кузнец привез в Москву шесть ружей. Монарх пожаловал ему сто рублей и подписал Указ отвести ему близ Тулы, в Малиновой засеке несколько десятин земли для копания железной руды и жжения угля. Никита Демидович стал поставлять в казну ружья по 1 рублю 80 коп., в то время как иностранцам казна платила по 12—15 рублей. По умеренной цене он стал поставлять в Пушкарский приказ и другие военные припасы.

6 января 1702 г. Никите Демидовичу была дана Грамота на Невьянские заводы. С этого времени он стал именоваться Демидовым. Грамотой царя ему давалось право отыскивать «угожие места» для строительства железоделательных заводов. Он обращает внимание на речку Дугну и посылает своего сына Григория к стольнику Василию Алексеевичу Лодыженскому, которому принадлежала эта земля, и договориться об аренде. Никита Демидов просил Грамоту на строительство завода на речке Дугне, получил лишь в 1707 г. Стольник В.А. Лодыженский дает тулянину казенной слободы Григорию Демидову запись о том, что он отдает сроком на 20 лет свою поместную землю для строительства железоделательных заводов. Никита Демидов пишет государю, что он нашел «угожее место» и просит выдать ему Грамоту на постройку тех заводов. В скопированном с подлинного Великого государя указа от 3 января 1707 г. говорится «…велено им на железном заводе лить бомбы и ядра, и ручные гранаты и всякие воинские припасы. И они, де, Никита и Григорий приискали такое же угожее место к железным заводам … в Алексинском уезде, на речке близь Оки у стольника нашего у Василия Алексеевича, сына Лодыженского взяли на 20 лет по договору платить по 30 рублев …, ему, Григорию, угодно на поместной его Васильевой земле в Любутском стану, в селе Спасском, что была деревня Богданиха на

речке на Дугне по обе стороны вверх по той речке по правую сторону броду, что ездят по калужской доге … дать Грамоту с прочетом, чтоб им построить те новые железные заводы и впредь от воевод и приказных людей обиды и убытков не было, и тою б запись в Приказе артиллерии записать в книгу»[2].

Правительство приписало к заводу крестьян ближних деревень. И уже в скором времени Демидовы рапортовали государю: «А с тех заводов памятных припасов и артиллерию дано много число».

Демидовы использовали труд не только приписных крестьян, но и пришлых, и беглых, обещая им, что они не будут знать никаких властей, податей, налогов, не спрашивали никаких «отпусков», ни как крестятся, платили за работу деньги, давали хлеб, одежду, обувь. Люди шли охотно, не зная, что позднее они будут закабалены.

Завод был пущен в 1707 г. Демидов стал одним из главных помощников Петра при строительстве Петербурга, жертвуя деньги, железо, был основным поставщиком вооружения армии и флота в Северной войне. Н.Демидов был пожалован в комиссары. Его богатство росло не по дням, а по часам, в 1715 г. он имел возможность подарить царевичу «на зубок», кроме дорогих подарков, 100 тысяч рублей.

Его сын Акинфий на Урале стал также обеспечивать армию и флот боеприпасами, наладил добычу магнита и малахита. В 1720 г. Демидовы были пожалованы в дворяне. Из Персидского похода 1722 г. Петр прислал Демидову свой портрет с письмом, заканчивающегося словами: «Лей больше пушкарских снарядов и отыскивай по обещанию серебряную руду».

Вешние воды часто разрушали плотину на Дугнинском заводе. В 1715 г. они были затоплены наводнением. Купил их младший сын, Никита Никитич, за 1000 рублей, создавая по сути новое чугунолитейное и железоделательное предприятие, построенное на обоих берегах речки Дугны. Завод с одной домной и двумя горнами был пущен в феврале 1718 г. Через год плотину прорвало, работа домны возобновилась лишь в январе 1720 г. Было получено чугуна 14 тысяч пудов, железа — 7 тысяч.

Императрица Грамотой от 24 марта 1726 г. подтвердила дворянство Демидовых, данное Никите Демидовичу, умершему 17 ноября 1725 г.; возвела Акинфия Никитича с братьями Григорием и Никитой и со всем нисходящим от них потомством в «Потомственное дворянское достоинство» по Нижнему Новгороду. Этой же Грамотой был пожалован и Герб, представлявший собой щит, «разделенный горизонтально золотой полосою, в верхней части в серебряном поле три зеленые лозы рудоискательные, в нижней же части в черном поле серебряный молот. Щит увенчан дворянским шлемом: намет с серебряною обложкою».

В 1720 г. в Дугне действовала одна домна и одна молотовая с двумя горнами. Через некоторое время была возведена еще одна домна и молотовое отделение с двумя горнами. Несколько лет работы показали, что передельное производство отстает от доменного. С целью уравновесить производство Демидовы обращаются в Правительство с просьбой о выделении им земли для строительства передельных заводов. Дугнинские заводы производили железо, чугунное литье.

Григорий Никитич был женат дважды, от второго брака у него был сын Иван, человек очень агрессивный. Отношения между отцом и сыном были нездоровыми. Конфликт разрешился в ночь на 14 мая 1728 г.: выстрелом в затылок из ружья Григорий Никитич был убит своим сыном. Убийца был взят под стражу, бежал, был пойман и казнен при Бироне.

4 февраля 1726 г. было получено разрешение на строительство передельного завода на речке Брынь Мещовского уезда. И они покупают у капитана Обухова три сельца: Толстошеево, Хотисино и Воротное с пахотной землей, лесами, выпасами. Крестьяне этих деревень становятся резервной рабочей силой. В счет подати они выполняли работы на заводе, в остальное время занимались хлебопашеством.

В 1733 г. Никита Никитич покупает у графа Михайлы Головкина за 33 тысячи рублей Ромодановскую волость, в состав которой входили 28 сел и деревень с населением 2268 ревизских душ мужского пола. По Указу Берг-коллегии в 1740 г. в 7 верстах от Калуги на речке Вырке Никита Никитич строит железоделательный молотовый завод. Для этого завода на Ново-Дугнинском строится вместо старой новая домна. В 1741 и в 1752 гг. в Ромодановской волости были серьезные крестьянские волнения, вызванные жестоким обращением заводчика.

Деловыми качествами обладал и сын Никиты Никитича — Евдоким (29 июля 1713 — 29 января 1782), который еще при жизни отца принимал участие в управлении производством.

Начиная с 1701 г. правительство стало проводить в жизнь политику «бережения лесов от огня». Уже в марте издается Указ о запрещении расчистки лесов, находящихся не далее 30 верст от сплавной реки. Указом от 19 ноября 1703 г. запрещается рубка леса у рек больших на 50, малых на 20 верст под страхом штрафов и даже жизни. В 1754 г. публикуется Указ об уничтожении подмосковных железоделательных заводов с целью сохранения лесов и борьбы с пожарами. Под действие этого Указа подпадали Дугнинский и Вырковский заводы Демидовых, а существование Брынского передельного без Дугнинского доменного было бесполезным. Евдоким Никитич писал в Правительствующий Сенат, что хотя Дугнинский завод и отстоит от Москвы в 170 верстах, ущерба лесному хозяйству не приносит, так как «угольное жжение лесу нет и не покупается, а лес доставляется с Жиздры и Угры в Оку, на которой стоит завод в безлесном месте для одной руды и водной коммуникации, что снос Дугнинских заводов (домен) вызовет остановку Брынского завода, который хотя и отстоит от Москвы в 300 верстах и по довольству леса к уничтожению не определен, но когда Олексинский (Дугнинский) завод уничтожен будет, тогда и тот отдаленный Мещевский (Брынский) завод за неимением при нем руд и невозвратным убытком и разорением в опустошении принужден вовсе остаться».

Демидов привел еще два «законных резона»: «На Дугнинском заводе заготовлено такое количество сырья, которое невозможно будет переработать в течение пяти лет». «Железо Дугнинских заводов против других тутошних заводов, кроме сибирских, явилось способнее для производства оружия, а близость завода к Туле (40 верст) создает удобства для использования его продукции Оружейной канцелярией». Свою Челобитную Демидов завершил просьбой, чтобы заводы отца были освидетельствованы и было бы высказано объективное мнение. На этот раз Демидовым удалось удержать свои заводы. Но полной уверенности не было. В результате дальнейших хлопот 31 января 1755 г. они получают разрешение на строительство завода в Людинове. Земля была куплена у А. Батурина за 11 тысяч рублей. К концу жизни у Никиты Никитича было пять заводов, 4 передельных и лишь один Дугнинский был доменным и молотовым.

В декабре 1758 г., чувствуя престарелые свои годы, он решил поделить заводы между сыновьями. Евдокиму достается Брынская часть и он меняет ее у брата Алексея на Людиновскую, включавшую в себя Дугнинкие и Людиновский на р. Ломпадь в Брянском уезде. В 1777 г. Евдоким Никитич усмотрел, что его Людиновские заводы находятся среди великих лесов, и в целях на транспортировке топлива прекратил в Дугне передел чугуна.

А в Дугне вместе с заводом рос и развивался поселок. На месте деревянной церкви строится каменная с колокольней во имя апостолов Петра и Павла с приделом Симеона Столпника. В начале XX века функционирует женская обитель «Отрада и Утешение» с 170 монахинями и 130 девочками-послушницами — игуменья Софья Евгеневна Гринева. В двухэтажных каменных флигелях размещают полотняную фабрику, на 35 станах которой выпускается полотно разных сортов, в основном парусное, и через Гжатскую пристань отправляются к заморскому торгу в Санкт-Петербург. Каменное здание на два горна было крыто чугунной черепицей. Между двух горнов была вырыта подземная тюрьма высотой 12 метров с вмонтированными в стены кандальными цепями. У родника «Лаврин» был построен винокуренный завод с выработкой 236—286 ведер водки. На верхнем заводе стояла конюшня на 60 лошадей, фруктовый сад с оранжереей более 60 метров длиной. Регламентом Берг-коллегии 1725 года предписывалось на железных заводах работать в две смены по 12 часов с перерывом на обед зимой на 1 час, летом — на 2 часа. Зимой начинали работы за час до восхода солнца, а заканчивали через час после его захода.

4 июня 1764 г. наводнением в Дугне были разрушены обе плотины и восстановлению не подлежали. Сохранилась опись ущерба, нанесенного наводнением.

Отставной прапорщик Петр Евдокимович Демидов продолжал строить новые заводы и расширять старые. И в 1795 г. он строит в Дугне молотовую фабрику с 8 горнами и 8 молотами и называет это предприятие Нижне-Дугнинским. В «Ведомостях» за этот же год оно значится уже действующим. Три действующие домны да 17 рудообжигающих и угольных

печей приводят к тому, что правительство решает закрыть заводы в Дугне, а мастеровых перевести на Сукремльский завод. Петр Евдокимович проявляет завидную энергию по спасению заводов. И уже к 1 апреля 1809 г. он сумел поставить такое количество боеприпасов, которое не смогли выполнить Петербургский, Кронштадтский и Олонецкий заводы вместе взятые. А Отечественная война 1812 года увеличила спрос на артиллерийские припасы. И на этот раз заводы в Дугне были спасены.

М.И. Кутузов придает важное значение обеспечению армии боеприпасами. 28 сентября 1812 года он отдает распоряжение калужскому губернатору Павлу Никитичу Каверину целиком переключить на производство для армии Дугнинский, Сукремльский и Людиновский заводы, «ускорить работы и изготовить для армии разного калибры ядр, гранат и новых картечь по прилагаемому исчислению и, доколе сии снаряды не будут приготовлены, другого калибра не выливать». Был приложен и расчет по изготовления снарядов для батарейных рот. Ядер 34800, гранат 17400. Взяв заводы под контроль, Кутузов командировал штабс-капитана Демидова наблюдать, чтоб боеприпасы изготовлялись только тех калибров, которые употреблялись в русской армии, и чтобы работы не прекращались ни при каких обстоятельствах[3]. Один из Демидовых экипировал за свой счет полк солдат, вошедший в историю Отечественной войны, как «демидовский».

Дед Петра Евдокимовича, Никита Никитич, до раздела своего имущества в 1758 г. имел 6 заводов на Урале и 5 в Центральной России. Многочисленные его сыновья и внуки в XVIII веке имели 20 заводов, к концу века смогли сохранить 9, к начале XIX века — 7: Дугнинский и Людиновский все еще действовали.21 января 1821 г. была совершена купчая Петра Евдокимовича с московским купцом Дмитрием Лавровым. Дугнинские заводы были проданы за 300 рублей. Лавров заплатил 60, а на остальные 240 совершена закладная на имя сына — поручика Дмитрия Петровича Демидова. Платеж был растянут на пять лет. Через 14 лет завод в Дугне изготовлял до 90 тысяч пудов изделий в год.

Занимались дугнинские умельцы и художественным литьем. В Киеве 23 сентября 1853 г. на второй террасе Владимирской горки был открыт бронзовый монумент князя Владимира Святославовича по проекту фигуры скульптора В.И. Демут-Малиновского, пьедестала — архитектора К.А. Тона. Фигура князя установлена на восьмигранном пьедестале, облицованном чугунными плитами, отлитыми в Дугне. Его восточная сторона украшена бронзовыми барельефами «Крещение славян» и старинным гербом Киева. На круглой базе, украшенной литьем в виде цветов, стоит бронзовая фигура князя. Высота скульптуры 4,5 м., вес около 6 тонн, общая высота монумента 20,4 м.

Тяжелый труд заводчики оплачивали скудно. Рабочие бастовали. В 1904 г. Учитель В.М. Бриллиантов создал в Дугне социал-демократический кружок большевистского направления. В 1919 г. Завод был национализирован, одно время не работал, позже скооперировался с Петровским заводом, выпускал сеялки, веялки, запасные части к отечественному трактору «Фордзон», печную фурнитуру, приводы к конным молотилкам В годы Великой Отечественной войны – «рубашки» к ручным гранатам (РГД-33) и «лимонкам» (Ф-1). В послевоенные годы — даже деревообрабатывающие станки, в середине XX столетия — запорную арматуру — фитинги, части к картофелеуборочным комбайнам. В конце XX в. завод становится собственностью акционерного общества, входит в состав промышленной группы «РусТЭН», на котором отливают «пильцебс» — мелющее вещество для цементных заводов. Расцвет завода относится ко второй половине XX века (директора С.П. Домахин, С.С. Шутов). Все рабочие и служащие были обеспечены жильем, построены новые цеха, дом культуры и пр. Ныне — генеральный директор В.П. Пикуля, исполнительный — Ю.А. Косарев, председатель совета директоров — В.В.Новопольцев. Дугнинский механический завод ныне единственный в центральной России из 21 действовавшего в XVIII в.

Примечания

[1] Архив Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи, ф.1, оп.1, кн.181—182.

[2] Там же, ф.2, Сборник документов, д. 2985, л.1—5.

[3] Кутузов М.И.: Сборник документов. М., 1954. Т.4. Ч.1. С.395—397.

ИСТОРИЯ ПЯТНИЦКОГО КЛАДБИЩА ГОРОДА КАЛУГИ

В.А. Андреева, *к.соц.н., старший преподаватель, филиал Северо-Западной академии государственной службы в г. Калуге*

Пятницкое кладбище — одно из старейших мест упокоения калужан. Городское Пятницкое кладбище существует в Калуге более 225 лет, но до сих пор не подвергалось системному научному исследованию как объект истории, поэтому представляет собой практически нетронутое поле для краеведческого поиска. В краеведческой литературе отсутствуют публикации, посвященные комплексному анализу развития этого некрополя.

В некоторых архивных документах мы встречаем название «Успенское кладбище». Речь идет о городском кладбище на окраине дореволюционной Калуги, отведенном для захоронений жителей на земляном валу, который проходил по современной ул. Труда и Баррикад к северу от центра города[1]. Свое название «Петропавловское», или «Пятницкое», городское кладбище получило после перенесения на эту территорию Храма Петра и Павла (1781 г.). Первоначально Храм Петра и Павла находился на бывшей Московской дороге напротив церкви Георгия за Лавками. Храм был перенесен в 1780 г. на общественные деньги и именовался тогда в честь великомученицы Параскевы Пятницы. Это название дало имя и всему некрополю[2]. В конце XVIII в. Петропавловское кладбище становится местом обретения вечного покоя для большинства городских жителей.

По мнению некоторых исследователей (Д.И. Малинин, Ю.А. Вусович), единое городское (общественное — *В.А.*) кладбище начало формироваться в Калуге с 1780 г: «В 1780 г., согласно утвержденному плану города, для кладбища было отведено место за городской чертой тогдашней Калуги у нынешней Пятницкой церкви, и с этого времени другие вышеуказанные кладбища продолжают существовать, так как в 1785 г. было распоряжение правительства о том, чтобы погребать умерших не ближе 100 сажень от жилых домов»[3].

История возникновения кладбищ XVIII в., расположенных вне городской черты, имеет определенные истоки. Исследователи связывают этот факт с указом Екатерины II, когда в целях недопущения распространения чумы вместо погостов около городских церквей стали отводить специальные места для погребения умерших. Прежде всего следует отметить, что учреждение загородных кладбищ было непосредственно связано с карантинными мерами в связи с начавшейся в последней трети XVIII в. эпидемией. Первоначальный этап против «морового поветрия» в центральных губерниях выразился во внешних организационных мерах — возникновении застав, чтобы не допустить проникновения эпидемии на собственные территории, а затем уже и внутренних — непосредственного устройства кладбищ вне городской черты в целях предотвращения распространения чумы среди местного населения. Данные нововведения были закреплены на законодательном уровне рядом Указов Сената, изданных в 1771 г.[4] Как отмечает историк С.М. Соловьев, «… вследствие чумы была приведена в исполнение повсеместно очень важная мера: запрещено хоронить внутри городов при церквах и отведены за городом места для кладбищ»[5]. Так создавались значительные городские некрополи, где с конца XVIII в. хоронили большинство жителей.

Историю возникновения Петропавловского кладбища вряд ли можно связывать с «моровым поветрием», которое захватило ближайшие губернии в начале 70-х гг. XVIII в. Скорее всего, потребность в едином городском кладбище была обоснована разработкой генерального плана г. Калуги 1778 г. с целью вынести за пределы Калуги места погребения, сконцентрировать их в одном и придать цивилизованный вид. В начале XVIII в. в Калуге существовало несколько кладбищ. В «Летописи Калужской», составленной Ханыковым, зафиксировано, что в «1772 г. для погребения мертвых отведены особыя 2 кладбища на Казанке и у Боровской дороги, а богатые начали погребаться в Лаврентьевом монастыре»[6]. Таким образом, основными местами погребения простых жителей были территория с юга — возле современной Николо-Козинской улицы, с севера — на выезде из города по Боровской дороге, вероятно, в той стороне, где позднее был основан Крестовский монастырь. Элита, к которой принадлежали дворяне, купечество 1-ой гильдии и почетные граждане города, находили последнее пристанище в монастырских стенах. Лаврентьевский монастырь является старейшим аристократическим некрополем г. Калуги, не сохранившимся до наших дней.

Специалисты локальной истории датируют время основания Пятницкого некрополя 1780 г. Вопрос о том, что же появилось ранее — само кладбище или перенесенная на это место церковь Петра и Павла, вокруг которого впоследствии начал формироваться некрополь — остается открытым. По мнению Д.И. Малинина, «место для этого (Петропавловского — *В.А.*) храма было найдено в связи с образованием общего кладбища для Калуги, за северною чертой города, к Лаврентьеву монастырю… до этого времени, как и всюду, сначала прихожане погребались на приходских кладбищах…общее же кладбище было отведено около 1780 года»[7], — т. е. к моменту постройки храма кладбище либо планировалось, либо уже действовало.

История формирования кладбищенской территории заслуживает отдельного внимания. Первоначально территория кладбища была разбита на участки, на некие условные ареалы, предназначенные для захоронений граждан определенных калужских церковных приходов. Выделенный в конце XVIII в. под городское общественное кладбище участок имел небольшие размеры и по прошествии 30 лет существования оно переполнилось. Как следует из рапорта полицмейстера 1813 г., «погребение на том кладбище день ото дня становится утеснительнее так, что при рытье новых ям накапываются на старые прежде погребенные гробы»[8].

Указом Калужской духовной консистории в феврале 1813 г. сообщалось о необходимости известить городские церкви о том, что теперь необходимо производить захоронения не на Пятницком кладбище, а на прирезанном к нему месте: «...вновь прирезанное к кладбищу место разделить по числу приходов на участки и о том сделать обвещение», и данный вопрос должен быть под контролем местной полиции[9]. В итоге, под ответственностью священника Николая Образцова, участок был поделен на 30 частей. «...Во исполнении Указа честь имею донести, что 10 марта сообразно старому кладбищу кладбище разбито на равные участки 30 шт., а церквей всего 28, поэтому под №29 и 30, кои большей частью уже заняты могилами, назначено быть участкам запасным»[10]. Приходские участки расширялись путем прирезки к ним новой территории параллельно, как бы в продолжение существующей. Судя по архивному плану, площадь захоронений представляла собой прямоугольник, с западной стороны которого располагался Петропавловский храм. Он примыкал к Хлюстинскому и Ильинскому приходам. В начале XIX в. аллея, ведущая к входу в храм (она сохранилась до наших дней), являлась центральной разделительной линией кладбища. Дорожка, называемая «церковной аллеей», сохранилась до настоящего времени, послужив ориентиром для практического выяснения расположения исторических участков.

В 2006 г. нами были произведены натурные обследования современной территории Пятницкого кладбища с целью выявления его первоначальных границ. В результате практических исследований и замеров, основываясь на архивных данных, были сделаны следующие выводы: историческими участками, хранящими важнейшую историко-культурную информацию, можно назвать современные участки кладбища под №5 (включая №10), а также №6 (включая №11 частично), расположенные по обе стороны от так называемой «церковной аллеи». Впоследствии кладбище распространилось и на участки с современной нумерацией №1 и №2. Именно на этой территории, названной нами «историческим ядром», еще возможно найти следы захоронений XVIII — XIX вв. Здесь хоронили большинство горожан на протяжении 200 лет. По итогам полевых исследований в 2006 г. в историческом ядре было выявлено более 70 захоронений дореволюционного периода, сохранившихся до наших дней. Выявленные имена включают родственников знаменитых калужских купеческих фамилий, таких, как Алферовы, Домановы, Грибановы, Заверины, Касушкины, Кожевниковы, Мешковы, Фишеры, Ченцовы и др. Обнаружено несколько могил почетных граждан г. Калуги дореволюционного периода.

В 1813 г. кладбище представляло собой участок 150х75 сажень. Таким образом, общая площадь Пятницкого составляла приблизительно 16 га с учетом уже удлиненных приходских участков, каждый из которых имел размер не более 25х75 м. Спустя столетие кладбищенское пространство увеличилось до размеров 175х200 сажень: на открытке 1913 г., где изображен план г. Калуги, кладбище уже представляет собой значительно больший объект, включив в себя воинское и лютеранское кладбища — смежные с городским Пятницким. К юго-востоку от Пятницкого обозначены безпоповское и еврейское. Современное Пятницкое кладбище занимает 26 га. По мнению краеведов, к началу XXI в. на нем насчитывается более 35 тыс. захоронений. Несколько захоронений выдающихся личностей, внесших вклад в историю Калуги и Калужской губернии, находятся на государственной охране: могила декабриста

Е.П. Оболенского отнесена к объектам культурного наследия федерального значения, могилы историка и краеведа Д.И. Малинина и врача-акушера Н.И. Кедровой являются памятниками регионального значения.

Интересной представляется история состояния городского кладбища с точки зрения отношения к нему как месту захоронений предков. С момента образования кладбище постоянно испытывало коллизии, которые были связаны с его благоустройством: расширение границ, распределение приходов на нем, повторные перезахоронения. Все это приводило к тому, что в старинном некрополе изначально не сложилась система захоронения по принципу планомерности, в результате чего могилы одной эпохи в буквальном смысле пластами перекрывали предыдущие. Ограда отсутствовала, вместо нее границы кладбища определяла обваловка или высадка кустарника.

В газете «Калужские губернские ведомости» за 1889 г. некий гражданин N пишет заметку о состоянии Пятницкого кладбища: «Едва ли где есть такое безобразное кладбище, как в Калуге. Не говоря уже о том, что оно не имеет почти никакой ограды, кроме той, что ограничивала старое кладбище, которая местами обвалилась и дает совершенно свободный доступ на кладбище бродячему скоту, который пасется на могилах…а свиньи их еще и раскапывают. В размещении могил нет никакого порядка. Это всецело предоставлено усмотрению сторожей за исключением мест, ближайших от церкви, которыми, как платными, заведует церковный причт. Но и тут в размещении могил царит такой же беспорядок. А так как места эти занимали за плату со времени устройства кладбища, то с достоверностью можно полагать, что они все давно уже были заняты, что новые могилы составляют 4 и 6 ярус могил над могилами и что вырываемые из могил кости прежних покойников закапывают где-нибудь в особыя ямы»[11].

В конце XIX в. дискуссия по вопросу благоустройства Пятницкого кладбища продолжалась. С 1879 г. создавались комиссии, которые субсидировались из городского бюджета в целях разработки мер по наведению порядка на кладбище. Однако все попытки благоустройства и деятельность этих комиссий «оставалась бесследной» на протяжении нескольких лет. В 1889 г. гласный городской Думы И.Р. Комаров снова поднял этот вопрос, вследствие чего была сформирована новая комиссия из 6-ти гласных, в которую входили Преображенский, Сергеев, Бялобжецкий, Заверин, Трутнев и сам Комаров[12]. Новой комиссией была предложена система мер: устройство новой каменной ограды, назначение кладбищенского смотрителя, введение книги учета захоронений, опубликованы 3 чертежа наилучшего устройства кладбища, разделенного на ровные квадраты и прямоугольники (лоты)[13]. Однако все предложения по неизвестным причинам остались лишь на бумаге. Правила содержания городского кладбища были доведены до сведения общественности в 1905 г.[14]

Купеческое надгробие начала XX в.
Памятник на могиле купца И.Г. Касушкина

Судьба старейшего городского кладбища печальна. Система надзора за городским кладбищем как важной части городского хозяйства не сложилась с прошлых столетий и не действует до сих пор. В течение XIX в. кладбище не раз «перекраивалось». В последующее столетие порядок на нем не поддерживался. Одним из современников начала прошлого столетия А. Толстым в местной прессе высказан риторический вопрос: «…могилы роют как попало, строят ограды, изгороди где и как хотят… Неужели

администрация кладбища не найдет возможность восстановить надлежащий порядок?»[15]. Прошедшее столетие также не внесло позитивных изменений. К началу XXI в. Пятницкое кладбище по-прежнему представляет собой территорию с хаотично расположенными могилами. Отсутствует надзор за состоянием общественного порядка, не внедрена система полноценного учета и контроля над производимыми вновь захоронениями, благоустройство проводится фрагментарно. Кроме того, многочисленные свалки мусора скрывают под собой старинные надгробные памятники.

Марка «Бюро Коляскина» на боковой части надгробия купчихи Алферовой

Историко-культурное и архитектурное наследие Пятницкого некрополя представлено ценными надгробными сооружениями. На основе типологии памятников, разработанной тульским некрополистом М.В. Майоровым, удалось выявить 24 вида дореволюционных надгробий, сохранившихся на Пятницком до наших дней. Белокаменные плиты и саркофаги XVIII—XIX вв. практически утрачены (большинство из них встречается в виде фрагментов). Сохранившиеся дореволюционные памятники конца XIX — начала XX вв. выполнены в различных формах: часовня-капелла, аналой, колонна, перебитая кубом, гранитные саркофаги и др. Мемориальная архитектура этого времени воплощалась в граните серого, тигрового и розового цветов, преимущественно в черном мраморе и лабрадоре. Такие памятники были установлены на могилах купеческого сословия. Часть из них представляло похоронное бюро Коляскина, располагавшееся в г. Калуге на Тележной улице. Спустя 100 лет мы можем сказать, что марка «Похоронное бюро Коляскина» встречается на самых красивых памятниках начала XX в. Вместе с тем самым распространенным надгробным сооружением непривилегированного Пятницкого кладбища является крест. На втором месте по распространенности — плита из мраморной крошки, характерная для захоронений второй половины XX в.

Утрата наследия некрополя имеет истоки, которые прослеживаются с начала XX в. В газете «Калужский курьер» за 1907 г. в разделе местной хроники мы уже можем найти этому подтверждение: «Пятницкое кладбище приобрело за последнее время характер какого-то хулиганского притона. Могильные памятники, решетки, древесные посадки и цветы — все это ломается, уничтожается, портится и разворовывается разными подонками калужского населения, которым, видимо, всякие безобразия и бесчинства проходят совершенно безнаказанно. Нельзя не признать, что беспорядкам на Пятницком кладбище много способствует оригинальная система надзора, установившаяся в калужском некрополе. Часть кладбища состоит в ведении какого-то кладбищенского комитета, а другая часть подчиняется церковному наблюдению. По-видимому, из-за вопросов «кладбищенского владычества» идет скрытая борьба между «комитетом» и причтом, и в результате на кладбище, вместо порядка, царит полный хаос, чрезвычайно удобный для любителей всяких дебошей и чужой собственности». Месяц спустя «Калужский курьер» в разделе местной хроники вновь обращается к этой теме: «…Кучи пьяных оборванцев у самых ворот, тут же пьют, сквернословие беспрерывное, ежеминутные побоища. Нельзя обойти молчанием и тех порядков, точнее беспорядков, которые царствуют внутри самого кладбища. Несмотря на то, что там помещается контора и имеется достаточный штат сторожей, памятники, арматура и украшения на них ограблены; достаточно взглянуть внутрь Черновской усыпальницы, чтобы видеть, какой в ней был погром»[16].

Пятницкий некрополь особенно пострадал в 40—50-е гг. XX в. В это время было утрачено большинство могил, и вместе с ними ценных надгробий дореволюционного периода. В

результате уничтожения или вторичного использования старинных надгробий (перебитые, затертые надписи), а также активной практики новых захоронений в неродственные могилы сведения о прежних погребенных на этом месте оказались уничтоженными. С 20-х — 30-х гг. прошлого столетия множество дореволюционных памятников использовались вторично: фамилии знаменитых горожан просто стирали, в лучшем случае — закрывали сверху мраморной табличкой с новым именем. Стирая в 40—50-х гг. имена купцов, мещан, представителей интеллигенции дореволюционного периода, калужане проявили неуважение к прошлому собственного города и уничтожили память о тех, кто отдавал силы на благо Калуги.

Пятницкое кладбище можно отнести к ценным историко-культурным объектам г. Калуги как хранилище исторической памяти городского социума. Однако по причине того что кладбище является действующим до сих пор (открыто для новых захоронений), историческая составляющая находится под угрозой исчезновения. Основной пласт составляют захоронения 50—60-х гг. XX в. Надгробные памятники XIX — начала XX вв. относятся к довольно редким явлениям. В основном, они встречаются с уже «перебитыми» надписями. По предварительным данным обследования 1-го, 5-го и 6-го участков, процент сохранившихся дореволюционных захоронений (аутентичные надгробное сооружение и могила) составляет не более 3—5% от всего количества.

Такова эволюция старинного городского кладбища на протяжении нескольких столетий. Считаем, что применение термина «некрополь» к Пятницкому кладбищу вследствие небольшого процента сохранившихся могил дореволюционных деятелей г. Калуги и неблагополучного санитарно-гигиенического состояния представляется довольно спорным вопросом.

Примечания

[1] Калужская энциклопедия / Под ред. В.Я. Филимонова. Калуга, 2000. С.354.

[2] Земля калужская — земля святая / Под общ ред. архиепископа Калужского и Боровского Климента (Капалина). М., 2003. С.114—115.

[3] Вусович Ю.А. Медико-топографическое описание г. Калуги. Калуга, 1929. С.81.

[4] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.19.

[5] Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 29 т. М., 1879. Т.5. С.179.

[6] Ханыков В.В. Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 г. Калуга, 1991. С.67.

[7] Малинин Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 2004. С.121.

[8] Запись в журнале Калужской духовной консистории по докладу священника Пятницкой церкви об отводе места под кладбище, 1813 г. ГАКО. Ф.33. Оп.1. Д. 2053. Л.1.

[9] Запись в журнале Калужской духовной консистории по докладу священника Пятницкой церкви об отводе места под кладбище, 1813 г. Там же. Л.6.

[10] Рапорт Н. Образцова от 12 марта 1813 г. Журнал Калужской духовной консистории. Там же. Л.13.

[11] К вопросу о благоустройстве в Калуге Пятницкого кладбища // КГВ. 1889. №5. Часть неофициальная.

[12] Еще несколько слов о благоустройстве Пятницкого кладбища // КГВ. 1889. №9.

[13] Заседание Калужской Городской Думы о приведении в порядок городского кладбища //КГВ. 1889. №21. Часть неофициальная.

[14] Городское кладбище: правила содержания // КГВ. 1905. 20 окт.

[15] Толстой А. Пятницкое кладбище // КК.1907 14 июня (№44).

[16] Местная хроника // КК. 1907. 24 мая (№ 36).

СНАБЖЕНИЕ ТЫЛА: ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИИ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА (1914 — ФЕВРАЛЬ 1917 гг.). ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛУЖСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ

И.Б. Белова, *аспирант, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

С продовольственной и топливной проблемами пришлось столкнуться всем странам-участницам первой мировой войны, включая и США. Им также пришлось убедиться, что механизм свободного ценообразования не может эффективно функционировать в военное время,

когда неизбежно нормирование основных продуктов и введение фиксированных цен. Проведение в жизнь этих мероприятий стало непростой задачей для всех государств.

Накануне войны, по оценке историков, российские правящие круги были уверены, что с прекращением экспорта не возникнет недостатка хлеба в России, являвшейся до войны крупнейшим его экспортером. Россия ежегодно вывозила за границу 600—700 млн. пуд. хлеба. Правда, нечернозёмные территории (потребляющие), лишь на две трети удовлетворявшие свои потребности в хлебе за счет внутреннего производства, нуждались в ввозе из черноземных (производящих) губерний до 200 млн. пудов ежегодно. Но производящие районы имели значительные избытки зерна, которых хватало и для направления в потребляющие районы, и для вывоза за границу[1]. Несмотря на предполагаемый излишек зерна, с началом войны цены на сельскохозяйственные продукты повсеместно стали расти, что отразила российская периодическая печать[2]. По данным В.И.Борисова, исследовавшего продовольственную политику Юга России, в июле 1914 г. торговцы в Екатеринославской губернии подняли цены на основные продукты питания в среднем на 1 копейку[3]. «Известия» главной конторы орловских имений вел. кн. Михаила Александровича писали: «К концу 1914 г. вследствие начавшейся войны цены на хлеба и корма сильно повысились»[4].

С самого начала войны, буквально с первых ее дней, провинция столкнулась с проблемой доставки продовольствия. Так, главноуправляющий заводами Мальцовского акционерного общества 21 июля 1914 г. просил содействия орловского губернатора в доставке закупленного хлеба и продуктов первой необходимости в Мальцовский промышленный район. Железная дорога пропускала лишь по одному вагону продовольствия через день, что не обеспечивало своевременную доставку месячной нормы продуктов (25 вагонов)[5]. Брянский сельскохозяйственный вестник писал о транспортных затруднениях на Риго-Орловской железной дороге, возникших с началом войны[6]. Распоряжение калужского губернатора от 23 января 1915 г. иллюстрирует напряжённость обстановки на железнодорожном транспорте: «… ввиду недостаточности вагонов на императорской железнодорожной сети необходима скорейшая разгрузка прибывающих с разными грузами и углем вагонов…»[7]. В целом по России перевозки гражданских грузов по железной дороге в 1914 г. сократилось на 17%, а в 1915 г. — более чем на треть по сравнению с довоенным периодом[8].

Административно-исполнительная власть на местах и общественные самоуправления прилагали немалые усилия к сдерживанию роста цен и спекуляции. Уже в июле 1914 г. орловский губернатор, а затем и калужский запретили торговцам скупку продуктов питания, привозимых для продажи населению на базарах и площадях. Нарушителям грозило тюремное заключение на 3 месяца или денежный штраф до 3 тыс. рублей[9]. Местные самоуправления стали устанавливать таксы на товары первой необходимости. Торговцам было запрещено произвольно повышать цены на предметы повседневного спроса. О результативности можно судить по донесениям из уездов. Так, в Ельце в сентябре 1914 г. цена на соль, необоснованно поднятая до 1 рубля, вновь снизилась до 45 коп. за пуд, вернулись к прежнему уровню и поднятые ранее цены на керосин и дрова[10].

Но в дальнейшем «безотчетное и произвольное назначение цен» торговцами и купцами продолжалось[11]. В результате переориентации экономики на военные нужды оскудел рынок промышленных товаров. Крестьяне при этом практически лишались изделий «городского производства» как стимула для товарообмена. «Всё равно теперь на деньги ничего не купишь», — рассуждали крестьяне и не везли в город продукты[12]. Дефицит сельскохозяйственных продуктов благоприятствовал росту цен и спекуляции. В декабре 1914 г. калужская Городская дума разбиралась с прошением восьмерых держателей булочных заведений «О понижении веса булок, установленного таксой», в связи с вздорожанием муки, масла, яиц, соли, дров, а также рабочих рук. Прошение было отклонено, т.к. «поступило от меньшинства булочников»[13]. Одновременно была увеличена такса на печеный хлеб на 1/2—1 коп., но с тем условием, чтобы цены вывешивались во всех лавках и булочных. Такса на мясо была оставлена прежней[14]. В итоге в декабре 1914 г. в Калуге были утверждены следующие цены на печеный хлеб: 1) хлеб ржаной — 3—3,5 коп. за фунт; 2) хлеб пшеничный — от 6 до 8 коп. за фунт; 3) французский хлеб (не менее 50 зол. веса) — 5 коп.; 4) баранки простые — 7—8 коп., сдобные — 9—10 коп. за фунт[15].

Калужская ГЗУ в ноябре 1914 г. ходатайствовала перед правительством о беспроцентной

ссуде в полмиллиона рублей, чтобы закупить для продажи населению без торговой наценки овёс и ячмень на посев[16]. Отпущенная ссуда составила 200 тыс. руб.[17], а в следующем году — 250 тыс. руб.[18] Уездные земские управы Орловской губернии в начале 1915 г. закупили хлеб в Воронежской губернии[19], чтобы меньше зависеть от частной торговли. «Дороговизь!» — сокрушался весной 1915 г. житель с. Оболенского Калужского уезда, — «Карасин — семь копеек, гречка — четырнадцать монет фунт… да затхлая!... во как лавошник — то нас уважает! Греб такая идет — во все карманы»[20]. В Калуге таксирование продуктов привело к исчезновению к началу 1915 г. мяса из магазинов[21]. Высокие цены на мясо и периодическое его отсутствие в продаже были характерны не только для Калужской губернии, но практически для всей России[22]. В сентябре 1915 г. в Калуге основные продукты питания стоили: масло коровье — 65—68 коп. фунт, куриные яйца — 40—42 коп. десяток, молоко — 20—30 коп. горшок в 5,5 стаканов, творог — 8—10 коп. фунт, сахар — 20 коп. фунт (выдавался по 2 фунта на человека)[23]. В земской кооперативной лавке цены были ниже. К примеру, фунт масла коровьего стоил 55—60 коп., десяток яиц — 36—40 коп.[24] Белый хлеб можно было купить в булочных только с утра. Таксы на печёный хлеб по сравнению с январскими были увеличены на 1—3 коп.[25]

Установленные таксы периодически приходилось пересматривать в сторону увеличения. Многие торговцы повышали цены, не дожидаясь очередного пересмотра такс. Перемышльские торговцы в октябре 1915 г. заявили в горуправе, что не могут торговать по установленным ценам на ржаную муку, печёный хлеб и мясо. Городская дума вынуждена была повысить таксы на указанные продукты, кроме мяса[26]. С аналогичной просьбой повысить таксы на печёный пшеничный и ржаной хлеб обратились в горуправу орловские пекари[27]. «Далеко не все брянские торговцы придерживаются таксы», — отмечала пресса[28]. А на городском рынке Брянска молочные продукты стоили «очень дорого»: четверть молока — 40—45 коп., творог свежий — 15—17 коп. фунт, сметана — 25 коп.[29]

В Калуге в декабре 1915 г. была закрыта мясная лавка купца В.А. Ченцова за завышение установленной цены на мясо[30]. Обязательным постановлением губернатора от 26 декабря 1915 г. торговцы были предупреждены о выселении из города в случае вывоза ими продовольственных товаров в другие губернии[31]. Шесть калужских булочников были оштрафованы на 30—50 руб. за «недобросовестность в торговле»[32]. Газета «Орловский вестник» писала, что в Болхове, благодаря административно-исполнительной власти, спекулятивная деятельность перекупщиков, скупающих продукты до 11 часов для перепродажи с 20—50% надбавкой, практически прекращена[33]. Борьбу, объявленную МВД спекулянтам, население однозначно одобряло[34], так как дороговизна и периодическое отсутствие многих продуктов сильно осложняли жизнь людям с невысоким достатком. «Все здесь очень дорого… за деньги не достать. Мука, керосин, сахар в некоторых местах 40—45 коп. фунт», — сообщалось в частном письме, отправленном в Ригу из Орла в сентябре 1915 г.[35]

Наряду с продуктами питания возросли цены на топливо[36]. Его подорожание калужане довольно остро ощутили уже в сентябре 1915 г., когда вместо 10—12 коп. уголь стал стоить 30 копеек[37]. Тогда же губернатором был запрещён вывоз заготовленных дров из Калуги и мест, расположенных в радиусе 25 вёрст от нее[38]. О недостатке дров в январе 1916 г. калужские газеты писали: «Как бы и калужанам по примеру Тулы не пришлось сады на дрова сводить»[39].

Те же затруднения по доставке испытывала Орловская губерния. Например, для нормального существования Орлу на апрель 1916 г. требовалось 49 вагонов угля, а городской управе удалось доставить лишь 34[40]. Орловская пресса писала о предложении по изготовлению топлива у себя в губернии из мусора, опилок и других отходов, для чего надо было построить в Орле завод искусственного топлива[41]. С сентября 1916 г. в Орловской губернии обострился керосиновый кризис[42]. В лавках, где появлялся керосин, собирались громадные, в несколько тысяч человек, очереди[43]. Сельское население отапливалось «лучинами», заводы вынуждены были начинать работу позднее и заканчивать с наступлением темноты[44]. К началу декабря в г. Дмитровске и уезде остановились мукомольные двигатели[45]. По данным А.Л. Сидорова, в декабре 1916 г. нехватка топлива послужила причиной простоя 35% мельниц в стране, недостаток зерна — 54%, отсутствие рабочих рук — 11%[46]. В связи с отсутствием керосина и угля возросли цены на дрова. К январю 1917 г. цена на куб. сажень дров поднялась до 180—190 руб.,[47] т.е. на 375% по сравнению с ценой марта 1915 г. На квартиры к концу 1915 г. цены

возросли в провинции в 3—5 раз[48].

Постепенно всё более актуальной становилась проблема заготовки и распределения продовольствия в стране. До войны в России отсутствовало государственное регулирование хлебной торговли. В августе 1915 г. продовольственное дело возглавило Особое совещание по продовольствию во главе с министром земледелия. Для казённых закупок в августе были введены твёрдые цены на хлеба, уровень которых первоначально установили выше рыночных. Начиная с 1914—1915 сельскохозяйственного года правительство ежегодно закупало около половины всего товарного хлеба (от 42 до 68%)[49] для снабжения армии. Одновременно сохранялась и свободная торговля а, следовательно, рыночные цены. Последние вначале стали расти до уровня твёрдых, а в дальнейшем повышение твёрдых цен сопровождалось повышением рыночных, так как хлебный рынок оставался ненасыщенным: основные владельцы придерживали хлеб с целью увеличения прибыли от роста цен. К 1 октября 1915 г. половина городов и значительное число уездов уже испытывали нужду в хлебе, а 3/4 городов — в продовольственных товарах[50].

В ноябре 1915 г. Уполномоченным представителем Особого совещания по продовольствию в Калужской губернии был назначен калужский губернатор Н.С. Ченыкаев. Общественные самоуправления Калуги решили, не полагаясь больше на частную торговлю, «взять в свои руки продовольственное дело» и осуществлять закупку необходимых продуктов самостоятельно[51]. Особое совещание по продовольствию удовлетворило ходатайство калужской Городской думы о ссуде в 100 тыс. руб. В октябре был получен аванс, равный половине суммы[52]. Перемышльская Городская дума ходатайствовала в октябре 1915 г. перед губернатором о выделении ей 2 тыс. руб. и 1 вагона ржаной муки[53]. В январе 1916 г. брянская земская управа также получила ссуду на ведение продовольственных операций в 25 тыс. руб., трубчевская — 15 тыс. руб.[54] Первое Калужское губернское продовольственное совещание, состоявшееся 3 декабря 1915 г., для ослабления продовольственного кризиса признало необходимым ссужать кооперативы и потребительские общества оборотными средствами для закупки продовольствия[55]. С января 1916 г. городские и земские управления Калужской губернии стали производить закупку продовольствия для населения. Было определено, что для снабжения Калуги ежемесячно необходимо доставлять по 50 вагонов ржаной и 20 вагонов «белой» муки. Продажа муки осуществлялась горуправой в четырех лавках[56]. Уездные города поступили аналогично. Ситуацию с продовольствием в Калужской губернии смягчало лишь наличие дешевого картофеля. В 1915 г. в губернии, особенно в Тарусском, Перемышльском, Медынском и Калужском уездах, наблюдался «прямо небывалый» его урожай. Кроме того, низкую цену картофеля (22—30 коп. за меру) обусловливало отсутствие спроса на него со стороны винокуренных заводов[57].

Новый орловский губернатор А.В. Арапов, назначенный на должность в декабре 1915 г., всеми мерами, имевшимися в его распоряжении, повел борьбу с ростом цен[58]. Он обязал торговцев два раза в месяц предоставлять полиции сведения о количестве имеющихся у них товаров. По его убеждению, среди торговцев и промышленного класса наблюдалась «самая бесцеремонная и бессердечная спекуляция, жажда скорой и быстрой наживы при создавшихся исключительных экономических условиях военного времени»[59]. Население призывалось оперативно сообщать о случаях завышения установленных цен[60]. В феврале 1916 г. «темой дня» орловской прессы стало «снижение веса булок», продаваемых по прежней цене. Городские власти призывались провести, по примеру соседней Тульской губернии, «экспертизу» некоторых булочных, где наблюдается уменьшение веса изделий. В Туле по результатам проверки была определена получаемая булочниками прибыль: от мешка в 5 пудов она составляла 9 руб. 43 коп. В день это 200—250 руб., в месяц — 6—7,5 тыс. руб., а за год накапливалась «ошеломляющая» сумма — от 60 до 80 тыс. руб.[61]

Со второй половины мая 1916 г., когда в Орле не стало в продаже сахара, городская управа занялась приобретением, доставкой и организовала карточную систему его распределения. Население к этой мере отнеслось «с недоверием и весьма инертно»[62], видимо, сомневаясь в ее эффективности. Карточки на сахар ввели и в других местах Орловской губернии. В 1916 г. карточки на сахар были введены в 70 губерниях России, в т.ч. и в Калужской губернии, т. к. его производство сократилось на треть[63].

Первоочередной задачей правительства являлось снабжение продовольствием армии.

Закупки велись преимущественно в Европейской части России, в т. ч. в потребляющих губерниях. В начале декабря 1915 г. в Орле не стало соли. Газеты пестрели заголовками: «Дайте соли!»[64]. Оказалось, что весь запас соли реквизирован для нужд действующей армии. Ситуацией попытался тут же воспользоваться неизвестный торговец, который просил разрешения продать в Орле 15 вагонов соли по высокой цене[65]. В январе 1916 г. производилась реквизиция для армии молочного скота в пяти западных уездах Орловской губернии, входивших в Минский военный округ[66]. Губернатору удалось освободить рабочих и фабричных Брянского уезда от реквизиции молочного скота. В промышленном Брянском уезде на заводах и фабриках было занято до 30 тыс. чел.[67] С проживающими при них семьями общее количество рабочего населения доходило до 100 тыс. чел. Они питались большей частью привозными продуктами. Реквизиция отразилась на благосостоянии населения, т. к. в январе цены в Брянске выросли на молоко до 1 рубля за четверть[68], на мясо до 26 коп. за фунт, на сало до 50 коп. Население «роптало», не понимая, почему уполномоченные по заготовкам не закупили молочный скот за 100—150 вёрст от Брянска, как это делали местные мясоторговцы после реквизиции[69].

В целях улучшения материального положения трудящихся администрация Мальцовских заводов с 1 января 1916 г. установила 5% прибавку к каждому рублю заработка мастеровых. Кроме того, всем рабочим, мастеровым и их семьям выдавались продуктовые товары первой необходимости (мука ржаная, пшено, крупа гречневая, сахар, соль, масло подсолнечное и конопляное), мыло и керосин по «удешевлённым» ценам[70]. В 1917 г. ржаная мука, соль, сахар, керосин продавались заводскими магазинами по карточкам[71]. Ради бесперебойного снабжения действующей армии, где норма потребления мяса составляла 6 пудов на солдата в год[72], законом «О мерах к сокращению потребления населением мяса и продажа мясных продуктов», принятом 31 мая 1916 г. Государственной думой, вводились ограничения на убой крупного рогатого скота и продажу мясных продуктов населению[73]. Эта мера уменьшила прежнее годовое потребление мяса всем населением страны на 984 тыс. тонн, т.е. на 75% [74].

В мае 1916 г. орловский губернатор в очередном обращении к населению признал, что административные меры, направленные на борьбу с дороговизной, пока малоэффективны. Губернатор дал объяснение экономическим затруднениям, подчеркнув, что они вызваны «всей совокупностью исключительно сложных условий, созданных тяжелой мировой войной», а не только неблаговидной деятельностью торговцев, «забывших страх и совесть в своем стремлении к обогащению». В связи с этим он призвал жителей «терпеливо и с пониманием» относиться к временным и преодолимым трудностям военного периода во имя победы, но в тоже время более активно помогать административной власти вести борьбу со спекуляцией[75]. В 1916 г. борьба с дороговизной стала основной темой, обсуждаемой земскими собраниями, общественными городскими управлениями[76].

В январе состоялось Калужское Губернское продовольственное совещание в составе уездных предводителей дворянства, председателей губернской и уездных земских управ, городских голов и представителей крупнейших фабрик и заводов. Губернатор сообщил совещанию, что закупку, перевозку и распределение продуктов он поручил Губернской земской управе, получившей на продовольственные операции помощь от правительства. В свою очередь, председатель ГЗУ проинформировал совещание о том, что закупленное в Пензенской и Воронежской губерниях зерно (676 вагонов) никак не удается доставить, и губерния остается совсем без хлеба[77]. На обсуждение совещания губернатор предложил вопрос о возможности использования оставшихся в губернии от урожая прошлого года продовольственных продуктов. Эти запасы, которые остались в некоторых местах губернии, по мнению губернатора, могли быть куплены для продажи населению или реквизированы в случае отказа от добровольной их продажи[78]. Реквизиции для нужд населения ранее уже осуществлялись губернатором. Так, в апреле 1916 г. он с разрешения Особого совещания реквизировал на станции «Калуга» муку у частного торговца Бокова, заплатив за нее по таксе[79]. Освещая итоги обсуждения, газета «Голос Калуги» сообщала, что совещание единогласно признало «поголовную реквизицию мерой, допустимой лишь в самых исключительных случаях». Очевидно, обстановка с продовольствием в губернии «исключительной» не признавалась, хотя было рекомендовано обращение к правительству с ходатайством о включении Калужской губернии «в первую очередь по плановым перевозкам продовольствия» из-за «катастрофического состояния обеспечения продуктами». Министерством земледелия ходатайство было удовлетворено, и

Калужскую губернию причислили к пяти наиболее нуждающимся в продовольствии[80].

В сентябре 1916 г. правительство после длительных дискуссий о твёрдых ценах, а именно: о необходимости их дальнейшего существования, величины, сферы распространения, объявило новые твёрдые цены на хлеб, которые все его производители — «аграрии» — сразу и однозначно признали низкими и несправедливыми. Крестьяне дожидались «настоящих» твёрдых цен. Крупные хозяйства вынужденно продолжали продавать хлеб. Орловский губернатор в ноябре 1916 г. сообщал по этому поводу в Департамент полиции: «... местные землевладельцы и крестьяне не продают хлеб, недовольные низкими твёрдыми ценами»[81]. Калужский губернатор, в свою очередь, информировал МВД о «крайней недостаточности хлебных продуктов», из-за чего в некоторых местах губернии население питается картофелем и отрубями[82].

Осенью 1916 г. в магазинах и лавках Жиздринского уезда Калужской губернии не было многих продуктов. В октябре отсутствовала ржаная мука, подсолнечное масло, свиное сало («во всем городе ни в одной лавке ни одного фунта в продаже»). В этих условиях жиздринский купец А.И. Докукин сбывал населению гнилую пшеничную муку, негодную к употреблению[83]. Малоярославецкий городской староста Емельянов умудрился наживаться на продаже заготовленной для населения муки, необоснованно увеличив ее цену. Он не раскаялся в содеянном и находясь под следствием, когда пытался подкупить полицейского надзирателя[84]. Только в Людиновском заводском магазине отпускалась ржаная мука в ограниченном количестве работникам чугунолитейного завода. С 24 октября администрацией завода была прекращена выдача ржаной муки женам работников завода, призванных на военную службу. На базаре и в лавочках белый хлеб в с. Людинове исчез с 11 декабря, а черного не было, «давным-давно»[85]. «Ручаться за спокойствие с. Людинова в такой обстановке не могу», — сообщал сотрудник Жиздринской управы[86].

Новый руководитель Министерства земледелия (с 29 ноября 1916 г. им стал А.А. Риттих) со 2 декабря ввел ряд экономических стимулов для заготовок продовольствия, т.е. фактически для «извлечения хлеба из амбаров». Эти меры значительно увеличили его приток: с 17 до 93 млн. пудов в среднем ежемесячно в декабре 1916 — январе 1917 гг.[87] Одновременно правительством было принято постановление о введении хлебной развёрстки-повинности, когда продажа хлеба превращалась из торговой сделки в исполнение гражданского долга для всех производителей хлеба. Закупать по разверстке планировалось 772,1 млн. пудов[88] в 30 губерниях Европейской России, в т. ч. и в Орловской., где в январе и феврале 1917 г. продолжали исполняться продовольственные наряды для армии, служащих железной дороги и населения потребляющих губерний. Правда, процент выполнения в январе составил лишь 44,6% к плану, а в феврале — 26,8% [89].

В прессе и на различных общественных собраниях конца 1916 — начала 1917г г. обсуждались «способы печения хлеба при недостатке ржаной муки»; «как приготовить хлеб с картофелем, тыквой и другими добавками»; «о голодных и питании населения»; «чем заменить мясо»; «как приготовить сыр из картофеля» и т.д.[90] В условиях роста дороговизны и дефицита продуктов практиковалось открытие дешевых столовых не только для беженцев, но и для малоимущего местного населения. Так, в Калуге с конца 1916 г. была открыта такая столовая на средства комитета вел. кн. Елизаветы Фёдоровны, где ежедневно отпускалось 60—80 обедов стоимостью 40 коп. и 22 бесплатных обеда для «беднейших жителей» города[91].

Дороговизна и нехватка предметов первой необходимости, естественно, отражалась на настроениях российского населения. Простые обыватели ждали от правительства «самых строгих репрессивных мер» в отношении торговцев, купцов, промышленников и «прочих дельцов», виновных в дороговизне[92]. Массовые выступления по этой причине проходили не только в форме стачек и демонстраций, но и в форме столкновений населения с торговцами[93]. Участниками являлись женщины, подростки и другие представители малоимущих слоев населения, включая рабочих и крестьян. В Центральном промышленном районе (ЦПР) в 1915 г. в полицейских материалах было зафиксировано 7 выступлений, всего по России — 23. Через год в ЦПР было 20, в т. ч. 10 крестьянских, и впервые в Центральном черноземном районе — 3, в т. ч. 2 крестьянских; в целом по России — 288 выступлений, в т. ч. 235 крестьянских[94]. МВД предписывало административно-исполнительной власти на местах принимать «сильнейшие меры», вплоть до привлечения войск, для ликвидации и предотвращения возникающих на почве дороговизны беспорядков, а также по урегулированию цен на продукты

питания и повседневного обихода, по контролю за распределением основных продуктов[95].

В апреле 1915 г. о погромных настроениях против торговцев сообщило калужское сыскное отделение, которому стало известно, что рабочие железнодорожных мастерских «при первом же удобном случае» намереваются произвести разгром лавок в Калуге, чтобы выразить протест против торговцев за чрезмерное повышение цен на предметы первой необходимости[96]. Однако реального выражения эти настроения не получили. В Орловской губернии в начале 1916 г. солдатские жёны г. Болхова предприняли коллективное обращение в Городскую думу по поводу чрезвычайной дороговизны продуктов, надеясь на помощь муниципальной власти[97]. В июне 1916 г. орловский губернатор сообщал МВД о единичных случаях столкновения торговцев с населением, требовавших вмешательства полиции[98], в том числе с новобранцами в Ельце в мае[99]. В декабре 1916 г. орловский губернатор получил письмо за подписью никому не известного Тайного Орловского Союза с угрозой взорвать губернаторский дом, если не будут приняты «немедленные и решительные» меры против дороговизны и товарного дефицита[100]. Настоящий погром продовольственной лавки произошел в г. Боровске 20 февраля 1917 г., когда доставленную в город ржаную муку (83 мешка) уездная земская управа распорядилась выдавать только сельскому населению. Это возмутило стоявших в очереди городских жителей, преимущественно женщин, которые начали громить продовольственную лавку. Порядок был восстановлен, когда муку стали продавать всему населению[101].

Транспортные затруднения с первых дней войны дезорганиующе влияли на доставку товаров первой необходимости с мест их производства и способствовали росту цен. И товаропроизводители, и посредники воспользовались сложившейся ситуацией для собственного обогащения путём спекулятивной деятельности, которой противостояла административно-исполнительная власть. Снабжение гражданского населения Калужской и Орловской губерний (как и всей России) находилось полностью в руках частной торговли практически до 1916 г., когда местные самоуправления, получая средства от правительства, занялись закупкой, доставкой и распределением продуктов и других товаров первой необходимости. Кроме того, с первых дней войны они вместе с административно-исполнительной властью занимались регулированием розничных цен на товары повседневного спроса. Дефицит и дороговизна продуктов и товаров сказывались на настроении населения в основном низкого и среднего уровня обеспеченности. Однако столкновения с торговцами не получили в провинции массового распространения. Большинство населения, страдающего от дефицита и дороговизны, не прибегало к публичному выражению недовольства качеством жизни. Это свидетельствует о том, что продовольственная ситуация в провинции, вызванная тяготами военного времени, до февраля 1917 г. не носила катастрофического характера.

Примечания

[1] Подробнее см.: Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 1962. С.277—278, 306—307.

[2] См.: Белогурова Т.А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы первой мировой войны (1914 — март 1917 г.). Смоленск, 2006. С.105.

[3] Борисов В.И. Продовольственная политика на юге России (август 1914 — март 1921г г.). Автореф. дис. … д-ра. истор. наук. М., 1996. С.17.

[4] Известия главной конторы Брасовского и Дерюгинского ЕИВ ВК Михаила Александровича имений. 1916. № 4. С.6.

[5] ГАОО. Ф. 580. Ст.2. Д. 4398. Л. 1,6.

[6] Брянский сельскохозяйственный вестник. 1914. № 9—10.

[7] КГВ. 1915. 28 янв. (№8). С.3.

[8] См.: Сидоров А.Л., Бовыкин В.И., Волобуев П.В. Экономические и социальные проблемы Первой мировой войны. С.183—184; Анфимов А.М. Указ. соч. С.311.

[9] ОГВ. 1914. 19 июля (№ 54); КГВ. 1915. 14 янв. (№ 4).

[10] См.: ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 439. Л. 6.

[11] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1915. Д. 20.Ч.54-В. Л.1об.

[12] Рапорт помощника начальника ГЖУ в Брянском и Карачевском уездах Орловской губернии // ГАБО. Ф.376. Оп.1. Д.305. Л.15 об.

[13] КГВ. 1915. 3 янв. (№ 1).

[14] КК. 1915. 1 янв. (№ 1).

[15] КГВ. 1915. 7 янв. (№ 2).

[16] Калужский церковно-общественный вестник. 1914. 20 нояб. (№ 33).

[17] Там же. 1914. 1 дек. (№ 34).

[18] Известия Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. 1916. 20 февр. (№ 19). С.49

[19] ОВ. 1915. 31 окт. (№ 253).

[20] Шмелёв И.С. Правда дяди Семёна // Собрание соч.: в 5т. М., 1998. Т.1. С.318.

[21] КГВ. 1915. 11 апр. (№25).

[22] Белогурова Т.А. Указ. соч. С.110.

[23] КК. 1915. 1 окт. (№110); 1915. 10 сент. (№101).

[24] Там же. 1915. 10 сент. (№101).

[25] ГАКО. Ф.783. Оп.1. Д.1192. Л.396.

[26] КК. 1915. 10 окт. (№114).

[27] ОВ. 1915. 3 нояб. (№255).

[28] Брянский сельскохозяйственный вестник. 1915. №3—4.

[29] Там же.

[30] ГАКО. Ф.783.Оп.1.Д.1192. Л.401.

[31] Там же. Л.404.

[32] КК. 1915. 1 янв. (№ 1).

[33] ОВ. 1915. 5 нояб. (№257).

[34] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1915. Д.167. Ч.54. Л.1.

[35] ГАОО. Ф.883. Оп.1. Д.797 Л.157.

[36] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1915. Д.167. Ч.54-В. Л.5.

[37] КК. 1915. 19 сент. (№ 105).

[38] ГАКО. Ф.783. Оп.1. Д.1192. Л.239.

[39] КК. 1916. 10 янв. (№ 7).

[40] ОВ. 1916. 8 марта (№ 53).

[41] Там же. 1916. 18 мая (№ 107).

[42] ГАРФ. Ф.102. ДП 00.1915. Д.167.Ч.54. Л.14 об.

[43] Букалова С.В. Орловская губерния в годы первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (июль 1914-февраль 1917г г.). Дисс. … канд. истор. наук. Орел, 2005. С.47.

[44] ГАРФ. Ф.102. ДП 4Д-во. 1916. Д.108. Ч.48. Л.20 об.

[45] ГАОО. Ф.883. Оп.1. Д.828. Л.349.

[46] Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С.495.

[47] Там же. 1916. Д.108. Ч.48. Л.17.

[48] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1915. Д.167.Ч.54-В.Л.5.

[49] См.: Анфимов А.М. Указ. соч. С.299.

[50] Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С.161.

[51] Известия особого совещания ... 1916. 20 февр. (№19). С.49.

[52] Там же.

[53] КК. 1915. 10 окт. (№144).

[54] ОВ. 1916. 21 янв. (№16).

[55] Известия особого совещания … 1916. 20 февр. (№19).

[56] ГАРФ. Ф.6809. Оп.1. Д.75. Л.44 об.

[57] КК. 1915. 1 окт. (№110); 1915. 6 окт. (№112).

[58] См., например: ОГВ. 1916. 27 янв. (№8); 1916. 30 янв. (№ 9).

[59] Цит. по: Орловские губернаторы. Орел, 1998. С.215.

[60] ОВ. 1916. 27 февр. (№ 45).

[61] Там же. 6 февр. (№29).

[62] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1915. Д.167. Ч.54. Л.18.

[63] Новейшая история России 1914-2002 / Под ред. М.В. Ходякова. М., 2004. С.45.

[64] См., например: ОВ. 1915. 4 дек. (№281).

[65] См.: История крестьянства западного региона России 1917—1941. Калуга, 2002. С.7.

[66] Орловские губернаторы. С.214.

[67] Из них служащие, постоянные рабочие и чернорабочие, занятые на предприятиях Мальцовского акционерного общества, составляли 8296 человек (ГАБО. Ф.523.Оп.1. Д.938. Л. 5 об).

[68] Четверть составляет 1/4, или 3,08 л.

[69] См.: ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Д.167. Ч.54. Л. 13-13 об.

[70] ГАОО. Ф.635. Оп.1. Д.441. Л.24-25; ГАБО. Ф.523. Оп.1. Д.938. Л.6.

[71] ГАБО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 730. Л. 83.

[72] Тюкавкин В. Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С.119.

[73] ГАБО. Ф.374. Оп.1. Д.243. Л.2.

[74] Оськин М.В. Армия и продовольственное снабжение // Военно-исторический журнал. 2006. №3. С.53.

[75] См.: ОГВ. 1916. 1 июля (№49).

[76] См., например: ОВ. 1916. 8 апр. (№79); 1916. 13 февр. (№35).

[77] По данным А.Л. Сидорова, план перевозок продовольственных грузов для 6 губерний Центрального промышленного района, в т.ч. Калужской, во второй половине 1916 г. был выполнен лишь на 36,8%, для Москвы — на 35,3% (Сидоров А.Л. Указ. соч. С.488).

[78] Сообщение о губернском продовольственном совещании 29 января 1917 г. // Общество и революция: Калужская губерния в 1917 году / Под ред. В.Я. Филимонова. Калуга, 1999. С. 25—27.

[79] Известия Особого совещания … 1916. 1 сент. (№27). С.32.

[80] Общество и революция … С.25—27.

[81] ГАОО. Ф.580. Ст. 1. Д. 6127. Л. 476.

[82] ГАРФ. Ф.102. ДП 4Д-во. 1916. Д.108. Ч.26. Л.19об.

[83] ГАКО. Ф.1328. Оп.1. Д.425. Л. 35, 41, 44.

[84] КГВ. 1917. 4 февр. (№9).

[85] ГАКО. Ф.1328. Оп.1. Д. 426. Л.241.

[86] Там же. Д.425. Л.45об.—46.

[87] См.: Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 492; Давыдов А.Ю. Свободная кооперация в России (до октября 1917 года) // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 38.

[88] Количество товарного зерна в 1916—1917 сельскохозяйственном году составляло 795 млн. пуд.

[89] См.: Кондратьев Н.Д. Указ соч. С. 419—420.

[90] См., например: Калужский санитарный обзор. 1917. № 9—10.

[91] Общество и революция … С.18—19.

[92] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО.1915. Д.167.Ч.54. Л.8 об.

[93] Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 гг.) / / Отечественная история. 1993. №3. С.3

[94] Там же С. 8—9.

[95] ГАРФ. Ф. 102. ДП 4Д-во. 1916. Д.100.Ч.2. Л.40.

[96] ГАКО. Ф.1161. Оп.1. Д.101. Л.54.

[97] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1915. Д. 167.Ч.54. Л.14 об.

[98] Там же. ДП 4Д-во.1916. Д.108. Ч.48. Л.3.

[99] Там же. ДП ОО.1915.Д.167.Ч.54. Л.17.

[100] Букалова С.В. Указ. соч. С.210.

[101] Рапорт Боровского уездного исправника о беспорядках в Боровске // Общество и революция … С.48.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ УГОДСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЕ СОВЕТСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

А.И.Ульянов, *общеобразовательная школа-интернат «Дубравушка», г. Обнинск Калужской области*

Первые музеи на северо-востоке Калужской губернии появились в годы Гражданской войны в Мосальске (1919) и Тарусе (1920)*. Дата открытия музея в Боровске нуждается в уточнении, т.к. первый музей здесь был открыт на квартире Н.П. Глухарева еще до революции, но юридическое признание этого факта советской властью и назначение хозяина квартиры заведующим музеем исследователи датируют лишь 17 декабря 1919 г.** Вскоре Глухарев умер и в 1922 г. его музей получил статус «государственного историко-художественного и краеведческого музея» [1, с.173—178]. Первые музеи стали центрами исследовательской и культурно-просветительской работы. Именно в них постепенно стали накапливаться материалы по угодской истории.

*По данным Н.Г. Черепановой, историко-художественный музей в Тарусе был основан 6 января 1920 г. и открыт для посетителей в феврале 1921 г. Основными экспонатами стали предметы, реквизированные из помещичьих усадеб [1, с.173].

**Охранную грамоту подписал нарком просвещения А.В. Луначарский [2, с.50].

Окончание Гражданской войны, с одной стороны, активизировало научные исследования, с другой стороны, создало новые трудности. В 1922 г. в ходе общероссийской атеистической компании пострадали церкви нашего края. Например, в с. Троицком из местной церкви были грубо изъяты старинные ценности и оскорблены чувства верующих [3]. Отрицательную роль в развитии науки и культуры сыграл переход на рыночные отношения в условиях НЭПа. С конца 1922 г. уездные музеи стали закрываться из-за отсутствия средств на их содержание [1, с.178].

Возобновление изучения древностей Угодского края связано с именем Константина Яковлевича Виноградова, сына священника из Малоярославецкого уезда. Долгое время он преподавал в гимназиях Поволжья, а с начала 1920-х гг. работал в научных учреждениях Москвы и часто навещал родные места.

С 1921 г. Константин Яковлевич занялся археологической разведкой в бассейне реки Протвы и открыл ряд интересных памятников. Впервые за короткий срок была обследована большая территория и открыты ранее неизвестные археологические объекты. По мнению И.А. Бойцова «Большие разведки» 1921—1925 гг. Виноградова привели к открытию 5 городищ, 7 селищ, 8 курганов и курганных групп раннего железного и средневекового времени [4, с.30]. Эти факты позволяют нам утверждать, что пионером масштабных археологических исследований бассейна Протвы был все же К.Я. Виноградов, а не В.С. Нестеров, как до сих пор считают обнинские краеведы. Значительная часть известных древних памятников среднего и нижнего течения Протвы нанесены на калужскую археологическую карту благодаря открытиям Виноградова [5]. Лишь спустя полвека В.С. Нестеров продолжит дело Константина Яковлевича.

Обширные связи в научном мире позволили Виноградову привлечь к раскопкам самого известного археологического памятника Угодского края, Болотно-Огубского городища, лучших археологов столицы под руководством основоположника советской археологии, профессора Московского государственного университета Василия Алексеевича Городцова. Есть основания полагать, что уже в 1921 г. профессор побывал в наших местах, провел с Виноградовым археологическую разведку и открыл на Михалевой горе курганный могильник эпохи бронзы [6, с.54—55].

Первоначально раскопки городища планировалось провести в июне 1922 г., однако из-за болезни Константина Яковлевича приезд экспедиции сорвался в самый последний момент, когда были уже посланы лошади для встречи «добрейшей команды» [7, с.38]. После этого отношения двух археологов на некоторое время были испорчены. Впрочем, после того, как в том же году И.И. Бессонов создал в Малоярославце отделение КОИД, В.А. Городцов согласился стать его почетным членом.

На следующий год Виноградов сумел организовать приезд в Угодский край столичной экспедиции. Раскопки Огубского городища проводились с 21 июня по 8 июля 1923 г., а уже 11 июля, на Ученом совете Исторического музея в Москве, профессор Городцов делал предварительное сообщение о результатах раскопок (даты обнародованы впервые, по архиву Городцова [8, л.10]). Сами раскопки были столь необычными, что на их организации и участниках следует остановиться подробнее.

«Дневник археологических раскопок Огубского городища» [9] позволяет уточнить детали. Спустя 3 года на его основе появилась статья, внесшая заметный вклад в изучение древностей Угодского края [10]. Дневник не только подробно описывает ход раскопок, но и проясняет подлинную причину провала экспедиции 1922 г. Городцов пишет, что раскопки сорвались из-за «огромного урожая хлеба в Угодско-заводской волости», что сделало невозможным нанять «рабочих для землекопных работ» [9,л.2]. Интересно отметить, что Городцов указывает на Виноградова как первооткрывателя городища и организатора пробных раскопок уже в 1921 г. [9, л.1]. Вероятно, Виноградов обнаружил городище еще в 1920 г. [11, с.144].

Рабочих не хватало и в 1923 г. Выход был найден в привлечении передовой общественности края. В результате состав московской экспедиции был дополнен цветом калужской интеллигенции и учащихся, а сами раскопки стали событием не только местной истории, но и советской археологии в целом.

Организаторами экспедиции были Комитет по делам музеев Главнауки, Академия истории

материальной культуры, Исторический музей (Государственный исторический музей) [12, с.137]. В составе экспедиции, помимо В.А. Городцова, работали студенты археологического отделения 1-го Московского университета М.В. Городцова, Я.Н. Липеров, Н.И. Лебедева, В.П. Левашова и будущий выдающийся археолог, открывший средневековый Новгород, Артемий Владимирович Арциховский. В составе экспедиции работали 2 студента рабфака, уроженцы Угодско-заводской волости, но их имена, к сожалению, остались неизвестными [9, л.3].

Большую часть участников этой большой (около 100 чел.) экспедиции составляли жители Калужского края. Среди них были работники исторического музея Калуги В.И. Извеков, заведующий музеем, и его помощница М.Е. Шереметева. Активное участие также приняли члены КОИД: Василий Григорьевич Попов (секретарь общества), Н.П. Ильин и его друг, малоярославецкий краевед, председатель единственного уездного отделения КОИД, Н.И. Бессонов [11, с.144]. После завершения раскопок Бессонов готовил статью о памятниках археологии Малоярославецкого уезда, составлял их карту, но статья не была опубликована и следы ее затерялись [12, с.133, 149]. Обращает на себя внимание большое количество школьных учителей, принявших участие в раскопках вместе со своими учениками из с. Передоль, д. Доброе, д. Стрелковки и с. Угодский завод; также 2 преподавателя педагогического техникума с целой экскурсией его слушателей. Самым значительным вкладом в проведение землекопных работ стало участие в них преподавателей и воспитанников колонии 1-ой Опытной станции Наркомпроса С.Т. Шацкого. 16 преподавателей и член Бюро изучения края при станции (1-й организации, систематически изучавшей край) — Геннадий Михайлович Станиславский вместе с 36 воспитанниками, не покладая рук, трудились на благо археологической науки [9, л.3—4]. Все школьники и преподаватели работали бесплатно. Из Угодского завода участие в раскопках приняли члены клуба крестьян-подростков и драматического кружка. Съемку плана городища выполнил агроном 1-й Опытной станции.

Раскопки проводились в тяжелых условиях после военной разрухи. Катастрофически не хватало средств. Деньги, которыми располагала экспедиция, не позволяли вести широкомасштабные работы. Поэтому раскопки начались в виде траншеи в южной части городища. Однако массовое участие общественности, бесплатный, самоотверженный труд студентов, школьников и преподавателей, 9 800 рублей, выделенных отделом по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, быта и природы и 10 000 рублей от сельскохозяйственного товарищества села Угодский завод, сделали невозможное. Археологам удалось вскрыть значительную часть городища. В связи с такими успехами Городцов от лица науки выразил свою благодарность всем «кто трудился бесплатно». Еще большую благодарность, по его мнению, следовало воздать сельскохозяйственному товариществу и его председателю И.А. Молоканову: «Движение этого просвещенного сельского общества навстречу нужд науки являет в России первый, заслуживающий полного внимания пример». Особо отметил профессор «участие в трудах исследования Огубского городища К. Я. Виноградова, которому принадлежит инициатива этого труда и беспрерывное энергичное участие в ведение дела. Без его участия едва ли могли так скоро осуществиться исследование и раскопки значительного Огубского городища, а поэтому ему я считаю долгом принести самую сердечную благодарность» [9, л.6].

Экспедиция также занималась археологической разведкой окрестностей городища. На карте, хранящейся в фонде Городцова, в районе Михалевой горы показана группа курганов и вниз по течению Протвы — «культурный слой» [9, л.63]. Василий Алексеевич также интересовался флорой и фауной минувших времен. Он выяснил, что около 2 тысяч лет назад в районе Огубского городища росли дуб, береза и сосна, а в Протве водились осетры [9, л.50]. Об «ископаемых бобрах» на Протве профессор сделал сообщение на ученом совете Государственного исторического музея [8, л.31]. Итоги раскопок были обобщены также на общем собрании КОИД 16 декабря 1923 г. С докладами выступили К.Я. Виноградов и участники раскопок.

К сожалению, материалы, полученные в результате раскопок, постигла печальная судьба. В 1923 г. находки поступили в Государственный исторический музей, но позже фонд был «частично депаспортизирован, какая-то группа вещей утратила паспорта еще при передаче их в музей» [6, с.146]. В 1920-х гг. часть предметов поступило в Калужский объединенный

музей. Сюда же были переданы находки Виноградова и коллекция артефактов Алтуховского городища [13, с.5].

В настоящее время некогда единый археологический комплекс Огубского городища хранится и экспонируется в разрозненном виде в музеях Москвы, Калуги, Обнинска, Жукова. Как попали эти предметы в разные музеи, установить сложно. Часть находок оказалась в частных руках и к настоящему времени может считаться утраченной. Становление советской археологии, несмотря на массовый энтузиазм, не всегда сопровождалось строгим научным учетом находок, что приводило к ошибкам и даже потерям для науки.

В 1925 г. Городцов провел повторные раскопки Огубского городища и курганов на Михалевой горе. После этого исследованием местного края занялся почти исключительно К.Я. Виноградов. Он продолжил раскопки открытых им или Городцовым памятников, а также обнаружил на территории края материальные свидетельства эпохи неолита и бронзового века.

Таким образом, в первое советское десятилетие была создана основа для дальнейшего изучения угодских древностей*.

Источники и литература

[1] Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 2001. Вып.4. Ч.1.

[2] Сушков Э. Первый боровский краевед // Обнинское научное общество учащихся: Сборник трудов. Обнинск,1991. Вып. 3.

[3] Сухоцкий Ю. Российская Минерва // Жуковский вестник. 1996. № 7. С.3.

[4] Вопросы археологии и истории Верхнего Пооочья: Тезисы докладов 2-й Калужской историко-археологической конференции. Калуга,1987.

[5] Археологическая карта России: Калужская область. М., 1992.

[6] Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (Труды Государственного исторического музея; Вып.68).

[7] ОПИ ГИМ, ф.431, д.385.

[8] Там же, д. 357.

[9] Там же, д.63.

[10] Городцов В.А. Болотно-Огубское городище. М., 1926.

[11] Пятая краеведческая конференция Калужской области. Тезисы докладов. Обнинск, 1990.

[12] Малоярославец: Очерки по истории города: К 180-летию Отечественной войны 1812 года. Малоярославец, 1992.

[13] Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья: Тезисы докладов 1-й Калужской историко-археологической конференции. Калуга, 1986.

КАЛУЖСКОЕ ДЕЛО ИРИНЫ КАХОВСКОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА ФСБ РОССИИ)

***Я.В. Леонтьев**, к.и.н., Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова*

В «Калужской энциклопедии», вышедшей в 2000 г., имеется статья об И.К. Каховской. Процитируем ее: «Каховская Ирина Константиновна (15(27).08.1888, Тараща Киевской губ. — 1.03.1960, Малоярославец Калужской обл.). Из дворян, потомок декабриста П.Г. Каховского по боковой линии. Воспитывалась в Мариинском ин-те для благородных девиц в Петербурге. В 1905 примыкала к большевикам, в 1906 вступила в Союз социал.-рев. максималистов. За рев. деятельность была сослана на каторгу. С 1917 — в г. Петрограде, чл. ЦК партии эсеров (на самом деле — член ЦК партии левых эсеров с апреля 1918 г. — *Я.Л.*). <…> В 1922 на два года сослана в г. Калугу, где заведовала библиотекой профсоюза совторгслужащих. Отбыв срок ссылки, осталась жить в г. Калуге, но в 1924 (правильно: в 1925 г. — *Я.Л.*) вновь арестована

*Доклад является продолжением темы, начатой автором ранее (см.: Ульянов А.И. Летописцы Угодского края // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции 5—7 апреля 2005 г. Калуга, 2005. С.122—124).

и сослана в г. Самарканд. <…>»[1].

Добавлю, что царскую каторгу за участие в боевой дружине эсеров-максималистов Каховская отбывала в Мальцевской женской каторжной тюрьме в Забайкалье, одновременно с М.А. Спиридоновой, А.А. Измайлович, А.А. Биценко, Ф.Х. Каплан и др. известными террористками. В 1914 г. она вышла на поселение, перебравшись со временем в Читу. Сама Ирина Константиновна до революции в терроре не участвовала (ее осудили за снабжение петербургских рабочих оружием). Зато в 1918 г. она встала во главе Боевой организации партии левых эсеров (далее ПЛСР), и организовала террористический акт против командующего оккупационной армией на Украине генерала-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна. 30 июля 1918 г. Эйхгорн и его адъютант погибли от взрыва бомбы, брошенной бывшим кронштадтским матросом Борисом Донским (этот эпизод потом нашел отражение в «Белой гвардии» Михаила Булгакова). Исполнитель теракта был казнен, а вынесенный смертный приговор в отношении Каховской был послан на утверждение кайзеру Вильгельму II. По чистой случайности Ноябрьская революция в Германии помешала привести его в исполнение. Также под руководством Каховской готовились, но так и не были проведены теракты в отношении гетмана П.П. Скоропадского, адмирала А.В. Колчака и генерала А.И. Деникина.

Под «гласный» надзор Калужского губотдела ГПУ Каховская была выслана из Москвы по решению Коллегии ГПУ от 8 апреля 1922 г. Перед этим она более года, начиная с 21 марта 1921 г., находилась в заключение в столичных тюрьмах. В следующий раз она была арестована 22 марта 1925 г. по обвинению в «хранении нелегальной литературы и в к[онтр]-р[еволюционной] работе против Советской власти».

В Калуге правнучатая племянница первого русского террориста, повешенного в июле 1826 г., жила на проспекте Декабристов (в доме № 16). Согласно документам, она работала заведующей клуба совработников и вступила во Всероссийский Союз работников просвещения (5 марта 1923 г.). Впоследствии, в письме от 28 марта 1954 г. к своей близкой знакомой Е.А. Новиковой-Бацер она сообщала интересные подробности: «Я работала в Калуге с 21 по 25 год с большим увлечением, начав с книжного шкафа, конфискованного в каком-то помещичьем доме, где стояло около 500 томов приложений к «Ниве». Библиотека [начиналась] из одной сырой комнаты, холодной и прокопченной. В 25 году насчитывалось 28 тысяч книг и помещение с двумя читальными залами и детским отделением имело вполне приличный вид»[2]. В ближайший круг общения Каховской в калужский период жизни входили другие ссыльные: Вера Осиповна Корсак (член РСДРП(м) с 1903 г.), член ЦК меньшевиков, видный публицист Федор Андреевич Липкин-Череванин (участник социал-демократического движения с 1891 г.), а также старшая дочь К.Э. Циолковского, его секретарь и биограф, — Любовь Константиновна (также меньшевичка по партийной принадлежности). Но, самое главное, Каховская установила связь со своими однопартийцами, проживавшими в Калужской губернии.

В докладе ОГПУ о деятельности ПЛСР и Союза эсеров-максималистов за ноябрь—декабрь 1924 г. и январь 1925 г., составленном на основании агентурных данных, говорилось: «Во главе калужской организации стоит бывший член ЦК партии левых эсеров Каховская Ирина Константиновна (административно-ссыльная). Работу ведет, главным образом, в деревне, используя для этого свой авторитет и связи с местным крестьянством. Результатом этой деятельности являются частые антисоветские выступления крестьян на местных волостных советских съездах и конференциях с критикой нашей налоговой политики и пр.»[3].

Сама Каховская в заявлении в ЦК КПСС, Совет министров и Прокуратуру СССР после XX съезда КПСС излагала причины своего ареста так: «Бориса Белостоцкого я впервые увидала в 1924 году в Калуге, где я заканчивала трехлетний срок ссылки. Следовало найти повод для нового ареста — не выпускать же меня было на волю… И вот однажды, зимним утром, ко мне явился молодой паренек. Он привез отпечатанный на гектографе экземпляр студенческого журнала «Революционный авангард» и рассказал, что в Московском университете по инициативе некоего Шапиро создалась небольшая группа студентов. Они определили себя как левые эсеры, и вот издают этот журнальчик. Шапиро послал студента ко мне посоветоваться:

— Поедешь к генералу, пусть даст указания.

Я была удивлена. Никакого Шапиро я не знала, и все это показалось мне странным. Паренька я накормила и, оставив у себя, ушла на работу. А когда я возвращалась, дом был окружен,

меня арестовали. Студент успел убежать через сад, и был арестован уже в Москве на своей квартире. Впоследствии выяснилось, что Шапиро был провокатор, сам организовал и сам выдал группу студентов, и Белостоцкого заслал ко мне с провокационной целью. С тех пор Борис Белостоцкий репрессировался всю жизнь <…>»[4].

Настало время обратиться к материалам самого архивно-следственного дела, подлинник которого хранится в Центральном архиве ФСБ России[5]. Оно представляет т.н. «матрешку», когда внутри более позднего по времени дела подшито более ранее. В данном случае в деле имеются вторая обложка и материалы дела 1921 г. Титульная обложка дела «По обвин. гр. Каховской», начатого 27 марта 1925 г., имеет № 31370 Регистрационного отдела ОГПУ и № 5 5-го отделения Секретного Отдела ОГПУ. Вторая обложка «Дела г-ки Каховской Ирины Константиновны и Носова Степана Васильевича», заведенного Калужским губотделом ОГПУ 22 марта 1925 г., находится между листами 88 и 89.

LES MARTYRS DU BOLCHÉVISME

Irine Kachowskaja

Une petite-fille du „Décabriste" Kachovsky, qui avait été pendu en 1826 après la rébellion contre Nicolas I, elle était condamnée au temps du tzarisme à 15 ans de travaux forcés pour avoir lutte comme membre de L'Union Maximaliste. Libérée par la revolution de 1917, elle prenait part à l'activité du Parti des Socialistes-Révolutionaires de Gauche. Elle participait à l'attentat contre le Maréchal allemand Fichhorn à Kiev en 1918. Condamnée à mort par un conseil de guerre allemand elle etait libéré par la révolution allemande. Elle préparait un attentat contre le général Denikin. Après la suppression de la rébellion de Kronstadt en 1921, elle était arrêtée par les Bolcheviks.

Le comité unifié pour la defense des révolutionaires emprisonnés en Russie

(F. Kater, Kopernikusstraße 25 II, Berlin O 34)

Почтовая открытка «Жертвы большевизма» (Ирина Каховская). На французском языке. 1920-е гг.

Материалы дела 1921 г., возбужденного в связи с арестами социалистов и анархистов во время и после событий в Кронштадте, под № 8884 содержат: ордер ВЧК за № 583 «на производство ареста Каховской Ирины Константиновны» за подписью заместителя начальника Секретно-оперативного управления ГПУ Г.Г. Ягоды и начальника оперативного отдела от 21 марта[6], протокол допроса, произведенного помощником уполномоченного Козловским 25 марта, ряд изъятых личных документов И.К. Каховской за 1920—1921 гг., заявление секретаря Центрального организационного бюро ПЛСР И.Ю. Баккала в ГПУ от 22 марта 1922 г. с просьбой освободить больную острым невритом с частичным параличем конечностей Каховскую для лечения в санатории[7] с резолюцией начальника 5-го отделения Секретного Отдела ГПУ Т.Д. Дерибаса на обороте листа[8], выписку из судебного заседания Коллегии ГПУ о высылке под «гласный надзор Калужского губотдела ГПУ» от 8 апреля 1922 г., утвержденного заместителем председателя ГПУ И.С. Уншлихтом, с предварительным помещением на лечение в Полянский санаторий в Москве (по адресу: Б. Полянка, 52)[9].

Постановление о привлечении Каховской к дознанию в Калуге 22 марта 1925 г. было выписано уполномоченным по политическим партиям Блиновым и утверждено начальником губотдела ОГПУ Клиндером[10]. Непосредственным поводом к аресту стал визит к ней в воскресенье 22 марта Бориса Белостоцкого в момент проводившегося у Каховской обыска и его побег прямо из-под носа у чекистов (подробней см. в приложении). Приведем характеристику этого человека, составленную начальником 5-го отделения Секретного Отдела ОГПУ С.Б. Гельфером: «БЕЛОСТОЦКИЙ Борис Соломонович, 20 лет, является активным л.с.р. с 1922 года. Принимал участие в издании подпольной газеты (правильнее, журнала — *Я.Л.*) «Революционный Авангард». Связан с секретарем ЦБ Объединения (Центральное бюро Объединения ПЛСР и Союза эсеров-максималистов — *Я.Л.*), ныне находящегося в заключении, НЕСТРОЕВЫМ, и с Заграничной Делегацией П.Л.С.Р. За последнее время деятельно работал на организации экспроприации, над созданием нелегальной типографии. Работу вел исключительно с молодежью, будучи студентом Горной Академии использовал свои связи со студенчеством для л.с.р. работы. Был также связан с известной л.с.р. (б. членом ЦК) КАХОВСКОЙ Ириной Константиновной. <…>»[11].

Следствие по делу Белостоцкого, задержанного неподалеку от своего дома на улице в Москве спустя три дня после ареста Каховской, было выделено в отдельное производство. В тот же день 25 марта на хуторе Данишевской колонии близ Калуги был арестован С.В. Носов. Остановимся на его биографии более подробно. Носов был калужанин, происходил из крестьян,

Почтовая открытка «Жертвы большевизма» (Мария Спиридонова). На немецком языке. 1920-е гг.

хотя его отец работал кузнецом в железнодорожных мастерских. Родившийся в 1897 г. Носов в юности окончил Техническое училище и тоже начал трудиться на железной дороге рабочим-модельщиком. Во время Первой мировой войны он был мобилизован и, как храбрый солдат с образованием, дослужился до чина подпоручика (по другим данным — поручика). Поле революции он, как крестьянин по происхождению, присоединился к левым эсерам. В момент свержения Временного правительства Носов лежал в лазарете. Вернувшись на родину, он возвращается к работе в железнодорожных мастерских и становится членом Калужской организации ПЛСР. В 1919 г. Носов был призван в Красную армию: сначала — в качестве преподавателя командирских курсов, а затем на командные должности на деникинском фронте. За боевые заслуги он был награжден орденом Красного Знамени. Демобилизовавшись «по инвалидности», он поселился на хуторе и занялся «хлебопашеством». Носов женится и в браке с Глафирой Петровной у него рождаются дети-погодки: дочь Екатерина и сын Николай. В его хозяйстве были две коровы, лошадь, 20 десятин земли. В то же время он не порывает с левыми эсерами. Его имя значится в перечне левых эсеров в печатном чекистском справочнике, отпечатанном под грифом «Совершенно секретно» в типографии ВЧК в 1921 г.[12] (всего по Калужской губернии в нем были учтены 42 члена ПЛСР). В обвинительном заключении по делу Носова в 1942 г., в частности, говорилось: «С 1918 по 1925 год являлся левым эсером и имел непосредственную связь с членом ЦК л. эсеров КАХОВСКОЙ, руководителем Калужской организации л. эсеров Парахиным[13] и др.»[14].

При аресте Носова у него в сарае был изъят целый склад разнообразной левоэсеровской литературы, включая издания, растиражированные Борисом Белостоцким и его товарищами на гектографе. Но вернемся к самой Каховской. На первом допросе 22 марта она подтвердила, что ее посетил знакомый, но отказалась назвать его, заявив: «Я революционерка и на вопросы, касающиеся всех моих знакомых, и вообще посещающих меня лиц я никогда ответов давать не буду»[15].

На втором допросе 25 марта следствие интересовалось изъятой во время обыска перепиской. На очевидный вопрос: «С кем вы имеете письменную связь с ЛСР», — был дан очевидный ответ: «Имею переписку с Измайлович, Камковым, Спиридоновой, с заключенными в Соловках товарищами, с Трутовским высланным»[16]. Следует отметить, что подруги Каховской по каторге и соратницы по левоэсеровскому ЦК Александра Измайлович и Мария Спиридонова одно время находились в изоляции в Калужской губернии — в совхозе «Воронцово» (там же в это время были сосредоточены лидер правых эсеров А.Р. Гоц, член ЦК левых эсеров, ставший мужем Спиридоновой — И.А. Майоров, и другие политзаключенные). Но на вопрос о Белостоцком Каховская ответила, что такого не знает. Упорствовал на первом допросе и Носов. Допрашиваемый в Москве Белостоцкий также отрицал факты посещений Калуги.

Однако в руках у следствия имелись показания свидетелей — прислуги в доме № 16 по проспекту Декабристов А.С. Андрющенковой и комсомольца В.В. Астафьева. Последний из них видел человека, перелезавшего через забор, и слышал от первой о двух ночных визитах этого незнакомца к Каховской прежде. К тому же осенью 1924 г. Белостоцкий выронил на станции Калуга студенческое удостоверение, переданное местным дорожно-транспортным отделом в Секретный отдел ОГПУ. Наконец, во время очной ставки с доставленным в Москву Носовым 30 марта, калужанин признался в факте посещения Белостоцким его хутора.

Что касается Каховской, то она продолжала запираться и на допросе в Москве 27 марта:

«Никакой партийной работы я за время пребывания в ссылке в Калуге не вела <...> Белостоцкого я впервые увидела за несколько минут до моего ареста. Свидание продолжалось всего несколько минут и за это время никаких политических разговоров с ним мы вести не успели. Относительно «Революционного Авангарда» я впервые узнала в губотделе ОГПУ. О том, что Белостоцкий имеет отношение к этому журналу мне ничего не известно. Цели приезда Белостоцкого мне не известны. <...> До ареста Белостоцкого ни в Москве, ни в Калуге не встречала»[17].

Но улики и доказательная база следствия были налицо. (Из числа «вещественных доказательств) в деле был оставлен пакет с вложенными в него гектографированными изданиями: журналом «Революционный авангард», № 5—6 (январь—февраль) за 1925 г., и брошюра «Наши задачи»). В итоге постановлением Особого совещания (ОСО) при Коллегии ОГПУ от 3 апреля 1925 г. Б.С. Белостоцкий был приговорен к заключению в концлагерь сроком на 3 года[18]. С.В. Носов был осужден условно, но дальнейшая его судьба также сложилась трагически[19].

3 апреля ОСО при Коллегии ОГПУ также вынесло приговор Каховской: 3 года концлагеря с заменой на высылку в Вятку на тот же срок. В ее деле имеется важный документ — листок из отрывного календаря с автографом Ф.Э. Дзержинского: «т. Дерибасу. Е.П. Пешкова обратилась ко мне, нельзя ли больную чахоткой И. Каховскую вместо Вятки направить куда либо на Юг. Так как вятский климат для нее будет слишком суровым. 1/Y 25 Ф. Дзержинский»[20].

К мнению главы ОГПУ и председательницы организации «Помощь политическим заключенным» (бывшего Политического Красного Креста) Пешковой, естественно, прислушались, и в итоге Каховская ненадолго оказалась в Ставрополе, а оттуда была переведена в Самарканд, где соединилась с отправленными туда ранее М.А. Спиридоновой и А.А. Измайлович. Их дальнейшие ссылки в Ташкенте и Уфе продолжались совместно. В 20-е годы в европейских странах (особенно во Франции и Германии) развернулась компания за освобождение этих известных не только в России, но и за ее пределами революционерок[21]. Издательство немецких анархо-синдикалистов выпустило даже почтовые открытки с портретами Спиридоновой, Каховской и Измайлович на трех языках — английском, французском и немецком — под общим названием «Жертвы большевизма». В рассматриваемое архивно-следственное дело (Р-45098) был подшит ряд обращений различных рабочих организаций в советское Полпредство в Германии, содержащих требование освобождения И.К. Каховской. Но все усилия по их освобождению оказались тщетными.

В уфимской ссылке Каховская снова повстречалась с отбывшим заключение в Ярославском изоляторе и ссылку на Урале Белостоцким. Здесь их и накрыл 37-й год. В ночь с 7 на 8 февраля все уфимские ссыльные были арестованы. После многомесячного изнуряющего следствия, по сценарию которого Каховской была определена роль одного из руководителей т.н. «Всесоюзного центра» левых и правых эсеров, а Белостоцкому — роль связника между Уфой и Москвой, 25 декабря 1937 г. состоялись закрытые судебные заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством диввоенюриста А.П. Горячева. Большинство подсудимых, в том числе Белостоцкий были приговорены к расстрелу. Каховская же была осуждена к 10 годам заключения и 5 годам поражения в правах. Почему Кремль решил пойти на сохранение жизни Каховской, М.А. Спиридоновой, А.Р. Гоцу и еще нескольким главным руководителям эсеров,

Почтовая открытка «Жертвы большевизма» (Александра Измайлович). На английском языке. 1920-е гг.

остается загадкой. В дальнейшем, в отличие от Спиридоновой и А.А. Измайлович, расстрелянных в сентябре 1941 г. под Орлом, Каховская отбыла лагерный срок на общих работах (лесозаготовках и сельхозработах) в Краслаге. Через два года после освобождения, в начале 1949 г. она была вновь арестована в Канске и по старому обвинению постановлением Особого совещания при МГБ от 30 июля т.г. приговорена к бессрочной ссылке на поселение. Освободившись с поселения в 1954 г., Каховская, вместе с подругой по лагерю и ссылке М.Н. Яковлевой (выступавшей в 1920-е годы под псевдонимом Марианна Ямпольская московской поэтессой), по приглашению семьи Новиковых приехала и поселилась в Малоярославце. Они жили по адресу: ул. Володарского, дом 30 (ныне Ивановская). В марте 1960 г. Каховскую похоронили на городском кладбище. Впоследствии в ее могилу была захоронена урна с прахом Марии Яковлевой. Рассказ об их пребывании в Малоярославце — тема следующего доклада и статьи.

Я.В. Леонтьев у могилы И.К. Каховской. Малоярославец. 5 января 2007 г.

Приложение

Заключение

1925 марта «31» дня, мною сотрудником 5-го отделения СО ОГПУ — Кузьминым, рассмотрены дела № 31370 гр-н: Каховской Ирины Константиновны и Носова Степана Васильевича, арестованных, содержащихся во внутренней тюрьме ОГПУ и обвиняющихся первая по 62 и второй по 62 и 72 ст. ст. Уг. Код.[22], и № 31354 гр. Белостоцкого Бориса Соломоновича, арестованного, содержащегося во внутренней тюрьме ОГПУ и обвиняющегося по 62 и 72 ст. Уг. Код.

Нашел:

Каховская Ирина Константиновна, 1887 г. рожд.[23], уроженка Киевской губ., г. Тараща. Русская подданная, образования высшего, служащая в библиотеке Союза Совработников в г. Калуге, административно-ссыльная, член партии лев. эсеров.

Носов Степан Васильевич, 1897 г. рожд., уроженец Калужской губ., Калужского уезда, Бабаевской вол., дер. Данишевская. Русский подданный, образование — ниже среднего. Крестьянин-хлебопашец, беспартийный. Ранее состоял в партии левых эсеров.

Белостоцкий Борис Соломонович, 1904 г. рожд., уроженец Гродненской губ., Слонимского уез., местечка Деречин. Русский подданный, студент Горной Академии. Беспартийный (по его словам).

Обстоятельства дела:

В 1924 г. 5 отд. СО ОГПУ были получены сведения, что административно-ссыльная в Калуге гр. Каховская занимается нелегальной левоэсеровской деятельностью, завязывает связи с московскими подпольными ЛСР и вовлекает в работу рядовых левых эсеров в г. Калуге. Одним из московских подпольных ЛСР, с которым завязала связь Каховская, является студент Московской Горной Академии Белостоцкий Борис Соломонович. Белостоцкий, с целью получения инструкций, восстановления партийных связей, в 1924 г. ездил к Каховской в г. Калугу и по возвращении своем в Москву предпринял издание нелегального журнала «Революционный Авангард» и «Наши Задачи».

В 1925 г. в марте месяце Белостоцкий, уже с отпечатанными на шапирографе экземплярами нелегального журнала «Революционный Авангард» и «Наши Задачи», поехал в Калугу с целью распространения указанных журналов и переговоров с Каховской относительно дальнейшей партийной работы и выяснения возможностей постановки нелегальной типографии.

Калужскому Губотделу ОГПУ стало известно, что Белостоцкий по поручению Каховской повез нелегальную литературу к крестьянину Носову, который бывал иногда у Каховской.

Произведенным обыском у гр. Каховской ничего обнаружено не было, при чем во время входа сотрудников ОГПУ в квартиру Каховской, находившийся у нее Белостоцкий сбежал, прыгнув через забор, и был арестован только в Москве.

Произведенным обыском у гр. Носова было обнаружено: перепечатанные на машинке лево-

эсеровские статьи, журнал «Знамя Борьбы»[24] № 3, журналы «Революционный Авангард» и «Наши Задачи».

На допросе гр. Каховская заявила, что Белостоцкий действительно в этот день к ней приезжал, но был всего несколько минут и ни о чем с Белостоцким они не успели переговорить, т.к. в это время пришли с обыском. От дальнейших показаний по существу дела отказалась.

Гр-н Носов показал, что с Каховской познакомился в 1922 г., когда она прибыла в Калугу отбывать ссылку, она его втянула в партийную работу, по ее поручению Носов в 1923 г. ездил в Москву к максималисту Нестроеву[25], от которого получил левоэсеровскую литературу для Каховской и калужских левых эсеров. 21 марта с.г. к Носову на хутор явился молодой человек, который назвался Русиновым Виктором сообщил, что он приехал от Каховской, в доказательство чего сообщил пароль и передал Носову нелегальную литературу: журналы «Революционный Авангард» и «Наши Задачи», которые они спрятали в сарай.

Гр. Белостоцкий вначале упорно отрицал свое знакомство с Каховской и Носовым, а также поездки в Калугу и привоз Носову литературы, а при очной ставке с Носовым от всяких показаний категорически отказался.

Следствием установлено: 1) что Белостоцкий еще в 1924 г. ездил в Калугу, по-видимому, с партийными целями, доказательством чего служит отношение ОДТ[26] ОГПУ ст. Калуга за № 5474 от октября 1924 г. в Московскую Горную Академию, при котором препровождается утерянное Белостоцким на ст. Калуга студенческое удостоверение за № 5377, что Белостоцкий в марте 1925 г. ездил в Калугу к Каховской с партийными поручениями подпольного характера и привез нелегальную левоэсеровскую литературу, которую по поручению Каховской, с целью соблюдения конспирации, сдал крестьянину Носову; 2) что Каховская руководила подпольной работой левых эсеров в Калуге, поддерживала связь с московским подпольем ЛСР и санкционировала, как старый подпольный работник ЛСР, печатание и распространение нелегальной литературы; [3)] что Носов получал от Белостоцкого нелегальную левоэсеровскую литературу.

На основании всего вышеизложенного и материалов, имеющихся в деле, считаю предъявленное Белостоцкому и Носову обвинение по ст. 62 и 72, а Каховской по ст. 62 Уг. Код. доказанным, при смягчающих вину Носова обстоятельствах как малосознательного крестьянина, служившего и отличившегося в Красной Армии, а посему —

Полагал бы:

Дела № 31370 по обвинению гр-н Каховской Ирины Константиновны по ст. 62 Уг. Код., Носова Степана Васильевича по ст. 62 и 72 УК, № 31354 по обвинению гр-на Белостоцкого Бориса Соломоновича по 62 и 72 УК передать на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ.

Сотрудник 5 отдел. СО ОГПУ (подпись) /Кузьмин/

Согласен: С. Гельфер[27]

Предлагаю Белостоцкого заключить в тюрьму сроком на 3 года, Каховскую выслать в Вятскую губ. сроком на 3 года, Носова выслать в ПП по Киркраю[28], но принимая во внимание его социальное происхождение, приговор считать условным.

Андреева[29] 1.04.25

Белостоцкому тюрьму на 3 года. Каховской лагерь на 3 года, но ввиду болезненного состояния после Эйхгорновских пыток — заменить ссылкой в Вятку на тот же срок. Носова — согласен.

Т. Дерибас[30]

3/IУ 25

ЦА ФСБ. Д. Р-44516. Л. 16-18.

Примечания

[1] Калужская энциклопедия. Калуга, 2000. С. 264.

[2] Новикова Е. Ирина Константиновна Каховская // Воля. 2002. № 8—9. С. 239.

[3] «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Том 2: 1924 г. М., 2001. С. 401.

[4] Из истории партии и руководителей левых эсеров // Политический дневник. 1964—1970 / Под ред. Р. Медведева. Амстердам, 1972.

[5] ЦА ФСБ. Д. Р-45098.

[6] Там же. Л. 3.

[7] Там же. Л. 12.

[8] Он, в частности, писал: «<…> Что касается Каховской, то ей предоставить санаторий можно, тем более, что Винавер (зам. председателя Политического Красного Креста. — *Я.Л.*) предлагал взять на себя поручительство. Состояние ея здоровья действительно гнусное еще с Эйхгорновских пыток».

[9] ЦА ФСБ. Д. Р-45098. Л. 20.

[10] Там же. Л. 89, 93.

[11] Там же. Д. Р-44516. Л. 26.

[12] По губернский список членов антисоветских партий, взятых на учет Органами ВЧК. По 18 октября

1921 года. М., 1921. С. 41.

[13] В указанном справочнике ВЧК значится по Калужской губернии левый эсер Артем Степанович Парахин.

[14] ГАРФ. Ф. 8131 (Прокуратура СССР). Оп. 31. Д. 20484. Л. 5.

[15] ЦА ФСБ. Д. Р-45098. Л. 91об.—92.

[16] Там же. Л. 95.

[17] Там же. Л. 116об.

[18] ЦА ФСБ. Р-44516. Л. 19.

[19] До 1928 г. Носов продолжал работать модельщиком на железной дороге. Затем он был направлен на учебу в Калужский механический техникум, по окончании которого был назначен начальником тяговых устройств в железнодорожном управлении. В 1934 г. он был послан на учебу в Военно-транспортную академию РККА и затем работал в центральном аппарате НКПС. В 1937 г. был принят в члены ВКП (б), занимал должность начальника Орловского отделения движения железной дороги им. Ф.Э. Дзержинского, был награжден орденом «Знак почета». 25 сентября 1941 г. Носов был арестован Транспортным управлением НКВД по обвинению в «антисоветских настроениях», восхвалении армии фашистской Германии и дезорганизации движения поездов на Орловском отделении, срывавшим своевременную отправку воинских эшелонов. Содержался в Саратовской тюрьме и 5 апреля 1942 г. был осужден ОСО НКВД к 8 годам лагерей. Впоследствии снова был арестован. Согласно одной из справок дела Р-44516, в мае 1951 г. это дело запрашивалось из архива в Управление охраны МГБ «в связи с арестом Носова». Дальнейшая его судьба остается невыясненной.

[20] ЦА ФСБ. Д. Р-45098. Л. 127.

[21] Подробней об этом см.: Гальмарини М.-К., Леонтьев Я.В. Деятельность берлинских комитетов помощи русским политзаключенным. Русский Берлин: 1920—1945. Международная научная конференция. М., 2006. С. 116—117.

[22] По 62 ст. УК РСФСР привлекались обвиняемые в участии в «контрреволюционных» организациях, наносящих «явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции» путем «возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей»; статья предусматривала высшую меру наказании с допущением, «при смягчающих обстоятельствах», понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже 5 лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества. Ст. 72 вменялась за «изготовление, хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы контрреволюционного характера» и каралась лишением свободы на срок не ниже одного года.

[23] Год рождения указан ошибочно, правильно — 1888 г.

[24] Издавался в Берлине в 1924—1930 гг.

[25] Нестроев (наст. фамилия — Цыпин) Григорий Абрамович (1877—1941) — секретарь Объединения ПЛСР и Союза эсеров-максималистов, в 1925 г. находился в заключении в Соловецком лагере, впоследствии расстрелян под Орлом одновременно с М.А. Спиридоновой.

[26] Отдел дорожно-транспортный.

[27] Гельфер Соломон Борисович (1894—1936) — бывший левый эсер, в 1925 г. начальник 5-го отделения Секретного отдела ОГПУ.

[28] Полномочное представительство ОГПУ по Киргизскому краю.

[29] Андреева-Горбунова Александра Андреевна (1888—1951) — в 1925 г. зам. начальника Секретного отдела ОГПУ, впоследствии репрессирована.

[30] Дерибас Терентий Дмитриевич (1883—1938) — в 1925 г. начальник Секретного отдела ОГПУ, впоследствии репрессирован.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

И.В. Гончарова, *к.и.н., доцент, Орловский государственный университет*

Положение в деревне было одной из ключевых проблем пришедших к власти большевиков. Внедрение новых форм сельского быта сразу после революции выглядело скорее импровизацией, чем продуманной политикой. После «военного коммунизма» у власти еще не было ресурсов для их осуществления. Опыт первых коллективных хозяйств Орловской губернии вскрывает весьма интересные процессы адаптации крестьянства к новой аграрной ситуации.

Упоминания о первых коллективных объединениях встречаются в документах 1918 г. В Селиховской волости 30 семей организовали Парамоновскую коммуну[1]. Газета «Голос трудового крестьянства» 28 августа 1918 г. сообщала о крестьянах Вятической волости, организовавших артели по уборке урожая и обработке земли[2]. «Первые ласточки» коллективного быта были подведомственны государству, с введением нэпа коммуны и артели превращались в кооперативные единицы. Снять хозяйства с госбюджета было немаловажно при переходе на самообеспечение. В социальном плане преследовалась цель поглотить маргинальный элемент, порожденный распадом промышленности и войной (рекомендовалось привлекать в первую очередь красноармейцев, вернувшихся с фронта, рабочих, бывших военнопленных). В 1918 г. в Городищенской волости солдат Тимофеев, участник I Всероссийского съезда земотделов, комбедов и коммун, вернувшись с фронта, организовал коммуну «Восходящее солнце»[3]. В Мценском уезде во главе почти всех коммун стояли приехавшие в деревню шахтеры[4]. Наконец, колхозы должны были служить основой политического и культурного влияния на крестьянское мировоззрение, будучи своеобразным каналом взаимодействия между городом и деревней.

Создаваемые коллективные хозяйства в Орловской губернии организационно не были связаны с кооперативной системой по многим причинам: разные целевые установки, неопределенная специализация, нестабильность, малочисленность первых коммун (в среднем 3—8 человек), позволяющая идентифицировать этот вид объединения с традиционной формой временного крестьянского объединения внутри общины — супрягой.

Коммуны и артели в 1918—1919 гг. в большинстве случаев создавались крестьянами-бедняками, за редким исключением в них участвовали середняки. Образцовой в губернии считалась «Коммуна III Интернационала» Орловского уезда, организованная в августе 1918 г. членами РКП(б) из 80 беднейших крестьян села Никольского. «Коммуна живет новым бытом без всяких старых обветшалых культов, обычаев и суеверий…Внутренняя коммунальная жизнь постепенно налаживается. В коммуне общий стол для взрослых. Отдельное общее питание детей, общий труд и специализированный труд по отдельным отраслям хозяйства, мастерству и ремеслам. Общее снабжение одеждой, обувью и другими предметами домашней жизни. Имеется портняжная мастерская. В ближайшее время дома будут перестроены для правильного нормального планомерного приспособления их для квартир взрослым и для общежитий для молодежи и детей»[5]. Однако такие островки коммунистического быта были редкостью, и удержаться в период нэпа им было трудно: «В некоторых коллективах занялись торгашеством разного рода, отсутствие заработков и кредитов препятствует развитию коллективов»[6].

Местная власть не всегда оказывала должное покровительство приоритетным организациям. «Орловская правда» приводила в качестве примера выступление председателя сельсовета, угрожавшего им разгромом как «врагам республики»[7]. Поводом для конфликтов колхозов с крестьянским окружением и местной властью советов, подотчетной в орловской глубинке сельскому сходу, была земля. В губернии для колхозов в большинстве случаев отводилась бывшая помещичья земля, что подталкивало прежних владельцев имений под прикрытием колхозного устава сохранять родовые гнезда. Например, Луначарская артель была образована по инициативе помещика Лисичкина на месте его прежнего имения. Лисичкин объединил 26 человек, включая 9 бывших владельцев, родственников, проживающих в Москве, Петрограде и Орле, нанял наемных рабочих. В результате родовое имение было спасено от передела, а льготы, предоставляемые советской властью, пошли на его восстановление[8]. О наличии подобных прецедентов свидетельствует и вопрос к докладчику из зала на губернской партконференции в 1926 г. «Чем объясняется восстановление некоторых из помещиков в своих имениях?»[9].

Во время нэпа идеологические мотивы создания колхозов вытеснялись прагматическими установками. В 1923 г. по инициативе внука помещика на арендованной в совхозе земле было организовано земельное товарищество Клесовское, участниками стали зажиточные крестьяне, арендовавшие у своего же руководителя маслобойный завод на условиях 40% отчислений на ремонт. В марте 1924 г. 9 зажиточных и 11 кулацких семей организовали в Орловском уезде земельное товарищество «Новый путь» для аренды местного совхоза. Малоземелье в Орловской губернии было мощнейшим стимулом создания коллективных

хозяйств, крестьяне, иногда целыми общинами (коммуна «Надежда») организовывали колхозы, продолжая в обход закона пользоваться своей надельной землей. Помещичьи усадьбы со всеми постройками, льготы и кредиты привлекали в колхозы предприимчивых крестьян гораздо эффективнее, чем чуждое российской глубинке представление о новом совместном быте. Земельное товарищество «Свободная жизнь», пользуясь льготами, купило все земельные постройки, находящиеся в усадьбе бывшего помещика Шеншина, построило дома для каждой из 13 семей (118 человек) и использовало по своему усмотрению 251 десятину земли, позабыв про необходимость обобществления инвентаря, выборного совета и коллективной системы ведения хозяйства. Состав этого товарищества, по партийным отчетам, «был и раньше из крепких зажиточных мужичков, теперь кулацкий уклон»[10]. Часто в колхозах, вопреки уставам, применялся наемный труд.

Завуалированный передел собственности порождал многочисленные казусы. В Дмитровском уезде был случай организации товарищества на купленной через Поземельный банк надельной земле. Возможность возврата к своей земле и прежнему образу жизни вдохновила бывших монашек создать в 1921 г. артель «Объединение». Артель была организована на принадлежащей ранее монастырю земле, причем из 142 женщин, ее составивших, 62 были нетрудоспособны. Бывшие монашки дружно наладили работу и восстановили церковные обряды[11]. В новых престижных советских организациях нашли пристанище и стражи порядка Российской империи: среди членов товарищества «Красная звезда» находились бывшие полицейские и жандармы, кстати, это объединение отличалось образцовым делопроизводством[12].

С наступлением политических «заморозков» колхозы оказались под пристальным вниманием власти. Партийные и кооперативные органы губернии должны были проделать огромную работу, чтобы «отсталые в своем развитии»[13], часто карликовые, организации из 5—6 дворов стали прологом коллективизации и демонстрировали ее позитивы орловскому крестьянству. Губернские органы власти не располагали даже четкой статистикой по этому поводу — в конце 1927 г. по данным Селькредсоюза насчитывался 331 колхоз[14], включая товарищества по совместной обработке земли, при этом 225 объединений не были включены в систему союзной кооперации и именовались «дикими»; в отчетности губернского земельного управления говорилось о 259 колхозах[15]. При этом «высшей формой» коллективного хозяйства считалась коммуна, в губернии их насчитывалось всего 21, включая 8 «диких».

Смотр колхозных рядов — I съезд колхозов, прошел в Орле 10—12 января 1928 г.; на нем присутствовало 78 представителей от 69 колхозов, именно столько объединений удалось вовлечь в орбиту политической активности. Делегаты нарисовали губернским властям неблагоприятную картину. Колхозник из «Красной звезды» отмечал: «У нас при условиях колхозной жизни еще наблюдается склонность к индивидуальной жизни. В колхозах еще нет производительности труда. Есть отлынивание от работы…»[16]. Склоки, незаинтересованность в результатах работы, пьянство, текучка кадров, низкая трудовая дисциплина, отсутствие учета и контроля — только небольшой перечень проблем коллективного быта. Классовая политика в деревне и стремление властей произвести колхозы в образцовые организации привели к увеличению кредитования (в 1926—1927 гг. было выдано 367 тыс. руб.), налоговым льготам, снабжению техникой и инвентарем, ускоренному землеустройству, мелиоративным мероприятиям. Кредиты на фоне часто списываемой задолженности привлекали в колхозы «крепких» мужичков. В социальном составе колхозников было 12% зажиточных, 40% середняков, остальные были представлены беднейшим крестьянством, использовавшим производственные кредиты для внутреннего потребления. Частым явлением были растраты. Успенская коммуна распалась по вине ее председателя, бывшего помещика Казакова, который не смог погасить кредита на сумму 23000 руб.[17] Объединения ради использования государственных субсидий на фоне слабой финансовой дисциплины, как правило, состоящие из родственников, сохраняющих наделы параллельно колхозному участию, получили название «лжекооперативы». Местная власть объявила им войну, также как и «диким», которых пытались насильно вовлечь в кооперативную систему и закредитовать. Но как ни дискредитировали эти организации коллективный опыт, не они больше всего волновали власть. Все источники пестрят сообщениями: «степень обобщенности в коллективах слаба» и постоянно падает[18].

По образу жизни колхозы не отличались от округи, разве что более низким уровнем производства, обследование ГубРКИ констатировало падение товарности колхозов с 1926 по 1927 гг. с 34 до 17 %[19]. Инспекция констатировала и большую текучесть кадров, особенно в коммунах, состав обновлялся до 3 раз за 2 года. Первые колхозы губернии оставляли много вопросов открытыми: что делать с детьми (ясли имелись только в «Коммуне III Интернационала») и стариками, содержать которых коллективу было очень тяжело, как установить ответственность и учет при подавляющей неграмотности, как уравнять в правах мужчин и женщин — новое для традиционной ментальности явление, и, пожалуй, самым болезненными вопросами было распределение продукции. В последнем случае было множество вариантов — распределение по семьям, по едокам, по паям, по трудовому вкладу, по затраченному времени, по потребности и т.д.

Таким образом, большинство колхозов Орловской губернии накануне коллективизации мало походили на «островки социализма» в деревне. Образование их было тоже своего рода кооперацией, только прямо противоположной «школе коллективизации», направленной не на подготовку деревни к социалистическому, трудно поддающемуся идентификации крестьянским сознанием типу хозяйства, а к новой политической и экономической конъюнктуре, новым «правилам игры», установленным советской властью. Состояние колхозов, особенно коммун, Орловской губернии в конце нэпа не позволяло связывать с ними большие перспективы, власти потребовался другой механизм для реорганизации деревни и популяризации колхозной практики.

Примечания

[1] Аграрная политика Советской власти (1917 — 1918): Документы и материалы. М., 1954. С. 477.
[2] Там же. С. 488—489.
[3] Беднота. 1918. 15 дек.
[4] Беднота. 1919. 14 янв.
[5] ГАОО. Ф.П-1. Оп.1. Д. 1305. Л. 74.
[6] Там же. Д.1127. Л.64.
[7] Орловская правда.1923. 14 июля (№156).
[8] ГАОО. Ф.П-1. Оп.1. Д.1127. Л.71.
[9] Там же. Д.1879. Л. 17.
[10] Там же. Д. 1305. Л.97.
[11] Там же. Л.94.
[12] Там же. Д. 2037. Л.9.
[13] Там же. Д. 2044. Л.43.
[14] Там же. Д. 2037. Л.32.
[15] Там же. Д. 1948. Л.12.
[16] Там же. Д. 2044. Л.55.
[17] Там же.
[18] Там же. Д. 2037. Л.72
[19] Там же. Д. 2037. Л.15.

КАЛУЖСКАЯ ДЕРЕВНЯ НАКАНУНЕ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 1927—1929 гг.

***Т.П. Шиенко**, аспирантка, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э Циолковского*

Годы, предшествующие сплошной коллективизации, можно охарактеризовать как относительно спокойные по сравнению с тем взрывом протестных выступлений, которые произошли в деревне в конце 1929—1930 гг. Между тем заметное нарастание сопротивления крестьян начинается в связи с очередным кризисом нэпа осенью 1927 г. В этот период происходит нагнетание оборонного психоза, чрезвычайные хлебозаготовки и, как результат, — грубое свертывание рыночных отношений, переход к командно-репрессивной системе управления.

Представить более полную картину политической обстановки в деревне позволяют опубликованные в последние годы такие сборники документов, как «Советская деревня глазами

ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939 гг.», «Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939 гг.». В них помещены информационные сводки ОГПУ, которые содержат сведения об инцидентах, произошедших в деревне. Специфика этих источников состоит в том, что авторы сводок отмечали лишь негативные стороны жизни села. Собранные факты ОГПУ сообщало высшему руководству в определенной тематической форме: сводки об антисоветских проявлениях в деревне, о деятельности кулацких и антисоветских группировок, о срыве хлебозаготовок, о кулацком терроре и т.д.

В 1927 г. происходит обострение международной ситуации. Ухудшение и разрыв дипломатических отношений между Великобританией и СССР, убийство советского представителя Войкова в Варшаве послужили поводом для распространения слухов о войне. Население страны не забывало военных бедствий, и поэтому первые же сообщения об англо–советском конфликте вызвали массовые закупки предметов первой необходимости не только в городе, но и в деревне.

Распространение среди населения слухов о приближающейся войне отчасти были порождены внутренними экономическими осложнениями, а именно «чрезвычайными» хлебозаготовками 1928—1929 гг. По словам крестьян, государство снова взялось за изъятие хлеба, а это может привести к разорению крестьянства, так как единственный источник хлеба для бедноты в деревне — это «зажиточный хлеб»[1].

Подобные настроения приводили к открытым выступлениям против представителей местной власти и хлебозаготовительной кампании. Так, по данным сводки, с января по июнь 1929 г. произошло 120 убийств, 539 избиений, 290 покушений, 413 поджогов, 241 преступление на почве хлебозаготовок[2]. Чрезвычайные меры, принятые Советской властью, дестабилизировали положение в деревне и внутренние социальные противоречия села обострились. Произвол местной власти, личные и бытовые конфликты выступают источником крестьянского недовольства.

Так, например, из сводки ОГПУ мы узнаем о злоупотреблениях работника местного сельсовета в д. Полошково Калужской губернии Козельского уезда Вязовской волости[3]. Председатель сельского совета занимался самовольным переделом общественных усадеб, которые состояли из бывших помещичьих земель. А также распоряжался личной крестьянской землей. Так, он отдал усадьбу, принадлежащую одному из крестьян, своему родственнику. А когда тот стал протестовать против захвата, то был избит. Очевидно, что у председателя сельсовета имелись сторонники, которые поддерживали его. И все попытки крестьян жаловаться на произвол местной власти были бесполезны, так как для заявления необходимо удостоверение на пользование землей, а председатель его не выдавал.

Сведения о произволе встречаются не только на страницах сводок ОГПУ, но и в материалах уголовных дел того времени. Заботясь о своих интересах, местные власти порой сотрудничали с кулаками и сами стремились к обогащению. Например, председатель Матюковского сельсовета Бабынинского Районного исполнительного комитета (РИКА) Филюшкин Григорий Григорьевич. О его взаимоотношениях с односельчанами мы узнаем из материалов уголовного дела Калужского окружного суда 1929 г. Филюшкин был зажиточным крестьянином, имел личное крепкое хозяйство, занимался «кустарным производством — валкой валенных сапог»[4]. За время пребывания на должности председатель Филюшкин превратил деревню в свою «вотчину»[5]. Ему должны были и бедняки, и середняки. Кто хлеб занимал, кто землю в аренду брал. Председатель забирал себе участки, которые крестьяне не в состоянии были обрабатывать. Кроме того, когда крестьянин обращался к Филюшкину за помощью, как к председателю, например, за справкой, то должен был оплатить услугу. Как правило, это была земля под засев.

Что же касается колхозного строительства, то Филюшкин ничем не помогал крестьянам. На просьбы содействовать в организации артели «Полезный труд» ответил отказом. Зато поспешил организовать колхоз для зажиточных крестьян «Красный уголок», куда вошли его родственники[6]. Все попытки бедноты противостоять председателю Филюшкину заканчивались неудачей. Однако Филюшкин не избежал наказания. За сознательное, небрежное неисполнение своих обязанностей с целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата председатель был осужден на шесть лет с конфискацией имущества[7].

Надо отметить, что этот случай не единственный. Зажиточное крестьянство включалось

в политическую борьбу за овладение местными органами власти, в первую очередь, сельскими и волостными. Крестьянские лидеры стремились обеспечить, прежде всего, защиту своих интересов.

Показательными являются случаи, когда провинциальная власть в своей деятельности опиралась не на бедноту, служившую официальной опорой советской власти, а на кулачество. Ситуация в деревне складывалась таким образом, что местные руководители и зажиточное крестьянство сотрудничали на основе экономической выгоды сторон. Порой ни одно решение местных властей не принималось без одобрения кулаков. Так было в селе Аристово Боровского района Калужского округа. В 1930 г. Калужским окружным судом было заведено уголовное дело на зажиточных крестьянах этого села. Их обвиняли в том, что на протяжении ряда лет до 1929 г. они «терроризировали» своих сельчан и жителей соседних деревень. Большая часть деревни, не «чувствуя поддержки местных органов власти, будучи экономически зависимой от кулаков, подвергалась отчаянной эксплуатации со стороны последних»[8]. Работники сельсовета и волостного исполнительного комитета вымогали водку у крестьян за выдачу разного рода справок, неправильно облагали налогом середняков и бедняков, которые платили гораздо больше положенного. Укрывали зажиточное крестьянство от налогообложения, помогали сохранить избирательные права. В свою очередь зажиточное крестьянство вело активную агитацию против мероприятий, направленных на «реконструкцию сельского хозяйства». Жители села Аристово пытались противостоять «сращиванию» власти с кулачеством. Однако только после смены председателя волостного исполнительного комитета новые работники сообщили «сведения об истинном положении дел и подлинной обстановке в деревне Аристово»[9]. Виновные в злоупотреблениях властью и антисоветской деятельности понесли наказание.

Во многих деревнях конфликт бедноты и зажиточного крестьянства имел давние корни. Это видно на примере села Гремячево Перемышленского района Калужского округа. Крестьян этого села Калужский окружной суд обвинил в 1930 г. в антисоветских наступлениях, в агитации против советской власти, в избиении партийных активистов. Из материалов уголовного дела видно, что в селе Гремячево, как и по всей России, с первых шагов коллективизации началась работа по созданию коллективных хозяйств. Местная власть в лице председателя сельсовета А.Г. Гуровой при поддержке бедноты активно включилась в колхозное строительство. Проведение коллективизации начали с закрытия церкви и раскулачивания зажиточных крестьян. В списки кулацких элементов из-за личной неприязни власти попали и середняки. Противостояние между бедняцкой массой крестьян, возглавляемой председателем сельсовета А.Г. Гуровой, и середняцким крестьянством под предводительством бывшего председателя сельсовета И.С. Пучкова длилось в Гремячеве с 1918 г. Большинство населения Гремячева занималось отхожим промыслом. Со временем отходники, Пучков И. С. и другие крестьяне, стали крепкими хозяйственниками, уважаемыми людьми. Повидав жизнь не только родного села, но и города, у них складывалось свое отношение к власти.

Так, информационные отчеты об отходничестве сообщали, что отходник открыто высказывал «политически вредные» суждения: требовал «крестьянского союза», заявлял, что «рабочие едят хлеб, а у нас нет». «Но только болтают, в совет избираться не хотят». «Повернуты к культуре: читают и выписывают газеты, посещают избу-читальню»[10].

И.С. Пучков, будучи крепким хозяйственником, не стал терпеть бесхозяйственность местной власти и организовывал акции неповиновения. За короткий промежуток времени середняки смогли провести собрание численностью 400 человек для обсуждения вопроса выхода из колхозов, организовать демонстрацию. Собрания, выступления в селе поддерживались большинством населения, особенно активны были женщины, которые придавали «бунту» эмоциональный окрас: «Бабы, подогретые агитацией указанной группы, стали вести себя провокационно. <…> Активно вели себя середняки».[11]

Председатель сельсовета А.Г. Гурова уже не справлялась с ситуацией в деревне. Вмешательство органов ОГПУ остановило крестьянское выступление. Однако не все волнения на селе заканчивались мирно.

Порой крестьянское сопротивление принимало грубые формы «террора» и хулиганства, направленного против работников местных советов и местных партийцев. Так, убийство секретаря волкома Шорникова Петра Александровича в 1929 г. получило большой

общественный резонанс. О трагическом событии, произошедшем в поселке Желябужский, уже тогда сообщали газеты «Правда» и «Беднота». Большой материал о П. А. Шорникове был собран сотрудницей Калужского партархива Н. Гречневой. Она в соавторстве с А. Авдониным опубликовала в нескольких номерах газеты «Знамя» очерк «Выстрел в окно».

О подробностях этого происшествия мы узнаем из материалов уголовного дела Калужского окружного суда и газет того времени, которые пестрили заголовками о «убийстве на почве классовой ненависти».[12] Дело приняло политическую окраску еще до своего завершения. Ведь жертвой преступления был представитель власти, а убийцей «кулак» — классовый враг партии. Однако многие факты этого дела не поддаются однозначной оценке.

П.А. Шорников был направлен в 1928 г. в Бебелевскую волость Калужской губернии Калужского уезда и избран ответственным секретарем Бебелевского волостного комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Его деятельность на новом посту началась с конфликта: «В работе мне ставят шпильки, ловят на каждом слове…, относятся с недоверием…»[13]. Отношения его с членами волкома не складывались, в этих условиях П.А. Шорникова подает заявление об отводе. Однако его не принимают. При обсуждении на заседании волкома вопроса о сельскохозяйственном налоге было принято решение «приступить к описи имущества неплательщиков и продаже такового с торгов у крепких и злостных неплательщиков»[14]. Подобные меры не были популярны среди крестьянства. П.А. Шорников вместе с небольшой группой активистов прилагает все усилия, чтобы выполнить директивы, идущие сверху. Результат был налицо, «в селах начали формироваться группы бедноты, оживилось женское движение, обновлялся аппарат местных Советов. К апрелю 1928 г. выполнение заданий по сбору налога в волости составило 97,6%, на 82% были собраны недоимки прошлых лет»[15].

Однако наряду с успехами были и неудачи, местные жители отнеслись к П. А. Шорникову враждебно, он оказался в изоляции. Среди жителей поселка пошел разговор, что «после перевыборов ему живому не быть…». А особо недовольные молодым коммунистом якобы убеждали содержателя чайной, молодого парня Кривенко В.Е.: «Убей его, за такого ничего не будет»[16]. Конфликт между ним и П.А. Шорниковым возник давно. Причиной стали издевательства В.Е. Кривенко над батрачкой, работавшей в доме Н.Я. Куликова, где квартировал П.А. Шорников. Молодой секретарь не раз выдворял В.Е. Кривенко из избы, когда тот подвыпившим приходил «в гости» к батрачке. П.А. Шорников даже пытался возбудить уголовное дело против В.Е. Кривенко за оскорбление женщины.

«Выстрел в окно» прозвучал в ночь 16—17мая 1928 г., когда Шорников П.А. фактически уже не был секретарем волостного комитета, а оставался в Желябужском, ожидая нового назначения. 21мая 1928 г. Калужский губком рассмотрел вопрос об убийстве секретаря Бебелевского волкома Шорникова. Протокольная запись содержала два пункта: первый — в форсированном порядке закончить следствие, чтобы в кратчайший срок заслушать дело на месте показательным процессом; и второй — направить в волость комиссию губкома, «учитывая ряд моментов, требующих детального выяснения»[17]. Противоречивость бросается в глаза: с одной стороны — требование форсировать судебный процесс, с другой — упоминание о ряде невыясненных моментов. Видимо, результатом выяснения явилась передача дела об убийстве Шорникова из ГПУ в губпрокуратуру, произошедшая 3 июня. Однако и это обсуждение оказалось не последним. Из протокола, датированного 28 июля, узнаем, что дело уже побывало в Наркомате юстиции и вернулось с санкцией: «Применить к убийцам 58-ю статью»[18]. Убийство квалифицировалось как политическое преступление. Так бытовой конфликт приобрел политическую окраску.

Смерть П.А. Шорникова была использована Советской властью для того, чтобы оправдать жестокость к классовому врагу. В.Е. Кривенко приговорили к высшей мере социальной защиты — расстрелу, с конфискацией всего имущества[19].

С конца 1927 г. — начала 1929 г. в деревне шла открытая борьба за овладение местными органами власти с целью обеспечить активную защиту своих интересов. В сельские и волостные, советы нередко избирались люди, не стремившиеся воплотить в жизнь курс партии и правительства. Занимаясь личным обогащением и сведением счетов, провинциальная власть порой использовала силу своего политического и социального положения. Между тем, многие конфликты на селе имели давние корни и носили бытовой характер, но в рамках задач коллективизации приобретали политическую окраску.

Примечания

[1] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: Документы и материалы. М.,2000. Т.2. С.892.
[2] Там же. С.921—922.
[3] Там же. С.502.
[4] ГАКО. Ф.969. Оп.1. Д.51. Л.116.
[5] Там же. Л. 117.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] ГАКО. Ф.1128. Оп.3. Д.3. Л.1—3.
[9] Там же.
[10] ГАДНИКО. Ф.1. Оп.11. Д.72. Л.215.
[11] ГАКО. Ф.1128. Оп.3. Д.4. Л.11.
[12] РГАСПИ. Ф.610. Оп.1. Д.239. Л.8.
[13] История Калуги в лицах. К.,2005. С.154.
[14] Там же. С.154.
[15] Там же. С.155.
[16] Там же. С.155.
[17] Там же. С.155.
[18] ГАКО. Ф.1128. Оп.1. Д.12. Л.4.
[19] Там же.

ДЕТИ ИСПАНИИ НА ОБНИНСКОЙ ЗЕМЛЕ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА, НОВЫЕ ДАННЫЕ

И.Л.Ефимова, *н. с., Музей истории города Обнинска*

В 2002 г. в Музее истории г. Обнинска состоялся вечер, посвященный 65-летию Испанского детского дома № 5. Приехали бывшие воспитанники, представители Испанского Центра в Москве. Сотрудники Музея подготовили к юбилейной дате выставку «Дети войны», гости рассказали о своей жизни на обнинской земле. Работая в Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве документов новейшей истории Калужской области, общаясь с бывшими воспитанниками, автор доклада собрал большой материал по истории испанского детского дома № 5. Все это дало возможность изложить ранее неизвестные факты и дополнить историю Обнинского края.

В феврале 1936 г. в Испании к власти пришли демократические силы. Это произошло в тот период, когда германский фашизм быстро распространился по странам Европы. В соседней Испании у власти было профашистское правительство Муссолини. Реакционные силы решили уничтожить испанский «островок демократии». 17 июля 1936 года по радио прозвучали слова. «Над всей Испанией безоблачное небо». Это был сигнал к началу фашистского мятежа, во главе которого встал генерал Франко. Испания раскололась на два непримиримых лагеря. Под знамена республики встали тысячи добровольцев, девизом для которых были слова лидера Компартии Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Однако хорошо вооруженные и обученные мятежники один за другим захватывали города и села Испании.

После печально знаменитой бомбардировки Герники и падения основных республиканских оплотов началась массовая эмиграция. В те месяцы родину покинуло более 20 тысяч баксских детей. Многих приняли такие страны, как Франция (9 тысяч человек), Швейцария (245 человек), Бельгия (3,5 тыс.), Великобритания (около 4 тысяч), Голландия (195 человек), Мексика (500 человек)[1]. В Советский Союз прибыло 2895 детей (в 1937г. — 2664, в 1938 — 189, в 1939 — 42 человека).

12 июня 1937 г. из порта Сантурсе покидали родину 1503 маленьких испанца. Несмотря на желание многих поехать в «кипучую, могучую, непобедимую» страну Советов, прощание с родными было тягостным. Альберто Фернандес (воспитанник испанского детского дома №5) вспоминал: «Хорошо помню день 12 июня 1937 года, когда я и мой брат, крепко держась за руки, пришли с мамой в порт. Крики, рыдания, слезы царили в тот день на причале. Я не понимал, почему я должен расставаться с любимым человеком и крепко схватился за мамину

юбку, а бедная моя мама пыталась распрямить пальцы моего кулачка, который сопротивлялся, но потом сдался. Я не плакал, мама тоже. Слезы были потом»[2]. Уезжая, дети и родители думали, что расстаются на год — два, но оказалось, разлука растянулась на десятилетие.

21 июня к причалу Ленинградского порта подошел белокрылый лайнер «Сантай» с маленькими испанцами на борту. Встречали их торжественно: гремел оркестр, бушевало разноцветье букетов. Улыбающиеся ленинградцы подхватывали на руки малышей и несли их до автобуса.

Через 3 дня детей распределили по 14 детским домам Одессы, Харькова, Ленинграда, Евпатории, Подмосковья. Один из самых крупных — испанский детский дом № 5 — расположился недалеко от станции Обнинское, в только что построенном кирпичном здании. Вместо лесной оздоровительной школы здесь решили разместить испанских детей. Рядом с основным зданием находились домики для сотрудников, изолятор, водонапорная башня, электростанция, хозяйственные постройки, баня.

Соседями испанцев стали ребята из школы им. С.Т.Шацкого. Они с большим воодушевлением участвовали в подготовке встречи испанцев. Навели порядок в помещениях, расставили мебель в столовой, унесли ненужное учебное оборудование из лабораторий и классов.

23 июня 1937 года специальным поездом на ст.Обнинское приехало 500 детей и 20 сопровождающих их воспитателей. Гостей перевезли в парк у Морозовской дачи, где провели санитарный осмотр, познакомили с персоналом, разделили на 3 отделения (дошкольное — 3,5—6,5 лет, II отделение — 7—12 лет, I отделение — 13—16 лет).

Детей Испании разместили в 4-х-этажном главном корпусе с расходящимися вправо и влево 2-х-этажными корпусами. В центральной части здания находились большой зал, столовая, библиотека. В корпусах на 1-ом этаже — учебные классы, медицинские кабинеты, душевые; на 2-ом — спальни. Испанцем создали прекрасные условия, отпуская крупные суммы на их содержание: хорошая добротная одежда, отличное питание, интересная организация досуга.

Но темпераментным детям нелегко было привыкнуть к новой жизни и воспитателям они преподносили много сюрпризов. Случалось, пытались бежать. Однажды на вечерней линейке не досчитались двух мальчиков. Сразу же сообщили в Московскую милицию — вскоре беглецов обнаружили на Киевском вокзале. Со слезами мальчики признались, что хотели уехать домой.

С июня по ноябрь 1937 г. детский дом функционировал как профилактическое учреждение, руководимое врачом Н.Н. Шаталовым. С 14 ноября 1937 г. его преобразовали в испанский детский дом № 5. Директором назначили М.С. Мякотина, зам. директора — Д.Д. Гунина, хозяйством заведовал И.С. Разуваев.

Штат сотрудников составлял 243 человека на 467 детей. Это был большой административно-хозяйственный коллектив, включавший педагогов, воспитателей, переводчиков, медицинских работников. Среди обслуживающего персонала большинство составляли жители окрестных сел и деревень.

Столовой заведовал шеф повар В.В.Зайцев — «Базилио», — так его назвали ребята. По первым и вторым блюдам фантазировали отдельные повара. На столах в изобилии были свежие овощи, фрукты, зелень, рыба. Хосе Луис Эммануэль Сантьяго вспоминал, что икру подавали в суповых тарелках, но «… мы не любили её. Любили блинчики. Один из шустрых мальчиков научил нас воровать зефир и прятать его на водокачке. Мы так и сделали, хотя были совсем не голодны. Просто хотелось испытать чувство опасности, пошалить»[3].

1 сентября 1937 г., подобно всем детям СССР, испанцы начали учиться. Заведовала учебной частью З.В. Соколова. Шесть педагогов через переводчиков проводили занятия по русским учебникам. Лишь в 1938 г. на испанский язык перевели ряд книг, что значительно облегчило работу школы. Среди русских педагогов можно выделить преподавателя истории А.С. Якодкину, супругов М.Д. и Т.В. Музалевских, преподававших русский язык. Немало усилий им приходилось прикладывать, когда в класс прибывали новые ученики из других детских домов — они совершенно не говорили по-русски. Музалевские много занимались с ними и к концу года ребята учились наравне с другими[4].

13 воспитателей-испанцев освоили профессию педагога. Согласно отчетам по учебно-воспитательной работе наиболее профессионально преподавали М. Риера (арифметика), Л. Эстебан (алгебра, геометрия), А. Санчес (физика, химия).

Воспитанники испанского детского дома № 5. 1938 г.

Особенно отмечалась работа Х. Апарисио — талантливого педагога, живого, активного человека. «Где бы она не занималась, нигде не приходилось ставить вопрос о дисциплине. Уроки проходят так увлекательно и живо, что ни одному шалунишке не придет в голову желание побаловаться»[5].

В 1939 г. коллектив педагогов испанского детского дома пополнился новыми кадрами. Это были бойцы республиканской армии, эмигрировавшие в СССР: доктор Костаньос, одновременно преподававший анатомию и ботанику, Диего Перроне (директор театра в Валенсии) руководил в испанском детском доме художественной самодеятельностью.

Спасаясь от фашистской расправы, они попадали в застенки НКВД. Так, репрессировали двух воспитателей детского дома — Марио и Ливеро, бежавших из Италии. Их объявили шпионами итальянской разведки.

С большим подозрением относились к переводчикам, работавшим и в испанском детском доме. Вот что сообщил в одном из отчетов проверяющий чиновник: «Товарищ Ягодкина ведет курс истории через переводчицу Мейер. Мейер окончила юридический факультет в Киеве, жила около 4-х лет в Германии, около 2-х лет в Аргентине. Муж её арестован НКВД. Что она переводит — сказать трудно… Переводчик Ясельман родился в Париже, жил за границей, якобы как эмигрант, выдает себя за бывшего члена партии большевиков. Человек сомнительный и нуждается в проверке»[6].

Однако ужасы и запреты тоталитарного режима тех лет пока не касались жизни воспитанников испанского детского дома. Читая стихи о Сталине, распевая песни о вожде, дети верили, что счастливое детство — это его заслуга. Постепенно они привыкли к теперь уже родной стране, воспринимая её традиции и культуру.

С восторгом встретили испанцы зиму, впервые увидели снег, встали на лыжи и коньки. Любимый преподаватель физкультуры Сергей Владимирович Андреев организовал лодочную станцию, оборудовал спортзал, вел шахматный кружок и секцию бокса. Гордостью испанского детского дома стала футбольная команда, капитаном выбрали Августина Гомеса, впоследствии прославленного футболиста. «Команда дьяволят» одерживала победы в матчах с футбольными командами окрестных сел, школы им. С.Т. Шацкого.

11 сентября 1937 г. на стадионе «Динамо» в Москве состоялись матчи между командой испанского детского дома № 5 и командой «Юные пионеры». Трибуны стадиона были заполнены болельщиками. В 4 часа дня на поле вышли команды: баски — в голубых футболках, члены сборной Москвы — в красных. Испанцы прошли по кругу стадиона под знаменем и звукам гимна Испании. Ребята играли азартно и темпераментно, но москвичи выиграли со счетом 2 : 1.

Оркестр испанского детского дома № 5. 1938 г.

Когда Д.Д.Гунин спустился стрибуны, в раздевалке стоял откровенный рев. «Пусть вас утешит решение советского спорткомитета, — сказал Дим Димыч торжественно, — Все участники игры награждаются именными часами». В понедельник 13 октября, Гунин привез из Москвы газеты, где отмечалось, что юные баски уступали москвичам в силе и выносливости, но техника их достойна восхищения[7].

Педагоги и воспитатели испанского детского дома прикладывали немало усилий, чтобы сделать жизнь ребят интересной и творческой. В детской технической станции под руководством И.А. Лаврушина конструировали модели танков, самолетов, лепили из пластилина, занимались резьбой по дереву. Украшением детского дома стал макет «Парад на Красной Площади», над его созданием в течение года занималось 20 учащихся.

Испанские дети занимались в различных кружках. Девочки вышивали, вязали, шили. Мальчики осваивали профессии столяра, плотника в мастерской у Ганса Рытлевского (немец по национальности, участник боев в Испании). В сапожном кружке научились шить и ремонтировать обувь, что очень пригодилось в эвакуации.

Увидев, как ребята любят животных, взрослые на краю территории испанского детского дома построили домики для животных, комнату для дежурных. В кружке юннатов, — вспоминал Хосе Луис, — воспитывались ангорская крольчиха, которая родила 12 крольчат. Это был рекорд. Я поехал в Москву поделиться опытом по выращиванию кроликов, как активный юннатовец»[8].

В испанском детском доме часто показывали кинофильмы. Один из ребят, О. Гонсалес, научился у киномеханика А.А. Орлова работать на аппарате и часто заменял его. Особенно любили дети военные фильмы, бурно реагируя на содержание картины. В фильме «Юность», увидев белогвардейцев, с негодованием шептали: «Фашисто! Фашисто!», а при успехах Красной Армии с поднятыми кулачками вскакивали с места и хором кричали: «Ура!»[9].

Один раз в неделю, вечером, устраивали танцы. Черноглазые мальчишки с удовольствием танцевали с девчонками из д. Пяткино танго, вальс, посодобль.

В гости к испанцам приезжали различные творческие коллективы, известные писатели, поэты, композиторы, политические деятели. В 1938 г. на самолете прилетели знаменитые летчицы В. Гризодубова и М. Раскова.

Летом 1939 г. приехали руководители испанской компартии Д. Ибаррури, Хосе Диас, командиры народной Армии, бойцы интербригад.

Между тем гражданская война в Испании шла к завершению. Народная республиканская армия сражалась 3 года, но зимой 1938—1939 гг. фашисты подошли к Барселоне. Д.Ибаррури обратилась к народу своей страны встать на защиту Родины. Узнав об этом, старшие ребята

В.С. Гризодубова в гостях у испанских детей. 1938 г.

решили поехать в Испанию. Приехавшие из Москвы представители Коминтерна и Наркомпроса едва убедили ребят отменить свое решение.

После падения Испанской республики на Родину вернулись дети, выехавшие в Бельгию, Англию, Францию. Испанцы, жившие в России, ждали того же акта от советского правительства, но оно решило иначе. По достижении 16-летнего возраста испанским детям рекомендовали отказаться от испанского и принять советское гражданство. Идею невозвращения испанцев на Родину поддержали члены руководства испанской компартии, считая, что в СССР они растят достойную смену коммунистических кадров для Испании. Лишь в 1947 г. около 150 испанцев смогли выехать из Советского Союза, в основном, в страны Латинской Америки. Первую реэмиграцию в Испанию «детей гражданской войны» разрешили лишь после смерти Сталина, в 1956 г. Но тогда, во время диктатуры Франко, немногие рискнули вернуться. Вторая, более мощная, волна реэмиграции произошла в 1976 году. Из 3000 детей, вывезенных из Испании в 1937 г., в России осталось 320 человек, 36 из них — воспитанники испанского детского дома № 5.

Но вернемся в 1939 г. Он запомнился испанским детям холодами и началом Финской войны. Со слезами на глазах провожали они на фронт своего любимого учителя С. Андреева, как будто чувствовали, что никогда больше не увидятся. Так и случилось — Сергей погиб на финской границе. Эти события стали предвестником будущей «священной войны», догнавшей испанских детей в Советском Союзе.

Известие о начале войны пришло в испанский детский дом внезапно. Альберто Фернандес вспоминал: «В воскресенье, 22 июня 1941 г., юношеская команда из Москвы приехала в детдом на товарищеский матч по регби. Наши ребята одержали победу. Идя домой, довольные и веселые, услышали из репродуктора слова: «Враг будет разбит, победа будет за нами!». Мы решили, что речь идет о выигранном матче. Но потом воспитатели объяснили — началась война. Без особой тревоги приняли мы эту весть, считая, что война закончится через несколько месяцев»[10].

Старшие воспитанники ушли на фронт, а в детском доме становилось все тревожнее. Начались бомбардировки Москвы, самолеты совсем низко пролетали на детдомом. Ребята изучали оружие, способы маскировки, регулярно прочесывали окрестности, тушили горящие свечки, которые немцы сбрасывали для освещения дорог.

В лесу построили шалаши и когда ночью гудели поезда, извещая о воздушной атаке, дежурные по детдому всех будили; дети одевались, брали теплые одеяла, рюкзачки с вещами

и бежали в лес к своим шалашам.

24 августа 1941 г. директор испанского детского дома И.С. Разуваев издал приказ об эвакуации. Часть сотрудников остались для проведения инвентаризации, охраны зданий, обслуживания электростанции, около 60 педагогов, воспитателей выехали для сопровождения детей в Саратовскую область. Счастливое детство для испанских ребят закончилось, им пришлось пережить наравне со всеми тяготы военных лет. Но этим детям было тяжелее вдвойне, потому что у них не было рядом матерей, отцов, братьев, способных поддерживать замерзших, голодных ребятишек. Многие погибли от тифа, туберкулеза, травм на производстве. Судьбы оставшихся в живых сложились по-разному, но все они вспоминают жизнь на обнинской земле как самые счастливые годы своего детства.

Примечания

[1] Висент Е. Неизвестная правда об испанских детях в СССР // Русская мысль. 1997. №4177.
[2] МИГО. Фонды НВ 2093/14. Ариэтта А.Ф. Воспоминания. М., 2001.
[3] МИГО. Фонды. Видаль-Сантьяго Х.Л. Воспоминания. М., 2002.
[4] ГАРФ. Ф.307. Оп.2. Д.1987; 1918.
[5] Там же. Оп.1. Д.228. Л.4.
[6] Там же. Д.226. Л.14.
[7] Семар Г. Под одним небом // Москва. 1985. № 5. С.63.
[8] МИГО. Фонды. Луис Х. Воспоминания. М., 2002.
[9] ГАРФ. Ф.308. Оп.1. Д.226. Л.3.
[10] МИГО. Фонды НВ 2093/14. Ариэтта А.Ф. Указ. соч.

В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ ЗОНЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

И.С. Писаренко, *к.и.н., доцент, Калужский филиал Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана*

На оккупированной немцами территории Калужской области выделяются три партизанские зоны. Первая зона — северо-восточная — включала в себя Бабынинский, Боровский, Высокиничский, Детчинский, Дугнинский, Калужский, Малоярославецкий, Перемышльский, Тарусский и Угодско-Заводской (ныне — Жуковский) районы. Во вторую зону — северо-западную — входили Барятинский, Дзержинский, Износковский, Мещовский, Медынский, Мосальский, Спас-Деменский и Юхновский районы. Третью зону — южную — составили Думиничский, Жиздринский, Кировский, Козельский. Куйбышевский, Людиновский, Сухиничский, Ульяновский и Хвастовичский районы). Определенный вклад в разгром гитлеровцев под Москвой внесли партизаны северо-западных районов Калужской области, в том числе и партизаны Дзержинского района.

Партизаны Дзержинского района

До оккупации в Дзержинском районе сформировали три партизанские группы[1]. Заблаговременно в лесу около деревень Матово, Бурцево и за р. Угрой были заложены продовольственные базы. Партизанские группы возглавили первый секретарь Дзержинского райкома ВКП(б) В.И. Захаров, председатель райисполкома А.И. Виноградов, члены райкома партии А.Ф. Орлышев, С.Р. Романов, В.И. Козлов, И.Е. Козлов и другие [2].

Уже во второй половине дня 9 октября 1941 г. секретарь партийной организации Кондровской бумажной фабрики М.И. Цветков и председатель профкома А.М. Шерстиков получили приказ выдвинуть истребительный отряд, охранявший фабрику, на помощь воинской части, которая обороняла пос. Товарково. Бойцы истребительного отряда составляли костяк второй Кондровской партизанской группы. Их было всего тринадцать человек — М.И. Цветков, А.М. Шерстиков, Н.И. Алексеев, И.Ф. Воронцов, И.Н. Туранов, А.И. Стрелков, А.Ф. Мурлыкин, Н.Н. Поздняков, П.К. Шевляков, Н.М. Бровцев, С. Кулаков, Г. Филимоновский и М.П. Петрова. Четверо были коммунистами, семеро — совсем юными комсомольцами. В тяжелом неравном бою все партизаны погибли[3].

Первая кондровская партизанская группа во главе с первым секретарем райкома партии В.И. Захаровым состояла из 20 человек партийно-советского актива района. С 9 по 20 октября

1941 г. ее бойцы совершили пять нападений на врага. На окраине Кондрова патриоты сожгли нефтебазу, в пос. Троицком вывели из строя мастерскую по ремонту техники, разрушили мост на р. Шане, устроив засаду, обстреляли из винтовок и забросали гранатами взвод немецких кавалеристов, неожиданно напали на трех немецких разведчиков, ехавших на мотоцикле. Мотоцикл и документы убитых гитлеровцев партизаны забрали и доставили командованию советской воинской части [4].

Однако, в силу неподготовленности отряда к боевым действиям в зимних условиях было решено перейти линию фронта, перевооружиться, а затем уже вновь вернуться в тыл врага. Оставив на базе двух человек, в 20-х числах октября 1941 г. отряд двинулся на восток. Тремя группами, без стычек с фашистами, удалось преодолеть линию фронта и выйти в расположение частей Красной Армии. Расставшись со своими товарищами, В.И. Захаров сразу же выехал в Рязань, где временно размещался Смоленский обком ВКП(б). По распоряжению первого секретаря обкома партии Д.М. Попова группу В.И. Захарова обмундировали, вооружили и доукомплектовали радистом, тремя автоматчиками и проводником. Перед ней была поставлена задача действовать на коммуникациях противника в районе ж. д. ст. Мятлево — г. Кондрово. Уже 19 — 20 ноября 1941 г., как вспоминала член группы Т.А. Протасова, партизаны успешно преодолели линию фронта и углубились на оккупированную немцами территорию. Но неожиданно при переходе лесной вырубки, по которой пролегала дорога в тыл врага, партизаны столкнулись с колонной фашистов. Вспыхнул скоротечный бой, в ходе которого группа была рассеяна и все партизаны погибли. Смертью храбрых пал и В.И. Захаров [5].

Третья партизанская группа, известная под названием Полотняно-Заводский отряд, состояла из 13 рабочих и служащих поселка. Затем к отряду присоединились кондровчане А.М. Горченков и Г.Н. Кузин, оставленные еще В.И. Захаровым на продовольственной базе около д. Матово. Отряд постоянно пополнялся красноармейцами-окруженцами. В результате численность отряда возросла до 48 человек. Командиром партизанского отряда был директор Полотняно-Заводской бумажной фабрики И.Е. Козлов, а комиссаром — директор молочного завода Г.К. Кривенков. Боевая деятельность отряда продолжалась с 10 октября 1941 г. по 18 января 1942 г. Базировался отряд в лесу между деревнями Слобода и Бурцево. В начале фашистской оккупации района эта группа совершила пять нападений на врага. Партизаны наносили удары по оккупантам в районе деревень Люблино, Миленки, Бели, Слобода, а чаще всего — на Галкинском тракте. Об этом свидетельствует штабной дневник, в котором кратко зафиксированы боевые действия партизан[6].

В результате 15 ударов полотняно-заводских партизан более 100 гитлеровцев, в их числе два офицера, генерал и командир карательного отряда, нашли свой конец на Кондровской земле, расстреляно 14 предателей Родины и немецких шпионов. Кроме того, народные мстители освободили из фашистского плена 35 красноармейцев[7]. Такая результативная боевая деятельность была возможна только при действенной и активной поддержке партизан местным населением.

Партизаны Износковского района

С начала немецкой оккупации района Износковский райком ВКП(б) во главе с секретарем А.К. Киреевым перешел на подпольное положение. Райком организовал несколько партизанских отрядов. Износковский партизанский отряд сформировали 6 октября 1941 г. Отряд просуществовал до января 1942 г. С 6 по 24 октября его командиром был Логинов, а с 24 октября 1941 г. по январь 1942 г. — А.К. Киреев, комиссарами — сначала А.К. Киреев, а затем — В.Н. Мачульский. Отряд состоял из двух групп. Одной из них руководил А.К. Киреев, второй — секретарь райкома комсомола В.В. Васильева. В течение трех месяцев партизаны под командованием В.В. Васильевой уничтожили 25 немецко-фашистских оккупантов и шесть вражеских автомашин с различными грузами, взорвали немецкий склад боеприпасов, захватили у врага шесть винтовок, три полуавтомата, ручной пулемет, пять ящиков патронов[8].

При проведении разведок и в столкновениях с немцами партизанская группа во главе с А.К. Киреевым понесла невосполнимые потери. Одним из первых погиб боец В.Н. Головачев — председатель Кошняковского сельсовета. В октябре его направили в разведку в Фокинский сельсовет. В д. Ивлево немцы схватили партизана, и после зверских пыток расстреляли. Ранним утром 27 декабря 1941 г. во время выполнения боевого задания около д. Пономарихи Шугайловского сельсовета А.К. Киреев, В.М. Мачульский и партизан В.И. Серов попали в

устроенную немецкой разведкой засаду и героически погибли в неравном бою. 29 марта 1945 г. приказом Белорусского штаба партизанского движения А.К. Киреева посмертно наградили медалью «Партизану Отечественной войны 1-й степени»[9]. Из партизан отряда А.К. Киреева в живых осталось только четыре человека. За мужество и самоотверженность в борьбе с немецкими оккупантами они удостоились правительственных наград. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 сентября 1942 г. В.В. Васильева (Ильичева) была награждена орденом Красной Звезды [10].

В начале ноября 1941 г. в Износковском районе был создан партизанский отряд под командованием Ф.В. Могильного, комиссаром которого стал А.М. Емельяненко, и отряд во главе с А.И. Бурлаковым. 15 декабря 1941 г. отряды объединились. Командиром нового формирования стал Ф.М. Могильный, комиссаром — А.И. Бурлаков. Отряд насчитывал 26 бойцов. Партизаны действовали на территории Фокинского и Тычковского сельсоветов. За два месяца борьбы с фашистами партизанский отряд уничтожил более 40 немецких солдат и предателей Родины[11]. 12 января 1942 г. партизаны захватили разъезд Кошняки и железнодорожный мост. Они разобрали железнодорожное полотно, вывели из строя стрелки. В результате было надолго задержано продвижение немецких войск в направлении Вязьмы. Партизаны помогали советским десантникам, выброшенным с самолетов в Износковском районе. Гитлеровцы, предпринявшие наступление против десанта, наткнулись на партизанскую засаду, потеряли в бою 15 человек и отступили [12].

С 3 ноября 1941 г. по январь 1942 г. на территории Извольского сельсовета действовал партизанский отряд под командованием В.М. Макушкина. В конце декабря 1941 г. в д. Поджаровке Тычковского сельсовета из 25 бойцов и командиров Красной Армии, находившихся в окружении, был сформирован партизанский отряд под командованием лейтенанта Петра Якунина. Отряд активно боролся с немецкими оккупантами до конца января 1942 г. Партизаны неоднократно разбирали железнодорожное полотно в районе разъезда Кошняки. Затем вместе с высадившимся советским десантом отряд освобождал от немцев д. Кошняки, Аксеново, Дороховую и Ухово [13].

Во временно оккупированной немцами д. Никулино с помощью учителя А.В. Трифонова красноармеец-окруженец Петр Георгиевич Филиппов организовал молодежный партизанский отряд. На вооружении у молодежи было собранное на поле боя советское оружие и украденные у немцев винтовки и автоматы. До 10 января 1941 г. отряд занимался распространением среди населения листовок «Вести с Советской Родины». Всего юные патриоты распространили свыше 270 листовок. После освобождения деревни от немецких оккупантов П.Г. Филиппов организовал молодежный отряд разведчиков, который выполнял задания советских воинских частей. Юные партизаны сдали оружие 222-й стрелковой дивизии. Но, будучи расформированными, бывшие партизаны Никулинского отряда помогали «Смерш» выявлять предателей Родины[14].

Мосальский партизанский отряд

В октябре 1941 г. начали партизанскую борьбу с немецкими оккупантами патриоты Мосальского района. Его первые 33 бойца собрались в с. Боровенск. Первоначально каждый партизан был вооружен винтовкой или револьвером. В отряде имелось только 15 гранат. Впоследствии в отряде появился пулемет и семь автоматов, большое количество винтовок и гранат. В Боровенске партизаны приняли присягу на верность Родине[15]. Затем партизаны ушли на заблаговременно подготовленную в глухих лесах Дубровинского сельского совета базу, проделав путь в 60 километров. Командиром отряда был С.И. Маслов, бывший начальник районного отдела НКВД, а комиссаром — первый секретарь Мосальского райкома партии Г.К. Котляров. Вскоре отряд увеличился с 43 до 48 человек [16].

В первые дни оккупации Мосальского района немцы почувствовали силу ударов народных мстителей. Партизаны разрушили два моста через р. Рессу, у д. Хорошилово устроили засаду и обстреляли автомашины с гитлеровцами. Затем осуществили шесть нападений на немецкие гарнизоны, взорвали склад с боеприпасами, на земле уничтожили немецкий самолет, вырезали несколько километров телеграфно-телефонных проводов. На длительное время оккупанты лишились связи, соединяющей города Мосальск и Юхнов с селом Барятино [17].

На переднем крае борьбы с немецко-фашистскими оккупантами были коммунисты и комсомольцы. Командир отряда С. Маслов и комиссар Г. Котляров принимали участие во

всех боевых операциях. С риском для жизни он несколько раз был в разведке в районном центре — г. Мосальске. Комсомолка М. Ипатова постоянно ходила в разведку и неоднократно пробиралась в Мосальск. Отважной разведчицей проявила себя комсомолка П. Абрамова, дочь председателя Дубровского сельсовета, расстрелянного немцами. Бесстрашно сражались с врагом комсомольцы М. Ипатова, В. Ручкин, Меркулов, Елисеева, Васильева и Филатова. Они взорвали фабрику, пустили под откос пять вражеских эшелонов с живой силой и боеприпасами [18]. Юные патриоты — 14-летний Виктор Доренков и 15-летний Володя Морозов — перерезали провода связи и распространяли среди населения партизанские листовки [19]. За время борьбы с немецко-фашистскими оккупантами Мосальские партизаны уничтожили 27 гитлеровцев, в том числе одного немецкого офицера и переводчика.

В середине января 1942 г. на оккупированной территории Мосальского района был высажен авиадесант под командованием И.А. Суржика с целью занять с. Людково и перерезать Варшавское шоссе. У десантников не хватило сил выбить гитлеровцев из села. Партизаны оказали парашютистам помощь продовольствием, в транспортировке больных и раненых [20]. Действуя в контакте с командованием партизанского полка В. Жабо, который располагался на территории соседнего Всходского района, Мосальские партизаны перевозили раненых парашютистов в лесной госпиталь, а также переправили во временный госпиталь в д. Желанье Знаменского района 50 раненых красноармейцев из 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П.А. Белова [21]. 8 января 1942 г. войска 10-й армии освободили от немцев г. Мосальск и большую часть района. 6 февраля группа партизан во главе с секретарем райкома ВКП(б) Г. Котляровым перешла линию фронта и приступила к налаживанию мирной жизни в труднейших условиях прифронтовой полосы.

Основная часть отряда численностью в 17 человек продолжала борьбу с немецкими захватчиками под командованием нового командира, учителя Астаповской школы П.И. Логинова. 6 мая 1942 г. Мосальский райком ВКП(б) докладывал Смоленскому обкому партии, что на оккупированной территории района сражаются с врагом четыре партизанские группы: Пречистинская (командир П. Логинов), Дубровская (командир Н. Лапшин), Богородицкая (командир С. Карпушенков) и Акуловская (командир А. Семенников). В общей сложности в своих рядах они насчитывали свыше 100 партизан. В основном партизанские группы вели разведывательную работу, были надежно связаны между собой и командованием частей Красной Армии, которые занимали участок фронта вдоль Варшавского шоссе [22]. Весной и летом 1942 г. сотни мосальчан сражались с врагом в партизанском отряде майора Жабо и в советских десантных частях, которые действовавших во вражеском тылу на оккупированной территории Смоленской области [23].

Партизанские полки в боях с немцами на Спас-Деменской земле

В октябре — декабре 1941 г. на территории Спас-Деменского района действовали партизанские отряды Г.П. Макарова и Ф.Д. Гнездилова, в январе 1942 г. в борьбу с врагом вступили еще четыре отряда под командованием А.М. Литвиненко, Ф.В. Черепанова, Г.Г. Ковалева и Путятского. В конце февраля 1942 г. все отряды объединились в партизанский полк имени XXIV годовщины РККА. Командиром полка стал Ф.Д. Гнездилов, комиссаром Г.С. Амиров, начальником штаба Н.И. Рачков. Полк состоял из четрех батальонов (командиры: А.М. Литвиненко, Г.Г. Ковалев и С.В. Михоношин, Г.П. Макаров). В марте 1942 г. в полку насчитывалось свыше пяти тысяч партизан, вооруженных винтовками и револьверами. В полку имелось 125 станковых и ручных пулеметов, 48 орудий, 105 минометов, около десятка танков, пять тракторов и тягачей, 22 автомашины, пять мотоциклов, несколько зенитных установок [24].

Полк действовал на территории Спас-Деменского, Всходского, Ельнинского и Дорогобужского районов Смоленской области. В феврале-марте 1942 г. полк вел бои с немецкими войсками на шоссе Спас-Деменск — Ельня. Партизаны наносили решительные удары по карателям и отбивали у оккупантов деревню за деревней и двигались навстречу армиям Западного фронта, которые с боями подходили к Юхнову и Сухиничам.

Боевые действия полка впечатляют своими результатами[25]. Так, утром 20 февраля 1942 г. партизаны взяли штурмом село Гнездилово, превращенное оккупантами в волостной центр, а к 23 февраля выбили немцев из населенных пунктов Клюши, Жданово, Гранкино и со станции Павлиново. В ходе зимнего наступления на гарнизоны противника полк имени XXIV годовщины

РККА освободил от оккупантов около 400 населенных пунктов Ельнинского, Спас-Деменского, Всходского и Дорогобужского районов. В результате образовалась обширная партизанская зона, где была восстановлена Советская власть. По фронту она занимала свыше 60 км, а в глубину — свыше 50 км. Бойцы партизанского полка держали линию обороны на наиболее угрожаемых участках протяженностью свыше 100 км. Им помогали сотни дружин самообороны из местных жителей.

В ночь с 22 на 23 марта 1942 г. полк имени XXIV годовщины РККА совместно с крупным партизанским полком имени С. Лазо штурмом взял г. Ельню, которую удерживал несколько дней. Немцы бросили против партизан 221-ю пехотную дивизию, усиленную танками и артиллерией. Под натиском превосходящих сил противника партизаны, потеряв много человек убитыми, вынуждены были отойти в направлении Спас-Деменска, под которым артиллерийский дивизион А.В. Марчука массированным огнем взорвал крупнейший в этом районе немецкий склад боеприпасов.

22 мая 1942 г. газета «Правда» писала: «Партизанский отряд имени XXIV годовщины РККА, действующий в захваченных немцами районах Смоленской области, нанес оккупантам большой урон. Партизаны во время своей боевой деятельности уничтожили свыше 3000 гитлеровцев и взяли в плен 125 немецких солдат и офицеров. Разгромлено 12 штабов немецких частей и подразделений».

В конце мая — начале июня 1942 г. немецкое командование бросило крупные силы против партизан во Всходском, Спас-Деменском, Ельнинском и Дорогобужском районах. Когда тактика блокады не принесла успеха, немцы перешли к сплошному прочесыванию лесов. Все лето шли ожесточенные бои. Силы партизан таяли с каждым днем. В невероятно трудных условиях партизаны предприняли несколько неудачных попыток перейти линию фронта. 3-й батальон полка имени XXIV годовщины РККА (командир — старший лейтенант С.В. Мехоношин) попытался прорваться в районе Спас-Деменска, но был окружен. Почти все бойцы батальона вместе с командиром погибли. С большими потерями (в живых осталось лишь 28 человек) прорвался через линию фронта в районе Зайцевой Горы батальон капитана А.Н. Литвиненко. Очень тяжело пришлось выходить из окружения и остальным двум батальонам полка. Всего из пятитысячного полка удалось уцелеть примерно тремстам бойцам. Отдавая свои жизни в боях с немецкими оккупантами, бойцы партизанских полков в течение длительного времени сковывали значительные силы гитлеровцев перед армиями Западного фронта, которые летом 1942 г. вели ожесточенные сражения с Болховской и Вяземской группировками противника.

Примечания

[1] Артизов А.Н. Кондрово: Историко-краеведческие очерки. Тула, 1993. С. 98.

[2] РГАСПИ, ф. 68, оп. 1, д. 64, л. 1; Артизов А.Н. Указ. соч. С.98.

[3] Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945: Калужская область. Калуга, 1994. Т.2. С.128.

[4]. Глухов В. Народные мстители. Калуга, 1960. С.28—29; Когда бушуют грозы: Калужская область в Великой Отечественной войне. Тула, 1969. С.144.

[5] В годы суровых испытаний: Калужская область в Великой Отечественной войне. Тула, 1984. С.57; Артизов А.Н. Указ. соч. С.102—103; Книга памяти ... Т.2. С.128.

[6] Рабочий путь. 1942. 10 февраля; Касаткин М.А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр»: Всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР. 1941—1943 гг. М., 1980. С.167—168.

[7] РГАСПИ, ф.17, оп.127, д.162, л.12; Книга памяти … Т.2. С.128.

[8] РГАСПИ, ф.17, оп.127, д.162, л.13; ф.69, оп.1, д.70, л.71; Иванов А. Износки: Историко-краеведческий очерк. Калуга, 1995. С.35—36.

[9] Там же; В годы суровых испытаний ... С.57.

[10] ГАДНИКО, ф.П-1323, оп.1, д.24, л.3; Иванов А. Указ. соч. С.37.

[11] ГАДНИКО, ф.П-43, оп.5, д.9, л.21; Когда бушуют грозы ... С.166.

[12] Иванов А. Указ. соч. С.37.

[13] Там же; Книга памяти … Калуга, 1996. Т.4. С.144.

[14] ГАДНИКО, ф.П-43, оп.1, д.78, л.77.

[15] Глухов В. Указ. соч. С. 21.

[16] Зайцев А., Богачев П. Мосальск: Историко-краеведческий очерк. Тула, 1976. С. 97—98; Книга памяти ... Т.4. С.375.

[17] Когда бушуют грозы ... С.163—164; Стельмах В.М. По зову сердца, по долгу коммуниста: Из опыта деятельности партийного подполья на оккупированной территории западных областей РСФСР 1941—1944 гг. Тула, 1970. С. 137.

[18] ГАДНИКО, ф.П-2264, оп.3, д.4[а], л.23.

[19] Глухов В., Максаков А. В боях за Родину, за счастье народа // В бурях рожденный, в борьбе закаленный. Калуга, 1958. С.121.

[20] Белов П.А. За нами Москва. М., 1963. С.188; Зайцев А., Богачев П. Указ. соч. С.98.

[21] Когда бушуют грозы ... С.164; Книга памяти … Т.4. С.376.

[22] ГАДНИКО, ф.П-27, оп.1, д.179, л.5, 10—11; Глухов В. Указ. соч. С.28; Когда бушуют грозы ... С.164; Книга памяти ... Т. 4. С. 376.

[23] Глухов В. Указ. соч. С.28.

[24] Война народная: Очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины 1941 — 1943 гг. М., 1985. С.90; Пережогин В.А. Партизаны в Московской битве. М., 1996. С.176; Книга памяти ... Т.4. С.524—525.

[25] Сведения о боевых действиях полка приводятся по: Когда бушуют грозы ... С.168.

ПАРТИЗАНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К.В. Чеченков, *аспирант, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского*

Изучение истории Великой Отечественной войны на протяжении полувека остаётся одним из ведущих направлений в исторической науке. В течение десятилетий ведутся интенсивные научные изыскания, посвященные различным аспектам войны. Неотъемлемой частью её истории является партизанское движение. По своим масштабам, военным и политическим результатам оно имело важное стратегическое значение и превратилось в один из факторов разгрома врага. Без изучения истории партизанского движения нельзя в полной мере понять источники победы Советского Союза над фашистской Германией. Библиография истории партизанской войны насчитывает сотни публикаций, однако до настоящего времени многие вопросы суровой военной действительности остаются малоизученными. Одним из таких вопросов является партизанская повседневность. На протяжении всего периода изучения партизанского движения данный вопрос не привлекал достаточного внимания со стороны исследователей. Между тем, документы, хранящиеся в местных и центральных архивах, содержат немало фактов, позволяющих представить более полную картину партизанской жизни. Это отчёты о количестве доставленного партизанам оружия, продовольствия, одежды, медикаментов; рапорты комиссаров партизанских отрядов о политико-моральном состоянии бойцов; докладные записки о проступках, совершаемых партизанами в отрядах; косвенные данные содержатся в приговорах, которые выносили партизанские суды.

Основной фактор успешного развёртывания партизанской борьбы в тылу врага — заблаговременное создание условий, обеспечивающих успех её широкого развития, в том числе, партизанских баз, складов оружия, продовольствия и лесных аэродромов.

Для подготовки боевых операций, обучения кадров, отдыха партизаны использовали подготовленные базы. В октябре 1941 г. партизаны из отряда «За Родину» (Думиничский район) приступили к строительству лагеря. Группа, выделенная командованием отряда, копала землянки, строила нары, печи. Всего было построено семь землянок: две — для постоянного пребывания отряда, как база, а остальные в разных местах района для оперативной работы. «Землянки вмещали: одна — 50 чел., другая — 30 чел, а остальные — 15—20 чел.»[1]. Они имели не менее двух выходов в разных направлениях и соединялись между собой ходами сообщения. База партизанского отряда «За Родину» располагалась с таким расчетом, чтобы в ней можно было находиться в течение длительного срока, а в случае необходимости вести бой с противником. Инженерное оборудование включало в себя подготовку огневых позиций, заграждений, наблюдательных пунктов, землянок, убежищ, складов, хозяйственно-бытовых сооружений. Район базирования тщательно охранялся. Система охраны и обороны строилась на основе решения командира формирования. На ближайших подступах имелись сторожевые заставы или посты, которые вели наблюдение за местностью. Особое внимание уделялось

дорогам, просёлкам, тропам. На тех направлениях, где можно было ожидать появления противника, устанавливались сигнальные приспособления и противопехотные мины.

В докладной записке комиссара С.У. Симакова сохранилось описание лагеря Хвастовичского отряда «В бой за Родину»: «Полностью закончили благоустройство лагеря, т.е. устроена кухня, баня, землянки комсостава и другие необходимые сооружения, теперь остаётся только воевать и выполнять поставленные задачи Военного совета 61-й армии»[2]. При строительстве временного пристанища партизанам приходилось сталкиваться с трудностями. При постройке базы для партизанского отряда «Смерть немецким оккупантам» в отряде не нашлось специалистов для сооружения землянок и для кладки печей. Один из бойцов отряда вспоминал: «По заданию командования мне приказано было построить землянку, хотя я не был плотником, я лично срубил и построил землянку. Печников не оказалось в отряде, но я заявил, что видел, как кладут печи и сложил. Командир и комиссар одобрили мою работу». Довольно часто у партизан отсутствовал необходимый материал для строительства. Для строительства печей не хватало глины: «при кладке мы особенно были затруднены с глиной: близко от лагеря глины не было и нам приходилось носить её в мешках за несколько километров»[3]. Сооружать такие «лесные городки» удавалось не всем отрядам. Многое зависело от конкретной обстановки, условий местности, близости противника. Лесной лагерь был для партизан родным домом и имел огромное значение в их повседневной жизни и боевой деятельности. Вернувшись с операции, они отдыхали, отсыпались после бессонных ночей, получали медицинскую помощь, ремонтировали одежду и обувь, готовились к выполнению новых заданий.

Были у партизан и запасные базы, куда они переходили в случае невозможности использования основного лагеря. Зимой 1941 г., после обнаружения базы отряда «Смерть немецким оккупантам» карателями, партизанам пришлось в срочном порядке сменить место своей дислокации. Местонахождение запасной базы в отряде было известно ограниченному кругу лиц: командиру, комиссару и группе бойцов (6—8 человек), которые выбирали и оборудовали будущее место стоянки. Подготовка включала выбор места, инженерное оборудование, закладку материальных средств, маскировку, организацию системы охраны и обороны. От умелого выбора места базирования зависели живучесть и эффективность боевой деятельности партизанского формирования.

Однако не всеми созданными базами партизанам удалось воспользоваться: некоторые из них были плохо замаскированы, вследствие чего стали лёгкой добычей гитлеровцев. Партизанский отряд Струева, действовавший в районе Кудеяр — Клён, в результате преследования превосходящими силами карательных отрядов и полиции понёс большие потери и был рассеян. База отряда была разграблена немцами: «Карательный отряд захватил продовольственную базу отряда Струева и на автомашинах вывез её из леса»[4].

Для введения противника в заблуждение относительно размещения основных и запасных баз были и ложные базы. Они создавались в тех же районах, где основные и запасные. В январе 1942 г. крупным отрядом карателей (300 человек) была уничтожена ложная база партизанского отряда Хвастовичского района «12-й гвардейский». Несмотря на то, что лесные стоянки партизан выполняли отвлекающую функцию, подступы к ним минировались, а на дорогах партизаны устраивали завалы. Во время уничтожения лагеря отряда «12-й гвардейский» четыре немецких солдата подорвались на минах.[5]

Для кратковременного привала или отдыха партизаны размещались на хуторах, в деревнях и селах. Партизаны отряда «За Родину» по совету начальника штаба Н.В. Корнева довольно часто приходили на ночёвки в деревни, предварительно разведав, нет ли там гитлеровцев, и размещались во всех избах[6].

Жизнь внутри партизанского лагеря напоминала режим воинской части. Так, с личным составом партизанского отряда «В бой за Родину» систематически проводилась политическая и боевая работа. Комиссар отряда В.А. Гайденко проводил каждодневные беседы по группам о задачах отряда, о требованиях охраны и конспирации места стоянки. Особенно строго соблюдалась маскировка от воздушной разведки противника. Лошади, повозки, сено и другие демаскирующие предметы укрывались под кронами деревьев. Костры жгли только ранним утром и в вечерние сумерки[7].

В первые недели боевых действий проблема медицинского обеспечения партизан стала

одной из наиболее острых и неотложных. Постоянное пребывание в лесах, болотах, переохлаждение, физические перегрузки, смена режима питания вызывали у бойцов обострение хронических болезней, появление новых. Среди партизан было значительное число невоеннообязанных, которые по возрасту (в отряде «В бой за Родину» — У.С. Симаков 1879 г. рождения, К.В. Клинков— 1889 г.р. и др.) или состоянию здоровья (Талалаев Н.Е. — инвалид. Осенью 1941 г. оказывал помощь партизанам, однако из-за обострения болезни был отправлен в тыл) не подлежали призыву в Красную Армию. Бойцами эти люди стали добровольно, и большинство из них стойко переносило тяготы партизанской жизни и активно участвовало в боевых действиях[8].

Важную роль в улучшении медицинского обслуживания партизан сыграл приказ начальника Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко от 7 июля 1942 г. «О медико-санитарном обслуживании партизанских отрядов»[9]. В соответствии с этим приказом во всех учебно-оперативных школах и пунктах, развёрнутых при штабах партизанского движения, вводился курс по оказанию первой медицинской помощи. При переброске за линию фронта организаторских групп и отрядов в их состав обязательно включался фельдшер, а каждый боец обеспечивался индивидуальной аптечкой[10]. Однако свежеиспеченные «специалисты» не всегда справлялись со своими обязанностями. В 1942 г. в отряд «В бой за Родину» был прислан фельдшер Н.И. Примаков. За время своей работы он неоднократно получал выговоры от командира отряда С.У. Симакова «…за абсолютное незнание медицины. Всё поведение Примакова говорит о его вредном определении диагнозов болезни и настраивании кое-кого на Большую Землю. За бездушное отношение к раненым я его предупреждал один раз и ставил на вид, но он это воспринимает плохо. В дальнейшем я к нему буду очень насторожен и если что, пусть не обижается или не лучше ли подумать о замене его, а его за проделки, не пора ли отдать военному трибуналу»[11].

Наличие большого количества раненых приводило к снижению маневренности. Так, 12 мая 1943 г. командир отряда С.У. Симаков сообщал: «сейчас тяжело ранен Муравьёв, у него сильная рвота, кровь. Он передвигается с помощью носилок и 4-х бойцов тоже как тяжело раненый». Поэтому основной задачей командования становилась эвакуация раненых в советский тыл: «Главное эвакуация раненых и продуктов, а тогда оторваться сумеем, в крайнем случае, разойдёмся по 3—5 человек на 2—3 суток и назначим пункт сбора, а следы спрячем»[12].

В комплекс партизанской базы входили также и посадочные площадки (аэродромы). Особо важную роль они играли для отрядов, находящихся на материальном обеспечении регулярных войск. Порой помощь продовольствием и оружием от Красной Армии являлась основным источником для партизан. В Хвастовичском и Ульяновском районах отряды «В бой за Родину», «12-й гвардейский», «им. Саши Чекалина», «Смерть фашизму» находились под непосредственным руководством оперативной группы 61-й армии. Большое внимание аэродромной службе уделяло командование отряда «В бой за Родину». С целью недопущения демаскировки основной базы партизан посадочные полосы находились на довольно большом расстоянии от лагеря. В письме от 19 ноября 1942 г. командир отряда Н.И. Бусловской просил начальника опергруппы партизанского движения при Военном Совете 61-й армии Г.Ф. Бута: «…не вводить такой порядок передачи оружия, состоящего на вооружении бойцов, как-то автоматы, винтовки, потому, что я не могу допустить следования людей на площадку без оружия, а ровно и вы не посылайте их без оружия, т.к. следовать с площадки к лагерю надо до 10 км и идти без оружия нельзя»[13]. Выбором места для приёма самолётов занималась специальная группа во главе со П.А. Столяровым в составе пяти человек[14]. Для строительства аэродрома привлекались местные жители, поскольку приходилось раскорчёвывать, утрамбовывать и укатывать значительные по размерам участки местности. В отряде «В бой за Родину» для приёма самолётов имелось четыре основных и две запасных площадки в районе Хотомиричи, Большого и Малого Полпино, которые поддерживались в рабочем состоянии специальными группами партизан «кострovиков». Они также обеспечивали безопасность лётчиков и устраняли возможные налёты противника во время приёма самолётов. Так, 5 августа 1942 г. партизаны приняли два самолёта с пополнением, боеприпасами и продовольствием, которые во время приземления «изрядно поломались»[15] и взлететь не смогли. Лётчикам на месте не удалось исправить поломку, и они были вынуждены отойти вместе с партизанами в лагерь отряда. Самолёты, оставшиеся на посадочной площадке, были обнаружены полицейскими 6 августа.

В этот же день немецким командованием была организована облава для розыска лётчиков, а у разбитых машин выставлена засада, однако эти мероприятия не принесли результатов. После обнаружения посадочной площадки командование отряда было вынуждено подбирать и обустраивать новые. За площадками было установлено круглосуточное наблюдение. Приём самолётов осуществлялся раз в две-три недели. Именно на такой промежуток времени отряду хватало продовольствия и боеприпасов, присылаемых из советского тыла[16].

Партизанские базы играли важную роль в жизни отрядов. Во-первых, благодаря стратегически грамотно устроенному месту дислокации командованию партизанских отрядов удавалось поддерживать высокую боеспособность и моральный дух бойцов. Во-вторых, базы позволяли концентрировать как всё боеспособное население (бойцы, выходившие из окружения, местное население, способное держать в руках оружие) оккупированного района, так и информацию о положении дел на фронтах и в тылу. Наконец, именно там осуществлялась подготовка личного состава к боевым операциям и диверсиям. А создание сети партизанских баз давало возможность отрядам активизировать свою деятельность по мере необходимости на наиболее важных направлениях.

Примечания

[1] ГАДНИКО, ф.4573, оп.1, д. 143, л.6.
[2] Там же, д. 648, л.151.
[3] Там же, д. 594, л.14.
[4] Там же, д. 648, л.13.
[5] Там же, д. 668, л.71.
[6] Там же, д. 143, л.8.
[7] Партизанское движение. М., 2001.С.356.
[8] ГАДНИКО, ф.4573, оп.1, д.653, л.1.
[9] РГАСПИ, ф.69, оп.1, д.12, л.37.
[10] Там же, д.36, л.35.
[11] ГАДНИКО, ф.4573, оп.1, д.648, л.37.
[12] Там же, л.62.
[13] Там же, д. 667, л.1.
[14] Там же, д. 668, л.68.
[15] Там же, л.180.
[16] Верхозин А.М. Самолеты летят к партизанам. М., 1966. С.57.

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX вв. В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Е.Н. Павлишак, *н. с., Калужский областной краеведческий музей*

Расширение экспозиции отдела истории предполагает введение новых материалов по истории промышленности калужского края конца XIX — первой половины XX вв. (а именно с 1890 по 1941 гг.).

История промышленности неразрывно связана с историей людей, работающих на предприятиях. В связи с этим нами были изучены личные фонды рабочих, находящиеся в музее. Предлагаемое сообщение является первой попыткой анализа документов работников промышленности и не претендует на исчерпывающее освещение данной темы. Его задача: сообщить информацию об объеме, хронологических рамках, составе и содержании основных групп источников. Сразу хочу отметить, что личные фонды по промышленности рассматриваемого периода очень незначительные. В основном это личные фонды рабочих советского периода, передовиков производства, стахановцев.

Итак, нами было рассмотрено семь личных фондов работников промышленности и личный фонд историка-краеведа Н.М. Маслова, в котором также имеются материалы по

промышленности рассматриваемого периода.

Из фонда Николая Михайловича Маслова особый интерес представляют 7 предметов, относящиеся к основному фонду. Два из них являются личными документами самого Николая Михайловича: это Членские билеты члена Всероссийского союза рабочих металлистов: один на 1924 г, второй на 1929 г. Остальные же пять предметов из фонда Маслова принадлежат Г.И. Городецкому: это Членский билет инженерно-технической секции профсоюза рабочих точного машиностроения за 1938 г., два удостоверения служащего Сызрано-Вяземской железной дороги (СВЖД) Г.И. Городецкого (1929, 1930 гг.), и две фотографии: «группа работников СВЖД», и «рабочие партии идут по мосткам через реку».

Следующий фонд — Александра Павловича Константинова — почетного гражданина г. Калуги, основателя рабочей династии на Машзаводе. Состоит из 44 предметов. Из них к интересующему нас периоду относятся 2 предмета, записанные в научно-вспомогательный фонд. Это трудовая книжка Константинова, начатая в январе 1939 г., и Значок «Ударнику сталинского призыва».

Фонд К.К. Михайловой (Андреевой) — сборщицы Калужского электромеханического завода (КЭМЗ) — состоит из 41 предмета. Из них нас интересует только 6, относящиеся к основному и научно-вспомогательному фонду: трудовая книжка К.К. Андреевой (1939 г.) и пять фотографий: портрет К.К. Андреевой, «команда КЭМЗ на спортплощадке в Загородном саду» (1932—1933 гг.), «монтаж телефонной станции» (1935 г.), «редколлегия в санатории в бору» (1931 г.), «группа отдыхающих в санатории в бору» (1932 г.).

Фонд Павла Васильевича Огаркова — ветерана труда — состоит из 74 предметов. Из них к довоенному периоду относятся 4 предмета основного и научно-вспомогательного фонда: трудовая книжка Огаркова (1939 г.), командировочное удостоверение Огаркова политруком в Головной ремонтно-востановительный поезд (26 июня 1940 г.) и 2 фотографии: портрет Огаркова в рост (1917 г.), фотокопия портрета Огаркова в рост (1920—1921 гг.), вагонный цех (2 июня 1901 г.).

Фонд Сергея Александровича Смелова — стахановца Людиновского тепловозостроительного завода — состоит из 45 предметов. Из них к рассматриваемому периоду относятся 4 предмета основного и научно-вспомогательного фонда: трудовая книжка Смелова (выдана в 1939 г.), значок ВЛКСМ (1918—1978 гг.) и две фотокопии портретов Смелова с фотографии 1935 г.

Фонд Лидии Федоровны Богунец — чертежницы Машзавода, стахановки — состоит из 7 предметов. Из них нас заинтересовали 5 предметов основного фонда: две фотографии «группа чертежников Машзавода» (1935—1936 гг.) и «группа служащих Машзавода в доме отдыха» (1932 г.), а также рабочее оборудование Лидии Федоровны: угольник деревянный с автографом, готовальня и деревянная рейсшина.

Фонд Павла Николаевича Тверкина — инженера-путейца — состоит из 46 предметов. Из них к интересующему нас периоду относятся 3 предмета основного фонда: свидетельство техника I разряда путей (17.06.1930), удостоверение Народного комиссариата путей сообщения (завод Трансмаш) (1940 г.) и фотопортрет Тверкина (1924 г.).

Фонд Сергея Яковлевича Яковлева — ветерана КЭМЗ, стахановца — состоит из 8 предметов. Я остановлюсь на трех фотографиях научно-вспомогательного фонда: «митинг и эвакуация» (1941 г.), «группа эвакуированных рабочих КЭМЗ» (Саратов, 1944 г.), «работники КЭМЗ, награжденные медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»» (Саратов, 1946 г.), «Яковлев на рабочем месте». Причем четыре из них относятся к военному периоду, но так как запечатленные на них рабочие работали на КЭМЗ еще до эвакуации, то эти фотоснимки вполне могут быть использованы в экспозиции для раскрытия темы.

Как видим, материалы, хранящиеся в личных фондах музея, по истории развития промышленности с 1890-х гг. по 1941 г. крайне незначительны. Тем не менее, они представляют определенный интерес с одной стороны своей мемориальностью, а с другой — типичностью, поэтому вполне могут быть использованы в новой экспозиции по истории калужского края, наряду с другими подлинными предметами эпохи.

О ЖУРНАЛЕ «КОРАБЛЬ», ВЫХОДИВШЕМ В КАЛУГЕ В 1922—1923 гг.

А.Ю.Панфилов, г. Москва

Журнал «Корабль» известен сегодня специалистам по творчеству М.А.Булгакова. Биографов писателя привлекло сообщение в № 1—2 (7—8) за 1923 год (с.51) о нереализованном замысле Булгакова — издании журнала «Ревизор»[1]. В том же номере журнала находятся еще два объявления, относящиеся к Булгакову: о книге «Записки на манжетах», отрывки из которой напечатаны в берлинской газете «Накануне» (с. 48) и о некоем «коллективном романе», участие в написании которого принимает Булгаков (с. 50—51)[2]. Был ли написан этот роман — неизвестно, однако нужно отметить, что в самом журнале «Корабль» из номера в номер печатался «коллективный роман» под названием «Воздушный караван».

В этом романе привлекает внимание прежде всего персонаж второго плана — изобретатель Фиалков. Сама фамилия его созвучна фамилии жившего и работавшего в Калуге К.Э.Циолковского. Кроме того, об этом персонаже в романе говорится: «Последним его открытием является огромный металлический дирижабль и экипаж, в котором можно путешествовать по ближайшим планетам» (№ 2, с. 2). Можно не сомневаться, что авторы (автор?) «коллективного романа», создавая своего персонажа, отталкивались от образа Циолковского. Скорее всего, с Циолковским связано и само название журнала — в таком случае, речь идет о космических «кораблях», которые изобретал Циолковский.

Неоднократное упоминание в журнале имени Булгакова, который в то время был еще почти никому неизвестным, начинающим писателем, требует объяснений. В 1925 г. Булгаков и сам выступит в роли автора фантастических повестей — «Роковые яйца» и «Собачье сердце». Кроме того, писатель интересовался космической проблематикой, о чем говорят хотя бы заключительные строки его первого романа «Белая гвардия», создававшегося в годы, когда выходил журнал «Корабль»: *«...звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?»*. В архиве писателя сохранился экземпляр вышедшей в 1922 г. книги П.А.Флоренского «Мнимости в геометрии» с многочисленными пометками Булгакова[3]. Эти пометки могут служить свидетельством интереса писателя к космологическим теориям А.Эйнштейна — именно их оригинальной интерпретации посвящены страницы книги Флоренского, отмеченные Булгаковым. Кстати, к теории относительности Эйнштейна негативно относился Циолковский — быть может, этим объясняется несколько ироническое освещение, в котором в романе «Воздушный караван» представлена фигура Фиалкова.

Как бы то ни было, роман, печатавшийся в вышедших номерах журнала «Корабль», является, по-видимому, первым отражением фигуры Циолковского в художественной литературе[4].

Редактором журнала указан С.Д.Володарский. В 1922 г. в «издании Агитпропотдела Губкома Р.К.П.» в Калуге вышла его книжка «История социализма в XIX веке»; в 1930 г. в Москве — брошюры: «Искры большого пламени. Очерки соцсоревнования и ударничества в группе зерносовхозов Нижнего Поволжья» и «На боевой пост. Как создать стенгазету в совхозе и организовать ее работу». В сентябре 1922 г. он был назначен также ответственным редактором газеты «Коммуна» — органа Калужского губкома и губисполкома[5]; вероятно, редактирование им журнала, как это практиковалось в подобных случаях, носило чисто номинальный характер. Обращает на себя внимание имя автора, наиболее часто встречающееся на страницах журнала, — сотрудника той же газеты В.Л.Королева. Он выступал и в роли беллетриста, и в роли критика и рецензента. В 1922 г. он с учащимися театрального техникума поставил в Калуге спектакль по пьесе О.Мирбо «Вор»[6]. Быть может, он и был фактическим руководителем издания?

В № 1 издание определено как «литературно-художественный еженедельник при калужской газете «Коммуна»; само его появление было связано с начавшейся реорганизацией этого печатного органа[7]. В октябре 1922 года вышли четыре первые номера журнала. В ноябре — сдвоенный № 5—6, причем подзаголовок был изменен на «литературно-художественный двухнедельник» и объявлено, что следующий номер выйдет в декабре с.г. Однако он вышел только в январе 1923 г. и тоже был сдвоенным № 1—2 (7—8). В конце его также находилось обещание выхода следующего номера в феврале, но на этом издание прекратилось. Преобразование журнала в «двухнедельник» сопровождалось появлением «Главного Московского представительства редакции и конторы журнала «Корабль», находившегося «на углу Большой Дмитровки и Космодамианского переулка», о чем объявлялось в № 5—6 (с. 46). Если в первых четырех номерах появлялась информация о калужской литературной и театральной жизни, то в двух последних (сдвоенных) номерах она полностью исчезает. Это может свидетельствовать о том, что издание журнала перешло в руки кого-то из московских писателей.

В этих последних номерах печатается информация не только о столичной литературной жизни, но и подробнейшая хроника литературной жизни русской эмиграции[8]. При этом можно отметить особый интерес к «сменовеховской» литературе и изданиям — берлинской газете «Накануне» и московскому журналу «Россия», в которых в это время сотрудничал Булгаков. В № 4 за подписью «КАЭЛЬВЕ» (В.Л.Королев) печатается рецензия на первые номера «России», а в № 7—8 перепечатывается из харбинского издания статья лидера «евразийского» движения Н.В.Устрялова «Религия революции» о творчестве Маяковского. Это, разумеется, не было тогда еще нелегальной литературой, однако большевики в целом крайне негативно относились и к лежневской «России», и к фигуре Устрялова, так что вряд ли можно ожидать, что инициатива этих публикаций исходила от самого С.Д.Володарского[9]. В последних номерах журнала помещены статьи Н.Г.Смирнова «Московский театр за пять лет революции» и «Последние устремления Гитиса», в которых резко критически рассматривается театральная деятельность Мейерхольда, к которой также отрицательно относился Булгаков.

Однажды журнал «Корабль» упоминался и в произведении Булгакова — в заключительном очерке из цикла «Столица в блокноте», опубликованном в номере газеты «Накануне» от 1 марта 1923 г.: неграмотная продавщица в киоске на Страстной площади будто бы подала писателю вместо требуемой «России»... свежий номер журнала «Корабль» (на эту площадь выводит улица Большая Дмитровка, на углу которой находилось «Главное Московское представительство редакции и конторы» журнала).

К концу своего издания «Корабль» принял облик, сходный с обликом ряда других независимых литературно-художественных изданий, начавших выходить в Москве в годы нэпа — «Рупор», «Паруса», «Эхо» и др. (один из них — журнал «Паруса» — аннотируется на страницах журнала «Корабль»: № 5—6, с. 44; № 7—8, с. 51). Партийная печать не замедлила отреагировать на это явление. В № 5—6 «Корабля» за подписью сотрудника «Коммуны» М.Лукьянова напечатан обзор первого номера журнала «Журналист», среди материалов которого обращается внимание на фельетон С.Б.Ингулова «Муть», где журналы наподобие «Рупора» (в нем, кстати, находятся две ранние публикации Булгакова) оцениваются как выразители вкусов новой «нэпмановской» публики. Это был тот самый Ингулов, от которого зависела судьба задуманного Булгаковым и Катаевым журнала «Ревизор»[10].

Аналогичную оценку получает и сам «Корабль» в журнале «Новый художественный Саратов». 10 февраля 1923 г. здесь были переданы два сообщения из последнего номера «Корабля» — и как раз те, которые связаны с именем Булгакова: о том, что планируется издавать журнал «Ревизор», и о работе над «коллективным романом». А по соседству на той же странице напечатана корреспонденция, подписанная именем ведущего публициста лежневской «России» В.Г.Тана (Богораза), «В Москве. Новые журналы (письмо в Худ. Сарат.)». Из вновь выходящих журналов выделяются один—два, которые получают положительную оценку, и при этом говорится: «Эти журналы менее всего испытали на себе влияние НЭП'а, что нельзя сказать про многочисленные «Корабли», «Эхо» и др.»[11]. Журнал «Корабль» в этой заметке упоминается в числе московских журналов. Парадоксальность приведенного суждения состоит в том, что в прошлогоднем сентябрьском фельетоне Ингулова именно «Россия», и именно ее публицист Тан называются... главными идеологами «нэпманства»!

В связи с географической экспансией в последних номерах «Корабля» расширяется и круг авторов, среди которых появляются наиболее известные в те годы имена: В.Катаев, рассказ «Восемьдесят пять» (№ 5—6); Б.Пильняк, рассказ «Город»; А.Соболь, «На Спасо-Кудринской», глава из повести «Паноптикум»; В.Хлебников, «Перед войной», из цикла «Кол из будущего»; М.Козырев, эссе «Писатель и сочинитель» (№ 7—8). В последнем номере напечатаны статья А.Неверова «В кругу заколдованном» о творчестве Вс. Иванова, рецензия А.Ромма на сборник стихов Б.Пастернака «Сестра моя жизнь», несколько статей молодых исследователей, группировавшихся вокруг Государственной академии художественных наук (ГАХН) — М. Кенигсберга и Б. Горнунга, а также два материала крайнего поэта-конструктивиста А.Н.Чичерина: «Совершенно объективная вещь» и выступление на вечере современной поэзии «Каждый человек».

Как можно заметить, непериодичность издания журнала имеет свою закономерность: сначала выходят четыре номера за один месяц, за следующий месяц — один сдвоенный номер, а следующий сдвоенный номер выходит в течение двух месяцев. Частота выхода номеров уменьшается в арифметической прогрессии, подобно тому, как уменьшается и исчезает на горизонте силуэт… корабля. Вопреки этому, увеличивается и физический объем, и литературная весомость отдельных номеров. Это создает впечатление, как будто недолгая, четырехмесячная история журнала «Корабль» была предначертана в самом начале.

Заключим свой обзор некоторыми литературными наблюдениями, помогающими судить: имел ли М.А.Булгаков отношение к изданию журнала «Корабль» и печатавшимся в нем материалам? Первая глава романа «Воздушный караван» носит заглавие: «Смерть, или Россия» (речь идет о поездке в Россию разочарованного в жизни английского аристократа). Этот заголовок читается как выписка из плана автора, конспективное обозначение литературного замысла Булгакова.

История публикации первого романа Булгакова «Белая гвардия» (1922—24), о котором у нас шла речь в самом начале, в преображенном до неузнаваемости виде описана в его повести «Тайному Другу» (1929), а затем в «Театральном романе» (1936). Все происходило, как еще заранее, в 1922 г., наметил безымянный автор «Воздушного каравана»: в первых главах «Театрального романа» писатель Максудов решает покончить жизнь самоубийством («Смерть…»), но вместо этого ему предстает редактор журнала «Родина» Рудольфи (в жизни Булгакова — редактор «России» И.Г.Лежнев) и требует у него отвергнутый всеми роман, чтобы напечатать его в своем журнале («…или Россия»).

В 1936 г., когда Булгаков пишет «Театральный роман», он вспоминает заодно и о калужском журнале, и на первых же страницах, в решающую ночь, когда его герой начинает писать свой собственный роман, обыгрывается заглавие журнала: *«Дом спал. Я глянул в окно. Ни одно в пяти этажах не светилось, я понял, что это не дом, а многоярусный корабль, который летит под неподвижным черным небом. Мысль о движении меня развеселила».* В приведенной фразе отражается не только название калужского журнала… но и его космический, навеянный Циолковским, контекст!

Таким образом, Булгакова «развеселило» не что иное, как тайное воспоминание об издании журнала «Корабль» и сочинении романа «Воздушный караван», напечатанном в нем. Вспоминал он и о Циолковском. Булгаков писал «Театральный роман» в 1936 г. — в 1935-м Циолковский скончался. Поэтому космические образы в этом произведении (как и в создававшемся в эти годы финале романа «Мастер и Маргарита») были воспоминанием не только о собственной журналистской деятельности Булгакова, но и данью памяти ушедшему из жизни ученому.

Примечания

[1] Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С.492; Котова М.А., Лекманов О.А. В лабиринтах романа-загадки. М., 2004. С.99—100, 102; Литературная жизнь России 1920-х годов. Т.1. Ч.2. М., 2005. С.640.

[2] Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С.194. В декабре и январе сходное объявление появилось в газете «Накануне»; но там утверждалось, что «коллективный роман» посвящен событиям гражданской войны на Украине (тема будущей «Белой гвардии» Булгакова), — указание, отсутствующее в калужском журнале. Других сведений об этом литературном проекте не сохранилось.

[3] Чудакова М.О. Условие существования. // В мире книг, 1974, № 12. С.80. Сообщение о выходе книги Флоренского и его ненапечатанном по цензурным мотивам труде «У водоразделов мысли» помещено в журнале «Корабль» (№5—6, с. 44). Последняя информация повторится в мартовском 1923 года № 7 журнала «Россия» (с. 32).

[4] Срв.: Константин Эдуардович Циолковский: Библиографический указатель. Калуга, 1983. С.147—154.

[5] Коммуна, 1922, №№ 201, 219.

[6] Там же, № 232; Корабль, 1922, № 1. С.15.

[7] Коммуна, 1922, № 224.

[8] Как сообщалось в одном из рекламных анонсов, «журнал «Корабль» распространяется не только в Калуге и Калужской губернии, но и высылается в Москву, Петроград, во все крупные города РСФСР и заграницу» (Коммуна, 1922, № 225).

[9] Возможно, с этой линией журнала было связано появление в номере «Коммуны» от 20 октября, то есть перед самым выходом № 4 «Корабля» с обзором «России», очерка одного из авторов газеты Н.Д<митр>иева «Тоже смена вех» в сопровождении заметки «От редакции», подписанной М.Л<укьяновым>. И в заглавии очерка, и в редакционной заметке (как бы в целях соблюдения «равновесия») было выражено критическое отношение губернской газеты к тому же самому политическому явлению, которое вполне благожелательно рассматривалось в материалах журнала.

[10] Катаев В.П. Алмазный мой венец. М., 1979. С.68. Ингулов обосновывается в Москве в том же 1922 г., где становится чиновником Главполитпросвета, Агитпропа и одним из четырех редакторов «Журналиста». Появление этого издания сопровождалось обширными анонсами и рецензиями не только в «Корабле», но и в самой газете «Коммуна» (№№ 234, 243), так что можно предположить, что попытка обновления калужской печати инициировалась из центра; идеи упомянутого ингуловского фельетона были сжато сформулированы еще в номере от 6 сентября в театральном обзоре «День работников Гостеатра», подписанном именем «Вл.Кор<олева>» (Коммуна, 1922, № 203).

[11] Новый художественный Саратов, 1923, № 6. С.9.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ КРУЖКОВ. К 90-ЛЕТИЮ ГАЗЕТЫ «КОММУНА»

***Г.И.Роянова**, заслуженный работник культуры РФ, генеральный директор,*
Калужский областной краеведческий музей

Государственное учреждение культуры «Калужский областной краеведческий музей» в составе музейного фонда имеет многочисленные документы и предметы личного происхождения. Выявление и комплектование музейного фонда личного происхождения (личные фонды) — одна из важных сторон деятельности музея. От правильного подхода к комплектованию данного фонда зависит сохранение для истории наиболее интересных и важных материалов научной, творческой и общественной деятельности видных представителей прошлого и настоящего столетий. Собранные документы личного происхождения раскрывают многообразие проявлений жизни, свойств и качеств конкретной личности, формирование которой происходило или происходит под влиянием как субъективного, так и объективных факторов общественной и личной жизни. Ни у кого не вызывает сомнения, что материалы личного происхождения являются важным источником как для работ монографического характера, так и при освещении отдельных фактов истории общества.

Фонд личного происхождения создается в результате деятельности отдельного лица, семьи, рода. Его следует оценивать в зависимости от значимости фондообразователя. Чем больший интерес личность представляет для истории, тем больше документов может быть сформировано в фонде личного происхождения. У наиболее выдающихся деятелей сохраняется весь комплекс предметов и документов. Фонды личного происхождения могут содержать документы о рождении, браке, о смерти, об отношении к воинской обязанности, образовании, различные справки, стихи, воспоминания, рукописи, записные книжки, переписку, хозяйственные документы, рисунки, книги и коллекции, собранные фондообразователем.

В Калужской области комплектованием фондов личного происхождения занимаются государственные архивы и музеи. Важно планомерно вести комплектование, изучая источники поступления данных материалов. Следует отметить, что в процессе комплектования часто присутствует элемент случайности и стихийности. В конце прошлого столетия в фонды Калужского областного краеведческого музея поступили материалы личного происхождения

Н.Н. Кружкова (1900—1979). Материалы поступили из семьи фондообразователя. Имя Николая Николаевича Кружкова — калужанина, журналиста — мы встречаем в воспоминаниях генерала-лейтенанта А.Д. Окорокова, зам. начальника политуправления Ленинградского фронта («На Северо-западном фронте 1941—1943» М., 1969), Д.О. Ортенберга, редактора газеты «Красная звезда» в книге воспоминаний «Время не властно» (М.,1975 г.). В Калужском литературном краеведении его имя известно благодаря статьям Н.А. Трифонова, д.ф.н., и очерка А.С.Пехтерева в сборнике «Невольно к этим берегам» (Тула, 1983 г.).

Собранный в музее материал и изучение дополнительных источников позволили получить информацию и биографического характера, и официального.

Исследование носит обобщающий характер и вводит в оборот сведения, необходимые для музейной научно-просветительной деятельности.

Н.Н. Кружков (крайний справа во втором ряду) во время работы в газете «Коммуна». Калуга, нач. 1920-х гг.

Н.Н. Кружков родился в Калуге в семье служащего. Его отец работал бухгалтером в Земельном банке, мать — Анна Алексеевна — воспитывала троих детей. Николай был старшим. Он закончил мужскую гимназию; любимыми предметами были литература и история. Свою журналистскую деятельность он начал в калужской газете «Коммуна». Из его сохранившихся публикации можно почерпнуть сведения о событиях в Калуге в 1917—24 гг. Из воспоминаний о К.Э.Циолковском: *«В ту пору жил я в Калуге, где прошли мои детство и юность, в типичном из типичных городов Российской империи, о которой в свое время говорили «Россия — страна уездная». Собирается лететь на Марс! Вот, пожалуй, и все, что знало о своем земляке большинство жителей маленького губернского города. Примерно к 1920 году относится мое знакомство с ним (Циолковским). ...Знали ли мы тогда, с кем разговариваем? Кто этот человек с седой бородой, с глуховатым голосом и живыми глазами? Нет, не знали...».* В 1924 г. Кружков — студент 2-го Московского университета, в 1925 г. он вступает в партию и по партийной мобилизации уезжает в Можайск работать редактором местной газеты «Новый пахарь». В 1930 г. он пришел работать в газету «Правда», где проработал 11 лет и как талантливый очеркист и фельетонист приобрел широкую известность. В его записной книжке много известных фамилий: В.Катаев, Д.Ортенберг, Б.Полевой, А.Сафронов, К.Симонов, Т.Тэсс, З.Хирен и т.д. Это не только его товарищи по перу, но и товарищи по трудным военным годам, полным гражданского мужества и активного творчества. В семейном архиве сохранились уникальные фотографии юного Н.Кружкова с товарищами, фотографии периода Великой Отечественной войны (февраль—март 1942 г., Южный фронт). Но прежде, чем Н.Кружков 23 июня 1941 г. вместе с большой группой литераторов уехал из Москвы на фронт, был 1939 год и командировка в Монголию. Этот период деятельности Н.Кружкова для калужского краеведения интересен тем, что на Халкин-Голе встретились уроженцы Калужской земли Г.К.Жуков и Н.Н. Кружков. Н.Кружкову в то время было присвоено звание батальонного

Н.Н. Кружков (второй справа) на Южном фронте. 1942 г.

комиссара, он был сотрудником газеты халкингольской группы войск «Героическая красноармейская». После окончания военных действий в состав делегации по мирным переговорам с японцами Г.К.Жуков включил Д.Ортенберга, К.Ставского, Н.Кружкова и К.Симонова. Вскоре после монгольских событий была финская компания. Н.Кружков был участником финской компании и сотрудником в газете 9-ой армии. Он был награжден орденом «Красной Звезды», а за Халкин-Гол — орденом «Полярная Звезда». Эти награды вошли в состав личного фонда Н.Н. Кружкова, который хранится в Калужском областном краеведческом музее.

В книге А.Д. Огаркова, генерал-лейтенанта, начальника политуправления Северо-Западного фронта «На Северо-Западном фронте 1941—1943» читаем: «Фронт располагал обширной частью красноармейских газет. Наша фронтовая газета «За Родину» печаталась в специальном поезде, в вагоне размещались и сотрудники газеты. Редактировал ее (газету) полковник Николай Николаевич Кружков, журналист с большим опытом, долгое время работавший в «Правде», прекрасный товарищ, пользовавшийся среди всех политработников и газетчиков непререкаемым авторитетом». Кружковым были написаны фронтовые записки. В послевоенное время он написал предисловие к книге С.Михалкова «Фронтовая Муза», в которой подчеркнул роль журналиста в военное время. *«А больше всего помню Сергея Михалкова как отличного фронтовика-поэта и сатирика, который мог в любое время дня и ночи, всегда, когда нужно, и всегда с блеском написать фельетон, боевое или возвышенное стихотворение, разбросать на газетной полосе язвительные эпиграммы, развеселить своих читателей, заставить их покрутить носом и сказать «Ну и Михалков, ну, и молодец».*

В личном фонде Н. Кружкова хранится удостоверение зам. главного редактора газеты «Красная Звезда».Это было последнее рабочее место Н.Н. Кружкова до ареста и лагерной жизни. После 1953 г. он был полностью реабилитирован, ему были возвращены все награды и работа в журнале «Огонек» стала главным смыслом его жизни. В 1962 г. Кружков был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Где бы ни работал, где бы ни жил Н.Н. Кружков, он оставался калужанином, поддерживал тесную связь с земляками. В 1957 г. он присутствовал на праздновании 50-летия газеты «Знамя». Сохранилась переписка с калужской писательницей Н. Усовой. Он ей писал: *«Книжку Вашу получил и непременно прочту. Вышла книга воспоминаний Александра Леонидовича Чижевского, которого хорошо знал. Кстати, он был у меня в «Огоньке» примерно за год до своей смерти. Удивительный был человек».*В переписке он интересовался Калугой, творческой жизнью калужских писателей: *«Вы приглашаете меня в Калугу, очень я ее люблю, как старую,добрую маму. ...Напишите мне о Вашей*

Н.Н. Кружков (справа) и В.П. Катаев.

творческой жизни и о том, как живут братья-писатели» в Калуге. Сердечный привет Вале Волкову — способный он человек и я его как поэта очень люблю». Годы и болезни не давали Кружкову часто посещать родной город. В 1973 г. он приезжал на Калужскую землю как специальный корреспондент редакции журнала «Огонек» на открытие Ульяновской картинной галереи. В январе 1979 г. его не стало, он ушел из жизни, оставив о себе память в очерках, книгах, воспоминаниях, документах личного происхождения, собранных в фонд Н.Н. Кружкова, хранящимся в Калужском областном краеведческом музее.

Личный фонд Кружкова Н.Н.

КП 10965/1 — Альбом. Рассказы о художниках. Н.Н. Кругликов «Мой друг Иван Титов». М., 1972.

КП 10965/2 — Н. Кружков. Суровый ревизор. Библиотека «Крокодила» № 30 (фельетоны) КП 10965/3 — Набор репродукций А.В. Киселёва «Родная природа» с дарственной надписью Н.Н. Кружкову от А. Киселёва, 26.03. 1973 г.

КП 10965/4 — Софронов А. На близком и дальнем западе (путевые очерки). М., 1968. С дарственной надписью Н.Н. Кружкову

КП 10965/5 — Усова Н. Желуди падают на землю. Роман. Тула, 1969 г. С дарственной надписью Н.Н. Кружкову.

КП 10965/6 — «На северо-западном фронте». М., 1969 г. С дарственной надписью Н.Н. Кружкову.

КП 10965/7 — «Нестор из «Крокодила», со статьёй Н. Кружкова (книга).

КП 10965/8 — К.Э. Циолковский. Страницы великой жизни. Калуга, 1964 г. (книга). С дарственной надписью Н.Н. Кружкову.

КП 10965/9 — Михалков С. Фронтовая муза. М., 1976. С дарственной надписью Н.Н. Кружкову.

КП 10965/10 — Удостоверение № 110 Кружкова Н.Н., зам. отв. редактора газеты «Красная звезда», 1942г.

КП 10965/11 — Удостоверение № 127 Кружкова Н.Н. корреспондента, 1977 г.

КП 10965/12 — Членский билет № 7561 Кружкова Н.Н. члена союза журналистов 1977 г.

КП 10965/13 — Почетная грамота Кружкова Н.Н. за активное участие в работе «Правды», в связи с 50-летием газеты.

КП 10965/14 — Поздравительный адрес Кружкова Н.Н. в честь 30-летия Победы от членов Союза журналистов СССР.

КП 10965/15 — Диплом Кружкова за участие и проведение выставки «25 лет Победы под Москвой». Декабрь 1966 г.

КП 10965/16 — Пригласительный билет № 1289 Кружкову на торжественное заседание, посвященное 50-летию газеты «Правда», 5 мая 1962 г.

КП 10965/17 — Приглашение Кружкову на торжественное заседание, посвященное 50-летию газеты «Знамя», 1967 г.

КП 10965/18 — Приглашение Кружкова на прием в честь 50-летия «Правды», 1962 г.

КП 10965/19 — Поздравление Кружкова с Новым годом от Кукрыниксов.

КП 10965/20 — Поздравление Кружкову с 30—летием Победы Президиума Московской организации Союза журналистов СССР.

КП 10965/21 — Удостоверение Кружкова о награждении «Почетным Знаком СКВВ», 1972 г.

КП 10965/22 — Почетный знак СКВВ Кружкова.

КП 10965/23 — Удостоверение к юбилейной медали «Двадцать лет Победы в ВОВ», 1966 г.

КП 10965/25 — Удостоверение Кружкова к юбилейной медали «50 лет Вооруженных Сил СССР», 1968г.

КП 10965/27 — Удостоверение Кружкова к юбилейной медали «30 лет Победы в ВОВ», 1976г.

КП 10965/29 — Орден Трудового Красного Знамени Кружкова, 1962 г.

КП 10965/30 — Орденская книжка № 986350 к ордену Трудового Красного Знамени Кружкова.

КП 10965/31 — Орденская книжка к ордену «Красной Звезды» Кружкова, 1955 г.

КП 10965/33 — орден «Алтак гадае одон» № 12764 МНР Кружкова, 1969 г.

КП 10965/34 — Удостоверение к ордену «Алтак гадае одон» № 18357, 1969 г.

КП 10965/35 — Удостоверение Кружкова к юбилейной медали «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Ленина», 1970 г.

КП 10965/37 — Удостоверение к нагрудному памятному знаку Кружкова «Ветеран Северо-западного фронта 1941—1943 гг.», 1974 г.

КП 10965/39 — Членский билет № 7704 Кружкова Союза писателей, 1968 г.

КП 10965/40 — Газета «Советская культура», № 66 от 16 августа 1974 г. со статьей Кружкова «Репортаж через 40 лет».

КП 10965/41 — значок «Огонёк 50» Кружкова КП 11094 — значок «Союз журналистов СССР» Кружкова.

НВ 3462/1—16, НВ 3642/1—7, НВ 5111/2 — приглашения, открытки, письма, характеристика, грамоты, фотографии.

Литература

Окороков А.Д. На северо-западном фронте. 1941—1943. М., 1969.

Ортенберг Д. Время не властно. М., 1975.

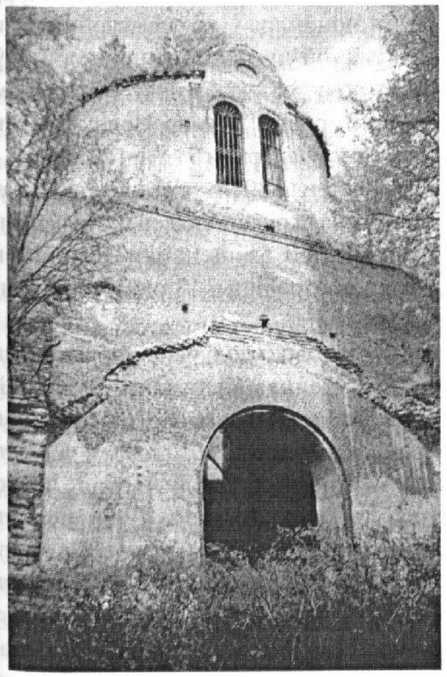
Ортенберг Д. Это остается навсегда. М., 1984.

Пехтерев А.С. Неволько к этим берегам. Тула, 1983.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В СЕЛЕ НЕДОХОДОВЕ МЕЩОВСКОГО УЕЗДА

***В.И. Абакулов**, н.с., Калужский областной краеведческий музей*

История церкви в селе Недоходове заслуживает внимания исследователей, т.к. никаких работ об этом храме до сих пор не было. К сожалению, даже самого населенного пункта с таким названием на современных картах уже не встречается. От этого небольшого села, расположенного на правом берегу реки Течи, на протяжении нескольких столетий входившего в Мещовский уезд (ныне эта территория входит в Юхновский район Калужской области), кроме полуразрушенной церкви и кладбища, ничего не сохранилось. На основе проработанных нами источников, хранящихся в Государственном архиве Калужской области, была приоткрыта завеса над этим «белым пятном» в истории церквей указанного уезда.

Никольская церковь в Недоходове. *Фото 2006 г.*

Недоходово имеет древнюю историю и впервые упоминается еще в XV столетии как владение князей Мосальских[1]. По данным клировых ведомостей о церквях Мещовского уезда и другим документам Никольский храм в этом селе был построен деревянным в 1712 г. и освящен 6 декабря того же года[2]. Сведений о том, располагался ли он здесь ранее этого времени, пока обнаружить не удалось.

Известно, что в марте 1720 г. священником в селе Недоходове был Семен Стефанов[3]. Архиепископ Крутицкий и Можайский 6 января 1766 г. определил в иереи к храму Николая Чудотворца в село Недоходово диакона Матвея Петрова[4].

Межевая книга на церковную землю, принадлежащую Никольской церкви села Недоходова, в количестве 79 дес. 138 саж., была выдана 11 августа 1777 г. План на эту писцовую церковную землю, обмежеванную одной окружной межою, был выдан причту из Калужской межевой конторы 15 марта 1778 г.[5].

На конец 1770-начало 1780-х гг. Недоходово в «Описаниях и алфавитах к Калужскому атласу» значится как погост, располагавшийся на правом берегу реки Течи. Здесь были деревянная церковь Николая Чудотворца, 6 дворов, в них 10 мужчин и 13 женщин, среди которых были члены причта, их семьи и бобыли, которые были на положенном казенном оброке. Под усадьбой было 3 дес., пашни 60 дес. 1368 саж., сенных покосов 10 дес. 1900 саж., неудобных мест 4 дес. 1400 саж. Всего писцовой церковной земли было 79 дес. 138 саж.[6].

По справке, составленной канцеляристом Иоакимом Волковым в 1801 г., в Мещовском уезде при Никольской церкви, что в селе Недоходове, приходских дворов по 5 ревизии (*1795 г. — В.А.*) было показано 200, в них мужского пола 808 душ[7].

Жена майора — Анна Семеновна Николаева — 23 декабря 1795 г. подавала прошение с жалобой на пономаря села Недоходова Дмитрия Алексеева, который ругал ее в приходской Никольской церкви безо всякой на то причины. На основании Всемилостивейшего манифеста это дело было оставлено без последствий и пономарь от следствия был освобожден[8].

Здание церкви во имя святителя Николая в селе Недоходове в 1798 г. было в хорошем состоянии. На этот год причт состоял из двух священников — Матвея Петрова 59 лет и Ивана Алексеева 48 лет, диакона Федора Петрова 67 лет, дьячков Ефима Родионова 48 лет и Ивана Михайлова 24 лет; пономарей Дмитрия Алексеева 42 лет и Федота Логинова 28 лет. У священника Ивана Алексеева был сын Александр 10 лет, у дьячка Ивана Михайлова — сын Василий 3 лет, у пономаря Дмитрия Алексеева — сыновья Федор 12 лет и Иван 1 года, у пономаря Федота Логинова — сын Степан 8 лет.

Приходских дворов в 1798 г. также было 200, в них проживало 808 мужчин и 731 женщина. Писцовой церковной земли усадебной, пашенной и сенокосной было 79 дес. 138 кв. саж.[9] — столько же, сколько было и в 1770-х гг.

Благочинный травкинский священник 15 мая 1801 г. рапортовал в Калужскую духовную консисторию о случившемся несчастье. Диакон церкви Николая Чудотворца села Недоходова Савва Петров был найден в реке Тече мертвым[10].

Епископа Калужского и Боровского Феофилакта священник села Недоходова Матвей Петров в июне 1801 г. просил освободить его от занимаемой должности по старости, а на освободившееся таким образом место назначить его зятя пономаря Николаевской церкви того же села Федота Логинова. Во время опроса в Калужской духовной консистории 19 июня того же года Федот Логинов рассказал, что ему от роду 34 года, женат, был сыном священника села Глухова Мещовского уезда Логина Григорьева. В село Недоходово к Никольской церкви он был переведен указом № 660 от Крутицкой епархии 31 марта 1786 г.[11].

Священник Матвей Петров был уволен от должности 20 июня 1801 г. за старостью (указ № 1410). Пономарь Федот Логинов Епископом Феофилактом был рукоположен во диакона г. Мещовска в соборной Благовещенской церкви 29 июня, а во священники 30 июня в Мещовском Георгиевском монастыре в церкви Рождества Богородицы. 18 октября 1801 г. Федот Логинов получил ставленую священническую грамоту[12].

9 октября того же года в Калужской духовной консистории было получено прошение на имя Епископа Калужского и Боровского Феофилакта от ученика Калужской духовной семинарии Павла Ильина. Он просил определить его в село Недоходово на праздное пономарское место. При этом Ильин обязывался *«умершего того села диакона жену с двумя ее детьми на моем пропитании содержать…»*. Ученику Павлу Ильину было дано одобрение прихожан за подписью коллежского асессора Виктора Степановича Степанова, поручика Александра Ивановича Сеченова и титулярного советника Василия Алексеевича Левшина. Их подписи свидетельствовал благочинный священник села Травкина Мещовского уезда Василий Васильев[13].

Означенный проситель П. Ильин был сыном священника села Травкина Петра Васильева. В Семинарию он был принят в 1798 году. В 1801 г. ему было всего 13 лет. В родстве со священно- и церковнослужителями села Недоходова он никого не имел. Указом Калужской духовной консистории от 19 октября 1801 г. № 3106 ученик высшего грамматического класса

Калужской семинарии Павел Васильевич Ильин был определен в пономаря к Николаевской церкви села Недоходова[14].

Пономарь Одигитриевской церкви села Извекова Мещовского уезда Василий Иванов в октябре 1801 г. подавал прошение Епископу Калужскому и Боровскому Феофилакту с просьбой определить его на праздное диаконское место к церкви в селе Недоходове. К прошению было приложено одобрение от прихожан Николаевской церкви, в том числе от помещиков живших в этом приходе — поручика Александра Ивановича Сеченова и титулярного советника Василия Алексеевича Левшина[15].

При Никольской церкви в Недоходове налицо в это время состояли два священника, два дьячка и один пономарь, диакона же и второго пономаря не было. Приходских дворов было уже 202. Священниками были Иван Алексеев и Федот Логинов. Место диакона было праздным, т.к. бывший на этом месте Савва Петров в том же 1801 г. был найден в реке Тече мертвым. Дьячками были Ефим Родионов 52 лет и Максим Миронов 25 лет. Первым пономарем был Дмитрий Алексеев 45 лет, а на второе пономарское место был определен ученик Калужской семинарии Павел Ильин, о чем уже говорилось выше[16].

Проситель пономарь Василий Иванов был посвящен во диакона Епископом Феофилактом в г. Калуге при церкви Преображения Господня что под горою 22 октября 1801 г., а 25 октября того же года он получил ставленую диаконскую грамоту и поступил на службу к Никольской церкви в село Недоходово[17].

В 1802 г. коллежский асессор Виктор Степанович Степанов подавал прошение в консисторию, в котором жаловался на «пьянственные поступки» всех священно- и церковнослужителей Никольской церкви. По произведенному следствию были оштрафованы оба священника, диакон и один пономарь. Упоминавшийся уже ранее пономарь Дмитрий Алексеев 3 сентября 1803 г. подавал прошение о том, что его, якобы, избили диакон той же Никольской церкви Василий Иванов со своими детьми. По проведению следствия оказалось, что Алексеев сам затеял драку и за эту ссору был отослан на исправление в монастырь[18].

Тот же пономарь Дмитрий Алексеев в феврале 1804 г. просил Епископа Феофилакта определить его на праздное пономарское место в село Бышковичи Мещовского уезда. По благочинническим ведомостям о качествах за 1800 г. он был показан состояния вздорного, за 1801 г. гордого, за 1802 год вздорного и за 1803 год также вздорного. Указом Калужской духовной консистории № 455 от 3 марта 1804 г. Дмитрий Алексеев был определен в пономари в село Бышковичи[19].

Согласно исповедной ведомости Никольской церкви села Недоходова за 1822 г. причт и их семейства составляли: священник Иван Михайлов 48 лет, пономарь Сергей Васильев 27 лет, у него жена Прасковья Иванова 28 лет и дочь их Анна 7 лет. Диаконом был Филипп Семенов 43 года, его жена Екатерина Алексеева 42 года, дети их: Федосья 16 лет, Марья 13 лет, Настасья 10 лет, Степан 6 лет, Акилина 4 года, Анна полугоду. Дьячком был Федор Андреев 31 года, у него жена Федосья Ефимова 35 лет, дети их: Агрипина 6 лет, Ольга 5 лет, Афанасий 1 году[20].

Приход Никольской церкви в том же 1822 г. составляли деревня Жалобина — вотчина князя Петра Николаевича Кропоткина, сельцо Порослицы Варвары Петровны Вонлярской, сельцо Салопихино поручика артиллерии Александра Антоновича Микулаева, Василия Алексеевича Левшина с братом, Прасковьи Кирилловны Хлюпиной, Петра Ивановича Волженского, Федосьи Алексеевны Сомовой, сельцо Деревягино прапорщика Степана Александровича, его жены Марьи Дмитриевны и их детей Александра, Марьи, Василия и Петра Куборских, Екатерины Александровны Лихачевой, сельцо Степановское коллежского асессора Виктора Степановича, его жены Ульяны Васильевны и детей их Григория и Виктора Степановых, сельцо Курбатово девиц Варвары Петровны Вырубовой и Авдотьи Ивановны Козловской, деревня Исток Варвары Петровны Вырубовой, деревня Чертова Екатерины Ивановны Воейковой, Василия Павловича Филиппова и Александра Ивановича Сеченова. Всего приходских дворов было 140, в них 536 мужчин, 583 женщины[21].

По благочиннической ведомости 1823 г. Никольская церковь в селе Недоходове была показана деревянного здания, без приделов, в твердости, утварью достаточна. Приходских дворов значилось 136, в них мужского пола 544 души. Денежного дохода священно и церковнослужители в 1823 году получили 400 руб.[22].

Епископу Филарету исключенный из Калужской духовной семинарии ученик Иван Смирнов в октябре 1823 г. подавал прошение, в котором просил определить его на диаконскую должность к церкви в село Недоходово. В это время бывший прежде диаконом Филипп Семенов находился в Мещовском Георгиевском монастыре под епитимью. Смирнов обещал взять в жены дочь «опального» диакона Феодосию и содержать на остальное его семейство. Просителю было в это время 23 года. Он был сыном дьячка Архангельской церкви села Познякова Козельского уезда Николая Григорьева, имел одобрение прихожан той церкви, куда хотел быть определенным. 8 января 1824 г. Иван Смирнов вступил в брак с Феодосией Филипповой, а 10 февраля того же года был рукоположен во диакона в село Недоходово[23].

Деревянная колокольня при Никольском храме в селе Недоходове была перестроена в 1834 г.[24]. В этой церкви 30 июля 1835 г. бракосочетались уволенный от службы Галицкого егерского полка подпоручик Михаил Николаевич Квитницкий и дочь штабс-капитана Якова Тимофеевича Боброва, помещика сельца Лутавиновки Брянского уезда Орловской губернии. Поручителями по жениху и невесте были: г. Путивля Курской губернии губернский секретарь Николай Егорович Артюшков и поручик Виктор Викторович Степанов[25].

В той же церкви 2 февраля 1838 г. обвенчались помещик сельца Порослиц Мещовского уезда подпоручик Константин Дмитриевич Вонлярский и мещанская девица Богоявленской слободы г. Калуги Акилина Прохорова. По женихе и невесте поручителями были: помещик сельца Степановского поручик Виктор Викторович Степанов, помещица сельца Курбатова Авдотья Ивановна Козловская, того же сельца помещица Варвара Петровна Вырубова, владелец села Травкина Мещовского уезда коллежский регистратор Владимир Алексеевич Ханыков[26].

У священника села Недоходова Иоанна Михайлова и его жены Марии Ивановой 9 января 1839 г. родился, а 15-го был крещен, сын Павел. Восприемниками при крещении были владелец деревни Субочевой Елецкого уезда Орловской губернии поручик Евгений Иванович Платонов и помещица сельца Курбатова Любовь Викторовна Викинская[27].

Л.В. Викинская была дочерью коллежского асессора Виктора Степановича Степанова (родилась в 1801 г.). По первому браку Данилова, во втором — за генерал-лейтенантом Иваном Михайловичем Викинским, членом Совета управления Царства Польского (1850—54).

Причтом (священник Иван Михайлович Смирнов, диакон Иван Николаев, дьячок Афанасий Федоров, находящийся на пономарском месте священник Петр Матвеевич Румянцев) 30 января 1840 г. была оставлена опись церковному имуществу храма Николая Чудотворца в селе Недоходове. Этот документ позволяет нам представить и внешний вид этой церкви и ее внутренне убранство на указанный период. Никольская церковь была деревянная, с одним престолом, без приделов, покрыта тесом, окрашена нумией. *«Глава оной церкви обита железом и окрашена медянкою, крест на ней железный, окрашен медянкою ж. Во внутренности церкви длина оной с алтарем 26 аршин, ширина 9 аршин с четвертью, в ней внизу 8 окон с железными решетками и со стеклами в простых сосновых рамах и 2 окна вверху без решеток со стеклами в сосновых же рамах, 2 деревянные двери, пол дощатый, при церкви колокольня деревянная, на ней шпиль обит железом и окрашен медянкою, крест железный»*[28].

Иконостас был столярной работы с резными капителями из соснового дерева о четырех ярусах, выкрашенный темно-синей краской и местами вызолоченный. Царские врата также были столярные, вызолочены червонным золотом, с изображением на них четырех Евангелистов и Благовещения Богородицы, а вверху этих врат был изображен Господь Саваоф и по сторонам от него тайная вечеря[29].

В настоящей церкви в иконостасе было следующее количество образов: в первом ярусе — 7, во втором — 13, в третьем — 19, в четвертом — 8, да сверх четвертого яруса было еще 9 икон и небольшой ветхий деревянный крест, на котором было написано, когда и кем освящена церковь. За левым клиросом было еще 6 икон, в трапезной — 15. Там же было два резных образа — Николая Чудотворца Можайского, длиной 14 вершков, шириной 12 вершков, в простом окрашенном киоте и Великомученицы Параскевы, длиной 10,5 вершков, а шириной 6,5 вершков, на нем был тонкий меднопсребренный венец, в простом окрашенном киоте[30].

В церкви находились три Евангелия печатанные в 1701 и 1830 гг., три креста — серебряный, медный и деревянный, серебряные ковчег, дароносица, сосуд, дискос, лжица, блюдца; медный ковш, два стальных копия, лампады, кадила, паникадила, подсвечники, венцы для

брачующихся, купель, воздухи, завесы царских врат, ризы, подризники, епитрахили, пояса, поручи, стихари и др. предметы для отправления службы[31].

Помимо прочего в храме были 52 книги, включавшие служебники, устав, апостол, псалтырь, часослов, минею, требник, а также «Летопись Димитрия Ростовского», напечатанную в 1817 г. в Москве; «Пастырское наставление: превосходство религии», переведенное с иностранного языка преосвященным Феофилактом, напечатанное в 1804 г. в Москве, «Книжка благодарственного молебного пения ко Господу во дни Восшествия на престол и коронации Императрицы Екатерины Алексеевны», напечатанную в 1763 г., «книга Благодарственного молебного пения на испровержение крамолы», напечатанную в Москве в 1826 г. и др.[32].

Среди других предметов храм имел несколько шкафов (для риз, стихарей и книг), комод, несколько столов, две скамейки, старое зеркало в раме, 4 колокола (причем самый большой из них был разбитым и весил 24 пуда 30 фунтов)[33].

13 ноября 1841 г. в Никольской церкви бракосочетались письмоводитель станового пристава 1 стана Юхновского уезда Смоленской губернии Гончарова коллежский регистратор Никанор Семенович Соколов и дочь помещика сельца Деревягина подпрапорщика Степана Александровича Куборского Мария. Поручителями были регистратор Юхновского земского суда Павел Семенович Соколов, повытчик Юхновского уездного суда Василий Клементьевич Поливанов и не служащий дворянин Павел Степанович Куборский[34].

У диакона села Недоходова Ивана Николаева и его жены Федосьи Филипповой 1 июня 1842 г. родилась, а 2 была крещена в Никольской церкви дочь Акилина. Восприемниками при крещении были уволенный от службы капитан Николай Петрович Поссе и жена священника села Чемоданова Мещовского уезда Пелагея Кириллова. Крещение совершали приходской священник Иоанн Смирнов с диаконом села Зубова Мещовского уезда Макарием Якуниным, с приходским дьячком Афанасием Федоровым и пономарем Сергеем Добринским. Младенец умер 23 августа того же года от сыпи[35].

В том же селе Недоходове 12 сентября 1842 г. бракосочетались сын диакона села Петрушинского Мещовского уезда Николая Андреева Петр Николаев и дочь священника села Недоходова Иоанна Смирнова Екатерина. Брак совершали священник Доброго монастыря Лихвинского уезда Александр Волков с диаконом села Коробок Козельского уезда Стефаном Ватопедским и пономарем приходской церкви села Недоходова Сергеем Добринским[36].

У дьячка Николаевской церкви села Недоходова Афанасия Федорова и жены его Акулины Ивановой 24 ноября 1843 г. родилась дочь Варвара[37]. У диакона Ивана Николаева и его жены Федосьи Филипповой 2 марта 1844 г. родился сын Алексей. Восприемниками при крещении были действительный статский советник и кавалер Платон Викторович Степанов и помещица сельца Курбатова, дочь жены генерал-майора Любови Викторовны Викинской, Надежда Ивановна[38].

9 ноября 1844 г. бракосочетались служивший в Калужской уголовной палате коллежский регистратор Василий Яковлев и диакона села Недоходова Ивана Николаева дочь Феоктиста. Поручителями были по жениху коллежский Николай Алеев и диакон села Зубова Мещовского уезда Макарий Яковлев, по невесте дьячок того же села Зубова Иван Павлов и пономарь села Недоходова Сергей Добринский[39].

У дьячка Николаевской церкви села Недоходова Афанасия Федорова и его жены Акулины Ивановой 5 февраля 1845 г. родилась дочь Евдокия. Восприемниками при крещении были закончивший Калужскую духовную семинарию Николай Иванов Марков из села Вешек Медынского уезда и Надежда Ивановна Викинская[40].

У священника села Коробок Козельского уезда Петра Николаевич Бриллиантова 8 февраля 1845 г. родился сын Иван. Восприемниками при его крещении были действующей 1-й армии дежурный генерал-лейтенант Иван Михайлович Викинский и его дочь Надежда Ивановна[41]. У диакона села Недоходова Ивана Николаева 15 июня 1846 г. родился сын Иван[42].

1 июня 1846 г. в Николаевской церкви бракосочетались сын диакона села Рождествена Перемышльского уезда Виктора Семенова разряда ученик Калужской духовной семинарии Григорий Викторович Щеголев и дочь священника села Недоходова Ивана Михайловича Смирнова Мария[43].

В особом почтении у жителей сел Щелканова, Зубова и деревень Мещовского уезда находилась чтимая чудотворная икона Св. Николая, находившаяся в храме в селе Недоходове. Во время общественных бедствий — засухи, холеры и проч. — икона эта износилась для молебствий

по окрестным селениям. Во время губительной холеры в 1847 г. эта икона в течение полутора месяцев износилась по 7 окрестным селениям и с тех пор жители этих селений еще более стали ее почитать[44].

Не обходили стороной Недоходово не только моровые поветрия, но и другие напасти. Так, в ночь под 21 февраля 1863 г. в Никольской церкви села Недоходова неизвестным были взломаны замки и похищено три билета сохранной казны на 3350 руб., кредитными билетами 558 руб. и наличными деньгами 80 руб. 51 коп.[45].

В 1870 г. тщанием генерал-лейтенанта Ивана Михайловича Викинского с супругой взамен деревянной была построена новая Никольская церковь в селе Недоходове. Зданием она была каменная с такой же колокольней в одной связи. Вокруг храма была сооружена каменная ограда. Тогда же были освящены два престола: в настоящей холодной во имя святителя и Чудотворца Николая, в теплой трапезной во имя Божией Матери Блаженное Чрево[46].

Епархиальным начальством в мае 1872 г. были выражены признательность за пожертвование и попечение о сооружении нового приходского храма в селе Недоходове жене генерал-лейтенанта Любови Викторовне Викинской, одобрение церковному старосте Афанасию Михайловичу и крестьянину сельца Павлищева Дмитрию Александровичу Кудинкину за их труды по построению того же приходского храма[47].

В трапезной Никольской церкви в 1912 г. был освящен третий престол во имя Тихвинской Божией Матери[48].

Согласно клировой ведомости за 1915 год Никольская церковь в это время была крепка. От Калуги она находилась в 45 вер., от местного благочинного в селе Бышковичах в 15 вер., от уездного г. Мещовска в 35 вер. При ней было кладбище, окопанное канавой. Было четыре деревянных дома, принадлежавших причту, земская школа, в которой обучалось 100 мальчиков и 58 девочек, и сторожка. Среди древних икон были образ Спасителя, Божией Матери Блаженное Чрево и чтимая святителя Христова Николая. В церковной библиотеке было уже 107 книг. Кружечных доходов за 1915 год было получено 964 руб. 98 коп.

Протоиереем был Михаил Иванович Смирнов, 80 лет. Он поступил во священника в село Недоходово 12 марта 1861 г. М.И. Смирнов в 1877 г. был членом Благочинического Совета, Мещовского отделения Училищного совета в 1892 г., председателем Щелкановского отделения Иоанно-Богословского братства в 1898 г. и др. Неоднократно получал благословение Святейшего Синода, был награжден: набедренником 22 марта 1871 г., скуфьею 3 апреля 1876 г., камилавкою 23 апреля 1880 г., наперсным крестом 5 апреля 1887 г., орденом Св. Анны 3 ст. 5 мая 1894 г., саном протоиерея 6 мая 1901 г., орденом Св. Анны 2 ст. 6 мая 1910 г., орденом Св. Владимира 4 ст.18 октября 1911 г., медалью в память 300-летия дома Романовых 1913 г. Имел жену и троих детей (сын Иван был священником в селе Лазинки Мосальского уезда, другой сын, Григорий, в офицерском чине проходил военную службу).

В 1915 г. псаломщиком в Недоходове был Иван Александрович Нечаев, 39 лет, поступивший на это место 12 августа 1901 г. До этого, с 6 февраля 1899 г. он проходил военную службу в Варшавской крепостной артиллерии, где занимал, по получении чина старшего фейерверкера, должность взводного старшего на форту № XI и порохохранилища, в 1900 г. был письмоводителем ротной канцелярии. Нечаев был пожалован архипастырским благословением с выдачей свидетельства 2 февраля 1910 г. Имел медаль в память 300-летия дома Романовых 1913 г. В семье у псаломщика были жена и четверо детей.

Церковным старостой с 21 мая 1909 г. был Сергей Тихонович Круглов 52 лет. Он был также судьей в Чемодановском волостном правлении. Был, также как и члены причта, награжден медалью в память 300-летия дома Романовых 1913 г. Также был женат и имел четырех детей.

В Недоходове в это время также проживали вдова псаломщика Александра Ивановна Лазарева 49 лет со своими детьми и дочь диакона Татьяна Афанасьевна Недоходовская 60 лет. Она получала попечительское пособие 14 руб. в год, жила в своем доме на церковной земле, на ее усадьбе был фруктовый сад и пасека. Ее отец диакон Афанасий Федоров Недоходовский прослужил на должности псаломщика села Недоходова с 1833 по 1887 год.

Приход Никольской церкви в селе Недоходове состоял из следующих населенных пунктов: деревень Жалобиной, Губановки, Екатериновки, Павлищевой, Курбатовой, Порослицы, Троицы, Деревягиной и сельца Степановского. Всего в приходе было 293 двора, в них проживали 1036 мужчин и 1090 женщин[49].

Протоиерей М.И. Смирнов умер в ноябре 1918 г. На его место в село Недоходово к Никольской церкви по прошению был определен священник Космодамианской церкви села Константиновки Николаевского уезда Самарской епархии Павел Якушов. Общим собранием прихожан Никольской церкви села Недоходова, состоявшегося 27 апреля 1919 г., Павел Якушов был единогласно утвержден в должности священника на означенном месте[50].

Затем последовали десятилетия церковных гонений. Церковь в Недоходове была закрыта, потом частично разрушена, а населенный пункт с таким названием, просуществовавший как минимум пять столетий, ныне не существует. Сейчас вокруг Никольского храма все заросло лесом, можно видеть посадки старых лип. Вокруг расположено кладбище, занятое современными могилами. На северо-западном его краю лежит пара старых с высеченными крестами известняковых надгробий без надписей и несколько таких же известняковых подставок под памятники. Внутри храма в полу выкопаны кладоискательские ямы, частично в углах здания еще сохранилась напольная плитка. На стенах сохранились остатки росписей. Трапезная разрушена полностью, возможно, она была взорвана. Полностью разрушена также апсида. Цела колокольня, на ее деревянном шпиле сохранился железный крест.

В данной работе на основании проанализированных источников была представлена история Никольской церкви на протяжении XVIII—нач. XX вв: как менялся состав ее причта, происходила перестройка храма, взаимоотношения причта и приходских помещиков, внутреннее убранство храма и т.д. Выявление в архивах новых документов поможет еще полнее представить историю этого храма.*

Примечания

[1] Бранденбург Н.Е. Род князей Мосальских (XIV—XIX ст.). СПб., 1892. С. 3, 21.
[2] Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 33. Оп. 1. Д. 4306. Л. 7; Ф. 271. Оп. 4. Д. 48. Л. 2.
[3] Медынской десятины жилые данные церкви 7177 (1669)—1746 гг. Отдел 1 // Калужская старина. Калуга, 1911. Т. 6. С. 28.
[4] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 387. Л. 12.
[5] ГАКО. Ф. 271. Оп. 4. Д. 48. Л. 17 об.—18.
[6] Описания и алфавиты к Калужскому атласу. Часть 2. СПб., 1782. С. 64.
[7] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 385. Л. 8 об.
[8] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 886. Л. 2—2 об.
[9] ГАКО. Ф. 271. Оп. 2. Д. 3. Л. 107 об.—108.
[10] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 387. Л. 7 об.
[11] Там же. Л. 1, 3.
[12] Там же. Л. 8 об.—10.
[13] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 386. Л. 2—3.
[14] Там же. Л. 6, 8—8 об.
[15] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 385. Л. 2—3.
[16] Там же. Л. 4 об, 9—9 об.
[17] Там же. Л. 11.
[18] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 886. Л. 2 об., 4.
[19] Там же. Л. 1, 4, 5 об.—6.
[20] ГАКО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 309. Л. 1.
[21] Там же. Л. 1, 2 об, 4 об., 6, 6 об., 7, 7 об, 9, 10, 10 об., 11 об., 12, 12 об., 13.
[22] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4306. Л. 7.
[23] Там же. Л. 2—4 об., 6, 10.
[24] ГАКО. Ф. 271. Оп. 4. Д. 48. Л. 2.
[25] ГАКО. Ф. 271. Оп. 3. Д. 167. Л. 80.
[26] Там же. Л. 132 об.
[27] Там же. Л. 142 об.
[28] ГАКО. Ф. 271. Оп. 4. Д. 48. Л. 2.
[29] Там же. Л. 3.
[30] Там же. Л. 3—5 об.
[31] Там же. Л. 6—12 об.
[32] Там же. Л. 12 об.—15.

*Все даты в работе приводятся по старому стилю.

[33] Там же. Л. 16—17 об.
[34] ГАКО. Ф. 271. Оп. 3. Д. 167. Л. 221.
[35] Там же. Л. 233 об.—234., 251 об.
[36] Там же. Л. 245 об.—246.
[37] Там же. Л. 267 об.
[38] Там же. Л. 291 об.
[39] Там же. Л. 310 об.—311.
[40] Там же. Л. 331 об.
[41] Там же. Л. 331 об.
[42] Там же. Л. 374 об.
[43] Там же. Л. 389 об.—390.
[44] Лужецкий Д. Историческая записка об учреждении и состоянии Калужской епархии за столетний период ея существования. Калуга, 1900. С. 60.
[45] Калужские Епархиальные Ведомости. № 4. 1863. С. 22.
[46] ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2208. Л. 382.
[47] Калужские Епархиальные Ведомости. № 9. 15 мая 1872. часть офиц. С. 58.
[48] ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2208. Л. 382.
[49] Там же. Л. 382—388.
[50] ГАКО. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 145. Л. 1, 16.

СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО ХРАМА УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В С.ВОРСИНО БОРОВСКОГО УЕЗДА (1900—1911 гг.)

***Н.П. Лошкарева**, н.с., Боровский историко-краеведческий музей*

В Боровском уезде к концу XIX в. деревянные храмы уже не строили, а стоявшие старались заменить кирпичными. Ярким примером тому служит строительство нового кирпичного храма Успения Пресвятой Богородицы вместо одноименного деревянного в с.Ворсино Боровского уезда.

Написание сообщения на данную тему стало возможным благодаря сохранившемуся комплексу документов в фондах «Калужской духовной консистории» (ф.33), «Калужского губернского правления» (ф.62) Государственного архива Калужской области и благодаря отрывочным сведениям, основанным на рассказах современных прихожан храма Успения Пресвятой Богородицы с. Ворсино и его настоятеля о.Анатолия, опубликованных в балабановской газете «Страдаловка» журналисткой Н.Замахиной[1].

Последняя сообщает, что в 1861 г. в с.Ворсино произошел пожар, в результате которого сгорела более ранняя деревянная церковь. Новую привезли из с.Бор Тарусского уезда[2] и собрали благодаря прихожанам и жертвователям в том же году[3].

По мнению академика архитектуры М.Т.Преображенского, внешний облик храма и приемы его построения были схожи с храмом Покрова Пресвятой Богородицы села Высокого (в настоящее время это часть г.Боровска — *Н.Л.*)[4]. Храм, вполне возможно, возвышался на каменном фундаменте и в плане напоминал вытянутый корабль, состоявший из трех частей: самого храма, высокого четырехгранного сруба с окнами в два света, покрытого четырехскатной крышей и увенчанного небольшой луковичной главкой с круглой шейкой, алтаря небольших размеров, примыкавшего к храму с востока, скорей всего, прямоугольного или же со скошенными углами, и трапезной с западной стороны, по площади одинаковой с храмом, а высотою на уровне алтаря, крытой на три ската. С двух сторон к храму могла примыкать крытая галерея. Колокольня, возможно, была соединена с трапезной и представляла собой в основании квадратный невысокий сруб, на котором стоял либо шестигранник, либо восьмигранник значительной высоты. Верх ее со всех сторон был открытым и заканчивался высоким шатром с небольшой маковкой на тонкой шейке.

К концу XIX в. деревянный храм стал ветшать, и жители села решили построить новый из кирпича[5].

Основным жертвователем или, как его называют в документах, «храмоздателем» выступил приходской крестьянин из д.Добрино Козьма Ильич Бычков. Был организован и строительный комитет, который пригласил для разработки проекта нового храма архитектора В.Н.Елагина, имевшего свидетельство Санкт-Петербургского технического комитета от 20 августа 1885 г.[6].

В.Н.Елагин, проектируя новый храм, учел, видимо, пожелания и прихожан, и «храмоздателя». Храм предполагался трехпрестольным, пятиглавым; из кирпича с кирпичной колокольней и ходом на нее, папертью и двумя кладовыми. Центральная глава его предполагалась кирпичной, *«снаружи украшенной закомарами»*, остальные четыре главки — деревянными; шатер над колокольней — деревянным, крытым железом; отопление голландскими печами, а в сводах — вентиляция. Храм предполагалось построить на *«совершенно ровной»* местности с глинистым грунтом глубиной более 5 аршин. Вмещать он должен был 1000 человек.

Постройку храма оценили в 45 000 рублей, рассчитав сумму по кубическому объему сооружения и, исходя из средних цен на постройку храмов по Калужской губернии. В ходе строительства предполагалось сэкономить на кирпиче, так как решили производить его на месте[7].

Помимо чертежей В.Н.Елагин сделал подробное конструктивное описание нового храма[8].

С этим комплектом документов и с прошением об утверждении 21 июля 1899 г. обратились в строительное отделение Калужского губернского правления члены строительного комитета: «храмоздатель» К.И.Бычков, священник храма Алексей Чистяков и церковный староста Яков Нефедов[9].

В ходе рассмотрения проектной документации оказалось, что отсутствовала пояснительная записка, а чертежи были сделаны не все. Поэтому гражданский инженер строительного отделения статский советник Болеслав Антонович Савицкий в резолюции от 24 июля т.г. запретил строительство храма[10].

После этого строительному отделению церковным старостой Я.Нефедовым был предоставлен, по-видимому, исправленный проект храма. Но и его не утвердили, о чем 30 сентября т.г. записали в протоколе. Среди прочих строительным отделением были отмечены такие недостатки, как большая крутизна лестниц и солеи, очень высокий подъем окон над полом, значительная удаленность ризницы от алтаря, непропорциональность величины колокольни и слишком тонкие ее стенки. Строительное отделение указало на отсутствие расчета устойчивости храма и на то, что он не сможет вмещать 1000 человек[11].

В январе 1900 г. строительное отделение получило очередной исправленный и дополненный проекта храма[12]. И его не утвердили, вынеся 3 февраля т.г. жесткий вердикт: автор проекта (т.е., архитектор Елагин В.Н. — *Н.Л.*) *«не соблюдает самые основные и элементарные требования архитектуры»*[13].

Несмотря на это, членом строительного комитета «храмоздателем» К.И.Бычковым в марте т.г. была предпринята новая попытка обращения с прошением о скором разрешении строительства храма и с прилагавшимися к нему исправленными чертежами[14].

После того, как и данные документы не утвердили[15], строительный комитет вынужден был обратиться к другому архитектору. Им стал классный художник архитектуры Александр Александрович Драницын, проживавший, как и его предшественник, в Москве и имевший диплом об окончании Школы живописи, ваяния и зодчества при Московском художественном обществе[16]. Он 20 апреля т.г. подписал свидетельство о взятии на себя обязательства по наблюдению и производству строительных работ храма и ответственности за правильность и прочность постройки, а равно, и за прочность лесов подмостков и кружал[17]. На следующий день, 21 апреля, «храмоздатель» К.И.Бычков лично вручил данное свидетельство и все остальные «бумаги» секретарю Калужской духовной консистории с тем, чтобы он передал их в строительное отделение Калужского губернского правления[18].

Строительное отделение 25 апреля т.г. рассмотрело «бумаги» и «нашло, что означенный проект в общем в техническом отношении составлен правильно. («*Проект утвердить. Работы по постройке храма разрешить...*»[19]).

Наконец, 17 мая 1900 г. строительство кирпичного храма Успения Пресвятой Богородицы в с.Ворсино было начато[20].

Продвигались работы, судя по всему, не гладко и к завершению строительного сезона, 21 сентября т.г., в строительное отделение губернского правления от А.А. Драницына поступило заявление об отказе вести наблюдение за строящимся храмом и о снятии с себя всей ответственности по причине невыполнения строительным комитетом его указаний[21]. В связи с этим 12 октября т.г. строительный комитет губернского правления велел прекратить ведение каких-либо работ по строительству храма до тех пор, пока не *«объявится новое ответственное лицо»*[22].

Таким «ответственным лицом» опять стал архитектор В.Н.Елагин, предоставивший 3 ноября т.г. строительному отделению свидетельство о взятии на себя обязательства по наблюдению за постройкой храма[23].

Тем не менее, в начавшийся 16 июля 1901 г.[24] строительный сезон храм вновь оказался без «ответственного лица». Причина сего пока остается неизвестна. Тогда, (все в том же июле), обязанность по техническому надзору и руководство строительными работами взял на себя епархиальный архитектор Николай Викторович Сытин[25].

С этого времени строительство храма продвигалось более успешно и, видимо, без серьезных проблем, так что 6 февраля 1907 г. строительное отделение получило от духовной консистории уведомление об окончании строительства храма «вчерне»[26]. Через четыре года, 7 марта 1911 г., губернский инженер Б.А.Савицкий в присутствии уже нового священника храма Георгия Соколова и крестьянина Добринской волости д. Курьяновой С.И. Блохина подписал акт об осмотре и освидетельствовании выстроенного кирпичного храма в с. Ворсине. Он констатировал, что *«церковь построена согласно утвержденнаго проекта вполне прочно». «Препятствий с технической стороны к отделке на чисто храма и освящению не имеет»*[27].

Но работы по отделке храма начисто и тем более его освящение затянулись на слишком продолжительное время. По сведениям клировой ведомости храма за 1916 г. службы продолжали совершать все еще в деревянном, а о кирпичном даже не упоминалось[28]. Возможно, что выстроенный кирпичный храм освятили лишь в 1927 г.[29]. Деревянный, как это было принято, вскоре разобрали на дрова[30].

Итак, в результате изучения комплекса документов по строительству кирпичного храма Успения Пресвятой Богородицы в с. Ворсино Боровского уезда выяснилось, что в разработке проекта храма приняло участие несколько архитекторов. Ведущая роль, безусловно, принадлежала архитектору В.Н.Елагину, составившему проект, и классному художнику архитектуры А.А.Драницыну, внесшему необходимые поправки, способствовавшие утверждению проекта в строительном отделении губернского правления. Значительную роль в ходе строительства храма сыграло присутствие в качестве наблюдателя и руководителя работами епархиального архитектора Н.В.Сытина.

Проектные и строительные работы оказались сопряжены с разного рода проблемами, которые, несмотря ни на что, заказчики преодолели. Это стало возможным, в том числе, и благодаря «храмоздателю», приходскому крестьянину из д. Добрино, К.И.Бычкову, внесшему основную часть капитала, а также прихожанам храма.

Таким образом, в 1900—11 гг. в селе Ворсино без учета *«работ на чисто»* был построен новый кирпичный храм Успения Пресвятой Богородицы.

Примечания

[1] Замахина Н. Северный приход епархии // «Страдаловка». Балабаново. 1999. №30 (29 июля).
[2] Там же.
[3] ГАКО. Ф.33. Оп.2. Д.2269а. Л.4.
[4] Преображенский М.Т. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб., 1891. С.116.
[5] ГАКО. Ф.62. Оп.17. Д.2191. Л.11—13.
[6] Там же. Л. 1, 33.

Кстати, в прошении членов строительного комитета от 21 июля 1899 г. архитектор именуется Владимиром Николаевичем Елагиным (Там же. Л.1), а в его свидетельстве от 3 ноября 1900 г. — Василием Николаевичем Елагиным. (Там же. Л.33). В настоящее время имя архитектора Елагина требует уточнения.

[7] Там же. Л.11—13.
[8] Там же. Л.1, 11—13.
[9] Там же. Л.1.
[10] Там же. Л.2—2об.
[11] Там же. Л.7—8.
[12] Там же. Л.8.
[13] Там же. Л.9.
[14] Там же. Л.14
[15] Там же. Л.16.

[16] Там же. Л.21. — Диплом от 23 декабря 1891 г. за №377.
[17] Там же.
[18] Там же. Л.24.
[19] Там же. Л.19—19об.
[20] Там же. Л.25.
[21] Там же. Л.26.
[22] Там же. Л.27.
[23] Там же. Л.32—33.
[24] Там же. Л.34.
[25] Там же. Л.36.
[26] Там же. Л.38.
[27] Там же. Л.48.
[28] Там же. Ф.33. Оп.2. Д.2269а. Л.4.
[29] Замахина Н. Там же.
[30] Преображенский М.Т. Там же. С.12.

ПОРТРЕТЫ К.В. БАРДУ В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ: ОПЫТ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

***С.И. Личенко**, к. искусствоведения, зав. отделом, Калужский областной художественный музей*

В собрании Калужского областного художественного музея представлен комплекс произведений, определяемый в искусствоведении как россика[1], яркой составляющей которого являются пастельные портреты К.В. Барду[2], поступившие в музейное собрание в 1918 г. из калужского имения Железники[3].

При взгляде на современную научную ситуацию по россике создается впечатление о неизученности проблемы. Пристальное рассмотрение историографии по данному предмету свидетельствует об отсутствии работ, комплексно освещающих феномен существования такого явления, как творчество иностранных мастеров на российской почве. Дореволюционная историография содержит статьи Н. Врангеля, связанные с россикой в контексте изучения усадебных коллекций[4]. В постреволюционный период были написаны работы А.П. Мюллер, в которых автор акцентирует внимание на описании жизни и быта иностранных художников в России[5]. Публикации советского времени по россике в большинстве своем обращены к отдельным художественным персоналиям[6]. Таким образом, *«вопрос россики»*, поставленный в свое время Врангелем, остается и в настоящее время достаточно открытым. И, в первую очередь, это относится к изучению творчества конкретных художников, таких как К. В.Барду, с опытом европейской живописной традиции, которые достаточно уверенно адаптировались в российском художественном контексте, создали обширный художественный комплекс и свою индивидуальную стилистику[7]. Следует отметить, что Барду-художнику посвящены всего две статьи[8] и каталог выставки, проходившей в Музее В.А. Тропинина и московских художников его времени[9]. В самых общих чертах стилевые особенности пастелей Барду были обозначены в контексте анализа художественного собрания из Железников[10].

Настоящая работа представляет собой опыт искусствоведческого исследования калужской коллекции Барду с точки зрения европейской традиции интерпретации художественного образа и ее адаптации в российском художественном контексте. Рассматривая калужские пастели Барду как единый художественный текст, попытаемся определить язык этого текста как фактора, интерпретирующего реальность и моделирующего картину мира в конкретном художественном произведении. Поскольку *«язык искусства — в своей сущности является определенной художественной моделью мира»*, он *«...моделирует наиболее общие аспекты картины мира — ее структурные принципы»*[11].

Концепция исследования естественно определяет его основные составляющие, которые можно обозначить как историческая и художественная. Художественная составляющая

предполагает характеристику творческого метода художника. Историческая компонента исследования включает уточнение известных и введение новых данных о жизни и творчестве художника, бытовании художественного комплекса, созданного в России и связанного с калужским краем.

Согласно лексикону Saur[12], К. Барду прибыл в Россию (Петербург) в 1804 г., вернулся в Берлин в 1827 г. С 1806 г. он работает в Москве, далее в Казани (1812—1816). В 1816 г. художник опять возвращается в Москву. Самый ранний из известных подписных его портретов, созданный в России, датирован 1806 г.[13], самый поздний — 1832 г.[14], что расходится с данными лексикона Saur. За продолжительный период пребывания в России (25—30 лет) художник создал более ста камерных портретов.

По рождению, образованию и воспитанию К.В.Барду принадлежит к европейской (немецкой) живописной школе второй половины XVIII в. Живописец, миниатюрист, он предпочитал портретный жанр, работал, как правило, пастелью, реже — маслом и акварелью. Любовь к портретному жанру, возможно, проистекала из первых уроков живописи, которые ему давал отец, известный немецкий скульптор-портретист Эммануил Барду (Emanuel Bardou, 1744—1818), автор портретов в мраморе и бронзе И.Канта, Фридриха II. Профессионально маслом и пастелью К.Барду начинает писать под руководством своего дяди, художника академической выучки Пауля Йозефа Барду (Paul Josef Bardou, 1745—1814), пастелиста и живописца, работавшего в жанре портрета и бытовой картины. По всей видимости, по его рекомендации в Берлине на академической выставке 1797 года впервые появляются пастели К.Барду. В дальнейшем, вернувшись из России в Германию, художник с успехом экспонирует свои работы на выставках Берлинской академии художеств 1836, 1838, 1839, 1842 гг.

В 1804 г. Барду приезжает в Россию. В первые годы пребывания в России он испытывает влияние своего родственника, Иоганна Барду, пастелиста, живописца, гравера, работавшего в России с 1784 г. около десяти лет[15]. Пастельные портреты И.Барду и К.Барду имеют некоторые общие стилистические черты, что в отдельных случаях приводит к неверным определениям и атрибуциям[16]. Достаточно распространенным является ошибочное утверждение о том, что К. Барду — *«автор множества портретов лиц придворного общества Екатерины II»*, что не соответствует действительности, так как придворных Екатерины II портретировал Иоганн Барду. Сложности атрибуционного характера возникают при определении авторства детских портретов, даже при наличии подписи. Поскольку именно в ранних российских портретах детей из семейств Талызиных, Тютчевых, Барятинских, созданных К. Барду, наиболее ощутимо влияние стиля И.Барду.

Типологические и стилистические характеристики творческого метода К.В.Барду проистекают из европейской традиции интерпретации художественного образа. Творческий метод художника коренится в европейской живописи второй половины XVIII в. В культурной жизни Европы второй половины восемнадцатого столетия наряду с классицизмом формируется сентиментализм с его культом *«естественного человека»*, чувства, переживания. Афоризм Руссо *«человек велик только своими чувствами»* определил во многом концепцию романтического искусства с его углубленным психологическим анализом, прежде всего, в жанре портрета. В немецкой живописи с конца XVIII в. классицизирующие тенденции последовательно вытесняются романтическими и сентименталистскими, что наиболее ярко проявилось в жанре портрета. Достаточно определенно эти тенденции обозначились на выставке Берлинской Академии Художеств 1797 г., в которой принимал участие К. Барду.

Особенностью русского художественного процесса первой половины XIX в. явилось параллельное существование разных стилей — классицизма, романтизма, сентиментализма и реализма — что смягчало крайность программ каждого из них, а в творчестве мастеров обусловило различного рода стилистические наслоения. Таким образом, сложившаяся *«стилевая ситуация»* во многом способствовала адаптации творчества Барду в российском художественном контексте. На российской почве его творчество адаптировалось, прежде всего, в связи с распространением в изобразительном искусстве первой половины XIX в. сентименталистских и романтических тенденций, а также ярко выраженного интереса к технике пастели. На рубеже веков отечественные художники (Г.И.Скородумов, О.А.Кипренский, А.Орловский, А.Г. Венецианов), а также иностранные художники, работавшие в России: И.Г. Шмидт (в России — 1784—1785), И.Ф. Август Тишбейн (в России — 1806—1808),

Портрет княгини Марфы Иоакимовны (Екимовны) Абамелек. 1817.
Холст, пастель. 30,5x26.
Справа у плеча на середине фона подпись и дата: G.W. Bardou fecit 1817.

Портрет Марии Иоакимовны (Екимовны) Деляновой. 1818.
Холст, пастель.
Справа над плечом на фоне подпись и дата: «G.W. Bardou 1818/1».

Портрет Ивана Ивановича Арапетова. 1818
Холст, пастель.
Справа над плечом на фоне подпись и дата: «G.W. Bardou 1818»

Портрет Ивана Иоакимовича (Екимовича) Лазарева (1786—1858). 1817.
Холст, пастель. 31,00x26,00
Справа на фоне над плечом подпись и дата: «G.W. Bardou fecit 1817».

А.Молинари (в России — 1806—1816), — обращались к пастели, используя ее не только для учебного и подготовительного рисунка, но и как самостоятельную технику. По определению В.Турчина, пастельный портрет этого времени рассматривается в нерасторжимом единстве с *«...портретом в малом виде»*, с графикой и акварелью. Характеризуя графическое искусство первой половины XIX в., исследователь отмечает тенденцию к смешению различных техник, стремление к колористическим эффектам, а также наличие черт дилетантизма, прежде всего, в акварели[17].

Определяя стилевую принадлежность произведений К.В. Барду, мы представляем его

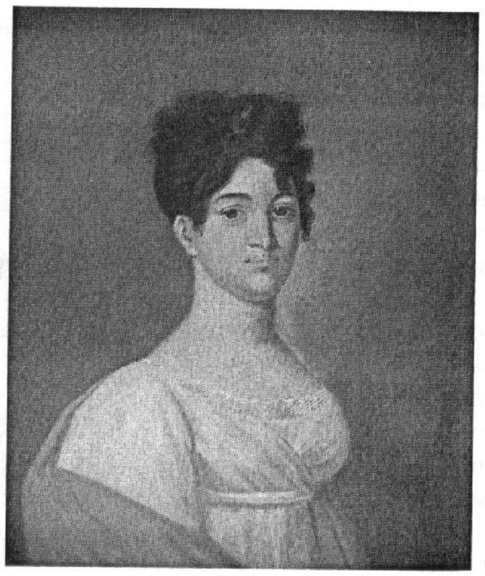
Портрет Екатерины Эммануиловны
Лазаревой. 1820.
Холст, пастель. 31,00 х 26,00
Слева на фоне у плеча подпись и дата:
«C.W. Bardou 1820».

Портрет Анны Лазаревны Лазаревой.
1810 –е годы.
Холст, пастель.

Портрет Елизаветы Иоакимовны (Екимовны)
Арапетовой, урожденной Лазаревой
(178?—1868). 1810-е годы.
Холст, пастель.

Портрет Екатерины Иоакимовны (Екимовны)
Бурнашовой.
Вторая половина 1810-х годов.
Холст, пастель. 31х26.

творчество более органичным в контексте стилистики сентиментализма. Тенденции сентиментализма в художественной жизни России конца XVIII — начала XIX вв. выразились *«в предпочтении камерных форм…поисках непринужденного и легкого, изящного и гибкого художественного языка, способного выразить более разнообразные и в первую очередь интимные стороны жизни и переживания человека»*[18]. Но творчество К.В.Барду на российской почве представляет не типичные образцы живописного сентиментализма, а скорее его сугубо индивидуальные, а иногда и провинциальные варианты[19]. Более того, сентиментализм К.В.Барду, в определенном смысле, словно растворился в семейном и усадебном быте России[20]. Его творчество более отвечало вкусам среднего и провинциального дворянства.

Именно поэтому произведения художника столь органично смотрятся в фамильной части усадебных портретных галерей. Портреты из Железников представителей родственных армянских родов (Лазаревых, Деляновых, Арапетовых, Сумбатовых, Абамелеков), исполненные во второй половине 1810-х гг., в данном случае не составляют исключение.

Пастели К.Барду из портретной галереи Железников были созданы в С-Петербурге и Москве, где жили их прототипы. В корпусе калужских пастелей художника представлены датированные, подписные портреты[21] и произведения с традиционной атрибуцией[22], в которых его манера работы пастелью, композиционные постановки и стилистические признаки достаточно хорошо узнаваемы[23].

По своим формальным признакам калужские пастели К.В. Барду представляют собой тип камерного поясного портрета, модель дается иногда фронтально, чаще в легком повороте головы или всей фигуры, фон, как правило, остается нейтральным. Изящным пастелям К.В.Барду в отдельных случаях присущи погрешности в рисунке, и стереотипные композиционные приемы. По определению А. Мюллер *«отмеченные большим вкусом и красивые по краскам пастели Барду страдают одинаково сбитым рисунком и однообразием в лицах. Лица на его портретах неправильны, вытянуты в ширину, скуласты»*[24]. Во многом соглашаясь с критическими замечаниями исследователя необходимо отметить, что в пастелях К.В. Барду второй половины 1810-х гг. особенно привлекает живое непосредственное восприятие натуры; стереотипность, сухость и манерность присуща работам художника 1820-х гг. В комплексе произведений К.В. Барду из железниковской коллекции выделяются те из них, которые замечательны личностями портретируемых. В таком случае сама модель во многом определяет единственно верный психологический строй произведения. В этом смысле, несомненно, удачным является портрет Анны Лазаревны Сумбатовой, урожденной Лазаревой. Единственная дочь главы лазаревского рода в России Лазаря Назаровича Лазарева (1700—1782), она выходит замуж за князя Ивана Григорьевича Сумбатова. Продолжительное время супруги живут в С-Петербурге, где служит ее муж. Здесь же, в С-Петербурге, в фамильной усыпальнице Лазаревых в церкви Армянского Смоленского кладбища они и были похоронены[25].

Калужским пастелям К. Барду присущи определенные типологические и художественно-стилистические характеристики. Портреты художника камерны, интимны, в них практически отсутствуют аксессуары. Лаконичное решение деталей позволяет пристально сосредоточиться на лице. Изображения даются крупным планом в неглубоком пространстве, модели максимально приближены к зрителю. Лицо становится психологической и живописной доминантой изображения: оно пишется по белому подмалевку голубыми тенями и розовыми светами с постепенными тональными переходами и легчайшими добавлениями желтой и коричневой красок. Художник нарочито выделяет лицо модели с помощью источника света, расположенного напротив. Фон, как правило, нейтральный, полностью покрыт красочным слоем более плотным, чем изображение. Художник, по возможности, стремится максимально соединить технические особенности пастели с эмоционально-психологической разработкой образа.

Живописная культура по-европейски самоценна, тема не легкомысленна, но и не дидактична, ощутима чуткость в передаче настроения персонажа — эти характеристики являются определяющими для калужских пастелей К. Барду. Портретное искусство К. Барду коренится в стилистике сентиментализма и романтизма и на нее как бы накладывается классицистическая структура, которая, в целом, кардинально не изменяет его творчество. В портретах Барду, по сложившейся европейской традиции, определена роль художника-творца, который, акцентируя свое личностное начало, все больше обращался к выражению индивидуальных психологических характеристик модели. Это работало на обогащение портретного образа, который, по сути, творили совместными усилиями художник и его модель. В связи с этим пастельный портрет К. Барду *«…является текстом, переведенным с речи на язык живописи»*[26]. В дальнейшем задачей исследователя и зрителя оказывается процесс обратного осознания живописного произведения как текста, а также оценка мастерства художника в соответствии с *«адекватностью обратного перевода»*[27]. Таким образом, пастельный портрет К.В. Барду в контексте российского художественного процесса конца XVIII—начала XIX вв. по своим стилистическим характеристикам приближается к

максимальному выражению личности — и художника, и модели, и зрителя. И, тем самым, в определенной мере, становится продуктом их совместного творчества.

Следовательно, художественный образ калужских пастелей Барду представляет собой достаточно сложную структуру с неоднозначными внутренними связями. Портреты созданы художником в период его рефлексии на европейскую сентименталистскую живопись. Здесь стилистика классического европейского сентиментализма соединяется с его российским «усадебным», бытовым вариантом. И в этом залог органичной адаптации портретного искусства Барду в российском художественном контексте. Подобное решение проблемы логично выводит нас на проблему взаимодействия и взаимовлияния европейской и русской художественных школ на примере комплексного анализа определенной художественной персоналии или персоналий. Но это уже предмет другого исследования.

Примечания

[1] Личенко С.И. Произведения иностранных художников, работавших в России, в собрании Калужского областного художественного музея // Обнинский краеведческий сборник. Обнинск, 1996. С. 77.

[2] Барду, Карл-Вильгельм. Bardou, Carl Wilhelm (1770-е гг.—не ранее 1842 г., Берлин). Работал в России с 1804 по 1827. Немецкий живописец, миниатюрист. Данные о К. Барду см.: Thieme U., Becher F. Allgemeines Lexikon der bildenden Kunstler von der Antike bis zum Gegenwart. Leipzig. 1907—1942. Bd. I—XXXV; Bd. II. S. 490; Saur J. Allgemeines Kunstler-Lexikon. Munchen—Leipzig, 1993.Bd. 7. S. 40—41; Биобиблиографический словарь (ББС). М., 1970. Т.1. С. 290—291 (с библиографией); Собрание картин 18—19 веков из Зарайского музея. Каталог. М., 1982; Горбачев Л.М. Пастельный портрет в России последней трети XVIII века. Диплом МГУ. 1985; Художник Карл-Вильгельм Барду в России. Каталог выставки. Музей В.А. Тропинина и московских художников его времени. Автор вступительной статьи и составитель И.М. Кацман. М., 1999.

[3] Личенко С.И. Старинные усадьбы Калужского края. Имение Железники. Калуга, 1993; ее же. Художественное собрание из имения Железники //Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 1997. С.122—126; ее же. Имение Железники — памятник истории и культуры Калужского края //Культура Российской провинции: век XX— XXI веку. Тез. докл. Всероссийской науч.-прак. конф. Калуга, 2000. С. 70—73; ее же. Имение Железники: история, художественная коллекция //Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы VIII Голицынских чтений. Часть I. Большие Вяземы, 2002. С. 131—140; ее же. Старинные усадьбы Калужского края как историко-культурное явление //Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Выпуск 3. Калуга, 2002. С. 102—114; ее же. Художественная коллекция из Железников как источник формирования музейного собрания// Художественные музеи России. Собиратели, хранители, реставраторы. 3 выпуск. СПб, 2005. С.119—127.

[4] Врангель Н. Иностранные художники в России //Старые годы. июль—сентябрь. 1910.

[5] Мюллер А.П. Иностранные живописцы и скульпторы в России. Л., 1925; Мюллер А.П. Быт иностранных художников в России. Л., 1927.

[6] Эттингер П.Д. Из биографии Александра Рослина// Среди коллекционеров. 1921. №8—9; Явгуновская-Белова Н.Е. Александр Рослин в России //Русская художественная культура XVIII века и иностранные мастера. Тез. докл. Всесоюзной науч. конф. молодых специалистов. М., 1982; Руднева Л., Ю.Жан Луи Вуаль и русская художественная культура последней трети XVIII века//Русская художественная культура XVIII века и иностранные мастера: Тез. докл. /Государственная Третьяковская галерея, Московский гос.ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1982. С.37; ее же: О творческом методе Ж.Л.Вуаля на рубеже 1780-1790-х гг. //Русское искусство Нового времени. М., 1997. С. 20—36; ее же: Ж. Л. Вуаль — французский художник в России (Реконструкция биографии)//Страницы художественного наследия России XVI— XX: Тр. Государственного Исторического музея. М., 1997. Вып. 89. С. 102—118.

[7] В настоящее время обнаружено около ста шестидесяти работ К.В. Барду в двадцати семи российских музеях и частных коллекциях. И.М. Кацман в комплекс произведений художника включает и работы, приписанные К.В. Барду или только упомянутые в литературе. См.: Художник Карл-Вильгельм Барду в России. Каталог выставки. Музей В.А.Тропинина и московских художников его времени. Автор вступительной статьи и составитель И.М. Кацман. М., 1999. С. 3.

[8] Дульский П.М. Карл Барду в Казани //Среди коллекционеров. 1923. №7—10. С. 14—20; Кацман И.М. Пастельные портреты К.В. Барду в собрании музея-усадьбы Мураново //Искусство. 1984. №4. С. 62—65.

[9] Художник Карл-Вильгельм Барду в России. Каталог выставки. Музей В.А. Тропинина и московских художников его времени. Автор вступительной статьи и составитель И.М. Кацман. М., 1999. К сожалению, каталог был создан после смерти его составителя и содержит ряд фактических ошибок в той его части, которая касается комплекса работ из Железников.

[10] Личенко С.И. Художественная коллекция из Железников как источник формирования музейного собрания// Художественные музеи России. Собиратели, хранители, реставраторы. 3 выпуск. СПб., 2005. с.119—127.

[11] Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. С.30, 31.

[12] Saur J. Allgemeines Kunstler-Lexikon. Muenchen—Leipzig, 1993.Bd. 7. S. 40—41.

[13] Портрет Александра Степановича Талызина в детстве. 1806. См.: Художник Карл-Вильгельм Барду в России. Каталог выставки. Музей В.А. Тропинина и московских художников его времени. Автор вступительной статьи и составитель И.М. Кацман. М, 1999. С.24. Инв.№ 4904.

[14] Портрет молодого человека. 1832. Там же…С.56; Собрание Ф.Д. Спринчука (С-Петербург); Материалы Пушкинской эпохи в собрании ленинградских коллекционеров. Каталог выставки. Л., 1970. С. 15. № 40. С. 16.

[15] Иоганн Барду (Johann Bardou), пастелист, живописец, гравер, ученик французского художника Н.Ле Сюэра, директора Королевской Академии художеств в Берлине. В 1775 г. И. Барду работал в Варшаве при дворе короля Августа Станислава Понятовского. С 1784 г. около десяти лет жил в России, сначала в Петербурге, затем в Москве. И. Барду — автор портретов Екатерины II, графа А.Д. Ланского, многих князей Голицыных, графа Н.И. Панина, генерала Н.А. Ермолова. См.: Thieme U., Becher F. Allgemeines Lexikon der bildenden Kunstler von der Antike bis zum Gegenwart. Leipzig. 1907—1942. Bd. I—XXXV; Bd. II. S. 490; Saur J. Allgemeines Kunstler-Lexikon. Muenchen—Leipzig, 1993.Bd. 7. S. 40—41; Биобиблиографический словарь (ББС). М., 1970. Т.1. С. 290—291 (с библиографией); Горбачев Л.М. Пастельный портрет в России последней трети XVIII века. Диплом МГУ. 1985.

[16] Такие известные издания, как энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона и Berliner Portreisten, называют К. Барду автором «множества портретов лиц придворного общества Екатерины II», что не соответствует действительности, так как придворных Екатерины II портретировал Иоганн Барду. См.: Брокгауз, Эфрон. Энциклопедический словарь. Биографии. М., 1991.Т.1. С. 579; Glaser K. Berliner Portreisten 1820—1850. Berlin, 1980.

[17] Турчин В.С. Эпоха романтизма в России. М., 1981.

[18] Алексеева Т.В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже 18—19 веков. М., 1975. С.51.

[19] Показательным в этом смысле является казанский период творчества К.В. Барду. См.: Дульский П.М. Карл Барду в Казани //Среди коллекционеров. 1923. №7—10. С. 14—20.

[20] Кацман И.М. Пастельные портреты К.В. Барду в собрании музея-усадьбы Мураново //Искусство. 1984. №4. С. 62—65.

[21] Ж-93. Портрет княгини Марфы Иоакимовны (Екимовны) Абамелек. 1817. Холст, пастель. 30,5х26. Справа у плеча на середине фона подпись и дата: G.W. Bardou fecit 1817; Ж-95. Портрет Марии Иоакимовны (Екимовны) Деляновой. 1818. Холст, пастель. Справа над плечом на фоне подпись и дата: «G.W. Bardou 1818/1»; Ж-92. Портрет Ивана Ивановича Арапетова. 1818.Холст, пастель. Справа над плечом на фоне подпись и дата: «G.W. Bardou 1818»; Ж-96. Портрет Ивана Иоакимовича (Екимовича) Лазарева (1786-1858). 1817.Холст, пастель. 31,00х26,00. Справа на фоне над плечом подпись и дата: «G.W. Bardou fecit 1817»; Ж-97. Портрет Екатерины Эммануиловны Лазаревой. 1820. Холст, пастель. 31,00 х 26,00. Слева на фоне у плеча подпись и дата: «C.W. Bardou 1820».

[22] Ж-94. Портрет Анны Лазаревны Лазаревой. 1810–е гг. Холст, пастель; Ж-25. Портрет Елизаветы Иоакимовны (Екимовны) Арапетовой, урожденной Лазаревой (178?—1868). 1810-е гг: Холст, пастель; Ж-98. Портрет Екатерины Иоакимовны (Екимовны) Бурнашовой. Вторая половина 1810-х гг: Холст, пастель. 31х26.

[23] См.: Бурцева Э.М. Характерные особенности почерка К.В. Барду-портретиста //Художник Карл-Вильгельм Барду в России. Каталог выставки. М., 1999. С. 17—18.

[24] Мюллер А.П. Быт иностранных художников в России. Л., 1927. С. 121.

[25] Подробнее о роде Лазаревых в России см.: Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых. М., 1982.

[26] Вдовин Г. Портретное изображение и общество в России XVIII века. Несколько текстов о функции замещения //Вопросы искусствознания. 1994. №2—3. С. 264.

[27] Вдовин Г. Портретное изображение…С. 264.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КОЛЛЕКЦИИ В.А. И Е.П. ЯРОШЕНКО ИЗ УСАДЬБЫ ПАВЛИЩЕВО

***И.В. Гужова**, н.с., Калужский областной художественный музей*

Усадьба Павлищево, современное название Павлищев Бор, — одна из самых известных усадеб Калужской области. Этой усадьбе посвящено довольно много литературы, в которой рассматриваются различные аспекты ее истории[1]. В имении находилась ценная коллекция произведений русской и западноевропейской живописи, в том числе и картины самого Н.А.Ярошенко. В изучении истории этой усадьбы до сих пор остается несколько невыясненных вопросов, и один из них — это вопрос реконструкции художественного собрания. Произведения искусства

и книги из имения в 1919—20 гг. были вывезены в Москву и в Калугу и распределены по различным музеям; таким образом собрание оказалось разрозненным. Для выяснения его состава и характера необходимо проследить вывоз художественных ценностей из этой усадьбы на основе исторических документов.

История усадьбы в послереволюционные годы сложилась бы более драматично, если бы не имя знаменитого художника, которое в годы революции фактически обеспечило имению охрану государства. Для всех образованных людей России того времени это имение представляло ценность именно благодаря имени самого Н.А. Ярошенко, которого считали, как это видно из документов, владельцем этого имения. Подлинных владельцев имения, которых на момент революции в усадьбе не было, знали лишь местные крестьяне и уездные власти. Поэтому уже в декабре 1918 г. представители Наркомпроса были обеспокоены обеспечением сохранности усадьбы и находившихся там художественных ценностей. Когда до Москвы стали доходить вести о попытках расхищения имущества усадьбы, то были предприняты меры по обеспечению ее сохранности: *«коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса поручает исполкому охрану имения бывшего знаменитого художника Ярошенко и возлагает ответственность на местные советские власти за целостность охраны до приезда нашего комиссара. Никакие изъятия вещей без ведома коллегии не могут быть произведены»*. Эта телеграмма от 12 декабря 1918 г. была подписана Троцкой, председателем коллегии Наркомпроса[2]. В тот же день была получена другая телеграмма, подписанная представителем Наркомзема М. Котиным: *«прекратить распродажу и расхищение в имении Ярошенко инвентарь как ценный и культурный материал»**[3]. В конце декабря 1918 г. имение посетил эмиссар Наркомпроса Любошинский, он нашел его состояние удовлетворительным, о чем доложил на заседании подотдела охраны памятников искусства и старины в провинции 2 января 1919 г. [4]. Имение в 1918–19 гг. было обследовано В.Н. Левандовским и включено в список усадеб Калужской губернии, в которых находились художественные и исторические ценности[5]. На их перевозку губмузеем** было затребовано 12000 рублей[6].

Вывоз художественных ценностей из имения осуществлялся сотрудниками Наркомпроса и Калужского губмузея. По данным Л. Ивановой, в Москву были вывезены 6 июля 1919 г. В.В. Паушуканисом и сданы картины и 25 книг из собрания Ярошенко в Румянцевский музей [7]. М.В. Зверевой на основании изучения документов ОПИ ГИМ удалось установить, что две картины и шесть индийских портретных миниатюр из собрания Ярошенко были вывезены в Москву в августе—сентябре 1919 г. и сданы в различные хранилища Национального музейного фонда[8]. Настоящее их местонахождение неизвестно.

Калужский губмузей вывез в Калугу несколько подвод с ящиками с картинами и другими ценными предметами из коллекции Ярошенко. Эти ящики в 1920 г. поступили в Калужское отделение музейного фонда, которое тогда находилось в здании художественного музея, а оттуда распределялись по калужским музеям. В собрание художественного музея в 1920 г., по данным инвентарной книги музея за 1938—45 гг., поступило 11 произведений из этой усадьбы[9]. В составе фонда губмузея, который сохранился в научном архиве КОХМ, была найдена ранее неизвестная опись произведений, вывезенных из усадьбы Павлищево[10]. Она имеет название: «Картины из имения Н.А. Ярошенко». Это еще раз доказывает, что владельцем имения считали самого художника. В описи картины и книги перечислены так, как они перевозились, будучи упакованными в ящики:

«Ящик № 1.
1. Дочь целует уснувшую мать. Раб. неизв. худ.
2. Кладбище (раб. худ Д. Мартена)
Ящик № 2.
Голова итальянки (раб. худ Флавицкого?)
Горная речка (раб. неизв. худ).

*Тест телеграммы дается с сохранением орфографии оригинала.

**Сокращенное название Калужского губернского комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы.

3 и 4) 2 южных пейзажа
«На реке Сот» (раб. худ. Н.Дубовского).
Ящик № 3.
1. 5 этюдов Швейцарии
2. Девочка в голубом платье.
3. Гуси. Этюд А. Маковского
4. Этюд ита раб. А. Маковского
5. Горные вершины худ Г. Мясоедова (этюд)
6. Голова старика в профиль (этюд н.х.)
7. Портрет художника N. (раб. Ярошенко)
8. Голова старика. Этюд неизвестного художника
9. Голова старика. Неизвестный художник
Ящик № 4.
Этюд старика раб. худ Ярошенко
Картина «Апостол Петр» (раб. н. х)
Ящик № 5.
Фотографии и репродукции с картин мастеров (на больших картонах) 122 шт.
Венская галерея. 96 шт.
Рим. 14 репродукций
Архитектура Рима 18 в. (2 альбома с гравюрами по 68 л. в альбоме)
Архитектура Египта (1 альбом, с 24 фототипии)
5 альбомов «Фрески Помпеи», литографированные в красках».

Произведения живописи передавали в художественный музей партиями по несколько работ, поэтому возникла такая значительная разница между инвентарными номерами картин, упакованных в одном ящике, и был утрачен источник происхождения почти всех произведений, кроме картин Дж. Бранди и Н.А. Ярошенко. В четырех ящиках были упакованы 11 картин и 11 этюдов, из них 13 работ были переданы в художественный музей. На сегодняшний день в собрании музея находятся 11 произведений. Это следующие произведения, из тех, которые были указанны в данной описи: картины Л. Галле «Мать и дочь» (Ж-22), Д. Я. Мартена «Северное кладбище в лунную ночь» (Ж-164), «Итальянка» К.Д. Флавицкого (Ж-116), этюд «Горная речка» Н.А. Ярошенко (Ж- 90), этюд «Гуси» А.В. Маковского (Ж-14).

Название указанного в третьем ящике под № 4 этюда Маковского не дописано, но первые буквы «ита» все же дают основание предполагать, что имеется в виду этюд «ита(льянки)» В.Е. Маковского, получивший в музее название «Этюд головы итальянки» 1889 г. (Ж-91). *«Голова старика в профиль (этюд н.х.)»*. Имеется в виду этюд неизвестного русского художника второй половины XIX в. «Голова старика» (Ж-179). *«Голова старика. Этюд неизвестного художника»* — этот этюд неизвестного русского художника второй половины XIX в., получил в музее название «Проситель» (Ж-128). *«Голова старика». Неизвестный художник»* — это был этюд неизвестного русского художника (старый номер 166/362а), который списали в августе 1937 г. как работу, «не представляющую художественной ценности, т.к. это сырая эскизная работа»[11]. *«Этюд старика раб. худ Ярошенко»*. Имеется в виду картина Н.А. Ярошенко «Старик-пастух», утраченная во время оккупации Калуги (старый номер 79/347)[12]. Указанные под №3 *два южных пейзажа* (школа или авторы не указаны) упоминаются в документах музея под № 26 и № 139. В октябре 1922 г. они были переданы в калужский театр[13]. Они были использованы для украшения помещений театра. Вероятно, они погибли во время пожара театра во время оккупации Калуги в январе 1942 г. *«Портрет художника N»* работы Н.А. Ярошенко в документах музея не встречается. Возможно, под этим названием в музей поступил портрет В.А. Ярошенко, брата художника, пока не была установлена личность изображенного лица.

Пейзаж Н.Н. Дубовского «На реке Сот», пять этюдов Швейцарии (школа или авторы не указаны), портрет девочки в голубом платье неизвестного художника и этюд Г.Г. Мясоедова «Горные вершины» — эти произведения, видимо, в художественный музей не поступали, так как в сохранившихся документах за ранние годы произведения с близкими названиями не упомянуты.

Кроме картин в художественный музей были переданы некоторые альбомы с репродукциями

из усадебной библиотеки, которые были упакованы в ящик № 5. Некоторые из них сохранились в составе фонда научной библиотеки музея.

1. *Фотографии и репродукции с картин мастеров на больших картонах. 122 шт.* Сохранилось 37 фотографий с произведений монументальной и станковой живописи западноевропейских художников, часть из них наклеена на картон. Они собраны в два альбома с инвентарными номерами № 27 и № 28. Некоторые фотографии имеют надписи карандашом, сделанные владельцами на итальянском языке. 2. *«Венская галерея». 96 шт.* Это альбом репродукций с произведений из собрания Императорской королевской галереи в Вене. Из них сохранилось 62 репродукции в удовлетворительном состоянии (инв. № 111). Вышеперечисленные репродукции входили с состав фонда, называемого «Кабинетом истории искусств». 3. *«Рим». 14 репродукций.* Неопределенность названия и этого альбома не позволяет его идентифицировать среди имеющихся в документах альбомов с репродукциями. 4.*«Архитектура Рима». XVIII в. 2 альбома с гравюрами по 68 л. в альбоме.* По документам музея альбомы с таким названием не прослеживаются, но в библиотеке сохранились 15 разрозненных гелиогравюр с текстами с известных памятников Рима, которые являются остатками листов неизвестного альбома по архитектуре Рима. На одном из листов стоит автограф В.Н.Левандовского. 5. *«Архитектура Египта». 1 альбом с 24 фототипиями.* Это альбом «Египет» Г.Г. Ролинсона, изданный в Берлине, сохранился полностью, в хорошем состоянии (инв. № 8). В него входят 24 фототипии с фотографий 1893 г. с наиболее известных памятников Древнего Египта, фотографии имеют сопроводительные тексты на английском языке. 6. *5 альбомов «Фрески Помпеи», литографированные в красках.* Видимо, имеются в виду альбомы с цветными репродукциями и комментариями к ним с фресок Помпеи, изданные Рошеттом в Париже в 1845—1853 гг. под названием «Выбор картин Помпеи» («Choix de printures de Pompei»). Сохранившиеся литографии собраны в один том (инв. № 42).

Зная интерес супругов Ярошенко к искусству Помпеи (одна из комнат в их усадебном доме в Степановском была расписана в помпейском стиле)[14], еще несколько альбомов можно отнести к их коллекции, так как источник происхождения книг и альбомов в инвентарных книгах библиотеки нигде не указан, а вывезено могло быть гораздо больше, чем нам известно, учитывая плохую сохранность документов.

Куда поступили другие картины и этюды из собрания В.А. и Е.П. Ярошенко пока установить не удалось. Сохранившаяся опись произведений, вывезенных из имения Степановское, позволяет восстановить состав коллекции В.А. и Е.П. Ярошенко и дополнить уже ранее известный список произведений, поступивших в собрание художественного музея из этой усадьбы. Собранные здесь данные о коллекции В.А. и Е.П. Ярошенко являются первым этапом в реконструкции этого разрозненного собрания.

Примечания

[1] Пушкарева Т.И. Пребывание художника Н.А. Ярошенко в имении Степановское — Павлищево и круг работ, связанных с этим периодом творчества. //Калужские пенаты. Материалы музейных науч.-прак. конф. Вып. 1. Калуга, 1983. С. 18—20; Чекалов Ю.В. Усадьба Ярошенко «Павлищев Бор». Калуга: изд-во «Гриф», 1999; Кривов С.И. Степановское — Павлищев Бор. Судьба усадьбы и последних ее владельцев // Тез. VI Международных чтений, посвященных братьям Киреевским. Калуга, 2006. С. 256—259.

[2] Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО). Ф. Р-1572. Оп. 2. Д. 4. Л. 656.

[3] ГАКО. Ф. Р-1572. Оп. 2. Д. 4. Л. 657.

[4] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 19. Л. 50. Протокол № 24 параграф 4 от 02.01.1919.

[5] ГАКО. Ф. Р-2878. Оп. 3. Д. 1в. Л.101; Ф. Р-32. Оп. 2. Д. 7. Л. 47.

[6] Научный архив Калужского областного художественного архива (далее — Архив КОХМ). Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

[7] Иванова Л. Вывоз из усадеб художественных ценностей (по архивным материалам)//Памятники отечества. 1992. № 25. С. 72.

[8] Зверева М.В. Вывоз из усадеб художественных ценностей в постреволюционный период (на материалах Калужской губернии)//Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XI Всероссийской науч. конф. Калуга, 2005. С. 218—221.

[9] Архив КОХМ. Оп. 2. Инвентарная книга живописи и графики за 1938—45 гг. №№ 79/347,78/303, 80/307, 81/305, 82/306, 83/19, 84/308, 133/304, 198/362, 201/344, 207/311.

[10] Архив КОХМ. Оп.1. Д. 2. Л. 113.

[11] Там же. Оп. 1 Д. 14. Л. 25, № 13.

[12] Там же. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.

[13] Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 36. Акт от 09.10. 1922 г.

[14] Чекалов Ю.В. Указ. Соч. С. 5.

ВОСКОВЫЕ ФИГУРКИ ИЗ ПОЛОТНЯНОГО ЗАВОДА. К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ

***Н.В. Марченко**, заслуженный работник культуры РФ, директор, Калужский областной художественный музей*

Артефакты Полотняного Завода отличаются большим видовым составом и характеризуют материальный мир дворянской усадьбы за весь период ее существования. Информация, которую мы можем получить путем систематического изучения фонда Гончаровых, дает возможность уточнить историю происхождения и бытования предметов, выяснить имена создателей и, в результате, обогатить наши знания о хранимых в музеях предметах из Полотняного Завода. Сегодня, завершая изучение определенной группы источников, которые обобщенно можно назвать «материальные книги усадьбы», я прихожу к выводу о том, что коллекция Полотняного Завода при всей ярко выраженной стилистической типичности предметов является уникальной. Уникальность обусловлена эндемическим характером происхождения вещей.

Крепостной оркестр Гончаровых (Восковая группа).
(Воспроизведено из Средин А. Полотняный Завод // Старые годы. М., 1910. С. 80—114).

В ряду предметов, происходящих из усадьбы Полотняный Завод, восковые фигурки, изображающие крепостной оркестр, являются подлинным раритетом. Предмет поступил из Полотняного Завода в Губмузей в 1921г.[1] и хранился в Губернском историческом, а затем в краеведческом музее до 24 февраля 1960 г.[2], когда был передан в создаваемый в то время в Москве Государственный музей А.С. Пушкина. В настоящее время восковая композиция находится в собрании этого музея и экспонируется в музее-квартире А.С. Пушкина на Арбате в разделе, посвященном воспитанию детей Н.А. Гончарова в начале XIX в. Материал, из которого изготовлены фигурки, очень хрупкий. Предметы из воска в музейных коллекциях единичны. Аналоги подобных композиций в собраниях других музеев нам неизвестны[3].

Первая публикация о восковых фигурах содержится в статье А. Средина «Полотняный Завод»[4]. Описывая жизнь в усадьбе в девяностые годы XVIII столетия, автор приводит восковые группы в качестве материальных свидетельств двух видов усадебных развлечений Гончаровых: оркестра и охоты. Приведем слова Средина: *«В доме находилась небольшая группа, сделанная из воска, которая изображает весь крепостной оркестр Гончаровых. Музыканты одеты в костюмы 90-х годов XVIII века; за клавикордами сидит, по-видимому,*

сама Надежда Платоновна; она в белом платье и в пудре. Кафтаны на музыкантах разноцветные, большею частью зеленые и коричневые; все детали выполнены очень искусно, кончая кружевами жабо и бретельками у жилетов. Несмотря на видимое разрушение, кажется, можно прислушаться к свирельным звукам маленького оркестра; так живо они воспроизводят былые времена». И другое: *«В Полотняном Заводе до последних лет сохранялась также восковая группа гончаровской охоты. Маленькие вандалы из семьи Гончаровых находили особое удовольствие в том, что сокрушали ее постепенно мячиками. Теперь она находится в плачевном состоянии; все же сохранились фигуры егерей, одетых в ярко красные и зеленые мундиры и высокие бараньи шапки, кое-где еще можно угадать искусно сделанных породистых лошадей и собак».* Итак, Средин пишет о двух композициях, одна из которых — «оркестр» — была в хорошем состоянии, впоследствии попала в музейный фонд и существует ныне. Другая — «охота», находилась во фрагментарном состоянии и канула в лету.

В данной статье мы осветим вопрос создания восковых композиций, принадлежащих семье Гончаровых, в историческом контексте и осветим также вопрос о назначении данных предметов.

После смерти Афанасия Абрамовича Гончарова и его сына Николая Афанасьевича во владение майоратом вступил Афанасий Николаевич Гончаров, внук Афанасия Абрамовича. Все характеристики этого человека, с какими мы встречаемся в литературе, нелестны. Как правило, внука-мота противопоставляют дедушке — рачительному хозяину. А между тем принадлежность к дворянскому сословию диктовала необходимость соблюдения определенных канонов в укладе жизни и поведении. И тот и другой старательно следовали этим канонам. Может, даже более старательно, чем представители родовой русской аристократии. Более того, внук унаследовал от деда такие черты, как решительность, настойчивость в достижении цели, которые ярко проявились в его деятельности по реконструкции усадьбы.

Мы уже писали о том, что в результате изменения социального статуса Афанасия Абрамовича Гончарова произошла метаморфоза территории с промышленным комплексом в дворянскую усадьбу[5]. Изменения коснулись разных сторон: и планировки усадьбы, и архитектуры построек, и внутреннего оформления, и бытовой атмосферы. В результате сложился усадебный ансамбль Полотняного Завода с обязательными элементами: садом, прудом, оранжереей, в соответствии со стилевыми установками середины XVIII в. В 1747 г. А.А.Гончаров завел у себя оранжерею, в которой в грунте и в ящиках выращивали персики, миндаль, абрикосы, французские белые сливы, французские груши, вишни, гранаты, лимоны, апельсины, росли кофейные и лавровые деревья, множество экзотических цветов; были настелены полы, стояли скамейки, а окна закрывались ставнями.

В 1764 и 1770 гг. А.А. Гончаров перестроил дом: нарастил объемы с восточной сторон, выступающие крылья были превращены в ризалиты, устроены деревянная лестница и балкон. Отделка дома также началась при Афанасии Абрамовиче: комнаты украшались изразцовыми печами, портретами, хрустальными паникадильницами. Дом постепенно заполнялся предметами роскоши, менялся быт и образ жизни, пришла привычка приобретать «самое лучшее».

Работы по обустройству дома и садов продолжались до последних дней Афанасия Абрамовича. Так, в 1783 г. в Красном саду переделывали фонтан, в палатах работали живописцы. А.А. Гончаров завел музыкантов, сшил им кафтаны, переплел певчие и музыкантские книги[6]. После смерти Афанасия Абрамовича, последовавшей 20 января 1784 года, работы продолжались в Красном саду, где у палаты работали каменщики и поденщики, ставили столы и бильярды. В 1784 году мы впервые встречаем записи об элементах отделки в китайском стиле: среди покупок числятся завесы и атлас китайские[7].

С 1785 г., когда Афанасий Николаевич вступил во владение майоратом, начались широкомасштабные работы по преобразованию усадьбы и дома. Они осуществлялись под руководством архитектора Ферапонта Яковлева[8]. В красном саду делали китайский домик[9]. В 1793 году установили статуи[10]. 10 июня 1789 г. А.Н. Гончаров принял в должность садовника немца Иогана Фридриха для смотрения над «ранжереями», парниками, теплицами, а также разводить английские и голландские сады, делать партеры и каскады[11]. Первым актом по созданию в роще английского парка стало устройство зверинца, который по заданной модели подрядился сделать крестьянин села Костина графини Дарьи Салтыковой Василий

Афанасьев[12]. В 1786 г. были перестроены конюшня и каретный сарай, который находился на конюшне[13]. В 1792 г. подрядчик, калужский купец Сергей Никифорович Теренин, перекрыл каменный манеж и подбил потолок тесом[14]. Тогда же Гончаров нанял берейтора англичанина Василия Иванова, William X-Fox[15].

В 1785 г. началась перестройка палат. В течение 1785—1787 гг. в палатах ломали стену, своды, крышу, клали стену, крыли крышу, делали слухи[16]. Характер работ указывает на то, что дом нарастили вверх. В палатах появились нижний этаж, бельэтаж или средний этаж и антресоли. В среднем этаже устроены большая гостиная, кабинет барина, уборная, картинная, столовая, диванная, бильярдная[17]. Существенные изменения претерпел и западный фасад, где сделали крыльцо и балкон, опирающийся на колонны[18]. 11 июня 1787 г. в доме совершили молебен и освящение. В 1787 г. в комнатах среднего этажа и антресолях проводились отделочные работы: штукатурили и расписывали, тянули карнизы, клали печи, в том числе — калужские[19]. В 1791 г. А.Н. Гончаров заключил контракт с Петром Александровичем Федосеевым на отделку 14 комнат среднего этажа лепниной и росписью в соответствии с архитектурным проектом[20].

Одновременно в обновленный дом изготовляли новую мебель: столы и столики, в том числе ломберные, шкафы, диваны и стулья, трюмо и рамы[21]. Мебель изготовлялась в соответствии с отделкой комнат, в которую она предназначалась[22] по рисункам архитектора Алексея Никитовича Бакерева[23] из мастерской Матвея Федоровича Казакова[24]. По его же проектам были изготовлены десюдепорты, с ним согласовывали покупку жерондолей[25]. Основные работы в палатах продолжались включительно по 1793 г.

Как и при Афанасии Абрамовиче дом наполнялся предметами роскоши. Афанасий Николаевич велит своим приказчикам покупать *«самое хорошее»*[26]. Среди вещей, купленных для украшения дома, мы встречаем и восковые фигурки. Московский приказчик А.Н. Гончарова Алексей Хлебников пишет хозяину 27 марта 1793 г., что получил две фигурки парами в санках за стеклами, которые вместе с прежними двумя фигурками тройками самим мастером в один ящик уставлены и за присмотром Семки Гусара посланы на Заводы. Мастеру заплачено 25 рублей[27]. 31 марта фигурки прибыли в Полотняный Завод в плачевном состоянии: все переломаны, курьер с кибиткой вдребезги, что поправить нельзя, только санки остались целы. Гончаров пишет Хлебникову, что две фигурки с нуждою собрали, но не в том виде как им должно быть, и посылает к мастеру сказать, что тот виноват, дурно уложил. Велит также заказать еще две фигурки *«какие-нибудь хорошенькие»* для двух столов, уведомить о цене и прислать по просуху хорошей дорогою[28]. Мастер за собой вины не признал, сказал, что дурно везли, в дороге опрокидывались сани и винить надо извозчика. Заказ принял и предложил изготовить следующие три штуки: *«первая как катаются сидящие мужчина с женщиной в одних модных нарядных санях с парою лошадей, с двумя верховых гусар, назади арап с слугою, цена с прочих 60 рублей»*, а Гончарову уступает за 45; *«вторая штука карета с четверкою лошадей, с прочих 40 рублей»*, а с Гончарова просит 30 рублей; *«третья охота 12 вершников с рогами, две заводные лошади и 28 собак в виде полной полевой охоты, с прочих 100 рублей»*, а с Гончарова берет 80. Сам по просыху берется отвезти и попорченное на месте исправить[29]. А.Н. Гончаров в ответе от 18 апреля заказал все три композиции с условием, *«чтобы за туже цену и не требуя никакой прибавки, по просуху сам с ними приехал и попорченные штуки в первый их вид привел, исправил, чтоб уже то мне ничего не стоило»*[30]. В мае восковых дел мастер получил задаток 35 рублей[31], но до конца июля заказ не выполнил, остановка была за живописцем, который должен был расписать собак[32]. В августе мастер находился в Полотняном Заводе. В счет договорной суммы ему заплатили 5 рублей[33]. Также выяснилось, что *«для восковых фигур по счету Михайла Дронова куплено в Калуге терпетину веницейского..., бакану тож* (т.е. веницейского — *Н.М.*) *3 золотника, кинавари 8 золотников, шефервасу ...»*[34]. В тоже время 19 августа Гончаров пишет Хлебникову, что получил копию условия воскового фигурщика Федора Иванова и велит доплатить ему 70 рублей и отдать эти деньги в Москве его жене Анне Даниловне, что приказчик и сделал[35]. 4 сентября восковой мастер был отправлен после полного расчета в Москву[36]. Итак, уникального восковых фигур мастера звали Федор Иванов[37], а рассказал о нем или познакомил с ним Гончарова один из музыкантов его оркестра[38].

Нам не известно, какие фигурки мастер привез в усадьбу. С уверенность можно сказать о

том, что композиция «охота» была изготовлена и привезена. В документах не упоминается композиция «оркестр», но эта восковая группа, как мы знаем, находилась в Полотняном Заводе. Когда же она была изготовлена? Мы предполагаем, что «оркестр» был изготовлен также летом 1793 г., возможно, даже в Полотняном Заводе. Во-первых, как мы видим, возникли новые условия и мастеру доплатили 70 рублей. Это стоимость многофигурной композиции. «Охота» стоила 80 рублей. Во-вторых, нам известно, что для восковых фигур в Калуге были куплены материалы. Упомянутый «терпентин» — это скипидар, который применялся для растворения и получения красок, в том числе красок на основе воска. Такие краски были очень прочны: при оплавлении восковой фигуры они глубоко проникали в слой воска, образуя с ним монолит.

Тема «оркестр» была актуальной для усадьбы того периода. Федор Иванов был знаком с одним из музыкантов, то есть для него это знакомая среда и, возможно, круг общения. Оркестр под управлением капельмейстера Ивана Игнатьевича[39], который был нанят Гончаровым в 1790 г.[40] и прослужил до 1793 г.[41], постоянно в работе, его посылают то в Москву, то в Доманово[42]. Нот и инструментов у Гончарова было *«не на малую сумму»*[43], да и весом тоже не малым (например, 5 февраля музыканты с инструментами были отправлены в Москву на 11 подводах весом 165 пудов[44]). 25 июля Гончаров отправил Хлебникова с письмом в лавку к господину Щохизу и велел получить у него клавикорды со струнами и прислать их на Полотняный при первом случае[45]. Поскольку почта и посылки между Полотняным Заводом и Москвой курсировали регулярно, мы можем предположить, что клавикорды прибыли в усадьбу в августе и, может быть, в те дни, когда там был Федор Иванов. И, конечно, новый музыкальный инструмент был в центре внимания и занял свое место в оркестре. Все это говорит о том, что тема «оркестр» могла возникнуть в это время, а идея могла принадлежать как Иванову, так и Гончарову. И, возможно, именно эта композиция действительно проиллюстрировала одну из сторон жизни в усадьбе Полотняный Завод.

Вместе с тем, копия условия была послана Хлебниковым Гончарову из Москвы на Заводы, когда мастер Иванов находился уже в Полотняном. Это означает, что договоренность о новой композиции состоялась до приезда Иванова в усадьбу. Хотя это обстоятельство не отметает предположения о том, что реально существующий крепостной оркестр Гончарова навеял сюжет восковой композиции.

Таким образом, мы выяснили, что восковые фигуры были сделаны летом 1793 г. в Москве. Автором-изготовителем восковых композиций был мастер Федор Иванов. Сюжеты не имели отношение к быту гончаровской усадьбы, но являлись отражением типичных бытовых картин того времени. Исключение, по нашему мнению, может составлять композиции «оркестр», в которой мастер мог воспроизвести реальный оркестр А.Н. Гончарова по его просьбе или по собственной инициативе. Восковая группа «оркестр» могла быть изготовлена в Полотняном Заводе, на что красноречиво указывает факт приобретения материалов, применяемых в производстве восковых фигур.

В свое время они также являлись редкими диковинными предметами и стоили не дешево. Для сравнения скажем, что за устройство зверинца Василию Афанасьеву заплатили 77 рублей, а стоимость всех работ по отделке 14 комнат среднего этажа согласно контракту с Петром. Федосеевым составляла 1000 рублей. Данные предметы предназначались для украшения интерьера и были приобретены А.Н. Гончаровым в период отделки дома, которая осуществлялась по проекту А.Н. Бакерева. Восковые композиции были выставлены на столиках в одной из комнат среднего этажа.

Примечания

[1] ГАКО. Ф. Р-26. Оп.1. Д.147. Л. 103 об.
[2] ГАКО. Ф. 2878. Оп.3. Д. 260. Л. 1,4.
[3] Мы будем благодарны за любую информацию о подобных предметах.
[4] Средин А. Полотняный Завод // Старые годы. VI—IX. М., 1910. С. 80—114.
[5] Марченко Н.В. К вопросу о генезисе дворянской усадьбы Полотняный Завод // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2003. С. 462.
[6] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1152. Л. 153, 158, 182.
[7] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1226. Л. 171, 206.
[8] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1269. Л. 264.

[9] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1269. Л. 166,167
[10] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1431. Л. 161.
[11] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1364. Л. 7.
[12] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1421. Л. 12.
[13] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1269. Л. 194.
[14] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1421. Л. 17.
[15] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1269. Л. 14.
[16] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1242. Л. 44; Д. 1254. Л. 2,6,8; д. 1269, 166,185,189,190.
[17] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1269. Л. 198, 200; д.1390. Л. 130; д. 1421. Л.11,9.
[18] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1310. Л. 158.
[19] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1310. Л. 158, 200.
[20] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1421. Л. 9.
[21] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1270. Л. 87,94.
[22] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1421. Л. 11.
[23] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1421. Л. 11; Д.1431. Л.238.
[24] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1435. Л. 17.
[25] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1434. Л. 212,220.
[26] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1421. Л. 245.
[27] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1434. Л. 125.
[28] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1434. Л. 126.
[29] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1434. Л. 159.
[30] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1434. Л. 166.
[31] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1434. Л. 211.
[32] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1435. Л. 21.
[33] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1431. Л. 213.
[34] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1431. Л. 220.
[35] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1435. Л. 61.
[36] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1435. Л. 62 об.
[37] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1435. Л. 213.
[38] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1434. Л. 126.
[39] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1390. Л. 161.
[40] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1371. Л. 296.
[41] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1434. Л. 169.
[42] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1364. Л. 10.
[43] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1434. Л. 169.
[44] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1431. Л. 230.
[45] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1435. Л. 20.

К ИСТОРИИ ПАРКОВ ПОЛОТНЯНОГО ЗАВОДА

***Н.В. Марченко**, заслуженный работник культуры РФ,*
директор, Калужский областной художественный музей

Тема парков в Полотняном Заводе всегда привлекала к себе внимание исследователей. Наиболее полно эту тему осветил О.И.Любченко, который использовал ряд архивных документов из фондов РГАДА и ГАКО. В статье «Парки в Полотняном Заводе»[1] автор описывает четыре парка: Красный сад, Английский сад, Зарецкий, или Нижний, и маленький английский сад. О.И.Любченко затрагивает вопросы создания парков, их локализации, архитектуры, стилистики и содержания. Основная часть статьи посвящена созданию английского парка, который автор считал *«подлинной жемчужиной Полотняного Завода»*. Вместе с тем Любченко понимал, что данная тема не исчерпана и остается много открытых вопросов. Прежде всего, это вопросы создания парков, их количества, локализации и назначения.

В данной статье мы постараемся осветить поставленные вопросы на основе анализа целого корпуса документов из фонда Гончаровых в РГАДА и документов КОКМ.

Авторы, затрагивающие тему парков, едины во мнении, что их было несколько. Называют «Красный сад», «Нижний», «водяной», «Большой сад», «Зарецкий», «Английский сад». Какие же парки были устроены в Полотняном Заводе? В хозяйственных книгах Полотняного Завода

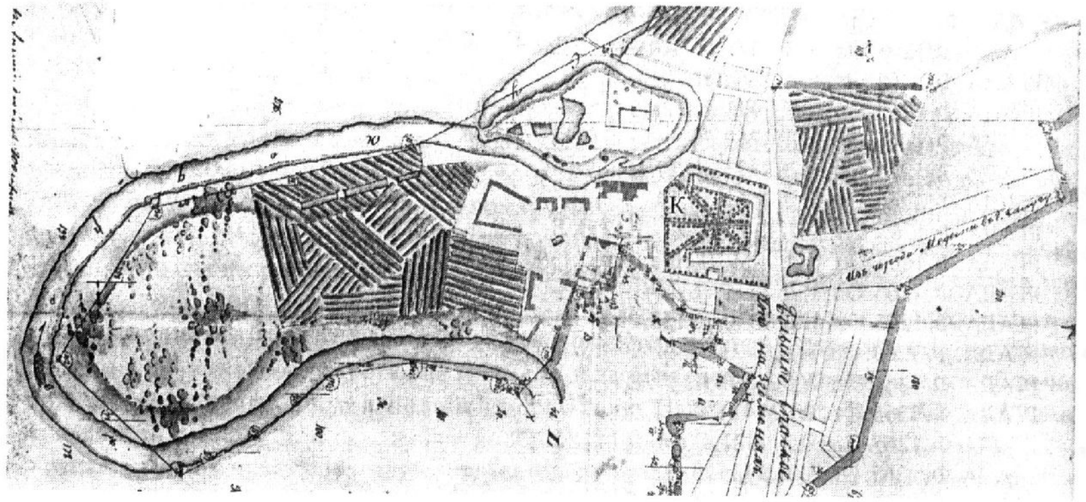

Рис. 1. Фрагмент Геометрического специального плана Большой части Полотняного Завода 1767 г. На плане буквой «К» нами отмечен Красный сад .

XVIII—XIX вв. встречаются следующие названия: *«Большой сад», «Красный сад», «Нижний сад», «Зарецкий сад», «Дальний сад», «Английский сад», «Большой английский сад», «маленький английский садик»*. Несмотря на восемь приведённых названий, в Полотняном Заводе было четыре парка. Они создавались в разное время. Одни были долгожители, другие, возникнув однажды, существовали непродолжительное время.

После раздела имущества со Щепочкиным в 1735 г. А.А. Гончаров начал преобразования на своей земле. Он активно занимался перепланировкой: в 1737—38 гг. перенес на другие места амбары, хлебную избу, перенес и перестроил хоромы, переложил заборы, в 1736—41 гг. перестраивал храм в камне[2].

Именно в это время начинается история садов Полотняного Завода. Самое раннее упоминание о них встречается в документах 1736 г., которые сообщают нам, что в саду работают поденщики[3]. Характер работ вплоть до 1749 г. указывает на то, что сад создавался: деревья прививали, на зиму укрывали соломой, в сад закупали семена и рассады. Первого садовника звали Анриян[4]. В 1737—38 гг. рыли пруд на спасском лугу[5].Это место севернее фабрики, где, как мы знаем, находился Красный сад и в настоящее время находится П-образный пруд. Создание и содержание сада в этот и последующие периоды было важным направлением в многопрофильном хозяйстве Гончаровых. Об этом свидетельствуют записи о поденных работах в саду в специальном разделе материальных книг, который велся наряду с разделом «поденная работа».

В первом саду росли плодовые деревья, яблони. К сожалению, источники не говорят нам о декоративных функциях сада, но, возможно, таковые были, так как традиция русского садового искусства XVII—XVIII вв. связана с плодовыми садами.

Сад был обнесен решётчатой изгородью. В документе 1761 г. мы читаем, что решётки чинили и делали. В этом же документе мы впервые встречаем название *«Красный сад»*[6]. А в 1766 г. наряду с названием *«Красный сад»* появляется название *«Большой сад»*[7]. В этом году в саду произошли большие перемены. Старые деревья поменяли на новые, высадили 100 молодых яблонь[8]. В Большом саду началось строительство теплицы[9]. С июля по декабрь под руководством Федора Жукова подёнщики работали на канаве. По всей видимости, копали П-образный пруд и укрепляли его берега, забивая сваи[10]. Создание Красного сада завершилось в 1767 г., когда его обносили изгородью[11]. Изменения в саду шли в контексте перемен в усадьбе в целом. В 1764—70 гг. здесь были масштабные строительные и ремонтные работы: ремонтировались различные хозяйственные постройки, строили новую фабрику, перестраивался господский дом, строили каменную конюшню и манеж, расширяли оранжерею[12]. В результате сложился тот усадебный ансамбль, который запечатлен на плане 1767 г.[13]. Таким образом, самыми ранними садами Полотняного Завода являются Красный и Большой сады, которые были разбиты на основе старого яблоневого сада.

Где же располагались эти сады? Ранее мною высказывалось мнение, что Красный сад являлся частью Большого сада и представлял собой регулярный участок, расположенный внутри П-образного пруда[14]. Но в свете новых источников удалось уточнить локализацию этих двух объектов. На плане 1767 г. Красный сад выделен зеленой краской (на рис. 1. отмечен нами буквой «К»). Хорошо видна планировка парка, имеющая 4 аллеи: одна проходила с севера на юг, другая — с запада на восток и две диагональные. В начале существования Красного сада в нём росли яблони, смородина, клубника, виноград, крыжовник, вишни; были разбиты цветники, поставлены скамейки[15]. В 1775 г. здесь построили летний домик[16], который не раз перестраивали позже. Кроме летнего домика в Красном саду были ещё несколько строений: изба, приспешная[17], оранжерея. При А.А. Гончарове сад украшал фонтан, который переделывали в 1783 г.[18]. При Афанасии Николаевиче эстетическая программа Красного сада поменялась. Появились статуи[19], беседки[20], устроены качели, зверинец с тетеревами, куропатками, павлинами[21]. На лето в куртины сада выставляли из оранжереи растения в кадках и горшках. Через Красный сад проходила калужская дорога, вдоль которой в 1793 г. посадили в четыре линии берёзы[22]. В следующем году в саду высадили липу *«в означенном месте»*, землянику, розаны; вместо лип вдоль дорожек посадили ель[23]. На протяжении всей истории сада его дорожки и цветники содержали в чистоте, а аллеи регулярно подстригали[24]. Красный сад был огорожен деревянной изгородью, а с 1806—07 гг. частично каменной стеной[25]. В 1814 г. в саду переделывали дорожки[26]. Эти изменения отразились на плане 1846 г. (рис. 2).

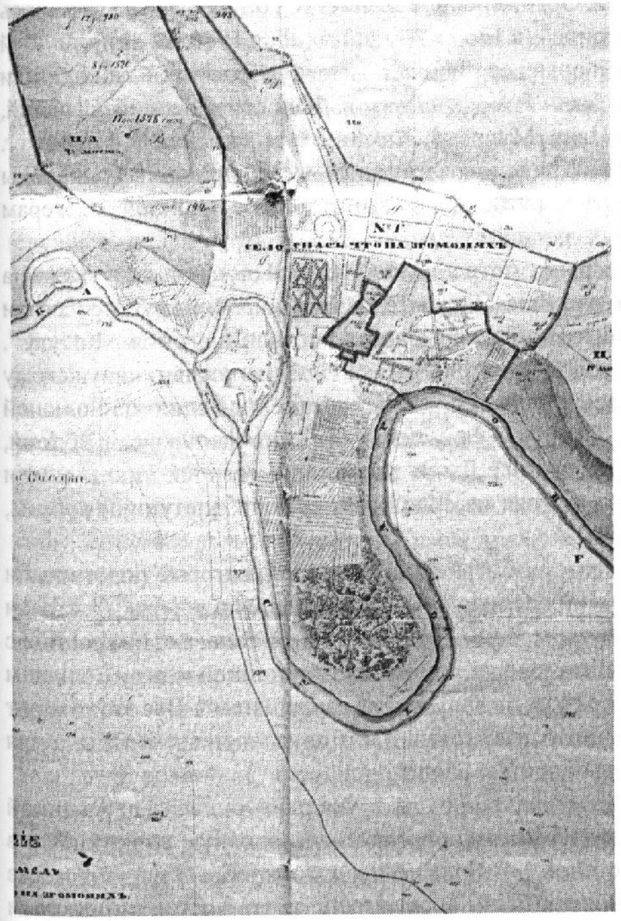

Рис. 2. Фрагмент Геометрического специального плана села Спасского что на Згомонях 1846 г.

В 1822 г. каменщики вымостили мостовую[27].Следовательно, А.С.Пушкин в 1830 г. въезжал в усадьбу по каменной мостовой. В 1832 г. в Красном саду сделали каменный погреб[28], в 1836 г. — колодец[29]. Вплоть до 1864 г. в саду регулярно чинили строения, оранжерею, ворота, ограду[30], в 1865 г. перестроили кузницу[31]; еще прививали яблоки, выставляли из оранжереи лимоны[32]. Однако в 1842 г. появились первые признаки деградации: заколотили домик[33]. 17 сентября 1853 г. в Красном саду начали делать фундамент под лавки[34]. То есть часть его: в одном документе за 1864 г. читаем, что на торговой площади и в Красном саду поправляли ограды[35]. На торговой площади устроили Питейный Красный дом или трактир[36]. Средин пишет, что трактир был в прошлом красным домом, который перенесли на торговую площадь. Но так ли это? На наш взгляд, вопрос остается ещё открытым. Из документов стало известно, что в 1867 г. в Красном саду сломали беседку, кирпич пошел на фабрику[37]. А в 1872 г. в Красном саду перебирали хлам[38]. Видимо, была разобрана не только беседка, а какие-то ещё постройки.

Несмотря на то, что Красный сад, наряду с другими садами, выполнял утилитарные функции, здесь была сформирована особая художественная среда, которая, прежде всего, делала его местом для проведения досуга. Так, в письме от 20 апреля 1794 г. к А.Н. Гончарову управляющий Богданов писал: *«Его благородие господин Николай Афанасьевич благости всевышнего в добром здравии, изволит забавляться прогуливанием в садах, по фабрикам...»*[39].

Территория Большого сада простиралась на юг от Красного сада. Большой сад — это череда посадок плодовых деревьев, которые располагались и стройными рядами, как предполагал Любченко, и небольшими колониями в разных частях усадьбы. Стройными рядами в Большом саду, вероятно, располагались яблони, которых было очень большое количество. Например, в 1792 г. в этом саду было посажено 660 яблонь[40]. Небольшими колониями росли другие плодовые деревья, которые числились при оранжереях. Так, в грунте возле оранжереи росли одно абрикосовое дерево и 4 виноградных куста, в простенках между различными строениями — 120 груш, 50 слив, 31 вишня; у глиняной — 3 сливы и 2 венгерки; возле сараев против оранжерей — 2 бергамота, 14 груш, 20 испанских вишен; возле светлиц (или ткацких палат) — 37 груш; у ворот — 14 испанских вишен; против скотни — 3 груши и 2 бергамота. Строения усадьбы и Большой сад находились в тесном соседстве. Известно, что один из участков находился за конюшней и конным двором[41]. Из манежа в сад вело крыльцо, которое перестраивали в 1807 г.; оно было сложено из кирпича, крашено зеленой краской, застеклено зеленым стеклом и украшено 25 балясами[42]. О масштабности Большого сада говорит также тот факт, что на его территории располагались огороды, где выращивали дыни[43], свеклу, бобы, морковь, черную смородину, крыжовник, различную рассаду, малину[44], землянику[45], клубнику, огурцы, спаржу[46]. На территории Большого сада было несколько прудов разного размера с рыбой; маленький называли *«прудочек»*, большой — *«канава»*[47]. В саду располагался ряд строений: несколько оранжерей, среди которых были сливная и ананасная оранжереи[48], грунтовый сарай. Оранжерейное хозяйство Гончаровых развивалось с 1737 г.[49]. В 1766 г. была построена теплица[50], в 1767 г. — парники[51], в 1779 г. — кирпичный погреб[52]. Стояли здесь избы садовника и оранжерейщика[53]. Имена некоторых из них дошли до нас. Так, в 1770-е гг. при оранжереях были Тимофей Дьяков, Федосей, Василий, Савелий, садовниками — Петр Перусилков, Иван Мугреев, Филипп[54] и другие. В 1790-е гг. оранжерейное хозяйство было в введении Кривоносова, а сады — у Молчанова[55]. Гончаровы всегда заботились о ротации кадров и распоряжались о том, чтобы в обучение к мастерам садового дела отдавали детей дворовых людей[56].

Собранный урожай шел на удовлетворение потребностей семьи Гончаровых, а также на продажу. Продавали не только плоды, но и семена. Покупателей был широкий круг: продавали фабричным людям, владельцам соседних имений; дыни и арбузы возили торговать в Калугу[57]. Экзотические плоды отправляли в подарок влиятельным людям, например, калужскому губернатору не раз направлялись ананасы и персики. Как хозяйственная единица Большой сад функционировал ещё очень долго. В 1864 г. в саду посадили картофель, овес и яблони, привезенные из-за границы; у Вагнера в Риге были закуплены семена. Продолжали действовать оранжереи. Для господского стола из садов в этом году поступили арбузы, дыни, персики, огурцы и другие овощи[58].

В Большом саду была устроена беседка, разбиты липовые аллеи, которые подстригали регулярно[59], устроены цветники, а вокруг них перила[60]; чистили и ровняли дорожки[61], стояли скамейки[62], через канавы были перекинуты мосты[63]. В 1783 г. около сада, т.е. на границе с другим объектом, посадили ивы и в 1793 г. у канала, служившего границей между Большим и Зарецким садами, со стороны Большого сада, по валу, также сажали ивы[64]. Все это говорит о том, что сад был хозяйственной единицей и вместе с этим служил местом отдыха для хозяев, удовлетворял эстетическим потребностям владельцев.

Большой сад был огорожен (как, впрочем, все сады в усадьбе) сначала деревянной изгородью, затем между каменными столбами располагались деревянные решетки[65], а в 1804—05 гг. сад огородили каменной стеной[66]. В Большой сад можно было попасть через ворота и через крыльцо из манежа. Ворота были деревянные, крепились к кирпичным столбам, в 1808 г. на столбы Большого сада сделали вазы из алебастра[67].

Названия *«Нижний»* и *«Дальний»* сад впервые встречаются в «Книге прихода и расхода дерева» за 1770 г., которая сообщает, что на островке, окруженном каналом, городили изгородь, отделившую сад от рабочей территории, где находились ледяной амбар, толчеи, пильня и прочее[68]. Записи не дают однозначного толкования о том, что это один и тот же объект, вполне можно предположить, что речь идет о разных садах, которые огораживали в одно и тоже время. В одном из документов за 1773 г. читаем, что в Нижнем саду была построена полка[69], а из описания фабричных строений за 1789 г.[70] мы знаем, что полка, в которой перемалывали тряпье для бумажной фабрики, находилась за рекой. Таким образом, не вызывает сомнения факт, что Нижний сад находился на острове. Где же тогда находился Дальний сад? Ответ на этот вопрос дают другие документы. В целом ряде из них на одних и тех же страницах упоминаются одни и те же работы, как в Нижнем, так и в Дальнем садах[71]. Все это дает основание полагать, что речь идет об одном саде, который называли то Нижний, то Дальний. Это был вишнёвый сад, который рос по обеим сторонам Суходрева, с небольшим количеством гряд. В 1779 г. здесь по берегу канала посадили ивы[72].

В 1786 г. при Афанасии Николаевиче около Дальнего сада, за рекой, где находился вишневый сад[73], снова городили, т.е., заменили изгородь. В это время дом надстраивался третьим этажом, а со стороны реки был пристроен балкон. Таким образом, реконструкция западного фасада дома корреспондировалась с изменениями, проходившими в саду. В 1793 г. у этого сада появилось новое название — *«Заречный»*. В октябре 1793 г. оформление «Заречного сада», видимо, было завершено. Возле сада был вырыт канал, сделан вал длиною 278 сажень (или почти 600 м), который был обшит дерном. По валу посадили ивы[74]. А.Н. Гончаров 6 октября в письме к управляющему Афанасию Алексееву писал, что полагается на него за качество работ и велит, чтобы вольнонаемные *«на пруду, где отверстия на кладях вал дерном же обшили и чтоб в сило под одну фигуру была сделано, а по валу заставь ракитник плотно садить и где быть воротам тут мосток хороший сделать»*[75]. Этот мосток был устроен возле пильни[76]. На территории сада было несколько прудов с рыбой. В 1795 г. из большого пруда вырыли канаву для спуска воды[77].

«Заречный сад» был детищем Афанасия Николаевича Гончарова. Его обустройство было частью плана преобразования территории, которая находилась за палатами. Здесь в это время построили домик в цветнике, в палатах сделали заднее крыльцо и пристроили ризалиты, от дома к реке построили лестницу[78]. Еще раз мы встречаем косвенное упоминание об этом саде в 1812 г., когда в декабре подстригали и подрубали ивы[79].

Английский сад был создан на территории рощи в излучине Суходрева. Ранее роща служила местом охоты и источником строевого леса. Постепенно развивая усадьбу, усложняя инфраструктуру, хозяева обратили свои взоры на этот участок полуострова с мыслью *«придать естественной красоте художественную…из леса сделать парк»*. Реализация этих целей началась в 1782 г. ещё при жизни Афанасия Абрамовича Гончарова. Первым актом обращения рощи в парк стало устройство беседки[80], затем в 1786 г. для водных прогулок в роще построили плот, выкрашенный белой, бордовой и зелёной красками[81]. К 1789 г. идея устройства в роще пейзажного парка достигает определённой степени зрелости. Афанасий Николаевич 10 июня нанимает немца Иоганна Фридриха в должность садовника для смотрения за оранжерейным хозяйством, а также *«разводить вновь английские и голанские сады, делать портеры и каскады и всё протчее, что к умножению садов следует, обучать всему оному 2-х человек»* за 350 рублей[82]. Под попечительством иностранца оказались два *«ранжерейщика»* и садовники[83], входившие в число дворовых людей Гончарова. Видимо, вначале подрядчик Иоганн Фридрих уделил внимание существующим объектам. В 1790 г. были небольшие ремонтные работы в оранжереях: в одной — чинили потолок, а в лимонной оранжерее — рамы. В мае садовнику были выданы *«ранжерейные»* деревья, среди которых груши, яблони, вишни, миндаль, сливы, апельсины, абрикосы, персики, померанцы, лимоны, лавровые, розмарин, китайский розан и многое другое. В январе 1790 г. Кирилл Ерьев в письме А.Н. Гончарову сообщает, что от садовника получил семена итальянского сада[84].

В 1792 г. в роще начинаются работы — устраивают зверинец. В мае крестьяне Василий Афанасьев и Селеверст Алексеев подрядились по показанной модели городить зверинец мерою 77 саженей с каждой по рублю[85]. В июне подрядчики Филипп Павлов и Пантелей Степанов доставили лес, огородили зверинец деревянной изгородью в 353 сажени и канавой, вырыли пруд, вычистили зверинец, сделали ворота за 1716 рублей 97 копеек[86]. В зверинце содержали зайцев, оленей[87] и, вероятно, других животных, для забавы, а не для охоты, как предполагал О.И. Любченко[88]. Это был своего рода зоопарк. И, наконец, в июне 1795 г. начинается разбивка английского сада — расчищали дорожки, набивали их щебнем, ровняли, поденщики готовили дёрн[89]. Но работы шли медленно. Видимо, А.Н. Гончаров не мог найти ни архитектора, ни подрядчиков, которые способны были удовлетворить его запросы. Так, в мае 1797 г. в саду отделывали горку улиту музыканты из оркестра[90], осенью 1797 г. Гончаров

посылал своего управляющего в Бегичево договориться с немецким архитектором взяться разбить сад, но неудача — архитектор уехал до весны[91]. В 1800 г. в английском саду с июня по сентябрь дорожки чистили, посыпали песком, пололи[92], завозили дёрн. А тем временем продолжались поиски архитектора, которые, наконец, увенчались успехом. В марте 1802 г. нанятый подрядчик для английского сада Федор Рагушин прибыл в Полотняный Завод 28 марта и в апреле приступил к работе по плану, согласованному с Гончаровым. В Москве он нанял работников, *«которые в саду начисто работу отделают»*. В июне земляные работы были окончены, но до октября продолжалось строительство беседок. Завершающим этапом создания английского сада руководил архитектор Фома Сысоевич Мильнер[93]. До 1807 г. в английском саду сооружали всевозможные сентиментально-романтические *«затеи»*[94] и в тоже время ухаживали за дорожками и куртинами. Вплоть до 1815 г. продолжались работы по уходу за парком. Планировка английского сада запечатлена в Геометрическом специальном плане 1846 г.[95]. В документах последующих лет мы не встречаем упоминания о том, что в парке ведутся какие-либо работы. Видимо, парк постепенно приходил в запустение и, как и прежде, становился источником строевого и дровяного леса. В описании имения Гончарова за 1861 г. читаем, что *«называемый английский парк, содержащий строевой и дровяной лес — 21 десятина 1674 сажени»*[96]. Картину запустения рисует и А. Средин: *«...но уже давно не подстригаются дико разросшиеся столетние липы парка, а дороги зарастают травой и несут глубокие шрамы от перевозки дров из когда-то заповедной рощи, где в старину держали стадо оленей»*. Таким образом, жизнь английского сада оказалась недолгой и он не приобрёл того значения, какое придал ему О.И. Любченко в своей статье.

Маленький Английский сад за палатами был устроен одновременно с Английским садом в роще[97]. Видимо, чтобы разграничить понятия, последний стали называть «Большой английский сад». Это название мы встречаем с 1806 по 1812 гг.[98]. Летом 1812 г. за палатами в цветнике дорожки прорывали, мусором засыпали и дерном устилали — *«для английского сада дорожки делали»*[99].

В 1814 г. в английском саду посадили вишни, убирали сено; дорожки переделывали и чистили[100]. О каком из двух парков шла речь? В этом предстоит еще разобраться.

Таким образом, мы выяснили, что в Полотняном Заводе было пять садов. Самые старые — Красный и Большой сады. Они же оказались и долгожителями. Все сады находились рядом со строениями усадьбы и окружали усадебное ядро со всех сторон. Концепция планировки садов принадлежала Афанасию Абрамовичу Гончарову. При нем были устроены Красный, Большой и Нижний сады и было положено начало преобразования рощи в парк. Афанасий Николаевич довел идеи деда до логического конца, создав английские пейзажные парки и заречный сад, который, наряду с Большим садом, находился в гармоничной связи с архитектурой главного дома усадьбы. Среди садов Полотняного Завода наибольшее внимание со стороны хозяев принадлежало Красному саду. На протяжении своей истории сад пережил немало переделок, но за ним не прекращали уход. Именно Красный сад был подлинной жемчужиной Полотняного Завода.

Примечания

[1] Средин А. Полотняный Завод. Старые годы. VI—IX. М., 1910. Любченко О.И. Парки в Полотняном Заводе. // Калужская пушкиниана. Сб. статей. Вып. I. С.36—45.

[2] Марченко Н.В. К вопросу о генезисе дворянской усадьбы Полотняный Завод // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2003. С. 462.

[3] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 23. Л. 2 об.

[4] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 23. Л. 28; Д. 36. Л. 53.

[5] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 25. Л. 29.

[6] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 161. Л. 1 об.

[7] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 385. Л. 122 об.

[8] Там же. Л. 110.

[9] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 315. Л. 6; Д. 366. Л. 30.

[10] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 385. Лл. 132, 157, 163 об.,164, 166.

[11] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 366. Лл. 11, 29.

[12] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 315. Лл. 1—31.

[13] Марченко Н.В. К вопросу о генезисе дворянской усадьбы Полотняный Завод //Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2003. С. 466.

[14] Там же.

[15] Там же, с. 467.

[16] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 802. Л. 160.

[17] В Красном саду была изба оранжерейщика Артемия Ломова в 1822 году. (Ф. 1265. Оп. 1. Д. 2086. Л 28 ; РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1269. Л. 189,190.

[18] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1152. Л. 153.

[19] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1431. Л. 161.

[20] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1677. Л. 158; Д.1788. Л. 27.

[21] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1962. Л. 12.

[22] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1431. Л. 161. Д. 1435. Л. 155.

[23] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1455. Лл. 3 об., 98, 106.

[24] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1269. Л. 183; Д. 1310. Л. 18; Д.1455. Лл. 98,235.

[25] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1767. Лл. 37, 43; Д. 1788. Л. 2.

[26] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1788. Л. 46.

[27] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 2086. Л13.

[28] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 2353. Л. 5.

[29] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 2950. Л. 21.

[30] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 2950. Лл. 32,145; Д. 3530. Л. 26; Д. 3652. Л. 47; Д. 4467. Л. 15; Д. 4695. Л. 275.

[31] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 4966. Л. 13 об.

[32] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 3451. Лл. 330,24.

[33] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 3530. Л. 26.

[34] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 4308. Л. 46.

[35] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 4940. Л. 30.

[36] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 4603. Л. 3.

[37] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 5024. Л. 47.

[38] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 5180. Л. 62.

[39] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 5180. Лл. 16, 55 об., 62, 62 об.

[40] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1390. Л. 157.

[41] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1484. Л. 183 об.

[42] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1788. Лл. 30,32.

[43] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1450. Л. 99.

[44] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1889. Л. 25.

[45] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1780. Л. 10.

[46] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1536. Л. 14.

[47] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1390. Л. 135.

[48] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 2026. Л. 44; Д. 2086.

[49] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 23. Л. 28.

[50] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 315. Л. 6.

[51] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 366. Л. 30.

[52] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 978. Л. 80 об.

[53] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1431. Л. 203.

[54] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 645. Л. 66; Д. 758. Лл. 6,14.

[55] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1455. Лл. 99, 225.

[56] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1525. Л. 128.

[57] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1887. Л. 43; Д. 1889. Л. 25.

[58] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 4942. Лл. 30, 6 об., 47 об., 26 об.

[59] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1889. Л. 31; Д. 1977. Л. 39; Д. 3844. Л. 29.

[60] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1962. Л. 13 об.

[61] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1310. Л. 180. Д. 1269. Л. 180.

[62] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1075. Л. 12.

[63] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1075 Л. 24.

[64] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1152. Л. 153; Д. 1431. Л. 129.

[65] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 702. Л. 47.

[66] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1737. Л. 13; Д. 1738. Лл.21—29.

[67] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1815. Л. 31.

[68] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 536. Лл. 1—22 об.

[69] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 702. Л. 25.

[70] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 2302.

[71] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 989. Л. 147; Д.1450. Лл.99,103.

[72] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 989. Л. 147, 149.

[73] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1269. Л. 154.

[74] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1431. Лл. 135, 173.

[75] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1435. Л. 142.
[76] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1439. Л. 20 об.
[77] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1439. Л. 22об.
[78] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1431. Лл. 132, 135 ,142, 163; Д. 1455. Л. 237.
[79] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1936. Л. 74.
[80] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1126. Л. 56.
[81] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1270. Лл. 109, 115.
[82] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1369. Л. 7.
[83] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1364. Лл. 9—15.
[84] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1371. Л. 112, 337, 103.
[85] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1421. Л. 12.
[86] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1390. Л. 122.
[87] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1390. Л. 146 об.. Д. 1435. Л. 155.
[88] Любченко О.И. Парки в Полотняном Заводе // Калужская пушкиниана. Сб. статей. Вып. I. С.39.
[89] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1439. Лл. 20 об, 22 об.
[90] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1546. Л. 157.
[91] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1545. Лл. 109 об., 118.
[92] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1620. Лл. 1—24.
[93] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1677. Л. 121,131, 153, 158, 171, 216, 221, 311, 338, 381.
[94] Любченко О.И. Парки в Полотняном Заводе // Калужская пушкиниана. Сб. статей. Вып. I. С.43.
[95] КОКМ. КЛ 9568/13.
[96] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 4798. Л. 1.
[97] Любченко О.И. Парки в Полотняном Заводе // Калужская пушкиниана. Сб. статей. Вып. I. С.39.
[98] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1788. Л. 30. Д. 1889. Л. 11.
[99] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1936. Лл. 44, 63 об.
[100] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1962. Лл. 61, 52, 46.

У ИСТОКОВ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В ТАРУСЕ (1920-е гг.)

***Е.В. Суворова**, Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 г.*

Функционирование уездных (районных) музеев Калужской губернии в 1920-х гг. остается практически вне поля зрения исследователей музейного дела Калужского края. В этом отношении можно упомянуть лишь статью И.В. Лысцевой, в которой затронуты вопросы возникновения музеев-заповедников в Оптиной пустыни и Пафнутьев-Боровском монастыре и работу Н.П. Лошкаревой, посвященную истории образования и начальному этапу развития музея Пафнутьев-Боровского монастыря. Вопросы формирования губернской музейной сети рассматривались в работе Н.Г. Черепановой, упоминавшей о создании музеев в уездных городах и бывших усадьбах в рамках деятельности калужского губернского комитета по делам музеев и охраны памятников в 1918—23 гг. В аспекте истории частного коллекционирования в работе И.В. Гужовой отражено возникновение в 1915 г. частного музея в г. Тарусе, посвященного В.Э. Борисову-Мусатову[1].

Мы же, на основе источников, выявленных в фондах ГАРФ и ГАКО, а также калужской периодики 1920–х гг., попытаемся максимально полно представить картину музейной жизни Тарусы в первое десятилетие новой власти.

Возникновение новых музеев в губернии в послереволюционные годы в первую очередь было связано с необходимостью распределения художественно-исторических ценностей из национализированных усадеб.

Созданию «Музея местного края» в Тарусе, впоследствии получившего название «Тарусского историко-художественного музея», способствовала инициатива уездного отдела народного образования, в ведение которого попала часть национализированных предметов из Барятинского имения кн. С. Горчакова и других усадеб уезда. Не остались в стороне и «местные художественные силы». Часть предметов была передана художником В.Д. Поленовым, скульптором А.В. Ватагиным и другими художниками, проживающими в Тарусе и уезде.

Решение об основании музея было принято 6 января 1920 г. и уже через год, в феврале

1921 г., он был открыт для посетителей[2].

Экспозиция музея разместилась на втором этаже каменного дома по улице Калужской. Заведующей музеем стала художница Евгения Владимировна Миллер. Музей, в штате которого значилось 4 человека, был открыт дважды в неделю[3]. Уже начальный период существования музея обозначил благоприятные перспективы его развития: он вызвал значительный интерес у местного населения — с января по сентябрь 1923 г. (исключая февраль) его посещаемость составила 1327 чел. (т.е. около 20 чел. в день)[4]. Этому немало способствовали выставки, организуемые в музее силами проживающих в Тарусе художников. Так, на одной из них, состоявшейся в 1921 г., были представлены работы В.Ф. Шитикова, В.Д. Поленова и других, после демонстрации картин на художественной выставке в Калуге, вызвавшей большой резонанс[5]. В музее проводились экскурсии, велась работа по систематизации экспонатов. В 1921 г. музей инспектировал заведующий музейной секцией подотдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины В.В.Ассонов, который *«нашел, что Тарусский музей достоин внимания»*[6].

До 1922 г. средства на содержание музея и оплату жалованья сотрудников выделялись Главнаукой. Хозяйственные же нужды должны были удовлетворяться за счет средств уездного бюджета. *«Хозяйственное положение музея неважное* — отмечала в 1921 г. газета «Коммуна» — *УОНО и Уисполком не могут удовлетворить все нужды его, а в некоторых случаях со стороны Уисполкома проглядывало отсутствие должного внимания к музею...».* В конце 1922 г. Главнаука прекращает и без того скудное финансирование. Музей стал существовать на средства УОНО.

Евгения Владимировна Миллер *«несмотря на материальные недостатки музея и низкое собственное содержание оставалась на своем посту»*, исполняла обязанности заведующей музеем до 1924 г. В 1924 г. её сменила учительница Л.А. Харитонова. После ее ухода, в октябре 1925 г., музейный отдел Главнауки поддержал предложенную на эту должность калужским губернским музеем кандидатуру Екатерины Васильевны Поленовой *«как художницы, в течение ряда лет работавшей по литературе и искусству в общественных учреждениях Тарусы и как опытного музееведа и как дочь известного художника...»*[7].

Сама Е.В. Поленова в своем заявлении о содействии в получении места заведующей отмечала: *«...предоставление мне должности заведующей музеем свяжет работу указанного музея с музеем имени моего отца с одной стороны и создаст благоприятные отношения к сохранению и пополнению музея...»*[8]. В Тарусском *«музее местного края»*, исходя из заявления Поленовой, имелись китайская и голландская живопись, рисунки художников XIX в., этюды художников В.Д. Поленова, В.Д. Шитикова, скульптора В.А. Ватагина и др.

В 1925 г. музей был переведен в бывший дом С.Д. Мейн на ул. Кладбищенской. Не позднее начала 1926 г. он становится одним из четырех отделений Калужского государственного областного музея[9]. Несмотря на это, как и в предыдущие годы, средства из губернского центра на содержание музея не выделялись совсем. В апреле 1926 г. губернская газета «Коммуна» констатирует: *«...Тарусский музей местного края ... в настоящее время закрыт из-за недостатка средств. Сторож музея сокращен. Часть занимаемого музеем помещения предоставлена Укомолу. В случае невозможности изыскать средства на содержание музея в будущем, Калужский областной музей предполагает перевести экспонаты Тарусского музея в Калугу»*[10]. В результате ходатайства калужского областного музея в Губисполком, при поддержке Губполитпросвета, в декабре 1926 г. было принято решение о передаче музея в ведение тарусской школы 2-й ступени, так как *«содержать музей как самостоятельное учреждение УОНО не могло за отсутствием средств»*[11]. Содержание сотруднику музея должна была из собственных спецсредств платить школа. Под экспозиции было выделено отдельное помещение. Открытие музея в стенах школы состоялось в феврале 1927 г. Он по-прежнему работал два раза в неделю — в воскресенье и в среду. Велся учет посещаемости. Заведующая музеем ежемесячно посылала в губернский музей отчет о деятельности, который должен был содержать следующие пункты: *«Перемены в личном составе. Количество посетителей, в том числе экскурсии и экскурсантов с указанием состава. Какие объяснения даются экскурсантам и кем. Новые поступления»*[12].

В конце 1927 г. в музее вновь создается критическое положение — спецсредства школы, скудные сами по себе, не являлись достаточным источником для его содержания. В виду

отсутствия охраны подвергалась большой опасности сохранность коллекции. Заведующий школой В. Соколов обращается в губернский музей с просьбой *«...о содействии в снабжении музея...»*[13]. В итоге ходатайства на 1927/28 бюджетный год музей получил финансирование в размере 782 рублей, в том числе на содержание заведующего по ставке школьного работника — 44 руб., сторожа — 12 руб., на научные нужды — 60 руб., отопление и освещение — 50 руб.[14]. Однако 30 ноября 1927 г. Губисполком постановил объединить Тарусский музей с губернским музеем, который должен был принять его имущество[15]. Вероятнее всего, такое решение было принято не без учета мнения директора Калужского объединенного музея С.А. Петровского, о позиции которого по отношению к малым музеям можно судить на основании следующего заявления, которое тот предполагал озвучить на 1 Областном съезде музейных работников Центрально-Промышленной области: *«Есть ли смысл в сохранении в глухих уголках малых музеев? Музейный материал распыляется, между тем как будучи сконцентрирован в одном губернском городе или 2—3 городах губернии, он представлял бы большее удобство для изучения, давая вместе с тем впечатление большей полноты и содержательности. С другой стороны затерянные в малых городах музеи мало посещаемы и не могут надлежащим образом быть использованы по недостатку специалистов на местах...»*[16].

Для того, чтобы принять имущество музея, в Тарусу необходимо было командировать музейного сотрудника. Неоднократные просьбы губернского музея выделить аванс в 30 руб. для предварительной командировки были услышаны только к октябрю 1928 г.[17]. 18 октября 1928 г. в Тарусу прибыл В.И. Извеков — заведующий историческим отделом Калужского областного музея. Ему необходимо было определить музейную ценность коллекций, наметить пригодный для пополнения калужского музея материал и выяснить способы перевозки его в Калугу.

Отчет В.И. Извекова о поездке является ценным источником, позволяющим судить о составе коллекций музея. Извеков информирует, что, согласно описи, музей хранил свыше 400 предметов. Художественное собрание музея включало в себя *«несколько картин русской и иностранной живописи, этюды Поленова, акварели Шитикова, хорошие копии с картин Верещагина, «Киргиз с соколом», 4 небольших картины голландской школы, из которых один школы Мириса, др. м.б. Вивермана. Картинки небольшого значения, но для калужского музея бедного вообще образцами западной живописи они были бы ценным дополнением. Есть пейзаж за подписью Делакруа, сильно испорченный...»*[18]. Помимо этого — акварельные и живописные портреты, фотографии и репродукции с живописи, вышитые картины, старинная мебель и изразцы, коллекция монет и бумажных денежных знаков. Нельзя не отметить наличие в музее экспонатов естественно-исторического характера — чучел птиц и зверей, рогов оленя, лося, альпийского козла, коллекции минералов и бабочек, останков вымерших животных. Под номерами 388—393 числились предметы, входившие в «Детский отдел Дошкольного музея».

Наиболее ценные экспонаты музея к тому времени были уже изъяты представителями музейного отдела Главнауки. В частности, ценные альбомы японской живописи с формулировкой *«для помещения в один из столичных музеев»*.

В.И. Извеков отмечал, что *«... хотя весь этот материал в совокупности не представляет большой музейной ценности ... он был бы хорошим приобретением для Калужского музея»*.

Отдельно стоит упомянуть о составе музейной библиотеки, которая представляла собой часть (около 2000 томов) обширного книжного собрания из имения кн. С. Горчакова, уже разрозненного по разным книгохранилищам. В музей попали книги XVIII—начала XIX вв. преимущественно научного содержания — по истории философии, общественным и художественным наукам и книги на иностранных языках. Из всего вышеперечисленного, согласно выводам В.И. Извекова, в Калугу, для пополнения библиотеки и экспонирования, предполагалось передать все книги на русском языке, в том числе и немногочисленные рукописные издания по искусству и археологии (всего около 1000 экз.), а также и большинство экспонатов. Исключение составили чучела животных, которые было решено оставить в Тарусе из-за трудностей транспортировки, собрание гелиогравюр издания «Гроссман и Кнебель» в связи с тем, что это издание в музее уже имелось и могло бы быть полезным для тарусской школы, альбомы литографий художника В.А. Ватагина с изображением животных.

Итак, отбор экспонатов был произведен, но дело с перевозкой затягивалось. Областной музей несколько раз ходатайствовал перед ГОНО об отпуске средств для транспортировки тарусских коллекций, каждый раз получая отказ. В поисках выхода из создавшегося положения областной музей 25 мая 1929 г. обращается к начальнику пожарной охраны губернии с просьбой оказать содействие в предоставлении одной пожарной подводы для перевозки и погрузки коллекций на моторную лодку. Оплату фуража и прислуги музей обязывался оплатить из собственных средств[19]. Видимо, и этот вариант не увенчался успехом. В очередном ходатайстве ГОНО от 3 июня 1929 г. музей просит решить это дело в срочном порядке в виду перехода г. Тарусы в Серпуховский округ Московской области[20].

Таким образом перестает существовать самостоятельный музей, имеющий почти десятилетнюю историю. Подчинение губернскому музею было номинальным и выражалось лишь в регулярно посылаемых отчетах о деятельности. Несмотря на постоянный недостаток, а порою и полное отсутствие финансирования музей продолжал работать в обстановке полного равнодушия, а в некоторых случаях и противодействия местных властей, во многом благодаря силам тарусских энтузиастов.

С 1920 г. в ведении музейного отдела Главнауки состоял музей «Музей-домик Борисова-Мусатова», созданный в 1915 г. по личной инициативе Веры Васильевны Вульф и ее мужа, профессора Московского университета Юрия Владимировича Вульфа[21]. В 1913 г. известный ученый-кристаллограф Ю.В. Вульф становится арендатором городской дачи «Песочное», в которой в 1905 г. несколько месяцев до дня своей смерти жил художник В.Э. Борисов-Мусатов. Ученый периодически выступал перед жителями города с лекциями по кристаллографии и минералогии, а его жена — художница Вера Васильевна Вульф — с выставками и концертами, получившими название «музыкальных субботников»[22]. Все денежные сборы с выставок, лекций и концертов шли на культурные нужды города.

Вульфы продолжали жить на даче и после революции. В 1920 г. им было предписано выселение с обжитого места. Видимо, не без обращений имевшего связи в Наркомпросе Ю.В. Вульфа, в том же году их дача поступает в ведение музейного отдела Главнауки в качестве музея Борисова-Мусатова, хранительницей которого числилась его супруга[23]. Но местные власти, видимо, не могли смириться с тем, что дача практически остается в частном владении и в 1922 г. Ю.В. Вульф вновь обращается в музейный отдел Главнауки, на этот раз с просьбой подтвердить тот факт, что дача и 5 десятин земли закреплена за музейным отделом, а также просит выделить полномочия на его имя для заключения контракта с местным коммунальным отделом. Вскоре после этого, 12 сентября 1922 г., Ю.В.Вульф получает охранную грамоту на музей, из которой следовало, что *«дача не может быть использована ни для какого учреждения без согласия Главнауки и как Госучереждение содержится на средства и суммы отпускаемые из Госбюджета и местному обложению не подлежит»*[24].

О том, что дача «Песочное» почти в одночасье стала музеем, не было известно ни тарусскому УИК, ни калужскому ГОНО.

17.09.1922 г. в губернской газете «Коммуна» появляется гневная статья некоего Захара Бездомного о музее профессора Вульфа: *«В августе Тарусский УОНО получил из ГОНО некоторые средства на содержание в Тарусе музея. УОНО посчитал, что «наконец-то хоть немного да отпущено средств на содержание музея, единственного культурного сокровища в уезде, который без денег хирел и приходил в упадок...»*. Каково же было удивление УОНО, когда оказалось, что средства отпущены на содержание какого-то другого музея, когда у УОНО есть только один «Музей местного края». Долго ломали голову и искали музей, которому предназначались деньги. И только случайно один гражданин указал на дачу профессора Вульфа и, действительно, по словам владельцев, у них и помещается музей. «*Удивительно!* — восклицает автор статьи — *Кто же его организовал? О его существовании не было известно ни Уисполкому, ни Губнаробразу, а в Главнауке говорят, что он зарегистрирован! Есть ли от него польза населению? Сомнительно! Если уж УОНо не знало, то где уж простому смертному найти такое сокровище! Ходят слухи, что музей работает и кое-кто его посещает очевидно из местной буржуазной интеллигенции, говорят там профессор по субботам семейные концерты устраивает для своего круга, а не для нашего брата пролетария. Видимо, дача профессора Вульфа*

превратилась в музей, чтобы избавиться от назойливых большевиков с их национализацией. Главнаука дала охранную грамоту, а дача с имуществом спасена и теперь догадливый профессор получает ассигновочки. А музей местного края известный всему населению стоит без средств с заколоченным входом. ГОНО на этот музей нужно обратить свое внимание и отпущенные средства отправить по адресу, а то ходят слухи о том будто бы еще и 3 музей зарегистрирован в Главнауке — дом художника Шереметева. Вот какие у нас в Тарусе бывают музеи и профессора!»[25].

Нам не удалось выявить никаких отчетов о деятельности музея в тот период. Вероятнее всего, это был грамотный тактический ход профессора, который имел связи в Главнауке, с целью сохранить свое прежнее место жительства от посягательств уездных властей. Хранитель музея В.В.Вульф умерла в 1923 г., Ю.В. Вульф — в 1925 г.

В 1927 г. музей уже не числится в списках музеев, находящихся в ведении Главнауки Наркомпроса[26].

Примечания

[1]Лысцева И.В. Музей в культурном наследии русского исторического города (Калужская обл.) // Боровский краевед. Боровск,1990; Черепанова Н. Г. Деятельность Калужского комитета по делам музеев и охраны памятников в 1918—1923 гг. // Песоченский историко-археологический сборник. Вып.4. Ч.1. Киров, 2002; Лошкарева Н. П. Из истории Боровского музея (1919—1954 гг.) // Боровский краевед. Вып.7.Боровск, 1997; Гужова И. В. На благое просвещение // Тр.регионального конкурса науч. проектов в области гуманитарных наук. Калуга, 2003.

[2]Черепанова Н.Г. Указ. соч. С. 173.

[3]Ив. Кольцовский. Тарусский музей местного края // Коммуна. 1924. № 45.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.10. Д.206. Л.50.

[8] Там же. Л.51.

[9] Коммуна. 1926. № 31.

[10] Музей закрывается. // Коммуна. 1926. № 32.

[11] ГАКО. Ф. Р-2878. Оп.1. Д.27. Л.23.

[12] ГАКО Ф.Р-2878. Оп. 1. Д. 27. Л. 24.

[13] ГАКО Р.-2878. Оп.3. Д. 37. Л.1.

[14] ГАКО Ф. Р-2878. Оп. 3. Д.37 ЛЛ. 2—7.

[15] ГАКО Ф. Р-2878. Оп. 3. Д.37 Л. 10.

[16] ГАКО. Ф.Р-2878. Оп. 1 Д.11. Л.4—4 об.

[17] ГАКО Ф. Р-2878. Оп.3 Д. 37. Л.20.

[18] Там же Л.16.

[19] Там же. Л.11.

[20] 12 июля 1929 г. Калужская губерния была упразднена, а ее территория разделена между Московской и Западной областями. Тарусский уезд вошел в состав Серпуховского округа Московской области.

[21] Гужова И.В. Указ. соч. С. 453.

[22] Гостунский Н.Н. Указ. соч. М.,1965. С. 242.

[23] ГАРФ. Ф. А-2307. Оп.3 Д. 308. Л.36.

[24] Там же. Л.35.

[25] Захар Бездомный. Музей профессора Вульфа // Коммуна. 1922. 17.09.1922.

[26] Лысцева И.В. Указ.соч. С.99.

«ВАШ РЫЦАРЬ И ДРУГ». (М.К. МОРОЗОВА В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО)

***А.А Кащеева**, н.с., Музей истории г.Обнинска*

В Нижнем парке современного Обнинска находится особняк конца XIX в., именуемый в городе как «Морозовская дача». Построен он был на хуторе Турлики Малоярославецкого уезда в 1899 г. по заказу В.П. Обнинского, а нынешнее название получил по имени последней владелицы — М.К.Морозовой.

Имя этой женщины было хорошо известно в Москве начала XX в., она славилась как активная общественная деятельница и меценат.

Образом Маргариты Кирилловны Морозовой было овеяно творчество одного из самых ярких литераторов XX века — Андрея Белого.

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев) — поэт, прозаик, публицист, философ — привлекал к себе пристальное внимание современников. Его жизнь вызывала толки, лекции срывали овации, а книги шокировали.

Б.Н. Бугаев родился в семье профессора математики, потомственного дворянина Николая Васильевича Бугаева. Окончил два факультета Московского университета — физико-математический (естественное отделение) и филологический. С юности интересовался философией, штудировал труды Канта, Ницше, в 1900 г. познакомился с философией одного из самых крупных русских мыслителей — Владимира Сергеевича Соловьева.

Теория Соловьева была прочувствована и принята Бугаевым и его сверстниками, строки из стихотворения поэта-философа звучали для молодых людей гимном:

Знайте же, Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идет
В свете немеркнущем Новой Богини
Небо слилось с пучиною вод.

Тема Вечной Женственности была подхвачена молодыми поэтами-символистами. В доме Соловьевых читался рукописный цикл Александра Блока «Стихи о Прекрасной Даме», с восторгом и преклонением принятый всеми, включая и Бориса Бугаева.

Андрей Белый. 1904 г.

Молодой студент Бугаев решился в кружке Соловьевых показать свои первые произведения. В его душе рождались музыкальные темы, он часами сидел у рояля и импровизировал, а затем эмоции и чувства из музыкальной плоскости переносил в литературные «Симфонии». Это было ново, ярко. Друзья признавали это гениальным. Брат философа Соловьева, Михаил Сергеевич Соловьев, показал произведения Бугаева поэту и книгоиздателю В.Я. Брюсову. И с 1901 г. стали выходить в свет части «Симфонии» под псевдонимом «Андрей Белый».

Годы вхождения в литературный мир назвал позднее Бугаев «Годами Зари», они совпали с важным дня него событием: он увидел перед собой желанный образ Вечной Женственности, Премудрости на земле — в лице реальной женщины, Маргариты Кирилловны Морозовой.

Эту женщину нетрудно было выделить среди других — она отличалась высоким ростом, величественной осанкой, копной темных, причудливо уложенных волос и, главное, *«у неё были ослепительные глаза, с отблеском то сапфира, то изумруда»*[1].

М.К.Морозова приковывала взгляды всей московской знати как

одна из красивейших женщин, как хозяйка модного салона. Она происходила из известного купеческого рода Мамонтовых, замужем была за наследником Тверских мануфактур М.А.Морозовым. С мужем входила в состав дирекции Русского Музыкального общества; славилась в Москве как талантливая пианистка.

Дом Морозовых был хорошо известен москвичам и Бугаеву, в частности; он стал посылать Даме восторженные письма, подписывая их «Ваш рыцарь»:

«Сквозь вихрь снегов, восторг метелей
слышу лазурную музыку Ваших глаз...»[2].

«Моя сказка, мое Счастье! Мое воплощенное откровение, благая весть моя, тайный мой стяг!.. Я озарен!»[3].

«Тихая моя радость, Сказка радостная, сказочная моя страна!

Мне не сказать, как я Вас люблю. Со мной сейчас тихий восторг и тихий мой свет. Льются звучные струи лазури... И вечность мая, небо мое стало далеким, недостижимым, вечно убегающим куполом. Милая, скажите, почему?»[4].

М.К. Морозова. 1910-е гг.

Так продолжалось не один год, но инкогнито Рыцаря было нарушено.

Личного знакомства не произошло в то время, но вышла в свет «Вторая Симфония» Андрея Белого и Морозова прочла её.

«Приехав домой, раскрыла книгу и была поражена тем, что нашла в неё буквально выраженья из писем Рыцаря — вспоминала много позже Маргарита Кирилловна, — *и поняла, что под именем Сказки в этой симфонии он говорит обо мне. Симфония эта, несмотря на её некоторые странности, меня пленила своей какой-то весенней свежестью и цельностью»*[5].

В 1904 г. в свет вышел поэтический сборник Андрея Белого «Золото в лазури», также овеянный образом Зари.

А прообраз Зари — Маргарита Кирилловна — переживала в это время траур по умершему мужу, Михаилу Абрамовичу.

Дочь Мария родилась через три месяца после смерти отца. Морозова, пригласив сестру, Елену Кирилловну Вострякову, вместе с детьми уехала в Швейцарию.

«Когда мой муж умер, я свободно отвергла многие соблазны, ушла и одна жила и работала. С одной стороны, мое сердце и душа наполнены прошлым, с другой стороны, я вся полна стремления думать, узнавать, освещать и создавать мой новый путь...» — писала в воспоминаниях Морозова[6].

Она серьезно занималась музыкой, иностранными языками, выписывала труды известнейших философов и изучала их.

По возвращении в Москву, в 1905 г., Морозова расширила круг своих знакомств и её салон, известный еще с конца 90-х гг., получил новое содержание. Если раньше здесь проходили светские рауты и литературно-музыкальные вечера, то теперь велись разговоры о культуре, философии, политике.

В доме Морозовой заседало Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева (учредительницей явилась сама Маргарита Кирилловна). Здесь часто бывали

Николай Бердяев, Павел Флоренский, Лев Лопатин, Евгений Трубецкой. Труды этих философов печатались в издательстве «Путь», которое финансировала Морозова. На её средства издавалась газета «Московский еженедельник».

Открывала свои двери Морозова и для политических собраний — выступал лидер кадетов Павел Милюков, проходили и большевистские заседания.

Андрей Белый писал о М.К.Морозовой: *«Если до того она была «дамой с тоской по жизни», то теперь явилась активной деятельницей музыкальной, философской и издательской жизни Москвы»*[7].

В апреле 1905 г. личное знакомство все же состоялось и Белый стал частым гостем в салоне Морозовой.

«Никогда, ни одним словом, ни одним жестом, не давал понять, что он мне писал, — вспоминала Маргарита Кирилловна. — Это, конечно, показывало большую чуткость и деликатность и очень меня к нему расположило.

...Слушать Бориса Николаевича было для меня совсем новым, никогда мной раньше не испытанным наслаждением. Я никогда не встречала, ни до, ни после, человека с такой гениальной поэтической фантазией. Я сидела и слушала, как самые чудесные, волшебные сказки, его рассказы о том, что он пишет или о том, что он думает писать»[8].

У Морозовой и Белого сложились очень близкие, доверительные отношения. Она являлась поверенной в его личных и творческих исканиях.

Многое в жизни Белого было мучительным и противоречивым, а Морозова всегда находила возможность *«в трудные моменты жизни приободрить»*[9].

В одном из писем к Маргарите Кирилловне Белый писал: *«Пишу Вам с радостью, потому что всегда радостно мне было Вам говорить даже о трудном, что случалось в моей жизни, и потому быть искренним с Вами — привык»*[10].

Ей одной из первых рассказал он и о важной для него встрече с молодой художницей Анной Алексеевной Тургеневой, Асей. Морозова была очень рада, что складывалась личная жизнь Андрея Белого и у него появилась новая волна вдохновения. В письме к нему она писала: *«Дорогой и милый Борис Николаевич! Безмерно радуюсь видеть Вас и Асю у себя в Михайловском... Асю я уже люблю и уважаю за то, что она Вам принесла столько радости... Мне так хочется о многом с Вами поговорить, так мне нужно знать и чувствовать что у Вас в душе, о чем Вы думаете, что пишете»*[11].

Осенью 1910 г. Белый и Ася отправились в большое заграничное путешествие. С этого момента поэт назвал Анну своей женой, хотя официально брак был заключен лишь в 1914 г. Вскоре после путешествия, летом 1911 г., Борис Николаевич с женой приехали погостить в имение Морозовой Михайловское (ныне — территория Нижнего парка в г. Обнинске). Здесь они оставались три недели. Маргарита Кирилловна и Андрей Белый просиживали долгие часы в разговорах о философии, поэзии, о жизни вообще. Ася в этих беседах не принимала участия, *«держалась независимо, очень спокойно, и даже холодно и совсем равнодушно ко всему её окружающему...»*[12].

Вскоре после пребывания в Михайловском Белый с женой уехали в Европу.

Весной 1912 г. Белый написал Морозовой из Базеля о том, что познакомился с Рудольфом Штейнером, австрийским религиозным философом[13]. Человек яркой внешности, гениальный оратор, Штейнер увлек Белого своим учением, более того, Белый стал фанатичным проповедником идей своего учителя.

Маргарита Кирилловна поняла, что её другу необходимо следовать за учителем, на это требовались деньги, и она предложила свою помощь. Борис Николаевич согласился лишь на один год такой поддержки, затем он планировал поправить свое положение за счет авторских гонораров от издательства. Он держал Морозову в курсе всех новейших философских идей, регулярно посылал её конспекты лекций видных европейских философов[14].

В своем имении Михайловское Морозова зачитывала эти конспекты вслух в кругу ближайших общих друзей — братьев Метнеров — композитора Николая Карловича и книгоиздателя Эмилия Карловича.

Николай Карлович Метнер написал романс на стихи Белого «Золотому блеску верил» и посвятил его Маргарите Кирилловне[15].

Путешествие Белого по Европе вылилось в многолетнее скитание. Он пережил большую

личную драму — расставание с Анной Тургеневой, творческий кризис, и, будучи категоричным и непримиримым, порвал отношения с ближайшим другом, Эмилием Метнером… Навсегда в Россию Белый вернулся после революции — уставший, больной и одинокий. И мысленно чаще и чаще возвращался к годам Зари. Ему хотелось все снова осознать и высказать. «*Нужно было войти в атмосферу 1900-х годов, в переживания 20-летнего юноши и только выявить «набившего опыт рукой» мир тех звуков и образов, которыми юноша был переполнен, но не сумел тогда отразить*», — вспоминал Андрей Белый[16].

Он принялся перерабатывать цикл «Золото в лазури», выпустил новый цикл «Зовы времени», но темы и образы волновали его, они были живы, и он ощущал потребность в новом их выражении. Белый призывал вновь годы Зари. Ксения Николаевна Васильева-Бугаева (вторая жена) отмечала: *«От него веяло эпохой Зари, и я видела, как написанные в это время стихи органически вырастали из общего фона ожившего времени»*[17].

Впервые за 20 лет знакомства с Морозовой Белый позволил себе напомнить о том, что он был — и остался — её Рыцарем.

Одно из писем в 20-х гг. Белый подписал «Ваш рыцарь и друг, Борис Бугаев».

Вновь и вновь возвращаясь к темам «Золота в лазури», Белый в 1921 г. создал замечательную автобиографическую поэму «Первое свидание».

Один из центральных образов в поэме — Надежда Львовна Зарина, прообраз М.К. Морозовой.

Она пройдет — озарена
Огней зарней, неопалимей
Надежда Львовна Зарина —
Её не имя, — а — «во-имя»...
А тайный розовый огонь,
Перебегая по ланитам
В ресниц прищуренную сонь
Их опаливший меланитом, —
Блеснет как северная даль,
В скозные веерные речи
Летит вуалевая шаль
На бледно-палевые плечи...

В 20-х годах М.К.Морозова переживала тяжелые времена. Всё её состояние было национализировано, она жила с сестрой в нужде, но мучили её душу другие потери: в психиатрической клинике скончался её старший сын Георгий, обе дочери оказались за границей, эмигрировали близкие друзья Метнеры; умер её дорогой друг, князь Евгений Николаевич Трубецкой...

Первые годы Морозова старалась держаться, появлялась на симфонических концертах и вернисажах, но потом чаще и чаще стала отказываться от приглашений и жила затворницей. Последние годы жизни посвятила написанию своих воспоминаний, которые сейчас хранятся частично в Российской Государственной библиотеке, в отделе рукописей, и в Российском государственном архиве литературы и искусства.

…Андрей Белый перед смертью, в 1934 г., вспоминал своих давних друзей, вновь и вновь просил проигрывать дорогой его сердцу романс «Золотому блеску верил»…

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел...
Я любил только звон колокольный
И закат
Отчего мне так больно, больно?
Я не виноват...

Примечания

[1]Андрей Белый. Между двух революций. Воспоминания в 3-х кн. М., 1990.
[2]РГБ. Ф. 171. К. 24. Ед. 1а.
[3]РГБ. Ф. 171. К. 24. Ед. 16.

[4]РГБ. Ф. 171. К. 24. Ед. 1г.
[5]РГАЛИ. Ф. 1956. Оп. 2. Д.10.
[6]Там же.
[7]Андрей Белый. Между двух революций. Воспоминания в 3-х кн. М., 1990.
[8]РГАЛИ. Ф. 1956. Оп. 2. Д. 10.
[9]Андрей Белый. Между двух революций. Воспоминания в 3-х кн. М., 1990.
[10]РГБ. Ф. 171. К. 24. Ед. 16/7.
[11]РГБ. Ф. 25. К. 34. Ед. 5.
[12]РГАЛИ. Ф. 1956. Оп. 2. Д.10.
[13]РГБ. Ф. 171. К. 24. Ед. 16/3.
[14]РГБ. Ф. 171. К. 24. Ед. 16/4, 5, 6, 10.
[15]ММК им. Глинки. Ф-132. Ед.103.
[16]Бугаева К.Н. Воспоминания об Андрее Белом. СПб., 2001. С.232.
[17]Там же.

ВЕРА И СЕРГЕЙ ТОЛСТЫЕ — ПОТОМКИ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

***Н.В. Салахова**, Калужский областной центр туризма, краеведения и экскурсий*

В 2008 г. исполнится 180 лет со дня рождения великого русского писателя Л.Н. Толстого. Казалось бы, его биография и творческое наследие изучены уже досконально. Немаловажный вклад в толстоведение внесли сами родственники и потомки знаменитого писателя, оставив воспоминания, очерки, дневники. По-разному сложились их судьбы, жизнь разбросала их по всему миру, но все они сохранили в себе русскую душу и любовь к родине. Потомки Л.Н. Толстого теснейшим образом связаны с Калужским краем. Его сын — Илья Львович — владел имением Дубровка Малоярославецкого уезда Калужской губернии; с этим местом связаны почти 20 лет жизни семьи. В данной работе предпринята попытка собрать материал о внучке Л.Н. Толстого — Вере Ильиничне и её сыне Сергее — правнуке великого писателя.

Илья Львович Толстой — второй сын писателя — с февраля 1888 г. был женат на Софье Николаевне Философовой, женщине высокообразованной, прекрасной музыкантше, обладающей замечательными душевными качествами. У них было восемь детей — две девочки и шесть мальчиков; два мальчика умерли, будучи маленькими.

Девочки были для матери утешением и помощницами. Обеих мать обучала с детства музыке, любовь к которой они пронесли через всю жизнь. Несмотря на большую разницу в возрасте (14 лет) сёстры были очень дружны. Старшая — Анночка — с нежностью относилась к своей маленькой сестричке — *«пучеглазой Верочке, болтушке и хохотушке»*, как называли её ласково в семье[1].

Верочка родилась в имении своих родителей Дубровке (Мансурово, тож), под Калугой[2, 3]. В Государственном архиве Калужской области в фонде Калужской духовной консистории имеется метрическая книга храма Покрова Пресвятой Богородицы, что в селе Логино, в которой есть запись: *«1903 год. 19 июня младенец Вера. Родители: граф Илья Львович Толстой и его законная жена Софья Николаевна, оба православного вероисповедания, жительствующие в сельце Дубровке. Восприемниками были: граф Михаил Ильич Толстой и Андрей Ильич Толстой (братья Верочки), графиня Софья Андреевна Толстая (бабушка) и Анна Ильинична Толстая (старшая сестра)»*.

С отцом, отлучавшимся часто из дома по делам службы, девочка виделась редко, а в 1916 г. он и вовсе уехал в Америку, оставив семью. Старший брат Андрей Ильич Толстой, серьёзный и обстоятельный человек, после отъезда отца полностью взял на себя заботу о матери и младших детях. Вере он заменил отца[1].

В детстве Вера вместе с матерью часто навещала дедушку и бабушку в Ясной Поляне. Софья Андреевна внуков любила и всегда радовалась их приезду[1].

Дома девочку учили иностранным языкам, русской словесности, музыке, пению, танцам. Как и все Толстые, она была очень музыкальна. Во время учёбы в ней пробудился талант к пению. Она много занималась музыкой и наигрывала романсы, которые не задавала учительница. Музыку и слова перенимала с голоса старшей сестры Анны Ильиничны. В 1917 г. Вера

была в последнем классе Александровского института благородных девиц на бывшей Божедомке (ныне ул. Достоевского в Москве).

После Октябрьской революции, в 1918 г., самый толковый и волевой из семьи — брат Андрей — сумел отправить женщин через пылающую Россию в Новочеркасск. Опасность была реальной, ибо он сам и его брат Михаил воевали на стороне Врангеля.

В марте 1919 г. Михаил умер в Новочеркасском госпитале от сыпного тифа. После этого Вера с матерью перебрались в Новороссийск. В Новороссийске пятнадцатилетняя графиня Верочка работала в тифозном госпитале. Сначала заболела тифом мать, Софья Николаевна, но выздоровела. Вскоре заразилась Вера. Летом 1919 г. мать и дочь каким-то чудом попали на пароход, который отплывал в Югославию (тогда в Сербию). Софья Николаевна вела дочь на пароход под руки, так она была слаба[1].

Так закончилась жизнь на родине старшей невестки Л.Толстого и его внучки Веры и началось сложное и тревожное скитание на чужбине.

После нескольких лет «хождений по мукам» мать с дочерью прибыли в Прагу. Президент Чехии Ян Масарик, почитатель Л.Н. Толстого, предложил Вере Ильиничне на выбор стипендию на учёбу в Пражском университете или пособие матери пожизненно. Верочка выбрала пособие матери. Так что о высшем образовании пришлось забыть. Но жизнелюбивая Верочка не пала духом. В Праге она устроилась на работу. В 18 лет вышла замуж, родился сын Сергей. Но семейная жизнь не сложилась, сына она воспитывала одна[4].

Окончив курсы массажистов, Вера проявила такие способности, что получила контракт в Париже. Она работала в знаменитом салоне красоты, но ей пришлось оттуда уволиться. На помощь пришёл Михаил Львович Толстой, брат отца. Он привёл племянницу в ресторан «Голубой мотылёк», в котором началась её карьера певицы. Она пела на пяти языках под псевдонимом Вера Толь. Однако весь Париж знал её как внучку Толстого. Вскоре она перешла в лучший в то время парижский ночной клуб «Шахерезада», где её слушали мировые знаменитости: Марлен Дитрих, Пола Негри, шведский принц Бернард, Альфред Нобель и другие. У Веры Ильиничны был прекрасный голос — контральто. Она обладала огромным дарованием: ни на кого не похожим исполнением цыганских романсов и русских народных песен, которые пели яснополянские крестьяне. Иногда она аккомпанировала себе на гармошке. Работать в «Шахерезаде» было непомерно сложно, и поэтому во время войны она перешла в ресторан герцога Лейхтенбергского, ближе к дому, чтобы не работать ночью, так как в городе был комендантский час.

После войны В.И. Толстая решила спасаться от советских спецслужб. Мать к этому времени уже умерла (в 1934 г.) и Верочка написала письмо своей тётке — Александре Львовне Толстой — с просьбой вызвать её в Америку. Получив необходимые документы, в 1949 г. она оказалась в США. Вера Ильинична приплыла в Нью-Йорк с аккордеоном, с которым не смогла расстаться. Иммиграционный чиновник хотел отобрать у неё дорогой немецкий инструмент. Он решил, что русская привезла его на продажу. Пришлось доказывать своё умение играть. Вновь начались поиски работы. Продавала косметику, дамские платья, работала гувернанткой в богатом доме. Но для заработка уже не пела по воле тётушки, которая говорила, что *«годы уже не те, да и вообще ни к чему»*[4].

Все последующие годы Вера Ильинична жила в Вашингтоне, где вместе с журналисткой Аллой Кторовой, русской по происхождению, работала диктором на радиостанции «Голос Америки» под псевдонимом Веры Мансуровой. Псевдоним образовался из названия русской деревни, где она родилась в имении своих родителей. Таким образом, Верочка, оторванная в 16 лет от родины, как бы перекидывала мостик в Советский Союз, в Россию, в свою милую Дубровку-Мансурово, давая знать о себе родственникам, жившим в Советском Союзе. Тоска и грусть по Родине никогда её не покидала. Но, к счастью, была прекрасная возможность общаться со своей тётушкой Александрой Львовной — младшей дочерью Толстого, с которой Верочка была очень дружила, ездила к ней на выходные и в отпуск. Они вместе отправлялись на рыбалку, которую Александра Львовна очень любила и не знала лучшего отдыха[4].

Под конец жизни В.И. Толстая переехала во Флориду. Скитавшаяся по Европе и Америке, она наконец обрела свой дом, который называла «ма бомбоньер» (коробка для конфет), куда к ней часто приезжали родственники, друзья, все те, кто интересовался жизнью и творчеством

её знаменитого деда. У неё был широкий круг общения. Она встречала В.А. Маклакова, друга отца, не раз посещала Мережковских, дружила с представителями «высшего света»: князем Гавриилом Константиновичем (сыном Константина Константиновича Романова, который как поэт подписывался псевдонимом КР), великим князем Дмитрием Павловичем, двоюродным братом Николая II, великим князем Василием Александровичем и другими. Феликса Юсупова она знала уже очень пожилым[4].

Со своими родственниками из Советского Союза она начала поддерживать отношения с 1953 г. — после смерти Сталина. Она переписывалась с учениками яснополянской школы. В 1991 г. В.И. Толстая приезжала в Россию вместе с разбросанными по всему свету потомками Л.Н. Толстого. Побывала в Москве, где много гуляла, прошлась по своей родной Божедомке, где училась в детстве, съездила в Ясную Поляну — *«к бабушке и дедушке»*, и навестила свою малую родину, своё милое Мансурово-Дубровку, где родилась и провела своё детство. Старожилы Дубровки рассказывали, как 88-летняя Верочка с лёгкостью поднималась в свой родной дом по парадной лестнице и распевала по-русски озорные частушки. Она разговаривала с учителями (тогда в Дубровке ещё была ещё школа), с детьми, со старожилами. И все отмечали что, несмотря на семидесятилетний с лишним отрыв от страны рождения, Вера Ильинична говорила на прекрасном русском, без какого-либо акцента и в речи её только иногда, для особой эмоциональной окраски, проскальзывали словечки из французского, её второго языка[5].

После этого визита осталась фотография, где Вера Ильинична запечатлена на фоне дома в Дубровке вместе со своим племянником Ильёй Владимировичем Толстым. Его сын — Владимир Ильич — является в настоящее время директором музея-заповедника Ясная Поляна.

В.И. Толстая умерла в 96 лет 29 марта 1999 г. и погребена на кладбище Ново-Дивеевского монастыря в Спринг Валли (Нью-Йорк)[6].

Через всю свою жизнь Вера Ильинична пронесла глубокую любовь к своей малой родине — Дубровке, с которой у неё были связаны яркие впечатления детства, мирной жизни, полной заботой друг о друге семье, в которой постоянно звучала музыка. Эту любовь она сумела передать родившемуся вдали от России сыну Сергею. В сентябре 2006 г. Сергей приезжал в имение Дубровку Калужской области, где родилась его мать. Его сопровождали директор музея-заповедника Ясная Поляна Владимир Ильич Толстой — правнук Ильи Львовича — и другие родственники.

Сергей Владимирович очень подвижен и энергичен, элегантен. С первых минут общения с ним начинает казаться, что знакомы с ним уже давно и он откровенно рассказывает о себе и своей маме. О ней он рассказывает с особой теплотой: *«Мама была сильной женщиной. Она уехала из России совсем молодой, когда ей было только 16 лет, в Сербию. В 18 лет вышла замуж, но неудачно. Она разошлась с моим отцом, уехала во Францию. Когда мне было два года, отец выкрал меня и увёз с собой в Сербию. Мама и её тётка Александра Толстая приехали в Сербию и через суд забрали меня. Мама говорила, что в этом деле очень помогла её фамилия графини Толстой. Мама попросила своего приятеля князя Владимира Бобринского стать моим крёстным отцом, поэтому я ношу отчество Владимирович. Детство моё прошло в Париже. Поэтому моим вторым своим родным языком стал французский. Русский я знаю благодаря бабушке и маме. У меня хранится пластинка с голосом моего прадеда «Говорит Лев Толстой», есть пластинка с записью русских и цыганских песен в исполнении мамы, Веры Толстой, она пела в Париже в кабаре.*

Позже мама уехала к своим родным в США и жила вторую половину жизни в Вашингтоне. Более 20-ти лет она работала на радиостанции «Голос Америки». А когда вышла на пенсию, купила себе небольшой домик во Флориде по примеру своей подруги. Если бы мам могла только знать, сколько стоит сейчас её домик! Она же купила его примерно за три тысячи долларов»[6].

Прошло уже почти 100 лет со дня смерти Л.Н. Толстого, но и в России, и в Америке не гаснет интерес к его творчеству и его потомкам». Так думает Сергей Владимирович — правнук писателя, который родился спустя 12 лет после смерти своего великого прадеда. Сергей Владимирович считает, что его фамилия — это главное в его жизни.

Он рассказывал, что после развода Вера Ильинична не хотела снова выходить замуж и менять фамилию. У неё были знатные кавалеры, но она предпочла остаться графиней

Толстой. Она обожала своего деда, хотя какое-то время боялась его бороды. Он был для неё как святой. Дед умер, когда Верочке было 7 лет, и она всю жизнь хранила фотографию, где она запечатлена с ним, сидящая у него на коленях.

Детство и юность Сергей Владимирович провёл в Париже. Он свободно говорит по-русски, по-французски, по-английски, по-немецки. По образованию он психолог. Был переводчиком. После войны (1939—45 гг.) почти два года прослужил в Германии в Американской зоне.

В 1948 г. Вера Ильинична решила переехать на постоянное место жительства в Америку. Сергей с ней не поехал, остался в Париже, женился. Но через 10 лет умерла жена, в конце 1960-х гг. в Париже начались студенческие волнения и он решил перебраться к матери в Америку.

Сейчас Сергей Владимирович живёт в Вашингтоне, читает лекции в университете о Льве Толстом, принимает активное участие во всевозможных встречах с русскими и американскими организациями. У него много друзей в Вашингтоне, ему часто звонят друзья из Парижа. Он живёт по принципам своего знаменитого прадеда: у него нет состояния, нет богатств, нет денег, он старается жить активно и полноценно. Говорит Сергей Владимирович на чистейшем русском, на котором говорили его мать, деды и прадеды. О болтунах он говорит: *«пустые речи»*, а, прощаясь с дамой, скажет: *«целую ручки»*. Как здесь не поверить, что любовь к родине, ко всему родному, кровному передаётся с генами?![6].

Примечания

[1]Толстой И.В. Светлана Толстая. Пути и судьбы. М, 2000.
[2]Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 331.
[3]Там же. Д. 389.
[4]Яснополянский сборник. 2002.
[5]Беседа со старожилами Дубровки в августе 2006 г.
[6]Беседа с Сергеем Владимировичем Толстым в сентябре 2006 г.

ТРАДИЦИОННАЯ КАЛУЖСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА ПО ПИСЬМЕННЫМ И ВЕЩЕСТВЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

***Г.Б. Сафонова**, зав. отделом, Калужский областной краеведческий музей*

Традиционные обряды, пронизывавшие все сферы жизни и хозяйственной деятельности русского народа — одна из ярчайших страниц национальной культуры. Они наиболее полно были представлены в аграрно-календарном и семейном циклах, где и дольше всего сохраняли свои архаические черты, заметные в материалах середины XIX—начала XX вв., относящихся к крестьянской среде. В их комплексе особая роль принадлежит свадебному обряду, для которого было характерно развитое драматическое действо, отличавшееся большим разнообразием в различных регионах России.

Крестьянской свадьбе в ее региональных вариантах посвящено немало публикаций[1], в том числе и по свадебному фольклору, насчитывающему несколько тысяч текстов, начало собиранию которых было положено П.В. Шейном[2] и развито в ряде более поздних исследований[3]. Источником данной работы послужили документальные записи обряда Калужской губернии второй половины XIX—начала XX вв., когда характерные черты еще не претерпели значительной трансформации. Эти материалы могут служить объектом изучения лишь в комплексе с вещественными материалами — предметами коллекции Калужского областного краеведческого музея. На их собирание впервые было обращено внимание в начале XX в., когда коллекция музея стала пополняться интереснейшими находками.

Среди письменных источников по Калужскому краю наиболее ценными являются немногочисленные самые ранние записи обряда, сделанные в 1850-х—60-х гг.: в Мещовском уезде преподавателем П.А. Ляметри, в Мосальском — помещиком П.А. Суходольским, в Малоярославецком — А. Толмачовым, неизвестным корреспондентом в Тарусском уезде и опубликованные в Калужских губернских ведомостях[4]. В 1890-х гг., когда народные обряды становятся предметом специального изучения, известный этнограф и фольклорист В.Н. Добровольский

в нескольких деревнях Мосальского уезда записывает свадебный обряд, публикация которого появилась в 1902 г.[5]. Немало интересного есть в материалах, присланных корреспондентами из Калужской губернии в «Этнографическое бюро» князя В.Н. Тенишева, созданное в 1897 г.[6].

Начало собиранию вещественного материала по этой теме в Калужском крае было положено М.Е. Шереметевой (1886—1963), работавшей по программе Калужского Общества истории и древностей и областного музея. В 1928 г., после изучения костюма, была опубликована ее вторая работа — по обследованию локальной этнической группы населения — «Гамаюнцины» — в пригороде Калуги, посвященная специально свадьбе[7] и ряд свадебных атрибутов поступил в коллекцию музея, в том числе несколько уникальных фотографий.

Предметы, применявшиеся в свадебном обряде, можно разделить на две группы. Первая из них — это костюм и полотенца, украшенные узорным ткачеством и вышивкой, отличающиеся высокими художественными достоинствами. Их сбору для коллекции музея и в начале XX в., и в наше время уделяется особое внимание как ярким и самобытным образцам народного искусства региона. В эту же группу можно включить некоторые предметы, изготовлявшиеся исключительно для исполнения обряда: такие, как украшавшийся с особой символикой свадебный пирог — «роща», или нарядная упряжь свадебной повозки.

Вторая группа — обычные бытовые предметы, наделявшиеся на время обряда особыми знаковыми свойствами. Среди них могли быть ременная плеть дружка, топор, обычный столовый половник, грубая ткань из льняных очесов — «дерюга» — или простая рыболовная сеть, принимавшая на себя магические функции оберега. Внешний вид этих предметов, в отличие от первой группы, не говорит об их особом обрядовом значении. Их символика и способ употребления становятся понятными только при наличии документальных записей обряда. Предметы этой группы, как правило, постигала печальная участь. Многие из них по окончании свадьбы вновь использовались по своему прежнему — хозяйственному — назначению. Их не берегли так, как свадебный костюм — до конца жизни, который использовался иногда и как погребальная одежда. Поэтому в собрании музея предметы второй группы очень немногочисленны.

Как вещественные, так и письменные источники по крестьянской свадьбе подчеркивают многосоставную структуру обряда. Все действа, следовавшие на свадьбе одно за другим, или с определенным временным промежутком, разделяются на несколько этапов. Первый — предсвадебный: от сватовства до венчания; второй — день венчания; третий — послесвадебные обряды. На первом этапе был обязателен «плач невесты» — одной из ее необходимых обязанностей было умение «голосить», т.е. плакать с причитаниями. Полной драматизма было прощание с «девичьей красой», а кульминацией этого периода было одевание невестой «печальной» одежды, в которой она ехала к венцу. И вместе с тем, после венчания характер обряда менялся в совершенно противоположную сторону, вплоть до плясок ряженых на завершающем этапе. В этой связи необходимо отметить, что костюм ряженых известен исключительно по письменным источникам, т.к. состоял из нарочито старой поношенной будничной одежды, причем нередким было одевание одежды противоположенного пола.

Особая знаковая роль костюма подчеркивалась на всех этапах свадебного обряда. Основная черта костюма предвенчального периода — одевание невестой «по печали», имевшее сходство с траурной одеждой. В Жиздринском уезде (Кировский район) невеста ехала под венец в неукрашенной юбке — поневе, в белой без красной отделки рубахе и в белом платке — покрывале, причем одевалась и верхняя одежда[8]. В Калужском уезде невеста одевалась в белую рубаху с длинными рукавами, в неукрашенный косоклинный сарафан — китайку. Таким же был костюм этого периода и в Перемышльском уезде, причем рубаха старинного покроя (с «долгими» рукавами, без декора) одевалась необычным способом — задом наперед, т.е., с застежкой на спине. В третьей четверти XIX в. такие рубахи, у которых «с подолом вместе трепались рукава» были уже редкими[9]. В коллекции Калужского областного краеведческого музея хранится уникальная венчальная рубаха подобного архаического покроя, происходящая из с. Игнатовского Лихвинского уезда (ныне Тарусский район), выполненная из тонкого, тщательно спряденного и сотканного льна. Длина ее узких, скошенных книзу рукавов составляет 72 см., при одевании они собирались на руке ниже локтя. В костюме северных областей России такие «долгие» рукава назывались «плакальными» (их длина достигала 100—120 см.), подчеркивая своим названием и

Рис. 1. Жительница с. Огорь Жиздринского района Е.А. Степина в своем свадебном костюме, сшитом в 1920 г. Фото 23 мая 1984 г.

преобладанием в рубахе белого цвета — скорби, драматический, «печальный» характер первого периода свадьбы[10]. Эта особенность покроя известна и в погребальной одежде. «Смертную» рубаху в д. Квань недалеко от Калуги также шили с «долгими рукавами». Гладко-белым без какой-либо отделки было головное покрывало невесты, которым закрывали часть лица. Покрывало из д. Збродово Лихвинского уезда, также как и венчальная рубаха, отличается тонкостью тщательно сотканного холста.

На первом этапе свадьбы и при поездке к венцу особый смысл приобретали предметы и некоторые действия, призванные оградить участников обряда от злых сил. Защитной функцией наделялась ременная плеть дружка, которой он хлопал крестообразно по дверям дома невесты или освобождал место жениху рядом с невестой при обряде выкупа ее косы, при этом нередко дружко затыкал за пояс топор. В Малоярославецком уезде при «продаже косы» плети дружка противостоял другой свадебный атрибут — половник или деревянная «веселка» для размешивания теста, которой был вооружен брат невесты. Эти предметы также играли роль оберега, но уже на стадии преобладания в обряде развлекательного действа. Особая защитная символика придавалась такому предмету, который вне свадебного обряда имел сугубо хозяйственное назначение. В 1926 г. в коллекцию музея поступила часть невода, которым опоясывали ехавшую к венцу невесту по рубашке под сарафаном в д. Квань Калужского уезда. Такой же рыболовной сетью опоясывали жениха и невесту в с. Озерна Медынского уезда в 1890-е гг. В 1848 г. подобное явление в мещанской и купеческой свадьбе Калужской губернии отметил А. Терещенко: *«Перед поездом к венцу плачет невеста. Ее подпоясывают сеткой, чтоб не испортил колдун»*[11]. Рыболовная сеть как деталь свадебного костюма известна во многих областях России. Исследователи предполагают, что опоясывание не только защищало от порчи, но и способствовало деторождению[12]. Такой функцией наделялись узлы, которых на сети было великое множество. Они были одним из воплощений идеи крепости, стойкости, их завязывание осмыслялось как замыкание и имело охранительное значение. С этой же целью в качестве предупредительных мер в деревнях недалеко от Спас-Деменска еще в конце XIX в. на свадьбу обязательно приглашался живший в ближайшей округе человек, слывший за колдуна, из-за боязни, чтобы он не «испортил молодежь». Эти представления были настолько сильны, что «колдун» считался одним из

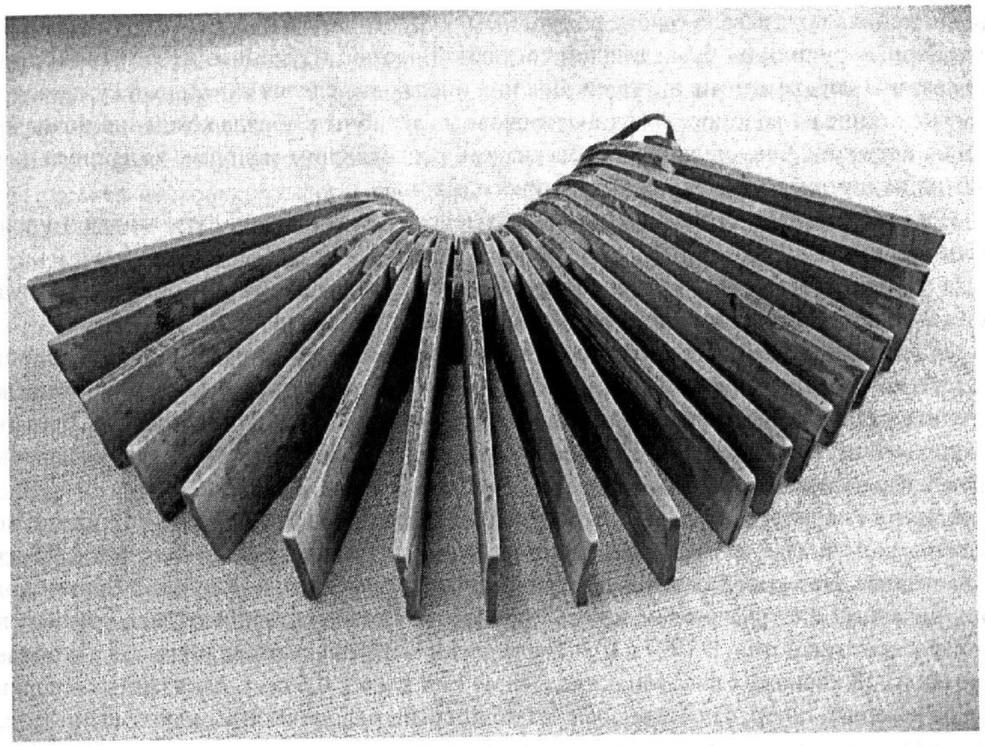

Рис. 2. Трещотка свадебная. Перемышльский уезд, с. Варваренки. Нач. XX в.

самых почетных гостей, ему старались угодить самым лучшим угощением. Проводив его с почетом, все оставались спокойными за благополучие молодых. В этой части Жиздринского Полесья по свидетельству корреспондента «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева в 1898 г. *«стремления упростить старинные обряды не наблюдается»*.

День венчания знаменовал не только новый этап свадебного ритуала, но и менял в корне весь характер действа, в котором начало брать верх веселье в самых различных формах, достигая кульминации в сценах, разыгрываемых ряжеными. Зримым образом этого периода была смена «печальной» одежды невесты на ярко украшенный праздничный женский костюм. В 1984 г. для коллекции Калужского областного краеведческого музея был приобретен свадебный костюм с поневой жительницы с. Огорь Жиздринского района, изготовленный в 1920 г., а сама хозяйка костюма продемонстрировала способ его ношения (рис. 1).Характерная особенность декора поневы этого костюма — помпоны цветных шерстяных ниток на заднем полотнище юбки: так украшалась только праздничная одежда молодых женщин.

На различных этапах свадьбы, а особенно после венчания, важную смысловую нагрузку имело дарение родственникам жениха вышитых полотенец и предметов одежды, изготовленных невестой. В с. Щелканово Мещовского уезда существовал своеобразный этикет, которому по обычаю следовало придерживаться, принимая такой дар. Гость был обязан отдарить деньгами стоимость вещи, за полотенце полагался один рубль. Если у принимавшего дар не было таких денег, то полагалось утереться поднесенным полотенцем, выпить рюмку водки, положить на тарелку несколько копеек и вернуть полотенце обратно.

По своему функциональному назначению в обряде свадебные полотенца могут быть разделены на следующие группы:

1. «Стеновые рушники», развешивавшиеся вдоль стен избы, украшали жилище в предсвадебный и венчальный период (Перемышльский уезд).

2. Повсеместно полотенце было важной деталью костюма жениха и невесты. Оно вешалось на шею невесте, жених им подпоясывался, иногда продевая сквозь правый рукав один узорчатый конец.

3. Полотенце служило познавательным знаком свадебных чинов. На дружке оно было символом его ответственной должности, при поездке к венцу в Мещовском уезде сваха со

стороны жениха повязывала голову полотенцем.

4. «Дарные рушники» были важной составной частью приданого невесты, с которым были связаны определенные ритуалы. Для них иногда выделялся отдельный сундучок.

5. «Полотенце на-водонос» — один из основных атрибутов обряда хождения молодых за водой на источник. Оно служило как бы знаком, позволявшим молодым зачерпнуть воды, несмотря на шутливо мешавших этому односельчан.

6. Повсеместно полотенцами и цветными лентами украшались дуги конской упряжи свадебного поезда.

7. В обряде «обручения» узорчатый рушник, которым трижды обводили вокруг голов жениха и невесты, и коврига хлеба символизировали согласие на брак.

В коллекции полотенец Калужского областного краеведческого музея имеются не только предметы с традиционной цветной перевитью, но и более поздние вышитые крестиком полотенца, отличительной особенностью которых являются вышитые надписи: «Шила тому, кто мил сердцу моему» (Спас-Деменский район), «Люблю сердечно, дарю навечно» (Кировский район).

Как уже отмечалось, одна из характерных отличительных особенностей свадебного обряда — многочисленные песни различного жанра, сопровождавшие почти каждое действие его участников. Не менее важная роль отводилась инструментальной музыке. Величальные песни, никакими инструментами, кроме ударных, не сопровождавшиеся, исполнялись под аккомпанемент трещотки. В 1927 г. из с. Варваренки Перемышльского уезда была привезена трещотка из 18 кленовых пластинок (размером 16,8 х 5,4 х 0,6 см.), нанизанных в верхней части на кожаный шнур, с небольшими разделяющими планочками между пластин (рис.2). Калужская манера игры заключалась в том, что исполнительницы держали инструмент за нижнюю часть крайних пластин. Благодаря попеременным движениям рук «трещоточниц» в различном темпе — одной вверх, другой вниз, пластины смыкались, и издавался звук. По предположению исследователей, в древности игра на трещотках имела магическую защитную функцию, как и большинство аналогичных этой игре шумовых эффектов. С течением времени возобладала эстетическая, музыкальная функция[13]. Нередко в унисон трещотке звучали колокольчики и бубенцы — «глухари» (большие бубенчики с глухим звоном), которые использовались (по информации М.Е.Шереметевой) как музыкальные инструменты при пении, а не только в обычном значении украшения и озвучивания конских упряжек. У жителя д. Квань в пригороде Калуги Н.М. Волченкова 24 августа 1936 г. были приобретены для музея два колокольчика, вероятно, от одной свадебной упряжи: колокол «дуговой» высотой 12 см., и диаметром 14, 2 см. (рис. 3) и малый подшейный, диаметром 6 см. — такой в Козельском уезде называли «поджерельником»[14]. Во многих местах России свадебный поезд был немыслим без колокольчиков, которые своим звоном оберегали молодых от «нечистой силы» в самый ответственный период — по дороге к венчанию и обратно[15]. Для свадеб выпускались в первой половине XIX в. колокольчики с надписью «Кого люблю того дарю»[16], аналогичной надписи, вышитой на «дарных» полотенцах начала XX в.

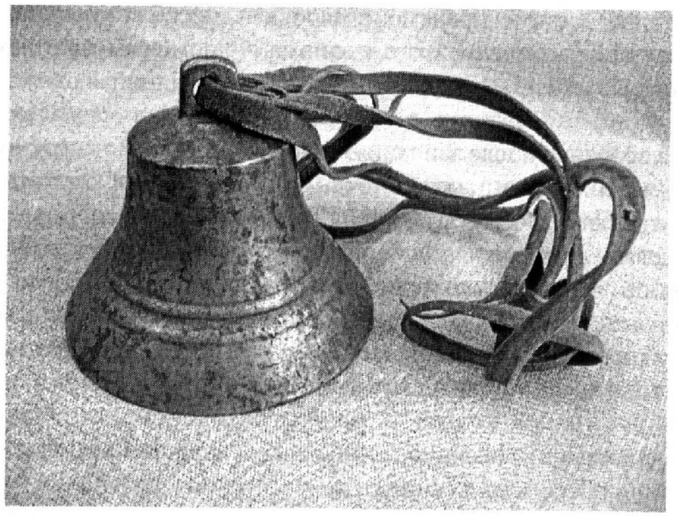

Рис. 3. Колокольчик «дуговой» от свадебной упряжи. Калужский уезд, д. Квань. Нач. XX в.

На всех этапах свадьбы исключительное внимание обращалось на обрядовый хлеб, имевший не только символическое значение достатка и благополучия. Целый цикл ритуальных действий был связан со свадебным пирогом, который готовили как в доме невесты, так и в доме жениха. Пирог невесты — «роща» — со свадьбы в с. Варваренки Перемышльского уезда в 1927 г. был приобретен для коллекции музея М.Е. Шереметевой, что было связано с немалыми трудностями. Считалось, что продажа «рощи» может предвещать молодым беды и несчастия. Это была большая лепешка из пресного теста, украшенная обмотанными цветной бумагой веточками с фигурками на концах[17]. Пирог был выставлен в экспозиции музея, а впоследствии передан в этнографический отдел Русского музея вместе с несколькими фотографиями. Такой же пирог, а вернее, его гипсовый слепок, был привезен из с. Барятино, тогда Мещовского уезда, одной из членов этнографической секции Калужского общества истории и древностей (А.В.Дагестанской?). В 1974 г. он был списан, вероятно, из-за сохранности. Выпекавшийся в доме жениха свадебный каравай не был столь наряден, как «роща». На заключительном этапе свадьбы, после обрядовых действий, сопровождавших выпечку, «дружко» начинал его «кроить», т.е. резать. При этом исполнялся обряд раздачи даров от невесты ближайшим родственникам жениха: на блюде подносились вышитые рушники и кусок каравая, все действо сопровождалось песнями.

Свадьба — один из немногих традиционных обрядов, в котором долго сохранялись архаические черты. Они проявлялись в наделении магическими функциями обычных бытовых предметов, сохранении элементов покроя костюма раннего периода, в особом орнаменте вышивки. К этому же ряду явлений относится и музыкальное сопровождение ритуала, в котором преобладали шумовые эффекты. Эти черты, сохранившиеся в этнографических реалиях конца XIX—начала XX вв. — ценный источник к пониманию основ мировоззрения, сложившихся в более ранние эпохи.

Примечания

[1]См.: Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978.

Чижикова Л.Н. Свадебная обрядность сельского населения Курской губернии в XIX—начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 171—198. Самоделова Е.А. Рязанская свадьба // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1993. Макашина Т.С. Свадебный обряд // Русские. М., 1999. С. 466—499. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М., 2001.

[2]Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Спб., 1900.

[3]Русская свадьба. Т. 1. М., 2000. Кузнецова В.П., Логинов К.К. Русская свадьба Заонежья: Конец XIX — начало XX в. Петрозаводск, 2001.

[4]Свадьба в сельце Петроселъи Мосальского уезда // КГВ, 1851, № 42. Часть неофиц. Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях XIX—начала XX в. Вып. 1. Народные обряды и поэзия. Сост.: Н.М. Ведерникова // Русская традиционная культура, 1997, № 4—5. С.89—98.

[5]Добровольский В.Н. Свадебный обряд в Калужской губернии.// Живая старина, 1902. Вып. 2. С. 214 — 236.

[6]Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 3. Калужская губерния. Спб., 2005.

[7]Шереметева М.Е. Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга, 1928.

[8]Гринкова Н.П. Одежда западной части Калужской губернии // Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 2. Л., 1927. С. 31.

[9]Шереметева М.Е. Женская одежда в быв. Перемышльском уезде Калужской губернии. Калуга, 1929. С. 42, 50.

[10]Маслова Г.С. Народная одежда в восточно-славянских традиционных обычаях и обрядах XIX—начала XX в. М., 1984. С. 321.

[11]Терещенко А. Быт русского народа. Ч. 2. Свадьбы. Спб., 1848. С. 598.

[12]Толстой Н.И. Этнографический комментарий к древним славяно-русским текстам: 1. Сеть (мрежа) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 122—129.

[13]Багрий Ю.А. Русские трещотки // Памяти К. Квитки (1880—1953). М., 1983. С. 251.

[14]Народный быт, ремесла и фольклор Козельского района. Калуга, 2004. С. 85.

[15]Давыдов А.Н. Колокола и колокольные звоны в народной культуре // Колокола. История и современность. М., 1985. С. 14—15.

[16]Ким В.А. Ямские колокольчики и бубенцы. (Сводный каталог-справочник). Т. 1. Ростов-Великий, 1988. С. 244—247, 252—253.

[17]Шереметева М. Е. Хлеб и обрядовое печенье в б. Перемышльском у. Калужской губ. // Известия Государственного Русского Географического Общества. Т. LXI. Вып. 1—2. М., 1929. С. 229—248.

ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО КОСТЮМА ЖИЗДРИНСКОГО УЕЗДА КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (СЕРЕДИНА XIX—СЕРЕДИНА XX вв.)

***А. А. Рябова**, студентка,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Исторический костюм, в отличие от современного, связан с религиозными представлениями, многовековой обрядовой традицией. Связь костюма с эпохой, с искусством очевидна; выявить это можно путем историко-социального и художественного анализа[1].

Костюм с поневой праздничный, середина XIX в. (пример: костюм д. Ч. Поток). Включает рубаху, поневу, передник, головной убор, обувь. Рубаха с прямыми поликами из красного ситца, к которым примыкает вставка на рукавах, выполненная в технике «переборка». Подол рубахи также переборчатый, ширина украса 8см. Рукава по низу сосборены. Ластовицы выполнены из того же холста, что и основная часть рубахи. Манжеты шириной 5 см. отделаны вышивкой. Очень праздничной считалась рубаха с рукавами поликами и ластовицами, сшитыми из красного ситца с рисунком. Праздничной рубаха была, если она имела богатую вышивку на рукавах и тканый цветной подол. Понева сшита из ткани в крупную клетку. Сплошь орнаментировано все полотно поневы, кроме верхнего края. В орнаменте преобладают различные геометрические формы (квадраты, треугольники, ромбы). Для украшения понёвы использованы материя красного, желтого, оранжевого цветов, позумент шириной 1,5см., тесьма белого цвета, ситец с рисунком различных цветов. Передник — «занавеска» праздничная без рукавов, полотнище почти полностью декорировано. Виды декора — узорное ткачество, полосы шириной 2см.; ситец красного цвета, три полосы по 7см.; цветное кружево 2 на 12см. Головной убор (д. Войлово) состоит из повойника и платка. Повойник изготовлен из тёмно-красного сатина, затылочная часть собирается в сборку. Налобник в виде прямоугольника, полностью из позумента, зашит бисером и пуговицами. Платок «заграничный». Девичий головной убор представлял собой повязку. Это сравнительно широкая (от 8 до 12см) полоса позумента, шелковой или парчовой ткани на подкладке из холста. Очелье такого убора украшали золотой вышивкой, бисером, блесками, иногда жемчугом. Повязку надевали на лоб и завязывали шелковыми лентами на затылке под косой. Обувь — лапти с онучами.

Женский и девичий праздничный костюм. (д. Черный Поток Жиздринского уезда). Сер. XIX в.

Повседневный костюм повторял по составу праздничный, но его элементы были менее орнаментированы. Рубаха, как правило, имела небогатую вышивку нитями черного цвета, понева могла иметь лишь полосу тканого шерстяного холста по краям. Полотнище передника ничем не украшалось, а повойник мог быть изготовлен из непестрого материала без всяких украшений.

Мужской костюм середины XIX в. (пример: костюм д. Черный Поток). Включает в себя рубаху-косоворотку, штаны, пояс и лапти с онучами. Рубаха мужская — нательная одежда у парней и мужчин. Изготовлялась из льняного белого холста. Ворот вырезали по

Праздничный костюм с сарафаном. (д. Черный Поток Жиздринского уезда). Нач. XX в.

шее, но он мог быть и с невысоким стоячим воротником. Разрез на груди делали обычно с левой стороны. Под верхнюю часть рубахи подшивали подкладку — подоплеку. Она предохраняла ткань рубахи от пота. Праздничные рубахи богато украшали вышивкой, тканными узорами. Украшения шли по вороту, грудному разрезу, манжетам, реже по подолу. Повседневные рубахи украшались менее богато, либо вообще не декорировались. Штаны (порты) шили из холщевой, шерстяной однотонной или полосатой ткани преимущественно темного цвета. Они состояли из двух узких штанин, соединенных трапециевидной вставкой — огузком, ширинкой. Штаны держались на бедрах с помощью гашника — тесемки, вставленной в их верхний край. Нижнюю часть штанов иногда убирали в сапоги. Пояс использовался для подвязывания одежды. Наиболее распространены тканые и плетеные пояса из ярких цветных шерстяных нитей.

Влияние отходничества. В XIX в. русская традиционная одежда, сохранявшаяся в основном в крестьянской среде, подверглась изменениям. В этом отношении особое значение имело отходничество.

Зарождение отходнического промысла относится, скорее всего, к середине XIX века, когда масса сельского населения оказалась избыточной в своих местах (д. Волое Кировского района — древопильщики). В некоторых местах отходничество становилось обязанностью всех парней, начиная с 15 лет. Уходили за 50—100 верст[2]. В связи с таким широким распространением отходничества, по словам Кутехова Ф.Е., *«за последнее время распространилось щегольство: парни стали покупать себе «щиблеты» — шагреневые полусапожки, серые брюки, модные пиджаки и карманные часы»*.

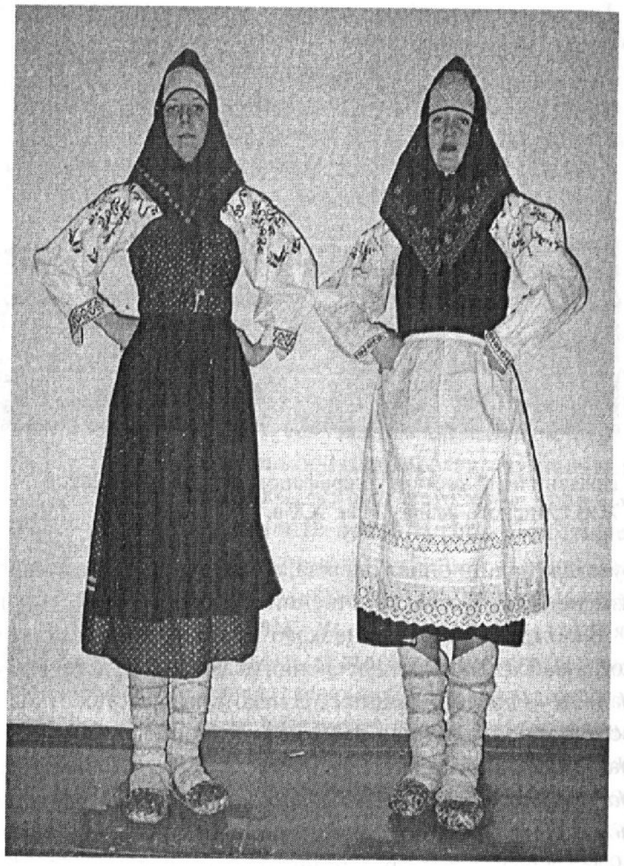
На рубеже веков праздничный костюм парней-отходников напоминал одежду мастеровых, мелкого городского люда, вкусы которых для них были образцом. А их одежда в свою очередь становилась престижной для деревенской молодежи[3]. Кумачовые и ситцевые красные рубахи стали вытесняться сначала ярко желтыми, розовыми, зелеными, а затем и белыми коленкоровыми рубахами с вышивкой. К концу века ни один парень не мог позволить себе выйти на гулянье в штанах из холста[4].

Одежда пореформенного периода XIX века. После реформы 1861г. процесс изменения традиционных форм одежды получил повсеместное распространение. Резкие изменения, происходившие в крестьянском быту, начиная со второй половины XIX в. и отразившиеся в одежде, явились результатом усиления отходничества, расширения промыслов, интенсивного развития фабрично-заводской промышленности, вовлечения крестьян в сферу товарно-денежных отношений. В это время широко распространяется замена домотканых материалов фабричными, используемыми хотя бы для отдельных частей традиционной одежды.

В конце XIX—начале XX вв. новые формы одежды становятся преобладающими[5]. Их приносили в деревню те, кто уходил на фабрики и заводы в города. На многих заводах работали жители окружающих сел и деревень. Жители Людиновского района в большинстве своем работали на Мальцевском, Песоченском заводах.

Костюм с сарафаном праздничный, начало XX в. (пример: костюм д. Черный Поток). Включает надёвник, сарафан, фартук, повойник (повязка для девушек) и платок. Надёвник — рубаха из белого льняного полотна, длиной до талии. Украшена по вороту, вдоль разреза на рукавах, подол не украшался. Сарафан — длинная одежда на лямках. Одевался поверх надёвника. Шили из кумача, китайки, тонкого сукна, крашенины, то есть окрашенного в разные цвета льняного или конопляного холста. Наиболее распространен: косоклинный с лифом на лямках (похож на смоленский). Фартук — вид передника. Шили из различных тканей домашнего и фабричного производства: льняных, хлопчатобумажных, шелковых, шерстяных. Надевали поверх основной одежды, прикрывая ее спереди. Украшали вышивкой, кружевом. Головной убор — повойник и платок.

Костюм с сарафаном повседневный повторял по составу праздничный, но его элементы были менее декорированы. Надёвник имел небогатую вышивку нитями черного или красного цвета. Сарафан шили из набойки или холщевой ткани черного, синего или коричневого цвета. Нагрудной одеждой мог быть передник с рукавами и без, а так же фартук. Они практически не имели украшений.

Повседневный костюм. (д. Черный Поток Жиздринского уезда). Нач. XX в.

Изменения в одежде после революции 1917 г. Коренные изменения в укладе жизни крестьянства отразились и в одежде. Значительное изменение крестьянской одежды началось еще в эпоху гражданской войны. Вернувшиеся в деревню фронтовики приносили с собой одежду военного образца: брюки-галифе, френч, «буденовку» (шлем), «чапаевку» (род папахи), некоторые части морской формы — полосатую «тельняшку», шапку-«бескозырку», брюки-клеш. Побывавшие на фронте крестьяне вернулись с новыми представлениями о быте, одежде и оказывали большое влияние на женскую часть населения. Под их влиянием женщины отказывались от тяжелых головных уборов, понёв и сарафанов и переходили к более легкой городской одежде того времени.

Большие изменения в одежде сельского населения Людиновского района произошли с ростом благосостояния колхозников. Увеличивается спрос на фабричные товары — ткани, обувь, готовое платье, галантерею. Особенно заметны эти изменения проявились с 50-х гг., с переходом к денежной оплате труда. Процесс сближения одежды, бытующей в городе и деревне, происходил все более интенсивно. Этому способствовало и развитие легкой промышленности в стране, увеличение сети сельских магазинов[6].

Женский костюм середины XX в. (пример: костюм д. Черный Поток). Включает сарафан, матроску, фартук, платок. Сарафан — мог быть самых разных цветов: розовый, вишневый, зеленый, красный и желтый. Матроска — рубаха, сшитая из однотонного фабричного материала. Рукава сосборены книзу. Непременной деталью является наличие воротника как у матроски, пришитого к рубахе. Украшением служат шелковые ленты и тесьма. Низ матроски, как правило, собран на резинку или на веревки. Матроска могла быть сшита из домотканого белого холста, с вышивкой манжет, рукавов, ворота. Фартук выполнялся из фабричного материала любого цвета и украшался шелковыми лентами и тесьмой. Головной убор — легкий платок.

Примечания

[1]Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. Т.1. М., 1993. С.4.

[2]Бауэр А.А. Воловские и смирновские древопильщики // Сельский окоём: Изв. Кировских региональных отделений Русского геогр. об-ва, науч. и культурно-просветительского об-ва «Энциклопедия российских деревень». Вып. 2. Киров, 2005. С. 33.

[3]Холодная В.Г. Символика и атрибутика праздничного костюма парня в русской деревне с 40-х гг. XIX в. по 20-е гг. XX в.// Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. С. 128.

[4]Там же. С. 131.

[5]Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX—начала XX вв. как материал к этнической истории народа // Советская этнография. М.,1956. № 4. С. 19.

[6]Маслова Г.С. Одежда// Народы европейской части СССР. Т. 1. М., 1964. С. 388.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ЖЕНСКОГО КОСТЮМА ЮХНОВСКОГО УЕЗДА СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (конец XIX—начало XX вв.)

***Е.И. Васильева**, н.с., Национальный природный парк «Угра»*

Активное бытование традиционной одежды закончилось ко второй половине XX в., а на протяжении почти столетия хозяйственный уклад деревни подвергался всевозможным экспериментам и испытаниям, вследствие чего сохранилось не так много образцов, чтобы составить сейчас полное представление о такой части народной культуры, как одежда. Это явление при общности составляющих элементов для каждого из двух основных костюмных комплексов — южнорусского (поневного) и севернорусского (сарафанного) — отличалось огромным разнообразием локальных проявлений, особенно в женском варианте, которые и придавали яркую самобытность внешнему облику русского населения.

Часть бывшего Юхновского уезда входит в состав Калужской области с 1944 г. и большее количество этнографических образцов одежды жителей этого уезда хранится в музеях современной Смоленской области. Из собраний, находящихся в настоящее время на калужской земле, заслуживает внимания коллекция Климовского ДК (п. Климов завод, Юхновский район). В экспозиции «Комнаты истории села» представлены два комплекса традиционной женской одежды. В обоих ведущим элементом является косоклинный сарафан. Подробно рассмотрим один из этих комплексов: «сарафан + кофта + платок, безрукавка».

Сарафан. Начало XX в., с. Климово Климовской волости Юхновского уезда Смоленской губернии (ныне с. Климов Завод Юхновского района Калужской области); приобретен у Романовой В.И.(жительницы с. Климов Завод) в 1990-х гг., принадлежал ее матери.

Косоклинный, из трех полотнищ, со срединным швом. Каждое переднее полотнище имеет один боковой клин, соединенный с ним параллельно. Заднее полотнище имеет с каждой стороны по два боковых клина, соединенных с ним под углом, короткая цельнокроенная часть лямок удлиняется до нужной величины пришивными (рис. 1). Основная ткань — крашеный холст (шириной около 40 см) черного цвета; проймы и средний шов отделаны полосой покупной х\б ткани (шириной 4 см) красного цвета. Низ сарафана декорирован белой зубчатой тесьмой, выложенной через 10 см петельками, шелковой тканой лентой в тонкую цветную полоску, с жаккардовым рисунком, тройной зубчатой тесьмой белого цвета, полосой ткани темно-серого цвета с жаккардовым рисунком, поверх которой вышит мелким крестиком х\б нитками красного, розового, желтого, зеленого цвета геометризованный растительный узор. Эта полоса нашита поверх красной покупной х\б ткани, которой подбит сарафан. По краю сарафана пришит шерстяной шнур (шириной 0,7 см) зеленого цвета (фото 1). Нет следов гофрирования (закладывания вертикальных складок, суживающихся кверху), хотя исследователи отмечают гофрировку как характерную особенность смоленских сарафанов (1, с.7).

Крой сарафана: основа из трех полотнищ, дополненная боковыми клиньями, низкое

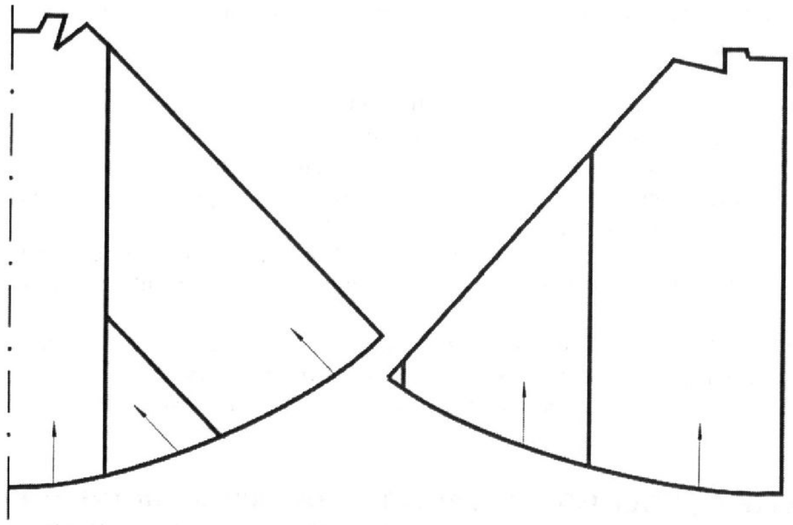

Рис. 1. Конструкция сарафана*.

положение передних полотнищ основы на груди, спинка цельнокроенная из заднего полотнища, но лямки цельнокроенные уже на незначительную длину (2—4 см), говорит о том, что перед нами более поздний вариант развития косоклинного сарафана, по сравнению со смоленскими насовками и ферязями (1, с. 4, 5).

В коллекции Климовского ДК нет пояса, которым такой сарафан подпоясывали, но повсеместная традиция и бытовая целесообразность с совершенной очевидностью указывают на то, что в составе комплекса с сарафаном пояс присутствовал и, вероятнее всего, он был широким.

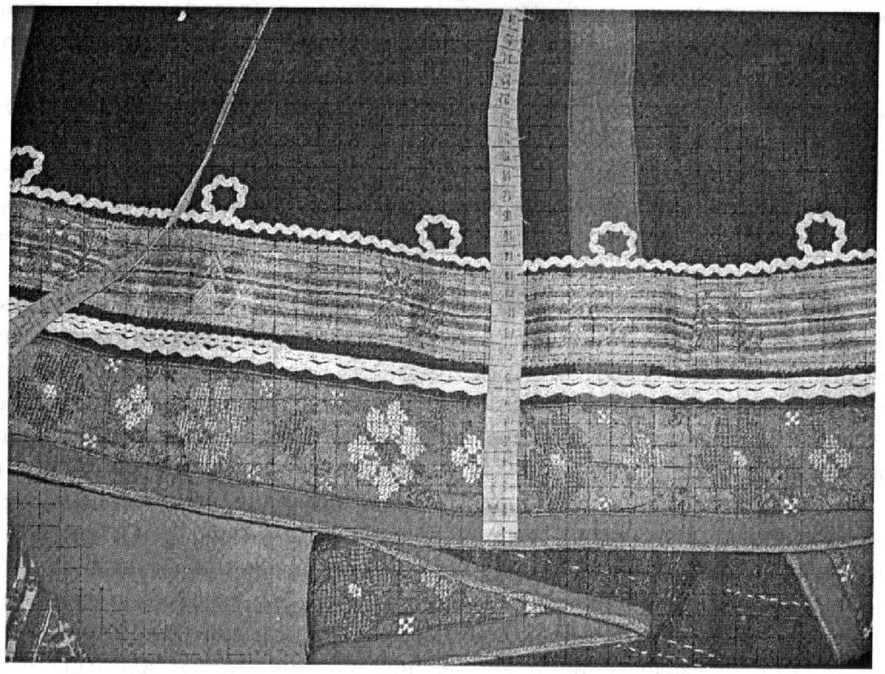

Фото 1. «Украс» сарафана.

Термин «сарафан» впервые появился в русских письменных источниках XIV в. (Никоновская летопись, 1376 г.). Так называлась не только женская, но и мужская одежда кафтанообразного покроя, известная в княжеском и боярском быту. Этот вид одежды

* Конструкции и развертка поверхностей выполнены автором статьи на основе обмеров образцов.

сформировался в период обособления великорусов от других восточнославянских народов. Сарафан как женская одежда упоминается в XVII в. Возможно, что женская одежда типа сарафана была и раньше под другими названиями (термин «костыч» относится к XVI в., а «сукман» — к рубежу XVI—XVII вв.) Относительно происхождения этого вида одежды мнения исследователей расходятся. Некоторые из них считают, что слово «сарафан» происходит от иранского «сарапа», другие авторы отмечают, что форма сарафана тяготеет совсем не к Востоку, как это, казалось бы, следует из самого термина, а к Западу и сарафан созвучен с европейской средневековой одеждой «сюркот» (наплечной одеждой с глубокими вырезами-проймами, без рукавов или с декоративными рукавами); есть и другие мнения (2, с.67).

С течением времени сарафан изменялся конструктивно, менялись названия и ткани. Большая часть названий чисто русская и характеризуют конструкцию сарафана (дольник, косоклинный, широколямошник и т.п.), ткань, из которой он изготовлен (сукман, кумашник, китаешник), цвет ткани (маренник, сандальник, набивник). В XVIII—XIX вв. происходило широкое распространение сарафана (а значит, и всего его комплекса) в городах, как на севере, так и на юге, и все более глубокое проникновение его в быт деревни (3, с. 329, 330).

Рубаха-кофта — первая половина XX в. с. Климово Климовской волости Юхновского уезда Смоленской губернии (ныне п. Климов Завод Юхновского района Калужской области) (фото 2).

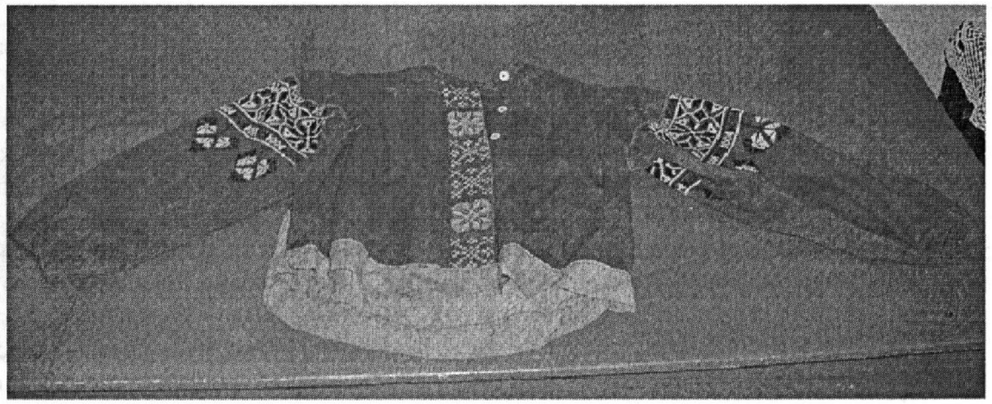

Фото 2. «Кофта» (общий вид).

Ситец красный, длина — чуть ниже талии, крой подобен общеевропейскому современному: линия плеча со скосом, на полочке — нагрудные вытачки из плечевого шва, проймы округлые, рукав втачной. Полочка с застежкой посередине в виде планки на пуговицы и прорезные петли, горловина окантована широкой бейкой. Поперечные швы на полочке не несут конструктивной нагрузки, скорее, это следствие экономии ткани. Относительно небольшая длина изделия и то, что оно было надставлено внизу полосой ситца другого цвета (розового) подсказывает, что кофта надевалась под сарафан (это указывалось и информантами). Рукав на сборке у оката, по низу собран на бейку (шириной 1 см). Рукав в длину состоит из двух частей. К верхней части (длина ее 8 см от высоты оката) пришита нижняя (дл. 40 см), декорированная вышивкой (16 см) мелким крестом по счету нитей. Линия пришива украшена швом «назад иголку» желтыми нитками). Узор геометризованный растительный, выполнен нитками х\б черного и белого цвета. Подобным узором украшена и планка, но здесь часть мотива (желтого цвета) выполнена шестилучевым крестом (более поздним). Возможно, эти узоры заимствованы из приложений к журналу «Нива» или узорников фирмы «Брокар», т. к. вышивка крестом появилась в крестьянских костюмах только со второй половины XIX в. под влиянием городских вкусов и ее широкое бытование обусловлено, в том числе, и популярностью дешевых сортов брокаровского мыла («Сельское», «Национальное» и пр.), на обертках которого печатались узоры для вышивания крестом в так называемом русском стиле (4, с. 64, 65).

Конструкция кофты соответствует той, которая использовалась при изготовлении городского костюма-«парочки». К началу XX в. женский костюм с юбкой и блузкой общеевропейского кроя, часто из одинаковой фабричной ткани (парочка), почти повсеместно вытеснил

остальные комплексы одежды (3, с. 340). Такое сочетание старинного по крою сарафана с «новомодной» кофтой можно считать смешанной, переходной формой костюма. Она вполне объяснима полугородским бытом жителей с. Климов Завод, в котором, по данным на 1904 г., на 316 человек населения, кроме церкви, были земская школа, министерское училище, 29 лавок разного рода, 2 булочных, врачебный пункт, почтовый адрес, ярмарки четыре раза в год и т.д.(5, с. 443).

Необходимым дополнением к этому костюму с сарафаном считался ***платок*** (в коллекции Климовского ДК их несколько). Под него уже не надевали повойник и повязывали особым способом. Это платок с печатным рисунком широко известных фабрик Баранова (начало XX в.): х\б ткань, основной фон красный, по нему каймой расположены цветы, рисунок, именуемый в просторечии «огурцы» (современное название «пейсли»). И цветы, и «огурцы» прорисованы тонкими линиями желтого, синего, зеленого цветов. Фон или пустой, или заполнен мелкими цветочками.

Безрукавка — первая половина XX в. (датировка примерная). Этот элемент одежды не обязательно сопутствовал именно косоклинному сарафану (это подтверждается этнографическими исследованиями на сопредельных территориях), но подобные образцы нельзя оставлять без внимания, они редки и уже потому ценны.

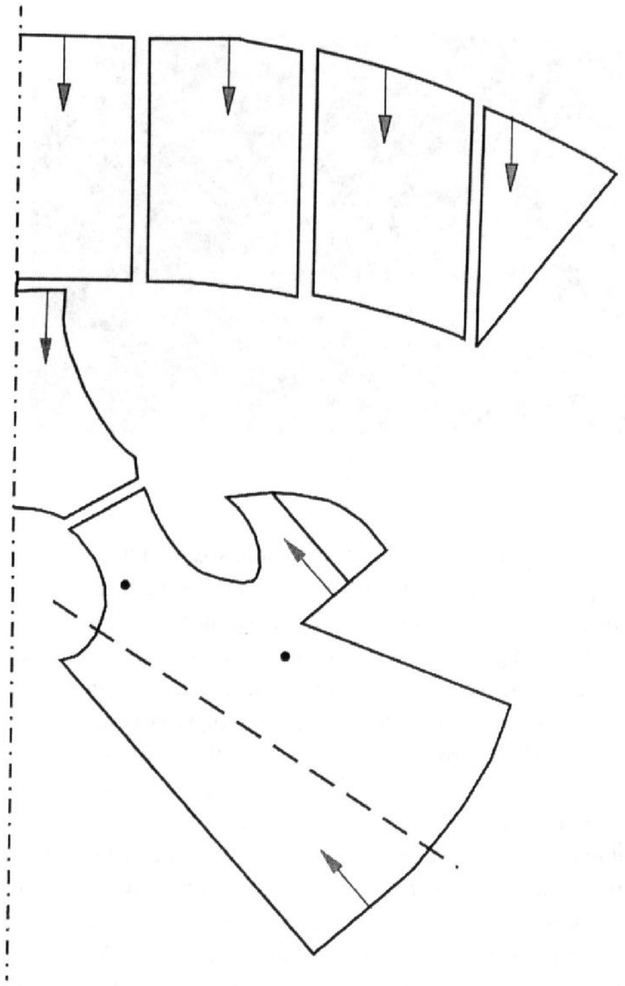

Рис. 2. Конструкция и развертка поверхности безрукавки.

Безрукавка сшита из черного плиса (бархат на х\б основе). Ее конструктивные особенности: полочки цельные с бочком спинки, плечевой шов вынесен на спинку (эффект кокетки) (рис. 2), спинка с линиями рельефа и отрезная по талии, нижняя часть спинки (баска) собрана в мелкие складки-сборки. На линиях бокового шва декорированными листочками оформлены входы в прорезные карманы. Срез борта косой и застежка смещена от осевой линии: безрукавка застегивается слева направо на два крючка: у горловины и на талии в 5 см от линии бокового шва. Правая полочка декорирована полосами тройной зубчатой тесьмы белого цвета и простой зубчатой красной, желтой и бледно-зеленой тесьмой, уложенной в цветы или восьмерки. Особенно выделен нижний угол борта полочки (фото 3). Декорирована также линия соединения верхней части спинки и собранной нижней части — здесь употреблены зубчатая тесьма желтого и бледно-зеленого цвета, а также тесьма с использованием металлических нитей. Все элементы отделки пришиты толстыми красными нитками.

Утеплителем в подкладке нашего образца служит не только чистая хлопковая вата (простегана с одной стороны с неотбеленным ситцем по косой), но и очесы льна (простеганы с двух сторон с таким же ситцем по долевой). Употребление хлопка вместо льна для этой цели началось с XIX в. (3, с. 347) и здесь присутствует архаичный традиционный прием, или же эта часть снята с предмета, изготовленного ранее.

В конструкции безрукавки есть также элементы, характерные для русской народной

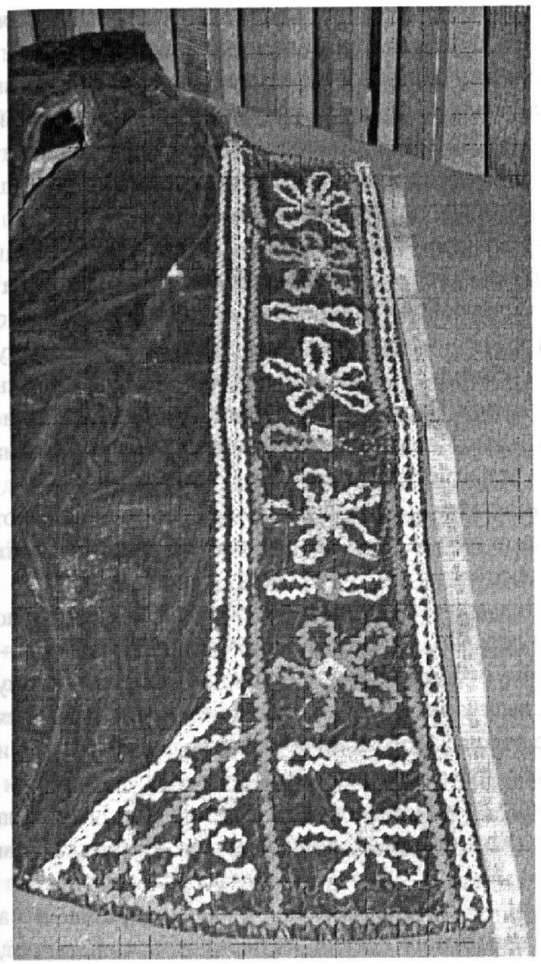

Фото 3. Декор полочки безрукавки.

верхней одежды, но разновременные. Генетически более ранние: положение плечевого шва на спинке, совмещение края борта с долевой нитью и положение неотрезного бочка и спинки при этом также по долевой, благодаря чему полочка получается выкроенной по косой нити, и положение застежки — у горловины и у линии бокового шва. Более поздние: отрезная нижняя часть спинки с расширением за счет сборки, по сравнению с конструкцией, характеризуемой неотрезной спинкой и расширением за счет клиньев («хфалд») (3, с.345). Почти идентичный крой (большей длины и с рукавами) имела верхняя одежда из сукна, называвшаяся зипун (2, с. 158).

Подобные (по конструкции, материалу, элементам декора) нашему образцу безрукавки, бытовавшие примерно в тот же период, упомянуты в исследованиях, проведенных в Перемышльском уезде (6, с. 95) и в западной части Калужской губернии (7, с. 28). В работе Гринковой говорится о том, что безрукавка для этих мест (Мосальский район) — явление позднейшее. Во многих селениях она известна уже давно, по указаниям старух — лет 20, но в деревнях, сохраняющих наиболее старый тип одежды, она появилась только в 1923 г. (7, с. 28).

Рассмотренный в статье костюмный комплекс «косоклинный сарафан + кофта + платок, безрукавка», бытовавший в с. Климово в начале XX в., наглядно демонстрирует процесс постепенного вытеснения традиционных форм одежды, тенденцию к сглаживанию образовавшихся ранее локальных отличий.

Литература

1. Козикова Л.М. Женский крестьянский костюм с косоклинным сарафаном Смоленской губернии XIX—нач. XX вв. Смоленск, 2001.
2. Пармон Ф.М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М, 1994.
3. Шмелева М.Н. Русская одежда // Русские. М, 1999.
4. Горожанина С.В., Зайцева Л.М. Русский народный свадебный костюм. М, 2003.
5. Список населенных мест Смоленской губернии 1904 г. Смоленск, 1904.
6. Шереметева М.Е. Все венки да поверх воды. Тула, 1984.
7. Гринкова Н.Одежда западной части Калужской губернии // Материалы по этнографии. Т.3. Вып. 2. Л, 1927.

КРЕСТЬЯНСКИЕ СХОДЫ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО БЮРО» В.Н. ТЕНЕШЕВА)*

С.В. Чернышов*, к.и.н., доцент,*
Брянский государственный университет им. И.Г.Петровского

Развитие местного самоуправления имеет значительную историю. Одним из этапов

*Работа частично подготовлена на средства гранта РГНФ 05-01-01-339а

становления органов местной власти являлся сельский сход. Сельский ход представлял собрание глав крестьянских хозяйств сельских обществ, орган самоуправления сельского общества. Сельский сход решал дела по общинному пользованию землей, разделу общинных земель на подворные участки, занимался раскладкой податей, натуральных повинностей, окладных, земских и отчасти мирских сборов. На сходе проводились выборы сельского старосты, сборщика податей, смотрителей запасных хлебных магазинов, училищ, больниц, полевых и лесных сторожей и других общественных выборных лиц.

На местах по разному представлены формы сходов. Рассмотрим, что представляли сходы в Калужской губернии. За основу возьмем материалы «Этнографического бюро» В.Н.Тенишева[1].

Сельские сходы в Жиздринском уезде. Если в деревне нужно решить какой-нибудь вопрос, то староста говорит десятскому, чтобы он вызвал всех крестьян-домохозяев на сходку. Десятский идет из дома в дом, стучит в окно и объявляет о сходе и по какому делу. Женщины на сходки допускаются, но права голоса не имеют. Часто, когда мужики уходят в отхожие промыслы, на сходку приходят хозяйки дома; вдовы, если дети малы, обязаны приходить на сходку как домовладелицы, если же сыну 15 лет, то он, а не мать, идет на сходку.

На сельские сходы крестьяне ходят в домашнем платье, а на волостные же надевают праздничное платье. Сельские сходки бывают на улице, в ненастные же дни — в хате старосты. На эти сходы посторонние допускаются.

На сельских сходах решаются вопросы не только те, которые касаются всего общества, но и вопросы, касающиеся какого-нибудь жителя деревни. Например, крестьянин д.Высокого — Мороз — купил у мещанина Волкова луг за пять рублей, потом перепродал его крестьянину д. Красный Бор Романову за 15 рублей. Когда высокинцы узнали, что Мороз воспользовался малодушием Романова и продал ему лог втрое дороже настоящей цены, то на сходе приказали Морозу больше 12 рублей с Романова не брать, что тот и исполнил.

Корреспондент Зорина Анастасия Ивановна сообщает, что не было случаев, чтобы на сельском сходе мужики были подкуплены или что-нибудь сделали за водку, но в волостном суде подкупить легко[2].

В Калужском уезде Сугоновской волости — селе Сугоново — созыв крестьян на волостные сходы исходит непосредственно из волостного правления через сельских старост, сотских и десятских. Сельских сход зависит от самого сельского общества; общество, смотря по своим нуждам и потребностям, само определяет сроки схода; созывает извещенный ими десятский. Как на волостные, так и на сельские сходы, крестьяне идут без принуждения со стороны общества и властей. На сходы волостные крестьяне приодеваются, на сельские же — нет: идут, кто в чем был. Женщины могут присутствовать только на сходах сельских как уполномоченные или представительницы от своих домов и имеют право голоса; на сходы волостные женщины не допускаются ни под каким видом.

На сходах сельских быть пьяным — явление обычное, на волостных — исключительное. Волостные суды происходят при самом правлении, сельские — ближе к кабаку; первые собираются раза три и четыре в год, последние же — почти еженедельно и даже иногда несколько раз в неделю.

Обсуждению и решению волостного схода подлежат следующие вопросы и дела: выборы и учет старшины и старост, выборы сотских; наем стоящих при волостном правлении лошадей для отбытия натуральной мирской повинности, т.е. для проезда по открытым местам чиновников и пр.; неприем вновь в состав сельского общества лиц, опороченных по суду, если численность того общества, которое не желает принять в свой состав опороченное лицо, не отвечает законному требованию, т.е. не имеет в себе более трехсот человек; распределение наград новобранцам из волостных сумм, назначение сроков уплаты казенных повинностей.

Вопросы поставляются земским начальником или старшиной, решаются большинством голосов. Крестьяне на волостных сходах ведут себя сравнительно хорошо и благородно, особенно это заметно тогда, когда на сходе присутствует сам земской начальник. Влияние зажиточных на тот или другой приговор схода заметно сильно, точно так же, как и влияние самого начальства, которое в большинстве случаев склоняет сход принять именно то решение, которое, по взгляду начальства, кажется более удобным и выгодным; сход, во избежание могущих возникнуть из своего свободного решения и постановления и происходящего отсюда

неуважения к мнению начальства недоразумений (отсидка в холодной), принимает сторону начальства. Решения волостных сходов в большинстве случаев приводится в исполнение точно, хотя и не совсем поспешно, но все-таки без понуждения и угроз дело не обходится. Обсуждению сельских сходов подлежат: семейный раздел, назначение опекунов, сдача в аренду надельной земли, раскладка сельских повинностей, заключение договоров и условий с землевладельцами при съемке лугов и пастбищ, наем пастухов, конюхов, свинопасов, сторожей при хлебном общественном магазине, определении времени начала сенокоса, жатвы и пр.

В поведении и отзывах крестьянина, когда он находится в обществе и когда он один, замечается существенная разница: в то время, когда крестьянин находится в обществе, он держит себя осмотрительно и осторожно, в суждениях кроток и вообще старается поскорее отделаться; подчас даже он не выскажется и тогда, когда что-нибудь даже существенно противоречит его взглядам и убеждению и когда он видит ясно в чем-нибудь существенный вред. Находясь же среди своих товарищей и даже людей сторонних, не имеющих для него значения в его общественном положении, крестьянин, как говорится, выкладывает всю свою душу наружу и не скрывает своих заветных дум[3].

В Козельском уезде Волосово-Дудинской волости — селе Волосово-Дудино — корреспондент Лашманов Федор Федорович отмечал следующие особенности сельского схода[4].

Как первоначальная форма общественного управления, в с.Волосово существует сельский сход, на который собираются домохозяева, имеющие тягло, т.е. отбывающие земельную повинность: выкуп, земские платежи, государственный налог, мирские волостные и мирские сельские платежи. Возраст домохозяев неопределенный: есть домохозяева 20-ти лет, есть и 80-ти лет.

Созыв на сход делается так. По приказу старосты полицейский десятский идет по селу и стучит в окно каждой избы палкой с криком: «На сходку». Если сход касается таких вопросов, как, например, найм лесных, полевых, церковных, училищных и волостных сторожей или отдачи в аренду общественного участка кому-либо из односельцев, то все идут охотно, так как во всех этих случаях предстоит полная возможность выпить, как с лиц нанимающихся на общественную службу (сельскую), так и с арендатора аренда (в последнем случае) большей частью берется натурой, т.е. водкой; но если сход собирается по поводу взыскания повинностей, то домохозяева собираются неохотно, часто приходится приводить их с десятским. На сход идут в том, в чем были дома, так как не смотрят на свой сход как на учреждение общественное, заслуживающее известного рода уважения, а как на простое сборище, где находятся такие же мужики, как и каждый член схода, и никого из «начальства» нет, а староста особым почетом не пользуется.

Посторонние на сходе присутствуют весьма редко, как, например, когда кто-либо из землевладельцев приглашает все общество на покос, как это делает местный церковный причт, или когда какой-нибудь заезжий мещанин торгует у крестьян аренду кабака. Женщины в качестве домохозяек допускаются на сход, хотя особого значения их голос не имеет.

Пьяных на сходе видеть не редкость, так как на это как на проступок никто не смотрит. Потому что и все общество не прочь напиться полным сходом, лишь к этому представился удобный случай. Собирается сельский сход большей частью около «сборной» избы и лишь иногда на площадке около училища, но это происходит лишь летом, когда ученья нет.

На сходе решаются различные вопросы: одни истекают из самых нужд общества или кого-либо из его членов, как, например, раскладка повинностей, наем и сдача в аренду земли, выбор опекунов сиротам и т.п.; другие же вопросы ставятся начальством: собрание разных статистических сведений, выбор должностных лиц и т.п.

Поведение на сходе крестьян несообразно: все кричат, стараясь перебить друг друга, не слушая соседа и внимая только своему собственному голосу, но, накричавшись вдоволь и разбившись на отдельные партии, они более мирно и уже скоро кончают разрешение вопроса. Окончательное разрешение предложенного вопроса принадлежит большинству голосов; большинством же голосов вообще управляют зажиточные крестьяне и всего более дающие односельцам в долг хлеб, денег и т.п. До введения земских начальников сходом управляли пропойцы — «мироеды», но в последнее время (конец XIX в.) влияние их на дела схода стало почти уже не заметно. Некоторые вопросы из страха штрафа со стороны начальства решаются действительно по приказанию последнего, например, полиции, земского начальника.

Со стороны последнего, например, при разделах семьи, когда земский начальник не редко применяет свое «veto».

Как только сход пришел к какому-либо заключению, пишется приговор, излагающий постановление схода, который и подписывается всеми согласными лицами; после чего староста или выборный несут его к земскому начальнику, со стороны которого на приговор делается резолюция, по большей части, в такой форме: «Приговор составлен правильно. Земский начальник (указывается фамилия)». Если же приговор земскому начальнику не понравился, то он или отдаст его назад переписать в направлении ему желательном, или же, если дело слишком щекотливо, чтобы к решению схода применить личную, давящую власть, то представляется приговор к отмене в Уездный съезд. Если резолюция Земского начальника благоприятна для схода, то приговор освидетельствуется в волостном правлении и затем приводится в исполнение лично волостным старшиной или, по поручению последнего, сельским старостой.

Волостной сход также присутствует в волости для 14 селений. В состав волостного схода входят: волостной старшина, волостные судьи, сельские старосты и выборные от всех селений, причем один выборный приходится на каждые десять дворов. У волостного схода много общего с сельским. Отличается волостной сход только внешней опрятностью: крестьяне получше одеты и пьяные появляются как исключение. Происходит это оттого, что волостной сход нельзя собрать без разрешения сельского начальника, который и сам может приехать на сход, посмотреть и послушать, как будет обсуждать сход разрешенные им к обсуждению вопросы.

Интересна информация Сурнакова Константина Александровича о сходах в Бетовской волости деревне Ягодная[5].

В д.Ягодной существовало два схода: сельский, где участвовал весь сход селения, и товарищеский, из части общества, имеющий собственную купчую землю и лес в нераздельном товариществе. Сзывает крестьян в обоих случаях сельский староста через десятского; на сход идут охотно потому, что любят поговорить, а также не желают быть оштрафованными по приговору суда в пользу мирских сельских сумм.

Никакого особенного парада в одежде на сельских сходах не бывает: все идут в том, что носят в обыкновенное, непраздничное время; если же сход собирается в праздник, то они переодеваются. На сходе, кроме домохозяев, могут присутствовать посторонние и женщины, но без права голоса; женщины-домохозяйки имеют право голоса и рассуждают вместе с мужчинами. Пьяный — почти невиданное явление на сходе, такого уводят со схода. Ягодная вообще была развитая деревня и не любила безобразников на сходе. Выборные на волостной сход от д.Ягодной одеваются по-праздничному.

Вопросы на сельском сходе бывают разные: раскладка податей, выбор и учет старосты, выбор магазинщика, десятского, полевого и лесного сторожей, наем ночного караульщика, разрешение семейных разделов, распределение подводной повинности и другие, касающиеся как интересов целого общества, так и интересов отдельных его граждан. На сходе особого крика и шума нет, и спорящие не оскорбляют друг друга. Решающее значение принадлежит большинству, которое состоит из более бедных, но обеспеченных домохозяев, так как между ними и богатым большинством существует сильный антагонизм. Все крестьяне более или менее одинаково развиты, одинаково горды и не уступают друг другу.

Такие вопросы, как, например, приобретение пожарных инструментов или отдача кабака лицу, указанному начальством, решаются прямо по приказанию начальства, во избежание штрафов. Решения сельского схода приводятся в исполнение старостой и, в редких случаях противодействия старосты, волостным старшиной. Ягоднинский крестьянин верен себе: что он сказал на сходе, то скажет и в одиночку, хотя и не прочь в частных делах посмеяться и посплетничать насчет соседа.

Другая картина представлена в Малоярославецком уезде. Корреспондент Единцев Владимир Дормидонтович в Бабичевской волости сельцо Пешково отмечал следующие особенности сельского схода[6].

Сходы бывают сельские и волостные. На сельских присутствует сельский староста, а на волостных — старшина. На сходы идут крестьяне не торопясь и бывает с принуждением. Платье надевают обыкновенное. Посторонних женщин на сходах не бывает, разве только

случайно. На сходы очень часто являются пьяные крестьяне, а по окончании схода обязательно делают «складчину» и все напиваются, а кто не пьет водки, тот отливает свою часть и несет домой. Вопросы бывают на сходах разнородные и постановляются начальством: о разделах, постройках, приеме в среду общества, о засыпке хлебных магазинах, о выдаче из оных при неурожаях и т.п. Зажиточные крестьяне на сходах влияния имеют больше. Крестьянин в одиночку иногда рассуждает иначе, но на сходах соглашается с общим мнением, выражаясь: «Как мир, так и я».

Примечания

[1]Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н.Тенешева. Т.3. Калужская губерния. СПб, 2005. 648 с.
[2]Российский Этнографический музей (РАМ). Архив музея. Ф.7. Оп. 1. Д.484. Л. 1—2.
[3]РАМ. Ф.7. Оп.1. Д.514. Л.1—5.
[4]РАМ Ф.7. Оп.1. Д.524. Л.1—2.
[5]РАМФ.7.Оп.1. Д.531.Л.1—3.
[6]РАМФ.7. Оп.1.Д.537.Л.1—6.

ИКОНОПИСЬ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И ПОДЕСЕНЬЯ (В ГРАНИЦАХ ВЕРХОВСКИХ КНЯЖЕСТВ) В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

***М. А. Комова**, к. искусствоведения, доцент,*
Орловский государственный университет

В древнерусский период земли в верхнем течении Оки и Десны являлись северными уделами Черниговского княжества, получившими название Верховских. После гибели в Орде черниговского князя Михаила столица переносится в Брянск, а между его сыновьями распределяются удельные города Карачев, Елец, Новосиль, Воротынск, Звенигород, Мценск, Болхов, Глухов, Козельск, Таруса, Белев, Перемышль, Одоев. В XIII—XV вв. край находился в сложном положении: к югу — ордынские кочевья (Дикие Поля), на западе — Литва. К 1500 г. край входит в состав Московии. В течение XVI в. основываются крепости Тульской оборонительной черты [1]. Большое значение имела Ока. После Смуты восстанавливаются культурные связи края с Москвой и с Малороссией. В XVI—XVII вв. регион входит в Коломенскую и Крутицкую епархии. Некоторые земли были отнесены к Патриаршей области и Дворцовому ведомству (Елец, Севск, Брянск, Карачев), что обусловило пополнение собраний иконами царских мастеров. Постепенное продвижение старообрядцев из Москвы и Калуги на запад (в район Стародуба и Гомеля) укрепили преобладание московской традиции.

Об иконописи Верхнего Поочья мы судим по описаниям храмового имущества, проводившимся царскими писцами с конца XVI в. Земли, лежащие выше по течению Оки к югу от Калуги, отдаленные от известных иконописных центров, не могли сформировать собственную традицию. Изучение архивных материалов и подтверждение их находками из частных и церковных собраний дает представление об иконах, бытовавших в крае, о местных художественных предпочтениях. О монастырских храмах с древними иконами в южнорусских степях существовали отрывочные сведения, поэтому предания о местных иконах отражают стремление их составителей углубить историю местных святынь. В XVI—XVII вв. «Дикие поля» фигурировали в легендах как экзотический источник древностей. В поздней надписи (уничтожена при расчистке), явно легендарного содержания, на иконе XIII в. «Св. Никола» из новгородского Духова монастыря (ГРМ), сообщалось, что образ происходит из Диких полей. Другое предание отождествляет список явленной в 1383 г. близ Новгорода иконы Богородицы Тихвинской [2] с келейной иконой князя Олега Ивановича Рязанского (вторая половина XIV в.), сохранившейся в Елецком Вознесенском соборе. Вероятно, это предание сложилось в XVI—XVII вв., когда Тихвинская стала почитаться в Московии и когда была создана родословная князей Рязанских, к которыми был причислен елецкий род (черниговская ветвь).

Важен факт обнаружения в двух орловских частных собраниях сохранившихся икон из местной моленной старообрядцев-беспоповцев. Из них наиболее примечательны иконы из двух деисусных чинов (138 см и 93 см по большей стороне). Они относятся к первой трети—

середине XVI в. (на обороте иконы Спаса из большого деисуса надпись: *«писан ряд сей в лето 7050»*, т.е. 1552 г.) [3]. Иконография большого деисуса («Спас в силах», «Предтеча», «Архангел Михаил», «Апостол Петр», «Апостол Павел») и малого деисуса («Богородица», «Архангел Михаил», «Апостол Павел», «Никола») традиционна. Согласно экспертному заключению директора ГМиАР Г.В. Попова: *«и сохранность икон, и их художественные достоинства ставят их в ряд если не выдающихся, в строгом смысле произведений, то, безусловно, очень заметных и важных для истории искусства»* [4]. Исследователь отметил выраженную тенденцию архаизации, а также ориентацию на стиль второй половины XV в. Колорит икон большого деисуса, в котором доминируют яркие, дополняющие друг друга красный и изумрудный цвета, а также жестковатый рисунок складок, указывают на связь с новгородскими произведениями второй половины XV—первой половины XVI вв. Но в сравнении с памятниками северо-запада Руси цветовая гамма выглядит высветленной и сближенной, а движение фигур менее активно, что свидетельствует о воздействии художественной культуры среднерусских центров (в частности, Среднего и Нижнего Поочья). Эти аналогии указывают на существование «межрегионального» варианта стиля, характерного для времени создания единого русского государства. Эти же особенности выявляются и в стиле малого деисуса.

Наличие этих произведений могло быть связано с собирательской деятельностью местных старообрядцев, затронувшей в середине XIX в. центральные губернии (в том числе Орловскую и граничащую с ней Черниговскую). Согласно наблюдениям орловского миссионера А. Георгиевского в начале XX в., старообрядческая *«каменная моленная особенно богата древними иконами, книгами и утварью. Большие и древние иконы в ней, образующие целые иконостасы, как говорят, в свое время были приобретены из какой-то старинной церкви»* [5]. Можно выдвинуть и другие предположения. Известно, что епископ Вассиан (1484—1553), в дальнейшем епископ Коломенский, возглавлял земли в Верхнем Поочье. В молодости Вассиан Топорков и Досифей Топорков (Вощечников), будучи племянниками Иосифа Волоцкого, участвовали в работах артели Дионисия в Иосифо-Волоколамском монастыре в 1484—85 гг. [6]. Именно в творчестве Дионисия и его мастеров наиболее ярко проявились особенности «межрегионального» общерусского стиля. Не могли ли эти ансамбли попасть в Верхнеокский край по инициативе епископа Вассиана и лишь позднее появиться в старообрядческой моленной в Орле?

До второй половины XVI в. упоминания об иконописцах в Верхнеокском крае встречаются в источниках крайне редко. Это мастера, работавшие на севере региона, ранее других присоединенного к Москве. Особо выделим Перемышль. Так, мастер Арсений около 1567 г. выполнил деисусный ряд вместе с игуменом монастыря Прохором (уп. 1552—77) в соборе Успенского Шаровкина монастыря в Перемышле на средства кн. А.И. Воротынского и его супруги Марфы [7]. С именем Прохора связывают исполнение икон пророков в рост, 16 «киотов верхних» (художественных обрамлений икон пророков). Известен мастер Микула, написавший «16 киотов верхних» в праздничный ряд иконостаса церкви того же монастыря в Перемышле [8]. Вероятно, иконостасы были трех-, четырехрядными (местный, деисусный, праздничный и завершающий пророческий в «верхних киотах» из 17 икон и центрального образа Богоматери Знамение). Пророческие ряды перемышльских храмов уступали известным чинам конца XV—началу XVI вв. времени Дионисия (26 образов пророков из Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря 1497 г. и 20 пророков 1502 г. из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря) [9].

До начала XVII в. на первом месте по количеству упомянутых в Поочье стоит ряд явленных поясных икон св. Николая. Это утраченный образ Николы Новосильского XII в. (дата XIX в.), связанный с киевским образом Николы Доброго (XVII в.); икона из с. Уты близ Трубчевска 1288 г., появление которой также связывают с Киевом; икона 1452 г. из Одрина близ Карачева, икона из Гастуни близ Белёва, привозившаяся в правление Иоанна Грозного в Москву, образ Николы Пахотного, обретенного в Болхове в первой четверти XVII в. С Брянском, Трубчевском, Севском, Мценском, Карачевом, Рязанью связаны легенды о явлении скульптурных изображений св. Николая в позе оранта с градом-барийской гробницей в руке (во Мценске в 1415 г.; икона, в Столбовском монастыре близ Севска 1334 г.; в Площанской пустыни в XVI в.; в с. Паниковец близ Трубчевска в первой половине XVII в.;

в Орловском Успенском монастыре, пожертвованный в 1693 г.). Отдельно выделим традицию поясных икон-рельефов св. Николы в киотах (из Брянского Петропавловского монастыря, основанного в XVI в., из Ливенского Сергиевского монастыря в 1615 г.), копировавших в уменьшенном виде известный образец.

Исследователями отмечалась значимость покоящихся в Бари мощей св. Николая для становления деревянной киотной скульптуры [10]. Видна связь сюжета с восточноправославными и латинскими ларцами-мощевиками (рака в миниатюре), латинскими изображениями епископов в позе оранта, восходящей к античности традицией изображать покровителя города с градом (например, появившаяся в XV в. персонификация Венеции в виде женщины с мечом на фоне города) [11]. Отсутствие орантных скульптур Николы в византийской традиции относит его формирование к барийским памятникам (к сербской надгробной иконе св. Николы: «зарайский» тип с Евангелием и алтарной скульптуре барийской базилики: «можайский» тип с градом).

Появление первой скульптуры св. Николы в Москве в конце XIV в. связывают с приездом послов от римского папы Урбана VI и передачей ими частицы мощей [12], что предвосхитило первый этап развития сюжета, восходящего к утраченной сербской серебряной скульптуре, установленной над гробницей святителя в Бари кралем Милутином в 1319 г. В Поочье первым произведением такого типа стал севский образ 1334 г. из Столбовского монастыря, само название которого говорит о связи с барийской статуей. Древнее предание, сохранявшееся в XIX в. на медной доске в Петропавловской церкви с. Столбова, повествовало о явлении иконы на дубовом столбе, для которой был построен в середине XIV в. одноименный храм, затем, в XV в.— Столбовской монастырь [13]. Тема столба связана с упоминавшейся в источниках XIV, XV, XVII, XIX вв. чудотворной колонной из Бари, с вложенной частицей Креста Господня. Она появилась в море в связи с прибытием мощей святителя, что косвенно повторяет легенда о столбе из Севска.

Следующим был мценский образ 1415 г. Согласно летописи Пятницкой церкви Мценска XVIII в. крещение омчан ознаменовано было явлением скульптуры св. Николы *«яко воина, в руце имущ ковчег»* [14]. А. Рындина обращает внимание на близкий мотив обретения мценского образа 1415 г. на камне с начертанным крестом с барийским сюжетом плавания на камне [15]. Но историк С. Соловьев относит предание о крещении омчан к XVI в. [16], что предполагает местное почитание скульптуры в связи с общерусским почитанием в XVI в.

Поясные иконы св. Николая с предстоящими Спасом и Богоматерью, изображающие чудо возвращения знаков священства святому в тюрьме, также характерны для Поочья и Подесенья. Так, икона из с. Уты близ Трубчевска 1288 г. (привезена для князя Романа Брянского вместе со «Свенской Печерской» из Киева) не могла быть орантной. Другой образ исцелил трех родных братьев в XIV в. и в его честь построены были церкви в Брянске, а затем на реке Одрине. Она упоминается еще в 1452 г. как удел князя Василия Ярославича, внука Ольгерда [17]. В XIX в. образ выглядел так: *«Средний по размерам (47,25 х 54). По сторонам его обычные изображения Спаса и Богоматери. Правой рукой Святитель благословляет, в левой на омофоре держит Евангелие. Голова Святителя без митры»*. К этому же типу относится и икона Николы Новосильского, судя по опубликованной Н.И. Троицким фотографии [18].

Второй этап связан с принесением икон Николы и Параскевы «в храмцах» из галицко-волынских земель «переходцами с иной земли» во Псков (согласно Псковской I летописи). А. Рындина связывает событие с распространением почитания образа Николы из Жидичинского монастыря на Волыни с 1227 г., т.к. в стиле исполнения скульптуры из Пскова (ПОКМ) видны западнорусские ориентиры [19]. Вспомним распространение в Поочье надвратных икон св. Параскевы, которые встречаются в паре со св. Николой ратным, например, в Брянском Петропавловском монастыре [20].

Протографом русских скульптур второй волны в XVI в. были копии святыни, принесенной из Италии в Польшу королевой Боной Сфорцой. В Орле, Болхове и Мценске бытует другая легенда: о привозе по реке скульптуры киевским монахом Кукшей в начале XII в. Она напоминает «Епифанскую легенду» (Епифань близ Рязани как город польский известен с 1572 г.). Скульптура была привезена литовцами, шедшими на соединение с Мамаем (по другой версии — украинскими монахами), на повозке, запряженной волами. На месте

остановки повозки поставлен был храм-столп для статуи [21]. Обе легенды калькируют итальянское описание перенесения мощей барянами от моря к храму.

А. Рындина отмечает «копийность» киотных икон Поочья по отношению к псковскому оригиналу. С ним близка иконография вытянутого лика и орнаментальная «парчовая» роспись одежд иконы из кремлевской церкви Николы Гостунского XVII в., Николы Радовицкого середины XVII в. из Николо-Радовицкого монастыря под Рязанью (добавим рязанские статуи Николы Радунежского XVII в. и Николы XVIII в. из приокского Касимовского района [22]); рельефные поясные изображения Николы с Евангелием из Орла начала XVIII в. из ОМИИ. Но поясной рельеф из Брянского Петропавловского монастыря начала XVI в. и статуя из Никольской церкви с. Пушкари близ Рязани XVII в. (РОХМ) ближе к другой традиции, представленной статуей из Перемышля начала XVI в. (КОХМ). Геометрический двуцветный орнамент из крестов и белый омофор имитируют басменный оклад древней сербской скульптуры из Бари. Отметим, что аскетический, симметричный, вытянутый по вертикали овал лика, удлиненный тонкий нос, близко посаженные глаза с миндалевидным разрезом, лоб с глубокими морщинами кажется очень архаичным. Типаж, восходящий к романской скульптуре, встречается у Николы Можайского из ГТГ и в копиях утраченного образа Николы Гостунского около 1500 г. (икона конца XVI в. из Троицкого монастыря в Муроме, МИХМ; 23]).

С середины XVI в. с северо-запада России, а затем и в центральных областях начинается распространение надвратной скульптуры. Распространение «оборонительной» иконографии этого святого (Зарайский и Можайский типы) как образов защитников Русской земли имело место уже во второй половине XVI в. в крепостях Тульской черты и получает особое распространение после Смутного времени. Поэтому ранние статуи св. Николы возникали в XIV—XVI вв. в тех местах, через которые на Русь продвигались выходцы из Польши и Литвы. Их путь лежал по крепостям Верхнего Подесенья и Поочья (Севск, Брянск, Карачев, Мценск, Калуга, Можайск, Рязань).

Для XVII в. характерно исключительно интенсивное развитие русских провинций, которое коснулось и Верхнего Поочья. После Смутного времени в регионе фиксируется в источниках восстановление храмов и наличие в них икон как новых, «мирского строения», так и старых (сохранившихся в домах, либо обретенных). Интересна история обретения в Болхове иконы Николы Пахатного при вспашке поля [24]. В середине XVII в. монастыри изучаемого региона получают царские пожертвования на восстановление храмов. Тип иконного письма в Писцовых книгах редко характеризуется, но встречается термин «на празелени», «на золоте», «на празелени», «на красках» и «выложены серебром» или «золоченой басмой» (т.е. традиционный доживоподобный стиль), что свойственно московской традиции конца XVI—первой половины XVII в. Примером могут послужить семь икон в киотах св. Параскевы, привезенные из Москвы для семи врат Орловской крепости в середине XVII в. [25]. Одна из подобных скульптур сохранилась в собрании болховской Христорождественской церкви (еще ряд скульптур св. Параскевы в позе оранты, происходящих из болховских храмов, запечатлены на фотографиях из фонда Наркомпроса 1920-х гг., хранящихся в архиве ГИМа).

Ставятся традиционные тябловые иконостасы, деисусные (часто — апостольские) ряды которых достигают 13-ти икон, например, из Рождественского собора Орла середины XVII в. [26]. В Воскресенском храме Тихоновой пустыни под Карачевом, согласно архидиакону Павла Алеппского (1654 г.), находился резной вызолоченный иконостас. Иконы были миниатюрного письма «на золоте» в подобие «строгановских». В Верхнем Подесенье (Карачев, Брянск, Севск, Трубчевск) в середине XVII в. наряду с иконами «русского письма» («на золоте», «на празелени», «на красках») сосуществуют иконы «письма киевского на серебре», «на полотне» (Трубчевский Чолнский монастырь, Преображенский собор в Трубчевске). Брянская земля соединяла таким образом две культурные традиции: украинскую и русскую. Так, в Успенском храме Свенской обители в 1681 г. устанавливается копия иконостаса Великой церкви Лавры. Украинские импульсы отразились в обычае поднимать и опускать чтимую Богородичную икону («Богоматерь Молченскую» в монастырях Севска и Путивля), икону Богородицы «Успение Печерское» в Свенском монастыре в Брянске, в Успенском монастыре в Орле над царскими вратами иконостаса, подобно святыне Великой церкви Киево-Печерской Лавры.

Особо выделяются дворцовые земли, куда не только привозятся иконы, но и приезжают

известные московские иконописцы, среди них С.Ф.Бодягин (Оружейная палата), выполнивший в соборе Спасо-Чолнского монастыря близ Севска образы Архангелов на южной и северной диаконских дверях с авторской подписью» на одеждах (1697 г.) [27]. Московский мастер Ф.А. Бушуев в 1696 г. выполнил иконостас в Знаменской церкви Севска (местный ряд с царскими дверями и диаконскими, с образом Всемилостивого Спаса, Знамения) [28].

Следует отметить наличие местных мастеров. В Калуге сложились свои династии иконописцев: Кривощековы, Павловы, Денисовы, Савины, многие из которых привлекались для работ в Московском Кремле [29]. В бывших удельных центрах работали менее значительные мастера. Мастер Мартын Андреев в 1664 г. составил смету на починку икон в церкви Николы Гостунского близ Белева [30]. Иконописец иеромонах Афанасий в 1692 и 1695 гг. выполнил иконостас собора для Перемышльского Успенского монастыря [31]. Иконник Василий в 1635 г. (из мценских пушкарей), по заданию мценского, затем орловского воеводы выполнял ряд работ, в частности, чертеж Орловской крепости [32]. Его коллега по призванию подъячий Севской съезжей избы Василий Федосеев в 1650 г. *«начертил город Севск и в Комарицкой и в Крупецкой волостях острожки с уездами»* [33]. Ларион Михайлов Шевырев, иконописец из д. Нехочи близ Брянска, в 1664 г. выполняли иконы в Брянском Свенском монастыре [34]. Там же для Успенского собора выполнил иконостасные образы в традициях малороссийского барокко крепостной живописец Кирилл Холодов совместно с киево-печерскими монахами [35].

В Писцовых книгах первой половины XVII в., сохранивших сведения об иконах в городских и сельских храмах Орла, Болхова, Мценска, Ливен, Карачева и др., перечислены сюжеты, характерные для общерусской традиции XVII в. Примечательно большое количество икон святых мучеников и воинов: возможно, в этом отразились тяготы Смуты. Письменные источники свидетельствуют о появлении двух редких иконографических типов в конце XVII в. Первый относится ко времени прославления св. Тихона и Арсения, Карачевских чудотворцев. На листе из синодика Воскресенского Тихонова монастыря преподобные были изображены по обе стороны от монастырской церкви, вверху Спаситель, простирающий к ним руки [36]. Образцами послужили характерные для Москвы парные изображения двух святых в рост перед Спасителем (или Богоматерью), как в случае с местночтимой иконой святителей Афанасия и Кирилла Александрийских, якобы 1288 г., привезенной вместе со Свенской из Киева в Брянск. Вместе с тем, в основе могли лежать и известные киевские гравюры, изображавшие Успенский собор Лавры с предстоящим Антонием и Феодосием. К иконографии св. Тихона также относится его изображение в рост на крышке гроба. Образ имеет свои аналогии в общерусской традиции XVII в. (шитые надгробные пелены, рельефные и живописные крышки рак святых) [37]. Они считаются истоком развития иконографии святого до появления житийной иконы как *«результата развития комплекса надгробных икон, первоначально состоявшего из личных молельных икон погребенного и ранних персональных его изображений, на этапе широкого распространения его культа и ...жития. Оно и вбирает в себя символику раки святого, являет образ его моления за притекающих к раке молящихся и изливаемой на них благодати»* [38]. Находившийся рядом с ракой образ Тихона Амафунтийского, покровителя основателя обители, вероятно, местной традиции. Появление в Карачеве подобных изображений святого перед его канонизацией говорит о том, что это были исторически первые образы св. Тихона, предшествовавшие его изображениям в иконописном подлиннике. Подобные изображения выполнялись иконописцами, знавшими подвижника при жизни и помнившими его, либо собравших скрупулезно сведения о нем у «самовидцев» [39]. Но процесс создания развернутой иконографии не был завершен (возможно, из-за ликвидации монастыря в XVIII в.). Сохранился только образ Тихона XIX в. (БОКМ), выполненный по епархиальному заказу ростовскими эмальерами. Протографом его послужил образ Тихона Калужского (с которым совпадает день почитания) на фоне монастыря рядом с древом, на котором образ Спаса. Древо, возможно связано с бытующим преданием о том, что св. Тихон молился, находясь на столпе (в честь этого в XVII в. к монастырскому собору был пристроен столп). Не перифраз ли это легенд о Столбовских монастырях с иконами св. Николы?..

Многие из местных сказаний об иконах относятся к XVII—XIX вв. и дают дополнительное представление об атмосфере изучаемого региона в период «долгого средневековья». С

Св. Тихон Карачевский. Эмаль. Ростов (?). XIX в. (Брянский областной краеведческий музей).

легендарными событиями времени нашествия Тамерлана 1395 г. связывается создание в XVIII в. нового иконографического сюжета «Богородица Елецкая». Протографом ее считается елецкий список Владимирской иконы, находившийся в XIX в. в Вознесенском соборе с надписью, что *«сей образ спасен от нашествия Темир-Аксака и перенесен в Елец из села Талицы в 1395 г.»* [40], что совпадает с началом общерусского почитания Владимирской иконы, когда она была перенесена из Владимира в Москву для избавления от нашествия Тамерлана [41]. Наиболее вероятно, что легенда сложилась (как и в случае с рядом икон Николы не раньше XVI в.) в рамках идеологии Позднего Средневековья, когда подчеркивалось распространение благодати Московских святынь на всю страну. Согласно сохранявшейся в письменных источниках надписи на иконе, священники одного из елецких храмов ходили в Москву, чтобы найти там явленный в древности образ Богородицы «Владимирской» и сделать список, что им удалось. Но Богоматерь была изображена не в типе Елеусы, а в рост с ангелами (воинский тип), идущей по облакам на устрашение *«Темир Аксака, который стоял лагерем на Аргамачьей горе»* [42]. Сохранявшиеся списки (елецкая Казанская церковь) изображают Богоматерь, стоящую фронтально в позе Оранты, по сторонам средника изображены ряды святых. Московский мастер И.Г. Нащокин увеличил для ельчан сюжет одного из 22 клейм к иконе «Богоматерь Владимирская», иллюстрирующий «Сказание о чудесах Богоматери Владимирской» по списку XVI в. (клейма на иконе К. Уланова) [43].

Наилучшим образом показывает характер художественных связей земель в верхнем течении рек Оки и Десны с Киевом икона Богородицы «Успение Киево-Печерское». Большой удачей является обнаружение в одном из храмов Орла «Образа Успения Пресвятой Богородицы Печерской чудотворной» в меру чудотворного образа [первая половина—середина XVIII в.; 28 х 40, церковь Троицы-на-кладбище, Орел). Распространение Успенских храмов в Верхнем Поочье в XVII в. рекомендует обратить внимание на эту икону. В частности, в Орловском Успенском монастырском храме бытовала икона, подаренная, согласно записи в синодике, посменными игуменами Антонием и Феодосием [44]. Судя по описанию иконы XIX в. ее вытянутая вверх композиция восходила к древней святыне Успенского собора московского Кремля. Упоминание об иконе в конце XVII в. отсутствует. Поэтому предположим, что существовала другая икона, привезенная из Печер и представленная в источнике как дар старцев Антония и Феодосия.

Стиль памятника можно охарактеризовать как «греческий», восходящий к традиционному живоподобию первой четверти XVIII в. при использовании древних (византийских) иконографических композиций XI в. В данном случае, орловский памятник воспроизводит киевский образец XVII в., ориентированный на гравюры нескольких изданий Печерской типографии, а именно, гравюры из Амфологиона 1619 г. и из Патерика или Отечника Печерского 1661 г. Изображение Успения 1661 г. повторено в Киево-Печерском Патерике 1678 г. [45]. Наибольшее сходство орловская икона обнаруживает с двумя памятниками: с «Успением» 1671 г., исполненном Симоном Ушаковым «с того образа, что во граде Киеве в

Печерском монастыре» и вложенное в Троице-Сергиев монастырь московским боярином Б.М. Хитрово (Сергиево-Посадский музей), и с «Успением», полученным этим же боярином в 1677 г. в дар от самого И. Гизеля, архимандрита Киево-Печер (Владимиро-Суздальский музей) [46]. Сравнение с ними орловской иконы показывается, что последняя очень точно воспроизводит киевский образец.

Орловский памятник отличается некоторой тяжеловесностью и плотностью компоновки, декоративностью и яркостью открытых цветов, большим количеством киновари, заливкой цвета светлыми «островками» на темном фоне. Манера мастера вызывает ряд ассоциаций с украинским кругом произведений (с некоторой приглушенностью «украинизмов»): тяготение к контрастным красным с темными тенями одеждам святых, особой округлости линий, приземистости фигурок, типаже округлых ликов, выражение которых мастерски передано с разными оттенками скорби. Икону «Успение» можно рассматривать как одно из свидетельств использования художественных приемов, бытовавших на западе изучаемого региона. Иконография «Успения Печерское в меру» не распространена у старообрядцев, но, несомненно, изучаемая икона может иллюстрировать развитие колористического построения иконописи Ветки и Стародубья. На этой почве выросла своеобразная манера — нарядная, яркая, которая была при этом слегка затронута западным влиянием. Даже принимая во внимание аналогии вестковской иконы с романовскими и ярославскими произведениями, орловскую икону можно рассматривать свидетельством цитирования особенностей украинского искусства, приводившего к обогащению местной культуры и предвосхитившего появление икон «ветковского» типа.

Вывод. Изучение архивных сведений и небольшого количества разрозненных произведений позволяет рассматривать XVI—XVII вв. как начальный этап становления художественной традиции в крае. В XVI—XVII вв. иконы привозились из Москвы, что обусловило зависимость местных произведений от царских мастеров и школы Оружейной палаты. Иконопись Верхнеокского региона представляла собой периферийную ветвь московской традиции. В соответствии с общерусской традицией в крае развивалось копирование чтимых образов. Сосуществование вариантов миниатюрного письма, идущего от московской живописи конца XVI в., «живоподобия» и традиции, близкой украинскому барокко, имело положительное значение для местной культуры в XVIII—XIX вв.

Литература

1.История Орловского края. Ч. 1. С древнейших времен до конца XIX века. Орел, 2004. С. 42—43.

2.Бобров Ю.Г. История реставрации древнерусской живописи. Л., 1987. С. 129—133; Семеник Д. Елец. Путеводитель по русским городам. М., 2002. С. 139.

3.Комова М.А. Два неизвестных деисусных чина около 1500 года из старообрядческого собрания города Орла // Светильник. М., 2003. № 2—3. С. 141—155.

4.Попов Г.В. Краткое эксперное заключение на пять, представленных к экспертизе, икон. 11.02.05. Рукопись.

5.Георгиевский А. Старообрядчество в Орле // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 17. С. 505—506.

6.Попов Г.В. Живопись и миниатюра Москвы с. XV—н. XVI в. М., 1975. С. 75—76.

7.Леонид [Кавелин], иеромонах. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей в пределах Калужской епархии // Чтения в обществе истории и древностей Российских. М., 1863. Кн. 1. С. 4—46.

8.Леонид [Кавелин], иеромонах. Указ. соч. С. 26, 33.

9.Художественное наследие Дионисия. М., 2002. С. 57—61, 99—102.

10.Рындина А.В. Основы типологии русской деревянной скульптуры «Никола Можайский». Икона и святые мощи» // Искусство христианского мира. Т. VI. М., 2002. С. 99—111.

11.Холл Д. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1999. С. 170.

12.Рындина А.В. Символические и иконографические аспекты древней статуи Николы Можайского // Искусство христианского мира. М., 2005. С. 139.

13.Вознесенский А., Гусев Ф. Житие и чудеса Св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России. СПБ., 1899. С. 289—290.

14.Соколов Илья, прот. Сказание о явлении чудотв. иконы св. и чуд. Николая во граде Мценске. СПб., 1861.

15.Рындина А.В. Барийские мотивы в интерпретации образа Николая чудотворца в России // Искусствознание. № 2. М., 2002. С. 126—127.

16.Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II.Т. 3—4. М.,1988. С. 311.

17.Пясецкий Г.М. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. Орел, 1899. С. 72—106.

18.Вознесенский А., Гусев Ф. Указ. соч. С. 39, 550.
19.Рындина А.В. Символические и иконографические аспекты… С. 127.
20.Алексеев В. Брянские люди. XVII в. Брянск. С. 192—193.
21.Рындина А.В. Юго-западные контакты Руси в XVI в. и деревянные киотные статуи Николая Чудотворца // Искусство христианского мира. М., 2004. С. 127, 136; она же. Барийские мотивы в интерпретации… С. 127.
22.Искусство рязанских земель. М.. 1993. Кат. 48, 52, 53,
23.Иконы Мурома. М., 2006. Кат. 16.
24.Пясецкий Г.М. Исторические очерки г. Болхова // Орловские епархиальные ведомости. 1875. N 15. С. 948.
25.РГАДА. Ф. 210. Стб. 59. Л. 2—33, 44—45. Стб. 65. Л. 73—74.
26.РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 73—74. СТБ. 59. Л. 2—33, 44—45. Ф. 210. Севский стол. СТБ. 292. Л. 9.
27.Пясецкий Г.М. История Орловской епархии… С. 163—164.
28.РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 81. 1737 г. № 41167; Молева Н., Белютин Э. Живописных дел мастера. Канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVIII в. М., 1965. С. 192; Пясецкий Г.М. История Орловской епархии… С. 113—114.
29.Словарь русских иконописцев. С. 161, 165, 177, 214, 291, 296, 341, 367, 403, 429, 437, 464, 480, 567.
30.Забелин И.Е. Материалы для истории русской иконописи // Временник для московского общества истории и древностей российских. Кн. 7. М., 1850. С. 53—54; Ровинский Д.А. История русских школ иконописания до конца XVII века // Записки Императорского Археологического общества. Т. 8. СПб., 1856. С. 150.
31.Леонид [Кавелин], иеромонах. Указ. соч. С. 26, 33; Собко Н.П. Указ. соч. С. 259.
32.РГАДА. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 131—132.
33.Успенский А.И. Указ. соч. С. 317.
34. Сборник Церковного историко-археологического общества. Т.2. Орел, 2006. С. 207.
35.Злотникова И.В. Брянский край в десяти веках. Свенский монастырь. Брянск, 2006.
36.Пясецкий Г.М. История Орловской епархии… С. 68—69.
37.Преображенский А.С. Ктиторские портреты средневековой Руси и их воздействие на русскую иконографию (XI—XV вв.): Автореф. дис. канд. искусств. М., 2004. С. 11—24.
38.Сорокатый В.М. Надгробная икона Прокопия Устюжского 1602 г. // Русские исторические деятели в иконе. Тез. докл. науч. конф. Дек. 1989 г. М., 1995. С. 36.
39.Голейзовский Н.К. Исихазм и русская живопись XI—XV вв. // Византийский временник. М., 1969. Т. 29. С. 207.
40.Пясецкий Г.М. История Орловской епархии… С. 296.
41.Богоматерь Владимирская. Сретение Владимирской иконы Богоматери // Чудотворный образ. Кат. 17—18. С. 39—41.
42.Ридигер Н.А. Материалы для истории Ельца. Елец, 1993. С. 108—110.
43.Костромская икона. Свод русской иконописи. М., 2004. Кат. 157.
44.Пясецкий Г.М. Забытая история Орла. Орел, 1993. С. 34.
45.Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник. Киев, 1971. С. 34, 81, 86.
46.Смирнова Э.С. «Киево-Печерское Успение». Икона-реликварий XI века в свете письменных и изобразительных источников // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 440—443.

ЖИТИЙНЫЕ ИКОНЫ СВЯТЫХ ВОИНОВ ИЗ КАЛУЖСКОЙ ЦЕРКВИ ПРЕОБРАЖЕНИЯ «ПОД ГОРОЙ»

***В.Г. Пуцко**, заслуженный работник культуры РФ, н.с.,*
Калужский областной художественный музей

Понимание единства феномена культуры предполагает включение в круг ее памятников разнообразных произведений, образующих определенные серии, которые отражают художественный опыт эпохи. В истории русского сакрального искусства притягательным и в то же время далеко не однозначным является иконописание XVI в. В целом оно успело выработать единый стиль, но следы его зависимости от локальных традиций еще долго сохраняются и порой напоминают о себе. Поэтому при классификации материала историк искусства может остановиться в нерешительности даже перед теми иконами, происхождение которых нам хорошо известно по письменным источникам.

В Калужском областном художественном музее хранятся две житийные иконы святых воинов, ранее находившиеся в городской церкви Преображения Господня «что под горою»,

Рис. 1. Чудо св. Димитрия Солунского с житием. 1570-е гг. Икона из калужской церкви Преображения «под горой». Калуга, Калужский областной художественный музей.

упомянутые в церковной описи 1800 г. как находящиеся в трапезе: *«Образ великомученика Димитрия с житием, на нем венец да гривенка серебреная позлащена. Образ великомученика Георгия с житием, на нем венец да гривенка серебреная позлащеныя»*[1]. Речь идет о старой трапезной, до ее перестройки в 1827 г. Церковь сооружена в 1709—1717 гг., и, следовательно, обе иконы если не перенесены сюда из более раннего храма, то появились в качестве вклада в течение XVIII в. О более раннем местонахождении ничего неизвестно. Написаны ли эти иконы в Калуге, — нельзя сказать уверенно.

Икона «Чудо Димитрия Солунского» в литературе отнесена к концу XVI в., но при этом указано, что «общая композиция иконы «Димитрий Солунский» отмечена известной лаконичностью, характерной для иконописи начала столетия», и как оригинальная черта приведено соединение трех клейм в одну сцену — бичевания Димитрия[2]. Сказано и о применении местных минеральных красок. Икона «Мученик Георгий с житием» выделена как отличающаяся особо утонченным мастерством исполнения и отнесена к тому же самому времени[3]. Логически можно заключить об одновременном выполнении обеих икон

Рис. 2. Чудо св. Димитрия Солунского с житием. Первая половина XVI в. Икона из собрания Г.М. Прянишникова в Городце. Нижний Новгород, Нижегородский государственный художественный музей.

различными мастерами, скорее всего, здесь же, в Калуге. В этом нет ничего невероятного, и все же для подтверждения этого вывода надо представить описываемые произведения в соответствующем историко-культурном контексте.

Первая из рассматриваемых икон (инв. № 328, размер 140,0 х 105,8 см) относится к сравнительно редко встречающимся житийным св. Димитрия Солунского, представляющим его как всадника-триумфатора; другой особенностью служит расположение житийных клейм лишь с трех сторон средника (рис. 1). Великомученик Димитрий, воевода Солунский, как христианин был по приказанию римского императора Максимиана (286—305), соправителя Диоклетиана (284—305) заколот копьями в темнице 26 октября 306 г. Уже в V в. сложилось почитание святого как покровителя Солуни, Македонии и Иллирии, а в IX—XI вв. распространилось по всей Византийской империи. Димитрия изображали как мученика и как воина. В XII—XIII вв. появляются изображения св. Димитрия на коне, известные по металлическим образкам[4]. Житийный цикл святого получил развитие в искусстве Византии и Сербии в эпоху Палеологов, лучшими образцами чего служат дечанские фрески[5]. Вероятно,

к XIV в. относился и чеканный житийный цикл византийской работы, известный сейчас лишь по воспроизведению 1586 г.[6]. В Ростове Великом хранится первоначально являвшаяся храмовой церкви Димитрия Солунского с. Поникарова весьма изысканная по исполнению икона рубежа XV—XVI вв. с изображением стоящего в рост Димитрия-воина, в окружении 14-ти житийных клейм[7]. Известны также традиционно локализуемые Новгородом две иконы первой половины XVI в. с изображением тронного св. Димитрия, окруженного в одном случае 14-ю житийными клеймами[8], а в другом — 16-ю[9]. И еще известна одна житийная икона св. Димитрия из собрания Г.М.Прянишникова в Городце, хранящаяся ныне в Нижнем Новгороде[10]. В ее среднике, как и на калужской иконе, представлено Чудо св. Димитрия Солунского, а обрамление составлено из 14-ти житийных клейм (рис. 2).

Иконографический образ св. Димитрия-всадника, поражающего поверженного военачальника, представлен уже в киевском резном шиферном изображении 1060-х гг.[11]. В период позднего средневековья изображения св. Димитрия, равно и как других святых всадников, становятся весьма популярными на Балканах[12]. Составителей жития св. Димитрия не смущает то обстоятельство, что дата его смерти определяется годом позже того, как оставил императорский трон Максимиан, и, соответственно, иконописцы изображают святого низвергающим в пропасть именно его, а иногда — и «царя загорского» Колуяна, которому нанес «язву невидиму в сердце». Последний сюжет, похоже, был соединен с житийным циклом только в русской иконописи, причем не ранее первой половины XVI в. Икона из Городца — тому явное свидетельство, и остается лишь сожалеть о том, что место ее выполнения по существу неизвестно. По косвенным признакам произведение скорее можно отнести к московскому художественному кругу. В частности, в 12-ом клейме, иллюстрирующем Чудо с девицами, надо обратить внимание на изображение на представленной иконе стоящего в рост Димитрия-воина, вызывающее ассоциацию с произведением в Успенском соборе Московского Кремля, принесенном из Владимира около 1390—1400 гг.[13]. Правильный рисунок, вытянутые пропорции фигур указывают на квалифицированного мастера. Похоже, что живопись была подвергнута неумелой промывке, и поэтому судить об ее достоинствах в целом сейчас трудно. Центральное изображение довольно сходное с 11-ым клеймом, с Димитрием, побеждающим врагов Солуни. По своему размеру (90,0 х 68,0 см) городецкая икона значительно меньше калужской и ее живопись производит впечатление более рафинированной, несмотря на отмеченное состояние красочного слоя.

Описываемая икона в Калуге (рис. 1) по иконографии и стилю довольно похожая на предыдущую, но никак не идентична ей (рис. 2); поэтому о непосредственной их связи говорить трудно. Перечень различий оказывается столь же впечатляющим, как и общее сходство. Кроме вариативности центральной композиции, отличающейся в калужском варианте акцентированным драматизмом, различны в обоих случаях по тематическому составу клейма. На калужской иконе они следующие: 1) Димитрий перед императором Максимианом; 2) заточение Димитрия в темницу; 3) бичевание Димитрия; 4) увещание святого гражданами Солуни; 5) суд императора; 6) Димитрий проклинает ящера; 7) Димитрий благословляет Нестора на поединок с гладиатором Лием; 8) поединок Нестора с Лием; 9) воины пронзают копьями Димитрия; 10) погребение Димитрия; 11) исцеление больного у гроба мученика; 12) видение солунского клирика; 13) Димитрий преследует Диоклетиана; 14) перевоз ковчега с сорочкой Димитрия; 15) моление у гробницы Димитрия в Солуни.

В последней композиции в сцене исцеления фигурирует икона с поясным изображением святого. В отличие от более раннего произведения здесь вообще отсутствуют русские архитектурные мотивы при изображении церквей. Еще надо отметить такую существенную деталь, как отсутствие ангела и облачного Спаса в композиции средника.

Расположение клейм с трех сторон средника иконы не характерно для русской практики, но довольно обычно для украинских произведений XV—XVI вв., куда проникло вместе с западным влиянием[14]. Показательным для московской иконописи второй половины XVI в. можно считать стиль икон приделов Благовещенского собора Московского Кремля, выполненных в 1560-х гг.[15]. При всем разнообразии индивидуальных манер в них заметно классицирующее начало, хотя и не столь ярко проявляющееся, как в работах критских мастеров. Калужская икона лишена подобного артистизма и в ней скорее больше общего с произведениями ярославских мастеров[16]. Декоративные элементы живописи средника как

Рис. 3. Св. Георгий-воин с житием. Около 1600г. Икона из калужской церкви Преображения «под горой». Калуга, Калужский областной художественный музей.

будто тоже указывают на Поволжье. Все это лишь может свидетельствовать о происхождении иконописца. Живопись явно не позже 1570-х гг.

Икона св. великомученика Георгия (инв. №330, разм. 140, 0 х 100, 0), представляющая его в окружении 18-ти житийных клейм, не раз обращала на себя внимание исследователей. В частности, была отмечена необычность композиции 10-го клейма с изображением Диоклетиана, осуждающего на смерть Георгия, и оригинальность ряда иных клейм[17]. Вариативность этого иконографического цикла в конечном счете не представляет ничего необычного в контексте известного материала, послужившего предметом специального исследования[18].

Великомученик Георгий происходил из Каппадокии, служил в войске императора Диоклетиана, был трибуном; за произнесенную в сенате речь в защиту христиан во время гонения на них был подвергнут мучениям, после чего обезглавлен в Никомидии 23 апреля 303 г. Тело святого было погребено в Лиде, но его церковное почитание вскоре вышло за пределы региона и распространилось по всему христианскому миру. Об этом свидетельствуют многочисленные памятники сакрального искусства, начиная с церковных сооружений IV—V вв. и изображений VI в.[19]. Позже, с X—XI вв., в Византии наряду с уже существующим образом Георгия-мученика большую популярность получает образ Георгия-воина, представленный в иконах, стенописях, миниатюре и пластическом искусстве, распространившийся в пределах обширного византийского культурного ареала[20]. Один из наиболее ранних житийных циклов св. Георгия представлен на чеканном Местийском кресте из церкви селения Сети, относимом

Рис. 4. Св. Георгий-воин с житием. Первая треть XVI в. Икона из Пятницкого монастыря в Дмитрове. Москва, Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева.

к XI в.[21]. К образцам деревянной скульптуры рубежа XII—XIII вв. относится наиболее ранняя известная житийная икона св. Георгия византийского происхождения[22]. Живописные греческие житийные иконы Георгия-воина известны с первой четверти XIII в., которой датируется произведение, сохранившееся в монастыре св. Екатерины на Синае[23]. Все эти предпосылки сделали возможным развитие московских житийных икон св. Георгия уже в поствизантийский период — в основном в хронологических пределах XVI в.[24].

Описываемая икона из калужского храма (рис. 3) относится к указанному времени и, как можно предположить, к этому же художественному кругу. В среднике святой представлен стоящим в рост, одетым в воинские доспехи, с ораторским жестом правой руки и с копьем в левой; за спиной свисает скрепленный концами на груди алый воинский плащ. Вследствие неудачно проведенной при реставрации склейки частей иконной доски изображение лица оказалось деформированным. Особенностью позема служит его как бы кристаллическая поверхность, указывающая на некоторую всхолмленность. Пластинчатая кольчуга святого воина украшена медальоном: модификация фигурной мишени с образом Христа Еммануила, с которой изображен св. Георгий на московской иконе середины XVI в.[25]. Стоит еще заметить, что на иконе в Калуге не изображен щит, составляющий обычную принадлежность вооружения.

Калужская икона имеет следующий состав житийных клейм: 1) Георгий исповедует перед

Диоклетианом христианскую веру; 2) мучение Георгия копьем; 3) мучение тяжелым камнем; 4) истязание Георгия у столба; 5) бичевание Георгия; 6) мучение на колесе; 7) обувание раскаленных железных сапог; 8) беседа Георгия с царицей Александрой; 9) моление Георгия в темнице; 10) Диоклетиан осуждает Георгия на смерть; 11) Георгий молитвой сокрушает идолов; 12) побиение Георгия камнями; 13) Георгий воскрешает умершего; 14) усекновение главы Георгия; 15) погребение Георгия; 16) сарацин стреляет в икону Георгия; 17) исцеление раскаявшегося сарацина от иконы Георгия; 18) возвращение отрока отцу из сарацинского плена. Во всех перечисленных композициях св. Георгий представлен как мученик, в патрицианских одеждах. Вряд ли стоит здесь подробно излагать тематические и композиционные отличия названных клейм от встречающихся в иных, преимущественно более ранних житийных иконах русского происхождения. В лучшем случае это может позволить связать тематику с конкретной редакцией житийного текста. Как правило, всегда присутствуют черты сходства и различия, в том числе иное распределение представленных сюжетов.

В плане иконографии из всех известных на сегодняшний день житийных икон св. Георгия, относящихся к московскому художественному кругу, наиболее близкой к описываемой оказывается выполненная в первой трети XVI в. и происходящая из Пятницкого монастыря в Дмитрове[26] (рис. 4). Но это вовсе не значит, что произведения идентичны: дмитровская икона помогает понять генезис сцен, составляющих наиболее оригинальную особенность калужской. Попутно надо заметить, что одинаковые композиции иногда имеют вариативные сопроводительные надписи. Например, в одних случаях речь идет об исповедании веры перед Диоклетианом, в других — перед консулом Магнентием. На изображенной в 16-ом и 17-ом клеймах иконе представлено погрудное изображение св. Георгия, что можно считать отголоском древней реалии.

Стиль калужской житийной иконы св. великомученика Георгия наиболее соответствует произведениям «Годуновской школы», образцами которой служат «Троица Ветхозаветная» 1586 г. (со створками около 1600 г.), вложенная Д.И. Годуновым в Ипатьевский монастырь в Костроме[27], и четыре створки с циклом «Хождения Троицы», вложенные в 1599—1600 гг. Борисом Годуновым в Троице-Сергиев монастырь[28]. Удлиненные пропорции здесь сочетаются с некоторой грузностью фигур, что нельзя не заметить и в рассматриваемом произведении.

При всех очевидных различиях обе житийные иконы, находящиеся в Калуге, явно между собою связаны, причем, возможно, не только благодаря их исторической связи с церковью Преображения Господня «под горой», более известной как Казанская, благодаря находившейся в ней чудотворной иконе Богоматери. Церковь пользовалась вниманием московской аристократии, и поэтому нельзя совершенно исключать как московское происхождение и данных икон, так и их появление в калужском храме в XVIII в., изъятых из обновленного теми же благодетелями одного из столичных. Одним словом, близость Калуги к Москве создавала самые непредвиденные ситуации. И поэтому при изучении происхождения икон XVI в. нельзя идти дальше самых осторожных предположений.

Примечания

[1] ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 8. Л. 34.

[2] Фехнер М. Калуга. Боровск. М., 1972. С. 24. Ил. 74.

[3] Там же. С. 24—25. Ил. 72, 73. См. также: Жарикова Т.А. Житийная икона святого великомученика Георгия около 1600 г. Из собрания Калужского областного художественного музея.// Искусство Древней Руси и Византии: Итоги исследований 2002 года. М., 2003. С. 66—68.

[4] Залесская В.Н. Фессалоникские иконы-евлогии и образки эпохи Латинской империи // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. СПб., 2001. С. 78—82.

[5] Радовановић Ј. Иконографија живота и чуда светог Димитрија на фрескама манастира Дечана// Радовановић Ј. Иконографска истраживања српског сликарства XIII и XIV века. Београд, 1988. С. 117—125.

[6] Постникова-Лосева М.М. К вопросу об отражении византийской художественной культуры в золотом и серебряном деле Древней Руси. (Серебряный оклад иконы Димитрия Солунского 1586г.) // Византийский временник. Т. XXX. М., 1969. С. 233—242. Рис. 1—5.

[7] Мельник А.Г. Икона круга Дионисия в собрании Ростовского музея// Ферапонтовский сборник. Вып. VI. М., 2002. С. 167—174; Вахрина В.И. Иконы Ростова Великого. М., 2003. С. 86—93. №14.

[8] Алпатов М.В. Древнерусская иконопись. М., 1984. С. 309. Ил. III.

[9] Древние иконы старообрядческого кафедрального Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве. М., 1956. С. 14. Ил. 10.

[10] Ростово-Суздальская живопись XII—XVI веков. Альбом. Сост. Розанова Н.В. М., 1970. Табл. 99—104.

[11] Пуцко В. Киевские рельефы святых всадников // Старинар. Нов. Сер. Књ. XXVII. Београд, 1977. С. 115—116. Табл. I: 1, 2.

[12] Манова Е. Ликови светаца коњаника у средњовековном бугарском сликарству и њихова сродност са сличним светитељима у грузињској средњовековној уметности// Музеј примењене уметности. Зборник. Бр. 19—20. Београд, 1975—1976. С. 105—112.

[13] Смирнова Э.С. Храмовая икона Дмитриевского собора. Святость солунской базилики во владимирском храме// Дмитриевский собор во Владимире. М., 1997. С. 220—254.

[14] Логвин Г., Міляєва Л., Свєнціцька В. Український середньовічний живопис. Київ, 1976. Табл. XXXIX, XLIV, L, LX, XCV, CII, CVI, CVII.

[15] Качалова И.Я., Маясова Н.А., Щенникова Л.А. Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990. Табл. 200—216.

[16] Ср.: Масленицын С.И. Ярославская иконопись. М., 1973. Табл. 33—39.

[17] Жарикова Т.А. Житийная икона святого великомученика Георгия около 1600 г. Из собрания Калужского областного художественного музея. С. 67—68.

[18] Myslivec J. Svatý Jiří ve východokřest anském uméni// Byzantinoslavica. R.V. Praha, 1933—1934. S. 304—368. См. также: Mark-Weiner T. Narative Cycles of the Life of St. George in Byzantine Art. New York, 1977.

[19] Подробнее см.: Атанасов Г. Свети Георги Победоносец: култ и образ в Православния Изток през средновековието. Варна, 2001.

[20] Лазарев В.Н. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве// Византийский временник. Т. VI. М., 1953. С. 186—222.

[21] Чубинашвили Г.Н. Один из памятников первостепенного значения грузинской чеканки в Сванетии.// Ars Georgica. Т. 3. Тбилиси, 1950. С. 95—112.

[22] Пуцко В. Мариупольский рельеф св. Георгия// Зборник радова Византолошког института. Књ. XIII. Београд, 1971. С. 313—331.

[23] Constantinides E.C. Une icône historiée de Saint Georges du XIIIe siècle au monastère de Sainte-Catherine du mont Sinai// Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. P. 77—104.

[24] Евсеева Л.М. Московские житийные иконы Георгия Великомученика и их литературные источники.// Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства (ТОДРЛ. Т. XXXVIII). Л., 1985. С. 86—100.

[25] Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи (Гос. Третьяковской галереи). Т. II. М., 1963. С. 143. Ил. 46. №532.

[26] Евсеева Л.М. Московские житийные иконы Георгия Великомученика… С. 88, 93—99. Ил. На с. 90. Воспроизведение в цвете см.: Салтыков А.А. Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Л., 1981. С. 245. Ил. 55—57.

[27] Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. Т. II. С. 152—154. Ил. 48—51. №547.

[28] Николаева Т.В. Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977. С. 142—144. №245.

СКАЗКА О КОЩЕЕ БЕССМЕРТНОМ. (СМЕРТЬ КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО: СЮЖЕТ И СМЫСЛ ОБРЯДА)

***Г.К. Патрик**, н.с., Институт археологии РАН*

Территория Поочья принадлежит к числу земель, на которых в историческое время происходила смена населения (приход вятичей). Взаимодействие коренного и нового населения всегда связано с преодолением ряда противоречий и увидеть этот процесс можно только через косвенные данные. Я попробовала раскрыть эти противоречия на материале сказки о Кощее Бессмертном.

Сказки о Кощее зафиксированы только на территории расселения восточнославянских

народов (Новиков, с.192). Географическое распространение этого сюжета не может быть случайностью, т.к. исследователями давно прослежена органичная связь архаических сказок с мифами, ритуалами и племенными обычаями (Мифы…, т.2, с.441—444). Хотя сказка не тождественна мифу и оторвана от обрядово-ритуальной практики, она доносит некоторые архаические черты, отсутствующие в других источниках.

Сюжет о Кощее Бессмертном в сравнении с другими образами восточнославянских сказок (например, Бабой-Ягой или Змеем) изучен значительно меньше. Его изучали в своих работах А.Н. Афанасьев, В.Я. Пропп, Б.А.Рыбаков, Е.М. Мелетинский, Н.В.Новиков, Л.М.Алексеева и другие, но однозначных ответов на многие вопросы не существует и до сих пор. Более того, некоторые вопросы даже не были поставлены, так как изучением сказки занимались преимущественно филологи.

Наиболее трудное место этого сюжета — умерщвление уже мертвого Кощея, его вторая смерть от действий живого героя. При этом герой действует очень целеустремленно, он хорошо знает, что надо делать, и уверен в своих силах.

При рассмотрении образа Кощея Н.В.Новиков разделил сказки о нем на три группы: 1) «Смерть Кощея в яйце»; 2) «Смерть Кощея от волшебного коня» и 3) сказки, где Кощей выступает дублером какого-нибудь отрицательного персонажа. Главное место в этом ряду принадлежит группе «Смерть Кощея в яйце» (Новиков, с.193). Рассмотрим этот сюжет с точки зрения присутствующих в нем деталей, упомянутых в сказках этого ряда.

Рассказ Кощея о своей смерти в различных вариантах сказки представлен достаточно устойчивой по содержанию формулой. «На море на окиане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, а в яйце моя смерть» (Афанасьев, с.158). В этой формуле присутствуют семь элементов, что не может быть случайностью, так как само число «семь» является определенным магическим знаком, широко представленным в религиозно-мифологическом контексте (семь дней творения, семь смертных грехов, семь братьев, семь сестер и др.). Рассмотрим эти элементы.

1. Море-окиан (или река, озеро) означает некое серьезное препятствие на пути героя, которое необходимо преодолеть. Во многих религиях вода отделяет мир живых от мира мертвых. В некоторых вариантах сказки вместо моря называется «каменная степь» (Новиков, с.208; Разаускас, с. 295—352).

2. Остров или холм. Слово «остров» кроме значения «земля, окруженная водой» имеет также равноправное значение «сухое место, бугор». Слово «бугор» включает в себя значения горка, пологое возвышение, холм, т.е. здесь хорошо виден образ городища.

3. Дуб — священное дерево, поклонение которому зафиксировано по всей Европе. Дуб является частным случаем мирового древа, а с помощью мирового древа «воедино сводятся общие бинарные смысловые противопоставления, служащие для описания основных параметров мира» (Мифы, т. 1, с. 398). С помощью мирового древа различают основные зоны вселенной — верхняя (небесное царство), средняя (земля), нижняя (подземное царство). Почитание дубов на территории Восточной Европы сохранилось до наших дней, что свидетельствует о глубокой традиции этого действия (Левкиевская, с.68—72).

4. Сундук (ящик, короб), зарытый под дубом или спрятанный в дупле дуба. В словаре П.Я. Черныха отмечено, что это слово в русском языке давнее, может быть, индийского происхождения, пришедшее к славянам из тюркских языков. В южнославянских языках «сундук/sanduka» имеет также значение «рака», «гроб» («мртвачки сандук»).

5. Заяц. Роль зайца здесь, вероятно, определяется тем, что «о зайце в народе говорят, что он сотворен чертом (поэтому заяц такой же косой, как черт» (Левкиевская, с.109). Из-за своего происхождения заяц считается нечистым животным, и во многих русских селах до сих не едят зайчатины (Левкиевская, с. 109). В словаре В.И.Даля приведены следующие приметы: «заяц дорогу перебежит, к несчастию», «заяц по селению бегает, к пожару», «тебе пень да колода, а нам путь да дорога, говорят зайцу, перебежавшему путь». А.Н.Афанасьев приводит данные о том, что «эльфы и кобольды нередко появляются в виде трехногих зайцев, с блестящими огненными глазами; заяц принимается за воплощение духа, предвещающего смерть, а в народных причитаниях выступает как путеводитель в блаженное царство Engelland» (Афанасьев, т.III, с.255).

6. Утка. Прежде всего, надо отметить, что утка очень редко действует в русских сказках: в сюжете о Кащее и в сказке про утку с золотыми яйцами. Причем и во втором сюжете утку добывают из-под корней дерева (в данном случае — березы). В польской легенде о сотворении мира утка считается причастной к образованию гор. «Когда Бог создавал землю, черт велел утке украсть немного земли. Утка уже улетала с похищенной землей, как ее настиг ястреб и стал душить. Утка вскрикнула, выронила землю из клюва, и из этой земли образовались горы» (Левкиевская С. 471—472). Даль приводит очень любопытный факт, что созвездие Плеяды/Стожары/Волосожары называют «утиное гнездо». В эпосе «Калевала» утка сносит яйцо, из которого возникает мир: из нижней части — земля, из верхней — небесный свод.

Таким образом, и утка, и заяц играют роль посредников во взаимоотношениях с другим миром и включение их в формулу Кощеевой смерти не случайно.

7. Яйцо. Сюжет о яйце очень широко представлен в мифопоэтических традициях разных народов. Из яйца возникает вселенная или некая персонифицированная творческая сила: бог-творец, культурный герой-демиург, иногда — род людской. Верхняя и нижняя половинки яйца отождествляются с землей и небом, желток — с солнцем. Согласно ведийской космологии творец Ишвара описывается живущим в Яйце Мировом на водах. В финском мифе утка сносит яйцо, из которого возникает мир, на колено Вяйнямейнена, единственного обитателя океана, или на холм среди океана. Во всех мировых традициях образ яйца неразрывно связан с рождением, возрождением, оплодотворением, плодородием (Мифы, т.2, с. 681). Миф о Василиске, который родился из яйца, снесенного петухом и высиженного жабой, только подтверждает правило. В этом сюжете внимание направлено на то, что здесь все события еще до рождения неправильны и это дает такой чудовищный результат.

Сюжет о нахождении смерти Кощея в яйце противоречит мифу о мировом яйце и это требует объяснений.

Для понимания этого странного места для нахождения смерти рассмотрим действия героя и его помощников. Прежде всего, надо обратить внимание на то, что только сам Кощей знает, где его смерть и, второе, количество защитных преград смерти Кощея равно семи. Т.е., обе позиции выпячивают преимущества позиции Кощея, его хорошую защищенность от героя и его неродственность всем действующим персонажам. Кощей чужой даже для Бабы-Яги. Для преодоления защитных кощеевых преград необходимо сотрудничество семи персонажей: героя, Бабы-Яги, украденной женщины, медведя, волка, ястреба, щуки. Рассмотрим эти персонажи.

1.Баба-Яга — популярнейший образ восточнославянских волшебных сказок. Исследователи давно подметили, что Ягишни делятся на две основные группы: Ягишни, выполняющие положительную роль (по терминологии В.Я. Проппа «Яга-дарительница») и Ягишни, выполняющие отрицательную роль (Яга-похитительница, Яга-воительница). В сюжете с Кощеем Яга помогает герою. Она живет в лесу, по дороге в иной мир. Хотя исследователи считают, что иной мир — это мир мертвых, в сказке о Кощее ни иной мир, ни сама Баба-Яга не имеют каких-либо серьезных признаков мира мертвых. Здесь вполне уместно предположить, что не всякий «иной мир» подразумевает мир мертвых, иным миром может быть и чужой мир, мир других, не родственных герою, людей. В свадебных обрядах невесту тоже отправляют в иной, чужой мир, хотя это всего лишь другая семья, живущая неподалеку. О принадлежности некоторых Ягишен не только миру мертвых, но и миру живых говорят некоторые детали: она дарит волшебные предметы, делится своими знаниями, благожелательна к герою, если герой не боится ее, т.е., когда герой доказывает некоторое сродство с Ягой. В этом облике просматривается чародейка, знахарка, ворожиха, колдунья, роль которой — поддерживать связь с мертвыми предками некоей родственной группы людей.

2. Женщина — пленница Кощея — является либо матерью героя, либо невестой, которую надо добыть. Она, несомненно, принадлежит к миру живых и рада помочь герою, хотя Кощей хорошо к ней относится и никакого зла не причиняет. Без помощи женщины нельзя узнать главную тайну Кощея.

3. Медведь — «один из главных героев животного эпоса, сказок, поверий, заговоров и т.д. Значение медведя определяется прежде всего его подобием человеку, толкуемым мифопоэтическим сознанием как указание на общее их происхождение» (Мифы.., т.2, с.128).

Культ медведя известен на огромной территории, хорошо изучен (Мифы, с.130). В зависимости от территории и хронологической принадлежности мифов медведь в них может выступать в качестве божества, культурного героя, основателя традиции, предка, родоначальника, тотема, духа-охранителя, духа-целителя, хозяина нижнего мира, священного и/или жертвенного животного, воплощением души, дарителем, звериным двойником человека, помощником шамана, оборотнем. В сказке о Кощее медведь выступает как двойник героя.

4. Волк в мифологических представлениях многих народов Евразии связан с культом предводителя боевой дружины (или бога войны) и родоначальника племени. Общим является сюжет о воспитании родоначальника племени, а иногда и его близнеца (капитолийская волчица; волчица, вскормившая Кира). Вместе с конем и быком волк был посвящен богу Марсу. Два волка сопровождали бога Одина в качестве его «псов». Сами воины или члены племени также представлялись в виде волков или именовались волками (в хеттской, иранской, греческой, германской и др.) (Мифы, т. 1, с. 242).

5. Сокол (ястреб) — древнейшая ловчая птица. Соколиная охота известна на широкой территории с древнейших времен. При охоте сокол берет птицу только в воздухе, его клюв действует как стрела, и сам он уподобляется стреле. Среди русских сказок есть сюжет «Финист — ясный сокол», главный герой которого — сокол, превращающийся в соколиное перышко. Чтобы отыскать его, невеста должна истоптать три пары железных сапог и получить поддержку Бабы-Яги. Сокол — такой же важный помощник человека на охоте, как и собака. Обучение соколов требует долгого времени и терпения, но приносит очень большую отдачу человеку. Ласковое обращение к жениху (мужу) — Соколик, Сокол ясный — очень привычное и широко распространенное в народной поэзии.

6. Щука — хищная рыба, распространенная в северных водах Европы, Азии и Америки; тело имеет стреловидную форму, рыло сплющенное, сильно вытянутое, достигает 1,5 м длины и 35 кг веса. Продолжительность жизни щук несколько сот лет (Сабанеев, с. 324).

Среди помощников героя хочется обратить внимание на щуку, на ее роль. В погребальном обряде, рассмотренным Д. Разаускасом, щука = умершей матери, осиротевшей женщине, водяному (Разаускас, с.295—352). Кроме того, есть еще один важный момент, упомянутый в былине про «Вольгу и Микулу»: «Похотелося Вольге да много мудростей — /Щукою— рыбою ходить ему во синих морях, /Птичкой соколом летать да над оболоки, / Рыскать волком во чистых полях. /Уходили то все рыбушки во глубокие моря, /Улетали все птички за оболоки, Убегали все звери за темны леса». Здесь подразумевается определенная родственная связь героя с упомянутыми животными, в которых он может перевоплотиться, чтобы достичь полной власти над своей землей.

Сравнивая ряд защитников Кощеевой смерти и ряд помощников героя, мы видим, что Кощея защищают холм, дуб, сундук, игла, яйцо, заяц, утка: пять защитников относятся к неодушевленным предметам и только двое — к живым. Противники Кощея — все одушевленные, живые. Таким образом, герой и его живые помощники преодолевают защитную силу неживых предметов. Этот набор помощников достаточно ясно говорит, что место действия — вполне реальный земной мир, а не потусторонний.

Кто же такой Кощей, присутствующий в нашем мире? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить отношение к чужим или «неправильным» покойникам на территории Восточной Европы. Д.К. Зеленин рассматривает многочисленные случаи разрушения даже в XIX в. могил так называемых «заложных» покойников (Зеленин, с. 230—298). На этих покойников возлагается вина за случившиеся несчастья и для прекращения бед надо разрушить их могилы, кости выбросить на поверхность и прекратить всякое существование этих «неправильных» родственников. Обычай намеренного разрушения могил отмечен Э.А.Сымоновичем в черняховской культуре и связан им «с изменениями культовых идеологических представлений» (Сымонович, с. 49—60). Рассматривая сюжет Кощея Бессмертного, надо учитывать, что на территории Восточной Европы в средние века бытовало подсечное земледелие, т.е. люди перемещались в пространстве, оставляя своих предков и занимая земли, где были похоронены чужие предки и, вероятно, были вынуждены разрушать их погребения. Вся формула нахождения Кощеевой смерти указывает на погребения по обряду трупосожжения на холмах-городищах. В.И. Даль приводит одну любопытную пословицу-загадку о горшке: «Свет кощей, господин кощей, сто людей кормил, гулять ходил, головку сломил, кости выкинули и псы не понюхали». Как прослежено Н.И. Толстым, это византийская загадка: «Из земли я, как Адам, сотворен, в огненной печи горел, как три отрока, пока жил, многих людей напоил, умер — никто не собрал костей моих» (Толстой, с. 473—478). Итак, сюжет о Кощее рассказывает, что надо сделать, чтобы чужие предки не навредили нам на новом месте.

Литература

Афанасьев А.Н. Русские народные сказки. М.: «Наука», 1985.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I—III. М.: «Индрик», 1994.

Даль В.И. Толковый словарь. М., 1956.

Зеленин Д.К. К вопросу о русалках. (Культ покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов) // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901—1913. М.: «Индрик», 1994.

Левкиеевская Е. Мифы русского народа. М.: «Астрель», 2000.

Мифы народов мира. Т. 1—2. М.: «Советская энциклопедия», 1982.

Новиков Н.В. Образы восточнославянской сказки. Л.: «Наука», 1974.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.

Разаускас Д. Символика рыбы, связанная с нижним миром и смертью в балто-славянской традиции // Балто-славянские исследования. Т. XVII. М.: «Индрик», 2006. С. 295—352.

Сабанеев Л.П. Рыбы России. Т. 1. М.: «Физкультура и спорт», 1993.

Сымонович Э.А. Магия и обряд погребения в Черняховскую эпоху // СА 1963. № 1. С. 49—60.

Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М.: «Индрик», 2003.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: «Русский язык», 1993.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ В ПЕНЕВИЧАХ

***Н.И. Лепихова**, заслуженный работник культуры РФ,*
Калужский областной научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительной работы

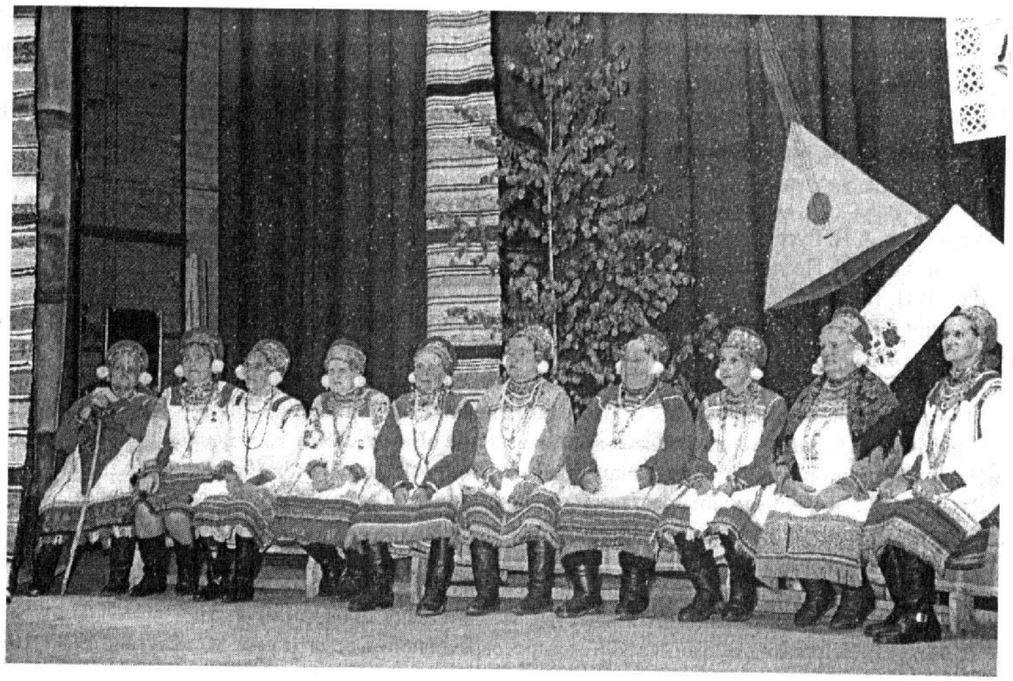
«...Русский народ, как и всякий другой активно выступающий в истории народ, пишет свою автобиографию в трех книгах: книге дел, книге слов и книге искусств. Все три одинаково важны для того, чтобы узнать характер народа, уяснить себе ход его жизни и развития и определить его физиономию. Книга дел — его история, книга слов — его литература, стали привычными справочниками для этой цели. Реже пользуются третьей книгой — книгой искусств, написанной своеобразным символическим языком».

А.В.Преображенский.

В «книге искусств» значительное, если не определяющее, место занимает песенное искусство. Из глубины веков песня донесла до нас память о людях, их страстях, переживаниях, идеалах; она незримыми нитями связывает времена. Сегодня я обращаюсь к народным песням одного села — Пеневичи Хвастовичского района — как яркого представителя песенной культуры Калужской области, относящейся к окскому бассейну. Основу окской песенной культуры составляют календарные, свадебные, хороводные, плясовые и лирические песни, как правило, в многоголосном изложении.

Становление песенной традиции села Пеневичи неотделимо от процессов формирования традиций материальной и нематериальной народной культуры России. Особого внимания заслуживает характеристика песенного стиля старожилов. Пели в Пеневичах всегда и только 24 года назад в селе был официально зарегистрирован этнографический коллектив. В 90-е годы XX в. отделом фольклора (сегодня отдел традиционной культуры) областного научно-методического центра народного творчества проводились достаточно регулярные фольклорно-этнографические экспедиции в Хвастовичский район Калужской области. Среди полевых записей, произведенных в с. Пеневичи, есть примеры календарных, свадебных, хороводных, плясовых, лирических песен.

Календарные песни отличаются мелодическим богатством, исполняются многоголосно. Ярким примером служит троицкая хороводная песня «Ой, заря, зорюшка». В количественном

Этнографическая группа с. Пеневичи Хвастовичского района Калужской области.

соотношении преобладают песни весенне-летнего периода и больших годовых праздников. Среди календарных много песен хороводных.

Хороводные песни сложны по своей природе. Они сочетают в себе несколько видов народного искусства — музыку, слово, движение. Песни разнообразны по своему содержанию, календарной приуроченности, хореографическому оформлению. Самой распространённой формой хороводов с. Пеневичи на сегодняшний день является круговой хоровод. По характеру хороводные песни с. Пеневичи чаще всего спокойные, светлые по настроению. Они сопровождаются плавным, размеренным движением по кругу в такт или вне такта музыки. В хороводах местные жители не только выражали свою радость, мечту о счастье, но и искали свою судьбу (та же «Заря, зорюшка»). Лейтмотив хороводных песен — извечные темы любви и молодости. В текстах хороводных песен встречаются описания обрядовых действий. Среди хороводных много свадебных песен.

С ключевыми моментами *свадебного* обряда (рукобитие, девичник, свадебный поезд, благословение, свадебный пир и т.д.) связано обязательное исполнение песен. Эти песни имеют исключительно важное значение как образцы стилистических особенностей. Свадебный обряд в с. Пеневичи на сегодня практически утерян, лишь в отдельных случаях исполняются свадебные песни, чаще всего величальные. Ярким примером свадебных песен с. Пеневичи является «По улице ехали», исполнявшаяся по воспоминаниям старожилов поезжанами свадебного поезда. Среди свадебных песен с. Пеневичи целая вереница плясовых песен, например, «Ой, верба, верба». Плясовые песни приурочиваются к теплому времени года, поются на открытом воздухе. Они более подвижны, чем хороводные, сопровождаются плясовыми движениями (пляска сольная или парная), иногда разыгрываются по тексту, так, например, «Во пиру млада была».

Господствующее настроение в *плясовых* песнях — приветливое, доброжелательное, радостное, словно само весеннее пробуждение природы торжествует вместе с молодыми людьми.

Одним из наиболее сохранившихся в с. Пеневичи можно считать пласт *лирических* песен, в первую очередь, семейных и любовных. Первопричиной этого, очевидно, является отображение в них сложных личных взаимоотношений. Основными образами этих песен являются девушка и молодец, муж и жена. Примером могут служить песни «Ходила я, девица», «Ехали казаки», «Цвели, цвели во поле цветочки». В этих песнях выражены тревога потерять

любимого, думы о будущей семье, переживания молодой жены в чужом доме, драма измены. Воспевается в таких песнях человеческое достоинство и благородство.

Из любовных песен появился новый стилевой пласт — песни-романсы, применяемый к ним термин — деревенские романсы. Ярким примером могут служить «Ой, вы, хлопцы моряки», «Живу близко возле моря». По моим предположениям данный пласт песен появился в с. Пеневичи, как и во всех регионах России, на рубеже XIX—XX столетий. Среди лирических песен в с. Пеневичи кроме любовных и семейно-бытовых, встречаются так называемые в быту «загробные» — «Во время ноченьки холодной».

Лирические песни — самые сложные из всех по музыкальному языку, гармоническому складу, ладовому строению, относящиеся к наиболее древнему пласту музыкальной песенной культуры с. Пеневичи.

По жанровой характеристике народные песни с. Пеневичи являются яркой страницей в музыкально-песенной культуре Калужской области и всего окского бассейна. Учитывая особенности ладо-интонационного строения, характер многоголосья песен, некоторые исполнительские приёмы, мы можем говорить об уникальности локальной песенной традиции с. Пеневичи Хвастовичского района Калужской области.

Литература и источники

Калугин В. Струны рокотаху. М., 1989.

Лирические песни. М., 1990.

Материалы фольклорных экспедиций отдела традиционной культуры калужского областного научно-методического центра народного творчества.

Новикова А., Пушкина С. Русские народные песни Московской области. М., 1986.

Пушкина С., Григоренко В. Приокские народные песни. М., 1970.

Собрание народных песен П.В.Киреевского. Т.1. Л., 1983.

Собрание народных песен П.В.Киреевского. Т.2. Л., 1986.

Собрание народных песен П.В.Киреевского. Тула, 1986.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ. А.А. ПИСАРЕВ

***Г.А. Наумова**, ученый секретарь,*

Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские»

Летопись Калужской области, а в прошлом — губернии, в хронологической последовательности отражает массу событий, фактов, образов исторических лиц, пришедших к нам из далекого прошлого. Среди обилия персоналий, связанных с Калужской землей, несколько в стороне, особняком, стоит личность А.А. Писарева — блестящего офицера, героя войны 1812 года, литератора, историка и государственного «мужа».

А.А. Писарев происходил из старинного дворянского рода, известного уже в XV в. Его предки служили в царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова. При Петре I один из представителей Писаревых возвысился до звания сенатора.

Их род был внесен в шестую часть родословной книги Калужской, Московской и Тульской губерний.

Александр Александрович родился в Санкт-Петербурге в 1780 г. в семье состоятельного и европейски образованного дворянина. «Первоначальное образование, — по словам Н. Иванчина-Писарева, — получил в доме своего родителя, бывшего в дружеских отношениях со многими европейскими учеными того времени, и дважды посещавшего Фернейского старца, тогдашнего ареопагита письменности, к которому стремилась вся властительная и ученая знаменитость»[1].

Из родительского дома он поступил в Сухопутный кадетский корпус, который закончил в 1796 г. в звании подпоручика и был выпущен в армию. Через год его перевели в гвардейский Семеновский полк. А.А. Писарев участвовал во всех походах и войнах против Наполеона в составе лейб-гвардии Семеновского полка, шефом которого был император Александр I.

Александр Александрович Писарев (1780—1848).

Легендарный полк принимал участие в знаменитом Бородинском сражении 26 августа 1812 г. В 1813 г. А.А. Писарев уже командовал бригадой, в состав которой входили Киевский и Московский гренадерские полки, и находился в походе в Пруссии, Саксонии, Австрии, Богемии и по берегам Рейна. В сражении при г. Люцене командовал тремя гренадерскими полками и за отличие в этом бою был произведен в генерал-майоры. В последний день трехдневной битвы под городом Лейпцигом А.А. Писарев был ранен в ногу, но из строя не выбыл. За этот бой он получил орден Святого Владимира третьей степени и Прусский крест за достоинство. Находясь в походах от Рейна до берегов Сены (1814 г.), сражался на полях Бриенских и под стенами Парижа, за взятие которого был пожалован знаком ордена Святого Георгия третьей степени. В этих исторических битвах, как констатируют современники, «Писарев удивлял армию неустрашимостью и искусством распоряжений, что было засвидетельствовано и высочайшими рескриптами и приказами по армии и мнениями воинов-товарищей»[2].

В 1812 г. с гренадерским полком прусского короля А.А. Писарев вторично находился в походах вдоль берегов рек Неман и Рейн и повторно был в Париже. 30 августа того же года принимал участие в общем смотре всей Российской заграничной армии, состав которой насчитывал 200 000 человек. Парад проходил вблизи г. Вертю, где А.А. Писарев за отличие по службе был награжден Сардинским военным орденом Святого Маврикия и Лазаря первой степени.

Еще будучи полковником Семеновского полка А.А. Писарев нередко менял шпагу на перо и, «когда кочующая жизнь и ратные строи не отвлекали от муз», занимался историей, словесностью изящными искусствами. В этой связи сослуживец и однополчанин А.А. Писарева Федор Глинка в своем стихотворении, посвященном Семеновскому полку, писал:

Влюбившись от души в науки
И бросив шпагу спать в ножнах,
Они в дружеских семьях
Перо и книгу брали в руки,
Сбираясь, по служебном дне,
На поле мысли, в тишине ...[3].

В 1807 г., возвратясь из Прусского похода, А.А. Писарев издал «Предметы для художников в стихах и прозе, в двух частях; в 1808 г. им был сочинен «Марш, петый в день праздника лейб-гвардии Семеновского полка, 21 ноября», затем — «Начертание художеств или правила в живописи, скульптуре, гравировании и архитектуре с присовокуплением разных отрывков, касательно до художеств, выбранных из лучших сочинителей». Были изданы «Общие правила театра, выбранные из сочинений Вольтера». За эти литературные труды его отличил М.Державин, по предложению которого А.А. Писарев был избран членом Российской Академии, первым в XIX столетии (1809 г.)[4].

После окончания наполеоновских войн он продолжил военную службу. «Как воин, отличался он неустрашимостью и самоотвержением, — писал о Писареве современник, — как

военачальник, он соединил сии достоинства с хладнокровием в распоряжениях и полным знанием дела»[5].

В 1817—1823 гг. А.А. Писарев командовал второй гренадерской бригадой, расквартированной в г. Калуге. Сохранилась переписка А.А. Писарева, относящаяся к этому периоду. Так, в письме к Н.И. Рогову от 14 октября 1818 г. он писал: «Я крайне хлопочу теперь о зимней квартире в Мосальске ...»[6].

По этому же поводу существует письмо на имя калужского гражданского губернатора Н.К. Омельяненко: «... милостивый государь, Никита Кузьмич! С покорнейшею прибегаю к Вам просьбою насчет квартиры моей в Мосальске. Нельзя ли мне занять с января месяца тот дом, в котором теперь живет управляющий питейною конторою, а он бы переселился на мою квартиру. Крайне бы меня успокоили и обязали если бы милостивейши приказ мосальскому городничему вы послали по сему предмету»[7].

Калужский период в жизни А.А. Писарева занимал особое место. К этому краю он относился с большой теплотой и любовью. «Ранехонько бы к другу от здешних мест в Калугу»[8], — писал Александр Александрович из Москвы.

Здесь им был подготовлен сборник «Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов в стихах и прозе военных литераторов», куда вошли и его собственные стихотворения. В те годы тема войны 1812 г. была актуальной в обществе. Журнал «Сын Отечества» № 4 за 1816 г. писал: «Война 1812 г. неоспоримо назваться может священною. В ней заключаются примеры всех гражданских и всех военных добродетелей. Итак, да будет История сей войны ... лучшим похвальным словом героям, наставницею полководцев, училищем народов и царей». Генерал-майор А.А. Писарев, популярный тогда военный писатель, также объявил в печати о своих планах написать историю Отечественной войны. Уже в 1814 г. он выступил с развернутой программой создания жизнеописаний русских полководцев Отечественной войны и заграничных походов.

А.А. Писарев сотрудничал с «Военным журналом», в задачу которого входило обобщение и популяризация опыта наполеоновских войн и, в первую очередь, Отечественной войны и заграничных походов русской армии. Он считал своей священной обязанностью рассказать молодому поколению о подвигах и ратных победах их отцов. В письме к М.С. Пермскому, генерал-майору, начальнику Кадетского первого корпуса, он писал: «... счастливейшим почитаю время сие в которое могу теперь среди моего поприща военного и занятий ученых приступить к выполнению сего непременного моего обета. Прошедшая достопамятная война 1812 года и чудесные подвиги в оной героев русских воспламенением ум и возвысили душу мою к описанию событшегося! Сие то описание приношу в дар моим сопитомцам. Да примут они благосклонно опыт сей не по искусству, но по намерению и цели моей»[9]. Или другое его письмо, написанное на имя Рагозина, инспектора Калужской губернской гимназии: «Желая посвятить опыты мои в словесности и вместе военного ремесла юным питомцам Калужской губернской гимназии под надзором вашим состоящим, честь имею препроводить новое мое сочинение ныне из печати вышедшее под названием военных писем — важность предмета в описании незабвенной эпохи 812-го года и подвигов Героев Русских в тогдашнее время, показалось мне весьма приличным поставить в образец и вашим будущим защитникам Отечества — будущим героям! Желал бы я, чтобы роздано было в подарок от меня по экземпляру книги преимущественно тем из учеников, которые ревностнее изучаются военному ремеслу»[10] .

В Калужской губернии у А.А. Писарева было родовое имение, доставшееся ему по наследству после смерти его матери в 1818 г. М.С. Евреинов, статский советник, сосед Писарева, писал: «Он после родительницы своей получил в наследство имение, состоящее по его родной губернии, более 130 душ крепостных обоего пола со всяким угодьям, ибо дом сей с давних времен состоит на матери его»[11]. Где находилось это имение — дом с заводом и строениями, пруд, а на нем плотина, пахотные земли, покосы, строевой и дровяной лес. Всего во владении числилось 1598 дес. 1096 саж. земли[12]. Возможно, в этих документах речь идет об одной и той же усадьбе.

О пребывании А.А. Писарева в Калужской губернии свидетельствует целый ряд документов и материалов, в том числе его эпистолярное наследие. Так, в письме к А.А Закревскому от 3 декабря 1818 г. он писал: «Покорно благодарю за письмо твое от 28 ноября. Радуюсь твоему

Усадьба Люблино.

счастью. Будь благополучен сколько ты того достоен. Мы с Аграфеной Михайловной вам обоим кланяемся. Вы, как мы слышали веселитесь по балам до маскарадам, а мы собираемся в Калугу, закупаем для домашнего обихода кухонную и столовую посуду...»[13]. Сохранились стихи Н.И. Рогова, ближайшего друга Писарева, помещика Калужской губернии, посвященные его жене и ее пребыванию в Калуге:

Тебя забыть Калуге стыдно:
Ты ласками обворожить
Умела всех ...
Тебя забыть никто не должен:
Ты заставляешь всех любить;
В тебе дух крепости не ложен —
Никак нельзя тебя забыть[14].

А.А. Писарев был женат на «богачке Дурасовой», дочери генерал-лейтенанта Дурасова, Агриппине Михайловне, от которой имел трех сыновей и двух дочерей. Вместе с семьей жил в Москве в известной и богатой усадьбе Люблино, доставшейся его жене по наследству. «Дом прекрасно выстроен, —писал И.М. Снегирев, профессор Московского университета, частый гость Писаревых, — архитектором Егоровым. Его опоясывают пруды и речка, которая сливается с ними; сад прекрасный на покатом холме, оранжерея богатая, есть отменные деревья померанцевые»[15].

Примечания

[1]Иванчин-Писарев Н. Воспоминания об Александре Александровиче Писареве // Ведомости Московской городской полиции. 1849 г. 21 янв. № 16. С. 121—124.

[2]Там же.

[3]Из искры возгорится пламя ... Декабристы и поэты их круга до восстания 1825 / Сост. Л.С. Семенов. Т.II. М, 1985. С. 269.

[4]Сент-Обен-де Луи. Тридцать девять портретов 1808—1815. СПб., 1902. Л.29.

[5]Иванчин-Писарев Н. Указ. соч.

[6]Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф.226. Картон 1. Ед.хр.61. Л.1.

[7]ОР РГБ Ф.226. Картон 1. Ед.хр.50. Л.1, 1 об.

[8]ОР РГБ Ф.226. Картон 1. Ед.хр.61. Л.3.

[9]ОР РГБ Ф.226. Картон 1. Ед.хр.55. Л.1.

[10]ОР РГБ Ф.226. Картон 1. Ед.хр.59. Л.1, 1 об.

[11]ОР РГБ Ф.226. Картон 8. Ед.хр.73. Л.3.

[12]ОР РГБ Ф.226. Картон 9. Ед.хр.9. Л.1.

[13]ОР РГБ. Ф.226. Картон 1. Ед.хр.29. Л.5.

[14]ОР РГБ. Ф.226. Картон 9. Ед.хр.45. Л.5.

[15]Дневник Ивана Михайловича Снегирева. Т.1. 1822—1852 гг.

САЛИАС-ДЕ-ТУРНЕМИР ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

Л.В. Калашникова, *Калужская областная научная библиотека им. В.Г. Белинского*

Е.В. Салиас-де-Турнемир (1815—1892).

В 2007 г. 27 марта (15 марта по ст. стилю) исполнилось 115 лет со дня смерти Елизаветы Васильевны Салиас-де-Турнемир (урожденной Сухово-Кобылиной), известной русской писательницы Евгении Тур (12 (24).08.1815, г. Москва—15 (27). 03.1892, г. Варшава)[1].

Род Сухово-Кобылиных по преданию идет от Андрея Кобылы, родоначальника царствовавшего дома Романовых. Родителями были: Василий Александрович Сухово-Кобылин (1782—1873), генерал в отставке, участник Отечественной войны 1812 года, предводитель дворянства Подольского уезда Московской губернии. Он был женат на Марии Ивановне Шепелёвой (1789—1862), внучке Петра Никитича Кречетникова, который был родным братом графа, генерал-аншеф Михаила Никитича Кречетникова (1729—1793) первого калужского наместника (1776—93)[2].

Бабушка Елизаветы Васильевны — Елизавета Петровна Кречетникова (1758—1833) вышла замуж за предводителя дворянства Перемышльского уезда, бригадира Ивана Дмитриевича Шепелёва. Они владели имением Росва (Расва) Перемышльского уезда. В этом имении прошли детские годы детей Сухово-Кобылиных: Елизаветы, Евдокии, Александра. Елизавета Васильевна оставила описание усадьбы 1820-х гг.: «Село Росва, имение бабушки (Е.П.Шепелёвой), в котором она жила безвыездно, за 12 верст от Калуги, оставило во мне воспоминание города. С поворота большой дороги въезжали в усадьбу. Налево амбары, направо рига и затем большой сад, итальянский, огороженный каменной решеткой. Налево против решетки, по другую стороны дороги все дома и домики, до большого здания конюшни, каретных сараев и мастерских, в которых ещё тогда домашние мастера мастерили кареты, дрожки и коляски. За конюшней дома дворовых, потом мост, а за мостом, на реке Росвянке, — селение. Против конюшни, через дорогу, между двух садов стоял в конце широкого двора большой барский дом с двумя флигелями. Направо в одном флигеле, примыкавшем к дому небольшой комнатой, находилась домашняя церковь. Ход из неё (внутренний) прямо вел в спальню бабушки. Другой флигель соединялся с домом холодным, крытым, с громадными окнами, на манер оранжереи, коридором. Флигель назывался «Кобылинским», потому что в нем жило наше семейство»[3]. В книге А.И. Фадеева помещен план усадьбы Шепелёвых и парка второй половины XVIII в.[4].

Е.В. Салиас-де-Турнемир получила прекрасное домашнее образование под руководством профессоров Московского университета. Она говорила, что историю преподавал Ф.Л. Морошкин, физику — А.М. Максимович, литературу — С.Е. Раич, Н.И. Надеждин. Огромное влияние на формирование литературных способностей у Елизаветы Васильевны оказал поэт С.Е. Раич (Амфитеатров). В молодости Е.В. Салиас была влюблена в своего учителя — профессора Н.И. Надеждина. Родители были против брака с «поповичем». Они её увезли за границу, где в 1839 г. Елизавета Васильевна вышла замуж во Франции за графа Андре Салиаса-де-Турнемир; его род был известен во Франции с 1284 г. Брак не был счастливым. За дурное поведение

граф Андре Салиас-де-Турнемир был выслан из России, а Елизавета Васильевна осталась в России с тремя детьми: сыном Евгением (1840—1908), дочерьми Марией (1842—1906), Ольгой (1845—1912?)[2]. Дочь Мария была замужем за Гурко Иосифом Владимировичем (1828—1901), генерал-фельдмаршалом (с 1894), героем русско-турецкой войны. В 1883—94 гг. он был генерал-губернатором Варшавы и командующим войсками Варшавского военного округа. В 1894 г. он ушел в отставку с производством в генерал-фельдмаршалы, «в воздаяние важных заслуг, оказанных престолу и отечеству, особенно в последнюю турецкую войну»[2]. Вторая дочь — Ольга — вышла замуж за двоюродного дядю, сына Николая Ивановича Жукова, костромского губернатора — Константина Николаевича Жукова (1840—1901), калужского губернатора (1883—87)[5]. Её сын Евгений был женат на Екатерине Алексеевне Муратовой[2].

Калужский период Елизаветы Васильевны Салиас приходился на тот период творчества, когда её взгляды изменились. В её литературной деятельности главными стали идеи христианского гуманизма. В этот период она написала ряд произведений из истории христианства, преимущественно для детей. «Среди литературных имен, хорошо знакомых всем образованным читателям, в течение более сорока лет на страницах русских газет и журналов или на заглавных листах отдельно изданных книг появлялась известная надпись «Евгения Тур», — писал Д.Д. Языков (1850—1918), русский библиограф и историк литературы, член Общества любителей российской словесности[6]. Он составил библиографический очерк «Литературная деятельность графини Е.В. Салиас», который был опубликован после смерти Елизаветы Васильевны в журнале «Исторический вестник»[7].

В XX в. произведения Евгении Тур не издавались в России, только в 1991 г. была издана её повесть «Последние дни Помпеи», которая была написана в Калуге для детей.

В Калуге Елизавета Васильевна купила себе дом, который и сейчас сохранился, хотя его видоизменили при строительстве административного здания. Он стоит на улице им. космонавта Комарова, д.24. Этот дом — двухэтажный с мезонином — имел флигель. Елизавета Васильевна купила дом в 1886? г. Она сообщила о покупке дома в письме Н.И. Субботину, публицисту и издателю. «В конце месяца надеюсь уехать в Калугу, где я купила себе небольшой дом, в котором, надеюсь, при Божьей милости провести спокойно остаток жизни. Дом стоит окнами на Оку и прелестные леса, поля и пригорки окрестностей Калуги. Я соблазнилась видом. В мои лета остается мало удовольствий, — одно из них : виды, красота природы, хотя и северной», — писала Е.В. Салиас в мартовском письме 1888 г. Н.И. Субботину[8]. Елизавета Васильевна любила Калугу и об этом сообщила Н.И. Субботину (1830?) в письме от 3 декабря 1886 г.: «И во всей-то России я только Москву и люблю, да разве ещё Калугу, мою полу-родину!»[8].

В Воспоминаниях князя С.Д. Урусова (1862—1937), которые пока ещё не опубликованы полностью, писал о своей родственнице Е.В. Салиас: «В Калуге к описываемому мною времени купила дом и доживала свои дни известная писательница — графиня Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнемир (Евгения Тур), урожденная Сухово-Кобылина»[9]. Сергей Дмитриевич был представлен Елизавете Васильевне в 1885 г. в качестве будущего родственника по жене (Софье Владимировне Лавровой, двоюродной племянницы Е.В. Салиас) в Москве. Он писал в своих воспоминаниях : «Живя в Москве она (Е.В. Салиас) любила «шпонировать», т.е. оберегать, наставлять молодежь, начинавшую свои выезды в свет. В числе этой молодёжи была и моя жена, приходившаяся ей двоюродной племянницей — графиня Салиас обыкновенно возила на балы, т.к. мать моей жены на большие званые вечера с танцами никогда не ездила»[9]. В своих воспоминаниях князь С.Д. Урусов писал, что Елизавета Васильевна часто была в Росве и подолгу жила. «Она вспоминала шепелёвские времена и многое мне (С.Д. Урусову) о них рассказывала»[9]. Сергей Дмитриевич писал в воспоминаниях и о характере Елизаветы Васильевны: «Необыкновенную живость, пылкость, способность вспыхивать во время разговора и обрушиваться на собеседника при всяком противоречии она сохранила до конца своей жизни. Её выразительные, чрезвычайно живые глаза легко разгорались и сверкали, как только она возбуждалась, а возбуждение у неё наступало по поводам иногда ничтожным. Слова часто неосторожно и необдуманно так и сыпались с её языка. Но она была отходчива и сама смеялась над своим увлечением, и глаза её, только что метавшие искры, принимали доброе и ласковое выражение»[9].

Елизавета Васильевна ездила к своей дочери в Варшаву. 15 марта 1892 г. она умерла в Варшаве. В дневнике калужского священника Михаило-Архангельской церкви — Иоанна Дмитриевича Зарецкого (1868—1927) имеется запись 18 марта 1892 г., среда: «12 часов дня в земской церкви совершена панихида по боярыне (новопреставленной) Елисавете. Это известная писательница под псевдонимом Евгении Тур, настоящее имя оказалось Елизавета, фамилия Соллиас. На панихиде был губернатор А.Г. Булыгин, князь Урусов, которому покойная сродни, и много других высокопоставленных лиц»[10]. В 1892 г. о. И.Д. Зарецкий служил священником в церкви губернской земской больницы, а С.Д. Урусов был председателем Калужской губернской земской управы (1890—92). Сергей Дмитриевич принимал участие в заботах о перевезении её тела в Тихонову пустынь, где Елизавета Васильевна завещала похоронить её в фамильном шепелёвском склепе. Князь Урусов писал в своих воспоминаниях: «В марте месяце, в полную распутицу, с великими усилиями мы довезли тело до монастыря. Туда же к назначенному времени прибыл из Варшавы И.В. Гурко (зять Е.В. Салиас), которого по воспоминаниям о турецкой войне и по портретам, висящим в крестьянских избах, знали и монахи, и народ. Приезд его на станцию Пятовскую в особом вагоне, с конвоем живописно одетых и вооруженных казаков произвёл впечатление среди окрестных жителей.

После похорон был обычный монастырский обед и все мы отправились на станцию, так как возвращаться в Калугу на лошадях было рискованно: за день санный путь пришёл в ещё худшее состояние…»[9]. (Отрывок из воспоминаний рукописи князя С.Д. Урусова любезно предоставил его правнук Алексей Игоревич Фадеев).

О похоронах русской писательницы Е.В. Салиас-де-Турнемир сообщили и в губернской газете «Калужские губернские ведомости»[11].

Примечания

[1]Калужская энциклопедия. Калуга: Изд-во Н.Ф.Бочкаревой, 2005. С.369—370.

[2]Нарбут А.Н. Гурко-Ромейко: родословные росписи. М., 1998. С.13—17.

[3]Фадеев А.И. Летняя жизнь в имении Росва под Калугой. Калуга: Изд-во «Фридгельм», 2006. С. 92, 104—105.

[4]ГАКО. ФР-875. Оп. 6. Ед.хр. 537. Л.26.

[5]Формулярный список о службе калужского губернатора действительного статского советника Жукова: сост. 5 марта 1883 г.// ГАКО. Ф. 62. Оп. 31. Ед. хр.208. Л.10—20 об.л.

[6]Лисицын Л.М. Дом окнами на Оку. Калуга: Изд-во «Фридгельм», 2006. С.61—71.

[7]Языков Д.Д. Литературная деятельность Е.В. Салиас // Исторический вестник. 1892. №5.

[8]Субботин Н.И. Графиня Е.В. Салиас и её письма: воспоминания //Русский вестник. 1903. №10. С.501, 504.

[9]Урусов С.Д. Из воспоминаний князя С.Д. Урусова //Лисицын Л.М. Дом окнами на Оку. Калуга: Изд-во «Фридгельм», 2006. С.72—76.

[10]Дневник священника о. Иоанна Зарецкого // Личный архив О.К. Стржемеского, внука священника.

[11]Похороны в Тихоновой Пустыни графини Салиас-де-Турнемир Е.В. // Калужские губернские ведомости. 1892.№31.

МИФ О БЕДНОСТИ ПРИШВИНЫХ

***В.П. Горлов**, писатель-краевед, г. Елец Липецкой области*

В своей докторской диссертации Наталия Валерьевна Борисова глубоко исследовала мифы в творчестве Михаила Пришвина[1]. Но существует еще одно предание — легенда писателя о затруднительном положении семейства разорившегося отца, сказание о бедной матери, вынужденной всю жизнь экономить и «работать на банк». Этот вымысел был своего рода защитной реакцией нашего земляка, принужденного вживаться в послереволюционное общество, преследовавшее «богачей-эксплуататоров». Возможно, что миф этот помог Михаилу Михайловичу выжить в годы репрессий. Но противоречивые факты биографии и обнаруженные неизвестные архивные документы опровергают этот миф.

Традиционная версия материального положения семейства Пришвиных, созданная писателем, трактуется большинством биографов однотипно.

Отец, Михаил Дмитриевич Пришвин, после семейного раздела получил во владение имение Хрущево и, видимо, немало денег. Он жил по-барски: водил орловских рысаков, брал призы на конных скачках, занимался садоводством, был страстным охотником. Однажды он так проигрался в карты, что пришлось продать конный завод и заложить имение. Отец не пережил несчастья, стал пить и умер.

Мать — Мария Ивановна Игнатова — родом из города Белева Тульской губернии, из староверческой семьи купцов-мукомолов, тащила на своих плечах все заботы о доме. Она родилась в 1841 г., в девятнадцать лет ее выдали замуж. Родила семерых детей, пятеро из которых — четыре сына (Николай, Александр, Михаил, Сергей) и дочь Лидия — выжили. В сорок лет потеряла мужа, оставшись без средств. Заложенное имение Хрущево с двумястами десятинами земли оказалось последней надеждой. Пришлось «работать на банк».

Мать сделалась отменной хозяйкой. Вставала чуть свет и дотемна хлопотала на скотном дворе, в саду, на огородах, в поле, на току. Резкая и решительная, она отдавала распоряжения, бранилась с мужиками, вела во всем жесткую экономию. И, в конце концов, смогла выкупить имение и дать своим детям образование. Старший — Николай — стал акцизным чиновником, Александр и Сергей — врачами, Михаил — агрономом.

«Конечно, как хозяйка, мать была скуповата, — писал Пришвин, — но нам казалось, что плохой кусок доставался не от нее, а от самой курицы, утки, индейки».

Уже в 1922 г. М.М. Пришвин в письме к А.С. Ященко вставляет в свою биографию версию, что отец «проиграл имение и оставил его матери, заложенным по двойной закладной»[2].

«Как жаль мне отца, — сетует писатель, — не умевшего перейти границу первого наивного счастья и выйти к чему-нибудь более серьезному, чем просто звонкая жизнь.

Где тонко, там и рвется, и, наверное, для такой веселой свободной жизни у отца было очень тонко. Случилось однажды, он проиграл в карты большую сумму; чтобы уплатить долг, пришлось продать весь конский завод и заложить имение по двойной закладной. Тут-то вот и начать бы отцу новую жизнь, полную великого смысла в победах человеческой воли. Но отец не пережил несчастья и моей матери, женщине с пятью детьми мал мала меньше, предоставил всю жизнь работать «на банк»[3].

Среди елецких корней Пришвина была еще одна ветвь — известных купцов Горшковых. Из этого рода была бабушка Михаила Михайловича со стороны отца — Марья Петровна. Кстати, среди учредителей и крупных акционеров того самого Елецкого Общественного Банка, на который якобы пришлось работать матери Пришвина, был почетный гражданин Иван Платонович Горшков, Александра Алексеевна Горшкова и Николай Иванович Пришвин.

«В Ельце на Манежной улице есть дом братьев Горшковых, большой двухэтажный каменный дом с колоннами. В нижнем этаже жил хозяин дома старик Петр Николаевич Горшков, ***а верх снимала моя мать***». (*Выделено мной — В.Г.*) Обратим внимание, что ведущая жесткую экономию мать снимает в Ельце этаж большого дома.

Писатель считал, что купеческое имение Хрущево было куплено его дедом, преуспевавшим елецким купцом Дмитрием Ивановичем Пришвиным у разорившегося дворянина Левшина, «кажется, генерала». Автору удалось разыскать неизвестные архивные документы, которые уточняют эти воспоминания. В государственном архиве Липецкой области имеется чертеж с длинным названием: «Геометрический план дачи Орловской губернии Елецкого уезда части земли села Борисоглебского, Хрущево тож, с поселенною на оной земле деревнею, которая состоит в пользовании временнообязанных крестьян и гвардии прапорщицы Марии Алексеевны Левшиной»[4]. План был составлен в 1863 г. в мае месяце состоящим при Орловском губернском правлении по крестьянскому делу землемером Сомовым. На чертеже стоит штамп: «План сей представлен в Главное выкупное учреждение». Эта запись уточняет, у кого и когда имение Хрущево было куплено для Пришвиных.

«Лёвшины из Белёвщины»! Такую старинную пословицу приходилось не раз слышать на краеведческих конференциях в Белёве. Лёвшины — широко известный дворянский род Белевского уезда Тульской губернии.

Итак, 1863 год. Приобретается имение Левшиных. Мария Ивановна Игнатова

(25.05.1841—02.11.1914), дочь богатейшего Белевского купца (по сговору семей!) вышла замуж 19-ти лет (в 1860-м?). Ее отец, дед Пришвина по материнской линии, Иван Евстафьевич Игнатов (1792—1848), богатейший белёвский купец первой гильдии, не дожил до свадьбы дочери. Он жил и вел хозяйство большой семьей вместе со взрослыми сыновьями. Лишь в 1880 г. капитал Игнатовых был разделен[5]. Брат матери — Иван Иванович, родной дядя писателя — сибирский пароходчик — «богатый человек, пароходовладелец на реках западносибирских». Маслом торговал на базаре и вдруг (после раздела капитала?) исчез в Сибирь и возвратился оттуда богатейшим пароходчиком. Один из его двоюродных братьев стал газетным магнатом. Двоюродные сестры писателя — Евдокия Николаевна Игнатова (Дуничка) и Мария Васильевна Игнатова (Марья Моревна) — окончили Сорбонну. Не все купцы имели возможность учить своих детей в Париже!

А что же из отцовского капитала досталось Марии Ивановне Игнатовой (в замужестве — Пришвиной) в качестве обязательного приданого и при разделе семейного капитала? Сведений пока нет. Но очень похоже, что Хрущево было куплено у Левшиных по белевскому знакомству и за белевские деньги. Потому-то и при разделе пришвинской семьи Михаил Дмитриевич «получил во владение имение Хрущево и, видимо, немало денег». И зажил по-барски!

Интересные сведения о материальном достатке Пришвиных приводит В.В. Розанов, преподававший Пришвину в Елецкой гимназии историю и географию и начинавший в Ельце свой творческий путь. «Литературным наставником, «дядькой» молодого Розанова, стал Н.Н.Страхов, которого он назвал как-то «тихим писателем»... Со Страховым Розанов делится своими мыслями и сомнениями начинающего литератора»[6]. В письме Страхову от 21 марта 1889 г. Розанов рассказывает историю исключения 16-летнего Пришвина из Елецкой гимназии: «3-го дня и со мной случился казус, поставил я ученику 4-го класса, не умевшему показать на карте о. Цейлон, двойку. Он пошел на место, сел, а потом встал и говорит: «Если меня из-за географии оставят на 2-й год, я все равно не останусь в гимназии и тогда с Вами расквитаюсь»... ***У этого ученика более 1 500 000 капитала и он любимец матери***, (*Выделено мною — В.Г.*), коя ненавидит старшего брата (ученик 7-го класса, тихий малый) и хлопочет у адвоката, не может ли она все имущество передать по смерти 2 сыновьям, обойдя старшего...»[7]. Отца уже 8 лет как нет, а мать владеет огромным капиталом. Это никак не укладывается в рамки мифа о бедности. Однако пришвинская легенда внедрилась в умы, повторяется вновь и вновь. Даже один из ведущих биографов М.М. Пришвина А.Н. Варламов, тоже цитирующий письмо, явно не верит сообщению Розанова, называя его версию «потрясающей, с самыми фантастическими подробностями»[8].

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Михаила Пришвина после исключения из гимназии, но в Хрущево из Сибири приехал его дядя, старший брат матери, Иван Иванович Игнатов, богатый пароходовладелец. Он забрал племянника с собой в Тюмень и устроил там в реальное училище, несмотря на «волчий билет» «***Я —племянник богатейшего человека***, — вспоминал писатель. — Учусь в реальном училище, не увлекаясь, ни хорошо, ни плохо». (*Выделено мною, — В.Г.*).

Неизвестный документ удалось обнаружить в Липецком архиве, — план 1908 г. имения сестры писателя Лидии Михайловны Пришвиной. «Бедная» мать в начале XX века купила соседнее имение П.И. Лаухина, как приданное для дочери, засидевшейся в девичестве. Земли Петра Ивановича в самом центре Хрущева, у пруда, с юга и запада примыкали непосредственно к усадьбе М.И. Пришвиной, что дало возможность впоследствии при разделе присоединить дом матери к имению дочери.

2 ноября 1914 г., в возрасте 73 лет, в Хрущеве скончалась Мария Ивановна Пришвина, урожденная Игнатова. После смерти матери по ее завещанию имение Хрущево было разделено. Неизвестные ранее документы о разделе Пришвиных разысканы нами в Липецком архиве. Моя внучка Софья Успенская, студентка факультета журналистики ВГУ, помогавшая мне разбирать архивные материалы, нашла и прочла документ 1915 г. о нотариальном разделе имения матери писателя Марии Ивановны в селе Хрущево ее наследниками. Раздел был проведен 25 сентября 1915 г.

«Потомственные почетные Граждане: Лидия, Михаил, Николай, врач Сергей Михайловичи, несовершеннолетние Екатерина и Ольга Александровны Пришвины и попечительница над

ними Потомственная Почетная Гражданка Мария Николаевна Лазарева, по первому мужу Пришвина совершают раздельный акт на следующих условиях:

в общем нашем делящихся владении находится недвижимое имение, состоящее в залоге в Особом Отделе Государственного Дворянского Земельного Банка, заключающееся по документам в 105 десятинах удобной и 2 десятинах 249 саженей неудобной земли, а всего в 105 десятинах 1800 саженях удобной и неудобной земли, состоящей Орловской губернии Елецкаго уезда, в даче под названием шестой части , села Борисоглебскаго, Хрущево тож, в двух дачах при селе Хрущеве и Хуторе Васильевском и в даче села Хрущева, Борисоглебское тож, доставшиеся нам по наследству после умершей Потомственной Почетной Гражданки Марии Ивановны Пришвиной,

согласно определения Елецкаго Окружнаго Суда, состоявшагося 18 августа 1915 года, мне Лидии Пришвиной в 4/28 частях, нам: Михаилу, Николаю и Сергею Пришвиным каждому в 6/28 частях, несовершеннолетним Екатерине и Ольге Пришвиным в 3/28 частях каждой

мы делящиеся положили разделить таковое, следующим порядком:

1) Мне Лидии Михайловне Пришвиной, на мои 4/28 части получить из вышесказаннаго имения в отдельный участок 7 десятин и 1344 квадратных сажень земли из коей: 6 десятин 1899 сажень удобной и 1845 сажень неудобной земли, с находящимися в этом участке: усадьбою, домом, садом и всякаго рода угодьями, каковой участок означен на плане, составленном землемером Шеламовым.

Участок этот поступает ко мне, Лидии Пришвиной с переводом на меня долга Особому Отделу Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка, по номинальной долгосрочной, металлической ссуде в сумме 521 рубля звонкою монетою, сроком с 1 июля 1887 года на пятьдесят шесть лет, какового номинальнаго долга по долгосрочной ссуде, за срочными его погашениями, числится ныне по металлической ссуде 404 рубля 61 копейка, со всеми обязательствами по этому долгу.

2) Мне Михаилу Михайловичу Пришвину, на мои 6/28 частей получить в отдельный участок по документам и по плану 34 десятины 1206 квадратных сажень, из коей удобной 33 десятины 1602 сажени и неудобной 2004 квадратных сажень, с находящимися в этом участке усадьбой, всеми жилыми и нежилыми хозяйственными постройками, принадлежностями, садом, лесом, парком и другими разного рода угодьями, каковой участок означен на плане, составленном землемером Шеламовым в августе тысяча девятьсот пятнадцатаго года.

Участок этот поступает ко мне, Михаилу Михайловичу Пришвину, с переводом на меня долга Банку в сумме 1648 рублей звонкою монетою, за срочными его погашениями числится ныне 1279 рублей 85 копеек.

3) Нам Николаю и Сергею Михайловичам Пришвиным на свои 12/28 частей получить в общее владение и в равных долях каждому в отдельный участок всю остальную землю в количестве: 63 десятин 1650 саженей, из коей удобной 63 десятины 450 квадратных сажень и неудобной 1200 квадратных сажень, с находящимися в этом участке лесом и другими всякаго рода угодьями.

Участок этот поступает к нам Николаю и Сергею Пришвиным, с переводом на нас долга в сумме 2835 рублей звонкою монетою, за срочными его погашениями числится ныне 2201 рубль 68 копеек.

А так как несовершеннолетния Екатерина и Ольга Александровны Пришвины на свои 6/28 частей из делимаго имения ничего не получают, то мы, Лидия, Михаил, Николай и Сергей Михайловичи Пришвины в возмещение их за уступленные ими нам в делимом имении части немедленно по утверждении сего раздельнаго акта уплачиваем им Екатерине и Ольге Пришвиным все вместе 9 000 рублей.

Мы несовершеннолетния Екатерина и Ольга Александровны Пришвины получая от сонаследников своих: Лидии, Михаила, Николая и Сергея Пришвиных наличными деньгами девять тысяч рублей, считаем себя вполне удовлетворенными.

Цену делимому имению по совести объявляем в двадцать тысяч рублей, включая в эту сумму и вышеприписанный долг Особому Отделу Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка, переведенные на нас: Лидию, Михаила, Николая и Сергея Пришвиных.

Акт сей совершен Елецким Нотариусом Витебским, утвержден Старшим Нотариусом Елецкого Окружного Суда 2 Октября 1915 года»[9].

Это раздел недвижимого имущества. А что представляло собой движимое? Завещание матери, решения Окружного суда пока не найдены Фонды нотариусов и суда в ГАЛО не аннотированы. Но давайте обратим внимание на такой факт: дочь и сыновья — наследники «бедной матери» — немедленно выплачивают наличными девять тысяч рублей отступных семье умершего в 1911 г. Александра Михайловича Пришвина. Это почти половина «объявленной по совести» цены наследуемого имения.

В архиве хранятся также планы земельных участков, перешедшие в собственность наследников. Лидия Михайловна в счет своих семи десятин получила в собственность и присоединила к своему имению усадьбу матери с ее домом, двором и всеми хозяйственными постройками, а также выгоном, гумном, огородом двумя с половиной десятинами пашни. К ней отошел и пруд, охваченный ее землями. Западная граница ее участка проходила почти точно по его плотине. С севера и востока к участку Лидии примыкали земли Михаила Михайловича. В наследованные им по плану 34 десятины входила недавно построенная им усадьба с двухэтажным домом и хозяйственными постройками, садом, лесом, парком и пашней. Участок примыкал к восточной половине северного берега пруда. На востоке земли писателя граничили с 63 десятинами Николая и Сергея Михайловичей[10].

По приведенному выше документу о разделе легко посчитать первоначальный долг Пришвиных Дворянскому Земельному Банку, по ссуде звонкою монетою, на удивительно льготных условиях. Он составил 5000 рублей. На момент дележа имения общий остаток долга — 3885,9 рубля. За 28 лет с 1887 по 1915 год Марией Ивановной погашено 1118 рублей, в среднем по 40 рублей в год!

Найденный документ о разделе подтверждает, что имение Пришвиных в 1915 г. действительно находится в залоге. Но не отец, а мать взяла 1 июля 1887 г., (отца уже семь лет не было в живых!), ссуду в 5000 рублей золотыми червонцами с вольготным сроком на пятьдесят шесть лет, (до 1943 г.!). Такие бы условия кредитов современным земледельцам!

Названные документы, мне кажется, размывают миф о бедности помещицы Пришвиной М.И., созданный писателем. Да и детали биографии будущего писателя: учеба в Германии, поездки из Лейпцига в Париж к невесте, не вяжутся с мифом о безденежьи и разоренном имении.

В августе 1918 г. при национализации была составлена опись усадьбы Марии Ивановны, перешедшей к дочери. Документ дает наглядное представление о ней. Основной дом был деревянным, имел размеры 40 на 21 аршин, (*аршин — 0,71 м — В.Г.*), отдельно стоящая кирпичная кухня — 12 на 8. Из хозяйственных построек в описи названы: каменная конюшня 40х15 аршин, два амбара — 40х9 и 9х6, сарай, кошара, ледник, курник, каменная рига 30х20 аршин. Все строения усадьбы были крыты железом. Никакого сравнения с усадьбой столбовых дворян Буниных, живших под соломенной крышей!

В Липецком архиве сохранилась и «Опись имения бывшего помещика Михаила Михайловича Пришвина при с. Хрущево-Левшино Соловьевской волости». Она вынесена на форзац «Дневников, 1918—1919». Получив часть движимого наследства от «бедной» матери, писатель за пару лет построил помещичью усадьбу, правда, здесь не все окончено строительством:

«Дом деревянный крыт железом 18х12 аршин, кухня крыта соломой 7х6, сторожка раскрыта, скотный двор каменный крыта железом одна сторона, вторая раскрыта, 60х40».

Михаил Михайлович в короткий срок успел обзавестись «живым и мертвым инвентарем»:

«Опись мертвого инвентаря: плуг однолемешный 1, плуг двухлемешный 1, борона железная 1, телега на полном ходу 1, сани козырки 1, бегунки 1, веялка неисправная 1, хомутов возовых 2, дуг рабочих 2, седелок рабочих 2»[11].

Косвенно о материальном достатке Пришвиных говорит круг знакомств и родства их матери:

Умная и энергичная Мария Ивановна с достоинством вписалась в местное дворянское общество. Семья зналась с богатейшими помещиками уезда Стаховичами, соседями, которые бывали гостями у Пришвиных. «*Я вспомнил соседей Стаховичей,* —запишет Михаил Михайлович в своем дневнике, — *у нас сто десятин, у них четырнадцать тысяч. И мать моя прекрасно уживалась с ними...*».

Сын Александр женился на дворянке Марии Лопатиной. Его тесть, Николай Николаевич Лопатин, потомственный дворянин, статский советник, служил судьей Елецкого окружного суда.

В то же время мать проявляла твердость в отношении «неравного брака» сына Михаила. В 1903 г. он фактически женился на крестьянке Ефросинии Павловне Смогалевой, урожденной Бадыкиной. Мать не признала этот брак, отлучила сына с женой от Хрущева, несмотря на рождение внука Сергея, отказала в материальной поддержке. «***Так вот и Мать: я далеко от нее, у меня семья, которую она не признает...***», — с горечью записывает Пришвин в дневник 19 января 1914 г. А дворянка Мария Лопатина была ее любимой невесткой. Именно она унаследовала семейные реликвии Пришвиных, коллекцию которых хранит в Калуге ее правнучка Людмила Борисовна Бирюкова.

8 сентября 2002 г. в Ельце открыт бронзовый памятник Михаилу Пришвину. Мы рассматриваем это как акт исторической справедливости. Великий писатель вернулся на родину. Он дорог нам и хрущевским помещиком без мифа о бедности.

Примечания

[1]Борисова Н.В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М.М. Пришвина. Автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филологических наук. Елец, 2002.

[2]Пришвин М.М. Дневники, 1920—1922. М.: Московский рабочий, 1995. С. 274.

[3]Цитируется по: Варламов А.Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 15

[4]ГАЛО. Межевая контора Елецкого уезда. План села Хрущево. ФР-150. Оп. 1. Связка 41. Д 3180.

[5]Некрасов И.И. Белевские корни М.М. Пришвина // Белевские чтения. Вып. второй. М., 2002. С. 161.

[6]Николюкин А.Н. Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 98.

[7]Фонд Н.Н. Страхова в Государственной публичной библиотеке Академии наук в Киеве. Ед. хр. 17 949. Цитируется по: Николюкин А.Н. Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 418.

[8]Варламов А.Н. Пришвин. М, 2003. С. 35.

[9]ГАЛА. Неаннотированный фонд 556 (62). Нотариальный архив Елецкого уезда. Выписи из актовых книг, 1915. Дело №: по реестру 1640, по сборнику 1915 г. № 156. А 116, 109. Главная выпись из крепостной Елецкого Нотариального Архива книги, по Елецкому уезду за 1915 год. № 2. Т. 2. С.561—568. № 534.

[10]ГАЛО. Елецкая межевая кантора. Ф. 169. Ед. хр. Планы имений с. Хрущево.

[11]ГАЛО. Елецкое уездное земельное управление. Сведения о бывших частновладельческих имениях. ФР-150. Оп. 1. Д. 9. Л. 169, 168.

ЕДИНСТВО ЭТИКИ И ПОЭТИКИ М.А. ОСОРГИНА

***Е.В. Якунина**, студентка, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

Отсчет своей творческой судьбы Михаил Андреевич Осоргин вел с романа «Сивцев Вражек» (1928). Успех произведения был небывалым даже для Парижа: через год последовало переиздание, одновременно роман появился в переводах на многие языки, а в 1930 г. он получил премию Книжного клуба в Нью-Йорке.

Многие исследователи отмечают сходство философии Осоргина с пантеистическими взглядами Л.Н. Толстого. Однако к механизму воплощения этих воззрений в тексте произведения не обращался еще ни один из исследователей. Поэтому любопытно будет рассмотреть, как строит свою пантеистическую картину мира М.А. Осоргин.

Уже в первой главе романа автор демонстрирует читателю двуликость мира: когда мир людей отходит ко сну, в свои права вступает мир природы. С этого момента две мировые ипостаси начинают существовать параллельно, изредка соприкасаясь друг с другом. Два лика мира раскрываются автором на примере внутренней жизни двух героев: старого профессора орнитолога и маленькой мышки, живущей у него в доме.

Это один из многочисленных примеров того, что Осоргин наделяет разумным сознанием животных, а порой даже неодушевленные предметы. Мысли мышки житейские, ей необходимо достать пропитание. Как строит Осоргин рассказ о ее путешествии? Вначале автора интересует изображаемый мир: «Через час, когда полная тишина окутала дом и кукушка прокуковала четыре, из-под книжного шкафа выползла мышь и стала прислушиваться»[1]. Перед нами образец объективного повествования, где повествователь максимально растворен в тексте, а внимание читателя сфокусировано на внешнем мире.

Но уже следующее предложение меняет картину: «Кажется — все благополучно, все спят, кошачьего глаза не видно»[2]. Эта мысль может быть одновременно мыслью мышки, которая обозревает предстоящий ей путь, и автора, который начинает смотреть на мир глазами своей героини — мыши. Следующая мысль героини определяет цель ее путешествия: «Такова малая вылазка, за крошками. Более длинное путешествие — в кухню, оно очень опасно (кошка). И лучше начать его через другой ход — из-за сундука в коридоре. Там тоже дырка в полу»[3]. Если на минуту представить, что животные обладают мышлением и речью, вполне можно было бы назвать эту часть текста несобственно-прямой речью. Ведь если поставить ее в кавычки, получится реплика, которая вполне может принадлежать мыши: в ней определяются задачи вылазки, порядок путешествия, содержится эмоциональный компонент — опасения встретить своего злейшего врага — кошку. При этом синтаксис фразы отражает внутреннюю речь: короткие простые предложения, опущены глаголы, пояснительные конструкции отделяются скобками и тире. В речи автора более целесообразно было бы употребить предложение: «...оно (путешествие) очень опасно, потому что может встретиться кошка». Замена придаточного предложения на одно слово «(кошка)» свидетельствует об экономии речи, что является характерным приемом внутреннего монолога.

Дом, по которому путешествует мышка, еще не знаком читателю. Описание его автор дает необычное, с точки зрения мыши. Зачем автору понадобилось описывать дом, являющийся центральным местом развертывания основных событий романа, сквозь призму ощущений маленькой мыши? Именно ощущений, так как зрение мыши не позволяет ей видеть в темноте: «...видела мышь только ближайший кусочек пола и очертания дальнейших предметов, ровно настолько, чтобы не сбиться с пути»[4]. Это оправдывает последующее описание дома при помощи запахов («пахло лавандой и прошлым»[5], «в запахе спален есть умиротворяющее, житейское»[6]) и чувств («было здесь душно»[7], «здесь было так нестрашно»[8], «здесь было покойно, как нигде, и, как нигде, — безопасно»[9] — о комнате Аглаи Дмитриевны; «страшная была комната, гулкая и нежилая»[10] — о большом зале).

В главе «За шторами» перед нами предстают новые герои — животные: кошка и старая крыса. «Кошка облизывалась и скучала»[11], — повествует автор. Следующее предложение — объяснение причин кошачьей скуки: «Вышла крупная ночная неудача: старая крыса, знаменитая старая крыса подполья ушла от ее когтей»[12]. Следующая затем фраза вполне могла бить напечатана в кавычках, ибо это уже напрямую мысли кошки по поводу своей неудачи: «Ушла сильно помятой. Уже была в лапах... и как это только могло случиться? Никакого вкуса в старой крысе нет, и не в том дело. Но как это могло случиться?»[13]. Здесь, как и в предыдущем отрывке есть признаки внутреннего монолога: многоточие на месте длительной паузы, свидетельствующее о сбивчивости мыслей, вопросительные предложения подчеркивают эмоциональность высказывания, неполные предложения.

В этой же главе звучит голос еще одного персонажа — старой крысы: «Не самые раны опасны, — но нельзя, чтобы их заметили молодые крысы. Будут следить, ходить по пятам и при первой слабости загрызут. Вот что всего опаснее. Не пощадят седых волос и облысевшей спины. Проклятая ночь выдалась сегодня!»[14]. В мыслях крысы еще ощущается пережитый ужас, но победу над ним одерживает мудрость старого зверя. Старики неизбежно уходят из жизни, на смену им приходят молодые. Не случайно этот короткий эпизод происходит во время болезни бабушки, когда у изголовья ее кровати дежурит смерть. Таким образом, Осоргин доказывает единство законов природы для всего живого.

Подобный прием совершенно в стиле Осоргина и знаменательно отражает своеобразный пантеизм писателя, его изумительное художественное изящество при описании живой природы. Смущает в нем только то, что автор предпочитает мнение маленькой серой мышки или кошки мнению остальных героев романа, даже своему собственному. Более того, в цикле этюдов «Происшествия земного шара» (1938) Осоргин вообще подводит читателя к парадоксальной мысли, «что малейшее «происшествие земного шара» важнее и существеннее всех наших войн и переворотов»[15]. Однако своеобразие осоргинского мышления еще и в том, что оно невозможно без иронии. Об этом стоит помнить и при прочтении романа «Сивцев Вражек».

Оба этих приема: авторская ирония и наделение представителей живой или неживой

природы способностью мыслить — сочетаются в главе «Кладбища», в эпизоде противостояния человека и солнца. Осоргин изображает солнце не как физическое тело, температура поверхности которого тысячи градусов, а как существо разумное. Этим замыслом и обусловлен прием олицетворения в изображении солнца: «Солнце думало, что жизнью земли руководит оно… Оно населило Полярный Север высшими формами органического мира; когда пришло время, оно создало страшную катастрофу живущего… Оно смеялось над стараниями живых организмов приспособиться, над их борьбой за существование»[16]. С убийственной иронией рисует Осоргин человека по сравнению с всемогущим солнцем: «Но маленький, страдавший насморком, зашитый в полосы материи на пуговках человек, защитившись от солнца стенами, выпустив лишь нужный пучок света по проволоке в запаянный стеклянный стаканчик, пробовал вершить свою жизнь по- своему. Он макал перо в чернила, писал, шептал и приказывал»[17]. Противопоставление человека и солнца происходит не по принципу величины: в описании солнца нет ни одного указания на его размер. Несмотря на то, что такое противопоставление было бы логичным и очевидным. Может быть, как раз из-за этой обычности Осоргин выбирает другой критерий, им самим изобретенный: степень разумности этих двух существ. А по нему, в представлении автора, человек значительно проигрывает солнцу. Это проявляется в сопоставлении действий того и другого. Работа солнца принимает колоссальные масштабы: солнце «руководит жизнью», оно «населило», «создало», «убило», «развило». В то время как человек только «пробовал вершить жизнь», «макал перо в чернила», «писал», «шептал», «приказывал». Поэтому из отношений человека и солнца естествен вывод: «Солнце смеялось над ним, он смеялся над солнцем. Но последним смеялось всегда оно»[18].

Попытка человека «вершить свою жизнь по-своему»[19], по мысли Осоргина, изначально обречена на провал. Ибо сила природы, вечных законов Вселенной мудра и неизбежна, и по сравнению с ней все войны и революции — пустое копошение: «…природа не изменилась. В тот день, когда началась европейская война, ни одна травинка в поле, ни один белый цветик, росший зачем — неведомо, не взволновался величием минуты, ни один горный ручей не ускорил светлого бега, ни одно облачко не пролило лишней слезы»[20]. В этом и есть суть философии Осоргина. В романе эту авторскую идею декларирует профессор-орнитолог: «Такие-то события только мешают внимательно читать книгу природы»[21].

Символом вечных, мудрых законов природы, благодаря которым на смену старому всегда приходит новое, в романе становится старый особнячок профессора на Сивцевом Вражке.

Образ дома вообще «относится в числу основополагающих, всеобъемлющих архетипических образов, с незапамятных времен функционировавших в человеческом сознании. Мифологема дома в русской культуре обладает особой функцией…Дом — это целостная картина мира. Дом выступает в роли хранилища разнообразных смыслов и разного рода памяти: личной, семейной, культурной и мифопоэтической»[22].

В романе Осоргина старый особнячок выполняет не только сюжетообразующую функцию: вокруг него сосредоточено все действие романа, из него протягиваются нити ко всем героям — дом на Сивцевом Вражке является еще и символом прежней мирной жизни. Он чутко реагирует на каждое ее движение: «…пролетел снаряд, пущенный с Воробьевых гор наудачу плохим прицельщиком, — и болезненно пригнулся к земле мирный профессорский домик, зажмурился, прищурился, затаил дыхание, потом расправился — и еще одной морщиной больше»[23].

Осоргин утверждает, что разрушение всего старого закономерно, ибо заключенная в нем память о былом не исчезнет в бескрайних просторах Вселенной, а перейдет, благодаря нарождающемуся новому миру, в будущее: «И жалко старого, в нем был уют, спокойная радость, годами наросшее довольство! Но и устало старое, нужен ему покой и уход в вечность»[24].

Анализируя художественный мир романа Осоргина «Сивцев Вражек», нельзя не отметить единство поэтики и философии в нем. Каждое воззрение автора проиллюстрировано своим особым художественным приемом. Его пантеистические взгляды находят свое отражение в создании ярких поэтических образов: поезда-гиганта, управляющего человеческими жизнями, с одной стороны, и кошки с философскими наклонностями — с другой. Герои Осоргина часто вмешиваются в объективное повествование, и в романе появляются точки

зрения героев. Таким образом Осоргин демонстрирует свой взгляд на окружающий мир, который, по его мнению, складывается, как мозаика, из множества правд. Поэтому, на наш взгляд, есть смысл говорить о единстве этики и поэтики применительно к прозе Осоргина.

Примечания

[1]Осоргин М.А. Сивцев Вражек// Времена (романы и автобиографическое повествование). М.,1989. С.342.
[2]Там же. С.342.
[3]Там же. С.342.
[4]Там же. С.342.
[5]Там же. С.342.
[6]Там же. С.342.
[7]Там же. С.342.
[8]Там же. С.342.
[9]Там же. С.342.
[10]Там же. С.343.
[11]Там же. С.387.
[12]Там же. С.387.
[13]Там же. С.387.
[14]Там же. С.387.
[15]Ласунский О. Литературный самоцвет. М.А. Осоргин в оценках русской зарубежной критики // Урал. 1992. №7. С. 184.
[16]Осоргин М. А. Сивцев Вражек// Времена (романы и автобиографическое повествование). М.,1989. С. 346.
[17]Там же. С.346.
[18]Там же. С.346.
[19]Там же. С.346.
[20]Там же. С.377.
[21]Там же. С.363.
[22]Анисимова М.С., Захарова В.Т.Мифологема «дом» как хранилище памяти человека и человечества// Мифологема «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе русского Зарубежья. Н. Новгород, 2004. С. 29.
[23]Осоргин М. А. Сивцев Вражек// Времена (романы и автобиографическое повествование). М.,1989. С.422.
[24]Там же. С.482.

«СОГЛАСОВАННОСТЬ МИРА»: ПРИРОДА В ЛИРИКЕ ГЛЕБА СЕМЁНОВА

***Е.А. Балашова**, к.ф.н., доцент,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского

…наших всех разногласий
согласованность мира сильней.
Глеб Семёнов.

Глеб Семёнов, поэт второй половины XX века, стал своего рода легендой. Из его знаменитого литобъединения вышло много прославившихся впоследствии поэтов и прозаиков, людей, определивших лицо петербургской культуры 1960—1970-х гг.: Г. Горбовский, А. Кушнер, А. Битов. Глеб Семёнов стал для них, для всей нашей литературы одной из важнейших связующих нитей с искусством прошлого. Во время Великой Отечественной войны на фронт не попал и тем самым выпал из своего поколения, из-за этого «выпадения» чувствовал себя ущербно. И затем всю свою жизнь прямо и косвенно оправдывался за болезнь, не позволившую быть «со всеми вместе». Может быть, из этого факта биографии вырастает его желание «согласовывать» всё, что видится вокруг: человека с человеком, людей с природой, природу — с космосом?

Для передачи такой «согласованности» человека с природой существует много различных поэтических способов. К примеру, есть олицетворения: сосна, умеющая ходить и мыслить, думающая трава, облако, способное выражать себя… — и тогда человек существует на

равных с нерукотворным окружением.

Тишина перебирает пальчиками,
Солнцем перепачканными,..
Зябко передергивает плечиками,
Ветром покалеченными...

Использует Г.Семёнов и прием, обратный только что названному: если можно очеловечивать природу, то можно и «оприроднивать» человека[1]:

... в летоисчислении березовом —
Как трава — живу на ощупь...
Я не двигаюсь, и в камень
Превратиться нет уже запрета мне.

Среди стихотворений встречаются такие, которые построены на развернутой метафоре или сравнении. Возможно, Семёнову, культивирующему мотив согласованности в природе, этот способ построения стихотворения был близок из-за возможности взаимопереходов. Нет отдельной природы, нет отдельного человека, а есть перемена ролей, проба на взаимную заменяемость[2]:

Разве я знаю названье цветка?
Встал надо мною, налево-направо
Глянул, наивно и радостно
Поднял зеленые руки, —
Взмах — и не руки, а крылья,
Взмах — и метнулся на цыпочках к небу,
Взмах — и лицом просиял,
Самозабвенно уверен,
Что это именно он дирижирует
Всем шевеленьем и шелестом луга,
Всеми кузнечиками, всеми жаворонками,
Вкрадчивым рокотом самолета,
И облаками, и тишиной...
Полно! Да разве я знаю названье
Радости этой зеленой? Посмею ли
Так вот, — не помня вчерашнего,
Не помышляя о завтрашнем, — так вот
Самозабвенно увериться,
что без крылатых усилий моих
Нет шевеленья и шелеста жизни?

Среди подходов к изображению природы обращает на себя внимание тот, который (скажем осторожно) приближен к так называемой словесной живописи. Данных примеров крайне мало. В них внимание сосредоточено на «картинке», а не на переживаниях наблюдающего. Вот как описывается ситуация перед дождем:

И ветер шевелится в копнах,
И гнется трава до земли,
И бабы в раздутых полотнах
Плывут, как в волнах корабли.

Но если здесь и в подобных редких примерах изображаемый мир не становится пережитым, то в большинстве его стихотворений внешний план изображения превращается во внутренний. Такой «переход от внешнего и внеличного плана изображения к внутреннему и психологическому плану» называется интериоризацией[3]. Интериоризированную концовку наблюдаем, например, в стихотворении «Не забуду по гроб…»:

Не забуду по гроб:
в крутояре еловом
доживает сугроб,
весь дождями исклеван.

Весь дрожит он дрожмя

В жарком воздухе мая,
Чуть дымится лыжня,
Тихо смерть принимая.

Только мы как не мы:
Меж весенних размывок
Не кусочек зимы —
Нашей жизни обрывок.

После перечисления («каталога») природных образов пространство психологизируется: третья строфа — это ощущения субъекта лирического высказывания. Эта концовка подготовлена олицетворяющими глаголами, которые приписаны неживому предмету: дрожа, доживает сугроб; принимает смерть лыжня… И «исклеванный сугроб», и — особенно — «дымящаяся лыжня» точно определены и названы поэтом. Сугроб — «доживает»: глагол несовершенного вида показывает постепенность ухода в небытие. Лыжня — «дымится», тоже медленно умирает. Всем ходом жизни смерть предопределена и для сугроба, и для лыжни, и для чувства, но у героев стихотворения нет длительности, протянутости его умирания; есть «обрывок», означающий окончательность произошедшего. И сугробы ещё возродятся, и лыжня будет, а вот возврата любви у двоих (косвенно определенных как двоих) нет: «мы» уже не «мы вместе».

Если в анализируемом стихотворении мы видели интериоризованную концовку, то обращение к другому стихотворению — «Да, были кривы и косы…» — заставляет нас увидеть иной подход в соотношении внешнего и внутреннего планов. Стихотворение делится на три части, причем первая строфа — 9 строк — перечисляет приметы местности (кривые, косые ставни, стены). Вторая строфа в 7 строк и третья в 2 строки по сумме соотносимы с первой строфой, и обе представляют собой интериоризацию. Казалось бы, композиционно произведение вполне могло бы выглядеть состоящим из двух строф. Но автор выбирает другой вариант: кривизна, которой посвящено стихотворение, повторяется и в построении стихотворения. Вторая и третья части обыгрывают переносное значение прилагательных «косой» и «кривой», упоминая взгляды, толки, нравы: «…каждой души не измеришь / прямолинейным аршином!». Последние две строки итожат смысл первой и второй строф: «О, кривизна, покажи нам, / *как* нашей правде не веришь!» (курсив автора).

Бывает, что стихотворение имеет другую структуру перехода: начинается оно с изображения жизни человека, а затем переключается на восприятие подобного в природе:

Ты умирала без мучений,
Как умирают лишь во сне.
Берез безлиственные тени
Переминались на стене.

И, как сиделка у кровати,
От недосыпа чуть бледна,
В своем синеющем халате
Молчала зябкая луна.

К слову сказать, стихотворения, в которых интериоризированные переходы, во-первых, осуществляются в пределах каждой строфы, а во-вторых, представляют собой переход от состояния человека к природным образам, а не наоборот, редки не только у Глеба Семёнова, но и у других поэтов.

Эти разные подходы к восприятию природного мира дублируются принятием разного же видения природы у других поэтов. Есенин и Заболоцкий, Пастернак и Мандельштам — об их влиянии и о подражании им писала Е. Кумпан[4]. Но Г. Семёнов — это еще и А. Фет. Он-то как раз интересен в связи с рассмотрением интериоризации в творчестве Г. Семёнова. Дело в том, что у А. Фета есть такие стихотворения, про которые нельзя сказать, что они содержат четкий переход из внешнего плана в план внутренний. Скорее, есть некий «слипшийся комок» (термин О. Фрейденберг), целое из образов, характеризующих природу и человека:

Взгляни вокруг себя и празднуй,
Прислушайся и приглуши

Звучанье крыши ярко-красной
Зеленым шелестом души.

«Шелест души» (а в другом стихотворении: «шелест жизни») — это почти что фетовский «шепот сердца» (см. первую редакцию стихотворения «Шепот. Робкое дыханье…»). В цитированном стихотворении — «Пейзаж с красной крышей» — есть и еще один фетовский образ. Это «трепещущее естество». «Трепещущий» — один из самых частых эпитетов, который Фет прилагает к явлениям природы. В нем (эпитете) — «всеобщий трепет жизни, пронзительное чувство достигнутого единства»[5]. Кстати заметим, что Глеб Семёнов отчасти становится преемником импрессионистической манеры фетовского письма. Доказывает это, например, внимание к отражениям в воде: «В канале осклизлой воды переливы. /Колеблет дома петербургского цвета — /лиловый, линялый, ленивый/. Вдоль берега узкие окна змеятся, /замковые камни кривляются грубо…/ А цвету, ослабленному отраженьем, /так имени и не подыщем». Возможно, в приведенном отрывке услышим некую сделанность: слишком уж нарочито звучит в нем «л» (*осклизлой, переливы, колеблет лиловый, линялый, ленивый*), «з» (*узкие, змеятся, замковые*) — а помимо аллитерации есть и метонимия «петербургский цвет», целиком построенная на ощущении, — но концовка стихотворения столь сильна (вообще особенность стихотворений Глеба Семёнова — сила заключающих фраз, порой переворачивающих смысл ранее сказанного), столь «настояща», что читатель сосредотачивается не на «приемах», а на сути — простой и невычурной любой человеческой жизни: «отражение» и «я» согласованы и взаимозависимы: отражение существует только потому, что оно живет моими глазами, но «пока отражается — мы ещё живы, / исчезнет — и нас уже нету»:

Да что: давно бы уже доконали
С друзьями разлуки, с родными разрывы,
Когда бы не ласковый отблеск в канале —
лиловый, линялый, ленивый.

«Ласковым» отблеском человек награжден не всегда. Часто он чувствует себя сиротой или чужим: «бедным родственником», не находящим себе угла «на краешке чужого пня…», «блудным сыном»…

Постыдно тянет подольститься —
помочь ручью, спасти жука —
и на небо перекреститься,
как атеист — исподтишка.

«Подольститься» — очень похоже на поведение сироты, которому хочется понравиться. «Подольститься» — потому что внимание природы недоступно человеку, как чужие родители сироте: «Природа занята природой, /ей нету дела до меня». И в этих словах — та же согласованность, о которой мы говорили выше. Нет никакого противоречия: согласованность может проявляться в одном действии, но и в одинаковости действий, увы, не всегда созидательных. Человек «атеистически» отрекается от природы — она ему вторит.

Откуда же у человека такое ощущение своей чужести?
Встал на камень, встал на камень —
вижу самый круг земной!
Даль искромсана сверканьем
в стороне твоей лесной.
Там лучи с дождями рубятся.
Страшно ангелы кричат.
Лиловеющие рубища
тучи понизу влачат.
Ах, зачем оно открылось,
это небо надо мной!
Вот стою — и вся бескрылость
громоздится за спиной.

Как и предшественнику — герою Тютчева, герою Г. Семенова открывается бездна. Но видит ее человек современный, уставший настолько от своей бескрылости, что уже не боится и бездны: да, я ее вижу — так что ж?

Природа — согласованно с человеком — сторонится от него. Человек XX века, каким видит его Г. Семёнов, мало кому доверяет. Только природе он готов отдать сокровенное. Но почему-то так получается, что это сокровенное — боль: «Я своё отстонал, /мох под соснами палкой исторкав»? Окружающий мир, столь щедро наполненный чужими вздохами, понимающий каждое внутреннее движение, устал. Лес научился быть отстраненнее. Природа приучила себя не думать, не вдаваться в беду каждого доверяющего ей — она не мыслит с каждым наравне, она просто позволяет каждому высказаться и насколько возможно приглушает, растапливает обиды.

Вокруг меня весь мир собрался:
клонилось небо над ручьем,
и ветер по вершинам крался,
и лес не помнил ни о чем,
и нити солнечные висли
на каждом дереве, —
и мне
хотелось миг побыть без мысли —
со всей природой наравне.

Но эта тишина чревата обернуться немотой, страшным молчанием. Отсюда у Семенова образы страшной тишины: «И тишина — в недавних пятнах крика».

И вот — не сад уже намокший,
А заповедник тишины:
Листвы безмолвие полегшей,
И даже капли не слышны.

Вдали глухонемые гумна…
И самый громкий в мире звук —
Не сердца ль твоего испуг,
Что жизнь бывает так бесшумна?

«Вокруг меня весь мир собрался», — так сказано в одном из процитированных нами стихотворений всё о той же согласованности. Кстати, частотность употребления у Г. Семенова названий разных растений низкая. Ивы, клены и встречаются у него реже, чем просто «цветок», «дерево», «трава». Это опять-таки к вопросу о согласованности мира. Есть одно общее лицо: лес, луг — и неважно, кем он составлен, главное — вместе, выполняя одну функцию продолжения жизни. И человек — в этой же цепочке:

Как в одной большой светлице,
всем дышалось наравне —
и кузнечику, и птице, капле, камешку и мне.

Разнотравья и деревья хоровод вокруг вели —
узнаванья и доверья хоровод всея земли…
Научить играть бы сына в эту вечную игру!

Старение, увядание, прошедшая юность нисколько не заботят. Наоборот, тихая радость понимания природы — это мудрость, дающаяся только с годами. Ни в детстве, ни в юности согласованности с миром человек не чувствует. В стихотворении «Полудетское» показавшийся «лоскуточек лазури» радует только наблюдающего, но никак не ребенка.

Что ж: какой-нибудь кашке сродни,
изумись двухминутному чуду
и на милость высокую чью-то
хоть помпоном бездумно качни!
Быть «кашке сродни» — это ведь опять о «согласованности мира».
Мир таким никогда
и присниться не мог молодому!
А с годами в строку
будто сам отливается сразу.
Я крылатую фразу

из прогулки лесной извлеку.

При обозначении приемов поэта в отношении изображения природы, при попытке описать природные мотивы как систему всё равно очень четко нами осознается: что-то важное ускользает. Этого и не удастся, потому как его стихотворения — живая плоть:

Пылинкой, примелькавшейся лучу,
душа — ее почти не существует —
лукаво проблеснет и растворится...

Семенов — человек тонкий. Чутко чувствуя природу, он согласует себя с ней настолько, что, говоря об их слиянности, вполне можно было бы перефразировать название школьного предмета — это «окружающий внутренний мир».

Примечания

[1]К подобному приёму активно обращался и М. Лермонтов. Например, в поэме «Мцыри», с одной стороны, очеловечиваются животные. Так, шакал «кричал и плакал, как дитя», барс «застонал, как человек», и умирает он, «как в битве следует бойцу», но, с другой стороны, главный герой «оприроднивается», осознавая свое родство с природной стихией: «как брат, обняться с бурей был бы рад».

[2]Об этом же взаимопроникновении как характернейшей особенности поэзии Тютчева писал Соловьев: «Художественному чувству непосредственно открывается в форме ощутительной красоты то же совершенное содержание бытия, которое философией добывается как истины мышления… Это только различные стороны или сферы проявления одного и того же; между ними нельзя провести разделения, и еще менее могут они противоречить друг другу» (Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С.111).

[3]Термин предложен М.Л. Гаспаровым. См. Гаспаров М.Л. Фет безглагольный. Композиция пространства, чувства и слова // Гаспаров М.Л. Избранные труды. В двух томах. Т. II. О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 22.

[4]Кумпан Е.А. «В полоборота перед веком…» // Г. Семенов. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2004.

[5] Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной…». Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. С. 222. Похожее см. у Б. Пастернака: «Природа, мир, тайник вселенной, / Я службу долгую твою, / Объятый дрожью сокровенной, / В слезах от счастья отстою» («Когда разгуляется»).

РАБОТА СО ШКОЛЬНИКАМИ В МУЗЕЕ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА

***И.И. Маст**, Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские», Музей крестьянского быта*

Музей крестьянского быта — одна из экспозиций Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские». Создан музей в начале 90-х гг. в доме, в начале XX в. принадлежавшем местному крестьянину В.А. Шульгину. В этом доме 9 января 1921 г. произошла встреча В.И. Ленина с местными крестьянами, встреча, о которой написал А.Т.Твардовский в стихотворении «Ленин и печник» («В Горках знал его любой, старики на сходку звали…»).

В доме сохранились вещи, принадлежавшие семье Шульгиных. Вновь приобретенные экспонаты также относятся к периоду конца XIX—первой трети XX вв.

Сегодня в музее можно окунуться в атмосферу жизни крестьян южного Подмосковья этого периода. Здесь представлены предметы домашнего обихода, одежда, мебель, орудия труда, транспортные средства, хозяйственные постройки — все то, что окружало крестьянина в повседневной жизни.

О многом могут рассказать, казалось бы, обычные вещи: посуда, мебель, одежда, школьный учебник, детская игрушка. Ведь каждая вещь в музее — это творение человеческих рук, она хранит память о прошедшем. Музей, хранящий памятники прошлого, является связующим звеном, своеобразным мостиком между прошлым и современностью.

Как тут не вспомнить замечательные слова С.Т. Аксакова: «Вы не великие герои, не громкие личности, в тишине и безвестности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь также исполнена поэзии, также любопытна и поучительна для нас, как мы и наша жизнь, в свою очередь, будем любопытны и поучительны для потомков».

Одним из приоритетных направлений работы МКБ, наряду с научной, собирательской, экспозиционной, является работа с детской аудиторией.

Назначение музея — дать общую и, возможно, полную характеристику быта крестьян южного Подмосковья второй половины XIX—первой трети XX вв.; воспитание нравственных и моральных качеств посетителей, бережного отношения к родной истории, уважения к труду, сохранение памяти о людях прошлых поколений. Решать эти задачи, прежде всего, нужно в детской и юношеской аудитории и решаем мы их, прежде всего, через экскурсионную работу.

Став элементом музейной экспозиции, обычные вещи приобретают значение символа конкретной эпохи или явления традиционно-бытовой культуры. Наша задача — помочь ребятам увидеть то, что стоит за вещью, понять ее символический смысл. Наши посетители — не пассивные слушатели, а равноправные участники общения, ведь экскурсия, тем более, для детей, не может быть просто информацией, она не должна превращаться в лекцию, экскурсанты не должны быть пассивными слушателями. Поэтому основные методы в работе со школьниками — вопросно-ответный, беседа, «погружение» в трудовой процесс.

Наша задача — не только показать подлинную жизнь, но и вызвать у ребят чувство сопричастности к нелегкому труду крестьянина, чью «привычку к труду благородную нам бы не худо с тобой перенять».

Дети с удовольствием имитируют различные трудовые процессы: работу цепом, серпом, лопатой для веяния зерна, постановку чугунов в печь ухватом, ношение ведер на коромысле, вычесывание льна или шерсти, глажение белья с помощью скалки и рубеля, прядение на веретене и пр. Начиная «работу» с улыбкой, с уверенностью, что не предстоит ничего трудного, ребята убеждаются, что только со стороны все кажется очень простым и легким. Даже просто подержать 4-килограммовый чугунный утюг — возможность представить тяжесть крестьянского труда.

«Невыразимым чувством сострадания» проникнуты строки С.Т. Аксакова о «важности и святости труда» и он же предупреждает, что только со стороны работа кажется легкой и веселой, «стыдно и досадно» сознавать, что ты «никуда не годен: не умею ходить по вспаханной земле, не умею держать вожжи и править лошадью, не умею заставить ее слушаться …».

Теперь у нас не редки группы учащихся, изучающих историю родного края, приходящих в музей на своеобразный урок. Это, считаем мы, закономерно. Ведь «общение» с подлинными свидетелями прошлого не заменит ни экран телевизора, ни журнальная статья, ни даже учебник.

Учитывая знания и интересы наших посетителей, мы проводим, помимо обзорной экскурсии, и тематические: «Быт крестьян в поэзии А.С. Пушкина», «Крестьянские дети в творчестве Н.А. Некрасова», а также подготовили цикл лекций: «Не учись безделью, а учись рукоделью» (история и судьба русского полотенца), «Деревянная и керамическая посуда в крестьянском быту», «Как лечили в старину» (травы и заговоры), «О чем поет самовар», «Сквозь века» (детский портрет в мировой живописи: от иконы Владимирской Богоматери до картин А. Дейнеки и А. Пластова). В лекцию включен рассказ о полотнах художников разных эпох, различных направлений: иконография, изысканное барокко, романтизм, реализм. Такое различие времен и художественных стилей дает возможность почувствовать, сколько интересного может рассказать каждая новая картина, стоит лишь всмотреться в нее.

Материал названных лекций в настоящее время используем как тематические узлы в обзорной экскурсии в различных возрастных группах.

Мы стремимся развить эстетические вкусы наших посетителей, используя в экскурсии отрывки из произведений русских писателей и поэтов, учитывая опыт и возраст учащихся. Это, к примеру, произведения К.Д. Ушинского («Хлеб», «Как рубашка в поле выросла», «Два плуга», «Гадюка»), С.Т. Аксакова («Детские годы Багрова-внука»), Л.Н. Толстого

(«Анна Каренина» — отрывок «Константин Левин на покосе», «Филиппок»), А.Н. Афанасьева («Древо жизни»), И.С. Тургенева («Бежин луг», «Хорь и Калиныч», «Певцы»), И.А. Бунина («Антоновские яблоки»), А.П. Чехова («Ванька», «Спать хочется»), стихи А.В. Кольцова, С.Д. Дрожжина, И.С. Никитина, И.З. Сурикова, Н.А. Некрасова, К.К. Случевского, А.Н. Майкова, А.Н. Плещеева, А.А. Блока, А.С. Пушкина.

Достаточное место в рассказе о быте и труде русского крестьянина занимают и произведения устного народного творчества: пословицы, поговорки, загадки.

Богатство русской литературы и фольклора делают рассказ об обычных и очень простых вещах образными, воспринимающимися не только на уровне сознания, но, что очень важно, на уровне эмоций, чувств, переживаний. Разве о тяжести крестьянского труда скажешь лучше, ярче Н.А. Некрасова, в чьих стихах — боль:

Зной нестерпимый; равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.
Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!..
Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — разметалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Суровые стихи К.К. Случевского обязательно заставят подростка задуматься:

... А в поле труд... Обычной чередою
Идет косьба: хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдою, —
Другого слова нет его назвать...
Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймет,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

Эти произведения, знакомые детям или совсем неизвестные, позволяют очень естественно вести экскурсию в форме вопросов-ответов. Отрадно, что обычно всегда дети «подскажут» экскурсоводу загадки о некоторых предметах, проявят знание пословиц и поговорок.

Используя метод беседы, давая возможность «участвовать» в трудовом процессе, включая в экскурсию произведения русской литературы и фольклора, используя игровые элементы, мы активизируем восприятие материала детьми, участвуем в формировании их творческой активности. Дети, таким образом, не остаются пассивными слушателями.

Информация, которую школьники получают в музее, осмысливается ими эмоционально, способствует развитию образного мышления.

Достижению этой цели способствует и так называемый «портфель экскурсовода», в который включены репродукции с картин русских художников: В.Г. Перова («Тройка»), Н.П. Богданова-Бельского («Устный счет», «Ученицы»), А Корзухина («Возвращение из города»), В. Максимова («Бабушкины сказки»), Х. Платонова («Крестьянская девочка», «Маленькая няня»), В.В. Маковского («Свидание», «Устала»), М.В. Нестерова («Экзамен в сельской школе»), А.И. Морозова («Сельская бесплатная школа»), К. Зеленцова («Мальчик, надевающий лапти»), Г. Мясоедова («Урок пряжи») и другие репродукции.

Один из элементов работы с детской аудиторией — проведение в летнее время после экскурсии народных игр. Ребята с удовольствием осваивают народные игры: городки, свайку, калечину-малечину, чижа, хождение на ходулях, горелки, хороводы «Заинька», «Воробышек», «Просо сеять» и другие.

И через игру мы знакомим ребят с бытом крестьян. Важно помнить, что именно через игру ребенок приобретает важные для жизни качества. Например, игра в городки вырабатывает плавные, размашистые движения, так нужные будущему сеятелю. Ходьба на ходулях развивает ловкость, равновесие. Народная игра — практически всегда коллективное действие, и уже в игре ребенок осознает себя членом коллектива, качество, которое позже проявится в участии «в помочах» (коллективная помощь сиротам, вдовам, больным).

В весенне-летний период, учитывая важность экологической темы, мы знакомим учащихся с природным богатством Заповедника, проходя по экологической тропе «Тропа жизни» по маршруту Музей крестьянского быта — усадьба Горки. На маршруте экскурсанты знакомятся с особенностями местной флоры и фауны, археологическими и историческими памятниками, состоянием экологической обстановки и ролью человека в сохранении природы. Во флоре Заповедника около 600 видов растений, здесь обитает не менее 30 видов пернатых, здесь живут лисы, ласки, зайцы, белки, встречаются горностай и енотовидная собака, в водоемах водится ондатра. Конечно, мы объясняем детям, почему пропадают некоторые виды растений, почему уходят из нашего леса некоторые животные (совсем недавно в наших лесах водились волки, барсуки, заходили лоси). Причин много: и промышленные выбросы, и соседствующий рядом с нами аэропорт «Домодедово», и близлежащие магистрали, и неразумное отношение человека к природе.

Очень уместно звучат здесь стихи нашего современника, поэта М. Дудина:

Как яблоко на блюде,
У нас земля одна.
Не торопитесь, люди,
Все выскрести до дна.
Немудрено добраться
До скрытых тайников,
Разграбить все богатство
У будущих веков.
Мы общей жизни зерна,
Одной судьбы родня.
Нам пировать позорно
В счет будущего дня.
Поймите это, люди,
Как собственный приказ,
Не то Земли не будет
У каждого из нас.

Хочется, чтобы и для будущих поколений эта тропа оставалась тропой Жизни. Поэтому мы учим детей не разводить костры в лесах и на берегах рек, не рвать цветы, не ловить бабочек и стрекоз, не разорять гнезда птиц, не оставлять в лесу мусор, не включать в лесу магнитофон. Простые правила, но, к сожалению, часто не выполняемые и взрослыми.

В прежние времена эта тропинка, связывающая деревню Горки и барскую усадьбу, местными жителями называлась «Киселки» из-за кислого вкуса яблок-дичков, росших здесь. Киселки были излюбленным местом проведения праздников и народных гуляний. Мы продолжаем эту традицию и проводим здесь весенне-летний цикл народных праздников: Троица, Иван Купала, Петровки. Здесь же мы обучаем детей искусству русского хоровода.

Экологическая экскурсия дает возможность почувствовать красоту окружающего пейзажа. «Врачующая власть» природы, по словам А.К. Толстого, обладает огромной силой, и мы стремимся, чтобы наши экскурсанты открыли для себя возможность не только видеть живую, естественную природу, но и прочувствовать поэтическую красоту и глубину поэтического слова, воссоздающего портрет родной природы.

Наша классическая литература может прекрасно послужить гуманистическому делу, являя сегодня подлинно «человеческую меру» взаимоотношений с природой.

Поэтому в музее Крестьянского быта проводятся поэтические утренники для школьников начальных и средних классов: «Жизнь природы там слышна», «Люблю мой край родной», «Родные поэты» и др.

В рамках детской программы мы проводим также праздники: «Здравствуй, елка!», «Широкая Масленица», «Загадки имени. Как праздновали именины», «Уродилась Коляда накануне Рождества», «Зеленые святки», «Щедрая осень».

Заканчивая экскурсию, обязательно предлагаем ребятам внимательно посмотреть на вещи, которые окружают их в собственном доме, ведь каждая вещь обладает определенной информацией и может рассказать немало интересного, надо только внимательно к ней приглядеться.

Конечно, в семье хранятся старые фотографии. Кто запечатлен на них? Как зовут этих людей? Когда они родились? Чем занимались? Во что они одеты? Похожа ли их одежда на современную? А прически у этих людей такие, как у нас?

Что вы знаете о своих бабушках и дедушках, прабабушках и прадедушках? Когда они родились? В какой семье? Чем они занимались?

Наверное, в семье хранятся старые документы. Может быть, это папин или мамин школьный дневник? Или Почетная грамота дедушки? Интересно, за что его наградили?

Может быть, дома есть очень старые вещи. Почему родители их так берегут? Какова история этих вещей?

Подобные вопросы, мы считаем, сближают экскурсию и жизнь самих ребят, их родных и близких. Чем чаще будут ребята отвечать на подобные вопросы, тем зорче будет их сердце, тем внимательнее они будут к окружающим. И хочется надеяться, что в нравственном, эстетическом воспитании подрастающего поколения будет и частичка труда музейных работников.

Очень важно, что в последнее время весьма ощутим стал интерес к музею со стороны семьи. Теперь дети приезжают к нам не только в составе школьной группы, но они приезжают еще раз вместе с родителями. С одной из туристических фирм, активно сотрудничающих с музеем, задуман проект «О чем говорят вещи». Детям предлагается найти и описать самый старый предмет, хранящийся дома и описать его, т.е. составить его легенду. Указывая принадлежность вещи определенному месту и времени происхождения, его художественные отличия, ребенок тем самым уже приобщается к серьезному исследованию. Думаем, что созданная на основе этих домашних реликвий и сочинений-аннотаций может получиться интересная выставка «История глазами детей».

В целях развития интереса местных ребят к истории своего края, уважения к труду музейщиков при музее создана группа «Друг музея». Направления работы этой группы следующие: изучение истории деревень Горки и Белеутово, истории Заповедника, знакомство с музейными профессиями, участие в подготовке и проведении праздничных фольклорных программ, поисковые экспедиции по близлежащим селам,.

Поисковая работа ведется в соответствии с планом собирательской работы, основные направления которой следующие: образование и просвещение, хозяйственная утварь, орудия труда, детские игры и развлечения, народные музыкальные инструменты, рукоделие, крестьянская одежда.

По результатам поисковой работы стало возможным организовать две выставки: «Не учись безделью, а учись рукоделью» (история и значение полотенца в крестьянском быту) (было представлено 19 работ) и «Керамические изделия в крестьянском быту» (было представлено 48 предметов).

ВКЛАД КАЛУЖСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ДОБРАЯ ВОЛЯ» В ДЕЛО СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (К 20-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ)

***М.А. Добычина**, к.и.н., заместитель председателя по научной работе, Калужская региональная общественная историко-краеведческая организация «Добрая воля»*

22 ноября 1986 г. исполнилось 20 лет со дня первого субботника, проведенного на Южном флигеле усадьбы Билибиных-Чистоклетовых (КОХМ), и положившем начало созданию общественной организации помощи памятникам старины «Добрая воля». Данный юбилей заставил задуматься о роли общественных сил, которую они сыграли в деле сохранения памятников истории, культуры и природы нашей губернии (области) на протяжении более чем 100 лет.

Объединение людей по интересам с целью сохранения исторического наследия уже имело место в нашей истории: Калужская ученая архивная комиссия, Калужское церковное историко-археологическое общество, Общество изучения природы местного края, Общество истории

и древностей, краеведческие бюро. Все эти организации в конце XIX—начале XX вв., сплотив в своих рядах лучших представителей провинциальной интеллигенции, сыграли значительную роль в изучении Калужского края, собирании и упорядочении архивных документов, библиотек, коллекций предметов церковной старины, открытии губернского архива и исторического музея, обследовании и изучении памятников местной старины, содействии распространению археологических и исторических сведений. только благодаря их вмешательству, особенно в революционные годы, до нашего времени сохранились многие памятники истории, культуры, археологии и письменности.

В конце 20-х гг. XX в. государство решило направить краеведение в заранее предусмотренное русло; усилилось стремление к откровенной политической идеологизации работы краеведческих организаций. К руководству краеведением пришли лица, имевшие опыт партийной и государственно-аппаратной работы. В результате многие краеведческие объединения ликвидировались, а их члены подвергались репрессиям.

К вопросу общественных объединений вернулись только в 1960-е гг., когда была создана Всероссийская общественная организация «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ВООПИК), ставшая в этот период первой неправительственной структурой в сфере сохранения наследия. Организация объединила в своих рядах не только краеведов-любителей, но, прежде всего, специалистов: архитекторов, историков, искусствоведов, музейных и архивных работников, реставраторов, инженеров-технологов, археологов. До сих пор эта особенность остается главной отличительной чертой среди массы общественных организаций подобного профиля. Наличие компетентных специалистов в составе организации повышает доверие органов власти к ней, а также способствует лучшему взаимопониманию в строящемся диалоге государственных и общественных структур.

Во второй половине 1980-х гг. была заметна тенденция к активизации молодежной жизни. Стремление отойти от заформализованных мероприятий пионерско-комсомольской жизни повлекло за собой объединение граждан по интересам. В ряде городов возникли группы людей, увлеченных историей своего края. Одну из своих обязанностей они видели в сохранении памятников старины и оказании помощи в их восстановлении. Молодежь Москвы, Ярославля, Тобольска безвозмездно, в свободное от работы время, трудилась на памятниках архитектуры. Движение не могло обойти и древний город Калугу, который за свою многовековую историю впитал в себя изумительные по красоте архитектурные течения разных времен. Многие здания своим удручающим видом взывали о помощи. Поэтому, откликнувшись на призыв областного отделения ВООПИК, калужские энтузиасты 22 ноября 1986 г. вышли на свой первый субботник. Так возник Калужский городской клуб помощи памятникам старины «Добрая воля». Его существование было подтверждено решением горисполкома, утверждены Устав, Положение, открыт счет, изготовлена печать, получено помещение, в котором «Добрая воля» находится и по сей день. Согласно законам РФ об общественных объединения 13 июня 2000 г. организация была зарегистрирована Управлением юстиции Калужской области как Калужская региональная общественная историко-краеведческая организация (КРОИКО) «Добрая воля». Руководящим органом КРОИКО является общее собрание членов организации, которое выбирает исполнительный орган — Совет.

В задачи организации входит оказание посильной помощи в проведении реставрационно-восстановительных работ на памятниках истории, архитектуры, культуры, природы. За 20 лет деятельности многие объекты были реставрированы при непосредственном участии «Доброй воли». В Калуге это палаты Коробовых, усадьба Чистоклетовых, дом Польман, каменный мост, дом Шамиля, дом Чижевских, жилые дома XVIII—XIX вв. и многие другие. В ходе восстановительных работ «добровольцы» убирали мусор, разбирали завалы кирпича и камней, красили, штукатурили, закладывали шурфы. Не обошлись без внимания и усадьбы Авчурино (принадлежавшее Полторацким), Городня (князей Голицыных), Галкино (Мятлевых), Березичи (Оболенских), Полотняный Завод (Гончаровых) и др. В конце 1990-х гг. «добровольцы» начали исследовать и заниматься обустройством могил ряда известных деятелей на Пятницком кладбище г. Калуги. Их руками были приведены в порядок могилы декабриста Е.П. Оболенского, краеведа Д.И. Малинина, отца и тети А.Л. Чижевского. В 2006 г. работа была возобновлена: объектами стали могилы актеров калужского драмтеатра и некоторых известных дворянских и купеческих фамилий. Благодаря деятельности подобного рода

местонахождение могил четко зафиксировано, описано и «потерять» их будет сложно.

Также объектами работ стали культовые сооружения. Многие храмы сейчас активно восстанавливаются, а до недавнего времени они представляли собой жалкое зрелище. Для того, чтобы не допустить дальнейшее разрушение куполов «добровольцы», используя специальное снаряжение, забираются на церкви и вырубают выросшие на них деревья. Через несколько лет деревья вновь вырастут, но хоть на сколько-то будет приостановлен процесс разрушения. Среди прочих можно назвать церкви в с. Кудрино (Мещовский район), в с. Грабцево, в с. Кольцово (Ферзиковский район), с. Николо-Ленивец (Дзержинского район), Велино (Юхновского район) и многие другие.

За период своего существования организацией проведено 350 субботников и воскресников на 70 объектах культурного наследия, в которых было задействовано более 2000 человек.

Другим серьезным направлением в деятельности организации стали научно-исследовательские экспедиции. Обычно в летний период группа «добровольцев», вооружившись всем необходимым, выезжает в отдаленные места нашей области и приграничные с ней районы для обследования заброшенных церковных зданий и усадебных комплексов. Проводятся тщательные обмеры полуразрушенных храмов, фотофиксация, вырубка дикорастущей поросли на церкви и возле. Вернувшись, члены «Доброй воли» обязательно сверяют по архивным документам полученные сведения и занимаются выявлением новых.

Члены организации являются постоянными участниками конференций, чтений, семинаров краеведческой направленности. Популяризация истории нашего края стала одной из главных целей организации. Так, в 1999—2001 гг. при участии членов на «Радио «Ока» выходили в эфир передачи по краеведению, в 1998—2001 г. выпускалось историко-краеведческое издание «Вестник «Доброй воли», на страницах которого были опубликованы материалы по истории Калужского края и введен в научный оборот ряд новых архивных документов. В 2004 г. КРОИКО участвовала в подготовке «Путеводителя по Боровску», в 2005 г. организация стала победителем Конкурса социальных проектов «Пространство для всех».

Последние 20 лет стали особо значимыми в истории нашего государства. В тяжелые годы спасению памятников старины отводилась незначительная роль. Выжить в жестких условиях рыночной экономики общественной организации было весьма трудно (стремительно росла плата за аренду помещения, коммунальные услуги, требовался значительный ремонт здания). Жизнь вынудила «добровольцев» проводить не только безвозмездные, но и коммерческие субботники. Выжить помогло сплочение «добровольцев», желание сохранить организацию и, безусловно, помощь друзей. За 20 лет деятельности у организации появились свои друзья и партнеры. Среди них хочется назвать В.В. Сударенкова, Ю.И. Зельникова, а также музеи в Калуге, Боровске, библиотеки, архивы, НП «Угра», Подростковый клуб «Эврика», Поселково-Воротынская ср. школа № 2 им. И.С. Унковского и многие другие.

В настоящее время придается большое значение роли общественности в решении различных вопросов. Объединение единомышленников своими действиями старается обратить внимание властей на проблемы памятников и внести посильную помощь в сохранение историко-культурного наследия Калужского края. С 2001 г. КРОИКО «Добрая воля» включена в состав научно-методического Совета по сохранению культурного наследия при Правительстве Калужской области; организация имеет свой сайт http://dobrovolya.ru/.

Конечно же, «Добрая воля» — это не только работа. «Добрая воля» объединяет людей разных профессий: историков, филологов, архитекторов, преподавателей, строителей, работников культуры, бухгалтеров, программистов, студентов, школьников. Для «добровольцев» нет различия по специальностям, образовательному уровню и возрасту. В организацию приходят люди разных поколений. Для всех важно одно — любовь к истории своей малой Родины и желание не допустить утрату исторического наследия и принести пользу. Объединение людей по интересам дает возможность проводить экскурсии, лекции, литературные вечера, встречи с краеведами, чьи рассказы вызывают живой интерес, отдыхать на просторах русской природы, вместе посещать театры, выставки, ездить на экскурсии, праздновать дни рождения.

Деятельность «Доброй воли» на протяжении двух десятилетий показала серьезный подход в организации работы и еще раз доказала немаловажную роль общественности в деле сохранения историко-культурного наследия нашего края и патриотического воспитания, а также продолжила традицию нашего края в общественном сплочении в деле сохранения нашей истории.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ СЕТИ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***В.П.Новиков**, к.г.-м.н., директор, Национальный парк «Угра»*

Законодательством Российской Федерации (ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», 1995) и Калужской области («Об особо охраняемых природных территориях в Калужской области», 2002) предусмотрено формирование научно обоснованных схем развития и размещения особо охраняемых природных территорий (ООПТ), которые утверждаются органами государственной власти. Во многих регионах страны такие схемы приняты или рассмотрены на уровне предложений. Завершается разработка «Репрезентативной и научно-обоснованной системы национальных (федеральных) ООПТ». В Калужской области подобная работа не проводилась и существующая сеть ООПТ формировалась в достаточной мере стихийно (за исключением ООПТ федерального значения) и с значительными перерывами во времени. Достаточно сказать, что за последние 11 лет в области организованы лишь два ООПТ регионального значения: памятник природы «Родники на Выпрейке» (1996) и охранная зона национального парка «Орловское Полесье» (1998).

Анализ состояния существующей сети ООПТ демонстрирует весьма неоднозначную картину по их разнообразию, содержанию, размещению, документальному оформлению и статусу. Всего в Калужской области на сегодня официально зарегистрировано 194 таких объекта. Из них четыре имеют федеральный статус: памятник природы «Калужский бор» (год создания 1991), государственный природный заповедник «Калужские засеки» (1992), национальный парк (НП) «Угра» (1997) и природный заказник «Госкомплекс «Таруса» (2002). Остальные объекты имеют региональное значение и представлены, кроме упомянутой охранной зоны НП «Орловское Полесье», 189 памятниками природы. Из них 20 вошли в границы НП «Угра» (объявлены до 1995г.) и, таким образом, фактически потеряли свой статус, хотя формально еще числятся таковыми. Кроме того, примерно половина памятников садово-паркового искусства имеют двойной статус — они одновременно являются памятниками истории и культуры.

Несмотря на то, что соответствующее законодательство предусматривает различные категории региональных ООПТ, в области отсутствуют природные и дендрологические парки, ботсады, курорты, а также такие «гибкие» по режиму охраны и использования территории, как государственные природные заказники. В то же время целый ряд памятников природы, выделенных для охраны малых рек в Медынском и Хвастовичском районах, по своему содержанию и параметрам больше отвечают ландшафтным заказникам.

Преобладающими среди зарегистрированных памятников природы являются комплексные — 108, но 79 из них составляют культурные ландшафты (парки и сады, пруды и водохранилища). Вместе с тем такие типы памятников, как зоологические или геологические представлены одним—двумя объектами. Примерно половина из 20 объявленных в качестве памятников природы родников не отвечает требованиям уникальности и природной ценности.

Статус государственных памятников природы подразумевает оформление для каждого из них соответствующей документации. Однако для большинства объектов отсутствуют нормативные паспорта, охранные обязательства (сервитуты) землепользователей, а также земельные планы и выделенные в натуре границы. По этим причинам ведение регионального кадастра ООПТ и осуществление реальной охраны объектов весьма затруднено.

По поводу площадного соотношения ООПТ в Калужской области следует отметить следующее. Около 2/3 общей площади ООПТ приходится на федеральные территории. Но по суммарной доле ООПТ (6,9%) область заметно уступает многим регионам даже в европейской части России и явно не «дотягивает» до среднефедерального показателя, составляющего по разным оценкам 10—12%.

Пространственное размещение ООПТ в регионе также нельзя назвать оптимальным. Высокой

долей ООПТ (от 5 до 20 и более процентов, в основном за счет федеральных территорий) характеризуются на севере: Юхновский, Медынский, Жуковский районы, в центральной части — Дзержинский и Перемышльский, на юго-востоке — Козельский, Ульяновский и Хвастовичский. В то же время 2/5 региона, особенно западные районы, отличает крайне низкий показатель удельной доли ООПТ — менее 1% [1].

Таким образом, даже беглый анализ нынешней сети ООПТ Калужской области показывает необходимость ее оптимизации и прежде всего — инвентаризации объектов преобладающей категории, а именно, памятников природы.

Теперь вернемся к главному предмету обсуждения — перспективной схеме развития и размещения ООПТ в регионе. Каково ее назначение и какой она должна быть? После принятия Общеевропейской Стратегии биологического и ландшафтного разнообразия (1995), утверждения Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (1996) и Экологической доктрины России (2002) в природоохранный словооборот введены новые словосочетания, отсутствующие в отечественном законодательстве, такие, как «системы охраняемых природных территорий (СОПТ)», «экологические сети» или «эконет». По сути своей эти термины являются синонимами и обозначают совокупность функционально и территориально взаимосвязанных охраняемых природных территорий (ОПТ), способную обеспечить сохранение экологического равновесия на уровне, дающем максимальный социально-экономический эффект [2].

Главные функции СОПТ: поддержание биологического и ландшафтного разнообразия, сохранение средообразующей роли и ресурсов природы (в т.ч. рекреационных) и др.. Система ОПТ строится, как правило, на основе сети ООПТ и последние являются своего рода звеньями или «ядрами» этой системы. «Ядра», в свою очередь, соединяются друг с другом транзитными (экологическими) «коридорами», которые обеспечивают их биологическую связь. Роль транзитных территорий могут выполнять различные участки природы, не обязательно относящиеся к особо охраняемым, но имеющие особый режим землепользования (например, зеленые зоны и лесопарки, лесозащитные и водоохранные полосы и т.п.).

Наконец, полноценная система ОПТ должна включать «буферные» зоны вокруг «ядер» и «коридоров», обеспечивающие их защиту от неблагоприятных внешних воздействий. Построенные таким образом и сопряженные друг с другом региональные системы ОПТ формируют непрерывную экологическую сеть (эконет), способную обеспечить условия для саморегуляции природных экосистем на значительном пространстве. В частности, в настоящее время разработана стратегия и реализуются проекты экологической сети Северной Евразии [3, 4]. Из сказанного становится ясным, что обсуждаемая схема развития и размещения ООПТ Калужской области не есть самоцель — она призвана создать основу для устойчивого развития как данного региона, так и смежных территорий. В связи с этим представляется очень важной работа, проделанная Всемирным фондом дикой природы — WWF России — по проектированию экологической сети Брянской, Калужской и Орловской областей [5]. «Ядра» этой сети включают как существующие ООПТ (преимущественно федерального значения), так и перспективные, рекомендованные рабочей группой проекта. Межрегиональные «коридоры» сети протягиваются вдоль основных водотоков этих областей и в Калужской включают долины и придолинные комплексы Оки, Угры, Жиздры и Вытебети. Региональные «коридоры» охватывают основные притоки в бассейнах названных рек, а также водную систему Болвы—Десны. Из рассмотрения предложенной сети следует, что для ее «наполнения» необходимо создание новых и достаточно больших по площади ООПТ в целом ряде районов Калужской области, прежде всего в долине Оки ниже Калуги, в междуречье Болвы—Рессеты, а также в верховьях Лужи и Шани. Следует заметить, что указанные районы отличаются в целом незначительной хозяйственной освоенностью, относительно невысокой плотностью населения, располагают крупными массивами лесов и обладают достаточным ландшафтным разнообразием, чтобы обеспечить их репрезентативность в будущей системе охраняемых природных территорий. Насколько же проработаны возможности создания такого «каркаса» региональной сети в настоящее время?

В течение последних 10 лет в центре Русской равнины проводились специальные работы, направленные на проектирование системы ОПТ для ряда территорий, в числе которых была и Калужская область. В ходе этих работ подготовлены научно обоснованные предложения о создании нескольких ООПТ регионального значения как в упомянутых выше районах, так и в ряде других мест. В частности, рекомендована организация природных заказников «Окский

каньон», «Шанский», «Река Рессета», зоологического заказника «Брынский», природного парка «Серена» и ряда других ООПТ. Кроме того, выделено более 70 ключевых природных территорий без определения их статуса и категории, но включающих ценные лесные, водные, болотные экосистемы, а также имеющие большое орнитологичекое значение [6]. Преобладающая часть названных территорий уже учтена при проектировании межрегиональной экологической сети [5]. С целью увязки этой сети с территорией Смоленской области рекомендована также организация комплексного природного заказника «Верхняя Угра» [7]. Таким образом, необходимые материалы для формирования обоснованной схемы развития и размещения ООПТ Калужской области к настоящему времени в значительной мере подготовлены. И в случае их реализации суммарная доля ООПТ в регионе может увеличиться до 10—11%.

Как уже отмечалось, в Калужской области принят Закон об особо охраняемых природных территориях. Насколько он отвечает имеющимся предпосылкам формирования региональной схемы развития и размещения ООПТ? К сожалению, этот документ не лишен некоторых недостатков. Прежде всего, закон не предусматривает возможность изменения категорий и статуса существующих ООПТ, а также процедуру таких изменений. Инициаторами создания новых ООПТ, по закону, могут быть только органы исполнительной и законодательной власти, а также общественные объединения (но не научные коллективы, религиозные организации, или, например, отдельные специалисты и граждане). Правда, Законом предусмотрено создание при Правительстве области общественного экспертно-консультативного совета с рекомендательными полномочиями. Решения этого совета обязательны при рассмотрении вопросов создания новых ООПТ и финансировании областных целевых программ в этой сфере. В перечне документов для создания ООПТ, регламентируемых Законом, указывается 11 наименований (в т.ч. эколого-экономическое обоснование, заключение государственной экологической экспертизы, согласования с собственниками земель и т.д.). При этом все издержки, связанные с подготовкой данных документов, ложатся на заявителя. Таким образом, региональный Закон не ориентирован на оптимизацию существующей сети ООПТ и создает определенные трудности в процессе дальнейшего ее развития.

Все вышесказанное позволяет представить сегодняшнее состояние дел с особо охраняемыми природными территориями Калужской области и наметить основные этапы работы по совершенствованию существующей сети, а также подготовке перспективной схемы развития и размещения ООПТ региона. В случае утверждения областной целевой программы такая работа могла бы быть выполнена в течение 3—4 лет.

I этап: полная ревизия и инвентаризация существующих ООПТ с подготовкой необходимых нормативных документов. Совершенствование регионального законодательства и разработка нормативно-правовой базы функционирования и развития ООПТ. Создание и утверждение государственного Кадастра ООПТ Калужской области.

II этап: обоснование и проектирование региональной схемы развития и размещения ООПТ в соответствии с основными принципами построения экологических сетей и имеющимися наработками.

III этап: создание новых региональных и местных ООПТ. Отработка мониторинга и управления системой ОПТ. Информационное обеспечение системы (ГИС). Экологическое просвещение населения.

Литература

1. Атлас Калужской области (картографический). Калуга: изд-во Н.Ф.Бочкаревой, 2005. С. 40—41.

2. Концепция развития систем охраняемых природных территорий в Российской Федерации. М.: WWF России, 2003. С. 4—5.

3. Предпосылки и перспективы формирования экологической сети Северной Евразии. Охрана живой природы. Вып. 1 (9). Ниж. Новгород, 1998. 82 с.

4. ООПТ Северной Евразии. Развитие через участие. Стратегия и план действий. М., 2000. 136 с.

5. Система охраняемых природных территорий Брянской, Калужской и Орловской областей. Карта масштаба 1:600000. М.: WWF России, 2002.

6. Новиков В.П., Могильнер А.А. Перспективные особо охраняемые и ключевые природные территории Калужской области // Вопросы археологии, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы X региональной научной конференции. Калуга: Гриф, 2003. С. 577—585.

7. Новиков В.П., Могильнер А.А. Перспективные охраняемые и ключевые природные территории в бассейне Угры.// Природа и история Поугорья. Вып. 2. Калуга: Полиграф-информ, 2001. С. 8—11.

РАЗЛИЧИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОЛОГИИ

***Л.А. Котуранов**, учитель, МОУ «Корекозевская средняя общеобразовательная школа» МР «Перемышльский район» Калужской области,*
ст. преподаватель, Институт социальных отношений Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского

Гуманисты исходят из предположения, что культура и природа — это два совершенно разных явления, противоположных друг другу. Но в информационной парадигме подобное разделение выглядит устаревшим. Культура — это новая версия природы: Природа 2.0.
А. Бард, Я. Зодерквист.
«Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма».

Каждые семь лет удваивается сумма человеческих знаний, каждые полтора—два года — мощность компьютерных процессоров. За последние 25 лет процессоры стали быстрее в три тысячи раз, оперативная память подешевела в 30 тысяч раз, а жесткие диски — в 3,6 миллионов раз [1]. Человечество все дальше и все быстрее входит в информационную эпоху своего развития. И вполне закономерно, что во второй половине 90-х годов XX века в разных городах нашей страны (Москве, С-Петербурге, Тюмени, Краснодаре, Кемерове, Калуге) специалисты самых различных отраслей знания (от кибернетиков до врачей-психиаторов) параллельно и независимо друг от друга пришли к мысли о необходимости выделения нового научного направления — информационной экологии. Эта независимость и практическая одновременность возникновения схожих идей подтверждают объективность и закономерность процесса рождения и права на дальнейшее существование новой науки.

Как известно, смена исторических эпох (парадигм) неизбежно сопровождается коренным изменением традиционно сложившейся системы понятий во всех без исключения сферах деятельности человека. И тот, кто не успевает своевременно этого сделать, оказывается на обочине процесса исторического развития, превращаясь в маргинала.

При этом требуются именно качественные, а не количественные изменения. Мало просто добавить вновь открывшиеся факты к уже известным, необходимо перестроить саму систему представлений, само мировосприятие и миропонимание. Процесс перестройки оказывается крайне болезненным для личности, но чем быстрее сумеешь это сделать, тем лучше сможешь адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Мир в информационную эпоху становится чрезвычайно динамичным: в политике, экономике, науке и технике скорость изменений всё нарастает, стабильность остается в прошлом. Статическое равновесие становится недоступным для современного общества, возможным оказывается лишь динамическое. Поэтому, если в индустриальном обществе главной характерной ценностью было потребление товаров, то в информационном такой ценностью становится время.

Главной отличительной чертой информационной эпохи является приоритетность информации по сравнению с иными ресурсами социального развития, а человечество привыкло к приоритетности материально-энергетических ресурсов во всевозможных оценках и прогнозах, и наше сознание противится произошедшей смене приоритетов.

Чего же можно ожидать в данном контексте от информационной экологии? Она ещё настолько молода, что ученые пока не сумели прийти к общему мнению даже в вопросе, что является предметом изучения этого научного направления — на сегодняшний день существуют два основных подхода. Сторонники первого — авторы монографии «Информационная экология» [2], ученые из Всероссийского института научной и технической информации РАН, считают, что это процесс взаимодействия человека (как субъекта) и информационной среды. А проф. В. А. Шапцев, директор Института информационных технологий (г. Тюмень), использует значительно более широкий подход и определяет информационную экологию как научное направление, занимающееся изучением информационного компонента взаимодействия биологических систем между собой и с окружающей средой [3]. Соответственно, в информационной экологии выделяется ряд разделов:

— информационная экология человека;
— информационная экология социума;
— информационная экология флоры;
— информационная экология фауны;
— информационная экология недр.

И этот перечень далеко не полон, его можно продолжать.

Такая неопределенность в подходах вполне объяснима, так как и с базовым понятием «информация» та же проблема. По мнению одного из крупнейших отечественных специалистов в этой области — А. Урсула [4], сегодня невозможно дать одно полное определение информации, поскольку неопределенность интерпретации информации есть следствие того, что понятие это бурно развивается. Можно выделить два противостоящих друг другу подхода:

«атрибутивная концепция» — информация считается неотъемлемым атрибутом материи;

«функционально-кибернетическая концепция» — информация рассматривается как неотъемлемый элемент, функция самоуправляемых (технических, биологических, социальных) систем.

Соответственно существует множество определений информации — от общепринятого «совокупность сведений, переданная людьми», до «функциональная совокупность знаковых систем, абстрагированных от природы их возникновения, которые воспринимаются теми или иными приемниками». При этом под «информационными знаковыми системами» понимаются «неоднородности распределения вещества и энергии в пространстве и времени». Можно предположить, что наиболее объективна позиция ученых, считающих, что всякое воздействие одной системы на другую связано с передачей информации. Таким образом, любое взаимодействие между объектами, в процессе которого один из объектов нечто приобретает, а другой, передавая, этого не утрачивает, называется информационным взаимодействием, а передаваемое — информацией.

В силу своей актуальности наибольшее внимание исследователей привлекают проблемы, связанные с информационной экологией человека. Одна из главных проблем заключается в том, что информация, неадекватно отражающая окружающий мир, воздействуя на психику человека, приводит к асинхронизации процессов мировосприятия. В результате процесс взаимодействия личности с окружающей средой (материальной, социальной, информационной) приобретает взаиморазрушающий характер. По мере нарастания интенсивности информационного воздействия на личность деструктивные последствия становятся все более и более значительными, следовательно, под угрозой оказывается как целостность и сохранность самой личности, так и стабильность всего общества. Но сумма угроз, которую может нести информационное воздействие, чаще всего игнорируется в силу сочетания двух факторов:

— во-первых, как уже указывалось выше, из-за ориентации прежде всего на материально-энергетические факторы воздействия;

— и, во-вторых, из-за неочевидного характера причинно-следственных связей между информационным воздействием и его результатами, отсроченности последствий по времени и кумулятивного эффекта информационного воздействия — способности незаметно накапливаться, а затем неожиданно проявляться.

В очень сложной ситуации оказывается система образования [5] — традиционный оплот здорового консерватизма, вбирающий в себя всё лучшее, апробированное обществом в процессе своего развития. Система образования по определению не имеет права «бежать впереди паровоза», но точно также не имеет права прекращать свое развитие, становясь косной и стагнирующей. Перед современным преподавателем встает сложнейшая задача — закономерно утратив в информационную эпоху исторически традиционную функцию основного источника учебной информации для учащихся, стать носителем знания, а точнее — ведения. Ведь только тот, кто ведает, то есть владеет информацией с полным её пониманием, в необходимом объеме и контексте, с возможностью её реального применения и динамичного уточнения по мере необходимости, сможет войти в элиту информационного общества. Удел всех остальных (незнающих — неведающих) — перманентное аутсайдерство. Следовательно, система образования должна обеспечить подготовку подрастающего поколения к жизни в условиях информационного общества.

В современной школе техническая составляющая процесса овладения ребёнком приёмами

и навыками работы с современными информационными технологиями (прежде всего, компьютерными) уже не вызывает особых затруднений. Реальную опасность представляют проблемы ухода в виртуальный мир в ущерб реальному и негативного воздействия электронных СМИ (преимущественно телевидения) на нравственную составляющую развивающейся личности, ее духовное здоровье. Как показывают данные многих исследований, всё большее распространение получают явления TV— и кибераддикции (болезненной зависимости от телевидения и компьютера) [6].

Причем эта зависимость не только психологическая, но и физиологическая. Немецкий ученый Р.Пацлаф утверждает, что мелькание ярких цветовых пятен на экране включает на подсознательном уровне механизмы ориентировочного рефлекса, приводящие к повышению уровня гормонального фона. В итоге организму требуются всё более сильные раздражители — краски ярче, звуки громче, смена картинки чаще (примером служит рваный, дергающийся монтаж музыкальных клипов) [7].

По результатам наших исследований большинство учеников проводит перед экраном в среднем 4—5 часов в день, а отдельные учащиеся и по 8—13 часов. Недаром педагоги, занимающиеся проблемами медиаобразования, называют СМИ «параллельной школой», неформальной образовательной средой, по интенсивности воздействия не уступающей, а зачастую и превосходящей формально организованную образовательную среду (в виде системы основного и дополнительного образования) [8]. К сожалению, результаты столь интенсивного воздействия оказываются не только позитивными:

— «мозаичность» сознания и фрагментарность мышления, то есть отсутствие способности к адекватному мировосприятию в результате несформированности в сознании целостной картины мира. Случайно полученная, обрывочная информация СМИ подменяет фундаментальные знания, обеспечивая феномен «псевдокомпетентности», когда «слышал» становится синонимом «знаю».

— «клиповое мышление» и преобладание визуального способа восприятия информации над аудиально-вербальным. В результате — неспособность удержать произвольное внимание дольше 3—5 минут при возрастной норме 20—25 минут (в старших классах), требование смены «картинки», неумение воспринять словесную информацию педагога.

— проблема самоидентификации. Весьма показательны результаты нашего опроса одиннадцатиклассников по методике американских психологов Кун и Марк-Портленд. Учащимся предлагалось ответить на вопросы: «кто я?» и «кто такие «мы», частью которых являюсь я?», написав несколько определений. В результате одиннадцатиклассники определили себя как «юношей» и «девушек», «сыновей» и «дочерей», как «учащихся школы», «любителей танцев», «любителей баскетбола», «любителей музыки», «фанатов «Спартака» и ЦСКА». Но практически никто не определил себя как «гражданина РФ», не заявил о национальной и конфессиональной принадлежности. А ведь правильная самоидентификация и осознание своей аутентичности определяют способность человека к стратегическому целеполаганию. При наличии подобной позиции возникают серьезные сомнения в их способности к стратегическому планированию, остается только тактическое и оперативное.

Понятно, что системообразующее и контролирующее начало в условиях крайней разнородности информационной среды отсутствует по определению. А семья, школа, общество не обеспечивают формирование социально-позитивной системы ценностей, не задают совокупности идеологических и этических норм, необходимых для формирующейся личности [9]. Альтернативные формальной образовательной среде источники информации (СМИ и микросоциум) зачастую оказывают деструктивное воздействие. Возможности изменения информационной и социальной среды практически неосуществимы, поэтому единственным реальным выходом видится личностное развитие ребенка, повышение уровня его информационно-коммуникативной и социально-психологической компетенции. В этом и смогут помочь педагогам исследования с использованием иноформационно-экологических подходов.

Литература

1. Малсид М., Вайз Д. Google. Прорыв в духе времени. М.: Эксмо, 2007.
2. Мизинцева М.Ф., Королева Л.М., Бондарь В.В. Информационная экология. М.: Типография Россельхозакадемии, 2000. 231 с.
3. Шапцев В.А. Информационная экология информационного общества // Информационная экология. Сборник статей. Материалы семинара «Информационная кампания по пропаганде экологических знаний в информационном обществе». М.: Высший химический колледж РАН, 2003. С.33—44.
4. Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке. М.,1975.
5. Валянский С.И. Теория информации и образование. Условия выживания России..М.: АИРО-XX; «Крафт+», 2005.140 с.
6. Котляров А.В. ДРУГИЕ НАРКОТИКИ, или Homo Addictus: Человек зависимый. М.: Психотерапия, 2006. 480 с.
7. Пацлаф Р. Застывший взгляд. Физиологическое воздействие телевидения на развитие детей. М.: evidentis, 2003. 224 с.
8. Медиаобразование, интегрированное с базовым: Опыт организации экспериментально-исследовательской работы коллектива школы № 858 ЮАО г. Москвы. Выпуск 1. М., 1999. 175 с.
9. Смолян Л., Зараковвский Г.М., Розин В.М., Войскунский А.Е. Информационно-психологическая безопасность (определение и анализ предметной области). М.: Институт системного анализа РАН, 1997.

КАЛУЖСКИЙ КРАТЕР

***В.П. Есипов**, ПК «Гео»*

Окрестности г. Калуги пережили длительную и сложную историю геологического развития. Эта территория находится в зоне глубинных разломов, зародившихся в самые ранние стадии образования земной коры, когда она состояла из отдельных плавающих островов в море полурасплавленного земного вещества. Эта ранняя стадия развития земной коры получила название «лунной» или «нуклеарной». Нуклеары — это кольцевые структуры-гиганты стабильных участков первородной земной коры. Калужский кратер расположен в зоне глубинных разломов, разделяющих два крупных нуклеара: Сарматский и Скифский. Сарматский расположен к северо-северо-востоку от Калуги, а Скифский — к юго-западу. Каждый из них имеет диаметр 1000 км. Зона разломов, разделяющая их, протягивается от Прибалтики до Нижней Волги (рис. 1).

Строение земных недр около Калуги состоит как бы из двух этажей: нижнего — кристаллического фундамента, залегающего на глубине около 1 км, и верхнего — т. н. осадочного чехла.

Древнейшие отложения, слагающие фундамент, представлены кристаллическими породами (гнейсами), относящимися к архейской эре (возраст более 2,6 млрд. лет).

В протерозойское время (эра первичной жизни, 2,6—1,9 млрд. лет назад) на всей этой территории происходит горообразование (Карельский орогенез). В этот период идет формирование разнообразных кристаллических сланцев, кварцитов, происходит внедрение магматических пород и изливаются на поверхность земли лавы.

После завершения горообразования в течение 1,3 млрд. лет горы под действием воды, солнца и ветра полностью разрушились и превратились в равнинную сушу. В районе Калуги 600—570 млн. лет назад из трещинных вулканов вновь изливается лава и идет образование красноцветных песчаников, конгломератов, глинистых сланцев и вулканических туфов. А затем наш регион на 200 млн. лет становится прибрежной равниной и эрозионные процессы продолжают выравнивать земную поверхность.

На этом древнейший этап развития местности закончился и наступило время образования осадочного чехла. Состав пород, слагающих эту километровую толщу и их чередование в разрезе свидетельствуют об изменениях в движении земной коры и климатических условиях, существовавших в нашем регионе в то или иное время. С середины девонского времени и до начала нижнекаменноугольного здесь плещется теплое мелководное море и идет образование известняково-доломитовых толщ с гипсом и поваренной солью.

Эту спокойную платформенную жизнь региона 380 млн. лет назад, в морсовско-мосоловское время, нарушает мощный взрыв, образовавший кратер диаметром 10 км, получивший в дальнейшем название Калужской кольцевой структуры.

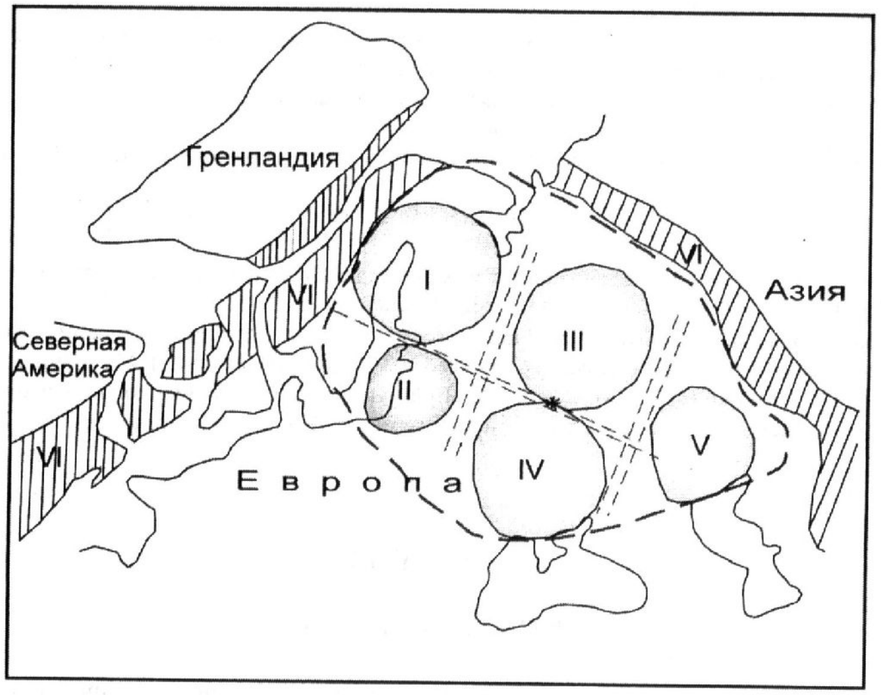

РИС.1 Геотектоническая ситуация
Европейского континента
380 млн.лет назад

Нуклеары: I - Свекофеннокарельский, II - Прибалтийский,
III - Сарматский, IV - Скифский, V - Прикаспийский.

VI - зоны раннекаледонской складчатости (Каледонский орогенез)

- зоны глубинных разломов

- Калужская структура

.- Граница древней Восточно-Европейской платформы

Основные особенности геологического строения Калужской структуры сводятся к следующему (Петров, 2003): кольцевая структура с центральным грабеном, кольцевым валом; несколько радиусов кольцевых разломов, как в фундаменте, так и в осадочном чехле; наличие брекчированных пород, как внутри кратера, так и снаружи, причем снаружи брекчия залегает кольцевой площадью вокруг вала. Брекчии делятся в основном на два типа: кристаллическую и осадочную. Кристаллическая состоит из обломков пород фундамента и, частично, осадочного чехла, причем — его подошвы. Распространена она широко внутри кратера и в виде небольших линз с внешней стороны его; мощность этих отложений обычно не более 50 м и только в единичных скважинах вскрыты мощности, превышающие 100 м. Интересен тот факт, что внутри кратера отложения имеют крупную глыбовую текстуру без мелких фракций. Осадочная брекчия развита как внутри кратера, так и снаружи. Состоит она в основном из известняково-доломитовых пород, полностью брекчированных, а затем сцементированных такими же по составу отложениями в условиях мелкого теплого моря. Цемент этой брекчии в разном количестве содержит мелкий обломочный материал пород кристаллического фундамента. Максимальное расстояние, на котором от кратера были встречены осадочные брекчии, достигает 10—15 км. Образование таких брекчий в основном связано с сейсмичностью этой зоны в момент взрыва и действием мощного цунами, который, несомненно, имел здесь место. Кроме вышеуказанных пород в зоне Калужского кратера в отдельных скважинах были вскрыты породы типа туфов и туффитов того же возраста, что и брекчии. Туфы и туффиты образуются не только при классических вулканических извержениях, но и при мощных взрывах, связанных с выбросом газов и падением крупных метеоритов. Калужские туфы, в основном, состоят из измененных частиц гнейсов — это

основная порода кристаллического фундамента около г. Калуги.

Основные точки зрения на природу Калужской структуры сводятся к следующим: диатрема — мощная воронка, возникшая от взрыва из глубин земной коры, падение космического тела («астроблема») и вулкано-тектоническая.

Диатрема — это конусообразное образование, уходящее в глубину земли на несколько километров и сложена кристаллической брекчией, сцементированной вулканическими породами (Бобров, 2006). Калужская структура внешне как бы и походит на такое образование, но имеются веские аргументы против такого происхождения — полное отсутствие типичных вулканогенных пород, слабая измененность (метаморфизм) первичных пород фундамента, отсутствие какой-либо минерализации, что указывает на низкую температуру газов.

Астроблема — кратер от падения крупного небесного тела (Боровкова, 1972; Масайтис, 1973). По многим морфологическим признакам, с определенной натяжкой, Калужская кольцевая структура подходит под метеоритное происхождение. Основным доводом в пользу такой трактовки ее происхождения ставится диаплектовое изменение породообразующих минералов обломков пород брекчий, являющееся характерным признаком ударно-взрывного действия. Такая односторонняя трактовка изменений породообразующих минералов недопустима, т.к. ударно-взрывные процессы могут иметь разную природу. Но, главное, механизм образования «астроблем» не может объяснить геологические процессы, которые происходили внутри кратера в течение 100 млн. лет после его возникновения. Внутри кратера наблюдается полный разрез нижнекаменноугольных отложений, а также образования среднего карбона, представленные верейским и каширским горизонтами. Отложения среднего карбона вблизи структуры не наблюдаются. Общее залегание пород внутри кратера мульдообразное с падением к его центру. В некоторых частях кратера наклон залегания пластов нижнекаменноугольных пород достигает 11^0 и более, что не характерно для данного региона. Такое положение пород, образовавшихся после возникновения кратера, говорит о том, что в течение последующих 100 млн. лет внутри кратера шли процессы втягивания (всасывания) перекрывающих отложений внутрь земной коры.

Гипотеза вулкано-тектонического происхождения структуры наиболее привлекательна и имеет много положительных доводов в пользу ее существования. В период замирания магматической деятельности в зонах поздней тектонической активизации эпиплатформенных образований возникают эксплозивные взрывы (выбросы) к поверхности земли. В начале палеозойской эратемы Восточно-Европейская (Русская плита) платформа находилась на этой стадии своего развития.

Эксплозивные выбросы низкотемпературных газов в пределах довольно активных и долгоживущих вулкано-тектонических зон — явление обычное и их масштаб очень варьирует. Одно из таких небольших образований четвертичного времени недавно обнаружено в пределах Северо-Байкальской зоны глубинных разломов.

Калужскую кольцевую структуру необходимо относить к значительным природным объектам, возникшим в центре крупной, по масштабам всей планеты, Восточно-Европейской платформы. Какова геологическая предистория развития этой территории до образования кратера, с определенной точностью сказать нельзя из-за малого количества глубоких скважин, пробуренных внутри кратера и, особенно, за пределами внешнего вала, в так называемых кольцевых депрессиях.

Основным оценочным критерием вулкано-тектонического происхождения Калужской структуры является ее приуроченность к зоне глубинных трансформационных разломов Восточно-Европейской платформы, протянувшихся от Нижней Волги до Балтийского моря. На современной геотектонической карте этот разлом показан красным цветом, указывающим на то, что он живой (действующий) на данный момент, это косвенно подтверждают зоны эманации глубинного гелия вдоль его простирания.

Чтобы понять, что спровоцировало прорыв остаточных магматический газов на поверхность земли в данном месте, необходимо взглянуть на геотектоническую ситуацию вокруг Восточно-Европейской платформы 380 млн. лет назад. С этим временем связана начальная стадия образования суперконтинента Пангеи. Происходит процесс сталкивания (слипания) Европейского континента с Северо-Американской и Западно-Азиатской платформами. В зонах стыковки шло горообразование. К этому времени относятся современные горные

системы: Тиманский кряж, Западный Урал (Россия), Скандинавские горы (Норвегия), Северо-Шотландское нагорье (Великобритания), Аппалачи (Сев. Америка) и острова Гренландия, Ньюфаундленд, Шпицберген. Этот процесс горообразования получил название Каледонского орогенеза. При сталкивании материковых плит сильное сжатие испытала и вся Восточно-Европейская платформа, точнее, поверхностная часть земной коры, в том числе и Калужская земля. Параллельно со сжатием происходит раскрытие глубинных разломов, перпендикулярных к осевым линиям горообразования. Именно такое простирание имеет зона глубинных разломов, проходящих по Калужской области по линии г.Тула—п. Дугна—г. Калуга—п. Мятлево и далее на северо-запад в Прибалтику. Вышеуказанные причины и наличие около г. Калуги в нижних слоях земной коры остывающего магматического очага, над которым скопились остаточные низкотемпературные газы и привели к газовому выбросу (эксплозии) на поверхность земли. По-видимому, давление газа было невелико и только отдельные струи по наиболее ослабленным участкам смогли вырваться на поверхность с достаточной силой, чтобы образовать небольшие участки, покрытые кристаллической брекчией за пределами вала, а основная масса осталась на месте, внутри кратера. После выхода газов на поверхность внутри земной коры создался определенный вакуум, который затем в течение 100 млн. лет заполнялся вышележащими породами. Этим и объясняется тот факт, что внутри кратера в настоящее время наблюдаются породы среднего карбона, а вокруг его на расстоянии до 30 км они отсутствуют.

Таким образом, Калужский кратер образовался на месте прорыва остаточных магматических газов из недр Земли в начальный период образования суперконтинента Пангея в условиях раннекаледонского орогенеза.

Литература

Бобров С.П. Тектоника и минерагения Калужской области и прилегающих к ней территорий. Калуга, 2006.

Гаврилов В.П. Загадка геотектоники. М.: Наука, 1988.

Историческая геология. — М.: Недра, 1986.

Кац Я.Г., Козлова В.В. и др. Кольцевые структуры Земли: миф или реальность. М.: Недра, 1989.

Масайтис В.Л. Астроблемы на территории СССР // Советская геология. № 11. 1975.

Петров В.Г. Геологическое строение и полезные ископаемые Калужской области. Калуга, 2003.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ОБРАЗОВАНИЯ КАРСТОВЫХ ВОРОНОК НА ТЕРРИТОРИИ СТОЛПИЦКОЙ ЗАСЕКИ (КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ, КОЗЕЛЬСКИЙ РАЙОН)*

***М.П. Жидков**, к.г.н., с.н.с., **Э.А. Лихачева**, д.г.н., главн. н.с., **А.И. Евина**, к.г.н.,*
Институт географии РАН

В Калужской области довольно широко распространены карстовые формы рельефа. В.А.Кубаткин (2006 г.) отмечает обширные карстовые поля на правобережье реки Болвы и в верховьях Рессы, карстовые воронки в районе Мещовска. По данным А.П. Пронина и соавторов (Калужская …, 2005) карстовые воронки широко распространены в центральной и юго-восточной частях Калужской глубинной кольцевой структуры (северо-западнее Калуги). В районе пос. Дугна (40 км восточнее Калуги) встречаются воронки размером 40х30 м и глубины 7 м, крупные слепые овраги. Тем не менее, воронки, встретившиеся нам на территории Столпицкой засеки (правобережье реки Жиздры, юго-восточнее Козельска), были неожиданны не только своими размерами. Они характеризуются классическим строением и связью с морфоструктурным строением района, но что особенно интересно — еще предположительной связью с условиями засечной полосы. Более того, исследователями

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 07-05-00163)

отмечается, что в Сухиничском карстовом районе, на периферии которого и находится рассматриваемая территория, карст выражен довольно слабо (Чикишев, 1978). По этим причинам было решено рассказать об этих геоморфологических объектах.

Козельский район располагается на южном склоне Московской синеклизы. Долины Песочной и Сосенки — на южной окраине Козельского локального поднятия, в сводовой части которого нижнекарбоновые пласты (упинский маркирующий горизонт) подняты на абсолютную высоту 160—170—185 м, или на 77 м относительно смежных территорий (Петров, 2003, с. 242). Нижнекарбоновые отложения представлены известняками с прослоями бурого угля, разрабатывавшегося прежде в районе пос. Сосенский. На известняках в рассматриваемом районе лежат верхнемеловые пески — тонкозернистые с зеленоватым оттенком, обусловленным примесью глауконита. Они относятся к сеноманскому ярусу и характеризуются мощностью до 8—13 м на водоразделах (Петров, 2003).

Рассматриваемая группа воронок находится в бассейне реки Песочной, притоке Грязны, впадающей в Жиздру, а также на водоразделе Песочной и Сосенки (рис. 1) и попадает в границы Столпицкой засеки, положение которой было определено по работе М.В. Бобровского (2002 г.). Самая крупная воронка была обнаружена в 1,2 км западнее моста через речку Песочную (шоссе, Козельск—Белев), непосредственно западнее урочища Городок, на участке, где река резко меняет свое направление с субширотного на юго-западное (№ 1 на рис. 1). Она находится в 150 м севернее русла Песочной, на надпойменной террасе высотой около 10 м (около 160 м абс. выс.). Диаметр воронки примерно 50 м (по верху). На дне небольшое озерко, урез которого в начале июня был около 155 м, а в октябре — 153 м; его

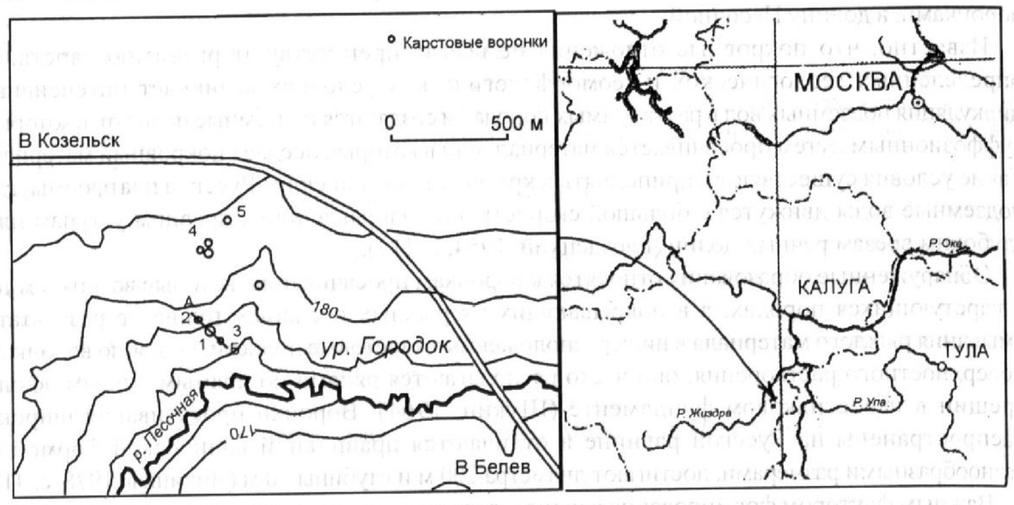

Рис. 1. Положение района на Русской равнине и расположение карстовых воронок в долине Песочной и на водоразделе Песочной и Сосенки. А-Б — положение профиля рис. 2.

диаметр, соответственно — 10 и 20 м. Вода в озерке застойная — водообмен замедлен. На склонах и вокруг воронки растут крупные сосны до 0,5 м и более в диаметре ствола. Первое визуальное впечатление — воронка похожа на карстовую, но образовалась в песке; карстующиеся породы в этом районе на поверхности не встречаются. В то же время в нескольких километрах севернее, в районе отработанных угольных шахт, воронки, подобные карстовым, связаны с провалами над угольными выработками. После того, как был обнаружен целый комплекс воронок, уверенность в их карстовом происхождении усилилась. С северо-запада к воронке № 1 подходит неглубокая, пологая и широкая ложбина, которая заканчивается в небольшом бессточном понижении с заболоченным дном (№ 2 на рис. 1). К юго-востоку от большой воронки находится другая — диаметром более 20 м и глубиной 5 м (№ 3 на рис. 1). Эти три разные воронки явно связаны с тектонической трещиной в известняках, вдоль которой заложилась пологая ложбина. Сток по ней направлен с двух сторон к большой воронке (профиль на рис. 2).

В 370—400 м севернее была встречена еще одна группа воронок (№ 4 на рис. 1), которые тоже сформировались в песке. Воронки диаметром 10—20 м и глубиной до 4 м лежат в

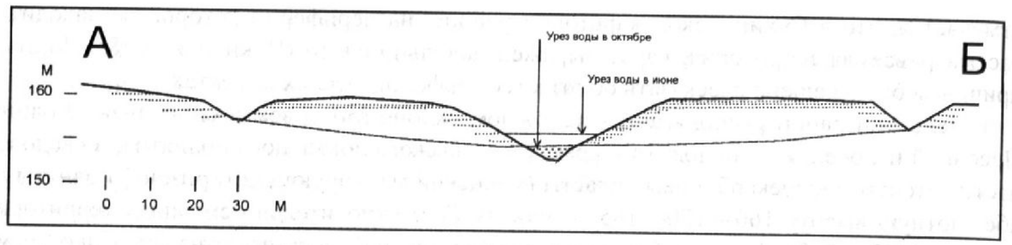

Рис. 2. Профиль через воронки вблизи реки Песочной.

ложбине юго-восточного направления. Еще в 100 м северо-восточнее располагается воронка диаметром более 20 м и глубиной 5 м, с понором на дне. Воронка заканчивает пологую ложбину, по которой с северо-запада в воронку весенней и ливневой водой принесены небольшие бревна и много веток. Понор в воронке завален ветками и сухими листьями, но, очевидно, даже большие объемы воды уходят через него беспрепятственно. Воронки находятся на высотах от 184 до 200 м и, вероятно, образовались вдоль трещины северо-западного простирания.

Во всех обнаруженных воронках наблюдаются признаки активных процессов. Одна воронка с открытым понором. В большинстве других воронок вода тоже не задерживается. На склонах воронок встречаются деревья, наклонившиеся или свалившиеся к их центрам. В долине Песочной на линии карстовых воронок имеются обильные выходы грунтовых вод и пойма заболочена. Вероятно, здесь происходит сброс подземных вод, собираемых воронками, в долину Песочной.

Известно, что покровные отложения не всегда препятствуют развитию карста. В определенных геологических и геоморфологических условиях возникает интенсивная циркуляция подземных вод в растворимых породах и создаются подземные полости, в которые суффозионным путем просачивается материал, или в которые оседает покровный материал. Такие условия существуют в приподнятых краевых зонах синеклиз Русской платформы, где подземные воды движутся с большой скоростью по направлению к древним уступам или глубоким врезам речных долин (Гвоздецкий, 1954, с. 112).

Обнаруженные образования относятся к воронкам просачивания, которые возникают не в карстующихся породах, а в покрывающих их рыхлых песчаных толщах в результате вмывания рыхлого материала в нижерасположенные карстовые полости. Подобно воронкам поверхностного растворения, они часто располагаются рядами по прямым линиям, вдоль трещин в известняковом фундаменте (Щукин, 1964). Воронки просачивания широко распространены на Русской равнине и отличаются правильной конической формой и разнообразными размерами, достигают диаметра 200 м и глубины 30 м (Чикишев, 1978, с. 41).

Важным фактором формирования воронок, вероятно, является тектоническая активность Козельского локального поднятия, с которым связаны наклоны пород, трещиноватость известняков и раскрытие трещин. Возможно, что некоторая тектоническая активизация Козельского поднятия произошла и в послеледниковое время. Пойма долины Жиздры по течению выше и ниже этого поднятия заболочена, но в районе поднятия заболоченность отсутствует или слабо развита, что предварительно может быть объяснено современными тектоническими поднятиями этого участка. Определенность может внести анализ высот и строения террас Жиздры. Следует отметить, что трещиноватость и разрывы северо-западного простирания характерны для всего этого района, а не только для Козельского локального поднятия и его периферии.

Детальными исследованиями (Диваков и др., 2004) подтверждена приуроченность карстопроявлений к геодинамическим зонам земной коры. В частности, отмечается, что в таких зонах возникают газовые эманации, развивается трещиноватость горных пород, разуплотнение и деструкция, которые в сочетании с гидрогеологическими факторами и приводят к возникновению карстовых процессов.

Формированию карстовых форм на рассматриваемой территории могли способствовать и засечные дубовые леса, сохранявшиеся здесь длительное время. Дело в том, что в умеренных широтах на карстовые процессы из всех активных агентов наибольшее оказывает

биогенный углекислый газ. Причем максимальная концентрация этого газа в почвах различных ландшафтов умеренных широт приходится на дубовые леса, где она в полтора раза больше, чем в смешанных лесах и в несколько раз больше, чем в степных (Дедков, Дедкова, 1974). Косвенным подтверждением данного предположения служит наличие карстовых воронок на смежной территории Тульских засек, расположенных восточнее Столпицких. По данным И.П. Пряхина (1960 г.), карстовые воронки в лесах Тульских засек многочисленны и тоже вытянуты цепочками северо-западного простирания.

Таким образом, формированию упорядоченной системы карстовых воронок, причем не только вблизи долин рек, но и на водораздельных пространствах, могли способствовать несколько факторов. Важнейшим является положение на краю Московской синеклизы и особенно на периферии Козельского локального поднятия, возможно, обусловившего активизацию трещин северо-западного простирания в карстующихся породах. Другим, менее явным и пока менее доказанным, но весьма вероятным, можно назвать ландшафты засечных дубовых лесов, существовавшие здесь длительное время.

Литература

Бобровский М.В. Козельские засеки (эколого-исторический очерк). Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2002. 92 с.

Гвоздецкий Н.А. Карст. М.: Географгиз, 1954. 351 с.

Дедков А.П., Дедкова И.А. Новые данные о роли климата в развитии карста (Обзор литературы) / Карст равнинных территорий Европейской части СССР. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1974. С. 136—143.

Диванов В.И., Неведров В.В., Борисенко Л.С., Запорожский В.Н. Карст и микрогеодинамика земной коры // Карстоведение — XXI век: теоретическое и практическое значение: Тез. докл. международного симпозиума (23—30 мая 2004, Пермь, Россия). Пермь: Пермский ун-т, 2004. С. 17—18.

Кубаткин А.В. Современные рельефообразующие процессы как индикатор геоморфологической составляющей геоморфологического каркаса Калужской области //Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XI Всероссийской научной конференции 5—7 апреля 2005 г. Калуга, 2005. С. 292—294.

Петров В.Г. Геологическое строение и полезные ископаемые Калужской области. Калуга: «Эйдос», 2003. 440 с.

Калужская глубинная кольцевая структура (КГС) как «труба дегазации» на Русской платформе / Сейсмоактивные флюидо-магматические системы Северного Кавказа. М.: Ин-т физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, 2005. С. 22—32.

Пряхин И.П. Тульские засеки (естественноисторический очерк и предпосылки к подъему культуры лесоводства в засеках). М.-Л.: Гослесбумиздат, 1960. 127 с.

Чикишев А.Г. Карст Русской равнины. М.: Наука, 1978. 191 с.

Щукин И.С. Общая геоморфология. Т. II. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 564 с.

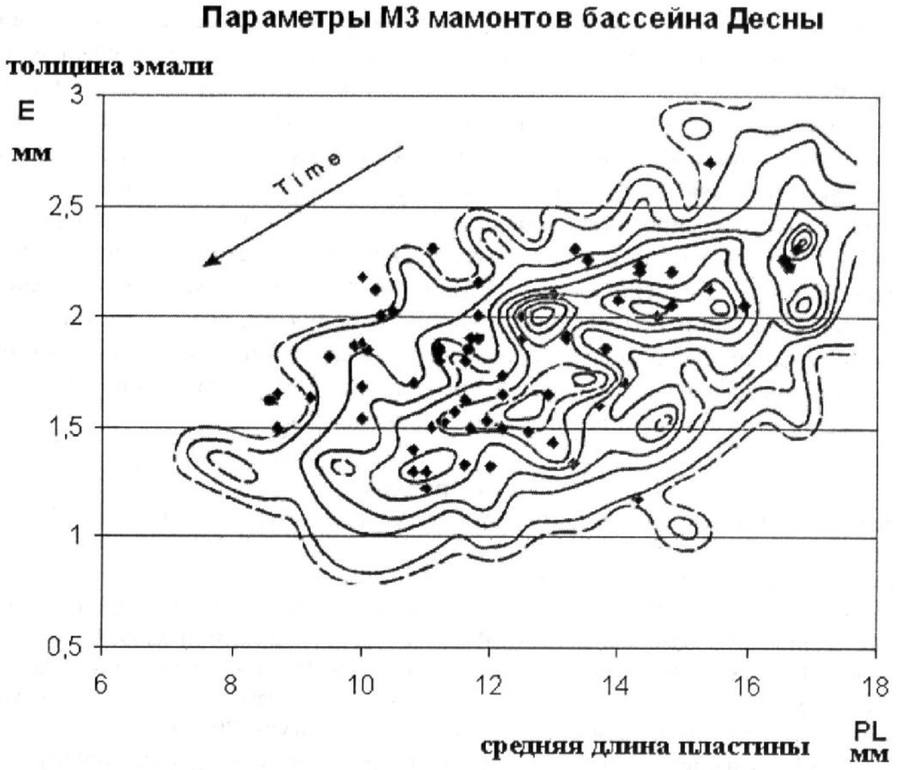
О СУДЬБЕ ФИЛЕТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ *MAMMATHUS* В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ДЕСНЫ

***А.А. Чубур**, к.и.н.,*
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского

Как известно, эволюция рода *Mammuthus* наиболее четко и детально отслеживается по морфологии зубной системы. Она отражает, с одной стороны, необратимое укорочение длины эмалевого кармана и, с другой, адаптацию толщины эмали к трансформациям окружающей среды плейстоцена (толстая давящая эмаль — мягкие корма и относительно теплый и влажный климат, тонкая режущая — жесткие корма и суровый климат).

Изучена морфология зубов хоботных мамонтовой линии бассейна верхней Десны — 108 зубов (случайные находки, фауна палеолита в Хотылёво 1 и 2, Елисеевичей, Тимоновки, Супонево), включая 36 последней смены. Для интерпретации использована методика адаптивных пиков, разработанная И.В. Фороновой и А.Н. Зудиным (Foronova, Zudin, 1999, 2001). Наиболее информативны последние моляры.

Древнейшая в деснинском бассейне форма рода *Mammuthus* представлена зубом из карьера

ОАО «Штерн-Цемент» на р.Болве у г.Фокино. Его параметры соответствуют ранней относительно тонкоэмалевой форме *Mammuthus trogontherii* (средняя длина пластины PL — 17,4; толщина эмали E — 2,26 мм). По аналогии с трогонтериевыми слонами Кагальницкого карьера г.Азова, имеющими близкие характеристики М3 (Байгушева, Гарутт, 1987; Байгушева, Тимонина, 2001), он датирован ранним — началом среднего плейстоцена (доднепровское время). Прогрессивному подвиду *Mammuthus trogontherii chosaricus* (PL — 16,0—16,5; E — 2,2—2,3) принадлежат 2 зуба из того же карьера в Фокино. Они отнесены нами к интерриссскому потеплению, хотя нельзя исключать существования этого подвида вплоть до рубежа верхнего плейстоцена. Наконец, к адаптивному пику, толстоэмалевой переходной форме *Mammuthus intrermedius* Jourd (по нашим данным — микулинское межледниковье, по Фороновой и Зудину — интеррисс), принадлежат 4 зуба из Унечи, Фокино и палеолитического местонахождения Хотылево 1 (PL — 13,3—15,5, E — 2,0—2,25).

Ранняя форма мамонта (PL — 12,2—14,3) представлена несколькими адаптациями. К самой ранней — толстоэмалевой — отнесены зуб из покровных суглинков с.Любохна (E — 2,0) и два зуба из Хотылёво 1 (E — 2,15—2,3). Датироваться они могут также Микулинским временем, либо интерстадиалами Валдая I (Аммерсфорт или Брёруп). К адаптивному пику, близкому к усредненным Э.А. Вангенгейм параметрам раннего *Mammuthus primigenius*, отнесены 2 зуба (Брянск, Лопушь). Эмаль их также давящая (E — 1,65—1,86), и потому при датировке Валдаем I отнести их к пикам стадиальных фаз невозможно.

Поздняя форма мамонта (PL — 8—12) представлена также преимущественно толстоэмалевым фенотипом. Средневалдайская адаптация *Mammuthus primigenius cf. jatzkovi* (PL — 10,5—11,5; E — 1,6—2,1) — многочисленные останки из культурного слоя Хотылёво 2 — продолжала существовать и в ранних фазах Валдая II (период обитания Хотылево 2 — 22—24 тыс.л.н. по C^{14}). К этому же адаптивному пику относятся еще 2 зуба из Хотылево 1. Имеется и второй адаптивный пик, включающий зубы из Хотылево 2 (PL — 9,5—10,5; E — 1,6—2,1). Тонкоэмалевая адаптация поздней формы *Mammuthus primigenius* отмечена зубами из Тимоновки, Супонево, Юдиново и Елисеевичей (PL — 10,5—11,5; E — 1,3—1,7), ее формирование датируется максимальной фазой поздневалдайского похолодания, а продолжение существования — ранними фазами постмаксимума.

Три отдаленных друг от друга адаптивных пика, определившихся для зубов мамонта из раннепалеолитического местонахождения Хотылёво 1, подтверждают неоднократно звучавший

тезис о метахронности памятника (от домустьерского периода до развитого мустье).

Полиморфизм зубов из Хотылёво 2, где мы имеем два уже соседних адаптивных пика, может иметь совсем иное объяснение. Объектами охоты и собирательства на этой круглогодичной стоянке могли служить мамонты двух, сменявшихся в регионе сезонно, различных, параллельно существовавших популяций — менее прогрессивной местной, верхнедеснинской и более прогрессивной южной (Chubur, 2007). Обратим внимание на то, что PL мамонтов Тимоновки, Елисеевичей и «архаичного» пика Хотылёво 2 не отличается (10,5—12,5), адаптации определяются только изменением строения эмали. При этом более прогрессивный тонкоэмалевый *Mammuthus primigenius primigenius* (PL — 9,5—10,5; E — 1,1—1,5), характерный для пика похолодания и начала постмаксимума, на верхней Десне практически отсутствует, но имеется южнее на Сейме (Чубур, 2005), но его более ранний толстоэмалевый «двойник» формирует второй адаптивный пик для мамонтов Хотылёво 2. Таким образом, для позднего Валдая мы фиксируем в верхнем Подесенье не только эволюционную, но и популяционную изменчивость.

В целом, в верхнем Подесенье почти не представлены зубы тонкоэмалевых адаптаций. По всей вероятности, эта территория заселялась хоботными преимущественно в периоды межледниковий и интерстадиалов; во время похолоданий численность мамонтов в регионе заметно снижалась. Исключением в некоторой степени оказался лишь поздневалдайский стадиал, причем постоянное присутствие мамонта в регионе во время максимальной фазы похолодания маловероятно. Причины этого явления, скорее всего, лежат в непостоянной обеспеченности кормовой базы гигантских фитофагов.

В сравнении с Верхним Поочьем, материалы которого были проанализированы нами ранее (Чубур, 1998), бассейн верхней Десны отличается наличием значительного числа останков мамонтов, относящихся к интервюрмскому (средневалдайскому) потеплению, в то время как в Поочье в этот период популяция мамонта, вероятно, испытала депрессию, возможно, вплоть до полного исчезновения. Имеются в Подесенье и раннеплейстоценовые хоботные (Миндель-Рисс, а, возможно, и ранее), зубы которых в верхнем Поочье пока нами не зафиксированы.

Литература

Байгушева В.С., Гарутт В.Е. Скелет степного слона Archidiskodon trogontherii (Pohlig, 1885) из северо-восточного Приазовья // Труды Зоологического института АН СССР, т.168, Л., 1987. С.21—37.

Байгушева В.С., Тимонина Г.И. О раскопках скелета степного или трогонтериевого слона Mammuthus trogontherii (Pohlig, 1885) под Азовом в 1999 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999—2000 гг. Вып.17. Азов, 2001. С.27—38.

Чубур А.А. Мамонты Верхнего Поочья: особенности популяций и связь с палеолитическим человеком // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы VII конф. Калуга,1998. С.3—5.

Чубур А.А. Мамонт и мамонтовая териофауна Курского Посеймья // Проблемы палеонтологии и археологии южной России и сопредельных регионов. Ростов-на-Дону, 2005. С.111—113.

Chubur A.A. Paleontology, archeozoology and taphonomy of mammoth fauna of a site Chotylevo 2 (Excavations of 1994—2003) // Reports of IV International mammoth Congress. Yakutsk, 2007 (в печати).

Foronova I.V., Zudin A.N. The structure of the lineage Archidiskodon—Mammuthus in Eurasia and peculiarities of its evolution // Mammothsand the Mammoth fauna: Studies of an extinct ecosystem — Detnsea. B. 6. Rotterdam, 1999. P.103—118.

Foronova, I.V., Zudin, A.N. Discreteness of evolution and variability in mammoth lineage: method of group study // The World of Elephants. Proc. of the 1 Inter. Congr. Roma. 2001. P.109—114.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ВЫХОДЫ ПОДЗЕМНЫХ ВОД КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ: ИЗУЧЕННОСТЬ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

***В. И. Меленчук**, к.г.н., доцент,*

Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского

Естественные выходы подземных вод — родники — являются истоками множества ручьёв и малых рек, питают малые водоёмы, используются для водоснабжения.

Распределяются родники в пределах Калужской области неравномерно, что связано с геологическим строением территории. Разнообразие литологического состава дочетвертичных отложений, глубоко врезанные в их поверхность древние долины создают благоприятные условия для питания и разгрузки подземных вод. Водосодержащими породами дочетвертичных водоносных горизонтов являются пески, известняки, доломиты.

Родники в бассейне *р. Протвы и её притоков (Лужи, Дырочного, Истерьмы, Аложи)* являются источниками водоснабжения во многих деревнях и в некоторых городах (в Боровске и окрестностях более 15 родников, в Малоярославце и пригороде — более 30, в районе Обнинска — 15, Жукова — 4). Естественные выходы подземных вод берут начало в балках, на склонах речных долин и ручьёв. Некоторые из родников каптированы бетонными кольцами и деревянными срубами различных размеров, портомойками. Большинство родников являются выходами вод из материнского водоносного горизонта.

В бассейнах *р.р. Протвы и Нары* естественные выходы подземных вод можно различить по особенностям питания в том или ином водоносном горизонте. В бассейнах рек вскрываются в виде родников до 17 водоносных горизонтов: современный аллювиальный, верхнечетвертичный аллювиальный, водоносный московский аллювиально-флювиогляциальный, слабоводоносный московский водно-ледниковый, слабоводоносный московский моренный, слабоводоносный перекшинско-московский водно-ледниковый, водоносный перекшинско-московский водно-ледниковый, слабоводный перекшинский, сетуньско-перекшинский, миоценовый аллювиальный, волжско-аптский терригенный, подольско-мячковский карбонатный, каширский терригенно-карбонатный, нарский карбонатный, верейский терригенный, протвинский карбонатный.

Дебиты родников колеблются от 0,02 до 3,0 л/с, в отдельных случаях увеличиваясь до 10—15 л/с (родники в д. Коллонтай и в д. Бородухино). Практически все родники нисходящего типа. Единичные восходящие родники питаются водами нарского карбонатного горизонта.

В районе г. Калуги р.р. Яченки, Терепца, Киёвки, Калужки осуществляется дренаж до 10 водоносных горизонтов: современного аллювиального, верхнее-среднечетвертичного, московско-днепровского аллювиально-флювиогляциального, днепровско-окского аллювиально-флювиогляциального, аптского, протвинского, тарусско-окского, яснополянского, упинского, заволжского.

Дебит родников изменяется от 0,01 до 1—1,5 л/с, в единичных случаях увеличиваясь до 10—15 л/с (родник, питающий водозабор Турынинского карьера). Большая часть родников — нисходящего типа. Единичные восходящие родники получают питание в тарусско-окском, яснополянском и заволжском водоносном горизонтах.

Родники в бассейне *р. Угры и её притоков (Рессы, Течи, Извери, Шани)* являются источниками водоснабжения во многих деревнях. Естественные выходы подземных вод берут начало на склонах речных долин и ручьёв. Некоторые из родников каптированы бетонными кольцами различного диаметра (преимущественно 60 и 105 см).

В бассейне р. Угры естественные выходы подземных вод берут начало из 9 водоносных горизонтов: современного аллювиального, верхнечетвертичного аллювиального, московско-валдайского водно-ледникового, верхнемосковской ледниковой спорадически обводнённой толщи, нижнее-верхнемосковского водно-ледникового, михайловско-венёвского, алексинского, верхнетульского и яснополянского.

Дебиты родников из водно-ледниковых водоносных горизонтов обычно находятся в пределах 0,1—0,4 л/с; из михайловско-венёвского горизонта — 1,5—2 л/с. У д. Поповка расположен уникальный выход подземных вод из верхнетульского водоносного горизонта. Восходящий родник имеет дебит 200 л/с. Другие немногочисленные восходящие родники получают питание в михайловско-венёвском и верхнетульском водоносных горизонтах.

В бассейне *р. Жиздры* естественные выходы подземных вод берут начало из 6 водоносных горизонтов: современного аллювиального, верхнечетвертичного аллювиального, туронского, альб-сеноманского, упинского, заволжского.

Дебиты родников из водно-ледниковых водоносных горизонтов обычно находятся в пределах 0,1—0,5 л/с. Большая часть родников нисходящие. Встречаются единичные восходящие родники из заволжского водоносного горизонта.

По предварительным оценкам в пределах бассейна *р. Десны* на территории Калужской области известно более 30 естественных выходов подземных вод. Они берут начало в следующих

горизонтах и комплексах: современном аллювиальном, окском, сетуньско-донском водно-ледниковом горизонте, турон-сантонском карбонатном, альб-сеноманском терригенном, неоком-аптском терригенном, алексинско-тарусском терригенно-карбонатном, бобриковско-тульском, упинском, озерско-хованском карбонатном. Их дебит варьирует от 0,01 л/с до 14 л/с.

Подавляющая часть родников Калужской области — нисходящего типа. В зависимости от водовмещающих пород и гидравлической связи между водоносными горизонтами минерализация и химический состав родниковых вод меняется от гидрокарбонатного-кальциевого и кальциево-магниевого с минерализацией менее 0,5 г/л до гидрокарбонатного кальциево-магниевого, гидрокарбонатного сульфатного и сульфатного кальциево-магниевого с минерализацией более 1,0 г/л.

В населённых пунктах Калужской области использование родниковых вод очень разнообразно. Традиционно родниковая вода использовалась для питьевых целей, хозяйственно-бытовых нужд (портомойки). Родниковые воды использовались при строительстве рыбных и пожарных прудов, прудов-холодильников. На запруженных родниковых ручьях строили мельницы-колотовки.

Некоторые из родников издавна служили объектами религиозного поклонения («Здоровец» в Березуйском овраге Калуги, монастырские родники, Пудов колодец, множество «Святых родников» и «Святых колодцев»).

Использовалась родниковая вода и для водоснабжения бань (Зелёный Крупец в Калуге, ключи «Старая баня» в Малоярославце).

В конце 1886 г. в Калуге был построен водопровод, снабжавший жителей родниковой водой. В конце XIX века был водопровод с родниковой водой и в Николаевском Черноостровском монастыре Малоярославца.

В 50—60-е годы XX в. большое значение приобрело родниковое водоснабжение для садовых товариществ и дачных участков. Отдельные родники получили промышленное значение. На их основе строились пищевые производственные цеха (хлебопекарни, производство газированных вод), осуществлялось водоснабжение молочных ферм.

По современному использованию и перспективам эксплуатации родники Калужской области можно разделить на следующие группы:

1. Родники, до сих пор используемые жителями для питьевого и хозяйственного водоснабжения. Множество их расположено в сельской местности. В Калуге это родники по улице Терепецкой и источники Подзавалья, источники в д. Ермолово, посёлке Азарово и целый ряд других. В районе Малоярославца — родники Петриха, Зык (Подзык) и ряд других. Есть родники этой группы близ Обнинска, Тарусы, Боровска, Мосальска, Думиничей. Большинство их каптировано железобетонными и деревянными срубами и трубами. Особый вид подобных родников — портомойки (портомойни или платьемойки) — используются для полоскания белья.

2. Родники, умирающие в результате интенсивного антропогенного прессинга (не используемые). В Калуге и окрестностях к источникам этой группы можно отнести родники в гаражах по улице 2-я Киёвка, родник в д. Секиотово. В Малоярославце это бывшие пожарные пруды, питавшиеся родниковыми водами, один из родников в овраге ручья Ярославки (сквер 1812 года). Восстановление большинства их нецелесообразно, за исключением единичных, выполняющих дренажные функции.

3. Естественные источники, используемые в религиозных (культовых) целях. В данную группу входят монастырские источники Тихоновой Пустыни, Оптиной пустыни, Пафнутьевского Боровского монастыря, Николаевского Черноостровского и Лавреньевского монастырей.

В эту группу входит и целый ряд других родников: под Калугой это «Гремучие святые» родники, «Святой колодец» в д. Калужке, родник в овраге по улице Заречной на Правобережье. В Малоярославце это родники, используемые, кроме питьевого водоснабжения, священно-служителями Карижской и Успенской церквей города (Карижски 1-й, Подзык).

4. Источники, представляющие интерес для промышленных целей. В Калуге промышленное значение имеет родник, находящийся на восточной окраине деревни Турынинские дворики. Он питает водозаборную установку Турынинского карьера. В Малоярославце — родник в районе бывшей «засолочной» станции. Здесь же расположен бывший цех по производству безалкогольных напитков. Перспективны единичные источники в Жиздринском районе — родник в д. Белый колодец, в Барятинском районе — Сельцовский родник, в Думиничском районе — Цветной (бывший Святой) колодец.

5. Источники, используемые в лечебных (бальнеологических) целях. Как правило, эти

источники обладают высоко минерализованной водой с повышенным содержанием железа, магния, серы. Подобные источники в Калужской губернии были описаны ещё в начале XX века Настюковым (1912 г.) и В. Г. Хименковым (1917 г.).

К минеральным водам относят подземные воды, богатые солями или растворённой углекислотой. В Калужской области естественные выходы с повышенной минерализацией наблюдаются в бассейне р. Угры (сероводородные источники — Резванский минеральный и у д. Росва, на левом берегу р. Росвянки, впадающей в Угру; железистые — Троица—Екатерининские источники в бассейне р. Течи) и в южных районах. Перспективы использования некоторых из этих источников только определяются.

б. Родники, представляющие интерес как природные объекты для школьных учебных экскурсий. К этой группе может быть отнесено подавляющее число родников вышеперечисленных групп. Главным требованием к подобным источникам является удобное расположение вблизи дорог и троп, по которым проходят туристические маршруты, а также уникальность или историко-религиозная значимость объектов. Одни из источников этой группы не имеют большого практического значения; другие же, наоборот, интенсивно используются для питьевого и хозяйственного, а иногда — и промышленного водоснабжения.

Многие из родников Калужской области являются уникальными природными объектами, интересными элементами ландшафтов. В школах в этом отношении необходимо проводить воспитательную и просветительскую работу, с использованием экскурсий на следующие темы: «Подземные воды Калужской области и их естественные выходы на поверхность», «История использования родников», «Родники и урбанизация». Своевременно создание кадастра родников и сводной карты родников Калужской области, проведение ландшафтно-родникового районирования. Заслуживает внимания вопрос и о расширении списка родников — памятников природы.

Литература

Атлас Калужской области. Калуга: Изд-во научной литературы Н. Ф. Бочкарёвой, 2005. 48 с.: карт., ил.

Кудрявцев Н. Геологический очерк бассейнов Десны, Жиздры и Болвы. СПб., 1890. 244 с.

Меленчук В. И. Родники городов и пригородов. К вопросу о естественных выходах подземных вод в бассейне Верхней Оки. Малоярославец, 2001. С. 183—206.

Меленчук В. И. Распределение, использование и гидроэкологическое состояние естественных выходов подземных вод в бассейне Верхней Оки // Автореф. дис. канд. геогр. наук. Калуга, 2001. 24 с.

Меленчук В. И., Корягин П. В. Естественные выходы подземных вод в бассейне реки Жиздра // Известия КОИП. Кн. 6. Калуга, 2004. С. 112—126.

Петров В. Г. Геологическое строение и полезные ископаемые Калужской области. Калуга, 2003. 440 с.

Семёнов В.А., Семёнова И.В., Меленчук В.И., Ларионов Е.А. Родники пригородов и городов Калужской области (на примере городов Малоярославца и Калуги). Калуга, 1998. С. 4—18.

Семёнов В. А., Семёнова И. В. Водные ресурсы и гидроэкология Калужской области. Обнинск: НПЦ «Технограф», 2002. 255 с.

Физическая география и природа Калужской области. Калуга: Издательство Н. Бочкарёвой, 2003. 272 с.

ОСОБЕННОСТИ ГИДРОЛОГИЧЕСКОГО РЕЖИМА ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ПРЕДЕЛАХ НП «УГРА»

А.Г. Косицкий, *к.г.н., н.с.*, ***Е.И. Ветрова***, *инженер*, ***М.Г. Гречушникова***, *к.г.н., м.н.с.*,
Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Е.С. Мосина, *Федеральное Государственное водохозяйственное учреждение «Центррегионводхоз»*

Главной особенностью особо охраняемых природных территорий (ООПТ) является серьезное ограничение или полное отсутствие хозяйственной деятельности. В полной мере данное ограничение распространяется на заповедники, однако в значительной степени оно относится и к национальным паркам. Поэтому режим рек и озер, бассейны которых

расположены в пределах ООПТ, можно считать фоновыми для соответствующих природных условий. Характеристики стока, химического состава таких водных объектов могут служить эталонами для выявления антропогенного влияния на другие водные объекты, расположенные в географической близости, но за пределами заповедников или национальных парков.

Настоящая работа посвящена исследованию водных объектов, находящихся на территории и за пределами национального парка «Угра». В работе использованы материалы двух экспедиций кафедры гидрологии суши географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова в НП «Угра», состоявшиеся в 2004 г. Первая из них проходила зимой в рамках зимней экспедиции научно-студенческого общества (НСО), а вторая — летом в качестве производственной практики студентов 3—4 курсов. Исследования в большей степени касались Жиздринского участка НП «Угра».

Основными направлениями исследований были:

1) выявление условий формирования стока воды рек и ручьев;

2) изучение условий формирования химического состава воды рек и ручьев;

3) наблюдение за водным режимом пойменных озер.

Объектами исследования были: р.Жиздра; ее притоки, впадающие на участке от устья р.Вытебеть до г.Козельска; озера, расположенные на пойме р.Жиздры. Следует отметить, что, за исключением р.Жиздры, все исследуемые водотоки являлись малыми реками или ручьями.

Проведенные исследования на реках Российской Федерации [1] показали, что средние многолетние и характерные расходы воды средних рек находятся в тесной зависимости с их порядками, определяемыми методом А.Шайдеггера как

$$N = log_2 P + 1 \quad (1)$$

Зависимости носят экспоненциальный характер:

$$Q = ae^{bN}, \quad (2)$$

причем при использовании в качестве Q средних многолетних или мгновенных расходов воды, относящихся к устойчивой фазе водного режима, параметр b всегда равен 0,69, а для определения параметра a необходимо в выражение (2) подставить значения Q и N в замыкающем створе и решить одно уравнение с одним неизвестным [2]. Для малых рек и ручьев фактические значения расходов воды могут значительно отличаться от полученных с помощью уравнения (2) вследствие азональности условий формирования их стока.

Используя результаты измерения расхода воды на р.Жиздре в г.Козельске зимой 2004 г., получена зависимость меженных расходов воды от порядков рек, соответствующая зиме 2004 г.:

$$Q = 0{,}0097e^{0{,}69N}. \quad (3)$$

Использование многолетних данных наблюдений на гидрологическом посту в г.Козельске [5] позволило привести данную зависимость к многолетнему ряду. В среднем за многолетний период расходы воды зимней межени рек бассейна р.Жиздры выше г.Козельска меньше получаемых по уравнению (3) в 1,2 раза.

Проведенные исследования зимой 2004 г. показали, что отклонения фактических расходов воды рек — притоков р.Жиздры от полученных с помощью уравнения (3) незначительны для тех водотоков, бассейны которых расположены в пределах НП «Угра», даже если речь идет о ручьях. Реки, формирующие сток за пределами национального парка, могут иметь расходы воды, отличающиеся от полученных с помощью данной зависимости (табл.1).

Небольшие отклонения характерны также и для р.Другуски, протекающей за пределами национального парка, однако ее порядок больше 6, а проведенные ранее исследования для бассейна Оки [3] показали, что, именно, начиная с 6 порядка, роль азональных факторов уступает место зональным, поэтому условия формирования стока таких рек более соответствуют условиям формирования средних рек, нежели малых.

Аналогичных результатов удалось достичь и во время летних исследований рек бассейна р.Жиздры. Однако, сложность подобных исследований в летний период заключается в том, что летняя межень, в отличие от зимней, не является устойчивой фазой водного режима,

Таблица 1.

Отклонения фактических и рассчитанных по уравнению (3) расходов воды рек и ручьев бассейна р.Жиздры зимой 2004 г.

Название водотока	Площадь бассейна F, км^2	Порядок водотока N	Расход воды, м^3/с		$\Delta Q = \frac{Q_ф - Q_з}{Q_ф}$ x 100
			Рассчитанный $Q_з$	Фактический $Q_ф$	
р.Трошенка	41,5	3,8	0,136	0,133	—2,3
руч. безымянный	7,10	1,0	0,019	0,022	12
р.Другуска	183	6,1	0,68	0,77	12
р.Лукосна	50,4	3,6	0,117	0,055	—110
руч.Чебчик	22,5	2,6	0,058	0,047	—24

Примечание. Бассейн р.Трошенки и руч. безымянного целиком расположены в пределах НП «Угра»

поскольку может прерываться дождевыми паводками. Поэтому были организованы наблюдения на водомерном посту «Отрада» р.Жиздры, после чего все измеренные расходы воды были приведены к одному уровню.

Согласно результатам гидрохимического анализа проб воды почти все исследуемые водотоки относятся к гидрокарбонатному классу кальциевой группы III типа. Исключение составляют руч.Чебчик, относящийся к I типу вод хлоридно-натриевого состава и р. Грязна, имеющая II тип вод гидрокарбонатно-кальциевого состава, где сумма гидрокарбонатов и сульфатов больше жёсткости.

В подавляющем большинстве исследуемых рек воды имеют среднюю минерализацию (200—500 мг/л). Сравнивая полученные данные можно условно разделить водотоки на группы по величине минерализации. К первой группе относится руч. Чебчик в устье (ΣU=966 мг/л), ко второй — реки Другуска и Лукосна (ΣU — 430 мг/л). Далее следуют группа рек с минерализацией 330 — 370 мг/л (руч. Чебчик на пересечении с автодорогой, р. Прорва и др.), 240 — 290 мг/л (р. Жиздра, Грязна и Ямная) и завершает список р. Трошенка с наименьшей минерализацией 173 мг/л. Отметим, что минерализация рек, впадающих в р.Жиздру с правого берега и не испытывающих антропогенных нагрузок (Трошенка, Ямная, ручей без названия, впадающий в р.Жиздру около базы Отрада, Чебчик на пересечении с автодорогой), значительно меньше, чем для левобережных притоков (Лукосна, Другуска).

Во всех реках, за исключением ручья, руч. Чебчика в устье, преобладающими ионами выступают гидрокарбонаты. В катионном составе доминируют ионы кальция. Исключение составили воды руч. Чебчик зимой, где преобладающими ионами были хлориды и ионы натрия. Аномальная минерализация и химический состав руч. Чебчик может объясняться протеканием последнего через военную базу, с которой возможны залповые выбросы загрязняющих веществ. Отметим, что во время летних исследований подобных аномалий обнаружено не было.

Старичные озера Жиздринского участка НП «Угра» условно подразделяются на 3 группы по характеру питания [4]. К первой группе относятся озера смешанного питания речными, талыми водами и атмосферными осадками (озера Желтое, Гороженое, Орешня, Ямное, Подкова, Княжское). Вторую группу образуют озера со смешанным питанием и значительной долей подземного; это Ленивое, Старая Речка–2. Озера Боровое и Трошенское относятся к третьей группе (озера смешанного питания с преобладанием речного и малой долей подземного).

Для озер первой группы характерна слабокислая или нейтральная реакция водной среды, низкое содержание сульфатов и хлоридов и малая минерализация (менее 150 мг/л). Озера второй группы характеризуются нейтральной реакцией водной среды, средней жесткостью

и средней минерализацией (> 300 мг/л). Озера третьей группы имеют также среднюю минерализацию (> 300 мг/л) и нейтральную реакцию водной среды. Однако, для них характерно увеличение минерализации воды с глубиной.

Литература

1. Алексеевский Н.И., Айбулатов Д.Н., Косицкий А.Г. Масштабные эффекты изменения стока в русловой сети территории // География. Общество. Окружающая среда. Том VI. Динамика и взаимодействие атмосферы и гидросферы. М.: Изд. дом «Городец», 2004. С.345—374.

2. Косицкий А.Г., Айбулатов Д.Н., Ветрова Е.И., Мосина Е.С., Чалов С.Р. Особенности формирования речного стока в пределах особо охраняемых природных территорий //Эрозионные, русловые процессы и проблемы гидроэкологии. М., МГУ, 2004. С.110—117.

3. Косицкий А.Г. К проблеме выделения малых рек //Малые реки: современное экологическое состояние, актуальные проблемы. Междунар. науч. конф. Тольятти, 2001. С.108.

4. Пойменные озера Жиздры. Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2002. 64 с.

5. Ресурсы поверхностных вод СССР. Основные гидрологические характеристики. Т. 10. Л.: Гидрометеоиздат, 1979. 770 с.

НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ОСВОЕНИЯ БОЛОТ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. М. Волкова, *к.б.н., Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого*

Болота являются уникальными экосистемами, выполняющими в природе ряд важнейших функций. Они участвуют в глобальном цикле круговорота углерода, сохранении биологического разнообразия, регуляции гидрологических процессов. Однако антропогенное влияние снижает биосферную ценность болотных экосистем, поскольку приводит к нарушению функциональных связей в системе «вода — растительность — торф».

Наиболее интенсивной антропогенной нагрузке в процессе хозяйственной деятельности человека подверглись регионы с высокой заболоченностью (Торфяные ресурсы.., 2001). Слабозаболоченные регионы, к которым относится Тульская область, пострадали в меньшей степени, однако болотные экосистемы испытали не меньший пресс воздействия человека.

На территории Тульской области обнаружено более 200 болот общей площадью около 1600 га (Волкова и др., 2003; Волкова, Румянцева, 2006). Болота различаются по положению в рельефе (водораздельные и пойменные) и типу водно-минерального питания (эвтрофные, мезотрофные и олиготрофные). Наибольшую площадь занимают пойменные эвтрофные болота. Водораздельные (карстовые) эвтрофные и мезотрофные болота характеризуются меньшей площадью. Олиготрофные болота, образованные в суффозионных понижениях на водоразделе и террасах, встречаются крайне редко.

Вследствие низкой заболоченности болота не были объектами целенаправленной разработки продолжительное время — до 20—30-х гг. XX века они использовались крайне редко, для частных нужд (табл. 1). К этому времени относятся первые научные исследования, свидетельствующие о роли болот в сохранении биоразнообразия (Семенов, 1851; Флеров, 1908; Розен, 1916; Скворцов, 1949), а также начальные этапы их освоения как сенокосных и пастбищных угодий и с целью использования торфа. Активным процесс разработки торфяных залежей стал в 30—40-е гг., когда добыча торфа увеличилась с 700 т. в 1938 г. до 44 253 т. в 1944 г. В этот период торф использовали в основном как энергетический ресурс (топливо) и в качестве удобрения.

Промышленный интерес к болотам как источнику торфа появился в 50—70-х гг. прошлого века. Это способствовало организации разведки болот, в ходе чего было определено, что площадь болот Тульской области составляет 1 443,7 га с запасами торфа 4 472,6 тыс.т. (данные Росгеолфонда). В материалах работ того времени представлена подробная информация о глубинах, ботаническом составе и химических свойствах торфов (см. «Паспорта…» — архив Росгеолфонда), однако отсутствуют сведения о характере распространения болот, их

Таблица. 1.

Динамика интенсивности и характера использования болот

Период	Интенсивность использования	Характер использования
XIX в. — начало XX в. (20—30-е гг.)	низкая	добыча торфа на топливо ручным способом, как сенокос или пастбище на незначительных площадях
30—40-е гг. XX в.	средняя	организация разведки торфяных месторождений, добыча торфа на топливо, механизация использовалась редко подстилка для скота
50—70-е гг. XX в.	высокая	детальная разведка большинства торфяных месторождений, разработка болот, добыча торфа на удобрения (редко – на топливо) ручным и механизированным способами, интенсивное использование под сенокос и в качестве пастбища (в том числе – разработанных болот), редко – в качестве подстилки для скота
80-е гг. XX в. — настоящее время	низкая	разработанные болота заброшены, рекультивация отсутствует, добыча торфа не проводится, редко – использование частными лицами в небольших объемах на удобрения, влияние сенокошение и выпаса снижено в результате сокращения численности скота, использование для грязелечения, комнатного цветоводства (редко), сбора ягод.

приуроченности к элементам ландшафта, о составе и структуре болотной растительности.

Значительная часть обследованных болот в это время была осушена с целью добычи торфа. Мирное время и необходимость получения продуктов питания для населения переориентировали использование торфа: доля торфа, используемая на топливо, снизилась, однако возросло использование торфа в качестве удобрения на полях колхозов и совхозов. Эти годы характеризуются наиболее высокой интенсивностью использования болот. Тем не менее, в этот период были получены первые научные данные о заболоченности области, типах болот и их распространении, запасах торфа и его характеристиках (данные Росгеолфонда).

Начиная с 80-х гг., в связи с общим упадком в экономике, отмечено снижение интереса к разработкам болот, но при этом активно развиваются флористические исследования, позволившие выявить новые болотные виды (Алюшин, 1982; Шереметьева, 1999; Тарарина и др., 1998, 2001). Отсутствие денежных средств для эксплуатации болот обеспечило сохранность некоторых планируемых к разработкам болот, однако сняло всякую ответственность с торфоразрабатывающих организаций за рекультивацию уже разработанных объектов. В результате осушенные и выработанные болота сегодня представляют собой трансформированные ландшафты, нуждающиеся в восстановлении. Торф использовали как в качестве удобрения, так и для бальнеологических целей. Продолжалось использование болот в качестве сенокосных угодий, однако в гораздо меньших, по сравнению с предыдущими периодами, объемах. В настоящее время в связи с ростом фермерских хозяйств эта форма воздействия постепенно усиливает свое воздействие.

Болота, характеризующиеся ягодными ресурсами, постоянно испытывали рекреационную нагрузку в виде сбора клюквы и черники, однако эта деятельность не имела значительных объемов. Следует отметить, что после осушения некоторых болот урожайность болотных кустарничков снизилась (по свидетельству местных жителей, урожайность клюквы на Лупишкинском болоте в довоенный период была значительной, а после осушения и частичной разработки залежи — практически исчезла). Другие формы использования болот оказывали несущественное влияние на их состояние (табл. 1).

Начатая в 2001 г. инвентаризация болот, основанная на данных Росгеолфонда и собственных экспедиций, позволила не только обнаружить новые болотные экосистемы и более точно оценить заболоченность области, но и дать характеристику состоянию уже использованных болот, выявив последствия их освоения и направления восстановительного процесса.

Результаты инвентаризации показывают, что практически половина болот области (48%) находится в естественном состоянии и не была затронута хозяйственным воздействием (рис. 1). Большинство таких болот являются карстовыми и приурочены к широколиственным лесам. Значительная часть их не была обнаружена экспедициями Геологического Фонда и потому отсутствует в Кадастре болот Тульской области. В любом случае, использование таких болот было бы неэффективным, поскольку они имеют небольшие размеры (0,2—1 га, их суммарная площадь — около 60 га), а торфяные отложения могут быть представлены сплавиной (толщина 2,5—3 м).

Большая часть болот области (52%) подвергалась различным формам антропогенного воздействия. Следует указать, что среди нарушенных болот доминируют пойменные.

Проведенный анализ состояния различных болот позволил выявить корреляции между типом болот, характером проведенного воздействия, степенью деградации и современным состоянием экосистем.

Как было указано выше, наибольшему антропогенному воздействию были подвержены пойменные болота. Формы воздействия были различны:

1) осушение и разработка торфяной залежи;

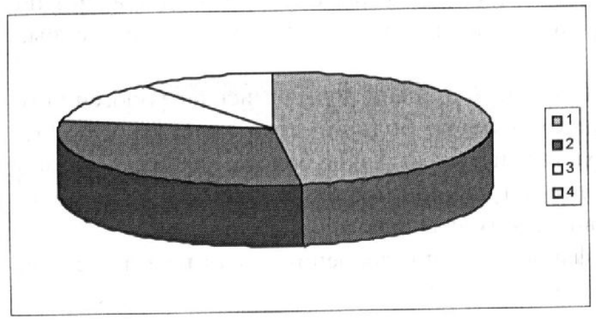

Рис. 1. Соотношение основных форм использования болот (% болот, подвергшихся различным формам воздействий)
1 — ненарушенные болота
2 — осушенные и разрабатываемые
3 — выработанные
4 — используемые как сенокосные угодья и пастбища

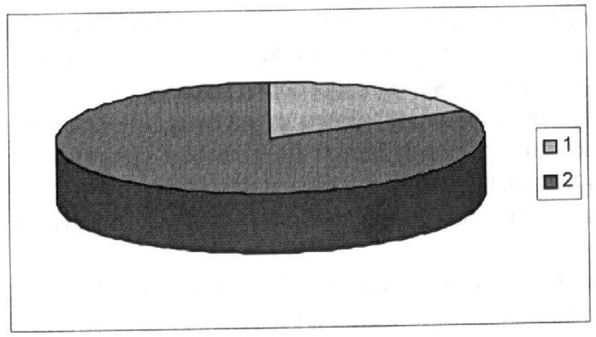

Рис. 2. Использование торфа осушенных, частично или полностью выработанных болот:
1 — топливо, 2 — удобрения.

2) использование в качестве сенокосных угодий;

3) выпас скота.

Современное состояние таких болот также различно, поскольку восстановление имеет разнонаправленный характер.

Среди нарушенных пойменных болот преобладают осушенные и выработанные торфяники (рис. 1), что связано с возможностью использования низинной торфяной залежи, характеризующейся высоким содержанием зольных элементов. Такой торф использовали в качестве топлива и удобрений (рис. 2). Результаты осушения и разработки торфяной залежи способствовали формированию каналов и копанцев, которые естественным образом зарастают с образованием ивовых, осоковых, камышовых, рогозовых сообществ. Глубокие обводненные карьеры зарастают сплавинами из ряски и многокоренника. На отвалах выбранного торфа поселяются рудеральные виды (малина, крапива).

Осушенные и выработанные пойменные болота могут быть естественным образом вторично обводнены в результате деятельности бобров. Это обеспечивает формирование обширных разливов (пондов) на поверхности торфяника, что снижает интенсивность эрозии и минерализации торфа. Поселение влаголюбивых видов способствует восстановлению болотной растительности.

Некоторые осушенные торфяники способны к самовозгоранию. Это возможно, если после осушения и ворошения (элемент подготовки для транспортировки) торф не был вывезен. Данный процесс был отмечен на Яковлевском болоте у д. Каньшино в течение многих лет.

В 2000 г. очаги возгорания были многочисленны и «пересушенная» залежь полностью сгорела, образовав пятидесятисантиметровый слой пепла. Восстановление растительности сопровождается формированием стадий «послепожарной» сукцессии: сообщества печеночных, затем зеленых мхов, далее — рудеральные ценозы.

Часть пойменных болот была использована под сенокошение и для выпаса скота, что также сопровождалось их осушением и обеспечило внедрение луговых видов. Отсутствие ухода за осушительными каналами способствовало их естественному зарастанию влаголюбивыми растениями и снижению обилия и жизненности луговых видов. Следует отметить, что на некоторых осушенных болотах в целях сохранения доли кормовых видов местное население организует ежегодный поджог травостоя, что приводит к ускоренной минерализации верхнего слоя торфа и снижению жизненности болотных видов. Возврат к исходному состоянию возможен после прекращения выжигания. Искусственное обводнение территории также будет способствовать снижению скорости «сработки» залежи и уменьшению обилия неболотных видов.

Проводимый на болотах выпас крупного рогатого скота обеспечил уплотнение торфа, что привело к «выпадению» многих водно-болотных видов и снижению видового разнообразия. Уменьшение поголовья скота, а в некоторых хозяйствах его полное истребление, обеспечили прекращение выпаса и частичное восстановление физических свойств верхнего горизонта залежи, что способствует постепенному восстановлению популяций исходных видов.

Необходимо отметить и другие формы использования пойменных болот (рекреация, охота, использование осушенной залежи частными лицами для комнатного цветоводства, др.), но они не оказывают столь существенного влияния на состояние болот, как рассмотренные выше.

Водораздельные и террасные болота в меньшей степени подверглись антропогенному воздействию. К водораздельным следует отнести большинство карстовых болот, характеризующихся мезо- и эвтрофной растительностью. Такие болота, как было указано выше, образованы в глубоких (до 12 и более метров) понижениях и занимают небольшую площадь. Основными формами воздействия на них являлись:

1) фрагментарное использование торфяной залежи (удобрения, подстилка для скота, комнатное цветоводство) и редко — сфагнового покрова;

2) сбор ягод.

В результате изъятия части торфяной залежи происходило формирование обводненных микропонижений, которые зарастали болотными видами трав (сабельник болотный, белокрыльник болотный, др.) и сфагновыми мхами. Более масштабное использование залежи обеспечило образование глубоких обводненных понижений, которые зарастают с образование осоковых и осоково-сфагновых сплавин.

Использование сфагновых мхов (для целей комнатного цветоводства, организации террариумов) не имеет больших объемов, однако отмечено в области. Восстановление «выбранных» участков основано на вегетативном размножении мхов, которыми зарастает нарушенный участок. Следует отметить, что данная форма воздействия приемлема при условии соблюдения периодичности использования участков для сбора мхов.

Сбор ягод на карстовых болотах также не является масштабным и не влияет на снижение жизненности популяций клюквы. Однако это сопровождается появлением тропинок и замусориванием болота, что увеличивает эвтрофикацию и в дальнейшем может изменить конкурентные отношения между растениями. Данный фактор наиболее важно учитывать на мезотрофных сплавинных карстовых болотах.

Олиготрофные болота встречаются редко. Они формируются в суффозионных понижениях, подстилаемых песками, как на склонах водоразделов, так и на террасах в Приокской части области. Такие болота характеризуются небольшими по глубине торфяными залежами (0,7—2,5 м) низинного или переходного типов. Разработке подвергались мелкозалежные болота, характеризующиеся доминированием низинных видов торфа, используемых в качестве удобрения. Образовавшиеся после выработок мелководные карьеры зарастают следующими сообществами (в зависимости от степени обводнения): кувшинковое — кувшинково-осоковое — осоково-сфагновое, а также тростниково-осоковое и осоковое. По отвалам торфа поселяются лесные виды.

Сбор ягод на болоте (клюква) и его окрайках (черника), как и в предыдущем случае, не имеет значительных объемов, однако следует учитывать опасность эвтрофикации.

Таким образом, на территории Тульской области, несмотря на низкую заболоченность, болотные экосистемы испытали на себе достаточно интенсивный антропогенный пресс на протяжении XX века. Период максимального освоения болот приходится на 50—70-е гг. Наибольшему и разноплановому влиянию подверглись пойменные болота, что связано со свойствами растительности и торфяной залежи. Наименее нарушенными являются водораздельные (карстовые) болота, занимающие небольшие площади и приуроченные к широколиственным лесам.

Целенаправленного восстановления болот в области не проводилось. Однако снижение интереса к разработкам болот обеспечило возможность зарастания осушительных канав и начало процесса естественного восстановления. Характер и направленность этого процесса зависят от типа болота, формы и степени его деградации.

Литература

Алюшин А.И. Растения Тульского края (Очерки растительного покрова). Изд.2-е Тула: Приок. кн. изд-во, 1982. 144 с.

Волкова Е.М., Бурова О. В., Вислогузова Д. В. Принципы районирования болот Тульской области // «Естественные и технические науки», 2003. № 4. С. 34—38.

Волкова Е.М., Румянцева Е.В. Особенности процесса торфообразования в Тульской области // Изв. Тульского государственного университета. Сер. «Экология и рациональное природопользование». Вып. 1. Москва—Тула: Изд-во ТулГУ, 2006. С. 277—286.

Розен В.В. Список растений, найденных в Тульской губернии до 1916 года // Изв. Тул. об-ва любителей естествознания. Тула, 1916. Вып.4. С.1—282.

Семёнов П.П. Придонская флора в её отношениях с географическим распределением растений в Европейской России. СПб., 1851. 148 с.

Скворцов А.К. О растительности реликтового болота близ г.Епифани // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 1949. Т.54, вып. 4. С.101—104.

Тарарина Л.Ф., Шереметьева И.С., Хорун Л.Ф. Реестр растительного покрова Тульской области. в 3-х т. Тула, 1998.

Тарарина Л.Ф., Шереметьева И.С., Хорун Л.В. Виды флоры области, нуждающиеся в охране // Материалы науч.-пр. конф. Экология XXI века в тульском регионе. Тула, 2001. С. 44—49.

Торфяные болота России: к анализу отраслевой информации (под ред. А.А. Сирина и Т.Ю. Минаевой). М.: ГЕОС, 2001. 190 с.

Флеров А.Ф. Новинки тульской флоры // Рус. бот. журн. СПб., 1908. № 5—6. С.243.

Шереметьева И.С. Флора Тульской области. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд.биол.наук. М., 1999.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ФЛОРЕ СРЕДНЕЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИХ ВВЕДЕНИЯ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ

***И.М. Калиниченко**, к.б.н.,*

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

За последнее время в нашей стране, как и во всем мире, растет интерес к архивным материалам. Этому способствует современное состояние архивного дела — открытость почти всех фондов, их общедоступность, возможность пользователя свободно распоряжаться найденной и полученной информацией, не забывая, однако, о личной (профессиональной и нравственной) ответственности за ее использование. Принятый в 2004 г. Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» четко регулирует отношения в сфере хранения и использования Архивного фонда страны.

Во «Второе дополнение» (Флора..., 2006) к основной библиографической сводке по флоре Средней России (Флора..., 1998) впервые включено со своей литерной нумерацией 29

Таблица 1

Архивные материалы, обнародованные во «Флоре Средней России…» (М., 2006)

№	Автор	Территория в современных границах
А1	Арнольди К.	Воронежская, Липецкая, Рязанская, Тамбовская обл.
А2	Доктуровский В. С.	Смоленская обл.
А3	Ильинский А. П.	Воронежская, Тамбовская обл.
А4	Ильинский А. П.	Тверская обл.
А5	Корнух-Троцкий	Республика Татарстан
А6	Кожевников Д. А.	Воронежская, Липецкая, Рязанская, Тамбовская обл., Республика Мордовия
А7	Колмовский А.	Владимирская обл.
А8	[Некрасова В. Л.?]	Липецкая обл.
А9	Овчинников П. Н.	Смоленская, Тульская обл.
А10	Ознобишин Ю. А.	Тамбовская обл.
А11	[Автор(ы) не установлен(ы)]	Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская обл., Республики Мордовия, Татарстан, Чувашия
А12	[Автор(ы) не установлен(ы)]	Республика Татарстан
А13, А14, А17	Федченко Б. А.	Калужская, Московская, Самарская обл.
А18	Федченко Б. А.	Смоленская обл.
А 19	Федченко Б. А.	Ярославская обл.
А20 — А26	Фонд Федченко Б. А.	Московская, Самарская, Тульская, Ульяновская обл.
А27	Хитрово В. Н.	Брянская, Липецкая, Орловская обл.
А29	Янишевский Д. Е.	Самарская обл.

архивных материалов, которые мной были найдены и проанализированы (всего 46 документов). Цель публикации — их обнародование и введение в научный оборот (табл. 1). Обнародование архивных и рукописных материалов считается формой их выхода в свет (Майстрович, 2004).

Все указанные документы хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (сокр. — ПФА РАН) — первом научном архиве России. Это крупнейший центр документации Императорской — Всесоюзной — Российской Академии наук на протяжении почти трех веков ее истории, имеющий, как и Архив РАН в Москве, статус научно-исследовательского учреждения РАН. В его фондах и коллекциях отложились документальные материалы по флоре и растительности России различных учреждений, организаций, экспедиций, фондообразователей и других лиц, сопричастных к ним. Фонды ботанической тематики пополнялись также документами из Ботанического музея (СПб), Рукописного отдела Библиотеки Академии наук (БАН) и др. Подробная информация содержится в недавно вышедшем в свет справочном издании этого архива (Фонды…, 2004).

В Архиве Ботнического института им. В.Л. Комарова РАН также имеются рукописные материалы среднерусской флоры (см., например, № 265 в: Флора…, 1998).

Флористические сведения могут быть в документах, хранящихся в региональных Государственных архивах. Интересующие флористов материалы могут отложиться в личных фондах, в фондах учреждений или самостоятельно. Поиск таких материалов следует проводить в первую очередь по «Путеводителям» по архивам. Вышедшие в свет «Путеводители» и годы их издания по субъектам РФ, территориально относящихся к Средней России, представлены в таблице 2. Приведены также хронологические рамки документов (тире после последнего указанного года предполагает поступление в архив новых документов). К сожалению, далеко не все регионы располагают достаточно полными «Путеводителями». Кроме того, некоторые из них, изданные в советское время, в значительной степени политизированы. Однако в настоящее время наметилась положительная тенденция к подготовке и изданию новых «Путеводителей», в которых представлен большой объем хорошо систематизированных документов, снабженных вспомогательными указателями (например, по Госархивам

Таблица 2

Путеводители по Государственным архивам Средней России

№ п/п	Субъект РФ	Год издания		Хронологические рамки документов
		по 1990 г.	с 1991 г.	
1	Белгородская обл.	нет	1997(1725—1779 гг.)	1701—1985 гг.
2	Брянская обл.	1957		1732—1984 гг.
3	Владимирская обл.	1916, 1959, 1979, 1982		1616—1981 гг.
4	Воронежская обл.	1961, 1987		1611—1985 гг.
5	Ивановская обл.	1962, 1967, 1980, 1986 (фил. в Шуе)		1577—1985 гг. 1918—1986 гг.
6	Калужская обл.	1985 (ДСП)		XVII в.—1985 г.
7	Костромская обл.	1962, 1964. 1981	2005	XV в.—1985 г.
8	Курская обл.	1928, 1958, 1972		1626—1985 гг.
9	Липецкая обл.	1986		1735—1985 гг.
10	Москва и Московская обл.	1931, 1962а, 1962б, 1983а, 1983б, 1985	1997, 1998а, 1998б, 1999—2000, 2002, 2004	XVIII в.— нач. 1990-х гг.
11	Нижегородская обл.	1967	2000	1716—1985 гг.
12	Орловская обл.	1973	1998	1614—1985 гг.
13	Пензенская обл.	1962		1603—1985 гг.
14	Республика Марий Эл	1983		XVII в.—1985 г.
15	Республика Мордовия	1960, 1975, 1988		1613—1982 гг.
16	Республика Татарстан	1967		1709—1984 гг.
17	Республика Чувашия	1971, 1989		1639—1983 гг.
18	Рязанская обл.	1959		XV в.—1985 г.
19	Самарская обл.	1969, 1971, 1980	2000—2001	1632—1985 гг.
20	Саратовская обл.	1984		1539—1983 гг.
21	Смоленская обл.	1961, 1987		1708—1985 гг.
22	Тамбовская обл.	1949, 1987		1609—1985 гг.
23	Тверская обл.	1956, 1960а, 1960б, 1970, 1977	1998	XIV в.—1985 г.
24	Тульская обл.	1968	2001	XVI в.—1985 г.
25	Ульяновская обл.	1957, 1966, 1988	2004	XVII в.—1985 г.
26	Ярославская обл.	1924, 1957, 1980		XIV в.—1984 г.

Орловской, Тверской и др. областей).

Занимаясь поисками архивных и рукописных материалов конкретного ученого, стоит обратить внимание на его биографию, так как интересующие документы могут оказаться не только в местном архиве, но и далеко за его пределами. Например, документы по флоре и растительности Орловского края В.Н. Хитрово имеются в Госархивах Орловской и Омской областей (см.: Калиниченко, 2006).

Учитывая, что административные границы субъектов РФ часто менялись, целесообразно просмотреть «Путеводители» по архивам сопредельных территорий.

Архивные материалы уникальны в силу своей единичности. При их обнародовании должен быть четко указан «адрес» их местонахождения — современное название архива (его общепринятая аббревиатура), фонд (разряд для коллекций), опись, дело (единица хранения или №), лист(ы). Точные сведения позволят пользователю найти документ для работы с ним.

Архивные документы являются важным дополнительным источником информации. Их надо шире вовлекать в научные исследования. В своем большинстве они хранят сведения из прошлого и, скорректировав их с современными данными, можно получить интересные и даже неожиданные результаты в изучении флоры и растительности.

Литература

Калиниченко И.М. О рукописи В.Н. Хитрово «Конспект флоры Орловской губернии» // Бот. журн. 2006.

Т. 91, № 11. С. 1760—1763.

Майстрович Т.В. Электронный документ как объект библиотечного дела. М., 2004, 247 с.

Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» // Отечественные архивы. 2005. № 1.. С. 3—19.

Флора Средней России: Аннотированная библиография / В.Н. Тихомиров, И.А. Губанов, И.М. Калиниченко, Р.А. Лозарь. М.: Рус. университет, 1998. 199 с.

Флора Средней России: Аннотированная библиография. Второе дополнение / И.М. Калиниченко, В.С. Новиков, А.В. Щербаков. М.: Т-во науч. изданий КМК, 2006. 78 с.

Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Крат. справ. / РАН. СПб. науч. центр СПб. фил. Архива РАН; Отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Нестор-История СПб. ИИ РАН, 2004. 375 с.

ВКЛАД В.Д. ЛУГАНСКОГО В ИЗУЧЕНИЕ ФЛОРЫ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГЕРБАРИЯ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)*

Н.М. Решетникова, *к.б.н., н.с., Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина РАН*
А.А. Шмытов, *методист,*
Калужский областной эколого-биологический центр учащихся
А.В. Крылов, *аспирант,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

В фондах Калужского областного краеведческого музея хранится гербарий В.Д. Луганского** (н/в 2232). Гербарий поступил в музей в феврале 1975 г. как дар от супруги В.Д.Луганского — Татьяны Никитичны; находки не были опубликованы ни самим автором сборов, ни после поступления в фонды музея. В 2006—07 гг. нами была проведен осмотр и проверка определения гербария В.Д.Луганского.

Коллекция насчитывает порядка 530 листов; по-видимому, это специально отобранные самые интересные находки. Гербарий собран в основном в 1923—37 гг., один образец датирован 1916 г. (В. Луганский и Г. Мельвиль) и, наконец, еще два — 1950 и 1951 гг. Все листы этикетированы, в хорошей сохранности. В процессе работы нами выявлен ряд уникальных сборов, цитируемых ниже. Необходимо отметить, что после выхода «Калужской флоры» А.Ф. Флерова (1907, 1912) и до второй половины XX века других подробных ботанических исследований области не проводилось — есть отдельные статьи А.Е. Жадовского (1912, 1913), Н.Л. Дмитриева (1919), В.Н. Козлова (1935) и немногочисленные сборы М. Караваева (MW). Данные В.Д. Луганского заполнили этот пробел.

Некоторые сборы, сделанные В.Д.Луганским, позднее никому не удалось повторить: **каулиния малая** [*Caulinia minor* (All.) Coss. et Germ. (*Najas minor* All.)]: озеро Бездон (Перемышльское) Перемышльского уезда, рассеянно, местами обильно, 26.07.1939; **осока струннокоренная** (*Carex chordorrhiza* Ehrh.): сфагновое болото около озера Бездон, д. Пустая Спас-Деменского района, дико, обильно, 7.08.1931. Этот вид ранее указан там же — у оз. Бездон — А.Ф.Флеровым (1912), но сборы отсутствуют. Позднее район обследовали Г.И. Пешкова и А.К.Скворцов, но в связи с осушением болота, вид, видимо, исчез; **ситовник желтоватый** (*Pycreus flavescens* (L.) Reichenb.): болотистая дорога в пойме Оки у д. Анненки Калужского уезда, дико, изредка, 14.07.1927 — Д.И. Литвинов (1895) указывал *P. flavescens* для р. Серены в окрестностях д. Шамордино; А.Ф. Флеров (1912) — для Жиздринского уезда и р.Серены. Гербарные материалы этих авторов обнаружить не удалось.

Луганский Виктор Дмитриевич (1904—1967)

Ряд адвентивных видов найден только В.Д. Луганским и позднее никем не был отмечен: **гусиный лук с покрывалом** (*Gagea spathacea* Salisb.): болото в Калужском городском бору за древесным питомником; дико; обыкновенно; 11.05.1924; **хруплявник большой** (*Polycnemum majus* R. Br.) железнодорожная насыпь северо-восточнее железной дороги близ хутора с/х техникума за Калугой, дико, обыкновенно, заносное, 10.08.1927; **марь остистая** (*Chenopodium aristatum* L.): насыпь Сызрано-Вяземской железной дороги, железная дорога за станцией Калуга близ хутора с/х техникума, дико, редко, 10.08.1927; **марь Шредера** (*Chenopodium schraderianum* Schult.): заброшенный ботанический участок Калужского с/х техникума — бывший работный дом, редко, одичалое (?), 1.09.1926; **смолевка вильчатая** (*Silene dichotoma* Ehrh.): в посеве клевера у д. Григорово Ромашковского с/с Перемышльского района, в посеве, сорное, 10.07.1935, Воротынское опытное поле Калужского (бывшего Перемышльского) уезда, заносное (?), изредка, 12.07.1927; **смолевка приятная** (*Silene amoena* L.): насыпь Сызрано-Вяземской железной дороги у села Никольского Тарусского уезда, дико, изредка, 06.10.1927 (опр. С. Ганешин 21.05.1929); **клевер мясо-красный** (*Trifolium incarnatum* L.): посев клевера у с. Никольского Тарусского уезда, занесенное, единично, 5.08.1923; хутор Калужского с/х техникума (бывший Черновский хутор) близ г. Калуги, клеверище, единично, заносное, 28.09.1925; **пажитник голубой** [*Trigonella caerulea* (L.) Ser.]: из семян коллекционного садика Бутырского хутора Московской губернии, посев в с. Авчурино Калужского уезда, 8.10.1925; **подмаренник ложный** (*Galium spurium* L. *var. spurium*): в посеве льна села Булатово Козельского уезда, сорное, дико, обыкновенно, 27.07.1926 — типовая разновидность, плоды голые! Во «Флоре…» П.Ф. Маевского (2006) указывается только во Владимирской губернии, где рос в начале XX века.

Позднее в области никем не были отмечены некоторые редкие сорно-полевые растения: **овес щетинистый** (*Avena strigosa* Schreber): у д. Торбеево Козельского района, в посеве овса, сорное, дико, редко, 11.07.1935; у д. Куприяново Мятлевского (б. Юхновского) уезда, в посеве овса, сорное, изредка, занесенное (?), 7.09.1928 — до сих пор единственный сбор этого вида в Калужской области был сделан М. Караваевым в Мещовском уезде в 1925 г. (MW); **костер растопыренный** (*Bromus squarrosus* L.): песчаный склон к р. Оке под Бобруйским артиллерийским складом близ Калуги, дико, единично, 4.07.1927; железнодорожная насыпь за Калугой близ дороги на Грабцево Калужского уезда, дико, изредка, занесенное, 17.07.1927 — экземпляры были определены как *B. patulus* — указан для области (Скворцов, 2006), но, по-видимому, сборы относились к *B. japonicus* Thunb.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (гранты 07-04-01503, 07-04-96432-р_центр_а) и программы Президиума академии наук РАН «Биоразнообразие и динамика генофондов».

**Виктор Дмитриевич Луганский родился в 1904 г. в селе Авчурино Ферзиковского района в семье священника. Увлекался биологией и историей. Закончил Калужское реальное училище. Продолжить образование в вузе не смог из-за записи в графе происхождение: «из семьи священника». Служил в армии (84 артиллерийский полк), после чего закончил Калужский сельскохозяйственный техникум и до 1941 г. работал в Земотделе Перемышльского района. Заочно (один год — очно) обучался в Московском институте инженеров механизации по специальности «Мелиорация». Участник Великой Отечественной войны, имел награды. С 1945 г. жил в Калуге, работал преподавателем Калужского гидромелиоративного техникума. Во время полевой практики побывал во многих районах Калужской области. В соавторстве подготовил учебник для техникумов «Сельскохозяйственная мелиорация». Умер В.Д. Луганский в г. Калуге в 1967 г. (биографические сведения предоставлены дочерью В.Д. Луганского — А.В.Преображенской).

Таким образом, сборы В.Д. Луганского, без сомнения, достоверные (и, видимо, единственные) сборы этого вида в Калужской области.

Впервые В.Д. Луганским были собраны: **пихта бальзамическая** [*Abies balsamea* (L.) Mill.]: Калужский городской бор, посадки, 19.04.1930 — сейчас произрастает в лесопитомнике Калужского городского бора (вид наблюдался в 2006 г.); **овсяница шершаволистная** [*Festuca trachyphylla* (Hack.) Krajina]: железнодорожная насыпь 19-ого разъезда Моск., Киево-Вор. железной дороги Калужского уезда, дико, изредка, 16.07.1927 — первый сбор в Калужской области. Позднее вид регистрировался неоднократно (Скворцов и др., 2006; Воронкина и др., 2006); расселился по сбитым боровым пескам и открытым склонам речных долин; **овсяница Беккера** [*Festuca beckeri* (Hack.) Trautv.]: притеррасные вздутые пески поймы р. Жиздры у д. Дешовки Козельского уезда, дико, обыкновенно, 7.06.1926 — позднее вид был повторно найден там А.К. Скворцовым (Скворцов, 1961). Встречается в большом числе в борах на дюнах Козельского района и сейчас (Сосудистые..., 2005); **осока прямоколосковая** (*Carex atherodes* Spreng.): низинное болото в лесу Радищевского хутора близ деревни Черная Локня Малоярославецкого уезда, дико, местами обильно, 29.06.1929; низинное болото в лесу у д. Фокино Мятлевского (бывшего Медынского) уезда, дико, местами обильно, 21.10.1928 — позднее вид отмечен лишь в трех точках в области (Скворцов и др., 2006); **рогачка хреновидная** [*Erucastrum armoracioides* (Czern. ex Turcz.) Cruchet]: железнодорожная насыпь у 19-го разъезда («Сергиев скит») Моск. Киево-Вор. железной дороги Калужского уезда, дико, редко, занесенное (?), 16.071927 — позднее вид был собран на железной дороге Л.Ф. Волосновой (MW — сбор 1983 года); **гулявник волжский** (*Sisymbrium wolgense* Bieb. ex Fourn.): по пескам бечевника р. Протвы, 150 м выше железнодорожного моста у д. Оболенское Малоярославецкого уезда (платформа «Протва»), дико, редко, 20.06.1929 — позднее собран лишь в Козельске (MW); **малина душистая** (*Rubus odoratus* L.): парк, одичалое, д. Русино, Калужского уезда, 19.09.1927; **коровяк фиолетовый** (*Verbascum phoeniceum* L.): по линии Сызрано-Вяземской железной дороги близ хутора Калужского с/х техникума около Калуги, дико, изредка, 3.06.1924 — указывался (Сосудистые..., 2005) в окрестностях г. Козельска, но сборы вида отсутствовали; **галинзога реснитчатая** [*Galinsoga ciliata* (Rafin.) Blake]: Сошественский овраг со стороны Тульского переулка г. Калуги, сорное, двумя куртинками (по 1 м), 7.10.1950; **пиретрум девичий** [*Pyrethrum parthenium* (L.) Smith]: г. Калуга, огород, сорное, одичалое (?), изредка, 29.06.1924 — позднее вид собран снова одичалым в г. Калуге (Крылов, Решетников, 2007); **рудбекия волосистая** (*Rudbekia hirta* L.): с. Никольское Тарусского уезда, в посеве клевера, занесенное (?), 30.07.1927, собрала М.Александрова, опр. В. Луганский; д. Авчурино Калужского уезда, в посеве клевера, дико, единично, 30.06.1916, В.Луганский, Г.Мельвиль — позднее вид указан одичавшим в г. Калуге (Крылов, Решетников, 2007); **золотарник канадский** (*Solidago canadensis* L.): с. Подборки Козельского уезда, по канаве за усадьбами, одичалое, в небольшом количестве, 24.08.1924.

В коллекции В.Д. Луганского хранится целый ряд редких в Калужской области видов: **осока двудомная** (*Carex dioica* L.): болото в пойме р. Угры у д. Плетеневка Калужского уезда, дико, изредка, 15.07.1927; **гвоздика пышная** (*Dianthus superbus* L.): притеррасная пойма р. Жиздры у с. Булатово Козельского уезда, дико, обыкновенно, 26.VI.1926 — вид указывался в области неоднократно, но был собран лишь в Бабынинском районе (МНА, Самарина, 2005); **шалфей клейкий** (*Salvia glutinosa* L.): опушка леса по склону к Оке у д. Слободка Тарусского уезда (выше железнодорожного моста), дико, изредка, 7.08.1927; **ежеголовка малая** (*Sparganium minimum* Wallr.): д.Черная Локня Малоярославецкого уезда; **дремлик болотный** [*Epipactis palustris* (L.) Crantz]: у р. Суходрев, с. Недельное Малоярославецкого уезда; **сурепка прямая** (*Barbarea stricta* Andrz.): притерассная пойма р. Жиздры у д. Дешовки Козельского уезда, дико, изредка, 7.06.1926, болото у р. Яченки около г. Калуги, дико, единично, 1.06.1925; **ятрышник шлемоносный** (*Orchis militaris* L.): по откосам кювета московского Варшавского шоссе близ г. Малоярославец (к г. Медыни), дико, довольно обыкновенно, 11.06.1929; **горечавка легочная** (*Gentiana pneumonanthe* L.): д. Синюхово Юхновского уезда, сырой луг, дико, изредка, 26.08.1927; **горечавка горьковатая** (*Gentiana amarella* L.): луг в пойме р. Оки, д. Анненки Калужского уезда, дико, изредка, 1927.

На территории национального парка «Угра» В.Д. Луганским собраны виды, не найденные нами (Сосудистые..., 2005) позднее. Это **вейник незамечаемый** [*Calamagrostis neglecta* (Ehrh.) Gaertn., Mey. et Scherb.]: болото в притеррасной пойме у с. Верхнее Алопово Козельского уезда, дико, изредка, 18.06.1926 и 2.06.1926; **плевел расставленный** (*Lolium remotum* Schranrk) в посеве льна у с. Булатово Козельского уезда, дико, обыкновенно, 27.07.1926; д. Сухининки Калужского уезда, в посеве льна, сорное, дико, обыкновенно, 25.08.1925; **плевел опьяняющий** (*Lolium temulentum* L.): посев овса в прирусловой пойме р. Жиздры у д. Клюксы Козельского уезда, дико, сорное, обыкновенно, 25.07.1926; **кокушник длиннорогий** [*Gymnadenia conopsea* (L.) R. Br. var. angustifolia Asch. et Gr.]: кустарник по склону к р. Жиздры у д. Кожемякино Перемышльского района (уезда), дико, единично, 1.06.1937.; уже упомянутая **гвоздика пышная** (*Dianthus superbus* Bieb.); **бузина травянистая** (*Sambucus ebulus* L.): около забора сада в д. Клюксы Козельского района, одичалое, довольно обыкновенно, 24.07.1926; **пупавка собачья** (*Anthemis cotula* L.): сорное по улицам с. Ильинского Перемышльского района (уезда), дико, обыкновенно, 6.07.1937.

Некоторые сборы В.Д. Луганского представляют сейчас особую историческую ценность. Так, у д. Анненки (современный микрорайон г. Калуги) В.Д. Луганским были собраны редкие виды: **шпажник черепитчатый** (*Gladiolus imbricatus* L.), **чина болотная** (*Lathyrus palustris* L.), **ирис сибирский** (*Iris sibirica* L.), **мытник болотный** (*Pedicularis palustris* L.), **пушица широколистная** (*Eriophorum latifolium* Hoppe).

В окрестностях с. Авчурино, где, по-видимому, располагалось опытное сельскохозяйственное поле, были собраны **тысячеголов пирамидальный** (*Vaccaria pyramidata* Medic): в посеве проса, сорное, дико, занесенное, 20.07.1923 — собран в в 1916 г. у с. Трубецкого современного Тарусского района (Пешкова,1975) и в г. Калуге в Киёвском овраге в 1974 (KLH); **чечевица** (*Lens culinaris* Medik.): в посеве вики, сорное, занесенное, 4.08.1925; **эспарцет посевной** (*Onobrychis sativa* Lam.): склон к р. Оке, одичалое, обыкновенно, 8.06.1924. В парке с. Авчурино — **бересклет европейский** (*Euonymus europaea* L.), **курильский чай кустарниковый** [*Dasiphora fruticosa* (L.) Maxim.], **костер полевой** (*Bromus arvensis* L.).

Благодарим дочь В.Д. Луганского, к.ф.н., доцента кафедры английского языка Калужского государственного педагогического университета им. К.Э.Циолковского *А.В.Преображенскую* за предоставленные биографические сведения об отце; к.б.н., доцента Калужского государственного педагогического университета им. К.Э.Циолковского *Н.В. Воронкину* и к.б.н., заместителя генерального директора музея по научной работе *И.В. Шмытову* за помощь в организации работ; к.б.н., н.с. Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова *С.Р. Майорова* за проверку определения сложных в систематическом отношении видов.

Литература

Давлиниадзе М.Т. Гусиный лук — *Gagea* // Флора европейской части. Т. IV. Л. 1979. С. 220—231.

Дмитриев Н.Л. Заметки по флоре Калужской губернии. Вып. первый // Изв. Калужского о-ва изуч. природы и местного края. 1919. Кн. 3. С. 1—19.

Жадовский А.Е. Материалы по географии *Polypodium vulgare* L. // Изв. Акад. Наук. СПб. 1912. №13. С. 825—826.

Козлов В.Н. Список новых и редких растений Жиздринского района Западной области // Науч. изв. Запад. обл. НИИ (ЗОНИ). Бот. секция. Смоленск, 1935. Вып. 2: К познанию растительного покрова Западной области. С. 147—156.

Крылов А.В., Решетникова Н.М. Дополнения 2006 года к флоре Калужской области // Бюлл. МОИП. Отд. Биол. 2007. Т. 112, вып. 3.

Маевский П.Ф. Флора средней полосы европейской России. 10-е изд. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 2006. 600 с.

Пешкова Г.И. Находки некоторых сорных и заносных растений в Калужской области // Бюлл. МОИП. Отд. Биол. 1975. Т. 80, вып. 6. С. 137—139.

Самарина И.А. О находке *Carex umbrosa* Hosts. в Калужской области // Бюл. МОИП. Отд. биол. 2005. Т. 110, вып. 2. С. 61.

Скворцов А.К., Майоров С.Р., Решетникова Н.М. Шмытов А.А. К флоре Калужской области: папоротники, хвощи, плауны, голосеменные, покрытосеменные (однодольные) // Бюлл. Главного ботанического сада. Вып. 192, 2006 С. 49—76.

Сосудистые растения национального парка «Угра» (Аннотированный список видов) / Н.М. Решетникова, А.К. Скворцов, С.Р. Майоров, Н.В. Воронкина / Под ред. В.С. Новикова. М., 2005. 143 с. (Флора и фауна национальных парков. Вып. 6.).

Флёров А.Ф. Флора Калужской губернии. В 3-х частях. Калуга: Изд-во оценочно-стат. отд. Калуж. губерн. земской управы, 1912. Ч. 1. Литература по флоре Калужской губернии. 61 с. Ч. 2. Собственные исследования. 435 с. Ч. 3. Список растений Калужской губернии. 264 с.

САПРОЛЕГНИЕВЫЕ ГРИБЫ СТОЯЧИХ ВОДОЕМОВ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***Л.А. Астахова**, студентка,*
***Н.В. Воронкина**, к.б.н., доцент,*
***С.А. Щетинина**, студентка,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского

Представители сапролегниевых встречаются в пресных и, в меньшей степени, в морских водах как сапрофиты на трупах или других органических субстратах, или как паразиты водорослей, некоторых водных грибов, рыбьей молоди, ослабленных рыб, икры рыб и лягушек и т.п. Некоторые обитают во влажной почве (Курсанов и др., 1954; Жизнь растений, 1976).

Специальные работы по изучению сапролегниевых в Калужской области не проводились, за исключением ряда работ студентов Калужского государственного педагогического университета. Т. Дубова (1979 г.) при исследовании воды оз. Вырки выявила *Saprolegnia mixta*, в Детчинском болоте – *S. monoica*, в Тауровских прудах – *S. thuretii*. При исследовании проб воды из оз. Голубого, р. Угры и Климановского пруда Пикленковым и Е.В. Хохловой (1981 г.) была выращена *Saprolegnia mixta*; Н. Гапонова (1986 г.) при изучении Яченского водохранилища обнаружила 3 вида: *Saprolegnia mixta, S. monoica, S. thuretii*.

Методы исследования

При работе нами использовался метод приманок. Вода из стоячих водоемов (прудов, озер, водохранилищ) взмучивалась и набиралась в сосуд. Наиболее благоприятным для этого периодом является теплое время года со стабильным уровнем воды в водоеме. В качестве субстрата использовались мертвые мухи, которых помещали на поверхность пробы воды из водоема. Через 5—10 дней пробы проверялись на наличие в них мицелия (увидеть хорошо развившийся мицелий можно невооруженным глазом — приманка обрастает белым пушком гиф мицелия). Если мицелий образовался, он проверялся на наличие в нем зооспорангиев, оогониев и антеридиев. При наличии всех этих стадий возможно определение гриба до вида. В ряде случаев репродуктивные стадии формировались спустя 14—15 дней после закладки опыта. (Чаще всего трудности определения вида представляет отсутствие стадии оогониев).

Для определения грибов использовался определитель низших растений под редакцией Л.И. Курсанова (1954).

Результаты исследования

С октября 2003 г. по март 2007 г. были исследованы 95 водоемов, находящихся на территории Калужской области. В 42 из них обнаружены 14 видов сапролегниевых грибов из 6 родов. В пробах из остальных водных объектов развилась бактериальная пленка, которая, судя по всему, помешала развитию сапролегниевых грибов. Представителей других порядков оомицетов обнаружено не было. Выявлены 14 видов грибов из пор. Saprolegniales сем. Saprolegniacea, принадлежащих к 6 родам. Наибольшее количество найденных видов относится к роду Saprolegnia (5 видов).

Настоящая работа расширила имеющийся список сапролегниевых, обитающих на территории Калужской области, включив в него еще 10 видов.

Список видов

Saprolegnia dioica de Bary: озера Жиздринской поймы: Гороженое, Подкова, Княжеское; Яченское водохранилище; пруды с. Мокрое Куйбышевского р-на, д. Острожное Дзержинского р-на и оз. Андреевское Перемышльского р-на.

S. mixta de Bary: оз. Тишь, пруд д. Староскаковское Дзержинского р-на, пруд д. Щелканово Юхновского р-на, заболоченный пруд с. Волконское Козельского р-на и пруд с. Мокрое Куйбышевского р-на.

S. monoica Pringsheim.: пруды д. Ильинское Перемышльского р-на и д. Екимково Дзержинского р-на.

S. parasitica Coker.: Голубые озера Дзержинского р-на.

S. thuretii de Bary: пруд с. Мокрое Куйбышевского р-на.

Achlya apiculata de Bary : пруд с. Мокрое Куйбышевского р-на.

A. polyandra Hild.: оз. Карастелиха, расположенного в пойме р. Жиздры и пруд с. Мокрое Куйбышевского р-на.

A. prolifera de Bary: пруд д. Студеное Барятинского р-на.

A. racemosa Hild.: Жиздринские озера Орешня и Ямное, Яченское водохранилище, пруд д. Гордиково Перемышльского р-на.

Traustotheca clavata Humphr. : Яченское водохранилище г. Калуги.

Pythiopsis cymosa de Bary.: оз. Озерки Юхновского р-на, пруд д. Ильинское Перемышльского р-на.

Aplanes braunii de Bary: Галкинское болото в Юхновском р-не; однако судить о его наличии в этом водоеме можно было только по наличию характерных зооспорангиев, половые стадии не найдены.

Aphanomyces stellatus de Bary: пруд на ул. Калинина в пос. Ферзиково.

В некоторых случаях обнаруженные оомицеты не были определены до вида из-за отсутствия генеративных стадий: *Achlya sp.* (Староскаковский пруд и Мостовской карьер Дзержинского р-на); *Saprolegnia sp.* (Яченское водохранилище г. Калуги, озеро Ленивое Козельского р-на, пруд на краю д. Староскаково Дзержинского р-на, Клевеневский пруд Сухиничского р-на, пруд Крекша Ферзиковского р-на).

Литература

Жизнь растений. Т. 2: Грибы / Под ред. М.В. Горленко. М.: Просвещение, 1976.

Курсанов Л.И., Наумов Н.А., Красильников Н.А., Горленко М.В. Определитель низших растений: В 5 т. Т. 3:Грибы. М.: Советская наука, 1954.

К ФЛОРЕ ВОДОРОСЛЕЙ СТАРИЦЫ РЕЗВАНСКОЕ (ХОХЛОВСКОЕ), РАСПОЛОЖЕННОЙ В ПОЙМЕ р.ЖИЗДРЫ

***Н.В. Воронкина**, к.б.н., доцент,*
***Е.Н. Дворянчикова**, студентка,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Первые сведения по альгофлоре пойменных стариц реки Жиздры опубликованы в 2001 г. (Воронкина, Садковкина, 2001; Садковкина, 2001). В этих работах изложены сведения, полученные при анализе проб, собранных осенью 1999 года в озерах Подборское-2, Желтое, Ленивое, Гороженое и Старая речка. Было обнаружено 150 видов водорослей, относящиеся к трем отделам: Chlorophyta (81 вид), Cyanophyta (27 видов), Bacillariophyta (42 вида).

Старица Резванское (Гусев, 2004) или Хохловское (Атлас, 2002) находится недалеко от устья реки Жиздры, в непосредственной близости от ее левого коренного берега. Длина старицы немногим больше 1 км, максимальная ширина примерно 50 м. Берега пологие, почти лишенные древесно-кустарниковой растительности, лишь со стороны Жиздры видны небольшие кусты ив. С северо-запада старица защищена крутыми склонами коренного берега Жиздры.

Наши исследования на озере Резванское проводились в период с середины сентября 2005 до конца ноября 2006 г. Брались пробы из толщи воды, соскобы с подводных предметов

и высших растений, ил со дна водоема, пробы воды около берега и с середины озера.

Обилие оценивалось по микроскопическим препаратам в поле зрения микроскопа и по наблюдению в воде озера невооруженным глазом. Если объект встречался лишь в 1—3 пробах, в 1—3 экземплярах, то ставилась оценка единично; если же объект отмечался неоднократно в разных пробах одного биотопа (толща воды, придонный ил и т.д.), ставилась оценка много. Такие водоросли, как спирогира, водяная сеточка, вольвокс и сфероносток видны невооруженным глазом. Их обилие можно было оценить, не прибегая к помощи микроскопа.

Материал исследовался на кафедре ботаники КГПУ при помощи микроскопа «Биолам». Микрофотографии делались фотоаппаратом «Nicon». Для определения были использованы «Определитель низших растений» под общей редакцией проф. Л.И.Курсанова (1953), определители пресноводных водорослей СССР в 14 выпусках (1951, 1953, 1955, 1959, 1962); определитель Паламарь—Мордвинцевой (1982,1986).

В результате работы определены водоросли, относящиеся к 5 отделам: Синезеленые (Cyanophyta), Диатомовые (Diatomea), Желтозеленые (Xanthophyta), Эвгленовые (Euglenophyta) и Зеленые (Chlorophyta). Ниже приведён список видов с оценкой обилия.

Список видов водорослей озера Резванское
(по результатам исследования сентября 2005—ноября 2006 года)

Отдел Синезеленые (Cyanophyta)
Сем. Глеокапсовые (Gloeocapsaceae)

1. Глеокапса пухлая (*Gloeocapsa turgida* (Kutz.) Hollerb. emend) — единично.

Сем. Хамесифоновые (Chamaesiphonaceae)

2. Хамесифон облепляющий (*Chamaesiphon incrustans* Grun.) — единично.

Сем. Ностоковые (Nostocaceae)

3. Сфероносток лазурный (*Sphaeronostoc coeruleum* (Lyngb.) Elenk.) — много.
4. Стратоносток Ланка (*Stratonostoc Linckia* (Roth) Elenk) — единично.

Сем. Анабеновые (Anabaenaceae)

5. Анабена сжатая (*Anabaena constricta* (Szaf.)Geitl) — много.
6. А. одиночная (*A. solitaria* Kleb.) — единично.
7. Цилиндроспермум лишайниковидный (*Cylindrospermum licheniforme* (Bory) Kutz) — много.
8. Ривулария водяная (*Rivularia aquatica* (de Wild.) Geitl.sensu lat.) — много.

Отдел Диатомовые (Bacillariophyta, Diatomeae)
Сем. Сурирелловые (Surirellaceae)

9. Циматоплевра подошвообразная (*Cymatopleura solea*(Breb.)W.Sm) — много.
10. Ц. эллиптическая (*C. elliptica* (Breb.)W.Sm) — много.

Сем. Эвноциевые (Eunotiaceae)

11. Эвноция гребенчатая (*Eunotia pectinalis* (Dillw.? Kutz.) Rabenh) — единично.

Сем. Навикуловые(Naviculaceae)

12. Цимбелла тартуская (*Cymbella tartuensis* Molder) — единично.
13. Навикула (*Navicula sp.*) — много.
14. Пиннулярия большая (*Pinnularia major* (Kutz.) Cl) — много.
15. П. благородная (*P. nobilis* Ehr.) — много.
16. П. гладкая (*P. laevis*) — единично.

Отдел Желтозеленые (Xanthophyta)
Сем. Вошериевые (Vaucheriaceae)

17. Вошерия (*Vaucheria sp.*) — единично.

Отдел Эвгленовые (Euglenophyta)
Сем. Эвгленовые (Euglenaceae)

18. Эвглена (*Euglena sp.*) — единично.
19. Факус хвостатый (*Phacus caudatus* Hubner) — единично.

Отдел Зеленые (Chlorophyta)
Сем. Протококковые (Protococcales)

20. Хлорококк (*Chlorococcum infusionum* Menegh.) — много.

Сем. Целастровые (Coelastraceae)

21. Сценедесмус четыреххвостый (*Scenedesmus quadricauda* Breb.) — единично.

Сем. Гидродикциевые (Hydrodictiaceae)

22. Водяная сеточка (*Hydrodictyon reticulatum* Lagerh.) — много.
23. Педиаструм бореанум (*Pediastrum boryanum* Menegh.) — единично.
24. Педиаструм тетрас (*Pediastrum tetras* Ralfs) — единично.

Сем. Вольвоксовые (Volvocaceae)

25.Вольвокс шаровидный (*Volvox globator* (L.) Ehrenb.) — много.

Класс Коньюгаты (Cjnjugatophyceae)
Сем. Десмидиевые (Desmidiaceae)

26. Клостериум ребристый (*Closterium costatum* Corda) — единично.
27. Кл. либеллула (*C. libellula* Focke.) — единично.
28. Кл. любимый (*C. venus* Kutz) — единично.
29. Кл. линеатум (*C. lineatum* Ehrenb.)
30. Космариум круговой (*Cosmarium circulare* Reinsch.) — единично.
31. К. четковидный (*C. moniliforme* (Turp.) Ralfs) — единично.
32. К. волнистый (*C. undulatum* Corda) — единично.
33. К. приплюснутый (*C. depressum* (Nag.) Lund) — единично.
34 К. вальковидный (*C. ochtodes* Nordst.) — единично.
35. К. (*C. coelatum* Ralfs) — единично.
36. К. правильный (*C. regulare* Schmidle) — единично.
37. Десмидиум Швартца (*Desmidium Schwartzii* Ag.) — много.
38. Микрастериас круглый (*Micrasterias rotata* (Grev.) Ralfs) — единично.

Сем. Зигнемовые (Zygnemataceae)

39. Мужоция (*Mougeotia sp.*) — единично.
40. Спирогира (*Spirogyra sp.*) (несколько видов) — много.

Сем. Хетофоровые (Chaetophoraceae)

41. Хетофора бугорчатая (*Chaetophora tuberculosa* (Roth) Ag.) — единично.

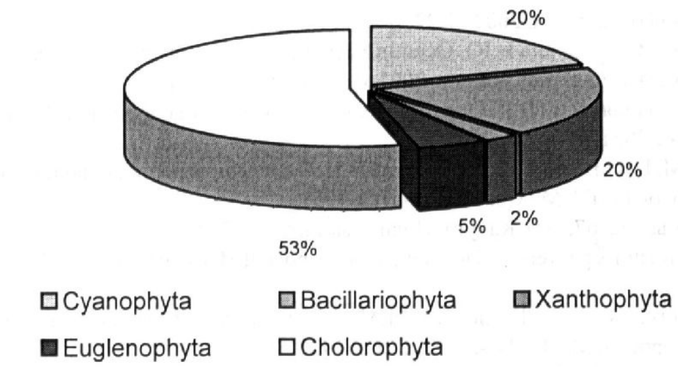

Диаграмма 1. Соотношение количества видов водорослей старицы Резванское, относящихся к разным отделам.

Как видно из списка и диаграммы 1, в старице Резванское преобладают водоросли, относящиеся к отделу Chlorophyta — 21 вид, из них 13 относится к семейству Desmidiaceae. На втором месте по видовому разнообразию находится отдел Bacillariophyta— 8 видов. Отдел Cyanophyta представлен 8 видами, отдел Euglenophyta — 2 видами, а отдел Xanthophyta — 1 видом. Водоросли, относящиеся к отделам Xanthophyta и Euglenophyta в других Жиздринских старицах отмечены не были (диаграмма 2, Садковкина, 2001).

По видовому разнообразию водорослей старица Резванское (41 вид) уступает только старице Подборское-2 (46 видов) и значительно превосходит старицы: Желтое (24 вида), Ленивое (15 видов), Старая речка (10 видов) и Гороженое (6 видов). Каждая старица имеет свой видовой состав водорослей.

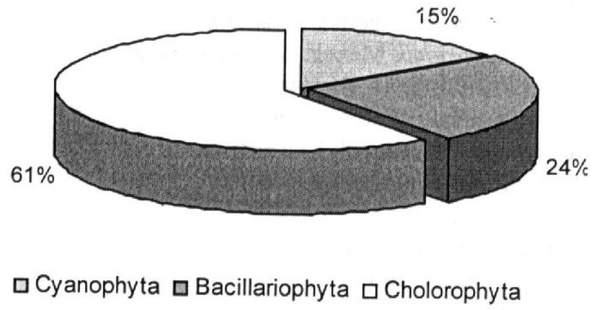

Диаграмма 2. Соотношение количества видов водорослей Жиздринских стариц, относящихся к разным отделам (Садковкина, 2001).

В течение года зарегистрировано 2 максимума развития водорослей: весенний и осенний (Голлербах, Полянский, 1951). Весенний максимум 2005 года приходился на конец мая — начало июня. В это время наибольшей численности достигали Cyanophyta, вызывая цветение воды (*Sphaeronostoc coeruleum*). Во время осеннего максимума — вторая половина октября 2006 года — происходило бурное развитие зеленых водорослей, которое продолжалось вплоть до начала заморозков (*Spirogyra sp.* и др.).

Впервые в Калужской области обнаружена зеленая водоросль *Chaetophora tuberculosa*. Достаточно редко в Калужской области встречается *Hydrodictyon retyculatum*. Она была отмечена в мелководной заводи на Угре около пос. Якшуново Дзержинского р-на (Воронкина,1991 — устное сообщение) и в Красногороденском пруду Ферзиковского р-на (Арсланов, 2000 — устное сообщение). Однако в старицах Резванское и Бездонное осенью 2005 года водяная сеточка (*H. retyculatum*) была обнаружена в большом количестве около мостков. Можно предположить, что Гидродикцион сетчатый (водяная сеточка) живет в этих озерах не только около мостков, но и в зоне прибрежных гидрофитов.

Представленный список обнаруженных водорослей является далеко неполным, поэтому желательно продолжать изучение альгофлоры пойменных озер реки Жиздры.

Литература

Атлас Калужской области. М, 2002. С. 22.

Воронкина Н.В., Садковкина И.Ю. Осенний аспект альгофлоры пойменных озер реки Жиздры // «Река Ока — третье тысячелетие». Калуга, 2001. С. 47—50.

Голлербах М.М, Полянский В.И. Определитель пресноводных водорослей СССР. Общая часть. Т.1. М.: Советская наука, 1951.

Голлербах М.М, Косинская Е.К., Полянский В.И. Определитель пресноводных водорослей СССР. Синезеленые водоросли. Т.2. М.: Советская наука, 1953.

Гусев А. Перемышль. 675 лет. Калуга: Полиграф-информ, 2004.

Определитель низших растений / Под общей ред. проф. Л.И. Курсанова. Т.1, 2. М.: Советская наука, 1953.

Дедусенко-Щёголева Н.Т., Голлербах М.М. Определитель пресноводных водорослей СССР. Желтозелёные водоросли. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Дедусенко-Щеголева Н.Т., Матвиенко А.М., Шкорбатов Л.А. Определитель пресноводных водорослей СССР. Зелёные водоросли (Вольвоксовые). Вып. 8. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

Забелина М.М., Киселева И.А., Прошкина-Лавренко А.И., Шешукова В.С. Определитель пресноводных водорослей СССР. Вып. 4. Диатомовые водоросли. Ч.1, 2. М :Советская наука, 1951.

Мошкова Н.А., Голлербах М.М. Определитель пресноводных водорослей СССР. Вып. 10(1) Зелёные водоросли. Класс Улотриксовые.Л.: Наука, 1986.

Паламарь-Мордвинцева Г.М. Определитель пресноводных водорослей СССР. Вып. 11(2) Зеленые водоросли. Класс Конъюгаты. Порядок Десмидиевые. Л.:Наука, 1982.

Паламарь-Мордвинцева Г.М. Визначник прісноводних водоростей Украіинськоі РСР. Вип. VIII. Кон,югати — Conjugatophyceae. Ч.2. Київ: Наукова думка, 1986.

Попова Т.Г. Определитель пресноводных водорослей СССР. Эвгленовые водоросли»; Вып. 7. М.: Советская наука, 1955.

Садковкина И.Ю. Первые сведения по альгофлоре пойменных озер реки Жиздры»// Вопросы археологии, истории, культуры и природы верхнего Поочья: Материалы IX науч. конф. Калуга. 2001.

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ФЛОРЕ МХОВ КАЛУЖСКО-АЛЕКСИНСКОГО КАНЬОНА РЕКИ ОКИ

***В.В. Телеганова**, н.с., Национальный парк «Угра»*

Общая протяженность Калужско-Алексинского каньона долины р. Оки от Калуги до Алексина составляет около 50 км, большая его часть находится в пределах Калужской области. Калужская часть каньона от устья р. Калужки до устья р. Дугны имеет протяженность около 40 км. Алексинский каньон представляет собой суженный глубокий участок долины р. Оки, прорезанный в толщах известняков.

Территория каньона изучалась специалистами самых разных направлений и его природная уникальность описана в ряде работ (см., например, [1]). Наиболее ценными экосистемами рассматриваемой территории являются остепненные луга с элементами «окской флоры» на склонах южной экспозиции, участки широколиственных лесов, в том числе и остепненных, сохранившихся по долинам притоков и склонам р. Оки, сосновые боры. В склоны врезаны многочисленные глубокие овраги, на всем протяжении каньона нередки выходы известняков. Таким образом, природные особенности Алексинского каньона позволяют сделать предположение о богатстве и своеобразии бриофлоры данной территории. Однако бриологических исследований здесь до сих пор не проводилось.

Настоящая работа выполнена по результатам собственных исследований, которые были начаты в 2003 г. в окрестностях так называемых «Кольцовских пещер» — старых заброшенных каменоломен на левом крутом берегу р. Оки у д. Михайловка. Материал был собран в пойменном широколиственном лесу с крупными выходами известняков на склоне к р. Оке, в глубоком овраге, врезанном в склон, и у выходов родников на берегу реки. В 2006 г. сборы бриофитов были сделаны на берегу р. Калужки близ ее устья, на отвалах Турынинского известнякового карьера и на крутом склоне к р. Оке с небольшими выходами известняков, поросшем широколиственным лесом. Аналогичное место было исследовано в 2007 г. напротив с. Дугна.

Места сбора:
1) окр. г. Калуги, известняковый карьер в окр. пос. Турынино вблизи устья р. Калужки и широколиственный лес на склоне левого берега р. Оки за карьером, (54° 29′ N—36° 20′ E), 9.09.06.
2) Ферзиковский р-н, в 4 км к Ю-З от с. Кольцово, склон левого берега р. Оки в окр. «Кольцовских пещер», (54° 25′ N—36° 36′ E), 15.07.03.
3) Ферзиковский р-н, склон левого берега р. Оки напротив с. Дугна, (54° 25′ N—36° 51′ E), 14.01.07; 24.03.2007.

По результатам исследований составлен приводимый ниже список видов мхов, включающий 69 видов, относящихся к 28 семействам. (Определение проведено по [2]—[5]). Звездочкой (*) отмечены виды, редко встречающиеся на территории Калужской области, двумя звездочками (**) — виды, впервые отмеченные на территории области. После названия вида приведены цифровые обозначения мест сбора, экологические предпочтения и частота встречаемости в указанных местообитаниях. Образцы хранятся в Калужском областном краеведческом музее.

Список видов

Polytrichaceae

Atrichum undulatum (Hedw.) P. Beauv.— 2, 3; на сырой глинистой почве в затененных местах; часто.

Funariaceae

Funaria hygrometrica Hedw. — 1, 2; на сырых почвенных обнажениях; часто.

Pottiaceae

Barbula unguiculata Hedw. — 1, 3; на обочинах дорог, камнях; часто.
***Didimodon rigidulus* Hedw.— 1, 3; на сухих известняковых камнях; редко.
Tortula muralis Hedw. — 3; на известняковых камнях; редко.

Syntrichia ruralis Brid. — 3; на сухих известняках; редко.

Grimmiaceae

Schistidium apocarpum (Hedw.) B.S.G. — 3; на сухих известняках; спорадически.

***Schistidium submuticum* — 3; на сухих известняках; спорадически.

Seligeriaceae

***Seligeria pusilla* (Hedw.) B.S.G. — 3; в сырой нише на затененном известняке; единично.

Fissidentaceae

Fissidens gracilifolius Brugg.-Nann. Et Nyh. — 3; на сырых известняковых камнях; спорадически.

F. taxifolius Hedw. — 1, 3; на сырой обнаженной почве в широколиственных лесах; часто.

F. exilis Hedw. — 3; на сыром глинистом выворотне; единично.

Orthotrichaceae

Orthotrichum obtusifolium Brid. — 3; на коре лиственных деревьев; спорадически.

O. pumillum Sw.— 3; на коре лиственных деревьев; редко.

O. speciosum Nees. — 1, 3; на коре лиственных деревьев; часто.

Ditrichaceae

Ceratodon purpureus (Hedw.) Brid.— 1, 3; на нарушенных местах; часто.

Dicranaceae

Dicranum montanum (Hedw.) Loeske — 1, 3; в основаниях стволов деревьев, на валежнике, на известняках; часто.

D. scoparium Hedw.— 3; в основаниях стволов деревьев; спорадически.

**D. viride* (Sull. et Lesq. ih Sull) Lindb. — 1; в основании ствола клена, единично.

Dicranella heteromalla (Hedw.) Schimp. — 3; на оползающем склоне оврага; единично.

Bryaceae

Bryum argenteum Hedw.— 1, 3; на обочинах дорог; часто.

B. capillare Hedw. — 1, 3; на сырой почве у выступающих корней деревьев; спорадически.

B. caespiticium Hedw. — 1, 3; на песчаной почве, на обочинах дорог; спорадически.

B. laevifilum Syed. — 1, 3; в основаниях стволов, на сухих известняках и выступающих корнях деревьев; часто.

B. pseudotriquitrum Hedw. — 1; на гнилушке на берегу р. Калужка; редко.

Mniaceae

Pohlia nutans (Hedw.) Lindb. — 3; на валеже; редко.

**Mnium lycopodioides* Schwaegr. — 1, 3; на почвенных обрывах по стенкам оврагов в сырых затененных местах; редко.

M. marginatum (Disks. ex With) P. Beauv. — 3; на сырой почве в лесу; редко.

M. stellare Hedw.— 2, 3; на почвенных обрывах по стенкам оврагов в сырых затененных местах; часто.

Plagiomnium ellipticum (Brid.) T. Kop. — 1, 2, 3; на почве в поймах ручьев, по берегам речек; часто.

P. cuspidatum (Hedw.) T. Kop. — 2, 3; на почве в лесу, на сырых известняках, на валежнике, в основаниях стволов; часто.

P. rostratum (Schrad.) T. Kop. — 1, 2; на сырых затененных известняках; спорадически.

P. undulatum T. Kop. — 3; на почве в сырой западине в лесу на склоне; единично.

Climaciaceae

Climacium dendroides (Hedw.) Web. et Mohr.— 3; на почве в сырой западине в лесу на склоне; единично

Fontinalaceae

Fontinalis antypiretica Hedw. — 2; в воде у выхода ключа; единично

Leucontaceae

**Leucodon sciuroides* (Hedw.) Schwaegr. — 3; на валеже, сухих известняках; редко.

Anomodontaceae

**Anomodon attenuatus* (Hedw.) Hueb. — 1, 2, 3; на известняках, основаниях стволов; спорадически.

**A. longifolius* (Brid.) Hartm. — 1, 2, 3; на известняках, основаниях стволов; часто.

**A. viticulosus* (Hedw.) Hook. et Tayl. — 2, 3; на известняках, основаниях стволов, на

валежнике; спорадически.

Neckeraceae

Homalia trichomanoides (Hedw.) Bruch et Schimp. in B.S.G. — 1; на основании ствола липы; единично.

Leskeaceae

Leskea polycarpa Ehrh. — 1, 2, 3; на стволах деревьев; часто.

Pseudoleskeaceae

Pseudoleskeela nervosa (Brid.) Nyh. — 1, 3; на стволах деревьев, на известняках; часто.

Thuidiaceae

Abietinella abietina (Hedw.) Fleisch. — 2, 3; на сухой почве на опушках; спорадически.

Thuidium philibertii Limpr. — 2, 3; на сыром лугу, в западине в лесу на склоне; редко.

Amblystegiaceae

***Palustriella decipiens* (De Not.) Ochyra — 2; на сырой почве на дне врезанного в склон оврага; единично

Cratoneuron filicinum (Hedw.) Spruce — 1; на бетонной дорожке по берегу реки; редко.

Amblystegium serpens Br. eur. — 1, 2, 3; на стволах деревьев, известняках, сырой почве; часто.

Hygroamblystegium varium (Hedw.) Moenk. — 3; на сырой обнаженной почве на берегу реки; редко

***Campiliadelphus chrysophyllus* (Brid.) Kanda — 1; в мочажине среди отвалов карьера; единично.

Drepanocladus aduncus (Hedw.) Warnst. — 1; на бетонной дорожке по берегу реки; редко.

Serpoleskea subtilis (Hedw.) Loeske — 3; в основаниях стволов деревьев; спорадически.

Calliergonaceae

Calliergon cordifolium (Hedw.) Kindb. — 2; на влажном лугу по берегу реки; редко.

Scorpidiaceae

Sanionia uncinita (Hedw.) Loeske — 2, 3; на стволах деревьев, на валежнике; часто.

Brachytheciaceae

Oxyrrhynhium hians (Hedw.) Loeske — 1, 3; на сырых оползающих склонах в лесах, на опушках, на известняках; часто.

Sciurohypnum populeum (Hedw.) Ignatov et Ignatova — 1, 3; на известняках; редко.

Brachytheciastrum velutinum (Hedw.) Ignatov et Huttunen — 1, 3; на сырой заиленной почве, древесине; спорадически.

Brachythecium mildeanum (Schimp.) Schimp ex Milde — 1; на сырой почве по берегу реки; редко.

B. rivulare B. S. G. — 2; на сырых известняках; редко

B. rutabulum (Hedw.) B. S. G. — 3; на валежнике; спорадически.

B. salebrosum (Web. et Mohr) Schimp. in B.S.G. — 1, 2, 3; на валежнике, на известняках, в основаниях стволов деревьев; часто.

Plagiotheciaceae

Plagiothecium laetum B. S. G. — 1, 2, 3; на почвенных обнажениях в затененных местах; часто.

Hypnaceae

Hypnum cupressiforme Hedw. — 1, 3; на сыром валежнике; спорадически.

Pylaisiaceae

**Homomalium uncirvatum* (Brid) Loeske. — 3; на известняках; редко.

Stereodon pallescens (Hedw.) Mitt. — 1, 2, 3; в основаниях стволов, на известняках; часто.

Pylaisia polyantha (Hedw.) Grout. — 1, 2; на стволах деревьев; часто

Callicladium haldanianum (Grev.) Crum. — 3; на валежнике; часто.

Entodontaceae

Platygyrium repens Br. eur. — 1, 2, 3; на стволах деревьев, на известняках; часто.

Hylocomiaceae

Pleurozium schreberi (Brid.) Mitt. — 2, 3; в основании березы, на почве в сырой западине в лесу на склоне; редко.

Rhytidiadelphus triquetrus (Hedw.) Warnst. — 3; на почве в сырой западине в лесу на склоне; редко.

Флора мхов Алексинского каньона очень своеобразна и изобилует видами, редко встречающимися в Калужской области. Большинство из них связано с местообитаниями с близким залеганием известняков, которые нетипичны для региона, но широко представлены на исследуемой территории. Здесь встречаются довольно крупные выходы известняков, полностью покрытые сплошным ковром кальцефитных видов, таких, как *Anomodon longifolius*, *Anomodon viticulosus, Anomodon attenuatus*. Эти виды внесены в Красную книгу Московской области. Другой редкий вид, отмеченный на известняках, *Leucodon sciuroides*, приурочен также к старовозрастным широколиственным лесам, площади которых на территории Средней России невелики и постоянно сокращаются. Еще один редкий вид — *Homomalium uncirvatum*, для Калужской области был отмечен только на Чертовом Городище Жадовским А.Е. в 1928 г. и до сих пор не был подтвержден современными сборами.

Поскольку на территории каньона обследовано лишь три участка и все они находятся на левом берегу р. Оки на склонах южной экспозиции, представленный в данной работе список видов мхов далеко не полон. Бриофлора Алексинского каньона должна быть существенно богаче и поэтому нуждается в дальнейшем равномерном и тщательном изучении.

Выражаю глубокую признательность д.б.н., заведующему отделом Гербария Главного ботанического сада им. Н.В.Цицина РАН М.С. Игнатову за проверку определения значительной части образцов.

Литература

1. Волошина О.Н., Могильнер А.А. Природная ценность Калужско-Алексинского каньона реки Оки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья (VIII). Калуга, изд-во Бочкаревой, 2001. С. 238—246.

2. Игнатов М.С., Игнатова Е.А. Флора мхов средней части европейской России. Т. 1 // Arctoa 11, Приложение 1. М.: КМК, 2003. С. 1—608.

3. Игнатов М.С., Игнатова Е.А. Флора мхов средней части европейской России. Т. 2 // Arctoa 11, Приложение 2. М.: КМК, 2004. С. 609—944.

4. Попова Н.Н. Материалы по бриофлоре Калужской области // Флористические исследования в Центральной России на рубеже веков: Материалы научного совещания (Рязань, 29—31 янв. 2001 г.) / Под ред. В. С. Новикова и С. Р. Майорова. М.: Изд. Ботанич. Сада Моск. ун-та, 2001. С. 110—114.

5. Попова Н.Н. Бриофлора Среднерусской возвышенности.I // Arctoa 11. М.: КМК, 2002. С. 101—169.

ФЛОРА И РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ЗАЛИДОВСКИХ ЛУГОВ РЕКИ УГРЫ В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ*

***И.М. Ермакова**, к.б.н., с.н.с.,*
***Н.С. Сугоркина**, к.б.н., с.н.с.,*
Московский педагогический государственный университет

Объектом изучения являются Залидовские луга, расположенные на правом берегу реки Угры, притока реки Оки, являющиеся частью лугов Дворцовского расширения поймы, в Дзержинском районе Калужской области. Луга эти представляют ценность как один из немногих крупных природных массивов пойменных лугов центральной России. Залидовские луга были выбраны как место проведения мониторинга в 1965 году. В 1997 году луга вошли в состав национального парка «Угра». Мониторинг состояния лугового массива проводится с целью оценки динамики растительности, сохранения биоразнообразия и изучения устойчивости популяций и луговых ценозов к климатическим и антропогенным воздействиям.

В статье речь идет о составе, таксономической структуре флоры, разнообразии и динамике некоторых типов растительности на основе данных мониторинга по 2004 г. Флора и растительность лугов охарактеризованы по данным геоботанических описаний, проводимых

*Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ №НШ—2125.2003.4; РФФИ и администрации Калужской области, проекты № 01-04-96006, 03-04-96314, 06-04-96302.

с 1965 г. по настоящее время на временных и постоянных участках в прирусловой и центральной частях поймы реки Угры (200 га) на территории СПК «Правда» и прилегающей к ней полосе лугов СПК «Редькино». В состав списка флоры не вошли виды, встречающиеся в прирусловом лесу, по берегу реки, в зарастающем озере «Долгое» и по его берегам, а также виды, произрастающие в длительнозаливаемых межгривных понижениях, заросших деревьями и кустарниками.

Разнообразие растительности лугов на правом и левом берегах р. Угры вдоль петли Дворцовского расширения поймы выявлено в ходе проведенного в 1965—66 гг. геоботанического картирования. Для всего массива описано 27 типов растительности (Ермакова, Сугоркина, 2004). На площади лугов, где проводят мониторинг авторы, включающей прирусловую и центральную части поймы, от правого берега реки Угры до озера Долгое, описаны 12 типов растительности. Самыми распространенными типами растительности в начале наблюдения были полидоминантные овсяничные разнотравно-злаковые луга, сильно засоренные свербигой восточной, входящие в красноовсяничниковую формацию, переходные от настоящих мезофитных к остепненным лугам на лугах высокого уровня (тип 25), и луговоовсяничники, засоренные свербигой, на лугах среднего уровня, относящиеся к настоящим мезофитным лугам (тип 23). Межгривные понижения в центральной пойме занимали канареечные (тип 10) и белополевичные (тип 11) болотистые луга, влажные кровохлебковые и злаково-разнотравные кровохлебковые луга в неглубоких логах и приозерных понижениях (тип 12), входящие в комплекс с типом 23; ближе к прирусловой пойме лога занимали пырейно-лисохвостные группировки (тип 13). В прирусловой пойме самыми распространенными были слабо остепненные переходные полидоминантные луга мятликовой формации (тип 6) высокого уровня и сорномелкотравные выгоны, относящиеся к овсяничниковой формации (тип 3). Часть прирусловья занимали искусственные ценозы — старые посевы тимофеевки луговой с клевером красным на месте огородов (40 тип).

Состав флоры исследованного массива лугов представлен списком из 184 видов растений из 33 семейств и 115 родов, что говорит о богатом флористическом разнообразии сообществ. Ценозы имеют большую видовую насыщенность; на 100 м^2 встречается в среднем 30—40 видов растений. В таксономической структуре флоры большую часть составляют роды, представленные во флоре одним видов (74,8%); одним видом представлены более 1/3 семейств. Максимальное число видов насчитывают семейства сложноцветных (27 видов), злаковых (21 вид) и зонтичных (19 видов). Значительно меньшее число видов имеют семейства бобовых (13), розоцветных (12), крестоцветных (11), лютиковых (11), норичниковых (11) и гвоздичных (10). Анализ состава флоры по жизненным формам показал, что наибольшее число видов содержат группы длиннокорневищных (32 вида), стержнекорневых (31 вид), короткокорневищных (28 видов), малолетников (28 видов) и наземно-ползучих (18 видов). Эти группы составляют 83,5% от общего числа видов, доля участия растений перечисленных жизненных форм в порядке упоминания составила: 17,4%; 16,8%; 15,2%; 15,2%; 9,8%.

Динамика растительности проанализирована на примере 3-х участков лугов, относимых к разным типам растительности (участок V — тип 25 и смежный участок подстожья 3 — тип 23 расположены в центральной части поймы; участок III — тип 6 расположен в прирусловой части поймы). Участок III до 2001 г. использовался как сенокосно-пастбищное угодье. Два других участка до 1980 г. были сенокосами, после сенокосно-пастбищными угодьями. С 2002 г. все участки используют как сенокосные угодья.

Участок V расположен на вершине гривы высокого уровня, является частью поли- и сменодоминантных лугов с доминированием 2-х—8-ми видов (табл. 1, 2). Наиболее частыми доминантами из злаков были мятлик узколистный (*Poa angustifolia* L.) и овсяница луговая (*Festuca pratensis* Huds.); из разнотравья — свербига восточная (*Bunias orientalis* L.), одуванчик лекарственный (*Taraxacum officinale* Wigg.) и герань луговая (*Geranium pratense* L.).

За период с 1980 по 2004 гг. происходили изменения в составе доминантов: *Festuca pratensis* была постоянным доминантом в первые 15 лет наблюдения, а *Poa angustifolia* — во вторую половину срока мониторинга и к нему время от времени присоединялся костер безостый (*Bromopsis inermis* (Leyss.) Holub). *Taraxacum officinale* и *Geranium pratense* с 1991 по 1998 гг. почти ежегодно были доминантами, а в начале и в конце наблюдений входили в состав доминантов эпизодически. Число видов на 100 м^2 в годы мониторинга изменялось

Таблица 1

Изменение параметров состава и структуры травостоя модельных участков

Параметры*	участок III	участок V	Смежный участок 3
Годы начала мониторинга	1965	1980	1987
Число видов*	30—52	36—48	28—51
Среднее число видов	39,9 ± 1,0	40,78 ± 4,42	37,17 ± 1,15
Число доминантов*	1—9	2—8	2—8
Среднее число доминантов	4,67 ± 0,34	4,3 ± 0,32	4,08 ± 0,28
Число жизненных форм*	9—11	9—11	8—11
Среднее число жизненных форм	9,7 ± 0,2	10,09 ± 0,99	9,17 ± 0,55

*Многолетний диапазон изменения параметра.

флюктуационно в пределах от 36 до 48. Число жизненных форм колебалось от 9 до 11. Наибольшее число видов насчитывали группы длиннокорневищных (23,8% видов) и стержнекорневых растений (19,7%). Меньше было короткокорневищных (15,7%), корневищно-рыхлокустовых (8,8%), наземно-ползучих (8,3%) и рыхлокустовых (7,6%). Постоянно присутствовали 1—2 вида растений полупаразитов (мытник Кауфмана — *Pedicularis kaufmannii* Pingz. и погремок малый — *Rhinanthus minor* L.), 1—2 вида малолетников и почти не было облигатно-корнеотпрысковых растений.

Участок луга, смежный подстожью 3, (тип 23), изучаемый с 1987 г., расположен на вершине гривы среднего уровня и является частью поли- и сменодоминантного сообщества, за годы наблюдений на нем зафиксировано 1—8 видов доминантов (табл. 1, 2). Наиболее частыми доминантами из семейства злаков были *Poa angustifolia, Festuca pratensis*, лисохвост луговой

Таблица 2

Встречаемость доминантов (%) в геоботанических описаниях с начала наблюдения до 2004 г.

№ п/п	Вид	Участок III	Участок V	Смежный участок 3
1	*Alopecurus pratensis*		4,35	33,33
2	*Anthriscus sylvestris*			4,17
3	*Bromopsis inermis*		26,09	29,17
4	*Bunias orientalis*	15,15	86,96	87,5
5	*Carum carvi*	6,06		
6	*Dactylis glomerata*	18,18	13,04	20,83
7	*Equisetum arvense*	3,03		
8	*Festuca pratensis*	84,85	52,17	37,5
9	*Festuca rubra*	36,36	8,70	8,33
10	*Galium mollugo*	18,18	4,35	
11	*Galium verum*		8,70	8,33
12	*Geranium pratense*		52,17	58,33
13	*Glechoma hederacea*	3,03	4,35	4,17
14	*Heracleum sibiricum*	24,24		4,17
15	*Lysimachia nummularia*	9,09	13,04	4,17
16	*Medicago lupulina*	3,03		
17	*Phleum pratense*	27,27	34,78	25,00
18	*Poa angustifolia*	44,42	56,52	50,00
19	*Poa pratensis*	9,09	4,35	
20	*Poa trivialis*		8,70	
21	*Rhinanthus minor*	30,30	8,70	8,34
22	*Sanguisorba officinalis*			4,7
23	*Taraxacum officinale*	84,85	56,52	16,67
24	*Trifolium pratense*	12,12		
25	*Veronica chamaedrys*	6,06		
26	*Vicia cracca*	15,15		

(*Alopecurus pratensis* L.), тимофеевка луговая (*Phleum pratense* L.); из разнотравья — *Bunias orientalis, Geranium pratense*. Последний вид выступал в роли доминанта, в основном, в 1992—2003 гг., лисохвост луговой не был доминантом последние 4 года. Число видов на 100 м^2 в годы мониторинга изменялось флюктуационно от 28 до 46. Число жизненных форм колебалось от 6 до 11. Наибольшее число видов насчитывали группы длиннокорневищных (27,8%), стержнекорневых(19,3%) и короткокорневищных (14,8%) растений. Значительно меньше видов было в группах корневищно-рыхлокустовых (9,8%), рыхлокустовых (8%), наземно-ползучих (7,6%). Постоянно присутствовали 1—3 вида малолетников (3,9%) и иногда 1—2 вида растений полупаразитов. Среди доминантов по среднегодовому суммарному проективному покрытию лидировали стержнекорневые растения (21%), на втором месте были короткокорневищные (12%), на третьем месте — корневищно-рыхлокустовые (8,6%). Наибольшее проективное покрытие среди стержнекорневых приходилось на свербигу восточную, среди короткокорневищных — на герань луговую и на чертополох курчавый — среди малолетников.

Участок III, как и участок V, расположен на гриве высокого уровня, но только в прирусловой пойме, растительность его изучается с 1965 г. (Ермакова, Сугоркина, 2000, 2003). Наблюдаемые в начале мониторинга луговоовсяничники с 1972 г. сменились поли- и сменодоминантными разнотравно-злаковыми, злаково-разнотравными и иногда бобово-злаково-разнотравными лугами. На этом участке за годы мониторинга было от 1 до 9 доминантов (табл. 1, 2). Чаще всего доминировали из злаков: *Festuca pratensis, Poa angustifolia*, овсяница красная (*Festuca rubra* L.), *Phleum pratense*, ежа сборная (*Dactylis glomerata* L.); из разнотравья: *Taraxacum officinale* (84,8%), *Rhinanthus minor* (30,3%), борщевик сибирский (*Heracleum sibiricum* L.), подмаренник мягкий (*Galium mollugo* L.); из бобовых: горошек мышиный (*Vicia cracca* L.) и клевер луговой (*Trifolium pratense* L.).

Видовая насыщенность травостоя участка III в ходе мониторинга изменялась флюктуационно, от 30 до 52. Число жизненных форм колебалось от 9 до 11. Наибольшее число видов в среднем в ходе многолетних наблюдений насчитывали группы стержнекорневых (9,4 вида, что составляет 23,5% от всех видов) и длиннокорневищных растений (8,7 вида — 21,9%). Значительно меньше было короткокорневищных видов растений (14,8%), наземно-ползучих (9,6%), корневищно-рыхлокустовых (8,7%), рыхлокустовых (7,6%), малолетников (6,9%) и кистекорневых (6,7%). Меньше всего было облигатно-корнеотпрысковых (1%) и луковичных (0,08%).

Таким образом, на трех модельных участках Залидовских лугов, принадлежащих к разным типам растительности, за годы мониторинга наблюдалось колебание числа видов, состава доминирующих видов и групп жизненных форм; однонаправленных изменений параметров не отмечено, что говорит об устойчивом состоянии ценозов данных типов. Наибольшее среднее число видов было на участке V, наименьшая видовая насыщенность отмечена на смежном участке подстожья 3. Общими наиболее часто доминирующими видами на сравниваемых участках были мятлик узколистный и овсяница луговая. В центральной пойме к ним присоединились свербига восточная и герань луговая. Многолетний мониторинг показал тенденцию сближения растительности разных типов, описанных в начале наблюдения, по составу доминирующих видов.

Литература

Воронкина Н.В., Ермакова И.М., Сугоркина Н.С., Петросян В.Г., Седых И.Б., Романова Р.А. Математическое моделирование динамики биоразнообразия пойменных лугов реки Угры в Калужской области с применением информационной технологиии // Труды регионального конкурса научных проектов в области естественных наук. Калуга, 2003. Вып. 5. С. 265—282.

Ермакова И.М., Сугоркина Н.С. Мониторинг луговой растительности в пойме реки Угры // Ботанический журнал, 2000. Т. 85, № 12. С. 50—59.

Ермакова И.М., Сугоркина Н.С. Мониторинг луговых экосистем и принципы их устойчивости // Принципы и способы сохранения биоразнообразия. Йошкар-Ола, 2004. С. 11—13.

ФЛОРА ПОЙМЕННОЙ ЭКОСИСТЕМЫ СРЕДНЕЙ ОКИ (ДЕДИНОВСКОЕ РАСШИРЕНИЕ) И ЕЁ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В. Н. Егорова,
Московский педагогический государственный университет

С 1965 г. по настоящее время мы проводим системные исследования растительности поймы р. Оки (Дединовское расширение, с. Дединово Московской области), которые включают изучение динамики биоразнообразия и структуры сообществ, испытывающих различный антропогенный пресс. В настоящей статье по литературным и оригинальным материалам рассмотрим динамику видового состава, таксономической и биоморфологической структуры флоры пойменной экосистемы и внутриландшафтных «парциальных флор» в ходе естественных и антропогенных сукцессий в 1907—2000 гг.

Пойменная экосистема входит в состав окской долины в отрезке Средней Оки (от г. Коломны до впадения реки Мокши), находится в пределах Окско-Донской низменности и является одной из наиболее обширных по площади (до 22 тыс. га; ширина по профилю составляет до 15 км.) среди пойменных экосистем Северной и Центральной России. Она характеризуется хорошо выраженными структурными элементами, присущими пойменным местообитаниям, таким, как прирусловый вал, прирусловая, переходная от прирусловой к центральной, центральная (верхний, средний, нижний уровни) и притеррасная части поймы.

В ненарушенном состоянии пойменный ландшафт представлял исторически целостное уникальное природное образование. Режим поемности и аллювиальности обеспечивал специфичность гидрологических режимов и формирование экотопической контрастности местообитаний в каждой части по профилю пойменного ландшафта. В природных условиях наблюдалось пространственное разнообразие флоры и, в определенной степени, ее самобытность в каждой части поймы (Егорова, 2004б, 2005 и др.). Это послужило основанием проанализировать флору не только в целом для пойменной экосистемы, но и «парциальные флоры» в её пределах на экотопологическом (внутриландшафтном) уровне (Юрцев, 1987, 1997).

Во второй половине XX в. антропогенный пресс на растительность поймы постоянно усиливался, особенно начиная с 1960—70-х гг. Увеличились вносимые дозы минеральных удобрений, как при сенокосном, так и при пастбищном использовании растительности от N60—90 (PK) 30—60 до N 120—300 (PK) 90—180. К середине XX в. были осушены болота, исстари окружавшие пойменный ландшафт, площадь которых составляла около 15 тыс. га.

В наших исследованиях флористический состав пойменной растительности устанавливали методом геоботанических описаний (Уранов, 1935 и др.; Миркин, 1974). За основу выделения жизненных форм (ЖФ) видов были приняты наиболее широко используемые в нашей стране системы ЖФ и их некоторые уточнения и дополнения (Серебряков, 1964 и др.; Серебрякова, 1971 и др.; Алексеев и др., 1992). Подробнее методика описана в наших других статьях (Егорова, 2004а, б, 2005 и др.).

В начале XX в. [видовой состав флоры установлен по данным А. Ф. Флерова (1907—10, 1908)] флора пойменного ландшафта включала 165 видов из 35 семейств и 113 родов. В число ведущих семейств входили: Caryophyllaceae, Compositae, Cruciferae, Fabaceae, Gramineae, Polygonaceae, Ranunculaceae, Rosaceae, Rubiaceae, Umbelliferae. Число видов в этих семействах колебалось от 26 до 7. В остальных семействах число видов было 1—5. Во флоре присутствовало более половины (60, 2 %) родов, представленных одним видом и значительное количество (42, 9 %) семейств, представленных одним родом. Число семейств, представленных одним видом, составляло всего лишь 17, 2 % от общего их числа. Число видов в родах колебалось от 8 до 2. Среди ведущих семейств преимущественное положение занимали Compositae (16, 0 %) и Gramineae (12, 8 %). Доля других 8 ведущих семейств колебалась от 5, 6 до 7, 9 %. Участие 25 семейств во флоре составляло 0, 6—2, 4 %.

В середине XX в. (1940—60 гг.) флора пойменной экосистемы [видовой состав установлен по данным Т. И. Серебряковой (1956, и др.), Т. А. Работнова (1973 и др.), нашим материалам, полученным в 1961—63, 1966 гг. при изучении исходного флористического состава растительных сообществ в различных частях поймы] включала 208 видов из 38 семейств и 122 родов. В состав ведущих входило большинство тех же семейств, что и в начале XX в. —

Caryophyllaceae, Compositae, Cyperaceae, Fabaceae, Gramineae, Ranunculaceae, Rosaceae, Rubiaceae, Scrophulariaceae, Umbelliferae. Число видов в них колебалось от 8 до 31. В остальных семействах число видов колебалось от 1 до 5. Роды, представленные одним видом, составляли 60, 7 %, семейства, представленные одним родом — 45, 0 %, семейства, представленные одним видом — 17, 5 %. В других родах число видов колебалось от 2 до 8. В структуре систематического спектра преобладающее положение занимали Compositae (15, 7 %) и Gramineae (11, 8 %). Доля 8 ведущих семейств колебалась от 3, 9 до 9, 2 %. Участие остальных 28 семейств во флоре составляло 0, 5—2, 7 %.

Состояние флоры в конце XX в. (1997—2000 гг., наши данные) было проанализировано по трем вариантам: а) в список вошли виды, зафиксированные в пределах пойменной экосистемы при всех способах использования; б) виды, зафиксированные в растительных сообществах при сенокосном использовании и длительном (25—30 лет) внесении минеральных удобрений в количестве N120—240 (PK)60—120; в) виды, зафиксированные в растительных сообществах при пастбищном использовании и длительном (18—25 лет) внесении минеральных удобрений в количестве N120—300 (PK)120—180.

В этот период при всех способах использования было зафиксировано 98 видов из 27 семейств и 75 родов. Ведущее положение сохранили только 4 семейства: Compositae, Fabaceae, Gramineae, Ranunculaceae. Число видов в них колебалось от 7 до 16. В остальных 23 семействах число видов колебалось от 1 до 5. Среди них 14 семейств (60, 9 %) были представлены только одним видом. В таксономической структуре роды, представленные одним видом, составляли 60, 0 %, семейства, представленные одним видом — 6, 6 %; семейства, представленные одним родом — 30, 0 %. При всех способах использования растительности преобладающее положение во флоре сохранили семейства Compositae (13, 2 %) и Gramineae (17, 6 %). Доля 2 других ведущих семейств составляла 7, 1 и 10, 9 % . Доля остальных 23 семейств в структуре систематического спектра колебалась от 1, 0 до 6, 5 %. В структуре флоры наметилась тенденция снижения доли Compositae (с 15, 0 % до 13, 2 %) и увеличения доли Gramineae (с 11, 8 % до 17, 8 %). В ходе антропогенных сукцессий во флоре пойменной экосистемы сократилось: число ведущих семейств — в 2, 5 раза, общее число семейств — в 1, 3—1, 4 раза, число видов — в 1, 7 и 2, 1 раза, по сравнению с началом и серединой XX в.

В растительных сообществах при сенокосном использовании и длительном (25—30 лет) внесении высоких доз минеральных удобрений в 1997—2000 гг. было 73 вида из 23 семейств и 58 родов. В состав ведущих вошли три семейства: Compositae, Fabaceae, Gramineae, в которых число видов колебалось от 7 до 13. В остальных 20 семействах было от 1 до 5 видов. Доля ведущих семейств в систематическом спектре колебалась от 10, 1 до 19, 1 %, остальных 20 семейств — от 1, 5 до 7, 4 %. В структуре флоры увеличилась доля видов Gramineae до 19, 1%, а доля видов Compositae снизилась до 11, 7 %, по сравнению с началом и серединой XX в. соответственно — 12, 8 % и 11, 8%; 16, 0 % и 15, 7 %. В итоге при сенокосном использовании растительности и длительном внесении высоких доз минеральных удобрений к 1997 — 2000 гг., по сравнению с началом и серединой XX в., соответственно, сократилось общее число: видов — в 2, 3 и 2, 9 раза, семейств — в 1, 5 и 1, 7 раза, родов — в 1, 9 и 2, 1 раза. В таксономической структуре флоры значительно возросла доля родов, представленных одним видом (86, 2 %), семейств, представленных одним видом (43, 5 %), семейств, представленных одним родом (52, 2 %), по сравнению с показателями аналогичных параметров флоры в 1907—1910 гг. (соответственно 60, 2, 17, 2, 42, 9 %) и в 1940—1960 гг. (соответственно 60, 7; 17, 5; 45, 0 %).

В растительных сообществах при пастбищном использовании и длительном (18—25 лет) внесении высоких доз минеральных удобрений в 1997—2000 гг. флора включала 60 видов из 21 семейства и 47 родов. В этих ценозах, также как и в интенсивно удобряемых сенокосных сообществах, в число ведущих вошли семейства: Compositae, Fabaceae, Gramineae, число видов в которых колебалось от 7 до 14, а доля в структуре систематического спектра — от 11,7 до 23, 3 %. В остальных 18 семействах число видов было в пределах 1—4, а доля в структуре систематического спектра — 1, 7—6.7 %. В этих сообществах также увеличилась относительная доля Gramineae (23,3 %, по сравнению с 12, 8 и 11, 8 % в начале и середине XX в.) и снизилась доля Compositae (соответственно 11,7 %, по сравнению с 16, 0 и 15, 7 %). В ходе антропогенных сукцессий в пойменных ценозах при пастбищном использовании

сократилось число: видов — в 2,8 и 3, 5 раза, семейств — в 1, 7 и 1, 8 раза, родов — в 2, 4 и 2, 6 раза, по сравнению соответственно с 1907—10 гг. и 1940—60 гг. В этих ценозах в таксономической структуре флоры преобладают роды, представленные одним видом (87, 2 %) от общего их числа). Высока доля семейств, представленных одним видом (42, 7 %), и семейств, представленных одним родом (57, 1 %).

Анализ спектров ЖФ флоры пойменной экосистемы в первой половине XX в. показал, что структура растительности по этим параметрам была достаточно стабильной. Виды флоры в начале XX в. характеризовались 22 ЖФ. Число видов отдельных ЖФ колебалось от 42 до 1. Ведущее положение занимали ЖФ: стержнекорневая (42 вида), длиннокорневищная (33), кистекорневая (16), однолетники и двулетники (14), корнеотпрысковая (13), рыхлокустовая (12), стержнекорневая-корнеотпрысковая (10). Число видов остальных ЖФ колебалось от 1 до 7. Относительная доля видов ведущих ЖФ в структуре спектра составляла 78, 2 %. Преимущественное положение во флоре занимали ЖФ: стержнекорневая (25, 0 %), длиннокорневищная (19, 6 %), кистекорневая (9, 4 %), однолетники и двулетники (8, 3 %). Доля других ЖФ колебалась от 0, 6 до 6, 0 %.

В середине XX в. (1940—60 гг.) виды флоры характеризовались 23 ЖФ. В этот период в состав ведущих входили те же ЖФ, что и в 1907—10 гг. Достаточно стабильным оставалось и число видов отдельных ЖФ (колебания между двумя анализируемыми периодами составляли от 2 до 5 видов). Довольно существенное различие по числу видов (12) за этот период было зафиксировано только у кистекорневых растений. В 1940—60 гг. преимущественное положение в структуре флоры, как и в начале XX в., занимали виды ЖФ: стержнекорневой (21, 0 %), кистекорневой (13, 1 %), длиннокорневищной (16, 4 %), однолетники и двулетники (8, 9 %). Доля видов других ЖФ колебалась от 0, 5 % до 3, 7 %.

В 1997—2000 гг. при всех способах хозяйственного использования виды флоры характеризовались 16 ЖФ. Ведущее положение во флоре сохранили ЖФ: стержнекорневая (19 видов), длиннокорневищная (17 видов), однолетники и двулетники (13 видов), кистекорневая (11 видов), рыхлокустовая (9 видов). Однако число их видов сократилось, по сравнению с 1907—10 гг. и 1940—60 гг. соответственно: стержнекорневой — в 2, 2 и 2, 4 раза, кистекорневой — в 1, 5 и 2, 5 раза, рыхлокустовой — в 1, 3 и 1, 8 раза, длиннокорневищной — в 1, 9 и 2, 1 раза. Сократилось число видов и других ЖФ. Преимущественное положение занимали виды стержнекорневой и длиннокорневищной ЖФ (36, 7 %). Доля других ЖФ колебалась от 1, 0 % до 7, 1 %.

На сенокосных участках, где в течение 20—35 лет вносили минеральные удобрения в количестве N120-240 (PK) 60—120 в 1997—2000 гг. виды характеризовались 14 ЖФ. Ведущее положение занимали виды стержнекорневой, кистекорневой, длиннокорневищной ЖФ, их доля составляла 52, 7 % в структуре биоморфологического спектра. Среди них преобладали длиннокорневищные растения (58, 9 %). Здесь заметно уменьшилось число однолетников и двулетников, сократилось число видов и других ЖФ.

В растительных сообществах при пастбищном использовании и длительном (18—25 лет) внесении минеральных удобрений в количестве N 120—300 (PK) 120—180 в 1997—2000 гг. виды характеризовались14 ЖФ. Видовой состав и биоморфологическая структура растительности этих сообществ сходны с видовым составом и биоморфологической структурой растительности интенсивно удобряемых сенокосных участков.

Итак, анализ оригинальных материалов и литературных данных показал, что в первой половине двадцатого столетия флора пойменной экосистемы не претерпела существенных изменений в ходе естественных сукцессий. К середине XX в. общее число видов флоры увеличилось на 14,6 % (24 вида), по сравнению с числом видов 1907—10 гг. Таксономическая структура флоры также была относительно стабильной по всем параметрам. За этот период 8 семейств из 10 сохранили ведущее положение. И только 2 семейства (Cruciferae, Polygonaceae) к середине столетия потеряли ведущее значение, а 2 семейства (Cyperaceae, Scrophulariaceae) вошли в состав ведущих. К середине столетия незначительно увеличилось число семейств и родов, представленных одним видом, а также семейств, представленных одним родом. Число семейств увеличилось на 8,6 % , число родов — на 8, 0 %. Количественные колебания систематических спектров 1907—10 гг. и 1940—60 гг. составили 0, 1 %—0, 8 %. И только для трех семейств эти колебания были в пределах 2, 4 %—4, 0 %.

Биоморфологическая структура, как было выше показано, также оставалась стабильной. Динамика видового состава и структуры флоры на таком уровне не приводит к изменению структурно-функциональных свойств и стабильности пойменной растительности, а только вызывает в той или иной степени перегруппировку их количественных показателей. Эти изменения носят флюктуационный характер.

В ходе антропогенных сукцессий во второй половине XX в. флора пойменной экосистемы при всех способах хозяйственного использования сократилась в 1, 7 и 1, 9 раза, по сравнению с началом и серединой XX в. Соответственно сократилось: число родов — в 1, 5 и 1, 6 раза, число семейств — в 1, 2 и 1, 3 раза, число семейств, представленных одним видом — в 3 и 3,5 раза, родов, представленных одним видом — в 1, 5 и 1, 6 раза, семейств, представленных одним родом — в 1, 6 и 2 раза. При длительном внесении высоких доз минеральных удобрений, сенокосном и пастбищном использовании растительности происходит еще более интенсивное сокращение флористического состава и изменение количественных показателей таксономической и биоморфологической структур флоры (см. выше). Наши исследования показали, что антропогенные сукцессии характеризуются быстрыми темпами, имеют однонаправленный и необратимый характер.

Сравнительный анализ парциальных флор пойменного ландшафта р. Оки в исходном состоянии в 1940—60 гг., в условиях характерных для поймы режимов поемности и аллювиальности и слабого антропогенного пресса показал, что все они в большей или меньшей степени различаются по флористическом богатству, числу и видовому составу семейств, родов, ЖФ, биоморфологической и таксономической структуре. В результате исследования выявлена специфика антропогенных сукцессий парциальных флор по профилю поймы. При всех способах использования растительности динамика количественных показателей параметров, характеризующих структуру парциальных флор прирусловой и переходной от прирусловой к центральной частях поймы, характеризовалась флюктуационными изменениями. В центральной части поймы наметилась тенденция однонаправленных и необратимых изменений видового состава и структуры парциальной флоры. На сенокосных и пастбищных участках при длительном внесении высоких доз минеральных удобрений антропогенные сукцессии парциальных флор имели однонаправленный и необратимый характер и сопровождались существенным сокращением видового состава, числа семейств, родов, ЖФ.

В ходе антропогенных сукцессий глубокие изменения выявлены в парциальной флоре притеррасной части поймы. При различной антропогенной нагрузке сократилось: число видов в 2, 5—4, 1 раза, число родов — в 1, 8—3, 1 раза, семейств — в 1, 6—2, 4 раза, ЖФ — в 1, 5 раза, число видов ведущих ЖФ — в 1, 7—4, 5 раза, ведущих семейств — в 3, 0—3, 3 раза. Из флоры выпали все виды 6 ЖФ и 13 семейств. Специфика антропогенных сукцессий здесь обусловлена кардинальной сменой экотопических условий, в связи с осушением, прилегающих к пойменному ландшафту болот и изменением гидрологического режима (Егорова, 2004б, 2005).

Литература

Алексеев Ю. А., Карпухина Е. А., Прилепский Н. Г. Растительный покров окрестностей Пущина. Пущино, 1992. 177 с.

Егорова В. Н. Динамика видового состава и спектров жизненных форм флоры поймы реки Оки в ходе естественных и антропогенных сукцессий // Бот. журн. 2004а. Т. 89. № 6. С. 957—973.

Егорова В. Н. Динамика количественных параметров таксономической структуры локальных флор и фитоценотической структуры растительности пойменной экосистемы р. Оки в связи с вопросами комплексного мониторинга природных ландшафтов // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. М., 2004б. С. 265—281.

Егорова В. Н. Влияние антропогенных факторов на видовой состав жизненных форм и биоморфологическую структуру парциальных флор пойменного ландшафта р. Оки (Дединовское расширение) // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. М., 2005. С. 387—404.

Миркин Б. М. Закономерности развития растителькости речных пойм. М., 1974. 172 с.

Работнов Т. А. Влияние минеральных удобрений на луговые растения и луговые фитоценозы. М., 1973. 177 с.

Серебряков И. Г. Жизненные формы высших растений и их изучение // Полевая геоботаника. М.-Л.

1964. Т. 3. С. 146—205.

Серебрякова Т. И. Побегообразование и ритм сезонного развития растений заливных лугов средней Оки // Уч. Зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И.Ленина. 1956. Т. 9. Вып. 3. С. 43—120.

Серебрякова Т. И. Морфогенез побегов и эволюция жизненной формы злаков. М., 1971. 359 с.

Уранов А. А. О методе Друде // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 1935. Т. 44. Вып. 1—2. С. 18—31.

Флеров А. Ф. Окская флора. // Тр. С-Петерб. бот. сада. Т. 27. Вып. 1. 1907. С. 1 — 286; Вып. 2. 1908. С. 287—728; Вып. 3. 1910. С. 733—788.

Флеров А.Ф. Ботанико-географические исследования р. Оки от верховьев до впадения в р. Волгу // Изв. Рус. геогр. о-ва. СПб.,1908. Т. 43. С. 93—110.

Юрцев Б. А. Элементарные естественные флоры и опорные единицы сравнительной флористики // Теоретические и методические проблемы сравнительной флористики. СПб.: Изд-во «Наука». 1987. С. 13—28.

Юрцев Б. А. Мониторинг биоразнообразия на уровне локальных флор // Бот. журн. 1997. Т. 82. N 6. С. 60—69.

ДЕНДРОСАД В ГОРОДЕ ЖИЗДРЕ. ДЕНДРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ

А.А. Зорин, *инженер,*
Калужский областной краеведческий музей

Дендросад был заложен в 1896—98 гг. при основании Жиздринского Михайловского училища. Руководил работами инспектор училища Федор Авксинтьевич Крюков (в будущем известный ученый, доктор наук). В 1900 г. за план дендросада училищу была присуждена золотая медаль на Всемирной выставке в Париже. На Всероссийских выставках садоводства в С-Петербурге и Москве золотые медали присуждались — в 1899, 1903, 1906, 1911 гг. Создавался дендросад как учебный и маточный для обеспечения питомника училища. В 1912 г., согласно ценнику училища, ассортимент, предлагаемый для продажи, составил 92 вида и форм только декоративных деревьев и кустарников открытого грунта. В 1941 г. работы в дендросаду были прекращены и более не возобновлялись.

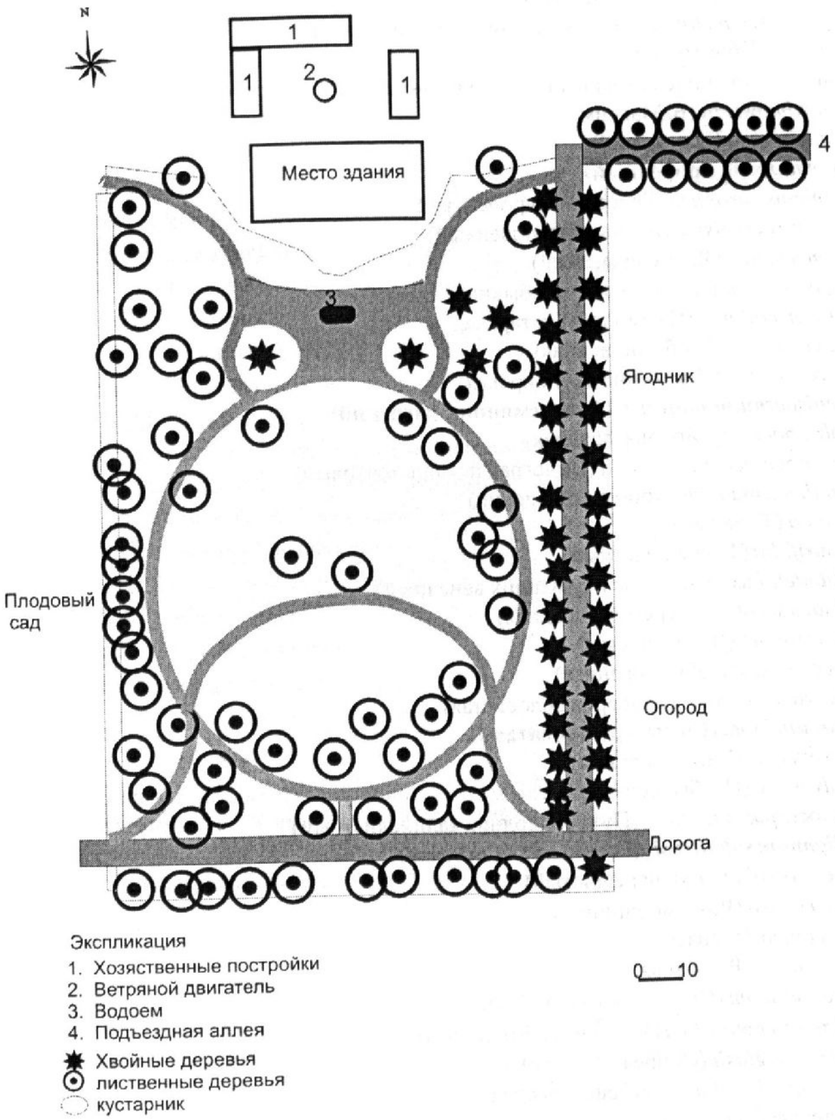
В настоящее время в дендросаду, имеющем площадь 1,7 га, насчитывается 57 видов деревьев и кустарников. Почвы серые супесчаные на песках. В дендросаду сформировалось сложное многоярусное насаждение из экзотов и аборигенов. В 1 ярусе — дуб черешчатый, липа мелколистная, сосна обыкновенная, клен остролистный, лиственница сибирская, тополя. Эти деревья расположены по периметру сада, в центре находится группа хвойных — сосна крючковатая, пихта сибирская, кедр сибирский, лиственница сибирская. Все эти деревья в возрасте около 100 лет и были посажены при закладке сада. Второй ярус образован деревьями клена ясенелистного, остролистного, липы мелколистной, клена в возрасте 20—50 лет и высотой 14—20 м, расположены по всей территории безсистемно; этот ярус образовался из самосева. Третий ярус — боярышники, ирга круглолистная, черемуха виргинская, обыкновенная, клен татарский, жостер слабительный, высота 5—8 м. Четвертый ярус образован различными кустарниками высотой до 4 м Наиболее распространены спиреи и бересклет европейский. Межъярусная растительность представлена виноградом пятилисточковым и луносемянником даурским.

Возобновление отмечено у клена остролистного, ясенелистного, полевого, липы мелколистной, вяза гладкого, черемухи обыкновенной, боярышника сибирского, яблони ягодной. Большая часть кустарников распространяется порослью.

В целом состав дендросада представлен акклиматизированными видами, широко используемыми в озеленении. К редким видам для нашей полосы можно отнести: сосну крючковатую (дерево высотой 24 м и диметром 46 см; плодоносит, состояние неудовлетворительное, часть скелетных ветвей усохла, возможно, повреждена морозами), клен серебристый (форма рассеченолистная, состояние хорошее, не плодоносит); луносемянник даурский (ежегодно отрастает до 4 м, распространяется порослью); пуэрария (ежегодно обмерзает до уровня снега, распространяется порослью); черемуха поздняя (высота 20 м, диаметр 40 см, состояние хорошее).

В Государственном архиве Калужской области в фондах научно-справочной библиотеки имеется «Ценник садового хозяйства Жиздринского Михайловского садового училища. 1912—1913 гг.», в котором содержится перечень растений, предназначенных к реализации в Жиздринском Михайловском училище. При сравнении этого перечня с современным списком

План дендросада
Жиздинского Михайловского училища

растений в дендросаду можно отметить следующее. В ценнике не упомянуты 13 видов растущих сейчас растений. Погибли виды и формы, наиболее неустойчивые по отношению к морозам, из декоративных форм деревьев и кустарников осталось только два — клен Шведлера и клен серебристый форма рассеченолистная. Ель голубая погибла в конце 80-х годов, так как в 1991 г., когда проводилось первое обследование дендросада, дерево стояло погибшим. В то же время существовало дерево ореха серого, сильно поврежденного морозами. Список деревьев и кустарников представлен в таблице, выделены виды, не упомянутые в 1912 г.

Список видов деревьев и кустарников (наблюдения 2006 г.)

*1. *Abies sibirica* (Пихта сибирская)
2. *Amelanchier ovalis* (Ирга круглолистная)
3. *Acer negundo* (Клен ясенелистный)
4. *A. tataricum* (К. татарский)
5. *A. platonoides* (К. остролистный)
6. *A. platanoides var. Schedlerii.* (К. остролистный ф. Шведлера)
*7. *A. campestre* (К. полевой)
8. *A. saccharinum f. Wieri.* (К. серебристый ф. рассеченолистная)

9. *Berberis vulgaris* (Барбарис обыкновенный)
10. *Caragana arborescens* (Карагана древовидная)
11. *Cornus alba* (Дерен белый)
12. ***Cornus mas*** **(Кизил обыкновенный)**
13. *Cotoneaster melanocarpa* (Кизильник черноплодный)
14. *C.lucida* (К. блестящий)
15. *Crataegus sanguinea* (Боярышник кровяно-красный)
16. *C. maximowiczii* (Б. Максимовича)
17. *C.oxyacantha* (Б. колючий)
18. ***C. revularis*** **(Б. приречный)**
19. *Euonimus europaea* (Бересклет европейский)
20 . *Fraxinus excelsior* (Ясень обыкновенный)
21. *F. amerikana* (Я. американский)
22. *Ligustrum vulgare* (Бирючина обыкновенная)
23. *Lonicera tatarica* (Жимолость татарская)
24. *L. xylosteum* (Ж. обыкновенная)
25. *Larix sibirica* (Лиственница сибирская)
*26. ***Menispermum dahuricu*** **(Луносемянник даурский)**
27. *Malus baccata* (Яблоня ягодная)
28. *Partenocissus quinquefolia* (Виноград пятилисточковый)
29. *Populus canadiens* (Тополь канадский)
*30. *P. alba* (Т. белый)
31. *P. laurifolia* (Т. лавролистный)
32. *Philadelphus coronarius* (Чубушник венечный)
*33. *Padus serotina* (Черемуха поздняя)
34. *P. virginiana* (Ч. виргинская)
35. *P. racemosa* (Ч. обыкновенная)
*36. *Pueraria hirsita* (Пуэрария волосистая)
37. ***Pinus uncinata*** **(Сосна крючковатая)**
*38. *P. sibirica* (Кедр сибирский)
39. *P. silvestris* (С. обыкновенная)
40. *Physocarpus opulifolia* (Пузыреплодник калинолистный)
41. ***Poligonum sahaliensis*** **(Гречиха сахалинская)**
42. *Quercus robur* (Дуб черешчатый)
43. *Rosa rugosa* (Роза морщинистая)
*44. *R. glauca* (Р. сизая)
*45. *R. canina* (Р. собачья)
46. *Ribes alpinum* (Смородина альпийская)
*47. *Rhamnus cathartica* (Жестер слабительный)
48. *Spirea douglasii* (Спирея Дугласа)
49. *S. chamaedryfolia* (С. дубравколистная)
*50. *S. media* (С. средняя)
51. *S. sorbifolia* (С. рябинолистная)
52. *Syringa vulgaris* (Сирень обыкновенная)
*53. *S. josikaeae* (С. венгерская)
54. *Tilia cordata* (Липа мелколистная)
55. *Ulmus scabra* (Вяз шершавый)
56. *U. laevis* (В. гладкий)
57. *Viburnum lantana* (Городовина обыкновенная)

Виды, произраставшие в дендросаду в 1912 г., но погибшие к настоящему времени

1. *Amygdalis nana* (Миндаль степной)
2. *Berberis vulgaris var. foliis autropurpureis* (Бересклет обыкновенный ф. пурпурная)
3. ***Cytisus sapinus*** **(Ракитник щетинистый)**
4. *Caragana arborescens var. pendula* (Карагана древовидная ф. Плакучая)
5. ***C. spinosa*** **(К. иглистая)**
6. ***Crataegus melanocarpa*** **(Боярышник черноплодный)**
7. *Elagnus argentea* (Лох серебристый)
8. F*raxinus excelsior f. pendula* (Ясень обыкновенный ф. плакучая)

9. ***Halimodendron argenteum*** **(Чемыш серебристый)**
10. ***Ligustrum vulgare*** **(Бирючина обыкновенная)**
11. ***Lonicera morrovii*** **(Жимолость моррови)**
12. *Mahonia aquifolium* (Магония паддуболистная)
13. ***Populus angulata*** **(Тополь ребристый)**
14. *P. berlinensis* (Т. берлинский)
15. *P. moscowiensis* (Т. московский)
16. *P. suaveolens* (Т. душистый пирамидальный)
17. *P. simonii* (Т. Симона)
18. ***Potentilla fruticosa*** **(Лапчатка кустарниковая)**
19. ***Pinus inops*** **(Сосна дзержейская)**
20. *Picea pungens* (Ель колючая)
21. ***Rosa lutescens*** **(Роза желтая)**
22. *R. rugosa fl. rubra* (Р. царица севера)
23. *Ribes aureum* (Смородина золотистая)
24. *Rubus odoratus* (Малина пахучая)
25. *Sambucus nigra f. folii aureus* (Бузина черная желтолистная)
26. *S. n. f. follii variegates* (Бузина черная пестролистная)
27. *S. n. f. filicifolia* (Бузина черная папоротниколистная)
28. *Symphoricarpus racemosus* (Снежная ягода)
29. ***Spiraea levigata*** **(Спирея гладколистная)**
30. ***Thja ocsidentalis*** **(Туя западная)**
31. *Viburnum lantana* (Калина пушистая)
32. *Juglans cinerea* (Орех серый — нет в списке 1912г.).

Литература и источники

Ворошилов В.Н. Определитель растений советского Дальнего Востока. М., 1982.

Государственный архив Калужской области (ГАКО). НСБ. Ценник садового хозяйства Жиздринского Михайловского садового училища.1912—1913 гг.

Колесников А.И. Декоративная дендрология. М., 1974.

Рубцов Л.И. Деревья и кустарники. Киев, 1974.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БИОМОНИТОРИНГА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ ПО СТАБИЛЬНОСТИ РАЗВИТИЯ БЕРЕЗЫ БОРОДАВЧАТОЙ В 2006 г.

Л.А. Евстафьева*, студентка,*

Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского

На протяжении десяти лет (с 1996 года) в лаборатории биоиндикации при КГПУ им. К.Э. Циолковского ведётся биомониторинг территории Калужской области. Объектом исследования является качество окружающей среды. Степень качества окружающей среды оценивается с точки зрения благоприятности для жизни и развития обитающих на исследуемой территории живых организмов.

Для оценки качества среды на территории Калужской области используется береза бородавчатая. Этот вид отвечает всем требованиям, предъявляемым к видам-биоиндикаторам, широко распространен на исследуемой территории, удобен для сбора и хранения образцов. Имеет хорошо выраженную ответную реакцию на изменение качества окружающей среды, что отражено в ряде работ, посвященных данному виду (Захаров, 1981; Чистякова, 1997; Константинов, 2001). Сбор материала производится ежегодно в 46 точках области, измерение признаков, математическая обработка материала, картографическая обработка и представление итоговой информации на базе ГИС-технологии. В результате обработки вычисляются значения коэффициента асимметрии, отражающие стабильность развития данных организмов.

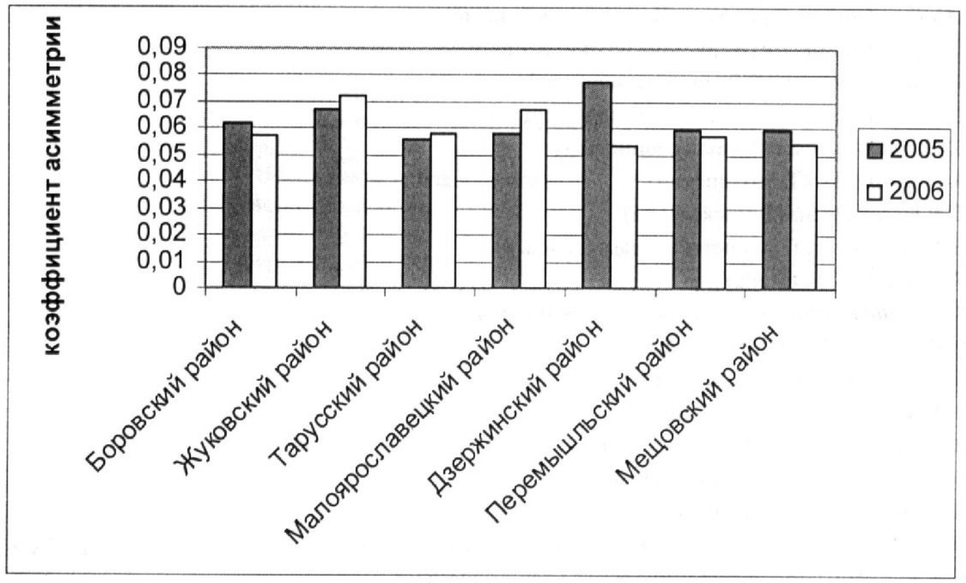

Рис. 1. Сравнение стабильности развития (индицирующей качество среды) березы бородавчатой в некоторых точках на территории города Калуги.

По значениям коэффициентов делается качественное заключение о состоянии окружающей среды (Стрельцов и др., 2004)

Качество окружающей среды, в основном оставаясь достаточно стабильным, в отдельных участках меняется из года в год. Так, при сравнении коэффициентов за 2005 и 2006 гг. наблюдается следующая картина. В 2006 году в среднем экологическое состояние в области немного улучшилось, но есть отдельные районы с обратной тенденцией в сторону ухудшения экологического состояния (рис.1). В Боровском, Дзержинском, Перемышльском, Мещовском, Козельском, Барятинском, Сухиничском, Ульяновском, Спас-Деменском, Кировском, Куйбышевском районах коэффициент асимметрии понизился по сравнению с 2005 г., а в Жуковском, Тарусском, Малоярославецком, Юхновском районах увеличился.

Литература

Захаров В.М. Критерии оценки стабильности развития в природных популяциях// ДАН СССР. 1981. Т. 258, №1. С. 254—256.

Константинов Е.Л. Особенности флуктуирующей асимметрии листовой пластинки березы повислой как вида-биоиндикатора: Автореферат дис… к-та биол. наук: 03.00.16/ КГПУ Калуга, 2001. 21с.

Стрельцов А.Б., Логинов А.А., Константинов Е.Л., Букина Н.Н., Еленская Г.И., Евстафьева Л.А. Экологическая оценка качества окружающей среды на территории г. Калуги для целей городского планирования и охраны здоровья населения /КГПУ. Калуга, 2004.

Чистякова Е.К. Анализ стабильности развития в природных популяциях растений на примере березы повислой. Автореферат дис…к-та биол. наук: 03.00.15/ Ин-т биол. развит. М., 1997. 20с.

О ПРОЕКТЕ «ЧЕРНАЯ КНИГА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ»*

***А.В. Крылов**, аспирант, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

***Н.М. Решетникова**, к.б.н., н.с., Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина РАН*

***Г.А. Шестакова**, д.б.н., профессор, **Н.В. Воронкина**, к.б.н., доцент,*

Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Адвентивный компонент флоры разных регионов вот уже несколько десятилетий — один из объектов пристального внимания со стороны ботаников-флористов и экологов. В настоящее время все более актуальными становятся вопросы, связанные с последствиями внедрения и расселения (инвазиями) адвентивных (заносных, чужеродных) видов. Настоящий период изучения инвазий следует охарактеризовать как переходный от регистрации фактов вселения чужеродных видов к анализу причин и последствий этого явления (Биологические…, 2004). Так, на VI научном совещании по флоре Средней России, которое проходило в апреле 2006 г. в Твери, Ю.К. Виноградовой были доложены первые итоги реализации проекта «Черная книга» Средней России (Виноградова и др., 2006). Проект направлен на изучение инвазионных видов флоры Средней России. Обобщены данные по биологическим особенностям видов и динамике их расселения во вторичном ареале, дана оценка как экономическому ущербу, так и возможному использованию инвазионных видов. Инвазионные виды Средней России понимаются авторами как чужеродные виды, которые: а) внедрились в естественные (леса, поймы рек) или полуестественные (сбитые боровые пески, зарастающие торфяники) фитоценозы; б) являются кенофитами, т.е. начали формировать вторичный ареал позднее XVI в. и в настоящее время продолжают активное расселение; в) встречаются не менее, чем в 75% регионов Средней России. Архиофиты в число исследуемых видов не включены. К широко распространенным в Средней России инвазионным видам отнесен 51 таксон (Виноградова и др., 2006).

Международной научной конференцией «Адвентивная и синантропная флора России и стран ближнего зарубежья: состояние и перспективы», проходившей в сентябре 2006 года в Ижевске, было решено рекомендовать коллективам учреждений и вузов создать рабочие группы по разработке региональных «Черных книг».

У «Черных книг», как и у Красных книг (Горбунов, Швецов, 2006; Казакова, 2006; Силаева, 2006), должен быть ряд задач, которые они призваны решать:

— изучение исторического и современного распространения адвентивных видов, их обилия и численности на территории региона;

— создание основы для мониторинга, изучения динамики отдельных популяций адвентивных видов;

— выявление путей и способов заноса;

— изучение эколого-биологических особенностей адвентивных видов;

— оценка экономического ущерба;

— разработка конкретных мер препятствующих внедрению чужеродных видов в растительный покров региона;

— привлечение внимания органов власти и управление;

— популяризация знаний и привлечение к сбору данных общественные организации.

Из них наиболее важные, на наш взгляд, две: разработка конкретных мер, препятствующих внедрению чужеродных видов в растительный покров региона и привлечение внимания органов власти и управления.

По нашим данным, в Калужской области адвентивных видов более 400, но не все они должны быть включены в «Черную книгу», потому что заносные виды во вторичном ареале «ведут» себя, то есть натурализуются, по-разному. Например, ряд видов, будучи занесенными, сохраняются лишь в течение одного вегетационного сезона. Преимущественно древесно-кустарниковые интродуценты сохраняются десятилетиями без ухода человека, например, по старым усадьбам, но не дают потомства. Ряд видов, в основном это малолетники, в течение нескольких лет удерживаются и даже размножаются, но не образуют устойчивых популяций и быстро выпадают. Следующая группа — виды, которые прочно закрепляются в местах заноса, возобновляются, но из этих мест не расселяются. Ряд адвентивных растений способны к активному расселению по нарушенным местам. Немало заносных видов, которые способны внедряться в естественные местообитания. И, наконец, группа заслуживающая наиболее пристального наблюдения: виды, которые изменяют характер, условия и аспект местообитания, в которое они внедряются, так называемые виды-трансформеры (Гельтман, 2003; Биологические…, 2004). Мы предлагаем включать в «Черную книгу» растения последних трех групп, то есть виды, которые способны к активному самовозобновлению, расселению, способные внедрятся в естественные и полуестественные местообитания и виды, трансформирующие фитоценозы.

Разная степень выраженности этих характеристик может быть отражена в разном статусе

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (гранты 07-04-96432-р_центр_а, 07-04-01503-а) и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Биоразнообразие и динамика генофондов».

видов «Черной книги» по аналогии с «краснокнижными» растениями. Таким образом, мы предлагаем выделять 3 категории видов с разным статусом. 3-я категория — это виды более или менее широко распространившиеся в регионе по нарушенным местообитаниям и потенциально способные внедриться в естественные местообитания, или растения, в области пока не инвазионные, но проявившие себя в этом статусе в сопредельных регионах. По нашим предварительным данным к 3-й категории в Калужской области можно отнести 28 видов: *Bromus japonicus* Thunb. — костер японский, *Lolium multiflorum* Lam. — плевел многоцветковый, *Lolium perenne* L. — плевел многолетний, *Puccinellia distans* (L.) Parl. — бескильница расставленная, *Populus x moskoviensis* Schroeder — тополь московский, *Reynoutria japonica* Houtt. — рейнутрия японская, *Kochia scoparia* (L.) Schrad. — прутняк венечный, *Amaranthus albus* L. — щирица белая, *Lepidium densiflorum* Schrad. — клоповник густоцветковый, *Rosa glauca* Pourr. — шиповник сизый, *Medicago sativa* L. — люцерна посевная, *Medicago x varia* T. Martyn — люцерна пестрая, *Oxalis stricta* L. — кислица прямая, *Epilobium pseudorubescens* A. Skvorts. — кипрей ложнокраснеющий, *Oenothera oakesiana* (A. Gray) Robbins ex S. Watson — ослинник Океса, *Oenothera rubricaulis* Klebahn — ослинник красностебельный, *Oenothera silesiaca* Renner — ослинник силезский, *Oenothera villosa* Thunb. — ослинник мохнатый, *Fraxinus pennsylvanica* Marsh. — ясень пенсильванский, *Elsholtzia ciliata* (Thunb.) Hyl. — эшшольция реснитчатая, *Veronica persica* Poir. — вероника персидская, *Thladiantha dubia* Bunge — тладианта сомнительная, *Aster salignus* Willd. — астра ивовая, *Chamomilla suaveolens* (Pursh) Rydb. — ромашник пахучий, *Erigeron annuus* (L.) Pers. — мелколепестник однолетний, *Galinsoga ciliata* (Rafin.) Blake — галинзога реснитчатая, *Galinsoga parviflora* Cav. — галинзога мелкоцветковая, *Helianthus tuberosus* L.— подсолнечник клубненосный.

К 3-й категории мы относим, например, клоповник густоцветковый: до 70-х гг. в области собирался аборигенный клоповник сорный (*Lepidium ruderale* L.), который был распространен по нарушенным местам, по открытым пескам, у обочин дорог. В 80-х годах он повсюду сменился занесенным к нам из Америки клоповником густоцветковым, который широко распространился по тем же местообитаниям, что, вероятно, стало причиной сокращения численности аборигенного вида, сборы которого в последние годы стали очень малочисленными (KLH, MHA, MW). Так же широко расселилась в области по нарушенным местам североамериканская астра ивовая. Она с давних пор выращивается как декоративное растение и легко дичает. На способность этого вида ускользать из культуры обращал внимание еще Н.Л. Дмитриев (1919 г.) в заметках по флоре Калужской губернии.

Следующая, 2-я категория видов «Черной книги» — растения, внедряющиеся в естественные местообитания, но не аспектирующие в них, а занимающие или разделяющие экологическую нишу одного из видов природной флоры. При этом, по нашим наблюдениям, численность близких видов иногда сокращается, но в целом облик фитоценоза не изменяется и существенного изменения ценотических связей в нем не происходит. По нашим данным, ко 2-й категории в Калужской области уверено можно отнести 15 видов: *Anisantha tectorum* (L.) Nevski — неравноцветник кровельный, *Poa supina* Schrad. — Мятлик приземистый, *Acorus calamus* L. — Аир обыкновенный, *Juncus tenuis* Willd. — ситник тонкий, *Corispermum declinatum* Steph. — верблюдка повислая, *Aronia mitschurinii* A. Skvorts. et Maytulina — арония Мичурина, *Physocarpus opulifolius* (L.) Maxim. — пузыреплодник калинолистный, *Epilobium adenocaulon* Hausskn. — кипрей железистостебельный, *Calystegia inflata* Sweet — калистегия вздутая, *Myosotis sylvatica* Ehrh. ex Hoffm. — незабудка лесная, *Symphytum asperum* Lepechin — окопник шероховатый, *Symphoricarpos albus* (L.) S.F. Blake — снежноягодник белый, *Artemisia sieversiana* Willd. — полынь Сиверса, *Bidens frondosa* L. — череда олиственная, *Xanthium albinum* (Widd.) H. Scholz — дурнишник беловатый.

Ярким примером этой группы являются дурнишники. С XIX века и до 60-х годов XX в. в области собирали дурнишник обыкновенный (*Xanthium strumarium* L.) (KLH, MHA, MW), а в 1974 г. на реке Протве А.К. Скворцовым (MHA) впервые собран североамериканский дурнишник беловатый. В настоящее время на отмелях он растет очень часто и обыкновенно, так же встречается на сбитых пойменных песках. Примерно за 30 лет этот дурнишник расселился по всем крупным рекам области, вытеснив аборигенный вид, который с тех пор никем не регистрируется. Смена вида природной флоры заносным, по-видимому, не привела

к нарушению биоценоза в целом.

Адвентивность отдельных видов, встреченных в естественных местообитаниях, вызывает сомнения. Мы предлагаем обратить на них внимание, но они, по-видимому, не увеличивают свою численность в Калужской области и известны с первых флористических работ (конец XIX в.). Возможно, их следует включать лишь в приложение как виды с неопределенным статусом (по аналогии с Красными книгами). Мы рассматриваем их пока здесь, так как по формальным признакам (встречаемость в естественных местообитаниях) они могут быть отнесены ко 2-ой категории: *Amaranthus retroflexus* L. — щирица назадзапрокинутая, *Aquilegia vulgaris* L. — водосбор обыкновенный, *Grossularia reclinata* (L.) Mill. — крыжовник обыкновенный, *Crataegus rhipidophylla* Gand. — боярышник обыкновенный, *Viola odorata* L. — фиалка душистая, *Bellis perennis* L. — маргаритка многолетняя, *Inula helenium* L. — девясил высокий. Так же вызывает сомнения адвентивность *Eragrostis pilosa* (L.) P. Beauv. — полевички волосистой и *Alyssum desertorum* Stapf — бурачка пустынного.

В первую очередь мы предлагаем обратить внимание на растения, которые встречены в естественных местообитаниях (даже если они пока еще не очень широко распространены в области) и при этом меняют облик естественных сообществ. Эти виды могут трансформировать, нарушать ценотические связи и в результате оказывать существенное и малопредсказуемое, но часто негативное, влияние на весь биоценоз в целом. К этой категории мы относим 21 вид, которые уже проявили себя как «эдификаторы» в какой-либо части области, даже если они еще не распространились широко, так как именно их распространение следует затормозить или остановить: *Elodea canadensis* Michx. — элодея канадская, *Arrhenatherum elatius* (L.) J. et C. Presl — райграс высокий, *Trisetum flavescens* (L.) P. Beauv. — трищетинник желтоватый, *Quercus rubra* L. — дуб красный, *Amelanchier spicata* (Lam.) C. Koch — ирга колосистая, *Sorbaria sorbifolia* (L.) A. Br. — рябинник рябинолистный, *Caragana arborescens* Lam. — карагана древовидная, *Lupinus polyphyllus* Lindl. — люпин многолистный, *Acer negundo* L. — клен американский, *Impatiens glandulifera* Roylen — недотрога железистая, *Impatiens parviflora* DC. — недотрога мелкоцветковая, *Parthenocissus incerta* (A. Kern.) Fritsch — девичий виноград прикрепленный, *Hyppophaë rhamnoides* L. — облепиха крушиновидная, *Oenothera biennis* L. — ослинник двулетний, *Heracleum sosnowskyi* Manden.— борщевик Сосновского, *Sambucus racemosa* L. — бузина красная, *Echinocystis lobata* Torr. et Gray — эхиноцистис лопастной, *Erigeron canadensis* L. — мелколепестник канадский, *Erigeron strigosus* Muhl. ex Willd. — мелколепестник щетинистый, *Solidago canadensis* L. — золотарник канадский, *Solidago gigantea* Ait. — золотарник гиганский.

Примером может служить девичий виноград прикрепляющийся. Впервые собран в 1990 г. (KLH), хотя, несомненно, культивировался и раньше. Нами отмечен по железнодорожным насыпям, обочинам дорог, по кустам, в окрестности пос. Л. Толстого Дзержинского района — по сложным соснякам и даже в сосняке зеленомошном. Растет в долине Оки в Калужском городском бору по стволам сосен. Потенциально агрессивный инвазионный вид; так, появившись, заглушает другие растения, образует заросли в нижнем ярусе и обвивает стволы деревьев. Еще один пример подобного трансформера — борщевик Сосновского. Впервые собран в 1967 г. у д. Горбенки Дзержинского района (MHA). Выращивается как силосная культура с 70-х гг. Нами наблюдался по левобережью р. Жиздры, где встречается часто по обочинам дорог и на залежах, местами в большом количестве. В окрестностях г. Калуги встречен у ст. Садовой, у д. Ждамирово по обочинам дорог и на склонах р. Калужки. В массе растет и у с. Авчурино, но в долине р. Угры пока не встречен. В жаркую и особенно солнечную погоду способен вызывать сильные ожоги и аллергические реакции.

К первой категории мы относим и иргу колосистую. Впервые она указывалась в 1919 г. Н.Л. Дмитриевым (1919 г.) в Калужском городском бору, где в массе растет и сейчас. С 70-х гг. расселилась по сложным соснякам в долине р. Угры и в долине р. Оки; в Ферзиковском районе у д. Бронцы встречена в сероольшанике. Вероятно, плоды и семена в Калужской области разносят птицы. Также в Калужской области «трансформером» мы считаем рябинник рябинолистный — вероятно, он дичает из старых усадеб и местами в долине р. Угры формирует труднопроходимые заросли.

Таким образом, мы предлагаем включить в «Черную книгу» Калужской области 64 заносных вида сосудистых растений.

Одна из задач региональных Черных книг — это выявление местных инвазий адвентивных видов. Так, ряда видов нет в списке инвазионных растений Средней России (Виноградова и др., 2006), но в Калужской области они внедряются в естественные и полуестественные фитоценозы и мы рекомендуем обратить внимание на эти виды в сопредельных регионах. К ним относятся райграс высокий, овсяница тростниковидная, трищетинник желтеющий, дуб красный, верблюдка повислая, арония Мичурина, бузина красная.

Например, в Калужской области выращивается овсяница тростниковидная — это ценная кормовая культура с высоким биологическим долголетием, позволяющим непрерывно (без перезалужения) использовать её посевы в течение 10—15 лет, а при благоприятных условия 20 и более лет (Андреев, 1989), но из мест посадки эта овсяница активно расселяется. Впервые указывается в 80-х гг. А.К. Скворцовым (2005). Позднее отмечена в Перемышльском, Дзержинском, Юхновском районах, в Калуге и окрестностях. Мы наблюдали в ряде мест области целые поля, засеянные этой овсяницей. Сейчас растет по нарушенным лугам, обочинам дорог, склонам, залежам.

Ряд видов из списка Средней России (Виноградова и др., 2006) включения в «Черную книгу» Калужской области пока не требуют: *Hordeum jubatum* L. — ячмень гривастый, *Populus alba* L. — тополь белый, *Reynoutria x bohemica* Chrtek et Chrtekova — рейнутрия богемская, *Cardaria draba* (L.) Desv. — сердечница крупковидная, *Kibera gallica* (Willd.) V.I. Dorof. [*Erucastrum gallicum* (Willd.) O.E. Schulz] — роговидка гальская, *Sisymbrium wolgense* Bieb. ex Fourn. — гулявник волжский, *Crataegus monogina* Jacq. — боярышник однопестичный, *Euphorbia peplus* L. — молочай бутерлаковый, *Elaeagnus angustifolia* L.— лох узколистный, *Symphytum caucasicum* Bieb. — окопник кавказский. Не требуют включения в «Черную книгу» Калужской области *Ambrosia artemisiifolia* L. — амброзия полынелистная и *Cyclachaena xanthiifolia* (Nutt.) Fresen — циклахена дурнишниколистная, но за этими видами необходимо вести пристальное наблюдение.

«Черная книга» сможет выполнять роль инструмента лишь в том случае, если на региональном уровне будут выработаны конкретные меры, препятствующие внедрению заносных видов в растительный покров региона. Мы рекомендуем: 1) использовать в озеленении, для создания полезащитных лесополос и рекультивации карьеров аборигенные виды (не применять такие инвазионные растения, как клен американский, ясень пенсильванский, облепиха и некоторые другие); 2) использовать в травосмесях и как силосные культуры традиционные для Средней России растения (ограничить использование люпина многолистного, овсяницы тростниковидной); 3) разработать приемы ограничения численности особо опасных заносных видов на основе их биологии (например, агрессивный борщевик Сосновского для препятствия его распространения достаточно скашивать до образования семян, так как это растение многолетние, но цветущие один раз за весь период жизни — монокарпик).

Роль инструмента «Черная книга» Калужской области сможет выполнять лишь при наличии законодательной базы, разработать которую необходимо совместно со специалистами в этой области.

Литература

Андреев Н.Г. Луговое и полевое кормопроизводство. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Агропромиздат, 1989. 540 с.

Биологические инвазии в водных и наземных экосистемах. М.: КМК. 2004. 436 с.

Виноградова Ю.К., Майоров С.Р., Хорун Л.В. Первые итоги реализации проекта «Черная книга» Средней России // Флористические исследования в Средней России: Материалы VI науч. совещ. по флоре Средней России (Тверь, 15—16 апреля 2006 г.) / Под ред. В.С. Новикова, А.А. Нотова и А.В.Шербакова. М.: КМК, 2006. С. 45—48.

Гельтман Д.В. Понятие «инвазионный вид» и необходимость изучения этого понятия // Проблемы изучения адвентивной и синантропной флоры в регионах СНГ: Материалы науч. конф. / Под ред. В.С. Новикова и А.В. Щербакова. М.: Изд. Бот. сада МГУ; Тула: Гриф и К0, 2003. С. 35—37.

Горбунов Ю.К., Швецов А.Н. Красные книги и некоторые проблемы охраны редких видов // Флористические исследования в Средней России: Материалы VI науч. совещ. По флоре Средней России (Тверь, 15—16 апреля 2006 г.) / Под ред. В.С. Новикова, А.А. Нотова и А.В. Шербакова. М.: КМК, 2006. С. 58—60.

Дмитриев Н.Л. Заметки по флоре Калужской губернии. Вып. первый // Изв. Калуж. о-ва изуч. природы и местного края. Калуга, 1919. Кн. 3. С. 1—39.

Казакова М.В. Из опыта составления и ведения региональной Красной книги // Флористические исследования в Средней России: Материалы VI науч. совещ. По флоре Средней России (Тверь, 15—16 апреля 2006 г.) / Под ред. В.С. Новикова, А.А. Нотова и А.В. Шербакова. М.: КМК, 2006. С. 69—72.

Силаева Т.Б. Задачи ведения региональных Красных книг // Флористические исследования в Средней России: Материалы VI науч. совещ. По флоре Средней России (Тверь, 15—16 апреля 2006 г.) / Под ред. В.С. Новикова, А.А. Нотова и А.В. Шербакова. М.: КМК, 2006. С. 144—147.

Скворцов А.К. Материалы к флоре Калужской области // Бюл. МОИП. Отд. биол. 2005. Т. 110, вып. 2. С. 73—80.

ОБ «ОКСКОЙ ФЛОРЕ» КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***Н.М. Решетникова**, к.б.н., н.с., Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина РАН*
***А.В.Крылов**, аспирант, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

Богатство флоры долины Оки давно заинтересовало ботаников. Феномен «окской флоры» изучали М.И. Голенкин (1890 г.) и С.Н. Милютин (1890 г.), Д.И. Литвинов («Об окской флоре в Московской губернии», 1988), а позднее, во второй половине XX века, П.А. Смирнов (1925, 1958 гг.), А.К. Скворцов (1961 г.), Ю.Е. Алексеев (2004 г.), а именно в Калужской области — Т.Г. Дервиз-Соколова и М.С. Хомутова (1971, 1973 гг.), О.Н. Волошина и А.А. Могильнер (2001 г.). Конец дискуссиям начала XX в. положила в какой-то степени работа А.Ф. Флерова «Окская флора» (1906—10 гг.). В ней он проанализировал предыдущие гипотезы, затем описал окскую флору по течению Оки. В результате он объяснил богатство флоры уникальными природными условиями, которые позволяют сохраниться здесь комплексу южных видов, диаспоры которых регулярно заносятся разными путями (в том числе и благодаря деятельности человека). При этом, как заметил А.Ф. Флеров, Московская окская флора очень резко, контрастно отличалась от остальной части Московской губернии. Калужская флора долины Оки не столь противопоставлена флоре области в целом, этот флористический комплекс проникает на север и юг области по долинам Жиздры, Угры, Протвы и других более или менее крупных рек и имеет много общего с флорой Мещовского ополья. Не совсем понятны пути распространения видов — из ополья и малых рек с юга на Оку или наоборот. Осложняет анализ и тот факт, что Ока меняет русло и низовье Угры, часть долины Шани и Суходрева представляют собой палеодолину Оки. Нами, на основании итогов изучения Калужской флоры (Скворцов и др., 2006; Решетникова и др., 2008, в печати) и собственных наблюдений сделана попытка проанализировать распространение растений в области. К «окской флоре» (в широком смысле), по нашим подсчетам, можно отнести около 130 видов растений Калужской области. Это предварительный список, нуждающийся в дальнейшем анализе, и в основном он отражает не лесостепное происхождение видов, а приуроченность растений к долине Оки. В него, наряду с видами, проникшими во флору давно, включены и некоторые адвентивные виды, натурализовавшиеся в наше время именно по речным долинам.

Лишь в долине Оки зарегистрированы:

1) встречаются в 1—2 точках: *Alisma gramineum* — частуха злаковая, *Elytrigia intermedia* — пырей промежуточный, *E. elongata* — пырей высочайший, *Festuca valesiaca* — овсянница валисская, *Melica altissima* — перловник высочайший, *Carex hartmanii* — осока Гартмана, *Juncus ambiguus* — ситник сомнительный, *Veratrum nigrum* — чемерица черная, *Delphinium cuneatum* — живокость клиновидная, *Ficaria stepporum* — чистяк степной, *Rosa subpomifera* — шиповник почто-яблоконосный (у устья Дугны), *Astragalus danicus* — астрагал датский (еще у р. Протвы, и не лесостепной вид), *Lathyrus pisiformis* — чина гороховидная, *Vicia pisiformis* — горошек гороховидный, *Linum flavum* — лен желтый, *Falcaria vulgaris* — резак обыкновенный (у устья р. Птары вблизи Оки), *Centaurium pulchellum* — золототысячник красивенький, *Cuscuta lupuliformis* — повилика хмелевидная, *Verbascum densiflorum* — коровяк густоцветковый, *Veronica spuria* — вероника ложная, *Asperula* tinctoria — ясменник

красильный, *Aster amellus* — астра горьковатая. При этом большая часть редких растений растет в прадолине Оки, до г. Калуги или в районе Тарусы, более молодая долина — Алексинский каньон — несколько беднее по составу флоры.

2) по всей долине Оки встречаются, но почти не заходят в другие долины *Aristolochia clematitis* — кирказон ломоносовидный, *Clematis recta* — кирказон прямой, *Brassica nigra* — капуста черная, *Rorippa x anceps* — жерушник обоюдоострый, *R. austriaca* (указан у Протвы) — ж. австрийский, *Cenolophium denudatum* — пусторебрышник обнаженный, *Lycopus exaltatus* — зюзьник высокий, *Salvia verticillata* — шалфей мутовчатый (единично у Серены), *Scutellaria altissima* — шлемник высокий, *Verbascum lychnitis* — коровяк метельчатый (единично на Жиздре и на Протве), *Scabiosa ochroleuca* — скабиоза бледножелтая, *Achillea nobilis* — тысячелистник бледножелтый, *Artemisia abrotanum* — полынь божье дерево, *Echinops sphaerocephalus* — мордовник шароголовый (указан у Протвы).

Растут в большом числе в долине Оки, а вне ее встречаются как сорные: *Bromopsis riparia* — кострец береговой (единично и в низовьях Угры), *Bolboschoenus maritimus* — клубнекамыш морской (изредка у прудов Мещовского ополья), *Asparagus officinalis* — спаржа лекарственная, *Silene noctiflora* — смолевка ночецветная, *Sisymbrium altissimum* — гулявник высочайший, *Coronilla varia* — вязель пестрый, *Nepeta cataria* — котовник кошачий, *Artemisia scoparia* — полынь венечная (еще встречена и на Вытебети), *Centaurea pseudomaculosa* — василек ложнопятнистый.

Отмечены на Оке и в низовьях Угры, а на других притоках редки или неизвестны *Zizania aquatica* (не вид Окской флоры) — цицания водяная, *Scirpus tabernaemontani* — камыш Таберномонтана, *Juncus atratus* — ситник черный, *Allium angulosum* — лук угловатый, *Populus nigra* — тополь черный, *Rorippa sylvestris* — жерушник лесной (растет еще и на Наре, а также как сорное по всей территории), *Astragalus cicer* — астрагал нутовый, *A. glycyphyllos* — а. солодколистный (отмечен еще у Протвы и Нары, не лесостепной вид), *Ononis arvensis* — стальник полевой, *Vicia tenuifolia* — горошек тонколистый (очень редко), *Euphorbia semivillosa* — молочай полумохнатый, *Phlomis tuberosa* — зопник клубненосный (растет и в Мещовском ополье), *Salvia glutinosa* — шалфей клейкий (не лесостепной вид), *Thymus pulegioides* — тимьян блошиный (западный, не лесостепной вид), *Valeriana dubia* — валериана сомнительная (известен и на Протве), *Crepis biennis* — скерда двулетняя (западный, не лесостепной вид), *C. praemorsa* — с. тупоконечная. Часть этих видов растут на Угре потому, что низовья ее долины представляют собой палеодолину Оки.

Отмечены в долинах Оки и Жиздры или Серены (иногда и у Рессеты): *Typha angustifolia* (также в крупных прудах на западе) — рогоз узколистный, *Scirpus radicans* — камыш расходящийся, *Lemna gibba* — ряска горбатая, *Veratrum lobelianum* — чемерица Лобеля, *Salix vinogradovii* — ива Виноградовой, *Thesium arvense* — ленец полевой, *Atriplex hastata* — лебеда копьелистная, *A. nitens* — л. блестящая, *Chenopodium hybridum* — марь гибридная, *Corispermum marschallii* — верблюдка Маршалла, *Arabis gerardii* — резуха Жерара, *Rorippa x armoracioides* — жерушник хреновидный, *Prunus spinosa* (растет у р. Оки и у р. Серены) — слива колючая, терн, *Astragalus arenarius* — астрагал песчаный, *Hypericum hirsutum* — зверобой волосистый (еще в одной точке у Угры и Протвы), *Viola elatior* — фиалка высокая (еще у Протвы), *Circaea lutetiana* — цирцея парижская, *Peucedanum oreoselinum* — горичник горный , *Sium latifolium* — поручейник широколистный, *Androsace elongata* — проломник удлиненный (у Оки и Серены), *Asperugo procumbens* — асперуго лежачая, *Myosotis suaveolens* — незабудка душистая, *Symphytum officinale* — окопник лекарственный, *Chaenorhinum minus* — хеноринум малый (известен и на Протве), *Plantago intermedia* — подорожник промежуточный, *P. scabra* — п. шероховатый, *Carduus nutans* — чертополох поникший (и у Вытебети), *Cirsium polonicum* — бодяк польский (кроме Жиздры еще у Серены и Птары), *Petasites spurius* — белокопытник ложный, *Pulicaria vulgaris* — блошница обыкновенная, *Pyrethrum corymbosum* — пиретрум щитковый.

На Оке и в низовьях или долинах других рек (в первую очередь — Угры и Жиздры, а также некоторые на Протве, Вытебети, Рессете, Болве и пр.) растут: *Agrostis vinealis* — полевица виноградниковая, *Poa bulbosa* — мятлик луковичный, *Cyperus fuscus* — сыть бурая, *Iris sibirica* — ирис сибирский, *Salix acutifolia* — ива остролистная, *Polygonum dumetorum* — горец призаборный, *Rumex maritimus* — щавель приморский, *Chenopodium*

rubrum — марь красная, *Corispermum hyssopifolium* — верблюдка иссополистная, *Cucubalus baccifer* — волдырник ягодный, *Saponaria officinalis* — мыльнянка лекарственная, *Silene tatarica* — смолевка татарская, *Arabis pendula* — резуха поникшая, *Erophila verna* — веснянка весенняя, *Potentilla reptans* — лапчатка ползучая, *Sanguisorba officinalis* — кровохлебка лекарственная, *Anthyllis macrocephala* — язвенник крупноголовый, *Epilobium smyrneum* — кипрей смирнский, *Angelica archangelica* — дудник лекарственный, дягиль, *Chaerophyllum prescottii* — бутень Прескотта, *Torilis japonica* — торилис японский (еще широко распространен в засеках), *Cornus sanguinea* — свидина кровавокрасная, *Androsace septentrionalis* — проломник северный (не лесостепной вид), *Dracocephalum ruyschiana* — змееголовник Рюйша (редко), *Salvia pratensis* — шалфей луговой (вне Оки редок), *Scutellaria hastifolia* — шлемник копьелистный, *Stachis recta* — чистец прямой, *Veronica prostrata* — вероника простертая (редко), *Crepis sibirica* — скерда сибирская, *Scorzonera humilis* — козелец приземистый.

С более или менее крупными реками, т. е. с Окой и ее большими притоками, связано и распространение ряда водных видов, которые редки в ополье и в небольших речках и прудах на северо-западе области: *Potamogeton pectinatus* — рдест гребенчатый, *Potamogeton perfoliatus* — рдест пронзеннолистный, *Butomus umbellatus* — сусак зонтичный, *Stratiotes aloides* — телорез алоевидный, *Glyceria maxima* — манник большой, *Scirpus lacustris* — камыш озерный, *Salix dasyclados* — ива шерстистопобеговая (чаще на притоках), *Rorippa amphibia* — жерушник земноводный, *Myriophyllum spicatum* — уруть колосистая.

Широко распространены и в долинах Оки и ее притоков, и в Мещовском ополье *Arrhenatherum elatius* — райграс высокий, *Beckmannia eruciformis* — бекмания эруколистная, *Brachypodium pinnatum* — коротконожка перистая, *B. sylvaticum* — к. лесная, *Festuca trachyphylla* — овсянница шершаволистная, *Helictotrichon pubescens* — овсец пушистый, *Hierochloe odorata* — зубровка душистая, *Phleum phleoides* — тимофеевка степная, *Carex caryophyllea* — осока гвоздичная, *C. montana* — осока горная, *Allium oleraceum* — лук огородный, *A. rotundum* — лук круглый, *Gagea erubescens* — гусиный лук краснеющий, *Polygonum persicaria* — горец почечуйный (в ополье чаще), *Cerastium arvense* — ясколка полевая, *Anemone sylvestris* — ветренница лесная, *Thalictrum minus* — василистник малый, *Sinapis arvensis* — горчица полевая, *Agrimonia procera* — репешок высокий, *Crataegus curvisepala* — боярышник отогнуточашечковый, *Filipendula vulgaris* — таволга обыкновенная, *Fragaria viridis* — земляника зеленая, *Potentilla alba* — лапчатка белая, *Pyrus communis* — груша обыкновенная, *Rubus caesius* — ежевика, *Lathyrus niger* — чина черная, *Trifolium alpestre* — клевер альпийский, *Geranium robertianum* — герань Роберта (не лесостепной вид), *G. sanguineum* — г. кровавокрасная, *Rhamnus cathartica* — жестер слабительный, *Viola hirta* — фиалка мохнатая, *Epilobium tetragonum* — кипрей четырехгранный, *Daucus carota* — морковка обыкновенная, *Eryngium planum* — синеголовник плосколистный, *Laserpitium prutenicum* — гладыш прусский, *Seseli annuum* — жабрица однолетняя, *Gentiana cruciata* — горечавка крестовидная, *Vincetoxicum hirundinaria* — ластовень ласточкин, *Cynoglossum officinale* — чернокорень обыкновенный, *Echium vulgare* — синяк обыкновенный, *Lappula squarrosa* — липучка растопыренная, *Lithospermum arvense* — воробейник полевой, *Acinos arvensis* — пахучка обыкновенная, *Ajuga genevensis* — живучка женевская, *Nepeta pannonica* — котовник паннонский (венгерский), *Hyoscyamus niger* — белена черная, *Pedicularis kaufmannii* — мытник Кауфмана, *Scrophularia umbrosa* — норичник теневой, *Veronica teucrium* — вероника широколистная, *Campanula bononiensis* — колокольчик болонский, *C. trachelium* — колокольчик крапиволистный, *Carduus acanthoides* — чертополох колючий, *Eupatorium cannabinum* — посконник коноплевый (по выходам ключей, не лесостепний вид), *Inula hirta* — девясил мохнатый, *I. salicina* — девясил иволистный, *Senecio fluviatilis* — крестовник приречный (чаще вне Оки, не лесостепной вид), *Serratula tinctoria* — серпуха красильная. Несколько реже, но тоже и в ополье и на Оке встречаются здесь *Koeleria cristata* — келерия гребенчатая, *Carex muricata* — осока колючковатая, *C. riparia* (к югу области чаще) — о.береговая, *Juncus inflexus* — ситник искривленный (в Ополье чаще), *Lilium martagon* — лилия саранка (возможно, одичала у старых усадеб), *Thalictrum simplex* — василисник простой, *Lithospermum officinale* — воробейник лекарственный, *Ballota nigra* — белокудренник черный, *Prunella grandiflora* — черноголовка крупноцветная (отмечена еще

у р. Вори), *Anthemis cotula* — пупавка собачья, *Chamomilla recutita* — ромашка лекарственная.

Многие из этих видов, вместе с растениями, характерными для всей долины Оки, составляют своеобразие Алексинского каньона. Большинство из них очень декоративны. На крутых склонах Алексинского каньона и в пойме Оки они растут местами в большом количестве. Территорию эту описывал еще А.Ф. Флеров в своей «Окской флоре» и с тех пор (по нашим наблюдениям) она не была антропогенно трансформирована. Этот комплекс, безусловно, нуждается в специальной охране.

Некоторые лесостепные виды встречены не в долине Оки, а по выходам коренных пород или в долинах у других рек: *Carex disticha* — осока двурядная и *Anthericum ramosum* — венечник ветвистый (у Угры), *Thesium ebracteatum* — ленец бесприцветничковый (у р. Жиздры), *Moehringia lateriflora* — мерингия бокоцветная (в низовьях Жиздры), *Potentilla heptaphylla* — лапчатка семилисточковая и *P. recta* — л. прямая (у р. Жиздры), *Adenophora liliifolia* — бубенчик лилиелистный (у р. Угры), *Campanula sibirica* — колокольчик сибирский (у р. Жиздры).

Некоторые растения нельзя отнести к видам лесостепной флоры, но они приурочены к выходам известняков и оврагам в долинах рек (в том числе на Оке) и в Ополье, например: *Cystopteris fragilis* — цистоптерис ломкий, *Equisetum hyemale* — хвощ зимующий, *Catabrosa aquatica* — поручейница водяная (чаще в ополье), *Trisetum flavescens* — трищетинник желтоватый, *Blysmus compressus* — блисмус сжатый, *Eriophorum latifolium* — пушица широколистная, *Alliaria petiolata* — чесночница черешковая, *Linum catharticum* — лен слабительный, *Epilobium parviflorum* — кипрей мелкоцветковый. Не относятся к лесостепной флоре, зарегистрированы именно по долинам рек вне долины Оки: *Festuca filiformis* — овсянница нитевидная (д. Горбенки и пос. Березичский стеклозавод), *Glyceria nemoralis* — манник дубравный (отмечался и у р. Угры и у р. Жиздры), *Gymnocarpium robertianum* — голокучник Роберта (в долине р. Тарусы), *Zizania latifolia* — цицания широколистная (на Протве), *Fritillaria meleagris* — рябчик шахматный (в долине Протвы), *Cardaminopsis arenosa* — резушка песчаная (у Угры), *Vicia cassubica* — горошек кашубский (в долине р. Жиздры), *Vicia dumetorum* — горошек зарослевый (в долине р. Жиздры), *Cortusa matthioli* — кортуза (в долине р. Тарусы), *Anthemis arvensis* — пупавка полевая (в долинах Угры и Оки).

Таким образом, «окская флора» в Калужской области представляет собой не только флору собственно долины Оки, а включает в себя и флору долин крупных рек, и склоны Мещовского ополья. Подробное описание территории области продемонстрировало сложность формирования структуры ее разнообразия. При этом уникальные по богатству ботанико-географические объекты находятся не только в долине Оки. Флористическим разнообразием выделяются цирковидные склоны на Жиздре, Серене, Угре, Птаре.

Литература

Алексеев Ю.Е., Денисова Л.В., Шовкун М.М. Сосудистые растения Приокско-Террасного заповедника // Флора и фауна заповедников. М. 2004. Вып. 106. 103 с.

Волошина О.Н., МогильнерА.А. Природная ценность Калужско-Алексинского каньона р. Оки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы VIII региональной научной конференции 17—18 марта 1999 г. Калуга, 2001. С. 238—286.

Голенкин М.И. Материалы для флоры ЮВ части Калужской губернии. М.: МОИП, 1890. (Матер. к познанию фауны и флоры Росс. Имп. отд. бот вып.1) С.169—231.

Дервиз-Соколова Т.Г., Хомутова М.С. Интересные и новые растения в окрестностях Тарусы // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1971. Т.76, вып. 4. С.135—137.

Литвинов Д.И. Об окской флоре в Московской губернии // Материалы к познанию фауны и флоры Рос. Империи. Отд. бот. М., 1988. Вып.3. С.1—34.

Милютин С.Н. Материалы к флоре известняков р. Оки. М.: МОИП, 1890. Вып. 1, С.95—170.

Решетникова Н.М., Майоров С.Р., Скворцов А.К., Шмытов А.А., Крылов А.В. К флоре Калужской области: покрытосеменные (двудольные раздельнолепестные) // Бюлл. ГБС, 2008 (в печати).

Смирнов П.А. Из результатов геоботанического исследования долины р. Оки в Московской губ. в 1923—24 г. // Работы Окской биол. станции, 1925. Т.3. №2—3. С.6—10.

Смирнов П.А. Флора Приокско-Террасного государственного заповедника // Тр. Приокско-Террасного заповедника,1958. Вып.2 С.1—247.

Скворцов А.К. О распространении элементов окской флоры в южных районах Московской области и в соседних районах Тульской и Калужской областей // Материалы к познанию фауны и флоры СССР, отдел ботанич., вып. 13 (XXI), 1969. С. 76—97.

Скворцов А.К., майоров С.Р., Решетникова Н.М., Шмытов А.А. К флоре Калужской области: папоротники, хвощи, плауны, голосеменные, покрытосеменные однодольные // Бюлл. ГБС. Вып. 192, 2006. С. 49—76.

Флеров А.Ф. Окская флора // Тр. СПб бот. сада 1906-1910 Т.27, вып. 1—3. 778 с.

Хомутова М.С. Пешкова Г.И. О новых и редких растениях юго-запада Калужской области // Бюл. МОИП. 1973. Отд. биол. Т. 78. Вып.4. С. 145—147.

БИОРАЗНООБРАЗИЕ И СТРУКТУРА ГРУППИРОВОК МОДЕЛЬНЫХ ГРУПП ХОРТОБИОНТОВ ДОЛИНЫ р. ВЫТЕБЕТИ

***В.В. Алексанов**, студент,*

Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Хортобионты, т.е. обитатели травостоя, — важный элемент животного населения большинства наземных экосистем, особенно луговых сообществ. Они важны как потребители фитомассы, повышающие скорость биоценотического круговорота веществ, регуляторы численности беспозвоночных. Распределение хортобионтных насекомых определяется многими факторами: температурой, влажностью, кормовыми растениями. Но главный дифференцирующий фактор внешней среды, обусловливающий распределение освещенности, температуры, влажности, особенности почв и растительности, — рельеф местности. В связи с этим одним из основных приемов полевого изучения экологии насекомых является метод экологического профиля (Кожанчиков, 1961). В зависимости от целей исследования профиль может охватывать разный спектр форм рельефа. В Средней полосе Европейской части России один из главных элементов рельефа — речные долины. Поэтому важнейшим методом выявления недостаточно изученных закономерностей стациального распределения насекомых должно стать исследование их животного населения на модельных площадках по поперечному профилю речных долин.

Целью настоящей работы было изучение распределения обилия, биоразнообразия и состава группировок некоторых групп хортобионтных насекомых по элементам речной долины р. Вытебети. В качестве модельных групп исследованы: прямокрылые (Orthoptera) — важнейшая по биомассе и функциональной активности группа фитофагов, изымающая до 30% фитомассы лугов; клопы щитники и краевики (Heteroptera, Pentatomidae, Coreidae et Rhopalidae) — крупные колюще-сосущие фитофаги, жуки листоеды (Coleoptera, Chrysomelidae), отличающиеся высоким видовым богатством фитофаги; а также божьи коровки (Coccinellidae) — регуляторы численности тлей.

Материал собран в 2001, 2003, 2006 гг. на правом берегу р. Вытебеть в 4 км к северу от п. Заречье Ульяновского р-на. Были выделены и исследованы следующие луга:

— пойменный ксерофитный полынно-мелколепестниковый (прирусловый вал, далее — пойменный ксерофитный);

— пойменный мезофитный разнотравно-пырейный (центральная часть поймы, далее — пойменный мезофитный);

— пойменный двукисточниковый (присклоновая часть поймы, далее — пойменный гигрофитный);

— материковый мезофитный бобово-разнотравный луг (далее — материковый мезофитный);

— материковый ксерофитный полынный (далее — материковый ксерофитный);

— материковый разнотравный на склоне второй террасы (далее — материковый на склоне).

Для сравнения исследована также пойма р. Вытебеть близ д. Ягодной (правый берег), включающая три аналогичные ассоциации: ксероморфный полынный, мезофитный разнотравно-пырейный, двукисточниково-пырейный луга. Для расширения представления о хортобионтах долины отдельно изучен очень специфичный материковый васильково-бобовый луг юго-восточной экспозиции близ д. Мелихово.

Сравнительный анализ животного населения лугов производился на основании выборок,

собранных в сезон максимального видового богатства имаго каждой модельной группы. Всего было собрано и обработано более 4 400 экз. прямокрылых, 2 252 экз. божьих коровок, 1 059 экз. листоедов, 243 экз. щитников и 101 экз. краевиков. Для определения использовался «Определитель насекомых Европейской части СССР» (1964, 1965), по которому приведена номенклатура. Номенклатура листоедов приведена по работе А.О. Беньковского (1999). Сведения о фауне Калужской области взяты в основном из работ А.П. Чернышова (1923, 1930) и А.Н. Кириченко (1912, 1930).

Биологическое разнообразие оценивалось с помощью распространенных индексов (Лебедева и др., 2004). В исследовании была выявлена высокая положительная корреляция разных индексов видового разнообразия, поэтому при дальнейшем анализе мы оперируем только индексом Маргалефа, выражающим видовое богатство, и индексом полидоминантности, служащим мерой выравненности сообщества. Сходство группировок лугов определялось с помощью коэффициента Жаккара с учетом обилия.

Результаты и обсуждение

Видовой состав модельных групп хортобионтов долины р. Вытебети

Прямокрылые в долине р. Вытебети представлены 27 видами, в т.ч. 19 хортобионтами, что составляет 75% фауны региона. Доминируют саранчовые *Chorthippus biguttulus* L. (28%), *Ch. parallelus* Zett. (55%), обильны саранчовые *Ch. dorsatus* Zett., *Ch. apricarius* L., кузнечики *Phaneroptera falcata* L., *Methrioptera brachyptera* L.

Фауна клопов-щитников долины р. Вытебети составляет несколько менее половины известной фауны Калужской области (10 видов). Основу группировок щитников составляют широко распространенные эвритопные виды: *Carpocoris fuscispinus* Boh., *Graphosoma lineatum* L., *Palomena prasina* L., отличающиеся 100%-ной встречаемостью, и *Dolycoris baccarum* L. и *Aelia acuminata* L., доминирующие на отдельных лугах.

Среди хортобионтных клопов краевиков Coreoidea отмечено 6 видов Coreidae и 6 видов Rhopalidae, что составляет 65% известной фауны Калужской области. Доминируют *Rhopalus parumpunctatus* Schill. и *Stictopleurus punctatonervosus* Gz.

Божьи коровки представлены 14 видами. Основу животного населения составляют *Coccinella septempunctata* L. (28%) и *Coccinula quatuordecimpustulata* L. (32%), встречающиеся повсеместно в качестве доминант и часто кодоминирующие. На гигрофитных лугах в состав доминирующих видов входят также *Propylaea quatuordecimpunctata* L. и *Semiadalia notata* Laich. К компонентам, встречающимся повсеместно, но немногочисленным, относятся *Thea vigintiduopunctata* L., *Tytthaspis sedecimpunctata* L. Встречаются повсеместно, но массовы только в нескольких ассоциациях *Subcoccinella vigintiquatuorpunctata* L. и *C. quinquipunctata* L.. Локальным компонентом фауны является *Hippodamia tredecimpunctata* L. Единичны *C. magnifica* Redt, *C. hieroglyphica* L., *Anisosticta novemdecimpunctata* L., *Adonia variegata* Gz., *Platynaspis luteorubra* Gz.

Жуки листоеды (исключая подсемейство Halticinae) на исследуемой территории представлены 32 видами, в т.ч. 29 видами в окрестности п. Заречье. На одном лугу отмечается в среднем 11 видов. Основу животного населения составляют *Cryptocephalus sericeus* L. и *Labidostomis longimana* L., которые обладают почти 100%-ной встречаемостью и доминируют повсеместно. Почти повсеместно встречается, но доминирует лишь на одном лугу *Cassida denticollis* Sffr. Встречаемость выше 50% и довольно высокое обилие (субдоминанты) имеют *Pachybrachis hieroglyphicus* Laich., *Galeruca tanaceti* L. К локальным доминантам с высокой встречаемостью относятся *Cryptocephalus fulvus* Gz. и *Coptocephala quadrimaculata* L., а *Cryptocephalus laetus* F. и *Gastrophysa viridula* Deg. характеризуются низкой встречаемостью, но доминируют на некоторых лугах. Часто встречаются, но немногочисленны *Oulema erichsonii* Sffr., *C. moraei* L., *Chrysolina fastuosa* Scop., *Ch. staphylea* L., *Ch. varians* Schall., *Galerucella tenella* L., *Cassida nebulosa* L., *Cassida vibex* L. К редким элементам фауны относятся *Oulema gallaeciana* Heyd., *Ch. sturmi* Westh., *Ch. sanguinolenta* L., *Ch. hyperici* Forst., *Ch. graminis* L., *Gastrophysa polygoni* L., *Galeruca pomonae* Scop., *Cassida viridis* L., *Cassida panzeri* Wse., *Cassida rubiginosa* Mull. Вторая в Калужской области находка характерного для зоны степей *Cassida pannonica* Sffr. относится к материковому лугу долины р. Вытебети.

Обилие

Распределение суммарного обилия по долине р. Вытебети индивидуально для каждого таксона. Прямокрылые имеют чрезвычайно высокую уловистость — 457 экз. на 100 взмахов (на порядок выше, чем в других биотопах) в ассоциациях пырея ползучего центральной части поймы. Божьи коровки и листоеды наиболее многочисленны на материковом мезофитном лугу и явно избегают злаковых ассоциаций поймы, где их уловистость вдвое—втрое ниже, чем на разнотравных лугах. Клопы щитники более обильны на пойменных лугах, чем на материковых. Краевики приурочены к ксерофитной ассоциации приуслового вала, почти вдвое ниже их обилие на материковом мезофитном лугу; на прочих лугах они единичны.

Биологическое разнообразие

Биологическое разнообразие разных таксонов распределено по профилю неодинаково (рис. 1, 2). Биоразнообразие прямокрылых выше на материковых лугах, чем на пойменных, хотя материковый ксерофитный луг имеет меньшую выравненность, чем последние. Из материковых лугов наибольшим видовым разнообразием прямокрылых отличается луг на склоне, являющийся экотонным.

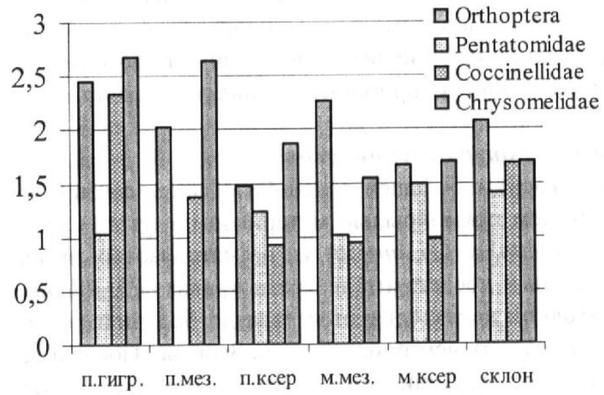

Рис. 1. Распределение видового богатства (индекс Маргалефа D_{mg}) модельных групп хортобионтов долины р. Вытебеть

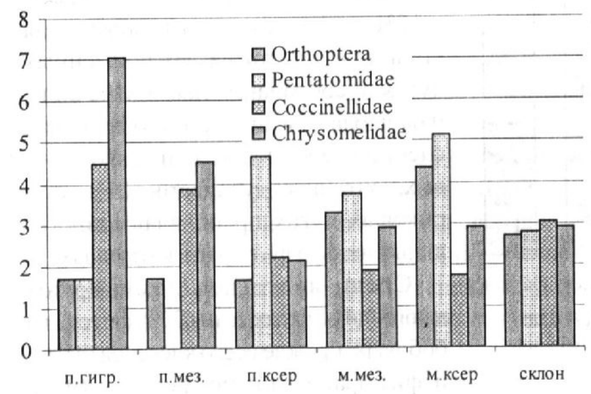

Рис. 2. Распределение выравненности (индекс полидоминантности S_λ) группировок хортобионтов долины р. Вытебеть

Сообщество клопов-щитников наиболее разнообразно как по богатству, так и по выравненности на материковом мезофитном лугу, хотя в целом видовое разнообразие этой группы варьирует на лугах слабо.

Наивысшее видовое разнообразие божьих коровок приходится на пойменный мезофитный луг. Прочие биотопы довольно близки по индексам биоразнообразия, однако самое низкое разнообразие отмечается на пойменном кseроморфном лугу. Такое же распределение биоразнообразия наблюдается и близ д. Ягодной.

Наивысшее биоразнообразие листоедов приходится на гигрофитные и мезофитные пойменные луга. Наиболее бедны ксерофитные полынные луга как в пойме, так и на террасе.

Экологическая структура группировок

В наибольшей мере особенности лугов характеризует экологический состав их животного населения, который мы рассматриваем по нескольким основаниям.

Состав группировок по гигропреферендуму

Прямокрылые представлены в основном мезофильными видами. Гигрофильные виды (*Conocephalus discolor* Thnb., *Euthystira brachyptera* Ocsk. и *Chrysochraon dispar* Germ.) наиболее характерны для пойменных лугов, особенно для пойменного гигрофитного луга. Доминант пойменных злаковых ассоциаций *Ch. parallelus* более гигрофилен, чем доминант материковых разнотравных лугов *Ch. biguttulus*. На материковых лугах встречаются ксерофильные формы *Psophus stridulus* L., *Oedipoda coerulescens* L. На материковом лугу близ д. Мелихово обитает стадное саранчовое *Calliptamus italicus* L.

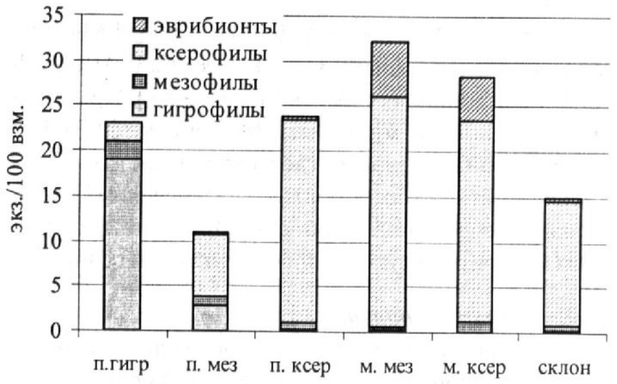

Рис.3. Структура группировок божьих коровок лугов долины р. Вытебеть по гигропреферендуму

Среди щитников всюду преобладают эвритопные виды, однако на пойменном гигрофитном лугу 6% составляют гигрофилы.

Состав группировок божьих коровок по гигропреферендуму сильно варьирует на протяжении профиля (рис. 3). На пойменном гигрофитном лугу преобладают гигрофильные виды *P. quatuordecimpunctata*, *S. notata*, *H. tredecempunctata*, малочисленнее мезофил *C. septempunctata*. Пойменный ксерофитный и все материковые луга характеризуются преобладанием ксерофильных видов (прежде всего *C. quatuordecempustulata*) и значительной долей эврибионтов *C. quinquepunctata* и *S. vigintiquatuorpunctata*. Промежуточное положение занимает пойменный мезофитный луг. На подверженных выпасу лугах близ д. Ягодной и д. Мелихово доминируют ксерофил *C. quatuordecempustulata*, мезофил *C. septempunctata* и эврибионт *C. quinquepunctata*.

Трофическая структура группировок

Прямокрылые поймы характеризуются гораздо большей долей фитофагов злаков (*Ch. dorsatus, Ch. parallelus, Eu. brachyptera*), чем прямокрылые материковых лугов, среди последних доминируют многоядные *Ch. biguttulus, Ch. apricarius*, на материковых лугах существенна также доля фитофагов отдельных представителей разнотравья (*Ph. falcata, P. stridulus*). При этом пойма близ д. Ягодной характеризуется гораздо большей долей фитофагов разнотравья (*Ch. apricarius, Ph. falcata*), чем пойма близ п. Заречье. Последнее хорошо объясняется различиями в растительности сравниваемых лугов. Преимущественно хищные виды (*Decticus verrucivorus* L., *Tettigonia cantans* L., *M. brachyptera*) всюду равно малочисленны.

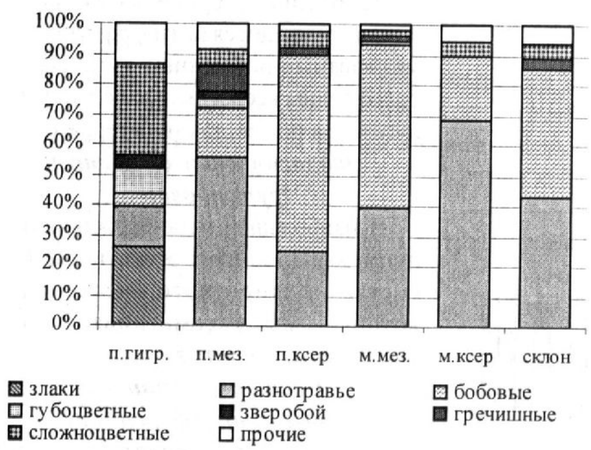

Рис.4. Трофическая структура группировок листоедов долины р. Вытебеть

Среди щитников 45% животного населения составляют многоядные фитофаги, 35% — потребители злаков и 18% — фитофаги зонтичных, доля хищников ничтожна. На пойменных лугах преобладают злакоядные виды и наблюдается широкий трофический спектр: представлены фитофаги бобовых, зонтичных, губоцветных. На материковых лугах преобладают многоядные виды и фитофаги зонтичных.

Среди листоедов доминируют многоядные фитофаги (42%), фитофаги бобовых, прежде всего клеверов (41%), и фитофаги сложно-цветных (9%). Прочие трофические группы немногочисленны (рис. 4). На пойменном гигрофитном лугу равномерно представлены разные трофические группы, включая фитофагов злаков *Ou. erichsonii* (25%), губоцветных *Ch. fastuosa, C. viridis* (10%) и сложноцветных (35%). На пойменном мезофитном лугу господствуют многоядные виды (60%), сравнительно обильны фитофаги гречишных *G. polygoni* (6,7%) и *G. viridula* (3,3%). В прочих биотопах доминируют многоядные виды и фитофаги бобовых *L. longimana, C. quadrimaculata*, единично встречаются фитофаги сложноцветных. Особенно велика доля фитофагов бобовых на

материковом мезофитном и пойменном ксерофитном лугах, хотя в травостое этих стаций обильны сложноцветные. На ксерофитных полынных лугах преобладают (70%) многоядные виды *C. sericeus, G. tanaceti*. Участок поймы близ д. Ягодной характеризуется высокой долей фитофагов сложноцветных *C. denticollis* (38%), гречишных *G. viridula* (12%). Это связано с обилием в травостое основных кормовых растений этих видов — пижмы и конского щавеля, которые, в свою очередь, распространены здесь, вероятно, благодаря большей антропогенной трансформации участка, проявляющейся, например, в выпасе скота.

Абсолютное большинство божьих коровок составляют хищники-афидофаги. Мицетофаги всюду единичны, хотя представлены на разных лугах разными по гигропреферендуму видами. Наиболее специфичен по трофической структуре коровок материковый мезофитный луг, где до 20% коровок составляет фитофаг бобовых *S. vigintiquatuorpunctata*, единичный в прочих биотопах.

Спектр жизненных форм

Среди хортобионтов наиболее полная классификация жизненных форм разработана для прямокрылых, поэтому дальнейший анализ будет вестись на примере этого таксона. В травостое лугов долины р. Вытебети преобладают злаковые хортобионты и факультативные хортобионты. При этом пойменные луга характеризуются большой долей злаковых хортобионтов (*Ch. parallelus*), которые в ассоциациях центральной части поймы доминируют. Материковые луга отличаются доминированием факультативных хортобионтов (*Ch. biguttulus*) при незначительном участии злаковых хортобионтов. *Ch. biguttulus* — абсолютный доминант (70%) всех материковых лугов и ксерофитного пойменного луга, а близ д. Ягодной он доминирует на всех лугах. Специализированные фитофилы (*E. brachyptera, C. discolor*) приурочены в основном к мезофитному и гигрофитному пойменным лугам, где составляют до 40% прямокрылых. Наибольшая доля нехортобионтных форм (обитатели крон, напочвенные насекомые) характерна для материковых лугов. Выявлены различия в спектре жизненных форм прямокрылых поймы р. Вытебети близ п. Заречье и д. Ягодной: в последнем случае выше доля факультативных хортобионтов, особенно *Ch. apricarius* (18%), который для первого участка нехарактерен, а также *Ph. falcata*.

Сравнение группировок лугов

Для анализа сходства группировок использованы самые многочисленные таксоны — прямокрылые и божьи коровки. Сходство лугов по животному населению прямокрылых низко. Относительно четкую группу образуют материковые луга (средний коэффициент Жаккара Kj=0,42), при этом наивысшее сходство между материковым ксерофитным и лугом на склоне (0,71). Пойменные луга отличны от материковых (Kj до 0,25, в среднем 0,15) и различны между собой. Хотя ксерофитные луга в пойме и в материковой части долины весьма сходны по растительности, животное население прямокрылых этих стаций сходно лишь на 25%. Это связано с тем, что животное население ксерофитных лугов, в общем неблагоприятных для прямокрылых, формируется преимущественно под воздействием соседних биотопов, которые в пойме и материковой части различны.

По животному населению божьих коровок наиболее специфичен пойменный гигрофитный луг. Все прочие биотопы долины близ п. Заречье сходны между собой (Kj не ниже 0,5). В целом можно говорить о высокой степени сходства лугов данного участка речной долины (минимальное значение Kj=0,2). Высокое сходство наблюдается также между ксероморфными лугами разных участков долины.

Таким образом, между пойменными и материковыми лугами долины р. Вытебети существуют различия. В животном населении пойменных лугов существенно участие гигрофильных видов, фитофагов злаков, губоцветных, гречишных. Материковые луга характеризуются большей долей ксерофильных видов, фитофагов бобовых и разнотравья. В поддержании биоразнообразия насекомых долины р. Вытебети важны как пойменные, так и материковые луга. Поймы обеспечивают существование гигрофильных видов, а с материковыми лугами речной долины связаны ксерофилы и южные элементы фауны региона.

Литература

Беньковский А.О. Определитель жуков-листоедов (Coleoptera, Chrysomelidae) Европейской части России и европейских стран ближнего зарубежья. М., 1999. 204 с.

Кириченко А.Н. Список Hemiptera-Heteroptera, собранных в окрестностях г. Калуги// Известия Калужского общества изучения природы. Калуга, 1912. С. 65—74.

Кириченко А.Н. Новые материалы по фауне настоящих полужесткокрылых (Hemiptera—Heteroptera) б. Калужской губ.// Фауна насекомых бывшей Калужской губернии. Вып. 2. Калуга, 1930. С. 19—21.

Кожанчиков И.В. Методы исследования экологии насекомых. М.: Высшая школа, 1961. — 288 с.

Лебедева Н.В., Дроздов Н.Н., Криволуцкий Д.А. Биологическое разнообразие. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. 432 с.

Определитель насекомых Европейской части СССР в пяти томах. Т. 1, 2. М.-Л.: Наука, 1964, 1965.

Чернышов А.П. Список листогрызов, божьих коровок и долгоносиков Калужской губернии (Coleoptera Chrysomelidae, Coccinellidae et Curculionidae) // Фауна насекомых Калужской губернии. Вып.1. Калуга, 1923. С.9—14.

Чернышов А.П. Список жуков бывшей Калужской губернии // Фауна насекомых бывшей Калужской губернии. Вып. 2. Калуга, 1930. С. 5—16.

ЭКОЛОГО-СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИЧИНОК ПОДЕНОК (INSECTA, EPHEMEROPTERA) КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В БИОИНДИКАЦИИ ВОДОЕМОВ

И.Е. Алехан,

***Е.А. Казанников**, к.б.н., доцент,*

Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Поденки — небольшие насекомые с мягкими покровами, тонкими и нежными сетчатыми крыльями, причем задняя пара короче передней или отсутствует совсем. Во взрослом состоянии поденки живут невдалеке от воды очень недолго, откуда и их название; продолжительность их жизни длится от нескольких часов до 2—3 дней. С краткостью бытия связано и недоразвитие у них ротового аппарата, вследствие чего взрослые насекомые не могут принимать никакой пищи.

После спаривания самки откладывают яйца в воду, а затем быстро погибают. Из яиц через несколько месяцев вылупляются личинки, которые растут и многократно линяют. Таким образом, большую часть жизни поденки проводят в личиночной стадии, которая может длиться до 2—3 лет.

Личинки поденок нередко узко специализированы и характерны для водоемов определенного типа. Распространение их во многом зависит от скорости течения, грунта, температуры воды летом и других условий, поэтому видовой состав поденок дает возможность лучше характеризовать исследуемый водоем, степень его загрязненности.

Первые сведения по фауне личинок поденок Калужской губернии находим в материалах Окской биологической станции в г. Муроме, сотрудники которой в 1924 г., во главе с заведующим станцией В.И. Жадиным совершили экспедицию по всей Оке от истоков до устья. На территории области отмечено четыре вида личинок поденок (Жадин, 1940), причем нахождение *Brachycercus pallidus* «в устье Угры» не подтверждено до сих пор, *Oligoneuriella rhenana* повторно найдена только экспедицией 1959 г., а обитание *Ephemera vulgata* и *Potamanthus luteus* отмечается нашими исследованиями 1992 г.

В 1959 г. двумя институтами Академии наук СССР — Зоологическим и Институтом биологии водохранилищ — была организована новая комплексная экспедиция с целью изучения гидробиологических изменений Оки, произошедших через 35 лет после экспедиции 1924 г. Материалы по личинкам поденок, собранных экспедицией, были переданы для определения и опубликованы Р.С. Казлаускас (1964) в Трудах Зоологического института АН СССР «Загрязнение и самоочищение реки Оки». Все 7 новых для Калужской области видов личинок поденок, приводимых в данной работе, нашли свое подтверждение в последующих исследованиях.

В 1992 г. по программе Института пресноводной аквакультуры при Комитете по водным ресурсам Минэкологии РФ осуществлялась разработка метода биологического анализа уровня загрязнения малых рек по макрозообентосу. На территории Калужской области эти работы проводились нами (Алехан, 2004), и в результате исследований фауна личинок поденок пополнилась еще 12 видами, приведенными ниже в списке с указанием мест и даты сборов.

Следующий этап в изучении фауны личинок поденок Калужской области связан с началом исследований пойменных озер-стариц реки Жиздры в 1999 г., проводимых Национальным парком «Угра», в комплекс которых был включен широкий спектр вопросов биологического изучения водоемов. По изучению фауны беспозвоночных животных были привлечены сотрудники и студенты педуниверситета (Казанников и др., 2001; Казанников, 2002). Дальнейшее изучение пойменных озер реки Жиздры продолжили зав. отделом природы Калужского областного краеведческого музея Е.А. Телегановой и студентом КГПУ им. К.Э. Циолковского А.А. Телегановым при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Администрации области. За время исследований в 2001—03 гг. 22-х озер-стариц было обнаружено 5 видов личинок поденок, из них 3 вида являются новыми для водоемов области: *Caenis robusta, C. undosa, Siphlonurus linneanus* (Телеганова, Телеганов, 2004).

В июне—августе 2002 г. А.А. Телегановым было проведено обследование рек Днепровского бассейна, протекающих на территории Калужской области, с целью биоиндикационной оценки чистоты воды по макрозообентосу. В 17 взятых пробах было обнаружено 6 видов личинок поденок, из которых *Cleoptillum pennulatum* не указывался ранее (Телеганов, 2004).

Летом 2003 г. А.А. Телегановым обследовался участок бассейна Угры, расположенного от устья р. Вори до г. Юхнова, в результате которого фаунистический список личинок поденок пополнился еще двумя ранее не установленными видами: *Siphlonurus lacustris* и *Ephemerella mucronata* (Телеганов, 2003).

Таким образом, в настоящее время список личинок поденок водоемов Калужской области представлен 29 видами, относящимися к 18 родам и 10 семействам.

Сем. Oligoneureiidae — Поденки маложилковые

Род Oligoneuriella Ulmer, 1924

O. rhenana Imh. — Поденка волжско-двинская

Материал: личинки найдены в медиали Оки ниже Калуги на каменистом дне, при быстром течении. Литореофил. (Жадин, 1040; Казлаускас, 1964).

Сем. Ephemeridae — Поденки настоящие

Род Ephemera Linne, 1758

E. vulgata Linne, 1758 — Поденка обыкновенная

Материал: Ока выше устья Угры (Жадин, 1940); р. Калужка у д. Воинка 16.10.92 — 2 экз.; р. Воря у д. Угрюмово 12.07.92, 21,11.92 — 17 экз.; р. Лужа ниже Малоярославца 01.10.94 — 3 экз.

Обитает в озерах и медленно текущих реках, зарываясь в илистый песок.

E. lineata Eaton, 1870

Материал: р. Калужка под мостом у Новой Деревни 16.10.92 — 1 экз.; р. Жиздра ниже устья р. Клютома 14.10.94 — 1 экз.; р. Лужа 1.10.94 — 2 экз.

Обитает в озерах, ручьях и реках около берега. Здесь личинки зарываются в ил или песок, делая там длинные горизонтальные ходы.

Сем. Baetidae — Поденки двухвостые

Род Cloeon Leach, 1815

C. dipterum (Linne, 1758) — Поденка двукрылая

Материал: р. Калужка у моста в д. Бебелево 6.10.92 — 8 экз.; р. Яченка у д. Белая 12.10.92 — 27 экз.; р. Протва у д. Трубино 10.06.92 — 19 экз., 21.10.92 — 30 экз.; оз. Желтое в пойме Жиздры 25.09.99 — 2 экз.; оз. Карастелиха 18.08.99 — 1 экз.; оз. Камышенское 28.07.99 — 3 экз.

Обитает в стоячих и медленно текущих водоемах на илистом грунте и растениях. Олиго- и мезосапроб.

C. simile (Eaton, 1870)

Материал: р. Калужка у д. Воинка 16.10.92 — 1 экз.; р. Протва у с. Высокиничи 19.07.92 —

5 экз.; р. Лужа 1.10.94 — 1 экз.; р. Угра в 200 м выше д. Беляево (Телеганов, 2003).

Обитает в реках на песчаном, местами заиленном грунте.

Род Procloeon Bengtsson, 1915

P. ornatum Tschernova, 1928 (= *P. rufulum* Etn.) — Проклеон украшенный

Материал: р. Аложа 23.07.92 — 2 экз.; в Оке найден ниже Калуги (Жадин, 1940).

Обитает в медленно текущих реках и озерах на растениях и илистом грунте. Олиго- и мезосапроб.

Род Cloeoptilum Bogoescu, 1957

C. pennulatum (Eaton, 1870)

Материал: р. Неручь у д. Бережки (Телеганов, 2004).

Обитает на реках и речках на быстринах и перекатах.

Род Centroptilum Eaton, 1868 — Поденка перистая

C. luteolum (O.F. Muller, 1776) — Поденка желтоватая

Материал: р. Киевка у ж.д. виадука 5.11.92 — 3 экз.; р. Угра в 300 м выше ур. Косая Гора (Телеганов,2003).

Обитает в стоячих водоемах и реках на грунтах разного типа. Олиго- и мезосапроб.

Род Baetis Leach,1815

B. rhodani Pictet, 1843 — Поденка двухвостая

Материал: р. Киевка у ж.д. виадука 4.07.94 — 2 экз.

Обитает в реках с медленным течением, среди водных растений или на каменистом грунте.

Сем. Heptageniidae — Поденки семидневные

Род. Heptagenia Walsh, 1863

H. fuscogrisea (Detzius, 1793) — Поденка тусклая

Материал: р. Протва у с. Высокиничи 16.07.92 — 1экз.

Обитает в озерах и медленно текущих реках, на подводных растениях. Олиго- и мезосапроб.

H. flava (Rostock, 1877)

Материал: Ока ниже Калуги (Казлаускас, 1964); р. Снопоть (Телеганов, 2004).

H. sulfurea (O.F. Muller, 1776) — Поденка желтая

Материал: р. Воря у д. Угрюмово 21.11.92 — 1 экз.; в Оке ниже Калуги (Казлаускас, 1964); р. Угра выше ур. Косая Гора (Телеганов, 2003); р. Снопоть (Телеганов, 2004).

Обитает в ручьях и реках, встречается часто под камнями, на корягах и растениях. Живет при небольшом загрязнении воды.

Сем. Ephemerellidae

Род Ephemerella Walsh, 1862

E. ignita (Poda, 1761) — Поденковидка пламенная

Материал: р. Воря у д. Угрюмово 21.11.92 — 1 экз.; р. Угра выше ур. Косая Гора (Телеганов, 2003); в Оке ниже Калуги (Казлаускас, 1964).

Обитает в ручьях и реках на грунтах различного типа.

E. mucronata Bengtsson, 1913

Материал: р. Воря выше д. Александровка (Телеганов, 2003).

Сем. Caenidae (= Brachycercidae) — Поденки грязевые

Род Caenis Stephens, 1833 — Грязевик

15. *C. horaria* (Linne, 1758) — Грязевик одночасный

Материал: р. Протва у д. Трубино 21.10.92 — 1 экз.; р. Аложа 23.07.92 — 1 экз.; оз. Ленивое 13.07.99 — 2 экз.; оз. Орешня 17.10.99 — 1 экз.

Обитает в прудах и озерах, реже в медленно текущих реках на илистом грунте.

16. *C. robusta* Eaton, 1884

Материал: в пойменных озерах Жиздры Боровское и Карасинское (Телеганова, Телеганов, 2004).

Обитает в стоячих водоемах на илистом грунте.

17. *C. undosa* Tiensuu, 1939

Материал: в пойме Жиздры, оз. Ужольное (Телеганова, Телеганов, 2004).

Обитает в озерах и реках на заиленном грунте.

Род. Brachycercus Curtis, 1843 — Поденка короткохвостая

18. *B. pallidus* Tchernova, 1928

Материал: в устье Угры (Жадин, 1940).

Характерный биотоп личинок — иловатое дно рипали и медиали реки при весьма замедленном течении.

19. *B. harisella* (Curtis, 1834)

Материал: в Оке ниже Калуги (Казлаускас, 1964); р. Десенка у д. Борок (Телеганов, 2004).

Обитает в реках и речках на заиленном грунте. Редкий вид.

20. *B. minutus* Tchernova, 1952

Материал: в Оке ниже Калуги (Казлаускас, 1964); р. Воря у д. Угрюмово 21.11.92 — 2 экз.

Обитает на заиленном грунте, типичный потамобионт, т.к. до сих пор найден только в больших реках.

Сем. Leptophlebiidae

Род. Leptophlebia Westwood, 1840

21. *L. marginata* Linne, 1767

Материал: р. Калужка у д. Воинка 16.10.92 — 5 экз.

Обитает в медленно текущих реках и ручьях, в стоячих водоемах на заиленном грунте.

Род. Habrophlebia Eaton, 1881

22. *H. fusca* (Curtis, 1834)

Материал: р. Калужка под мостом у Новой Деревни 16.10.92 — 1 экз.

Обитает в реках и ручьях на корягах, камнях, на дне среди детрита. Олиго- и мезосапроб.

23. *H. lauta* Mc Lachlan, 1884

Материал: р. Калужка под мостом у Новой Деревни 16.10.92 — 3 экз.; р. Калужка у д. Воинка 16.10.92 — 1 экз.

Обитает в речках и ручьях на корягах, камнях, среди растений. Олигосапроб.

Род Paraleptophlebia Lestage, 1917

24. *P. cincta* (Retzius, 1783)

Материал: р. Шаня выше впадения в Угру 25.09.94 — 3 экз.

Обитает в реках и речках на корягах, среди растений.

Сем. Potamanthidaae — Поденки речные

Род Potamantus Pictet, 1844

25. *P. luteus* (Linne, 1767) — Поденка яркожелтая

Материал: в устье Угры (Жадин, 1940); р. Протва у д. Трубино 13.06.92 — 3 экз.; р. Воря у д. Угрюмово 12.07.92 — 22 экз.; р. Угра в 200 м выше д. Беляево (Телеганов, 2003).

Личинки живут под камнями или в прибрежной растительности в речках и ручьях. Олиго- и мезосапроб.

Сем. Polymitarxyidae — Поденки береговые

Род. Polymitarcys Eaton, 1868 — Поденки береговая

26. *P. virgo* (Oliver, 1791) — Поденка белая

Материал: р. Протва у с. Высокиничи 16.07.92 — 1 экз.

Обитает в глинистых берегах или на дне крупных равнинных рек. Они зарываются в глинистый грунт, проделывая там горизонтальные ходы. Олигосапроб.

Сем. Isonychiidae — Изонихии

Род. Isonychia Eaton, 1871

27. *I. ignota (*Walker, 1853) — Изонихия неизвестная

Материал: Ока ниже Калуги (Казлаускас, 1964); р. Протва у с. Высокиничи 16.07.92 — 1 экз.

Обитает в больших реках на перекатах под камнями и на растениях. Олигосапроб.

Сем. Siphlonudidae — Поденки длиннолапые

Род. Siphlonurus Eaton, 1868 — Длиннолап

28. *S. linneanus* (Eaton, 1871) — Длиннолап Линнея

Материал: оз. Малое Камышенское (Телеганова, Телеганов, 2004).

Обитает в прудах, озерах, старицах реку на растениях и илистом грунте.

29. *S. lacustris* Eaton, 1870

Материал: р. Воря в 4 км выше д. Александровка (Телеганов, 2003).

Обитает в стоячих водоемах и медленно текущих реках на растениях.

Рис. 1. Форма тела роющих форм личинок поденок.

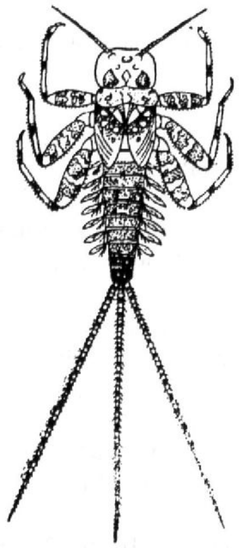

Рис. 2. Форма тела реофильных форм личинок поденок.

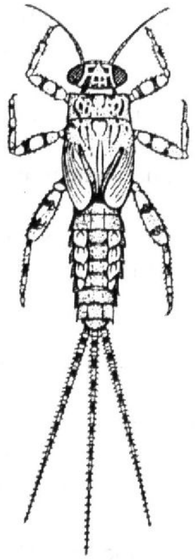

Рис. 3. Форма тела ползающих форм личинок поденок.

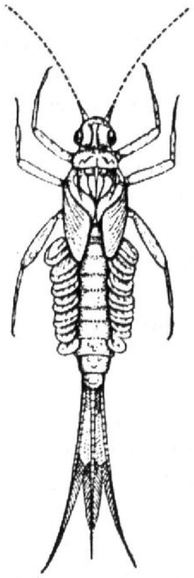

Рис. 4. Форма тела плавающих форм личинок поденок.

По образу жизни и связанному с ним биологическому облику личинок поденок можно разделить на четыре группы, далеко не совпадающими с систематическими группировками: 1) роющие формы, 2) плоские или формы быстротекущих вод, 3) ползающие формы, 4) плавающие формы (Райков, Римский Корсаков, 1956).

Роющие формы живут в иле, зарываясь в донный грунт, либо роют длинные ходы в глинистых берегах рек. Форма их тела вполне соответствует такому образу жизни: сжатое туловище с тонким и нежным покровом, сильные роющие конечности, голова с большим выступом верхних челюстей в виде длинных клыков или клещей. Формы эти ведут скрытый образ жизни и их трудно обнаружить на экскурсии (*Ephemera vulgata, Potamantus luteus, Polymitarcys virgo* — рис. 1).

Формы быстротекущих вод, так называемые реофильные формы, живут на камнях или под камнями и обладают соответствующими приспособлениями, чтобы не быть сорванными течением. Они обладают плоским расширенным телом, такой же головой, широкими листовидными жабрами и плоскими, чрезвычайно цепкими конечностями, которыми удерживаются за неровности камней. Хвостовые нити этих личинок почти лишены опушения волосками, так как им не приходится плавать в открытой воде. Для лова этих личинок бесполезно пользоваться сачком, а следует вынимать из потока камни и осматривать их с нижней стороны (*Heptagenia sulphurea, Habrophlebia lauta* — рис. 2).

Ползающие формы живут в стоячих или медленно текущих водах. Передвигаются по дну у берега или по водным растениям, плавают плохо. Тело покрыто мелкими волосками с прилипшими частицами песка или ила, что служит для них очень полезной маскировкой и спасает от хищников. У этих личинок ноги приспособлены для ползания по субстрату, и хвостовые нити также лишены волосков (*Ephemerella ignita, Caenis* — рис.3).

Плавающие формы имеют стройное подвижное тело, обладающее, как правило, сильными плавательными приспособлениями. Передвижение обуславливается либо изгибанием всего тела и хвостовыми нитями, густо покрытыми волосками, либо движением жаберных листков. Встречаются среди водной растительности (*Cloeon dipterum, Baetis rhodani, Isonychia ignota, Siphlonurus linneanus* — рис. 4).

Большинство личинок поденок — олигосапробы и живут только в чистой воде, лишь немногие виды — мезосапробы и обитают в слабозагрязненных водоемах.

Литература

Алехан И.Е. Бентос малых рек Верхнего Поочья. // Вестник Томского госуниверситета. Томск, 2004. № 11. С. 3—4.

Жадин В.И. Фауна рек и водохранилищ. Систематико-экологический список донной фауны рек, пойменных водоемов и водохранилищ // Тр. Зоолог. ин-та АН СССР. М.—Л., 1940. Т. V. Вып. 3—4. С 812—817.

Казанников Е.А., Демин С.В., Наумкин Е.А., Казанникова И.Е. Беспозвоночные животные стариц р. Жиздра в пределах национального парка «Угра» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы IX научн. конф. Калуга: Полиграфинформ, 2001. Ч. II. С. 243—248.

Казанников Е.А. Беспозвоночные животные // Пойменные озера Жиздры. Калуга, 2002. С. 41—45.

Казлаускас Р.С. Материалы к познанию поденок реки Оки. Загрязнение и самоочищение реки Оки // Тр. Зоолог. ин-та АН СССР. М.—Л., 1964. Т. XXXII. С. 164—176.

Райков Б.Е., Римский-Корсаков М.Н. Зоологические экскурсии. Л.: Госучпедиздат, 1956. С 277—282.

Телеганов А.А. Некоторые сведения по фауне макрозообентоса и нектона рек Угры и Вори // Природа и история Поугорья. Вып. 3. Калуга, 2003. С. 64—67.

Телеганов А.А. Первые сведения по фауне макрозообентоса рек Днепровского бассейна в пределах Калужской области (часть I) // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга 6-я. Калуга, 2004. С. 10—23.

Телеганова Е.А., Телеганов А.А. К фауне нектонных и бентосных форм беспозвоночных пойменных озер реки Жиздры // Тр. регионального конкурса научных проектов в области естественных наук. Калуга: Изд. дом «Эйдос», 2004. Вып. 6. С. 3—4.

МОНИТОРИНГ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПОЙМЕННЫХ ОЗЕР ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

***А.А. Телеганов**, ст. гос. инспектор,*
Управление Россельхознадзора по Калужской области
***Г.В. Чернова**, д.б.н., профессор,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Целью нашей работы являлось изучение видового состава макрозообентоса 47 пойменных озер Верхнего Поочья и использование его для мониторинговой оценки состояния стариц как специфической гидробиологической структуры средней полосы России.

За прошедшие 6 лет, в течение которых мы проводили эту работу, нами было обследовано 47 пойменных озер, расположенных на реках Оке, Жиздре, Угре и Протве. В дальнейшем, проанализировав основные их характеристики, мы выделили из них 11 модельных озер, по

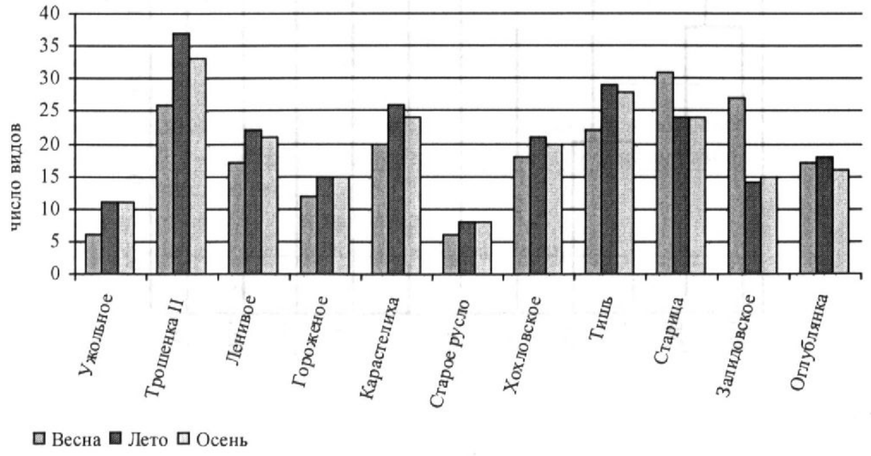

Рис. 1. Сезонные изменения числа видов в модельных озерах-старицах весной, летом и осенью.

которым были произведены более тщательные исследования — оз. Ужольное, Трошенка II, Ленивое, Гороженое, Карастелиха, Старое русло, Хохловское, Тишь, Старица, Залидовское, Оглублянка. Большинство этих озер имеют очень высокую степень своеобразия по многим характеристикам.

В рамках фаунистической части нашего исследования в обследованных озерах были выявлены 180 видов лимнобионтов, относящихся к 8 типам макрозообентоса. Нами не брались в расчет такие высокоспециализированные группы, как хирономиды, полихеты, олигохеты (Телеганов, 2003, 2004, 2005).

На основе исследований, проведенных на модельных озерах-старицах, нами была изучена сезонная динамика макрозообентоса (Телеганов, 2006).

В большинстве озер сохраняется тенденция к характерному увеличению числа видов в летний период и падение его осенью (рис. 1). В озерах Старице и Залидовском, напротив, наблюдался весенний пик видового разнообразия, что связано с частым пересыханием этих озер и большой степенью эфемерности их видового состава.

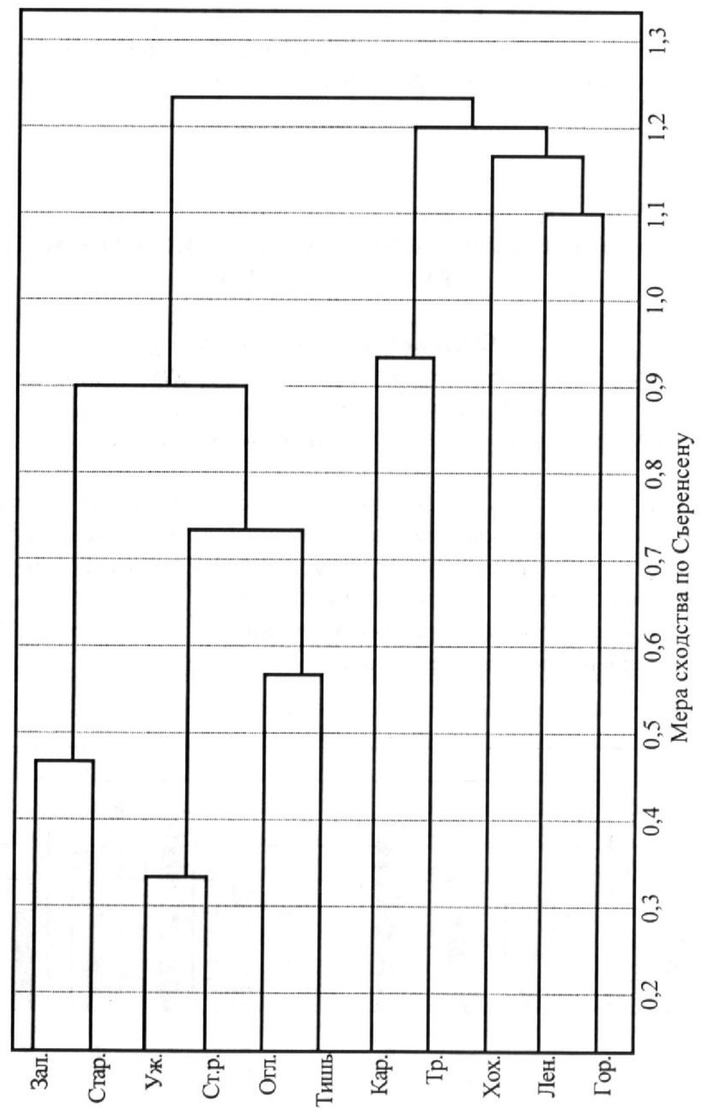

Рис.2. Дендрограмма сходства видового состава макрозообентоса модельных пойменных озер.

Годичное изменение видового состава в пойменных озерах выражено значительно слабее. За 6 лет, в течение которых проводились наши исследования, зафиксированные изменения связаны с погодными условиями и имеют временный характер.

Благодаря полученным нами результатам динамики численности и структуры макрозообентоса, а также анализа жизненных циклов основных групп макрозообентоса, можно сделать вывод о том, что наиболее благоприятное время для отбора мониторинговых проб — вторая декада июня — первая декада июля.

В ходе изучения структурно-видовых различий макрозообентоса пойменных озер нами был использован кластерный анализ сходства видового состава модельных озер (рис. 2). Исходя из полученных данных, используя показатели коэффициента общности видового состава Т. Съеренсена, было выявлено 5 групп стариц: Старица, Залидовское (СЗ); Ужольное, Старое русло (УС); Оглублянка, Тишь (ОТ); Трошенка II, Карастелиха (ТК); Гороженое, Ленивое, Хохловское (ГЛХ). Все группы были условно названы по первым буквам модельных озер, входящих в них.

Следующим этапом нашей работы стал анализ особенностей видового состава в связи с антропогенной нагрузкой на озера-старицы. В соответствии с выбранной методикой (Абакумов и др., 1981; Абакумов, Сущенья, 1991; Израэль, Абакумов, 1991), все модельные пойменные озера были разделены на три группы: удовлетворительную, напряженную и предельную. В частности, опираясь на собранные нами данные, озера Ужольное, Трошенка, Карастелиха, Старое русло, Старица, Залидовское были отнесены к первой группе. Озера Ленивое, Гороженое и Хохловское — ко второй. Озера Оглублянка и Тишь — к третьей. Анализируя вышеприведенные результаты, сравнивая их с результатами кластерного анализа сходства озер по видовому составу макрозообентоса, было выявлено большое сходство групп озер, выделенных в обоих случаях.

В результате антропогенного и, в частности, рекреационного воздействия на озерные сообщества, в первую очередь происходит изменение видового состава макрозообентоса. Также происходит снижение индекса видового разнообразия, что зачастую влечет за собой изменение выравненности экологических сообществ. С повышением антропогенной нагрузки происходит перераспределение доминирующих групп макрозообентоса (рис. 3, 4, 5). Если в озерах Трошенка II, Карастелиха, Залидовское и Старица, кроме моллюсков, довольно большую численность имеют ракообразные, клопы, ручейники и стрекозы, то в озерах Оглублянка и Тишь наблюдается резкое увеличение количества легочных моллюсков, а второстепенную роль здесь играют пиявки и двукрылые. Результаты индексов видового разнообразия макрозообентоса также отражают увеличение показателей в озерах с малой нагрузкой и наоборот.

Проанализировав все полученные данные, с учетом адаптационной способности организмов макрозообентоса и гидрохимического режима озер-стариц нами были выделены основные биоиндикаторные виды макрозообентоса пойменных водоемов.

Sphaerium corneus — обитает в слабозагрязненных озерах;
Pisidium inflatum — обитает в загрязненных водоемах;
род *Valvata* — виды обитают в чистых водоемах;
род *Opisthorchophorus* — виды, характерные для временных и пересыхающих водоемов;
Planorbis planorbis — дистрофные, пересыхающие и среднезагрязненные озера;
Armiger crista — чистые озера;
Segmentina distinguenda — чистые озера;
Asellus aquaticus — среднезагрязненные озера-старицы;
Gammarus lacustris — обитает в чистых озерах;
Aeshna juncea — чистые мезо- и олиготрофные озера;
Sympetrum flaveolum — чистые озера-старицы;
Epitheca bimaculata — обитают в среднезагрязненных водоемах;
сем. Corixidae — виды обитающие в чистых пойменных озерах;
Limnephilus rombicus — характерный обитатель слабозагрязненных водоемов;
Haemopis sanguisuga — слабозагрязненные водоемы;
Plea minutissima — чистые пойменные озера;
Oecetis lacustris — обитает в чистых озерах;

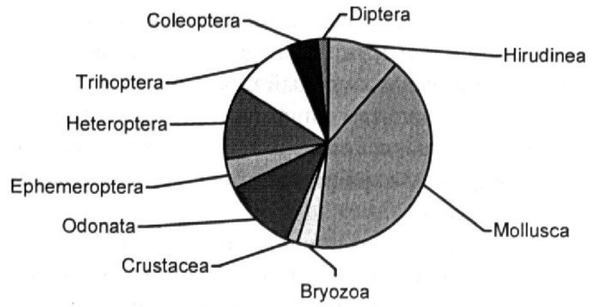

Рис. 3. Диаграмма соотношения групп макрозообентоса в озерах ТК.

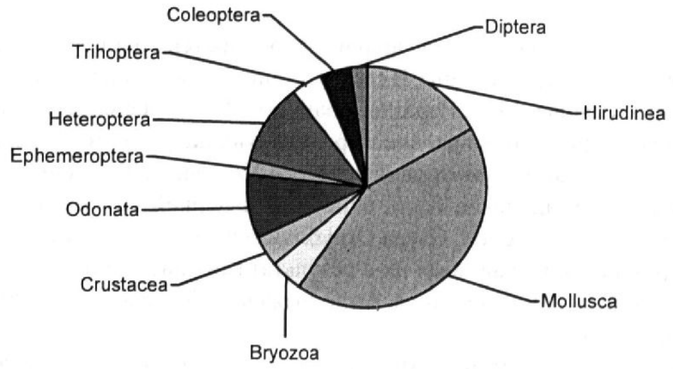

Рис. 4. Диаграмма соотношения групп макрозообентоса в озерах ГЛХ.

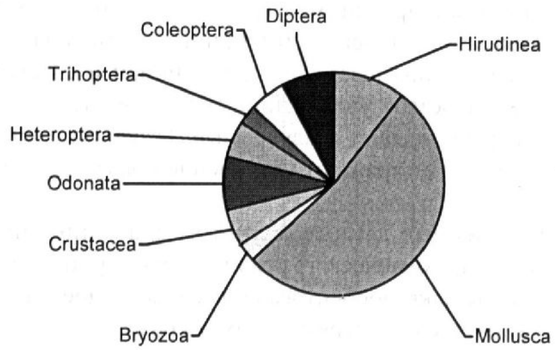

Рис. 5. Диаграмма соотношения групп макрозообентоса в озерах ОТ.

Triaenodes bicolor — обитает в чистых озерах.

Все указанные виды макрозообентоса являются характерными обитателями пойменных озер Верхнего Поочья. Большинство из них встречаются в относительно большом количестве в зависимости от условий среды обитания. В число индикаторных видов не включались редкие и малочисленные (Телеганова, Телеганов, 2003, 2004) представители макрозообентоса.

Оценка экологического состояния озер-стариц разработанным нами методом основывалась, прежде всего, на биоразнообразии бентоса с учетом его сезонных изменений. Особое внимание обращалось на уточнение сроков пика численности популяций бентосных видов, выбранных в качестве основных биоиндикаторных организмов, характерных для пойменных озер Верхнего Поочья, а также на особенностях видового разнообразия в связи с различиями в антропогенной нагрузке на старицы. Здесь же учитывался и гидрохимический режим некоторых модельных озер.

Исходя их данных кластерного анализа сходства озер по видовому составу макрозообентоса, анализа антропогенной нагрузки, гидрохимии озер и других данных, полученных в ходе исследования, а также опираясь на систему классификации озер по качеству воды А.А.Былинского и С.М. Драчева (Былинкина и др., 1962; Драчев, 1964), модельные озера были разделены на 3 класса чистоты:

1) чистые озера — водоемы, не подвергающиеся антропогенному воздействию, загрязнений химическими веществами нет. Частично соответствует олигосапробной зоне (за исключением дистрофных и пересыхающих озер);

2) слабозагрязненные озера — водоемы со значительной антропогенной, а в первую очередь рекреационной нагрузкой. В большей части случаев соответствует β-мезосапробной зоне;

3) среднезагрязненные озера — водоемы с высокой и максимальной антропогенной нагрузкой. В большей части случаев наблюдается химическое загрязнение. Частично соответствует α-мезосапробной зоне.

Соответствие вышеуказанных трех классов зонам сапробности носит относительный характер. Это объясняется тем, что наш анализ, в первую очередь, нацелен на выявление антропогенного воздействия на озера и абстрагирован от естественной эвтрофикации водоемов.

Дальнейшая работа проводилась в направлении анализа степени доминирования видов-индикаторов в модельных озерах-старицах. Показатели индекса каждого индикаторного вида суммировались по трем классам чистоты (I — чистое; II — слабозагрязненное; III — среднезагрязненное), в результате чего в модельных озерах получилась следующая картина. Озера Ужольное, Трошенка II, Карастелиха, Старое русло, Старица и Залидовское были отнесены к первому классу. Озера Ленивое, Гороженое и Хохловское — ко второму классу. А озера Тишь и Оглублянка — к третьему классу. Причем озера Ленивое и Гороженое очень близки к I классу, а озеро Старица, напротив, проявляет в себе некоторые признаки II класса.

Кроме представленной выше методики оценки антропогенного воздействия на пойменные озера нами был разработан метод оценки напряженности лимноценоза. Под напряженностью лимноценоза в данном случае нами подразумевается степень общей неблагоприятности условий обитания гидробионтов (макрозообентоса), сложившейся под влиянием как природных, так и антропогенных факторов.

Проанализировав большое количество возможных показателей с использованием видового состава макрозообентоса озер-стариц, нами был предложен «Планорбисно-опистрохофорусовый» показатель. В его основе лежит регистрация численности и степени доминирования следующих видов гидробионтов:

— *Planorbis planorbis* L., 1758;
— *Opisthorchophorus baudonianus* (Gassiez, 1859);
— *O. troscheli* (Paasch, 1842);
— *O. hispanicus* (Servain, 1880).

Для анализа степени доминирования был использован ранее упомянутый индекс доминирования Палия-Ковнацки. Он высчитывался отдельно для каждого из видов, а затем суммировался.

Вышеуказанные виды нами были выявлены только в озерах Ужольном, Старом русле, Тиши, Старице, Залидовском и Оглублянке. Из них наибольшая степень доминирования этих видов зафиксирована в озерах Ужольном и Старом русле, что, скорее всего, обусловлено высокой степенью дистрофности этих озер. Озера Старица и Залидовское, как уже было указанно, являются временными пересыхающими водоемами, что также оказывает сильное влияние на состояние лимноценоза. Напряженность, зафиксированная в оставшихся озерах — Тиши и Оглублянке, ввиду отсутствия явных природных факторов, обусловлена антропогенным воздействием.

В результате проведенного нами сравнения различных методов биоиндикации водоемов с использованием макрозообентоса применительно к пойменным озерам Верхнего Поочья было установлено, что большинство из известных нам систем оценки пресноводных экосистем разработаны и применяются в основном для рек и водохранилищ. В некоторых

случаях встречаются методики, адаптированные для использования на крупных озерах. Большинство из так называемых «озерных» методик направлены на мониторинг естественного состояния водоемов и не затрагивают антропогенных факторов. Нами же было проведено разграничение этих двух факторов и на базе фаунистических исследований предложен список показательных организмов, являющихся индикаторами антропогенного воздействия, и, в то же самое время, не реагирующих на процессы естественной эвтрофикации водоемов. Это позволило нам адекватно оценить состояние лимноценозов озер-стариц, находящихся на дистрофной стадии процесса их естественного изменения.

Предложенная нами система базируется на анализе соотношения показательных организмов макрозообентоса с учетом их доминирования в экосистеме. Фактически нами были предложены шкалы биотестирования антропогенного воздействия на пойменные водоемы.

Литература

Абакумов В.А., Максимов В.Н., Ганьшина Л.А. Экологические модуляции как показатель изменения качества воды // Научные основы контроля качества вод по гидробиологическим пказателям: Тр. Всесоюз. конф. Л., 1981. С. 117—136.

Абакумов В.А., Сущенья Л.М. Гидробиологический мониторинг пресных вод и пути его совершенствования // Экологические модификации и критерии экологического нормирования: Тр. Междунар. симпоз. Л.: Гидрометеоиздат, 1991. С. 41—51.

Былинкина А.А., Драчев С.М., Ицкова А.И. О приемаз графического изображения аналитических данных о состоянии водоема // Материалы 16 совещ. Гидрохим. Ин-та АН СССР. Новочеркасск: АН СССР, 1962. С. 23—29.

Драчев С.Н. Борьба с загрязнением рек, озер и водохранилищ промышленными и бытовыми стоками. М.-Л.: Наука, 1964. с. 274.

Израэль Ю.А. Абакумов В.А. Об экологическом состоянии поверхностных вод СССР и критериях экологического нормирования // Экологические модификации и критерии экологического нормирования. Л.: Гидрометеоиздат, 1991. С. 7—18.

Телеганов А.А. Некоторые сведения по фауне макрозообентоса и нектона рек Угры и Вори // Природа и история Поугорья. Вып. 3. Калуга: Изд-во науч. лит-ры Н.Ф. Бочкаревой, 2003. С. 64—67.

Телеганов А.А. Брюхоногие моллюски (Gastropoda) Калужской области // Вестник Томского государственного университета. № 11. Томск, 2004. С. 67—71.

Телеганов А.А. Телеганова Е.А, Двустворчатые моллюски (Mollusca, Bivalvia) водоемов Козельского района Калужской области // Природа. История. Культура. Духовность: Козельские краеведческие чтения. Вып. 7. Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2005. С. 204—208.

Телеганов А.А. Динамика видового разнообразия макрозообентоса пойменных озер рек Жиздра и Угра Калужской области // Биоиндикация в мониторинге пресноводных экосистем: Сб. тез. докл. Междунар. конф. (С-Петербург, 23—27 октября 2006 г.). СПб., 2006. С. 148—149.

Телеганова Е.А. Телеганов А.А. К фауне нектонных и бентосных форм беспозвоночных пойменных озер реки Жиздры // Труды регионального конкурса научных проектов в области естественных наук. Вып. 4. Калуга: Издательский дом «Эйдос», 2003. С. 206—211.

Телеганова Е.А., Телеганов А.А. К фауне нектонных и бентосных форм беспозвоночных пойменных озер реки Жиздра // Труды регионального конкурса научных проектов в области естественных наук. Вып. 6. Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2004. С. 317—330.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К АПИДОФАУНЕ (HYMENOPTERA, APOIDEA) КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***Г.В. Голубева**, к.б.н., доцент,*

Российский государственный аграрный университет — Московская сельскохозяйсивенная академия им. К.А. Тимирязева (Калужский филиал)

Пчелы — одна из наиболее процветающих групп насекомых. Уникальная жизненная форма пчел как антофилов свойственна лишь очень немногим другим группам организмов. Пчелы вступили в симбиотические отношения с растениями в момент своего появления. Взаимный отбор между пчелами и растениями в ходе их сопряженной эволюции привел к колоссальной диверсификации симбионтной системы как по числу входящих в нее видов, их морфологическому разнообразию, так и по специфичности конкретных отношений «опылители — цветки», формам поведения на цветках и особенностям опыления (Радченко, Песенко, 1994).

Современная флора Земли насчитывает более 390 семейств, около 13 тысяч родов и не менее 240 тыс. видов цветковых растений, произрастающих в разнообразных экологических условиях и составляющих основную массу растительного вещества биосферы, играя важную роль в жизни человека. При этом около 87% растений по способу опыления являются энтомофильными (Кочетова и др., 1986), лишь около 19 % — анемофильными и менее 1% опыляются птицами и летучими мышами (Гроссгейм, 1967).

Надсемейство пчелиные (Apoidea) по современной классификации объединяет не менее 21 тыс. видов, относящихся к 520 родам и 11 семействам (Радченко, Песенко, 1994), при этом насчитывает около 500 видов общественных пчел (Кипятков, 1991).

Территория России относительно бедна пчелами, особенно северные и центральные регионы; в южных степных регионах обитает в среднем около 400 видов одиночных пчел и шмелей (Никифорук, 1957).

При изучении пчелиных (Apoidea) в Калужской области нами делался упор в основном на исследование представителей семейства Apidae (родов *Bombus, Psithyrus*) (Голубева, 2001, 2002, 2005).

Общая сводка по апидофауне приводится в данной работе впервые. Определения проводились по сборам 1989—2006 гг. в Дзержинском, Юхновском, Малоярославецком, Боровском, Козельском, Износковском районах, пригороде города Калуги и в городской черте. Использовался также коллекционный материал Калужского государственного педагогического университета, предоставленный В.Е Кузьмичевым, и сборы С.К. Алексеева, сделанные в заповеднике «Калужский засеки» и пригороде Калуги, за что выражаю им свою благодарность.

Сбор материала производился: на территории национального парка «Угра»: уникальном разнотравье Залидовских лугов, на заболоченных участках, в пойме реки Угры, в местах выхода песчаников, в древесно-кустарниковых комплексах, смешанных хвойно-широколиственных лесах, вдоль дорог, в оврагах и балках; на территории памятника природы «Калужский городской бор» в различных биотопах (вдоль болот, на полянах с разнообразным составом цветущих медоносов, вдоль просек, по берегам ручьев). Сборы, учеты и наблюдения проводились на посевах различных сельскохозяйственных культур: клевера лугового и гибридного, люцерны, гороха, гречихи, люпина и др. Обследовались посадки плодовых деревьев, ягодных кустарников, земляники, а также лесополосы. В городской черте сборы производились на газонах, цветущих кустарниках и деревьях т.п.

В соответствии с разнообразием природных комплексов на территории Калужской области нами отмечается достаточно разнообразная фауна пчелиных, включающая 298 видов, относящихся к 42 родам и 7 семействам (таблица 1).

Семейства пчел существенно различаются по числу родов и видов. По нашим данным в Калужской области преобладают семейства Halictidae (67), Megachilidae (64), Andrenidae (59). По числу видов преобладают роды: Andrena (55), Halictus (48), Bombus (36). По абсолютной численности в естественных и агробиоценозах преобладают андрены и галикты (Осычнюк, 1977).

По образу жизни пчелы делятся на одиночных, социальных и паразитических, вскармливающих своих личинок за счет корма и личинок других пчел и синхронно развивающихся с хозяевами. Одиночные пчелы по фенологическим особенностям разделяются на две группы: моновольтинных и би- или поливольтинных. По количеству видов эти две группы примерно равны (Радченко, Песенко, 1994). Пчелы посещают ради взятия пыльцы и нектара цветки всех основных семейств покрытосеменных растений. По терминологии Ч.Робертсона (Robertson, 1928) антофильных пчел по их трофическим связям разделяют на полилектов и олиголектов. Самки первых собирают пыльцу с широкого круга растений (широкие полилекты) или с немногих видов, принадлежащих к разным ботаническим семействам (узкие полилекты) или исключительно одного ботанического семейства. Иногда пыльца берется с растений только одного или нескольких близких родов растений (узкие олиголекты) или даже одного вида (монолекты). Как правило, большинство видов пчелиных являются полилектами и лишь небольшое число — монолектами и узкими олиголектами.

Одиночные и медоносные пчелы, опыляя свыше 85% всей цветковой флоры, способствуют

Таблица 1.
Видовое разнообразие пчелиных на территории Калужской области.

Семейство, род	Число видов	Семейство, род	Число видов
1. Colletidae	22	*Trachusa*	1
Collettes	12	*Stelis*	7
Hylaeus	10		
2. Andrenidae	59	6. Anthophoridae	32
Andrena	53	*Amegilla*	1
Melitturga	2	*Ammobates*	1
Panurgus	2	*Ammobatoides*	1
Panurginus	2	*Anthophora*	4
		Ceratina	1
3. Halictidae	67	*Clisodon*	1
Halictoides	2	*Epeoloides*	1
Halictus	48	*Heliophila*	1
Sphecoides	12	*Melecta*	2
Dufourea	1	*Nomada*	15
Rophitoides	1	*Paramegilla*	3
Rophites	2		
Systropha	1		
4. Melittidae	8	7. Apidae	47
Dasypoda	2	*Bombus*	36
Macropis	2	*Psithyrus*	10
Melitta	2	*Apis*	1
5. Megachilidae	64	44 рода	298 видов
Anthidiellum	1		
Anthidium	4		
Anthocopa	1		
Chelostoma	4		
Coelioxys	9		
Heriades	2		
Hoplitis	5		
Lathurge	2		
Megachile	18		
Osmia	10		

сохранению генофонда энтомофильных растений. Около 90% всей культурной флоры также нуждается в пчелоопылении, причем некоторые виды растений могут опыляться только адаптированными к ним видами диких пчелиных (Хансон, 1972). Роль пчелоопыления в повышении урожайности и качества семян сельскохозяйственных культур неоспорима. Так, урожайность клевера лугового при пчелоопылении, по нашим данным, повышается почти вдвое, кормовых бобовых — на 90%. Урожайность кормового люпина увеличивается на 37%, подсолнечника и гречихи — на 40%, льна-долгунца — на 50%, люцерны — на 50—65%, бахчевых культур — на 160%, томатов — на 30—40% (Черникалова, 2005). Установлено, что планомерное опыление пчелами яблонь и вишен обеспечивает прирост урожая от 30 до 300 % (Ангуладзе, 1972). Средняя масса ягод земляники при достаточном пчелоопылении возрастает в 3 раза, а завязываемость ягод и общий урожай с куста плодовых кустарников повышается в 1,5 раза по сравнению с самоопылением (Зенина,1968).

Роль природных опылителей энтомофильных культур в последние годы все больше возрастает в связи со спадом развития пчеловодства и, как следствие, снижения урожайности этих культур. Кроме того, многие хозяйства, вводя в севообороты в основном зерновые и пропашные культуры, мало внимания уделяют выращиванию кормовых нектароносных культур, лишая пчелиных кормовой базы на огромных территориях. Важным условием возрождения в области широкого и рентабельного производства ценных для человека и сельскохозяйственных животных энтомофильных культур — гречихи, клевера, люцерны, рапса, овощных и плодовых — является комплексная научнообоснованная система мероприятий по мониторингу и охране популяций опылителей, повышение их численности.

В апидофауне Калужской области нами отмечаются представители всех семейств надсемейства пчелиных, а также большинство родов, встречающихся в европейской части Палеарктики. Однако по численности преобладают лишь небольшое число видов из родов *Andrena, Halictus, Bombus*. В локальных фаунах и отдельных биотопах, на посевах различных энтомофильных культур, доминируют различные группы видов пчел, но численность их невелика. К массовым видам относятся лишь небольшое число апид, составляющих менее 10% от общей численности пчелиных. Остальные же виды встречаются на территории области редко, локально, с небольшой численностью, а некоторые практически исчезли. Поэтому считаю целесообразным взять под охрану всю группу опылителей. Разработать систему долгосрочных и краткосрочных мероприятий по сохранению и увеличению численности отдельных видов пчелиных. Вести широкую пропаганду по охране опылителей в школах, учебных заведениях, ВУЗах города, привлекая к этой работе средства печати, радио и телевидение, внедрять биотехнические мероприятия по формированию агроландшафтов, рекомендовать хозяйствам области использовать в севооборотах энтомофильные культуры и высокий уровень земледелия с учетом охранных мероприятий.

Литература

Ангуладзе Д.И. Опыление пчелами и оплата за опыление в условиях Грузинской ССР // Апиакта, 1972. Т.7. №4. С.159.

Голубева Г. В. Итоги инвентаризации энтомофауны пчелиных Калужской области // Доклады ТСХА. Вып. 273. Ч. 2. М., 2001, С.54—57.

Голубева Г.В. Редкие и исчезающие виды шмелей Калужской области // Доклады ТСХА. Вып. 274. М., 2002, С.391—392.

Голубева Г. В. Дополнение к фауне редких видов пчелиных (Hymenoptera, Apidae) Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Матер. XI Всерос.науч.конф. Калуга, 2005. С.343—346.

Гроссгейм А.А. Флора Кавказа // М.-Л., 1967. Т.1. 553 с.

Зенина В. Пчелы и урожайность крыжовника // Пчеловодство. 1985. №2. С.14—15.

Кипятков В.Е. Мир общественных насекомых // Л.:Изд-во ЛГУ, 1991. 406 с.

Кочетова Н.И., Акимушкина М.И., Дыханов В.Н. Редкие беспозвоночные животные // М.: Агропромиздат, 1986. 208 с.

Никифорук К.С. Пчелы Башкирской АССР // Вып. геогр.о-ва СССР. Башк.ф. Йошкар-Ола , 1957. Вып.1. С.139—162.

Осычнюк Г.З. Бджолини (Apoidea) — Правобережного Степу Украини // Т.12. Вип.5. Київ: Наук. думка, 1977. 328с.

Радченко В.Г., Песенко Ю.А. Биология пчел (Hymenoptera, Apoidea) // СПб, 1994. 350 с.

Хансон А. Пчелы на службе контроля окружающей среды и охрана природы // Апиакта. 1972. Т.7. №4. С.145.

Черникалова Е.В., Пентык И.Д. Видовое разнообразие и численность природных опылителей в окрестностях Ставрополя и Кисловодска // Защита растений от вредителей, болезней и сорной растительности: Сб. науч. тр. Ставр. ТСХА. Ставрополь, 1994. С.3—5.

Robertson C. Flowers and insects // Carlinvill (Illinois): Sci Press, 1928. 221 p.

EPIPLEMIDAE — НОВОЕ СЕМЕЙСТВО LEPIDOPTERA ДЛЯ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ*

***И.В. Шмытова**, к.б.н., зам. ген. директора по научной работе,*
Калужский областной краеведческий музей

Результатом полевых работ сезона 2006 г. стало выявление нового для Калужской области семейства чешуекрылых — Epiplemidae. Единственным известным представителем этого семейства в Западной Палеарктике является эпиплема украшенная (*Eversmannia exornata* Ev.) —

*Исследования проведены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Калужской области (проект № 04-04-97209).

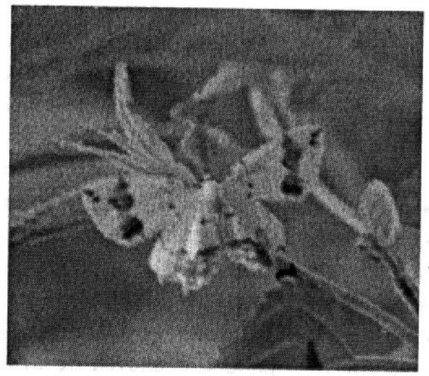

Рис. 1. Эпиплема украшенная (*Eversmannia exornata* Ev.).

редкий и локально распространенный вид (фото на рис. 1).

В 80-х—90-х гг. XX в. вид был обнаружен в Московской, Рязанской, Брянской, Ивановской и Тульской областях (Dubatolov, Antonova, Kosterin, 1994).

В 1998 г. *Eversmannia exornata* Ev. был пойман нами в Смоленской области (Антонова, Миронов, Свиридов, Шмытова, 1999). Это местообитание в настоящее время является самым западным из известных местонахождений вида. Пробел в распространении вида в центральных областях России был ликвидирован в полевой сезон 2006 г., когда вид был выявлен в трех географических точках Калужской области (учтено 9 экз.). Материал: Хвастовичский район, Милеево, 07.06, 5 экз.; Харитоновка, 07.06, 3 экз.; Рессета, 07.06, 1 экз. — карта на рис. 2.

Рис. 2. Места находок *Eversmannia exornata* Ev. в Калужской области в 2006 г.
1 — Милеево, 2 — Харитоновка, 3 — Рессета.

Бабочки держатся на высокотравных лугах в пойме р. Рессеты, заросших в основном вероникой широколистной и таволгой вязолистной. В сумерки эпиплемы вспугивались из травы, но, пролетев несколько метров, прятались под нижнюю сторону листьев травянистых растений.

По всей видимости, вид распространен на гораздо большей территории поймы р. Рессеты, чем выявленная нами. К сожалению, пока невозможно с уверенностью назвать лимитирующие численность вида факторы, но не вызывает сомнения, что таковыми для локальных видов является, прежде всего, уничтожение местообитаний в результате рекреации и иной антропогенной нагрузки. Выявленные местообитания *Eversmannia exornata* Ev. на юге области находятся на территориях с крайне низкой плотностью населения и единственное влияние на них оказывают туристы-байдарочники и рыбаки, поэтому сохранность местообитаний эпиплемы пока не вызывает опасений.

Литература

Антонова Е.М., Миронов В.Г., Свиридов А.В., Шмытова И.В. Новые и редкие находки разноусых чешуекрылых (Lepidoptera: Heterocera) для бассейна верхней Оки // Russian Entomological Journal. M., 1999. Vol. 8. P. 53—56.

Dubatolov V.V., Antonova E.M., Kosterin O.E. Eversmannia exornata Ev. — the only known representative of the Epiplemidae family (Lepidoptera) in West Palearctic // Actias. Russian Journal for Scientific Lepidopterology. M., 1994. Vol.1. No 1—2. P. 19—23.

СОВКИ (LEPIDOPTERA, NOCTUIDAE) — ВРЕДИТЕЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР — В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***В.В. Булеза**, к.б.н.,*
Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН

Совки — самое большое семейство чешуекрылых. Для имаго совок характерна ночная активность. Гусеницы питаются в основном листьями или прокладывают ходы в стеблях и корнях кормовых растений. Семейство совок имеет важное экономическое значение. К нему относится множество видов, гусеницы которых являются опасными вредителями целого ряда сельскохозяйственных культур, в том числе зерновых, свеклы, томатов, капусты, картофеля.

Биология и экология совок центральных областей России изучена слабо. Существуют только фаунистические списки по отдельным районам. Так, для Московской и Калужской областей приводится список совок, содержащий 353 вида (Сироткин, 1986; Солнцев, 2000, Свиридов, 2002), для Тульской — 296 и Рязанской — 324 (Свиридов, Большаков, 1998; Свиридов и др., 1999). Общий сводный предварительный каталог совок Европейской России (без учета Северного Кавказа) содержит сейчас около 700 видов (Свиридов, Татаренко, 2003).

Целью настоящей работы было изучение фенологии, динамики численности и распределения по биотопам совок — основных вредителей сельскохозяйственных культур: капустной (*Mamestra brassicae* L.), огородной (*Lacanodia oleracea* L.), восклицательной (*Agrotis eclamationis* L.), озимой (*Agrotis segetum* Den. et Schiff.), а также совки ипсилон (*Agrotis ipsilon* Hfn.) и совки с-черное (*Xestia c-nigrum* L.). Работа проведена в Жуковском и Боровском районах Калужской области.

Методы. Для изучения биологии и экологии совок использовали: 1) светоловушки с дроссельными ртутно-люминесцетными лампами уличного освещения ДРЛ мощностью 250 и 400 Вт; 2) клеевые ловушки с половыми аттрактантами; 3) почвенные раскопки в разных биотопах площадью 0,25 м ^{2} каждая. Определяли также степень поврежденности растений.

Результаты и их обсуждение. Лов насекомых на свет адекватно отражает их временную летную активность и позволяет судить о численности видов. Проводили лов на свет один раз в неделю с конца мая до начала сентября в 2005 и 2006 гг. Начинали лов с наступлением темноты и оканчивали с рассветом. За весь период работы отловлено более 150 видов совок. Подробный анализ динамики лета на свет на протяжении сезона, а также ритм лета на протяжении ночи изучили на примере 6 видов совок, которые являются наиболее массовыми для данного района (табл. 1).

По данным таблицы 1 наиболее массовым видом является восклицательная совка. У этого вида на зимовку уходят гусеницы старших возрастов, зарываясь в почву на глубину от 5 до 10 см, где в середине мая следующего года они окукливаются. Первые бабочки

Таблица 1.

Число совок, отловленных на светоловушку в Жуковском районе, 2005 г.

Виды совок	Сроки лёта I поколения	Число отловленных совок		Сроки лёта II поколения	Число отловленных совок	
		♂	♀		♂	♀
Восклицательная совка	н*.06—н.07	76	8	к*.08—н.09	21	7
Озимая совка	н.06—н.07	18	3	к.08—н.09	5	1
Капустная совка	к.05—н.06	27	2	к.07—к.08	12	3
Огородная совка	к.05—н.06	48	5	к.07—к.08	27	5
Совка-ипсилон	н.06—н.07	11	2	к.08—н.09	2	0
Совка с-черное	к.05—н.06	31	4	к.07—н.09	24	5

**Н—начало месяца, К—конец месяца.*

отловлены в начале июня. В районе исследования восклицательная совка развивается в двух поколениях. Лет первого поколения наблюдали в июне—июле, второго — с конца июля до середины сентября. Пик лета первого поколения наблюдали в начале июля.. В этот период за ночь на светоловушку прилетало до 10 бабочек. Второе поколение сравнительно немногочисленно. При неблагоприятных погодных условиях (холодное, дождливое лето) восклицательная совка развивалась в одном поколении. Изучение динамики лета восклицательной совки на протяжении ночи показало, что первые бабочки начинают прилетать на свет в 23 ч., а массовый лет наблюдался в 2 ч. ночи.

Изучение лета на свет совки ипсилон и озимой совки показало, что эти вида начинают лететь на час позже восклицательной. Пик их лета приходится на 3 ч. Численность этих видов намного меньше, чем восклицательной. На протяжении сезона они развиваются в двух поколениях. Динамика их лета на свет на протяжении сезона совпадает с летом восклицательной совки. Все три описанных вида совок относятся к роду *Agrotis*. Гусеницы многих видов этого рода, так называемые подгрызающие совки, являются вредителями различных сельскохозяйственных культур.

Одним из часто встречаемых видов совок в изучаемом районе является капустная совка. Зимует она в стадии куколки. Осенью гусеницы пятого возраста уходят в почву на глубину до 10 см и там окукливаются. Бабочки первого поколения летали с конца мая до начала июля. Пик лёта наблюдали в июне. Начинают лететь на свет бабочки этого вида с 2 ч. и лёт продолжается около двух часов. В середине июня обнаружены первые яйцекладки. Лёт второго поколения наблюдали с середины июля до начала сентября. В июле нередко одновременно летают бабочки обоих поколений, а в июле встречаются взрослые гусеницы и куколки.

Массовым видом в изучаемом районе является и огородная совка. Фенология огородной совки совпадает с капустной. В течение вегетационного периода она дает два поколения. На светоловушку летит начина с 12 ч и лёт продолжается до 3 ч. Пик лёта наблюдали в 2 ч.

Нами впервые показано, что часть куколок первого поколения капустной и огородной совок ежегодно уходят в диапаузу, зимуя на этой стадии. Количество уходящих в диапаузу особей зависит от внешних условий. Так, в прохладные годы в диапаузу уходит более 50 % особей, в то время как в теплые сухие годы не более 15%.

Большинство прилетевших на свет особей составляли самцы при соотношении полов в природе 1:1. Это соответствует специфике репродуктивного поведения совок: самцы демонстрируют полетную активность в поиске самок, самки, сидя на месте, выделяют половой феромон, привлекающий самцов, или откладывают яйца.

Изучены некоторые факторы, влияющие на лёт совок на светоловушки. Наиболее важную роль играет температура. В наших опытах лёт был максимальным при температуре: в мае 10^0 , в июне — 14^0, в июле —16^0, в августе — 14^0, в сентябре — 10^0 С. Небольшой дождь при отсутствии ветра даже усиливает прилёт бабочек на светоловушку. Лёт значительно увеличивается во время падения атмосферного давления и смещается в таких условиях на более раннее время. В лунные ночи количество бабочек, прилетающих на свет, резко уменьшается.

В настоящее время показано, что некоторые южные виды совок во второй половине лета мигрирую на север. 38 случаев залета хлопковой совки (*Heliothis armigera*) были зарегистрированы для центральной и северной Европы (Pedgley, 1985). По данным А.В.Свиридова и др. (2003), во Владимирской обл. с 11 по 22.09.2001 г. отловлено 14 экз., а 7.09.2002 г. — 1.экз. хлопковой совки. Мы отлавливали хлопковую совку на протяжении всех лет работы в конце августа в начале сентября: в сухом и жарком 2002 г. — 23 экз., в 2005 г. — 9 экз., в 2006 г. — 6 экз. совок. Возможно, происходит расширение ареалов южных видов насекомых в связи с общим потеплением (Kozar, 1986).

Для учета и контроля численности совок использовали синтетические половые аттрактанты — аналоги половых феромонов, идентифицированные и синтезированные в Институте химических средств защиты растений. В клеевых ловушках использовали синтетические компоненты половых феромонов совок: цис-7-додеценил ацетат (цис-7-12: Ац); цис-7-тетрадеценил ацетат (цис-7-14: Ац); цис-9-тетрадеценил ацетат (цис-9-14: Ац); цис-5-деценил ацетат (цис-5-10: Ац); цис-5-тетрадеценил (цис-5-14: Ац); ацетат, цис-11-гексадеценил ацетат (цис-11-16: Ац);

цис-11-гептадеценил ацетат (цис-11-17: Ац); и цис-11-гекадеценол (цис-11-16: ОН) — в соотношениях, определяющих их видоспецифичность.

На протяжении сезона изучена динамика лёта самцов в клеевые ловушки на полях ячменя капусты и картофеля (табл. 2).

Таблица 2.

Число самцов совок, отловленных на половые аттрактанты в Жуковском районе.

Вид совки	**Вещества в ловушках**	**Соотношение компонентов, мкг.**	**Число отловленных самцов в ловушки за сезон на полях**		
			ячменя	капусты	картофеля
Озимая	цис-7-12:Ац, цис-9-14:Ац, цис-5-10:Ац цис-5-14:Ац	20:40:10:10	12	15	23
Восклицательная	цис-5-14:Ац, цис-9-14:Ац	90:10	27	64	37
Совка-ипсилон	цис-7-12:Ац, цис-9-14:Ац, цис-11-16:Ац, цис-11-16:ОН	40:20:20:5	3	5	7
Капустная	цис-11-16:Ац, цис-11-17:Ац	1000:100	0	36	3
Огородная	цис-11-14:Ац, цис-11-16:ОН	500:100	2	48	9
С-черное	цис-7-14:Ац, цис-5-14:Ац	500:10	5	18	2

Анализ отлова самцов в ловушки показал, подтверждая данные лова на свет, что восклицательная совка встречается во всех изученных биотопах в значительном количестве. Наибольший улов наблюдали на картофельном поле. Второе место по численности принадлежит огородной совке, самцов которой отлавливали в одинаковой мере во всех биотопах. Самцы капустной совки в основном летели в ловушки на полях капусты. Другие виды совок встречались во всех изученных биотопах, но в значительно меньших количествах.

Учеты на полях показали, что гусеницы капустной совки, кроме капусты, встречались в небольшом количестве на клевере, люцерна и лебеде. Молодые гусеницы капустной совки появились на капусте в конце июня. На протяжении июля на капусте отмечали единичные повреждения. В августе—сентябре наблюдали сильные повреждения капусты на садовых участка, где было повреждено более 50% капусты. На полях капусты в фермерских хозяйствах, где не применяли химические обработки, повреждения были намного меньше и составляли около 23%. Куколки отмечены в середине сентября. В осенних почвенных раскопках плотность куколок на полях капусты составляла 1,4±0,6 м^2. Гусеницы огородной совки в конце лета в начале осени в летних теплицах повреждали помидоры, в основном, плоды. Так, в некоторых теплицах было повреждено более 15% плодов. Гусеницы этого вида совки отмечены также на вьюнке, мари, одуванчике и подорожнике.

Гусеницы восклицательной и озимой совок живут на различных растениях и отмечены как вредители картофеля, капусты и зерновых. На местах зимовок встречали гусениц последних возрастов. Численность восклицательной совки здесь составила 0,9±0,3 гусениц на м^2.

Таким образом, изучены общий состав, фенология, динамика численности и распределение по биотопам нескольких видов совок, которые в отдельные годы могут наносить ощутимый

вред сельскохозяйственным растениям. Материалы работы могут быть использованы при оценке этого вреда и при разработке методов контроля численности изучаемых нами видов.

Литература

Свиридов А.В.. Виды совок (Lepidoptera: Noctuidae), новые для различных регионов России. 1 // Russian Entomol. J. 2002. Vol. 11. No. 4 . P. 445—450.

Свиридов А.В., Большаков Л.В. Совки (Lepidoptera, Noctuidae) Тульской области: Дополнение // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тез. докл. VII конф. 17—18 апреля 1997 г. Калуга: Гриф и К°, 1998. С. 184—186.

Свиридов А.В., Блинушов А.Е., Кузнецов И.В. Совки (Lepidoptera: Noctuidae) Рязанской области.// Russian Entomol. J. 1999. Vol. 8. No. 1. C. 57—70.

Свиридов А.В., Татаренко Д. Е. Совки (Lepidoptera; Noctuidae) Курской и Белгородской областей // Russian Entomol. J. 2003. Vol. 4. No. 4. C. 431—440.

Сироткин М.И. Список чешуекрылых (Macrolepidoptera) Московской и Калужской областей // Энтомол. обозр. 1986. Т. 65. Вып. 2. С. 318—358.

Солнцев Л.Н. Чешуекрылые (Macrolepidoptera) Московской и Калужской областей: 2-е дополнение (за 1982—1999 г. вкл.). Деп. ВИНИТИ 20.05.2000 N.1460—ВОО. 18 с.

Kozar F. The unexpected northward migration of some species of insects in Central Europe and the climatic changes // Anz. Schadlingsk. Pflanz. 1986. Umweltschtz Vol. 59. No. 3. P. 90—94.

Pedgley D.E. Windborne migration of Heliothis armigera (Hubner) Lepidoptera, Noctuidae) to the British Isles // Entomol. Gaz. 1985. Vol. l. No. 1. P. 15—20.

К ИЗУЧЕНИЮ ИХТИОФАУНЫ ВОДОЕМОВ ГОРОДА КАЛУГИ

***В.А.Марголин**, к.б.н., доцент,*
***Я.В.Сорокина**, студентка, **М.В.Короткова**, студентка,*
лаборатория зоологического мониторинга Института естествознания
Калужского государственного педагогического университета им. К.Э.Циолковского

На территории г. Калуги сильно развита гидрологическая сеть, в частности, к южной окраине исторического центра примыкает р. Ока, с запада и востока — ее притоки Яченка, Киевка, Калужка, с севера — Терепец (приток Яченки), а также различные ручьи. Кроме того, в пределах этого урбанизированного комплекса расположены стоячие водоемы разных типов и размеров. В первую очередь, это Яченское водохранилище и ряд прудов. Несмотря на их обилие, специальных исследований, посвященных изучению фауны рыб, здесь практически не проводилось, хотя многие из этих водоемов служат местом отдыха рыболовов-любителей.

В этом плане наиболее изученной является р. Ока. Первое упоминание о составе ее ихтиофауны приводится в материалах, собранных в 1781 г. экспедицией Петербургской Академии наук (Зуев, 1787), затем в кратких обзорах животного мира Калужской губернии (Зельницкий, 1804; Попроцкий, 1864), потом более полной сводке (Седов, 1919) с дополнениями по результатам специальных исследований (Николаев, 1925; Пермитин, 1964; Королев, 2006) и обобщающих научно-популярных изданиях (Кунаков, 1962, 1979; Марголин и др., 2006).

Что касается других водоемов, то в период с 1920 по 1924 гг. были получены некоторые сведения о фауне рыб, обитавших в реках Яченке и Киевке (Николаев, 1925). Кроме того, в 1998—2002 гг. проведено изучение Яченского водохранилища (Амелютин и др.) и фрагментарно — рек Оки, Калужки, Киевки, Пуховского пруда, данные по которым в основном опубликованы (Дудковский, 2000).

Материалами настоящего сообщения послужили сведения, собранные в основном на малых реках — в низовьях Яченки, Терепца, Киевки и Калужки, а также в стоячих, проточных водоемах — Яченском водохранилище, Бушмановском, Черновском и Пуховском прудах. Кроме того, с целью выяснения изменений ихтиофауны за прошедшее столетие использованы: обследование нижнего течения р.Яченки, проведенное нами во второй половине 1960-х гг.; опросные сведения; материалы упомянутых выше литературных источников. В 2006 г. нами отловлено разнообразными методами 685 экземпляров рыб, относящихся к 12 видам.

Производили их взвешивание, измерения общей и промысловой длины тела, его высоты. У пойманных особей определяли возраст по чешуе и пол путем вскрытия.

Постоянно усиливающиеся антропогенные воздействия и преобразования урбанизированного ландшафта способствовали, с одной стороны, исчезновению или деградации ряда водоемов, с другой — образованию новых, а снижение загрязнений и выпуск рыбы — в некоторых случаях восстановлению ихтиофауны. Все это обусловило существенные изменения ее состава и населения.

В начале прошедшего столетия фауна рыб р. Яченки была разнообразна (Николаев, 1925). Здесь доминировали многие виды, характерные для мелких водоемов (табл. 1). О чистоте этой реки можно судить по наличию обыкновенного гольяна, пескаря и подкаменщика. Напротив, в 1960-е гг., до создания Яченского водохранилища, ихтиофауна нижнего ее течения была бедна, что было обусловлено сбросом отходов промышленных предприятий, особенно построенного в послевоенные годы комбината СДВ, в приток — Бабкину речку. Немногие виды заходили при высоком уровне половодья из р. Оки. Вода была относительно чиста выше устья этого ручья, где, по крайней мере, до д. Черносвитино, в летнее время по-прежнему в массе обитали речной гольян и пескарь, изредка встречали подкаменщика. К этому времени, вероятно, значительно

Таблица 1. Изменения ихтиофауны малых рек г.Калуги.

№ п/п	вид \ годы изучения [автор]	1920-1924 гг. [11]	1960-е гг.	1999-2000 гг. [2]	2000 г. [2]	2006 г.	1998 г. [2]	2006 г.	1920-1924 гг. [11]	2000 г. [2]	2000 г.	2006 г.
	река	Яченка						Терепец	Киевка			Калужка
	место отлова	?	низовье	устье	низовье	низовье	низовье	низовье	?	устье	Хрустальный	устье	низовье
1	обыкновенная щука	Рд	+			Мл	+	Рд					Рд
2	лещ			+		Мл							Мл
3	белоглазка			+									
4	уклейка	Мн		Мн		Об		Мн				Мн	Мн
5	густера					Мл		Об					Об
6	обыкновенная верховка	Рд		+		?					Мл		
7	голавль			+		Мл		Рд				Об	Мл
8	обыкновенный елец	Об		+									
9	обыкновенный гольян	Об	Мн			–			Рд			Об	
10	плотва	Мн	+	+		Мн	+	Мн	Мн	Рд		Об	Мн
11	горчак	Рд	+	Мн	+	–						Мн	
12	пескарь	Мн	Мн	Мн		Мл		Об	Мн		Мн		Об
13	серебряный карась			+									
14	золотой карась	Об											
15	усатый голец		+								Об		
16	обыкновенная щиповка	Об	+										
17	вьюн		+										
18	обыкновенный ерш			+		Об		Мн	Об				
19	речной окунь	Об	+	+		Об	+	Мл	Мн				Об
20	головешка-ротан				+	+						Рд	
21	обыкновенный подкаменщик	Ор	+			–						–	

Статус пребывания вида: + присутствие; – не обнаружен; ? — обитание возможно; Мн — многочисленный; Об — обычный; Мл — малочисленный; Рд — редкий; Ор — очень редкий.

возросла численность лишь горчака. С конца этого десятилетия подготовка ложа водохранилища и его заполнение, отведение через коллектор промышленных сбросов способствовали не только восстановлению, но и увеличению разнообразия рыб. В настоящее время здесь, как и в прошлом, доминируют уклейка, плотва, речной окунь, появился ряд новых видов, характерных для глубоких водоемов, в частности, ерш, лещ, густера, голавль, произошло увеличение численности щуки. С другой стороны, зарегулирование стока обусловило появление ротана, линя, но стал реже встречаться пескарь; очевидно, исчезли елец, обыкновенный гольян, горчак и подкаменщик (Марголин и др., 2006). Однако два последних вида были обычны выше — в среднем течении Яченки (Дудковский, 2000; Королев, 2001). Высокое разнообразие ихтиофауны в приустьевой части этой реки — ниже дамбы — зависит, в первую очередь, от близости р.Оки.

Что касается р.Терепец, то до недавнего времени рыба практически отсутствовала в ее низовье из-за сильного загрязнения. В 1998 г. в связи с увеличением чистоты вод там отмечено восстановление ихтиофауны (Дудковский, 2000), которое к настоящему времени продолжается, в частности, на протяжении между микрорайонами Силикатный и Терепец (табл. 1). Основной видовой состав сходен с таковым в р.Яченке, но более многочисленны уклейка, ерш, несколько меньше плотвы, реже встречаются щука, голавль, окунь, отсутствуют лещ и виды, обитающие в стоячих водоемах. Соотношение самцов к самкам в большинстве случаев близко 1:2, что свидетельствует о биологическом процветании рыб в этих водотоках. Морфометрические показатели, в частности, плотвы, близки к особям, обитающим в Яченке.

Прежде в р.Калужке отмечали обыкновенных гольяна и подкаменщика (Кунаков, 1962), что свидетельствовало о достаточной ее чистоте. Значительная группировка и зимующая в иле молодь гольяна встречена Н.И.Дудковским 27.10 и 12.12.2000 г. в ее устье, а второй вид в настоящее время не обнаружен, но был весьма многочислен горчак и поселился ротан. Основной состав ихтиофауны этой реки ниже Ждамировского моста сходен с предыдущими водоемами, но здесь отсутствовал ерш. По количественному соотношению, как и в р.Терепец, преобладала уклейка, в меньшей степени — плотва, был более обычен окунь, но отсутствовали елец, верховка и также рыбы стоячих водоемов. Морфометрические показатели ряда видов, в частности, плотвы, заметно уступали группировке из бассейна р.Яченки и имели статистически достоверные отличия при уровне значимости выше 95%. Низкие темпы роста, вероятно, обусловлены более быстрым течением и прохладной водой.

По данным Н.И.Дудковского (2000), низовья р.Киевки сильно загрязнены и здесь 8.02.2000 г. случайно выловлен малек плотвы. Между тем, выше по течению, в районе ул.Хрустальной, вода была намного чище, о чем свидетельствовало присутствие в значительных количествах пескаря, усатого гольца и одной верховки.

Таким образом, ихтиофауна малых рек г.Калуги при определенной чистоте вод зависит от общности с р.Окой. Своеобразие видового состава р.Яченки обусловлено созданием в ее низовье водохранилища, где отмечено наибольшее разнообразие рыб. Кроме того, зарегулированность стока обусловило обитание ряда видов, характерных для стоячих водоемов, но виды, требовательные к чистой и холодной воде, вытеснены к верховьям. Несмотря на схожесть, количественные соотношения особей разных видов и их морфометрические показатели зависят от размеров водоемов, скорости течения и прочих условий. Соотношение самцов к самкам указывает на биологическое процветание рыб. Однако наблюдается процесс старения яченской группировки, по крайней мере, плотвы, что, очевидно, зависит от неблагоприятных условий размножения в последние годы.

Состав ихтиофауны стоячих водоемов зависит, в первую очередь, от размеров, проточности, степени рыбохозяйственного освоения, загрязнения и эвтрофикации. В этом плане наиболее разнообразно Яченское водохранилище, где после окончательного заполнения с 1979 г. по настоящее время она сформировалась и представлена, по крайней мере, 16 видами (табл. 2). Отчасти это зависело от его зарыбления лещом, карпом, серебряным карасем и другими видами. По результатам отлова в 2006 г. здесь доминировали плотва, лещ и окунь. Беден видами Бушмановский пруд, расположенный на р.Киевке. В уловах здесь преобладал серебряный карась и были довольно обычны окунь, плотва и ротан, но малочислен золотой карась. Всего два вида — серебряный карась и ротан — выявлены в Черновском пруду, а в Пуховском в последнее время обитает только ротан. Следует отметить, что он появился в

Таблица 2. Ихтиофауна стоячих водоемов г.Калуги.

Водоем (пруд)		Яченское водохранилище			Бушмановский	Черновский I	Пуховский	
№ п/п	вид / годы изучения [автор]	1998-1999 г. [2]	1998-2002 гг. [1]	2006 г.	2006 г.	2006 г.	1998 г. [2]	2006 г.
1	обыкновенная щука	Мл	+	Мл				
2	лещ	Мн	+	Мн				
3	уклейка	Об	+	Мл				
4	обыкновенный жерех	+						
5	обыкновенная верховка	Об	+					
6	голавль	+		Мл				
7	обыкновенный елец	+						
8	плотва	Мн	+	Мн	Об			
9	пескарь	Об	+	Мл				
10	серебряный карась	+	+	Мл	Мн	Об		
11	золотой карась		+		Мл			
12	сазан, обыкновенный карп	Рд	+					
13	линь	+	+					
14	речной окунь	Мн	+	Об	Об			
15	обыкновенный судак	Ор						
16	головешка-ротан	+	+	Мл	Об	Мн	+	Мн

окрестностях Калуги в середине 1960-х гг., а теперь заселил многие водоемы (Дудковский, Марголин, 2003), где зачастую представляет ихтиофауну в единственном числе.

Морфометрические показатели серебряного карася, плотвы и окуня прямо пропорционально зависят от размеров стоячих водоемов. У большинства видов соотношение самцов к самкам было нормальным и составляло 1:2, а у окуня в Яченском водохранилище и плотвы в Бушмановском пруду численность самок была выше. По этому показателю неблагополучна группировка голавля в Яченском водохранилище, где отмечено равное соотношение полов. Среди серебряных карасей повышенное преобладание самок отмечено в Яченском водохранилище — 1:3, Бушмановском пруду — 1:5.5 и равное — в Черновском, что указывает, как и морфологические показатели рыб, на неблагоприятные условия обитания в двух последних водоемах.

Литература

Амелютин В.М., Дудковский Н.И., Кольцов А.В., Волков В.В., Зотов И.А., Демехин М.В. О важности и реальности экстенсивного рыбохозяйственного освоения Яченского водохранилища в городе Калуге.

Дудковский Н.И. Ихтиофауна водоемов Калуги // Калуга в шести веках. Материалы третьей городской краеведческой конференции. Калуга: ООО «Полиграф-Информ», 2000. С. 279—282.

Дудковский Н.И., Марголин В.А. Особенности освоения головешкой-ротаном пойменных озер Оки и Жиздры // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы X региональной научной конференции. Калуга: «Гриф», 2003. С. 750—755.

Зельницкий Обозрение Калужской губернии в естественном ее состоянии // Калуга: Урания, 1804, первая четверть. С. 15—56.

Зуев В.Ф. Путешественные записки от С-Петербурга до Херсона в 1781—1782 годах. СПб.: Императорская Академия наук, 1787. 273 с.

Королев В.В. К морфологии обыкновенного подкаменщика (Gottus gobio L.) // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга четвертая. (Сб. науч. трудов). Калуга: КГПУ, 2001. С. 262—297.

Королев В.В. Состояние рыбных ресурсов рек Калужской области // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга седьмая (Сб. науч. трудов). Калуга: КГПУ, 2006. С. 232—240.

Кунаков М.Е. Позвоночные // Растительный и животный мир Калужской области. Вып.2. Животный мир. Калуга, 1962. С. 70—185 с.

Кунаков М.Е. Животный мир Калужской области. Тула: Приок. книжное изд-во, 1979. 168 с.

Марголин В.А., Черников М.А, Дудковский Н.И. Класс Косные рыбы Osteichthyes // Красная книга Калужской области. Калуга: Золотая аллея, 2006. С. 460—469.

Николаев В.А. Животный мир Калужской губернии // Очерки Калужской губернии, раздел 2. Калуга: Изд-во Калужского губернского общества краеведения, 1925. №1. 22 с.

Пермитин И. Е. Ихтиофауна реки Оки // Загрязнение и самоочищение реки Оки. Тр. ЗИН АН СССР. Т.XXXII. М.-Л.: Наука, 1964. С. 208—216.

Попроцкий М. Материалы для географии и статистики Калужской губернии, ч.1. СПб, 1864. 705 с.

Седов А.И. Список рыб р.Оки у гор. Калуги // Известия КОИПиМК. Кн. 3. Калуга, 1919. С . 121—122.

РЕДКИЕ ВИДЫ ПТИЦ ПОЙМЫ Р. ОКИ НА ТЕРРИТОРИИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

О.В. Бригадирова,
научный центр РАЕН «Охрана биоразнообразия» (г. Москва)

Исследования проводились с 2003 по 2006 гг. в Тульской области (в основном на территории Белевского и Суворовского районов), как в гнездовой период, так и во время сезонных миграций. Исследованиями были охвачены р. Ока, старицы, пойменные луга и непосредственно прилегающие участки лесных массивов (лес Дача Ока, лес Дача Упа). К редким видам птиц относили виды, внесенные в Красную книгу РФ (2001) и список редких гнездящихся птиц Европейского центра России (1995). Сведения о редких видах птиц стариц были частично опубликованы ранее (Бригадирова, Швец, 2005).

Белый аист *Ciconia ciconia*. Гнезда белого аиста располагаются в населенных пунктах, находящихся по берегам р. Оки (н.п. Сныхово, Георгиевка, Николо-Гастунь, Хрящ, Матюхино и др.). Прилегающие заливные луга служат постоянным местом кормежки белого аиста. Относится к немногочисленным и расселяющимся видам.

Скопа *Pandion haliaetus*. Встречается в пойме Оки в летний период и на пролете. Отмечена в Белевском и Алексинском районах. Занесена в Красную книгу РФ. По сведениям местных жителей, имелись случаи отстрела скопы в Белевском районе.

Обыкновенный осоед *Pernis apivorus*. Отмечен на гнездовании в лесном массиве Дача Упа (Белевский район) в 2005 г. Относится к видам с неопределенным статусом, сведений о которых недостаточно для оценки их состояния в природе.

Полевой лунь *Circus cyaneus*. Изредка регистрируются случаи гнездования на лугах непосредственно прилегающих к пойме Оки. Относится к видам с неопределенным статусом.

Змееяд *Circaetus gallicus*. Вероятно, гнездящийся вид, занесен в Красную книгу РФ. В летний сезон 2004 г. неоднократно наблюдали змееяда в окрестностях лесного массива Дача Ока (Суворовский район). В качестве постоянного кормового биотопа использовались старичные комплексы. Гнездо найти не удалось.

Орел-карлик *Hieraaetus pennatus*. Встречается на гнездовании в лесном массиве Дача Ока (Суворовский район).

Перепел *Coturnix coturnix.* Отмечен на гнездовании на прилегающих на прилегающих к Оке заливных лугах. Относится к уязвимым видам, нуждающимся в контроле за численностью.

Пастушок *Rallus aquaticus*. Зарегистрированы единичные случаи гнездования на заливных лугах в Белевском районе. Относится к видам с неопределенным статусом.

Коростель *Crex crex*. Обычен на гнездовании на заливных лугах. Относится к уязвимым видам, нуждающимся в контроле за численностью.

Клинтух *Columba oenas*. Наблюдался в летний период в лесном массиве Дача Ока (Суворовский район). Относится к видам, сокращающим численность.

Удод *Upupa epops*. Встречается в летний период по опушкам лесных массивов (Дача Ока, Дача Упа).

Соловьиный сверчок *Locustella luscinioides*. На старичных комплексах — довольно обычный вид. Поющих самцов в гнездовой период отмечали чаще всего именно на старицах, однако регистрировали встречи и на заболоченных луговинах. Плотность населения составляет 3 особи/км^2.

Мухоловка-белошейка *Ficedula albicollis*. Отмечена на гнездовании в прилегающих лесных массивах (Дача Ока, Дача Упа).

Горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros*. Зарегистрирована встреча самца горихвостки-чернушки в окр. н.п. Николо-Гастунь. Относится к расселяющимся видам.

В заключение следует отметить ряд редких видов, останавливающихся на старицах и заливных лугах для отдыха в период сезонных миграций. Прежде всего, это различные водоплавающие: серый гусь, гуменник, лебедь-шипун, свиязь, морская чернеть. Ранее отмечались случаи гнездования лебедя-шипуна, однако, с 2003 г. этот вид отмечается только на пролете.

Орлан-белохвост регистрировался в зимний период 2006/07 гг. в окрестностях н.п. Белев. Птица была отстрелена одним из местных жителей.

На заливных лугах во время сезонных миграций наблюдается большое количество куликов, в том числе такие редкие виды, как фифи, большой улит, травник, поручейник, турухтан, гаршнеп, большой кроншнеп, большой веретенник.

На крупных старицах весной отмечается присутствие двух видов крачек — белокрылой и белощекой.

Литература

Бригадирова О.В., Швец О.В. Фауна и население птиц стариц р. Оки и некоторых ее притоков на территории Тульской области // Материалы XI Всероссийской науч. конф. «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья». Калуга, 2005. С. 366—368.

Красная книга Российской Федерации (животные). М., 2001. 863 с.

Список редких гнездящихся птиц Европейского центра России // Редкие виды птиц Нечерноземного центра России. М., 1998. С. 338.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ЭКОЛОГИИ УШАСТОЙ СОВЫ В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

***О.В. Швец**, к.б.н., доцент,*
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Наблюдения проводились в населенных пунктах Тульской области с 1991 по 2004 г.

В мелких населенных пунктах ушастые совы селились как в примыкающих к ним окраинных участках лесных массивов (пос. Селиваново, окраина сосняка, гнезда серой вороны, около 200 м от построек, наблюдения 1989—93 гг.), так и на территории самих населенных пунктов (дд. Сенюхино, Монастырщина — грачиные колонии на лиственных деревьях, удаленность от построек соответственно 200 и 25 м, наблюдения 1990, 1992, 1999 гг.).

В более крупных населенных пунктах (города) известно гнездование на окраинах в лесных массивах (Алексин, лесная зона, сосновые боры на окраине города), а также непосредственно в черте города (Узловая, лесостепная зона, мелкие скверы и старые деревья во дворах с многоэтажной застройкой, грачиные колонии, гнезда сорок). Места гнездования в случае нахождения на территории небольших городов непостоянны. Вылетевшие выводки перемещаются к окраинам, где держатся в лесополосах и охотятся в полях (Узловая 2000, 2001 гг.). Создается впечатление, что населенные пункты среднего размера начали осваиваться сравнительно недавно (сведения о гнездовании в г. Узловая относятся к последним 8 годам).

На протяжении длительного времени (не менее 20 лет) гнездование ушастых сов наблюдается на территории г. Тулы. Здесь местом их постоянной локализации является центральный парк (ЦПКиО) площадью около 145 га. С 1998 г. гнездование (не ежегодное) отмечается в небольшом парке на окраине города, имеются устные сообщения о гнездовании

в городских кварталах, относящиеся к 2000—04 гг.

Процесс образования гнездовых пар, очевидно, начинается еще на зимовке (наблюдения в ЦПКиО г. Тула с 1990 по 2002 гг.). Токование наблюдается уже с конца февраля, еще до начала распада зимовочных скоплений. В токовании принимает участие не более 2—4 самцов, хотя на территории парка в это время может находиться до 40 особей. Период токования достаточно сильно растянут. Токующие самцы могут отмечаться на территории парка с конца февраля до начала мая. Следует отметить, что места токования не всегда совпадали с местами последующего гнездования. В ряде случаев число пар, выведших птенцов, было меньше количества токовавших территориальных самцов с самками.

Совы в качестве места токования чаще всего выбирали одну и ту же часть парка. В большинстве случаев участки токования были относительно удалены от мест массового отдыха. Однако, по-видимому, многие птицы проявляют высокую толерантность к фактору беспокойства (как в период токования, так и в другое время). Так, в частности, токование самца ушастой совы в 1997, 1998, 2002 гг. отмечалось в период массовых гуляний, проходящих в Центральном парке, причём шум, судя по всему, не оказывал никакого влияния на вокализацию.

В качестве гнездовых платформ в подавляющем большинстве случаев (n =34) использовались гнезда довольно многочисленных в парке сорок, располагавшиеся в кронах деревьев на высоте 12—18 м. В 68% случаев они располагались на деревьях лиственных пород (ясень, дуб), реже — на малочисленных в парке хвойных (сосна). Практически все обнаруженные гнездовые участки были приурочены к молодым парковым насаждениям, находящимся в непосредственной близости от асфальтовых дорожек, мест массового отдыха и других посещаемых мест, характеризующихся высоким уровнем зашумленности. Тем не менее, большинство гнездовых участков заселялось совами многократно. В ряде случаев одно и то же гнездо использовалось на протяжении нескольких лет.

За период наших наблюдений (1990—2002 гг.) число гнездящихся пар варьировало от 1 (1993, 1998, 2000, 2002 гг.) до 7 (2001 г.), в большинстве же случаев (6 сезонов) отмечались 2 гнездящихся пары. Необходимо также отметить, что в годы гнездования 1 пары на территории парка находилась, по крайней мере, еще одна негнездящаяся пара ушастых сов (1993, 1998, 2000 гг.). При этом численность гнездовой популяции в значительной степени коррелировала с численностью обыкновенной полевки, являющейся основным видом-жертвой.

Среднее число вылетевших птенцов составляло 2,6 на выводок. Минимальное количество птенцов в наблюдавшихся выводках — 1 (4 случая), максимальное — 5 (1 случай). Интересно, что на протяжении всего периода наблюдений общее число вылетевших птенцов ни разу не превысило 15 (1994, 2001 гг.).

Сроки появления и вылета птенцов заметно различаются по годам. Так вылет птенцов в большинстве случаев наблюдается с 3 по 25.05, в 1999 г. (отличавшемся холодной весной) птенцы вылупились лишь в начале июня. В ряде случаев (например, 1990 г.) заметно различались сроки появления птенцов у разных пар (до 25 дней).

В качестве охотничьих биотопов совы используют газоны, дорожки и лужайки парка, а также прилегающие массивы садовых участков. При этом птицы охотятся и в местах с высоким уровнем зашумленности — в непосредственной близости от работающих громкоговорителей (неоднократно отмечали птиц, пытавшихся охотиться над газоном в центре парка на высоте в 1,5 — 2 метра; поимки добычи не наблюдали).

Совы держатся в населенных пунктах и в зимний период. На протяжении периода наблюдений в населенных пунктах Тульской области отмечено и проанализировано 29 случаев зимовки.

В зимний период здесь фиксировались как внегнездовые группировки численностью от 3—4 до 8—40 особей, так и отдельные пары или одиночные птицы. В мелких населенных пунктах (поселках) группы численностью до нескольких десятков особей встречаются в примыкающих окраинных участках лесов. В крупных поселках и городах птицы чаще располагаются в черте города, где держатся в парках площадью от 4—10 (Болохово, Плавск, Узловая) до 145 га (Тула), при этом место дневки часто остается неизменным на протяжении ряда лет. При значительной мозаичности ландшафта используются небольшие скверы (0,5—

2 га) (Узловая, Алексин) или отдельно стоящие деревья. Так, в г. Узловая группы из 3—4 (2001/02 г.) и 10 (2003/04 г.) сов держались в центре города на одиночных елях всю зиму. Подобные места зимовок используются не ежегодно и отмечаются лишь последние 5—7 лет.

Многолетняя динамика численности крупных внегнездовых группировок также предопределяется численностью обыкновенной полевки. Наиболее крупные зимовки для всех пунктов наблюдения отмечались в годы ее высокой численности (1999/2000 г.): в парках гг. Тулы, Болохово среднезимняя численности сов составлял 28, в г. Узловая — 8—10 особей. В январе 2001/02 г. (низкая численность полевки) в г. Туле регистрировалось всего 7—10, в гг. Болохово, Узловая — 3—4 особи. Соответствующая картина наблюдалась зимой 2003/04 г., характеризовавшейся несовпадением тенденций численности грызунов лесной (депрессия) и лесостепной (средняя численность) зон. В г. Туле (лесная зона) «среднезимнее» число птиц не превышало 4—6, в г. Узловая (лесостепная зона) наблюдалось 2 крупных изолированных скопления (10 и 15 сов), группа из 3 птиц и несколько одиночных особей.

Кроме того, отмечается существенное изменение численности на протяжении зимовки. Наиболее полно эти процессы были прослежены при проведении стационарных наблюдений в ЦПКиО г. Тулы (1997—2000 гг.) С нашей точки зрения может быть выделено несколько периодов, характеризующихся определенными тенденциями изменения численности внегнездового скопления ушастой совы. Максимумы численности, по нашим наблюдениям, приходятся на вторую половину октября—ноябрь и вторую половину февраля—март и связаны с временной концентрацией кочующих особей. Количество птиц в эти периоды достигает 8—42. Численность зимней группировки (декабрь—январь), как правило, несколько ниже — от 2 до 25 особей в разные годы. Ядро внегнездовых группировок, очевидно, составляют взрослые особи местной локальной популяции: число птиц, появляющихся на зимовочных присадах первыми, практически не зависит от числа вылетевших молодых, а соответствует числу взрослых особей, размножавшихся в текущем году. Именно они держатся здесь всю зиму, не откочевывая даже в период бескормицы, и последними покидают место зимовки в весенний период, рассредоточиваясь по парку и приступая к размножению.

Динамика численности сов на протяжении зимовки определяется комплексом факторов, среди которых большое значение приобретает температурный, существенно влияющий на доступность жертв.

Так зафиксированные снижения численности зимующих группировок могут быть поделены на фоне начинающегося: 1) потепления (ноябрь 1997 г., февраль 2000 г.); 2) значительного снижения температуры после потепления (январь 1998, 1999 гг.); 3) низких (менее —15°С) температур (декабрь 1997, 1999 гг.). Откочевке предшествует увеличение коэффициента разнообразия питания (0,738—0,996), свидетельствующее о падении численности или ухудшении доступности (во 2-ом случае — из-за образования наста, в 3-ем — из-за сильных морозов) основного вида жертвы.

Возрастание численности происходило на фоне начинающегося: 1) похолодания (октябрь—ноябрь 1997, 1999 гг., ноябрь 1998, 1999 гг., январь 2000 г.); 2) повышения температуры после похолоданий (декабрь 1998 г., февраль 1999 г.); 3) при оттепелях в феврале—марте (связаны с весенними миграциями). Кормовые условия при этом были благоприятными (коэффициенты разнообразия питания 0,218—0,286).

Таким образом, численность гнездящихся и зимующих в населенных пунктах ушастых сов сильно колеблется по годам и, в первую очередь, определяется тенденциями в динамике численности обыкновенной полевки. В крупных внегнездовых скоплениях на протяжении зимовки наблюдаются заметные количественные изменения, обусловленные целым комплексом факторов. Наиболее значимыми (помимо численности *Microtus arvalis*) являются: температурный фактор, динамика и особенности структуры снегового покрова, непосредственно влияющие на успешность зимовки видов—жертв и доступность добычи, а, в ряде случаев, вероятно, и сила ветра.

К РАЗНОРОДНОСТИ БИОТОПИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ГНЕЗДОВЫХ ПОПУЛЯЦИЙ ПТИЦ В ЛЕСО-ЛУГО-ПОЛЕВЫХ ЛАНДШАФТАХ МЕЩОВСКОГО ОПОЛЬЯ

***С. Д. Кутьин, В. М. Константинов**, д.б.н.,*
Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН

Исследования населения птиц измененных человеком ландшафтов, в частности, сельскохозяйственных полей, чаще касаются изучения влияния разнообразных факторов среды на орнитосообщества (Луговой 1974; Коровин 1980, 1987; Бутьев, Ежова, 1986, 1988 и др.). Не являются исключением и работы, посвященные изучению населения птиц различных по площади островных лесных местообитаний (Курлавичус, 1986; Кубарева, 1993; Матанцев, 2001; Opdam, Rijsdijk, Hustings, 1985 и др.), в которых трансформация населения птиц рассматривается как следствие трансформации среды их обитания. Такой подход, на наш взгляд, является следствием укоренившегося представления о птицах одного и того же вида, населяющих определенную географическую точку, как о территориально-монолитной совокупности особей, жестко приспособленной к определенному биотопу. Отсюда проистекает еще один тип исследований, где сами птицы или их совокупности (орнитоценозы) рассматриваются в качестве орнитологических маркеров при сравнительных исследованиях крупных «островных» ландшафтов, таких, как, например, Владимирское ополье (Романов, 2002; 2003). Однако, многообразие связей птиц с территорией может быть не только следствием влияния на них факторов окружающей среды, но и результатом действия механизмов территориальной пластичности, лежащих внутри самих птичьих популяций.

Предлагаемая работа посвящена изучению населения птиц мозаичного ландшафта Мещовского ополья с целью возможного выявления разнородности связей их популяций с территорией.

Материал для настоящей работы был собран в окрестностях города Мещовска Калужской области на территории Мещовского ополья в гнездовое время в течение десяти полевых сезонов с 1981 по 1990 г. Ландшафты Мещовского ополья в месте сбора материала представляли собой сложное сочетание различных по размеру мелколиственных лесов, колков, сельскохозяйственных полей, луговых, луго-болотных участков и низинных болот. Такая мозаика ландшафтов создает особый их комплекс, названный нами лесо-луго-полевым. Население птиц изучали в сельскохозяйственных полях методом маршрутных, а в колках, лесах и болотах методом площадочных учетов. Для того, чтобы было возможным сравнить результаты, полученные несколько различными методами, обсчет наблюдений, проведенных в сельскохозяйственных полях, проводили с учетом средних арифметических показателей максимальной дальности обнаружения птиц , а в центре лесных массивов эти наблюдения дополняли маршрутным картированием с применением «ленточных трансект» с полосой осмотра шириной 50 м. Принимая во внимание недостаточную эффективность маршрутных учетов по сравнению с методом картирования гнездовых территорий (маршрутным картированием) (Подольский, 1986; Коровин, 1986а), в открытых ландшафтах учитывали птиц, используя регулярные минутные остановки через каждые 50 м маршрута. Это позволило считать полученные результаты близкими к абсолютным оценкам и, таким образом, сравнивать плотности населения птиц, полученных в открытых ландшафтах, с плотностями населения птиц, свойственных другим биотопам. Полоса осмотра лесных площадок равнялась 50 м, что связано с необходимостью сравнения их с опушечными участками шириной 50 м и колками. Флора разнообразных лесных участков была идентична. Это позволило сравнивать плотности населения птиц, полученных в различных по размеру лесных выделах. Для 17 видов птиц, населяющих колки и опушки лесов, жизнедеятельность которых связана и с прилегающей к лесу открытой территорией, пересчет плотности населения проводился с учетом 30-метровой полосы открытого ландшафта. Плотность населения птиц пересчитывали на 1 га — величину, сравнимую с естественными размерами их островных местообитаний, характерными для Мещовского ополья.

Показатели плотности населения птиц, представленные для различных биотопических комплексов, приведены с учетом встречаемости (Песенко, 1982). Совокупность показателей плотности популяции птиц и их встречаемости вычисляли по формуле:

$$C = c \times a$$

где С — плотность населения вида с учетом его встречаемости (ос/га), с — плотность населения вида без учета его встречаемости (ос/га), а — встречаемость вида.

Общность фауны и населения птиц различных биотопических комплексов лесо-луго-полевого ландшафта Мещовского ополья оценивалась с использованием индексов общности Чекановского-Сьеренсена (Песенко, 1982). Сравнение общности населения птиц различных типов территорий производили с использованием политетических объединительных методов иерархического неперекрывающегося кластерного анализа способом парно-групповых сравнений (Песенко, 1982), (Statistica-6.0). Структура и объем материала представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Объем и структура собранного материала.

Структура материала	Число проб	Обследованная площадь, га
Участки, поросшие кустарником и высокостебельной сорной растительностью	93	16,5
Колки поперечником менее 10 м	140	12,3
Колки поперечником 10—20 м	102	22,8
Колки поперечником 20—50 м	91	85,3
Колки поперечником более 50 м	85	109,6
Лесные опушечные площадки шириной 50 м	136	163
Лесные площадки в центральных массивах леса	132	158
Островные участки низин в сельскохозяйственных полях (без кустарников)	64	332,2
Островные участки кустарниковых низин в сельскохозяйственных полях	84	80,5
Участки крупных болот	19	10,4
Маршрутные учеты в сельскохозяйственных полях	352	263 км

Фауна птиц мелколиственных лесов Мещовского ополья, присутствовавших в учетах, составила 57 видов. Общая плотность их населения составила 15,68 ос/га.

Учетами птиц сельскохозяйственных угодий Мещовского ополья отмечены 39 видов. Общая плотность их населения составила 1,92 ос/га.

Учетами на низинных болотах Мещовского ополья отмечено 50 видов птиц. Общая плотность их населения составила 3,46 ос/га.

Индекс общности авифауны мелколиственных лесов и авифауны сельскохозяйственных угодий составляет 0,54, мелколиственных лесов и болот — 0,59, сельскохозяйственных угодий и низинных болот — 0,81 (рис.1). Наибольшую общность наблюдали между несколько сходными по облику сельскохозяйственными угодьями и низинными болотами. Меньшую общность обнаружили между фаунами птиц мелколиственных лесов и сельскохозяйственных полей, а также мелколиственных лесов и болот. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что птицы мелколиственных лесов образуют особенную группу, отдельные виды которой избегают различных открытых и полузакрытых ландшафтов, тем самым проявляя территориальный консерватизм.

Сравнивая общности населения птиц сельскохозяйственных полей, мелколиственных лесов и болот Мещовского ополья, обнаружили два важных явления. Первое связано с тем, что индексы сходства фаун птиц различных ландшафтов значительно отличаются по рангу от аналогичных показателей для их населения (рис.1). Пары биотопов, в которых выявлено наибольшее

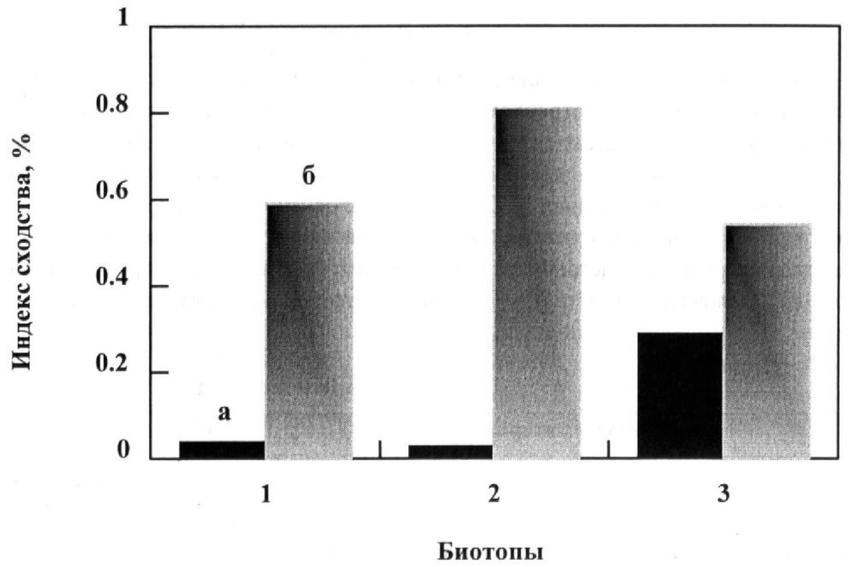

Рис.1. Динамика сходства фаун и населения птиц в ландшафтах Мещовского ополья.
а — население птиц, б — фауна птиц.
Биотопы: 1 — лес-болото, 2 — поля-болото, 3 — поля-лес.

сходство фаун птиц, имеют одновременно наименьшие показатели сходства их населения. И, наоборот, там, где фауны птиц наименее сходны, между мелколиственными лесами и участками сельскохозяйственных полей, население птиц было максимально сходно. Второе связано с тем, что показатели общности фаун птиц по величине значительно превосходят показатели общности их населения для аналогичных биотопов. Такие результаты, на наш взгляд, свидетельствуют о различном отношении птиц одного вида к различной территории. Действительно, среди птиц одного вида, гнездящихся на территории Мещовского ополья, можно выделить две группы особей. Птицы, которые занимают обычные для вида биотопы — консервативная группа и особи, которые поселяются в необычных для вида в целом биотопах — пластичная группа, чаще малочисленная.

Таблица 2.

Вторичная матрица оценок сходства населения птиц лесо-полевого ряда территорий

	A	B	C	D	E	F	G	H
A	1							
B	0,64	1						
C	0,58	0,67	1					
D	0,37	0,44	0,43	1				
E	0,17	0,20	0,17	0,31	1			
F	0,05	0,07	0,06	0,15	0,24	1		
G	0,03	0,07	0,07	0,11	0,14	0,20	1	
H	0,06	0,13	0,15	0,09	0,03	0,02	0,04	1

где A — центральные участки мелколиственных лесных массивов, B — опушечные участки мелколиственных лесов, C — колки поперечником более 50 м, D — колки поперечником 20-50 м, E — колки поперечником 10-20 м, F — колки поперечником менее 10 м, G — участки, поросшие сорной травянистой и кустарниковой растительностью, H — полевые площадки.

Значительный уровень сходства населения птиц мелколиственных лесов и сельскохозяйственных полей заслуживает более внимательного изучения. С этой целью анализировали сходство населения птиц в ряду восьми различных типов территорий, представленных мелколиственными

лесами, различными по величине колками и центральными участками сельскохозяйственных полей (табл. 2, рис.2).

Анализ населения птиц представленных типов территорий показывает, что из них возможно выделить две группы объединений. Основой для этого является величина индекса общности населения птиц и близость этих показателей для различных массивов материала.

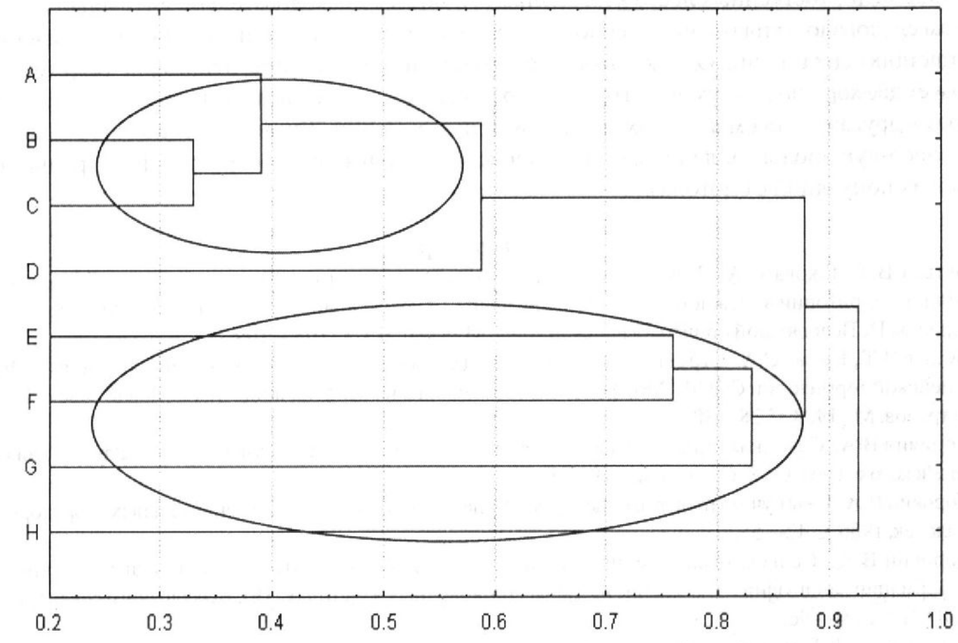

Рис.2. Дендрограмма сравнений общности населения птиц различных территорий лесо-полевого ряда (метод невзвешенных парно-групповых сравнений).
A — центральные участки мелколиственных лесных массивов, B — опушечные участки мелколиственных лесов, C — колки поперечником более 50 м, D — колки поперечником 20—50 м, E — колки поперечником 10—20 м, F — колки поперечником менее 10 м, G — участки, поросшие сорной травянистой и кустарниковой растительностью, H — полевые площадки.

При постепенном изменении лесистости в ряду от центральных участков мелколиственных лесов к их опушкам, затем к постепенно уменьшающимся колкам следовало ожидать постепенности в изменении общности населения обитающих здесь птиц. Однако этого не происходит. Анализ общности населения птиц этих местообитаний показывает, что в популяциях птиц по отношению к занимаемой ими территории существует разнородность. Так, население птиц опушек мелколиственных лесов объединяется с населением птиц крупных колков, а население птиц колков поперечником 10—20 м с населением птиц колков поперечником менее 10 м. Между населениями птиц крупных массивов леса и населением птиц маленьких колков обнаруживается разрыв, в промежутке которого располагается население птиц средних колков. Еще один разрыв происходит при переходе от маленьких колков и покрытых кустарником участков к сельскохозяйственным полям. Такая дискретность населений птиц, по-видимому, связана с различным отношением к территории разных особей птиц одного вида.

Заключение

Исследование населения птиц различных биотопов лесо-луго-полевого ландшафта Мещовского ополья показывает, что в популяциях гнездящихся здесь птиц существует разнородность территориальных связей. Она выражается в следующем:

1) индексы сходства фаун птиц различных ландшафтов значительно отличаются по рангу

от аналогичных показателей для их населения;

2) показатели общности фаун птиц по величине значительно превосходят показатели общности их населения для аналогичных биотопов.

Более детальные исследования населения птиц различных территорий лесо-полевого ряда показывают следующее. При постепенном изменении лесистости в ряду от центральных участков мелколиственных лесов к их опушкам, и затем к последовательно уменьшающимся колкам следовало ожидать постепенности того же порядка в изменении общности населения обитающих здесь птиц. Однако этого не происходит. Население птиц этих территорий образует две хорошо выраженные группы, характерные — одна для лесных опушек и крупных колков и другая — для маленьких и очень маленьких колков. Такие особенности населения птиц лесо-луго-полевых ландшафтов Мещовского ополья могут отражать разнородность связей их популяций с биотопами.

Литература

Бутьев В.Т., Ежова С.А. Изменение фауны и населения птиц в связи с сельскохозяйственным освоением территории в таежной зоне //Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование. Материалы IX Всесоюзной орнитологической конф. М., 1986. Ч.1. С.108—109.

Бутьев В.Т., Ежова С.А. Структура населения птиц сельскохозяйственных угодий в условиях тайги Европейской территории СССР //Морфология, систематика и экология животных. Межвузовский сб. науч. трудов. М., 1988. С.28—38.

Коровин В.А. Сезонная динамика населения птиц агроценозов на Среднем Урале //Фауна Урала и Европейского севера. Сб.8. Свердловск, 1980. С.36—53.

Коровин В.А. Опыт учета птиц в агроценозах. Фауна позвоночных Урала и сопредельных территорий. Свердловск, 1986. С.42—55.

Коровин В.А. Сельскохозяйственные земли как среда обитания птиц //Влияние антропогенной трансформации ландшафта на население наземных позвоночных животных. Тез. Всесоюзного совещания. М., 1987. Ч.2. С.94—96.

Курлавичус П. Биотопическое распределение птиц в агронасаждениях. Вильнюс, 1986. 105 с.

Кубарева Н.Ю. Население птиц облесенных балок в бассейне Верхнего Дона //Вопросы естествознания. Сб. науч. работ молодых ученых. Вып.1.Липецк, 1993. С.23—24.

Луговой А.Е. Население птиц полевых ландшафтов Приволжской возвышенности //География и экология наземных позвоночных. Владимир, 1974. С.45—52.

Матанцев В.А. Трансформация структуры населения птиц в процессе трансформации лесных массивов //Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии. Материалы междун. конф. Казань, 2001. С. 406—407.

Подольский А.Л. Оценка эффективности различных методов абсолютного учета птиц //Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование. Материалы 9-й Всесоюзной орнитологической конф. М., 1986. С.149—150.

Романов В.В. Оценка влияния антропогенной трансформации ландшафтной системы Владимирского ополья на условия обитания птиц //Географическое краеведение. Материалы IV Всероссийской конф. Александров, 2002. С. 147—150.

Романов В.В. «Адаптивное ядро» авифауны Владимирского ополья //Краеведение: методика преподавания и результаты научных исследований. Владимир, 2003. С. 173—177.

Opdam P., Rijsdijk G., Hustings F. Bird Communities in Small Woods in an Agricultural Landscape: Effeects of Area and Jsolation. Biological Conservation. 1985. 34/4. P.333—352.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ РУССКОЙ ВЫХУХОЛИ В ПОЙМЕ ЖИЗДРЫ

***А.В. Рогуленко**, Национальный парк «Угра»,*
***В.А Марголин**, к.б.н., доцент,*
лаборатория зоологического мониторинга
Калужского государственного педагогического университета им. К.Э.Циолковского

Хотя существующий палеонтологический материал дает лишь фрагментарные сведения о видовом обилии и распространении выхухоли, из него следует, что ее фауна в прошлом была значительно богаче видами, а древний ареал охватывал всю территорию Европы

(Бородин, 1963). Предком выхухоли считают *Echinogale*, наиболее ранняя находка которого в фосфоритах Кверси на юго-западе Франции датируется средним олигоценом. Расцвет выхухоли приходился на миоцен. Уже тогда сформировались современные рода, и существовал современный вид — пиренейская выхухоль.

Ряд гипотез объясняет причины вымирания выхухоли на большей части ареала. К наиболее вероятным можно отнести следующие: влияние ледникового периода; особенности гидрологического режима западно-европейских рек и изменение экологической обстановки. Последняя причина предполагает, что сокращение ареала вызвано неблагоприятными изменениями окружающей среды, к которым относят нестабильный зимний режим рек — паводки, промерзание неглубоких водоемов до дна, а также длительные летние засухи, сопровождающиеся обмелением и пересыханием водоемов. Подобные явления наиболее интенсивно происходят в последние десятилетия.

В Калужской области, по мнению М.Е. Кунакова (1962), русская выхухоль до завоза из других регионов не обитала. Однако А.А. Воронин (1970) полагал, что ранее существовала популяция в пойме р. Жиздры. Подтверждением этого свидетельствовала сдача шкурки в 1949 г. в заготконтору Сухиничского района. В середине 1950-х гг. два экземпляра были добыты у г. Козельска (Бородин, 1963).

В связи с проведением общей компании по расселению выхухоли осенью 1959 г. из Владимирской области были завезены 86 зверьков и размещены двумя группами по 43 особи в двух соседних старицах р. Жиздры — Салинское и Пронякино. В середине сентября следующего года в 5 км ниже по течению в оз. Камышенское были выпущены еще 120 зверьков из Хоперского заповедника (Воронин, 1969 а, б). К 1969 г. численность выхухоли достигла максимума — более тысячи (Воронин, 1970). В течение нескольких сезонов она заселила долину реки на протяжении около 100 км и проникла в пойму Оки. Однако в дальнейшем отмечено резкое сокращение количества зверьков и в 1976 г. в пойме р.Жиздры было учтено около 200 экземпляров. Вслед за стабилизацией на таком низком уровне, отмечаемой по 1985 г., произошло дальнейшее сокращение популяции, приведшее к спорадичному заселению озер, где в 1996 г. учтено 70 нор и ориентировочно обитало 120—150 особей (Марголин и др., 1997). Учеты, проведенные в 1998—2000 гг. в пойменных озерах Жиздры на территории Национального парка «Угра» показали, что численность выхухоли несколько возросла (Марголин и др., 1998; 2000) и в 2001 г. было обнаружено 169 нор.

Однако в 2002 г. здесь произошло значительное сокращение численности этого вида предположительно в связи с аномальными погодными условиями. Жаркое и сухое лето привело к деградации водоемов, что должно было вызвать активную летнюю миграцию зверьков, при которой, видимо, погибла часть поголовья. Высокий зимний паводок окончательно

Таблица 1. Результаты учетов выхухоли и бобра в пойменных озерах р. Жиздры на территории национального парка «Угра» в 2005 г.

Названия озер	Виды		Названия озер	Виды	
	выхухоль	бобр		выхухоль	бобр
Гороженное	8	+	Трошенка I	0	-
Подкова	3	+	Подкова	0	-
Ленивое	0	-	Кривое	0	-
Боровое	0	-	Карасинское	0	-
Царское	0	-	Карастелиха	0	+
Княжеское	3	+	Рыбное	0	-
Перемойное	2	+	Глубокое	0	-
Желтое	0	+	Ямы	0	-
Большое Муцкое	0	-	Поталовское	0	-
Малое Муцкое	0	-	Поталовское II	0	+
Трошенка II	0	+	Пронякино	0	-
Боровское	0	-	Аношино	0	-
Итого			16		

подорвал жиздринскую группировку выхухоли. Было обнаружено всего 44 норы, что подтвердило тенденции снижения численности русской выхухоли в соответствии с нашим прогнозом (Марголин и др., 1997). В последующие сезоны также отмечали спорадичное заселение озер.

Осенью 2005 г. в течение 10 дней на озерах образовался прозрачный лед, что создало идеальные условия для проведения учетов по дорожкам из пузырьков воздуха, в результате чего удалось обследовать с высокой точностью 24 старицы (табл. 1), где прежде локализовалась группировка выхухоли. Было установлено, что она обитала только в 4 старицах (три из них проточные). Кроме того, здесь поселились бобры. К сожалению, методика учетов не позволяла определить точную численность зверьков и мы могли констатировать только их присутствие в водоеме. Ядром обитания современной группировки стало оз. Гороженое, в котором были отмечены следы пребывания выхухоли как возле бобровых нор, так и возле собственных. Следует добавить, что в 2005—06 гг. единичные особи попадали в браконьерские рыболовные снасти, выставленные в пойменных озерах р. Рессеты.

Литература

Бородин Л.П. Русская выхухоль. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1963. 303 с.

Воронин А.А. К биологии выхухоли жиздринской популяции // Научные труды ТГПИ им. Л.Н. Толстого (биология и сельское хозяйство). Вып. III. Тула, 1969 а. С. 131—136.

Воронин А.А. К биологии выхухоли и ондатры в пойме реки Жиздры // Зоология и зоогеография. Вып. 7. Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. Т.224. М., 1969 б. С. 112—118.

Воронин А.А. Охотничьи животные и охотугодья Калужской области: Автореферат диссертации ... кандидата биологических наук: 097. М.: МОПИ им. Н.К.Крупской, 1970. 19 с.

Кунаков М.Е. Позвоночные животные // Растительный и животный мир Калужской области. Вып. 2. Калуга: Калужское книж. изд-во, 1962. С. 70—185.

Марголин В.А., Новиков В.П., Марголин А.В. Русская выхухоль в Калужской области. Калуга: Золотая аллея, 1997. 48 с.

Марголин В.А., Галченков Ю.Д., Марголин А.В. Распределение и динамика численности русской выхухоли в Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Тез. докл. VII конф. Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 1998. С.192—197.

Марголин В.А., Марголин А.В., Новиков В.П., Хохлов В.В. Новые данные о динамике численности русской выхухоли в пойме Жиздры (Калужская область) // Чтения памяти профессора В.В.Станчинского. Вып.3. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 221—224.

Сокращения

ВКП(б) — Всероссийская коммунистическая партия большевиков
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАБО — Государственный архив Брянской области
ГАДНИКО — Государственный архив документов новейшей истории Калужской области
ГАКО — Государственный архив Калужской области
ГАОО — Государственный архив Орловской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГЗУ — Губернская земская управа
ГПУ — Государственное политическое управление
ИКУАК — Известия Калужской ученой архивной комиссии
КГВ — Калужские губернские ведомости
КК — Калужский курьер
КОИД — Калужское общество истории и древностей
КОКМ — Калужский областной краеведческий музей
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КС — Калужская старина
КУАК — Калужская ученая архивная комиссия
МВД — Министерство внутренних дел
МИГО — Музей истории города Обнинска
НКВД — Наркомат внутренних дел
НЭП — Новая экономическая политика
ОВ — Орловский вестник
ОГВ — Орловские губернские ведомости
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР — Отдел рукописей
ПВО — Противовоздушная оборона
ПЛСР — Партия левых социалистов-революционеров
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГБ — Российская государственная библиотека
РГИА — Российский государственный исторический архив
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
РНБ — Российская национальная библиотека
РС — Русская старина
РСДРП(м) — Российская социал-демократическая рабочая партия меньшевиков
ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности
ЦК — Центральный комитет

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК СТАТЕЙ, опубликованных в сборниках I—XI научных конференций

Сокращения

Поочье I — Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья: Тез. докл. I-й Калужской историко-археологической конф. — Калуга: [Б.и.], 1986. — 30 с.

Поочье II — Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тез. докл. 2-й Калужской историко-археологической конф. — Калуга: [Б.и.], 1987 (М.: Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР, 1987). — 46 с.

Поочье III — Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: [Тез. докл. 3-й Калужской историко-археологической конф]. — Калуга: [Б.и.], 1989 (Боровск: Боровская тип. Калужского Упрполиграфиздата, 1989). — 78 с.

Поочье IV — Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тез. докл. 4-й Калужской историко-архитектурной конф. в г. Калуге. — Калуга: [Б.и.], 1991 ([Калуга]: Малое государственное предприятие «Типограф», 1991). — 95 с.

Поочье V — Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тез. докл. 5-й историко-археологической конф. — Калуга: [Б.и.], 1993 ([Калуга]: Малое государственное предприятие «Типограф», 1993). — 111 с.

Поочье VI — Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Материалы VI науч. конф. 28 февраля—3 марта 1995 г. — Калуга: Изд-во науч. лит-ры Н.Ф.Бочкаревой, 2004. — 252 с.

Поочье VII — Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тез. докл. VII конф. 17—18 апреля 1997 г. — Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 1998. — 222 с.

Поочье VIII — Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы VIII региональной науч. конф. 17—19 марта 1999 г. — Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2001. — 372 с.

Поочье IX-1 — Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конф. 21—23 марта 2001 г. Ч.1. [Археология, история]. — Калуга: «Полиграф-Информ», 2001. — 320 с.

Поочье IX-2 — Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конф. 21—23 марта 2001 г. Ч.2. [Культура, природа]. — Калуга: «Полиграф-Информ», 2001. — 312 с.

Поочье X — Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X Региональной науч. конф. 25—27 марта 2003 г. — Калуга: Изд-во «Гриф», 2003. — 796 с.

Поочье XI — Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской науч. конф. 5—7 апреля 2005 г. — Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2005. — 384 с.

Археология Верхнего Поочья и сопредельных территорий

Алексеева Е.В. Археологические исследования в музее-заповеднике А.С. Пушкина // Поочье XI. С. 51—53.

Барбашов Е.Р. Культовые камни Белевского района // Поочье X. С. 102—109.

Бацанова Л.А. Примечания к статье послушницы Елены (Амфитеатровой Е.А.) «Архитектор Александр Александрович Румянцев» // Поочье XI. С. 133—136.

Бирюков И.Е. Памятники 1-й пол. 1-го тыс. до н.э. северо-западной части Верхнего Подонья // Поочье VI. С. 7—11.

Бойцов И.А. Археологическое изучение среднего и нижнего течения р. Протвы // Поочье II.С. 29—30.

Болдин И.В. Курганная керамика Серенска // Поочье VII. С. 22—24.

Болдин И.В. Орнаментация неолитической керамики (с позиции технологии производства) // Поочье VIII. С. 22—24.

Болдин И.В. Жилые постройки летописного Любутска // Поочье X. С. 16—20.

Болдин И.В. Круговая керамика из археологических раскопок в Пафнутьев-Боровском монастыре в 1993—94 гг. // Поочье VI. С. 11—17.

Болдин И.В. Археологическое исследование усыпальницы на территории усадьбы «Полотняный Завод» // Поочье XI. С. 49—51.

Болдин И.В., Модин И.Н., Калишева М.В., Еременко А.В. Исследование оборонительных сооружений летописного Любутска археологическими и геофизическими методами // Поочье IX-1. С. 14—23.

Бубликов В.В. Археологические исследования в Боровском районе Калужской области // Поочье VII. С. 38—40.

Бубликов В.В. Археологические исследования на территории Боровского района Калужской области в 2004 г. // Поочье XI. С. 42—44.

Ворожейкина М.Е. Русский средневековый соляной промысел на территории лесной зоны и возможности его археологического изучения // Поочье IX-1. С. 24—29.

Воронин К.В., Лозовский В.М., Энговатова А.В. Археологические разведки в Поочье (результаты работ Подмосковной экспедиции ИА АН СССР) // Поочье III. С. 32—34.

Гайдуков П.Г. Первые находки медных русских монет конца XV—XVI вв. в Калуге // Поочье I. С. 30.

Гараничев В.В. О возможности использования старинных схем, планов и карт XVI—XVII вв. в историко-археологической экспозиции краеведческого музея // Поочье X. С. 11—16.

Гоняный М.И. Археологические памятники древнерусского времени на верхнем Дону // Поочье II. С. 21—23.

Григорьев А.В. Структура начального заселения славянами бассейна р. Упы // Поочье X. С. 48—53.

Григорьев А.В. Об этнической принадлежности височных колец «деснинского типа» // Поочье XI. С. 22—24.

Грудинкин Б.В. Памятники каменного века в гор. Калуге и окрестностях // Поочье I. С. 11—12.

Грудинкин Б.В. Раскопки кремнеобрабатывающей мастерской в гор. Калуге // Поочье II. С. 19—20.

Грудинкин Б.В. Стоянки каменного века Калужско-Алексинского каньона // Поочье III. С. 17—19.

Грудинкин Б.В. Памятники эпохи камня в бассейне р. Неручь // Поочье IV. С. 9—10.

Грудинкин Б.В. Геоморфология Калужско-Алексинского каньона и памятники археологии // Поочье V. С. 13—16.

Грудинкин Б.В. Заселение бассейна Верхней Оки в эпоху камня. // Поочье VII. С. 5—7.

Грудинкин Б.В. Фигурный кремень с городища Троицкое 1 (Любутск) // Поочье VIII. С. 24—26.

Грудинкин Б.В. Проблемы и перспективы изучения палеолита Верхней Оки // Поочье IX-1. С. 90—103.

Грудинкин Б.В. Памятники верхнего палеолита в бассейне верхней Оки // Поочье X. С. 89—102.

Грудинкин Б.В. Торговая пристань г. Калуги // Поочье VI. С. 17—23.

Грудинкин Б.В. Поселение ранней бронзы на озере Ленивое // Поочье XI. С. 34—38.

Гурьянов В.Н. О юго-восточной границе смоленских кривичей в бассейне р. Десны // Поочье IX-1. С. 42—46.

Гурьянов В.Н. Лепная керамика селища Хизовка-3 // Поочье X. С. 68—74.

Гурьянов В.Н. Современное состояние археологического изучения средневековых монастырей Брянщины: Николо-Одринский монастырь // Поочье XI. С. 11—14.

Гурьянов В.Н., Миненко В.В. К вопросу об экономике полесского села. По материалам раскопок поселения Борча // Поочье VII. С. 30—33.

Гурьянов В.Н., Миненко В.В. Новые исследования поселений почепской культуры в Верхнем Подесенье // Поочье VIII. С. 36—40.

Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А. Курганная группа древнерусского времени у с. Гришина Слобода на Ветьме // Поочье VI.С. 23—27.

Гусаков М.Г. К вопросу роли подсечного земледелия в эпоху раннего железного века в лесной зоне Восточной Европы // Поочье IX-1. С. 55—58.

Гусаков М.Г. К вопросу хронологии лесной полосы Восточной Европы в железном веке // Поочье X. С. 59—64.

Гусаков М.Г. Грузики «дьякова типа» в бассейнах Днепра и Волги в железном веке // Поочье XI. С. 69—71.

Дровецкая Н.И. Опыт использования результатов археологических исследований в деятельности музея-заповедника А.С.Пушкина // Поочье XI. С. 53—55.

Дукельский В.Ю. Памятники Калужской области в истории племен эпохи бронзы Волго-Окского междуречья // Поочье I. С. 13—15.

Дукельский В.Ю. Археологический памятник как часть природной и культурной среды. // Поочье II. С. 6—8.

Евина А.И. Особенности геоморфологического положения городов, возникавших в бассейне верхней и средней Оки в разные периоды средневековья // Поочье XI. С. 64—66.

Екимов Ю.Г. Фатьяновские топоры на правобережье Верхней Оки // Поочье VII. С. 16—18.

Екимов Ю.Г. Каменные сверленые орудия эпохи бронзы на территории Калужской области // Поочье XI. С. 29—38.

Екимов Ю.Г., Зацаринный С.В. Этапы заселения и хронология средневекового Сорокина городища // Поочье X. С. 24—28.

Есипов В.П. Славянские поселения по рекам Оке и Угре на участке от Перемышля до д. Свинухово // Поочье I. С. 17—18.

Есипов В.П. Археологические разведки в Жиздринском районе // Поочье II. С. 27—28.

Есипов В.П. Поселения железного века по нижнему течению реки Угры // Поочье III. С. 22—24.

Есипов В.П. Археологические разведки 1988 г. в Дзержинском районе Калужской области // Поочье IV. С. 82—83.

Ефимов А.Е. Стоянка Нагорное-1 // Поочье V. С. 11—12.

Ефимов А.Е. Площадные разведки в пригородной зоне г. Калуги в 1996 г. // Поочье VII. С. 36—38.

Ефимов А.Е. Преподавание археолгии в КГПУ им. К.Э.Циолковского // Поочье X. С. 109—114.

"лкина И.И. Текстиль из древнерусских погребальных памятников округи Звенигорода // Поочье X. С. 34—41.

Жидков М.П., Лихачева Э.А., Евина А.И., Горецкий К.В. Геоморфологические и тектонические условия расположения древнерусских городищ на территории Калужской области // Поочье X. С. 20—23.

Жилин М.Г. Памятники типа Красново I в Волго-Окском бассейне // Поочье II. С. 17—18.

Зайцев А.А. Археологические исследования Свято Пафнутьев-Боровского монастыря: предварительные итоги (1961—1991 гг.) // Поочье V. С. 38—39.

Зайцева И.Е. Медные сплавы Серенска // Поочье V. С. 36—37.

Зацаринный С.В., Екимов Ю.Г. Материалы домонгольского времени с Сорокина городища // Поочье XI. С. 17—22.

Зотько М.Р. Технологический подход к классификации нуклеусов // Поочье V. С. 9—10.

Ивашов М.В. Новые материалы ромбоямочного неолита деснинского типа на территории Верхнего Дона // Поочье VIII. С. 15—18.

Клянин Р.В. Локализация древнерусского города «Корнике» // Поочье II. С. 24—25.

Клянин Р.В. О месте летописного Венева // Поочье VIII. С. 52—54.

Коваль В.Ю. Восточная поливная керамика в древнем Серенске // Поочье VI. С. 27—35.

Козмирчук И.А. Ромбоямочная керамика финального неолита на Верхнем Дону // Поочье VIII. С. 18—22.

Комаров К.И., Фролов А.С. Основные вопросы разведки, изучения и документирования памятников археологии // Поочье II. С. 1—2.

Компанец С.Е., Свиридова О.В. К вопросу о клеймах на надгробных плитах XVI—XVII вв. // Поочье III. С. 36—39.

Коптева З.Е., Фролова Н.Ю. Перстень-печать из гор. Тарусы // Поочье I. С. 28—29.

Кравцов А.Е. О хронологии мезолитических и ранненеолитических памятников Мещерской низменности // Поочье II. С. 15—17.

Кравцов А.Е. Спорные вопросы иеневской мезолитической культуры // Поочье III. С. 8—10.

Кравцов А.Е. Новые исследования памятников палеолита и мезолита на Верхней Оке // Поочье X. С. 81—89.

Красницкий Л.Н. Городища верхнеокской культуры 2 пол. I тыс. до н. э. // Поочье III. С. 24—26.

Красницкий Л.Н. Оборонительные сооружения городища Торкуновка // Поочье IV. С. 75—78.

Красницкий Л.Н. Ранняя этническая история Орловского края // Поочье IX-1. С. 58—71.

Красницкий Л.Н., Минаков А.С. Археологическое прошлое Национального парка «Орловское Полесье». (Итоги и перспективы исследований) // Поочье XI. С. 61—66.

Краснощекова С.Д. История археологических исследований в Орловской области // Поочье IX-1. С. 121—126.

Кренке Н.А. Дьяковская и мощинская лощеная керамика // Поочье II. С. 20—21.

Кропачев Г.В. Новое в расселение вятичей и кривичей. (По материалам археологических раскопок курганных могильников № 1, № 2 у д. Прудки Кировского района Калужской области) // Поочье V. С. 29—30.

Кропачев Г.В. Курганный могильник у станции Фаянсовая Кировского района Калужской области // Поочье VII. С. 35—36.

Кропачев Г.В. Итоги археологического изучения Верхней и Средней Болвы // Поочье VIII. С. 61—66.

Кропачев Г.В. Смоловский камень и святой колодец из г. Кирова Калужской области // Поочье VI. С. 36—39.

Кулаков В.И. Литовцы в Калужской земле (по данным курганов XIV в.) // Поочье II. С. 23—24.

Кулаков В.И. Козельский микрорегион в среднем железном веке // Поочье IX-1. С. 47—54.

Леонова Е.В. К характеристике иеневской культуры в бассейне р. Оки // Поочье III. С. 10—12.

Лопатина О.А. Новые данные о раскопках с. Кривское-3 // Поочье XI. С. 44—47.

Лысцева И.В. К истории формирования археологического фонда Калужского краеведческого музея // Поочье I. С. 4—6.

Мазуркевич А.Н. Хронология ранненеолитических памятников Ловатско-Двинского междуречья // Поочье XI. С. 72—75.

Мазуркевич А.Н., Долуханов П.М., Гроненборн Д., Савельева Л.А., Кулькова М.А., Гук Д.Ю., Морозов С.В. Восточно-европейский неолит в европейском контексте // Поочье X. С. 77—81.

Массалитина Г.А. Особенности религиозных представлений вятичей (по материалам раскопок курганов XI—XIII вв. на территории Калужской области) // Поочье I. С. 20—21.

Массалитина Г.А. Новые жилища почепской культуры на верхней Десне // Поочье III. С. 27—29.

Массалитина Г.А. Проблемы железного века Верхнего Поочья // Поочье IV. С. 19—20.

Массалитина Г.А. Древнейший слой городища Серенск // Поочье V. С. 19—20.

Массалитина Г.А. Браслеты Мощинского клада // Поочье X. С. 64—68.

Массалитина Г.А. Археологические работы на Опаковом городище // Поочье XI. С. 27—38.

Массалитина Г.А., Модин И.Н. Изучение памятников археологии Калужской области с привлечением методов естественных наук // Поочье IX-1. С. 5—14.

Миненко В.В. Новые селища древнерусского времени в муждуречье Десны и Болвы // Поочье VI. С. 39—42.

Насырова Н.Ш., Станюкович А.К. К методике консервации, реставрации и атрибуции кожаных изделий археологического происхождения // Поочье XI. С. 7—10.

Непомнящая В.Н. Находки предметов западноевропейского импорта X—XIII вв. в брянском Подесенье // Поочье V. С. 31—32.

Неклюдов А.Н. Раскопки поселения Льялово-3 на реке Клязьме в 1996 г. // Поочье VII. С. 14—16.

Неклюдов А.Н. Поселение «Льялово-3» связующее звено единого круга памятников каменного века Верхней Волги и Поочья // Поочье IX-1. С. 81—84.

Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л. Археологические исследования в зонах новостроек Калужской области (1997—1998 гг.) // Поочье VIII. С. 56—61.

Нигматуллин Р.А., Смирнова М.Е., Хохлова Т.М. Стоянка и селище Дешевки 1 // Поочье V. С. 23—24.

Никольская Т.Н. Древнерусский город Серенск (по материалам раскопок 1965—1984 гг.) // Поочье I. С. 19—20.

Обломский А.М., Гороховский Е.Л. О дате Мощинского и Межигорского кладов // Поочье I. С. 15—17.

Павлишак А.А. Древнее поселение Ждамирово в бассейне реки Калужки // Поочье IX-1. С. 111—121.

Поляков Г.П. Летописный Облов // Поочье VII. С. 26—30.

Поляков Г.П. Сребреник князя Владимира из Верхнего Подесенья // Поочье VI. С. 43—45.

Поляков Г.П. Археологи Брянской губернии // Поочье XI. С. 55—58.

Поляков Г.П., Пуцко В.Г. Изделия древнерусской металлопластики XI—XVI вв. в собрании Брянского музея // Поочье V. С. 33—35.

Прошкин О.Л. Археологические исследования Боровска // Поочье I. С. 22—23.

Прошкин О.Л. Предварительные итоги археологического изучения Боровского района // Поочье II. С. 28—29.

Прошкин О.Л. 5 лет работы Калужской областной археологической экспедиции (1984—1988 годы) // Поочье III. С. 3—5.

Прошкин О.Л. Археологическая деятельность Калужской Ученой Архивной Комиссии (к 100—летию образования) // Поочье IV. С. 12—16.

Прошкин О.Л. Древнерусский слой Мощинского городища // Поочье V. С. 21—22.

Прошкин О.Л. Городище-1 у д. Маламахово: результаты археологического изучения // Поочье VII. С. 18—21.

Прошкин О.Л. Влияние характера рельефа и почв на заселение Мещовского ополья в эпоху железного века // Поочье VIII. С. 41—44.

Прошкин О.Л. Хронология древнерусских поселений Верхнего Поочья // Поочье IX-1. С. 34—41.

Прошкин О.Л. Этапы освоения территории Верхнего Поочья в IX—XIII вв. // Поочье X. С. 42—48.

Прошкин О.Л., Нигматуллин Р.А. Археологические исследования в зонах новостроек Калужской области в 1999—2000 гг. // Поочье IX-1. С. 103—111.

Прошкин О.Л., Нигматуллин Р.А., Козлов А.И. Археологические открытия в зонах новостроек Калужской области в 2001—2004 гг. // Поочье XI. С. 38—47.

Пуцко В.Г. Древнерусская металлопластика в бассейне Оки // Поочье II. С. 33—34.

Пуцко В.Г. Киевские ювелиры в древнерусском Серенске // Поочье III. С. 31—32.

Сидоров В.В. Перспективы развития памятников каменного века в Подмосковье // Поочье III. С. 12—13.

Сидоров В.В. Локальные варианты льяловской культуры // Поочье VII. С. 12—14.

Сидоров В.В. Колтовская группа стоянок и проблеме происхождения иеневской культуры // Поочье VIII. С. 13—15.

Сидоров В.В. Старшее Каширское городище. Раскопки 1997 г. // Поочье VIII. С. 35—36.

Сидоров В.В. Колтово 7 — пригород Колтеска. Колтеск с пригородами накануне монгольского нашествия // Поочье VIII. С. 49—51.

Сидоров В.В. Первые вятичи на Средней Оке // Поочье VI. С. 46—51.

Синельников Д.В. Древние поселения на правобережье среднего течения р. Угры // Поочье VII. С. 40—45.

Смирнов А.С. Неолит верхней Оки // Поочье I. С. 8—11.

Смирнов А.С. Работа на новостройках Калужской области // Поочье II. С. 25—27.

Смирнов А.С. Красное X — опорный памятник неолита верхней Оки // Поочье III. С. 15—17.

Смирнов А.С. Новое в методике изучения археологических памятников // Поочье IV. С. 11—12.

Смирнов А.С. Компьютерные программы в археологии. (Краткий обзор программных продуктов) // Поочье V. С. 40—42.

Смирнов А.С. О границах археологических культур. (О единстве и различиях в неолите Сожа, Десны и Оки) // Поочье IX-1. С. 72—77.

Сорокин А.Н. Некоторые итоги изучения мезолита р. Оки // Поочье I. С. 6—8.

Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура // Поочье II. С. 9—11.

Сорокин А.Н. О происхождении кундской культуры // Поочье II. С. 11—14.

Сорокин А.Н. Рессетинская культура // Поочье III. С. 14—15.

Сорокин А.Н. К проблеме генезиса верхневолжской ранненеолитической культуры // Поочье IV. С. 59—62.
Сорокин А.Н. Мезолит Калужской земли // Поочье V. С. 6—8.
Сорокин А.Н. Стоянка Брагино и ее палинологическая датировка // Поочье VII. С. 9—12.
Сорокин А.Н. О мезолите Жиздринского полесья // Поочье IX-1. С. 84—90.
Станюкович А.К. Итоги изучения могильника в Калужском Бору // Поочье II. С. 37—39.
Станюкович А.К., Сулержицкий Л.Д. К проблеме абсолютной хронологии раннесредневековых памятников Верхнего Москворечья // Поочье X. С. 6—11.
Стародубцев Г.Ю. Находка сосуда для благовоний на Люшинском городище // Поочье XI. С. 67—75.
Ткаченко В.А. Анализ состава медных русских монет конца XV—XVI вв. // Поочье II. С. 36—37.
Ткаченко В.А. Находки медных пул в окрестностях Калуги // Поочье IX-1. С. 29—34.
Ульянов А.И. Угодский край в древности // Поочье V. С. 43—45.
Федорова Л.И., Ткаченко В.А. Пластическое и сюжетное оформление некоторых типов глиняных игрушек из Калуги кон. XVI—нач. XX вв. // Поочье VI. С. 51—55.
Федорова Л.И., Федоров В.В. К истории народного гончарства в Калуге. Вопросы хронологии // Поочье VIII. С. 66—69.
Фролов А.С. Итоги и перспективы работ над «Сводом памятников археологии Калужской области» // Поочье I. С. 3—4.
Фролов А.С. Археологические памятники в гор. Тарусе // Поочье II. С. 31—32.
Фролов А.С. Стоянка Трашковичи // Поочье III. С. 5—7.
Фролов А.С. О хозяйстве иеневских племен // Поочье III. С. 7—8.
Фролов А.С. О комплексе иеневских памятников у дер. Ладыжино // Поочье IV. С. 20—23.
Фролов А.С. Памятники археологии в Калужской области — основные проблемы изучения // Поочье V. С. 3—5.
Фролов А.С. О некоторых мезолитических местонахождениях в бассейне Оки // Поочье VII. С. 7—9.
Фролов А.С. Первобытные памятники на территории Тарусского района // Поочье VIII. С. 5—10.
Фролов А.С. Находка челна-однодревки у д. Коханово на Оке // Поочье XI. С. 47—58.
Хохлова Т.М. Раскопки посада древнерусского Серенска в 1986 году // Поочье II. С. 32—33.
Хохлова Т.М. Раскопки посада Серенского городища в 1988 г. // Поочье III. С. 30—31.
Хохлова Т.М. О литейных формочках Серенского городища // Поочье IV. С. 45—46.
Хохлова Т.М. К вопросу о заселении Серенска и его ближайшей округи // Поочье VIII. С. 45—48.
Хохлова Т.М., Нигматуллин Р.А. Раскопки на селище Воротынск-9 // Поочье VII. С. 33—34.
Челяпов В.П. Новый поздняковский могильник на средней Оке // Поочье III. С. 19—21.
Челяпов В.П. Новые сведения о древнем славянском заселении западной части Рязанского края // Поочье VIII. С. 54—56.
Челяпов В.П. Многослойное поселение Лебяжий Бор-6 в Рязанском Примокшанье // Поочье VI. С. 56—59.
Челяпов В.П., Буланкин В.М. Поздняковский могильник у д. Лебяжий Бор на р. Мокше // Поочье V. С. 17—18.
Челяпов В.П., Иванов Д.А. Комплекс материалов древнерусского времени с поселения Городок 1 на р. Ранова // Поочье X. С. 29—34.
Челяпов В.П., Судаков В.В. О локализации летописной Нузлы (Онузы) // Поочье VII. С. 24—26.
Чивилев В.А. Проблемы проявления импульса шнуровых культур на территории лесостепного Дона // Поочье VIII. С. 30—32.
Чубур А.А. Мамонты Верхнего Поочья: особенности популяций и связь с палеолитическим человеком // Поочье VII. С. 3—5.
Чубур А.А. Шлифованные каменные топоры эпохи бронзы на территории Брянщины // Поочье VIII. С. 27—30.
Чубур А.А. Неолит Окско-Сеймского водораздела // Поочье IX-1. С. 77—81.
Чубур А.А. Фигурные кремни из Верхнего Подесенья // Поочье X. С. 6—11.
Чубур А.А. Перспективы поисков верхнего палеолита в бассейне Верхней Оки ив Окско-Деснинском междуречье // Поочье VI. С. 59—65.
Чубур А.А. Николай Лелянов — «последний из могикан» довоенной краеведческой археологии // Поочье XI. С. 58—61.
Чубур А.А., Медведева Е.М. Песцы верхнепалеолитической стоянки Быки 1. Археозоологические зарисовки // Поочье VIII. С. 10—13.
Шарова О.А. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в 1-м тыс. н.э. // Поочье VI. С. 65—72.
Шинаков Е.А. Курганная группа у с. Пеклино // Поочье V. С. 27—28.
Шинаков Е.А., Сарычева Т.Л. Кривичско-вятичско-радимичское пограничье // Поочье V. С. 25—26.
Шинаков Е.А., Ющенко Н.Е. Новые данные о Стародубском ополье // Поочье III. С. 29—30.

Шмидт Е.А. Мощинская культура в верхнем течении рек Угры и Днепра // Поочье VIII. С. 32—35.
Шмидт Е.А. О заселении славянами Верхнего Поднепровья и смежных территорий Подвинья и Поочья // Поочье X. С. 53—59.
Шмидт Е.А., Прохоров В.А., Шорин Ю.Н. Поселения мощинской культуры в Дорогобужском Поднепровье // Поочье XI. С. 24—27.
Янишевский Б.Е. Верховья рек Протвы и Москвы в XII—XIV вв. Источники и население // Поочье XI. С. 14—16.

История и история культуры Верхнего Поочья и сопредельных территорий

Абакулов В.И. Перспективы комплектования фондов Калужского государственного объединенного краеведческого музея материалами по Агропромышленному комплексу Калужской области современного периода // Поочье IX-1. С. 309—316.
Абакулов В.И. К истории сельца Щепихина Перемышльского уезда и его владельцев Ревякиных // Поочье X. С. 222—237.
Абакулов В.И. Дворянский род Чириковых и Калужский край. XVI—XIX вв. (По материалам ГАКО) // Поочье XI. С. 98—102.
Абакулов В.И. Дворянский род Осоргиных в Калужском и Тарусском уездах в XIX—нач. XX вв. // Поочье XI. С. 103—108.
Абакулов В.И., Абакулова Т.И. Дворянский род Коробьиных на Калужской земле // Поочье IX-1. С. 203—214.
Авдеенко Е.А., Заурдина С.Я. История рода Щепочкиных: источники и методы составления родословной описи // Поочье XI. С. 108—112.
Аверьянов К.А. Из ранней истории Боровска // Поочье IX-1. С. 160—172.
Аверьянов К.А. Средневековый Дмитровец // Поочье XI. С. 80—82.
Агальцова Н.Д. Село, каких в отчизне много // Поочье X. С. 237—242.
Аксенова Н.А. Из истории калужского общества сбережения «Подспорье» // Поочье XI. С. 159—161.
Акуленко Н.-Л.М. Культура произношения калужских студентов (из опыта работы) // Поочье VIII. С. 224—226.
Акуленко Н.-Л.М. Речевая субкультура калужан // Поочье VIII. С. 228—231.
Акуленко Н.-Л.М. Современная языковая ситуация в Калуге и новые образовательные задачи // Поочье X. С. 569—574.
Артемкина З.Г. Рязанский кремль — колыбель города (исторический и природный аспекты) // Поочье XI. С. 224—226.
Афанасьева О.Ю., Никитина Н.Н. «Калужские помещики» на страницах центральных и местных газет в 1924—1929 гг. // Поочье IX-1. С. 281—286.
Балашова Е.А. Художественное своеобразие повести в стихах А.Ф.Вельтмана «Муромские леса» // Поочье X. С. 489—494.
Балашова Е.А. «И идет походкой детской муза в платьице лоскутном с птичьей метиной на лбу…» (Возвращаясь к сборнику калужского поэта С. Львовой «Elle s'appele…Ее имя…») // Поочье XI. С. 269—273.
Барбашов Е. Р. Метонимическое калькирование архаических гидронимов Белёвского края // Поочье XI. С. 243—246.
Бауэр А.А «Памятная книжка Калужской губернии» как историко-краеведческий источник // Поочье V. С. 101—104.
Бауэр А.А. Калужские краеведческие организации конца XIX—начала XX вв. Обзор источников по фондам ГАКО // Поочье VII. С. 58—61.
Бауэр А.А. Мальцовское художественное литье // Поочье VIII. С. 144—149.
Бауэр А.А. Песоченская фаянсовая фабрика в «кузнецовский» период (1899—1918) // Поочье IX-1. С. 252—259.
Бауэр А.А. Русские промышленники XIX в. С.И.Мальцов и М.С.Кузнецов: борьба за рынки сбыта // Поочье X. С. 288—293.
Бауэр А.А. Калужское отделение Московского археологического института и его роль в подготовке краеведческо-музейных кадров в губернии в 1-й четверти XX в. // Поочье VI. С. 73—76.
Бауэр А.А. Калужское общество изучения природы местного края // Поочье VI. С. 77—81.
Бауэр А.А. Периодическая печать Калужского земства (кон. XIX в. —1918 г.) // Поочье VI. С. 81—88.
Бауэр А.А. Как закрывались заводы: эпизод из эпохи кризиса в Мальцовском промышленном округе (1888 г.) // Поочье XI. С. 164—167.
Белова И.Б. Федор Карлович Амбюль // Поочье X. С. 325—330.
Белова И.Б. Военнопленные «центральных держав» в годы Первой мировой войны (по материалам Калужской губернии) // Поочье XI. С. 155—159.

Белова Т.Н. Владимир Семенович Зотов как представитель дореволюционной русской интеллигенции в советское время // Поочье X. С. 557—563.

Берговская И.Н. Из истории русской дипломатической миссии на Балканах и Ближнем Востоке: К.Н.Леонтьев о судьбах России и славянства (по материалам дипломатической переписки) // Поочье XI. С. 250—253.

Бессонов В.А. Формирование коллекции оружия Калужского областного краеведческого музея // Поочье VII. С. 49—53.

Бессонов В.А. Полотняный Завод в 1812 г. // Поочье VIII. С. 98—104.

Бессонов В.А. Материалы к биографии Льва Павловича Чебышева (по документам Государственного архива Калужской области) // Поочье IX-1. С. 132—142.

Бессонов В.А. Выявление предмеов оружия из собрания усадьбы Барятино в фондах Калужского государственного объединенного краеведческого музея // Поочье X. С. 447—453.

Бессонов В.А. Георгиевские знамена ингерманландских полков в коллекции Калужского областного краеведческого музея // Поочье VI. С. 88—97.

Бессонов В.А. Численность и состав военнопленных Крымской войны 1853—1856 гг. в Калужской губернии // Поочье XI. С. 151—154.

Бессонов В.А., Добычина М.А., Иванов В.А. Формулярный (послужной) список как биографический источник для составления справочника «Калужане — участники Отечественной войны 1812 г.» // Поочье X. С. 180—187.

Бессонов В.А., Добычина М.А., Иванов В.А. «Малая война» 1812 г. на территории Калужской губернии. К постановке проблемы // Поочье XI. С. 148—151.

Бессонова Т.Ф., Гребенкин А.Р. Княжеский список Шемячичей в синодике Пафнутьев-Боровского монастыря // Поочье X. С. 156—163.

Бессонова Т.Ф., Зверева М.В. Книжные памятники калужской земли: кириллические рукописные и печатные книги в музеях Калуги // Поочье X. С. 410—420.

Бовкало А.А. Калужский род Либиных // Поочье XI. С. 120—122.

Богданов Н.Г. Гибель творца (причины смерти Александра Сергеевича Пушкина) // Поочье VIII. С. 173—177.

Борисов И.В. Издательская деятельность Калужского общества изучения природы и местного края // Поочье X. С. 335—342.

Бубликов В.В. Ефим Филиппович Филиппов — штатный смотритель Боровского уездного училища // Поочье IX-1. С. 227—234.

Бубликов В.В. Александр Степанович Толмачев — штатный смотритель Боровского уездного училища // Поочье X. С. 257—264.

Булгаков М.Б. Злоупотребления калужского воеводы Ивана Золотарева // Поочье X. С. 167—170.

Булгаков М.Б. «Сыск» 1665 г. о судоходном движении по верхней Оке // Поочье XI. С. 83—85.

Бурман С.М. Александр Александрович Ростиславов // Поочье VII. С. 120—122.

Васильева Е.И. Традиционные постройки Жиздринского участка Национального природного парка «Угра» (по материалам экспедиций 2004 г.) // Поочье XI. С. 234—237.

Васильева З.В. Неизвестные страницы жизни В.Д. Поленова // Поочье VII. С. 116—119.

Васильева З.В. **Н.А.** Обнинский, начальник 73-й дружины калужского ополчения // Поочье X. С. 270—279.

Васильева З.В. **В.П.** Обнинский // Поочье VI. С. 97—105.

Веденин В.Л. «Белые пятна» Лихвина // Поочье III. С. 65—66.

Веденин В.Л. Из истории Краинского курорта (По материалам Калужского областного краеведческого музея) // Поочье IV. С. 55—59.

Вершинин А.А. Генералы Отечественной войны 1812 г. — жители Калужской губернии // Поочье X. С. 187—199.

Воробьев А.Г. Современный взгляд на проблему развития малых исторических городов. Проект музейно-туристического комплекса г. Боровска // Поочье XI. С. 249—250.

Воробьева Р.М. Поэтическое наследие А.Л.Чижевского как источник музыкального творчества // Поочье XI. С. 237—241.

Глубокова В.Н. Эволюция «усадебного жанра» в русской поэзии от А.Д.Кантемира до И.Северянина // Поочье IX-2. С. 59—67.

Горлов В.П. Елецкие корни калужской ветви Пришвиных // Поочье IX-2. С. 9—21.

Горлов В.П. Великий математик П.Л.Чебышев — елецкий помещик // Поочье X. С. 264—270.

Гребенкин А.Р. Нарком из Калуги // Поочье IV. С. 65—67.

Гребенкин А.Р. Личный фонд М.В.Фехнер в собрании Калужского государственного объединенного краеведческого музея // Поочье X. С. 126—127.

Гречанинова С.В. А.Т. Гречанинов — певец русской темы (к 140-летию со дня рождения) // Поочье XI. С. 241—243.

Гужова И.В. Собрание Н.И.Булычова в истории калужских музеев // Поочье IX-2. С. 73—80.

Гужова И.В. Атрибуции произведений живописи и графики из собрания калужского коллекционера Н.И.Васильева // Поочье X. С. 435—441.

Гужова И.В. Произведения русских коллекционеров в собрании Калужского областного художественного музея // Поочье XI. С. 213—215.

Демченко В.В. Кредитные отношения в условиях Калужского губернского рынка в 1862—1917 гг. // Поочье X. С. 294—298.

Демченко В.В. Роль Калужского отделения госбанка в земельных преобразованиях на территории Верхнего Поочья в XIX—XX вв. // Поочье XI. С. 172—175.

Джаббаров Р.М. Калужский некрополь дворян Чебышевых: село Субботники Козельского уезда // Поочье XI. С. 142—145.

Днепровский А.С. Пушкин и Калужские усадьбы // Поочье VIII. С. 177—180.

Днепровский А.С. 225 лет первому генеральному плану города Калуги и певец калужской архитектуры М.В. Фехнер // Поочье X. С. 128—130.

Днепровский А.С., Легостаев В.В. Неопубликованные материалы личного происхождения по истории Калужского края XVIII—XIX вв. // Поочье IX-1. С. 199—203.

Добров С.А. Герой Кавказской войны — генерал В.С. Гуляков // Поочье VI. С. 105—111.

Добров С.А., Иванов В.А., Тарасов В.А. Опыт преподавания исторического краеведения в г. Обнинске // Поочье VI. С. 112—117.

Добычина М.А. Публикаторская работа калужского архива в 1919—1940 гг. // Поочье X. С. 342—348.

Добычина М.А. Вопросы кадровой политики в Калужских архивных учреждениях в 1920—1950-е гг. // Поочье XI. С. 185—187.

Добычина М.А., Шиленков Ю.Н. Еврейское гетто в Калуге (по документам Государственного архива Калужской области) // Поочье IX-1. С. 289—298.

Добычина М.А., Насонова Е.В., Филимонов В.Я. Калужская мужская Николаевская гимназия в 1804—1917 гг. // Поочье X. С. 175—179.

Доманов И.Н., Роянова Г.И. А.Н.Радищев в с. Немцове Малоярославецкого уезда Калужской губернии. Исследования Д.И.Малинина // Поочье IX-2. С. 29—38.

Доманова Г.И. К истории Калужского областного краеведческого музея // Поочье III. С. 68—70.

Доманова Г.И. К вопросу о пребывании Н.В.Гоголя в Калужском крае // Поочье IV. С. 51—54.

Доманова Г.И. Федор Захарович и Александра Николаевна Ключаревы в истории Оптиной пустыни и Шамордино // Поочье V. С. 77—78.

Доманова Г.И., Дундукова Д.П. К 90-летию Калужского областного краеведческого музея // Поочье II. С. 3—5.

Евгин А.В. Козельск в оборонной системе Московского государства в XVI—XVII вв. // Поочье VII. С. 72—75.

Евгин А.В. Блюститель Кишиневской управы // Поочье VIII. С. 134—140.

Евгин А.В. Оптина Пустынь в творческой предыстории романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» // Поочье IX-2. С. 46—52.

Евгин А.В. С.П. Шевырев в литературе и духовной жизни России двадцатых—пятидесятых годов XIX в. // Поочье X. С. 510—516.

Евгин А.В. Трансформация религиозных верований вятичей-козельчан // Поочье VI. С. 118—123.

Евина А.И., Жидков М.П., Лихачева Э.А. Некоторые географически аспекты засечных черт Московского государства в бассейне р. Оки // Поочье X. С. 130—136.

Елкина И.И., Насырова Н.Ш., Станюкович А.К. Предметы из могилы Василия и Татьяны Прончищевых. (Исследование и реставрация) // Поочье IX-1. С. 190—198.

Ермилина И. К. Реставрация погон 1910-х гг. из собрания Калужского областного краеведческого музея и мужской рубахи из села Климов Завод // Поочье XI. С. 215—218.

Есипов В.П. Кременское и окрестности (историко-природный очерк) // Поочье VIII. С. 149—152.

Есипов В.П. Храм села Щелканово // Поочье X. С. 540—544.

Есипов В.П. Два Воротынска // Поочье VI. С. 124—127.

Ефименкова М.А. Проблемы изучения Смутного времени в калужском краеведении // Поочье XI. С. 85—89.

Ефимова И.Л. История сел и деревень в окрестностях г. Обнинска в 1920—1930—е гг. // Поочье X. С. 348—356.

Журова Г.М. Глиняная игрушка в собрании музея // Поочье IV. С. 39—42.

Журова Г.М. Книжная торговля Антипиных в Калуге (по данным ГАКО и КГВ) // Поочье V. С. 64—66.

Журова Г.М. Художник Н.С.Гончарова // Поочье VIII. С. 181—183.

Журова Г.М. Усадьба Полторацких в Авчурино — заметное явление русской культуры // Поочье X.

С. 471—482.

Журова Г.М. Письма Л.Н. Толстого к П.Н. Свистунову (штрихи к портрету декабриста) // Поочье XI. С. 112—116.

Зайцев А.Е. Микротопонимия как дополнительный источник краеведеня // Поочье VII. С. 64—66.

Зайцев А.Е. Город Калуга (топонимический обзор) // Поочье VIII. С. 75—78.

Зайцев Е.Н. Борис Зайцев в Калуге // Поочье V. С. 94—95.

Зайцев Е.Н. Краеведческий компонент в содержании образования сельских школьников // Поочье VII. С. 148—151.

Зайцева И.Е. К вопросу о волостях в «Земле вятичей» // Поочье VI. С. 127—133.

Зайченко Н.В. Добротворские — тарусские родственники Цветаевых // Поочье VII. С. 129—132.

Захарова В.Т. Поэзия усадебного быта в изображении К.Леонтьева (роман «Подлипки») // Поочье VII. С. 110—112.

Захарова Л.М. Из истории Смоленской церкви с. Бредихино Чернского уезда Тульской губернии // Поочье IX-1. С. 259—265.

Зверева М.В. Книжное собрание князя Д.С.Горчакова в фондах Калужского областного художественного музея // Поочье IX-2. С. 80—87.

Зверева М.В. К вопросу об особенностях формирования художественного собрания князей Горчаковых в усадьбе Барятино // Поочье X. С. 454—461.

Зверева М.В. Вывоз из усадеб художественных ценностей в постреволюционный период (на материале Калужской губернии) // Поочье XI. С. 218—221.

Зеленов В.С. Трагедия А.С.Пушкина «Борис Годунов» и Калужский край // Поочье VIII. С. 164—169.

Зиновкина Н.В. Н.Л.Дмитриев. Опыт биографии // Поочье VII. С. 53—55.

Зиновкина Н.В. Документы Государственного архива Калужской области в современной краеведческой литературе // Поочье XI. С. 196—199.

Зорин А.А. Парки Калужской области // Поочье IV. С. 32—35.

Зорин А.А. Дмитрий Маркович Полторацкий и его усадьба Авчурино // Поочье V. С. 73—74.

Зорин А.А. Калужский наместник Кречетников и его окружение // Поочье VII. С. 84—86.

Зорин А.А. Парки Полотняного Завода // Поочье VIII. С. 204—206.

Зорин А.А. Усадьба Березичи // Поочье IX-2. С. 91—96.

Зорин А.А. Родовое имение князей Голицыных — Городня // Поочье VI. С. 133—139.

Зорина М.А. О новом подходе к изучению рабочего движения в Калужской губернии (некоторые итоги работы над хроникой рабочего движения) // Поочье V. С. 52—54.

Зудова Т.Ю. «Очищенные» огнем // Поочье IX-2. С. 117—124.

Иванов В.А. Обнародование манифеста и «Положений 19 февраля 1861 г.» в Калужской губернии // Поочье V. С. 79—81.

Иванов В.А. Калужская уездная бюрократия в конце 40—х гг. XIX в. // Поочье VII. С. 89—91.

Иванов В.А. Архивные документы о численности Калужской администрации в дореформенное время (по материалам ГАКО) // Поочье IX-1. С. 234—239.

Иванов В.А. Ценный источник биографических сведений для составления краеведческой энциклопедии. // Поочье VI. С. 140—146.

Иванова Е.Г. Особенности топонимии Боровского, Малоярославецкого и Жуковского районов Калужской области // Поочье IX-1. С. 299—309.

Имас А.А. Калужская страница в жизни и творчестве С.М.Городецкого // Поочье IX-2. С. 52—59.

Калашникова Л.В. Князь Евгений Николаевич Трубецкой в Калужской губернии // Поочье VII. С. 127—129.

Калашникова Л.В. Облеуховы на Калужской земле (тезисы) // Поочье VIII. С. 133—134.

Калашникова Л.В. Земский врач А.М.Пришвин села Галкина Медынского уезда Калужской губернии // Поочье IX-2. С. 21—24.

Калашникова Л.В. Г.Г. Чистоклетов — калужский краевед, библиофил, нумизмат // Поочье X. С. 311—315.

Калашникова Л.В. Семья Ассоновых в Калуге // Поочье VI. С. 146—150.

Калашникова Л.В. Родословная Ивана Сергеевича Соколова-Микитова // Поочье XI. С. 259—262.

Калуженская Н.Ю. Обучение национальной культуре общения иностранных студентов // Поочье VIII. С. 227—228.

Кандидов А.В. Великий русский педагог В.П.Вахтеров и Калужский край // Поочье VIII. С. 217—220.

Кащеева А.А. К истории создания портрета С.С. Прокофьева художником П.П. Кончаловским // Поочье X. С. 531—535.

Киреев Н.В. Очерк земского здравоохранения в Калужской губернии (1864—1917) // Поочье VI. С. 150—157.

Кислицына М.В. Обзор документов ЦГАДА по фонду Гончаровых // Поочье IV. С. 35—39.

Кислицына М.В. Обзор документов ЦГАДА по фонду Гончаровых // Поочье V. С. 55—57.

Кислицына М.В. Научно-исследовательская работа музея в 20—30-е гг. XX в. // Поочье VII. С. 55—58.

Кислицына М.В. Народная библиотека-читальня в Полотняном Заводе в конце XIX — начале XX вв. // Поочье VIII. С. 197—200.

Кислицына М.В. Предпринимательская и общественная деятельность калужских купцов Фалеевых в XIX веке // Поочье IX-1. С. 214—219.

Климова Е.М. Писатель А.К.Виноградов и его семья // Поочье VII. С. 113—116.

Климова Е.М. Профессор З.М.Цветкова // Поочье XI. С. 257—259.

Ковшарь И.Г. Семейный участок купцов Ваныкиных на Всехсвятском кладбище г. Тулы // Поочье VIII. С. 210—213.

Кожевникова Н.И. Кожевенная слобода в Калуге // Поочье VIII. С. 105—110.

Кожевникова Н.И. Из истории Кожевенной слободы в Калуге (к вопросу генеалогии) // Поочье IX-1. С. 219—227.

Кожевникова Н.И. Калужские рогожники // Поочье X. С. 298—303.

Кожевникова Н.И. Городские головы г. Калуги: к вопросу генеалогии // Поочье XI. С. 93—96.

Козловский И.В. Действия гвардейского экипажа на Калужской земле в Отечественной войне 1812 г. // Поочье X. С. 199—204.

Козыро Л.А. Специфика психологизма «Записок княгини Е.Р.Дашковой» // Поочье V. С. 88—90.

Козыро Л.А. Долбинская осень В.А.Жуковского // Поочье VII. С. 100—103.

Козыро Л.А. «Моя Мадонна» (стихотворения А.С.Пушкина, посвященные Н.Н.Гончаровой) // Поочье VIII. С. 161—164.

Козыро Л.А. «Без притязания на право литераторов…». («Предание о Калуге» А.Степанова на страницах сборника «Калужские вечера») // Поочье IX-2. С. 38—46.

Козыро Л.А. Калужский стихотворец-любитель В. Алферов и его свидетельство о пребывании в Калуге Шамиля // Поочье X. С. 494—504.

Козыро Л.А. «…Я друг ближним моим…». (Повесть В.А. Левшина «Досадное пробуждение») // Поочье VI. С. 157—164.

Козыро Л. А. Калужские страницы мемуаров К.Н.Леонтьева // Поочье XI. С. 253—257.

Кометчиков И.В. Народная религиозность в деревне 1945—1953 гг. (По материалам областей Поочья) // Поочье XI. С. 193—196.

Компанец С.Е. «Калужский некрополь» // Поочье IV. С. 78—79.

Королев Г.И. Калужский край на иностранных географических картах XVI—XVII вв. // Поочье VIII. С. 79—80.

Королев Г.И. Документы ЦГАМО о Калужской земле в 1941—1944 гг. // Поочье IX-1. С. 286—289.

Королев Г.И. Кременск в последней четверти XV—первой четверти XVII вв. // Поочье X. С. 153—156.

Крылов А.К. Особенности работы стенописцев раннемосковской школы в Рождественском соборе Саввина Сторожевского монастыря в Звенигороде // Поочье III. С. 39—41.

Крылов А.К. Особенности росписи первой половины XVI века в Рождественском соборе Можайского Лужецкого монастыря // Поочье III. С. 41—44.

Кузнецов Н.Г. Демографическое развитие Калужской области в послевоенный период // Поочье X. С. 392—398.

Кузнецов О.Ю. Князь Д.И.Вишневецкий — последний владелец Белева // Поочье VIII. С. 126—132.

Лагутин В.Д. Из истории школьного обучения в Калужском крае в XVII в. // Поочье VII. С. 80—81.

Ларин А.К. Оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово и его роль в развитии русского искусства в XVII веке // Поочье III. С. 47—50.

Ларина Т.М. Опыт реконструкции ранней истории селений, находившихся на месте г. Обнинска // Поочье X. С. 148—153.

Лебедев А.Г. Роль благотворительной помощи в развитии системы обучения в пенитенциарных заведениях Калужской губернии во второй половине XIX—начале XX вв. // Поочье X. С. 285—288.

Лебедев А.Г. Роль Калужского работного дома в поддержании социальной стабильности в губернии // Поочье XI. С. 167—170.

Левина Е.Б. Пряничные доски. К характеристикам из музейной коллекции пряничных досок // Поочье IV. С. 3—7.

Левина Е.Б. Тарусские письма И.В.Цветаева // Поочье V. С. 99—101.

Лепихова Н.И. Дети, подростки и молодежь в бытовых обрядах зимних святок Калужской области // Поочье VII. С. 147—148.

Лепихова Н.И. Календарь народных праздников Калужского региона весеннее-летнего периода (по материалам фольклорных экспедиций областного научно-методического центра народного творчества 1991—1993 гг.) // Поочье VIII. С. 187—193.

Лион А.В., Фетисова Ю.Н. Д.И. Малинин в Юрьевском университете // Поочье X. С. 303—310.

Лискин Ю.А. Локализация места военного совета Наполеона 25 октября 1812 г. // Поочье I. С. 26—27.

Личенко С.И. Орнамент калужской народной вышивки как историко-этнографический источник //

Поочье III. С. 59—62.

Личенко С.И. Происхождение, семантика и трансформация орнаментальных мотивов в народном искусстве Калужского края // Поочье IV. С. 26—29.

Личенко С.И. Калужские традиционные обычаи и обряды XIX — нач. XX вв. // Поочье V. С. 86—87.

Личенко С.И. Художественное собрание из имения Железники // Поочье VII. С. 122—126.

Личенко С.И. Художественные произведения из имения Полотняный Завод в собраниях краеведческого и художественного музеев Калуги // Поочье VIII. С. 184—187.

Личенко С.И. Старинные усадьба Калужского края: к вопросу о методике исследования // Поочье IX-2. С. 68—73.

Личенко С.И. Художественная жизнь Калуги: выставки товарищества передвижных художественных выставок (1899—1905 гг.) // Поочье X. С. 549—557.

Личенко С.И. Дерево в устной народной художественной традиции // Поочье XI. С. 230—233.

Лобов М.В. Актуализация как универсальный метод управления и реконструкции: формы, методы и объекты // Поочье XI. С. 199—200.

Лопатин Н.В. Пафнутий Львович Чебышев и версии происхождения его рода // Поочье IX-1. С. 127—132.

Лотарева Д.Д. Русское провинциальное масонство второй половины XVIII—первой четверти XIX вв. К постановке проблемы // Поочье V. С. 75—76.

Лошкарева Н.П. Клировые ведомости 1916 г. как источник по сбору информации о численности населения и дворов (на примере Кривской волости Боровского уезда) // Поочье VIII. С. 123—125.

Лошкарева Н.П. История храмов г. Боровска по клировым ведомостям 1916 г. // Поочье IX-1. С. 265—275.

Лошкарева Н.П. Прошлое с. Красное Боровского уезда // Поочье X. С. 213—222.

Лошкарева Н.П. Строительство церкви Архангела Михаила в селе Красном Боровского уезда // Поочье XI. С. 124—128.

Лукьянов Н.А. Калужский Каменный мост в контексте истории русской и мировой архитектуры // Поочье IX-2. С. 108—116.

Лысенков А.В. Араповский пещерный монастырь // Поочье III. С. 66—68.

Лысцева И.В. Общественные музеи как социальное явление современности (на материалах Калужской области) // Поочье III. С. 74—76.

Лысцева И.В. Роль Калужской Ученой Архивной Комиссии в развитии общественного краеведения и музейного дела в Калужском крае (1891—1918) // Поочье IV. С. 68—72.

Лысцева И.В. Исторический опыт взаимовлияний и взаимосвязей музея и исторического краеведения в Калужском крае (1917—1940 гг.) // Поочье VII. С. 58—61.

Лысцева И.В. Род Загряжских (из Калужской Пушкинианы) // Поочье VIII. С. 200—204.

Майорова Л.П., Тимошенкова Е.А. Семья Земблиновых и Калуга // Поочье X. С. 315—324.

Малая Е.В. Из истории Калужской общины сестер милосердия // Поочье XI. С. 170—172.

Малина О.Б. Роль занятий по этнографии в работе детского клуба «Огонек» в г. Брянске // Поочье X. С. 574—578.

Марченко Н.В. Л.А.Кавелин и Оптина пустынь // Поочье IV. С. 16—19.

Марченко Н.В. Материалы о Калужском и Обнинском народных фронтах 1989—1990 гг. // Поочье V. С. 70—72.

Марченко Н.В. Полотняный Завод — историко-мемориальный памятник (к вопросу музеефикации усадьбы) // Поочье VIII. С. 193—197.

Марченко Н.В. Эстетизация реальных видов в декоративных панно дома Гончаровых // Поочье IX-2. С. 96—108.

Марченко Н.В. К вопросу о генезисе дворянской усадьбы Полотняный Завод // Поочье X. С. 462—471.

Манаенкова С.Л. Оккупация и освобождение Калуги от немецко-фашистских захватчиков в рисунках художников (1941—1943 гг.) // Поочье IV. С. 23—26.

Митрошенкова Л.В. Город Малый Ярославец в XVII—XVIII веках // Поочье VIII. С. 94—97.

Митрошенкова Л.В. Волость Заячков в XIV—XVII вв. // Поочье IX-1. С. 172—180.

Митрошенкова Л.В. Малоярославецкий уезд во второй половине XVI—начале XVII вв. // Поочье X. С. 136—147.

Михайлова Н.А. Д.Н.Гончаров и реформа 1861 г. // Поочье VII. С. 91—94.

Молодова И.Ю. Массовый угон гражданского населения Калужской области в Германию во время Великой Отечественной войны // Поочье X. С. 385—392.

Морозова М.С. Некрополь Крестовского монастыря // Поочье XI. С. 136—142.

Морозова Т.В. Античные монеты в собрании Калужского музея // Поочье II. С. 34—36.

Морозова Т.В. Медаль XVIII века в коллекции Калужского областного краеведческого музея // Поочье III. С. 50—55.

Морозова Т.В. Экспоненты от Калужской губернии на Первой Всемирной выставке // Поочье IV. С. 7—9.

Назарян Е.А. Организация почтовой службы в Малоярославце // Поочье X. С. 248—256.

Назарян Е.А. Малоярославецкие усадьбы: в поисках утраченного // Поочье XI. С. 145—148.

Насырова Н.Ш., Станюкович А.К. О вероятной региональной особенности калужской крестьянской вышивки первой половины XX в. // Поочье X. С. 563—569.

Некрасов И.И. Белев — крупный торговый центр бассейна Верхней Оки первой половины XIX в. // Поочье X. С. 208—213.

Некрасов И.И. Древняя святыня Белёвского края // Поочье XI. С. 221—224.

Никитина Н.Н. Выселение бывших помещиков из имений в 1924—1928 гг. (по материалам ГАКО) // Поочье V. С. 67—69.

Никитина Н.Н. Крестьянство и власть в первой половине 20-х годов (на материалах Калужской и Тульской губерний) // Поочье VIII. С. 116—119.

Никитина Н.Н. Бывшие калужские помещики на страницах центральных печатных изданий // Поочье X. С. 356—362.

Никитина Н.Н. Итоги выселения бывших помещиков в 1925—1928 гг. в Калужской губернии // Поочье XI. С. 180—182.

Никольская Н.А. Методы управления рисками // Поочье XI. С. 200—201.

Никулина С.А. Некрополь Пафнутьев-Боровского монастыря XVI—XVIII вв. Исследования последних лет // Поочье VII. С. 135—138.

Новиков В.П., Гарифуллина З.А., Днепровский А.С., Коршунова Л.А., Радина А.Ю. Усадьба Шамордино на реке Высса // Поочье VIII. С. 207—209.

Овчинцева Л.А., Свиридова Т.А. Крестьянские сельскохозяйственные общества Калужской губернии в начале XX века // Поочье IX-1. С. 275—281.

Огольцов М.О. Мирское предназначение святого изображения и надписи на оборотной стороне иконы // Поочье X. С. 544—549.

Осипов В.И. Боровск в XVII веке (к вопросу о локализации слобод и границ города) // Поочье I. С. 23—26.

Осипов В.И. Борьба посадского населения г. Боровска с Пафнутьев-Боровским монастырем за слободы в XVII в. // Поочье II. С. 39—41.

Осипов В.И. Хозяйство Пафнутьева монастыря в Боровском уезде в XVII в. // Поочье III. С. 44—47.

Осипов В.И. К вопросу об экономической деятельности монастырей Калужской губернии (сер. XIX—1917 г.) // Поочье III. С. 62—65.

Осипов В.И. Жалованные грамоты 1621 и 1624 гг. ц. Михаила Федоровича Пафнутьев-Боровскому монастырю // Поочье IV. С. 79—82.

Осипов В.И. Боровск в Смутное время (1600—1618 гг.) и его восстановление // Поочье VII. С. 75—80.

Осипов В.И. Численность старообрядческого населения Боровска и уезда в XIX—начале XX вв. // Поочье VIII. С. 110—116.

Осипов В.И. «Калужские епархиальные ведомости» (1862—1906 гг.) как источник по истории старообрядчества Калужской губернии // Поочье VI. С. 165—169.

Осипов В.И., Осипова А.И. Ущерб, причиненный Боровску в Отечественной войне 1812 года // Поочье V. С. 61—63.

Осипова А.И. Из истории деятельности церковного братства преподобного Пафнутия Боровского Чудотворца (последняя четверть XIX — нач. XX вв.) // Поочье IV. С. 46—50.

Остапец Н.Н. Земельно-таксаторское дело в России в XIX в. (на примере Калужской губернии) // Поочье XI. С. 162—164.

Пак Н.И. Краеведение как составная часть обучения студентов-филологов (методических аспект) // Поочье VI. С. 169—173.

Паршин С.Н., Савосичев А.Ю. Древние Ливны в свете письменных источников // Поочье IX-1. С. 148—154.

Паутова Л.П. Родословная Пришвиных // Поочье IX-2. С. 3—9.

Паутова Л.П. Калужский период в жизни и творчестве М.М. Пришвина // Поочье X. С. 524—531.

Петерс Д.И. Архивные документы о пожаловании жителей Калуги наградными медалями Российской империи в первой четверти XIX в. // Поочье X. С. 170—175.

Петрова О.М. Источники по истории общественных неполитических организаций г. Калуги (1890—1930) // Поочье IX-1. С. 245—252.

Петрова О.М. Обзор личного фонда архитектора М.В. Фехнер, хранящегося в Государственном архиве Калужской области // Поочье X. С. 115—126.

Пешехонов И.В., Бурцев И.Г. Народные предания о походе литовского князя Ягайло в 1380 г. (по материалам исследований в Окско—Донском междуречье Тульской области) // Поочье VIII. С. 81—83.

Пионтковская Ю.Е. Страницы истории городской усадьбы Чистоклетовых // Поочье XI. С. 226—230.

Писаренко И.С. Сражения армий Западного и Брянского фронтов за окончательное освобождение Калужского края от немецко-фашистских оккупантов в 1943 г. // Поочье X. С. 368—380.

Писаренко И.С. Антифашистское подполье в оккупированной Калуге // Поочье X. С. 380—385.

Писаренко И.С. Немецкая оккупация Барятинского, Думиничского и Сухиничского районов // Поочье XI. С. 188—191.

Послушница Елена (Амфитеатрова Е.А.) Архитектор Александр Александрович Румянцев // Поочье XI. С. 131—133.

Потапова Л.И. Лаврентьевский монастырь // Поочье III. С. 34—36.

Потапова Л.И. Крестьянские промыслы в Калужской губернии в пореформенный период // Поочье V. С. 82—83.

Потапова Л.И. Пивоварение в Калуге // Поочье VI. С. 173—180.

Прохорова Л.С. Письма и воспоминания воинов 17-й Бобруйской краснознаменной стрелковой дивизии как свидетельство патриотизма и отражение внутреннего мира бойцов // Поочье X. С. 362—368.

Пуцко В.Г. Проблемы изучения художественных памятников г. Калуги. // Поочье IV. С. 29—32.

Пуцко В.Г. Царские врата из с. Красного: элитарный образец в русской провинциальной иконописи на рубеже XVI—XVII вв. // Поочье XI. С. 204—208.

Роганова О.Л. Литературный портрет калужского губернского общества в «Письмах к родным» И.С.Аксакова // Поочье VII. С. 103—106.

Роганова О.Л. Общественно-политические корреспонденции Н.А. Мельгунова в русских и европейских газетах (1830—1860—е гг.) // Поочье VI. С. 180—188.

Родионов А.Г. «Огончарованный» Пушкин // Поочье VIII. С. 170—173.

Роянова Г.И. Калужский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны // Поочье X. С. 399—409.

Роянова Г.И. В.А.Жуковский. «Певец во стане русских воинов». К истории музейного экспоната // Поочье XI. С. 202—204.

Рулев А.Н. Жизнь калужской деревни 20-х годов в освещении губернской газеты «Коммуна» // Поочье V. С. 84—85.

Савосичев А.Ю. Пискаревский летописец как источник по истории древних Ливен // Поочье IX-1. С. 155—159.

Савосичев А.Ю. Светские вассалы рязанского архиепископа в конце XVI в. // Поочье X. С. 163—167.

Савосичев А.Ю. Землевладение приказной бюрократии во второй половине XV в // Поочье XI. С. 76—80.

Салахова Н.В. Софья Николаевна Философова-Толстая. Страницы жизни // Поочье XI. С. 116—120.

Сапожникова Л.И. Источники личного происхождения (личный фонд краеведа Н.М.Маслова) // Поочье III. С. 70—73.

Сафонова Г.Б. Вышитая народная одежда Калужского края XIX—нач. XX вв. (из коллекции областного краеведческого музея) // Поочье III. С. 56—59.

Сафонова Г.Б. Художественные особенности женских народных украшений Калужского края XIX — нач. XX вв. // Поочье IV. С. 42—45.

Сафонова Г.Б. Инвентарные книги музея — источник по истории его коллекций за столетие // Поочье VII. С. 46—49.

Сафонова Г.Б. Четыре офорта из гравюрного наследия петровской эпохи // Поочье X. С. 420—428.

Сафонова Г.Б. Некоторые аспекты изучения истории калужского купечества // Поочье VI. С. 189—195.

Сафонова Г.Б. Мельницы верхней Оки: природная среда и традиционное производство // Поочье XI. С. 89—93.

Свиридов А.В. О происхождении матери декабриста С.И.Кривцова Веры Ивановны // Поочье VII. С. 86—88.

Свиридова Т.А. Земские проекты калужского дворянства (1856—1863 гг.) // Поочье IV. С. 72—75.

Свиридова Т.А. Общественные неполитические организации г. Калуги (1890—1930). К постановке проблемы // Поочье IX-1. С. 240—244.

Седов Вл.В. Троицкий собор Лютикова монастыря // Поочье II. С. 42—43.

Семенова Н.А. Связь великого князя Константина Константиновича Романова с Оптиной Пустынью // Поочье VII. С. 132—135.

Семенова Н.А. Великий князь К.К.Романов в Оптиной Пустыни // Поочье VIII. С. 213—216.

Семенова Н.А. Страницы истории Шамординского женского монастыря // Поочье XI. С. 128—131.

Семенова С.С. Человек и время в рассказах П.С.Романова // Поочье XI. С. 262—265.

Силина Л.А. Образ-символ дворянского гнезда в контексте русской культуры и литературы // Поочье X. С. 482—488.

Силкина Л.А. Документы ЦАМО (Центрального архива Министерства обороны России) и личных архивов о подвиге подольских курсантов (октябрь 1941 г.) // Поочье VI. С. 196—203.

Сорокина Л.Б. Храм Рождества Богородицы в селе Тимашеве Боровского района // Поочье X. С. 535—540.

Соснер И.Ю. «Гордись, великая Россия!» // Поочье X. С. 279—285.

Соснер И.Ю. Маклаки — калужское имение князей Львовых // Поочье XI. С. 96—98.

Старков В.Ф., Черносвитов П.Ю. Василий и Татьяна Прончищевы — герои Второй Камчатской экспедиции // Поочье IX-1. С. 186—190.

Сударенков В.В. Культура. Природа. Общество // Поочье XI. С. 5—6.

Сулыкина Т.В. Тема Великой отечественной войны 1941—1945 гг. в коллекции спичек Калужского областного краеведческого музея // Поочье VI. С. 203—208.

Сыровегина Т.В. Из опыта работы над атласом Жуковского района // Поочье VIII. С. 152—155.

Тарасов Б.Ф. Н.А.Рынин — популяризатор идей К.Э.Циолковского // Поочье II. С. 45—46.

Тарасов В.А. Из опыта работы археологического клуба школьников «Аркос» // Поочье VII. С. 151—153.

Телеганова Е.А. М.М.Местергази — ученый и путешественник // Поочье V. С. 96—98.

Тимошенкова Е.А. Забытое имя. Б.Е. Трейвас и Калуга // Поочье XI. С. 182—184.

Ткаченко А.В. Дополнения к своду типов медных пул из Калуги // Поочье VII. С. 66—69.

Ткаченко А.В. Фальшивые медные деньги 1655—1662 гг. из Калуги // Поочье VI. С. 208—211.

Ткаченко В.А., Ткаченко А.В. Современные коллекционные подделки — копии крупных номиналов медных монет XVIII века // Поочье VIII. С. 140—144.

Ткаченко В.А., Федорова Л.И. Новые находки глиняных игрушек в Калуге // Поочье VII. С. 144—147.

Третьякова Т.А. Калужане-отходники в Ярославской губернии // Поочье X. С. 204—208.

Ульянов А.И. Подвижники. (Интеллигенция Угодско-Заводской волости в конце XIX—начале XX вв.) // Поочье IV. С. 63—65.

Ульянов А.И. Нужна ли нам правда о маршале Жукове // Поочье VII. С. 98—99.

Ульянов А.И. Анархисты Калужской губернии в начале XX века // Поочье VIII. С. 120—122.

Ульянов А.И. Летописцы Угодского края // Поочье XI. С. 122—124.

Федоров В.В. Растительные сюжеты на калужских печных изразцах // Поочье VII. С. 140—144.

Федоров В.В. К вопросу датировки нерасписных калужских печных изразцов // Поочье VI. С. 211—213.

Филимонов В.Я. Проблемы региональной истории: новые подходы // Поочье V. С. 46—47.

Филимонов В.Я. Д.И.Малинин — историк, просветитель, гуманист // Поочье VIII. С. 70—75.

Филимонов В.Я. История поселений Калужской области: итоги и задачи изучения // Поочье IX-1. С. 143—148.

Филимонов В.Я. Петр Янович Витолин — лидер калужских большевиков // Поочье X. С. 330—335.

Филимонов В.Я. Отходничество в калужской деревне в 1920—е гг. // Поочье XI. С. 177—180.

Фомин А.А. Землеустроительная деятельность Крестьянского Поземельного Банка в годы столыпинской реформы // Поочье VII. С. 94—98.

Фомин Н.К. Лихвинские воеводы XVI—XVII вв. // Поочье IX-1. С. 181—185.

Фролов А.С., Сухарев Н.В. Деятельность общества Красного Креста в Калужской губернии в период войны 1877—1878 гг. // Поочье VIII. С. 104—105.

Хохлов А.Н. Китаист Д.А. Пещуров — дипломат и педагог // Поочье VI. С. 213—219.

Хохлова Т.М. Коллекция колокольчиков из фондов Калужского государственного объединенного краеведческого музея // Поочье X. С. 428—435.

Хохлова Т.М. Оловянные изделия из коллекции Калужского областного краеведческого музея // Поочье XI. С. 208—212.

Чайкин Е.В. Древнерусская миниатюра Шумиловского тома Лицевого летописного свода XVI века как исторический источник и памятник изобразительного искусства в рассказе «О царе Ахмате, как приходил на Угру» // Поочье VIII. С. 83—86.

Чайкина В.И. Рассказ об Угорщине в Вологодстко-Пермской, Никоновской, Софийской второй летописях и Казанском летописце (сравнительная характеристика содержания) // Поочье VIII. С. 87—94.

Черезова Л.Г. Сокровища тульских усадеб в собрании Тульского музея изобразительных искусств // Поочье X. С. 442—447.

Черепанова Н.Г. История формирования музея—усадьбы Ольгово в 20-е гг. XX в. // Поочье VII. С. 138—140.

Черепанова Н.Г. Музеи-усадьбы Калужской губернии в 1920-е годы // Поочье IX-2. С. 87—90.

Черников А.П. «Неуемный русский талант...». (К проблеме изучения жизни и творчества А.В.Амфитеатрова) // Поочье V. С. 91—93.

Черников А.П. Калужский спутник В.Маяковского // Поочье VII. С. 106—110.

Черников А.П. «России негасимый свет» (А.С.Пушкин в восприятии русских писателей-эмигрантов) // Поочье VIII. С. 156—161.

Черников А.П. Краеведческий материал на уроках литературы // Поочье VIII. С. 221—223.

Черников А.П. Калужский край в жизни и творчестве М.М.Пришвина // Поочье IX-2. С. 24—29.

Черников А.П. Забытый писатель // Поочье X. С. 516—524.

Черников А.П. «Жил я тогда в Калужской губернии…». (Калужские страницы в жизни и творчестве И.С.Шмелева) // Поочье VI. С. 219—229.

Черников А.П., Черникова Е.А. «Всему прошедшему — наследник»: И.А.Новиков и Калужский край // Поочье XI. С. 265—269.

Черникова Е.А. «Поступь людей на земле должна быть тверда» // Поочье X. С. 504—510.

Чернышов С.В. Формирование семейных ценностей (по материалам полевых исследований на территории Калужской области в 2003 г.) // Поочье XI. С. 246—249.

Чеченков К.В. Партизанский отряд «В бой за Родину»: война в тылу врага // Поочье XI. С. 191—193.

Чичерова И.А. Земство и правительственная власть во 2-й пол. XIX в. (на примере Тульской и Калужской губерний) // Поочье VI. С. 230—237.

Шульман М.Г. О чем поведала крестьянская резолюция (из истории Медынского восстания) // Поочье XI. С. 175—177.

Энгельгардт Л.Т. Научные и дружеские связи А.Л.Чижевского с К.Э.Циолковским // Поочье II. С. 44—45.

Юркин И.Н. После смерти Григория Никитича Демидова: судьба его наследия и наследников (1728—1771 гг.) // Поочье V. С. 58—60.

Юркин И.Н. Профессиональный состав мастеровых людей Дугненского завода Н.Н.Демидова // Поочье VII. С. 82—84.

Юркин И.Н. Родион Горбунов против Никиты Демидова. (К истории следствия о партикулярных заводах 30—х гг. XVIII в. // Поочье VI. С. 237—244.

Ярхо К.М. Калуга на древней карте // Поочье V. С. 48—51.

Ярхо К.М. Неизвестная рукопись. К 625-летней дате первого упоминания о Калуге // Поочье VII. С. 69—72.

Ячник Н.Е. Малоярославецкий Николаевский Черноостровский монастырь — памятник Отечественной войны 1812 г. // Поочье VI. С. 245—250.

Природа Верхнего Поочья и сопредельных территорий

Алейников О.И. Лесные ресурсы Калужской области // Поочье XI. С. 304—306.

Алексанов В.В. Экологические особенности обыкновенной уховертки (*Forficula auricularia* L.) в Калуге и окрестностях // Поочье XI. С. 334—336.

Алексеев С.К. Список жесткокрылых (Insecta, Coleoptera), рекомендуемых для Красной книги Калужской области // Поочье VIII. С. 295—297.

Алексеев С.К. О необходимости изменений в разделе «Беспозвоночные» Красной книги Калужской области // Поочье X. С. 710—714.

Алексеев С.К., Барков Д.А. Прибрежная фауна жужелиц (Coleoptera, Carabidae) среднего течения р. Жиздры // Поочье VII. С. 175—176.

Алексеев С.К., Комогорова Е.Г. Жужелицы (Coleoptera, Carabidae) приусадебных участков г. Калуги // Поочье VII. С. 177—178.

Алексеев С.К., Костюхина О.С. Насекомоядные (Insectivora) широколиственных лесов юго-востока Калужской области // Поочье VII. С. 191—192.

Алексеев С.К., Сионова М.Н. Редкие грибы (Mycota, Basidiomycetes) Калужской области // Поочье VIII. С. 277—278.

Алексеев С.К., Сионова М.Н. К созданию Красной книги Калужской области // Поочье IX-2. С. 174—180.

Алексеев С.К., Шашков М.П. Жужелицы (Coleoptera, Carabidae) широколиственных лесов заповедника «Калужские засеки» // Поочье VII. С. 171—173.

Алексеев С.К., Шашков М.П. Комплекс жужелиц (Coleoptera, Carabidae) широколиственных лесов Калужской области // Поочье IX-2. С. 259—261.

Алексеев С.К., Серкина Л.С., Шашков М.П. К методике сбора напочвенной фауны с помощью ловушек Барбера // Поочье VII. С. 167—170.

Алексеев С.К., Воронкина Н.В., Голубева Г.В., Марголин В.А., Сионова М.Н., Шмытов А.А., Шмытова И.В. Проблемы сохранения видов, занесенных в Красную книгу Калужской области // Поочье X. С. 604—608.

Алехан И.Е, Казанников Е.А. Материалы по фауне личинок ручейников Калужской области и их значение в биоиндикации водоемов // Поочье XI. С. 338—341.

Амелютин В.М., Дудковский Н.И. О важности и реальности экологически чистого рыбохозяйственного освоения водоемов Калужской области // Поочье VIII. С. 320—322.

Антимонова А.В., Алексеев С.К. Фауна грызунов (Rodentia) широколиственных лесов юго-востока Калужской области // Поочье VII. С. 190—191.

Ахлебинин А.К., Ахлебинина Т.В., Кракосевич А.С., Шмытова И.В. Мультимедийный компакт-диск «Природа России» (центр) // Поочье X. С. 612—618.

Баюра В.Н., Мотовилова М.С. Система показателей для оценки и картографирования устойчивого развития социо-природных ландшафтов Калужской области // Поочье IX-2. С. 125—129.

Богомолов Д.В. Луни «Тульских засек» и сопредельных территорий // Поочье VIII. С. 347—348.

Большаков Л.В. К фауне пядениц (Lepidoptera, Geometridae) Окско-Жиздринского водораздела // Поочье VII. С. 181—184.

Большаков Л.В. Некоторые проблемы развития региональной системы ООПТ в свете энтомологических исследований // Поочье VIII. С. 298—304.

Большаков Л.В. Моле-листовертки (Lepidoptera, Choreutidae) Тульской области // Поочье VIII. С. 304—308.

Бригадирова О.В., Швец О.В. Фауна и население птиц стариц р. Оки и некоторых ее притоков на территории Тульской области // Поочье XI. С. 366—368.

Булеза В.В. Яйцееды (Hymenoptera, Scelionidae, Telenominae) клопов-щитников Калужской области: видовой состав, биология, экология // Поочье XI. С. 341—343.

Васильева Е.И. Некоторые проблемы сохранения традиционного сельского ландшафта средней России в районе исторического Гжатского тракта на территории национального парка «Угра» // Поочье X. С. 600—603.

Власов Д.В. Фауна ксилофильных жесткокрылых крупного восточно-европейского города на примере Ярославля // Поочье X. С. 730—734.

Власов М.В. Свидетельства мощного стока в Поздневалдайское время на примере долин рек Верхнего Поочья (на основании анализа их морфологии и геологического строения) // Поочье IX-2. С. 147—151.

Волкова Е.М. Болота приокской части Тульской области // Поочье XI. С. 301—303.

Волошина О.В., Могильнер А.А. Природная ценность Калужско-Алексинского каньона реки Оки // Поочье VIII. С. 238—246.

Волошина О.В., Могильнер А.А. Люльковское предотлетное журавлиное скопление // Поочье IX-2. С. 195—200.

Воронкина Н.В. Фегоптерис связывающий в Калужской области // Поочье VII. С. 206—208.

Воронкина Н.В. Флора макрофитов пойменных озер р. Жиздры // Поочье IX-2. С. 215—231.

Воронкина Н.В. Батрахоспермум в Калужской области // Поочье X. С. 653—654.

Воронкина Н.В., Конина Е. Растительный мир и растительный покров опушки соснового леса около поселка Стекольный завод (Березичи) Козельского района // Поочье VIII. С. 272—274.

Воронкина Н.В., Крылов А.В. Характеристика вида и популяции пыльцеголовника длиннолистного *Cephalanthera longifolia* (Huds.) Fritsch // Поочье X. С. 679—686.

Воронкина Н.В., Коненков Р., Корягин П. Водоросли окрестностей пос. Думиничи // Поочье IX-2. С. 210—215.

Воронкина Н.В., Крылов А.В., Решетникова Н.М., Шмытов А.А. О гербарии Калужского государственного педагогического университета им. К.Э.Циолковского // Поочье XI. С. 331—334.

Галченков Ю.Д. Материалы по зимующим гидрофильнымптицам Калуги и окрестностей // Поочье VII. С. 200—203.

Галченков Ю.Д. Современная структура орнитологической фауны Калужской области // Поочье IX-2. С. 288—293.

Галченков Ю.Д. К орнитофауне бассейна среднего течения реки Демины // Поочье X. С. 766—774.

Галченков Ю.Д., Галченкова С.Ю. Интересные орнитологические находки в долине Оки осенью 1996 г. // Поочье VII. С. 197—200.

Галченков Ю.Д., Локтионов Е.Ю. Результаты учетов бобра (*Castor fiber* L.) на южном участке заповедника «Калужские засеки» в 2004 г. // Поочье XI. С. 368—371.

Галченков Ю.Д., Горшков В.И., Середенко В.М., Галченкова С.Ю. Новые гнездящиеся крачки Калужской области // Поочье VII. С. 203—206.

Галченков Ю.Д., Середенко В.М., Баранов Л.С., Губарева Т.Ф. К фенологии прилета некоторых птиц в Калужской области в конце XX века // Поочье VIII. С. 338—343.

Глухарев В.Ю. Воздействие рекреации на прродные комплексы ГУ НП «Угра» // Поочье X. С. 586—589.

Голубева Г.В. Изучение энтомофауны шмелей Калужской области — проблемы и перспективы // Поочье VII. С. 186—188.

Голубева Г.В. Редкие виды шмелей (Hymenoptera, Apidae) Калужской области // Поочье IX-2. С. 279—284.

Голубева Г.В. Динамика численности шмелей (род Bombus, Apidae) в 2000—02 гг. // Поочье X. С. 746—749.

Голубева Г.В. Дополнение к фауне редких видов пчелиных (Hymenoptera, Apidae) Калужской области // Поочье XI. С. 343—346.

Голубева Г.В., Пулина М., Покид Е. Современное состояние энтомофауны шмелей Калужской области //

Поочье IX-2. С. 276—278.

Гордеева Т.А. Особенности теплового режима атмосферы на территории национального парка «Угра» в конце XX столетия // Поочье X. С. 637—641.

Гордеева Т.А. Современные изменения в режиме осадков Калужской области // Поочье XI. С. 299—301.

Горшков В.И. Некоторые сведения по редким видам птиц Жуковского района // Поочье VIII. С. 352—355.

Гудовичева А.В. К вопросу об изучении лишайников Калужской и Тульской областей // Поочье X. С. 656—662.

Дудковский Н.И., Марголин В.А. Попытка прогнозирования заморов по результатам лова рыбы ставными сетями в некоторых пойменных озерах р. Жиздры // Поочье IX-2. С. 284—288.

Дудковский Н.И., Марголин В.А. Особенности освоения головешкой-ротаном пойменных озер Оки и Жиздры // Поочье X. С. 750—755.

Егорова Н.А. Малый подорлик в Тульской и на юге Калужской области // Поочье VIII. С. 343—344.

Егорова Н.А. Редкие виды дневных хищников заповедника «Калужские засеки» и сопредельных территорий // Поочье VIII. С. 348—350.

Епищев О.А., Жмакин Е.Я. Развитие депрессионных воронок на территории Калужской области // Поочье IX-2. С. 155—159.

Ермакова И.М., Сугоркина Н.С. Динамика растительности Залидовских лугов реки Угры // Поочье X. С. 701—707.

Есипов В.П. Историко-природные памятники в нижнем течении реки Серены // Поочье VII. С. 159—164.

Жидков М.П., Маккавеев А.Н., Макаренко А.Г. Некоторые черты рельефа и происхождение Алексинского каньона (на реке Оке) // Поочье XI. С. 288—291.

Жмакин Е.Я., Новиков В.П., Епищев О.А., Алейников О.И. Калужская область нуждается в исследовании устойчивости ее природных ландшафтов // Поочье VII. С. 154—156.

Завгородний А.С. Земноводные (Amphibia) широколиственных лесов юго-востока Калужской области // Поочье VII. С. 188—189.

Завгородний А.С. Возрастная структура популяций земноводных (Amphibia) юго-востока Калужской области // Поочье VII. С. 189—190.

Завгородний А.С., Алексеев С.К., Шашков М.П. Спектры питания массовых видов земноводных (Amphibia) в широколиственных лесах юго-востока Калужской области // Поочье VIII. С. 322—326.

Зайкина В.В., Воронкина Н.В. Некоторые сведения о мхах Калужской области // Поочье X. С. 668—675.

Казанников Е.А., Епищев О.А. Опыт классификации водных ресурсов Калужской области // Поочье X. С. 641—651.

Казанников Е.А., Сахарова Н.Ю., Казанникова И.Е. Макрозообентос как показатель чистоты воды малых рек г. Калуги // Поочье IX-2. С. 248—253.

Казанников Е.А., Демин С.В., Наумкин Е.А., Казанникова И.Е. Беспозвоночные животные стариц р. Жиздры в пределах национального парка «Угра» // Поочье IX-2. С. 243—248.

Киселева Л.Л., Ипатова М.А. Фитоценотическая характеристика лесных экосистем окрестностей города Орла // Поочье VIII. С. 274—276.

Клепиков М.А. Обзор фауны кривоусых крохоток-молей (Lepidoptera, Bucculatricidae) Ярославской области // Поочье XI. С. 348—349.

Константинов В.М., Кутьин С.Д. Фауна и население птиц открытых ландшафтов Мещовского ополья // Поочье XI. С. 362—366.

Константинов Е.Л. Компьютерный «Определитель земноводных и пресмыкающихся Калужской области» // Поочье VIII. С. 326—329.

Кострикова М.Ю. Фауна чешуекрылых (Insecta, Lepidoptera) Воротынского участка Национального парка «Угра» // Поочье XI. С. 346—347.

Котуранов Л.А. Толерантность к информационному фактору среды как экологическая проблема // Поочье X. С. 608—612.

Котуранов Л.А. Реализация информационной толерантности с позиций информационной экологии // Поочье XI. С. 285—288.

Котюков В.М. Редкие птицы Мещовского ополья // Поочье X. С. 775—777.

Круглова Т.А., Марголин В.А. К изучению зимовок летучих мышей в Калужской области // Поочье VIII. С. 359—359.

Крылов А.В., Шестакова Г.А., Воронкина Н.В. Сине-зеленые водоросли (Cyanophyta) почв города Калуги // Поочье XI. С. 321—323.

Кубаткин В.А. Современные рельефообразующие процессы как индикатор геоморфологической составляющей геоэкологического каркаса Калужской области // Поочье XI. С. 292—294.

Майоров С.Р. О распространении чабрецов в Калужской области // Поочье VII. С. 208—210.

Майоров С.Р. Шлемник высокий (*Scutellaria altissima* L., Labiatae) в Калужской области // Поочье VIII. С. 279—280.

Марголин В.А. История изучения птиц в Калужской области // Поочье VIII. С. 329—334.

Марголин В.А., Алексеев С.К. К изучению фауны и экологии соневых (Rodentia, Gliridae) в Калужской области // Поочье IX-2. С. 294—298.

Марголин В.А., Дудковский Н.И. Характеристика ихтиофауны пойменных озер р. Жиздры // Поочье IX-2. С. 299—306.

Марголин В.А., Дудковский Н.И. Биологические особенности золотого карася, обитающего в озерах Угорской поймы // Поочье XI. С. 353—356.

Марголин В.А., Климов С.М. Особенности начала весенних миграций птиц в бассейнах верховий Оки и Дона // Поочье X. С. 757—766.

Марголин В.А., Черников В.А. К изучению миноговых Калужской области // Поочье VIII. С. 318—320.

Марголин В.А., Галченков Ю.Д., Марголин А.В. Распределение и динамика численности русской выхухоли в Калужской области // Поочье VII. С. 192—197.

Марголин В.А., Овсянников Г.М., Галченков Ю.Д. Об изменениях сроков весенних миграций птиц // Поочье VIII. С. 334—338.

Марголин В.А., Степанова Н.В., Шабанова Т.С. Характеристика фауны птиц Залидовских лугов // Поочье XI. С. 356—358.

Марголин В.А., Круглова Т.А., Шашков М.П., Марголин А.В. Аннотированный каталог летучих мышей Калужской области // Поочье VIII. С. 356—359.

Марченко Н.А. Составление геоинформационной системы «ландшафтно-исторические комплексы бассейна реки Протвы» // Поочье IX-2. С. 141—146.

Марченко Н.А., Низовцев В.А., Шейко С.Н., Логунова Ю.В. Кабинет ландшафтной практики на Сатинской учебно-научной станции географического факультета МГУ (Боровский район) // Поочье XI. С. 277—279.

Меленчук В.И. Родники города Малоярославца // Поочье VIII. С. 363—366.

Мизин И.А. К вопросу о современных подходах в управлении популяциями крупных копытных животных и планировании реаклиматизационных работ в Калужской области // Поочье X. С. 784—789.

Могильнер А.А. Проектирование охраняемой территории в долине Рессеты (по материалам экспедиции 3—20 июля 1999 г.) // Поочье VIII. С. 246—252.

Могильнер А.А. Результаты обследования долины р. Чертовской (Козельский район Калужской области) // Поочье IX-2. С. 189—194.

Низовцев В.А. История становления антропогенного фактора развития ландшафтов бассейна средней Протвы (Домонгольский период) // Поочье IX-2. С. 134—140.

Низовцев В.А. Достопримечательные природные объекты бассейна Средней Протвы // Поочье X. С. 589—595.

Низовцев В.А. Особенности структуры и генезиса культурных ландшафтов Центральной России // Поочье XI. С. 281—285.

Низовцев В.А., Алешина Л.А., Зырянова Е.В., Марченко Н.А., Онищенко М.В. Ландшафтно-исторический подход к изучению территорий длительного хозяйственного освоения (на примере бассейна средней Протвы) // Поочье IX-2. С. 129—134.

Низовцев В.А., Марченко Н.А., Гравес И.В., Зырянова Е.В., Онищенко М.В. Социоестественная история Боровского края в учебной экскурсионной работе // Поочье XI. С. 274—277.

Новиков В.П., Могильнер А.А. Перспективные сособо охраняемые и ключевые природные территории Калужской области // Поочье X. С. 577—585.

Новиков В.П., Модин И.Н. Новые данные о геологическом строении урочища «Чертово Горидище» // Поочье XI. С. 294—297.

Орлова О.А. Особенности распротранения рода *Stigmaria* (Lycopodiophyta) в визейских отложениях Калужской области // Поочье IX-2. С. 151—153.

Паутова Л.П. Об истории создания в Калужской области государственного природного заповедника «Калужские засеки» (К 80-летию заповедного дела в России) // Поочье VIII. С. 232—235.

Паутова Л.П. О восстановлении широколиственных лесов бывшей засечной черты Русского государства на территории национального парка «Угра» // Поочье VIII. С. 236—238.

Паутова Л.П., Морозов В.Н. Об истории создании в Калужской области национального парка «Угра» // Поочье IX-2. С. 170—173.

Пестов М.В., Ушаков В.А. Итоги проекта «Учимся узнавать, наблюдать, охранять и любить нелюбимых животных» // Поочье X. С. 629—637.

Писаренко С.С. Влияние радиации на репродуктивную функцию диких и домашних животных на территории Калужской области // Поочье VII. С. 164—165.

Писаренко С.С. Нарушение сперматогенеза у биоптатов в зонах с разным уровнем радиационного загрязнения на территории Калужской области // Поочье VIII. С. 267—268.

Писаренко С.С., Писаренко Т.С. Использование экологического мониторинга для выявления

биологических эффектов в зонах радиационного загрязнения // Поочье VIII. С. 263—264.

Писаренко С.С., Писаренко Т.С. Медико-биологические исследования в Чернобыльских зонах радиационного загрязнения // Поочье VIII. С. 265—266.

Писаренко С.С., Писаренко И.С., Писаренко Т.С. Гендерно-возрастная характеристика калужской популяции человека // Поочье XI. С. 374—377.

Писаренко С.С., Писаренко Т.С., Писаренко И.С. Репродуктивный потенциал популяции лося на территории Калужкой области до и после аварии на Чернобыльской АЭС // Поочье IX-2. С. 165—170.

Писаренко Т.С. Характеристика калужской популяции человека // Поочье XI. С. 372—374.

Радина А.Ю. К вопросу о биоиндикации состояния агроценозов // Поочье VIII. С. 252—255.

Рассказова М.М., Савостина Т.Ю. Влияние рекреационной нагрузки на состояние травянистого яруса фитоценозов пригородного леса // Поочье XI. С. 306—309.

Рогуленко А.В. О земноводных березняков национального парка «Угра» в 2002 году // Поочье X. С. 755—757.

Рогуленко А.В., Естафьева Л.А. Оценка стабильности развития березы повислой (*Betula pendula* Roth.) на территории национального парка «Угра» // Поочье X. С. 698—701.

Романова Р.А. Редкие и исчезающие растения, произрастающие на территории Калужского городского бора // Поочье IX-2. С. 232—238.

Романова Р.А., Алешина Ж.В. Дендрофлора г. Калуги // Поочье X. С. 692—698.

Романова Р.А., Тихомирова Е.В. Анализ состояния древесно-кустарниковой флоры Ленинского округа города Калуги // Поочье XI. С. 309—312.

Решетникова Н.М. Различие флоры бассейнов рек Угры и Жиздры (на территории Национального парка «Угра») // Поочье XI. С. 316—321.

Садковкина И.Ю. Первые сведения по альгофлоре пойменных озер реки Жиздры // Поочье IX-2. С. 204—210.

Самарина И.А. Школьное экологическое общество в системе экологического воспитания и образования // Поочье X. С. 623—629.

Самарина И.А. Экологическая тропа как средство формирования экологического сознания школьников // Поочье XI. С. 280—281.

Самарина И.А., Петров К.С. Флора Воротынского участка Национального парка «Угра» // Поочье XI. С. 312—316.

Самарина И.А., Шевченко Л.В. Эколого-туристская работа и здоровье школьников // Поочье X. С. 618—623.

Сафронова О.Г., Тюрикова Г.Н. Национальная парковая культура и экологическая подготовка учителя // Поочье VIII. С. 367—369.

Свикис Н.В. К изучению культурных ландшафтов рекреационного значения на территории Калужской области // Поочье X. С. 595—600.

Свиридов А.В., Большаков Л.В. Совки (Lepidoptera, Noctuidae) Тульской области. Дополнение // Поочье VII. С. 184—186.

Симоненко В.Е., Чубур А.А. Позднемезозойская древесная флора из окрестностей Брянска // Поочье IX-2. С. 153—155.

Сионова М.Н. О необходимости проведения инвентаризации макромицетов на территории Калужской области // Поочье IX-2. С. 200—204.

Сионова М.Н. Трофические группы макромицетов города Калуги // Поочье X. С. 655—656.

Сионова М.Н. Изменение разнообразия макромицетов в широколиственных и сосновых лесах Калужской области в результате рекреационного воздействия // Поочье XI. С. 324—327.

Сионова М.Н., Алексеев С.К. Воздействие рекреации на уловистость представителей супертрибы Carabidae (Coleoptera: Carabidae) в условиях Калужской области // Поочье X. С. 734—739.

Сионова М.Н., Алексеев С.К., Шашков М.П. Результаты Калужского фаунистического краеведения к концу XX века // Поочье VIII. С. 290—292.

Сионова М.Н., Алексеев С.К., Шашков М.П. Краеведческая научно-исследовательская деятельность общественного экологического клуба «Stenus» // Поочье VIII. С. 292—294.

Соколова Л.А., Воронкина Н.В. Современное состояние озер Боровое и Гороженое (к вопросу о биомониторинге стариц поймы реки Жиздры) // Поочье VIII. С. 269—271.

Соловков Д.А. Хищные птицы пойм малых рек бассейна Оки // Поочье VIII. С. 345—347.

Станюкович А.К. Новый каменный метеорит Кольцово (Тарусский район Калужской области) // Поочье XI. С. 298—299.

Стрельцов А.Б. Проблемы создания системы биологического мониторинга Калужской области // Поочье VII. С. 156—158.

Сюняев Х.Х., Сюняева О.И. Особенности поведения радиоцезия в агроценозах Калужской области по истечении 10 лет после аварии на Чернобыльской АЭС // Поочье VII. С. 165—167.

Сюняев Х.Х., Сюняева О.И., Щербакова Ю.В. Использование местных ресурсов Калужской облсти

для повышения плодородия почв и продуктивности сельскохозяйственных культур // Поочье VIII. С. 255—257.

Телеганов А.А. К фауне пресноводных беспозвоночных бассейна реки Серены // Поочье IX-2. С. 253—258.

Телеганов А.А. К фауне водных беспозвоночных Яченского водохранилища // Поочье X. С. 721—730.

Телеганов А.А. Первые сведения по фауне водных беспозвоночных рек Чертовская и Черногрязка // Поочье XI. С. 336—338.

Телеганова В.В. Бриофлора урочища «Чертово Городище» // Поочье XI. С. 327—330.

Телеганова Е.А., Телеганов А.А. Результаты исследования фауны водных беспозвоночных пойменных озер реки Жиздры в 2002 году // Поочье X. С. 714—721.

Тремасова Н.А. Анализ адвентивной флоры города Ярославля // Поочье X. С. 686—692.

Тюриков Б.М., Сиволапенко В.И. Формирование типовых модулей регионального мониторинга в природно-техногенной сфере села // Поочье VIII. С. 261—262.

Фадеева Е.О. Экология грача в антропогенных ландшафтах с высоким уровнем техногенного загрязнения // Поочье VIII. С. 350—352.

Фомкина Н.А., Воронкина Н.В. Лишайники Калужской области // Поочье X. С. 662—668.

Харламов А.С., Шестакова Г.А. О возможности применения микробных тест-объектов для биомониторинга селитебных территорий // Поочье VIII. С. 259—260.

Хохлов В.В. Особенности гнездования сизого голубя (*Columba livia*) на территории города Калуги // Поочье X. С. 778—782.

Хохлов В.В., Марголин В.А. Гнездящиеся неворобьиные птицы города Калуги // Поочье XI. С. 358—362.

Хохлов В.В., Хохлова С.М. Материалы по питанию золотистой щурки (Merops apiaster L.) в юго-восточной части Козельского района // Поочье X. С. 782—784.

Червякова О.Г. Мониторинг зубров на территории заповедника «Калужские засеки» // Поочье XI. С. 371.

Червякова О.Г., Бобровский М.В. История формирования лесов заповедника «Калужские засеки» // Поочье IX-2. С. 181—189.

Чубур А.А., Краснощекова С.Д. Зубы древнего лесного слона *Palaeoloxodon antiquus* Falconer (1847) с юга Орловской области // Поочье X. С. 651—653.

Шашков М.П. Мезофауна напочвенных членистоногих широколиственных лесов заповедника «Калужские засеки» // Поочье VII. С. 170—171.

Шашков М.П. Фауна дождевых червей заповедника «Калужские засеки» // Поочье X. С. 707—709.

Шашков М.П., Алексеев С.К. Жизненные формы жужелиц (Coleoptera, Carabidae) широколиственных лесов заповедника «Калужские засеки» // Поочье VII. С. 173—175.

Швец О.В., Бригадирова О.В., Дорофеев Э.М., Склеймина А.В. Некоторые ценные орнитологические находки на Черепетском водохранилище // Поочье X. С. 774—775.

Шемораков А.В. Многолетние травы в экосистемах Калужской области // Поочье VIII. С. 257—258.

Шестаков В.М., Тихонова Н.А. Лекарственные растения Верхнего Поочья и их использование в ветеринарии // Поочье X. С. 675—679.

Шмытов А.А. Водная и околоводная флора реки Чечеры и ее притоков. Заповедник «Калужские засеки» // Поочье VII. С. 210—212.

Шмытов А.А. Заметки по флоре юго-запада Средней России // Поочье VIII. С. 280—283.

Шмытов А.А. Итоги флористических исследований водоемов на территории и в окрестностях заповедника «Калужские засеки» за 1996—2000 гг. // Поочье IX-2. С. 239—243.

Шмытов А.А., Щербаков А.В. Интересные находки во флоре водоемов Калужской области // Поочье VIII. С. 284—288.

Шмытова И.В. Новейшие находки некоторых редких видов бабочек-мешочниц (Lepidoptera, Psychidae) в Калужской области // Поочье VII. С. 179—180.

Шмытова И.В. Бабочки-мокрицы (Lepidoptera, Limacodidae) в Калужской области // Поочье VII. С. 180—181.

Шмытова И.В. Находки редких видов чешуекрылых в бассейне верхней и средней Угры (Смоленская область) — по материалам экспедиций 1997—1998 гг. // Поочье VIII. С. 308—313.

Шмытова И.В. Нолиды (Lepidoptera, Nolidae) верхней Оки // Поочье VIII. С. 316—318.

Шмытова И.В. Трофические связи чешуекрылых (Lepidoptera) бассейна верхней Оки // Поочье IX-2. С. 262—275.

Шмытова И.В. Некоторые особенности морфологии мин молей-малюток (Lepidoptera, Nepticulidae) Калужской области // Поочье X. С. 740—746.

Шмытова И.В. Новые данные по видовому составу молей-пестрянок (Lepidoptera, Gracillariidae) Калужской и Смоленской областей // Поочье XI. С. 350—353.

Щербаков А.В., Прудникова М.Л. Особенности зарастания выработанных торфяных карьеров национального парка «Орловское полесье» // Поочье VIII. С. 289—290.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово к участникам конференции Губернатора Калужской области А.Д.Артамонова....3

Приветственное слово к участникам конференции Президента АНО «Калужский научный центр» А.В.Дерягина....5

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Прошкин О.Л. История формирования археологической коллекции Калужского областного краеведческого музея....6

Зверева М.В. Западноевропейская графика XVI—XIX вв. из собрания Калужского областного художественного музея. Комплексное исследование коллекции....13

Бессонов В.А. Коллекция оружия и защитного вооружения в фондах Калужского областного краеведческого музея....20

АРХЕОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Жидков М.П., Лихачева Э.А., Массалитина Г.А. Столпицкие засеки и Столпицкие ворота (Козельские засеки) — поиски сохранившихся объектов....30

Болдин И.В., Массалитина Г.А., Бессонова Т.Ф. Белокаменные надгробия Пафнутьев-Боровского монастыря конца XV—начала XVIII вв....33

Пуцко В.Г. Средневековый перстень, найденный у Лютикова монастыря....38

Амелькин А.О. Клад джучидских монет и русских платежных слитков из собрания Воронежского областного краеведческого музея....42

Пачкалов А.В. Новые находки джучидских монет в Калужской области....43

Янишевский Б.Е. Укрепления Можайска XIII—XIV вв....45

Поляков Г.П. Древний Брын....54

Фролов А.С., Прошкин О.Л. Новые археологические находки с городища 1 в г. Тарусе....55

Фролов А.С. Таруса 4 — памятник эпохи палеометалла....59

Шмидт Е.А. О заселении кривичами верховьев Днепра и Угры....63

Меньшиков М.Ю., Янишевский Б.Е. Предметы финского облика с посада города Можайска....67

Григорьев А.В. О культурной принадлежности памятников Верхней Оки IX—XI вв....71

Патрик Г.К., Гусаков М.Г. Поселения калужского поочья в эпоху раннего железного века....73

Воронцов А.М. К вопросу о находках раннесредневековых топоров с увеличенным обухом на верхней Оке....77

Семенчук Е.С. К типологии керамических грузил для рыболовецких сетей раннего железного века....82

Модин Р.Н. Бронзовый котёл из собрания Калужского областного краеведческого музея....84

Чубур А.А., Чубур Ю.Б., Пискунов В.О. Неолитическая стоянка Стаево на верхней Десне....85

Грудинкин Б.В. Палеолитическое местонахождение около д. Некрасово....88

Барбашов Е.Р. Древнебалтская гидронимия Белевского края и археологические данные....92

Бубликов В.В. Археологические исследования на территории Боровского района Калужской области в 2005—2006 гг. (Краткий обзор)....99

Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г. П.Н.Черменский — забытое имя в истории курского краеведения....102

Столяров Е.В. Тенденции развития баз данных (БД) в археологии....105

Нечаева А.А., Широков В.Н. Археологические памятники и экскурсионная деятельность....108

Массалитина Г.А. Программа Национального парка «Угра» по изучению остатков Козельских засек....109

Янишевский Б.Е., Балашов А.Ю. О результатах регулярных наблюдений за земляными работами в городе Можайске....114

ИСТОРИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Полякова С.Г. Верховские княжества в контексте русско-литовских династических связей второй половины XIII—XIV вв....121

Беспалов Р.А. О сыновьях князя Романа Семеновича Новосильского....124

Савосичев А.Ю. Отцы и дети: к вопросу о наследовании социального статуса в среде дьяков второй половины XV в....129

Васильева З.В. Село Белкино и его владельцы в конце XV—начале XVII вв....132

Митрошенкова Л.В. Из истории генерального межевания Малоярославецкого и Боровского уездов....136

Бессонов В.А., Добычина М.А., Иванов В.А. Памятники Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской области....139

Иванов В.А. Имущественное положение чиновников-дворян в системе местных органов власти и управления России середины XIX в....148

Минаков А.С. Практика издания орловскими губернаторами обязательных постановлений на рубеже XIX—XX вв....150

Курнова Н.А. К вопросу о судебной деятельности земских начальников (на материалах Орловской губернии)....152

Цуканов А.В. Влияние географического фактора на деятельность Орловского отделения Крестьянского поземельного банка (1886—1913 гг.)....156

Лебедев А.Г. Использование трудовой помощи в Калужской губернии накануне и в период Первой мировой войны для поддержания социальной стабильности....159

Штепа А.В. Общества вспомоществования недостаточным учащимся и учащим и их роль в развитии благотворительности в Калужской губернии в конце XIX—начале XX вв....162

Назарян Е.А. Из истории Малоярославецкой земской больницы....164

Сосновская И.А. Состояние медицинского обслуживания населения Орловской губернии в середине XIX в....168

Красин В.М. Кавказские ссыльные второй половины XIX—начала XX вв. по материалам региональных архивов: перспективы и задачи исследования....171

Абакулов В.И., Абакулова Т.И. Семья генерал-лейтенанта И.С.Дорохова и Калужский край....174

Бовкало А.А. Трагическая судьба рода Джунковских....180

Пионтковская Ю.Е. Мемуарное наследие М.Н.Билибиной....185

Кожевникова Н.И. Золотаревы в Калуге: материалы по генеалогии....190

Кислицына М.В. Род калужских купцов Терениных....196

Зиновкина Н.В. К истории Калужского губернского исторического архива....200

Кандидов А.В. Дугненский завод....204

Андреева В.А. История Пятницкого кладбища города Калуги....208

Белова И.Б. Снабжение тыла: жизнь провинции в условиях дефицита (1914—февраль 1917 гг.). По материалам Калужской и Орловской губерний....212

Ульянов А.И. Изучение истории Угодского края в первое советское десятилетие....220

Леонтьев Я.В. «Калужское дело» Ирины Каховской (по материалам Центрального архива ФСБ России)....223

Гончарова И.В. Коллективные хозяйства Орловской губернии накануне коллективизации....230

Шиенко Т.П. Калужская деревня накануне сплошной коллективизации 1927—1929 гг....233

Ефимова И.Л. Дети Испании на обнинской земле: история вопроса, новые данные....237

Писаренко И.С. В северо-западной партизанской зоне Калужской области....242

Чеченков К.В. Партизанская повседневность в годы Великой Отечественной войны....247

Павлишак Е.Н. Личные фонды работников промышленности конца XIX—первой половины XX в. в собрании Калужского областного краеведческого музея....250

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Панфилов А.Ю. О журнале «Корабль», выходившем в Калуге в 1922—1923 гг....252

Роянова Г.И. Николай Николаевич Кружков. К 90-летию газеты «Коммуна»....255

Абакулов В.И. История церкви Николая Чудотворца в селе Недоходове Мещовского уезда....259

Лошкарева Н.П. Строительство нового храма Успения Пресвятой Богородицы в с. Ворсино Боровского уезда (1900—1911 гг.)....266

Личенко С.И. Портреты К.В. Барду в собрании Калужского областного художественного музея: опыт искусствоведческого исследования....269

Гужова И.В. Новые данные о коллекции В.А. и Е.П. Ярошенко из усадьбы Павлищево....275

Марченко Н.В. Восковые фигурки из Полотняного Завода. К истории создания....279

Марченко Н.В. К истории парков Полотняного Завода....283

Суворова Е.В. У истоков музейного дела в Тарусе (1920-е гг.)....290

Кащеева А.А. «Ваш рыцарь и друг». (М.К. Морозова в судьбе и творчестве Андрея Белого)....294

Салахова Н.В. Вера и Сергей Толстые — потомки великого писателя.....299
Сафонова Г.Б. Традиционная калужская крестьянская свадьба по письменным и вещественным источникам.....302
Рябова А.А. Из истории крестьянского костюма Жиздринского уезда Калужской губернии (середина XIX — середина XX вв.).....308
Васильева Е.И. Некоторые особенности традиционного женского костюма Юхновского уезда Смоленской губернии (конец XIX — начало XX вв.).....311
Чернышов С.В. Крестьянские сходы в Калужской губернии (по материалам «Этнографического бюро» В.Н. Тенешева).....315
Комова М.А. Иконопись Верхнего Поочья и Подесенья (в границах Верховских княжеств) в эпоху позднего средневековья.....319
Пуцко В.Г. Житийные иконы святых воинов из Калужской церкви Преображения «Под горой».....326
Патрик Г.К. Сказка о Кощее Бессмертном. (Смерть Кощея Бессмертного: сюжет и смысл обряда).....333
Лепихова Н.И. Народная песня в Пеневичах.....337
Наумова Г.А. Штрихи к портрету. А.А. Писарев.....339
Калашникова Л.В. Салиас-де-Турнемир Елизавета Васильевна в Калужской губернии.....343
Горлов В.П. Миф о бедности Пришвиных.....345
Якунина Е.В. Единство этики и поэтики М.А.Осоргина.....350
Балашова Е.А. «Согласованость мира»: природа в лирике Глеба Семенова.....353
Маст И.И. Работа со школьниками в музее крестьянского быта.....358
Добычина М.А. Вклад Калужской региональной общественной историко-краеведческой организации «Добрая воля» в дело сохранения историко-культурного наследия (к 20-летию создания организации).....362

ПРИРОДА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Новиков В.П. К вопросу о развитии сети особо охраняемых природных территорий Калужской области.....365
Котуранов Л.А. Различие концептуальных подходов в информационной экологии.....368
Есипов В.П. Калужский кратер.....371
Жидков М.П., Лихачева Э.А., Евина А.И. Особенности процессов образования карстовых воронок на территории Столпицкой засеки (Калужская область, Козельский район).....374
Чубур А.А. О судьбе филетической линии *Mammathus* в бассейне верхней Десны.....377
Меленчук В.И. Естественные выходы подземных вод Калужской области: изученность, состояние и перспективы использования.....379
Косицкий А.Г., Ветрова Е.И., Гречушникова М.Г., Мосина Е.С. Особенности гидрологического режима водных объектов, находящихся в пределах НП «Угра».....382
Волкова Е.М. Направления использования и последствия освоения болот в Тульской области.....385
Калиниченко И.М. Архивные материалы по флоре Средней России в контексте их введения в научный оборот.....389
Решетникова Н.М., Шмытов А.А., Крылов А.В. Вклад В.Д. Луганского в изучение флоры Калужской области (по материалам гербария Калужского областного краеведческого музея).....392
Астахова Л.А., Воронкина Н.В., Щетинина С.А. Сапролегниевые грибы стоячих водоемов Калужской области.....396
Воронкина Н.В., Дворянчикова Е.Н. К флоре водорослей старицы Резванское (Хохловское), расположенной в пойме р. Жиздры.....397
Телеганова В.В. Первые сведения о флоре мхов Калужско-Алексинского каньона реки Оки.....401
Ермакова И.Н., Сугоркина Н.С. Флора и растительность Залидовских лугов реки Угры в Калужской области.....404
Егорова В.Н. Флора пойменной экосистемы средней Оки (Дединовское расширение) и ее современное состояние.....408
Зорин А.А. Дендросад в городе Жиздре. Дендрологическое обследование.....412
Евстафьева Л.А. Некоторые результаты биомониторинга территории Калужской области по стабильности развития березы бородавчатой в 2006 г.....415

Крылов А.В., Решетникова Н.М., Шестакова Г.А., Воронкина Н.В. О проекте «Черная книга Калужской области».....416
Решетникова Н.М., Крылов А.В. Об «окской флоре» Калужской области.....421
Алексанов В.В. Биоразнообразие и структура группировок модельных групп хортобионтов долины р. Вытебети.....425
Алехан И.Е., Казанников Е.А. Эколого-систематический обзор личинок поденок (Insecta, Ephemeroptera) Калужской области и их значение в биоиндикации водоемов.....430
Телеганов А.А., Чернова Г.В. Мониторинг экологического состояния пойменных озер Верхнего Поочья.....435
Голубева Г.В. Новые данные к апидофауне (Hymenoptera, Apoidea) Калужской области.....440
Шмытова И.В. Epiplemidae — новое семейство Lepidoptera для Калужской области.....443
Булеза В.В. Совки (Lepidoptera, Noctuidae) — вредители сельскохозяйственных культур — в северных районах Калужской области.....445
Марголин В.А., Сорокина Я.В., Короткова М.В. К изучению ихтиофауны водоемов города Калуги.....448
Бригадирова О.В. Редкие виды птиц поймы р. Оки на территории Тульской области.....452
Швец О.В. Некоторые особенности распределения и экологии ушастой совы в населенных пунктах Тульской области.....453
Кутьин С.Д., Константинов В.М. К разнородности биотопических связей гнездовых популяций птиц в лесо-луго-полевых ландшафтах Мещовского ополья.....456
Рогуленко А.В., Марголин В.А. Современное состояние численности русской выхухоли в пойме Жиздры.....460

Сокращения.....463
Библиографический список статей, опубликованных в сборниках I—XI научных конференций.....464

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

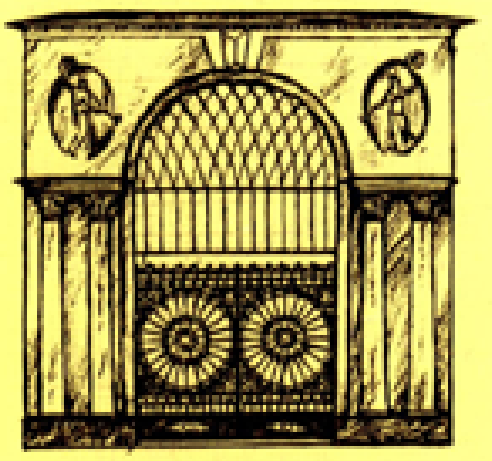
Материалы XII Всероссийской научной конференции 3—5 апреля 2007 г.

Технический редактор Шмытова И.В.
Макетирование Бессонов В.А., Шмытова И.В.

Подписано к печати 25.04.2008 г. Формат 60x84/8.
Объем 61 п. л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Заказ №806

Издательство «Полиграф-Информ» ИД № 01739 от 11.05.2000.

Отпечатано в ООО «Полиграф-Информ»
ПЛД № 42-17 от 16.09.98.
248021, г. Калуга, ул. Московская, 247. Тел.: 55-99-31

Калужский областной краеведческий музей
Калуга, ул. Пушкина, 14